ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Памяти защитников
Отечества посвящается

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ

В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

МОСКВА
КУЧКОВО ПОЛЕ
2015

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ

ТОМ ВТОРОЙ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И НАЧАЛО ВОЙНЫ

М О С К В А
КУЧКОВО ПОЛЕ
2 0 1 5

УДК355/359
ББК63.3(2)62
В26

Редакционная комиссия второго тома:

В. А. Золотарёв (председатель),
А. М. Соколов (заместитель председателя), Н. В. Илиевский,
А. А. Кокошин, В. Г. Куликов, Ю. В. Рубцов, А. А. Саркисов, Е. П. Челышев

Авторский коллектив второго тома:

А. М. Соколов (руководитель авторского коллектива), П. И. Вещиков, В. А. Золотарёв, В. П. Зимонин, А. В. Исаев, Г. Ф. Кривошеев, Е. Н. Кульков, В. Р. Мединский, М. Ю. Мягков, Ю. А. Никифоров, А. А. Падерин, В. О. Печатнов, Ю. А. Поляков, О. А. Ржешевский, Ю. В. Рубцов, С. А. Тюшкевич, Д. Н. Филипповых, Н. Я. Шепова

При участии:

В. А. Афанасьева, В. С. Ашарина, В. П. Баранова, В. В. Белякова, П. Д. Бурикова, В. П. Григоренко, А. М. Демидова, Н. В. Илиевского, М. Н. Кожевникова, Ю. В. Кожухова, И. А. Козлова, Е. А. Козловского, Г. А. Куманева, С. А. Липатова, В. К. Лужеренко, С. В. Магаевой, Б. И. Невзорова, А. С. Омельченко, А. С. Орлова, А. А. Павликова, В. Г. Реданского, В. Б. Симоненко, А. И. Смирнова, Д. В. Суржика, В. И. Фесенко, Б. П. Фролова, Д. Б. Хазанова, А. Г. Шляхтунова, М. В. Яновича

Помощь авторскому коллективу в научно-организационной и научно-контрольной работе по тому оказали: Д. М. Агаева, Т. В. Анисимова, Н. И. Бритвин, О. В. Власов, М. И. Горелов, И. С. Даниленко, М. А. Елисеева, С. В. Запорожцева, Г. Э. Кучков, Д. И. Крылов, Г. А. Малахов, А. Г. Нещасный, Р. Г. Носов, В. С. Параскевов, М. С. Полянский, М. А. Селиванов, С. Б. Страшко, А. В. Тимченко, И. А. Федорченко, В. И. Фролов, А. Т. Хабалов, В. С. Хмельников

В26 **Великая Отечественная война 1941–1945 годов:** в 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. — Изд. доп. и испр. — М.: Кучково поле, 2015. — 864 с., 24 л. ил., ил.

ISBN 978-5-9950-0236-9

Второй том посвящен предыстории нападения нацистской Германии на СССР 22 июня 1941 г. и событиям первых трех месяцев Великой Отечественной войны. Обстоятельно анализируются фашистские планы установления мирового господства и уничтожения Советского Союза, непоследовательный характер предвоенной политики демократических стран Западной Европы и США. Том содержит большой фактический материал о подготовке СССР к отпору фашистской экспансии. Раскрывается весь драматизм обстановки, в которой оказалась наша страна, подвергшаяся неспровоцированной агрессии, показываются самоотверженность и героизм воинов Красной армии, сорвавших гитлеровский план «молниеносной войны». Представлена картина преображения Советского Союза в единый военный лагерь, поворота всего общества от мира к ведению войны в защиту Родины и ее святынь.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей Отечества.

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-9950-0236-9

Предисловие

Том «Происхождение и начало войны» посвящен одной из наиболее сложных проблем Великой Отечественной войны — предыстории нападения 22 июня 1941 г. нацистской Германии на СССР, поражению советских Вооруженных сил в приграничных сражениях и самоотверженной защите народами Советского Союза своей Родины в первые месяцы войны. Хронологически том охватывает события судьбоносного значения не только для России, но и для всего мира.

Руководствуясь концепцией фундаментального многотомного труда, авторы тома рассматривают войну как сложнейшее многофакторное явление, в связи с чем объектом освещения в томе стало не только вооруженное противоборство на сухопутных и морских театрах военных действий, но и все другие стороны войны — политическая, экономическая, социальная, духовная, идеологическая.

В отличие от всех предшествующих войн, Великая Отечественная война стала особым состоянием общества, которое потребовало кардинальной перестройки всех сфер жизни и вызвало необходимость превратить страну в единый военный лагерь. Основным проявлением такого особого состояния стало подчинение деятельности государственных и общественных организаций, экономики, науки, духовной сферы, всей жизни народа интересам ведения справедливой войны в защиту Отечества. Фронт и тыл стали единым целым, вооруженная борьба на фронте, действия партизан и подпольщиков приобрели определяющее значение, экономика работала преимущественно на нужды Вооруженных сил. Резкие перемены произошли в политической сфере, существенно возросло значение организаторской деятельности государства, правящей коммунистической партии.

Испытания, которым подверглась наша страна, проверили на прочность советское государство и общество. Большинство советских людей воспринимали существующий в СССР социально-политический строй в качестве законного, поэтому они сплотились во имя защиты социальных идеалов и жизненных ценностей, которые подавляющему большинству были понятны и близки. В связи с этим, как показано в томе, тщетными оказались расчеты врага деморализовать советское общество, расколоть и тем самым ослабить его. В то же время очевидно, что некоторая часть советского населения не проявила должного патриотизма и даже пошла на сотрудничество с германским оккупационным режимом. Авторы не уходят от ответа на вопрос о причинах таких явлений, увязывая их с особенностями и противоречиями предвоенного развития страны — правовыми ограничениями отдельных категорий граждан по принципу социального происхождения, массовыми нарушениями законности со стороны государства, тоталитарным характером политического режима, недостаточным уровнем нравственного и культурного развития отдельных социальных групп.

Содержание тома призвано на уровне современных научных знаний дать читателям ответы на ряд других острых и дискуссионных вопросов. Можно ли было предотвратить Вторую мировую войну, а затем и нападение Германии на СССР? Почему сегодня усилились

попытки обвинить нашу страну в развязывании войны и представить советских воинов захватчиками и насильниками? Как объяснить поражения первых месяцев войны и огромные людские потери? Почему часть пленных и населения оккупированной территории вступила в сотрудничество с врагом? Каковы основы материальных и духовных сил народа, совершившего на фронте и в тылу исторический подвиг в борьбе с захватчиками?

Актуальность рассматриваемых проблем обусловлена также их взаимосвязью с более глубоким рассмотрением причин Второй мировой войны, которые, особенно в последние годы, являются объектом неприкрытой фальсификации в ущерб интересам России.

Источниковедческая база рукописи включает многие ранее неизвестные или полузабытые документы из отечественных и зарубежных архивов. Структура труда является развитием содержания соответствующих глав и разделов 1-го тома «Основные события войны» и делится на две части: «Происхождение войны» и «Война», которые включают тематические блоки: «У истоков войны», «Начало Второй мировой войны и политика СССР», «СССР накануне нападения Германии», «Вступление советского народа в борьбу с фашистским нашествием», «Итоги первых месяцев войны».

В томе представлен взгляд на Великую Отечественную войну как на часть мировой истории. Ее генезис и события первых трех месяцев войны рассматриваются с учетом тенденций мирового развития предыдущих десятилетий, разделивших две мировые войны. Под этим углом зрения Великая Отечественная война также рассматривается как важнейшая составная часть Второй мировой войны.

Будучи справедливой и освободительной, Великая Отечественная война придала такой же характер и Второй мировой войне в целом. Авторы труда исходят из убеждения, что политика западных демократий на начальном этапе Второй мировой войны проводилась, прежде всего, в их собственных узкокорыстных интересах. Лишь вступление Советского Союза в противоборство с нацистской Германией заставило правящие круги западных стран отказаться от примитивной эгоистической политики, изменить идеологию и практику ведения войны с гитлеризмом. Осознание страшной опасности, нависшей над всей человеческой цивилизацией, способствовало образованию широкого международного фронта борьбы с агрессором, воплотившегося в создание антигитлеровской коалиции и совместную борьбу Объединенных Наций с нацизмом и милитаризмом.

Именно вступление СССР в непосредственное противоборство с нацистской Германией показало, что в войне с силами фашизма и милитаризма за свободу, демократию и мир народы разных стран способны встать над геополитическими, классовыми, идеологическими и другими противоречиями, объединиться против общего врага.

Читатель обратит внимание на новизну в рассмотрении вопросов политики и дипломатии накануне войны, расчетов и просчетов советского руководства, роли разведки, деятельности органов госбезопасности, мобилизации сил страны на отпор врагу, поведения человека в условиях перехода от мира к войне.

При освещении истории происхождения войны в томе раскрывается взаимосвязь политики милитаризма и фашизма. Показано, что германский фашизм (национал-социализм) явился наиболее воинственной реакцией на геополитические итоги Первой мировой войны. Он развязал Вторую мировую войну и был главной движущей силой блока агрессоров, стремившегося к уничтожению СССР и угрожавшего порабощением человечества.

В книге обстоятельно анализируются фашистские планы завоевания мирового господства и нападения на Советский Союз, непоследовательный характер предвоенной политики демократических стран Западной Европы и США. Том содержит большой фактический материал о подготовке СССР к противодействию экспансионистским планам Германии, разработке Генеральным штабом планов отражения агрессии, ведения оборонительной войны. В книге показано, что советское руководство своевременно оценило Германию как главную военную опасность.

Приведено немало новых фактов и альтернативных оценок предвоенного политического кризиса, договоров между СССР и Германией, заключенных в 1939 году, внешней политики

страны накануне войны, подготовки Германии и ее союзников к нападению на СССР. Все это способствует лучшему пониманию условий возникновения Великой Отечественной войны в ходе Второй мировой войны, уяснению того непреложного факта, что фашистская Германия осуществила неспровоцированную агрессию против СССР. Советский народ ответил на это Великой Отечественной войной, поддержанной Великобританией, Соединенными Штатами Америки, мировыми демократическими силами.

Уделяется значительное внимание истории разработки плана «Барбаросса» и генерального плана «Ост», в соответствии с которыми нацистами велась истребительная война против народов Советского Союза, осуществлялась преступная политика расового геноцида.

В томе раскрывается роль морального фактора в ведении справедливой отечественной войны, обеспечении единства фронта и тыла. Показаны источники духовной стойкости советских людей, роль и место дружбы народов, интернационализма, патриотизма, связи поколений в борьбе с фашизмом за свободу своей Родины.

Значительная часть тома посвящена событиям первых месяцев войны, драматизму обстановки, которая сложилась на фронте и в тылу нашей страны, подвергшейся внезапной агрессии. Рассказывается об отступлении Красной армии, ее больших потерях, героической самоотверженной борьбе и о том, как в неимоверно тяжелых условиях удалось решить главную для начала войны стратегическую задачу — сохранить основные силы Красной армии и сдержать наступление врага. Раскрывается самоотверженность и героизм воинов, их мужество и воинский подвиг, способствовавший срыву гитлеровского плана молниеносной войны. Представлена картина преображения Советского Союза в единый военный лагерь, поворота всего общества от мира к ведению войны в защиту Родины и ее святынь. Раскрыто осуществление плана эвакуации предприятий промышленности и сельского хозяйства, учреждений науки и культуры с запада на восток, анализируются причины незавершенности в подготовке страны и армии к войне, поражения советских войск в приграничных сражениях.

Несмотря на всю трагичность начального этапа Великой Отечественной войны, авторы отмечают, что главных целей блицкрига — выйти на линию Волга — Астрахань Гитлеру достичь не удалось. Конечно, к середине июля, когда завершился начальный период войны, продолжавшийся 18 суток, агрессор добился крупных результатов. Латвия, Литва, значительная часть Эстонии, Белоруссии, Украины и Молдавии оказались под оккупацией.

Враг глубоко вторгся в пределы СССР. В фашистскую неволю попали около 23 млн советских людей. Страна лишилась многих промышленных предприятий и посевных площадей с созревающим урожаем. Создалась прямая угроза Ленинграду, Смоленску, Киеву. Лишь в Заполярье, Карелии и Молдавии продвижение противника пока было незначительным. Германское руководство считало, что первый этап плана «Барбаросса» выполнен успешно: их войска вышли, как планировалось, на линию рек Днепр — Западная Двина. Но и стало очевидным, что в отведенный срок, 2–3 месяца, война с СССР не закончится и не будет иметь ничего общего с молниеносными кампаниями гитлеровцев в западных странах.

Материалы тома достоверны, излагаются, исходя из принципа историзма, позволяют извлекать из прошлого поучительные уроки для настоящего и будущего России. Тем самым реализуется концепция труда, созданная Главной редакционной комиссией.

Труд разработан через 70 лет после начала войны, когда с распадом СССР — главной силы, сокрушившей нацистскую Германию и ее союзников, формируется новая историческая эпоха, произошли перемены в массовом сознании, во многом изменилось отношение различных политических и общественных сил к событиям войны вплоть до объявления нашей страны ее виновником. В постсоветской России выросли новые поколения, которые что-то знают о войне, о победе над фашизмом из воспоминаний родных и близких, кино, литературы, радио и телевидения, но не имеют представления о войне в целом, ее смысле, значении для России и мировой истории.

Правдивая история нашей страны рассматривается авторским коллективом как один из краеугольных камней возрождения гражданского самосознания народа и формирования

национальной идеи, отвечающей требованиям современного этапа развития страны, ее духовной основой.

Авторы тома также решают важную задачу по отстаиванию исторической правды о войне. Они не могли не учитывать то, что на протяжении всего послевоенного времени события Великой Отечественной войны, особенно ее предыстория и начальный период, являются предметом острого идеологического противостояния в отечественной и мировой историографии, подвергаются ухищренным искажениям, тенденциозности, а подчас и открытой злонамеренной лжи. В мировой истории не было ни одной войны, которая не подвергалась бы фальсификации, но попытки извратить историю Великой Отечественной достигли невиданных масштабов. Развернувшиеся в последние годы процессы, связанные с переосмыслением событий прошедших лет, поисками путей обновления исторического знания о минувшей войне, зачастую сопровождаются проявлениями нигилизма и антиисторизма.

Попыткам фальсификаторов возложить на СССР равную с нацистской Германией ответственность за развязывание Второй мировой войны, активно распространяемым мифам, в частности о превентивном характере войны со стороны Германии и ее сателлитов, их стремлении «спасти мировую цивилизацию от смертельной опасности большевизма», авторы противопоставили сумму достоверно установленных фактов, они подкрепляют свои суждения большим числом документов, вновь введенных в научный оборот и не оставляющих под фальсификациями и мифами какой-нибудь основы.

Труд подготовлен научными сотрудниками Академии внешней разведки, Академии военных наук, Академии ФСБ, Военного университета МО РФ, Военной академии Министерства обороны РФ, Института всеобщей истории РАН, Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, Института российской истории РАН, Института славяноведения РАН, Института экономики РАН, Историко-документального департамента МИД РФ, Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербургского государственного университета и других научных и образовательных учреждений.

Редакционная комиссия и авторский коллектив тома выражают благодарность сотрудникам отечественных архивов, Военно-научного комитета ВС РФ, Научно-исследовательского отдела научного руководителя труда, Центрального музея ВС РФ за оказанную помощь в подготовке тома и предоставленные материалы.

У ИСТОКОВ ВОЙНЫ

От Версаля до Мюнхена. Нарастание противоречий в Европе

11 ноября 1918 г. на рассвете в Компьенском лесу во Франции близ станции Ретонд состоялось подписание соглашения о перемирии между Германией, с одной стороны, и Антантой — с другой. Условия перемирия были продиктованы главнокомандующим союзными войсками на Западном фронте французским маршалом Ф. Фошем и подписаны министром иностранных дел Германии М. Эрцбергером. Так закончилась Первая мировая война 1914–1918 гг., продолжавшаяся четыре года три месяца и 10 дней. В тот же день в 11 часов по Гринвичу в столицах противников Германии прозвучал артиллерийский салют в 101 залп.

Закончившаяся война носила коалиционный характер — велась ожесточенная борьба между двумя коалициями за передел мира. Одна из них — Четверной союз во главе с Германией, включавший Австро-Венгрию, Турцию и Болгарию. Ему противостояла Антанта — Великобритания, Франция, Россия, а также Япония, Сербия, к которым позднее примкнули Румыния, США, Китай и еще ряд стран. В ней ведущую роль играли Великобритания, Франция и Россия (до начала революции 1917 г.), а также США (с весны 1917 г.). Компьенское перемирие, таким образом, затронуло судьбы многих стран. Оно действовало до созыва Парижской мирной конференции, которая открылась 18 января 1919 г. и закрылась 21 января 1920 г. В ходе конференции 28 июня 1919 г. в Версале, пригороде Парижа, был подписан мирный договор с Германией, получивший название Версальского мира. В работе Парижской конференции приняли участие представители 27 государств, которые вели войну на стороне Антанты или разорвали с Германией дипломатические отношения. Основную роль в разработке версальских документов играли главы трех наиболее мощных государств — победителей в войне: премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж, премьер-министр Франции Ж. Клемансо и президент США В. Вильсон.

Представителей держав-победительниц, собравшихся в Париже, объединяла общая цель: низвержение своего самого сильного конкурента — Германии. При подготовке мирного договора с ней в предместье Парижа Версале они не учитывали, что имеют дело уже не с кайзеровской Германией, а с Веймарской республикой, возникшей в результате ноябрьской революции 1918 г. Они не задавались и вопросом о том, что навязанный ими правительству молодой республики унизительный Версальский мирный договор неизбежно подорвет авторитет этого правительства среди немецкого народа, укрепит позиции правых оппозиционных сил, выступавших за ликвидацию в стране демократических преобразований, восстановление авторитарной формы правления и подготовку к военному реваншу.

Подписание Версальского мирного договора. 28 июня 1919 г.

Вместе с тем новое германское правительство во главе с правым руководством Социал-демократической партии Германии (СДПГ) с победителями роднила солидарность в борьбе с левыми силами. До начала и во время Парижской конференции оно вело беспощадную борьбу против массы революционно настроенных рабочих и солдат, выступавших за установление в Германии такой же, как в России, советской власти. За это германское правительство рассчитывало получить согласие Антанты на достойный мирный договор. Но эта иллюзия рассеялась, когда 7 мая 1919 г. стали известны предъявленные Германии условия мира. Они были расценены и правительством, и всеми немцами как неприемлемые. Но голод, царивший в Веймарской республике в результате ее блокады, и угроза возобновления войны в конце концов вынудили Национальное собрание Веймарской республики большинством голосов дать согласие на подписание мирного договора. 28 июня 1919 г. министр иностранных дел Г. Мюллер (СДПГ) и министр почты И. Белл (партия Центра) поставили в Версальском дворце свои подписи под предъявленным мирным договором. Это дало повод правым консервативным силам Германии объявить политические партии, которые выступали за сохранение и укрепление демократических преобразований в стране, предателями национальных интересов.

Собравшиеся на Парижской конференции представители держав-победительниц, для того чтобы оправдать крайне жесткие условия мира Германии, возложили на эту страну

всю ответственность за гибель миллионов людей и огромные материальные потери в войне 1914–1918 гг. Германия была обязана выплачивать огромные репарации. Ей было отказано в праве участвовать в работе Парижской мирной конференции и в праве на вступление в Лигу Наций. Продиктованные ей условия мирного договора выглядели как суровый, не подлежащий пересмотру приговор.

По Версальскому договору Германия лишалась всех своих колониальных владений, 10 % населения и 13 % ее довоенной территории. Эльзас и Лотарингия отошли к Франции, Северный Шлезвиг — к Дании. Бельгия получила округа Эйпен и Мальмеди, а также область Морене. Польскому государству были переданы большая часть территории провинций Познань и Западной Пруссии, а также небольшие территории в Померании, Восточной Пруссии и Верхней Силезии. В пространстве, отделявшем Восточную Пруссию от остальной Германии, был создан так называемый польский коридор. Данциг, населенный немцами, был объявлен «вольным городом» под управлением Лиги Наций, а богатая каменным углем Саарская область на 15 лет передана под контроль Лиги Наций. На западной германской границе левобережье Рейна оккупировали войска Антанты, а на его правом берегу была создана демилитаризованная зона шириной до 50 км. В то же время система укреплений на восточной и северной границе Германии осталась практически без изменений.

Вопреки намерению нового германского руководства сохранить после демобилизации довольно крупные вооруженные силы, в которых в середине 1919 г. насчитывалось 422 тыс. человек, Версальским мирным договором было предписано, чтобы численность германских сухопутных войск не превышала 100 тыс. человек, а военно-морских сил (ВМС) — не более 15 тыс. В сухопутных войсках не должно было быть более 7 пехотных и 3 кавалерийских дивизий, а ВМС не могли включать в себя более 6 линкоров (водоизмещением 10 000 т), 6 легких крейсеров (6000 т), а также 12 эсминцев (800 т) и торпедных катеров (200 т). Германский генеральный штаб был ликвидирован, всеобщая воинская обязанность была отменена. Теперь германские вооруженные силы — рейхсвер должны были состоять только из служащих на контрактной основе офицеров, младших командиров и солдат. Кроме того, Германии запрещалось иметь тяжелую артиллерию, танки, военно-воздушные силы, подводные лодки и химическое оружие. Такие крошечные армия и флот Германии были не в состоянии обеспечить оборону страны[1].

Аналогичным образом Антанта поступила и с бывшими союзниками Германии — Австрией, Венгрией, Болгарией и Турцией. По Сен-Жерменскому договору от 19 сентября 1919 г. Австрии было запрещено объединение с Германией, часть ее Южного Тироля была отдана Италии, Буковина — Румынии, а Чехия и Моравия — новому чехословацкому государству. Армия Австрии была сокращена до 30 тыс. человек, а флот отобран союзниками[2].

По Нёйискому договору от 27 ноября 1919 г. Болгария передала часть своей территории Королевству сербов, хорватов и словенцев (Цариброд, Босилеград, Струмица). Под властью Румынии оставалась Южная Добруджа, переданная ей по Бухарестскому миру 1913 г. Отторгнутая от Болгарии Западная Фракия была оккупирована союзными державами и в 1920 г. отдана Греции. Численность болгарской армии сокращалась до 20 тыс. человек[3].

По Трианонскому договору от 4 июня 1920 г. Венгрии было предписано передать Королевству сербов, хорватов и словенцев Хорватию, Бачку и западную часть Баната, Румынии — Трансильванию и восточную часть Баната. Численность венгерской армии не должна была превышать 35 тыс. человек[4].

По Севрскому договору от 10 августа 1920 г. был проведен раздел между победителями провинций Османской империи. Большая их часть досталась Великобритании. Под ее управление перешли Палестина, Трансиордания и Ирак. Франции достались Сирия и Ливан. Турция была лишена также своих владений в Африке и на Аравийском полуострове. К Греции отошли Восточная Фракия, европейский берег Дарданелл, Галлиопольский полуостров и Измир (Смирна). Мраморное море и Босфор объявлялись открытыми для всех судов как в мирное, так и в военное время. Численность турецкой армии не должна была превышать 50 тыс. человек. Союзники оставили за собой право на вмешательство во внутренние дела Турции.

По Севрскому мирному договору Турция фактически лишалась своей независимости и должна была стать полуколонией западноевропейских держав. Условия этого договора были продиктованы правительству последнего султана Мехмеда VI Вахидедина в занятом английскими войсками Стамбуле. Но к тому времени в Турции уже появились и заявили о себе патриотические, национально-освободительные силы. Опираясь на их поддержку, созданное в апреле 1920 г. в Анкаре правительство во главе с генералом М. Кемалем категорически отвергло Севрский договор. В обмен на незначительные уступки оно добилось его пересмотра и восстановило суверенитет Турции в ее современных границах, который был зафиксирован Лозаннским мирным договором от 4 июля 1923 г.[5]

В результате территориального передела в Европе в 1919–1920 гг. до 17 млн человек были вынуждены поменять свое гражданство. Вопреки своей воле они оказались национальными меньшинствами в государствах, которые в годы войны воспринимались ими как противники. В таких новых государствах, как Польша, Чехословакия и Королевство сербов, хорватов и словенцев, среди населявших их славянских народов не было единства. Они отличались друг от друга уровнем политического и экономического развития, культурой и вероисповеданием. Среди немцев Германии, Австрии, а также тех областей, которые были включены в состав Чехословакии, в Балканских странах и Италии, напротив, была широко распространена пангерманская идея об объединении всех немцев в рамках единого германского государства. Все это создавало благоприятную почву для возникновения этнических конфликтов, сепаратистских и ирредентистских движений, а также межгосударственных территориальных споров.

Созданная 28 апреля 1919 г. на Парижской мирной конференции Лига Наций формально была создана для предупреждения международных конфликтов. В статьях 9–17 ее устава рассматривались вопросы международной безопасности. Так, в статье 10 говорилось: «Члены Лиги обязуются уважать и сохранять против всякого внешнего нападения территориальную целостность и существующую политическую независимость всех членов Лиги». В статье 16 предусматривалось применение участниками Лиги коллективных экономических, финансовых и военных санкций против тех государств, действия которых будут признаны как агрессия[6]. Фактически же эти статьи предназначались для того, чтобы не допустить неподконтрольного державам-победительницам изменения установленного ими послевоенного порядка в Европе и мире. Поэтому Устав Лиги Наций был включен в качестве составной части текста Версальского мирного договора. Разъяснения понятия «агрессия» в уставе не было, что позволяло его произвольно трактовать в интересах держав-победительниц и создавало угрозу прежде всего тем государствам, которые не были приняты в Лигу Наций и не могли повлиять на ее решения.

Следует отметить, что среди победителей не было полного единства в оценке результатов работы Парижской мирной конференции. Версальским мирным договором не удовлетворена была Италия, хотя она и относилась к числу победителей. Ее руководство чувствовало себя ущемленным тем, что «недополучило» многое из обещанного ему Великобританией и Францией по Лондонскому договору от 26 апреля 1915 г. за вступление в войну на стороне Антанты. Оно считало себя обманутым и обделенным, так как остались не удовлетворенными его претензии на участие в дележе германских колониальных владений в Африке и не оправдались расчеты на новые территориальные приобретения за счет Албании, а также части южнославянских земель, входивших ранее в состав Австро-Венгрии. Уже в апреле 1919 г. отряд итальянских националистов захватил хорватский город-порт Риеку (Фиуме) и удерживал его до ноября 1920 г., пока под давлением Лондона и Парижа не было подписано итало-югославское соглашение о превращении Риеки в «свободный город».

Соединенные Штаты Америки, не реализовав в Париже своих претензий на роль мирового лидера, отказались от членства в Лиге Наций и ратификации Версальского мирного договора. 21 августа 1921 г. они подписали двусторонний мирный договор с Германией, который положил конец состоянию войны между двумя государствами и предусматривал урегулирование их правовых и имущественных отношений на основе принципа наибольшего благоприятствования[7].

Послевоенный передел мира, начатый на Парижской мирной конференции, был завершен на Вашингтонской международной конференции (12 ноября 1920 г. — 6 февраля 1922 г.). Она была созвана по инициативе США, которые после Парижской мирной конференции решительно взяли курс на укрепление и расширение своих позиций в конкурентной борьбе с бывшими союзниками за расширение сфер влияния на Тихом океане и в Китае. На созванной ими международной конференции они добились заключения договора четырех держав (США, Великобритании, Франции и Японии) о взаимной гарантии неприкосновенности их островных владений в Тихом океане. Затем под давлением США был подписан договор «Об ограничении морских вооружений» пяти держав (США, Великобритании, Японии, Франции и Италии). Он устанавливал соотношение тоннажа линейных кораблей и авианосцев для каждой из этих держав в пропорции 5:5:3:1,75:1,75. Этим договором, который должен был действовать до 31 декабря 1936 г., США преследовали цель положить конец господству на море Великобритании и обеспечить себе превосходство в военно-морских силах над Японией в бассейне Тихого океана. Далее под давлением США Япония была вынуждена заключить с пекинским правительством Китая соглашение о выводе своих войск из провинции Шаньдун и подписать договор девяти держав (США, Великобритании, Франции, Японии, Бельгии, Италии, Голландии, Португалии и Китая). Согласно данному договору торговля в Китае впредь должна была вестись на основе принципа «открытых дверей» и «равенства возможностей». Это был сильный удар по японским притязаниям на сохранение и дальнейшее расширение сферы господства в Китае, в то время как более сильные в экономическом отношении США обеспечили себе совершенно беспрепятственное проникновение на весь китайский рынок[8]. Было ясно, что Япония вряд ли смирится с таким положением.

Советской России устроители Вашингтонской конференции отказали в праве участвовать в ее работе. Принятые ими решения не отвечали интересам России. Вместо этого она с апреля 1918 г. до октября 1922 г. была вынуждена вести тяжелую оборонительную борьбу с высадившимися во Владивостоке японскими, английскими и американскими оккупантами и получавшими от них помощь белогвардейскими частями.

Разработанные и одобренные договоры с Германией и ее бывшими союзниками, а также договоры, заключенные в Вашингтоне между бывшими союзниками по Антанте, легли в основу так называемой версальско-вашингтонской системы международных отношений, которая отражала сложившуюся к тому времени расстановку сил в мире.

Последующие годы характеризовались трудным переходом к относительной стабилизации международной обстановки, стремлением Англии, Франции и США реализовать и сохранить за собой геостратегические и экономические преимущества, полученные в результате договоренностей, навязанных другим странам, утверждением в качестве нового субъекта мировой политики Советского Союза, мировым экономическим кризисом 1929–1933 гг., возобновлением японской агрессии в Азии в 1931 г., установлением в 1933 г. власти национал-социалистов в Германии, обострением международной обстановки в результате вступления Германии, Италии и Японии на путь насильственного передела мира, неудачными попытками СССР и миролюбивых сил других стран создать систему коллективной безопасности в Европе и Азии, началом развала версальско-вашингтонской системы, возникновением и нарастанием угрозы нового мирового конфликта.

Влияние версальско-вашингтонской системы договоров на послевоенное развитие международных отношений было неоднозначным. С одной стороны, она сыграла положительную роль, зафиксировав конец массового истребления миллионов людей и образования ряда новых государств в Европе, входивших ранее в состав Австро-Венгрии и Российской империи, а также положила начало существованию Лиги Наций, представлявшей собой результат первой попытки создать постоянно действующую межправительственную организацию, официально призванную способствовать сохранению мира. Значительное место участниками Парижской мирной конференции было отведено вопросам, связанным с запрещением работорговли, установлением контроля за производством наркотических средств,

оружия и военного снаряжения и торговлей ими, а также вопросам сотрудничества всех стран в целях предупреждения эпидемий и борьбы с эпидемиями. В Версальском договоре содержалось несколько статей, посвященных охране труда, а при Лиге Наций была создана специальная комиссия, которая учредила Международную организацию труда, сохранившую свое значение до настоящего времени[9]. С другой стороны, версальско-вашингтонская система не устранила и не могла устранить глубоких межгосударственных противоречий. Она была создана и использовалась в интересах наиболее сильных держав-победительниц — Великобритании, Франции и США. Их лидеры были озабочены не установлением более гармоничных международных отношений, а сохранением и укреплением геостратегических позиций только своих стран. Учрежденный ими новый мировой порядок основывался на силе, а потому был крайне неустойчив, носил переходный характер и таил в себе угрозу нового глобального конфликта. Французский главнокомандующий маршал Ф. Фош признавал, что Версальский мир — «это не мир, а перемирие на 20 лет»[10].

Устроители Парижской мирной конференции и международной конференции в Вашингтоне решились подвести итоги войны не только без участия Германии, остававшейся все же одним из сильнейших государств мира, но и России, которая, несмотря на революционные потрясения, была одной из главных сил, предрешивших победу Антанты. Более того, они заняли по отношению к ней крайне враждебную позицию и тем самым поставили под вопрос правомерность всех принятых ими решений.

Между тем революция 1917 г. в России была неизолированным явлением. Народные массы других стран, на которые обрушились страшные тяготы и лишения войны, также выступали за радикальные политические и экономические преобразования. В ноябре 1918 г. началась революция в Германии, в результате которой была свергнута многовековая гогенцоллерновская монархия и установлена республиканская парламентско-демократическая форма правления. Осенью 1918 г. под ударами национально-освободительных и революционных сил рухнуло также господство и габсбургской монархии в Австро-Венгрии. На обломках этой «лоскутной империи» образовались новые государства. 29 октября 1918 г. созданное в Загребе Народное вече объявило о создании самостоятельного Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Югославия). 12 ноября была создана Австрийская республика, 14 ноября 1918 г. — Чехословацкая республика, 16 ноября — Венгерская республика. В ряде случаев предпринимались попытки последовать примеру российских большевиков. Так, в 1919 г. были провозглашены, но затем подавлены внутренними и внешними силами советские республики в Венгрии, Словакии, а также в Баварии. В сентябре 1920 г. в нескольких городах Италии рабочие пытались захватить в свои руки фабрики и заводы. Революционный подъем по окончании Первой мировой войны наблюдался практически во всех капиталистических странах. Пробуждалось и национально-освободительное движение в колониях и полуколониях Азии и Африки.

Под влиянием успехов в борьбе за власть российских большевиков в капиталистических странах быстро стали возникать коммунистические партии, готовые действовать по их примеру. Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков) — РСДРП(б) практически заняла ведущее положение в международном коммунистическом движении. Для координации его деятельности в борьбе за мировую революцию в Москве в марте 1919 г. был учрежден Коммунистический интернационал. Так возник и был официально закреплен раскол в руководстве международного рабочего движения. Одну из группировок возглавили вожди Коминтерна, находившегося под контролем руководства РСДРП(б); другую — вожди старых социал-демократических и социалистических партий в рамках восстановленного после Первой мировой войны II Социалистического интернационала.

Руководство РСДРП(б) стремилось как можно быстрее вывести Россию из Первой мировой войны, причем с наименьшими людскими и территориальными потерями. 26 октября 1917 г. только что сформированное советское правительство выступило с Декретом о мире[11]. В нем оно обращалось ко всем народам и государствам с призывом «немедленно заключить мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения других

народностей. — *Прим. ред.*) и без контрибуций». Однако эта мирная советская инициатива не нашла отклика ни у одной из воюющих держав.

Кайзеровская Германия, воспользовавшись ослаблением России, которое произошло в результате революционного кризиса, развернула против нее наступление. 3 марта 1918 г. она навязала советскому правительству Брестский мирный договор, закрепивший за ней аннексию Прибалтики, части Украины и Белоруссии[12]. Затем под прикрытием лозунга об оказании помощи русским в освобождении от «германской угрозы» войска Антанты в мае 1918 г. высадились в Мурманске, а в августе — в Архангельске. В августе английские части вошли также в Баку. Немецкие войска тем временем в нарушение Брестского мира оккупировали Крым и часть Закавказья. Войска союзной Германии Турции в сентябре 1918 г. заняли Баку. Интервенция Антанты продолжалась и после выхода Германии из войны. В середине ноября 1918 г. в Черное море вошла англо-французская эскадра. После этого под контролем высадившихся войск Антанты оказались также Новороссийск, Крым, часть Бессарабии, Закавказье и часть Украины.

Командование войск Антанты и Германии осуществляло жесткие меры подавления революционных сил на занятой ими территории, поощряло возникновение в бывшей Российской империи новых национальных государств, враждебных Советской России. Эта политика способствовала расширению и ужесточению разразившейся Гражданской войны 1918—1922 гг. Но в то же время агрессия Антанты вызвала подъем населения страны на защиту власти Советов, возглавляемой большевиками. На ее защиту от иностранных интервентов и белогвардейцев встало большинство народа. Солдатские массы войск Антанты также не хотели воевать против защитников революции. Они требовали возвращения на родину. Во многих европейских странах возникло массовое движение под девизом «Руки прочь от России!». Такой поворот событий вынудил заседавшее в Париже руководство Антанты принять весной 1919 г. решение о выводе своих войск из Одессы. С осени того же года началась эвакуация войск интервентов из Крыма, Украины и северных районов России.

Отделившимся от России новым государствам — Польше, Литве, Латвии, Эстонии и Финляндии — наряду с Венгрией, Чехословакией и Румынией державы-победительницы отвели роль так называемого санитарного кордона, т. е. барьера на пути к распространению большевизма в Западной Европе. Вместе с тем Антанта вынашивала идею организации под своим покровительством «широкого наступления» этих государств на Советскую Россию.

С самого начала деятельности Лиги Наций нарушителями мира выступили ее учредители. Польша, только что воссозданная как независимое государство, правящие круги которой замышляли тогда расширить подвластную им территорию на востоке «от моря до моря», т. е. от Балтики до Черноморского побережья, в феврале 1920 г. захватила у соседней Литвы г. Вильнюс и Вильнюсскую область, затем Белоруссию, развязала войну против Советской России. В конце апреля польские войска вторглись на Украину и 7 мая 1920 г. захватили ее столицу Киев. В обращении советского правительства к народам России и Украины от 20 июля 1920 г. отмечалось: «Если бы Лига Наций имела своей задачей содействовать делу мира, она должна бы помешать Польше начинать войну и потребовать от Японии очищения Восточной Сибири. Но этого не было и нет»[13].

С лета 1920 г. Красная армия перешла в контрнаступление. В этой ситуации Верховный совет Антанты выступил за установление восточной границы Польши на основе этнографического принципа. Когда же наступательные возможности Красной армии были исчерпаны, тот же совет ничего не предпринял, чтобы ограничить захватнические аппетиты польского агрессора. В результате Польше удалось захватить часть исконно украинских и белорусских земель и закрепить их аннексию в навязанном в 1921 г. Советской России Рижском мирном договоре.

Победители в Первой мировой войне оказались неспособны установить прочный и справедливый послевоенный мировой порядок. Поэтому ряд государств, не полагаясь полностью на Лигу Наций как гаранта их существования в рамках спорных послевоенных границ, заключил между собой союзные договоры. 14 августа 1920 г. договор о взаимопо-

мощи в случае нападения Венгрии подписали Чехословакия и Югославия. 3 марта 1921 г. был заключен союзный договор между Польшей и Румынией, который предусматривал совместную защиту восточных границ, поскольку Польша захватила Западную Украину и Западную Белоруссию, а Румыния с одобрения Англии, Франции и Италии незаконно удерживала российскую Бессарабию, захваченную ею в 1918 г.[14] 23 апреля 1921 г. был подписан чехословацко-румынский договор. 7 июля 1921 г. с подписанием югославско-румынского договора было завершено создание военно-политического блока в составе Чехословакии, Румынии и Югославии, получившего название Малая Антанта. 19 февраля 1921 г. Франция, стремившаяся к установлению гегемонии в Европе, заключила союз с Польшей, а затем в 1924–1927 гг. — с Чехословакией, Румынией и Югославией. Однако эта сложная союзная система, как показали дальнейшие события, оказалась слабой и неэффективной.

Таким образом, к началу 1920-х гг. ведущие капиталистические державы были разделены на победителей и побежденных, на удовлетворенных и неудовлетворенных послевоенным устройством мира. Советская Россия (с 1922 г. Союз Советских Социалистических Республик — СССР) оказалась в особом положении. Враждебность к ней по идеологическим причинам разделяли правящие круги обоих лагерей капиталистических стран, испытывавшие тревогу по поводу поддержки ею революционных и национально-освободительных движений. Вместе с тем по своему положению Советская Россия, если учесть утрату ею части земель, входивших ранее в состав Российской империи, имела немало общего с побежденными странами. С ними ее сближало резко негативное отношение правительства Советской России к Версальскому договору как к «грабительскому миру»[15]. По этой причине в Германии после вступления в силу 10 января 1920 г. «версальского диктата» не только коммунисты, но и часть представителей военного командования и крупного капитала выступили за нормализацию отношений с РСФСР. Наиболее энергичным и последовательным выразителем их интересов стал генерал Г. Сект, который с 1920 по 1926 г. занимал пост главнокомандующего сухопутными войсками рейхсвера. В своих записках от 10 января и 17 февраля 1920 г. правительству он настаивал на том, чтобы в политике по отношению к России учитывалась «обоюдность» российских и германских интересов, вытекающих из того факта, что Россия ведет борьбу за свое существование против враждебной Германии Антанты. «Только путем установления прочных связей с Великой Россией, — утверждал Сект, — Германия может рассчитывать на восстановление своих позиций как мировой державы»[16].

В 1921 г. начались советско-германские переговоры о нормализации двусторонних отношений.

16 апреля 1922 г. они завершились подписанием Рапалльского договора, согласно которому советская сторона отказалась от требования возместить ущерб, причиненный Германией России в годы войны, а немецкая сторона — от требования компенсировать ущерб, который ей нанесла национализация германской собственности в Советской России. Между договаривающимися сторонами возобновлялись дипломатические отношения и торгово-экономические связи на основе принципа наибольшего благоприятствования.

Кроме того, между РСФСР и Германией была достигнута секретная договоренность об установлении сотрудничества в военно-технической области. По решению германского правительства рейхсверу для налаживания военного производства в России было выделено 250 млн марок, в том числе 140 млн на строительство авиационного завода в Филях под Москвой[17].

Попытки советского руководства наладить военное сотрудничество с Германией объяснялись желанием вывести страну из изоляции, заботой об укреплении России на случай возобновления против нее военной интервенции со стороны Антанты. Такие опасения советскому правительству внушали безуспешные попытки найти понимание у держав-победительниц и связанных с ними других государств в решении вопроса о коллективной безопасности в 1922–1923 гг. На Генуэзской международной конференции в апреле 1922 г. глава советской делегации нарком иностранных дел Г. В. Чичерин заявил, что Россия готова способствовать упрочению мира и поэтому советская делегация намерена «предложить всеобщее сокращение

вооружений и поддержать все предложения, имеющие целью облегчить бремя милитаризма», а также дополнить «правила войны полным запрещением ее наиболее варварских форм»[18]. Но это предложение не было поддержано представителями западноевропейских держав.

Германия заключила Рапалльский договор, несмотря на противодействие Антанты ее сближению с Советской Россией. В самой Германии было также немало противников этого договора. Правоэкстремистская организация «Консул» осуществила убийство германского министра иностранных дел В. Ратенау, поставившего под договором свою подпись. Группа германских сторонников крестового похода против большевизма во главе с А. Рехбергом, братом «калийного короля» Ф. Рехберга, и отставным генералом М. Гофманом, участвовавшим в разработке германских условий Брестского мира, негодовала. Генерал Гофман при помощи Рехберга в декабре 1922 г. подготовил меморандум правительствам Великобритании и Франции, в котором пытался убедить их в целесообразности создания с участием немецких войск «европейской интервенционистской армии» для захвата «неизмеримых природных богатств России» и ликвидации «большевистской угрозы»[19]. Однако вскоре произошли события, которые показали безнадежность этой затеи.

Франция, стремившаяся к максимальному ослаблению Германии, вместе с Бельгией в ответ на саботаж германскими промышленниками поставок угля и леса в счет погашения репарационных платежей ввели свои войска в Рурскую область. Советское правительство публично заклеймило эту военную акцию Франции как «преступление», чреватое угрозой новой мировой войны[20]. Его заявление одновременно было предупреждением и французской союзнице Польше на тот случай, если бы она попыталась выступить против Германии.

Германию в 1923 г. захлестнула волна новых революционных и националистических выступлений. Сотни тысяч рабочих во главе с коммунистами выступали под лозунгом «Бейте Паункаре на Рейне, а Куно на Шпрее», т. е. под лозунгом борьбы как против захватнической политики французского правительства во главе с Р. Пуанкаре, так и собственного буржуазного правительства во главе с В. Куно. Германские националисты ополчились против Франции и собственного правительства. Они добивались установления в Германии авторитарного режима, ликвидации демократических свобод, которые были закреплены в Веймарской конституции 1919 г. Особенно агрессивно вел себя фюрер Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП) А. Гитлер, который вместе с генералом Э. Людендорфом в ноябре 1923 г. предпринял в Мюнхене попытку организовать «поход на Берлин» в целях свержения законного правительства. За это он был посажен в тюрьму, а возглавляемая им в Баварии немногочисленная в то время партия временно запрещена.

Правительство СССР не было заинтересовано в нарушении связей с Германией. Поэтому через Коминтерн оно ориентировало немецких коммунистов на концентрацию усилий в борьбе не против своего правительства, а за вывод из Рура французских войск[21].

Чрезмерное усиление позиций Франции в Европе за счет Германии не входило в планы Великобритании, США и Италии. Американское посольство в Берлине в 1923 г. заверило германское правительство в том, что вступление французских войск в Рурскую область — это «последняя насильственная акция Франции», а военные атташе Великобритании и Италии в Берлине высказывались за оказание Германии помощи оружием для того, чтобы она могла дать надлежащий отпор Франции[22].

США и Великобритания в августе 1924 г. созвали в Лондоне конференцию репарационной комиссии, на которой был принят план американского банкира Ч. Дауэса, предусматривавший облегчение положения Германии за счет притока американских и отчасти английских капиталовложений в ее промышленность. По решению конференции Франция была обязана через год вывести свои войска из Рурской области и впредь не предпринимать против Германии военных санкций без единогласного одобрения их членами репарационной комиссии[23].

В соответствии с планом Дауэса в 1924–1929 гг. Германия получила в виде долгосрочных и краткосрочных кредитов до 20 млрд марок, в то время как на выплату репараций ушло 9 млрд марок. Благодаря этому германская экономика через пять лет по всем показателям превзошла довоенный уровень промышленного производства[24].

Восстановление германской промышленности положительно сказалось на развитии германо-советского экономического сотрудничества. С 1924 по 1933 г., т. е. до установления в Германии нацистской диктатуры, германская промышленность занимала ведущее место в экспорте продукции машиностроения в СССР[25], что способствовало курсу на индустриализацию советской экономики. Во время первой пятилетки СССР получил из Германии более 50 % всех закупленных машин и оборудования. В 1932 г. она экспортировала в СССР почти все произведенные ею паровые и газовые турбины, прессы, краны и автомобили, 70 % станков, 60 % экскаваторов, динамо-машин и металлических ферм, половину никеля, сортового железа, воздуходувок и вентиляторов[26].

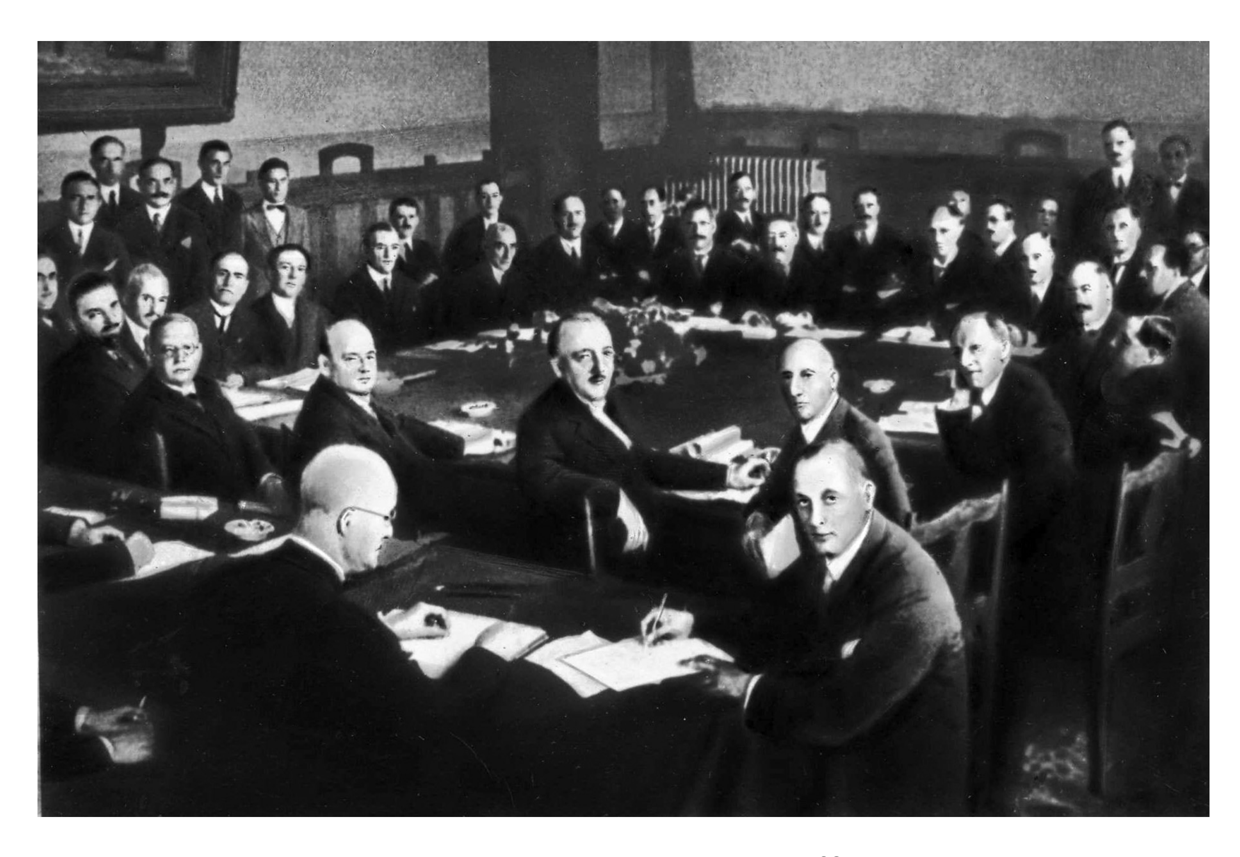
Начиная с 1923 г. Германия и СССР предпринимали попытки наладить сотрудничество и в области военного производства. Фирма «Юнкерс» в 1923—1925 гг. построила в Филях под Москвой авиационный завод и выпустила там 170 цельнометаллических самолетов «юнкерс-20» и «юнкерс-21». Фирма «Круппверке» в эти годы наладила на ряде советских предприятий выпуск крупнокалиберных снарядов. Однако германо-советское сотрудничество в области военной экономики на этом фактически прекратилось. Фирма «Юнкерс» не была заинтересована в налаживании массового производства самолетов в СССР. Поэтому в 1925 г. она разорвала заключенный с ним концессионный договор. Фирма «Круппверке» прекратила свою деятельность в СССР в 1926 г., так как об этом сотрудничестве стало известно в Великобритании и Германии. Основанное в 1923 г. германо-советское акционерное общество «Берсоль», намеревавшееся построить под Куйбышевом завод по производству боевых отравляющих веществ, оказалось мертворожденным, так как главнокомандование рейхсвера нашло фирмы в самой Германии, готовые удовлетворить его потребности в химическом оружии[27].

Вместе с тем до 1933 г. сохранялось и развивалось секретное сотрудничество между вооруженными силами двух стран. На военно-воздушной базе под Липецком в 1924—1933 гг. проходили испытания образцов новых типов немецких военных самолетов, осуществлялась боевая подготовка 150 немецких пилотов. От 20 до 30 немецких специалистов отрабатывали приемы боевого использования химического оружия на советском полигоне в Саратовской области (объект «Томка»). В танковой школе с полигоном под Казанью (объект «Кама») испытывали новые образцы немецких танков и получили боевую подготовку 30 немецких офицеров[28]. Сотрудничество с рейхсвером не играло существенной роли в повышении боеготовности Красной армии. Но, как отмечало в 1931 г. советское военное командование, эти связи давали ему «возможность следить за развитием техники в Германии и на Западе вообще и перенимать то, что полезно для нас»[29].

После образования в декабре 1922 г. СССР начался процесс нормализации его отношений с другими капиталистическими странами. 2 февраля 1924 г. Советский Союз признала де-юре Великобритания и установила с ним дипломатические отношения. Затем, в том же году, ее примеру последовали Италия, Франция и другие страны Европы, а также Китай. 2 января 1925 г. между СССР и Японией была заключена конвенция об основных принципах взаимоотношений, которая определила нормализацию их дипломатических связей. Вместе с тем под давлением Японии СССР согласился оставить в силе Портсмутский мирный договор между Россией и Японией 1905 г., который ущемлял его интересы. Особым протоколом было оформлено обязательство Японии вывести из Северного Сахалина все еще находившиеся там войска[30].

Полоса признаний СССР 1924—1925 гг., как и начавшееся ранее советско-германское сотрудничество, отвечала принципу мирного сосуществования государств с различными общественными системами, что являлось одним из необходимых условий стабилизации международных отношений в целом. Однако на пути к достижению этой цели оказалось немало препятствий. Западноевропейские державы, хотя и установили с СССР дипломатические и торговые связи, но по-прежнему не признавали за ним равноправия в решении международных проблем, которые затрагивали его интересы.

Одним из событий, относящихся к проблеме безопасности СССР, стали начавшиеся осенью 1924 г. переговоры Великобритании, Франции, Италии, Германии, Польши и Чехо-



Международная конференция в Локарно. 1925 г.

словакии о гарантии границ Германии с Францией, Бельгией, Польшей и Чехословакией, установленных в Версале, и последующем вступлении Германии в Лигу Наций. По существу, в ходе этих переговоров речь шла о создании регионального объединения в центре Европы, большинство членов которого проводили в отношении СССР недружественную политику. В связи с этим в Москве возникли опасения, что Германия откажется от поддержания дружественных отношений с СССР. В сентябре — декабре 1924 г. советское правительство пыталось склонить германское руководство к отказу от вступления в Лигу Наций, выражая готовность установить с ним более тесные договорные отношения, которые исключали бы вероятность вступления как Германии, так и СССР во враждебные той или иной договаривающейся стороне группировки[31].

Однако германское правительство считало, что Германия не должна придерживаться «чистой ориентации» на СССР и ей следует переходить к более активной политике, чтобы она «снова стала субъектом мировой политики»[32]. Вместе с тем оно выступало за сохранение нормальных отношений с СССР.

На состоявшейся 5—16 октября 1925 г. международной конференции в Локарно (Швейцария) была осуществлена ратификация общего гарантийного договора — так называемого Рейнского (или Западного) пакта, по которому Германия, Франция и Бельгия должны были сохранять в неприкосновенности германо-французскую и германо-бельгийскую границы, соблюдать положение Версальского мирного договора о демилитаризации Рейнской зоны, а Великобритания и Италия обязались выступить гарантами германо-французской и германо-бельгийской границ. В Локарно были также ратифицированы германо-польский и германо-чехословацкий договоры об арбитраже при возникновении пограничных споров.

Попытки Великобритании и Франции склонить Германию к заключению ею договоров о ненападении с Чехословакией и Польшей оказались безуспешными. 1 декабря 1925 г. Локарнские договоры были подписаны в Лондоне[33].

Германское правительство считало, что в Локарно ему удалось пробить «весьма существенную брешь в Версальском договоре» и «покончить» с французской послевоенной политикой[34]. Действительно, Локарнские соглашения серьезно ослабили позиции Франции. Она уже не могла рассчитывать как прежде на беспрепятственный ввод войск в Рурскую область. Германия же оставила за собой право оспаривать установленные в Версале границы с Польшей и Чехословакией.

Франция, пытаясь хоть как-то подкрепить свои пошатнувшиеся позиции в Европе, заключила в Локарно с Польшей и Чехословакией соглашения об оказании взаимной помощи на случай «неспровоцированной» агрессии со стороны Германии[35]. Германия ответила на это заключением 24 апреля 1926 г. договора о нейтралитете с СССР, который на пять лет продлил действие Рапалльского договора. Одновременно Германия заверила СССР в том, что ее вступление в Лигу Наций не нанесет никакого ущерба дружественным германо-советским отношениям[36].

Для СССР укрепление связей с Германией имело важное значение в связи с резким ухудшением его отношений с Англией. В 1926 г. советские профсоюзы направили помощь английским шахтерам, объявившим всеобщую стачку. Это послужило поводом для обвинения английским правительством СССР во вмешательстве во внутренние дела Великобритании. В 1927 г. оно разорвало дипломатические отношения с СССР и вознамерилось создать антисоветский блок с участием Германии, Франции и Польши. Однако Лондон не нашел поддержки ни в Берлине, ни в Париже. Германия заверила СССР, что будет отстаивать свой нейтралитет, а Франция обещала проводить «свою собственную русскую политику» и «не присоединяться в этом конфликте к Англии»[37]. В 1929 г. англо-советские отношения были восстановлены.

В Германии Локарнские договоры и вступление в Лигу Наций в 1926 г. подействовали воодушевляюще на правоконсервативные буржуазные партии, которые выступали за полное освобождение от «оков Версаля». В их рядах все более усиливалась оппозиция к правительству, которое, по их мнению, действовало недостаточно энергично в этом направлении и не оправдывало их надежд.

Особо непримиримую позицию по отношению к правительству занимала НСДАП. Она являлась наследницей и носительницей самых реакционных и агрессивных идей, распространявшихся в Германии Пангерманским союзом до начала, в ходе и после окончания Первой мировой войны. От этого союза, как отмечали его идеологи, она переняла «расовую идею», лозунг об «освобождении от еврейского ига», «враждебность к парламентаризму», убеждение в том, что «народом может управлять только энергичное и фанатичное меньшинство», стремление к установлению в Германии «национальной диктатуры», цель которой должна была состоять в защите «трудового капитала», т. е. немецких банкиров и промышленников, а также в «возобновлении борьбы против внешних врагов»[38].

Нацистская партия в отличие от других буржуазных партий претендовала на роль защитницы всей германской нации от внутренних и внешних врагов, распространяя свое влияние не только на буржуазию, но и другие слои германского общества. В области внутренней политики она стремилась прежде всего подорвать влияние социал-демократов и коммунистов. Ради этого нацистские «фюреры» рядились в тогу революционеров, включив в название своей партии слова «рабочая» и «социалистическая», избрали в качестве символа возглавляемого ими политического течения багровые стяги со свастикой, широко использовали внепарламентские формы борьбы — митинги и демонстрации, создали военизированные формирования — штурмовые (СА) и охранные (СС) отряды.

Однако нацисты, как и социал-демократы, не ставили вопрос об отмене частной собственности на средства производства и землю, а после неудачной попытки устроить государственный переворот в 1923 г. объявили себя сторонниками легальных методов борьбы за власть, не выходя за рамки Веймарской конституции[39].

В программе нацистской партии содержалось немало требований, которые отвечали интересам наемных рабочих, ремесленников и мелких торговцев и были связаны с усилением регулирующей роли государства. В программе говорилось о том, что государство должно взять на себя «обязательство в первую очередь заботиться о заработке и пропитании граждан», о наделении всех граждан «равными правами и обязанностями», об «отмене нетрудовых доходов, уничтожении процентного рабства», о «полной конфискации всех военных прибылей», о «запрете спекуляции землей» и т. д. Вместе с тем эта программа была нацелена на реванш за поражение Германии в Первой мировой войне и ликвидацию демократических свобод. В ней содержались требования отмены Версальского мирного договора, создания «Великой Германии» с «сильной централизованной государственной властью», введения вместо немногочисленной «наемной армии» массовой «народной армии», а также искоренения в стране «еврейско-материалистического духа»[40], носителями которого нацисты объявили социал-демократов и коммунистов.

Внешнеполитическая программа нацистского руководства была подробно изложена в книге Гитлера «Майн кампф», первое издание которой появилось в 1925 г., и в его так называемой «Второй книге», написанной в 1928 г., но опубликованной лишь после Второй мировой войны, а также в книгах одного из нацистских идеологов А. Розенберга «Будущий путь германской внешней политики» и «Миф XX века», опубликованных в 1927 и 1928 гг. Эти труды были пронизаны духом расизма и агрессии. Основное внимание в них уделялось определению путей укрепления мощи Германии «посредством завоевания новых земель в Европе». Причем нацисты не оставили никакого сомнения относительно того, какие земли они имели в виду. «Мы, национал-социалисты, — писал Гитлер, — сознательно подводим черту под внешнеполитическим курсом довоенного времени. Мы возобновляем движение в том направлении, в котором оно было приостановлено шесть веков тому назад. Мы прекращаем вечное германское движение на юг и запад Европы и обращаем взор на земли на востоке. Мы, наконец, завершаем колониальную и торговую политику довоенных лет и переходим к территориальной политике будущего. И если мы сегодня говорим о новых землях в Европе, то думаем в первую очередь только о России и подвластных ей окраинных государствах»[41].

Расширению «жизненного пространства» Германии за счет России согласно замыслам нацистов должны были предшествовать агрессивные акции против других европейских государств — Франции и стран Малой Антанты. Франция была включена ими в разряд «смертельных врагов немецкого народа», с которыми следовало покончить в «решающей битве». Для того чтобы посеять среди немцев вражду к французам, они утверждали, что французы из-за смешения с африканцами утратили «арийскую кровь», «выродились в расовом отношении» и стали представлять «угрозу для существования белой расы в Европе»[42] и т. п.

Малую Антанту и Польшу нацисты обвиняли в том, что они вместе с Францией зажали немецкую нацию в «стальное кольцо», препятствующее им расширить «жизненное пространство». При этом особую ненависть у Гитлера и Розенберга вызывала Польша. «Ликвидация польского государства, — заявлял Розенберг, — это наипервейшая потребность Германии»[43].

Разгром Франции, Польши и СССР, согласно замыслам нацистской верхушки, должен был открыть Германии путь к установлению господства в Европе. После этого намечалось «исключить евреев из всех государств Европы» и добиться ее «единства в расовом отношении». Расовой чистке подвергались и немцы. Имея в виду перспективу ведения Германией расовых войн в глобальном масштабе, Гитлер писал: «Северной Америке в будущем сможет противостоять только такое государство, которое сумеет благодаря характеру как своей внутренней жизни, так и внешней политике повысить расовую ценность своего народа, создать подходящую для этого форму государственного правления»[44].

Нацисты считали, что посредством «умной союзной политики» можно усилить разлад между бывшими союзниками по Антанте и заручиться поддержкой некоторых из них в осуществлении собственных захватнических планов. Гитлер и Розенберг были едины в том, что Италию, где в 1922 г. пришли к власти фашисты, следует рассматривать «как союзника в самую первую очередь», поскольку она является антиподом демократии, врагом большевизма

и руководствуется империалистической политикой «вечного Рима»[45]. К числу вероятных союзников они причисляли также Венгрию, проявлявшую враждебность к Югославии, и Испанию в силу ее «антипатий» к деятельности Франции в североафриканских колониях. С одобрением нацисты отзывались и о Японии, стремившейся к подрыву статус-кво в Азии[46].

Великобритания также была включена нацистами в число вероятных союзников в силу того, что она занимала более мягкую, чем Франция, позицию в отношении побежденной Германии и весьма враждебно была настроена к СССР. Розенберг называл ее «прирожденным врагом единой России», заинтересованной в «создании на континенте государства, которое будет в состоянии задушить Москву»[47].

В то время как в Германии национал-социалисты еще только заявляли о своих претензиях на власть, пришедшие к власти в 1922 г. фашисты Италии уже начали готовиться к захватническим войнам на основе внешнеполитической программы, сформулированной Муссолини в 1925 г. Она предусматривала создание Итальянской империи путем борьбы за установление господства Италии на Средиземном море и Балканах[48].

Набирала силы и готовилась к возобновлению военной экспансии в Азии Япония. Она не оставила надежды на захват преобладающих позиций в Китае и не смирилась с тем, что ее войскам не удалось удержать за собой территории, которые они оккупировали во время иностранной военной интервенции в России. В 1928 г. японский генеральный штаб подготовил план ведения войны против СССР под условным названием «Оцу» и лишь выжидал удобного момента для его реализации. Составной частью этого плана являлось овладение Северо-Восточным Китаем (Маньчжурией) и превращение его в стратегический плацдарм для сосредоточения и развертывания сил, задачей которых являлся захват советского Приморья и Сибири вплоть до озера Байкал[49].

То, что версальско-вашингтонская система таила в себе зародыши новых войн, к концу 1920-х гг. было очевидно политическим деятелям всех стран. Так, с декабря 1925 г. по декабрь 1930 г. работала учрежденная Лигой Наций комиссия, на которую была возложена подготовка международной конференции по вопросам сокращения и ограничения вооружений. Наряду с членами Лиги в ее работе приняли участие США и СССР. Однако эта комиссия так и не утвердила проект конвенции, который предусматривал бы прямое сокращение вооружений[50].

Советское правительство в ноябре 1927 г. выступило в комиссии с программой полного и всеобщего разоружения, предусматривавшей уничтожение всех видов вооружений, роспуск всех вооруженных сил, ликвидацию военной промышленности и военных бюджетов, запрет военной пропаганды, а в феврале 1928 г. представило в Лигу Наций соответствующий этой программе проект международной конвенции[51]. Однако в реальность разоружения уже мало кто верил. На состоявшемся в декабре 1927 г. XV съезде ВКП(б) было решено укреплять обороноспособность страны и наращивать мощь вооруженных сил[52].

27 августа 1928 г. по инициативе Франции и США в Париже 15 государств заключили всеобщий договор об «отказе от войны как орудия национальной политики» — так называемый пакт Бриана — Келлога (по имени министра иностранных дел Франции А. Бриана и государственного секретаря США Ф. Келлога). В сентябре 1928 г. к нему присоединилось советское правительство. Оно явилось инициатором подписания протокола с Польшей, Румынией, Эстонией и Латвией о досрочном введении пакта в действие в феврале 1929 г. Затем к пакту присоединились Литва, Иран и Турция.

Осенью 1929 г. в экономической жизни капиталистического мира произошло чрезвычайное событие — 29 октября с катастрофическим падением котировок на нью-йоркской бирже начался мировой экономический кризис, который закончился лишь в 1933 г. Он повлек за собой разорение массы мелких и средних предприятий, крестьянских хозяйств, невиданную по своим масштабам безработицу, затронувшую свыше 30 млн человек, нарастание социальной напряженности в капиталистических странах, каждая из которых стремилась путем усиления регулирующей роли государства преодолеть возникшие трудности. При этом если одни государства кризис подтолкнул к преодолению трудностей через демократические реформы (США, Великобритания, Франция), то другие — путем усиления диктаторских

методов правления (Италия, Япония) и замены парламентской демократии террористическими режимами (Германия).

Япония, где традиционно большое влияние на политику оказывали милитаристские круги, связала расчеты на выход из кризиса с реализацией своих планов внешней экспансии. Пользуясь тем, что США и другие страны были поглощены собственными и общеевропейскими проблемами, она первой встала на опасный путь, приведший к концу 1930-х гг. к новой мировой войне. В 1931—1932 гг. Япония оккупировала Маньчжурию и создала там марионеточное государство Маньчжоу-Го, превратив его территорию в военную базу для подготовки нападения на СССР, Монгольскую Народную Республику и расширения агрессии против Китая. Этими действиями Япония нарушила Устав Лиги Наций, договор о режиме «открытых дверей» в Китае, пакт Бриана — Келлога и Портсмутский договор с Россией 1905 г., запрещавший ей ввод войск в Маньчжурию. Несмотря на это, Лига Наций отказалась объявить Японию агрессором и применить к ней экономические и военные санкции. В феврале 1933 г. она приняла резолюцию, в которой признала «особые интересы» Японии в Маньчжурии, но подтверждала суверенитет Китая над маньчжурской территорией и обязывала Японию вывести войска из Маньчжурии. В ответ на это японское правительство 27 марта 1933 г. официально объявило о выходе Японии из Лиги Наций.

У СССР не было возможности воспрепятствовать вторжению Японии в Маньчжурию в связи с тем, что в конце 1920-х гг. серьезно осложнились его отношения с Китаем. Пришедшее там к власти гоминьдановское правительство Чан Кайши, взяв курс на сближение с западными державами, в 1929 г. разорвало с Москвой дипломатические отношения и поддержало попытку китайских милитаристов захватить принадлежавшую СССР Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД). В этой ситуации советское правительство заняло нейтральную позицию в маньчжурском конфликте и дважды — в декабре 1931 г. и январе 1932 г. — предлагало Японии заключить договор о ненападении. Эти предложения были отклонены.

С захватом Японией Маньчжурии возник очаг войны в Азии, угрожавший безопасности СССР, МНР и Китая, а также позициям США и западноевропейских держав в Китае. В связи с этим начался процесс сближения СССР и Китая, который привел к восстановлению советско-китайских дипломатических связей в декабре 1933 г. Американское правительство отказалось от политики непризнания Советского государства и в ноябре 1933 г. установило с ним дипломатические отношения. Советское правительство, стремясь к сохранению мира в Азии, предложило президенту Ф. Рузвельту обсудить идею о заключении «тихоокеанского пакта» о ненападении с участием в нем четырех держав — СССР, США, Японии и Китая. Рузвельт в 1934 г. в принципе одобрил эту идею, но взять на себя роль инициатора в постановке вопроса о ее реализации отказался. Таким образом, попытка СССР заручиться поддержкой США в укреплении своих границ на Дальнем Востоке не имела успеха[53].

Главные события, которые повлекли за собой усиление угрозы войны, произошли во время мирового экономического кризиса в Европе. Ослабление западных демократий, столкнувшихся с крупными внутренними проблемами, было на руку Германии, добивавшейся ликвидации Версальского договора. Она усилила свое давление на Францию. Последняя, пытаясь укрепить свои слабеющие позиции, в 1929—1930 гг. выдвинула план объединения континентальной Европы, получивший название «Пан-Европа», полагая, что это будет способствовать преодолению экономических трудностей и решению проблем безопасности. При этом Франция отказывала в праве на вступление в это объединение США, Англии (как неконтинентально-европейскому государству) и СССР, не являвшемуся якобы европейской державой. Естественно, что отношение этих трех держав к проекту «Пан-Европы» было негативным. Не поддержала его и Италия, считавшая, что прежде чем создавать европейский союз, нужно провести ревизию существующих договоров[54].

На открывшейся в феврале 1932 г. в Женеве Всеобщей конференции по сокращению и ограничению вооружений Германия настойчиво требовала «равенства прав» в области вооружений. Перспектива оказаться лицом к лицу с вооруженной Германией вынудила

Францию искать опору в лице СССР, который со своей стороны, опасаясь возникновения единого фронта капиталистических держав, сам искал сближения с Францией. В 1932 г. был оформлен советско-французский договор о ненападении. В том же году СССР заключил такие пакты с Польшей, Финляндией, Литвой и Эстонией.

США, Великобритания, Франция и Италия, пытаясь ослабить напряженность в отношениях с Германией, в 1931 г. согласились с ее отказом от выплаты репараций, а 11 декабря 1932 г. подписали декларацию о предоставлении ей «равноправия в вооружениях» при принятии международной конвенции о всеобщем сокращении вооруженных сил[55].

В самой Германии правящая элита все более склонялась к авторитаризму как средству поддержания относительной стабильности общества. В этой ситуации нацистская партия ловкой пропагандой своих программных требований, критикой буржуазно-демократической системы правления сумела создать себе широкую социальную базу. Количество полученных ею голосов на выборах в рейхстаг составило 40,9 % в сентябре 1930 г. и 52,8 % в июле 1932 г. от всех голосов, собранных остальными буржуазными партиями[56]. Основываясь на этих фактах, представители германской тяжелой промышленности, финансировавшие нацистскую партию, стали требовать от рейхспрезидента Гинденбурга «передать правление самой сильной национальной партии», утверждая, что это будет отвечать «высшем принципу демократии»[57]. На самом деле это требование было продиктовано их стремлением, как и нацистов, к ликвидации демократии и установлению в Германии диктаторской формы правления. Надежду на это им внушал быстрый рост числа голосов, собранный НСДАП в ходе выборов в рейхстаг. Если в сентябре 1930 г. за нее проголосовало 18,3 % участвовавших в голосовании, то в июле 1932 г. уже 37,3 %. Однако состоявшиеся в ноябре 1932 г. новые выборы в рейхстаг показали, что популярность нацистской партии с середины лета стала быстро падать. Она получила всего 32,8 %, т. е. на два миллиона голосов меньше. В то же время главная противница нацистов — Коммунистическая партия Германии (КПГ) увеличила число своих сторонников с 14,3 % до 16,7 % (на 610 тыс. человек), а Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) хотя и получила меньше голосов, чем в июле (вместо 21,6 % всего 20,3 %), но все же оставалась наиболее влиятельной германской рабочей партией.

Распределение голосов, отданных за основные политические партии Германии на выборах в рейхстаг в 1930, 1932 и 1933 гг.

Политическая партия	Количество голосов избирателей			
	14.9.1930 г.	31.7.1932 г.	6.11.1932 г.	5.3.1933 г.
Коммунистическая партия Германии	4 500 160 (13,1 %)	5 282 626 (14,3 %)	5 980 162 (16,7 %)	4 848 068 (12,3 %)
Социал-демократическая партия Германии	8 575 244 (24,5 %)	7 969 712 (21,6 %)	7 247 968 (20,3 %)	7 181 629 (18,3 %)
Немецкая национальная народная партия	2 457 688 (7 %)	2 177 414 (5,9 %)	3 019 099 (8,4 %)	—
Немецкая народная партия	1 577 365 (4,5 %)	436 012 (1,2 %)	661 800 (1,9 %)	432 312 (1,1 %)
Партия Центра	5 185 637 (14,8 %)	5 782 019 (15,7 %)	4 230 640 (11,8 %)	5 498 457 (14 %)
Национал-социалистическая немецкая рабочая партия	6 379 672 (18,3 %)	13 745 781 (37,3 %)	11 737 010 (32,8 %)	17 277 180 (43,9 %)

О падении влияния НСДАП свидетельствовали и прошедшие вскоре после выборов в рейхстаг коммунальные выборы в некоторых землях Германии. В Саксонии в Хемнице количество голосовавших за кандидатов от нацистской партии сократилось на 15 %, в Плауене — на 20 %, в Цвикау — на 34 %. В Тюрингии число проголосовавших за нацистов

сократилось на 40 %[58]. Однако эти события не ослабили стремления нацистской верхушки к захвату власти. 30 января 1933 г. Гинденбург поручил Гитлеру сформировать так называемое правительство национальной концентрации, открыв тем самым путь к установлению в Германии диктаторского режима.

После прихода нацистов к власти в Германии в период 1933–1938 гг. решался вопрос о том, быть или не быть новому мировому конфликту. Важнейшими событиями этого периода явились переход Германии, Италии и Японии к открытой агрессии, начало их сближения на основе стремления к новому переделу мира, попытки СССР при опоре на зарубежные антифашистские и миролюбивые силы создать систему коллективной безопасности, сопротивление западных демократий усилиям Советского Союза, направленным на формирование общего фронта против агрессивных держав, их вступление на путь умиротворения агрессоров за счет других стран.

Гитлер уже на первом после вступления на пост рейхсканцлера совещании с высшим командованием вооруженных сил 3 февраля 1933 г. изложил основные пункты программы возглавляемого им правительства: «искоренение марксизма», «устранение раковой опухоли — демократии», установление «жесточайшего авторитарного государственного руководства», «введение всеобщей воинской повинности» и «приобретение союзников», «борьба против Версаля», «отвоевание новых рынков сбыта», «захват нового жизненного пространства на Востоке и его безжалостная германизация»[59].

После прихода к власти нацисты развязали террор против всех своих политических конкурентов. Внутренняя жизнь была полностью подчинена подготовке страны к войне. Германия стала центром притяжения всех агрессивных сил, главным очагом новой мировой войны.

Основное внимание нацистов в сфере внешней политики в 1933–1935 гг. было направлено на ликвидацию установленных в Версале военных ограничений. Английский премьер-министр Р. Макдональд решил пойти на некоторые уступки в этом вопросе. 10 марта 1933 г. он представил на конференции по разоружению проект конвенции о всеобщем сокращении вооружений, согласно которому численность германских сухопутных войск могла составлять не более 200 тыс. человек[60]. Этот план был отвергнут в Берлине на том основании, что он не давал каких-либо преимуществ ни перед Францией, за которой закреплялось право держать только в Европе 400-тысячную армию, ни перед союзной ей Польшей, располагавшей 200-тысячной армией.

Итальянский диктатор Муссолини, который в то время вынашивал замысел захвата Эфиопии и поэтому был крайне заинтересован в устранении конфликтов с Германией в Европе, выразил готовность пойти на более существенные уступки Гитлеру. 18 марта 1933 г. он выдвинул проект так называемого Пакта четырех, согласно которому Великобритания, Франция, Италия и Германия должны были впредь руководствоваться по отношению друг к другу принципом неприменения силы, осуществить на практике равноправие Германии и ее бывших союзников в вооружениях и придерживаться «общей линии» при решении всех европейских, внеевропейских и колониальных вопросов[61].

Проект Пакта четырех, предложенный Муссолини, также не устраивал нацистское руководство. Оно опасалось сближения в его рамках Италии и Франции и их совместного противодействия плану присоединения (аншлюса) Австрии к Германии[62]. Вместе с тем в Берлине полагали, что этот проект в конце концов окажется неприемлемым для Франции. Это предположение оправдалось. Хотя 15 июля 1933 г. Пакт четырех и был парафирован в Риме Муссолини и послами Великобритании, Франции и Германии, но не вступил в силу из-за неодобрения его французским и английским парламентами, а также из-за протестов Польши и стран Малой Антанты, опасавшихся усиления Германии, не говоря уже об СССР, который в то время имел все основания опасаться, что «директория четырех» займет по отношению к нему враждебную позицию.

Муссолини после провала проекта Пакта четырех резко взял курс на сближение с СССР, пытаясь таким способом укрепить свои международные позиции. По его инициативе в

сентябре 1933 г. был заключен советско-итальянский договор о дружбе, ненападении и нейтралитете[63]. Этот договор не помешал, однако, итальянскому руководству в дальнейшем пойти на сотрудничество с Германией и Японией в расчете при их поддержке реализовать собственные захватнические планы.

Правительство Гитлера с первых дней своего существования взяло курс на резкое сокращение экономических и ликвидацию военных связей с СССР, развернуло антисоветскую пропаганду. Это был тяжелый удар по внешнеполитическим позициям Советского Союза. Вместе с тем нацистское руководство в период утверждения своей власти в Германии в 1933–1935 гг. принимало меры, чтобы не довести дело до разрыва германо-советских отношений. Гитлер лицемерно заверял советское руководство, что его правительство намерено поддерживать с Советским Союзом «дружественные взаимовыгодные отношения»[64]. Как бы в подтверждение в мае 1933 г. германский рейхстаг утвердил навечно действие германо-советского договора о нейтралитете 1926 г.[65] Однако нацисты рассматривали этот договор как временный. При обсуждении планов развязывания войны в Европе Гитлер в кругу своих единомышленников говорил: «Советская Россия — это очень трудно. Вряд ли я смогу с нее начать»[66].

Гитлеровское правительство, обвинив западные державы в нежелании разоружаться, 14–19 октября 1933 г. объявило о своем выходе из Лиги Наций и отозвало свою делегацию с конференции по разоружению. Тем самым оно сбросило с себя международные обязательства, мешавшие начать подготовку к ведению захватнических войн.

После прихода к власти в Германии нацистов возникла потенциальная угроза с ее стороны соседним странам как на востоке, так и на западе. Это обстоятельство объективно создавало предпосылки для установления сотрудничества между СССР и заинтересованными в своей безопасности другими государствами Европы. К их числу, казалось, прежде всего относились Франция и Польша.

Осенью 1933 г. Франция предложила СССР вступить в Лигу Наций и заключить с ней двусторонний договор о взаимопомощи на случай отражения нацистской агрессии[67]. В связи с французской инициативой Народный комиссариат иностранных дел (НКИД) СССР подготовил предложения о создании в Европе системы коллективной безопасности, которые после одобрения 20 декабря 1933 г. на заседании политбюро ЦК ВКП(б) были переданы в Париж. В них СССР выражал готовность вступить в Лигу Наций, предлагал заключить в рамках этой организации «региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии» (Восточный пакт), одобрил присоединение к этому соглашению «Бельгии, Франции, Чехословакии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии или некоторых из этих стран, но с обязательным участием Франции или Польши»[68].

Идея регионального пакта о взаимопомощи между странами Центральной и Восточной Европы была поддержана французским министром иностранных дел Ж. Поль-Бонкуром и сменившим его на этом посту в феврале 1934 г. Л. Барту. По инициативе французской стороны в советский проект был внесен ряд поправок. Из числа стран, входивших в этот пакт, исключалась Бельгия на том основании, что она была участницей Локарнских договоров. Но должна была войти Германия, чтобы избежать упреков со стороны германского правительства в том, что СССР, Франция и Польша якобы стремятся к ее окружению. Французское правительство выразило желание не участвовать в Восточном пакте, а, подписав договор о взаимопомощи с СССР, стать лишь его гарантом[69].

Участниками Восточного пакта должны были теперь стать следующие страны Центральной и Восточной Европы: Польша, Чехословакия, Германия, Советский Союз, Прибалтийские государства и Финляндия. Они обязывались взаимно гарантировать нерушимость границ и оказывать помощь государству — участнику пакта, подвергнувшемуся нападению, и не поддерживать государство-агрессор. Наряду с подписанием Восточного пакта планировалось утвердить отдельный договор о взаимной помощи между СССР и Францией. Франция становилась гарантом Восточного пакта, а СССР наравне с Англией и Италией — гарантом Локарнского пакта 1925 г.[70]

Основная цель планируемого Восточного пакта заключалась в том, чтобы добиться такого положения, когда ни один из его участников не мог бы рассчитывать на безнаказанность агрессии. Восточный пакт не был заключен из-за позиции, занятой Германией и Польшей. Гитлеровское правительство отказывалось от вступления в этот пакт, объявив себя приверженцем двусторонних договоров.

Польша разделяла позицию Германии. 26 января 1934 г. она подписала с ней «Декларацию о необращении к силе» сроком на 10 лет[71] и этим фактически обесценила свой союзный договор с Францией от 18 февраля 1921 г. В случае войны с Германией Франция уже не могла бы, как прежде, рассчитывать на помощь Польши, а Германия была бы спокойна за свой тыл на востоке. В связи с этим Гитлер утвердился в своем намерении укрепить позиции Германии на западе. 3 февраля 1933 г. он в беседе с английским послом в Берлине Э. Пипсом поставил под сомнение дальнейшее существование Рейнской демилитаризованной зоны и заявил о своем намерении ее ликвидировать[72].

В Варшаве начали обсуждать планы раздела европейской части СССР. Они выглядели следующим образом: Польша должна была получить Украину, а «северо-западные районы — стать немецкой сферой влияния»[73].

Нацистская верхушка, однако, не собиралась воевать с СССР ради удовлетворения аппетитов воинственно настроенной части польского руководства. Не собиралась она отказываться и от захвата польских земель. Польша рассматривалась в Берлине не как союзник, а лишь как временный «попутчик», прежде всего в борьбе против попыток СССР и Франции создать Восточный пакт.

В сентябре 1934 г. Совет Лиги Наций утвердил принятие СССР в Лигу Наций и предоставление ему постоянного места в Совете. Это было признание широкой общественностью других стран его стремления к сотрудничеству в реализации идеи коллективной безопасности.

В октябре 1934 г. пост французского министра иностранных дел занял П. Лаваль, который был противником военно-политического сотрудничества с СССР. Тем не менее советскому руководству удалось подписать договоры о взаимопомощи с Францией (2 мая 1935 г.) и Чехословакией (16 мая)[74]. Советско-французский договор по вине Франции не был подкреплен соответствующей военной конвенцией. Во второй половине мая 1935 г. Лаваль при встрече со вторым после Гитлера государственным лицом Германии Г. Герингом объявил, что франко-советский договор — это ничего не значащий в международных делах документ, появление которого на свет вызвано лишь «внутренними причинами»[75], т. е. является обманом тех французов, которые искренне стремились к установлению сотрудничества с СССР в целях совместной защиты мира от посягательств на него со стороны Германии.

Основной движущей силой политики умиротворения была Великобритания. После провала попытки заключить Пакт четырех летом 1933 г. она не расставалась с мыслью об организации западной безопасности на базе сговора четырех великих держав. В рамках этого блока она рассчитывала подготовить почву для сделки с нацистской Германией, застраховав себя от вступления с ней и Италией в вооруженную борьбу, добиться полной изоляции СССР или ослабления его связей с европейскими государствами.

Английское правительство стремилось не допустить возникновения франко-русского союза, направленного против Германии[76]. Поэтому в ответ на заключение 2 мая 1935 г. франко-советского договора о взаимопомощи оно 6 июня 1935 г., несмотря на протесты французского правительства, подписало с Германией морское соглашение, по которому в нарушение Версальского договора Германии было предоставлено право иметь флот, тоннаж которого должен был составить 35 % тоннажа английских ВМС. Благодаря этому соглашению германские верфи были обеспечены заказами на строительство кораблей по меньшей мере на 10 лет.

Установление нацистского режима в Германии и его разновидностей в ряде стран Европы и Азии вызвало в мире широкое протестное движение демократических сил. Конкретным его проявлением явилось возникновение Народных фронтов, а впоследствии правительств

Народного фронта, которые пришли к власти под лозунгом борьбы против фашизма и войны. Весьма значителен был резонанс решений VII конгресса Коминтерна, проходившего в Москве 25 июля — 30 августа 1935 г. Участвовавшие в работе конгресса делегации 65 коммунистических партий, не отказываясь от лозунга мировой революции, ближайшей задачей объявили необходимость налаживания сотрудничества с социал-демократами, реформистскими профсоюзами и другими силами в целях создания единого рабочего фронта и на его базе широкого антифашистского фронта[77].

Любопытно в этой связи интервью И. В. Сталина в марте 1936 г. американскому журналисту Р. Говарду. На его вопрос, оставил ли Советский Союз в какой-либо мере «свои планы и намерения произвести мировую революцию», был дан ответ: «Таких планов и намерений у нас никогда не было... Экспорт революции — это чепуха. Каждая страна, ежели она этого захочет, сама произведет свою революцию, а если не захочет, то революции не будет...»[78]

Правительства Народного фронта с участием левых партий были сформированы и действовали во Франции (1936–1938), в Испании (1936–1939), в Чили (1938–1941). Они не обрели достаточной силы, чтобы противостоять фашизму в международном масштабе, но оказали немаловажное влияние на создание широкого антифашистского фронта народов и государств в годы Второй мировой войны.

Вторая половина 1930-х гг. характеризовалась дальнейшим развалом версальско-вашингтонской системы в результате агрессивных действий Германии, Италии и Японии при явном попустительстве со стороны Великобритании, Франции и США и неудачных попытках СССР добиться с ними взаимопонимания для совместного отпора агрессорам.

В ночь на 3 октября 1935 г. Италия совершила нападение на Эфиопию. 5 мая 1936 г. пала эфиопская столица Аддис-Абеба. 9 мая 1936 г., когда итальянские войска оккупировали лишь треть территории Эфиопии, Муссолини объявил о ее завоевании, а Большой фашистский совет в Риме издал декрет о превращении Италии в империю.

Итало-эфиопская война, как и японская оккупация Маньчжурии, показала неэффективность Лиги Наций как инструмента сохранения мира. Принятие ею ограниченных экономических санкций к итальянскому агрессору не защитило Эфиопию, не предотвратило утраты ею свободы и независимости.

Во время итало-эфиопской войны Германия оказывала политическую и экономическую поддержку Италии, а Италия в ответ на эту услугу заблаговременно дала согласие Германии не противодействовать ее плану ввода войск в Рейнскую демилитаризованную зону (немецкую территорию по левому берегу р. Рейн и 50-километровую полосу на правом берегу), установленную Версальским мирным договором. Заручившись отказом Италии от выполнения роли гаранта демилитаризованного статуса Рейнской зоны, Германия 7 марта 1936 г. ввела туда свои войска (операция «Винтерюбунг»). Предложение Франции Совету Лиги Наций применить к Германии экономические санкции было отклонено по настоянию Англии, заявившей, что для этого якобы «нет никакой юридической базы»[79].

Рейнская зона была превращена нацистами в военный плацдарм, который предназначался как для подготовки наступления на Францию, так и для прикрытия тыла Германии на западе на случай развертывания агрессии на востоке. Менее уязвимым стал Рурский промышленный район — главная кузница немецкого оружия.

11 июля 1936 г. Германия при содействии Италии навязала Австрии секретное «джентльменское соглашение», по которому австрийское правительство обязалось амнистировать местных нацистов, находившихся в заключении за свершенные ими политические преступления, допустить некоторых представителей «национальной оппозиции», т. е. нацистов, к участию в политической жизни страны, согласовывать свою внешнюю политику с германским правительством и т. д. Кроме того, Австрия официально признала себя вторым «немецким государством»[80]. Это был роковой шаг, который в конечном счете должен был привести Австрию к утрате суверенитета.

17 июля 1936 г. в Испанском Марокко вспыхнул военный мятеж, пламя которого на следующий день перекинулось на территорию Испании. Началась гражданская война, в

ходе которой главари мятежников под руководством генерала Ф. Франко преследовали цель свергнуть пришедшее к власти в стране правительство Народного фронта, восстановить авторитарную форму правления. В результате быстрой консолидации демократических сил, поднявшихся с оружием в руках на защиту республики, мятежники в Испании через несколько дней оказались на грани разгрома. В этой ситуации Франко обратился за помощью к Германии и Италии. В конце июля — начале августа 1936 г. эту помощь они начали оказывать. Немецкие и итальянские корабли и авиация обеспечили вторжение в Испанию через Гибралтарский пролив формирований 40-тысячного войска Франко. Из Германии и Италии в распоряжение мятежников стали поступать артиллерия и военное снаряжение. 27 августа эскадрилья «юнкерсов» сбросила первые бомбы на столицу Испании Мадрид.

Совместная помощь мятежникам в Испании еще более сблизила Германию и Италию. 23 октября 1936 г. в Берлине был подписан конфиденциальный германо-итальянский протокол, согласно которому Германия официально признала захват Италией Эфиопии, а Италия обязалась проводить в Лиге Наций выгодную для Германии политику, в частности поддержать ее усилия, направленные на приобретение колоний. Обе стороны согласились расширить военную помощь путчистам в Испании, одновременно признать сформированное Франко «национальное правительство», согласовывать свою политику по отношению к Англии и Франции, «всеми силами бороться против коммунистической пропаганды». Так возникла «ось Берлин — Рим».

18 ноября 1936 г. Германия и Италия официально объявили о своем признании Франко главой правительства Испании. 1 декабря их примеру последовала Япония. С этого времени итало-германская интервенция в Испании стала носить качественно иной характер: на помощь мятежникам отныне направлялись не только военная техника, но и крупные формирования регулярных итальянских и немецких войск. Интервенция в Испании продолжалась до конца марта 1939 г. и завершилась установлением в этой стране диктаторского режима, который тут же был признан Англией, Францией и США.

Победа франкистов полностью вписывалась в геополитические расчеты Гитлера и Муссолини, поскольку она привела к возникновению нового, уже третьего фашистского государства у границ Франции — главного их противника на Западе.

Германские нацисты вскоре после прихода к власти стали предпринимать шаги, направленные на сближение с Японией. Решение этой задачи облегчалось тем, что Берлин и Токио тесно связывали враждебность к СССР, стремление к грабежу его богатств, а также расчеты на взаимную поддержку при столкновении с западными демократиями в борьбе за новый передел мира. В мае 1935 г. по инициативе Берлина начались секретные германо-японские переговоры о заключении военного союза. Эти переговоры были довольно продолжительны, так как в Японии в то время большая часть правящих кругов все еще ориентировалась на сохранение сотрудничества с США и Англией и опасалась вызвать их недовольство сближением с Германией. Кроме того, Германия являлась одним из конкурентов Японии в борьбе за китайский рынок. Неурегулированным оставался также вопрос, связанный с дальнейшей судьбой части бывших колоний Германии в районе Южных морей, которые по Версальскому миру были объявлены японскими владениями. В этой сложной ситуации нацисты и их сторонники в Японии все же сумели провести свою линию, правда, несколько необычным способом. По предложению немецкой стороны было решено подписать германо-японское соглашение, формально направленное против Коммунистического интернационала. Это решение было одобрено японским императором и Гитлером, считавшим, что «борьба против коммунизма и коммунистических идей» будет способствовать осуществлению планов «расчленения России».

25 ноября 1936 г. в Берлине состоялось подписание соглашения против Коммунистического интернационала (Антикоминтерновский пакт), по которому Германия и Япония обязались в течение пяти лет совместно «принимать строгие меры против лиц, прямо или косвенно внутри страны или за границей стоящих на службе Коммунистического интернационала». Кроме того, стороны подписали дополнительное секретное военное соглашение,

Подписание Антикоминтерновского пакта. (Берлин, 25 ноября 1936 г.)

по которому обоюдно обязались не принимать каких-либо мер, способствующих облегчению положения СССР в случае его «неспровоцированного нападения» на Германию или Японию.

Демагогическое заявление о возможности «неспровоцированного нападения» СССР на Германию или Японию являлось маскировкой совместного курса Германии и Японии на внешнеполитическую изоляцию Советского Союза, подготовку благоприятных внешних условий для осуществления замыслов его уничтожения. Характерна в этой связи реакция японского правительства на советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г., обвинившего германское правительство в нарушении духа дополнительного секретного военного соглашения.

6 ноября 1937 г. в Берлине был подписан протокол о присоединении к Антикоминтерновскому пакту Италии. Германия и Япония признали этот протокол «равноценным подписанию оригинального текста пакта», подчеркнув тем самым, что признают Италию своим полноправным партнером. В следующем месяце Италия объявила о выходе из Лиги Наций.

С объединением Германии, Италии и Японии в рамках Антикоминтерновского пакта возник так называемый мировой политический треугольник Берлин — Рим — Токио, явившийся прологом к формированию военного союза трех агрессивных держав.

Антикоминтерновский пакт был далеко идущим политическим маневром. Он учитывал антикоммунистические настроения правящих кругов других капиталистических держав и призван был создать у них впечатление, что Германию, Италию и Японию объединяет прежде всего враждебность к международному коммунистическому движению и Советскому Союзу. На практике же этот пакт служил оправданием вмешательства трех агрессивных держав во внутренние дела других государств, маскировкой их военных приготовлений в целях ведения захватнических войн не только против СССР, но и против западных демократий.

Сближение с Германией и заключение Антикоминтерновского пакта стимулировали рост агрессивности Японии. На проходившей в конце 1935 — начале 1936 г. Лондонской морской конференции японская делегация объявила об отказе соблюдения регламентации морских вооружений, установленной на Вашингтонской конференции 1921—1922 гг. Она заявила о праве Японии иметь военно-морские силы, равноценные в количественном и качественном отношении вместе взятым флотам США и Англии в дальневосточных водах. При этом соотношение сил флотов Японии, США и Англии должно было бы выражаться отношением 5:3:2[81]. К тому времени ни для кого не представляло секрета, какими при этом интересами руководствовалось японское правительство, ибо офицерами японских ВМС открыто была развернута пропаганда о необходимости включения в сферу «жизненных интересов» Японии Голландской Индии, Малайского архипелага и Новой Гвинеи. В середине 1936 г. Япония официально объявила о принятии курса на экономическое проникновение в южном направлении[82]. Было очевидно, что как только Япония почувствует себя достаточно сильной на море, экономическая экспансия будет подкреплена военной силой, а это затрагивало интересы в Азии прежде всего США, Англии и Франции, о чем свидетельствуют документы. Прибывший в Германию профессор Токийского университета Д. Мамо, тесно связанный с японской правящей верхушкой, в неофициальных переговорах с командованием германских военно-морских сил предварительно разъяснил, что цели Японии в Азии и на Тихом океане состоят в том, чтобы установить господство в Желтом море, захватить по крайней мере еще три китайские провинции, установить контроль над Бирмой и Французским Индокитаем, а также «захватить Австралию, что, естественно, предполагает предварительное создание крупных военных баз на Филиппинах и в самой Австралии». Мамо доверительно сообщил, что, готовясь к схватке с Великобританией, японская разведка еще в 1935 г. заполучила секретный план оборонительных сооружений английской военно-морской базы в Сингапуре[83].

В июле 1937 г. Япония под лозунгом борьбы с Коминтерном развязала широкомасштабную войну против Китая. К концу года ее войска захватили Тяньцзинь, Пекин, Ханькоу, Шанхай и тогдашнюю столицу страны Нанкин. Захватчики чинили массовые расправы над мирным населением и военнопленными, применяли химическое и бактериологическое оружие.

Китайское правительство, стремясь заручиться поддержкой в отражении японской агрессии, в августе 1937 г. заключило пакт о ненападении с СССР. В сентябре того же года гоминьдановцы приняли предложение китайских коммунистов о сотрудничестве, в результате чего возник национальный антияпонский фронт. Такое развитие событий в Китае вызвало недовольство в Берлине, обвинявшем Японию в том, что она своими действиями толкает Китай в объятия СССР. В ответ Япония выдвинула требование, чтобы Германия прекратила продажу Китаю оружия и убрала военных советников из китайской армии. Гитлеровское правительство не спешило выполнять эти требования, подрывавшие его влияние в Китае. Сначала оно сделало лишь незначительную уступку Японии, запретив своим Военным советникам в Китае как представителям нейтральной страны непосредственно участвовать в боевых действиях против японских войск[84]. Но затем для того, чтобы сохранить Японию в качестве своего партнера по Антикоминтерновскому пакту, германское правительство все же выполнило все ее требования. 20 февраля 1938 г. Гитлер объявил о признании Германией марионеточного государства Маньчжоу-Го и одобрил действия японских войск в Китае. В апреле 1938 г. германское правительство прекратило поставки оружия Китаю и отозвало своих военных советников, так как не желало успеха национально-освободительной борьбе китайского народа.

Оккупировав Рейнскую зону и установив особо близкие отношения с Италией и Японией, нацистское руководство почувствовало себя более уверенно. В ноябре 1937 г. Гитлер на секретном совещании с высшим командованием вермахта подтвердил свое намерение начать «большую войну» с нападения на Францию, а до этого аннексировать соседние Австрию и Чехословакию с тем, чтобы исключить фланговую угрозу наступления на западе[85].

Секретариат Исполнительного комитета, избранный на VII конгрессе Коминтерна.
Справа налево: В. Пик, О. Куусинен, Г. Димитров, К. Готвальд, Д. Мануильский, П. Тольятти. 1935 г.

В качестве первого объекта захвата была намечена Австрия. Сначала германское руководство намеревалось достичь присоединения (аншлюса) этой страны к Германии без применения военной силы при поддержке «пятой колонны» — австрийских нацистов. 12 февраля 1938 г. Гитлер и австрийский канцлер К. Шушниг подписали протокол (Берхтесгаденское соглашение), согласно которому австрийское правительство обязалось поддерживать германскую внешнюю политику, предоставить австрийским нацистам полную свободу действий, назначить одного из их фюреров — А. Зейсс-Инкварта на пост министра внутренних дел, принять меры по укреплению сотрудничества между австрийскими и германскими вооруженными силами[86]. Это соглашение по замыслу Гитлера должно было способствовать осуществлению захватнической акции, демонстрировать стремление австрийцев к воссоединению с немецким народом. Однако Берхтесгаденское соглашение вызвало бурный протест населения. Шушниг был вынужден назначить на 13 марта проведение плебисцита о «независимости» Австрии. В Берлине переполошились, опасаясь провала «мирной» аннексии. 11 марта 1938 г. по указанию Гитлера была подготовлена директива о вторжении немецких войск в Австрию.

12 марта утром 200 тыс. немецких войск беспрепятственно оккупировали эту страну. 13 марта по распоряжению из Берлина было сформировано новое австрийское правительство из нацистов, которое в тот же день приняло закон, объявивший Австрию одной из земель германского рейха[87]. Против антифашистов под руководством Берлина был развернут жесточайший террор, сочетавшийся с крикливой пропагандой под лозунгом «один народ — один рейх — один фюрер». 10 апреля 1938 г. в Австрии состоялся референдум. Голосующий должен был ответить на вопрос: «Согласен ли ты с происшедшим воссоединением Австрии с германским рейхом?» Подавляющее большинство австрийцев, запуганных террором и одурманенных нацистской пропагандой, ответили «да».

Аннексия Австрии укрепила стратегические позиции вермахта для последующего нападения на Чехословакию (операция «Грюн»). Эту акцию Гитлер и его генералы решили

осуществить при «подходящем внешнем поводе». Такой повод они замышляли создать сами, организовав убийство германского посла в Праге[88]. Большие надежды на ослабление Чехословакии они связывали с подрывной деятельностью в этой стране своей «пятой колонны» — финансируемой из Берлина нацистской Судето-немецкой партии, насаждавшей расистскую идеологию и ирредентистские настроения среди судетских немцев.

Советский Союз выступил против эскалации агрессии Италией, Германией и Японией. В период гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. он оказывал помощь республиканскому правительству Народного фронта кредитами, медикаментами, военной техникой. Кроме того, на стороне республиканской армии сражалось более двух тысяч советских военнослужащих, а также большое число добровольцев из многих стран Европы и Америки. Правящие круги Англии и Франции не препятствовали итало-германской интервенции в Испании. Они видели в нацистской Германии прежде всего противника большевизма, недооценивали исходящую от нее угрозу Западу. 19 ноября 1937 г. председатель тайного совета в британском кабинете министров Э. Галифакс в беседе с Гитлером назвал Германию «бастионом Запада против большевизма», согласившись предоставить ей свободу действий для изменения «европейского порядка» за счет Данцига и Чехословакии при условии, что это изменение осуществится «путем мирной эволюции»[89].

После развязывания Японией войны против Китая СССР, заключив с гоминьдановским правительством договор о ненападении, стал главным поставщиком вооружения для боровшегося за свою независимость китайского народа. В 1937–1939 гг. в Китае сражались свыше 700 советских летчиков. С 1938 г. в руководстве военными действиями китайской армии участвовали советские военные советники, среди них будущие крупные военачальники периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

После присоединения Австрии к Германии СССР призвал западные державы к совместным действиям с целью «приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранить усилившуюся опасность новой мировой бойни»[90]. Но этот призыв не был услышан.

В Англии, Франции и США недооценивали роль СССР как вероятного союзника в случае развязывания войны Германией. В немалой степени это объяснялось недоверием к кремлевскому руководству, которое было вызвано кампанией необоснованных репрессий видных партийных, военных и хозяйственных деятелей в СССР, особенно усилившихся в 1937–1938 гг.

Политические процессы, происходившие в СССР, воспринимались за рубежом как свидетельство кризиса советского режима, порождали среди общественности буржуазно-демократических стран сомнения в его способности быть надежным партнером в обуздании агрессоров.

В начале апреля 1938 г. Гитлер сообщил Муссолини, что он намерен прекратить движение Германии в сторону Средиземного моря и приступает к решению проблем Судетской области и «польского коридора», а затем начнет продвижение в Прибалтику[91].

Проблема Судетской области, где проживало свыше трех миллионов немцев, использовалась нацистским руководством Германии лишь как предлог для оправдания своего замысла уничтожить Чехословакию. В директиве по плану «Грюн» от 30 мая 1938 г. Гитлер указывал: «Моим твердым решением является уничтожение Чехословакии посредством военной акции в обозримом будущем». Начальник штаба верховного командования вермахта В. Кейтель дополнительно сообщил главнокомандующим видами вооруженных сил, что выполнение этой директивы «должно быть обеспечено самое позднее с 1 октября 1938 г.»[92].

Однако нападение на Чехословакию не состоялось из-за вмешательства Англии, правительство которой сочло нужным оказать поддержку Германии в ее борьбе за расширение «жизненного пространства» за счет части чехословацкой территории. 15 сентября 1938 г. премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен встретился с Гитлером в Берхтесгадене (Германия) и заверил его в своем стремлении к «германо-английскому сближению» и готовности ради этого признать включение судето-немецких областей в состав Германии[93]. 22–23 сентября Чемберлен снова встретился с Гитлером в Годесберге. Гитлер потребовал от

него, чтобы ввод немецких войск в Судеты был осуществлен Германией не позднее 1 октября. Чемберлен согласился на это.

28 сентября Муссолини сообщил Гитлеру, что по просьбе Великобритании он выступит посредником на конференции, посвященной решению судетской проблемы.

Фатальным политическим событием, которое в итоге привело ко Второй мировой войне, явилась Мюнхенская конференция (29—30 сентября 1938 г.). В Мюнхене Гитлер, Муссолини, Чемберлен и Даладье предписали правительству Чехословакии передать Германии в десятидневный срок около 75 % территории страны. Чехословакия теряла четверть населения, около половины тяжелой промышленности, мощные укрепления на границе с Германией, а новая граница теперь фактически упиралась в предместья Праги. Отрицательное отношение к этому диктату правительства Чехословакии во внимание не принималось.

Знаковым явилось совместное принуждение Чехословакии силами агрессивных диктаторских режимов Германии и Италии и западных демократий (США поддержали мюнхенскую сделку). В обмен Германия подписала с Англией (30 сентября) и Францией (6 декабря) декларации, по сути являющиеся пактами о ненападении, которые она, однако, не собиралась выполнять.

Мюнхенская сделка готовилась длительное время и в одночасье разрушила с таким трудом созданный каркас системы коллективной безопасности в Европе, основу которого могли бы составить советско-французский и советско-чехословацкий договоры о взаимопомощи.

Важно подчеркнуть три особенности Мюнхенского соглашения:

— во-первых, это был согласованный диктат Германии и Англии (Франция и Италия следовали в фарватере своих партнеров);

— во-вторых, соучастниками сговора и раздела Чехословакии стали Венгрия и Польша. Польша оккупировала Тешинскую область, Венгрия — южные районы Словакии;

— в-третьих, Советский Союз оказался в изоляции. Предпринятые им меры в поддержку Чехословакии (сосредоточение войск на западных границах, дипломатические демарши) успеха не имели. Вместе с тем есть основания полагать, что советское руководство исключало принятие крайних военных мер без участия Франции и обращения за помощью самой Чехословакии, которая капитулировала в условиях диктата.

Англия и Франция, с одной стороны, Германия и Италия — с другой, преследовали Мюнхенским соглашением различные цели. Для Германии это был промежуточный маневр к захвату Чехословакии и дальнейшему движению на восток. Италия обретала уверенность в осуществлении при поддержке Германии своих захватнических планов. Англия и Франция рассчитывали ценой территориальных уступок за счет Чехословакии умиротворить Германию, ослабить заряд ее агрессивной политики, нацеленной на западные демократии. Советская разведка сообщила в Москву, что перед отлетом из Мюнхена Чемберлен еще раз встретился с Гитлером, который заявил: «Для нападения на СССР у нас достаточно самолетов, тем более что уже нет опасности базирования советских самолетов на чехословацких аэродромах»[94].

Таким образом, Версальско-Вашингтонская система мира, установленная после Первой мировой войны, только временно стабилизировала международную обстановку. С образованием в 1922 г. СССР историческое противостояние Европы и России усилилось межформационным противоречием «капитализм-социализм». Советское руководство в это время вело дипломатическую борьбу за признание и утверждение международного положения страны. Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. прервал послевоенную стабилизацию, привел к рождению фашистских режимов в ряде стран и к обострению всех международных противоречий. Каждая страна стремилась обеспечить свою безопасность и решение поставленных геополитических целей заключением взаимных соглашений. Так образовался новый, теперь фашистский блок из бывших побежденных государств. Политика блока бывших победителей в Первой мировой войне (Великобритания, Франция и США) как и фашистского блока носила антисоветскую направленность. От ликвидации Версальских ограничений по Германии и до Мюнхенских соглашений — таков итог дипломатических игр западных держав. Постоянно разыгрывая при этом «советскую карту», они постепенно направляли и поощряли фашистскую агрессию против СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Wörterbuch zur deutschen Mlitärgeschichte. B., 1983. S. 814–815, 1070–1071.

[2] Сен-Жерменский мирный договор / Полный пер. с франц. М., 1925.

[3] Мир в Нейи / Полный пер. с франц. М., 1926.

[4] Трианонский мирный договор / Полный пер. с франц. М., 1926.

[5] Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне / Полный пер. с франц. М., 1927.

[6] Версальский мирный договор / Пер. с франц. М., 1925. С. 9–13.

[7] *Ушаков В. Б.* Внешняя политика Германии в период Веймарской республики. М., 1958. С. 58.

[8] Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам / Полный пер. актов и док. М., 1924.

[9] См.: Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 1. Первая мировая война: Ист. очерк. М., 2005. С. 613.

[10] Война и общество в XX веке: в 3 кн. Кн. 2. Война и общество накануне и в период Второй мировой войны. М., 2008. С. 10.

[11] Причины Второй мировой войны: Документы и комментарии. М., 1988. С. 6–7.

[12] Современный взгляд специалистов на историю Брестского мирного договора см.: *Чубарьян А. О.* К истории Брестского мира 1918 г. // Этот противоречивый век. М., 2001. С. 131–142; *Игнатьев А. В.* Была ли альтернатива Бресту? // Там же. С. 143–151; *Шубин А. В.* Брестский мир: раздвоение стратегии // Германия и Россия в судьбе историка. М., 2008. С. 143–170.

[13] Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). М., 1959. Т. III. С. 56.

[14] *Хормач И. А.* СССР — Италия. 1924–1939. Дипломатические и экономические отношения. М., 1999. С. 23, 65.

[15] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 352–353.

[16] *Meier-Welcker H.* Seckt. Frankfurt a. M., 1967. S. 294–295.

[17] *Groeler O.* Selbstmördischer Allianz: Deutsch-russische Militärbeziehungen, 1920–1941. B., 1992. S. 34.

[18] ДВП СССР. М., 1961. Т. V. С. 193.

[19] Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann. B., 1929. S. 364–369.

[20] Внешняя политика СССР: Сб. документов. М., 1994. Т. II. С. 706–707.

[21] Россия и Германия. М., 1998. Вып. I. С. 286–287.

[22] *Meier-Welcker H.* Op. cit. S. 356.

[23] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. B., 1966. Bd. 3. S. 356.

[24] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. B., 1974. Bd. 1. S. 37.

[25] Европа XX века: Проблемы мира и безопасности. М., 1985. С. 35–36.

[26] *Пыхалов И. В.* Великая оболганная война. М., 2005. С. 199–200.

[27] *Groeler O.* Op. cit. S. 39–41.

[28] Ibid.

[29] Рейхсвер и Красная армия: Документы из военных архивов Германии и России, 1923–1933. Кобленц, 1995. С. 126.

[30] ДВП СССР. М., 1963. Т. VIII. С. 72–73.

[31] *Meier-Welcker H.* Op. cit. S. 475.

[32] Ibid. S. 473–476; *Hirsch F.* Stresemann: Ein Lebensbild. Göttingen, 1972. S. 198–199.

[33] См.: Локарнская конференция: Документы. М., 1959.

[34] Dokumente zur deutschen Geschichte, 1924–1929. B., 1971. S. 27, 59.

[35] Локарнская конференция. С. 497.
[36] ДВП СССР. М., 1965. Т. IX. С. 252.
[37] Там же. С. 231, 303.
[38] *Kruck A.* Geschichte des Alldeutschen Verbands, 1890–1939. Wiesbaden, 1954. S. 195.
[39] Dokumente zur deutsche Geshichte. 1929–1933. B., 1975. S. 25.
[40] Trial of Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 1947– 949. Vol. XXVI. P. 477–481 (далее — IMT).
[41] *Hitler A.* Mein Kampf. München, 1940. Bd. II. S. 252.
[42] Ibid. S. 264, 308–309; *Rosenberg A.* Der Mythos des 20. Jahrhunderts. München., 1934. S. 113, 649.
[43] *Rosenberg A.* Der Zukunftsweg einer deutschen Aussenpolitik. München. 1927. S. 35, 97.
[44] Hitlers Zweites Buch. Ein Dokument aus dem Jahr 1928. Stuttgart, 1961. S. 130.
[45] Ibid. S. 216–217.
[46] Ibid.
[47] *Rosenberg A.* Der Zukunftsweg einer deutschen Aussenpolitik. S. 69, 80, 84.
[48] См.: Вторая мировая война: Краткая история. М., 1984. С. 15.
[49] См.*: Овсяный А. Д.* Тайна, в которой война рождалась. М., 1975. С. 27–28.
[50] Европа XX века: Проблемы мира и безопасности. С. 52.
[51] Там же. С. 51.
[52] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1954. Ч. 2. С. 194–195.
[53] Кризис и война: Международные отношения в центре и на периферии мировой системы в 30–40-х годах. М., 1998. С. 43–46.
[54] Европа XX века: Проблемы мира и безопасности. С. 54.
[55] Там же.
[56] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 62.
[57] Dokumente zur deutschen Geschihte. 1929–1933. S. 43.
[58] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. B., 1966. Bd. 4. S. 380; Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 63.
[59] Ibid.
[60] Сборник документов по международной политике и международному праву. М., 1934. Вып. 6. С. 71.
[61] Там же.
[62] *Hauser O.* England und Dritten Reich. Stuttgart, 1971. Bd. 1. S. 22–23.
[63] Архив внешней политики РФ. Ф. 098. Оп. 16. Д. 615. П. 136. Л. 33 (далее — АВП РФ).
[64] Россия и Германия. Вып. 1. С. 297.
[65] Там же.
[66] Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 4. Вторая мировая война: Документы и материалы. М., 2005. С. 11.
[67] АВП РФ. Ф. 05. Оп. 19. Д. 22. Л. 37.
[68] ДВП СССР. М., 1976. Т. XVI. С. 876.
[69] АВП РФ. Ф. 05. Оп. 19. Д. 22. Л. 17.
[70] Военно-блоковая политика империализма: История и современность. М., 1980. С. 116.
[71] Причины Второй мировой войны: Документы и комментарии. М., 1988. С. 689–690.
[72] *Hauser O.* Op. cit. S. 47.
[73] Auf antisowjetischem Kriegskurs. Studien zur militärischen Vorbereitung des deutschen Imperialisms auf die Aggresion gegen die UdSSR (1933–1941). B., 1970. S. 26.
[74] ДВП СССР. М., 1973. Т. XVIII. С. 309, 336.
[75] *Schmidt P.* Statist auf diplomatischen Bühne, 1923–1945. Bonn, 1950. S. 310.
[76] См.: 1939 год: Уроки истории. М., 1989. С. 61.
[77] VII конгресс Коммунистического интернационала и борьба против фашизма и войны: Сб. документов. М.,1975. С. 368–373, 385–390.
[78] *Сталин И. В.* Соч. М., 1947. Т. 10. С. 106.
[79] Европа XX века: Проблемы мира и безопасности. С. 70.

[80] Ursachen und Folgen: Vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 zur staatlichen Neuordnung Deutschlands in der Gegenwart. B., o. J. Bd. XI. S. 590–593.

[81] АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 8. Д. 1 (363). П. 130ф. Л. 165.

[82] Там же. Ф. 098. Оп. 14. Д. 657. П. 141. Л. 3–6.

[83] The National Archiv of United States: A microfilm Publication. T. 20-337. P. 246242 (Далее — NAUS).

[84] Ibid. P. 246198.

[85] См.: *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы. М., 1973. Т. 1. С. 125–127.

[86] Ursachen und Folgen. Bd. XI. S. 620–621.

[87] Ibid. S. 679–670.

[88] IMT. Vol. XXV. P. 416.

[89] Причины Второй мировой войны. Документы и комментарии. С. 388–390; см. также: Неизвестный Гитлер / Пер. с нем. М., 2005. С. 52, 399–400.

[90] ДВП СССР. М., 1977. Т. XXI. С. 128–129.

[91] Die Weizsäcker-Papiere, 1933–1950. Stuttgart, 1974. S. 125.

[92] *Hass G.* Münchner Diktat 1938. B., 1988. S. 159.

[93] Ibid. S. 220–221.

[94] Независимое военное обозрение. 2000. № 23. С. 5.

Обострение обстановки в Азии и на Тихом океане. Японская угроза на Дальнем Востоке

К середине XIX в. колониальные державы покорили практически все населявшие Восточную Азию народы, превратив их земли в колонии. Не до конца поделенным оставался только Китай, где эти державы владели концессиями и «арендовали» территории. В известной степени благодаря политике самоизоляции сохраняла суверенитет Япония, которая всеми силами противилась активной международной торговле, небезосновательно опасаясь разрушения внутреннего рынка и попадания в экономическую, а затем и в политическую зависимость от западных государств. Со своей стороны, превосходившие Японию в экономическом и военном отношении западноевропейские страны и США не рассматривали эту находившуюся во власти феодальных порядков дальневосточную страну равным себе партнером, стремясь установить в этой стране полуколониальные порядки.

Ситуация стала меняться после произошедшей в 1868 г. незавершенной буржуазной революции — «реставрации Мэйдзи», ознаменовавшей переход Японии к капитализму и созданию современных вооруженных сил. Победа Японии в развязанной ею войне в Китае (1894—1895), успешные военные действия армии и флота против России (1904—1905), захват ряда германских владений в годы Первой мировой войны, активное участие в вооруженной интервенции против Советской России (1918—1922) выдвинули это государство в число военных держав мира. Помогавшие материально и политически военному возвышению Японии западные державы скоро поняли, что Токио не удовлетворится достигнутым и будет добиваться контроля над богатыми сырьевыми ресурсами территориями Восточной Азии и Тихого океана, создавая угрозу уже поделившим этот регион европейским колониальным державам и не допуская туда США. Пытаясь оправдать переход Токио к агрессивной внешней политике, современные японские авторы пишут: «Япония заразилась хищнической манерой поведения других держав Европы и Америки. Пожалуй, можно считать, что типичным примером этого является Японо-китайская война (1894—1895). Одержав победу, Япония отторгла от цинского Китая остров Тайвань и Ляодунский полуостров»[1]. С тех пор бедная сырьевыми ресурсами Япония считала отторжение чужих территорий естественной манерой поведения в мировой конкурентной борьбе. В японской прессе прямо указывалось: «Если наши экономические и культурные начинания в Китае и Сибири будут прекращены, нам уготована участь изолированной и беззащитной островной страны».

В декабре 1920 г. В. И. Ленин предсказал: «Перед нами растущий конфликт, растущее столкновение Америки и Японии, ибо из-за Тихого океана и обладания его побережьями уже многие десятилетия идет упорнейшая борьба между Японией и Америкой, и вся дипломатическая, экономическая, торговая история, касающаяся Тихого океана и его побережий, вся она полна совершенно определенных указаний на то, как это столкновение растет и делает войну между Америкой и Японией неизбежной...»[2]

Главной ареной борьбы был Китай, где в первую очередь сталкивались интересы западных держав и Японии, которых объединяло алчное стремление грабить эту страну, подавляя сопротивление китайского народа засилью иностранцев. Характеризуя эту ситуацию, американский сенатор У. Бора отмечал: «Невозможно передать словами то, как... иностранный капитал в Китае эксплуатирует человека. Нет другого места на земле, кроме Китая, где бы так успешно чеканились доллары и центы из крови беспомощных детей»[3].

Неизбежность военного столкновения из-за Китая сознавали как японцы, так европейцы и американцы. В Вашингтоне понимали, что Япония не откажется без боя от богатств этой крупнейшей азиатской страны, изобиловавшей не только природными ресурсами, но и дешевой рабочей силой. В 1924 г. в США был утвержден план военных действий против Японии, получивший название «Оранжевый план». В его основу была положена стратегическая идея обладания превосходством военно-морского флота США над японскими силами в западной части Тихого океана и создания на Филиппинах плацдарма для нанесения удара по Японии. Достижению поставленной цели должны были способствовать результаты Вашингтонской конференции 1922 г., согласно которым совокупные тоннажи линкоров США, Великобритании, Японии, Франции и Италии соотносились в пропорции 5:5:3:1,75:1,75.

Хотя в Токио выражали недовольство подобной «несправедливостью и ущемлением Японии», а в военно-исторической литературе и по сей день можно встретить утверждения о диктате на конференции США и Великобритании, в действительности японцы пошли на такие пропорции из-за неспособности экономически выполнить план строительства флота «8×8», предусматривавший наличие в строю восьми линкоров и восьми линейных крейсеров, ибо к 1921 г. расходы на военно-морской флот достигли трети национального бюджета, а общие затраты на вооружение составили 60 % от бюджета и дальше их увеличивать было невозможно[4].

Несмотря на достигнутые договоренности, в Японии рассматривали западные державы как потенциальных военных противников. На проходивших в 1923 г. совещаниях военно-политического руководства, возглавляемых императором, вырабатывались основы внешней политики и стратегии Японии на последующий период. На них были намечены два главных направления вооруженной экспансии Японии — северное и южное. В соответствии с этим в качестве вероятных противников определялись СССР и США. Подготовка войны против СССР возлагалась в основном на сухопутные войска, против США — на военно-морской флот.

Однако в те годы война с США и Великобританией рассматривалась как теоретическая возможность, которая могла быть реализована в неопределенном будущем при условии изменения ситуации и соотношения сил в пользу Японии. Поэтому, не желая раньше времени обострять отношения с западными державами, Япония согласилась и на условия Лондонской морской конференции 1930 г. Тогда между США и Японией было достигнуто компромиссное соглашение: 1) Япония сохраняла 60 % тоннажа США в категории тяжелых крейсеров; 2) в отношении легких крейсеров и эсминцев Япония получала норму, равную 70 % тоннажа США; 3) Япония получала предельный тоннаж подводных лодок, равный предельному тоннажу США и Великобритании. При этом Япония в принципе не отказывалась от своего требования на постоянную норму в 70 % тоннажа США в тяжелых крейсерах[5].

Учитывая, что США приходилось размещать свой флот как на Тихом, так и на Атлантическом океане, а Японии — только на Тихом, можно считать, что при достигнутом соотношении сил Токио оказывался даже в более выгодном положении, чем американцы. Тем более что японцы не считали достигнутые договоренности окончательными. Принимавший участие в Лондонской конференции будущий главнокомандующий японским объединенным флотом адмирал И. Ямамото незадолго до следующей конференции по морским вооружениям 1935 г. писал: «Япония стала неизмеримо сильнее со времени Вашингтонской конференции,

и я остро ощущаю: пришло время для могущественной империи, встающей на Востоке, посвятить себя, со всей требуемой осмотрительностью, продвижению вперед, к своей удаче... Перед нами сейчас стоит задача спокойно и обстоятельно накапливать нашу мощь. Даже если эта конференция окажется безуспешной, я чувствую — недалек тот день, когда Британия и США будут нам кланяться. Для морского флота сейчас самая срочная задача — обеспечить быстрый прогресс в авиации»[6].

В конце 1920-х гг. Япония была озабочена не столько подготовкой к войне против США и западноевропейских держав, сколько обеспечением их нейтралитета в отношении последовательного завоевания Китая. Тогда в обстановке приближавшегося экономического кризиса японские правящие круги стремились разрешить внутренние трудности за счет внешней экспансии. Усиливавшие свое влияние в политике государства военные круги добились в апреле 1927 г. сформирования кабинета, который возглавил известный своими широкими планами внешних завоеваний генерал Г. Танака. Он же стал министром иностранных дел и колоний Японии.

27 июня 1927 г. в Токио начала работу так называемая Восточная конференция, в которой принимали участие руководители японского министерства иностранных дел, армии и флота, а также дипломатические работники, аккредитованные в Китае. Главной темой конференции являлась выработка политики в отношении Китая. Обсуждение было вызвано не только целями расширения экономического проникновения в эту страну, но и стремлением силовым путем подавить освободительную борьбу китайского народа, которая вылилась в антиимпериалистическую революцию 1925–1927 гг.

Еще в годы японской интервенции против Советской республики на Дальнем Востоке японским военно-политическим руководством ставилась задача «внедрить мощь Японии в Северной Маньчжурии», «стабилизировать государственную оборону на континенте путем превращения всей Маньчжурии в особую зону». Впоследствии в такую «особую зону» была включена и Монголия.

По итогам Восточной конференции 7 июля 1927 г. был принят и опубликован документ «Политическая программа в отношении Китая», суть которого состояла в том, что Маньчжурия и Монголия были объявлены «предметом особой заботы Японии». В программе указывалось: «В случае возникновения угрозы распространения беспорядков на Маньчжурию и Монголию, в результате чего будет нарушено спокойствие, а нашей позиции и нашим интересам в этих районах будет нанесен ущерб, империя должна быть готова не упустить благоприятной возможности и принять необходимые меры с целью предотвратить угрозу, от кого бы она ни исходила...»[7]

Подлинный смысл данного положения документа раскрыл один из организаторов Восточной конференции, заместитель министра иностранных дел Японии К. Мори, который признавал, что речь шла об отторжении Маньчжурии и Монголии и превращении их в сферу японского влияния. На этих территориях предполагалось создать марионеточные государства. Мори говорил о том, что, какие бы силы ни мешали осуществлению японских планов, на них должна «обрушиться вся государственная мощь» Японии. «Эта конференция делала маньчжурский инцидент неизбежным», — указывается в японской «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии»[8].

Овладение Маньчжурией отвечало как чисто экономическим, так и военно-стратегическим замыслам японского руководства. Если японские политики и крупные капиталисты заявляли, что «Японии не выдержать длительной войны с Россией без китайского сырья», то генералы замышляли превратить территорию Маньчжурии в мощный военный плацдарм для будущего наступления на сопредельные страны — Китай и СССР. Захват и колониальная эксплуатация Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) должны были быстро разрешить экономические проблемы Японии, обеспечить сырьем и материалами армию и флот. На долю этого наиболее развитого района Китая приходилось 93 % добычи нефти, 79 % выплавки железа, 55 % добычи золота, 41 % железнодорожных линий, 37 % запасов железной руды, 23 % выработки электроэнергии и 37 % внешнеторгового оборота Китая.

Стремясь получить передышку для восстановления разрушенной Гражданской войной и иностранной интервенцией экономики страны и считая себя неготовым к масштабным военным столкновениям, советское правительство изыскивало возможности обезопасить границы СССР, в том числе на Дальнем Востоке. В мае 1927 г. Москва официально обратилась к японскому правительству с инициативой заключить договор о ненападении. Тогда правительство Японии отвергло это предложение, считая, что «в отношении пакта о ненападении, выдвигаемого СССР, следует занять такую позицию, которая обеспечивала бы империи полную свободу действий»[9].

На принятие такого решения большое влияние оказали существовавшие в военных кругах разногласия по поводу дальнейшей политики в отношении СССР. К этому времени генеральный штаб армии разработал поэтапный план захвата китайских земель: вначале на северо-востоке, затем на севере Китая и в провинции Синьцзянь. До укрепления Японии на этих пограничных с СССР территориях считалось целесообразным не обострять отношения с Советским Союзом. Одновременно существовала альтернативная точка зрения о том, что проведение быстрой победоносной войны против ослабленного СССР должно предшествовать развертыванию экспансии Японии в Восточной Азии. Ее сторонники свое мнение обосновывали тем, что Советский Союз может помешать осуществлению экспансионистских планов Японии. Информируя советское правительство о наличии подобных настроений, посол СССР в Японии А. А. Трояновский писал: «В военных кругах бродят мысли о занятии Сахалина, Приморья и Камчатки»[10]. Попытка посла 8 марта 1928 г. вновь поставить перед премьер-министром Танакой вопрос о заключении пакта о ненападении была отвергнута. Танака ответил, что «для этого не пришло еще время».

Однако в Японии не могли не сознавать, что империя экономически не готова к серьезной войне с СССР. Проявлявшие осторожность японские политики и военные, учитывая опыт Первой мировой войны и интервенции в России, понимали, что участие в войне не ограничивается лишь действиями армии и флота, а требует напряжения всех сил государства и народа. Тогда японские генералы, как пишут официальные историки Страны восходящего солнца, «на собственном опыте испытали мощь коммунистического государства, проявившуюся в объединении красных идей с военными действиями»[11].

Учитывалось также, что к началу 1930-х гг. в Японии не была создана надлежащая для современной войны экономическая база и еще не закончился процесс реорганизации и переоснащения вооруженных сил. Основное место в промышленной структуре страны занимало текстильное производство, в котором в 1930 г. было занято 50 % общего числа рабочих. Стоимость продукции промышленности, производящей средства производства, достигала лишь 30 % общей стоимости всего выпуска этой отрасли. В Японии существовало большое число мелких предприятий. В 1929 г. на крупных предприятиях было занято немного более половины рабочего класса страны. Металлургия и машиностроение были развиты слабо. В стране не было собственной железной руды, хлопка, цветных металлов. Нефть имелась в незначительном количестве, уголь, хотя и добывался, был низкого качества. Проблему дефицита сырья намеревались разрешить благодаря эксплуатации недр Маньчжурии.

Приступая к новому этапу расширения колониальной империи (в состав империи тогда уже входили в качестве колоний архипелаг Рюкю, Корея, Тайвань, Южный Сахалин, бывшие германские островные владения на Тихом океане), японское правительство и командование тщательно выбирали момент для агрессии. Решение о захвате Маньчжурии было ускорено разразившимся в мире в 1929 г. экономическим кризисом. В Токио учитывали, что занятые внутренними задачами выхода из кризиса западные державы не смогут воспрепятствовать захватническим действиям Японии. Принимали во внимание также, что для Советского Союза было важно обеспечить мирные условия для экономического развития страны, поэтому опасаться отпора японской агрессии в Маньчжурии со стороны СССР также не было оснований.

После завершения необходимых приготовлений 18 сентября 1931 г. японские вооруженные силы спровоцировали так называемый маньчжурский инцидент, и через три месяца военных действий вся территория Северо-Восточного Китая была оккупирована японской

армией. Захват Маньчжурии был чрезвычайно крупной по своим последствиям акцией в плане расширения колониальной империи Японии. Этого не могли не понимать как в соседнем Советском Союзе, так и в столицах западных государств.

Опасаясь реакции Запада на открытую агрессивную акцию в Китае, японское руководство убеждало правительства США и Великобритании, что оккупация Маньчжурии в 1931 г. и создание затем на ее территории марионеточного государства Маньчжоу-Го являются необходимыми для подготовки будущей войны против СССР. Еще до оккупации Маньчжурии в июле 1931 г. в японской прессе было опубликовано выступление влиятельного генерала К. Койсо на заседании кабинета министров, в котором говорилось, что «выполнение (в СССР) пятилетки создает серьезную угрозу Японии... Ввиду этого монголо-маньчжурская проблема требует быстрого и действенного разрешения»[12]. При этом широко использовалась риторика о возрастании «коммунистической угрозы». Следует отметить, что подобная японская пропаганда возымела свой эффект.

Правительства западных держав всерьез поверили, что дальнейшая экспансия Японии будет направлена не на юг, а на север. Во второй половине октября 1931 г. на заседании правительства президент США Г. Гувер изложил свои взгляды, которые затем были оформлены в специальном меморандуме. «Предположим, — писал Гувер, — Япония наберется смелости и заявит: «Больше мы не можем терпеть эти договоры. Мы должны указать, что Китай оказался не в состоянии обеспечить должный порядок внутри страны, который предусматривается договорами. Значительная часть территории Китая находится под влиянием китайских коммунистов, сотрудничающих с Россией. Правительство Маньчжурии оказалось в руках военного авантюриста, не признающего китайское правительство, а Китай не принимает никаких мер, чтобы заставить его подчиниться. На этой территории царит анархия, что совершенно недопустимо. Само существование нашего народа зависит от расширения экспорта наших промышленных товаров в Китай и от гарантии поставок сырья из этой страны. Сегодня наша экономика почти парализована в связи с тем, что в Китае происходят беспорядки. Кроме того, при наличии большевистской России на севере и возможности появления на нашем фланге большевистского Китая наша независимость окажется под угрозой. Либо страны, поставившие свои подписи под пактом девяти держав, должны объединиться с нами и восстановить в Китае порядок, либо мы должны сделать это сами в качестве акта самосохранения. Если вы к нам не присоединитесь, мы будем считать себя свободными от взятых обязательств, поскольку ныне обстановка полностью изменилась». Америка, разумеется, не приняла бы такое предложение, но и не смогла бы выдвинуть серьезные возражения против этого шага японцев»[13].

В результате правительство США не предприняло ни военных, ни экономических санкций в ответ на агрессивные действия Японии в Китае.

Европейские державы занимали аналогичную позицию. Они не только не противились агрессии японцев, но фактически поддерживали их. Английская «Таймс» писала 14 ноября 1931 г., что «с политической и экономической точки зрения действия Японии имеют значительное оправдание». О надеждах на использование оккупированной Маньчжурии для войны с СССР открыто писала французская «Либерте»: «Советская держава уязвима в Сибири. И если Европа поймет свой долг перед цивилизацией, то бесконечные степи Сибири могут стать в ближайшие дни полем битвы, в которой погибнет большевизм»[14].

Не пожелала применить к Японии экономические и военные санкции Лига Наций. Фактически руководившие этой, созданной после Первой мировой войны международной организацией ведущие западноевропейские государства отделались словесным осуждением. Была занята двойственная позиция. Лига Наций, подтвердив суверенитет Китая над оккупированными территориями и призвав Токио вывести оттуда японские войска, в то же время признала «особые интересы» Японии в Маньчжурии.

Однако в западных столицах не могли не сознавать, что экспансионистские планы Японии не ограничиваются захватом советских дальневосточных территорий, а предусматривают широкое продвижение в южном направлении под лозунгом «Азия для азиатов». Одним из

свидетельств того было принятие конгрессом США в 1933 г. решения об ассигновании бюджетных средств на строительство 32 новых военных кораблей. Это явилось сигналом того, что американцы не смирятся с господством Японии в Восточной Азии и будут противодействовать Токио, не останавливаясь перед мерами военного давления.

Оккупация японской армией Маньчжурии оказала существенное влияние на последующее развитие советско-японских отношений. Советское правительство понимало, что выход японских вооруженных сил на границу СССР увеличит опасность военного столкновения с Японией. Поэтому оно активизировало свои предложения заключить пакт о ненападении, указывая, что отсутствие его не свидетельствует о намерении Японии проводить миролюбивую политику. Народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов в состоявшейся в Москве 31 декабря 1931 г. беседе с министром иностранных дел Японии К. Ёсидзавой, отметив, что СССР уже имеет пакты о ненападении или нейтралитете с Германией, Литвой, Турцией, Персией, Афганистаном, ведет соответствующие переговоры с Финляндией, Эстонией, Латвией и Румынией, подчеркнул, что «сохранение мирных и дружественных отношений со всеми нашими соседями, в том числе и с Японией, является основой нашей внешней политики»[15].

В Токио не сомневались в искренности стремления Советского Союза заключить пакт о ненападении с Японией. В секретном меморандуме, составленном заведующим европейско-американским департаментом МИД Японии С. Того (впоследствии посол в СССР и министр иностранных дел Японии), говорилось: «Желание Советского Союза заключить с Японией пакт о ненападении вызвано его стремлением обеспечить безопасность своих дальневосточных территорий от все возрастающей угрозы, которую он испытывает со времени японского продвижения в Маньчжурии»[16].

В конце 1932 г. император Японии, являвшийся главнокомандующим японскими армией и флотом, одобрил разработанный генеральным штабом план войны против СССР на 1933 г., который учитывал изменившееся после захвата Маньчжурии стратегическое положение: в случае войны основные удары предусматривались с территории Маньчжоу-Го, и оккупации подлежали не только Приморье, как ранее, но и вся территория к востоку от озера Байкал.

Вопрос о будущей войне против СССР детально обсуждался на проходившем в июне 1933 г. очередном совещании руководящего состава японских сухопутных сил. Военный министр С. Араки настаивал на том, чтобы готовиться прежде всего против СССР и осуществить нападение на него в 1936 г., когда «будут и поводы для войны, и международная поддержка, и основания для успеха». Генералы Т. Нагата и Х. Тодзио, напротив, считали, что для ведения войны против СССР «Япония должна собрать воедино все ресурсы желтой расы и подготовиться для тотальной войны»[17]. Тодзио говорил о рискованности преждевременного выступления. Поддерживая эту точку зрения, начальник второго управления генерального штаба (разведуправление) Нагата указывал, что для войны против СССР «необходимо иметь в тылу 500-миллионный Китай, который должен стоять за японскими самураями как громадный рабочий батальон, и значительно повысить производственные мощности Японии в Маньчжурии». Поскольку такую программу выполнить к 1936 г. было трудно, предлагалось воспользоваться заинтересованностью советского правительства в улучшении советско-японских отношений и изучить условия заключения пакта о ненападении с СССР.

Главный смысл предложений сторонников серьезной подготовки к будущей войне с Советским Союзом состоял в том, чтобы прежде создать в Маньчжурии мощную военно-экономическую базу и покорить Китай. Однако большинство участников совещания, хотя и понимали важность «китайского фактора», проголосовали за обращение к императору с рекомендацией сосредоточить усилия и финансовые средства на подготовке к столкновению с СССР, который был определен армией как «противник номер один».

Замыслы японских армейских офицеров и генералов не остались незамеченными в столицах западных держав, которые были заинтересованы в военной конфронтации Японии с СССР и пытались ее стимулировать. Посол США в Японии Дж. Грю доносил в госдепарта-

мент: «Один из помощников военного атташе сказал мне, что он с группой своих иностранных коллег пришел к заключению, что война (Японии) с СССР совершенно неизбежна и что она начнется весной 1935 г., хотя некоторые из его коллег полагают, что эта война может начаться и раньше». В октябре 1933 г. Грю, сообщая в госдепартамент о решимости Японии «устранить в удобный момент препятствие со стороны России в отношении японских честолюбивых планов», отмечал, что «японцев можно легко побудить вторгнуться в Сибирь»[18].

В Советском Союзе верно расценивали складывавшуюся обстановку. 3 марта 1933 г. заместитель наркома иностранных дел Л. М. Карахан писал в ЦК ВКП(б): «Мне кажется, не может быть двух мнений, что наиболее идеальным выходом из кризиса и из создавшегося на Дальнем Востоке положения для САСШ (США) и для других европейских держав была бы война между СССР и Японией. Нас будут втягивать и толкать на это...»[19]

Следует отметить, что в начале 1930-х гг. реальная военная опасность для СССР исходила именно от Японии. Германия еще переживала синдром поражения в войне, а основные западные державы — Великобритания, Франция и США — в условиях экономического кризиса были разобщены и занимались внутренними проблемами. Поэтому трудно было рассчитывать на совместные со странами Запада действия для отпора агрессии Японии в Китае. Препятствовало сотрудничеству с западными державами на Дальнем Востоке и то, что Вашингтон отказывался признать СССР. В одиночку же выступить против Японии Советский Союз не мог.

Ситуация не изменилась и после того, как администрация президента Ф. Рузвельта в 1933 г. пошла на установление с СССР дипломатических отношений. Тогда американцы не проявили активности в отношении сделанного в 1934 г. советским правительством предложения о заключении «Тихоокеанского пакта» о ненападении, в котором приняли бы участие США, СССР, Япония и Китай. Едва ли согласились бы на такой пакт и правящие круги Японии, которые, игнорируя решения Лиги Наций, приступили к расширению подготовки вооруженных сил и страны в целом к «большой» войне в Китае, не останавливаясь перед опасностью столкновения со способными воспрепятствовать этому СССР и США.

В 1936 г. правительство и военное командование Японии приняли решение о необходимости активизировать подготовку к войне на двух ранее избранных направлениях: северном — против СССР и южном — против США, Великобритании, Франции и Голландии. Продолжение агрессивной политики в Китае рассматривалось как составная часть экспансии на юг. Это нашло отражение в принятых в июне 1936 г. двух документах японского правительства «Курс на оборону империи» и «Программа использования вооруженных сил». В них было решено «считать главными потенциальными противниками США и Советский Союз, а также следующими по важности за ними — Китай и Великобританию»[20]. Исходя из этого, ставилась задача резко увеличить мощь армии и флота. Предусматривалось иметь в сухопутных силах 50 дивизий и 142 авиационные эскадрильи, в ВМС 12 линкоров, 12 авианосцев, 96 эсминцев, 70 подводных лодок, 65 авиаотрядов морской авиации. Это была программа небывалого увеличения вооруженных сил. К 1936 г. японская армия имела лишь 17 дивизий, а флот — 9 линкоров и 4 авианосца.

Летом того же года японское правительство разработало программу установления господства Японии в Восточной Азии и районе стран Южных морей. Политические цели империи были сформулированы в принятом кабинетом министров 7 августа 1936 г. документе «Основные принципы национальной политики». В нем провозглашалось превращение Японии «номинально и фактически в стабилизирующую силу в Восточной Азии». Одновременно была принята программа покорения Северного Китая, в которой говорилось: «В данном районе необходимо создать антикоммунистическую, проманьчжурскую зону, стремиться к приобретению стратегических ресурсов и расширению транспортных сооружений»[21]. Вслед за этим японский генеральный штаб наряду с разработкой планов войны против СССР приступил к планированию операций по овладению Северным Китаем. В Токио считали, что с военной точки зрения Китай не сможет оказать серьезного сопротивления Японии и легко станет ее добычей.

Идеологическое обоснование агрессии использовалось для прикрытия алчных планов грабежа подлежащих захвату японской армией стран и территорий. Современные американские исследователи признают: «Лишь теперь (к своему немалому удивлению) мы наконец сознаем, насколько война в Тихом океане зависела от собственно экономических аппетитов финансово-промышленной элиты, а не только от “отбившегося от рук японского милитаризма”. Или, говоря иначе, войну опрометчиво развязали японские милитаристы, заручившиеся поддержкой национального бизнеса. Японская властная верхушка соблазнялась радужной перспективой наискорейшего обогащения. Разве могла ее армия устоять перед подобным соблазном? В Токио до начала войны не стихали экзальтированные дискуссии о том, как именно следует изгонять западных империалистов из Азии, о планах Японии по созданию восточноазиатской сферы совместного процветания... На деле все обернулось грабежом “сферы” под прицелом японского орудийного дула. Остановись Япония на Маньчжурии и Корее, Запад определенно не возражал бы против “сохранения этих территорий” в составе “Большой Японии” на постоянной основе»[22].

Готовясь к расширению агрессии в Китае и обострению в связи с этим отношений с США и СССР, японское военно-политическое руководство озаботилось обретением влиятельных союзников в Европе, политика которых могла бы сдерживать западные державы в их противодействии Японии. После прихода к власти в Германии гитлеровского руководства японские правящие круги сразу же стали искать пути сближения с нацистами. Уже в феврале — марте 1933 г. после выхода Японии из Лиги Наций глава объявившей об этом японской делегации Ё. Мацуока нанес визит в Берлин. Там в публичном заявлении он назвал Германию «единственной страной, имеющей столько исторических параллелей с Японией, также борющейся за свое место в мире».

Со своей стороны, германское руководство видело в Японии потенциального союзника, способного создать второй фронт при столкновении Германии с СССР или с США. Поэтому А. Гитлер и его окружение с самого начала после прихода к власти изучали возможность военно-политического или чисто военного союза с Японией. В 1935 г. фюрер лично выступил с предложением заключить подобный альянс. Это предложение особенно пришлось по душе командованию японских сухопутных сил, которое нацеливалось на войну с Советским Союзом, но опасалось бороться с ним в одиночку. Военный атташе японского посольства в Москве настойчиво рекомендовал правительству «вовлечь западных соседей и другие государства в войну против СССР»[23].

Однако более осторожные японские политики и представители крупного бизнеса считали неразумным связывать себя прямыми военными обязательствами с наиболее агрессивным государством Европы, дабы не обострять раньше времени отношения с Великобританией и США, в торговле с которыми Япония была весьма заинтересована. Не способствовало быстрому заключению военного союза и то, что Германия была одним из конкурентов Японии в борьбе за китайский рынок и поднимала вопрос о судьбе бывших колоний Германии в Тихом океане, которые были переданы Японии по Версальскому мирному договору.

Стремясь избежать прямого указания стран, против которых замышлялся германо-японский альянс, Берлин и Токио прибегли к уловке, оформив его как направленный «на борьбу с подрывной деятельностью Коммунистического интернационала». Это позволило придать объединению двух стран видимость не столько военного, сколько идеологического союза. Заметим, что в данный период руководство Советского Союза, против которого направлялся альянс, заботила не столько перспектива «мировой революции», сколько оборона собственной страны, причем на двух отдаленных друг от друга направлениях — европейском и дальневосточном. По поводу мировой революции советский лидер И. В. Сталин в уже упоминавшемся интервью в марте 1936 г. американскому журналисту Р. Говарду опроверг планы экспорта революции[24].

Заключенное 25 ноября 1936 г. в Берлине сроком на пять лет германо-японское «Соглашение против Коммунистического интернационала» более известно под названием

Антикоминтерновский пакт. Германия и Япония обязались совместно «принимать строгие меры против лиц, прямо или косвенно внутри страны или за границей стоящих на службе Коммунистического интернационала». При этом антисоветская направленность пакта не вызывала сомнения. Как указывалось Токийским трибуналом, этот пакт был «своим острием направлен против Союза Советских Социалистических Республик». Через год одним из основных участников альянса стала также фашистская Италия.

Содержание пакта раскрывает приложенное к нему «секретное соглашение». В нем говорилось: «В случае если одна из договаривающихся сторон подвергнется неспровоцированному нападению со стороны Союза Советских Социалистических Республик или ей будет угрожать подобное неспровоцированное нападение, другая договаривающаяся сторона обязуется не предпринимать каких-либо мер, которые могли бы способствовать облегчению положения Союза Советских Социалистических Республик. В случае возникновения указанной выше ситуации, договаривающиеся стороны должны немедленно обсудить меры, необходимые для защиты общих интересов»[25]. Вслед за заключением пакта было подписано соглашение об экономическом сотрудничестве между Японией и Германией.

Учитывая, что как японское, так и германское военно-политические руководства едва ли всерьез опасалось нападения Советского Союза, который своими внешнеполитическими акциями продолжал демонстрировать заинтересованность в сохранении мирных условий для социально-экономического развития страны, нетрудно понять истинный смысл «секретного соглашения». Перед заключением пакта в секретном документе японского правительства от 7 августа 1936 г. было записано: «В отношении Советского Союза интересы Германии и Японии в основном совпадают... Наше сотрудничество необходимо направить на обеспечение обороны страны и осуществление мероприятий по борьбе с красными». 25 ноября 1936 г. министр иностранных дел Японии Х. Арита на заседании Тайного совета, который одобрил заключение Антикоминтерновского пакта, заявил: «Отныне Россия должна понимать, что ей приходится стоять лицом к лицу с Германией и Японией»[26].

Хотя антикоммунистическая направленность пакта вселяла надежду западным политикам на перспективу вовлечения Германии и Японии в вооруженную борьбу с Советским Союзом, наиболее дальновидные из них понимали, что факт тесного сближения агрессивных держав мира может обернуться опасностью и для западных держав. Было очевидно, что вознамерившиеся перекроить карту мира Германия и Япония не удовлетворятся завоеванием СССР, а будут стремиться к мировому господству, ниспровержению руководящей роли «старых» колониальных держав и США. Эти опасения весьма быстро стали оправдываться. В Германии начали готовить «воссоединение с германским рейхом» Австрии, аннексию Чехословакии, разгром Франции. Получив набиравшего военную мощь союзника в Европе, японцы уже меньше оглядывались на западные державы в своих планах последовательного завоевания всего Китая. Проверкой их реакции должно было стать дальнейшее военное продвижение из Маньчжурии в Китай.

Разработанный в 1936—1937 гг. японским генеральным штабом план войны в Китае «Хэй» предусматривал силами пяти (в зависимости от обстановки — трех) пехотных дивизий оккупировать Северный Китай. В Центральном Китае должны были действовать пять, а в Южном Китае — одна японская дивизия. В результате наступательных операций намечалось в качестве опорных пунктов захватить китайские города Тяньцзинь, Пекин, Шанхай, Ханчжоу, Фучжоу, Сямэнь и Шаньтоу. Считалось, что, овладев этими городами и прилегающими к ним районами, Япония сможет контролировать всю китайскую территорию[27]. Захват всего Китая намечалось осуществить за два-три месяца.

Оккупация Китая Японией означала ущемление интересов западных держав в этой стране. Китайский рынок был весьма важен для экономики США. По сравнению с 1929 г. общий экспорт США в 1937 г. сократился на 37 %[28]. В обстановке падения спроса на американские товары в Европе монополии США все в большей степени стремились к расширению дальневосточных рынков. Если к концу 1930 г. капиталовложения США в Китае составляли 196,8 млн долларов, то в 1936 г. они достигли 342,7 млн долларов. Удельный вес

США во внешней торговле Китая в 1936 г. составлял 22,7 %. Еще большей была заинтересованность в Китае Великобритании, инвестиции которой в этой стране составляли в 1936 г. 1141 млн долларов[29].

В Токио понимали, что обострение соперничества в борьбе за Китай создавало опасность вооруженного столкновения с США и Великобританией. Готовясь к новым захватам китайской территории, японские лидеры стремились избежать такого развития событий. В середине 1930-х гг. в стране была развернута шумная пропагандистская кампания под лозунгами «борьбы с коммунистической опасностью», «агрессивности большевистской России», «кризиса обороны Японии». В начале 1936 г. премьер-министр Японии К. Хирота заявил в парламенте, что самой большой проблемой на Дальнем Востоке является борьба с «угрозой коммунизма»[30]. Японские лидеры рассчитывали, что антикоммунистический и антисоветский характер планов расширения экспансии в Восточной Азии, как и во времена захвата Маньчжурии, будет способствовать тому, что западные державы вновь не окажут сопротивления японской агрессии.

Однако, поскольку на сей раз речь шла об овладении Японией Центральным и Южным Китаем, где были сосредоточены основные интересы США и Великобритании, требовалась более гибкая политика, обеспечивавшая невмешательство в войну этих держав. В связи с этим военно-морское министерство и главный морской штаб Японии 16 апреля 1936 г. представили правительству «Предложения по вопросу внешней политики».

В документе рекомендовалось, «воспользовавшись сложной ситуацией в Европе и ослаблением позиций Великобритании в Азии, установить тесные связи с английскими колониями, чтобы они удерживали англичан от проведения антияпонской политики». В отношении США предусматривалось «обратить самое серьезное внимание (этой страны) на увеличение мощи (Японии), вынуждая Америку признать позиции Японии в Восточной Азии, а с другой стороны, установить с США дружественные отношения на основе экономической взаимозависимости»[31].

Как показали последующие события, расчеты Токио в значительной степени оправдались. После начала 7 июля 1937 г. в результате спровоцированной японцами перестрелки на мосту Лугоуцяо (Марко Поло) близ Пекина полномасштабной войны Японии в Китае американский посол в Японии Дж. Грю телеграфировал 14 июля в госдепартамент: «Одной из основных целей внешней политики Японии является устранение влияния западных держав как фактора дальневосточной политики, особенно как фактора в отношениях между Китаем и Японией»[32]. Тем не менее правительство США считало, что в конце концов с японцами удастся договориться. Об этом свидетельствует переписка американских послов в Китае и Японии с госдепартаментом США. Посол Грю в телеграмме от 27 августа 1937 г. писал: «Мы полностью согласны с мнением (посла США в Китае Н. Джонсона. — *Прим. ред.*), что любая попытка Соединенных Штатов воспрепятствовать развитию японской политики в Китае путем демонстрации нашего осуждения не даст полезного эффекта. Если мы будем осуществлять нажим, это приведет к ликвидации тех элементов дружбы между Японией и США, которые накопились и накапливаются в результате тактики, методов и способов поведения нашего правительства, используемых в отношении нынешнего конфликта»[33]. Посол рекомендовал правительству США «избегать вовлечения в войну, решительно защищать жизнь, имущество и права американских граждан (в Китае), продолжать политику строгого нейтралитета, сохранять с обеими воюющими странами отношения традиционной дружбы». При этом подчеркивалась необходимость «предпринять особые шаги к укреплению наших отношений с Японией». Грю считал, что политика умиротворения будет оценена японцами, которые «не забывают применявшиеся нами во время маньчжурских событий методы»[34].

Предложения посла совпадали с позицией Вашингтона. В ответной телеграмме от 28 августа госдепартамент положительно оценил точку зрения Дж. Грю. О том, что правительство США не желает поддерживать жертву агрессии, оно заявило практически сразу после начала военных действий Японии в Китае. 16 июля 1937 г. было опубликовано заявление государственного секретаря США К. Хэлла, в котором прямо давалось понять, что Америка не

намерена активно противодействовать агрессивным акциям Японии в Китае. В заявлении говорилось: «Мы воздерживаемся от вступления в союзы и вовлечения в принятие обязательств...» Не делая разницы между агрессором и его жертвой, Хэлл призывал правительства Японии и Китая «к сдержанности в интересах мира во всем мире». Для того чтобы у японцев не осталось никаких сомнений в позиции США, американское правительство дало указание своему послу в Токио сообщить японскому министру иностранных дел о том, что США «желают избежать малейшего вмешательства»[35].

В Лондоне сообщения о начале Японией нового этапа войны вызвали тревогу. Английское правительство острее ощущало непредсказуемые последствия уступок Японии. Заместитель наркома иностранных дел СССР Б. С. Стомоняков отмечал 29 июля 1937 г.: «Хотя, судя по всем сведениям, Англия встревожена японской агрессией в Северном Китае, я убежден, что она несет значительную ответственность за эту агрессию... В переговорах с английским правительством в Лондоне она (Япония) почерпнула убеждение, что Англия не окажет сопротивления ее новой агрессии в Северном Китае»[36]. Позже, в конце сентября, он писал полпреду СССР в Японии М. М. Славуцкому: «Мы точно осведомлены о том, что Япония перед тем как прибегнуть к новым военным действиям в Китае, а также после этого делала и делает большие усилия, чтобы смягчить свои отношения с Англией и договориться с ней по ряду спорных вопросов, включая и вопрос о разделе сфер влияния в Китае. После начала военных действий официальные переговоры в Лондоне были прекращены, однако неофициальные разговоры продолжались. Попыткам договориться содействовали и содействуют те круги консерваторов, которые являются сторонниками необходимости договориться во что бы то ни стало с фашистскими государствами, не останавливаясь даже перед более или менее серьезными уступками за счет империалистических интересов Великобритании»[37].

Стремясь обезопасить свои весьма уязвимые в создавшейся обстановке интересы в Китае, правительство Великобритании пыталось привлечь США к совместному выступлению трех держав — Великобритании, Франции, США. Английский министр иностранных дел Э. Иден писал, что «без США Англия едва ли сможет пойти дальше платонических демаршей перед японским правительством»[38]. Однако, видя нежелание США противодействовать японской экспансии, английское правительство стало склоняться к тому, чтобы найти какой-то компромисс с Японией. В одном из своих писем американскому президенту Ф. Рузвельту премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен рассуждал: «Для того чтобы ослабить угрозу со стороны Германии, мы рассчитываем на помощь США. Изолированная, лишенная помощи Великобритания хотела бы избежать одновременного возникновения проблем в Европе и на Дальнем Востоке. Поэтому не стоит ли нам постараться достичь согласия с Японией?»[39]

В сентябре 1937 г. послом Великобритании в Токио был направлен Р. Крейги, известный своей приверженностью политике умиротворения. Основной смысл его рекомендаций правительству сводился к тому, что решительные действия западных держав в отношении Японии приведут лишь к повышению роли военных в японской политике, а значит, к усилению воинственности этого государства.

Не проявляла активности в вопросе организации коллективных действий против Японии и Франция, ожидавшая вовлечения Японии в войну против СССР. 26 августа 1937 г. министр иностранных дел Франции И. Дельбос в беседе с послом США в Париже В. Буллитом заявил, что «по его мнению, японское наступление в конечном счете направлено не против Китая, а против СССР. Японцы желают захватить железную дорогу от Тяньцзиня до Бейпина (Пекина) и Калгана (Чжанцзякоу), для того чтобы подготовить наступление на Транссибирскую железную дорогу в районе озера Байкал и против Внутренней и Внешней Монголии». В ожидании этих событий Дебольс рекомендовал, чтобы правительства западных держав способствовали разрешению японо-китайского конфликта невоенными средствами[40].

Тем временем японская армия быстро продвигалась в глубь Северного Китая. В августе японцы открыли фронт в Центральном Китае, 13 августа при поддержке авиации и флота начали наступление на Шанхай, создали угрозу столице Китая — Нанкину. США ответили на вторжение японских войск в Центральный Китай отправкой в Шанхай контингента

американских моряков численностью 1200 человек. Одновременно послы США, Великобритании и Франции по поручению своих правительств предложили Японии и Китаю превратить Шанхай в нейтральную зону. Однако японцы игнорировали эти и последующие акции западных держав.

Политика попустительства агрессору создавала крайне тяжелое положение для Китая, грозившее потерей его самостоятельности. Во время многочисленных встреч с американскими и английскими дипломатами в Китае глава китайского правительства Чан Кайши убеждал их, что единственный путь остановить японскую агрессию — это совместные действия США, Великобритании и других государств. При этом он, с одной стороны, указывал на перспективу серьезного нарушения их интересов в Китае, а с другой — взывал к моральным обязательствам, которые западные державы возложили на себя, подписав Вашингтонский договор 1922 г., декларировавший независимость и целостность Китая. Чан Кайши настойчиво призывал западные державы к сотрудничеству «теперь и незамедлительно» с тем, чтобы добиться прекращения японской агрессии. Однако западные державы, не желая сколько-нибудь серьезно задевать Японию, по существу, оставляли Китай наедине с агрессором.

В начале августа министр иностранных дел Китая Ван Чунхой следующим образом характеризовал позиции западных держав:

«1. Америка — полное невмешательство и отказ от какой-либо коллективной акции.

2. Англия старается удержать Японию от дальнейшей агрессии в Китае.

В Токио Англия сделала «дружественные» представления японскому правительству. Во всяком случае, Англия заявила Японии, что всякие переговоры между ними прекращаются.

3. Франция относится наиболее дружественно к Китаю, но не может решиться ни на какую акцию без Америки»[41].

Оправдались расчеты Токио и на то, что крупный капитал США и отражающее его интересы правительство постараются сохранить с Японией отношения «экономической взаимозависимости».

Планируя войну в Китае, японские лидеры опасались распространения на Японию принятого конгрессом США в 1935 г. закона о нейтралитете, ограничивавшего экспорт военных материалов в воюющие страны. Незадолго до вторжения японских войск в Северный Китай 29 апреля 1937 г. этот закон был расширен и дополнен. Президенту США предоставлялось право запрещать экспорт оружия и военного снаряжения в находящиеся в состоянии войны государства. При этом введенное законодательство не предусматривало запрета на вывоз из США в воюющие страны стратегического сырья.

Поставки из США стратегического сырья и материалов имели для Японии жизненно важное значение. В 1937 г. на США приходилась одна треть всего импорта Японии. Как указывают японские историки, «Америка находилась в положении, позволявшем определять судьбу японской экономики»[42].

Стремясь обойти американский закон о нейтралитете, японское правительство сознательно не объявляло Китаю войну, упорно выдавая свою агрессию за инцидент. В официальном заявлении японского правительства от 15 августа 1937 г. говорилось, что военные действия японских вооруженных сил в Северном Китае следует рассматривать лишь как «наказание за жестокости китайской армии с целью побудить нанкинское правительство к признанию своей вины».

В свою очередь, монополии США всемерно противились признанию американским правительством «состояния войны» в Китае и распространению на Японию закона о нейтралитете. Война Японии в Китае позволяла американскому крупному бизнесу извлекать из нее огромные барыши. В 1937 г. поставки из США в Японию выросли в два-три раза. При этом если по сравнению с 1936 г. весь американский экспорт в эту страну увеличился в 1937 г. на 41 %, то экспорт военных материалов за тот же период возрос на 124 %. Военные материалы составляли 58,5 % от общего экспорта США в Японию. Американский экспорт в Японию увеличился в 1937 г. по сравнению с предыдущим мирным годом в следующих размерах: по железному и стальному лому — в 2,7 раза, самолетам и запчастям к ним — в 2,5 раза, метал-

РАЗГРОМ ЯПОНСКИХ МИЛИТАРИСТОВ У РЕКИ ХАЛХИН-ГОЛ 20–31 августа 1939 г.

Сев. группа
6 кд МНРА. 601 сп,
7 мббр, два тб 11 тбр,
82 гап, 87 птд

Центр. группа
82 сд (без 601 сп),
36 мсд (24 мсп, 149 сп),
5 спбр, 2, 3/185 кап,
1/126 ап РГК, батр 297 ап

1 АРМЕЙСКАЯ
ГРУППА

Южная группа
57 сд, 8кд МНРА: 8 мббр,
6 тбр (без одного тб), два тб
11 тбр, 1/185 кап, 37 птд, тр Т-130

Резерв
9 мббр
212 адбр
4 тб 6 тбр
спб 11 тбр
спб 7 мббр
две роты пограничников

Резерв
Сев. охран. отряд
8 кп и части 9 кп

Резерв

Мото-мех. бр.
(Резерв)

23 пд

7 пд

6 А

14 пбр из Хайлара 24.8

Сводный левофланговый отряд

Смешанная бригада

оз. Одон-Нур
оз. Яньху
оз. Узур-Нур
Халхин-Гол

15 кп
6 кд
17 кп
601 сп тб 11 тбр
82 гап
7 мббр тб 11 тбр
9 мббр, 4 тб 6 тбр
212 адбр две роты погран. 23.8
спб 11 тбр, спб 7 мббр. 21.8
36 мсд
2/175 кап
3/175 кап
2, 3/185 кап
1 АГ
24 мсп
149 сп
5 спбр
26 пп
27 пп
601 сп
64 пп
72 пп
7 мббр
30.8
22.8
23.8
23–31.8
27.8
28 пп
602 сп
82 лап
603 сп
82 сд
1/126 ап РГК
71 пп
293 сп тб 11 тбр
127 сп тб 11 тбр
80 сп (без сб)
6 тбр сб 80 сп
8 мббр
6 тбр
57 гап
57 лап
57 сд
1/185 кап
8 кд
6 тбр 20.8
23–24.8
21.8
24.8
22.8
25.8
26.8

Район боевых действий
С С С Р
Борзя
Хайлар
Баян-Тумэн
Тамсаг-Булак
ЦИЦИКАР
Территория, оккупированная Японией
К И Т А Й
1:20 000 000

Положение войск к 9.00 20.8
советско-монгольских
японских

Районы огневых позиций артиллерии
советской
японских

Наступление советско-монгольских войск
с 20.8 по 23.8
с 24.8 по 31.8
Переброска японских частей для усиления флангов
Направление ввода резерва 1АГ
Оборона советско-монгольских войск,созданная для обеспечения внешнего фронта окружения противника
Ликвидация попыток противника освободить окруженную группировку 24–26.8
Попытки противника выйти из окружения 27.8
Уничтожение окруженных группировок противника

1:400 000

ФАШИСТСКИЙ БЛОК В ЕВРОПЕ к июню 1941 г.

1:25 000 000

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ БАЗА ФАШИСТСКОГО БЛОКА В ЕВРОПЕ к июню 1941 г.

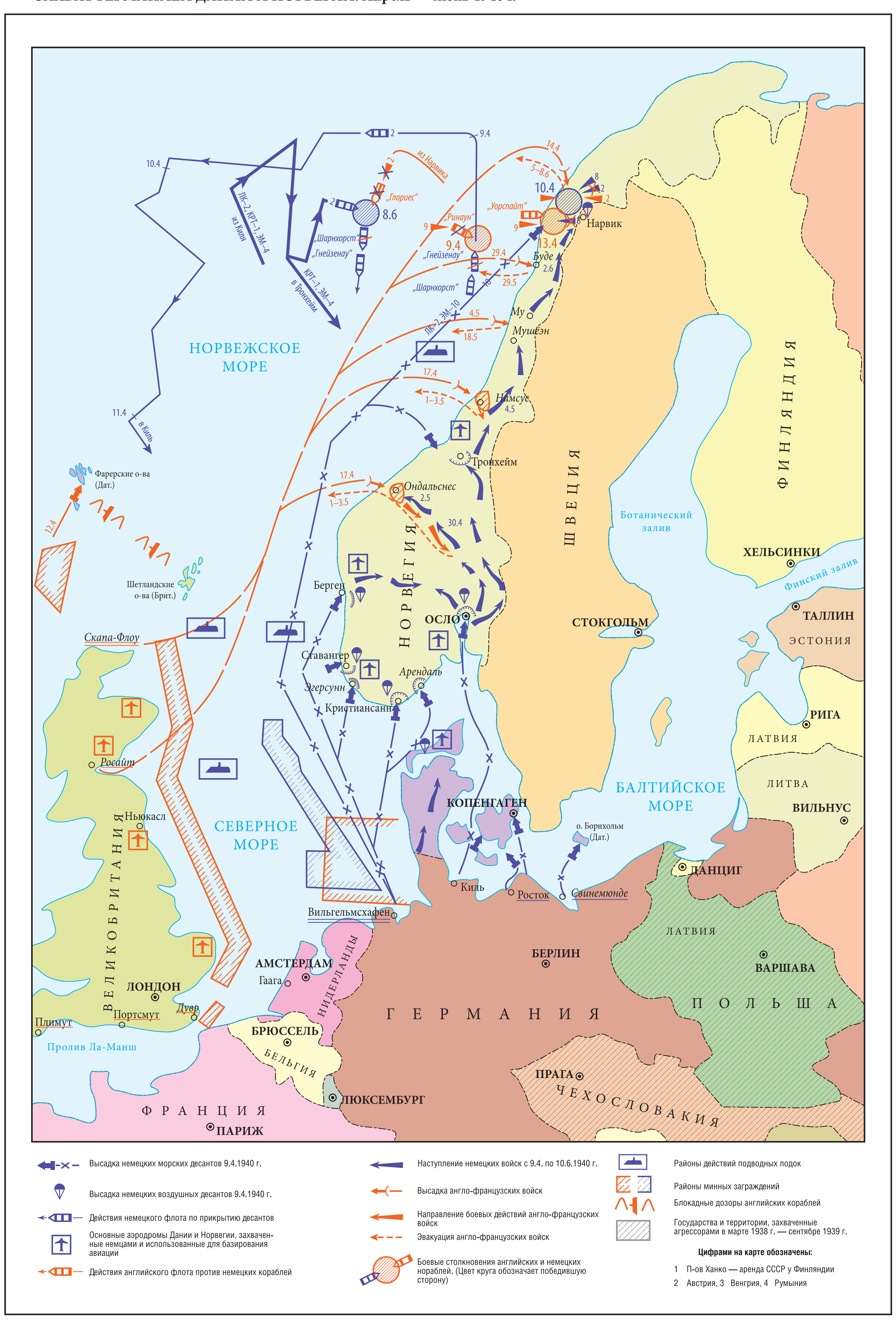
ВОЙНА ГЕРМАНИИ ПРОТИВ ПОЛЬШИ. Сентябрь 1939 г.

Дания
Швеция
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
Литва
КАУНАС
ВИЛЬНЮС
КЕНИГСБЕРГ
ДАНЦИГ
СССР
Польша
Румыния
Германия
Чехословакия
БЕРЛИН
ПРАГА
ВАРШАВА
КРАКОВ
ЛЬВОВ
ГРУППА АРМИЙ «СЕВЕР»
3, 4 А
1 ВФ
ГРУППА АРМИЙ «ЮГ»
8, 10, 14 А
4 ВФ
АРМИЯ «ПОМОЖЕ»
АРМИЯ «МОДЛИН»
АРМИЯ «ПОЗНАНЬ»
АРМИЯ «ЛОДЗЬ»
АРМИЯ «ПРУСЫ»
АРМИЯ «КРАКОВ»
АРМИЯ «КАРПАТЫ»
Опер. гр. «Нарев»
Опер. гр. «Вышкув»
Гр. «Пискор»

Государства и территории, захваченные в марте 1938 г. — марте 1939 г.:
Германией; Венгрией; Польшей;
Территория Вильнюсской области, захваченная Польшей в 1920 г
Рубежи развертывания и положение войск сторон к 1.9.1939 г.
Наступление немецких войск 1–8.9
Уничтожение польских кораблей артиллерийским огнем с моря и авиацией
Прорыв отдельных польских кораблей из Гдыни
Положение польских войск на 8.9
Наступление немецких войск 9–17.9
Направление отхода польских войск из района Познань
Контрудар польских войск под Кутно
Окружение, разгром и пленение польских войск
Упорная оборона польских городов
Линия наибольшего продвижения немецких войск на восток к 17.9

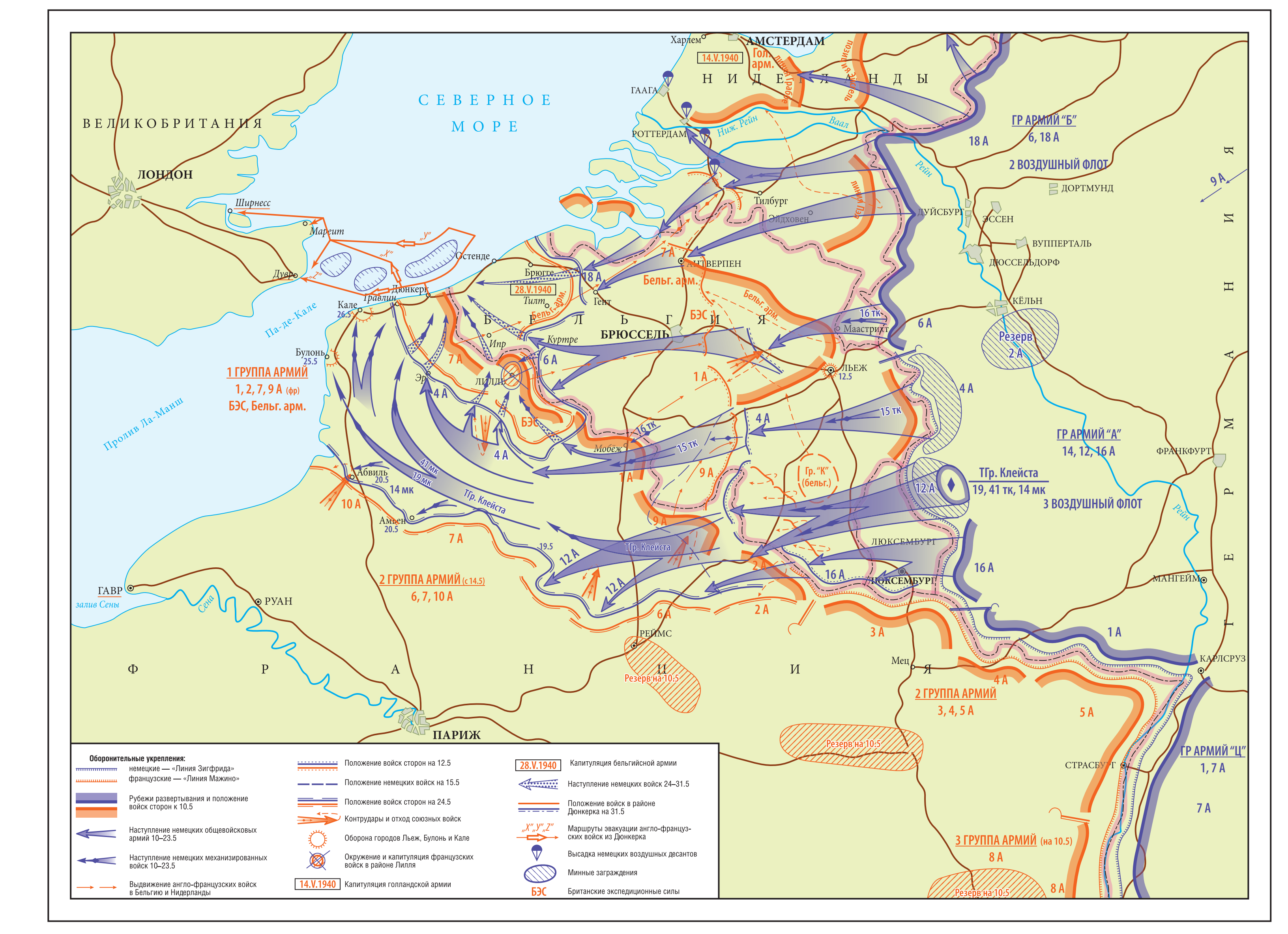
1:4 500 000

ЗАХВАТ ГЕРМАНИЕЙ ДАНИИ И НОРВЕГИИ. Апрель — июнь 1940 г.



1:15 000 000

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В НИДЕРЛАНДАХ, БЕЛЬГИИ И СЕВЕРНОЙ ФРАНЦИИ. 10–31 мая 1940 г.



1:2 500 000

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ВО ФРАНЦИИ. 5–24 июня 1940 г.

1:5 000 000

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ, В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ И НА БАЛКАНАХ. Июнь 1940 – март 1941 г.

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ
ЛОНДОН
Пролив Ла-Манш
Па-де-Кале
ФРАНЦИЯ
ПАРИЖ
ЛЮКСЕМБУРГ
ГЕРМАНИЯ
БЕРЛИН
ПОЛЬША
ВАРШАВА
ПРАГА
ЧЕХОСЛОВАКИЯ
ВЕНА
АВСТРИЯ
БУДАПЕШТ
ВЕНГРИЯ
РУМЫНИЯ
БЕРН
ВАДУЦ
БИСКАЙСКИЙ ЗАЛИВ
Хихон
ПОРТУГАЛИЯ
ЛИССАБОН
ИСПАНИЯ
МАДРИД
АНДОРРА
БАРСЕЛОНА
Альмерия
ГИБРАЛТАР (Брит.)
ТАНЖЕР (Межд. зона)
ТЕТУАН
Испанское Марокко
Мелилья
РАБАТ
Касабланка
Марокко (Фр.)
Алжир (Фр.)
АЛЖИР
Мерс-эль-Кебир
Константина
Бизерта
ТУНИС
Тунис (Фр.)
МИЛАН
Генуя
Специя
МОНАКО
Марсель
Тулон
из Гибралтара 6.2.41
9.2.41
Венеция
Триест
САН-МАРИНО
ИТАЛИЯ
РИМ
Неаполь
Таранто
Мессина
ЮГОСЛАВИЯ
Загреб
БЕЛГРАД
АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
ТИРРЕНСКОЕ МОРЕ
ИОНИЧЕСКОЕ МОРЕ
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ
ТИРАНА
9А
IIА
Янина
Волос
ГРЕЦИЯ
АФИНЫ
ТУРЦИЯ
Анталия
РОДОС
НИКОСИЯ
Фамагуста
Латакия
Сирия (Фр. мандат)
Триполи
БЕЙРУТ
ДАМАСК
АММАН
ИЕРУСАЛИМ
Палестина (Брит. мандат)
Трансиордания (Брит. мандат)
Порт-Саид
КАИР
Суэц
11.1.41
КРАСНОЕ МОРЕ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Александрия
3.7.40
Мерса-Матрух
9.12.40
АРМИЯ "НИЛ" (8А)
Бардия
Тобрук
3.1.41
Дерна
Бенгази
7.2.41
Аджедабия
Эль-Агейла
10А
31.3.41
Сирт
февр. 1941
ТРИПОЛИ
Ливия (Ит.)
27.II.40
9.7.40
10.I.41
II.I.41
12.10.40
28–29.3.41
19.7.40

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ИТАЛО-ГРЕЧЕСКОМ ФРОНТЕ. Октябрь 1940 г.-март 1941 г.

АЛБАНИЯ
Эльбасан
Люшня
Грамшии
Берат
Поградец
Корча
Кельцюра
Эрсека
Дукати
Химара
Саранда
ИОНИЧЕСКОЕ МОРЕ
ЮГОСЛАВИЯ
Битола
Кастория
ГРЕЦИЯ
ЗАПАДНО-МАКЕДОНСКАЯ АРМИЯ
1.II.40
3.II.40
9А
IIА
Янина
Вусина

Положение итальянских и греческих войск на 27.10.1940 г.
Наступление итальянских войск 28.10–7.11.1940 г.
Контрудары греческих войск 1.11 и 3.11.1940 г.
Наступпение греческих войск 14.11.1940 г.–январь 1941 г.
Положение итальянских и греческих войск на февраль–март 1941г.
Попытка контрнаступления итальянских войск 9–16.3.1941г.

1:2 500 000

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

Наступление итальянских войск в Египте 13–16.9.1940 г.
Наступление английских войск в Ливии 9.12.1940 г.–10.2.1941г.
Поддержка фланга английской армии эскадрой прибрежного действия
Высадка немецких войск в Ливии в феврале 1941 г.
Наступление немецких и итальянских войск в Ливии 31.3–15.4.1941 г.
ОборонаТобрука английскими войсками
Минирование немецкой авиацией Суэцкого канала

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ

Морские бои и боевые столкновения (круг изображается цветом победившей стороны, при неопределенном исходе боя — черным)
Удары авиации по кораблям, соединению кораблей
1. Захват англичанами французских кораблей в Александрии 3.7.1940 г.
2. Нападение английской эскадры на французские корабли в Мерс-эль-Кебире и Оране 3.7.1940 г. с целью их захвата и прорыв части французского флота
3. Бой у мыса Стило 9.7.1940 г
4. Бой у мыса Спата 19.7.1940 г.
5. Бой у о. Мальта 12.10.1940 г.
6. Бой у мыса Теулада 27.11.1940 г.
7. Действия итало-немецких кораблей и авиации против английских конвоев
8. Бой у мыса Матапан 28-29.3.1941 г.
9. Бомбардировка итальянских кораблей в Таранто 11–12.11.1940 г.
10. Артиллерийский обстрел Генуи английскими кораблями 9.2.1941г.

Бомбардировка Гибралтара немецкой авиацией
Основные районы действий английских подводных лодок
Итальянские минные заграждения
Пути морских конвоев

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА БАЛКАНАХ

Наступление итальянских войск 28.10–7.11.1940 г.
Наступпение греческих войск 14.11.1940 г.–январь 1941 г.
Высадка английских войск в Пирее и Волосе 7–31.3.1941 г.
Войска „Свободная Франция» в Сирии
Территории, оккупированные агрессорами к марту 1941 г.

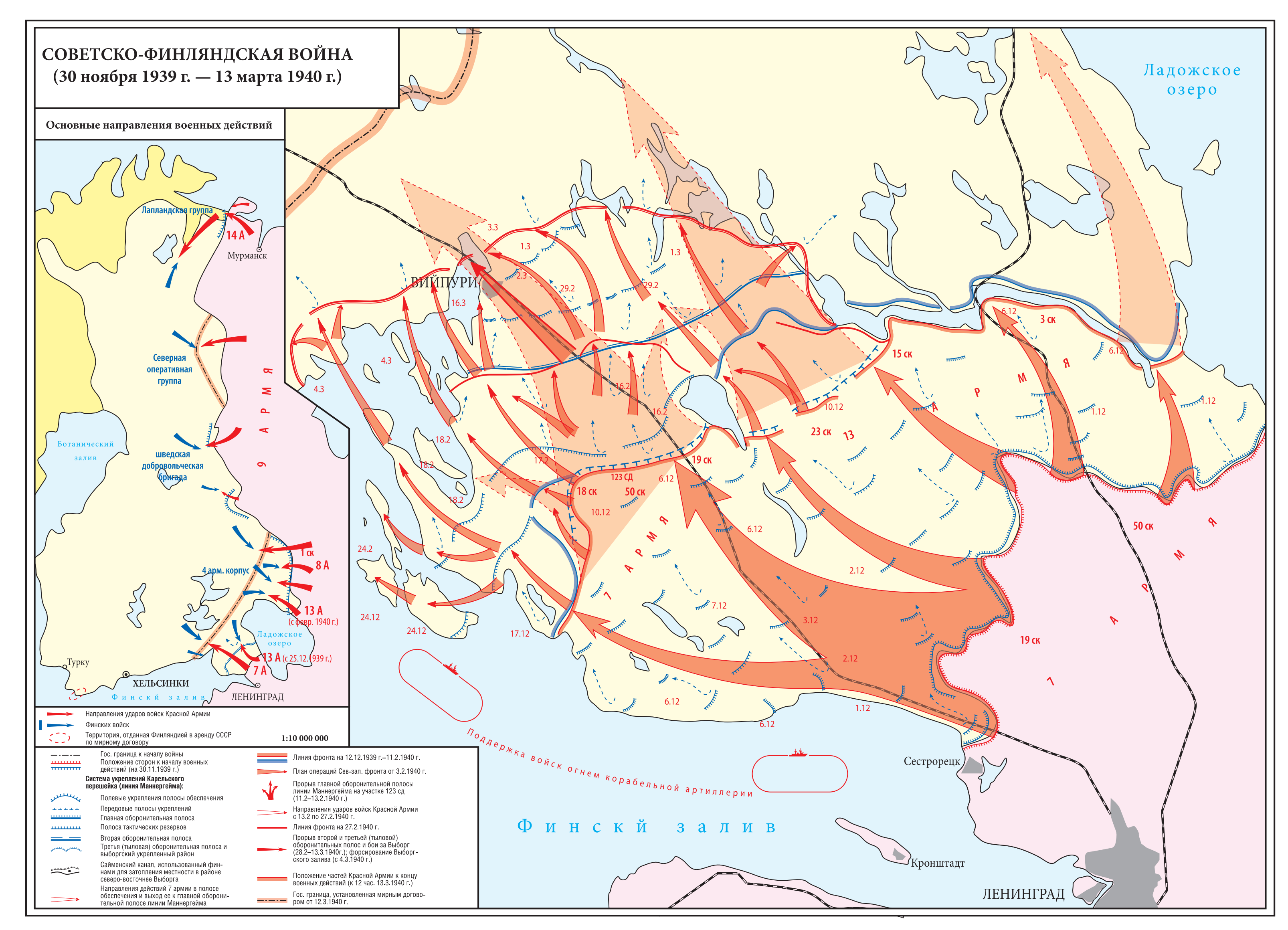
1:16 000 000

ФАШИСТСКАЯ АГРЕССИЯ НА БАЛКАНАХ. Апрель — май 1941 г.

1:8 000 000

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В КИТАЕ И НАЧАЛО ОККУПАЦИИ ЯПОНИЕЙ ИНДОКИТАЯ. Сентябрь 1939 — июнь 1941 г.

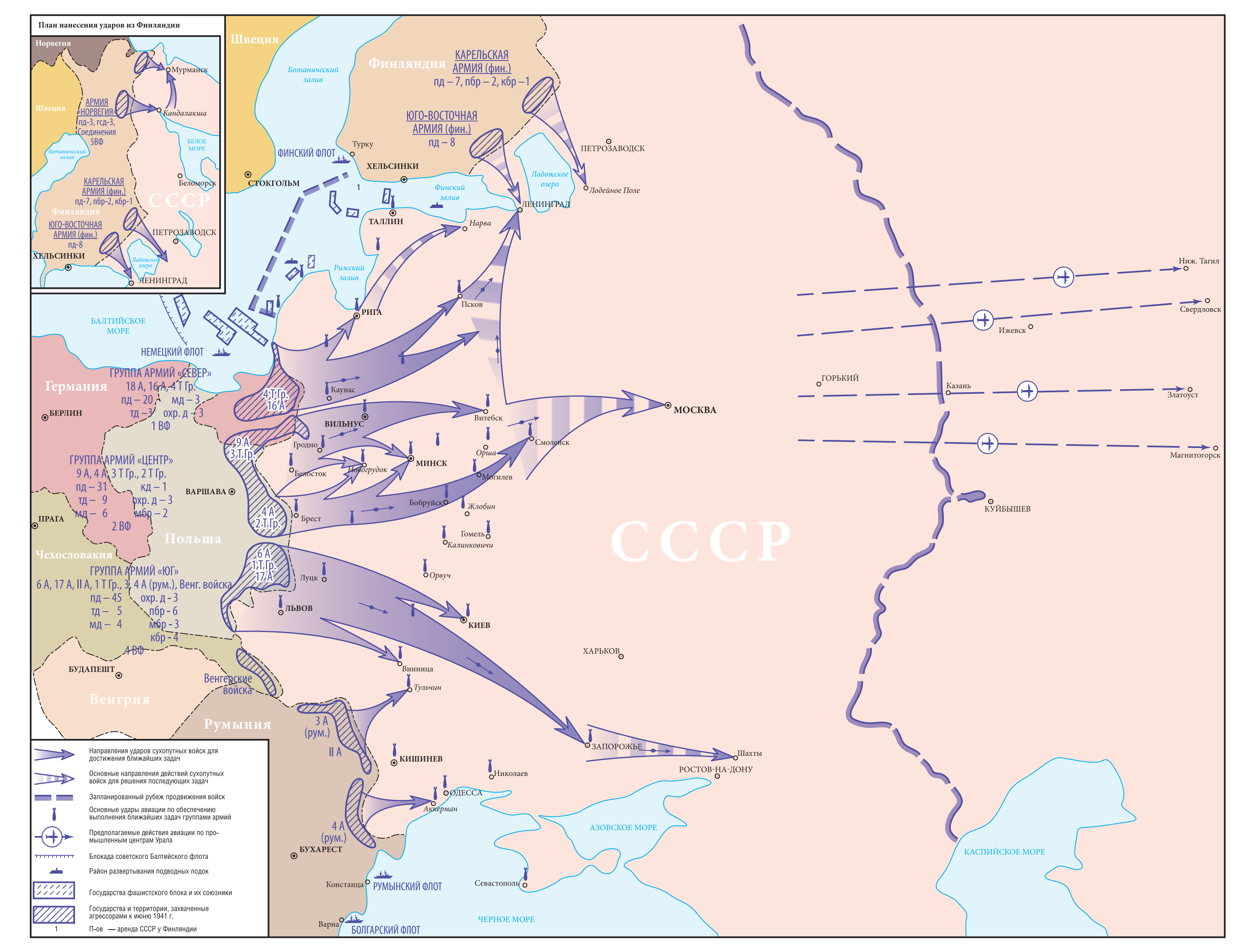
1:15 000 000



СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА
(30 ноября 1939 г. — 13 марта 1940 г.)
Основные направления военных действий
Лапландская группа
14 А
Мурманск
Северная оперативная группа
9 АРМИЯ
Ботанический залив
шведская добровольческая бригада
1 ск
8 А
4 арм. корпус
13 А (с февр. 1940 г.)
Ладожское озеро
13 А (с 25.12.1939 г.)
7 А
Турку
ХЕЛЬСИНКИ
Финский залив
ЛЕНИНГРАД
Направления ударов войск Красной Армии
Финских войск
Территория, отданная Финляндией в аренду СССР по мирному договору
1:10 000 000
Ладожское озеро
ВИИПУРИ
3 ск
15 ск
23 ск
13 АРМИЯ
19 ск
123 СД
18 ск
50 ск
7 АРМИЯ
Сестрорецк
Кронштадт
ЛЕНИНГРАД
Финский залив
Поддержка войск огнем корабельной артиллерии
Гос. граница к началу войны
Положение сторон к началу военных действий (на 30.11.1939 г.)
Система укреплений Карельского перешейка (линия Маннергейма):
Полевые укрепления полосы обеспечения
Передовые полосы укреплений
Главная оборонительная полоса
Полоса тактических резервов
Вторая оборонительная полоса
Третья (тыловая) оборонительная полоса и выборгский укрепленный район
Сайменский канал, использованный финнами для затопления местности в районе северо-восточнее Выборга
Направления действий 7 армии в полосе обеспечения и выход ее к главной оборонительной полосе линии Маннергейма
Линия фронта на 12.12.1939 г.–11.2.1940 г.
План операций Сев-зап. фронта от 3.2.1940 г.
Прорыв главной оборонительной полосы линии Маннергейма на участке 123 сд (11.2–13.2.1940 г.)
Направления ударов войск Красной Армии с 13.2 по 27.2.1940 г.
Линия фронта на 27.2.1940 г.
Прорыв второй и третьей (тыловой) оборонительных полос и бои за Выборг (28.2–13.3.1940г.); форсирование Выборгского залива (с 4.3.1940 г.)
Положение частей Красной Армии к концу военных действий (к 12 час. 13.3.1940 г.)
Гос. граница, установленная мирным договором от 12.3.1940 г.

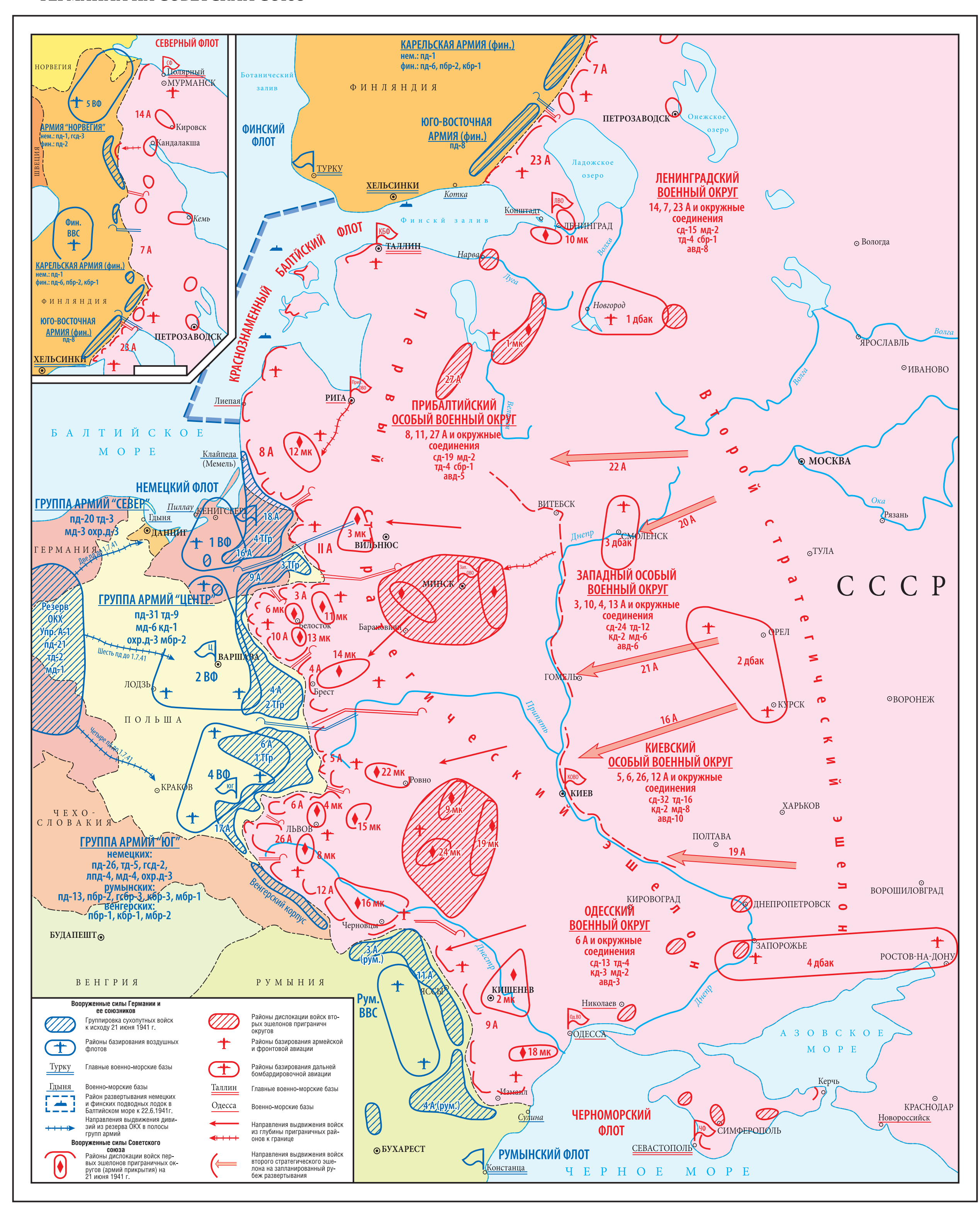
1:600 000

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПЛАН ВОЙНЫ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ ПРОТИВ СССР. (План «Барбаросса»)



1:12 000 000

ГРУППИРОВКА СИЛ НАКАНУНЕ НАПАДЕНИЯ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

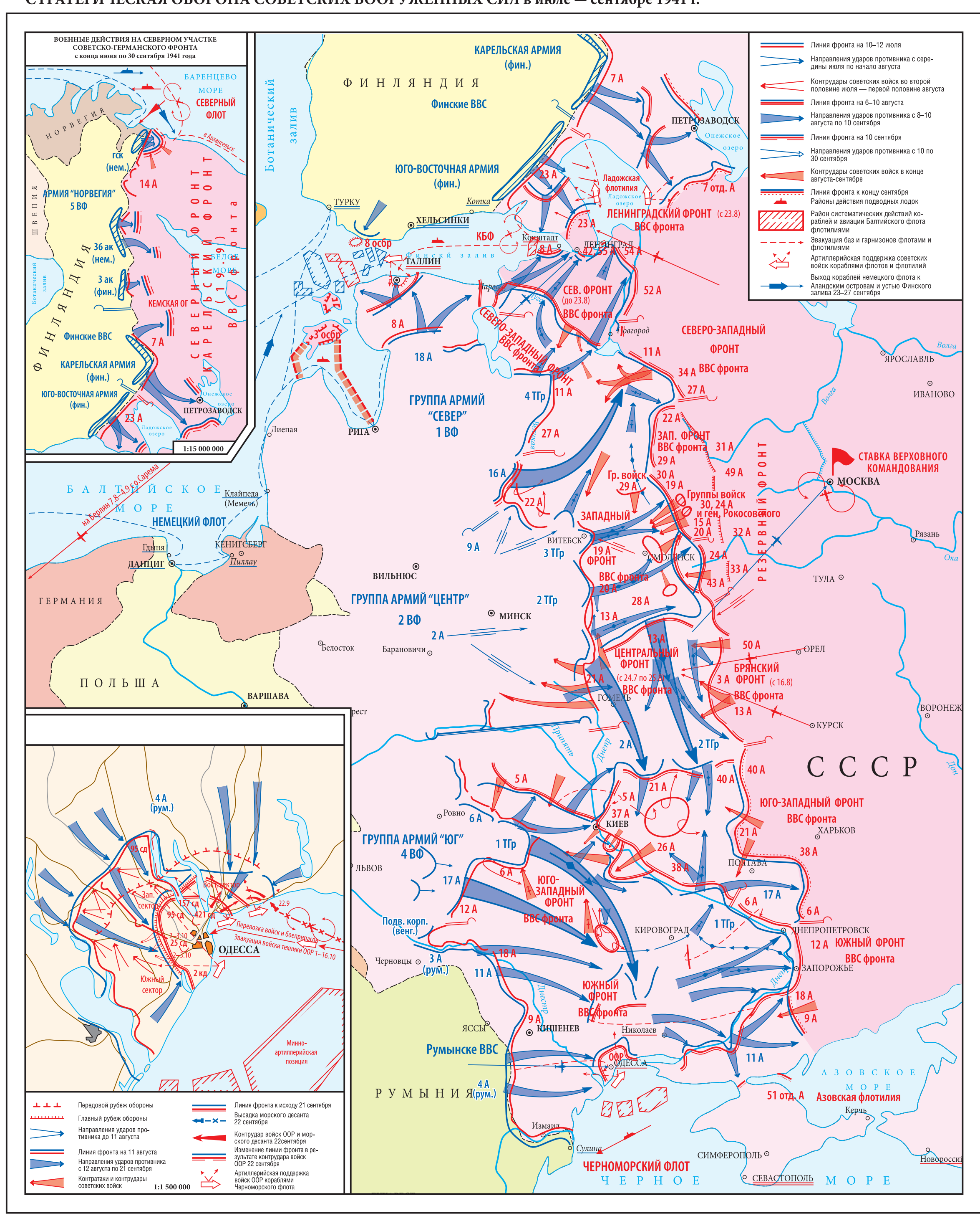


1:8 000 000

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ.
22 июня — середина июля 1941 г.

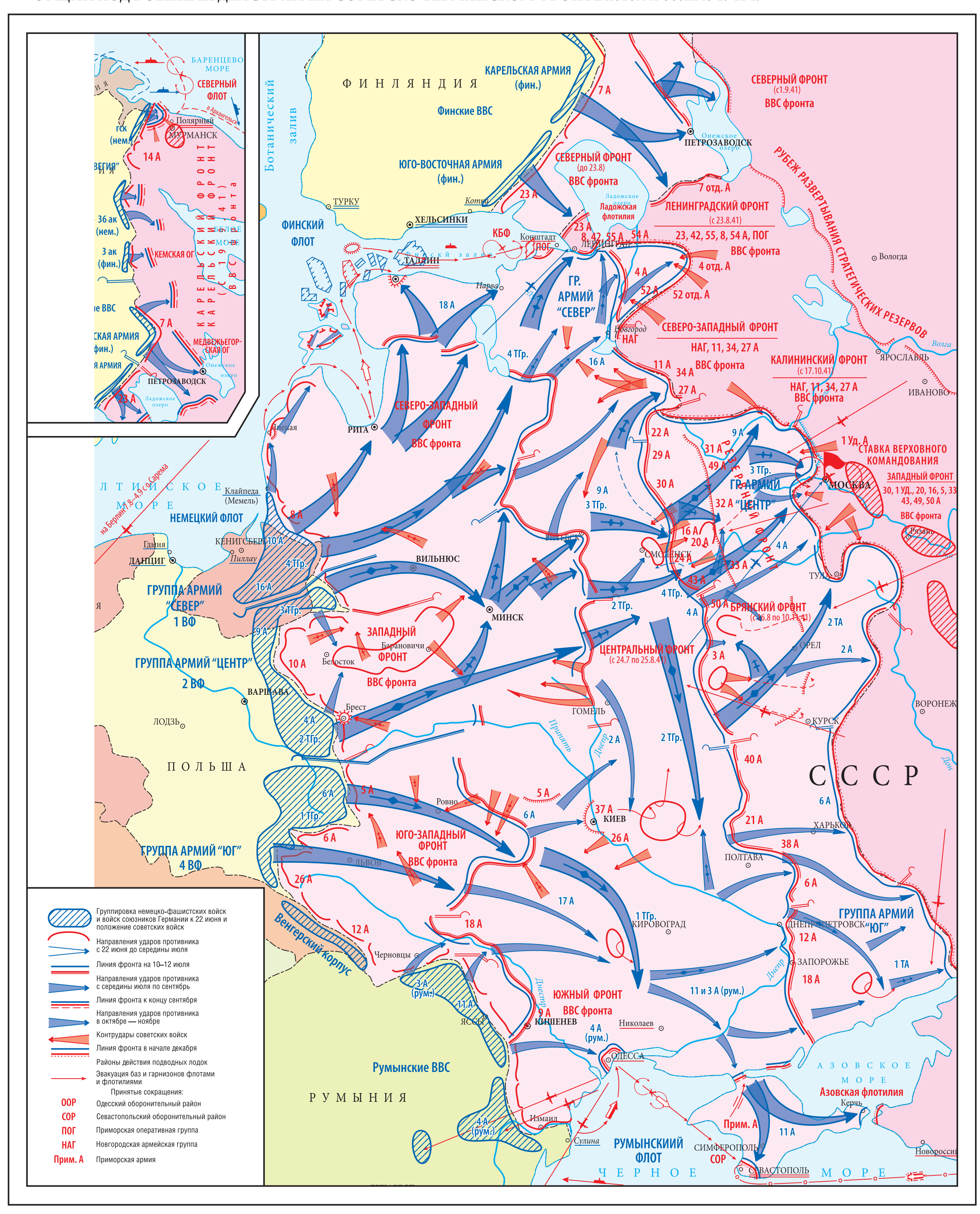
1:8 000 000

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОБОРОНА СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ в июле — сентябре 1941 г.



1:8 000 000

ОБЩИЙ ХОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ летом и осенью 1941 г.



1:8 000 000

лообрабатывающим станкам — в 3,5 раза, сырой нефти — в 2,5 раза, бензину — в 1,5 раза, меди — в 2,4 раза, свинцу — в 1,1 раза, чугуну и стали — в 16,3 раза[43].

О подлинном смысле «применения» США закона о нейтралитете в Японо-китайской войне свидетельствует заявление американского сенатора Л. Швеленбаха, который говорил: «Ни у кого не может быть сомнения в том, что мы активно участвуем в войне, которую Япония ведет в Китае. Получается так, что поведение японцев можно рассматривать как более честное, чем наше. Они, по крайней мере, посылают своих людей, которые рискуют быть убитыми. Мы не рискуем своими жизнями в этой войне. Все, что мы делаем, — это посылаем наши товары и материалы, которые они требуют для военных целей, и получаем за это прибыль»[44].

Столь явная прояпонская политика встречала возраставшее осуждение широких кругов американской общественности, среди которой росло число сторонников объявления экономического бойкота Японии. Учитывая это, американская администрация была вынуждена прибегнуть к словесному осуждению. 5 октября 1937 г. президент США Ф. Рузвельт выступил в Чикаго с речью, в которой призвал к организации «карантина» против агрессоров. Однако этот демарш не был подкреплен какими-либо существенными действиями. В речи выражалось стремление американского правительства оставаться вне войны. «Мы примем меры, которые сведут к минимуму риск вовлечения (в войну)», — подчеркнул президент[45].

Последствия были трагичны для Китая. 12 ноября 1937 г. силами 150-тысячной ударной группировки японцы захватили Шанхай. Через месяц они ворвались в столицу — Нанкин, где учинили кровавую резню мирных жителей.

Среди великих держав только Советский Союз оказал Китаю поддержку, заключив с ним 21 августа 1937 г. договор о ненападении. Заключение этого договора не ограничивалось лишь обязательствами не совершать агрессивных действий друг против друга. Это было, по сути, соглашение о взаимопомощи в борьбе с японскими интервентами. 23 июля 1937 г. Ван Чунхой с горечью говорил послу СССР в Китае Д. В. Богомолову: «Мы все время слишком много надеялись на Англию и Америку, теперь я приму все меры к улучшению китайско-советских отношений»[46].

Следует отметить, что в США и других западных странах были недовольны заключением советско-китайского договора. Считалось, что он нанес удар по планам Токио, предусматривавшим вовлечение Китая в «антикоминтерновский блок».

О решимости советского правительства воспрепятствовать японской агрессии, противопоставить ей объединенные силы ведущих стран мира свидетельствовала позиция, занятая СССР в Лиге Наций. В речи советского представителя 21 сентября 1937 г. отмечалось: «На азиатском материке без объявления войны, без всякого повода и оправдания одно государство нападает на другое — Китай, наводняет его 100-тысячными армиями, блокирует его берега, парализует торговлю в одном из крупнейших мировых коммерческих центров. И мы находимся, по-видимому, лишь в начале этих действий, продолжение и конец которых не поддаются еще учету...»[47]

В Лиге Наций, а затем на открывшейся 3 ноября 1937 г. в Брюсселе специальной международной конференции по ситуации вокруг Маньчжурии советские представители требовали принятия конкретных мер по пресечению японской агрессии. Советский Союз предложил в соответствии со статьей 16 Устава Лиги Наций применить против Японии коллективные санкции, вплоть до военных. Однако представители западных держав сделали все, чтобы это предложение было отклонено. Отвергнуто было и поддержанное Советским Союзом предложение Китая о применении против Японии экономических санкций. Определяющей на конференции в Брюсселе была позиция США, которая, по словам государственного секретаря США К. Хэлла, состояла в том, что «вопрос о методах давления на Японию не входит в задачу данной конференции».

Отказываясь от предлагавшихся СССР коллективных мер по обузданию японских интервентов, западные державы стремились подтолкнуть Советский Союз к самостоятельному выступлению против Японии, ссылаясь на то, что он-де является соседом Китая. Во время

Брюссельской конференции западные представители в провокационной манере заявляли, что «лучшим средством сделать Японию сговорчивее было бы послать несколько сот советских самолетов попугать Токио»[48]. Было очевидно, что вовлечение СССР в Японо-китайскую войну рассматривалось западными державами как наилучшее развитие событий, ибо это означало бы отвлечение Японии от Центрального и Южного Китая.

Оказавшись в конце 1937 г. в крайне сложном положении, правительство Китая, уже не полагаясь на помощь западных держав, информировало об этом советское руководство. 13 декабря Ван Чунхой заявил временному поверенному в делах СССР в Китае: «Китайское правительство имеет точные сведения, что инцидент у Лугоуцяо в июле месяце был заранее подготовлен японцами на случай отказа Китая от японских требований. После шести месяцев войны Китай теперь находится на распутье. Китайское правительство должно решить вопрос, что делать дальше, ибо сопротивляться дальше без помощи извне Китай не может. Китайское правительство имеет твердую решимость сопротивляться, но все ресурсы уже исчерпаны. Не сегодня так завтра перед китайским правительством встанет вопрос, как долго это сопротивление может продолжаться»[49]. Призывая СССР оказать помощь, он указывал, что в случае поражения Китая Япония сделает его плацдармом для войны против СССР и использует для этого все ресурсы страны. 29 декабря глава правительства Гоминьдана Чан Кайши поставил перед правительством Советского Союза вопрос о направлении в Китай советских военных специалистов, вооружения, автотранспорта, артиллерии и других технических средств.

Несмотря на то что выполнение этой просьбы создавало опасность ухудшения советско-японских отношений, советское руководство приняло решение оказать прямую помощь китайскому народу. В первой половине 1938 г. СССР предоставил Китаю кредит на льготных условиях на сумму 100 млн долларов. В Китай были направлены 477 самолетов, 82 танка, 725 пушек и гаубиц, 3825 пулеметов, 700 автомашин, большое количество боеприпасов. Всего с октября 1937 г. по октябрь 1938 г. Советский Союз поставил Китаю 985 самолетов, более 1300 артиллерийских орудий, свыше 14 тыс. пулеметов, а также большое количество боеприпасов, оборудования и снаряжения[50].

Общая сумма займов СССР Китаю с 1938 по 1939 г. составила 250 млн долларов. Заметим, что за этот же период США предоставили Китаю заем в 25 млн долларов. В наиболее трудный начальный период Японо-китайской войны помощь США и Великобритании Китаю была символической. Так, с июля 1937 г. по январь 1938 г. Китай получил от США 11 самолетов и 450 тонн пороха[51].

В то же время увеличивались поставки военных материалов США в Японию, что обеспечивало ей возможность продолжать агрессию. По данным китайских источников, в течение трех первых лет войны из израсходованного японской армией в Китае общего количества бензина (40 млн тонн) 70 % поступило из США. О том, что Япония широко использовала в Китае американские поставки, свидетельствовал тогдашний торговый атташе США в Китае, который писал: «Если кто-то последует за японскими армиями в Китае и удостоверится, сколько у них американского снаряжения, то он имеет право думать, что следует за американской армией»[52]. По подсчетам китайских исследователей, от американского оружия погибали 54 из 100 мирных жителей Китая.

Крупномасштабная советская помощь Китаю реально препятствовала осуществлению японских агрессивных планов, и ее прекращение рассматривалось как одна из важнейших внешнеполитических задач Токио. Японское правительство имело все основания считать, что «разрешение китайского инцидента затягивается из-за помощи, которую оказывает Китаю Советский Союз»[53].

Стремление изолировать СССР от Китая, сорвать его помощь китайскому народу толкало японские военные круги на сознательное обострение японо-советских отношений. В 1938 г. число японских провокаций на советско-маньчжурской границе резко возросло. Так, если в 1937 г. было отмечено 69 нарушений границы японскими военнослужащими, то в 1938 г. их было зарегистрировано почти вдвое больше — 124. Информируя посла СССР в Японии

о серьезности складывавшейся обстановки, заместитель наркома Б. С. Стомоняков писал 25 июня 1938 г., что «линия японской военщины в Маньчжурии, рассчитанная на провокацию пограничных конфликтов, продолжает проводиться непрерывно и все с большей наглостью»[54].

В марте 1938 г. штабом Квантунской армии в Токио был направлен документ «Политика обороны государства», в котором в случае войны с СССР предлагалось силами Квантунской и Корейской армий нанести основной удар по советскому Приморью в целях его захвата и отсечения войск Особой Дальневосточной армии от войск Забайкальского военного округа, затем последовательными ударами осуществить наступление на амурском и забайкальском направлениях. Одновременно намечалось вторжение в Монгольскую Народную Республику. Однако в отличие от военных более осторожные японские политики считали, что приступить к решению «северной проблемы» возможно лишь при поддержке других держав, когда СССР будет вовлечен в войну в европейской части страны.

Весной 1938 г. японские войска продолжали развивать наступление в Центральном Китае. При этом в Токио не скрывали намерения вытеснить США и другие западные державы не только из Китая, но и в целом из Восточной Азии. Это вынудило США занять более жесткую позицию. 17 марта 1938 г. государственный секретарь К. Хэлл выступил с большой речью «Наша внешняя политика», в которой заявил, что США «не намерены отказаться от своих прав и интересов в Китае»[55].

В связи с этим японское правительство, опасаясь обострения отношений с США, решило принять меры, демонстрирующие стремление Японии направить свои военные усилия против СССР.

Военные действия у озера Хасан и на реке Халхин-Гол

Летом 1938 г. японское военно-политическое руководство предприняло попытку расширить до масштабов серьезного вооруженного конфликта один из пограничных инцидентов в районе озера Хасан в Приморье. Однако цели конфликта не ограничивались демонстрацией японских антисоветских намерений западным державам. Составители японской «Истории войны на Тихом океане» отмечают: «Начиная с 1938 г. японо-советские отношения неуклонно ухудшались. Дело в том, что с этого времени помощь Советского Союза Китаю качественно усилилась... Это раздражало Японию... В генштабе японской армии приняли решение продемонстрировать военную мощь, выяснить готовность СССР к войне с Японией... Вначале было решено проверить это нападением на советские войска, мобилизовав 19-ю дивизию Корейской армии, которая непосредственно подчинялась императорской ставке»[56].

Одной из основных целей хасанских событий было вынудить советское руководство пересмотреть свою политику в отношении Китая, не допустить вовлечения СССР в Японо-китайскую войну.

Как уже отмечалось, японцы рассматривали советскую помощь Китаю как вмешательство в Японо-китайскую войну и предпринимали попытки выступать с дипломатическими протестами по этому поводу. Их опасения усиливала поступавшая информация о том, что правительство Чан Кайши и лидеры западных держав все настойчивее подталкивают Москву к прямому участию в войне в Китае.

При анализе замыслов японской императорской ставки по использованию пограничного инцидента в районе озера Хасан важно учитывать тогдашнюю обстановку на Китайском театре военных действий. В июне 1938 г. ставкой была направлена в Экспедиционную армию в Китае директива о проведении операции по овладению трехградьем Ухань, объединявшем крупные промышленные центры — Учан, Ханьян и Ханькоу. 15 июня был отдан приказ о подготовке операции по захвату Ханькоу.

Планируя провокацию в районе озера Хасан, японское военное командование стремилось разведкой боем проверить достоверность сведений, предоставленных ему перешедшим

в июне 1938 г. к японцам начальником управления Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) по Дальневосточному краю комиссаром госбезопасности 3 ранга Г. С. Люшковым. Он дезертировал 13 июня 1938 г. на хуньчуньском участке границы в Посьетском районе, где сходились границы СССР, Кореи и Маньчжоу-Го. Выбор места для побега был выбран не случайно. Люшков, в чьем ведении находилась охрана советской границы, знал, что именно здесь был расположен самый незащищенный ее участок: из-за низинной и болотистой местности по молчаливому согласию японской и советской сторон он практически не охранялся. На основе показаний Люшкова японское командование получило представление о военной мощи, организационной структуре, вооружении, дислокации, основах тактики Красной армии. Люшков передал японцам карты с планом советских приграничных укреплений, размещения пограничных отрядов и частей Красной армии, предоставил данные о численности военнослужащих, шифры радиосвязи и другие секретные документы[57].

Данные, полученные от Люшкова, придали японскому командованию определенную уверенность в успехе. Оценивая создавшееся в Красной армии и в Особой Краснознаменной Дальневосточной армии положение как близкое к катастрофическому, японская военщина умышленно усиливала напряженность на границе, так как считала, что «русские были слишком потрясены и ослаблены, чтобы осмелиться скрестить мечи с императорской армией»[58].

Когда известие о случившемся поступило в Москву, И. В. Сталин срочно направил на Дальний Восток заместителя наркома внутренних дел М. П. Фриновского и начальника Главного политуправления РККА Л. З. Мехлиса для расследования обстоятельств бегства Люшкова и принятия необходимых карательных мер в Дальневосточном краевом комитете ВКП(б) и Особой Дальневосточной армии. По их распоряжению началась тщательная проверка Посьетского погранотряда.

Было принято решение о создании на высоте Заозерная пограничного поста. На высоту были направлены пограничники, которые приступили к натяжке проволочных заграждений, вырыли окопы и установили пулемет. 7 июля японская разведка впервые обнаружила одиночных советских солдат на вершине высоты Заозерная, откуда хорошо просматривались японские позиции, в том числе и железная дорога, что, как решили военные, может представлять определенную угрозу Японии. Поэтому руководством Корейской армии, которой была поручена охрана данного района, было принято решение обратиться за консультациями в Токио. Дело осложнялось еще и тем, что между Корейской и Квантунской армиями существовало своего рода соперничество. Последняя всячески подчеркивала свое превосходство. Поэтому в связи с появлением русских в районе Заозерной из штаба Квантунской армии в Сеул была отправлена телеграмма, смысл которой состоял в призыве к активным военным действиям: «Если Корейская армия будет колебаться, то Квантунская армия возьмет на себя обязательство вытеснить русских...»[59]

Следует добавить, что в эскалации напряженности между Москвой и Токио был заинтересован режим Чан Кайши, лидеры которого продолжали надеяться на вступление СССР в войну против Японии. С этой целью они вели непрерывный дипломатический зондаж, но дальше договора 1937 г. и оказания помощи И. В. Сталин не шел.

15 июля 1938 г. в беседе с поверенным в делах посольства Японии в СССР Х. Ниси в ответ на его требование вывести советские войска с высот западнее озера Хасан заместитель наркома иностранных дел Б. С. Стомоняков сказал, что «в соответствии с Протоколом о тщательно проверенном первом участке границы», подписанным в Ново-Киевском урочище 26 июня 1886 г. и составляющим часть Чанчуньского (Хуньчуньского) соглашения, а также с приложенной к нему картой нет ни малейшего сомнения в том, что «озеро Хасан... расположено полностью на советской территории и что не только западные берега этого озера, но и некоторый район к западу от этих берегов принадлежат Советскому Союзу»[60].

В соответствии с указанием генштаба командование Корейской армии подтянуло к хасанскому участку границы более чем 20-тысячную 19-ю пехотную дивизию со средствами

усиления и некоторые другие части в качестве ближайших резервов. У высот почти ежедневно стали появляться группы японских военнослужащих.

20 июля японский посол в Москве М. Сигэмицу добился аудиенции у наркома иностранных дел М. М. Литвинова и в ультимативной форме потребовал очистить от советских пограничников высоты Чанкуфэн (Заозерная) и Шачжаофэн (Безымянная) на том основании, что они якобы принадлежат Маньчжоу-Го. Посол добавил, что в случае отказа советской стороны Япония не остановится перед применением силы. Предъявленные М. М. Литвиновым документы и фотокопии разменных пограничных карт русско-китайского Хуньчуньского протокола от 26 июня 1886 г. о разграничении М. Сигэмицу счел «неубедительными доказательствами». В связи с этим 22 июля советское правительство направило Японии ноту, в которой отвергло японские требования об отводе советских войск с высоты, расположенной к западу от озера Хасан, так как эти требования не были подкреплены никакими документальными доказательствами. В ноте также указывалось, что Советский Союз никому не угрожает, но и посягательств на свою территорию не допустит[61].

Тем временем японская сторона решила перейти к активным действиям. Началась передислокация к границе ряда соединений не только Корейской, но и Квантунской армии, командование которой тоже жаждало «проучить русских». Сосредоточение японских войск было отмечено в районе станции Пограничная и в ряде других маньчжурских пограничных пунктов. Главный морской штаб Японии сосредоточил в нейтральных водах против устья реки Тумень-Ула 15 кораблей и 15 катеров ВМС. К готовившейся провокации японская военщина собиралась вновь, как и в годы интервенции, привлечь белогвардейские отряды атамана Семенова. В случае успеха в районе озера Хасан на следующем этапе предполагалось вторгнуться на территорию советского Приморья крупными силами и использовать белоэмигрантов для «поддержания порядка» в оккупированных советских районах.

В последней декаде июля японцы неоднократно нарушали границу в районе Заозерной. Вооруженный конфликт мог вспыхнуть в любой момент. 22 июля командующий войсками Дальневосточного фронта (был создан 28 июля 1938 г. на базе Особой Краснознаменной Дальневосточной армии) маршал В. К. Блюхер приказал привести в боевую готовность ближайшую к хасанскому району 40-ю стрелковую дивизию 39-го корпуса 1-й армии и части Барабашского укрепрайона, а 24 июля — все войска 1-й армии и срочно выдвинуть к району возможного конфликта несколько подразделений 40-й дивизии для усиления пограничников на случай возможной провокации японцев. Одновременно было дано указание Тихоокеанскому флоту (командующий — флагман 2 ранга Н. Г. Кузнецов), находившемуся в оперативном подчинении Дальневосточному фронту, привести в боевую готовность корабли и морскую авиацию для пресечения возможного нападения японских ВМС и авиации[62].

Тем временем к району озера Хасан выдвигались 32-я стрелковая дивизия и 2-я механизированная бригада. Опасаясь возникновения конфликта на других участках границы, Военный совет Дальневосточного фронта распорядился привести в боевую готовность и 2-ю армию.

29 июля командование японской Корейской армии придвинуло вплотную к хасанскому участку границы части своей 19-й дивизии. Японцы, воспользовавшись туманом, захватили высоту Безымянную, выбив с нее советский пограничный наряд в составе 11 человек. Подоспевшая на помощь пограничникам рота поддержки из 40-й дивизии контратаковала нарушителей границы и к исходу дня отбросила их за пределы советской территории.

На другой день генштаб императорской армии особым распоряжением предоставил командованию Корейской армии право применять силу в случае «незаконного нарушения границы советскими войсками у высоты Чанкуфэн»[63]. Во исполнение этого распоряжения 31 июля японцы, использовав силы пехотного полка с артиллерией, сбили с высот наряды советских пограничников и подразделения поддержки, отбросили их на глубину до 4 км и вышли на рубеж приморских населенных пунктов Пакшекори и Новоселки к северо-востоку от озера Хасан. Утром 1 августа, опасаясь ответного удара, они оставили занятый рубеж,

отошли к высотам Заозерная и Безымянная и стали поспешно возводить на советской территории укрепления[64].

На всем протяжении дальневосточной границы обстановка была тревожной и взрывоопасной. В любой момент можно было ожидать провокаций и на других участках.

Японское командование, захватив приграничные высоты, посчитало ближайшую задачу, поставленную генштабом армии, выполненной. Действуя по дипломатическим каналам, японцы предложили прекратить огонь и начать переговоры. Однако советская сторона проявила твердость и в ноте протеста, врученной в Токио министру иностранных дел Японии К. Угаки; главным условием урегулирования конфликта поставила безотлагательный отвод японских войск с советской территории.

Ожесточенные бои за хасанские высоты продолжались. 2 августа в район конфликта, в Посьет, прибыли В. К. Блюхер и член Военного совета фронта П. И. Мазепов. Блюхер одобрил распоряжения и действия комкора Г. М. Штерна, отдал уточняющие указания о сосредоточении частей, подходивших к границе, и начал заниматься улучшением снабжения войск. Но уже на следующий день нарком обороны К. Е. Ворошилов направил ему директиву, в которой разнес действия командования фронта, потребовал немедленной ликвидации многоначалия. Комкор Штерн был назначен командиром 39-го корпуса на время операции, а маршал Блюхер фактически отстранен от руководства. Ему было предписано вернуться в Хабаровск еще до окончания операции.

6 августа началось общее наступление советских войск. С юга в узкой полосе между границей и озером действовали полки 40-й стрелковой дивизии полковника В. К. Базарова, с северо-востока в такой же узкой полосе позиции японцев штурмовали основные силы 32-й стрелковой дивизии полковника Н. Э. Берзарина. Действия пехотинцев поддерживали танки 2-й механизированной бригады полковника А. П. Панфилова. Ожесточенные бои за высоты продолжались вплоть до 10 августа. В этих боях на завершающем этапе операции многие бойцы и командиры-дальневосточники показали отвагу и находчивость. В ночных боях воины 32-й стрелковой дивизии, добровольно вызвавшиеся участвовать в действиях групп прочесывания, смело уничтожали в рукопашном бою вражеских снайперов, прятавшихся в складках местности. В результате решительного натиска к 11 августа все захватчики были изгнаны с советской территории.

Уже в начале конфликта страна узнала о действиях отважных героев-пограничников Галифана Баторина, Василия Виневитина, Алексея Махалина, Петра Терешкина и Ивана Чернопятко, смело встретивших превосходящие силы нарушителей границы и подчас ценой жизни упорно отстаивавших каждую пядь советской земли. Затем дальневосточные газеты «Тихоокеанская звезда» и «Тревога» рассказали о подвигах других героев — штурмана Андрея Боровикова, танкистов Вячеслава Винокурова, Григория Колесникова, Григория Корнеева, Константина Пушкарева, Семена Рассохи, Алексея Тимакова, пулеметчиков Сергея Гуденко, Егора Чуйкова, Ярима Ягудина, сапера Василия Ракова, военврача Бориса Бегоулева, артиллериста Ивана Лазарева, политработников Сергея Бамбурова, Ивана Гвоздева, Ивана Мошлякова, Ивана Пожарского, помкомвзвода Николая Баринова, командира роты Дорофея Левченко, командира батальона Михаила Бочкарева, командира полка Константина Провалова. Из 26 названных Героев Советского Союза девять были удостоены этого звания посмертно. 6500 участников боев у озера Хасан были награждены орденами и медалями. 40-я дивизия отмечена орденом Ленина, а 32-я дивизия и 59-й Посьетский погранотряд — орденом Красного Знамени[65].

10 августа 1938 г. японский посол в Москве М. Сигэмицу посетил наркома М. М. Литвинова и вновь высказал просьбу о прекращении огня в районе конфликта. К этому времени захватчики были полностью изгнаны с советской земли, и поэтому советская сторона согласилась с 11 августа прекратить боевые действия.

За две недели боев стороны понесли серьезные потери. Хотя в официальных японских сообщениях указывалось, что в ходе боев Корейская армия потеряла всего 158 человек убитыми и 644 ранеными, в секретной сводке генштаба армии приводились другие цифры:

526 человек убитых и 915 раненых (есть данные о 650 убитых и 2500 раненых). В донесениях 19-й пехотной дивизии отмечалось, что к 11 августа в некоторых ее ротах оставалось всего 20—30 солдат. Из числа участвовавших в боях японских солдат и офицеров каждый пятый был убит или ранен[66]. «Во время крупнейшего столкновения на озере Хасан... в августе 1938 г. обе стороны потеряли тысячи убитых и раненых. Численность японской 19-й дивизии сократилась в три раза, после недели боев она, — считает американский историк М. Парилло, — была практически уничтожена»[67].

Тщательно подготовленная операция Корейской армии провалилась. Войска Квантунской армии, сосредоточенные на других участках границы, выступить не осмелились.

Дорогой ценой досталась победа и советской стороне. Пограничники и войска 1-й армии за время конфликта потеряли по уточненным данным 859 человек убитыми и умершими от ран, 2752 — ранеными и 95 — пропавшими без вести или попавшими в плен. Безвозвратные потери составили около 960 человек. Неоправданно большими оказались безвозвратные потери среди командного и политического состава (152 командира, 178 младших командиров). Кроме того, советские войска потеряли три самолета и 24 танка; 56 танков было повреждено, шесть из них противник захватил[68].

Имея локальные масштабы, конфликт по своим непосредственным результатам и отдаленным последствиям действительно имел важное значение для советского военного строительства и развития международной обстановки.

Во-первых, несмотря на первоначальные неудачи и довольно значительные потери в личном составе, победа советских войск не вызывает сомнения. Противник был разбит, и захваченные им территории освобождены. Ни одной из своих названных выше главных целей Японии достичь не удалось.

Во-вторых, подтвердилось, что Япония — серьезный и опасный противник, который не упустит своего шанса добиться территориальных приращений на Дальнем Востоке за счет СССР в случае, если почувствует его слабость. Отсюда следовал вывод, что нужно быть готовым к войне не только на западе, что было аксиомой, но и на востоке, т. е. к войне на два фронта.

Однако боевые действия вскрыли целый ряд недостатков в подготовке войск и сил. Бои на озере Хасан в 1938 г. показали серьезные пробелы в боевой подготовке войск РККА, которые сказались на эффективности боевых действий в ходе пограничного конфликта. В секретном приказе наркома обороны № 0040 от 4 сентября 1938 г. констатировалось: «События этих немногих дней обнаружили огромные недочеты в состоянии Дальневосточного фронта. Боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказалась на недопустимо низком уровне. Войсковые части были раздерганы и небоеспособны; снабжение войсковых частей не организовано. Обнаружено, что Дальневосточный театр к войне плохо подготовлен (дороги, мосты, связь)...»[69] Об этом же открыто говорилось и в войсках Дальневосточного фронта, который был вскоре расформирован, и в среде пограничников.

Военное ведомство Франции в одной из сводок, подготовленных сразу же после завершения конфликта, сделало аналогичные выводы. Автор сводки, говоря о явном превосходстве советской стороны в военной технике, о полном ее господстве в воздухе, в то же время отмечает некомпетентность командного состава: «При этом личный состав проявлял смелость и отвагу. Явно чувствовался недостаток слаженности и маневренности. Связь между родами войск была слабым местом. Артиллерия вела стрельбу, руководствуясь картами, и не смогла обеспечить пехоте необходимую поддержку. А главное, массированные танковые атаки носили неподготовленный характер и не были поддержаны. Советские артиллерия и танки, несмотря на свой перевес, не сумели скоординировать свои действия в ходе танковых атак и обуздать в нужный момент противотанковую технику японцев. В конечном счете вышеуказанные неудачи советских войск объясняются неумелым командованием»[70].

И все же, развязав вооруженный конфликт у озера Хасан, японское военно-политическое руководство в известной степени добилось поставленных внешнеполитических целей.

Командиры и бойцы одного из батальонов 78-го Казанского Краснознаменного стрелкового полка 26-й Златоустовской Краснознаменной стрелковой дивизии. Дальневосточный фронт, 9 августа 1938 г.

Было не на словах, а на деле продемонстрировано западным державам намерение Японии продолжать конфронтацию с Советским Союзом. Это имело немаловажное значение, ибо именно в это время японское правительство вело переговоры с Великобританией о разделе Китая. Обострение японо-советских отношений было использовано японцами на этих переговорах с целью побудить британское правительство не создавать для них затруднений в Китае. 20 августа 1938 г. английский посол в Японии Р. Крейги телеграфировал в Лондон, что японский премьер-министр Ф. Коноэ лично выразил готовность сотрудничать с Великобританией в оккупированных районах Китая. 1 сентября английское правительство дало свое согласие на такое сотрудничество[71].

О том, насколько были велики расчеты США на расширение вооруженного конфликта между Японией и СССР, свидетельствовали публикации в американской прессе, провокационный характер которых был очевиден. Так, 13 августа 1938 г. газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Хасанский инцидент еще не урегулирован... Инциденты могут легко возникать повсюду... Вдоль маньчжурской границы, вне всякого сомнения, найдутся места, которые согласно московской карте могут оказаться русскими, но которые заняты японцами». Отмечая, что «японские закупки нефти, производящиеся почти полностью в США, резко возросли», американская пресса давала понять, что в случае столкновения с СССР Япония может рассчитывать на еще большую материальную помощь из-за океана.

Получив согласие Лондона на сотрудничество, осенью 1938 г. японское правительство активизировало дипломатические переговоры с правительством Великобритании, требуя признания захватов Японии в Китае. К этому его подтолкнуло подписание 30 сентября 1938 г. Великобританией и Францией Мюнхенского соглашения с гитлеровской Германией

и фашистской Италией, результатом которого явились расчленение, а затем захват Чехословакии. Совершенное в Мюнхене предательство убеждало японское правительство, что Великобритания может вновь пойти на подобное соглашение и на Дальнем Востоке.

В Токио видели двойственность политики Великобритании в отношении Китая. С одной стороны, английское правительство, оберегая свои экономические интересы, не желало усиления Японии в Китае и пыталось этому противостоять, а с другой — готово было пойти на сделку с Японией за счет Китая, если японская агрессия будет повернута с юга на север, против Советского Союза. Поэтому японские лидеры стали усиленно убеждать англичан в возможности японо-английского сотрудничества в оккупированных районах Китая, если Великобритания откажется от поддержки правительства Чан Кайши.

При этом японцы продолжали разыгрывать в дипломатической игре с США и Великобританией «советскую карту». В сентябре 1938 г. премьер-министр Ф. Коноэ вновь выступил с призывом к усилению борьбы с «коммунистической опасностью». В Лондоне восприняли это как свидетельство сохранения в Японии планов войны против СССР.

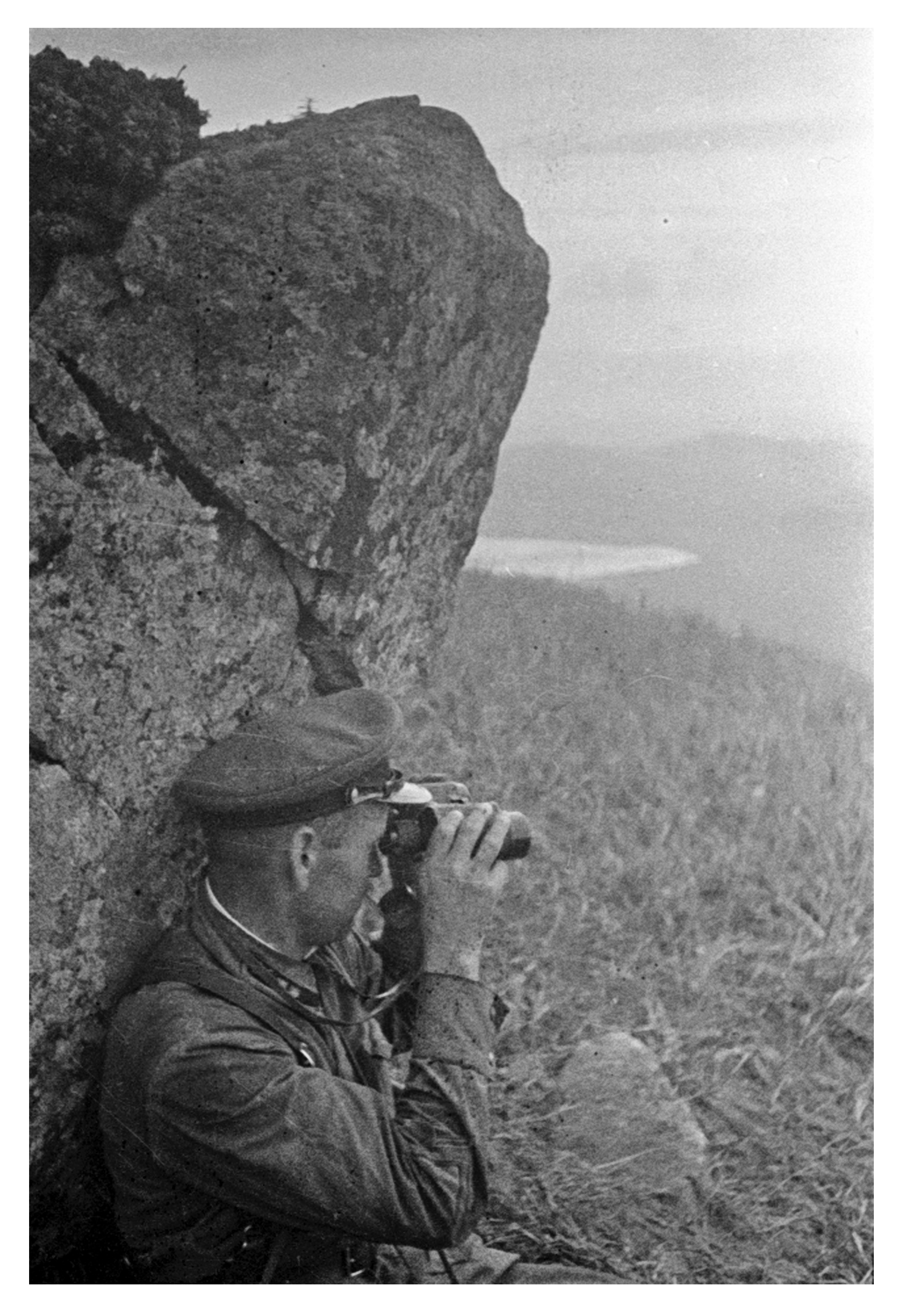
24 сентября 1938 г. Китай вновь обратился в Лигу Наций за помощью в борьбе против Японии. Однако его поддержал лишь Советский Союз, который продолжал настаивать на коллективных действиях для прекращения японской агрессии. Великобритания же, вступив на путь умиротворения, искала возможности для сговора с Японией. 27 сентября посол Крейги писал в Лондон: «Мы уже давно нащупываем базу для сотрудничества между английскими и японскими властями в Китае по защите английских интересов, и мы были бы готовы сделать все, что в наших силах, для укрепления сотрудничества в этой области»[72].

Прояпонскую политику Великобритании подтверждает и отказ Лондона помогать Китаю в войне с японцами. Китайский посол в Великобритании Го Тайци говорил 22 сентября 1938 г. своему советскому коллеге И. М. Майскому, что «англичане до сих пор, по существу, палец о палец не ударили, чтобы помочь Китаю. За все время войны китайцы получили от них лишь 36 аэропланов среднего качества, да некоторое количество амуниции и химической продукции. Денег в Лондоне китайское правительство не получило ни копейки...»[73]

Попустительство западными державами японской агрессии в Китае убеждало Токио в реальности плана овладения всей Восточной Азией, замены в этом обширном регионе мира «белого колониализма» на японский. Предполагая, что после только что завершившихся кровопролитных событий у озера Хасан советское руководство не решится в ближайшее время на новое столкновение с Японией, 22 октября 1938 г. японские войска захватили Кантон (Гуанчжоу), 25 октября — Ухань. С потерей порта Кантон Китай фактически оказался изолированным от внешнего мира. К концу октября японцы оккупировали огромную территорию Китая, овладев его главными промышленными центрами.

3 ноября 1938 г. было опубликовано заявление императорского правительства, в котором объявлялось, что «империя ставит своей целью построение нового порядка, который должен обеспечить стабильность в Восточной Азии на вечные времена. В этом же заключается конечная цель и нынешних военных действий... Идея построения нового порядка в Восточной Азии возникла еще во времена, когда складывались основы современного (японского) государства. Ее осуществление является священным и славным долгом нынешнего поколения японского народа... Правительство заявляет о твердости этого курса империи и о своей решимости провести его в жизнь».

В заявлении выражалась уверенность в том, что «великие державы тоже правильно поймут наши истинные намерения и будут поступать соответственно новой ситуации, сложившейся в Восточной Азии»[74]. Тем самым, отбросив маскировку, японцы открыто заявили о своих планах завоевания господства в Азии и на Тихом океане, вытеснения из этого региона западных держав. Заявление о намерении Японии «установить новый порядок в Восточной Азии» было равнозначно отказу японского правительства принять американский принцип «открытых дверей» в Китае. 18 ноября правительство Японии направило американскому руководству ноту, смысл которой состоял в подтверждении того, что принцип «открытых дверей» несовместим с японским «новым порядком».



Разведчик И. Воронов ведет наблюдение за действиями противника в районе озера Хасан

В районе высоты Заозерная

Бойцы идут в атаку на подступах к высоте Заозерная

Лишь после столь откровенного заявления Японии о своих целях в Вашингтоне и Лондоне пришли к выводу, что политика уступок требует корректировки. Демонстрируя свое недовольство распространением японской экспансии на юг Китая, США в ответ на зондаж о заключении нового японо-американского торгового договора пригрозили Токио, что в случае нарушения их интересов в Китае США могут «прекратить дальнейшую помощь Японии»[75]. Были приняты и некоторые другие шаги, преследовавшие цель продемонстрировать более тесное политическое сотрудничество на Дальнем Востоке между США и Великобританией.

Однако это не возымело действия. О намерении Японии не останавливаться на достигнутом свидетельствовала оккупация в феврале 1939 г. острова Хайнань, а в марте — островов Спратли, что выводило японские вооруженные силы на подступы к владениям западных держав в Юго-Восточной Азии.

Так как дальнейшее продвижение на юг было сопряжено с опасностью возникновения вооруженных конфликтов с европейскими колониальными державами и США, в Токио задались целью нарушить возможную коалицию западных держав против Японии. Сделать это, как и прежде, планировалось путем достижения договоренности с Великобританией об отказе ее от помощи Китаю. Японское правительство видело стремление Лондона не осложнять отношения с Японией. В ноябре 1938 г. премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен, характеризуя политику британского правительства на Дальнем Востоке, высказал желание «поддерживать дружественные отношения с обеими странами (Японией и Китаем) в надежде на наступление момента, когда разногласия будут урегулированы»[76].

Важная цель Японии состояла в том, чтобы вынудить Великобританию не просто не противодействовать, но документально признать «создавшуюся обстановку в Китае». В этом случае у японцев появлялась возможность принудить китайское правительство к капитуляции и сосредоточить усилия на подготовке к войне с великими державами на юге и на севере. Чтобы сделать британское правительство сговорчивее, 14 июля 1939 г. японские власти начали блокаду английской и французской концессий в Тяньцзине. В конце концов японцы добились своего. 22 июля 1939 г. между Японией и Великобританией было заключено так называемое соглашение Ариты — Крейги, которое вошло в историю как дальневосточный вариант мюнхенского сговора.

По существу, капитулировав перед Японией, английское правительство пошло на признание японских захватов в Китае. Оно в официальном порядке обязалось не создавать Японии проблем на китайской территории. Соглашение гласило: «Правительство Соединенного Королевства полностью признает действительное положение в Китае, в котором ведутся крупномасштабные действия, и отмечает, что до тех пор, пока сохраняется такое положение, японская армия в Китае имеет особые права на обеспечение собственной безопасности и поддержание общественного порядка в районах, находящихся под ее контролем. Признается, что она (японская армия) вынуждена подавлять и устранять действия, которые будут выгодны ее противнику. Правительство Его Величества не намерено предпринимать какие-либо действия или меры, наносящие ущерб осуществлению вышеуказанных задач японской армии...»[77]

С «пониманием» к нуждам Японии отнеслись и США. Хотя 26 июля Вашингтон и объявил о денонсации торгового договора с Японией, практическое осуществление этого решения было отложено на шесть месяцев. Занятая США позиция позволила Японии закупить в 1939 г. в 10 раз больше американского железного и стального лома, чем в 1938 г. Не прекращалась выгодная монополиям США торговля и другими жизненно важными для Японии стратегическими товарами.

В таких обстоятельствах серьезной преградой для победоносного окончания войны в Китае и его порабощения оставался Советский Союз, который, занимая принципиальную позицию помощи жертве агрессии, продолжал снабжать китайскую армию необходимыми для сопротивления вооружением, снаряжением и материалами. Поэтому в Токио не видели иного способа прекратить эту помощь, как угрожать Советскому Союзу войной. Существовал

расчет и на то, что демонстрация готовности воевать с СССР будет поддержана европейскими союзниками Японии — Германией и Италией.

Принимая весной 1939 г. решение об организации крупной военной провокации против СССР, японское военно-политическое руководство Японии считало, что международная обстановка позволяла рассчитывать на успех даже в случае перерастания конфликта в войну. Представители высшего военного командования Японии признавали после войны: «В Европе в этот период возрастала мощь Германии, она аннексировала Австрию, оккупировала Чехословакию. Обстановка в Европе давала основания считать, что в обозримом будущем Германия может приступить к разрешению своих проблем с СССР. С другой стороны, на Дальнем Востоке японские войска, захватив Ханькоу и Кантон, завершили операционную фазу в китайском инциденте, после чего Япония намеревалась приступить к новому этапу разрешения конфликта главным образом политическими методами, хотя продолжая при этом военные действия. Японский генеральный штаб надеялся встретить будущее, готовя решающую войну против Советского Союза. В этом случае предусматривалось быстро перебросить в Маньчжурию большую часть японской армии, не создавая затруднений для разрешения китайского инцидента»[78].

После поражения японской армии в советском Приморье в районе озера Хасан японский генеральный штаб с осени 1938 г. разрабатывал план «Хати-Го» («Операция № 8»), предусматривавший нанесение удара по СССР через Монгольскую Народную Республику в направлении озера Байкал. Считалось, что нанесение удара с западного направления необходимо предпринять до того, как Советский Союз укрепит здесь свою обороноспособность[79].

Японские генералы стремились восстановить авторитет императорской армии, подорванный неспособностью быстро завершить войну в Китае и поражением у озера Хасан. В японской «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии» признается: «Лишившись уверенности в победе, армия находилась в состоянии сильной раздражительности и нетерпения — как в отношении военных действий против Китая, так и в отношении операций против СССР»[80].

Однако подлинные причины, толкнувшие японское командование на развязывание военных действий на территории МНР, были гораздо сложнее, чем просто стремление взять реванш за поражение на озере Хасан.

Во-первых, главная причина, как и прежде, состояла в том, чтобы угрозой войны вынудить СССР отказаться от помощи Китаю или, по крайней мере, значительно ее ослабить. В этом случае, по расчетам японцев, Чан Кайши должен был прийти к выводу, что «его ставка на помощь со стороны Советского Союза неосновательна» и лучше пойти на мирное улаживание китайско-японского конфликта, разумеется, на японских условиях[81].

Во-вторых, предстоящее вооруженное столкновение с СССР рассматривалось японским командованием как важный козырь в дипломатической игре с Западом. События в Монголии были использованы Японией в качестве дипломатического козыря в склонении Великобритании к серьезным уступкам Японии. В «Секретном оперативном дневнике Квантунской армии» в связи с началом боев на Халхин-Голе была сделана следующая запись: «Есть уверенность в последовательном разгроме советской армии... Это является единственным способом создать выгодную для Японии обстановку на переговорах с Великобританией»[82].

В-третьих, японское правительство стремилось использовать военные действия против МНР и СССР как фактор сдерживания США в применении к Японии экономических санкций. 10 июля 1939 г. японский посол в США К. Хориноути убеждал госсекретаря США К. Хэлла, что все действия Японии продиктованы борьбой против Советского Союза. В ходе бесед с госсекретарем США он неоднократно поднимал тему «угрозы большевизма». Хэлл соглашался с этим, указывая, что США также выступают против усиления Советского Союза[83].

В-четвертых, резкое обострение советско-японских отношений, прямое вооруженное столкновение с СССР отвечали целям Японии, преследуемым на проходивших в 1939 г. в Берлине переговорах об основах военно-политического союза Германии, Японии и Италии. Японское руководство упорно добивалось военного союза, направленного главным образом

против СССР, стремясь воздержаться от принятия обязательств по совместному с Германией и Италией участию в войне с Великобританией и Францией, на чем настаивали европейские фашистские державы.

В своих донесениях из Токио советский разведчик Р. Зорге весной 1939 г. следующим образом оценивал ситуацию: «Сведения о военном антикоминтерновском пакте: в случае, если Германия и Италия начнут войну с СССР, Япония присоединится к ним в любой момент, не ставя никаких условий. Но если война будет начата с демократическими странами, то Япония присоединится только при нападении на Дальнем Востоке или если СССР в войне присоединится к демократическим странам»[84].

С захватом японцами Маньчжурии в правящих кругах Японии появилась идея создания «буферных зон» в пределах Внутренней Монголии и Северного Китая. Всячески поощрялись японцами разного рода сепаратистские движения Монголии, официально считавшейся составной частью Китая.

В японских оперативных планах Монгольская Народная Республика рассматривалась как ключ к Дальнему Востоку и щит, прикрывавший весьма уязвимую Транссибирскую железнодорожную магистраль. Вот почему после захвата Маньчжурии последовало вторжение японцев в китайские провинции Чахар и Суйюань, имевшие обширные границы с юго-восточной частью МНР. Сразу же началось и широкое строительство стратегически важных железных дорог в этих провинциях[85].

Для обоснования «правомерности» претензий на монгольскую территорию Япония в 1935 г. пошла на «картографическую агрессию», сфальсифицировав прохождение границы между Монголией и Маньчжоу-Го по реке Халхин-Гол, тогда как фактически она проходила в 20—25 км восточнее, о чем свидетельствовали многочисленные документы монгольской стороны[86]. «Мощный натиск» в январе 1936 г. на «закрытые ворота границ Внешней Монголии», о котором писал во «Франкфуртер цайтунг» ее корреспондент в Токио советский разведчик Р. Зорге, был не только отбит при первых же столкновениях, но и временно отложен из-за попытки фашистского переворота в Японии 26 февраля[87]. Длительные переговоры между монгольскими и японо-маньчжурскими властями ни к чему не привели, так как Японию не устраивал иной вариант, кроме создававшего предлог для агрессии в любой удобный момент.

В докладной записке наркому иностранных дел СССР от 5 февраля 1938 г. советский полпред в Японии М. М. Славуцкий сообщал, что активно дискутирующийся в Японии вопрос о создании «независимой» Монголии «своим острием направлен против МНР». «Пресса пестрит сообщениями, — докладывал в очередной записке полпред, — что войска МНР вступают или вступили в военные действия против Японии»[88].

Весной 1939 г. на погранзаставы МНР начались налеты баргутских кавалерийских частей из состава марионеточных войск, сформированных в Барге (баргуты — народность, проживающая в северо-западных районах Маньчжоу-Го). Инициатором вторжения на территорию МНР было командование Квантунской армии, действовавшее с ведома и по указанию генштаба императорской армии. «За полмесяца до инцидента на Номонхане, 25 апреля 1939 г., — свидетельствует японский исследователь событий у реки Халхин-Гол И. Исикава, — командование Квантунской армии спустило нижестоящим звеньям управления “Принципы разрешения советско-маньчжурских пограничных конфликтов”, документа, в котором содержался призыв к японской армии проявлять твердость духа с тем, чтобы одним ударом решить эти споры. В отношении проблем границы провозглашался принцип “не вторгнувшись, сам не подвергнешься нападению”, однако в отношении мест, в которых представляется трудным четко определить границы, подчеркивалось, что “командующий оборонительным районом самолично определит линию прохождения границы и в случае нарушения противником этой линии должен разбить противника в целях достижения решающей победы”. То есть характерной чертой этих “Принципов” являлась их наступательность»[89]. Командующий Квантунской армией генерал К. Уэда издал оперативный приказ № 1488, вводящий этот документ в действие[90].

Ведя дело к открытому конфликту, японское руководство возлагало большие надежды на активную поддержку своих действий со стороны феодальной знати и высшего ламаистского духовенства Монголии, недовольных народной властью.

Для вооруженной провокации командование Квантунской армии выбрало восточный выступ границы МНР — безлюдный район к востоку от реки Халха, который из-за большой удаленности района от баз снабжения и полной его неподготовленности в оперативном отношении ограничивал ответные действия частей монгольской Народно-революционной армии (МНРА) и 57-го особого корпуса РККА.

К конфликту с МНР японцев всячески поощряли страны Запада, стремившиеся отвлечь ее от зоны своих колониальных владений. В надежде вызвать ответную реакцию СССР на действия Японии западная печать регулярно публиковала информацию об агрессивных замыслах японцев. Так, в феврале 1939 г. корреспондент «Нью-Йорк таймс» сообщал из Шанхая: «Известно, что Япония сосредоточила в Маньчжоу-Го, Чахаре и Суйюани свыше 600 тыс. своих солдат и продолжает перебрасывать войска из занятых районов Китая поближе к советским границам. Переброска большого количества войск на север усиливает подозрение в том, что Япония намерена ускорить нападение на Советский Союз»[91].

Генеральный штаб императорской армии в то время был вплотную занят практическим изучением возможности переноса усилий в случае войны с СССР с северо-восточного направления на западное. В штаб Квантунской армии были направлены офицеры оперативного управления генштаба для оказания помощи в планировании предстоящей операции. Одновременно усиливалась группировка войск на направлении намечавшихся действий. В частности, в район Хайлара была переброшена 23-я пехотная дивизия. Активизировалась деятельность разведки по сбору данных об организации системы обороны в Монголии и прикрытии Забайкальского участка железной дороги[92].

Таким образом, подготовка к военным действиям на западном (забайкальском) направлении приобретала конкретные формы. Определялись потребные для этого силы с учетом, что часть японских Экспедиционных сил в Китае придется использовать для обеспечения спокойствия в северокитайских провинциях, а другую часть — для предотвращения прорыва советских мобильных частей в Южную Маньчжурию[93].

11 мая 1939 г. налеты баргутской конницы и пехотных подразделений японских войск общей численностью около 300 человек на погранзаставы МНР, расположенные в 16–20 км восточнее нижнего течения реки Халхин-Гол, привели к началу крупномасштабных военных действий. В течение первых десяти дней в этом районе почти ежедневно происходили пограничные бои, в результате которых обе стороны несли потери убитыми и ранеными. В налетах на монгольские погранзаставы принимала участие японская авиация[94].

Со стороны МНР для отражения этих налетов пришлось привлечь не только пограничников, но также части монгольских и советских войск. Использовалась и советская авиация, базировавшаяся на монгольских полевых аэродромах[95].

Действия 23-й пехотной дивизии получили полное «понимание» штаба Квантунской армии[96]. 28 мая позиции монгольских и советских войск были атакованы более крупными силами с использованием частей, переброшенных из Хайлара. Им удалось выйти к реке Халхин-Гол и закрепиться. Создалась тревожная обстановка. В связи с этим советское руководство решило направить в МНР полномочную комиссию, чтобы оказать помощь командованию советского 57-го особого корпуса[97]. Вскоре такая комиссия во главе с комдивом Г. К. Жуковым была направлена в Монголию.

Через несколько дней Г. К. Жуков, сменивший на посту командира 57-го особого корпуса комдива А. В. Фекленко, представил наркому обороны СССР предложения об организации контрудара по японским войскам, для чего считал необходимым усилить находившиеся в Монголии авиационные части, пополнить артиллерию и выдвинуть к району боевых действий не менее трех стрелковых дивизий и одну танковую бригаду[98]. Эти предложения наркомом обороны были приняты.

Инструктаж японских танкистов перед наступлением

Со своей стороны, японское командование также готовилось к развитию операции и усиливало свои войска.

В течение всего июня в воздушном пространстве Монголии шли напряженные воздушные бои, а в конце месяца японской авиации удалось нанести бомбовый удар по советскому аэродрому на территории Монголии. Превосходство было вначале на стороне японцев[99]. Но с прибытием в Монголию новой авиационной техники и группы опытных летчиков — мастеров воздушного боя во главе с комкором Я. В. Смушкевичем, сражавшихся в небе Испании и Китая, положение изменилось. Потери японской авиации возросли. Советские летчики стали уверенно завоевывать господство в воздухе. Чтобы удержать инициативу, командующий Квантунской армией отдал приказ 2-й японской авиадивизии, действовавшей в районе реки Халхин-Гол, внезапным ударом уничтожить советскую авиацию на аэродромах. Но этот замысел был сорван.

22 июня 95 советских истребителей завязали ожесточенные воздушные бои со 120 японскими самолетами, вылетевшими для нанесения удара, и рассеяли их, уничтожив 31 самолет противника. До конца июня было уничтожено еще 52 японских самолета, при этом потери советской авиации составили 11 единиц. Японцы были вынуждены усилить свою авиацию подкреплениями[100].

Японское командование, однако, не собиралось отказываться от своих планов и продолжало готовиться к дальнейшему развитию операции, получившей название «Второй этап номонханского инцидента». Цель этого этапа заключалось в том, чтобы путем общего

наступления окружить и уничтожить группировку советско-монгольских войск севернее речки Хайластын-Гол в районе высоты Баин-Цаган и, разгромив там резервы противника, расширить плацдарм на западном берегу реки Халхин-Гол, а затем ударить в тыл советско-монгольских войск, оставшихся на восточном берегу Халхин-Гола[101].

Для проведения операции предусматривалось привлечь большие силы: 23-ю пехотную дивизию под командованием бывшего военного атташе Японии в Москве генерала М. Комацубары (выполнявшую основную задачу), а также части 7-й пехотной дивизии, два танковых полка, крупные силы артиллерии и авиации. Создавались две ударные группировки, на направлениях действий которых обеспечивалось общее трехкратное превосходство по пехоте, 4,5-кратное — в кавалерии и более чем двухкратное — в артиллерии. Советско-монгольские войска имели преимущество только в танках и бронемашинах.

Уверенность японского командования в успехе была столь велика, что оно пригласило в район боевых действий иностранных корреспондентов и ряд военных атташе. Считалось, что операцию удастся завершить в течение июля с тем, чтобы до наступления осени можно было закончить все военные действия в пределах МНР. Квантунская армия, как считает И. Исикава, явно недооценила военную мощь Красной армии, ее способность вести длительные военные действия. «До поля боя японскому командованию из Хайлара, — пишет этот японский исследователь, — было 200 км. Что касается советской стороны, то расстояние до их опорного пункта в Борзе было 740 км. Японское командование с пренебрежением относилось к возможностям советских войск обеспечивать армию в течение длительного времени при таких расстояниях. Однако Жуков решил эту проблему, собрав по всей стране 4250 грузовиков»[102].

Операция, известная в истории как Баин-Цаганское сражение, была начата японскими войсками в ночь на 3 июля. Однако еще 2 июля советское командование, установив усиленную переброску японских частей, выдвинуло из Тамцак-Булака в район юго-западнее высоты Баин-Цаган танковую и мотоброневую бригады, мотострелковый полк и бронедивизион, что в последующих событиях сыграло решающую роль.

Переправившиеся через реку Халха и захватившие Баин-Цаган японские части были внезапно встречены танковым контрударом, разгромлены и отброшены назад. Операция закончилась полной неудачей для японцев, которые потеряли еще 45 самолетов, а также почти все танки, значительную часть артиллерии и 10 тыс. солдат и офицеров. Противодействуя продолжавшимся до 12 июля при поддержке авиации, танков, артиллерии и бронемашин вылазкам японцев, советско-монгольские войска вывели из строя еще 5,5 тыс. солдат и офицеров противника, в том числе около 2 тыс. убитыми, уничтожили 61 самолет, захватили 254 пленных, четыре орудия, около 20 танков и бронемашин, 70 пулеметов и другое оружие. Всего же за период с 28 мая по 12 июля японцы потеряли 199 самолетов при 52 сбитых советских. В воздушных боях в последней декаде июля японцы потеряли еще 150 самолетов, из боя не вернулись 11 советских летчиков. Воздушное пространство в районе конфликта было завоевано советской авиацией, что во многом обеспечило успех советско-монгольских войск в решающем сражении, развернутом ими в воскресенье 20 августа[103].

Но победа у Баин-Цагана досталась дорогой ценой. 11-я танковая бригада потеряла половину личного состава: из 182 танков было потеряно 82. Всего в июле на Баин-Цагане советские потери составили 175 танков и 143 бронемашины[104].

Тем не менее это был первый крупный успех советско-монгольских войск. Баин-Цаганское сражение являло собой классический пример активной обороны в целях срыва наступления противника. Впервые в войсковой практике советское командование взяло на себя ответственность, вопреки требованиям уставов, использовать бронетанковые соединения для самостоятельного, без поддержки пехоты, контрудара по прорвавшемуся противнику[105]. Большую роль также сыграло целенаправленное использование артиллерии и авиации.

После изгнания с левого берега реки Халхин-Гол японская сторона сосредоточила внимание на удержании районов, расположенных восточнее реки, а советско-монгольское

Комкор Г. К. Жуков на командном пункте Хамар-Даба

Зенитный расчет

Бойцы 1-й армейской группы во время атаки (Халхин-Гол, август 1939 г.)

командование — на подготовке окончательного разгрома находившейся на монгольской территории группировки войск.

Приказом народного комиссара обороны от 19 июля 1939 г. № 0036 из войск 57-го корпуса и прибывших пополнений была сформирована 1-я армейская группа, командовать которой было поручено комдиву (с 31 июля комкору) Г. К. Жукову[106]. Она подчинялась фронтовой группе, созданной для координации действий 1-й и 2-й Отдельных Краснознаменных армий, Забайкальского военного округа и 57-го особого корпуса. Возглавлял ее командарм 2 ранга Г. М. Штерн. В соответствии с поставленной задачей командование 1-й армейской группы разработало план наступления в целях решительного разгрома японских захватчиков и изгнания их из пределов МНР. Планом предусматривалось сковать японскую группировку с фронта и ударами по ее флангам, не пересекая линию границы, окружить и уничтожить противника в районе между рекой Халхин-Гол и границей. Для выполнения этой задачи намечалось создать три группировки войск — северную (6-я кавдивизия МНР, 7-я мотоброневая бригада, часть сил 11-й танковой бригады и другие части), центральную (основу которой составляли четыре полка 86-й стрелковой и 36-й мотострелковой дивизий), южную (57-я стрелковая, 8-я кавалерийская дивизии, основные силы 11-й танковой бригады и другие части), а также резерв.

В период подготовки операции была осуществлена огромная работа по подвозу материальных средств, созданию запасов и обеспечению войск предметами снабжения. Все необходимое войскам было доставлено автотранспортом от станции снабжения, находившейся, как указывалось выше, на расстоянии более 700 км от района боевых действий.

Подготовка к наступлению велась скрытно, с тщательным соблюдением мер маскировки[107]. Для введения японцев в заблуждение был разработан хорошо продуманный план дезинформации. Как отмечал в одном из своих докладов Г. К. Жуков в декабре 1940 г., советско-монгольская сторона стремилась создать у противника впечатление, будто она готовится не наступать, а обороняться. С этой целью применялись широковещательные радиостанции, имитировались окопные и другие инженерные работы. Были выпущены специальные листовки-памятки о последовательности подготовки бойца к обороне. Передавались сообщения и сводки с данными о ходе подготовки оборонительной операции. Час перехода в наступление был доведен до подчиненных только перед самым началом операции. Все это себя оправдало. Японцы, как потом выяснилось, действительно до начала удара не знали о готовящемся наступлении[108].

К новому наступлению готовилась и японская Квантунская армия. Оно намечалось на 24 августа, на этот раз с ограниченной целью — овладеть районом восточного берега реки Халха[109]. Для наступления выделялись дополнительные силы. Был подписан императорский указ об объединении всех японских войск, действовавших в районе реки Халхин-Гол, в 6-ю армию под командованием генерал-лейтенанта О. Риппо[110].

Однако советско-монгольские войска упредили японцев — операция началась на рассвете в воскресенье 20 августа мощной артиллерийской подготовкой. Затем удар по японским позициям нанесла авиация. Это оказалось для противника столь неожиданным, что японская артиллерия в течение первых полутора часов не смогла сделать ни одного ответного выстрела.

Действовавшим на флангах эскадронам 6-й и 8-й кавдивизий МНРА в первый же день удалось нанести поражение баргутской коннице и выйти на государственную границу МНР, обеспечив фланги наступавших ударных группировок советских войск.

Утром 24 августа войска северной и южной групп встретились в районе высоты Номон-Хан-Бурд-Обо, завершив за четыре дня полное окружение основных сил японской 6-й армии. Все попытки противника разорвать кольцо или пробиться к окруженным извне были сорваны советскими войсками.

С 25 августа начались бои по расчленению и уничтожению окруженной японской группировки. Эта задача была выполнена совместными усилиями авиации, артиллерии, танковых и стрелковых частей. К утру 31 августа остатки японской группировки были уничтожены, вся

территория МНР очищена от противника. Советско-монгольские войска вышли на границу на всем ее протяжении. В течение первой половины сентября японская сторона неоднократно пыталась вновь нарушить границу МНР, а японские самолеты не прекращали воздушные налеты на полевые аэродромы. Но, имея полное превосходство в воздухе, советские летчики успешно вели борьбу с японской авиацией.

«В то время, когда советские войска, очевидно, были в состоянии развить успех (достигнутый в результате их августовского наступления на восточном побережье реки Халхин-Гол. — *Прим. ред.*), — отмечает известный американский историк Д. Глэнтц, — они пошли на прекращение кровопролития»[111].

За четыре месяца боев стороны понесли значительный урон. Япония официально объявила, что ее потери убитыми, ранеными и больными составили 18 тыс. человек из 76 тыс., участвовавших в боевых действиях[112]. По советским данным, японские потери только убитыми составили не менее 18 300 человек и 464 человека пленными[113]. По утверждению японского историка С. Хаяси, общие японские потери составляли не менее 73 % участвовавших в конфликте, т. е. примерно 55 тыс. человек. В качестве трофеев в руки советских войск попали 12 танков и 23 бронемашины, а также 25 тягачей, 100 автомашин, 190 орудий, 40 минометов, 189 гранатометов, 9 тыс. винтовок, 370 пулеметов и большое количество боеприпасов. В воздушных боях было сбито 608 японских самолетов. Советско-монгольские войска потеряли 2413 человек убитыми, 10 020 — ранеными и 216 — пленными[114].

Относительно меньшие потери советской стороны свидетельствовали о возросшем мастерстве командиров и бойцов Красной армии. Этому в значительной степени способствовали высокая насыщенность войск бронетанковой техникой и надежная поддержка их с воздуха. Особо искусно была проведена заключительная операция советско-монгольских войск. В ее подготовке большое внимание уделялось достижению внезапности. Четко осуществлялось взаимодействие пехоты, танков, артиллерии и авиации. Операция подтвердила большие возможности танковых войск, важность повышения силы первого удара и достижения поставленных целей в короткие сроки.

В боях в районе реки Халха советские бойцы и командиры показали себя подлинными интернационалистами, продемонстрировали высокие морально-боевые качества, способность решительно действовать в самых сложных условиях. За успешное выполнение поставленных задач 36-я мотострелковая дивизия, 11-я танковая, 7-я мотоброневая и 100-я авиационная бригады, а также 24-й стрелковый и 175-й артиллерийский полки были награждены орденом Ленина, 57-я стрелковая дивизия, 6-я танковая, 8-я и 9-я мотоброневые бригады, 127, 149, 293 и 601-й стрелковые и 22, 56 и 70-й истребительные авиационные полки — орденом Красного Знамени. Орденами и медалями также награждены более 17 тыс. военнослужащих Красной армии. 70 бойцов и командиров удостоены звания Героя Советского Союза, а летчики Я. В. Смушкевич, С. И. Грицевец и Г. П. Кравченко отмечены этим званием во второй раз. Высокую оценку советско-монгольского руководства получили действия кавалерийских соединений МНРА, превосходно показавших себя в маневренных боях против японо-баргутской конницы.

Военно-политическое руководство Японии, встревоженное провалом халхинголской авантюры, сняло с постов все командование Квантунской армии. В число опальных попали командующий К. Уэда, начальник штаба Р. Исогаи, а также командующий 6-й армией, командир 23-й дивизии и многие офицеры штаба Квантунской армии[115].

Значение событий в Монголии многие зарубежные исследователи явно недооценивают. «Халхин-Гол, — считает, однако, американский историк М. Парилло, — был сражением в сердце Азии... Оно происходило в тот момент, когда внимание всего мира было приковано к событиям в другой части планеты. Поэтому его скрытый смысл часто оставался незамеченным или недооцененным. На самом деле Халхин-Гол был одним из решающих факторов, определивших ход Второй мировой войны»[116].

Операции советских войск в районе реки Халха были вполне современны по способам действий и насыщенности боевой техникой. Характерными их чертами стали достижение в

Советские солдаты осматривают брошенную японскую технику после боев на Халхин-Голе

Допрос японских военнопленных

Победа

напряженной борьбе господства в воздухе (в небе над рекой Халхин-Гол советскими летчиками впервые в боевой обстановке были успешно применены реактивные снаряды — прототип снарядов для знаменитых «Катюш»)[117], смелый маневр силами и средствами на земле. Под умелым руководством Г. К. Жукова в районе реки Халхин-Гол, как считает российский исследователь полководческого искусства выдающегося советского военачальника В. А. Афанасьев, «советские войска получили первый опыт организации и проведения армейской наступательной операции в пустынно-степной местности с массированным применением танков и самолетов, закончившейся окружением и уничтожением противника. В этой операции танки и бронемашины совместно с моторизованной пехотой и артиллерией впервые использовались для решения оперативных задач в качестве основной ударной силы фланговых группировок, совершавших маневр на окружение... Образование внешнего и внутреннего фронтов окружения, смелый маневр с выходом в тылы неприятеля, создание обороны против деблокирующих вражеских группировок, расчленение окруженного противника и уничтожение его по частям (и не в результате численного превосходства, а благодаря высокой степени военного искусства командования и всесторонней выучке войск) — все это явилось вкладом в развитие советского военного искусства»[118].

Бои на реке Халхин-Гол существенно сказались на действиях японских войск в Китае. В этот период заметно сократились бомбардировки китайских городов, снизилась активность японских войск на фронтах[119]. Зарубежная печать объясняла это тем, что японцам пришлось неоднократно пополнять действовавшие в районе Халхин-Гола авиачасти летчиками, имевшими опыт войны в Китае[120], а также перебрасывать с китайского фронта на монгольскую границу некоторые части наземных войск.

Перспективы развития начавшейся 1 сентября 1939 г. Второй мировой войны нападением Германии на Польшу были неясны. Япония сочла целесообразным воздержаться от вступления в войну на стороне своих союзников. 13 сентября был опубликован официальный правительственный документ «Основы политики государства», в котором указывалось: «Основу политики составляет урегулирование китайского инцидента. Во внешней политике необходимо, твердо занимая самостоятельную позицию, действовать в соответствии со сложной международной обстановкой. Внутри страны сосредоточить внимание на завершении военных приготовлений и мобилизации для войны всей мощи государства»[121].

Цель политики временного невмешательства состояла в том, чтобы дождаться первых серьезных результатов войны в Европе, а затем, сделав выводы о ее перспективах, приступить к реализации собственных стратегических планов.

Разгром в мае 1940 г. германскими войсками Франции и Голландии потребовал от Токио определиться в отношении места Японии во Второй мировой войне. Радикально настроенные военные выступили за нанесение массированного удара на юге и захват всей Юго-Восточной Азии. При этом имелось в виду, что Японии в этом случае будет предпочтительнее вести переговоры «с позиции силы». Для твердого проведения курса на обладание Юго-Восточной Азией и районом Южных морей требовалось правительство «сильной руки».

Пришедший к власти в июле 1940 г. кабинет министров во главе с Ф. Коноэ принял 27 июля «Программу мероприятий, соответствующих изменениям в международном положении», в которой формулировались основные внешнеполитические задачи Японии. Важнейшими из них объявлялись «установление нового порядка в Великой Восточной Азии» и создание «восточноазиатской сферы совместного процветания», для чего предусматривалось «применение в удобный момент военной силы». Программой намечалось:

1. Укрепить союз Японии, Германии и Италии.

2. Заключить с СССР соглашение о ненападении с тем, чтобы провести подготовку вооруженных сил к войне, которая исключала бы их поражение.

3. Осуществить активные меры по включению колоний Великобритании, Франции, Голландии и Португалии в сферу нового порядка в Восточной Азии.

4. Иметь твердую решимость устранить вооруженное вмешательство США в процесс создания нового порядка в Восточной Азии[122].

В соответствии с этими политическими установками командование вооруженными силами стало разрабатывать возможные варианты вступления Японии во Вторую мировую войну: «южный» — против США и западноевропейских государств и «северный» — против СССР. Предпочтение было отдано «южному». Решение же «северной проблемы» откладывалось до начала германо-советской войны, о приближении которой в Токио знали.

Так как в Программе выдвигалось требование избежать войны на два фронта, заключение с СССР пакта о ненападении или нейтралитете оставалось одной из задач японской дипломатии. «Отношения с СССР должны быть урегулированы на базе советско-японского пакта о ненападении, — было написано в одной из японских газет. — Таким путем Япония может достичь безопасности своей северной границы, что даст ей возможность осуществить ее политику продвижения на юг. Это также позволит ей подготовиться к войне против США»[123].

По мере обострения противоречий Японии с западными державами в борьбе за колониальные владения в Юго-Восточной Азии и районе Южных морей возможности нахождения взаимоприемлемого политического компромисса сокращались. Так как японский стратегический план осуществления южного варианта экспансии предусматривал овладение Китаем, Французским Индокитаем, Филиппинами, Малайей, Сингапуром, Таиландом, Голландской Индией, Бирмой, а также Австралией и Новой Зеландией, перспектива вооруженного столкновения с западными державами становилась реальной. Обострение японо-американских отношений свидетельствовало о том, что на определенном этапе США могут силой воспротивиться дальнейшим захватам Японии. Поэтому с конца 1940 г. японское верховное командование приступило к более детальной, чем ранее, разработке планов военных действий против западных держав, в первую очередь США и Великобритании.

В августе — сентябре 1940 г. в Токио велись переговоры о заключении японо-германского военного союза. Германское руководство, подчеркивая антиамериканский характер союза, в большей степени исходило из его антисоветской направленности, ибо к этому времени Гитлер уже принял решение о нападении на СССР. Япония соглашалась с этим, хотя и стремилась обеспечить себе свободу действий при выборе направления и сроков вступления во Вторую мировую войну. В оппозиции в вопросе о заключении пакта с Германией было руководство японского военно-морского флота, сознававшее опасность вооруженного столкновения с США и Великобританией. На императорском совещании 19 сентября 1940 г. главнокомандующий объединенным флотом И. Ямамото предупреждал, что подобная демонстрация враждебности к США и Великобритании может пагубно сказаться на экономической ситуации в Японии. Он говорил: «Согласно предварительным расчетам Планового комитета правительства по мобилизации материальных ресурсов... восемьдесят процентов всех ресурсов подлежит поставке с территорий, находящихся под контролем Британии или Америки. Подписание пакта означает их неизбежную потерю»[124].

На совещании начальник главного морского штаба Н. Канъин подчеркнул: флот дает свое согласие на заключение союза с Германией при условии, что «будут приняты все мыслимые меры для недопущения войны с Соединенными Штатами»[125].

27 сентября 1940 г. между представителями Японии и Германии был подписан пакт о политическом и военно-экономическом союзе сроком на 10 лет. 30 сентября к нему присоединилась фашистская Италия, после чего он получил название Тройственный пакт. Основные статьи пакта гласили:

Статья 1. Япония признает и уважает руководство Германии и Италии в деле создания нового порядка в Европе.

Статья 2. Германия и Италия признают и уважают руководство Японии в деле создания нового порядка в Восточной Азии.

Статья 3. Германия, Италия и Япония берут на себя обязательства поддерживать друг друга всеми политическими, экономическими и военными средствами в случае, если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и японо-китайском конфликте.

Такими не участвовавшими в войне и конфликте державами осенью 1940 г. оставались только США и СССР. Поэтому третья статья пакта предусматривала согласованные военные действия, если одна из договаривающихся сторон окажется в состоянии войны с этими государствами. Участники Тройственного пакта видели в достигнутом соглашении эффективное средство объединенной борьбы за «новый порядок», т. е. за мировое господство. Германский посол в Японии О. Отт телеграфировал 4 октября 1940 г. в Берлин: «Внутренняя цель пакта трех держав заключается в том, чтобы через уничтожение мирового владычества Англии вызвать новое распределение сил в Европе и на Дальнем Востоке. Средством достижения этой цели могут служить отпор Америке и вывод из строя Советского Союза»[126].

В день заключения пакта император Японии Хирохито обратился к нации с рескриптом, который гласил: «Сутью принципа “восемь сторон света под одной крышей” (“хакко итиу”) является учение наших божественных предков. Мы денно и нощно размышляем об этом. Сегодня мир пребывает в великом смущении, царящий в нем беспорядок представляется вечным. Поскольку беды и катастрофы, грозящие человечеству, для ума смертных непостижимы, Мы искренне надеемся на прекращение всех враждебных действий и восстановление мира. Вот почему Мы приказали правительству заключить союз с Германией и Италией — странами, которые разделяют наши идеалы...»[127]

Обращение микадо было облечено благородными словесными оборотами о спасении нации и мира, выражениями всемерной заботы о благе подданных.

Иначе об идеологической близости с нацистской Германией и фашистской Италией и «новом порядке» для мира говорил незадолго до подписания пакта в интервью американской газете «Нью-Йорк геральд трибюн» министр иностранных дел Ё. Мацуока: «В битве между демократией и тоталитаризмом победа, бесспорно, останется за последним. Эпоха демократии закончилась, демократические институты на практике показали себя полными банкротами. Мир не в состоянии вместить две различные системы, две различные экономики... По воле народа главенствующей идеологией японского общества станет фашизм. И родится он из любви к нашему императору»[128].

Откровенен был и премьер-министр Ф. Коноэ, который 4 октября 1940 г. на пресс-конференции в Токио перешел на язык угроз, заявив: «Если Соединенные Штаты откажутся понять позицию Японии, Германии и Италии и расценят наш пакт как провокационную акцию, направленную против Америки, если они по-прежнему будут проводить политику конфронтации, то тогда три эти страны поведут самую решительную борьбу»[129]. Незадолго до этого, 23 сентября, японские войска вторглись в оставшийся после поражения Франции «бесхозным» Индокитай. К этому времени японское правительство объявило, что страны Юго-Восточной Азии включаются в «восточноазиатскую сферу совместного процветания».

В ответ президент США Ф. Рузвельт демонстративно предоставил Чан Кайши небольшой заем и заверил китайского лидера в поддержке Соединенными Штатами «справедливой борьбы китайского народа». Однако всерьез японские угрозы восприняты не были. В пересмотренной в ноябре 1940 г. военной доктрине США главным противником была определена Германия. При этом в Вашингтоне все еще рассчитывали, что Японию удастся образумить методами торгово-экономических санкций.

Намерение продолжать движение в южном направлении потребовало временного урегулирования отношений с СССР. После продолжительной беседы с И. В. Сталиным в Кремле 13 апреля 1941 г. министр иностранных дел Японии Ё. Мацуока подписал Советско-японский пакт о нейтралитете сроком на пять лет. Однако нападение 22 июня 1941 г. гитлеровской Германии на Советский Союз породило в Токио стремление воспользоваться занятостью СССР в войне на западе с тем, чтобы захватить советские дальневосточные районы и Восточную Сибирь, включив их в состав японской колониальной империи.

Вопрос о политике Японии в связи с началом германо-советской войны обсуждался на императорском совещании 2 июля 1941 г. При рассмотрении вынесенного на рассмотрение участников совещания документа «Программа национальной политики империи в соответствии с изменениями обстановки» начальник генерального штаба Х. Сугияма, отвечая

Мацуоке, заявил: «Вы хотите понять, что важнее — Юг или Север? Нет никакого различия в степени важности. Мы собираемся следить за тем, как будет развиваться ситуация».

Главным доводом противников Мацуоки и его единомышленников в руководстве страны, предлагавших незамедлительно нанести удар по СССР, была оценка экономического потенциала Японии, уязвимость империи в снабжении стратегическим сырьем, которое до войны на севере можно было получать на юге. С этой целью предлагалось, повременив с вступлением в войну против Советского Союза, быстро оккупировать, по крайней мере, Южный Индокитай. Министр торговли и промышленности И. Кобаяси докладывал об экономической уязвимости страны: «Скажу несколько слов о наших ресурсах. Я не считаю, что мы обладаем достаточными возможностями для обеспечения военных действий. Армия и флот могут прибегнуть к использованию вооруженной силы, но мы не имеем сырья и военных материалов для обеспечения войны на суше и на море. Армия, видимо, может провести подготовку. Но поскольку для этого будут реквизированы суда, мы не сможем обеспечить транспортировку сырья и военных материалов. Все это серьезным образом скажется на расширении наших производственных возможностей и пополнении вооружениями. Я считаю, мы должны предусмотреть такие действия, которые вселяли бы уверенность в отсутствии опасности поражения от Британии, Соединенных Штатов и Советской России. Пойдем ли мы на юг или на север? Я бы хотел, чтобы этот вопрос был тщательно изучен. У империи нет сырья и материалов. Сейчас мы должны подумать, как обрести уверенность в том, что мы не потерпим поражения, а также как разрешить китайский инцидент»[130].

Одобренная 2 июля 1941 г. на императорском совещании Программа определила дальнейшую политику Японии, установила курс на активное участие во Второй мировой войне. Ниже следует полный текст этого важного документа:

«ПОЛИТИКА

1. Независимо от изменений в международном положении Империя будет твердо придерживаться политики построения сферы совместного процветания великой Восточной Азии, что явится вкладом в достижение мира во всем мире.

2. Наша империя будет продолжать свои усилия, направленные на разрешение китайского инцидента, и будет стремиться обеспечить прочную основу безопасности и сохранения нации. Это предусматривает шаги для продвижения на юг и в зависимости от изменений обстановки включает также разрешение северной проблемы.

3. Наша империя исполнена решимости устранить все препятствия на пути достижения вышеуказанных целей.

РЕЗЮМЕ

1. Давление, осуществляемое из южных районов, будет усилено в целях принуждения режима Чан Кайши к капитуляции. В соответствующий момент в зависимости от будущего развития обстановки наше право воюющей державы будет распространено на чунцинский режим, и враждебный иностранный сеттльмент перейдет под наш контроль.

2. С целью гарантировать безопасность и сохранение нации наша империя будет продолжать все необходимые дипломатические переговоры по поводу южных районов, а также предпринимать другие меры, которые могут потребоваться.

Для достижения вышеуказанных целей будет проводиться подготовка к войне против Великобритании и Соединенных Штатов. Прежде всего, на основе документов «Программа политики в отношении Французского Индокитая и Таиланда» и «О форсировании политики в отношении Юга» будут приняты различные меры применительно к Французскому Индокитаю и Таиланду с тем, чтобы форсировать наше продвижение в южные районы. При осуществлении указанных планов наша империя не остановится перед возможностью оказаться вовлеченной в войну с Великобританией и Соединенными Штатами.

3. Наше отношение к германо-советской войне будет определяться в соответствии с духом Тройственного пакта. Однако пока мы не будем вмешиваться в этот конфликт. Мы будем

скрытно усиливать нашу военную подготовку против Советского Союза, придерживаясь независимой позиции. В это время мы будем вести дипломатические переговоры с большими предосторожностями. Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для нашей империи, мы, прибегнув к вооруженной силе, разрешим северную проблему и обеспечим безопасность северных границ.

4. При проведении различных указанных выше политических мероприятий (раздел 3) и особенно при принятии решений об использовании вооруженной силы мы должны быть уверены в отсутствии серьезных препятствий для сохранения нашей основной позиции в отношении войны с Великобританией и Соединенными Штатами.

5. В соответствии с принятым политическим курсом мы будем дипломатическими и другими методами прилагать усилия к тому, чтобы предотвратить вступление Соединенных Штатов в европейскую войну. Но если Соединенные Штаты вступят в войну, наша империя будет действовать в соответствии с Тройственным пактом. Однако мы примем самостоятельное решение о времени и способах использования вооруженной силы.

6. Мы незамедлительно сосредоточим наше внимание на приведении страны в готовность к войне. Особенно будет усилена оборона метрополии.

7. Конкретные планы осуществления этой программы будут выработаны отдельно»[131].

В соответствии с решениями императорского совещания армия, наряду с усилением приготовлений на южном направлении, развернула беспрецедентное по масштабам наращивание мощи нацеленной против СССР группировки своих войск. В результате проведенной мобилизации общая численность Квантунской армии, превратившейся к тому времени в стратегическую группировку войск, японской армии в Корее, соединений и частей на Хоккайдо, Карафуто (Сахалине), Курильских островах достигла почти 1 млн солдат и офицеров. Была определена дата начала войны против Советского Союза — 29 августа 1941 г.[132]

Параллельно велись переговоры с правительством Виши во Франции о «мирной передаче» южных районов Индокитая, которые завершились согласием французского марионеточного правительства на размещение японских войск на всем полуострове. 26–27 июля состоялся ввод японской армии на эту территорию. Было очевидно, что обретя столь важный плацдарм, японцы нацелились на богатые ресурсами Голландскую Индию и Британскую Малайю. Именно здесь они могли получить необходимые нефть, олово, каучук и продовольствие. На Малайю и Голландскую Индию приходилось 78 % мировой добычи каучука и 67 % олова. В 1940 г. здесь было добыто около 9 млн тонн нефти. 90 % олова и почти 75 % каучука, экспортировавшихся из этих стран, приходилось на долю США[133].

Продвижение Японии все дальше на юг создавало угрозу интересам США, что вынуждало американскую администрацию ужесточить экономические санкции против Японии и предпринять некоторые меры военного характера. 26 июля Ф. Рузвельт отдал приказ привести в состояние повышенной боевой готовности вооруженные силы Филиппин и обещал в ближайшее время направить туда дополнительно 272 тяжелых бомбардировщика дальнего радиуса действия Б-17 и 130 новых штурмовиков Р-40. На пост командующего вооруженными силами США на Дальнем Востоке был назначен бывший начальник штаба армии США генерал Д. Макартур. Филиппинская армия перешла в подчинение американского командования, а в Китай была направлена группа американских военных советников.

Осознав, что политика умиротворения не дает ожидаемых плодов, а лишь поощряет Токио на дальнейшую экспансию, правительства западных держав решились на серьезную акцию. 25 июля 1941 г. правительство Рузвельта ввело эмбарго на экспорт нефти в Японию и заморозило все японские активы в США. Так же поступили Великобритания и Голландия. 1 августа Вашингтон запретил экспорт в Японию всех стратегических товаров.

В сложившейся ситуации японские военные настойчиво предлагали незамедлительно вступить в войну с США и быстро захватить Филиппины. Начальник главного морского штаба О. Нагано 21 июля, еще до официального объявления американцами эмбарго, убеждал коллег на заседании Координационного совета правительства и императорской ставки немедленно объявить Америке войну, что «даст Японии шанс победить», воспользовавшись тем, что США

пока к войне не готовы. «Если мы оккупируем Филиппины, — подчеркивал он, — флот без особых проблем сможет проводить боевые действия. Тогда нам удастся обеспечить защиту всей южной части Тихого океана»[134].

9 августа премьер-министр Великобритании У. Черчилль предложил Ф. Рузвельту проект ультиматума Японии от имени США, Великобритании и СССР, в котором указывалось, что если японцы вступят в Малайю или Голландскую Индию, три державы примут такие меры, которые потребуются для того, чтобы вытеснить их оттуда. Однако Рузвельт счел подобный ультиматум чрезмерным. Он заявил: «По мнению военного и морского министерств США, основная цель на Тихом океане пока должна заключаться в том, чтобы избежать войны с Японией, ибо война между США и Японией не только свяжет большую часть, если не весь американский флот, но и ляжет тяжелым бременем на нашу военную организацию и производство, в то время как они должны ориентироваться на Атлантику»[135].

Поэтому Рузвельт и его ближайшее окружение решили ограничиться хотя и весьма твердым, но все же не столь ультимативным заявлением. 17 августа японскому послу в США К. Номуре была вручена нота правительству Японии. В ней содержалось следующее предупреждение: «Если Япония применением силы или угрозой таковой попытается и впредь установить военным путем свое господство над сопредельными странами, США незамедлительно предпримут необходимые для обеспечения безопасности меры». При передаче ноты в Токио Номура высказал мнение о том, что Японии «не удастся достичь соглашения с Соединенными Штатами»[136].

К началу сентября 1941 г. японское военно-политическое руководство вынуждено было отложить на время нападение на Советский Союз. Основные причины состояли в срыве германского плана молниеносной войны и сохранении на Дальнем Востоке достаточно сильной группировки советских войск. Альтернативой выступления на севере было дальнейшее расширение вооруженной экспансии в южном направлении. В согласованном на заседании Координационного совета правительства и императорской ставки от 3 сентября проекте документа «Программа осуществления государственной политики империи» определялось: «В случае отсутствия перспектив принятия наших требований до первой декады октября мы незамедлительно примем решение о начале войны против Соединенных Штатов и Великобритании»[137].

Затем на императорском совещании 6 сентября политика Японии в отношении США, Великобритании и Голландии была сформулирована следующим образом: «Принимая во внимание чрезвычайно напряженную обстановку, и в особенности действия, предпринятые в отношении Японии США, Великобританией, Голландией и другими государствами, а также положение Советского Союза, степень возможного использования государственной мощи империи, мы осуществим предусмотренный “Основными принципами политики империи в связи с изменением обстановки” курс»[138]. Было решено ориентировочно к концу октября закончить все военные приготовления.

С 29 сентября по 1 октября 1941 г. в Москве проходила трехсторонняя конференция, в работе которой принимали участие: от СССР — В. М. Молотов, от Великобритании — министр снабжения лорд У. Бивербрук, от США — посол в СССР А. Гарриман. Во время состоявшейся 30 сентября беседы с главами делегаций США и Великобритании Сталин заявил: «У меня такое впечатление, что Япония — не Италия и не хочет идти в рабство к Германии. Поэтому есть основания для отрыва Японии от Германии». В ответ Гарриман заметил: «Великобритания и США этим вопросом много занимались. Мы теперь представляем единый фронт, чтобы дать Японии понять ошибочность ее отношений с державами «оси». Эта политика, которую мы развивали со встречи президента с Черчиллем (9—12 августа), дает уже хорошие результаты»[139]. Проявленный Гарриманом оптимизм по поводу перспективы вывода Японии из Тройственного пакта вызывает удивление. В это время Япония уже завершала подготовку к войне против США.

Приняв решение воевать сначала с США и Великобританией на юге, японцы делали все возможное, чтобы создать в Вашингтоне и Лондоне обратное впечатление, т. е. что Япония

намерена в ближайшее время нанести удар по Советскому Союзу. Содержавшаяся в послании премьер-министра Японии президенту США от 28 августа «надежда японского правительства на то, что США будут избегать сотрудничества с Советским Союзом» и предложение со стороны Токио организовать личную встречу Ф. Коноэ с Ф. Рузвельтом укладывались в рамки японской операции по дезинформации, призванной убедить Вашингтон в нежелании Японии идти на столкновение с США. Альтернативой же нарушавшего интересы США и Великобритании японского движения на юг было выступление Японии на севере, против СССР. Это лишний раз убеждало Вашингтон в правильности утвержденного 21 июля 1941 г. оперативного плана Тихоокеанского флота США, который исходил из неизбежности японо-советской войны. «Каким жизненным интересам США может угрожать Япония?» — задавалась вопросом американская газета «Чикаго трибюн». И утверждала: «Она не может напасть на нас. Это невозможно с военной точки зрения. Даже наша база на Гавайских островах находится вне досягаемости эффективного удара ее флота»[140].

Не только военное, но и политическое руководство США и Великобритании в своей стратегии исходило из ошибочного вывода о том, что в связи с выдвижением германских войск к Москве приближается и срок японского удара по СССР с востока. «Я думаю, — писал 15 октября 1941 г. Ф. Рузвельт У. Черчиллю, — что они (японцы) направятся на север». Английский премьер соглашался с ним[141].

С 16 апреля 1941 г. в Вашингтоне проходили американо-японские переговоры о нормализации двусторонних отношений. Правительство США с самого начала предложило для обсуждения четыре пункта: уважение территориальной целостности и суверенитета каждой нации; поддержка принципа невмешательства во внутренние дела других стран; поддержка принципа равенства, включая равенство возможности торговли; ненарушение статус-кво в районе Тихого океана, за исключением случаев, когда статус-кво может быть изменен мирными средствами. При этом в обмен на вывод японских войск из Китая, образование в Китае единого правительства США не исключали возможность признания марионеточного государства Маньчжоу-Го.

Со своей стороны, японцы предложили США признать Маньчжоу-Го, отказать в поддержке правительству Чан Кайши, предоставить Японии неограниченные права на получение в юго-западной части Тихого океана необходимого ей военно-стратегического сырья, не допускать укрепления американцами Филиппин.

Как писал в мемуарах госсекретарь США К. Хэлл, согласно положениям японского проекта «над всем районом Тихого океана, по существу, устанавливалось своего рода совместное японо-американское государство, причем господство Японии простиралось над той его частью, где проживало 9/10 населения и было сосредоточено 9/10 богатств района. Права и интересы других стран почти совсем не принимались во внимание». Хэлл считал, что «этот проект почти не давал надежды»[142].

Его точку зрения разделял и Ф. Рузвельт, который, не возлагая особых надежд на благоприятный исход переговоров с японцами, тем не менее стремился как можно дольше оттягивать начало японо-американской войны.

Не рассчитывали на какие-либо компромиссы с американцами и японцы. В донесении руководителя советской разведгруппы в Японии Р. Зорге от 14 сентября 1941 г. сообщалось, что представитель флота и видный японский дипломат Т. Сиратори сказал германскому послу О. Отту и германскому военно-морскому атташе в Токио, что «переговоры с США есть последний эксперимент, чтобы доказать народу и крупным капиталистам, что достигнуть понимания с Америкой невозможно»[143].

Осенью 1941 г. правительство США, ища компромисс с Японией, по существу продолжало на Дальнем Востоке политику умиротворения. Более того, американцы через своих доверенных лиц давали понять японцам, что при определенных условиях США могли бы поддержать Японию в случае ее войны с Советским Союзом. Для этого японскому правительству предлагалось пересмотреть свои отношения с Германией и выйти из Тройственного пакта[144]. И это не случайно, ибо в Вашингтоне и Лондоне Тройственный пакт Германии,

Японии и Италии рассматривали как направленный не столько против СССР, сколько против США и Великобритании.

Готовность Вашингтона к различного рода компромиссам с Японией объяснялась все большей вовлеченностью американцев в войну в Европе, где события развивались таким образом, что рано или поздно США должны были вмешаться в борьбу с Германией. Ф. Рузвельт в своем обращении к американскому народу 27 мая 1941 г. заявил, что нацисты «после завоевания Латинской Америки планируют далее задушить Соединенные Штаты и доминион Канаду»[145]. Президент США отчетливо сознавал, что неурегулированность отношений с Японией и опасность вооруженного столкновения с этим государством чреваты ситуацией, при которой военно-морской флот США не сможет использовать все свои силы против Германии в Атлантике и его значительная часть будет прикована к тихоокеанскому театру военных действий. Это хорошо понимали в Токио. Стремясь склонить США к дальнейшим уступкам Японии и испытывая серьезное давление со стороны Германии, которая прилагала большие усилия для недопущения японо-американского урегулирования, японское правительство решило твердо отстаивать свои позиции на переговорах в Вашингтоне. При этом со всей определенностью было заявлено, что Япония рассматривает Тройственный пакт в качестве оборонительного соглашения и не собирается от него отказываться ни при каких условиях.

Как уже отмечалось, 6 сентября 1941 г. высшее руководство империи во главе с императором Хирохито приняло бесповоротный курс на разрешение противоречий с США и Великобританией вооруженным путем. Оставшееся до запланированного удара по американским военно-морским силам на Тихом океане время японцы использовали для завершения подготовки к такому удару и попыток усыпить бдительность Вашингтона.

Таким образом, события в Восточной Азии в межвоенный период и в первые годы Второй мировой войны оказывали непосредственное и в целом негативное воздействие на международную обстановку.

К началу Второй мировой войны в Японии существовали устойчивые милитаристские традиции, вполне сформировавшиеся взгляды на характер, цели и содержание готовившейся войны. Доктринальные взгляды политического руководства и генералитета Японии на сущность и цели мировой войны во многом совпадали со стратегическими воззрениями нацистской Германии: оба государства считали своей главной задачей достижение собственного мирового господства.

Поставив перед собой цель — создать вооруженным путем собственную колониальную империю в Азиатско-Тихоокеанском регионе, японское военно-политическое руководство развязало кровопролитную войну в Китае, не отказываясь при этом от войны против СССР в целях овладения советским Дальним Востоком и Сибирью и вооруженной борьбы с западными державами для захвата их колониальных владений.

Срыв Советским Союзом планов гитлеровского блицкрига и сохранение им крупных вооруженных сил на Дальнем Востоке не позволили японскому командованию, не забывшему еще уроки Хасана и Халхин-Гола, решиться на агрессию против СССР. Было выбрано казавшееся более легким южное направление развертывания войны.

7 декабря 1941 г. Япония без объявления войны внезапным ударом, нанесенным крупным авианосным объединением по главной базе Тихоокеанского флота ВМС США в бухте Пёрл-Харбор на острове Оаху (Гавайские острова), открыла военные действия на Тихом океане. Практически одновременно с налетом на Гавайи начались операции вооруженных сил Японии по захвату Малайи, Филиппин, Борнео, Гонконга, Гуама, Уэйка и других территорий.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией / Пер. с яп. М., 2000. С. 55–56.

[2] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. С. 94.

[3] *Tansill Ch.* Back Door to War. The Roosevelt Foreign Policy 1933–1941. Chicago, 1952. P. 64.

[4] *Агава Х.* Адмирал Ямамото. М., 2003. С. 34.

[5] URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_diplomatic/773/

[6] *Агава Х.* Указ. соч. С. 45.

[7] История войны на Тихом океане / Пер. с яп.: в 5 т. Т. 1. Агрессия в Маньчжурии. М., 1957. С. 104–105.

[8] Дайтоа сэнсо кокан сэнси. Дайтоа сэнсо кокан сэнси. Т. 8. (Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Секция сухопутных сил императорской ставки). Ч. 1. Токио, 1967. С. 278.

[9] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7867. Оп. 1. Д. 275. Л. 92.

[10] Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). Т. 15. М., 1969. С. 16.

[11] Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 1. С. 290.

[12] История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 1. М., 1973. С. 89.

[13] Там же. С. 92; Тайхэйё сэнсо си (История войны на Тихом океане). Т. 1. Токио, 1972. С. 293.

[14] История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 1. С. 94.

[15] Документы внешней политики СССР. Т. 14. М., 1968. С. 746.

[16] *Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я.* Международный процесс главных японских военных преступников. М.; Л., 1950. С. 237.

[17] *Bergamini D.* Japan's Imperial Conspiracy. L, 1971. P. 552.

[18] *Марушкин Б. И.* Американская политика «невмешательства» и японская агрессия в Китае (1937–1939). М., 1957. С. 30.

[19] История внешней политики СССР. 1917–1976. Т. 1. М., 1976. С. 296.

[20] Сёва но рэкиси (История периода Сёва). Т. 4. Токио, 1982. С. 330.

[21] История войны на Тихом океане / Пер. с яп. Т. 2. М., 1957. С. 67.

[22] *Сигрейв С. и П.* Династия Ямато / Пер. с англ. М., 2005. С. 263.

[23] ГАРФ. Ф. 7867. Оп. 1. Д. 467. Л. 524.

[24] Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 35.

[25] ГАРФ. Ф. 7867. Оп. 1. Д. 275. Л. 22–23.

[26] ГАРФ. Ф. 7867. Оп. 1. Д. 482. Л. 141.

[27] Дайтоа сэнсо кокан сэнси. 28 (1). Сина дзихэн рикугун сакусэн (Официальная история войны в великой Восточной Азии. Т. 28. Операции сухопутных сил в период китайского инцидента. Ч. 1). Токио, 1975. С. 103.

[28] Statistical Year Book of the League of Nations. 1939–1940. Geneva, 1940. P. 182.

[29] Тайхэйё сэнсо си. Т. 3. С. 218.

[30] Contemporary Japan. 1936. Vol. 4. P. 638.

[31] Тайхэйё сэнсо-эно мити. Сирёхэн (Путь к войне на Тихом океане. Сборник документов). Токио, 1963. С. 223.

[32] US Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. Vol. 3. The Far East. Wash., 1954. P. 165.

[33] Ibid. P. 487.

[34] US Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. Vol. 3. The Far East. Wash., 1954. P. 487.
[35] Foreign Relations of the United States (FRUS). Japan. 1931–1941. Vol. 1. 1943. P. 326.
[36] ДВП СССР. Т. 20. М., 1976. С. 413.
[37] Там же. С. 741.
[38] Там же. С. 409.
[39] Тайхэйё сэнсо си. Т. 3. С. 39.
[40] FRUS. 1937. The Far East. Vol. 3. P. 475–176.
[41] ДВП СССР. Т. 20. С. 436–137.
[42] Тайхэйё сэнсо си. Т. 3. С. 36.
[43] *Марушкин Б. И.* Указ. соч. С. 52.
[44] Цит. по: *Кунина А. Е., Марушкин Б. И.* Миф о миролюбии США. М., 1960. С. 174.
[45] *Bisson T. A.* America's Far Eastern Policy. N. Y, 1945. P. 168.
[46] ДВП СССР. Т. 20. С. 401.
[47] Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 4 (1935 — июль 1941 г.). М., 1946. С. 304.
[48] ДВП СССР. Т. 20. С. 617.
[49] Там же. С. 654–655.
[50] История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. М., 1974. С. 72.
[51] *Сапожников Б. Г.* Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937–1939). М., 1970. С. 76.
[52] История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. С. 42.
[53] Дайтоа сэнсо кокан сэнси. Т. 20. Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. Токио, 1968. С. 2.
[54] ДВП СССР. Т. 21. М., 1977. С. 342.
[55] Гэндай си сирё (Материалы по новейшей истории. Документы). Т. 8. Токио, 1976. С. 224.
[56] Тайхэйё сэнсо си. Т. 3. С. 108–111.
[57] Люшков Генрих Самойлович (1900–1945) родился в Одессе в семье портного. С 1920 г. работал в органах ВЧК — ОГПУ — НКВД на Украине, в Москве, Азово-Черноморском крае. С августа 1937 г. на Дальнем Востоке. Депутат Верховного Совета СССР первого созыва. Опасаясь ареста, Люшков в разгар репрессий 1938 г. тайно перешел границу Маньчжоу-Го и попросил политического убежища у японцев. Накануне своего побега организовал иммиграцию своей семьи в Финляндию. В 1938–1945 гг. сотрудничал с японской разведкой. В августе 1945 г. был уничтожен самими японцами. См. об этом подробнее серию статей японского исследователя Ё. Хиямы в журнале «Проблемы Дальнего Востока». 1990. № 3–5.
[58] *Coox A.* Nomonhan. Japan Against Russia, 1939. Stanford (Calif.), 1985. Vol. 1. P. 115.
[59] *Славинскии Б. Н.* СССР и Япония — на пути к войне: дипломатическая история, 1937–1945 гг. М., 1999. С. 154.
[60] Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 9. Оп. 29. Д. 59. Л. 16–17.
[61] *Славинскии Б. Н.* СССР и Япония — на пути к войне. Дипломатическая история, 1937–1945 гг. М., 1999. С. 156.
[62] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1077. Л. 5.
[63] War in Asia and the Pacific, 1937–1949. Vol. 10 (Part 1). Small Wars and Border Problems Through 1938. Appendix O Manchurian Studies. Vol. 11. P. 191.
[64] По сообщению Р. Зорге, действия японцев, которые «восстановили свой ослабленный престиж», произвели сильное впечатление на иностранные круги, включая германское посольство в Токио. ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 22383. Д. 3. Л. 185.
[65] См.: Советский Союз: накануне великих испытаний. М., 2004. С. 127.
[66] *Coox A.* Nomonhan. Vol. 1. P. 136; Книга Памяти Российской Федерации 1923–1939 гг. Т. 1. М., 1998. С. 122.
[67] Цит. по: *Парилло М.* «И им суждено сойтись». Халхин-Гол и Вторая мировая война. С. 139.
[68] Книга Памяти Российской Федерации 1923–1939 гг. Т. 1. С. 129–173; Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование М., 2001. С. 173; РГВА. Ф. 33937. Оп. 3. Д. 1121. Л. 27.
[69] Цит. по: *Зимонин В. П., Кузеленков В. Н., Логинов А. А., Нагаев И. М.* Герои Хасана. М., 2008. С. 113.
[70] Цит. по: Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий: Материалы научно-практической конференции / Ред. В. Н. Кузеленков. М., 2003. С. 100.

[71] Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Vol. 8. L, 1955. P. 34, 46.

[72] Цит. по: *Севостьянов Г. Н.* Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне Второй мировой войны. М., 1961. С. 329.

[73] Документы внешней политики СССР. Т. 21. М., 1977. С. 602.

[74] История войны на Тихом океане. Т. 2 / Пер. с яп. М., 1957. С. 355—356.

[75] FRUS. Japan. 1931—1941. P. 813.

[76] In: British Far Eastern Policy// Information Department Papers. 1939. № 24. July. P. 36.

[77] *Севостьянов Г. Н.* Указ. соч. С. 486.

[78] War in Asia and the Pacific 1937—1949. A fifteen volume collection. Vol. 10. Japan and the Soviet Union. N. Y.; L., 1980. P. 105—106.

[79] См. подробнее: *Кошкин А. А.* Крах стратегии «спелой хурмы». Военная политика Японии в отношении Советского Союза 1931—1945 гг. М., 1989. С. 56—66.

[80] Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 1. Токио, 1967. С. 585.

[81] *Цудзи М.* Номонхан дзихэн-но боппацу (Начало номонханских событий). Чанчунь, 1941. С. 85—86.

[82] Сёва-но рэкиси (История периода Сёва). Т. 5. Токио, 1982. С. 200.

[83] *Севастьянов Г. Н.* Указ. соч. С. 486.

[84] Русский архив. Великая Отечественная война. Т. 18. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30—40-е годы. Документы и материалы. М., 1997. С. 156.

[85] См.: Советский Союз: накануне великих испытаний. С. 129.

[86] *Coox A.* Nomonhan. Vol. 1. P. 145—147.

[87] Frankfurter Zeitung. 1937. Januar 13.

[88] АВП. Ф. 5. Оп. 18. Д. 180. Л. 27, 38.

[89] Цит. по: Асахи симбун. 1989. 1 июля.

[90] War in Asia and the Pacific, 1937—1949. Vol. 10 (Part 1). Small Wars and Border Problems Through 1938. [Manchurian Studies. Vol. 11. Through Part 3. Book A]. P. 99—102.

[91] New York Times. 1939. Febr. 12.

[92] *Coox A.* Nomonhan. Vol. 1. P. 196.

[93] War in Asia and the Pacific, 1937—1949. Vol. 10 (Part 1). Japanese Operational Planning Against USSR (1932—1945) [Manchurian Studies. Vol. 1]. P. 124—129.

[94] См.: Халхин-Гол. Исследования, документы, комментарии. К 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009. С. 51.

[95] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1222. Л. 12—15.

[96] См.: Асахи симбун. 1989. 1 июля.

[97] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1222. Л. 1.

[98] См.: *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Изд. 10-е. М., 1990. Т. 1. С. 242—243.

[99] См.: Асахи симбун. 1989. 4 июля.

[100] См.: Халхин-Гол. Исследования, документы, комментарии. С. 52—53.

[101] См.: *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. С. 244.

[102] Цит. по: Асахи симбун. 1989. 6 июля.

[103] См.: Халхин-Гол. Исследования, документы, комментарии. С. 53—58.

[104] *Горбунов Е. А.* 20 августа 1939. М., 1986. С. 201—202.

[105] Уже после войны в 1950 году в беседе с Константином Симоновым Г. К. Жуков вспоминал о событиях 3 июля: «Я принял решение атаковать японцев с ходу танковой бригадой Яковлева. Знал, что без поддержки пехоты она понесет тяжелые потери, но мы сознательно шли на это». См.: *Горбунов Е. А.* 20 августа 1939. С. 202.

[106] *Афанасьев В. А.* Становление полководческого искусства Г. К. Жукова. М., 2006. С. 73—74.

[107] РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2743. Л. 9.

[108] Там же.

[109] *Coox A.* Nomonhan. Vol. 1. P. 572.

[110] Боевое содружество: О советско-монгольском боевом содружестве. М., 1983. С. 94—95.

[111] In: *Glantz D.* Soviet Military Strategy vis-a-vis Japan (1921–1945) (An American Perspective) / Paper presented to IV-th Symposium on the Soviet-American Cooperation in World War II. New Brunswick (New Jersey), Rutgers Univ. October 1990. P. 19.

[112] *Coox A.* Nomonhan. Japan Against Russia, 1939. Stanford (Calif.), 1985. Vol. 2. P. 1123. App. J.

[113] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1207. Л. 112.

[114] Там же.

[115] *Coox A.* Nomonhan. Vol. 2. P. 1101. App. C.

[116] Цит. по: *Парилло М.* «И им суждено сойтись». Халхин-Гол и Вторая мировая война. С. 145.

[117] См.: *Горбунова П., Рощупкин В.* Небесные родичи «Катюши» // Военно-промышленный курьер. 2011. 23–29 ноября.

[118] Цит. по: *Афанасьев В. А.* Становление полководческого искусства Г. К. Жукова. М., 2006. С. 92–93.

[119] РГВА. Ф. 29. Оп. 37. Д. 14. Л. 277.

[120] Там же.

[121] Тайхэйё сэнсо си. Т. 3. С. 283.

[122] Там же. Т. 3. С. 316.

[123] «Токио нити-нити». 1940. 16 июля.

[124] *Агава Х.* Указ. соч. С. 208.

[125] Тайхэйё сэнсо-э-но мити. Сирёхэн. (Путь к войне на Тихом океане. Сборник документов). Токио, 1963. С. 341.

[126] СССР и Япония. М., 1987. С. 192.

[127] *Бикс Г.* Хирохито и создание современной Японии / Пер. с англ. М., 2002. С. 334.

[128] Там же. С. 326.

[129] Там же. С. 335.

[130] Тайхэйё сэнсо-эно мити. Сирёхэн. С. 462.

[131] См. подробнее: *Кошкин А.* Японский фронт маршала Сталина. Тень Цусимы длиной в век. М., 2004. С. 117–134.

[132] Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. С. 322.

[133] История Второй мировой войны. Т. 4. М., 1975. С. 242.

[134] Тайхэйё сэнсо-э-но мити. Бэккан. Сирёхэн. С. 481.

[135] *Langer W., Gleason S.* The Undeclared War 1940–1941. N. Y., 1953. P. 672.

[136] Japan's Decision for War: Records of the 1941 Policy Conferences. Stanford. California, 1967. P. 123.

[137] Ibid. P. 132.

[138] См.: Тайхэйё сэнсо-э-но мити. Сирёхэн. 1963. С. 507, 510.

[139] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. М., 1984. С. 120.

[140] The Chicago Tribune. 1941. October 27.

[141] Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2: 1917–1945 гг. М., 1973. С. 186.

[142] *Hull* C. The Memoirs. Vol. 2. N. Y, 1948. P. 1000.

[143] Русский архив. Великая Отечественная война. Т. 18. С. 192–193.

[144] *Судо С.* Хару ното-о кайта отоко. Нитибэй кайсэнто «Юки» сакусэн (Человек, написавший ноту Хэлла. Дипломатия периода начала японо-американской войны и операция «Снег»). Токио. 1999. С. 24.

[145] *Burns J.* Roosevelt: The Soldier of Freedom. N. Y, 1970. P. 100.

СССР в мировой политике. Борьба за коллективную безопасность

Международное положение молодого Советского государства к началу 1930-х гг. было крайне сложным. Страна постепенно набирала силу, но еще не оправилась от травмы «великого перелома»: коллективизация сопровождалась огромными социальными издержками, промышленная база только начинала создаваться в ходе индустриализации, военный потенциал и обороноспособность страны находились на низком уровне. Между тем обстановка в мире резко усложнилась под влиянием мирового экономического кризиса, следствием которого стало усиление агрессивных правых сил в ряде ведущих государств. Внешние угрозы безопасности Советского Союза нарастали.

Главным очагом непосредственной военной опасности стал японский милитаризм, начавший свою программу экспансии с захвата осенью 1931 г. принадлежавшей Китаю Маньчжурии. В марте 1932 г. там было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го, находившееся под контролем расквартированной в Маньчжурии Квантунской армии. Ее вторжение явилось грубым нарушением Портсмутского договора 1905 г., запрещавшего размещение в Маньчжурии японских войск. Оккупировав административный центр КВЖД Харбин, японские войска вышли к советско-китайской границе, что создавало прямую угрозу безопасности дальневосточных рубежей СССР. Маньчжоу-Го могло стать стратегическим плацдармом для нападения на СССР, планы которого начали разрабатываться в Токио уже в 1932 г. Лига Наций ограничилась формальным объявлением Японии агрессором, не введя против нее никаких санкций, предусмотренных в подобных случаях ее уставом. США попытались более активно противодействовать агрессии, провозгласив в начале 1932 г. так называемую доктрину Стимсона (по имени тогдашнего государственного секретаря), которая декларировала суверенитет и территориальную целостность Китая при сохранении там политики «открытых дверей». Однако эта инициатива не получила поддержки европейских государств. Легкие военные успехи усилили позиции милитаристских кругов Японии и привели к отставке более умеренного кабинета министров. Не встречая серьезного сопротивления, Япония захватила еще одну северо-восточную провинцию Китая и в марте 1933 г. вышла из Лиги Наций. Тем самым она бросала открытый вызов сложившемуся в Азиатско-Тихоокеанском регионе послевоенному международному порядку.

Менее непосредственная, но потенциально еще более серьезная угроза войны возникла в центре Европы в результате прихода к власти в Германии нацистской партии во главе с А. Гитлером. Став в январе 1933 г. канцлером, Гитлер вскоре сосредоточил в своих руках огромные полномочия, добившись фактической отмены Веймарской конституции. В Германии был установлен тоталитарный политический режим, взявший курс на форсированную милитаризацию страны и пересмотр всего Версальского миропорядка. В стране начались многочисленные провокации против советских учреждений и граждан. В октябре 1933 г.

Германия демонстративно вышла из Лиги Наций. Внешнеполитические цели нацистов складывались из нескольких установок: 1) освобождение Германии от военных и территориальных ограничений, налагавшихся Версальским договором; 2) создание немецкого «стального ядра» путем присоединения населенных немцами земель Центральной и Восточной Европы; 3) расширение «жизненного пространства» Германии за счет Восточной Европы и СССР; 4) сокрушение Франции и установление господства во всей Европе, а затем и в мире. Идеологической основой этой программы стали воинствующий антикоммунизм и теория «превосходства арийской расы», якобы дающие ей право на управление миром. Таким образом, из партнера Советского Союза в духе Рапалльского договора, подписанного 16 апреля 1922 г., Германия превращалась в его злейшего врага.

Двойной вызов со стороны давних противников России поставил СССР перед тяжелой задачей обеспечения своей безопасности в условиях неготовности страны к большой войне с превосходящими силами прямых и потенциальных противников. Для ее решения было необходимо всемерно наращивать оборонный потенциал в целях ликвидации этой асимметрии военной мощи. Во втором пятилетнем плане экономического и социального развития СССР доля военных расходов была увеличена более чем вдвое по сравнению с первой, причем самый большой их рост начался после вторжения Японии в Маньчжурию[1]. Параллельно быстро наращивалась численность вооруженных сил и осуществлялась реорганизация системы управления ими, повышался уровень технической оснащенности войск. Особенно быстрыми темпами росла военная группировка на Дальнем Востоке — с шести дивизий Особой Краснознаменной Дальневосточной армии в 1931 г. до 20 дивизий в 1936 г. С 1931 г. в регионе начали создавать свои военно-морские силы, преобразованные в 1935 г. в Тихоокеанский флот. В Приамурье и Приморье была построена обширная военная инфраструктура, введен в строй крупный авиационный завод в Комсомольске-на-Амуре.

Не менее важно было отодвинуть угрозу войны политико-дипломатическим путем за счет сдерживания агрессоров совместными усилиями всех заинтересованных в этом стран. Главная задача — предотвратить возникновение единой коалиции западных держав, направленной против СССР, оставалась прежней. Менялись потенциальные союзники и противники, а также пути и методы решения этой задачи. Если раньше главным противником считалась Великобритания как основной вдохновитель и организатор антисоветского блока, то теперь на эту роль выдвигались Германия и Япония. Стало ясно, что в новой обстановке интересам Советского Союза отвечает не прежняя критика версальской системы, а защита сложившегося в Европе порядка и границ от посягательств со стороны набиравших силу агрессоров. От договоров о ненападении, заключение которых было основной линией советской дипломатии на рубеже 1930-х гг., требовалось переходить к более активным формам противодействия военной угрозе. Это подразумевало новый уровень взаимодействия с другими государствами (прежде всего с ведущими западными демократическими странами) и опору на международное право, что нашло свое отражение в политике коллективной безопасности. Советские дипломаты начали сотрудничать с Лигой Наций, приняв участие в конференции по разоружению 1932 г. На той же конференции нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов предложил проект международной конвенции об определении агрессии, который давал четкое правовое толкование таких действий и создавал основу для эффективного применения механизма санкций против их инициаторов, предусмотренного Уставом Лиги Наций. Хотя ведущие европейские державы не поддержали проект конвенции, к ней присоединилось большинство восточно-европейских государств, а также Турция, Иран и Афганистан. Это открывало новые возможности для создания системы коллективной безопасности в Европе с участием СССР.

Следующим шагом стало вступление Советского Союза в Лигу Наций, связанное с советско-французским сближением на почве общей заинтересованности в сдерживании нацистской Германии. Французское правительство в октябре 1933 г. выступило с предложением о заключении в рамках Лиги Наций многостороннего соглашения с участием СССР и

восточноевропейских союзников Франции о взаимной помощи в случае агрессии со стороны Германии. 19 декабря 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло положительное решение по вопросу вступления в Лигу Наций, сопроводив его рядом оговорок. Во-первых, СССР настаивал на своем международно-правовом признании всеми членами этой организации и предлагал некоторые демократические дополнения в ее устав. Во-вторых, предлагалось распространить сферу действия многостороннего соглашения о взаимной помощи и на случай агрессии со стороны других государств, кроме Германии (имея в виду Японию). Принятое решение дало толчок дальнейшим переговорам с Францией о так называемом Восточном пакте — региональной системе коллективной безопасности в Европе. Поначалу советское руководство увязывало свое вступление в Лигу Наций с предварительным заключением договоров о взаимопомощи, но затем во избежание затягивания переговоров отказалось от этого, оговорив свое вступление другими условиями — получением официального приглашения вступить в Лигу, предоставлением Советскому Союзу места постоянного члена Совета Лиги и поста одного из заместителей генерального секретаря. Все эти условия были удовлетворены, и при активном содействии Франции и Чехословакии 18 сентября 1934 г. Лига Наций большинством голосов постановила принять СССР в свою организацию. В Москве не обольщались насчет миротворческих возможностей Лиги, но надеялись, что при советском участии она получит шанс, по словам Сталина, «хотя бы несколько затруднить дело войны и облегчить в некоторой степени дело мира»[2].

Вступление СССР в Лигу Наций проложило дорогу к его признанию другими членами этой организации: в 1934–1935 гг. были установлены дипломатические отношения с союзниками Франции — Чехословакией и Румынией, а также с Венгрией, Болгарией, Албанией и Бельгией. Вторая «полоса признаний» способствовала нормализации отношений СССР с большинством европейских государств и укреплению его международных позиций. В самой Лиге Наций Советский Союз быстро занял одно из ведущих мест в качестве самого активного поборника создания системы коллективной безопасности. Живым олицетворением этой линии стал нарком иностранных дел М. М. Литвинов, провозгласивший с трибуны Лиги Наций тезис о неделимости мира: «Мир не может быть обеспечен лишь субъективными высказываниями и декларациями... Он может быть лишь результатом коллективных усилий и коллективных материальных гарантий»[3].

Важным направлением советской политики стала нормализация отношений с США — великой державой, которая начинала играть все большую роль в мировой политике. Вашингтон дольше других западных столиц придерживался позиции непризнания СССР, но с приходом к власти нового президента — демократа Ф. Рузвельта в 1933 г., ситуация изменилась. Рузвельт считал ненормальным положение, при котором государству, занимавшему одну шестую земной суши и с которым у США традиционно были хорошие отношения, отказывалось в признании. Важным побудительным мотивом было осознание потенциальной роли Советского Союза в качестве противовеса японской, а в дальнейшем и нацистской агрессии. Новый госсекретарь К. Хэлл также «предвидел период больших потрясений в мире и хотел иметь в них Россию на своей стороне»[4].

В Москве надеялись, что нормализация отношений с оплотом мирового капитализма укрепит международные позиции СССР и поможет сдерживанию агрессоров, прежде всего Японии. Определенные надежды возлагались и на закупки в США передового промышленного оборудования для нужд индустриализации и обороны страны. В ноябре 1933 г. в Вашингтоне состоялись переговоры М. М. Литвинова с Ф. Рузвельтом об установлении дипломатических отношений между двумя странами. Они завершились 17 ноября обменом нот: обе стороны отказывались от вмешательства во внутренние дела друг друга и обязались воздерживаться от враждебной пропаганды. Во время переговоров с Рузвельтом Литвинов поднял вопрос о создании Тихоокеанского пакта — подготовке соглашения о ненападении в Азиатско-Тихоокеанском регионе с участием СССР, США, Китая и Японии. Участие последней предлагалось из тактических соображений с расчетом на то, что отказ Японии

лишний раз продемонстрирует ее агрессивные намерения. По замыслу Кремля пакт мог сыграть такую же сдерживающую роль в отношении Японии, как европейская система коллективной безопасности в отношении Германии. Рузвельт ограничился общими словами о поддержке Советского Союза против Японии, уклонившись от конкретного разговора о таком соглашении. В США был еще слишком силен изоляционизм, да и в Вашингтоне не хотели брать на себя жестких обязательств, способных втянуть страну в войну с Японией. В дальнейшем советские дипломаты не раз возвращались к этой теме в контактах с США, Китаем и Великобританией, но создать систему коллективной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе так и не удалось.

Двусторонние советско-американские отношения поначалу развивались успешно: первый полпред СССР в Вашингтоне А. А. Трояновский установил тесный контакт с Ф. Рузвельтом и его окружением, послу США У. Буллиту также было оказано в Москве должное внимание. Однако вскоре надежды сторон на их дальнейший прогресс оказались подорваны. Развитию торгово-экономических связей мешала нерешенность проблемы долгов царского и Временного правительств, увязанной американской стороной с предоставлением Советскому Союзу кредитов, необходимых для закупок американских товаров. Советское руководство, со своей стороны, опасалось создать прецедент для Франции и других европейских стран, которые также могли потребовать уплаты старых долгов. Политические отношения осложнялись продолжающейся поддержкой компартии США со стороны Коминтерна, что рассматривалось в Вашингтоне как вмешательство во внутренние дела. В дипломатической сфере главным препятствием было преобладание изоляционистского настроя в США, стремление остаться в стороне от европейских конфликтов, и это приходилось учитывать Рузвельту. Несмотря на все усилия, советским дипломатам не удалось заручиться в Вашингтоне даже устной поддержкой идеи Восточного пакта. Внутри советского руководства также не было единодушия в подходе к Америке: Сталин и руководство НКИД были настроены весьма жестко в отношении американских требований, тогда как полпред А. А. Трояновский выступал за гибкость и взаимные уступки во имя налаживания эффективного политического взаимодействия с США, которое, как он верно предвидел, будет крайне необходимо в будущем. Говоря в письме Сталину об «очень большой роли» США в грядущей войне с Германией, он отмечал: «Дойдет ли эта роль до активного участия в войне, пока трудно сказать, но что моральная, финансовая и особенно техническая помощь и помощь сырьем со стороны Соединенных Штатов окажут огромное влияние на исход войны, в этом не приходится сомневаться»[5]. Тем не менее, несмотря на все неиспользованные возможности, сам факт нормализации отношений с крупнейшей западной державой и поддержание дипломатического диалога с ней создавали важный задел для будущего.

Прагматизм советской внешней политики проявился и в отношениях с Италией, когда в июне 1933 г. Муссолини согласился принять советское предложение заключить советско-итальянский договор о ненападении. Для него было важно укрепить свои позиции в отношениях с Францией и Великобританией, которых он в тот период пытался объединить в антисоветский «пакт четырех» с участием Германии и Италии. Советское правительство со своей стороны стремилось предотвратить такое объединение за счет установления особых отношений с Италией. Советско-итальянский договор о дружбе, ненападении и нейтралитете был подписан в сентябре 1933 г. Он включал статьи о взаимных гарантиях в случае нападения третьей державы на одну из договаривающихся сторон.

Главным партнером СССР по созданию системы коллективной безопасности в Европе являлась Франция, более других великих держав опасавшаяся новой германской агрессии. С назначением в феврале 1934 г. на пост министра иностранных дел этой страны Луи Барту — убежденного противника нацизма — советско-французское сближение получило новый импульс. Поначалу усилия двух стран концентрировались на попытке создания так называемого Восточного Локарно — регионального пакта о взаимопомощи с участием СССР, Германии, Чехословакии, Польши и стран Прибалтики. По замыслу Барту, этот пакт должен был стать дополнением к будущей советско-французской конвенции о взаимопомощи,

связав тем самым новую восточноевропейскую систему безопасности с уже существовавшей локарнской системой. Участие Германии при этом рассматривалось как желательное, но не необходимое условие.

СССР согласился с предложением о создании пакта, однако оно встретило сопротивление не только Германии, но и Польши, которая в январе 1934 г. пошла на сближение с Берлином, подписав польско-германскую декларацию «О мирном разрешении споров». Более того, в июле того же года Польша и Германия договорились скрыто противодействовать заключению Восточного пакта и даже пойти на создание военного союза в случае его заключения. Литва, Латвия и Эстония обусловили свое участие в пакте многочисленными оговорками, и лишь Чехословакия ответила полным согласием. Великобритания, имевшая большое влияние на Францию, была настроена скептически в отношении сотрудничества с СССР в рамках предлагавшегося соглашения. Убийство Барту в октябре 1934 г. (следы которого тянулись к германским спецслужбам) и замена его П. Лавалем еще более затруднили процесс переговоров о Восточном пакте. В Москве сделали вывод о возможности его заключения без Германии и Польши «в случае согласия на это Франции и Чехословакии или одной Франции», как говорилось в ноябрьском (1934) постановлении Политбюро ЦК ВКП(б). В этом же постановлении предусматривалось «предложить Франции соглашение об обоюдном обязательстве СССР и Франции не заключать никаких политических соглашений с Германией без предварительного взаимного извещения, а также о взаимном информировании о всякого рода политических переговорах с Германией»[6]. В ответ на эту советскую инициативу 5 декабря 1934 г. между СССР и Францией был подписан так называемый Женевский протокол, который обязывал обе стороны не вести каких-либо переговоров, способных нанести ущерб подготовке и заключению Восточного пакта, а также информировать друг друга по данному вопросу. Это был еще один шаг к заключению двустороннего пакта о взаимопомощи между СССР и Францией.

Завершающая стадия переговоров прошла весной 1935 г. на фоне присоединения к Германии Саарской области, объявления о создании в стране военно-воздушных сил и обнародования планов Гитлера по дальнейшей ремилитаризации Германии — введению всеобщей воинской повинности и доведению численности вермахта до 550 тыс. человек. Ответом западных держав на это грубейшее нарушение военных статей Версальского мира стала конференция премьер-министров Великобритании, Франции и Италии в Стрезе (Италия, апрель 1935 г.). Они ограничились осуждением действий Германии, воздержавшись от предложенных Францией санкций в случае новых нарушений Германией своих международных обязательств. Мало того, вместо обуздания агрессора Великобритания в июне 1935 г. пошла на заключение с Германией военно-морского соглашения, согласно которому Третий рейх получил право иметь военно-морской флот, составлявший 35 % британского и примерно равный французскому. Тем самым было фактически легализовано создание германских ВМС в нарушение Версальского договора. Под давлением возмущенной французской общественности Лаваль оказался вынужден пойти на заключение соглашения с Советским Союзом, хотя и в несколько ослабленном виде.

Подписанный 2 мая 1935 г. в Париже договор о взаимной помощи предусматривал проведение консультаций между двумя странами в случае возникновения угрозы нападения на одну из них со стороны какого-либо европейского государства и оказание «немедленной помощи и поддержки» в случае неспровоцированного нападения со стороны какого-либо европейского государства (ограничение сферы действия договора пределами Европы было вызвано нежеланием Франции оказаться втянутой в возможный конфликт между СССР и Японией). Однако по настоянию Лаваля эта помощь могла оказываться только с согласия Совета Лиги Наций. Советской стороне, правда, удалось добиться исключения из этого правила в том случае, если Совет не вынесет никакой рекомендации или не достигнет единогласия по данному вопросу.

Советско-французский договор о взаимной помощи стал первым крупным соглашением такого рода, связавшим СССР с одной из ведущих капиталистических держав Европы. Но в Москве не питали иллюзий относительно надежности взятых Францией на себя обязательств

в случае войны. «Не следует возлагать на пакт серьезных надежд в смысле действительной военной помощи в случае войны, — писал советскому руководству М. М. Литвинов. — Наша безопасность по-прежнему останется исключительно в руках Красной армии. Пакт для нас имеет преимущественно политическое значение, уменьшая шансы войны как со стороны Германии, так и Польши, и Японии. Кроме того, пакт может оказаться препятствием осуществлению стремлений Польши к созданию антисоветского блока из Польши, Германии и Франции плюс некоторые другие страны»[7].

Советско-французский договор о взаимопомощи был подкреплен заключением аналогичного соглашения с Чехословакией, подписанного 16 мая в Праге. Его единственное отличие от первого состояло в том, что вступление в силу обязательств о взаимопомощи между Советским Союзом и Чехословакией должно было предваряться оказанием помощи жертве нападения со стороны Франции. Это условие было выдвинуто чехословацкой стороной, не доверявшей односторонним действиям СССР, но оно соответствовало интересам и самого Советского Союза, не желавшего воевать с Германией один на один. Кроме того, оказание советской военной помощи затруднялось отсутствием у СССР общей границы с Чехословакией. Для прохода Красной армии на ее территорию требовалось согласие соседних Польши и Румынии, которое было отнюдь не гарантировано. М. М. Литвинов так оценивал значение заключенного договора: «Хотя действительная помощь по пакту проблематична с французской стороны — вследствие подчинения ее Локарно и решениям Совета Лиги Наций, а с нашей — вследствие отсутствия (общих) границ, пакт будет иметь большое политическое значение в качестве фактора, уменьшающего соблазн нападения со стороны Германии»[8]. Заключение этих двух договоров стало первым весомым вкладом в создание системы коллективной безопасности в Европе. Советское правительство не собиралось на этом останавливаться, продолжая свои усилия по ее расширению и укреплению.

Осенью 1935 г. был активизирован дипломатический диалог с Румынией в целях заключения с ней договора о взаимопомощи, аналогичного советско-чехословацкому. Главным препятствием стал нерешенный вопрос о Бессарабии, захваченной Румынией после Первой мировой войны: румынская сторона настаивала на таком определении территории Румынии, которое означало бы отказ СССР от Бессарабии, что было неприемлемо для Москвы. Отстранение в августе 1936 г. с поста министра иностранных дел Н. Титулеску — сторонника коллективной безопасности — в августе 1936 г. положило конец этим переговорам.

Советскими дипломатами французской стороне было предложено дополнить договор о взаимопомощи военной конвенцией, которая сделала бы его более действенным на случай войны, однако военное командование и часть политического руководства Франции были настроены против военного сближения с СССР. В результате переговоры по этому вопросу затянулись. Другим направлением советской политики стало стремление вовлечь в систему коллективной безопасности Великобританию, без участия которой, как хорошо понимали в Кремле, эта система вряд ли окажется эффективной. Визит в Москву лорда — хранителя печати А. Идена в конце марта 1935 г. (первый визит такого рода после 1917 г.) был использован советской стороной для улучшения отношений с Великобританией. В центре внимания находились вопросы германской политики и создания системы коллективной безопасности. И. В. Сталин в беседе с Иденом назвал Восточный пакт «страховкой» против германской угрозы[9]. «Выдвигая на первый план восточную экспансию, — предупреждал Идена М. М. Литвинов, — Гитлер хочет поймать на удочку западные государства и добиться от них санкции на его вооружения. Когда эти вооружения достигнут желательного для Гитлера уровня, пушки могут стрелять совсем в другом направлении»[10]. Однако в Лондоне явно недооценивали опасность нацизма и еще надеялись найти общий язык с Гитлером. Единственным заметным результатом некоторого улучшения советско-английских отношений стало начало переговоров об ограничении военно-морских вооружений между двумя странами, завершившихся в июле 1937 г. подписанием морского соглашения.

Усиление военной угрозы и переход СССР к политике коллективной безопасности оказали большое влияние на деятельность Коминтерна. Его прежняя линия, направленная

на обострение классовой борьбы и дискредитацию социал-демократии как разновидности фашизма, показала свою контрпродуктивность. Как и для советской внешней политики на межгосударственном уровне, в новую повестку дня выдвигался поиск некоммунистических союзников в борьбе с фашистской угрозой, в данном случае политических сил внутри самих западных стран. Большой вклад в формирование этой новой линии внес видный болгарский коммунист Г. Димитров, поддержанный лидерами компартий Италии и Франции, где в июле 1934 г. коммунисты и социалисты уже объединились в Народный фронт (термин М. Тореза). Новая тактика была принята на январском (1935) заседании исполкома, получила одобрение советского руководства и была официально провозглашена на VII конгрессе Коминтерна, проходившем в Москве в июле — августе 1935 г. Конгресс признал борьбу с фашизмом главной задачей мирового коммунистического движения и ориентировал коммунистов на создание широких политических коалиций всех демократических сил в защиту мира и демократии. Он поддержал советскую политику коллективной безопасности и даже высказался за усиление военных приготовлений в странах, которым угрожала фашистская экспансия. Тактика Народного фронта способствовала усилению роли и влияния европейских компартий, ставших во главе борьбы с фашизмом. Она укрепляла социальную опору политики коллективной безопасности, а с учетом тесных связей Коминтерна с руководством СССР убедительно подтверждала серьезность изменений в советской внешней политике. Коминтерновская и государственная политика СССР обрели единство.

Расширяя внешний и внутренний фронт противодействия агрессии, советское руководство вместе с тем избегало провоцировать Германию и Японию на конфронтацию, стремясь по возможности избежать прямого военного столкновения с ними и выиграть время для наращивания собственных сил.

В отношениях с Японией был проявлен максимум осторожности, дабы не дать повод милитаристским кругам страны развязать войну против СССР. Советская дипломатия стремилась нарастить глубину обороны против Японии за счет улучшения отношений с гоминьдановским Китаем и укрепления советских позиций в Монгольской Народной Республике (МНР). Находившееся в Нанкине правительство Чан Кайши, в свою очередь, поняв, что реальной помощи от Запада ожидать не приходится, пошло на сближение с СССР. В декабре 1932 г. между двумя странами были установлены дипломатические отношения. Их дальнейшему развитию способствовал перелом в ходе гражданской войны в Китае в пользу гоминьдановцев, который ослабил недовольство Нанкина советской поддержкой китайских коммунистов, осевших после «Великого похода» 1934 г. в Янане. VII конгресс Коминтерна призвал к объединению китайских коммунистов с националистами для совместного противодействия японской угрозе. В результате Советскому Союзу удалось нормализовать отношения с правительством Чан Кайши, не порывая сложившихся связей с Коммунистической партией Китая (КПК). Японская агрессия угрожала и МНР, где в условиях формального суверенитета Китая существовал дружественный Советскому Союзу режим. В Токио вынашивали планы захвата Внешней Монголии и превращения ее в аналог Маньчжоу-Го. Японские войска устраивали многочисленные провокации на границе Маньчжурии и Монголии, пытаясь запугать монгольские власти. После срыва маньчжурско-монгольских переговоров в 1934 г. правительство МНР обратилось к советскому правительству с просьбой о военной помощи. Сначала ее оказывали в неофициальном порядке, а в марте 1936 г. был заключен советско-монгольский протокол о взаимной помощи. На территорию МНР были введены части Красной армии. «Улан-баторский протокол, — отмечало в этой связи руководство НКИД, — является новым звеном в той цепи последовательных действий, которыми мы обуздываем японскую агрессию против МНР. Теперь Япония уже, конечно, не сомневается, что завоевание ею Монголии привело бы к войне с Советским Союзом»[11]. Действительно, Японии на время пришлось отступить. С 1933 г. СССР стал оказывать военную помощь и властям Синьцзяна — северной провинции Китая, находившейся под советским влиянием.

В то же время советское правительство пошло на вынужденное взаимодействие с властями марионеточного Маньчжоу-Го, на территории которого находились около 50 тыс. совет-

ских граждан, пять консульств и обширная инфраструктура КВЖД. Представители НКИД на Дальнем Востоке получили указания «не задевать японцев, не ущемлять их без надобности и не создавать на этой почве конфликтов и недоразумений»[12]. Самой Японии в 1932 г. было предложено заключить пакт о ненападении, который она отвергла после нормализации советско-китайских отношений. Власти Маньчжоу-Го и командование Квантунской армии чинили многочисленные провокации вокруг КВЖД, создавая невыносимые условия для ее работы. В этой обстановке советское руководство предпочло мирное разрешение проблемы, предложив Японии купить эту дорогу. 23 марта 1935 г. после длительных и напряженных переговоров было подписано соглашение о продаже КВЖД Японии за компромиссную цену в 56 млн золотых рублей, что было значительно ниже ее себестоимости. Вскоре большая часть советского персонала и учреждений в Маньчжурии была эвакуирована. Однако продажа КВЖД не внесла качественного перелома в советско-японские отношения. Основным районом провокаций японских властей стала советско-маньчжурская граница.

В отношениях с гитлеровской Германией советское руководство также проявляло большую сдержанность и осторожность. В его кругах сохранялись некоторые отличия в подходе к этой стране. Наиболее непримиримо был настроен нарком М. М. Литвинов, исключавший возможность сотрудничества с нацистским режимом. Менее однозначной была позиция председателя СНК В. М. Молотова и части руководства НКИД (полпред в Берлине Я. З. Суриц, заместитель Литвинова Н. Н. Крестинский), которые надеялись, что оппозиция Гитлеру в германской верхушке сможет в дальнейшем сделать политику Германии более умеренной. «С немцами не считаю нужным дальнейшее обострение, — писал Молотов Сталину в октябре 1933 г. — Литвинов со своим беспринципным окружением склонен катиться по оппозиционной немцам дорожке. Считаю нужным его осаживать»[13]. Сам Сталин, больше всего опасавшийся образования враждебной коалиции с участием Германии, также не спешил сжигать мосты с Берлином. Важный расчет делался на то, что заинтересованность немцев в советском сырье и материалах поможет улучшить двусторонние отношения и укрепить позиции более умеренных германских кругов. В свою очередь, Советский Союз остро нуждался в поставках машин и промышленного оборудования из Германии, в том числе оборонного значения. В марте 1934 г. было подписано соглашение о поставках немецких товаров в СССР, а в апреле 1935 г. получен крупный германский кредит в 200 млн марок для размещения советских заказов в Германии. В напряженных переговорах по этим вопросам Советский Союз жестко отстаивал свои экономические и оборонные интересы, не принося их в жертву ради улучшения политических отношений. Торгово-экономические связи между двумя странами были расширены в результате «особой миссии» советского торгпреда в Берлине Д. В. Канделаки, заключившего в апреле 1936 г. соглашение с президентом рейхсбанка и германским министром экономики Я. Шахтом о дополнительных заказах СССР в Германии. Советское правительство положительно откликнулось на зондаж Шахта в контактах с Канделаки о возможности политических переговоров между двумя странами, однако вскоре убедилось в их бесплодности. Огласка этих контактов весной 1937 г. на фоне продолжения Германией своего агрессивного курса привела к тому, что для пресечения слухов о советско-германском сближении Канделаки и Суриц были отозваны из Берлина. Отмеченная осторожность советской политики на германском направлении была естественной подстраховкой и отнюдь не означала курса на умиротворение гитлеровской Германии и последующую сделку с ней, как утверждают некоторые зарубежные и отечественные историки[14].

Те же осторожность и прагматизм просматривались и в реакции СССР на международные кризисы 1935–1936 гг. Нападение Италии на Эфиопию в октябре 1935 г. явилось первым неприкрытым актом агрессии одного из членов Лиги Наций против другого. Муссолини преследовал геополитические интересы, намереваясь присоединить стратегически важную Эфиопию к своим соседним африканским колониям — Эритрее и Сомали. Лига Наций в ответ единодушно признала Италию агрессором и ввела против нее ограниченные экономические санкции. Советский Союз занял в этом вопросе сдержанную позицию, хотя принципиальное осуждение агрессии оказалось сильнее нежелания навредить отношениям с Италией. «Как

бы не хотелось нам не портить отношения с Италией, мы не можем не выступить против затеваемой ею империалистической войны», — писал Сталину Литвинов[15]. Советский Союз оказал большую моральную поддержку эфиопскому народу. Попытка Великобритании и Франции прекратить кровавый конфликт закулисной сделкой об аннексии части территории Эфиопии Италией (так называемый план Лаваля — Хора) провалилась. В мае 1936 г. итальянские войска вошли в Аддис-Абебу и оккупированная Эфиопия стала частью итальянской Восточной Африки. В июле 1936 г. Лига Наций отменила санкции против Италии, еще раз продемонстрировав свою полную беспомощность. В США под воздействием этих событий был принят закон о нейтралитете, запрещавший экспорт оружия, боеприпасов и военного снаряжения обеим воюющим странам. С учетом отсутствия в Эфиопии своей военной промышленности этот закон больше ущемлял жертву, чем агрессора. Не случайно Гитлер в кругу своих соратников, по сообщению советской разведки, «чрезвычайно приветствовал» американский нейтралитет[16].

Безнаказанность итальянской агрессии подтолкнула Гитлера к новому шагу по разрушению послевоенного порядка в Европе. 7 марта 1936 г. Германия, воспользовавшись в качестве предлога ратификацией французским парламентом договора о взаимопомощи с СССР, ввела войска вермахта в Рейнскую демилитаризированную область. Эти действия грубо нарушали условия Версальского и Локарнского договоров, давая Франции основания применить военную силу и обязывая Великобританию с Италией — главных гарантов нерушимости западных границ Германии — оказать французам любую помощь, вплоть до военной. Гитлер шел на большой риск, так как полумиллионная французская армия еще намного превосходила вермахт, который поначалу ввел в Рейнскую зону всего три батальона и имел приказ отойти в случае ответного ввода туда французских войск. «Если бы французы вошли тогда в Рейнскую область, — признавал потом сам Гитлер, — нам пришлось бы убраться оттуда с поджатыми хвостами, потому что военные ресурсы, находившиеся в нашем распоряжении, были недостаточными даже для слабого сопротивления»[17]. Но фюрер рассчитывал на раскол и трусость руководителей европейских держав и не ошибся. Италия отказалась от принятия мер против Германии до тех пор, пока не будут отменены санкции Лиги Наций против нее самой, введенные после вторжения в Эфиопию. Великобритания осудила методы действий Германии, но не их суть, поскольку рассматривала существование Рейнской зоны как анахронизм. За кулисами британские дипломаты предостерегли Францию против решительных ответных действий. Вашингтон воздержался от всякой публичной реакции. Только Советский Союз через своего полпреда в Париже В. П. Потемкина заявил, что поддержит Францию, если она подвергнется нападению. Лишенная помощи западных союзников, Франция не решилась на применение силы против Германии. Даже ее робкое предложение ввести экономические санкции в отношении агрессора не получило поддержки из Лондона и Мадрида. Лига Наций ограничилась осуждением нарушения Германией международного права. Хотя Советский Союз в свое время был грубо отстранен от участия в Версальском и Локарнском договорах, а его интересы не затрагивались действиями Гитлера напрямую, он тем не менее выступил в Лиге Наций с их резкой критикой. Однако момент для обуздания нацизма был упущен. «Если бы по-другому держались англичане, а французы после махания руками не обосрались, то мы бы поставили Гитлера на колени, — писал Сталину из Европы Н. Бухарин, в то время главный редактор газеты «Известия», под свежим впечатлением от этого кризиса. — ...Столкновение будет. Вероятно, следующий этап гитлеровской экспансии это Австрия, аншлюс»[18].

Политические и военные последствия рейнского кризиса были огромны. Ликвидация демилитаризированной зоны вывела войска вермахта на границу с Францией, которая отныне перешла к сугубо оборонительной стратегии. Сразу же начавшееся сооружение на левом берегу Рейна мощной заградительной линии Зигфрида затруднило бы приход французской армии на помощь своим восточноевропейским союзникам в случае нападения на них Германии. Рейнский успех вдохновил Гитлера на новые захваты. А главное — была дискредитирована Франция в качестве гаранта безопасности своих восточных союзников. От страны,

оказавшейся не в состоянии защитить себя, вряд ли можно было ожидать этого для других. «Одним дерзким шагом Гитлер подрубил основы всей структуры французских послевоенных союзов», — отмечалось в донесении американской армейской разведки из Берлина[19]. Первой отошла от Франции Бельгия, объявившая в октябре 1936 г. о своем нейтралитете, то есть о фактическом разрыве военного союза с Францией. Этот шаг был чреват серьезнейшими стратегическими последствиями, поскольку теперь Германия могла вторгнуться во Францию через Бельгию в обход оборонительной линии Мажино.

В то же время рейнский кризис дал толчок военному сближению Парижа с Лондоном, который стремился сохранить Францию в качестве противовеса Германии. В итоге состоявшегося в апреле 1936 г. обмена письмами Великобритания обязалась прийти на помощь Франции, если она подвергнется неспровоцированной агрессии. Вскоре после этого состоялись первые секретные переговоры штабов двух стран (в них до объявления о своем нейтралитете участвовала и Бельгия), где обсуждались планы совместных военных действий на случай германского нападения. К осени того же года имперский генеральный штаб Великобритании подготовил первый план войны с Германией, рассчитанный на развязывание ее нацистами в 1939 г. Авторы плана с большой тревогой отмечали наращивание военной мощи Третьего рейха и призывали к форсированной мобилизации военно-промышленных ресурсов Великобритании в предстоящей «долгой войне»[20].

Еще одним крупным международным кризисом тех лет стали события в Испании, где в июле 1936 г. правые силы во главе с генералом Ф. Франко подняли мятеж против республиканского правительства Народного фронта, объединившего социалистов, анархистов и коммунистов. Скоро этот вооруженный конфликт перерос в гражданскую войну, которая быстро интернационализировалась. Мятежники обратились за помощью к Гитлеру и Муссолини, которые организовали воздушный мост через Гибралтар для переброски на юг страны присоединившихся к мятежникам колониальных войск Испании. Республиканцы, в свою очередь, попросили помощи у французского правительства Народного фронта, которое поначалу откликнулось на эту просьбу. Однако под давлением Великобритании, настроенной резко отрицательно к испанским левым политическим силам, правительство Блюма пошло на попятный, предложив договориться о невмешательстве в гражданскую войну. В конце августа подавляющее большинство европейских государств подписали многостороннее соглашение, предусматривавшее запрет на экспорт, реэкспорт и транзит вооружений и военных материалов в Испанию. Оно не имело обязывающей силы договора и оставляло лазейку для его нарушений. США, не подписавшие этого соглашения, фактически также придерживались политики невмешательства, объявив «моральное эмбарго» на экспорт оружия в Испанию, но сохраняли другие торговые связи с этой страной. В Лондоне был создан Комитет по невмешательству, призванный следить за соблюдением данного соглашения. Это не помешало Германии и Италии наращивать поставки вооружений мятежникам, правительство которых в ноябре 1936 г. они признали законным.

Западные державы, включая союзную Францию, оказывали сильное давление на СССР, требуя его присоединения к режиму невмешательства. Симпатии Советского Союза были на стороне республиканцев, которым Москва с самого начала оказывала моральную и политическую поддержку. Но с учетом сохранения отношений с демократическими странами Запада СССР присоединился к политике невмешательства, оговорив свое участие необходимостью немедленного прекращения помощи мятежникам и привлечения к соглашению Португалии (через территорию которой шла значительная часть итало-германской помощи режиму Франко). Советским представителем в Комитете по невмешательству стал полпред СССР в Лондоне И. М. Майский.

Однако комитет оказался бессилен остановить военную помощь мятежникам со стороны Италии и Германии, которые в дополнение к вооружениям начали посылать в Испанию свои регулярные войска под видом добровольцев — около 300 тыс. человек за все время войны. Встречный приток иностранных добровольцев, воевавших в составе интернациональных бригад на стороне республиканцев (около 35 тыс. человек), не мог изменить сложившегося

соотношения сил. В этих условиях падение демократического правительства Испании стало лишь делом времени. То, что в его состав в начале сентября 1936 г. вошли коммунисты, делало выбор для советской политики еще более настоятельным. С одной стороны, втягивание СССР в испанскую гражданскую войну грозило резким обострением отношений с Германией и Италией, а также сложностями с союзной Францией и Великобританией, настаивавшими на продолжении политики невмешательства. С другой стороны, поражение Испанской республики означало бы крупную победу фашизма и конец надеждам на появление нового просоветского союзника в Западной Европе. В конечном счете соображения интернационализма и борьбы с фашизмом взяли верх над осторожностью. 29 сентября 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об оказании республиканской Испании военной помощи. В октябре Советский Союз заявил, что считает себя свободным от соблюдения соглашения о невмешательстве, но сохранил свое присутствие в лондонском комитете. Прибытие первых отрядов советских специалистов и транспортов с оружием из СССР сыграло решающую роль в успешной обороне Мадрида, предотвратив падение республиканцев. Всего с октября 1936 г. до конца войны Советский Союз поставил в Испанию 648 самолетов, 347 танков, 1186 орудий, 10 648 пулеметов, около полумиллиона винтовок, а также большое количество нефтепродуктов, машин, зерна и другого продовольствия[21]. В рядах республиканской армии сражались около 5 тыс. советских добровольцев. Но и при этом советские военные поставки уступали итало-германским почти в три раза, а численность советских добровольцев — почти в пятьдесят раз меньше.

В этих условиях СССР в рамках Комитета по невмешательству отстаивал принцип пропорциональности при выводе из Испании иностранных добровольцев вопреки требованиям равных сокращений с обеих сторон, выдвигавшихся западными державами. Летом 1938 г. комитет принял решение о запрете допуска иностранных добровольцев в Испанию и контроле над соблюдением режима невмешательства, но не смог обеспечить его выполнение. События на фронте тем временем развивались не в пользу законного правительства. К исходу 1937 г. под контролем мятежников находилось уже почти две трети территории страны. Положение усугублялось растущими разногласиями внутри Народного фронта, подрывавшими его единство и боеспособность. В ноябре того же года Великобритания признала режим Франко де-факто, а в феврале 1939 г. правительства Чемберлена и Даладье установили с ним дипломатические отношения. 28 марта 1939 г. войска Франко вошли в Мадрид и в стране был установлен правый авторитарный режим.

Гражданская война в Испании имела очень серьезные последствия. Эта первая открытая схватка левых сил с фашизмом еще раз показала нежелание западных демократий противостоять агрессии. Победа в войне поощрила Германию и Италию к разрушению остатков версальской системы, а совместная помощь мятежникам дала толчок к дальнейшему германо-итальянскому сближению. В октябре 1936 г. Германия и Италия договорились об урегулировании своих противоречий на Балканах и в Дунайском бассейне; Германия признала аннексию Италией Эфиопии, а Италия — германское преобладание в Австрии. 1 ноября 1936 г. Муссолини объявил о создании «оси Берлин — Рим», что, по сути, означало становление тесного военно-политического и экономического партнерства между двумя странами. Параллельно происходило сближение Германии с Японией, которая нуждалась в союзниках для реализации своей программы экспансии. Гитлер, в свою очередь, рассчитывал, что такое сближение заставит Францию и Великобританию больше считаться с Германией.

В ноябре 1936 г. после секретных переговоров в Берлине был подписан японо-германский Антикоминтерновский пакт, согласно которому обе стороны обязывались совместно противодействовать Коминтерну и распространению коммунистического влияния в целом. В секретном приложении стороны договорились без взаимного согласия не заключать с СССР никаких политических соглашений, противоречащих духу этого пакта. В Москве благодаря хорошо поставленной разведке были полностью информированы об этом секретном протоколе. Неслучайно нарком иностранных дел Литвинов в инструкциях полпредам подчеркивал, что «Коминтерн в соглашении является лишь кодом, под которым надо понимать СССР»[22].

В ноябре 1937 г. к Антикоминтерновскому пакту присоединилась Италия, которая еще до этого согласилась признать Маньчжоу-Го в обмен на признание Японией аннексии Эфиопии. В ходе обмена визитами Гитлера и Муссолини в 1937 г. Германия и Италия согласовали оставшиеся разногласия: Гитлер признал преобладание Италии в Испании, а дуче согласился с германским аншлюсом Австрии. В совокупности все это означало становление единого блока трех агрессивных государств, который хотя еще и не имел свойств военного союза, но усиливал позиции стран «оси» в борьбе за ликвидацию последних ограничений Версальской системы. В январе 1937 г. Гитлер открыто объявил об отказе Германии соблюдать условия Версальского договора и провозгласил право присоединения к Третьему рейху всех земель, в которых этнические немцы составляли большинство населения. Тем самым в повестку дня ставился вопрос о будущем Австрии, Судетской области Чехословакии и польского Данцига.

Аппетиты разгорались и у милитаристской Японии, которая решила воспользоваться европейским кризисом для продолжения своей экспансии, на сей раз в южном направлении. К концу 1936 г. в стране был завершен план развертывания и перевооружения армии, которая насчитывала 371 тыс. человек, намного превышая войска своих соседей. Для осуществления намеченной экспансионистской программы военная машина Японии нуждалась в сырье и богатых природных ресурсах Азии. В июле 1937 г., использовав в качестве предлога инцидент между японскими и китайскими военнослужащими, японские войска начали вторжение в глубь Китая. Началась формально необъявленная, но чрезвычайно кровопролитная война. К концу года под контролем японцев оказались Пекин, Шанхай и Нанкин.

Реакция Запада на эту слегка закамуфлированную агрессию снова оказалась очень вялой. Великобритания не стала обострять отношений с Японией, надеясь отвести японскую экспансию от своих колониальных владений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Президент Рузвельт в своей «карантинной речи» призвал к международной изоляции Японии, но на деле США продавали нефть и другие стратегические материалы обеим воюющим сторонам, что было больше на руку японцам. Лига Наций в ответ на требование правительства Гоминьдана ввести против Японии экономические и военные санкции в ноябре 1937 г. созвала в Брюсселе конференцию стран — участниц договора о Китае. Советский Союз на конференции предложил ввести против Японии экономические санкции, прежде всего в отношении поставок туда нефти. Однако западные державы отвергли это предложение, ограничившись моральным осуждением агрессора. Крах Брюссельской конференции наглядно показал, что и в отношении Японии Запад продолжал придерживаться политики попустительства агрессорам.

Единственную реальную помощь Китаю в это критическое для него время оказал Советский Союз. Хотя смещение японской экспансии на юг несколько облегчало положение СССР на Дальнем Востоке, в Москве хорошо понимали, что захват Японией Китая с его огромными ресурсами чреват большой угрозой и для Советского Союза. Договор о ненападении между двумя странами, подписанный 21 августа 1937 г. в Нанкине, фактически представлял собой нечто большее: в неофициальном порядке СССР обещал не заключать договор о ненападении с Японией до нормализации китайско-японских отношений, а Китай — не вступать в Антикоминтерновский пакт. Подписание договора открыло дорогу для советских военных поставок в Китай, которые в 1937–1939 гг. составили 904 самолета, 1600 орудий, 84 танка, 14 тыс. пулеметов, 50 тыс. винтовок[23]. Эти поставки осуществлялись с помощью советских кредитов общей стоимостью около 450 млн долларов. В гоминьдановской армии работали десятки военных советников из СССР. Советская помощь облегчалась тем, что после японского вторжения Гоминьдан и КПК заключили соглашение о сотрудничестве в рамках «единого антияпонского фронта», а вооруженные отряды КПК перешли под контроль центрального правительства. Во избежание прямого вооруженного конфликта с Японией СССР не пошел на заключение полноформатного военного союза, который неоднократно предлагал Чан Кайши. Но и без этого советская политическая и военная помощь сыграла важную роль в предотвращении полной победы Японии в Китае, хотя японцам удалось захватить все основные города страны и большую часть ее промышленности.

В Европе к началу 1938 г. тоже запахло войной. Еще в ноябре 1937 г. Гитлер объявил германскому генералитету о своих планах захвата Австрии и Чехословакии. Генеральный штаб вермахта разработал планы войны против Франции («Рот») и Чехословакии («Грюн»). Тем не менее правительства Даладье и Чемберлена твердо стали на путь умиротворения Германии, надеясь, что Гитлер удовлетворится экспансией в пределах «этнических границ» рейха и станет оплотом против распространения коммунизма. Гитлер всячески подыгрывал этим настроениям, заверяя в миролюбии Германии и изображая своей главной целью борьбу с коммунизмом. Окончательно убедила фюрера в безнаказанности своих действий миссия эмиссара Чемберлена Э. Галифакса (ноябрь 1937 г.), который заверил Гитлера в том, что Великобритания не станет возражать против расширения границ рейха до их этнических пределов при условии, если оно будет происходить мирным путем. После этого визита в Лондоне состоялось совещание премьер-министров Великобритании и Франции, на котором обсуждался вопрос о дальнейшей политике в отношении Германии. Французская делегация пошла в фарватере британской дипломатии, считавшей необходимым добиваться соглашения с Гитлером, невзирая на существующие гарантии безопасности Чехословакии. Оценивая итоги этого совещания, заместитель М. М. Литвинова В. П. Потемкин писал советскому полпреду в Париже Я. З. Сурицу: «Рукою неисправимых соглашателей — англичан и наших друзей французов, раболепно следующих лондонской указке, — нанесены новые удары международному авторитету Лиги Наций и концепции коллективной безопасности. Можно сказать, что на наших глазах и Англия, и Франция отходят от своих прежних позиций в указанных вопросах и определенно сползают в сторону враждебного нам международно-политического лагеря»[24].

В начале февраля 1938 г. Гитлер произвел чистку нацистского руководства, отстранив военного министра В. Бломберга, командующего сухопутными силами В. Фрича, министра иностранных дел К. Нейрата и министра экономики Я. Шахта, настороженно относившихся к его планам развязывания войны в Европе. Военное министерство было ликвидировано, а руководство вооруженными силами передано верховному командованию вермахта (ОКВ) во главе с фюрером. Гитлер тем самым сосредоточил в своих руках всю полноту власти, убрав последнее внутреннее препятствие на пути реализации своих планов.

В то же самое время в Великобритании Галифакс сменил на посту министра иностранных дел подавшего в отставку А. Идена, критически относившегося к политике умиротворения. В результате укрепились позиции сторонников такой политики. Гитлер начал открытое давление на австрийское правительство, требуя введения в его состав своих ставленников и отставки канцлера К. Шушнига. Обращения последнего за помощью к западным державам перед прямой угрозой вторжения вермахта в Австрию не дали результата, и он ушел в отставку во избежание кровопролития, приказав австрийским войскам не оказывать сопротивления вермахту. Новый пронацистский канцлер страны А. Зейсс-Инкварт под диктовку Г. Геринга запросил у Берлина «помощи», и 12 марта 1938 г. немецкие войска без единого выстрела оккупировали Австрию.

Аншлюс (присоединение к Германии) Австрии не вызвал серьезного противодействия западных держав. Франция и Великобритания ограничились формальными нотами протеста, отказавшись поставить этот вопрос на обсуждение Лиги Наций. Только Советский Союз выступил с решительным осуждением действий Германии. В Москве хорошо понимали стратегическое значение и последствия аншлюса как важнейшего шага в подготовке войны. Впервые агрессия была совершена в самом центре Европы. «Захват Австрии, — подчеркивал в докладе советскому руководству М. М. Литвинов, — представляется величайшим событием после мировой войны, чреватым величайшими опасностями и не в последнюю очередь для нашего Союза»[25]. Действительно, аншлюс резко менял соотношение сил в Европе в пользу Германии. Она увеличила свои людские, военные и финансово-экономические ресурсы, стала граничить с Италией, Югославией и Венгрией, открыв себе путь к доминированию в Юго-Восточной Европе. Особая угроза нависла над Чехословакией, окруженной теперь почти со всех сторон. В заявлении для печати от 17 марта Литвинов отметил, что аншлюс

создал новую угрозу безопасности европейских стран, прежде всего Чехословакии. От имени советского правительства нарком призвал к срочному проведению общеевропейской конференции по противодействию агрессии, предупредив: «Завтра может быть уже поздно, но сегодня время для этого еще не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира»[26]. Великобритания и Франция не только проигнорировали это предложение, но и отказались от обсуждения австрийской проблемы в Лиге Наций, не желая участия в нем Советского Союза. «Уже в австрийском кризисе, — отмечают российские историки, — отчетливо проявилось их стремление решать все европейские проблемы напрямую с Берлином, без консультаций с Лигой Наций и за спиной СССР»[27]. Сам Литвинов, видимо, тоже ощущал тщетность усилий советской дипломатии по организации «коллективного спасения мира». «Моя декларация, — откровенно писал он полпреду в Чехословакии С. С. Александровскому, — является, вероятно, последним призывом к Европе о сотрудничестве, после чего мы займем, по-видимому, позицию малой заинтересованности дальнейшим развитием дел в Европе, независимо от дальнейшей судьбы Чехословакии»[28].

Этот пессимизм подпитывался и осложнением внутренней ситуации в СССР, переживавшем трагический период «большой чистки». Репрессии обрушились и на военные, и на дипломатические кадры. Уничтожение большей части высшего командного состава, жестокая «чистка» среднего командирского звена ослабляли боеспособность Красной армии и доверие к Советскому Союзу как надежному и сильному партнеру. Военные разведки иностранных государств — одни со злорадством, другие (как чехи) с сожалением — доносили о резком ослаблении боеготовности советских вооруженных сил. Как сообщал военный атташе Чехословакии в Москве, Красная армия ослабла до такой степени, «что ее значение как фактора в европейских и международных делах, сильно упало». Обобщая эти оценки для американского руководства, посольство США в Москве в феврале 1938 г. сделало вывод о том, что «потребуется, по крайней мере, два или три года, чтобы восстановить Красную армию до ее прежнего уровня»[29]. Репрессии в отношении руководящего состава НКИД также ослабляли эффективность и авторитет советской дипломатии. В результате с Советским Союзом стали меньше считаться, его международные позиции ослабли.

В самой Москве нарастало подспудное разочарование итогами политики сотрудничества с демократическими странами Запада, которая не оправдывала возлагавшихся на нее надежд. Главная ответственность за это лежала на Западе. «Неспособность англичан и французов противостоять Гитлеру, нежелание американцев помочь в борьбе с Японией на востоке, мюнхенская политика умиротворения — все это оставило в Москве наследие огромной подозрительности», — признает британская исследовательница К. Кеннеди-Пайп[30]. В итоге, хотя соотношение сил было еще в пользу антифашистских государств, которые вместе могли бы «осадить агрессоров», это взаимодействие «не вытанцовывалось», по словам А. А. Трояновского из его письма Литвинову конца 1937 г., и было «трудно сказать, когда эти совместные действия станут возможными»[31]. Напротив, усиливалась опасность блокирования главного умиротворителя фашизма — Англии — со странами «оси» и их приспешниками. От советской разведки поступали тревожные сведения о формировании против СССР коалиции в составе Великобритании, Германии, Италии, Японии и Польши с последующим привлечением к ней Турции, Финляндии и Прибалтийских государств[32]. В повестку дня выдвигался поиск альтернатив политике коллективной безопасности. Вопреки тенденциозным попыткам изобразить ее неким фасадом реальной советской политики 1933–1939 гг., за которым скрывался курс на сделку с Гитлером, эта политика, как признают и более объективные западные историки, была «вполне искренней», отражая законные интересы обеспечения безопасности СССР[33]. И не вина Советского Союза в том, что в конечном счете она не достигла своих целей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Быстрова И. В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е). М., 2006. С. 67–69.

[2] *Сталин И. В.* Сочинения. М., 1955. Т. 13. С. 280.

[3] Цит. по: История международных отношений и внешней политики СССР / Под ред. В. Г. Трухановского. 2-е изд. М., 1967. Т. 1. С. 428.

[4] *Sulzberger C.* A Long Row of Candles. Memoirs and Diaries, 1934–1954. N. Y., 1969. P. 200.

[5] Москва — Вашингтон: политика и дипломатия Кремля 1921–1941: Сб. документов: в 3 т. / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. Т. 3. 1933–1941. М., 2009. С. 324.

[6] Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М., 2001. С. 318–319.

[7] Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Д. 122. Л. 182.

[8] Документы внещней политики СССР (далее — ДВП СССР). Т. 18. М., 1973. С. 292.

[9] 1941 год: в 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 521.

[10] ДВП СССР. Т. 18. С. 238.

[11] Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002: в 3 т. Т. 2. 1917–2002. М., 2002. С. 224.

[12] Там же. С. 213.

[13] Архив Президента Российской Федерации (далее — АП РФ). Ф. 45. Оп. 1. Д. 769. Л. 134.

[14] См., например: *Tucker R.* Stalin in Power. The Revolution from Above. N. Y., 1980. P. 223–237; *Slutsch S.* Stalin und Hitler 1933–1941 // J. Zarusky (Hg.). Stalin und die Deutschen. Munchen, 2006. S. 62.

[15] Москва — Рим: политика и дипломатия Кремля, 1920–1939: Сб. документов / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 2003. С. 369.

[16] См. Вестник МГИМО — Университета. 2009. № 5 (8). С. 200.

[17] *Шмидт Л.* Переводчик Гитлера. Смоленск, 2001. С. 48.

[18] АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 710. Л. 113.

[19] *Franklin D.* Roosevelt Library (Hyde Park, U. S. A.), Map Room Files, Naval Aide's Files, Axis War Potential — A16.

[20] War Against Germany in 1939: An Approach by Joint Planners // The National Archives (Richmond, U. K.), Public Records Office, Prime Minister's Office 3/500.

[21] ДВП СССР. Т. 21. М., 1977. С. 743–744.

[22] Там же. Т. 19. М., 1974. С. 665–666.

[23] *Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е.* История международных отношений. 1918–1939. М., 2006. С. 374.

[24] ДВП СССР. Т. 20. М., 1976. С. 671.

[25] АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 137. Д. 1. Л. 118–119.

[26] ДВП СССР. Т. 21. С. 129.

[27] *Сидоров А.* Ю., *Клейменова Н. Е.* История международных отношений. 1918–1939. С. 245.

[28] АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 149. Д. 166. Л. 5.

[29] АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 363. Л. 168, 166.

[30] *Kennedy-Pipe C.* Russia and the World, 1917–1991. London, 1998. P. 54.

[31] АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 468. Л. 83–84.

[32] См.: СССР — Германия: 1933–1941. Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2009. С. 163–164.

[33] *Ульдрикс Г.* Политика безопасности СССР в 1930-е гг. // Советская внешняя политика в ретроспективе 1917–1991. М., 1993. С. 78; *Haslam J.* The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–1939. N. Y., 1984.

Фашизм — это война. Гитлер начинает захват Европы

Аншлюс Австрии был лишь первым шагом на пути реализации гитлеровской программы «собирания земель» Центральной и Восточной Европы, населенных немцами. Следующим объектом нацистской экспансии стала Чехословакия, в которой насчитывалось 3,5 млн этнических немцев, проживавших преимущественно в Судетской области (отторгнутой у Германии по Версальскому миру), а также в Словакии и Закарпатской Украине. Немецкое меньшинство страны обладало всеми гражданскими правами и свободами, хотя и подвергалось некоторой дискриминации на бытовом уровне. Гитлер, ненавидевший чехов и Чехословакию как «искусственное порождение Версаля», решил использовать ту же тактику, что и с Австрией — выращивание «пятой колонны» немецкого сепаратизма для захвата власти под лозунгом «права наций на самоопределение». В 1935 г. при активной поддержке Берлина в Судетах была создана пронацистская Судето-немецкая партия во главе с К. Генлейном. Поначалу она выступала за автономию населенных немцами районов в составе Чехословакии, но постепенно наращивала свои требования.

Однако захват преимущественно славянской Чехословакии представлял для Германии более трудную задачу, чем аншлюс этнически близкой Австрии. Чехословакия была высокоразвитым самостоятельным государством, доказавшим свою способность к успешному демократическому развитию. Она обладала передовой индустрией, первоклассной военно-промышленной базой и сильной 600-тысячной армией, располагала мощной линией укреплений вдоль границы с Германией. Что не менее важно, Чехословакия была связана союзными договорами с Францией и СССР, могла рассчитывать на поддержку стран Малой Антанты — Румынии и Югославии.

После аншлюса Австрии Гитлер приступил к массированному давлению на чехословацкое правительство сразу по нескольким направлениям: шумная пропагандистская кампания вокруг «ужасающих преследований» судетских немцев, информационная война по запугиванию населения Чехословакии, концентрация частей вермахта в приграничных районах, подталкивание судетских немцев к организации массовых беспорядков и выдвижению заведомо неприемлемых требований. Параллельно под личным контролем фюрера разрабатывался детальный план разгрома Чехословакии, рассчитанный на молниеносную войну (операция «Грюн»). В конце апреля 1938 г. собравшийся в Карловых Варах очередной съезд Судето-немецкой партии под диктовку из Берлина принял так называемую Карлсбадскую программу. В ней содержались ультимативные требования предоставления «широкой автономии» Судетской области, свободной пропаганды нацистских идей и аннулирования договора о взаимопомощи с Советским Союзом. Власти Чехословакии были вынуждены вступить в переговоры с Генлейном. Одновременно судетские нацисты готовили вооруженное восстание для захвата власти. На фоне предстоявших 22 мая муниципальных выборов,

которые сепаратисты намеревались превратить в референдум по присоединению Судетов к Германии, начался первый судетский кризис.

Эти события заставили основные европейские державы определиться со своей позицией перед лицом прямой угрозы германской агрессии против Чехословакии. Правительство Чемберлена согласилось с линией Гитлера на «воссоединение немецких земель» и ясно дало понять французскому правительству, что не станет воевать с Германией в случае выполнения им своих обязательств по союзному договору с Чехословакией. Вместе с тем Чемберлен стремился избежать военного решения чехословацкой проблемы и видел свою задачу, во-первых, в оказании давления на Прагу в пользу принятия Карлсбадской программы, а во-вторых — в удержании Гитлера от вооруженной агрессии для достижения своей цели. Правительство Даладье, в свою очередь, панически опасалось вовлечения в войну с Германией без поддержки Великобритании, хотя еще не могло открыто отказаться от своих гарантий Чехословакии. Поэтому общей линией Лондона и Парижа со времени их апрельских консультаций в британской столице стал, с одной стороны, нажим на правительство Бенеша, а с другой — предупреждение Гитлера о том, что нападение Германии на Чехословакию чревато общеевропейской войной. Британский министр иностранных дел Галифакс информировал Берлин, что в таком случае Франция будет обязана вмешаться, а Великобритания также может оказаться втянута в конфликт «в силу обстоятельств или политической необходимости»[1]. Несмотря на свою нерешительность, этот демарш все же вносил элемент неопределенности в оценку Гитлером возможных последствий силового решения.

Неопределенность усиливала и позиция Советского Союза, который подтвердил свою готовность прийти на помощь Чехословакии в случае германской агрессии, даже «не дожидаясь Франции», как заявил глава ВЦИК М. И. Калинин накануне майского кризиса[2] (напомним, что по условиям советско-чехословацкого договора о взаимопомощи 1935 г. советские гарантии вступали в силу при условии соблюдения Францией аналогичных обязательств по союзному договору с Чехословакией). Приграничные Киевский и Белорусский военные округа были преобразованы в особые военные округа, предназначенные для ведения боевых действий. Нарком иностранных дел М. М. Литвинов, находившийся в те дни в Женеве, предложил провести переговоры генеральных штабов СССР, Франции и Чехословакии для разработки совместных действий союзных стран на случай германской агрессии. Но это предложение не получило поддержки. Тем временем правительство Бенеша не собиралось уступать немецкому диктату. 20 мая оно объявило частичную мобилизацию и ввело войска в Судетскую область. В нацистской верхушке еще не было согласия в отношении дальнейших действий: начальник штаба армии Л. фон Бек и даже Г. Геринг считали войну слишком рискованной. Первый судетский кризис закончился временным отступлением Гитлера.

Взбешенный неудачей фюрер 30 мая подписал новый вариант плана операции «Грюн», предписывавший начать боевые действия не позднее 1 октября 1938 г. Вместо фронтального удара по центральной линии обороны Чехословакии в Судетах план, по настоянию Гитлера, предусматривал двойной охват ее территории с севера и юга. Для операции планировалось использовать все основные силы вермахта, оставив лишь минимальный контингент на границе с Францией. Гитлер исходил из того, что Франция и тем более Великобритания не решатся вступить в конфликт, тогда как СССР может нанести удар по войскам вермахта с воздуха[3]. В качестве вероятных союзников Германии рассматривались Польша и Венгрия, имевшие территориальные претензии к Чехословакии.

В июне — июле 1938 г. продолжались переговоры между партией Генлейна и чехословацким правительством на фоне активизации усилий британской дипломатии по умиротворению агрессора. Чемберлен рассматривал судетскую проблему как препятствие на пути так называемого всеобъемлющего урегулирования с Германией, по которому последняя отказалась бы от посягательств на владения Британской империи и дальнейшего наращивания военного

потенциала в обмен на признание своего доминирования в Центральной и Восточной Европе. В стремлении устранить это препятствие Чемберлен решил взять на себя инициативу в судетском вопросе. В начале августа британский премьер навязал Чехословакии миссию лорда У. Ренсимена в качестве международного посредника в урегулировании судетской проблемы. Правительство Э. Даладье, деморализованное и запуганное германской угрозой, также согласилось на это посредничество, фактически уступив Лондону право говорить от своего имени. Хотя внешне Ренсимен претендовал на беспристрастность, его наказ Бенешу был явно тенденциозным: в случае отказа чехословацкого правительства уступить требованиям сепаратистов и возникновения войны с Германией Чехословакии не стоит рассчитывать на британскую помощь. Суть этой линии Лондона хорошо описал полпред СССР во Франции Я. З. Суриц в депеше в Наркомат иностранных дел: «Англия меньше всего была расположена не только воевать за Чехословакию (такого “расположения” нет и у Франции), но и бороться против требований, предъявляемых судетами к чехам. Весь тактический план англичан и был построен на том, чтобы добиться у Праги мирным путем того, чего Гитлер добивается силой»[4].

Под сильным давлением англичан и французов правительство Бенеша постепенно склонялось к принятию основных пунктов Карлсбадской программы, но компромиссного решения Ренсимену найти так и не удалось из-за растущих аппетитов генлейновцев. Гитлер между тем нагнетал напряженность вокруг Судетов, грозя начать войну по истечении срока своего ультиматума. 30 августа состоялось важное заседание британского кабинета министров, во многом определившее дальнейшее развитие кризиса. Верх взяла точка зрения, выдвинутая Галифаксом и Чемберленом. Они исходили из того, что, во-первых, Гитлер еще не решился окончательно на развязывание войны и может удовлетвориться новыми уступками Праги, а во-вторых — в случае провала своего ультиматума Великобритания даже вместе с Францией будет не в силах предотвратить захват Чехословакии Германией, но зато подставит себя под удар нацистской военной машины. Имелись в виду массированные бомбардировки Лондона, опасность которых тревожила британских политиков и общество в целом. Военные специалисты оценивали вероятные потери от налетов люфтваффе в 150 тыс. человек лишь за первую неделю. Позднее выяснилось, что эти страхи были явно преувеличены: немцы не имели такого количества тяжелых бомб и бомбардировщиков, а дальность их полета не позволяла осуществлять подобные рейды с территории самой Германии. Однако в ту пору угроза представлялась иначе, и основной вопрос, по словам Галифакса, сводился к следующему: «Стоит ли идти на явную войну сейчас ради предотвращения возможной войны в будущем?» В результате, после долгих обсуждений кабинет министров постановил отказаться от предупреждения Гитлеру и заставить его «гадать относительно намерений» Великобритании[5].

В начале сентября правительство Бенеша пошло навстречу требованиям сепаратистов, согласившись на широкую культурную и политическую автономию Судетской области и фактическое превращение страны в конфедерацию. Но это уже не устраивало ни Генлейна, ни его берлинских хозяев. Они прервали переговоры с Прагой. Выступая 12 сентября на съезде нацистской партии в Нюрнберге, Гитлер назвал ситуацию в регионе «невыносимой» и открыто призвал судетских немцев к мятежу, обещая им всяческую поддержку. За этим последовали вооруженные вылазки местных нацистов, которые были подавлены полицией. Перед лицом грозящего переворота чехословацкое правительство 13 сентября ввело в Судетах чрезвычайное положение, запретило деятельность Судето-немецкой партии и арестовало большую часть ее руководства. Генлейн был вынужден бежать в Германию. Ренсимен завершил свою миссию заявлением о необходимости передать Судеты Германии. Второй судетский кризис вступил в свою решающую стадию.

В поисках выхода Даладье предложил Чемберлену отправиться вдвоем на встречу с Гитлером, чтобы предпринять последнюю попытку предотвратить надвигавшуюся войну. Однако британский премьер решил взять роль миротворца целиком на себя, приступив к выполнению «Зет» (личная встреча с Гитлером), который он тайком вынашивал с конца

августа. 13 сентября, не дожидаясь поддержки кабинета министров или согласия Франции, он направил срочное послание фюреру с предложением прилететь в Германию уже на следующий день для «нахождения мирного решения». Гитлер ответил согласием, и его первая встреча с премьером состоялась 15 сентября в Берхтесгадене — резиденции фюрера в Альпах. Накануне Чемберлен так описал свою программу переговоров: «Я сумею убедить его, что у него имеется неповторимая возможность достичь англо-немецкого понимания путем мирного решения чехословацкого вопроса. Обрисую перспективы, исходя из того, что Германия и Англия являются двумя столпами европейского мира и главными опорами против коммунизма и поэтому необходимо мирным путем преодолеть наши нынешние трудности... Наверное, можно будет найти решение, приемлемое для всех, кроме России»[6].

Чемберлен рассчитывал обсудить с Гитлером весь комплекс проблем всеобъемлющего урегулирования между Великобританией и Германией, но фюрер свел разговор исключительно к Чехословакии. Он потребовал полной передачи Судет Третьему рейху, пригрозив в противном случае началом большой войны. Это требование явно выходило за рамки официальной позиции Великобритании, выступавшей за «широкую автономию», но Чемберлен, к удивлению фюрера, согласился с ним безо всякого торга. Премьер удовлетворился заверениями Гитлера о том, что тот не помышляет о ликвидации Чехословакии и считает Судеты своим последним территориальным требованием. По возвращении в Лондон Чемберлен смог убедить большинство членов кабинета министров в том, что цели Гитлера «строго ограничены» и фюрер сдержит свое слово[7]. 18 сентября в Лондоне состоялась встреча Чемберлена и Галифакса с Даладье и французским министром иностранных дел Ж. Боннэ, на которой англичане информировали союзников о переговорах в Берхтесгадене и предложили передать Германии те районы Судет, более 50 % населения которых составляли немцы. Французы согласились на эту формулу при условии, что для решения спорных вопросов будет создана международная комиссия, а новые границы Чехословакии получат французские и британские гарантии против «неспровоцированной агрессии». Тем самым Франция сделала решающий шаг к предательству своего союзника; недаром даже французский посол в Лондоне Ш. Корбен в беседе с американскими коллегами назвал это решение «самым позорным актом» своего правительства за многие годы[8].

Уже на следующий день, 19 сентября, из Лондона и Парижа обратились к правительству Бенеша с призывом передать Судетскую область Германии и отказаться от своих договоров о взаимопомощи в пользу англо-французских гарантий новых чехословацких границ. Союзники требовали дать ответ на свою ноту не позднее 21 сентября, поскольку на следующий день была намечена новая встреча Чемберлена с Гитлером. Поначалу чехословацкое правительство отвергло этот ультиматум, решив подать в арбитраж и третейский суд Лиги Наций, но давление союзников нарастало. «Если д-р Бенеш не отдаст себя в наши руки, мы их умоем», — инструктировал своего посла в Праге Галифакс[9]. 19 сентября Бенеш пригласил советского полпреда в Праге С. С. Александровского и впервые за все время кризиса официально запросил его о позиции СССР. Премьер подчеркнул экстренность ситуации и готовность чехов сражаться даже при отсутствии помощи со стороны Франции и Великобритании[10]. Обращение Бенеша было обсуждено на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), и ответ последовал уже на следующий день: СССР окажет Чехословакии помощь при условии таких же действий со стороны Франции, а также будет готов поддержать обращение Чехословакии в Совет Лиги Наций с просьбой о применении статей 16 и 17 ее устава (предусматривавших введение санкций и другие коллективные меры в отношении стран-агрессоров)[11]. 21 сентября М. М. Литвинов на пленарном заседании ассамблеи Лиги Наций призвал к срочным мерам по предотвращению новой агрессии и квалифицировал предпринятые западными державами шаги как «капитуляцию», «которая рано или поздно будет иметь совершенно необозримые катастрофические последствия»[12].

Тем временем из Лондона и Парижа усиливали грубое давление на чехословацкое правительство, угрожая Чехословакии изоляцией и даже нападением в случае, если она встанет на путь сопротивления и прибегнет к помощи СССР. «Если же чехи объединятся с русски-

ми, — говорилось в заявлении французского и британского послов от 21 сентября, — война может принять характер крестового похода против большевиков. Тогда правительствам Англии и Франции будет очень трудно остаться в стороне»[13]. В ночь на 21 сентября послы явились в резиденцию Бенеша, требуя срочного ответа на совместное англо-французское требование. Брошенный западными союзниками президент был вынужден уступить. «Нас подло предали», — сказал он своему окружению.

На следующую встречу с Гитлером, состоявшуюся 22–23 сентября в местечке Годесберг на Рейне, Чемберлен привез свой план урегулирования в полной уверенности, что «герр Гитлер» с готовностью примет то, чего он потребовал неделю назад. Но фюрер вновь поднял планку своих запросов, требуя на сей раз немедленной оккупации Судетов немецкими войсками, срочной (в течение 48 часов) эвакуации оттуда чешских властей и населения, а также отказа от создания международной комиссии. Шокированный Чемберлен отказался принять этот ультиматум и решил проконсультироваться с кабинетом министров и французами. Те поддержали его в этом решении, заявив, что дальнейшие уступки невозможны. Тем временем польское правительство предъявило свой ультиматум Чехословакии о передаче Тешинской области с польским населением, подкрепив его концентрацией войск на польско-чехословацкой границе. 22 сентября к границам Чехословакии подошли и войска Венгрии, претендовавшей на заселенные этническими венграми районы Словакии. Судетские немцы захватили приграничные чешские города Эгер и Аш. Бенеш с ведома Лондона объявил всеобщую мобилизацию. Советские дипломаты сообщали из Праги о решимости рядовых чехов с оружием в руках отстоять свою независимость и их больших надеждах на советскую помощь. Обстановка в центре Европы накалилась до предела. 23 сентября во время второго раунда переговоров с Чемберленом Гитлер «великодушно» согласился продлить срок своего ультиматума до 1 октября. Несколько обнадеженный этой чисто символической уступкой, Чемберлен передал требования фюрера чехам и вернулся в Лондон.

Начался новый тур согласований между Лондоном, Парижем и Прагой. Правительство Бенеша отказалось принять «Годесбергский диктат» как «абсолютно неприемлемый»: «Нация Святого Вацлава, Яна Гуса и Томаша Масарика не будет нацией рабов», — заявил чешский посол в Лондоне Я. Масарик[14]. «Вся Чехословакия усиленно готовится к войне, — сообщала советская разведка из Праги. Однако твердость и решимость Бенеша и Сырового во многом будут зависеть от поддержки Франции и Англии»[15]. Британский кабинет министров оказался расколот. Чемберлен вновь пытался уверить коллег, что у Гитлера нет территориальных претензий, кроме Судетов, и что решение судетской проблемы откроет путь к урегулированию англо-германских разногласий. Но на сей раз ему возражал даже Галифакс, считавший предел уступок исчерпанным. Даладье и Боннэ уклонились от ясного ответа на вопрос о своих шагах в случае, если Гитлер приведет угрозу в действие. Тем не менее Франция объявила частичную мобилизацию в сухопутных силах. В Париже и Лондоне население готовилось к налетам люфтваффе. 25 сентября Гитлер в очередной раз пригрозил стереть Чехословакию с лица земли, заявив при этом демагогически, что Судеты — это его «последнее территориальное требование в Европе... Нам, немцам, не нужны чехи»[16].

В этой предгрозовой обстановке только Советский Союз предпринимал все посильные дипломатические и военные шаги для предотвращения войны. В ответ на просьбу чешского правительства советское руководство официально предупредило власти Польши, что в случае вторжения польских войск на территорию Чехословакии расторгнет советско-польский пакт о ненападении от 1932 г., т. е. фактически пригрозило Польше военными действиями[17]. Это весомое предупреждение на время остудило пыл польских агрессоров. В разгар кризиса М. М. Литвинов не раз публично заявлял о готовности СССР прийти на помощь Чехословакии. И дело не ограничивалось только словами. «Хотя Гитлер так заангажировался, что ему трудно отступить, — телеграфировал наркоминдел из Женевы, — я все же думаю, что он отступил бы, если бы заранее был уверен в возможности совместного советско-франко-английского выступления против него. Теперь никакие декларации, даже совместные, или совещания не произведут на него впечатления. Нужны более убедительные доказательства...

Не следует ли нам объявить хотя бы частичную мобилизацию и в прессе провести такую кампанию, что заставило бы Гитлера и Бека поверить в возможность большой войны с нашим участием»[18].

И. В. Сталин не согласился объявить мобилизацию, но масштабные военные приготовления на западных границах СССР к тому времени уже проводились. Там были сосредоточены и приведены в боевую готовность 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, 19 армейских бригад и танковый корпус. Свыше 700 самолетов были готовы к вылету на чехословацкие аэродромы, из запаса были призваны 330 тыс. резервистов. В боевую готовность был приведен и второй эшелон войск, состоявший из 36 дивизий, двух танковых корпусов и 15 отдельных танковых бригад[19]. Информация об этих мерах была передана французской стороне. Проблема прохода советских войск через территорию Польши или Румынии оставалась, но она могла быть решена при условии, если бы Лига Наций признала Чехословакию жертвой немецкой агрессии — тогда в соответствии со статьей 16 Устава Лиги эти страны были бы обязаны беспрепятственно пропустить части Красной армии через свои территории. Румыния могла на это пойти, в отличие от Польши, правительство которой упорно отказывалось разрешить проход советских войск через территорию своей страны. В силе оставалось и советское предложение о срочном созыве конференции великих держав для выработки мер коллективного противодействия германской агрессии. Однако западные страны взяли твердый курс на полную изоляцию Советского Союза от чехословацкого урегулирования, утаивали от него свои переговоры с Гитлером, одновременно распуская слухи о слабости Красной армии и ненадежности союзнических обязательств СССР. «Поистине поразительно, — писал впоследствии У. Черчилль, — что это публичное и недвусмысленное заявление одной из величайших заинтересованных держав не оказало влияния на переговоры Чемберлена или на поведение Франции в данном кризисе... Эти предложения не были использованы для влияния на Гитлера, к ним отнеслись с равнодушием, чтобы не сказать с презрением, которое запомнилось Сталину. События шли своим чередом так, как будто Советской России не существовало. Впоследствии мы дорого поплатились за это»[20].

26 сентября по взаимной договоренности между правительствами Великобритании и Франции в Берлин прибыл новый эмиссар — ближайший советник Чемберлена Г. Вильсон. Он должен был добиться от Гитлера согласия на создание международной комиссии по судетскому урегулированию, пригрозив совместным выступлением Великобритании и Франции в защиту Чехословакии в случае германского вторжения на ее территорию. После двух встреч с Вильсоном (26 и 27 сентября) Гитлер согласился вступить в переговоры с чехами только при условии, если они примут «Годесбергский ультиматум» и немецкую оккупацию Судет, планируемую на 1 октября. Фюрер потребовал дать ответ до 14.00 28 сентября — время, на которое было назначено объявление всеобщей мобилизации в Германии. В противном случае, как он заявил, Германия начнет войну. Приготовления к ней действительно шли полным ходом: уже 27 сентября по приказу Гитлера ударные части вермахта стали подтягиваться к границе с Чехословакией.

В Лондоне готовились к налетам немецкой авиации и газовой атаке: спешно строили бомбоубежища, раздавали противогазы, эвакуировали женщин и детей. Чемберлен наконец согласился объявить мобилизацию на флоте, который готовился выйти в море для блокады германского побережья. В радиообращении к стране 27 сентября премьер тем не менее обещал «бороться за мир до последнего момента» и сокрушался по поводу того, что «нам приходится рыть окопы и примерять противогазы из-за ссоры двух почти неведомых нам народов в далекой стране»[21].

28 сентября Чемберлен решился на последнюю попытку остановить Гитлера. Он направил ему срочное послание с предложением вновь приехать в Берлин, чтобы вместе с ним и чехами в присутствии представителей Франции и Италии обсудить меры по передаче судетских территорий. Одновременно британский премьер обратился к Муссолини с просьбой оказать сдерживающее воздействие на Гитлера. В те же дни президент Рузвельт в своих посланиях лидерам Великобритании, Франции, Италии и Германии предложил провести конференцию

четырех держав по чехословацкому вопросу. Рузвельт обратился и к советскому руководству с предложением поддержать его призыв. Москва ответила выражением готовности принять участие в конференции, что соответствовало предыдущим советским инициативам[22]. Муссолини, который не хотел быть втянутым в войну из-за Чехословакии, через своего посла в Берлине срочно сообщил Гитлеру, что поддерживает идею Чемберлена о конференции четырех держав и просит согласия фюрера на такую встречу. Подумав, Гитлер сказал послу, что принимает предложение Муссолини. Это произошло всего за два часа до намеченного им объявления всеобщей мобилизации.

Одним из факторов, заставивших Гитлера пойти на попятный, были разногласия в его окружении — только Риббентроп и Гиммлер ратовали за немедленное начало войны. Командование вермахта было настроено весьма осторожно: преемник Бека на посту начальника штаба армии Ф. Гальдер не разделял одержимости фюрера, считая удар по Чехословакии при существующем соотношении сил слишком рискованным, чреватым угрозой войны на два фронта. Даже без участия СССР и Великобритании 47 немецким дивизиям на двух фронтах противостояли 65 французских и 45 чешских дивизий. Вооруженные силы одной только Чехословакии насчитывали 1582 самолета, 469 танков, 5700 артиллерийских орудий (у вермахта было 2500 самолетов и 720 танков)[23]. В военно-политических кругах Германии даже вызревал заговор в целях устранения Гитлера в случае объявления им войны, в котором участвовали Бек, Гальдер, командующий сухопутными войсками В. фон Браухич и др. Отступление Гитлера сорвало эти планы[24].

Сразу же после разговора с итальянским послом фюрер распорядился отправить приглашения главам правительств Великобритании, Франции и Италии с предложением собраться на следующий день в Мюнхене для обсуждения судетского кризиса. Эта новость сразу же внесла перелом в психологическую атмосферу западных столиц — военная тревога сменилась успокоением и даже ликованием.

Мюнхенская коференция четырех глав правительств проходила 29—30 сентября в Коричневом доме — штаб-квартире нацистской партии в центре баварской столицы. На нее не пригласили представителей не только Советского Союза, но и самой Чехословакии вопреки обещанию Чемберлена. Чешские представители были вынуждены униженно дожидаться решений в приемной Коричневого дома. Чемберлен и Даладье даже не успели обрисовать общую линию поведения, тогда как Гитлер и Муссолини действовали согласованно. Выступая в отведенной ему роли посредника, Муссолини предложил свой проект урегулирования, который на самом деле был подготовлен в Берлине и мало чем отличался от «Годесбергского ультиматума». Чемберлену и Даладье удалось внести в него лишь небольшие изменения, касающиеся границ передаваемых Германии районов и сроков этой передачи. Столь быстрая капитуляция перед требованиями Гитлера еще раз наглядно показала, что союзники стремились не к предотвращению раздела Чехословакии, а лишь к его мирному оформлению. Итоговое соглашение, подписанное в ночь на 30 сентября, предусматривало германскую оккупацию большей части Судетов с преобладающим немецким населением в период с 1 по 10 октября 1938 г. Судьбу остальных районов со смешанным населением должны были решить плебисциты, организованные международной комиссией с участием представителей четырех держав и Чехословакии. Эта же комиссия должна была следить за ходом эвакуации и провести окончательное определение границы между двумя странами. Чешские власти были обязаны передать Германии без «разрушений» и «повреждений» все военные объекты, промышленные предприятия, средства связи и пути сообщения, находящиеся на передаваемой территории. Все судетские немцы, осужденные за «политическую (т .е. нацистскую) деятельность», подлежали амнистии. В специальном дополнении к соглашению Великобритания и Франция заявляли о своей готовности предоставить гарантии новых границ Чехословакии против неспровоцированной агрессии. Германия и Италия обещали сделать то же самое после урегулирования польских и венгерских территориальных претензий к Чехословакии[25].

Только после подписания соглашения англичане и французы ознакомили с ним представителей Чехословакии как с новой данностью, подлежащей не обсуждению, а неукосни-

тельному выполнению. Бенеш в отчаянии срочно обратился к своей последней надежде — правительству СССР. 30 сентября советский полпред в Праге С. С. Александровский передал с его слов следующее сообщение: «Великие державы, даже не спрашивая Чехословакию, позорнейшим образом принесли ее в жертву Гитлеру ради своих собственных интересов. Окончательное решение формальностей предоставлено Чехословакии. Это означает, что она поставлена перед выбором либо начать войну с Германией, либо капитулировать перед агрессором. Еще неизвестно, какую позицию займут парламент и политические партии. Оставляя этот вопрос открытым, Бенеш хочет знать отношение СССР к этим обеим возможностям, т. е. к дальнейшей борьбе или капитуляции». Однако счет шел уже на минуты, и через четверть часа из Праги пришло новое сообщение о том, что чешское правительство выбрало капитуляцию. Трое участвовавших в его заседании министров заявляли, что «единственно верным союзником Чехословакии до конца оставался СССР»[26].

Чемберлен понимал, что Мюнхенского соглашения будет мало, чтобы доказать эффективность своей дипломатии у себя в стране и дать ей надежду на мир в будущем. Кроме того, в нем ничего не говорилось о будущем англо-германских отношений, которое премьер хотел связать с урегулированием судетского кризиса. Поэтому Чемберлен договорился об отдельной встрече с Гитлером, заготовив втайне от французов проект краткой совместной декларации, где значилось, что Мюнхенское соглашение символизирует «желание наших двух народов никогда более не воевать друг с другом» и отныне главным методом рассмотрения существующих между двумя странами проблем будут консультации[27]. Фюрер нехотя подписал это ни к чему не обязывающее заявление, которое Чемберлен счел своей большой победой. По возвращении в Лондон, где его ждал восторженный прием, он торжественно огласил эту декларацию, заявив в порыве воодушевления, что он привез «почетный мир» — «мир для нашего поколения».

Даладье, опасавшийся демонстраций протеста в Париже, был также встречен как миротворец, хотя в душе он понимал всю эфемерность мюнхенской сделки. Подлинные чувства большинства французов выразил лидер социалистов Л. Блюм, который на следующий день после подписания Мюнхенского соглашения писал в газетной статье: «Я испытал двойственное чувство трусливого облегчения и стыда»[28]. Реакция Вашингтона была смешанной: хотя Рузвельт и поздравил Чемберлена с успехом, он трезво предвидел дальнейшее развитие событий, сказав на заседании правительства, что французы и англичане продадут остатки Чехословакии, а затем «отмоют руки от крови, как Иуда Искариот»[29].

Советский Союз осудил Мюнхенское соглашение, заявив через ТАСС о своей полной к нему непричастности. Это было сделано в ответ на инсинуации в западной прессе о том, что союзники полностью информировали Советский Союз о ходе переговоров с Гитлером и чуть ли не заручились его согласием на Мюнхенское соглашение. Эта сделка, как сказал полпред И. М. Майский заместителю Галифакса А. Кадогану, «окончательно открывает дорогу для развязывания новой мировой войны»[30].

1 октября войска вермахта вошли в Судетскую область. Президент Бенеш подал в отставку и уехал в эмиграцию, заявив в прощальном радиообращении к стране: «Жертва, которую нас заставили принести, огромна и бесконечно несправедлива»[31]. В последующие месяцы Гитлер при попустительстве Лондона и Парижа сумел свести на нет практически все уступки, сделанные им в Мюнхене. Международная комиссия, в которой чехи оказались в полной изоляции, отменила плебисциты в спорных районах, и почти все они были переданы Германии. Обещанные гарантии новых границ искалеченного государства со стороны Великобритании и Франции, которые должны были заменить советско-чехословацкий и франко-чехословацкий договоры о взаимопомощи, так и не были закреплены в международно-правовом отношении. Вопрос об аналогичных гарантиях со стороны Германии и Италии вообще был снят с повестки дня. Новое руководство Чехословакии (президент Э. Гаха, министр иностранных дел Ф. Хвалковский) целиком подчинилось немецкому диктату. 7—8 октября по указке из Берлина оно предоставило автономию Словакии и Подкарпатской Руси

(современная Закарпатская Украина), заложив тем самым мину замедленного действия под единство своего государства.

Передачей Судет расчленение Чехословакии не закончилось. Воспользовавшись ослаблением соседа, правительства Польши и Венгрии, по словам У. Черчилля, «поспешили захватить свою долю при разграблении и разорении Чехословакии». Особенно агрессивно вела себя польская сторона, требуя передачи Тешинской области в Силезии, где проживали 80 тыс. поляков и 120 тыс. чехов. Для достижения этой цели Варшава копировала тактику нацистов в Судетском кризисе. В стране нагнеталась античешская истерия, формировался так называемый Тешинский добровольческий корпус, части которого устраивали провокации и диверсии на чехословацкой границе. Несмотря на то что в Мюнхенском соглашении предусматривался трехмесячный срок для урегулирования польско-чехословацкого территориального спора, Польша в оскорбительном тоне потребовала передачи спорных районов в Силезии не позднее 1 октября, угрожая в противном случае вторжением туда своих войск. Условия польского ультиматума Чехословакии почти полностью совпадали с условиями Мюнхенского соглашения[32]. Польские и немецкие дипломаты и военные уже договаривались о линии демаркации своих воинских частей по рекам Одеру и Остравице в случае совместного вторжения в Чехословакию. Великобритания, Франция и даже Италия выразили свое недовольство этим демаршем как противоречащим Мюнхенскому соглашению, но польская дипломатия сумела заручиться поддержкой Берлина. Как сообщал 1 октября посол Польши в Германии Ю. Липский польскому министру иностранных дел Ю. Беку, Риббентроп в беседе с ним заявил, что в случае польско-чехословацкого конфликта Германия займет в отношении Польши «доброжелательную позицию», а в случае советско-польского конфликта — «более чем доброжелательную», дав понять, что окажет Польше помощь[33]. Чехословакия опять осталась в одиночестве и приняла польский ультиматум. 2 октября соглашение о передаче Тешинской области Польше было подписано. Говоря о реакции европейского общественного мнения на эти действия, современный польский историк С. Жерко пишет: «Стали раздаваться голоса, что Польша вела себя как гиена, которая бросается на сваленную в Мюнхене жертву»[34]. Ровно через месяц под эгидой Германии и Италии состоялся Первый Венский арбитраж, по результатам которого Венгрии были переданы южные районы Словакии и Подкарпатской Руси (с городами Ужгород, Мукачево и Берегово), где проживали около 1 млн человек.

По окончательному соглашению, подписанному 20 ноября, Германии было передано около 20 % территории Чехословакии с населением 3,6 млн человек, 800 тыс. из которых составляли чехи. Лишенная своих укрепленных западных рубежей, страна становилась беззащитной перед Германией. Третий рейх получил больше половины тяжелой промышленности страны, включая важнейшие оборонные предприятия, а также почти всю оборонительную инфраструктуру с мощными фортификационными укреплениями, аэродромами и т. д.

Геополитическими последствиями Мюнхена также стали ликвидация стратегического моста между Западом и Советским Союзом, позволявшего вести совместные действия против Германии, расчистка пути к ее господству в Дунайском бассейне и созданию так называемой Срединной Европы от Балтики до Черного моря, резкое ослабление позиций Франции и окончательный крах ее системы «тыловых союзов», предназначенных для сдерживания Германии. На трагическом примере Чехословакии восточноевропейские государства убедились в том, что в случае столкновения со странами «оси» им нельзя рассчитывать на помощь Франции и Великобритании. В октябре 1938 г. Малая Антанта была распущена, и государства региона начали дрейф в сторону Германии. Наконец, столь убедительный триумф Гитлера, сумевшего за полгода без единого выстрела увеличить население рейха на 10 млн человек, подчинить большие стратегически важные территории и покончить с унизительным для немцев Версальским миром, резко укрепил нацистский режим и вдохновил фюрера на дальнейшие захваты.

Тому способствовало и продолжение политики умиротворения со стороны Великобритании и Франции. Политическая элита этих стран еще не понимала фанатизма и агрес-

сивности фашизма, продолжая видеть в Гитлере пусть и опасного, но все же рационального политика, который не повернет штыки своих армий против столпов западной цивилизации и от которого можно будет откупиться за счет малых стран Европы и чуждого им Советского Союза. В середине декабря Чемберлен на заседании кабинета министров заявил, что форсирование военных приготовлений Великобританией не соответствует его «представлениям о следующей акции Гитлера, которая будет обращена на восток, и в таком случае Англия могла бы вообще остаться вне войны»[35]. Во время визита Риббентропа в Париж (декабрь 1938 г.) была подписана франко-германская декларация, аналогичная англо-германской. В феврале 1939 г. Чемберлен и Даладье установили дипломатические отношения с режимом Франко, солидаризировавшись в этом с Германией и Италией.

8 марта на совещании нацистского руководства Гитлер изложил последовательность дальнейших действий на 1939–1940 гг.: захват оставшейся части Чехословакии, разгром Польши, подчинение Венгрии, Румынии и Югославии, «сведение счетов» с Францией, которая «будет стерта с карты Европы». После этого, по словам фюрера, наступит очередь Великобритании, а потом и «еврейской демократии» США[36].

Таким образом, Мюнхенское соглашение и его последствия кардинальным образом изменили всю военно-политическую ситуацию в Европе. Они означали окончательный крах Версальской системы международных отношений, выстроенной державами-победительницами после Первой мировой войны. Своей политикой умиротворения эти державы позволили Германии безнаказанно разрушить весь послевоенный порядок на континенте и

Премьер-министр Франции Э. Даладье подписывает Мюнхенское соглашение

превратиться из слабой и разоруженной страны в сильнейшую европейскую державу, угрожавщую всему миру.

Мюнхенский договор оттолкнул СССР от западных демократий, пытавшихся направить острие нацистской экспансии на восток. Ведущий внешнеполитический обозреватель США У. Липпман говорил тогда, что, «принося Чехословакию в жертву Гитлеру, Великобритания и Франция, по сути, жертвовали и своим союзом с Россией»[37]. Таким образом, Мюнхен резко изменил общее соотношение сил в пользу стран «оси», устранил для Гитлера угрозу войны на два фронта и открыл дорогу к завоеванию Европы.

Гитлер с самого начала не собирался ограничивать свои аппетиты «воссоединением немецких земель». Уже 21 октября 1938 г. он подписал директиву о подготовке полного разгрома Чехословакии, на сей раз рассчитывая добиться этого гораздо меньшими силами и при минимальном сопротивлении под видом «усмирительной акции»[38]. Политической подготовкой операции должна была стать вассализация Чехословакии и отделение от нее Словакии с помощью поддерживаемого из Берлина словацкого сепаратизма. В конце января 1939 г. на встрече с главой МИД Чехословакии Ф. Хвалковским Гитлер, угрожая уничтожением его страны, выставил набор радикальных требований: выход из Лиги Наций, резкое сокращение армии, присоединение к Антикоминтерновскому пакту, согласование своей внешней и промышленной политики с Берлином, передача части своего золотого запаса в Рейхсбанк. В Праге не стали противиться этому диктату. Одновременно гитлеровская пропаганда развернула провокационную кампанию о мифических «кровавых притеснениях» проживающих в Чехословакии словаков и немцев.

В начале марта нацистское руководство через австрийского канцлера А. Зейсс-Инкварта подтолкнуло словацкого премьера Й. Тисо к провозглашению независимости Словакии, намеченному на 12 марта. Чехословацкая разведка узнала об этих планах и о готовящемся вторжении вермахта на свою территорию. Сведения были срочно переданы в Лондон через британскую разведку в надежде на то, что англичанам удастся сорвать планы нацистов. Однако британский кабинет министров высказался за невмешательство, решив, что «нам не следует прибегать к пустым угрозам, поскольку мы не намерены бороться за Чехословакию»[39]. 9 марта президент страны Э. Гаха уволил Тисо и распорядился ввести в основные города Словакии чешские войска для подавления путча, поднятого профашистскими элементами. По требованию Берлина эти войска были выведены, а Тисо восстановлен в качестве премьера. 13 марта последний был вызван в Берлин и получил указание фюрера провозгласить Словакию «независимым государством», что и было сделано ее парламентом уже на следующий день. Первыми признали Словакию Польша и Венгрия. Конец Чехословакии как единого суверенного государства должен был подтвердить нацистскую версию событий о «естественном распаде» страны и необходимости германского вмешательства в этот процесс. 14 марта в Берлин прибыл престарелый президент многострадальной страны Гаха, которому для подписания был предъявлен документ о превращении Чехии в германский протекторат, а Словакии — в самостоятельное государство. Гитлер заявил Гахе, что войска вермахта через несколько часов начнут оккупацию Чехии и в случае сопротивления немецкая авиация превратит Прагу «в кучу мусора и золы»[40]. Придя в себя после обморока, Гаха связался с Прагой и посоветовал своему правительству подчиниться требованиям немцев. В подписанном им и Гитлером акте с крайним лицемерием говорилось о том, что президент выразил готовность «вверить судьбу чешского народа и самой страны в руки фюрера и германского рейха», а также о том, что фюрер выслушал это заявление и «выразил намерение взять чешский народ под защиту германского рейха и гарантировать ему автономное развитие в соответствии с национальными традициями»[41].

На рассвете 15 марта войска вермахта под командованием генерала фон Браухича, не встречая сопротивления, силами 14 дивизий вторглись на территорию Чехословакии четырьмя колоннами — на Моравскую Остраву, на Прагу с севера, на Пильзен и на Брюн. «Военно-воздушные силы, — докладывал наркому обороны К. Е. Ворошилову помощник военного атташе СССР в Германии полковник А. Герасимов, — участвовали частями зенит-

Судетские немцы сносят чехословацкий пограничный столб. Сентябрь 1938 г.

Немецкие войска входят в город Аш (Судеты)

ной артиллерии и авиацией из состава 1-го воздушного флота (в том числе полк Геринга и парашютные части) под командованием генерала Кессельринга и 3-го воздушного флота генерала Шперрле (командовавшего до 1938 г. авиацией в Испании); кроме того, принимали участие и австрийские ВВС под командованием генерал-майора Лера (австрийца)»[42]. К вечеру 15 марта под охраной танков и бронеавтомобилей Гитлер въехал в пражский замок Градчаны (резиденцию главы государства), над которым уже развевался флаг со свастикой. «В течение тысячелетий провинции Богемия и Моравия являлись частью жизненного пространства для немецкого народа, — заявил фюрер. — Чехословакия продемонстрировала свою неспособность выжить и пала жертвой распада. Германский рейх не может более терпеть беспорядки на этих землях»[43]. На следующий день Гитлер объявил Богемию и Моравию протекторатом Германии во главе с рейхспротектором К. фон Нейратом, которому была предоставлена вся полнота власти. В помощь ему были назначены судетские фашисты К. Генлейн (глава гражданской администрации) и К. Франк (статс-секретарь). В тот же день (16 марта) по подсказке из Берлина Тисо обратился к Гитлеру с просьбой «взять Словакию» под защиту рейха. В Словакию сразу же были введены немецкие войска. 23 марта в Вене между Германией и Словакией был заключен так называемый Договор о защите, по которому Германия брала на себя «охрану независимости и целостности Словакии». Секретный протокол к договору давал Германии исключительное право на использование ресурсов словацкой экономики. Иными словами, внутренняя и внешняя политика Словакии теперь полностью зависела от Берлина.

Захват Чехословакии еще больше изменил соотношение сил на Европейском континенте в пользу Германии. Она получила в свое полное распоряжение первую по масштабу и уровню развития экономику в Центральной и Восточной Европе, включая мощный военно-промышленный комплекс. Одни только заводы «Шкоды» в тот период производили примерно столько же продукции, сколько вся военная промышленность Великобритании, покрывая большую часть оборонных потребностей Румынии и Югославии, которые теперь оказались ослаблены. Захваченных немцами запасов военной техники и боеприпасов оказалось достаточно для оснащения 40 дивизий. Чешские танки широко использовались уже в кампаниях против Польши и Франции, а в течение всей Второй мировой войны основная часть немецких бронетранспортеров производилась на чешских заводах. В упомянутой докладной записке помощника советского военного атташе в Берлине также сообщалось, что «с захватом Чехословакии Германия получает запасы золота (в том числе и часть английского займа Чехословакии), добавочные продовольственные запасы (Словакия) и большие металлургические и военные заводы (Видковицкие, Шкодовские); из последних большое значение имеют пушечные и самолетостроительные заводы. Германия также освобождается от угрозы со стороны богато оснащенной техникой чехословацкой армии и от угрозы использования Чехословакии как базы для наших ВВС»[44].

С чехословацких аэродромов немецкая авиация теперь свободно охватывала территории Венгрии и Польши, а также большую часть Балкан. Для этих целей сразу же после захвата Чехословакии была создана новая, 4-я военно-воздушная, армия со штабом в Вене. Ликвидация чехословацкого государства освобождала значительные силы вермахта, которые ранее стояли на чешско-германской границе. Захваченные золотовалютные запасы были очень важны для милитаризованной германской экономики, испытывавшей острую нехватку средств для международных платежей, а квалифицированные трудовые ресурсы страны (около 3 млн человек) восполняли дефицит своих рабочих рук, вызванный всеобщей мобилизацией. Третий рейх не только получил плодородные земли Богемии, Моравии и Словакии, но и оказался у ворот зерновых богатств Венгрии и Румынии. Эти страны стали подвергаться сильнейшему давлению Берлина и постепенно подчинялись ему. Венгрия уже в феврале 1939 г. вступила в Антикоминтерновский пакт, а в апреле вышла из Лиги Наций, получив в качестве вознаграждения отнятую у Чехословакии Закарпатскую Украину. Румынии в конце марта был навязан кабальный торговый договор, привязывавший весь ее экспорт к Германии.

Однако дело было не только в резком усилении материальной базы нацистской экспансии, но и в качественном изменении самого ее характера. Поглощение Чехословакии стало

Немецкие войска входят в чешский город Остраву. 15 марта 1939 г.

Главнокомандующий сухопутными войсками Германии генерал-полковник В. Браухич на параде в честь присоединения Чешских Судет к Германии

Рубиконом в переходе от объединения «немецких земель» под лозунгом «права наций на самоопределение» к откровенному захвату территорий независимых государств, населенных другими народами. Вероломное и демонстративное отбрасывание Гитлером Мюнхенских соглашений поставило под удар основные мифы политики «умиротворения» — об ограниченности целей нацизма, о верности Гитлера взятым на себя обязательствам, о возможности сдержать нацистскую экспансию уступками за счет малых стран. «Мюнхен был преподнесен всему миру как новая эра замирения в Европе, как установление новых форм сотрудничества между конкурирующими «осями», — писал в Москву из Парижа полпред Я. З. Суриц. — Акт 15 марта нанес смертельный удар всем этим иллюзиям и по щепкам разнес все здание, построенное в Мюнхене»[45]. Стало ясно, что захватом Чехословакии расширение «жизненного пространства» Германии не ограничится. Вопрос состоял лишь в определении направления этой экспансии, и если раньше в западных столицах преобладала надежда направить ее на восток, то теперь и сам Запад почувствовал себя уязвимым.

Первоначальная реакция Великобритании и Франции на аннексию славянского государства ограничилась вялыми нотами протеста, а Чемберлен публично поддержал нацистскую версию «распада Чехословакии» — в отличие от Советского Союза, который отказался признать легитимность действий Германии и назвал их «произвольными, насильственными, агрессивными»[46]. Но уже через несколько дней тот же Чемберлен задался вопросом: «Последнее ли это нападение на малое государство или же за ним последует новое? Не является ли это фактически шагом в направлении попытки добиться мирового господства?»[47]

Министерство иностранных дел Великобритании и французский генеральный штаб в своих прогнозах склонялись к тому, что наиболее вероятным объектом следующего удара вермахта будет Польша, а затем он развернется в западном направлении. Это вело к определенному отрезвлению в Лондоне и Париже, где начали думать о создании барьеров на пути агрессора. Советские полпреды во Франции и Великобритании сообщали о резком изменении общественных настроений под влиянием захвата Чехословакии. 11 марта Англия объявила о гарантии независимости Польши, но не ее территориальной целостности. Тем самым допускалась возможность передачи Германии спорных польских территорий «мирным путем». Однако и эти гарантии, как хорошо понимали англичане, не могли быть обеспечены без участия СССР, значение которого в новой обстановке становилось все более важным. 21 марта британский посол в Москве У. Сидс от имени своего правительства предложил проект декларации четырех держав — Великобритании, Франции, СССР и Польши, предусматривавшей взаимные консультации в случае возникновения угрозы «независимости любого европейского государства»[48]. В те же дни под угрозой прямого применения силы Берлин добился от Литвы возвращения Клайпеды (Мемель) — ранее немецкого города и порта, отданного Лигой Наций в 1924 г. Литве. Хотя Великобритания и Франция были среди подписавших Клайпедскую конвенцию, они не стали препятствовать этому новому антиверсальскому акту. Усилилось и давление Германии на Польшу с требованием передать ей Данцигский коридор и присоединиться к Антикоминтерновскому пакту. В действительности Данциг был очередным звеном в агрессивных планах Германии, поводом для нападения на Польшу, захват которой выводил вермахт к границам СССР. Выступая на совещании с командованием вермахта 23 мая 1939 г., Гитлер говорил: «Данциг — отнюдь не объект, из-за которого все предпринимается. Для нас речь идет о расширении жизненного пространства на Востоке»[49].

Польша не уступала, но и не решалась присоединиться к проекту «декларации четырех», опасаясь ответных мер из Берлина. Советское правительство положительно отнеслось к предложению Великобритании, но не спешило давать согласие до прояснения позиции Польши и получения более ясных гарантий со стороны западных держав. После Мюнхена такая осторожность была вполне понятной. «Мюнхенская политика уничтожила международное доверие, а также авторитет великих держав среди малых государств, — сказал М. М. Литвинов британскому министру Р. Хадсону, посетившему Москву в конце марта. — После пятилетнего периода инициативы, всякого рода предложений с нашей стороны и безуспешных

усилий осуществления международного сотрудничества мы вправе занять выжидательную позицию...»[50]

13 апреля Великобритания и Франция в ответ на захват Албании Италией заявили о своих гарантиях Греции и Румынии, а Франция присоединилась к британским гарантиям Польше. Однако эти обязательства носили расплывчатый характер. Попытки со стороны СССР прояснить их конкретное содержание не давали результата, и потому реакция в Москве на приглашение присоединиться к этим гарантиям была очень сдержанной. «Ведь речь, по существу, идет о том, — писал М. М. Литвинову Я. З. Суриц, — чтобы мы приняли на себя тяжелейшие обязательства и без всякой взаимности и гарантии. У нас нет никакой уверенности, что во время войны нас не предадут и не ударят нам в тыл». Нарком отвечал согласием: «Если расшифровать эти разговоры, то выясняется лишь желание Англии и Франции, не входя с нами ни в какие соглашения и не беря на себя никаких обязательств по отношению к нам, получить от нас какие-то обязывающие нас обещания»[51].

Западные гарантии Польше и другим странам не остановили Гитлера. 28 апреля — на следующий день после введения всеобщей мобилизации в Великобритании — он обвинил Великобританию и Францию в стремлении «окружить» Германию и объявил о разрыве англо-германского морского соглашения 1935 г. и германо-польского договора о ненападении 1934 г. К тому времени Гитлер уже утвердил план войны с Польшей под кодовым названием «Вайс». Был установлен срок готовности к войне — 1 сентября 1939 г.[52] Так впервые в немецких документах появилась дата начала одной из величайших трагедий в истории человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Kershaw I.* Hitler, 1936–1945: Nemesis. London, 2000. P. 89.

[2] Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937–1939. М., 1979. С. 89.

[3] *Дашичев В. И.* Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945. Т. 1. С. 384–386.

[4] Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). Т. 21. М., 1977. С. 398.

[5] National Archives (Richmond, U. K.), Public Records Office (далее — PRO), CAB 23/94.

[6] *Крал В.* План «Зет». М., 1978. С. 226.

[7] PRO, CAB 23/95.

[8] Foreign Relations of the United States. 1938. Washington, 1955. Vol. 1. P. 626.

[9] PRO, CAB 27/646.

[10] ДВП СССР. Т. 21. С. 498–499.

[11] Там же. С. 500.

[12] Там же. С. 501, 509.

[13] Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958. С. 116.

[14] Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937–1939. С. 148.

[15] Агрессия. Рассекреченные документы службы внешней разведки Российской Федерации 1939–1941 / Сост. Л. Ф. Соцков. М., 2011. С. 124.

[16] *Фест Й.* Гитлер. Биография / Пер. с нем.: в 3 т. Пермь, 1993. Т. 3. С. 112–113.

[17] ДВП СССР. Т. 21. С. 516.

[18] Там же. С. 520.

[19] Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937–1939. С. 312–315; Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939. Т. 1. С. 240; История Второй мировой войны. 1939–1945: в 12 т. М., 1973–1982. Т. 2. М., 1973. С. 107–108.

[20] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 1. М., 1998. С. 144–145.

[21] *Chamberlain N.* The Struggle for Peace. London, 1939. P. 276.

[22] ДВП СССР. Т. 21. С. 533–534.

[23] *Васильева Н. В.* Мюнхенский «Рубикон»: приглашение нацистской Германии к дальнейшей экспансии // Великая Победа / Под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. Т. 7. Испытание. М., 2011. С. 17–18.

[24] *Hoffman P.* The History of the German Resistance, 1933–1945. Montreal, 1996. P. 81–94.

[25] Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 27–29.

[26] Там же. С. 548–549, 553.

[27] Там же. С. 29.

[28] *Табуи Ж.* Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 2005. С. 293.

[29] *Jones H.* Crucible of Power. A History of American Foreign Relations since 1897. Wilmington, 2001. P. 154.

[30] ДВП СССР. Т. 21. С. 550.

[31] *Уткин А. И.* Россия над бездной (1918 — декабрь 1941 г.). Смоленск, 2000. С. 86.

[32] Год кризиса. 1938–1939. Т. 1. С. 32–34.

[33] Там же. С. 37–39.

[34] Международный кризис 1939 г. в трактовках польских и российских историков / Под ред. М. М. Наринского и С. Дембовского. М., 2009. С. 119.

[35] Цит. по: *Наумов А. О.* Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. М., 2007. С. 359.

[36] Год кризиса. 1938–1939. Т. 1. С. 253–254.

[37] *Печатнов В. О.* Уолтер Липпман и пути Америки. М., 1994. С. 160.

[38] *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973. Т. 1. С. 291–293.

[39] The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey, 1937–1940. London, 1970. P. 261.

[40] Цит. по: Неизвестный Гитлер. М., 2006. С. 68.

[41] *Ширер У.* Взлет и падение Третьего рейха. М., 1991. Т. 1. С. 483.

[42] URL: www.hrono.ru/sobyt/1900war/1939cseh.php.

[43] *Ширер У.* Указ. соч. С. 485.

[44] URL: www.hrono.ru/sobyt/1900war/1939cseh.php.

[45] СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 — август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971. С. 274–280.

[46] Известия. 1939 г. 20 марта.

[47] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 1. С. 161.

[48] Год кризиса. 1938–1939. Т. 1. С. 310.

[49] Мировые войны XX века. Кн. 4. М., 2005. С. 65.

[50] Там же. С. 318.

[51] Там же. С. 370–371.

[52] Завтра может быть уже поздно... // Вестник МГИМО — Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009. С. 376.

Советско-германский договор о ненападении и англо-польский пакт о взаимопомощи. Изменение расстановки сил в Европе

Весной 1939 г. мир уже стоял на пороге новой мировой войны. Страны «оси» объединяли свои усилия: в мае был подписан германо-итальянский договор о дружбе и союзе («Стальной пакт»), шли переговоры о подключении к нему Японии. Дальнейшие события в Азии не заставили себя ждать. Японские милитаристы, несмотря на неудачу своей военной провокации у озера Хасан, совершили в мае 1939 г. нападение на территорию дружественной Советскому Союзу Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол. Боевые действия группы советско-монгольских войск, которыми командовал комкор Г. К. Жуков, завершились в сентябре разгромом японской 6-й армии[1]. Но очевидной стала реальная военная угроза нашей стране как на западе, так и на востоке.

Период марта — августа 1939 г. — это время интенсивных маневров потенциально и реально противостоящих сил, направленных на поиски союзников и разобщение противников. Многосторонние и двусторонние переговоры велись между Англией и Германией; Англией и Францией; Англией, Францией и Германией с Советским Союзом; ими вместе и в отдельности с малыми и средними странами Европы (англо-польские переговоры); между Германией, Италией и Японией; Японией и Советским Союзом и т. д. СССР вначале более активно вел переговоры с Англией и Францией, затем с Германией. Их результаты во многом предопределили расстановку сил к началу Второй мировой войны.

С развитием международного политического кризиса, который последовал за заключением Мюнхенского соглашения, захватом Германией Чехословакии и нападением Японии на союзную СССР Монгольскую Народную Республику, определились два основных вектора советской внешней политики: превентивный, имевший целью предотвратить нападение Германии и ее союзников на СССР, и коалиционный, направленный на создание коалиции государств и народов для борьбы с агрессорами. Одна из особенностей создавшегося положения состояла в том, что обе группировки западных государств (под англо-французской и германской эгидой соответственно) стремились вовлечь СССР в надвигавшуюся войну, подставить его под удар, прикрываясь готовностью к переговорам. Первый демонстративный шаг предприняла Германия. На новогоднем приеме в наступившем 1939 г. Гитлер проявил неожиданное внимание к советскому полпреду А. Мерекалову. Как сенсация было расценено первое за всю историю появление в марте в советском посольстве в Лондоне премьер-министра Н. Чемберлена. Французский премьер Э. Даладье провел несколько встреч с советским полпредом Я. З. Сурицем.

СССР был заинтересован в заключении политического и военного союза с демократическими странами Запада и весной 1939 г. вступил с ними в политические переговоры.

17 апреля нарком иностранных дел М. М. Литвинов от имени советского правительства предложил Великобритании и Франции заключить трехстороннее соглашение о военно-политическом союзе сроком на 5—10 лет, обязывающее стороны оказать друг другу в случае агрессии немедленную помощь, в том числе военную. Предусматривалось и «оказание помощи государствам, расположенным на границе с СССР от Балтийского до Черного моря». Конкретные формы и размеры этой помощи предлагалось определить в военной конвенции, которую планировались подписать одновременно с политическим соглашением. Дабы исключить сепаратную сделку Лондона и Парижа с Берлином, советский проект включал в себя обязательство сторон после начала военных действий «не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трех держав согласия»[2].

Ясное и четкое советское предложение поставило правительства западных держав в трудное положение: отказаться от него они не могли, но и соглашаться тоже не хотели. Отсюда тактика проволочек и оговорок в начавшихся переговорах, которые осложнялись тем, что их участники не собирались вместе, а вели их в основном через послов, причем англичане и французы занимались еще и предварительным согласованием своих позиций. Советские полпреды в Лондоне и Париже сообщали о лицемерии и нерешительности «мюнхенцев» Н. Чемберлена и Ж. Боннэ (министра иностранных дел Франции). «Я твердо уверен, — писал из Парижа Я. З. Суриц, — что, пока гром по-настоящему не грянет, здесь, в Париже никакой твердости не дождаться»[3].

Уклончивая позиция Великобритании и Франции окончательно ослабила позиции Литвинова. На совещании у Сталина 21 апреля его односторонняя ориентация на сотрудничество с демократическими странами Запада была подвергнута острой критике, а 3 мая его место занял председатель СНК В. М. Молотов. На Западе эта замена трактовалась как предвестник серьезных перемен в советской политике. Но переговоры с Францией и Великобританией продолжались. Полученный от них в конце мая проект трехстороннего пакта изобиловал двусмысленностями и многочисленными оговорками, в том числе по ключевым вопросам подписания военной конвенции и принятия решений об оказании военной помощи. СССР тем не менее согласился на продолжение переговоров, следующий раунд которых проходил в Москве с 15 июня по 2 августа.

Британскую сторону на них представляли посол в Москве У. Сидс и глава восточноевропейского отдела Форин-офиса У. Стрэнг, а французскую — посол Франции в Москве П. Наджиар, что говорило об отсутствии должного уважения к советской стороне, которую представлял нарком В. М. Молотов. С самого начала переговоры натолкнулись на два главных препятствия, которыми являлись вопросы о гарантиях и определении косвенной агрессии. Советский Союз согласился присоединиться к англо-французским гарантиям, предоставленным пяти европейским странам (Польше, Румынии, Бельгии, Греции и Турции). Но, стремясь обезопасить себя на направлении вероятного удара вермахта, СССР настаивал на предоставлении совместных гарантий Латвии, Эстонии и Финляндии. Латвия и Эстония подписали к этому времени с Германией договоры о ненападении. Литва не имела общей границы с СССР и потому исключалась из этого списка. Советское определение косвенной агрессии было нацелено на отпор методам, широко использовавшимся Гитлером при аннексии новых территорий под флагом защиты немецких меньшинств, в данном случае проживавших в Прибалтике. Западные же партнеры ограничивали понятие косвенной агрессии случаем утраты государством своего независимого или нейтрального статуса вследствие угрозы применения силы, что не обеспечивало необходимых гарантий безопасности для нашей страны. Оценивая положение, создавшееся на московских переговорах, 17 июля Молотов писал советским полпредам в Лондоне и Париже: «Видимо, толку от всех этих бесконечных переговоров видно не будет. Тогда пусть пеняют на себя»[4]. В Кремле, вероятно, уже прикидывали возможные альтернативы.

Хотя Чемберлену очень не хотелось связывать себя военными обязательствами, в конце концов западные партнеры согласились с советским предложением об одновременном

подписании политической и военной конвенции. К этому их подтолкнуло сообщение 22 июля о начале советско-германских переговоров о торговле и кредитах, насторожившее перспективой сближения СССР и Германии, что позволило перейти к решающей стадии — военным переговорам трех сторон, которые проходили в Москве с 12 по 22 августа 1939 г. Как показали дальнейшие события, это была последняя возможность предотвратить Вторую мировую войну.

Стороны подходили к переговорам по-разному. Советский Союз был представлен высшим военным руководством страны во главе с наркомом обороны К. Е. Ворошиловым. Генеральный штаб под руководством маршала Б. М. Шапошникова разработал различные варианты совместных военных действий трех стран на случай германской агрессии. Предусматривались варианты нападения Германии на Францию и Великобританию, на Польшу и Румынию, а также на СССР через Прибалтику. Советский Союз был готов выставить против агрессора 136 дивизий, 5–5,5 тыс. самолетов, 5 тыс. орудий, 9–10 тыс. танков[5].

Совсем иначе подходили к переговорам англичане. Сам факт, что в разгар кризиса, когда дорог был каждый день, они добирались до Москвы более двух недель (морем — по инициативе англичан), говорил о многом. Французскую делегацию возглавлял член Военного совета генерал Ж. Думенк, британскую — отставной адмирал Р. Дракс, который даже не имел письменного мандата на ведение переговоров и заключение соглашения. Инструкции предписывали Драксу вести переговоры «как можно медленнее». «Британское правительство, — говорилось в них, — не желает быть втянутым в какое-то бы ни было определенное обязательство, которое могло бы связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому в отношении военного соглашения следует стремиться к тому, чтобы ограничиться как можно более общими формулировками»[6]. «Лондон, — отмечает российский историк Н. К. Капитонова, — рассчитывал на то, что затягивание (по крайней мере, до середины осени) переговоров, которые задумывались как сдерживающее Гитлера средство, не позволит Германии из-за распутицы развязать войну против Польши, а когда опасность пройдет, можно будет со спокойной совестью уклониться от принятия обязательств по оказанию военной помощи СССР»[7]. 8 августа Форин-офис информировал посольство США в Лондоне о том, что британская военная миссия получила указание «предпринять все усилия, чтобы тянуть с переговорами до 1 октября»[8]. Архивные документы впоследствии подтвердили, что англичане не планировали серьезных военных операций в Европе на 1939 г. Как выяснилось в ходе московских переговоров, в случае германского нападения на Францию они были готовы послать на континент лишь шесть дивизий.

Представители Франции, которая ощущала себя в гораздо большей опасности, чем Великобритания, были настроены более серьезно. Думенк получил указание «прийти к соглашению как можно скорее, не увязая в деталях»[9]. Но в качестве младшего западного партнера французы постоянно оглядывались на англичан. Сам Думенк не имел полномочий на подписание военной конвенции. Важным мотивом Великобритании и Франции к ведению переговоров с СССР было опасение, что при отсутствии надежд на соглашение с этими странами Советский Союз может пойти на сближение с Германией. Посол Франции в Москве П. Наджиар предупреждал, что провал московских переговоров может подтолкнуть советское руководство к соглашению с Гитлером[10]. И все же Чемберлен и Боннэ склонялись к тому, что СССР слишком зависит от западных демократий и не пойдет на это.

Московским переговорам посвящена обширная литература. Выделим следующее: в Москве было известно, что Чемберлен выступает противником какого-либо обязывающего договора с СССР. Его представители вели тайные сепаратные переговоры с Германией, слухи о которых просачивались в печать. Наиболее серьезными из них были переговоры ближайшего советника Чемберлена Г. Вильсона с эмиссаром Г. Геринга Г. Вольтатом, проходившие в Лондоне с 18 по 21 июля. Предложения Вильсона шли в развитие мюнхенской сделки и предусматривали широкую программу англо-германского сотрудничества в военно-политической и торгово-экономической сферах. Помимо заключения договора о ненападении предлагалось согласовать «сферы особых интересов» двух стран. В обмен

на отказ от посягательств со стороны Третьего рейха в Лондоне были готовы отказаться от гарантий Польше и Румынии, а также заставить Францию отказаться от договора о взаимопомощи с СССР и от поддержки стран Юго-Восточной Европы. Для обсуждения этих проблем Великобритания предлагала созвать новое совещание четырех держав — участниц Мюнхенской конференции. По существу, речь шла о втором, еще более масштабном Мюнхене. Эти переговоры, как сообщал из Лондона полпред И. М. Майский, свидетельствовали о стремлении британского правительства договориться с Германией в надежде на то, что она «оставит в покое Запад и повернется лицом к Востоку»[11]. Было известно и то, что в Великобритании активизируются влиятельные антинацистские силы в лице У. Черчилля и его окружения.

Московские переговоры «забуксовали» с первых же дней. Ключевым был вопрос о допуске Красной армии на территорию Польши и Румынии в случае нападения на эти страны. Между тем британские и французские военные хорошо понимали значение этого фактора. Генеральный штаб Великобритании в ответ на запрос Форин-офиса 16 августа подчеркивал: «Необходимо приложить все усилия, чтобы побудить Польшу и Румынию согласиться на использование русскими войсками их территории... Совершенно очевидно, что без немедленной и эффективной помощи со стороны России поляки смогут оказывать сопротивление германскому наступлению лишь в течение ограниченного времени... Заключение договора с Россией представляется нам лучшим средством предотвращения войны»[12]. Однако эта рекомендация была проигнорирована.

Германские дипломаты тем временем усиленно протаптывали дорожку в Москву. 10 июля Германия предложила Советскому Союзу льготный кредит в размере 200 млн рейхсмарок для закупок немецкого промышленного оборудования. Вскоре в Берлине начались советско-германские переговоры о торговле и кредитах. В конце июля ответственный сотрудник МИД Германии К. Шнурре на встречах с советским поверенным в делах Г. А. Астаховым поднял вопрос о коренном улучшении политических отношений между двумя странами, которое можно было бы оформить и секретным протоколом. Астахов, следуя инструкциям из Москвы, ограничивался выслушиванием немецких предложений. 2 августа уже сам Риббентроп пригласил советского дипломата для серьезного разговора, заявив о готовности Берлина урегулировать противоречия «на протяжении всего пространства от Черного моря до Балтийского», в том числе посредством подписания секретного протокола[13]. На следующий день о том же заявил В. М. Молотову посол Германии в Москве Ф.-В. Шуленбург. Однако советская сторона не спешила вступать в переговоры, ограничиваясь обменом мнениями. Немецкий зондаж тем временем приобретал все более конкретный и масштабный характер. Как сообщал в Москву 8 августа Астахов, немецкая сторона высказывалась о своей незаинтересованности в отношении Прибалтики (кроме Литвы), Украины и Бессарабии, «чтобы этой ценой нейтрализовать нас в случае своей войны с Польшей»[14].

Действительно, подготовка к операции «Вайс» шла уже полным ходом, и Гитлеру было крайне важно заручиться гарантией невмешательства СССР в предстоящую войну с Польшей. В Берлине хорошо понимали, что захват Польши вермахтом будет представлять большую угрозу безопасности СССР, на которую тот может отреагировать применением силы, даже если не достигнет соглашения с Францией и Великобританией о совместных действиях против Германии. Заключение же тройственного военно-политического соглашения в Москве вообще грозило поставить крест на дальнейшей германской экспансии в восточном направлении. В своем кругу Гитлер признавал, что в случае успеха московских военных переговоров ему придется отказаться от намеченного вторжения в Польшу[15]. Единственный же способ нейтрализовать Советский Союз (а заодно и окончательно сорвать московские переговоры) состоял в том, чтобы дать ему такие гарантии безопасности, включая территориальные приобретения, которые бы ослабляли советские опасения военного столкновения с Германией. Так или иначе, это было серьезное предложение, и 11 августа Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов, о чем

известить Берлин». На следующий день Молотов сообщил Астахову, что СССР интересуют немецкие предложения, но конкретный разговор о них «требует подготовки и некоторых переходных ступеней от торгово-кредитного соглашения к другим вопросам»[16]. Астахов отвечал, что немцев «явно тревожат наши переговоры с англо-французскими военными, и они не щадят аргументов и посулов самого широкого порядка, чтобы эвентуальное военное соглашение предотвратить»[17].

15 августа Ф.-В. Шуленбург передал В. М. Молотову заявление германского правительства о желании серьезно улучшить отношения между Германией и СССР. 17 августа в памятной записке это намерение приобрело форму официального предложения о готовности Германии заключить с СССР пакт о ненападении на срок 25 лет. Тогда же был сделан первый запрос на приезд И. Риббентропа для переговоров в Москву[18]. В. М. Молотов разъяснил Шуленбургу, что, прежде, чем начать переговоры об улучшении политических взаимоотношений, следует завершить переговоры о кредитно-торговом соглашении: «Это будет первым шагом, который надо сделать на пути улучшения взаимоотношений. Вторым шагом будет являться либо подтверждение договора 1926 г. (имеется в виду Берлинский договор о ненападении и нейтралитете между СССР и Германией от 24 апреля 1926 г. — *Прим. авт.*) или заключение договора о ненападении плюс протокола по вопросам внешней политики, в которых заинтересованы договаривающиеся страны»[19]. Советское давление возымело действие — 19 августа соглашение о торговле и кредитах было подписано. В результате СССР получал доступ к масштабным закупкам германского промышленного оборудования, в том числе на оборонные нужды. В результате дальнейших инициатив приобрела реальные очертания возможность заключения с Германией договора о ненападении, ограничивающего продвижение вермахта на восток, если возникнет война Германии с Польшей. Однако согласия на приезд в Москву Риббентропа пока дано не было.

Военные переговоры с англичанами и французами формально зашли в тупик из-за отказа Польши пропустить советские войска через свою территорию навстречу германским армиям в случае агрессии. Но за этим скрывались глубокие взаимные подозрения, в том числе с советской стороны в отношении способности и готовности западных партнеров совместно выступить против нацистской Германии. Для СССР возникала серьезнейшая угроза — остаться один на один с самой тогда могущественной военной машиной Германии, к которой могли присоединиться и другие страны. В условиях военного конфликта с Японией, который в те же дни достиг наивысшего накала на реке Халхин-Гол, это означало бы войну на два фронта.

В Варшаву для переговоров с польским генштабом срочно отправился французский генерал Мюсс. Министр иностранных дел Франции Ж. Боннэ телеграфировал французскому послу в Варшаве, что если поляки не согласятся принять помощь русских, то «на Польшу ляжет вся ответственность за возможный провал военных переговоров в Москве и за все вытекающие из этого последствия»[20]. Но Мюсс не смог уговорить поляков, да и не слишком старался это сделать. Развязка приближалась. 21 августа в Москве было получено распоряжение французского правительства подписать военную конвенцию, о чем Думенк сообщил Ворошилову. Но в Варшаве и Лондоне хранили молчание. Позднее из британских источников стало известно, что 23 августа планировался прилет Геринга в Великобританию для встречи с Чемберленом и «урегулирования разногласий» на англо-германских переговорах[21]. Тайну подготовки этих переговоров хранят британские архивы. Лишь 23 августа, когда уже было объявлено о предстоящем визите Риббентропа в Москву, Бек сообщил французам о том, что в случае нападения Германии на Польшу сотрудничество Польши с СССР «не исключается». Но было уже поздно...

Как и в Первой мировой войне, все решилось «в последний час». 21 августа Гитлер отправил экстренное личное послание Сталину, в котором, ссылаясь на «нетерпимое напряжение» в отношениях с Польшей, предлагал срочно направить в Москву Риббентропа для заключения договора о ненападении и секретного протокола к нему. Таким образом, советское руководство должно было сделать окончательный выбор. С одной стороны —

перспектива продолжения бесплодных переговоров с Великобританией и Францией в условиях надвигающейся войны Германии с Польшей, угрозы фактической изоляции Советского Союза и войны на два фронта без союзников, с другой — возможность укрепить свою безопасность путем заключения соглашения с Германией. Сталин ответил согласием на приезд Риббентропа, сообщение о котором вызвало настоящую панику в западных столицах. Вместе с тем в Кремле не спешили ставить крест на московских военных переговорах, заявив о своей готовности к их продолжению. «Как опытный политик, Сталин играл одновременно на "двух досках" и вовсе не собирался связывать себя безальтернативными решениями, — отмечает российский исследователь А. Ю. Сидоров. — Не доверяя ни Гитлеру, ни западным державам, он должен был перестраховываться и всегда иметь наготове запасной вариант действий»[22].

23 августа министр иностранных дел Германии прибыл в Москву. В ночь на 24 августа в Кремле договор (так называемый пакт Молотова — Риббентропа) был подписан обоими министрами. Основное содержание договора сводилось к следующему:

1. Обе договаривающиеся стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами.

2. В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая договаривающаяся сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

3. Правительства обеих договаривающихся сторон останутся в будущем во взаимном контакте для консультаций, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

4. Ни одна из договаривающихся сторон не будет участвовать ни в какой группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

5. В случае возникновения споров или конфликтов между договаривающимися сторонами по вопросам того или другого рода обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссии по урегулированию конфликтов.

Советско-германский договор о ненападении заключался сроком на десять лет. 11 февраля 1940 г. он был дополнен советско-германским торговым договором. Его содержание было стандартным и соответствовало другим договорам о ненападении, заключавшимся Советским Союзом, кроме статьи второй, которая позволяла СССР остаться в стороне от немецко-польской войны. Статья четвертая исключала продолжение тройственных переговоров в Москве и участие СССР в любой коалиции, направленной против Германии. Однако она шла вразрез с Антикоминтерновским пактом, тем более что сам договор о ненападении не был согласован с Японией и привел к кризису в германо-японских отношениях. К договору прилагался секретный протокол о «разграничении сфер обоюдных интересов» СССР и Германии, состоявший из трех пунктов. Наиболее важный, второй, пункт касался Польши. В нем говорилось, что «в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана». Имелось в виду, что сфера действий германских войск не будет распространяться на восточную часть Польши — Западную Украину и Западную Белоруссию, населенную преимущественно украинцами и белорусами. В первом пункте аналогичная линия проводилась по северной границе Литвы, что фактически означало обязательство Германии не покушаться на северо-западных соседей СССР — Финляндию, Эстонию и Латвию (Литва, напомним, не имела тогда с СССР общей границы). Одновременно обе стороны признали законность интересов Литвы относительно оккупированной поляками в 1920 г. Виленской области с городом Вильно. Тем самым де-факто признавалась принадлежность этой территории Литве. Наконец, в третьем пункте констатировались интерес Советского Союза к Бессарабии и «полная незаинтересованность» Германии в этой области[23].

Все это были государства или территории, входившие в состав России, отторгнутые у нее после Первой мировой войны решениями в Версале или путем прямых аннексий, как в случае с Бессарабией, захваченной Румынией в 1918 г. Граница сферы советских интересов неформально признавалась Германией максимальным рубежом продвижения своих войск на восток.

Хотя секретные протоколы были принятой практикой того времени, морально-этическая сторона данного соглашения является весьма уязвимой. Впрочем, соотношение морали и политики — это отдельная и весьма сложная проблема, эталонных образцов решения которой пока просто не существует. К тому же в тот момент, когда на карту было поставлено само существование страны, верх взяли неумолимые геополитические и военно-стратегические императивы.

Геополитические преимущества этого соглашения были неоспоримы: Сталину удалось получить от Гитлера много больше, чем мог предложить ему демократический Запад. Хотя бы на время была ослаблена германская угроза. Заключение советско-германского договора о ненападении в нарушение Антикоминтерновского пакта заставило Японию отказаться от планов войны с СССР, что на время устранило угрозу войны на два фронта. На западных границах СССР возникали благоприятные условия для последующего воссоединения Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии с СССР, не говоря уже о Бессарабии.

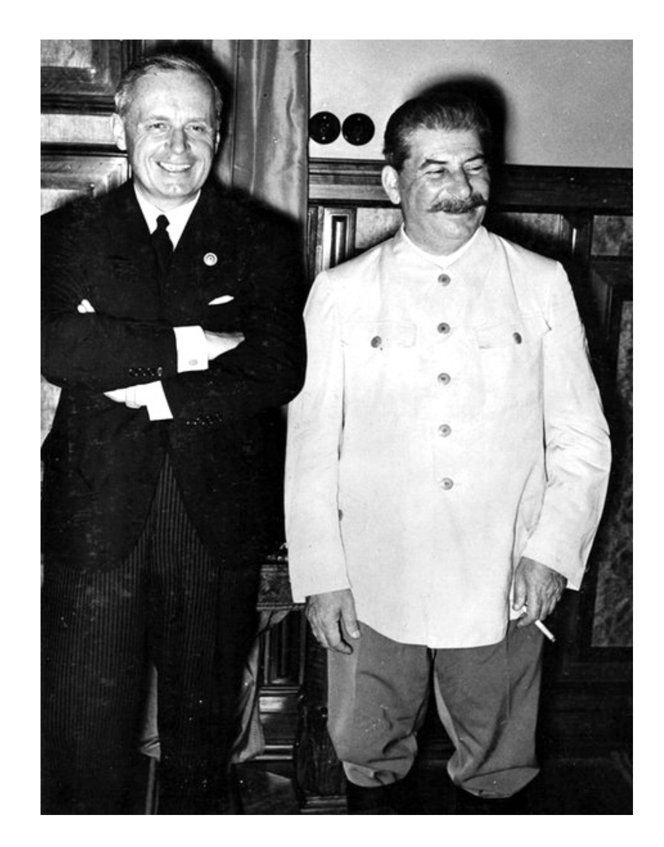
Главный стратегический выигрыш состоял не столько во времени — предотвращении или отсрочке германского нападения на СССР (которое тогда еще не значилось в оперативных военных планах Гитлера), сколько в пространстве, позволившем, по словам Молотова, «отдалить германские войска» от прежних советских границ[24]. Советское геостратегическое пространство, выдвинутое до 350 км на запад, теперь обеспечивало возможности для наращивания глубины обороны, необходимой для защиты страны.

Преемственную направленность действий Сталина в 1939—1940 гг. в свете традиционных задач российской политики отмечают и современные западные историки. Так, известный американский ученый А. Рибер пишет, что за ними стояло стремление «вернуть утраченные территории (Российской) империи и восстановить более защищаемые этнические и стратегические границы»[25]. К тому же появлялась надежда вообще отвести германскую агрессию на Запад, отплатив ему той же монетой за Мюнхен. Сталин рассчитывал на затяжную межимпериалистическую войну между Германией и западными странами, от которой Советскому Союзу удастся остаться в стороне. 7 сентября Сталин говорил Г. Димитрову о начавшейся войне капиталистических государств: «Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии было бы расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии)... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались»[26]. Сталин явно переоценил свободу маневра Советского Союза, но тогда было крайне трудно предвидеть дальнейшее развитие событий.

Идя на соглашение с Гитлером, советский лидер понимал, что верить ему нельзя. «Здесь ведется игра — кто кого перехитрит, кто кого обманет, — говорил он членам Политбюро. — Гитлер хочет ввести нас в заблуждение, перехитрить, но... перехитрили его мы»[27]. Через несколько дней после подписания договора о ненападении в СССР были приняты закон о введении всеобщей воинской повинности и решение о более чем двукратном увеличении количества стрелковых дивизий.

Подписание протокола оставалось в тайне, хотя слухи о нем распространялись. Западные страны больше всего волновали перспектива дальнейшего советско-германского сближения и советская линия в связи с продвижением вермахта в Польшу. Были в замешательстве зарубежные компартии, которые на протяжении многих лет считали главным врагом фашизм. Москва, со своей стороны, заявляла о своем нейтралитете в начавшейся войне и уклонялась от официального аннулирования советско-французского договора о взаимопомощи: в Кремле явно не спешили к окончательному разрыву с западными демократиями.

Подписание Договора о ненападении между СССР и Германией



И. В. Сталин и И. Риббентроп
после подписания Договора о ненападении

Советскому руководству предстояло определиться со сложным комплексом новых взаимосвязанных задач, включающих выстраивание дальнейших отношений с Германией, выработку линии поведения в Польше и Прибалтике, а также политики в отношении Великобритании и Франции. Главная задача состояла в том, чтобы реализовать геополитический потенциал соглашений с Германией с минимальными политическими издержками, не втягиваясь в европейскую войну и сохраняя свободу действий. Сотрудничество с Германией получило новое развитие, прежде всего в торгово-экономической сфере, где интересы двух стран дополняли друг друга: Германия остро нуждалась в сырье и продовольствии, а СССР — в германском промышленном оборудовании, включая поставки оборонного значения. В политическом плане Гитлер был заинтересован в более активном вовлечении Советского Союза в свою борьбу с Великобританией и Францией, как минимум в предотвращении нового советского сближения с ними.

Подробный разговор о том, как разворачивались события, — впереди, но уже сейчас, предваряя его, следует заметить, что с точки зрения целей избранной стратегии Сталину удалось довольно успешно решить главную задачу периода, открытого прорывом в советско-германских отношениях и выигрышем времени для подготовки к войне, что было достигнуто без полного разрыва отношений с демократиями Запада и при сохранении некоторой дистанции с Германией. Вместе с тем эта дистанция, как отмечает в своем недавнем исследовании академик А. О. Чубарьян, могла бы быть большей без ущерба для политики СССР. Крен советской пропаганды в сторону оправдания действий Германии, резкая переориентация Коминтерна на свертывание борьбы с фашизмом осенью — зимой 1939–1940 гг. ослабляли сопротивление агрессорам и позиции зарубежных коммунистических партий, а также дезориентировали советскую общественность[28].

Советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г. вызвал беспрецедентную по масштабам реакцию в мире и сегодня является предметом дискуссий среди знатоков истории. Но оставался и остается в тени другой важный документ того времени — Соглашение о взаимопомощи между Соединенным Королевством и Польшей, заключенное в Лондоне 25 августа 1939 г., с секретным (конфиденциальным) протоколом, подписанные послом Польской Республики в Лондоне графом Э. Рачиньским и министром иностранных дел Великобритании виконтом Галифаксом.

Главная в этом соглашении — статья I, в которой говорится: «Если одна из Договаривающихся Сторон окажется вовлеченной в военные действия с европейской державой в результате агрессии последней против этой Договаривающейся Стороны, то другая Договаривающаяся Сторона немедленно окажет Договаривающейся Стороне, вовлеченной в военные действия, всю поддержку и помощь, которая в ее силах»[29].

Соглашению предшествовали английские гарантии безопасности Польши, которые были объявлены Н. Чемберленом 31 марта в палате общин, одобренные парламентариями. Гарантии были призваны воспрепятствовать очередному агрессивному акту Германии и укрепить пошатнувшийся после Мюнхена авторитет Великобритании в разрешении возникающих все более острых конфликтов в Европе. Много лет спустя британский военный теоретик и историк Б. Лиддел Гарт констатирует: «Гарантии Польше были весьма верным способом ускорить взрыв и начало мировой войны». Подчеркивая, что «выполнить свои гарантии Англия могла только с помощью России», он ставит вопрос и отвечает на него: «Почему польские правители приняли столь фатальное английское предложение? Частично это произошло потому, что у них было до абсурда преувеличенное представление о могуществе своих устаревших вооруженных сил (они хвастливо заявляли о некоем кавалеристском рейде на Берлин)»[30].

6 апреля 1939 г. последовало англо-польское коммюнике с информацией о предстоящем подписании соответствующего двустороннего соглашения с обязательством Польши выполнить «условия, изложенные во временных заверениях, сделанных Польше правительством его Величества». Помимо обычных протокольных подробностей подчеркивалось, что до подписания детального соглашения следует более четко определить «различные пути, когда такая помощь будет необходимой»[31].

Несмотря на надвигавшуюся угрозу нападения Германии на Польшу, подписание англо-польского соглашения задерживалось британской стороной. Первая из причин заключалась в том, чтобы, используя заявленные гарантии и начатые Англией и Францией переговоры с Советским Союзом, оказать давление на Германию. Вторая вызывалась необходимостью конкретно определить, когда и как будет оказана Польше военная помощь.

Британская дипломатия прибегла к уникальной трактовке условий своих гарантий помощи Польше при нападении Германии: гарантировалась независимость Польши, но не ее территориальная целостность. 1 апреля 1939 г., на следующий день после выступления Н. Чемберлена в палате общин, британская газета «Таймс» подтвердила эту формулу в редакционной статье[32]. То же самое повторяют и современные британские издания: «Хотя в тексте [соглашения] 25 августа говорится о британской защите независимости Польши, в нем дипломатически обойдена гарантия целостности ее территории»[33]. Галифакс и его помощники, убеждая прибывших в Лондон поляков, что гарантии усиливают позицию Польши в конфликте с Германией из-за Данцига и «польского коридора», ставили своей целью добиться от Польши территориальных уступок Гитлеру. Немецкий историк Г. Нидхардт, рассматривая эти хитросплетения, делает вывод, что «британская политика была направлена на заключение нового четырехстороннего пакта с исключением из его состава СССР»[34]. Английский автор С. Ньюмен указывает в этой связи на «сопричастность Великобритании к началу Второй мировой войны». Известный французский историк Ж. Дюразель, в свою очередь, отмечает, что политические деятели Франции, демонстрируя свою самостоятельность, на деле, как и англичане, «стремились достигнуть компромисса с Гитлером»[35]. Следует заметить, что правительство Польши не могло согласиться на германский контроль над Данцигом и польской Померанией уже по чисто экономическим причинам. Основные магистрали польской морской торговли при таких условиях могли быть в любое время заблокированы немцами.

Комитет по внешней политике британского кабинета определил следующие условия вступления в действие британских гарантий: «1) если Польша будет оказывать сопротивление угрозе своей независимости; 2) если она не втянулась “в провокационное и тупое противостояние” особенно из-за Данцига». Чемберлен выразился более категорично: «Мы сами определим, какого рода действия угрожают польской независимости. Это поможет нам избежать вовлечения [в конфликт] из-за пограничного инцидента»[36].

Период с 6 апреля до 25 августа — это настойчивые, скрываемые от польской стороны попытки британской дипломатии достигнуть компромисса с Германией за счет территориальных уступок Польши, демонстрация готовности правительства Н. Чемберлена к сближению с Германией против России. Видимо, именно тогда, в ходе переговоров Х. Вильсона, ближайшего советника Н. Чемберлена, с германским послом в Лондоне Г. Дирксеном, была озвучена идея о приглашении для этой цели в Англию «нациста № 2» Г. Геринга и определена дата его прилета на Британские острова (23 августа 1939 г.). За Герингом послали самолет британских спецслужб, но визит был отменен ввиду подписания советско-германского договора о ненападении. В Лондоне вели крупную игру — на случай возникновения препятствий в германо-советских переговорах. Ее подробности до сих пор неизвестны.

На англо-польских переговорах тем временем прояснялись вопросы о том, когда и как правительство Великобритании будет выполнять свои гарантии. Длительное время Ю. Бек на эти вопросы не получал ответа. Н. Чемберлен, Х. Вильсон, английский посол в Германии Х. Гендерсон и в Польше А. Кеннард, папский унций Ф. Кортези, верховный комиссар Лиги Наций в Данциге К. Бурхардт оказывали сильнейшее давление на поляков, принуждая их, как это имело место с Чехословакией, передать «во имя сохранения мира» часть своей территории Гитлеру, требования которого возрастали и включали кроме Данцига и «польского коридора» возврат Верхней Силезии.

В мае 1939 г. в Варшаве состоялись англо-польские штабные переговоры, в результате которых Великобритания обязалась в случае, если военные и гражданские объекты в Польше подвергнутся бомбардировкам немецкой авиацией, нанести воздушный удар по немецким военным объектам; что же касается гражданских целей — то предварительно проконсульти-

роваться с Францией. Соглашение было подписано 1 июня 1939 г. Взаимные обязательства взяли на себя также Польша и Франция: Польша — оказывать Франции всемерную помощь в случае агрессии; Франция — начать боевые действия на сухопутном фронте немедленно и на 15-й день войны предпринять наступление основными силами. Соответствующий протокол был подписан только 4 сентября 1939 г. уже после начала войны.

Главный штаб польской армии обоснованно считал, что успех в войне с Германией может быть обеспечен только совместными усилиями Польши и западных союзников. В одном из польских документов начала 1939 г. эта стратегическая концепция характеризовалась так: «Доведение немедленного и автоматического выступления западных государств в момент начала военных действий и, таким образом, с самого начала превращение польско-германской войны в войну Германии с коалицией западных государств и Польши»[37].

Но поляки были жестоко обмануты (об этом — в начале следующей главы). Только в последние годы стало известно, что от договоренностей о бомбардировках Германии английские военачальники втайне от Польши тогда отказались, а французские штабы к разработке планов наступательных действий на Западном фронте не приступали. Отметим своеобразие обсуждения этих вопросов английской стороной. Когда видный консерватор Л. Эмери предложил министру авиации К. Вуду подвергнуть бомбардировке зажигательными бомбами лесные массивы Германии, Вуд ответил: «Что вы, это невозможно. Это же частная собственность. Вы еще попросите меня бомбить Рур»[38].

Пренебрегая интересами своего польского союзника, в Лондоне и Париже стремились выиграть время для укрепления собственных сил и вывести германские армии непосредственно к границам СССР, столкнуть их с Красной армией еще в 1939 г., что едва не произошло.

Историки, естественно, обращают внимание и на те малоизвестные статьи англо-польского секретного протокола к договору от 25 августа 1939 г., которые перечисляют страны и территории (Данциг, Бельгию, Голландию, Румынию, Литву, Латвию, Эстонию, Венгрию) как жизненно важные и относящиеся к сфере «политических интересов» договаривающихся сторон. Примечательно, что по свидетельству главных участников подготовки соглашения министра иностранных дел Великобритании Э. Галифакса и посла Польши в Лондоне Э. Рачиньского, «защита интересов» Латвии и Эстонии предоставлялась «в равных долях Польше и России»[39]. В Лондоне и Варшаве очевидно поняли, что борьба с нацистской агрессией возможна только с участием великого соседа на Востоке и без ведома России включили ее в расчет своих сил. Поражение Польши и отсутствие документов оставляют без ответа вопрос о практическом осуществлении раздела сфер влияния, предусмотренного англо-польским соглашением.

Польские историки уделяют значительное внимание освещению событий, связанных с заключением англо-польского соглашения от 25 августа, и оценивают этот документ весьма критически: «В результате, — отмечает А. Прземовска, — была утрачена возможность создания общего восточного фронта против Германии. Вместо этого гарантии предоставлялись только государству, которому непосредственно угрожала агрессия. Но и они были лишены необходимого содержания как в политическом, так и в военном отношении»[40].

Известие о подписании англо-польского соглашения и одновременное письмо Муссолини о неготовности Италии к войне вызвали кратковременное замешательство в Берлине. Гитлер отменил приказ о начале войны с Польшей 26 августа, направленный в войска, которые уже заняли исходные позиции. Последовал каскад переписки и телеграфно-телефонных переговоров, преимущественно в треугольнике Лондон — Берлин — Варшава, но дальнейшее «сползание к войне» стало неизбежным.

Политика советского руководства в предвоенные годы была подчинена решению исключительно сложной двуединой задачи: как максимум — избежать войны с гитлеровской Германией; как минимум — отсрочить нападение на возможно больший срок. Не все получилось, как было задумано, в главном — уберечь страну от нацистской агрессии — расчеты не оправдались. Вместе с тем, несмотря на все трудности и неудачи, с 1939 г. по первую половину 1941 г. включительно было сделано очень многое для достижения взаимопонимания между СССР и Западом, без чего будущая антигитлеровская коалиция была бы невозможна.

Со времен окончания Второй мировой войны советская политика предвоенного периода и особенно советско-германский Договор о ненападении подвергаются в литературе и официальной пропаганде США, Великобритании и некоторых других стран осуждению и фальсификации. Эта антироссийская кампания, к которой присоединилась часть отечественных историков и журналистов, была, как отмечалось в первом томе труда, возведена усилиями Евросоюза на межпарламентский уровень. Имеется в виду принятая 3 июля 2009 г. резолюция Парламентской ассамблеи ОБСЕ, смысл и суть которой заключаются в обвинении России, в то время Советского Союза, в соучастии совместно с нацистской Германией в развязывании Второй мировой войны.

Резолюция ОБСЕ «является прямым оскорблением памяти миллионов наших соотечественников, отдавших в годы Второй мировой войны свои жизни за освобождение Европы от фашистского ига, от холокоста, от газовых камер и концлагерей, за то, чтобы мы, потомки павших, жили в мирной и свободной Европе», — говорится в совместном заявлении, принятом Советом Федерации и Государственной думой[41].

Оценка конкретной исторической обстановки, которая диктовала России необходимость принятия неотложных решений для обеспечения собственной безопасности в условиях международной изоляции, в резолюции ОБСЕ отсутствует. Принципы международного права, признанные уставом Нюрнбергского трибунала, подтвержденные ООН, и приговор немецким военным преступникам, осужденным за агрессию против СССР и других стран, игнорируются и даже оспариваются.

Одним из адвокатов резолюции ОБСЕ выступил румынский президент Т. Бэсеску. 22 июня 2011 г., отвечая на вопрос телеведущего, отдал бы он 70 лет назад на месте фашистского диктатора Антонеску приказ румынским солдатам «перейти границу через Прут», сказал: «Да, поскольку у нас был союзник и нам следовало вернуть территорию» и назвал короля Михая I, который во многом помог Румынии выйти из войны, «слугой русских».

Выступления Бэсеску вызвало неоднозначную реакцию в Румынии. МИД России был вынужден сделать официальное заявление, в котором говорилось, что «подобные высказывания, тем более сделанные в день 70-летия начала Великой Отечественной войны, в ходе которой наш народ потерял 27 миллионов жизней, невозможно объяснить ни текущими внутриполитическими обстоятельствами, ни ссылками на провокационность вопросов журналистов».

Версия о виновности СССР в развязывании Второй мировой войны впервые была озвучена в декларации Гитлера 22 июня 1941 г. для оправдания нападения на нашу страну, а затем «развита» в сочинениях уцелевших гитлеровских генералов и «первого поколения» немецких историков-неонацистов.

Но на Западе всегда была влиятельной школа ученых, сторонящихся официозных оценок, придерживающихся самостоятельного и объективного взгляда на события. Известный британский историк Д. Робертс аргументирует несостоятельность указанных версий: «Сталин был более чем далек от того, чтобы замышлять войну в 1939 г., и прежде всего опасался, что он и его режим окажутся главной жертвой в большом мировом конфликте. Именно поэтому он заключил пакт с Гитлером. Это не обеспечивало гарантий мира и безопасности, но давало наибольший шанс избежать вовлечения страны в надвигавшуюся войну. Конечно, как и любой другой на его месте, Сталин рассчитывал, что если Британия и Франция объявят Германии войну, то это будет длительная война на истощение и Советский Союз получит время и пространство для укрепления своей обороны»[42].

В 1939 г., к началу войны в Европе, конфигурация противоборствующих сил существенно изменилась. Германии и ее союзникам противостояли довольно крупные, но разрозненные силы только что созданной англо-франко-польской коалиции. СССР в результате договоренностей с Германией обезопасил страну от втягивания в войну, отвел японскую угрозу на Дальнем Востоке, но ослабил свое положение политического лидера в борьбе с фашизмом. Германия избежала войны на два фронта и рассчитывала на нейтралитет Англии и Франции в войне с Польшей. Но Англия и Франция 3 сентября 1939 г. объявили Германии войну.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Координация действий советских и монгольских войск возлагалась на фронтовое управление, которым руководил командарм 2 ранга Г. М. Штерн. Монгольскими войсками командовал маршал МНР Х. Чойбалсан.

[2] Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы. М., 1990. Т. 1. С. 386–387.

[3] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. П. 25. Д. 5. Л. 7.

[4] СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 — август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971. С. 496.

[5] Год кризиса 1938–1939. Т. 2. С. 168–174, 221–224.

[6] Documents on British Foreign Policy. Ser. 3. Vol. 6. London, 1953. P. 763–764.

[7] Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход. Документальные очерки / Сост. А. А. Ахтамзян. М., 2010. С. 185.

[8] Foreign Relations of the United States. 1939. Vol. 1. Washington, 1956. P. 294.

[9] Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход. С. 226.

[10] Documents diplomatiques francais (далее — DDF). Serie 1936–1939. Paris, 1975. T. 17. P. 456.

[11] Год кризиса 1938–1939. Т. 2. С. 119.

[12] *Сиполс В.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939–1941. М., 1997. С. 71.

[13] СССР — Германия. 1933–1941. Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2009. С. 194–197.

[14] Документы внешней политики (ДВП). 1939 год. Кн. 1. М., 1992. С. 585–587.

[15] *Сиполс В.* Тайны дипломатические. С. 73.

[16] Год кризиса 1938–1939. Т. 2. С. 184.

[17] Там же. С. 185.

[18] ДВП. 1939 год. Кн. 1. С. 606–607.

[19] Там же. С. 609–610.

[20] DDF. T. 18. P. 94, 95.

[21] *Мосли Л.* Утраченное время. Как началась Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1972. С. 305–307.

[22] *Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е.* История международных отношений. 1918–1939. М., 2006. С. 287.

[23] ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 632.

[24] Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. М. Чуева, 1991. С. 20.

[25] Russian Foreign Policy in the Twenty-First Century and the Shadow of the Past. Ed. by Robert Legvold. N. Y., 2007. P. 248.

[26] Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М., 2004. С. 779, 780.

[27] *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939 / Пер. с нем. М., 1990. С. 357.

[28] *Чубарьян А. О.* Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 — июнь 1941 года. М., 2008. С. 233–238.

[29] Год кризиса 1938–1939. Т. 2. С. 323.

[30] *Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1976. С. 26.

[31] The British War Blue Book. London, 1939. P. 49.

[32] Цит. по: *Clenciala A.* Poland in British and French Policy in 1939: Determination to Fight or Avoid the War? The Polish Review. Vol. 34. 1989. № 3.

[33] *Latawski P.* The Oxford Companion to World War II. Oxford, 1995. P. 903.
[34] Цит. по: Poland and the Coming of the Second World War. Ohio State University. P. 200.
[35] Ibid. P. 200, 201, 206.
[36] Ibid. P. 206.
[37] Polskie sily zbrojne w drugiej wojnie światovej. T. 1. Londyn, 1951. Cz. 1. S. 270.
[38] *Мосли Л.* Утраченное время. С. 373.
[39] *Raczynski E.* The British — Polish Alliance Its origins and meaning. L., 1948. P. 22.
[40] *Prasmowska A.* Britian, Poland and the Eastern Front, 1939. Cambridge, 2004. P. 57.
[41] Российская газета. 2009. 8 июля.
[42] *Roberts G.* Stalin's Wars. From World War to Cold War, 1939–1953. New Haven and London, 2006. P. 35.

НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПОЛИТИКА СССР

Поражение Польши и англо-французской коалиции

Вечером 31 августа 1939 г. группа эсэсовцев ворвалась в здание радиостанции приграничного с Польшей города Гляйвиц (Гливице). Инсценируя нападение на германскую территорию, эсэсовцы сделали несколько выстрелов у микрофона и зачитали на польском языке заранее составленный текст. Идея заключалась в том, что «пришло время войны Польши против Германии». Для большей убедительности эсэсовцы привезли с собой нескольких немецких узников концлагерей, переодетых в польскую военную форму, и тут же, в Глейвице, их расстреляли[1].

За несколько дней до этого Гитлер заявил своим генералам: «Я дам пропагандистский повод для развязывания войны, а будет ли он правдоподобен, значения не имеет. Победителя потом не спросят, говорил ли он правду или нет»[2]. В 10 часов утра 1 сентября Гитлер выступил с речью в Рейхстаге, в которой, в частности, говорилось: «Многочисленные нападения поляков на германскую территорию, в том числе нападение регулярных польских войск на радиостанцию в Гляйвице», вынуждают его прибегнуть к силе[3].

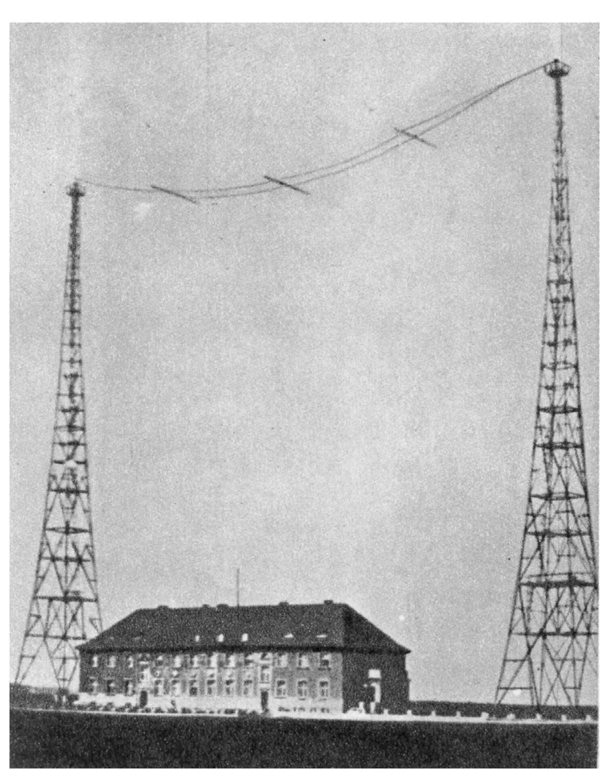
Ранним утром 1 сентября 1939 г. немецкая авиация нанесла первые удары по аэродромам, узлам коммуникаций, экономическим и административным центрам Польши. Немецкий линкор «Шлезвиг-Гольштейн», заранее прибывший к польскому побережью с «визитом вежливости», открыл огонь по полуострову Вестерплятте. Сухопутные войска вермахта перешли границу и вторглись с севера — из Померании и Восточной Пруссии, с запада — из Восточной Германии и с юга — из Чехии и Словакии. Вторжение немецких войск в Польшу положило начало Второй мировой войне.

3 сентября войну Германии объявили Великобритания и Франция, связанные с Польшей союзными обязательствами. К 10 сентября 1939 г. Германии объявили войну Австралия, Индия, Канада, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз — британские колониальные владения.

Нацистское руководство Германии рассматривало захват Польши как первый шаг на пути к завоеванию «жизненного пространства» на востоке. Согласно директиве главкома сухопутных войска генерала В. Браухича, изданной в середине июня 1939 г., оперативно-стратегическая идея плана войны против Польши под кодовым наименованием «Вейс» («Белый») заключалась в том, «чтобы предотвратить регулярную мобилизацию и сосредоточение польских сухопутных войск путем внезапного вторжения на суверенную польскую территорию и разгрома основной массы польских войск в ходе концентрического наступления из Силезии

с одной стороны и из Померании и Восточной Пруссии с другой стороны»[4]. Осуществить этот замысел намечалось в короткие сроки согласованными действиями всех видов вооруженных сил. Решающая роль в достижении успеха операции отводилась бронетанковым и моторизованным соединениям сухопутных войск и авиации. Немецкие военно-морские силы должны были содействовать наступлению сухопутных войск, блокируя базы и уничтожая корабли польского флота.

Нападение на Польшу было сначала назначено Гитлером на 26 августа. Перенесение срока на 1 сентября имело военно-стратегические и дипломатические причины: группа армий «Север» не успевала занять исходные позиции в назначенный срок; Италия 25 августа заявила о неготовности к вступлению в войну с Англией и Францией[5]; в тот же день в Лондоне был подписан англо-польский договор о взаимопомощи в случае нападения Германии.



Радиостанция в Глейвице

В Варшаве начали испытывать тревогу по поводу вероятной угрозы Польше с германской стороны лишь после 15 марта 1939 г., когда немецкие войска без борьбы вступили на чехословацкую территорию и развернулись вдоль южной польской границы. В ответ на это в Польше была проведена частичная мобилизация. Одновременно польский генеральный штаб подготовил новый вариант оборонительного плана «Захуд» («Запад»), разработанного ранее на случай войны с Германией[6].

План «Захуд» предусматривал упорной обороной и контрударами резервов остановить немецкое наступление на рубежах, прикрывающих жизненно важные районы страны, обеспечить мобилизацию, сосредоточение и развертывание своих вооруженных сил, а затем перейти в контрнаступление. Успешное выполнение этого плана, по мнению польского командования, могло быть обеспечено лишь при условии совместных действий Польши, Англии и Франции. Поэтому польское правительство, основываясь на заверениях западных союзников о гарантиях независимости Польши, рассчитывало на то, что с началом войны главные силы вермахта будут скованы активными действиями англо-французских войск на Западе, а против Польши сосредоточатся не более 20–25 немецких дивизий.

Собственных сил у Польши, для того чтобы выстоять в единоборстве с Германией, было недостаточно. Польское руководство это понимало. Расчеты на успех обороны оно связывало с выполнением Францией взятого на себя обязательства: в случае нападения Германии на Польшу нанести большей частью своих вооруженных сил удар вермахту с запада и тем самым отвлечь на себя его главные силы. Оказать Польше «всю возможную помощь» обязалась и Великобритания. Это грозило Германии катастрофой. К началу сентября 1939 г. она имела 103 дивизии, а Англия, Франция и Польша вместе взятые, — 172, танков было соответственно 3,2 тыс. и 4 тыс., самолетов — 4 тыс. и 7,6 тыс.[7]

У Польши имелась возможность еще больше укрепить свои позиции по отношению к Германии, которую она не использовала из-за негативного настроя ее руководства к СССР.

Немецкие солдаты ломают польский пограничный шлагбаум

Немецкая танковая часть входит в Польшу

Немецкие разведчики в Польше

Польские мирные жители, задержанные немецкими войсками

11 мая оно отклонило предложение советского правительства заключить договор о взаимопомощи, а затем во время московских англо-франко-советских переговоров летом 1939 г. отказалось выполнить настоятельные рекомендации своих западных союзников установить военное сотрудничество с СССР, с которым Польша в отличие от Англии и Франции имела общую границу[8].

К концу августа немецкое командование практически завершило подготовку к нападению на Польшу. В Силезии, Моравии и Словакии была развернута группа армий «Юг» (33 дивизии, из них четыре танковые) под командованием генерал-полковника Г. Рундштедта. В Померании и Восточной Пруссии развернулась группа армий «Север» (21 дивизия, в том числе две танковые). Действия группы армий «Юг» должен был поддержать 4-й воздушный флот, а действия группы армий «Север» — 1-й воздушный флот.

Польская военная разведка сумела своевременно обнаружить сосредоточение до 80 % крупных соединений немецких сухопутных и военно-воздушных сил и установить места их дислокации. На основе этих данных были определены важнейшие направления наступления противника. Однако главнокомандующий польскими вооруженными силами маршал Э. Рыдз-Смиглы вплоть до середины августа сомневался в достоверности разведданных, считал, что они специально подбрасываются немцами, чтобы ввести его в заблуждение[9]. Отчасти этому способствовала немецкая пропагандистская кампания, которая создавала «образ врага» на Востоке и убеждала поляков, что воевать придется не с Германией, а с Советским Союзом. С весны 1939 г. немецкие спецслужбы через свою агентуру активно начали провоцировать «народные восстания» в Галиции и в некоторых других, заселенных в основном украинцами, районах Польши. За несколько часов до начала общего наступления вермахта, в ночь с 31 августа на 1 сентября через границу была переброшена специальная боевая группа «Эббингхаус». Входившие в ее состав несколько сотен человек были закамуфлированы под рабочих и горняков, имели легкое стрелковое оружие и гранаты. Им удалось захватить заводы и электростанции в Верхне-Силезском промышленном районе и удержать их до соединения с немецкими частями[10].

Несмотря на явные признаки угрозы нападения со стороны Германии, всеобщая мобилизация в Польше была объявлена только 31 августа. К 1 сентября 1939 г. на западных границах Польши, представлявших собой 1600-километровую дугу, в первом эшелоне находилось восемь оперативных групп и армий: оперативная группа «Нарев» — на севере против Восточной Пруссии, армия «Модлин» и оперативная группа «Вышков» — для защиты Варшавы с запада, армия «Поможе» — в польском коридоре, армии «Познань», «Лодзь», «Краков» и «Карпаты» — для прикрытия юго-западной и южной границ от Варты до Карпат. В резерве главного командования оставалась армия «Пруссы». В составе этих объединений насчитывалось 35 дивизий и 16 бригад. Ряд соединений и частей, предназначавшихся для укомплектования армий, находился на стадии формирования[11].

В то время против Польши были направлены основные силы и средства вермахта, а на западных границах Германии оставалось ограниченное число немецких войск. Как заявил на Нюрнбергском трибунале генерал-фельдмаршал В. Кейтель: «Если бы франко-британцы предприняли наступление, мы смогли бы противопоставить им совершенно призрачную оборону». Учитывая Пакт о взаимопомощи Франции с Польшей (от 21 февраля 1921 г.), франко-польскую военную конвенцию (от 19 мая 1939 г.), Соглашение о взаимопомощи между Соединенным Королевством и Польшей (25 августа 1939 г.), в которых прямо говорилось о немецкой агрессии, вероятность войны Германии на два фронта была очень велика.

Но Гитлер считал, что ни Англия, ни Франция, проводившие политику умиротворения, на деле ничего не предпримут против расширения германского «жизненного пространства» на востоке. В директиве № 1 на ведение войны (против Польши), подписанной Гитлером 31 августа 1939 г., запрещалось предпринимать какие-либо военные действия на западе. Даже в случае вступления в войну Англии и Франции группе армий «Ц», развернутой у западной

границы, предписывалось вести оборонительные бои с максимальной экономией сил и обеспечить условия для успешного завершения кампании в Польше.

Для войны с Польшей Германия выставила основную и наиболее боеспособную часть своих сухопутных и военно-воздушных сил: 62 дивизии, в том числе семь танковых и восемь моторизованных, и одну кавалерийскую бригаду, в которых насчитывалось 1,8 млн человек, около 3200 танков, 6000 орудий и минометов, до 2100 боевых самолетов (бомбардировщиков — 1000–1100, истребителей — 600–650 и разведчиков — 200–250). Польша в ходе оборонительных сражений смогла противопоставить противнику 36 дивизий, две моторизованные, три горнострелковые и 11 кавалерийских бригад общей численностью 1 млн человек, около 600 танков, 4500 орудий и минометов, примерно 400 боевых самолетов[12].

По подсчетам немецких историков, соотношение сил в пользу стратегической группировки вермахта в целом, предназначавшейся для агрессии против Польши, над польскими вооруженными силами выражалось 1,5:1 по пехоте, 2,8:1 по полевой артиллерии, 5,2:1 по противотанковой артиллерии, 5,5:1 по танкам. На направлении главных ударов соотношение сил в пользу сухопутных войск вермахта было гораздо больше: 2,3:1 по пехоте, 4,3:1 по полевой артиллерии, 7,6:1 по противотанковой артиллерии, 8,2:1 по танкам[13].

На состояние польских вооруженных сил отрицательно влияла общая экономическая отсталость Польши. Они уступали противнику не только в количественном, но и в качественном отношении. Подавляющая часть танков и самолетов, находившихся на вооружении, была устаревшей конструкции. В войсках не хватало транспортных средств, бронетанковой техники, средней и тяжелой артиллерии, особенно зенитных и противотанковых орудий. Уровень боевой подготовки личного состава польской армии был ниже, чем у вермахта. Польское командование не обладало тем опытом управления большими массами войск, который немецкое командование приобрело во время аннексии Австрии и Чехословакии.

Боевые действия с самого начала войны развивались для Польши неблагоприятно. 1 сентября немецкая авиация нанесла немалый ущерб польским войскам и мирному населению, причинила тяжелые разрушения 150 польским городам и селам. Однако главную задачу, которую ставило перед собой немецкое командование, — уничтожить польскую авиацию на земле ударами с воздуха, решить не удалось. Днем ранее польские самолеты были перебазированы с мест мирной дислокации на полевые аэродромы. Польские летчики вступили в единоборство с люфтваффе. Но силы были неравны. Немецкие ВВС, имея численное и качественное превосходство над польской авиацией, через 3–4 дня завоевали господство в воздухе и обеспечили быстрое продвижение своих сухопутных войск.

В течение первых трех дней пехотные и танковые дивизии при поддержке артиллерийских и авиационных частей прорвали оборону польских армий. Темпы их продвижения достигали 25–30 км в сутки.

Группа армий «Север» наступала силами двух армий. 4-я армия наносила удары из Померании в юго-восточном направлении. 3 сентября она форсировала р. Вислу в районе г. Быдгощ. Ее левый фланг соединился с правым флангом 3-й армии, наступавшей из Восточной Пруссии. В результате этого часть войск польской армии «Поможе», оборонявшейся на северо-западе Польши, оказалась блокированной с юга в польском коридоре. После нескольких дней упорного сопротивления они сложили оружие. Главные силы 4-й армии 4 сентября продолжили наступление на Варшаву вдоль р. Вислы. В это время 3-я армия преодолела сильно укрепленный участок обороны польских войск в районе г. Млава. Отсюда она основными силами развернула наступление на Варшаву с севера. К востоку от них одна из ее подвижных группировок устремилась на юг, между реками Буг и Нарев по направлению к Бресту.

Группа армий «Юг» вела наступление силами трех армий. 8-я и 10-я армии из Силезии наступали на Варшаву с запада и юго-запада. Справа от них из Чехии и Словакии широким фронтом продвигалась на север по южным районам Польши 14-я армия. Часть ее войск 6 сентября захватила г. Краков и оттуда продолжила наступление в северо-восточном направ-

лении с целью соединиться с подвижной группировкой группы армий «Север», наступавшей на Брест, и создать охватывающий фронт восточнее р. Вислы.

Положение польских армий быстро ухудшалось. Оперативное взаимодействие между ними было нарушено. В Гданьске немногочисленный отряд охраны польских транзитных складов на полуострове Вестерплятте до 7 сентября отражал многократные атаки врага. Горстка мужественных патриотов приняла на себя удар намного превосходящих сил противника. Несмотря на ураганный огонь орудий главного калибра германского линкора «Шлезвиг-Гольштейн», непрерывные налеты вражеской авиации, они отбивали одну атаку за другой. И лишь когда кончились боеприпасы, гарнизон капитулировал. Несмотря на ожесточенное сопротивление превосходившим силам противника, поляки были вынуждены оставлять одну позицию за другой. Маршал Рыдз-Смиглы 5 сентября отдал приказ об отступлении всех армий за Вислу и создании обороны на линии Нарев — Висла — Сан. Большинство польских частей, преследуемых противником, устремились на восток.

6 сентября польское правительство перебралось из Варшавы сначала в Люблин, а затем в Кременец. Польское главнокомандование последовало вслед за ним и 7 сентября обосновалось в крепости Брест.

Польское правительство тщетно призывало западных союзников развернуть активные военные действия против Германии. В период с 1 сентября 1939 г. по 10 мая 1940 г. ни одна из сторон на Западном фронте активных боевых действий не вела[14]. В те дни 85 французским дивизиям, в составе которых насчитывалось 2200 танков, на Западном фронте противостояла немецкая группа армий «Ц». Немецкий генерал Н. Форман позднее дал последней такую характеристику: «Только 11 кадровых пехотных дивизий могли быть названы полноценными, все остальные являлись новыми формированиями, совершенно не соответствовавшими по своей подготовке и техническому оснащению требованиям маневренной войны... Группа армий («Ц») не имела ни одного танка, ни одного моторизованного соединения»[15]. Однако англо-французские войска оставались пассивными. Более того, союзники не предложили Польше даже оружия. Начальник имперского генерального штаба Великобритании генерал Э. Айронсайд в ответ на просьбу польской военной миссии о срочном оказании помощи посоветовал закупить вооружение в нейтральных странах[16]. Это фактическое бездействие англо-французских войск во время разгрома Польши вермахтом получило в историографии название «сидячей» или странной войны[17].

Между тем немецкие войска продолжали наступление. За первые дни военных действий, несмотря на упорное сопротивление польских войск, особенно проявленных в боях за побережье, на Варте и Видавке, под Млавой и Мокрой, под Пщиной и Венгерской Гуркой, германскому вермахту удалось достичь значительных успехов. 10-я армия своими главными силами приблизилась к Варшаве с юга-запада. Одна из ее дивизий 8 сентября при поддержке авиации попыталась с ходу взять столицу Польши, но встретила отпор. Началась героическая оборона Варшавы, продолжавшаяся до 28 сентября.

8—9 сентября 10-я армия частью своих сил, наступавших южнее, окружила отступавшую к Висле армию «Пруссы». 10—11 сентября эта польская армия сложила оружие.

Но наступавшая на Варшаву вслед за 10-й армией 8-я немецкая армия неожиданно оказалась в критической ситуации. Войска армии «Познань» и часть армии «Поможе» при отступлении объединились в районе севернее г. Кутно. В результате образовалась группировка в составе девяти дивизий и трех бригад. Для того чтобы обеспечить возможность основным силам этой группировки отступить в Варшаву и укрепить силы ее защитников, по приказу командующего армией «Познань» генерала Т. Кутшебы три дивизии и две бригады форсировали р. Бзуру и нанесли контрудар с севера по открытому левому флангу 8-й армии. Это заставило ее прекратить наступление на Варшаву и перейти к обороне. В последующие дни в наступление перешли несколько дивизий армии «Поможе». Командующий группой армии «Юг» Рундштедт вынужден был снять с варшавского направления и направить на помощь 8-й армии три армейских корпуса 10-й армии. Так завязалось крупное сражение германо-польской войны. В ходе его основные силы польской группировки были окружены

Немецкие пикирующие бомбардировщики Ю-87 в небе Польши

Жители Варшавы роют окопы в сквере на площади Малаховского

Польский солдат на оборонительной позиции

и 19 сентября разгромлены. Но некоторые ее части во главе с Кутшебой прорвали кольцо окружения и пополнили ряды защитников Варшавы. После перегруппировки сил гитлеровское командование приступило к осуществлению плана более глубокого охвата польских соединений, рассчитывая окружить их восточнее Варшавы, а также овладеть центральными районами страны и ее столицей.

9 сентября, когда польские войска потеряли примерно треть своих соединений и частей, польское главнокомандование отдало приказ отступать за Вислу на юго-восток страны и создать там новую оборону. Чтобы воспрепятствовать такому развитию событий, командование сухопутных войск Германии немедленно отдало приказ о наступлении танкового корпуса 3-й армии через р. Нарев на Брест и части сил 14-й армии через р. Сан на Хелм в целях охвата отступающих польских войск к востоку от р. Буг.

В тот же день на Западном фронте передовые французские части на 30-километровом участке продвинулись на глубину до 10 км в предполье линии Зигфрида в Сааре. Вместо того чтобы нанести по противнику мощный удар, передовые отряды 2-й французской группы армий сделали робкую попытку продвинуться вперед. Противостоявшие им немецкие войска, имевшие приказ не ввязываться в бои, организованно отошли на основные позиции. Этой демонстративной акцией, по существу, ограничилась помощь Польше со стороны англо-французской коалиции. Французская вылазка не повлияла на ход войны в Польше. Как писал французский историк Ж. Мордаль, «это была настоящая капитуляция без боя, ответственность за которую ложится в равной степени на тех, кто по ту и другую сторону Ла-Манша осуществлял руководство войной в англо-французской коалиции»[18]. Согласно планам англо-французского командования широкое наступление на Германию с запада должно было состояться лишь в отдаленном будущем, когда Англия и Франция сумеют заполучить себе в союзники США. Растрачивать силы ради спасения такого «малоценного» союзника, как Польша, они не намеревались[19].

Тем временем в Польше основные силы 3-й немецкой армии развернули наступление на варшавское предместье Прагу. Быстрое продвижение немецких соединений, непрерывные бомбардировки железных дорог, нарушения в работе основных радиостанций и узлов связи привели к тому, что к 15 сентября польское руководство окончательно утратило контроль над событиями. Польский фронт, лишенный единого командования, стал распадаться на отдельные части[20]. 16 сентября немцы окружили польскую столицу. 14-я армия приблизилась к Львову, а двигавшийся на соединение с ней подвижный корпус группы армий «Север» 17 сентября достиг района Бреста. Таким образом, немецкое командование воспрепятствовало попыткам остатков польских армий пробиться на юг, в Восточную Галицию, а оттуда в Румынию.

17 сентября советское правительство, используя секретный советско-германский протокол от 23 августа, отдало приказ своим войскам занять восточные районы Польши — Западную Украину и Западную Белоруссию, которые в 1919 г. были захвачены польскими войсками и включены в состав Польского государства. В ночь на 18 сентября польское правительство, утратив контроль над страной, эмигрировало в Румынию. Президент И. Мосьцицкий объявил о своей отставке. Польское правительство в изгнании во главе с генералом В. Сикорским было сформировано 30 сентября в Париже и эмигрировало в Лондон.

28 сентября советские войска, практически не встретив сопротивления, выполнили поставленную перед ними задачу. Их действия мотивировались целью защиты украинцев и белорусов, брошенных польским руководством на произвол судьбы. В то же время эти действия были нарушением подписанных советским правительством с Польшей Рижского договора 1921 г. и Договора о ненападении 1932 г.

Героизмом и мужеством защитников города отмечена 20-дневная оборона Варшавы от немецко-фашистских захватчиков. 10 сентября, когда столица была почти окружена, ее гарнизон состоял из 17 пехотных батальонов, 10 батарей легкой и шести батарей тяжелой артиллерии, батальона танков. Этих сил было недостаточно для защиты такого большого города. Поэтому из жителей и рабочих польской столицы была сформирована Варшав-

ская добровольческая рабочая бригада, в которую вступили более 6 тыс. человек. Оборона польской столицы приняла характер народной борьбы против захватчиков. В ответ люфтваффе обрушило на город тысячи бомб. Только 27 сентября фашистская авиация произвела на Варшаву 1150 самолето-вылетов. Погибали старики, женщины и дети, уничтожались исторические памятники и произведения искусства, разрушались жилые кварталы. Потери среди гражданского населения составили около 25 тыс. убитых и несколько десятков тысяч раненых[21]. 28 сентября командование Варшавского гарнизона, исчерпав все силы и средства, которые можно было использовать для обороны, вынуждено было подписать акт о капитуляции. До конца сентября — начала октября продолжались ожесточенные бои за крепость Модлин, полуостров Хель и в районе Коцка.

Декретом Гитлера от 8 октября западные области страны с населением около 9,5 млн человек были объявлены «немецкими землями» и присоединены к Третьему рейху. Оккупированная Германией часть Польши перешла под управление военных:

— районы Цеханува и Сувалок в сентябре 1939 г. и Белосток в августе 1941 г. были включены в I военный округ;

— Данциг (ныне Гданьск) и северо-западная Польша в сентябре 1939 г. вошли в XX округ, а западная Польша тогда же вошла в XXI округ.

Оставшуюся, юго-восточную, часть страны в сентябре 1942 г. немцы превратили в генерал-губернаторство.

В войне с Польшей вермахт понес относительно небольшие потери: примерно 40 тыс. солдат и офицеров, в том числе 8 тыс. убитыми. Польша же потеряла 66,3 тыс. человек убитыми и 133 тыс. ранеными, 420 тыс. поляков попали в немецкий плен[22].

Быстрый успех вермахта в войне с Польшей объясняется прежде всего политическими просчетами руководства Польши, а также превосходством в силах. Односторонняя внешнеполитическая ориентация Польши на союз с западными державами обусловила ошибочный характер военно-стратегических планов ведения войны. Их осуществление считалось возможным только при условии, если Англия и Франция в случае фашистской агрессии окажут Польше немедленную и эффективную помощь. Однако эти надежды оказались тщетными.

Многие западные историки стремятся оправдать англо-французский отказ от выполнения военных гарантий, данных Польше. Они утверждают, что в сентябре 1939 г. Англия и Франция были не способны дать вооруженный отпор фашистской Германии, поскольку она «располагала решающим военным превосходством». Однако приведенный выше состав сил противоборствующих сторон опровергает подобные утверждения. Дело было не в отсутствии необходимых сил у англо-французских союзников, а в их нежелании всерьез воевать с Германией из-за Польши.

Польская кампания вермахта сыграла значительную роль в развитии военного дела, а также послужила росту авторитета Гитлера, его внешнеполитического курса и военной доктрины. В начале войны высшее командование вермахта сомневалось в правильности военно-теоретических разработок о стратегических наступательных операциях, а также полагало, что Великобритания и Франция будут верны союзным соглашениям с Польшей. По свидетельству западногерманского исследователя Г. Рооса, главный штаб сухопутных войск вермахта имел лишь «предварительные теоретические разработки танковой стратегии»[23]. В то же время поляки «твердо рассчитывали на непосредственную эффективную помощь Англии воздушными и морскими силами. Бесследно прошли исторические уроки прошлого, уже не раз показавшие подлинную цену обещанной помощи Англии, которая умела... воевать... чужими солдатами»[24].

Итоги польской кампании вермахта уже в 1940 г. были проанализированы советскими военными специалистами. В опубликованной в то время работе Г. С. Иссерсона говорилось:

«1. На польской стороне считали, что главные силы Германии будут связаны на Западе выступлением Франции и Англии и не смогут сосредоточиться на Востоке. Исходили из того, что против Польши будет оставлено около 20 дивизий и что все остальные силы будут

Польские артиллеристы на позиции

Подразделение немецкой 4-й танковой дивизии ведет бой на Вольской улице Варшавы

Королевский замок в Варшаве, подожженный немецкой артиллерией

брошены на Запад против англо-французского вторжения. Так велика была вера в силу и быстроту наступления союзников. Таким образом, план стратегического развертывания Германии в случае войны на два фронта представлялся совершенно превратно. Так же оценивались и возможности Германии в воздухе. <...>

2. На польской стороне считали, что в отношении активных действий со стороны Германии речь может идти только о Данциге, и даже не о всем данцигском коридоре, и Познани, отторгнутых от Германии по Версальскому договору. Таким образом, совершенно не уяснили себе действительных целей и намерений противника, сводя весь вопрос уже давно назревшего конфликта к одному Данцигу. Поэтому о Силезском направлении, откуда на самом деле последовал главный удар германской армии, весьма мало заботились.

3. На польской стороне считали, что Германия не сможет сразу выступить всеми предназначенными против Польши силами, так как это потребует их отмобилизования и сосредоточения. Предстоит, таким образом, еще такой начальный период, который даст возможность полякам захватить за это время Данциг и даже Восточную Пруссию»[25].

Наступательные действия вермахта против Польши и оказанное ему сопротивление составляют содержание первой кампании Второй мировой войны, в которой проявились новые черты в развитии форм и способов вооруженной борьбы. Для гитлеровских стратегов

Польша явилась своеобразным испытательным полигоном для проверки теоретических положений о молниеносной войне и об использовании видов вооруженных сил и родов войск в стратегической операции.

Германо-польская война выявила коренные изменения в содержании и характере начальных операций. Большинство намеченных мероприятий по мобилизации и развертыванию вооруженных сил вступивших в войну стран были реализованы в предвоенный период. Однако Германии удалось упредить своих противников в осуществлении этих мероприятий.

Военные действия вермахта в Польше показали, что возросла роль внезапного массированного удара заранее созданными группировками войск. Немецко-фашистское командование стремилось использовать как можно больше сил и средств для нанесения первого удара по противнику, чтобы предопределить успех первой операции и исход всей войны еще в начальный период. При этом самые мощные действия предпринимались на узких участках фронта, где создавалось многократное превосходство в силах и средствах.

В германо-польской войне проявились огромные оперативно-стратегические возможности танковых и военно-воздушных сил, резко возросшее значение взаимодействия танков и авиации. Командование сухопутных сил вермахта (ОКХ) впервые в боевых условиях использовало для прорыва обороны противника и развития успеха такие крупные подвижные войсковые формирования, как танковые дивизии, танковые и моторизованные корпуса. Действия авиации, согласованные по времени и месту с наступлением механизированных войск, позволили за сравнительно короткое время взламывать оборону противника на всю глубину, вводить в прорыв подвижные соединения и быстро развивать успех. Наступательная

Подбитый и сгоревший немецкий легкий танк Т-II на улице Варшавы

Польские военнопленные в Тишольском бору

операция приобрела новые черты: увеличивались ее глубина и темпы ведения, появились условия для маневра в глубине обороны по обходу и окружению противника.

Массированное использование танков и авиации ставило оборонявшихся перед необходимостью иметь глубоко эшелонированную оборону, способную выдержать удар танкового клина, и подвижные резервы для борьбы с прорвавшимся противником. Возросло значение противотанковой и противовоздушной обороны. Польская кампания показала, что линейная оборона, применявшаяся в Первую мировую войну, устарела.

27 сентября, когда немецкие войска завершали военные действия в Польше, Гитлер на совещании высшего командного состава вермахта заявил, что не в интересах Германии безучастно наблюдать, как Англия и Франция будут наращивать свой военный потенциал, а потому «нужно нанести удар в западном направлении и чем быстрее, тем лучше». На следующем совещании, 29 сентября, он сообщил своим генералам о решении разбить Францию еще до наступления зимы[26].

9 октября 1939 г. верховное главнокомандование вермахта (OKB) издало директиву № 6 — план наступления на Францию и на Голландию, Бельгию и Люксембург. Этому плану было присвоено кодовое наименование «Гельб» («Желтый»). Первоначально назначенное на 12 ноября наступление переносилось 29 раз на более отдаленные сроки по причинам неготовности войск, неблагоприятных метеоусловий, а также в целях дезинформации противника и обеспечения внезапности первых ударов.

Одновременно готовилось нападение на Норвегию и Данию. Норвегия была для Германии путем транзита шведской руды и ключом к Северному морю[27]. Поэтому особую заинтересованность в этом плане стало проявлять главнокомандование военно-морских сил (OKM) сразу после разгрома Польши. На необходимости последней настаивал лично главнокомандующий немецким военно-морским флотом гросс-адмирал Эрих Редер[28], при

этом он подчеркивал опасность, исходящую от британского флота[29]. Немцев подталкивали также создававшиеся в Великобритании и Франции экспедиционные силы для отправки в Финляндию для боевых действий против Красной армии. Как полагали в немецком военном руководстве, часть этих сил под различными предлогами останется в Норвегии и Швеции, через которые они будут следовать транзитом. Как отмечал У. Ширер, «это был единственный акт немецкой военной агрессии, в которой решающую роль сыграл немецкий военно-морской флот. Это был также единственный план, для реализации которого ОКВ скоординировало действия всех трех видов вооруженных сил. По существу, с руководством армии даже не посоветовались, к великому раздражению военных. Геринга пригласили на авансцену только в последний момент»[30]. ОКМ рассчитывало создать опорные пункты в норвежских гаванях для базирования действовавших в Атлантике кораблей и подводных лодок, а также в самой северной точке Дании — мысе Скаген в целях контроля входа и выхода из Балтийского моря[31].

Тем временем продолжалась необъявленная германо-английская подводная война. Еще перед началом польской кампании Гитлер отдал приказ развернуть часть немецких подводных лодок и надводных кораблей в Атлантике, чтобы начать морскую блокаду Британских островов. Чтобы выжить и воевать, Великобритания должна была ежегодно доставлять морем до 40 миллионов тонн различных грузов. Гитлер приказал своему флоту наносить удары по самым уязвимым местам Британской империи — ее морским коммуникациям. Один за другим английские транспорты шли ко дну. Несли потери и боевые корабли британского флота. Уже 4 сентября 1939 г., то есть на второй день после объявления Англией войны Германии, немецкая подводная лодка U-30 потопила английский пассажирский лайнер «Атения». Первой громкой победой стало потопление 14 октября 1939 г. подлодкой U-47 английского линейного корабля «Ройял Оук» на английской верфи Скапа-Флоу. Погибло 786 английских матросов и офицеров[32]. Но к весне 1940 г. британскому флоту все же удалось блокировать немецкий флот в Северном море. Гитлер, не уделявший ранее особого внимания соображениям ОКМ по захвату Скандинавии (впервые Редер заявил об этом на совещании 10 октября 1939 г.), вернулся к ним лишь после инцидента с немецким транспортом «Альтмарк» в норвежских водах. 14 февраля 1940 г. «Альтмарк», перевозивший 300 английских военнопленных из Норвегии, был взят англичанами на абордаж, после чего последовала резкая нота британского Адмиралтейства в Осло.

В этих условиях в штабе ОКВ на основе директивы Гитлера от 1 марта 1940 г.[33] был разработан план операции по захвату Дании и Норвегии под кодовым наименованием «Везерюбунг» («Учения на Везере»). Согласно директиве операция должна была проводиться силами 21-й оперативной группы. В ее состав были включены два линкора, семь крейсеров, 14 эсминцев, восемь торпедных катеров, 30 подводных лодок и большое число транспортных судов. Две пехотные дивизии, стрелковая бригада и танковый батальон предназначались для вторжения в Данию, а пять пехотных и одна горнострелковая дивизия — в Норвегию. 800 боевых и транспортных самолетов должны были обеспечить тактическую поддержку ВМС и сухопутных войск, а также воздушные перевозки в Норвегию[34].

Немецкая группировка значительно превосходила датские и норвежские вооруженные силы. Дания имела две дивизии, около 150 самолетов, два броненосца береговой обороны, 17 торпедных катеров, 11 подводных лодок; Норвегия — шесть дивизий милиционного характера, около 200 самолетов, четыре корабля береговой обороны, 24 торпедных катера, девять подводных лодок, 11 минных заградителей, шесть минных тральщиков. Военно-воздушные и военно-морские силы Дании и Норвегии предназначались лишь для выполнения задач боевого охранения. Их сухопутные войска были плохо вооружены и слабо обучены. Однако британское командование заранее знало о подготовке Германией «Учений на Везере»[35]. Только 8 апреля, английские ВМС начали минирование норвежских вод. Но было уже поздно.

Без объявления войны на рассвете 9 апреля началось вторжение немецких войск в Данию и Норвегию. Немецкие десанты под командованием генерала Фалькенхорста высадились в портах Нарвик, Тронхейм, Берген, Кристиансанн и Осло, а также на аэродромы Форнебю в Осло и аэродром в Ставангере. После того как прогремели первые выстрелы, немецкие

Немецкий зенитчик прикрывает войска, участвующие
во вторжении в Данию. Апрель 1940 г.

Немецкий тяжелый крейсер «Адмирал Хиппер»
атакует британский эсминец «Глоуворм»

Немецкие солдаты в горящей норвежской деревне. Весна 1940 г.

Колонна британских военнопленных под конвоем немецких солдат в Норвегии

посланники в Копенгагене и Осло вручили датскому и норвежскому правительствам ультиматумы, чтобы они немедленно приняли меры по обеспечению беспрепятственной оккупации их стран. Датский король Кристиан X и его правительство подчинились. Внезапность и быстрота немцев поразили датского монарха[36]. Он обратился к народу с призывом «сохранять спокойствие и порядок», «воздерживаться от всякого сопротивления немцам»[37]. К концу дня немецкие войска, потеряв два человека убитыми и 10 ранеными, оккупировали Данию. Успеху вермахта способствовали быстрые и скоординированные действия войск. Для их переброски непосредственно в Копенгаген были использованы пассажирские паромы, быстро отрезан и захвачен главный узел связи датских войск.

Иначе развивались события в Норвегии. Утром 9 апреля норвежское правительство отклонило германский ультиматум, но колебалось: вступать в борьбу или капитулировать. В стране была объявлена частичная мобилизация. Береговой батарее в Осло-фиорде, которая встретила огнем появившиеся там немецкие корабли и потопила тяжелый крейсер «Блюхер», был отдан приказ прекратить огонь. Затем все высшее политическое и военное руководство Норвегии эвакуировалось из Осло в глубь страны. Одна из норвежских дивизий, находившаяся в окрестностях столицы, вместо того чтобы вступить в бой с высадившимся немецким парашютным десантом, отступила к границе соседней Швеции. Вскоре немецкие войска без каких-либо помех вступили в Осло. Вечером с согласия немецкого командования по радио Осло выступил лидер норвежских фашистов В. Квислинг. Он объявил о создании своего правительства и распорядился отменить мобилизацию[38].

Растерянность норвежского руководства и пособничество «пятой колонны» во главе с Квислингом позволили немецким войскам в первый же день операции «Везерюбунг» захватить не только столицу Норвегии, но и все крупные портовые города: Кристиансанн и Берген — в южной, Тронхейм — в центральной и Нарвик — в северной части побережья.

Норвежское правительство приняло решение дать отпор агрессору лишь 11 апреля, когда бóльшая часть личного состава его сухопутных войск или дезертировала, или сдалась в плен противнику. Тем не менее главнокомандующему норвежской армией генералу О. Рюге через несколько дней, когда Южная Норвегия была уже занята противником, удалось собрать под своим командованием до 60 тыс. человек из различных воинских частей, резервистов и добровольцев. Используя особенности местности, они вели сдерживающие бои в надежде на помощь со стороны Англии и Франции.

Нападение Германии на Данию и Норвегию оказалось для руководства англо-французской коалиции неожиданным. Несмотря на это, английский флот 10 и 13 апреля в ходе двух атак в фьордах Нарвика потопил 10 эсминцев, подводную лодку, транспорт с оружием, шесть торговых судов противника и блокировал с моря немецкий десант, высадившийся в Нарвике. Однако дальнейшие действия западных союзников, хотя и принесли немало беспокойства немецкому командованию, в целом были неудачны. Сначала англо-французское командование решило направить свои войска в район Нарвика. 14 апреля там высадились первые английские части. Но к тому времени было принято новое решение о высадке войск не в Северной, а в Центральной Норвегии. С 17 по 27 апреля в г. Намус (в 135 км севернее Тронхейма) и в г. Ондальснес (примерно в 100 км южнее Тронхейма) высадились до 13 тыс. солдат и офицеров[39]. Из Намуса войска союзников начали наступление на Тронхейм, а из Ондальснеса — в направлении на Осло. Этими действиями союзники нарушили снабжение немецких войск по железной дороге из Южной Норвегии в Тронхейме и Нарвике. Для того чтобы исправить положение, верховное командование вермахта срочно сформировало 5-й воздушный флот, который начал «неограниченную воздушную войну» против англо-французских и норвежских войск в Центральной Норвегии. Господство немецких ВВС в воздухе заставило немногочисленные войска союзников 1—2 мая эвакуироваться из Намуса и Ондальснеса. Норвежские войска, действовавшие в Центральной Норвегии, лишились всякой помощи. 3 мая они вынуждены были капитулировать.

В начале мая англо-французское командование решило попытаться разгромить противника в Северной Норвегии. Численность союзных англо-франко-польских войск в районе

Бои в Норвегии. Апрель 1940 г.

Нарвика с учетом частей, прибывших из Намуса и Ондальснеса, была доведена до 25 тыс. человек[40]. Им удалось потеснить немецкие войска в Нарвике под командованием Э. Дитля, насчитывавшие примерно 4500 человек, и занять удобные позиции для наступления. Но начавшееся 10 мая наступление немецких войск в Западной Европе вынудило союзное командование принять решение о прекращении борьбы в Норвегии. 28 мая англо-французские войска выбили немецкие подразделения из Нарвика для того, чтобы создать выгодные условия для эвакуации. 8 июня их последние части покинули Нарвик. Через два дня капитулировали остатки норвежских войск. Норвежский король Хокон и его правительство эмигрировали в Лондон. 19 апреля 1940 г. Гитлер назначил имперским комиссаром Норвегии Йозефа Тербовена, который отличился в карательных акциях против партизан и мирного населения.

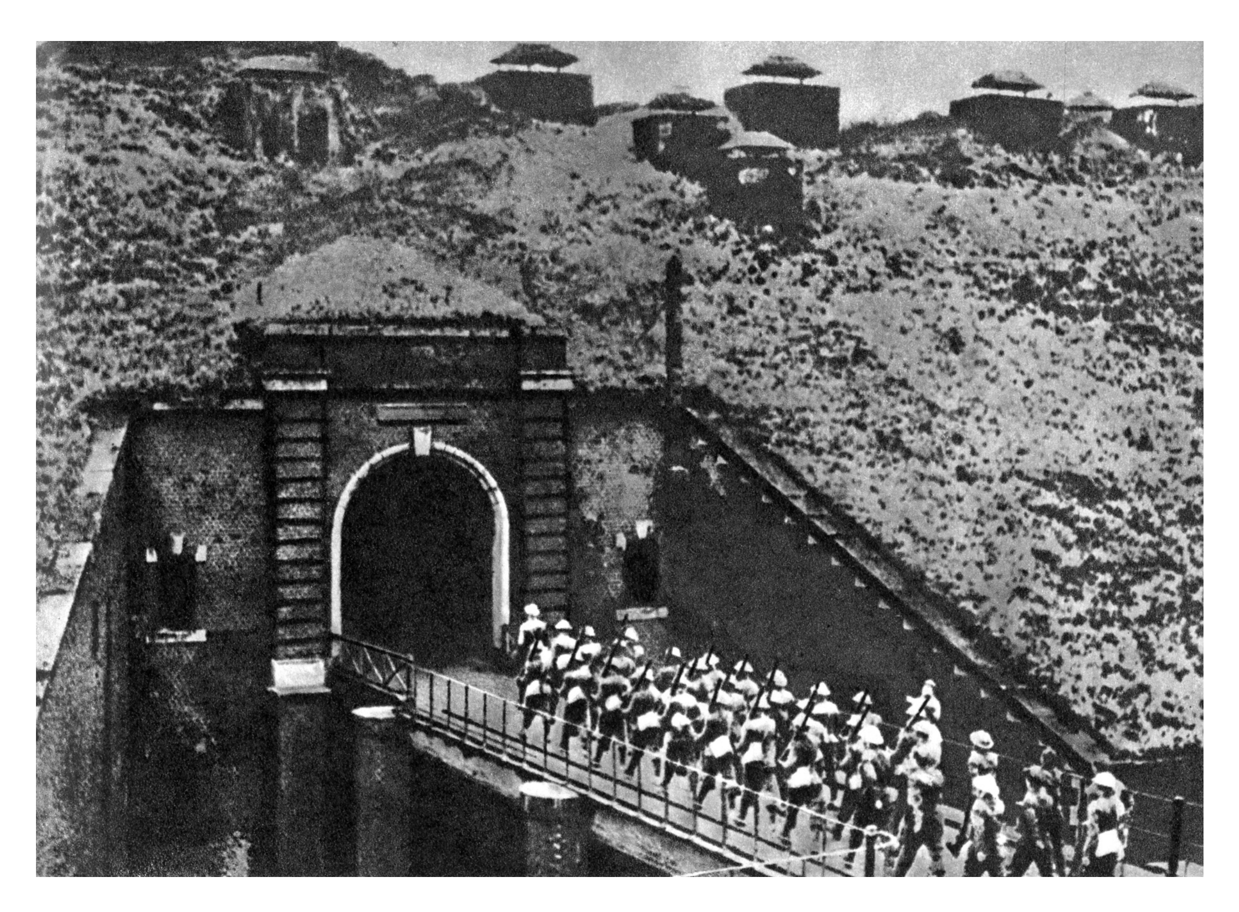
Благодаря захвату двух скандинавских стран германские вооруженные силы получили возможность создать на их территории выгодные базы для дальнейшего ведения войны на море и в воздухе. Обратной стороной этого успеха была слишком большая цена, которую пришлось заплатить германским ВМС. В ходе операции «Везерюбунг» они потеряли один тяжелый и два легких крейсера, 10 эсминцев, один торпедный катер, т. е. около половины своих надводных боевых кораблей, шесть подводных лодок и несколько десятков малых и больших транспортных судов[41]. Германия получила стратегически важный плацдарм на севере Европы, расширила район базирования флота и авиации и обеспечила подвоз стратегического сырья из скандинавских стран. С другой стороны, увеличение военно-морских баз вело к растягиванию коммуникаций германского флота, что было крайне нежелательно на фоне более мощных британских ВМС. Невелико для последующих событий было значение захваченных аэродромов, поскольку большинство немецких самолетов по боевым характеристикам не были готовы производить бомбардировку Англии, и тем более Франции, с норвежских аэродромов.

Одним из следствий норвежской кампании вермахта стали возникновение собирательного образа Квислинга как наймита гитлеровцев и обострение страха у возможных жертв гитлеризма перед «пятой колонной» — орудия психологической войны нацизма. Как отмечают современные исследователи, «идея подрывной работы изнутри могла привлечь Гитлера и Розенберга, но одного соблюдения секретности было достаточно, чтобы не посвящать добровольного союзника в свои военные планы. Квислинг с самого начала был источником политических трудностей и основной причиной неудачи запланированной «мирной оккупации»[42].

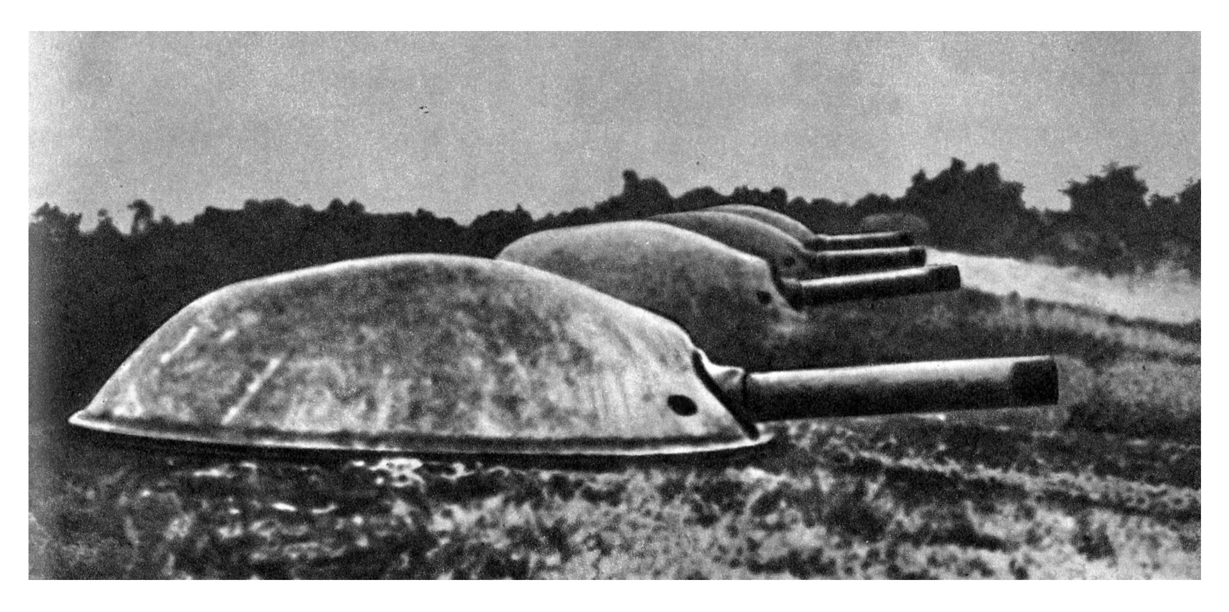
Поражение союзников в Норвегии не изменило оптимистических прогнозов англо-французского командования[43]. Оно предполагало, что немцы нанесут удары в направлениях: Ахен — Льеж — Мобеж; Ахен — Шарлевиль; через Люксембург на Тьонвиль, Саарлуи — Мец; или через Голландию на Антверпен и Лиль, или через Швейцарию на Бельфор[44]. Поэтому находившиеся у западной границы Германии англо-французские войска бездействовали с сентября 1939 г. до мая 1940 г., ожидая действий вермахта. Правительства Англии и Франции надеялись склонить Германию к заключению мира, который позволил бы ей без опасения за свой тыл на западе продолжить агрессию на востоке. Но у германского руководства были иные планы. Оно намеревалось разгромить англо-французскую коалицию и лишь затем начать войну против СССР.

В апреле 1940 г. были завершены последние приготовления вермахта к наступлению на Западном фронте. Группировка немецких войск состояла из 136 дивизий (в их числе 10 танковых и семь моторизованных, имевших 2,6 тыс. танков и 7,4 тыс. артиллерийских орудий калибра 75 мм и выше). В составе двух воздушных флотов насчитывалось свыше 3,8 тыс. боевых самолетов. Общая численность личного состава наступательной группировки достигала 3,3 млн человек.

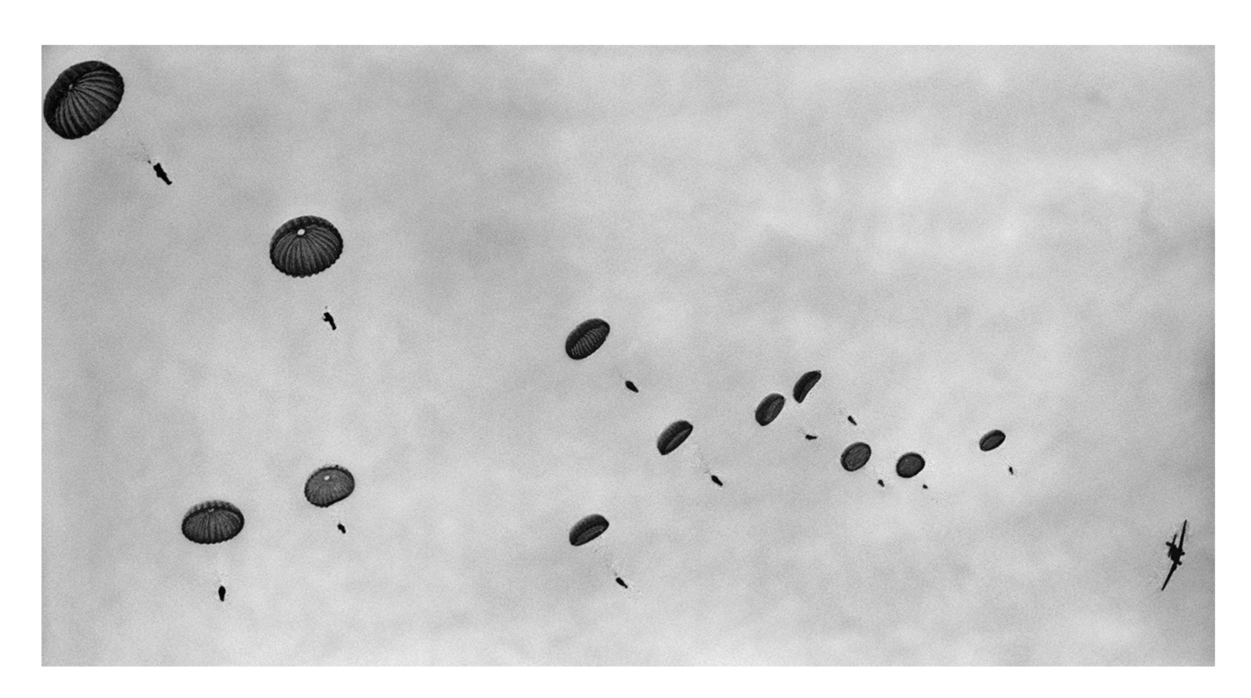
В противостоявших ей войсках Англии, Франции, Бельгии и Голландии было 147 дивизий (из них три танковые, три механизированные и 17 моторизованных), более 14,5 тыс. артиллерийских орудий калибра 75 мм и выше, около 3,8 тыс. боевых самолетов. Общая численность союзных войск достигала 3,8 млн человек[45]. Их основой являлись три группы французских



Подразделение британских экспедиционных войск занимает позицию на линии Мажино



Участок линии Мажино



Немецкие парашютисты над фортом Эбен-Эмаэль

Немецкие войска в Люксембурге. Май 1940 г.

Британский подрывник готовится взорвать мост в районе Леувен в Бельгии, чтобы задержать продвижение немецких частей. Май 1940 г.

Бельгия: проводы на фронт

армий (командующий генерал Ж. Жорж) и британские экспедиционные силы (командующий генерал Д. Горт). Различие в соотношении сил было невелико. Однако войска союзников уступали противнику в боевой подготовке, не имели опыта крупномасштабных наступательных операций с применением современных средств вооруженной борьбы и в отличие от немецких войск единого командования.

Согласно директиве на развертывание войск по плану «Гельб», изданной главным командованием вермахта 24 февраля 1940 г.[46], на Западном фронте было создано три группы армий. На северном его крыле от Северного моря до Ахена исходные позиции заняла группа армий «Б» (командующий генерал-полковник Ф. Бок); в центре фронта от Ахена до Мозеля — группа армий «А» (командующий генерал-полковник Г. Рундштедт); на южном крыле фронта в Сааре и вдоль Верхнего Рейна — группа армий «Ц» (командующий генерал-полковник В. Лееб). Чтобы в максимально короткий срок сломить оборону противника, было принято решение нанести главный удар в полосе группы армий «А» через бельгийские Арденны, которые, по общепринятому тогда мнению, из-за слабо развитой сети горных дорог считались малопригодными для продвижения крупных масс войск. В состав группы армий «А» было включено танковое соединение под командованием генерала Э. Клейста (пять танковых и три моторизованные дивизии). Ему была поставлена задача прорваться через Арденны к Ла-Маншу, отрезать находившиеся восточнее войска западных союзников и во взаимодействии с группой армий «Б» разгромить их. Группа армий «Ц», развернутая в Сааре и на Верхнем Рейне, должна была в это время сковать противостоявшие ей французские войска на германо-французской границе, занимавшие укрепления так называемой линии Мажино; 2-й и 3-й воздушные флоты в первые часы наступления должны были уничтожить на аэродромах основную массу самолетов противника, а затем поддержать свои сухопутные войска на направлениях главных ударов.

Французский генеральный штаб при планировании военных действий против Германии отдавал предпочтение позиционным формам борьбы. В ходе длительной обороны на линии Мажино он рассчитывал ослабить противника, а затем в ходе наступления разгромить его. Учитывая опыт Первой мировой войны, французское военное командование не исключало, что немецкие войска предпримут наступление через бельгийскую равнину севернее Арденн. В этом случае согласно утвержденному им осенью 1939 г. плану под кодовым наименованием «Диль» часть французских и английских сил должна была выдвинуться из-за линии Мажино в Бельгию и Голландию и создать там фронт по линии Намюр — Диль — Антверпен.

10 мая 1940 г. на рассвете Риббентроп сообщил послу Бельгии и посланнику Нидерландов в Берлине, что германские войска перейдут государственную границу их стран якобы в целях обеспечения нейтралитета перед лицом нависшей угрозы нападения англо-французских армий. Почти сразу после заявления Риббентропа 18-я немецкая армия вторглась в северо-восточные провинции Нидерландов, прорвала оборонительные позиции на линии Пел. Голландские войска отступили за водные преграды в «Крепость Голландия»[47]. Начала боевые действия авиация. Она нанесла удары по 72 аэродромам Бельгии, Голландии и Франции. Почти вся бельгийская и голландская авиация была уничтожена на земле, а французская понесла тяжелые потери. Затем немецкие ВВС приступили к бомбардировке военных сооружений и скоплений войск противника. В тылу бельгийских и голландских войск были выброшены воздушные десанты, которые начали захватывать и разрушать оборонительные укрепления с целью обеспечить высокие темпы наступления своих войск. Под натиском 6-й немецкой армии, двигавшейся к главной полосе обороны союзников на рубеже реки Диль, бельгийские войска отступали на запад. Десантные группы овладели мостами через реку Маас и канал Альберта.

Для наступления севернее Мааса в направлении плато Жамблу командующий 6-й армией выдвинул вперед 16-й танковый корпус. Ему предстояло 13 мая вступить в бой с передовыми французскими танковыми частями корпуса генерала Р. Приу, вошедший в историю как один из первых крупных танковых боев Второй мировой войны[48].

Усилиями 85 немецких десантников была проведена успешная операция на территории форта Эбен-Эмаэль. Встроенный в массив горы, он имел подвижной бронированный купол

Немецкая пехота марширует по французскому городу. Май 1940 г.

Немецкий танк T-III в районе реки Эна. Июнь 1940 г.

Экипаж французского танка перед своей машиной

Танк T-III из состава 7-го танкового полка 10-й танковой дивизии вермахта, подбитый во Франции

с двумя 120-мм пушками, два бронированных купола с двумя 75-мм пушками в каждом, четыре артиллерийских каземата (12 пушек калибра 75 мм), огневые позиции для 12 противотанковых 60-мм пушек, большое количество пулеметных гнезд. Гарнизон форта насчитывал 1200 человек. Артиллерия форта Эбен-Эмаэль могла держать под почти непрерывным огнем все мосты через Маас у Маастрихта и через канал Альберта. Поэтому подготовке спецотряда вермахта было уделено особое внимание. Десантники почти год оттачивали свое мастерство на специально сооруженном макете форта в натуральную величину[49]. Приблизившись, они забросали входы форта гранатами. Используя специальные (на тот момент сверхсекретные) кумулятивные заряды, уничтожили перископы и вывели из строя бронеколпаки[50]. Форт имел запасы продовольствия и боеприпасов на 30 суток, но продержался всего один день. После падения форта оборона бельгийцев на канале Альберта простояла один день и рухнула.

В целом боевые действия вермахта на первом этапе похода на Францию (10 мая — 4 июня) развивались так, как их запланировали в Берлине. В то время, когда в соответствии с планом «Диль» англо-французские войска своим левым флангом выдвигались в Бельгию и Голландию с целью создать там оборону, танковая группа Клейста в течение двух дней, не встретив какого-либо сопротивления, преодолела Арденны и достигла р. Маас. 13 мая она захватила плацдарм на его западном берегу. В результате массированного применения танков и авиации группа армий «А» быстро продвинулась на северо-запад. 20 мая ее передовые танковые части вышли к Ла-Маншу у г. Абвиль. В результате англо-французские войска, выдвинувшиеся в северо-восточные районы Франции и Бельгии, оказались отрезанными. К этому времени группа армий «Б» сломила сопротивление голландских войск. Правительство Голландии 15 мая капитулировало. 18 мая немецкие войска вступили в Брюссель и Антверпен.

Внезапность и тактическая новизна во многом способствовали достижению вермахтом своих целей. Одним из примеров может служить захват немецкими десантниками практически неприступного форта Эбен-Эмаель — ключевой позиции бельгийской обороны.

21 мая группы армий «А» и «Б» начали концентрическое наступление против отрезанных во Фландрии англо-французских войск. Попытки французского командования сорвать это наступление контрударами не имели успеха. 24 мая танковые соединения группы армий «А» неожиданно получили приказ остановить наступление (так называемый «стоп-приказ») и использовать короткую передышку для подготовки к участию в новом этапе вооруженной борьбы. Выдвигаются различные версии по этому поводу, среди которых основными являются:

— необходимость восстановления танкового парка;
— переоценка возможностей германской авиации;
— предпосылка для сговора между Германией и Англией.

Не одна из версий не имеет однозначных аргументов в свою пользу, и вопрос, с исследовательской точки зрения, остается нерешенным. Однако современные немецкие исследователи склоняются к политическим причинам[51]. «Стоп-приказ» оставался в силе до вечера 26 мая.

Так или иначе, но приостановка наступления вермахта позволила отрезанным войскам союзников создать временную оборону вокруг портового города Дюнкерк и 26 мая приступить к эвакуации на Британские острова (операция «Динамо»). Капитуляция 28 мая Бельгии значительно ухудшила их положение. Бросив все свое тяжелое вооружение, 340 тыс. английских и французских солдат и офицеров до 4 июня успели все же переправиться под прикрытием английской авиации через Ла-Манш в Англию[52].

Тем временем окруженные гарнизоны Булони и Кале оказывали мужественное сопротивление, но 25 мая фашистские войска все-таки захватили Булонь, а 26-го — Кале. 27 мая король Бельгии Леопольд III принял решение о капитуляции. И в ночь с 27 на 28 мая был подписан протокол о безоговорочной капитуляции, по условиям которой бельгийская армия разоружалась и весь ее личный состав считался в плену немецких войск.

27 мая, когда англичане начали эвакуацию из Дюнкерка, приказ об остановке танков Клейста на рубеже Аа был отменен. Войска Рундштедта нанесли два рассекающих удара с запада в направлении Ипра и Турне, чтобы разгромить противника и соединиться с группой

армий «Б», наступавшей с востока. Союзники вели упорные бои, но не могли противостоять и начали отход. Отступление британских войск за рубеж реки Лис создало тяжелую обстановку для шести французских дивизий в районе Лилля. Они оказались отрезанными от основной группировки своих войск и вели борьбу в окружении. 31 мая они вынуждены были сложить оружие.

Французскому командованию в сложившейся обстановке стало ясно, что о какой-либо длительной обороне плацдарма в районе Дюнкерка не может быть и речи. 28 мая французское адмиралтейство поручило контр-адмиралу Ландрио создать флотилию для эвакуации своих войск. В состав флотилии было включено девять эсминцев, шесть миноносцев, около 20 других военных кораблей и почти 200 гражданских судов.

28 и 29 мая войска союзников отошли на небольшой плацдарм у Дюнкерка. Тем временем в Дюнкерке осуществлялась операция «Динамо», которой англичане и американцы придают огромное значение, чуть ли не переломное в войне[53]. Войска союзников, отойдя на узкий плацдарм у Дюнкерка, организовали оборону по каналам Мардик, Бас-Кольм и далее к побережью восточнее Ла-Панна.

31 мая Горт покинул Францию. На плацдарме остались три английские дивизии под командованием генерала Г. Александера, которые были эвакуированы к 3 июня. За этот период оттуда удалось вывезти 338 тыс. человек, из которых 215 тыс. составляли англичане, а 123 тыс. — французы, бельгийцы и поляки. Англичане бросили всю артиллерию и почти все военное имущество. В ходе эвакуации союзниками было потеряно 224 корабля и транспортных судна и 106 самолетов[54]. 4 июня в Дюнкерк вошли немецкие войска.

С его падением закончилась первая стратегическая операция вермахта, имевшая целью разгром союзных войск в Бельгии и Северной Франции. После окончания боевых действий под Дюнкерком немецко-фашистское командование начало вторую стратегическую операцию во Франции под кодовым названием «Рот». Реализация плана «Рот» состояла из двух частей: предварительных атак 5 июня на западе через реку Сомма в сторону Сены и основного наступления 9 июня в центре над рекой Эна.

Успех вермахта на первом этапе наступления вызвал пораженческие настроения среди французских руководителей. 18 мая на пост вице-председателя совета министров был назначен маршал А. Петэн, а 19 мая состоялась замена начальника французского генерального штаба генерала М. Гамелена генералом М. Вейганом. Оба военных деятеля были известны как сторонники примирения с германским нацистским режимом.

После утраты северо-восточных областей Франция оказалась в тяжелейшем положении. До 30 ее дивизий были уничтожены. Из 71 оставшейся дивизии 48 заняли оборону от устья р. Сомма до линии Мажино. 17 дивизий оборонялись на самой линии. Еще шесть дивизий прикрывали в Альпах границу с Италией. Перечисленные соединения были ослаблены в боях, имели большой некомплект личного состава и вооружения. Численное и качественное превосходство было на стороне вермахта. В его трех группах армий насчитывалось 117 дивизий: 93 из них были готовы наступать на французские позиции от устья р. Сомма до линии Мажино; четыре дивизии обеспечивали их прикрытие с моря в районе Дюнкерка; 20 дивизий были развернуты против линии Мажино.

Для операции «Рот» с немецкой стороны всего было развернуто 140 немецких дивизий, из них 10 танковых, и две моторизованные бригады. Группа армий «Б» под командованием генерал-полковника Бока в составе 4, 6 и 9-й армий (48 дивизий, из них шесть танковых и четыре моторизованные, и две моторизованные бригады) заняла позиции от побережья по Сомме, каналу Уаза — Эна до реки Эна. В задачу группы армий входило: с рубежа реки Сомма наступать в южном направлении и захватить Гавр и Руан на Сене, левым флангом занять южный берег канала Уаза — Эна и выйти на линию южнее Суассона, Компьеня, обеспечивая нанесение главного удара. В составе войск генерала Бока находились 15-й танковый корпус Гота, который должен был наступать с плацдарма у Абвиля к устью Сены, и танковая группа Клейста (16-й танковый и 14-й моторизованный корпуса), имевшая задачу вести наступление восточнее Парижа и захватить переправы на Марне.

Руководители государств — участников войны против СССР

А. Гитлер

Б. Муссолини

Х. Тодзио

И. Антонеску

М. Хорти

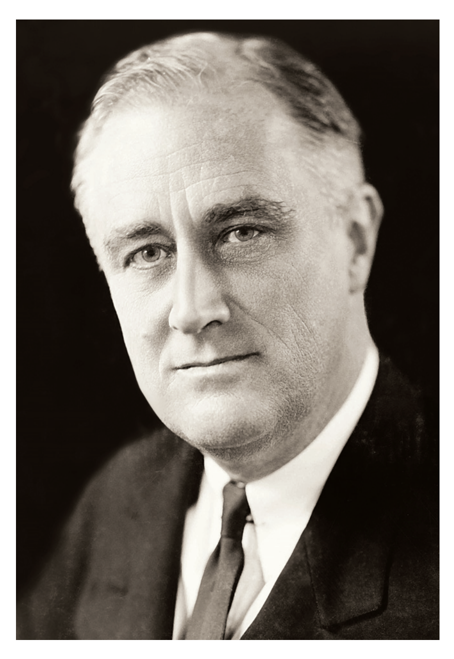
К.-Г. Маннергейм

Ф. Франко

Й. Тисо

Политические деятели и дипломаты государств антигитлеровской коалиции

У. Черчилль



Ф. Рузвельт

Ш. де Голль

И. Броз Тито

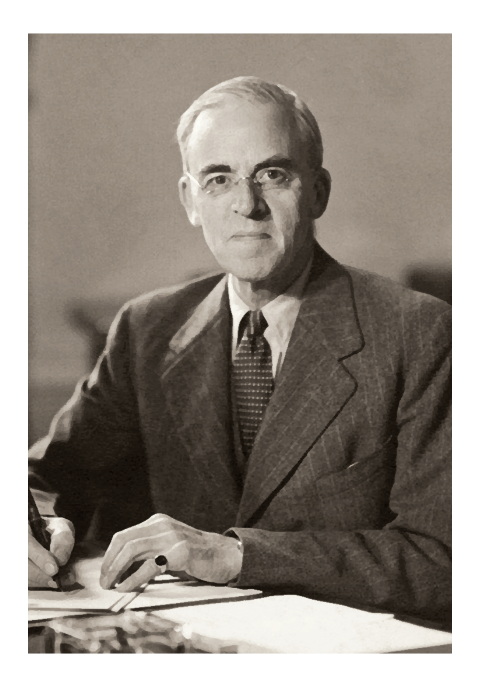
М. Литвинов

Г. Гопкинс

А. Гарриман

Э. Бенеш

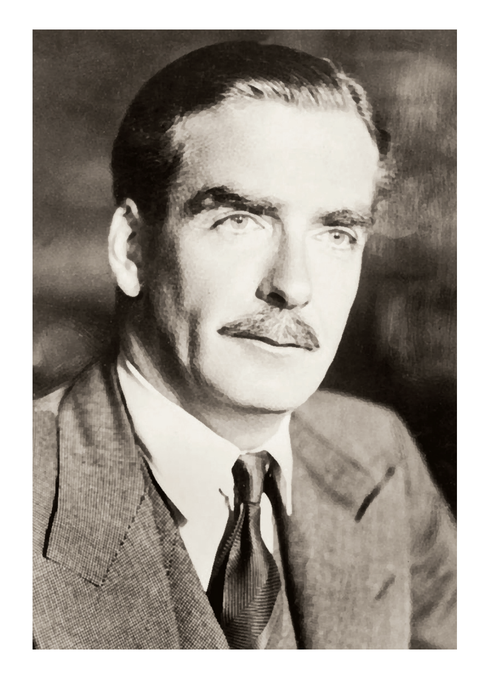
К. Хэлл



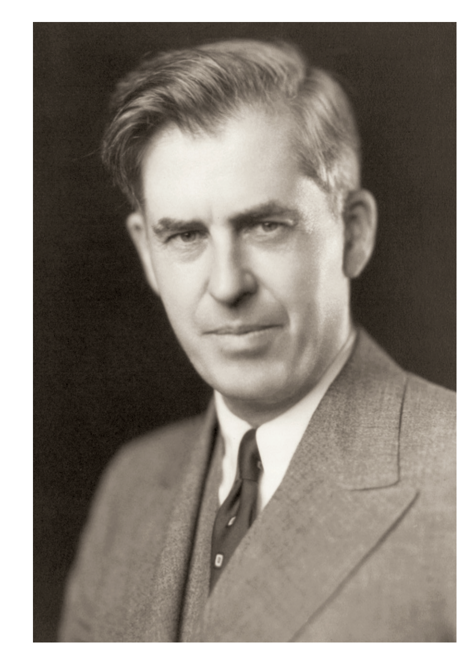
С. Криппс

К. А. Уманский

И. М. Майский

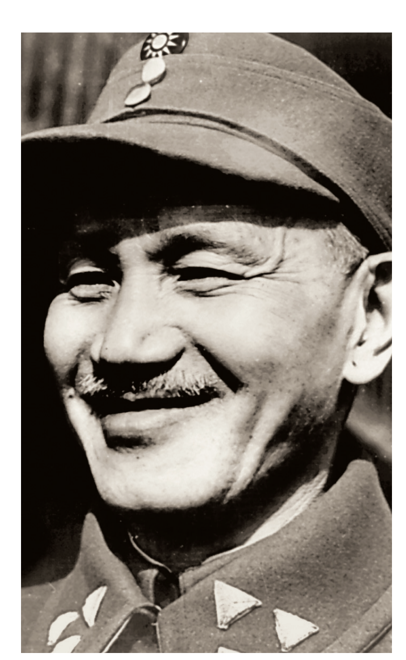


А. Иден



С. Уэллес

В. Сикорский



Чан Кайши

Мао Цзэдун

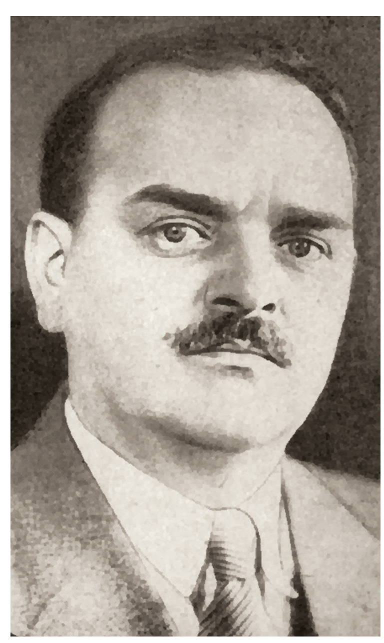
Политические и общественные деятели СССР

Н. А. Вознесенский

А. И. Микоян

Л. М. Каганович

А. А. Жданов

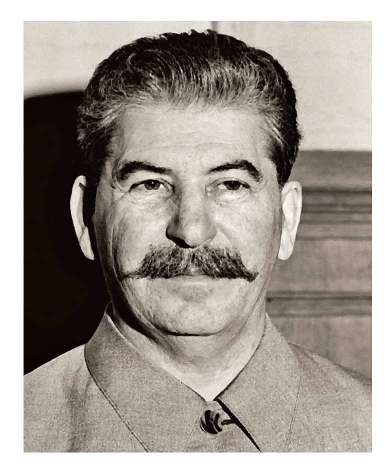


Н. М. Шверник

Патриарх Сергий

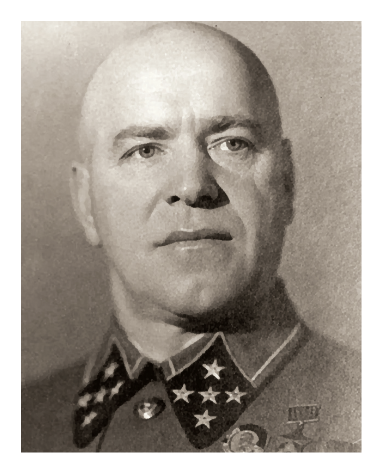
Ставка Верховного главнокомандования
(состав на 23 июня 1941 г.)

С. К. Тимошенко
(Председатель СВГК)


И. В. Сталин

К. Е. Ворошилов

В. М. Молотов


Г. К. Жуков

С. М. Буденный

Н. Г. Кузнецов

Танк «Матильда I» прикрывает отступление английской пехоты к Дюнкерку. Конец мая 1940 г.

Английские солдаты, взятые в плен немцами в Дюнкерке

Группа армий «А» под командованием генерал-полковника Рундштедта в составе 2, 12 и 16-й армий (45 дивизий, из них четыре танковые и две моторизованные) занимала фронт по реке Эна и далее на восток до границы с Люксембургом и должна была нанести удары по обе стороны Реймса в общем направлении на Бар-ле-Дюк, Сен-Дизье. Для усиления войск Рундштедта была сформирована танковая группа генерала Гудериана (39-й и 41-й танковые корпуса), которая должна была действовать в направлении плато Лангр, заходя в тыл линии Мажино.

Группа армий «Ц» (20 пехотных и четыре крепостные дивизии) под командованием генерал-полковника Лееба занимала позиции по линии Зигфрида и Рейну в готовности к прорыву линии Мажино.

Военно-воздушным силам ставилась задача обеспечить господство в воздухе, оказать непосредственную поддержку сухопутным войскам, сорвать попытки противника создать способные к сопротивлению группировки сил.

18-я армия (четыре пехотные дивизии) дислоцировалась в районе Дюнкерка, обеспечивая оборону побережья. В ходе операции «Рот» планировался ввод этой армии в сражение для наращивания сил наступления. В резерве главнокомандования сухопутных войск оставалось 19 пехотных дивизий.

5 июня находившаяся на правом крыле фронта группа армий «Б» перешла в наступление в западном направлении к р. Сена и в южном направлении к Парижу. Начался второй этап западного похода вермахта, который завершился 22 июня. Группа армий «Б», сломив упорное сопротивление противника, развернула наступление в западном и южном направлениях. 14 июня ее войска без боя захватили Париж, который французское правительство заблаговременно провозгласило открытым городом. 19 мая часть войск этой группы армий вышла на побережье Атлантики в районе г. Брест.

8 июня танковые части Гота вышли в район Эльбефа (юго-восточнее Руана). Успехи немецко-фашистских войск на руанском направлении облегчили наступление 6-й армии генерала Рейхенау, которая теснила 7-ю французскую армию и продвигалась на Компьень. 9-я армия немцев форсировала реку Эна у Суассона и вынудила отступить левый фланг 6-й французской армии генерала Тушона. Оборона французов на Сомме пала. Формировалась новая линия фронта от устья Сены до Понтуаза на реке Уаза, далее через Санлис к рубежу реки Урк. Северо-западнее столицы выдвигалась Парижская армия.

После крупных успехов наступления группы армий «Б» командование вермахта получило возможность развивать дальше операцию «Рот».

Группа армий «А» 9 июня перешла в наступление из Северо-Восточной Франции в юго-восточном направлении. У границы Швейцарии ее войска повернули на восток и ударили с тыла по французским войскам, занимавшим южную часть линии Мажино. Немецким войскам удалось создать плацдарм. В сражение была введена танковая группа Гудериана, которая, выйдя на оперативный простор, должна была стремительно продвигаться в южном направлении на плато Лангр, обходя с запада французские войска на линии Мажино. Французское командование предприняло контрудар силами трех резервных дивизий. Но попытка организовать активное противодействие противнику не увенчалась успехом. Контрудар лишь на некоторое время задержал продвижение немецких войск. Одновременно войска группы армий «Ц» развернули наступление на северную часть линии Мажино в районе г. Саарбрюккен. Под ударами с тыла и фронта французские войска были вынуждены начать отход в глубь страны, но были вскоре окружены противником и сложили оружие.

Итальянское правительство, уверовав в близкую победу Германии в войне на западе, 10 июня 1940 г. объявило войну Англии и Франции. Оно рассчитывало, что на правах союзника Германии ему удастся при заключении победоносного мира существенно расширить сферу своего господства в Средиземноморском бассейне и в Северной Африке. Фашистские войска открыли боевые действия, поскольку союзники вопреки ранее разработанным планам, не стали атаковать военно-морские базы и промышленные центры Италии. Более того, верховный совет англо-французского командования принял решение воздержаться от проведения крупных операций против Италии.

Английские и французские военнопленные.
Северная Франция. Лето 1940 г.

На начало наступления итальянская группа армий «Запад» принца Умберто II насчитывала 323 тыс. человек, объединенных в 22 дивизии, которые к концу наступления возросли до 32 дивизий, и имела 3 тыс. орудий и минометов. В резерве находились 7-я армия и танковые части[55]. Но какого-либо военного вклада в разгром Франции Италия не внесла. Попытки итальянских войск прорваться через итало-французскую границу в Альпах в Южную Францию были сорваны противостоявшими им шестью французскими дивизиями.

На франко-германском фронте сложилось катастрофическое положение. 12 июня на западном участке оборонительной позиции перед Парижем противник форсировал Сену. На востоке южнее рубежа реки Марна немецкие войска достигли Монмирайа. В Шампани неудержимо продвигались на юг танковые соединения группы армий Рундштедта.

С согласия правительства Вейган отдал приказ сдать врагу столицу без боя. Утром 14 июня гитлеровские войска вступили в Париж. Огромный город опустел. Три четверти населения покинули его. Во Франции разразилась гуманитарная катастрофа, жертвами которой стали более 6 млн беженцев.

На фронте организованное сопротивление французских войск было сломлено. В соответствии с директивой Вейгана французские армии начали общее отступление, стремясь выйти из-под ударов немецко-фашистских войск и занять линию Кан (на побережье Ла-Манша), Тур, Средняя Луара, Кламси, Дижон, Доль.

Под натиском немецко-фашистских войск французские армии отступали, теряя управление, не успевая закрепиться на каком-либо рубеже. Танковая группа Клейста достигла Сены северо-западнее Труа и продолжала наступление в направлении Лиона.

15 июня войска Гудериана взяли старую французскую крепость Лангр. На следующий день был захвачен Гре, а 17 июня — Безансон. Немецкие танки достигли швейцарской границы у Понтарлье.

17 июня танковая группа Гудериана продолжала глубокий обход линии Мажино, отрезая французские войска в Эльзасе и Лотарингии.

19 июня части 10-й французской армии прекратили сопротивление. Немецко-фашистские войска захватили французскую военно-морскую базу Брест. На побережье Атлантического океана немецкие соединения захватили Сен-Назер, Нант и Ла-Рошель.

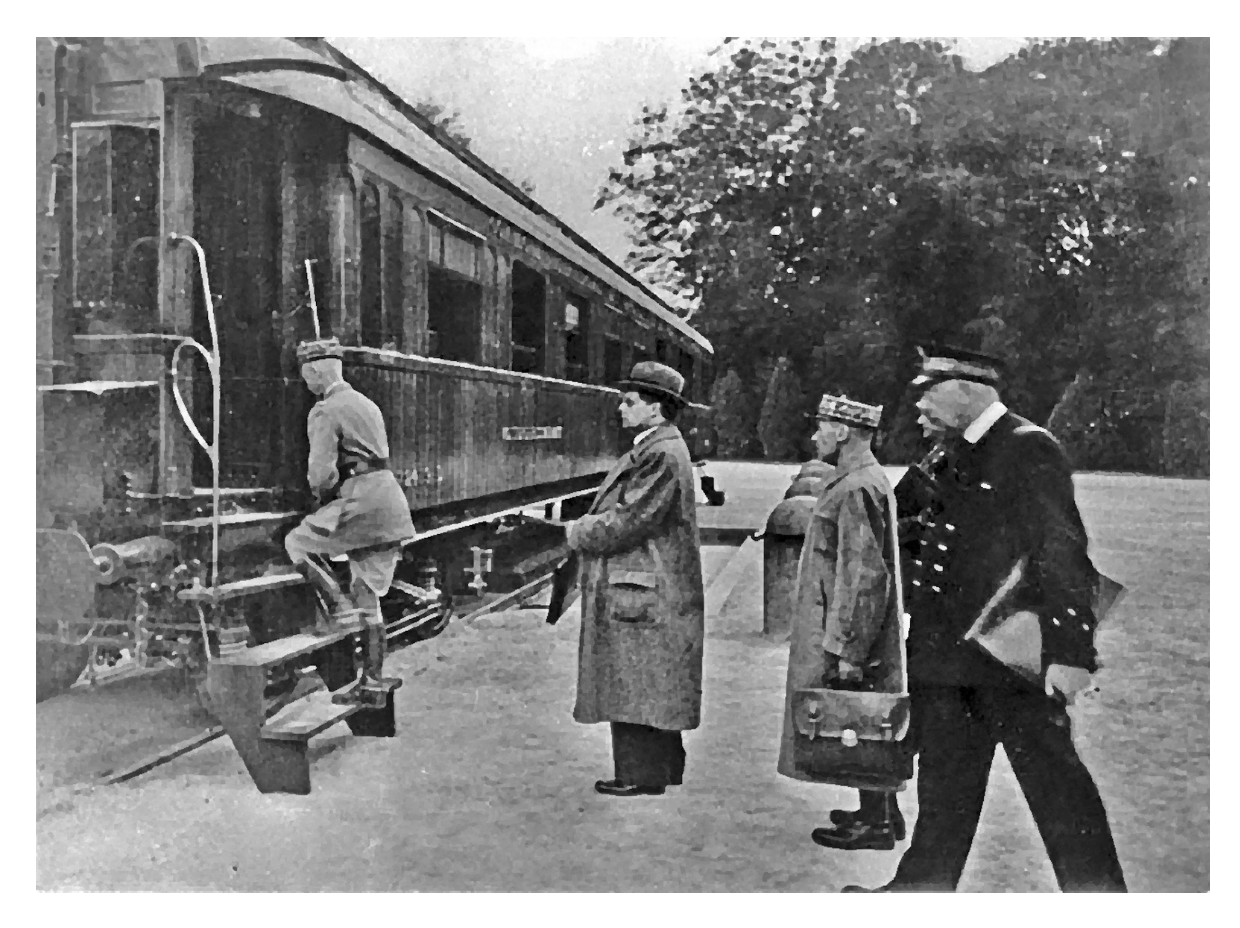
На последнем этапе операции «Рот» активные действия предприняли войска группы армий «Ц».

1-я немецкая армия, воспользовавшись отходом французских войск от линии Мажино, сумела преодолеть полосу укреплений между Сент-Авольдом и Саарбрюккеном, а 7-я армия, форсировав Рейн в верхнем течении, заняла 18 июня Кольмар. В подчинение командующего группой армий «Ц» была передана танковая группа Гудериана, которая, развернувшись на северо-восток, начала продвигаться в направлении Эпиналь, Бельфор. Отошедшие по приказу Вейгана от линии Мажино французские войска из состава 2-й группы армий оказались в окружении.

22 июня командующий этой группой армий генерал Ш. Кондэ отдал приказ сложить оружие. Немецкие войска в этом районе взяли в плен более 500 тыс. человек. Сопротивление немецко-фашистским войскам продолжали оказывать лишь некоторые гарнизоны укреплений линии Мажино и отдельные отряды в Вогезах. Официально военные действия закончились 25 июня.

Во время второго этапа наступления вермахта власть во Франции перешла полностью в руки капитулянтов. 16 июня Петэн возглавил новое правительство и на следующий день направил в Берлин просьбу о заключении мира. Гитлер, однако, дал согласие только на заключение перемирия. В то время он считал, что Англия, лишившись своего единственного континентального союзника, вскоре должна будет также отказаться от продолжения войны, и тогда ему удастся навязать свои условия мира одновременно Англии и Франции.

Условия германо-французского перемирия были предъявлены В. Кейтелем французской делегации 22 июня 1940 г. на станции Ретонд в Компьенском лесу в том же самом салон-вагоне, в котором 11 ноября 1918 г. был подписан договор о перемирии, продик-



Представители Франции направляются в «вагон маршала Фоша»
для переговоров с германской делегацией о перемирии

тованный Германии странами Антанты. По условиям перемирия Франция обязалась демобилизовать свои вооруженные силы. Более 1,5 млн французских солдат и офицеров должны были остаться в германском плену до заключения мирного договора. Франция была разделена на оккупированную и неоккупированную зоны. Оккупированная зона включала Северную и Центральную Францию, т. е. почти три пятых территории страны, где были расположены ее наиболее богатые и развитые земли[56]. Италия получала территорию площадью в 832 км^2 на юго-восточном побережье. В неоккупированной южной части Франции власть осталась в руках коллаборационистского правительства во главе с Петэном. Оно находилось в г. Виши. Это правительство получило право иметь небольшую армию для поддержания внутреннего порядка и распоряжаться частью своего военно-морского флота для защиты колоний. На территории Франции были расквартированы немецкие оккупационные войска, содержавшиеся за счет местного населения[57]. Области Эльзас и Лотарингия были присоединены к Германии. 24 июня был подписан также итало-французский договор о перемирии. 25 июня германо-французское перемирие вступило в силу.

Каковы же причины поражения англо-французской коалиции? Уже в 1940 г. стали высказываться первые суждения по этому вопросу. Указывалось на превосходство экономического потенциала, военной подготовки и вооружений Германии[58], а также на демографическое и моральное истощение режима третьей республики во Франции — «тусклой и утомленной

страны»[59]. Расходясь в датах, исследователи солидарны в том, что поражение началось еще задолго до 1940 г.

Среди внешнеполитических факторов выделим отказ Англии и Франции от создания системы коллективной безопасности, контуры которой были созданы советско-французскими и советско-чехословацкими договорами о взаимопомощи (1935), пораженческие тенденции и отсутствие единства в самом французском обществе и, конечно, собственно военные причины: крупные просчеты в строительстве вооруженных сил и оценке планов фашистского командования. Франция израсходовала многомиллиардные средства на строительство линии Мажино, но не сумела создать сильной авиации, механизированных войск, противотанковых и зенитных средств. Англия не уделяла должного внимания развитию сухопутных сил. Не было у союзников и талантливых «гамеленов».

Б. Лиддел Гарт в своей известной книге «Стратегия непрямых действий» обращал внимание на следующее:

— перед войной Гитлеру удалось усыпить бдительность франко-английского командования;

— вермахт не стал наносить ударов по линии Мажино, но выманил союзников из оборонительных укреплений на бельгийской границе обманными маневрами и уже затем ударил по ним;

— немцы активно использовали танковые соединения и десантные подразделения, нанося внезапные удары и приводя противника в смятение[60].

Генерал де Голль видел в качестве основной причины поражения отсталость военно-технической мысли[61]. Неожиданно быстрое поражение Франции застало Англию врасплох.

После разгрома Франции нацистское руководство Германии задалось целью уничтожить Советский Союз. 3 июля 1940 г. оперативный отдел генерального штаба сухопутных войск приступил к разработке плана восточного похода. Началось стратегическое сосредоточение и оперативное развертывание немецких войск на востоке. 31 июля на совещании высшего командного состава вермахта было принято решение завершить подготовку нападения на СССР к середине мая 1941 г.[62]

В то время Гитлер и его генералы все еще считали, что демонстрацией силы и дипломатическим давлением им удастся вслед за Францией вывести из войны и Англию и таким образом обеспечить Германии свободу действий на востоке. 16 июля 1940 г. Гитлер подписал директиву о подготовке к вторжению немецких войск через Ла-Манш на Британские острова. Для проведения этой операции, получившей кодовое наименование «Зелеве» («Морской лев»), были выделены две армии с 25 дивизиями и большое количество транспортных судов. Однако начать операцию было решено лишь после того, как немецким ВВС удастся вывести из строя британскую авиацию и обеспечить надежную защиту флота вторжения с воздуха и с моря.

19 июля, выступая в Рейхстаге, Гитлер обратился к Лондону с «последним призывом к благоразумию». Однако правительство У. Черчилля отвергло предложение о заключении компромиссного мира.

1 августа Гитлер подписал директиву № 17, в которой предусматривалось усиление воздушной и морской войны против Англии. Осуществление воздушного наступления было возложено на силы 2-го, 3-го воздушных флотов и часть сил 5-го воздушного флота (около 2000 исправных боевых самолетов). Это наступление началось 13 августа. Первоначально командование немецких ВВС сосредоточило внимание на выполнении задачи по уничтожению английских ВВС, прежде всего их истребительной авиации, с тем, чтобы обеспечить себе полное господство в воздухе над Южной Англией. Однако задача осталась невыполненной. В «битве за Англию» британские ВВС и войска противовоздушной обороны сумели дать решительный отпор противнику. С 10 июля по 31 октября 1940 г. Германия потеряла 1294, а Англия лишь 788 самолетов[63].

Из-за постоянно растущих потерь немецкое командование вынуждено было 6 сентября отказаться от борьбы за господство в воздухе над Южной Англией. Это послужило одной из

Немецкий истребитель-бомбардировщик «Мессершмитт-110»
над Ла-Маншем во время битвы за Британию

Взлет по тревоге звена истребителей «Спитфайр»

Пожар в Лондоне после немецкого налета

Звено немецких бомбардировщиков «Дорнье-17» на пути к Англии

Английские летчики осматривают сбитый немецкий бомбардировщик «Хейнкель-111»

причин того, что Гитлер в том же месяце отложил начало вторжения в Англию на неопределенный срок. Другой причиной такого решения являлось стремление Гитлера избежать крупных потерь вермахта в борьбе с Англией, так как это могло нанести ущерб скрытной подготовке к нападению на СССР.

Начиная с 7 сентября немецкая авиация переключилась на бомбардировку, преимущественно в ночное время, Лондона и других городов Англии с целью подорвать ее экономический потенциал, сломить волю народа к продолжению борьбы против немецкой агрессии. С августа 1940 г. до мая 1941 г. от немецких бомбардировок погибли 40 тыс. мирных английских граждан. Среди крупных городов особенно пострадал Лондон. Но армия и население метрополии проявили стойкость и мужество. Британская военная промышленность уверенно наращивала свой потенциал. Немецкие ВВС потеряли 4400 боевых самолетов, так и не достигнув своих целей. Подготовка к войне против СССР не позволяла Гитлеру и его генералам мобилизовать максимум сил и средств для достижения решающего успеха в войне против Великобритании.

В ходе подготовки к войне на востоке Германия укрепляла в первую очередь свои связи с антисоветски настроенными кругами тех стран, которые располагались непосредственно у границ СССР. В сентябре 1940 г. началось размещение немецких войск в Румынии и Финляндии. 27 сентября по инициативе Гитлера и министра иностранных дел И. Риббентропа в Берлине был подписан договор о германо-итало-японском военном союзе (Пакт трех держав)[64], к которому в ноябре присоединились Венгрия, Румыния и марионеточное Словацкое государство. Благодаря этому союзу Германия, Италия и Япония усилили свои позиции по отношению к СССР, Великобритании и США. Это способствовало расширению их агрессии. Япония в сентябре оккупировала северную часть Французского Индокитая и активизировала военные действия в Китае.

Италия в августе развернула боевые действия против Англии в Восточной Африке. Ее войска захватили Британское Сомали, часть Кении и Судана. В январе — мае 1941 г. английские войска при поддержке местных партизан изгнали итальянские войска не только с захваченных ими территорий, но и из Эфиопии, Итальянского Сомали и Эритреи.

В сентябре 1940 г. итальянские войска в Северной Африке вторглись из Ливии в Египет в целях захвата Суэцкого канала, но были остановлены, а в декабре разбиты английскими войсками. В начале 1941 г. Гитлер по просьбе Б. Муссолини направил в Северную Африку свои войска — Африканский корпус во главе с генералом Э. Роммелем. 31 марта итало-немецкие войска перешли в наступление и в конце апреля вышли к границе Египта. Для развития наступления на Суэц сил у них было недостаточно. Посылать новые войска в Северную Африку Гитлер отказался, так как это нанесло бы ущерб подготовке к нападению на СССР. Что касается вооруженных сил Италии, то они, как выяснилось, были не способны самостоятельно вести эффективные военные действия ни в Северной Африке, ни на Средиземном море.

Осенью 1940 г. Италия предприняла попытку установить господство на юге Балканского полуострова. 28 октября девять итальянских дивизий (более 100 тыс. человек) при поддержке авиации перешли в наступление из Албании против Греции. Противостоявшие им греческие войска (27 тыс. человек) были вынуждены отступить. Но, опираясь на поддержку народа, они уже в ноябре перешли в контрнаступление, изгнали противника из пределов своей страны и в декабре вступили в Албанию. Италия обратилась за помощью к своему немецкому союзнику. Гитлер сначала не хотел ввязываться в боевые действия на Балканах. Он в то время был занят начавшейся после капитуляции Франции подготовкой к нападению на СССР, но весной 1941 г. все же решил «заняться» Балканами. Важной целью этого похода было исключить вероятность высадки англичан в Греции, лишить их возможности продвинуться через Болгарию на север и нанести удар во фланг и тыл наступающей на восток группировки немецких войск.

1 марта 1941 г. начался ввод немецких войск в Болгарию[65]. В тот же день было оформлено вступление этой страны в Пакт трех держав. 25 марта, уступив давлению германского правительства, протокол о присоединении к пакту подписало также югославское правительство Д. Цветковича. Однако в Югославии поднялась волна протеста. Группа офицеров 27 мар-

Колонна немецких танков T-III продвигается по горному району Греции. Апрель 1941 г.

Немецкая бронетанковая колонна в сербском городе Ниш. Югославия. Апрель 1941 г.

Немецкие солдаты, попавшие под обстрел, ведут ответный огонь. Югославия. 1941 г.

Высадка немецкого десанта на о. Крит

та совершила государственный переворот. Правительство Цветковича было арестовано. Новое правительство возглавил командующий военно-воздушными силами генерал Д. Симович. Узнав об этом, Гитлер немедленно издал директиву № 25 о подготовке вторжения в Югославию даже в том случае, если ее новое правительство объявит о лояльности Германии. С 27 марта в планах немецкого командования военные действия против Югославии и Греции стали рассматриваться как единая операция. К этой операции Германия подготовила крупные силы — две армии и одну танковую группу (32 дивизии, в том числе семь танковых) и 4-й воздушный флот (около 780 самолетов). Италия выставила 43 дивизии, Венгрия — 10 бригад, что соответствовало примерно пяти дивизиям. В целом под руководством немецкого командования оказалось более 80 дивизий, свыше 2 тыс. самолетов и до 2 тыс. танков. Болгарское руководство предоставило свою страну для развертывания немецких войск, обеспечило им прикрытие с тыла, стянув основную массу своих войск к границе с Турцией. Территорию Румынии немецкое командование также использовало для размещения части своих сухопутных войск и авиации, предназначенной для наступления на Югославию и Грецию[66].

Немецкие десантники на о. Крит. Май 1941 г.

В создавшейся обстановке правительство Симовича обратилось к СССР с предложением заключить договор между двумя странами, который был подписан в Москве 5 апреля как Договор о дружбе и ненападении. СССР в то время не имел реальной возможности оказать Югославии военную помощь в случае нападения Германии, но договор продемонстрировал солидарность Советского Союза с народами Югославии, которым угрожала нацистская оккупация, и явился важным объединяющим фактором в последующей совместной борьбе против нацистского нашествия.

Вторжение на Балканы началось 6 апреля 1941 г. Широко используя танковые соединения во взаимодействии с авиацией при поддержке войск союзников, немецкое командование нанесло 17 апреля поражение югославской, а к 29 апреля греческой армиям и высадившимся в Греции английским войскам. В Белграде и Афинах из числа местных коллаборационистов были созданы послушные оккупантам правительства. В Хорватии по воле Гитлера и Муссолини было провозглашено сепаратистами так называемое независимое государство, которое 15 июня 1941 г. присоединилось к Пакту трех держав. Политическая и военно-стратегическая обстановка в Юго-Восточной Европе изменилась в пользу агрессоров.

После завершения оккупации Югославии и Греции немецкое командование в период с 20 мая по 1 июня 1941 г. высадило на о. Крит, который обороняли 44 тыс. английских и греческих солдат и офицеров, десант в составе воздушно-десантной и горнострелковой дивизий (всего 23,5 тыс. человек). Немецкие войска, потеряв в жестоких боях свыше 4 тыс. человек убитыми и пропавшими без вести, тем не менее овладели островом. Остатки британских и греческих войск численностью 15 тыс. человек эвакуировались в Египет[67]. Захват

о. Крит выявил большие возможности воздушно-десантных войск. Однако он также показал, что осуществление воздушно-десантной операции без поддержки морского десанта и при господстве противника на море неизбежно ведет к большим потерям. Поэтому немецкое командование в последующие годы войны так и не отважилось проводить крупные воздушно-десантные операции.

В связи с кампанией на Балканах запланированное в декабре 1940 г. на 15 мая нападение на СССР было перенесено на 22 июня 1941 г.

В течение первого периода Второй мировой войны (1 сентября 1939 — 21 июня 1941 г.) Германия достигла зенита своего военного могущества и создала условия для дальнейшего расширения экспансии на востоке, к захвату Советского Союза.

К началу 1941 г. фашистская Германия захватила десять стран Европы, из них семь стали ее союзниками. После оккупации Югославии и Греции в апреле 1941 г. вся Европа оказалась под фашистами. Великобритания Единственная уцелела, оставаясь под постоянными ударами немецкой авиации и в блокаде с моря. Преградой к мировому господству фашистской Германии на Востоке стоял Советский Союз.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. подробнее: *Шелленберг В.* Мемуары. М., 1992. С. 62—63.

[2] *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Ист. очерки: Документы и материалы. М., 1973. Т. 1. С. 384.

[3] Цит. по: *Шелленберг В.* Указ. соч. С. 63.

[4] Нюрнбергский процесс: Сб. материалов: в 8 т. М., 1997. Т. 7. С. 27—271; Deutschland im zweiten Weltkrieg. B., 1974. Bd. 1. S. 165.

[5] 11—13 августа 1939 г. состоялись длительные переговоры между итальянским министром иностранных дел Г. Чиано, И. Риббентропом и А. Гитлером. Италия пыталась избежать возможной европейской войны, ограничившись сделкой с Парижем и Лондоном наподобие мюнхенской. Однако Гитлер категорически отверг эту идею (См.: *Грайнер Х.* Военные кампании вермахта. М., 2011. С. 30—31).

[6] *Згорняк М.* Военно-политическое положение и оперативные планы Польши перед началом Второй мировой войны // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. С. 359.

[7] Краткая история Польши: С древнейших времен до наших дней. М., 1993. С. 295.

[8] Там же.

[9] *Згорняк М.* Указ. соч. С. 395—360.

[10] *Леверкюн П.* Германская военная разведка. М., 2011. С. 53—54.

[11] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. B., 1974. Bd. 1. S. 167.

[12] История Второй мировой войны. 1939—1945. М., 1974. Т. 3. С. 20; Deutschland im zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 168; Förster G. u.a. Der zweite Weltkrieg. Militärhistorischer Abriss. B., 1972. S. 44—45.

[13] Deutschland im zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 168.

[14] «Странная война», или «сидячая война», приводила в уныние войска, снижала моральный дух личного состава армии Франции и британских экспедиционных сил, правительство Франции вынуждено было создать в вооруженных силах 21 ноября 1939 г. «службу развлечений» с функцией организации досуга военнослужащих на фронте. 30 ноября парламент обсудил вопрос о дополнительной выдаче солдатам спиртных напитков, 29 февраля 1940 г. премьер-министр Даладье подписал декрет об отмене налогов на игральные карты, «предназначенные для действующей армии». Спустя некоторое время было принято решение закупить для армии 10 тыс. футбольных мячей. Над подрывом морального духа французских солдат активно работали немецкие спецпропагандисты. Их лозунги: «Умереть за Данциг?» и «Англичане воюют до последнего француза» — распространялись не только в прифронтовой полосе, но и отправлялись в глубь Франции отдельным людям по почте (из Германии, Швейцарии и Бельгии) или доставлялись контрабандой (См. подробнее: *Леверкюн П.* Указ. соч. С. 121—122.)

[15] Вторая мировая война. Краткая история. М., 1980. С. 36.

[16] См.: История Второй мировой войны 1939—1945: в 12 т. Т. 3. С. 25.

[17] *Mordal J.* La guerre a commencé en Pologne. Paris, 1968. P. 204.

[18] Вторая мировая война. Краткая история. С. 36.

[19] *Згорняк М.* Указ. соч. С. 360.

[20] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки / Научн. рук. *В. А. Золотарёв.* М., 1995. Кн. 1. С. 21.

[21] Вторая мировая война. Краткая история. М., 1980. С. 37.

[22] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 183.

[23] *Von Roos H.* Der Feldzug in Polen vom September 1939. «Wehrwissenschaftliche Rundschau». 1959. № 9. S. 494.

[24] Цит. по: *Исаев А. В.* Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. М., 2004. С. 5.

[25] Цит. по: там же.

[26] *Гальдер Ф.* Военный дневник / Пер. с нем. М., 1968. Т. 1. С. 132, 137.

[27] «В первый военный год немцы рассчитывали на 11 миллионов тонн шведской руды из годового потребления 15 миллионов. В теплые месяцы эту руду доставляли в Германию из Северной Швеции по Ботническому заливу и Балтийскому морю, и никаких проблем даже в военное время не возникало, поскольку Балтика была прочно ограждена от проникновения туда английских подводных лодок и надводных боевых кораблей. Но в зимнее время пользоваться этим путем было невозможно, так как море покрывалось толстым слоем льда. В холодные месяцы шведскую руду приходилось доставлять по железной дороге в ближайший норвежский порт Нарвик и оттуда вдоль норвежского побережья на судах в Германию. Почти весь этот маршрут немецкие рудовозы могли идти в норвежских территориальных водах, тем самым спасаясь от ударов английских боевых кораблей и бомбардировщиков» *(Ширер У.* Крах нацистской империи. Смоленск, 1999. С. 110–111)

[28] *Хубач В.* Захват Дании и Норвегии. Операция «Учения на Везере». 1940–1941. М., 2006. С. 28; о переговорах Редера и Квислинга до начала операции «Везерюбург» см.: *Зимке Э. Ф.* Немецкая оккупация Северной Европы. 1940–1945. М., 2005. С. 17–19.

[29] *Гурьев Е. П.* Использование Германией Скандинавского плацдарма в борьбе против северных союзных конвоев во Второй мировой войне. Автореф. дис. к. и. н. 2005. С. 4.

[30] *Ширер У.* Указ. соч. С. 109.

[31] Expansionsrichtung Nordeuropa. Dokumente zur Nordeuropapolitik des faschistischen deutschen Imperialismus 1939 — bis 1945. B., 1987. S. 54.

[32] *Кузнецов Н. Г.* Накануне. Курсом к победе. М., 1991. С. 220.

[33] Expansionsrichtung Nordeuropa. Dokumente zur Nordeuropapolitik des faschistischen deutschen Imperialismus 1939 — bis 1945. S. 63–64.

[34] *Forster G.* u.a. Der Zweite Weltkrieg. Militerhistorischer Abriss. B., 1972. S. 61.

[35] См., напр.: *Гусаров В. И.* Тайны «Учения на Везере», или Как Гитлера объявили крестоносцем // Военно-исторический журнал. 2010. № 9. С. 34.

[36] См. подробнее: *Де Ионг Л.* Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М.: ИИЛ, 1958. С. 260–264.

[37] История Дании. XX век. М., 1998. С. 118–119.

[38] История Норвегии. М., 1980. С. 398.

[39] Там же. С. 400.

[40] Там же. С. 401.

[41] *Forster G.* u.a. Op. cit. S. 64–65.

[42] См.: *Зимке Э. Ф.* Указ. соч.

[43] В начале мая более 15 процентов личного состава союзнических войск находилось в отпусках, на позициях царила обстановка всеобщей расслабленности.

[44] Разведывательная сводка № 3 (по Западу) 1940 г. С. 11.

[45] История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 3. С. 89.

[46] Dokumente zur Vorgeschichte des Westfeldzuges 1939–1940. S. 64–68.

[47] Так называется район, где находятся важные промышленные и административные центры: Гаага, Амстердам, Утрехт и Дордрехт.

[48] Стороны потеряли более 260 танков (по оценкам Уильяма Ширера): 105 французских и 164 немецкие машины (*Shirer W.* The Collapse of the Third Republic. N. Y., 1969. P. 626.)

[49] *Dunstan S.* Fort Eben Emael: The Key to Hitler's Victory in the West. Oxford, 2005. P. 64.

[50] *Бауэр Г.* Смерть через оптический прицел. М., 2009.

[51] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 2. Stuttgart, 1979. S. 296–297.

[52] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 325.

[53] *Longden S.* Dunkirk: The Men They Left Behind. London, 2009; *Morris J., Hendy D.* The Story of the Eastbourne Lifeboats. Coventry, 2006.

[54] Вторая мировая война. Краткая история. С. 50.

[55] История Второй мировой войны. Т. 3. С. 108.

[56] На оккупированной территории до войны находилось большинство предприятий машиностроительной, автомобильной, авиационной, химической промышленности, проживало 65 % населения страны, выплавлялось 97 % чугуна и 94 % стали, добывалось 79 % угля, 100 % железной руды, собиралось 75 % урожая пшеницы, насчитывалось 75 % конского поголовья, 65 % крупного рогатого скота.

[57] На содержание немецких оккупационных войск из французской казны ежегодно тратилось 400 млн франков (Вторая мировая война. Краткая история. С. 53.)

[58] *Reynaud P.* Au Coeur de la melée 1930–1945. Paris, 1951. P. 338.

[59] *Alexander M.* The Republic in Danger: General Maurice Gamelin and the Politics of French Defence, 1933–1940. Cambridge, 1992. P. 118.

[60] *Лиддел Гарт Б.* Энциклопедия военного искусства. Стратегия непрямых действий. М., 1999. С. 256, 262, 270.

[61] *Де Голль Ш.* Военные мемуары: в 2 т. Т. 1. М., 1961. С. 164.

[62] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983. Bd. 4. S. 9, 215, 219.

[63] The Oxford Companion to World War II. Oxford, 1995. P. 163.

[64] Нюрнбергский процесс: Сб. материалов: в 8 т. М., 1989. Т. 3. С. 538.

[65] СССР — Германия. 1939–1941. Нью-Йорк, 1989. С. 152.

[66] История военного искусства. М., 1984. С. 117; *Forster G.* u.a. Op. cit. S. 111.

[67] История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 3. С. 261.

Передовые рубежи обороны СССР

Ввод советских войск на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии

Военная операция РККА в Восточной Польше (на территории западных областей Украины и Белоруссии), проводившаяся с 17 сентября по 5 октября 1939 г., в отечественной историографии получила известность как освободительный, или польский поход. Рассмотрение этой проблемы невозможно вне контекста политики укрепления безопасности СССР и без учета специфики существовавших тогда российско-польских взаимоотношений. В межвоенный период эта специфика определялась двумя основными обстоятельствами: итогами советско-польской войны, зафиксированными мирным Рижским договором 1921 г., и стремлением руководства Польши возродить страну как великую державу по образцу древней Речи Посполитой.

Польша, совершив в апреле 1920 г. акт агрессии против Советского государства, первым признавшего ее независимость, рассчитывала получить значительные территориальные приобретения, но вскоре сама оказалась на грани краха. Ошибки советского командования вкупе с западной помощью позволили полякам нанести поражение войскам М. Н. Тухачевского и спасти Варшаву. Трудное внутри- и внешнеполитическое положение РСФСР заставило ее руководство искать мира, по результатам которого были потеряны западные области Украины и Белоруссии, а украинский и белорусский народы оказались разделенными. К 1939 г. с момента описываемых событий прошло всего 18 лет.

Положение украинского и белорусского населения в Польше было тяжелым, оно испытывало жесткое национальное, религиозное и социальное давление со стороны польских властей, имевшее дискриминационный характер. Достаточно заметить, что неграмотность среди взрослого украинского и белорусского населения составляла 60–70 %. В основном это было следствием массового закрытия школ, где преподавание велось на украинском и белорусском языках. Так, только на Волыни, где проживало около 1,5 млн украинцев, количество национальных школ уменьшилось с 1050 (1919) до 5 (1936)[1]. Проводя такую политику, Польша открыто нарушала статью 7 Рижского договора. Первый параграф этой статьи обязывал Польшу обеспечить свободное развитие культуры и языка белорусов и украинцев, гарантировал их право получать образование на родном языке.

Что касается межконфессиональных отношений, то к 1939 г. польскими властями только в Западной Белоруссии было разрушено или превращено в костелы более 1400 православных храмов. Надо признать, что православная церковь подвергалась гонениям и в СССР из-за атеистической природы советской власти, но враждебность к православию в предвоенной Польше являлась следствием того, что эта вера была во многом основой национального са-

мосознания восточнославянского населения. Собственно речь шла об устранении из облика западных украинских и белорусских земель всего национального, самобытного и того, что связывало их с Россией.

С точки зрения социально-экономического развития, положение дел в Восточной и в Западной Польше также заметно различалось. Если на западе страны экономика развивалась и благосостояние населения росло, то на востоке даже оставшиеся с дореволюционных времен промышленные объекты пришли в упадок. По сути, там практически не было современных предприятий, а более 80 % экономики составляло кустарно-ремесленное производство, что предопределяло высокий уровень безработицы. По выражению вице-премьера польского правительства Э. Квятковского, отвечавшего за экономическое развитие, страна фактически делилась на Польшу «А» (западные земли), имевшую различные преференции, и Польшу «Б» (восточные земли), финансирование которой осуществлялось по остаточному принципу, а уровень заработной платы населения был существенно ниже.

Крестьянство нищало, последовательно превращаясь в малоземельную бедноту и безземельных батраков, вынужденных за символическую плату (так называемый «одиннадцатый сноп»)[2] работать на помещиков и осадников — бывших польских военнослужащих, получивших обширные земельные наделы на восточных землях. Все это не могло не вызывать негативной реакции как в форме мирных выступлений, так и восстаний. В ответ польские власти проводили политику «пацификации» — жестокого подавления протестных акций.

Что же касается великодержавных амбиций Польши, то их реализация не представлялась возможной без ослабления восточного соседа — России, содействовать чему польское руководство старалось всеми силами. Интересное наблюдение на сей счет принадлежит английской исследовательнице З. Коэтс: «Сменявшие друг друга польские правительства вплоть до весны 1939 г. были заняты тем, что постоянно разрабатывали варианты: а) расчленения Советского Союза, б) создания блока государств, который отделил бы СССР от Западной Европы. Из подобного рода намерений не делалось секрета»[3].

Названные обстоятельства служат объяснением того, почему Польша отклоняла все советские предложения, предусматривавшие какое бы то ни было сотрудничество, будь то переговоры о «Восточном пакте», вопрос о совместных гарантиях Прибалтийским государствам или участие в англо-франко-советских переговорах.

Советско-германский договор о ненападении, история заключения и значение которого рассмотрены выше, означал для СССР в числе прочего потенциальную возможность вернуть под свой контроль западные области Украины и Белоруссии. Пункт 2 секретного дополнительного протокола предусматривал разграничение сфер интересов Германии и Советского Союза по линии рек Нарев, Висла и Сан. Вопрос о сохранении независимого Польского государства и определении его границ оставался открытым. Очевидная «размытость» формулировок была обусловлена общей неопределенностью ситуации, но это позволяло сторонам сохранять «свободу рук», не беря на себя четких и жестких обязательств.

1 сентября 1939 г. в одночасье изменило мир. Нападение Германии на Польшу знаменовало для человечества начало эпохи тяжелых и кровавых испытаний.

Уже через неделю германские войска, прорвав польский фронт, вышли к предместьям Варшавы[4].

Англия и Франция, заключившие с Польшей договоры о взаимопомощи, вступили в войну 3 сентября, но действенной помощи своему союзнику не оказали. Очень скоро Лондон и Париж пришли к выводу, что поскольку положение Польши стало безнадежным, то и боевые действия на западе ничего не изменят. На том же основании, по мнению союзников, не имело смысла посылать полякам военное снаряжение, о котором те настойчиво просили.

Что касается руководства СССР, то с началом немецкой агрессии против Польши оно окончательно убедилось: времени на укрепление безопасности Советского государства

оставалось катастрофически мало, необходимы были срочные и комплексные меры. СССР оказался перед трудным выбором. Теоретически он мог вступить в войну на стороне Польши. Но его об этом не просили. Более того, советская помощь категорически отвергалась польским правительством. К тому же имеющиеся договоренности с немцами резко сужали пространство для политического маневра.

На этот момент фактически существовало лишь два возможных пути: либо в случае, если война примет затяжной характер, максимально долго сохранять нейтралитет, одновременно готовясь к активным действиям; либо в случае быстрого разгрома Польши, опираясь на секретный протокол, взять под контроль советскую «сферу интересов». Однако при этом варианте были неизбежны моральные и политические издержки. СССР оказывался как бы союзником Германии, что выглядело странным после всех его усилий, направленных на создание системы коллективной безопасности.

С началом войны Советский Союз, заинтересованный в том, чтобы она приобрела затяжной характер, старался воздерживаться от какого-либо вмешательства в происходящие события. Такая политика не отвечала расчетам Берлина. Гитлер полагал, что следствием ввода Красной армии в Польшу с большой долей вероятности могло стать если не объявление западными державами войны Советскому Союзу, то, как минимум, резкое ухудшение отношений с ним. А тогда ему в любом случае пришлось бы следовать в русле германской политики. Поэтому попытки втянуть СССР в войну начались с ее первого дня, когда командование вермахта обратилось к советскому правительству с просьбой использовать минскую радиостанцию как радиомаяк для люфтваффе. Руководство СССР, не желая обострять только что налаженные взаимоотношения, дало, хотя и с оговорками, свое согласие на это.

Предпринимались и другие шаги. Так, Берлин пытался шантажировать Москву возможностью образования «независимого» Украинского государства в восточной части Польши, не занятой еще немецкой армией. Собственно говоря, эти планы не были блефом, а существовали реально. В дневнике начальника штаба ОКХ генерала Ф. Гальдера есть заметка: «Главнокомандующий прибыл с совещания у фюрера. Возможно, русские не будут ни во что вмешиваться. Фюрер хочет создать государство Украина»[5].

В этом же контексте следует рассматривать заявление главнокомандующего сухопутными войсками Германии генерала В. Браухича, сделанное им после выхода немецких войск к Варшаве, о фактическом окончании войны в связи «с полным разгромом противника» и о возможности переговоров с поляками. Министр иностранных дел Германии И. Риббентроп потребовал от посла Ф.-В. Шуленбурга срочного возобновления бесед с В. М. Молотовым «относительно советской военной интервенции». Нарком со своей стороны, заявил, что РККА выступит в течение ближайших дней. Однако, когда выяснилось, что Варшава сопротивляется, а мобилизация и развертывание Красной армии требуют дополнительного времени, он скорректировал свое обещание, упрекнув при этом Шуленбурга за коммюнике Браухича. Молотов подчеркнул, что, если Германия заключит перемирие, Советский Союз не может начинать «новую войну». Риббентроп велел на это ответить, что заявление главкома всего лишь «недоразумение».

14 сентября в «Правде» появилась передовая статья «О внутренних причинах военного поражения Польши»[6], текст которой был подготовлен А. А. Ждановым и правился И. В. Сталиным. В ней утверждалось, что «Польское государство, основанное на угнетении проживавших на его территории белорусов и украинцев, оказалось недееспособным и при первых военных неудачах стало распадаться». В статье делались акценты на враждебно-реакционном характере польского правительства и на необходимости освобождения от гнета «единокровных братьев» — белорусов и украинцев. Таким образом, стала оформляться идеологическая составляющая будущей операции. В этот же день Молотов в ходе очередной встречи с Шуленбургом сделал заявление о том, что Красная армия достигла состояния готовности скорее, чем ожидалось, но, учитывая политическую мотивировку советской акции,

для СССР было бы крайне важно не начинать действовать до падения Варшавы. Это была очередная попытка оттянуть ввод войск, что в Берлине хорошо поняли и решили усилить нажим.

15 сентября Риббентроп поручил Шуленбургу передать советскому руководству следующее предостережение: «Если не будет начата русская интервенция, неизбежно встанет вопрос о том, не создастся ли в районе, лежащем к востоку от германской зоны влияния, политический вакуум... могут возникнуть условия для формирования новых государств»[7]. Не реагировать на такое заявление было уже невозможно, тем более что дивизии вермахта продолжали быстро продвигаться вперед. К 16 сентября отступавшие польские войска уже находились на линии Августов — Сокулка — Гайнувка — Брест — Кобрин — Львов, то есть немцы стояли на пороге восточной части страны. СССР не мог допустить, чтобы Германия захватила всю Польшу, включая территории Западной Украины и Западной Белоруссии, а затем и Прибалтику (в приложении к утвержденной Гитлером 11 апреля 1939 г. Директиве о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939–1940 гг. прямо говорилось: «С развитием событий может возникнуть необходимость оккупировать лимитрофные государства и включить эти территории в состав империи»)[8].

Единственной альтернативой такому исходу являлись ввод советских войск на территорию Польши и установление контроля над Западной Украиной и Западной Белоруссией. Правда, существовала определенная опасность того, что Англия и Франция объявят СССР войну, если Красная армия перейдет границу Польши, их союзника. А еще советское руководство опасалось попасть в ловушку нового Мюнхена, так как видело двойственность политики Англии и Франции, и это наводило на мысли о возможности их новой сделки с Гитлером теперь уже за счет СССР.

Забегая вперед скажем, что реакция Франции и Великобритании на вступление СССР в Польшу оказалась в целом сдержанной. 18 сентября на заседании английского правительства было решено, что согласно договору от 25 августа 1939 г. Британия связана обязательствами по защите Польши только в случае агрессии со стороны Германии. Поэтому постановили «не посылать России никакого протеста». Так что официальная позиция свелась к молчаливому признанию советской акции. Когда польский посол в Лондоне Э. Рачиньский попытался «надавить» на англичан, то министр иностранных дел Великобритании Э. Вуд ответил в том смысле, что объявление войны — суверенное право его страны. Таким образом, не желая подталкивать СССР к дальнейшему сближению с Германией, Англия и Франция не стали обострять проблему советского вмешательства в польские дела. Тем более что на Западе многие политики считали, что ввод советских войск в Польшу усилит напряженность в советско-германских отношениях. В результате до сведения руководства СССР было доведено, что Лондон не рассматривает вопрос о возврате Польше Западной Украины и Западной Белоруссии. Англия и Франция также дали совет польскому правительству в эмиграции не объявлять войну Советскому Союзу[9].

16 сентября Молотов сообщил Шуленбургу, что Красная армия вступит в Польшу в ближайшее время. В ходе беседы нарком заметил, что заявление о вмешательстве СССР в ответ на скрытую угрозу с немецкой стороны видится единственно возможной официально декларируемой политической мотивацией этих действий, несмотря на то что данное заявление затрагивает нежелательный для немецкой стороны момент.

В 2 часа ночи 17 сентября Шуленбурга принял Сталин и в присутствии Молотова и Ворошилова заявил, что Красная армия в 6 часов утра перейдет советскую границу на всем протяжении от Полоцка до Каменец-Подольского. Сталин ознакомил его с нотой, подготовленной для передачи польскому послу в Москве. В ходе обсуждения некоторые пункты документа были признаны как неприемлемые для немецкой стороны и изъяты[10].

В 3 часа ночи замнаркома иностранных дел В. П. Потемкин зачитал польскому послу в Москве В. Гжибовскому ноту следующего содержания: «Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность Польского государства. В течение десяти дней военных опе-

раций Польша потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава как столица Польши больше не существует. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому советское правительство не может больше нейтрально относиться к этим фактам.

Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, оставались беззащитными.

Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Одновременно советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью»[11].

Гжибовский в ответ заявил: «Ни один из аргументов, использованных для оправдания превращения польско-советских договоров в пустые бумажки, не выдерживает критики. По моей информации, глава государства и правительство находятся на польской территории... Суверенность государства существует, пока солдаты регулярной армии сражаются... То, что нота говорит о положении меньшинств, является бессмыслицей. Все меньшинства доказывают действием свою полную солидарность с Польшей в борьбе с германщиной». Слова посла о белорусах и украинцах, мягко говоря, мало соответствовали действительности. Что же касается тезиса о суверенности Польского государства, то тут поляки попали в собственную ловушку. Дело в том, что в 1936 г. они препятствовали принятию международных санкций против Италии, захватившей Абиссинию, именно потому, что, по словам Ю. Бека, она «как государство перестала существовать»[12]. Гжибовский отказался принять ноту, ибо это было бы «несовместимо с достоинством польского правительства». В итоге документ был передан в посольство, пока посол еще находился в Наркомате иностранных дел.

Текст ноты был также передан всем государствам, с которыми на то время Москва имела дипломатические отношения, с уведомлением, что СССР будет продолжать придерживаться политики нейтралитета. Аргументация советского вмешательства в события в Польше была повторена в радиовыступлении Молотова 17 сентября, которое по времени совпало с переходом польского правительства на территорию Румынии.

Военные приготовления Советского Союза к возможному проведению польского похода начались заблаговременно.

Еще 2 сентября пограничные войска получили приказ об усиленном режиме охраны советско-польской границы. В этот же день Совет народных комиссаров принял постановление № 1348–268сс, в котором предписывалось с 5 сентября начать очередной призыв на действительную военную службу для войск Дальнего Востока, а с 15 сентября и для всех остальных округов. На месяц была продлена служба в РККА для красноармейцев и сержантов, уже отслуживших свой срок.

4 сентября нарком обороны потребовал от военных советов Ленинградского, Калининского, Московского, Харьковского, Киевского Особого и Белорусского Особого военных округов привести войска в боевую готовность к 15 сентября.

7 сентября названным округам была поставлена задача проведения Больших учебных сборов (БУС) с привлечением приписного командного, начальствующего и рядового состава, что означало скрытную мобилизацию.

8 сентября командующие Белорусским и Киевским Особыми военными округами (КОВО и БОВО) получили приказ начать переброску войск к границе.

11 сентября в БОВО и КОВО поступил приказ о развертывании полевых управлений округов.

14 сентября Военным советам БОВО (командующий — командарм 2 ранга М. П. Ковалев, член Военного совета — дивизионный комиссар П. Е. Смокачев и начштаба — комкор М. А. Пуркаев) и КОВО (командующий — командарм 1 ранга С. К. Тимошенко, члены ВС — В. Н. Борисов, Н. С. Хрущев, начальник штаба — комкор Н. Ф. Ватутин) были направлены директивы народного комиссара обороны СССР Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова и начальника Генерального штаба РККА командарма 1 ранга Б. М. Шапошникова за № 16633 для БОВО и № 16634 для КОВО соответственно «О начале наступления против Польши». В них ставилась задача разгрома «противостоящих войск противника». В этот же день Военным советам Ленинградского, Калининского военных округов (ЛВО, КалВО), КОВО, БОВО и начальникам Ленинградского, Белорусского и Киевского пограничных округов НКВД была отправлена совместная директива № 16662 наркомов обороны и внутренних дел о порядке взаимодействия пограничных войск и Красной армии. По указанию начальника Главного политуправления Красной армии Л. З. Мехлиса были созданы подразделения для ведения пропаганды, направленной против «панской Польши». В политуправлениях полевых управлений КОВО и БОВО сформированы отделы по работе среди населения противника и военнопленных, по штатам военного времени развернуты редакции газет и типографии. 15 сентября определены задачи для оперативно-чекистских групп, сформированных по приказу наркома внутренних дел Л. П. Берии в КОВО и в БОВО. На занятой территории им предписывалось взять под контроль пункты связи, государственные и частные банки, а также типографии, государственные архивы, провести аресты реакционных представителей польской администрации, освободить политических заключенных (оставив остальных под стражей), изъять оружие и взрывчатые вещества у населения, обеспечить общественный порядок[13].

16 сентября по приграничным соединениям КОВО и БОВО был отдан приказ к исходу дня «произвести перегруппировку войск группы и скрытно подтянуть их на 3–5 км к нашим государственным границам в исходное положение», проверить боеготовность и материально-техническую обеспеченность частей.

На выбор даты начала операции среди прочих факторов повлияло еще одно важное обстоятельство: 15 сентября в Москве было подписано соглашение между СССР, МНР и Японией о нормализации положения на Халхин-Голе, согласно которому с 14 часов 16 сентября военные действия прекращались. Только после этого Сталин принял окончательное решение о начале Освободительного похода.

В ночь на 17 сентября советские войска вступили в Польшу. К этому моменту система государственной власти здесь совершенно распалась, было практически полностью утрачено управление войсками, немцы разгромили или окружили основные группировки польской армии. Правительство Польши было в шаге от бегства из страны, фактически признав тем самым свое поражение. Таким образом, действия Красной армии не могли повлиять на исход уже проигранной поляками войны.

21 стрелковая и 13 кавалерийских дивизий, 16 танковых и две мотострелковые бригады Красной армии перешли границу, в операции также участвовала Днепровская военная флотилия. Для руководства ими были созданы управления Украинского и Белорусского фронтов[14].

В состав Украинского фронта (командующий — командарм 1 ранга С. К. Тимошенко) вошли 5-я армия под командованием комдива И. Г. Советникова, 6-я — комкора И. Г. Захаркина и 12-я — командарма 2 ранга И. В. Тюленева. Он имел задачи: разгромить противостоящие соединения польской армии; отрезать им пути отхода в Румынию и Венгрию; овладеть районами Ровно, Дубно, Тарнополя, Ковеля, Луцка, Станислава[15].

В Белорусский фронт (командующий — командарм 2 ранга М. П. Ковалев) входили 3-я армия комкора В. И. Кузнецова, 4-я — комдива В. И. Чуйкова, 10-я — комкора И. Г. Захар-

кина, 11-я — комдива Н. П. Медведева, конно-механизированная группа комкора И. В. Болдина и 23-й отдельный стрелковый корпус[16]. Фронт имел задачи: разгромить польские силы восточнее литовской границы и на линии Гродно — Кобрин; овладеть территорией Западной Белоруссии. Всего в операции участвовало более 466 тыс. человек[17], имеющих на вооружении около 5 тыс. орудий, 4,7 тыс. танков, 3,3 тыс. самолетов[18]. Правда, к ее началу не было полностью завершено сосредоточение и доукомплектование частей мобилизационными ресурсами до штатов военного времени. Особенно остро стояли проблемы автотранспорта и связи.

Советским войскам запрещалось обстреливать и подвергать бомбардировке населенные пункты, а также вести боевые действия против польских частей, если они не оказывают сопротивления. Некоторая противоречивость указаний о характере предстоящих действий объяснялась тем, что командование Красной армии не знало, как поведет себя польская армия.

Солдатам разъяснялось, что они идут в Западную Белоруссию и на Западную Украину не как завоеватели, а как освободители украинских и белорусских братьев от гнета, эксплуатации и власти польских помещиков и капиталистов. Войскам предписывалось при встрече с немецкими войсками не давать поводов для провокаций и не допускать захвата немцами территорий, населенных белорусами и украинцами. При попытках же такого захвата вступать в бой и оказывать гитлеровцам решительный отпор.

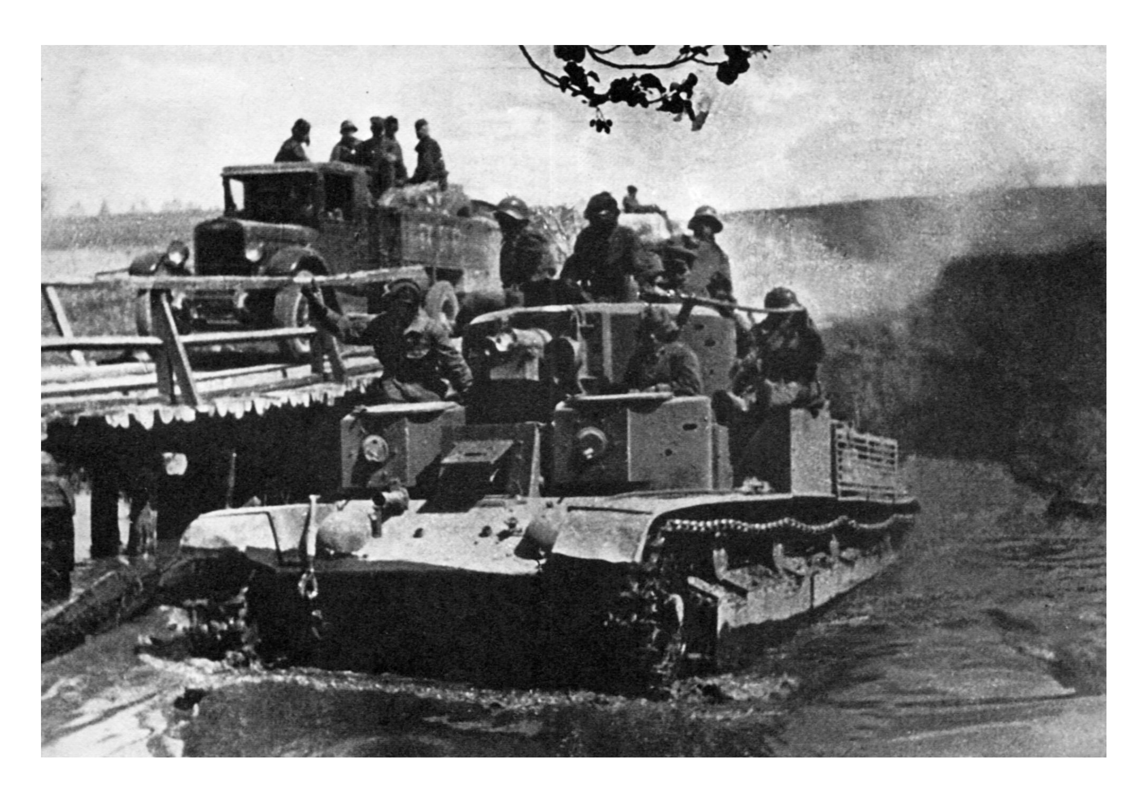
Группировке РККА противостояли незначительные польские силы. Непосредственно границу прикрывало до 25 батальонов и семи эскадронов Корпуса охраны пограничья (КОП) — около 12 тыс. человек[19]. В некоторых районах (Ровно, Тарнополе и др.) дислоцировались также отдельные части, прибывшие на переформирование после боев с вермахтом. Следует учитывать и львовскую группировку — около 15 тыс. человек. Всего на 15 сентября в восточных воеводствах находилось порядка 340 тыс. польских военнослужащих, около 540 орудий и 70 танков, пять бронепоездов, корабли Пинской военной флотилии, более 160 самолетов.

К утру 17 сентября в штаб польского главнокомандующего Э. Рыдз-Смиглы стали поступать сообщения о том, что части КОП ведут бои на восточной границе. Около 14 часов была получена телеграмма от начальника гарнизона в Луцке генерала П. Скуратовича: «Сегодня в 6 часов границу перешли три советские колонны — одна бронетанковая под Корцем, другая бронетанковая под Острогом, третья кавалерия с артиллерией под Дедеркалами. Большевики едут с открытыми люками танков, улыбаются и машут шлемами. Около 10 часов первая колонна достигла Гощи. Спрашиваю: как мы должны поступить?»[20]

Оценив ситуацию, маршал Рыдз-Смиглы вечером 17 сентября по радио отдал приказ, в котором говорилось: «Советы вторглись. Приказываю осуществить отход в Румынию и Венгрию кратчайшими путями. С Советами боевых действий не вести, только в случае попытки с их стороны разоружения наших частей...»[21]

Войска Красной армии не стремились к боевым столкновениям с поляками. Как писал начальник штаба при ставке главнокомандующего польскими вооруженными силами генерал В. Стахевич, войска были «дезориентированы поведением большевиков, потому что те в основном избегают открывать огонь, а их командиры утверждают, что они пришли на помощь Польше против немцев. Советские солдаты в массе своей не стреляют, к нашим относятся с демонстративной симпатией, делятся папиросами и т. д., всюду повторяют, что идут на помощь Польше»[22]. Достаточно сдержанное отношение частей Красной армии к польским войскам было обусловлено во многом и тем, что большое количество этнических белорусов и украинцев было призвано в польскую армию.

Уже к концу дня 17 сентября стало ясно, что советские войска могут продвигаться быстрее, чем предполагавшиеся 25 км в сутки. В южном направлении темп их наступления был ниже, что давало возможность полякам отходить к румынской границе. Это вызывало растущее раздражение немцев, которые, по свидетельству германского посла в Румынии, «были в ярости от того, что русские не постарались как можно быстрее закрыть румынский коридор для польских властей и армии...»[23]



Танк Т-28 форсирует реку у местечка Мир в Польше

Танки БТ-7 советской 24-й легкотанковой бригады входят в Львов

В первый же день похода были заняты города Ровно, Тарнополь, Барановичи (первым вошел в город танковый батальон под командованием И. Д. Черняховского) и другие, на следующий день — Луцк, Коломыя. 19 сентября войска 3-й армии взяли Вильно. В этот же день были заняты Волковыск, Лида и ряд других важных населенных пунктов, 20-го — Пинск, 21-го — Ковель. 22 сентября после переговоров с комендантом Львовского гарнизона 6-я армия Украинского фронта заняла город. В этот же день советские части овладели Гродно.

К концу месяца войска Украинского фронта вышли на назначенные рубежи, а местами продвинулись и дальше на запад. К 30 сентября Белорусский фронт также полностью выполнил поставленные задачи.

Организованное сопротивление частям РККА, длившееся более суток, было оказано только в нескольких случаях: в городах Вильно, Гродно, Тарнополь, в окрестностях Ковеля, а также в Сарненском укрепрайоне. Так, бои за Гродно велись с 20 по 22 сентября, а потери частей Красной армии составили около 50 человек убитыми, четыре танка и одна бронемашина. Кроме того, было повреждено еще 14 единиц бронетехники. Большая часть потерь пришлась на долю 27-й легкотанковой бригады 15-го танкового корпуса[24]. Самые значительные потери (до 100 человек убитыми, около 140 ранеными) советские войска понесли в боях у селения Навуз под г. Ковель. Польские потери при этом составили более 260 человек убитыми и ранеными, 120 пленными. Сопротивление оказывалось преимущественно жандармерией, отрядами пограничников и польским ополчением; местное украинское, белорусское и еврейское население в подавляющем большинстве содействовало частям РККА.

В ходе операции произошел ряд вооруженных столкновений между советскими и немецкими войсками (преимущественно в результате недоразумений). Так, 17 сентября части германского 21-го армейского корпуса подверглись восточнее Белостока бомбардировке советской авиацией и понесли потери убитыми и ранеными. Вечером 18 сентября у местечка Вишневец (в 85 км от Минска) немецкая бронетехника обстреляла расположение 6-й советской стрелковой дивизии, при этом погибли четыре красноармейца. 19 сентября в районе Львова произошел бой между частями немецкой 2-й горнострелковой дивизии с советскими танкистами, в ходе которого обе стороны понесли потери убитыми и ранеными. С. К. Тимошенко по телефону доложил наркому обороны об этом инциденте: «Еще в 4.00 19 сентября наши части — бронетанковый полк и кавполк — вошли в г. Львов. В это время немецких войск в городе не было... Посланные две наши бронемашины из Львова по другой дороге навстречу нашим войскам внезапно подверглись артиллерийскому обстрелу. Наши подумали, что это польские войска, и огнем 45-мм пушек и пулеметов подбили две противотанковые пушки, убили, по словам немцев, одного офицера и четырех солдат. Затем прибыли немецкие представители из штаба 1-й горной немецкой дивизии и 137-го германского полка, где выяснилось, что огонь вели немецкие войска, так как не имели указаний от германского командования. Было решено Львов не занимать и ждать указаний командования обеих сторон. Наши две бронемашины с их славными экипажами дрались до последнего момента и сгорели»[25]. 23 сентября имело место боестолкновение у Видомля (погибли два красноармейца, еще двое ранены, уничтожен немецкий танк с экипажем), а 30 сентября самолет люфтваффе обстрелял расположение советских войск — четыре бойца получили ранения.

После вступления советских войск в польские пределы украинское и белорусское население в ряде мест стало создавать партизанские отряды и самостоятельно освобождать населенные пункты. Так, еще до прихода частей Красной армии в Скиделе, Лунне, Озерах, Вертелишках и других поселениях Гродненского повета[26] по инициативе бывших членов Компартии Западной Белоруссии были созданы революционные комитеты, взявшие власть в свои руки[27]. В ряде населенных пунктов Западной Украины произошли антипольские выступления, инициированные в том числе и сторонниками ОУН, часть их была подавлена отступавшими польскими войсками.

Советские и немецкие военнослужащие в Брест-Литовске

В донесении Сталину от 20 сентября начальник Политуправления РККА Л. З. Мехлис сообщал, что польские офицеры «как огня боятся украинских крестьян и населения, которые активизировались с приходом Красной армии и расправляются с польскими офицерами. Дошло до того, что в Бурштыне польские офицеры, отправленные в школу и охраняемые незначительным караулом, просили увеличить число охраняющих их как пленных бойцов, чтобы избежать возможной расправы с ними населения»[28].

Белорусы и украинцы в подавляющем большинстве с воодушевлением приветствовали Красную армию — с флагами, цветами, хлебом-солью. Меньшинство из числа зажиточных слоев населения заняло выжидательную позицию, опасаясь социалистических преобразований новой власти. «Встречаем радостные и заплаканные от радости лица наших братьев — белорусов. Всюду оказывают помощь», — записал в своем дневнике командир взвода 261-го стрелкового полка лейтенант А. Матвеев[29]. 22 сентября передовой отряд 6-го казачьего кавалерийского корпуса во главе с полковником И. А. Плиевым вошел в Белосток, чтобы принять его от немцев. Командир корпуса будущий Маршал Советского Союза А. И. Еременко так описывал эти события: «Когда наши казаки прибыли в город, случилось то, чего гитлеровцы больше всего боялись и чего пытались избежать... Наших товарищей окружили тысячи горожан. Они горячо приветствовали их, обнимали как родных и дарили цветы. Немецкое командование наблюдало всю эту картину с нескрываемым раздражением. Контраст встречи вермахта и нашей армии с населением не только Белостока, но и других городов и

сел свидетельствовал о бездонной пропасти, которая разделяла две армии, представлявшие два различных государства, два мира»[30]. В результате немецкие части поспешили покинуть город задолго до наступления ими же назначенного срока.

Одним из дискуссионных вопросов, связанных с Освободительным походом, является тема так называемого «совместного парада советских и немецких войск в Бресте». Краткая история этого события такова. 14 сентября части немецкого 19-го моторизованного корпуса под командованием генерала Г. Гудериана заняли Брест. А 22 сентября к городу подошла 29-я танковая бригада комбрига С. М. Кривошеина. Поскольку Брест находился в советской сфере влияния, то после переговоров немцы согласились оставить город. Таким образом, изначально парад являлся торжественной процедурой вывода немецких частей из Бреста и передачи его советским частям. Гудериан действительно хотел провести полноценный совместный парад, однако был вынужден согласиться на следующие предложения Кривошеина: «В 16 часов части вашего корпуса в походной колонне со штандартами впереди покидают город, мои части также в походной колонне вступают в город, останавливаются на улицах, где проходят немецкие полки, и своими знаменами салютуют проходящим частям. Оркестры исполняют военные марши»[31].

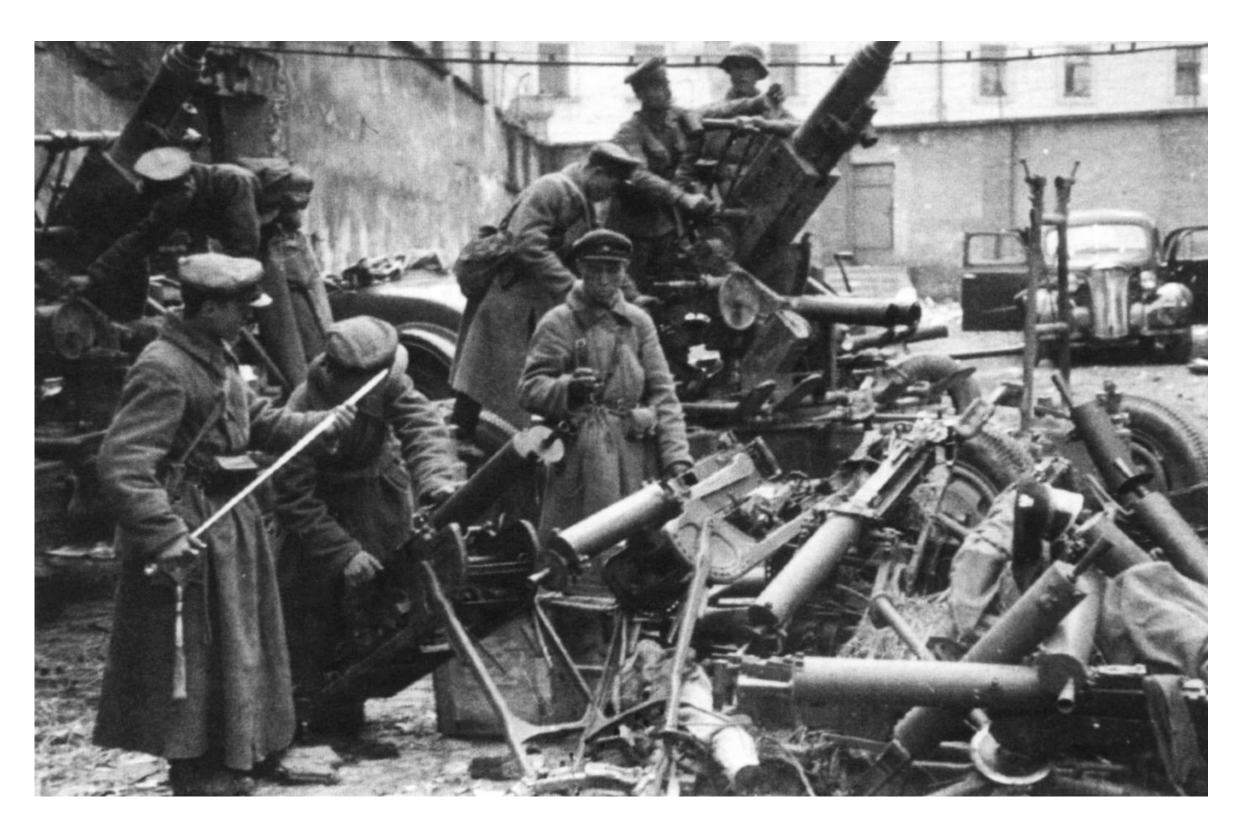
Никакого совместного прохождения войск не было. Кривошеин находился рядом с Гудерианом в качестве наблюдателя. Сначала из города вышли немецкие войска, затем вошли советские. К сказанному можно лишь добавить, что Строевой устав пехоты РККА (1938) оговаривал в отношении парада определенные требования, которым мероприятие в Бресте абсолютно не соответствовало.

Сразу после вступления частей РККА на польскую территорию в генеральном штабе сухопутных войск Германии прошло совещание относительно будущей демаркационной линии. По его итогам уже к вечеру 17 сентября в Москву был направлен проект совместного советско-германского заявления, но Сталин предложил собственный вариант, на который Берлин дал согласие. Он и был оглашен по советскому и немецкому радио: «Во избежание всякого рода необоснованных слухов насчет задач советских и германских войск, действующих в Польше, правительство СССР и правительство Германии заявляют, что действия этих войск не преследуют какой-либо цели, идущей вразрез интересам Германии или Советского Союза и противоречащей духу и букве пакта о ненападении, заключенного между Германией и СССР. Задача этих войск, наоборот, состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом Польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования»[32].

На следующий день в ходе встречи с Шуленбургом Сталин заявил о своей обеспокоенности относительно того, будет ли германское верховное командование придерживаться прежних договоренностей и вернутся ли немецкие войска на линию, которая была определена в Москве (Писса — Нарев — Висла — Сан). Посол постарался успокоить советского лидера, но запросил у Берлина дополнительные инструкции. В этот же день немецкое командование задержало отправку на запад ряда соединений из района Люблина. Вечером 19 сентября Молотов вызвал Шуленбурга и заявил ему, что «начальник оперативного отдела вермахта Варлимонт показал вчера исполняющему обязанности советского военного атташе в Берлине карту, на которой нанесена будущая “граница рейха”. Она проходит вдоль Вислы, идет через Варшаву, но дальше нанесена так, что Львов остается на немецкой стороне». Это в корне противоречило московским соглашениям. Шуленбург ответил, что произошло недоразумение, так как на карте, видимо, была показана временная демаркационная линия[33]. Ни СССР, ни Германия не были заинтересованы в обострении ситуации, и в итоге немецкая сторона пошла на уступки. Приказ Гитлера об отводе войск далеко на запад, к согласованной демаркационной линии был передан в войска 20 сентября. Генерал Ф. Гальдер в своем дневнике назвал это днем «позора немецкого политического руководства»[34]. 21 сентября советские войска также получили приказ остановиться, с тем чтобы начать движение на установленную демаркационную линию по мере отвода германских войск.

Плакат, посвященный освободительному походу Красной армии

Немецкие офицеры в расположении советской воинской части. Сентябрь 1939 г.
В центре — командир 29-й танковой бригады С. М. Кривошеин



Красноармейцы осматривают трофеи, захваченные во время похода в Западную Белоруссию

23 сентября в газете «Правда» было опубликовано совместное коммюнике: «Германское правительство и правительство СССР установили демаркационную линию между германской и советской армиями, которая проходит по р. Писса до ее впадения в р. Нарев, далее по р. Нарев до ее впадения в р. Буг, далее по р. Буг до ее впадения в р. Висла, далее по р. Висла до впадения в нее р. Сан и дальше по р. Сан до ее истоков»[35]. К 5–9 октября все части Красной армии, продвинувшиеся дальше установленной границы, были отведены на установленные рубежи. Вместе с советскими войсками на восток уходило белорусское, украинское и еврейское население оставляемых областей. Для него были организованы специальные пункты приема с питанием и медицинским обслуживанием. Регистрировался и незначительный отток населения (преимущественно этнических поляков) в зону немецкой оккупации.

В ходе проведения операции органами военной юстиции регистрировались воинские преступления, в том числе мародерство и самосуды над взятыми в плен офицерами и жандармами. Однако следует подчеркнуть, что командование, особые отделы и военная прокуратура предпринимали эффективные и адекватные меры, направленные на пресечение подобных преступлений и наказание виновных, хотя в отдельных случаях применялись символические или, напротив, чрезмерно строгие санкции. Так, 21 сентября курсант отдельного зенитного эскадрона армейской кавалерийской группы Харченко произвел обыск у учительницы села Добровляны и забрал у нее двое часов и велосипед, за что по решению военного трибунала был расстрелян[36]. Всего в период с 17 сентября по 1 ноября 1939 г. смертные приговоры были вынесены 16 военнослужащим, 88 человек осуждено к различным срокам заключения[37].

Еще до завершения операции Сталин предложил Германии коррекцию территориальных изменений: Советский Союз теперь претендовал лишь на области восточнее линии Керзона (уступая Люблинское и часть Варшавского воеводства), а в компенсацию должен был получить Литву, ранее отходившую к германской сфере влияния. 25 сентября Сталин лично провел соответствующие переговоры с Шуленбургом, а 27 сентября в Москву вновь прибыл Риббентроп. Окончательное территориальное урегулирование было завершено 28 сентября 1939 г. подписанием между СССР и Германией договора «О дружбе и границе». К нему прилагалось два секретных дополнительных протокола: первый закреплял изменения в границах сфер влияния, второй запрещал польскую агитацию на присоединенных территориях. Еще один (конфиденциальный) протокол регулировал проблему перехода немецкого, а также украинского и белорусского населения из соответствующих зон влияния в Германию и в СССР.

Сегодня, зная дальнейший ход истории, можно уверенно утверждать, что фактически в сентябре — октябре 1939 г. СССР решал на подготовительном этапе задачу национально-государственного выживания, что и подтвердили последующие события, связанные с трудным началом Великой Отечественной войны.

Если исходить из государственных соображений и политической логики, то действия Сталина, руководства СССР в целом выглядят в ситуации начавшейся Второй мировой войны вполне оправданными. В самом деле, советско-польские отношения всегда отличались напряженностью, периодически приобретая откровенно конфронтационный характер. Война 1920 г. была свежа в памяти, а обширные территории, населенные миллионами украинцев и белорусов, судьба которых не только на словах волновала советское правительство, еще совсем недавно входили в состав России. Позволить фашистской Германии еще более укрепиться за счет этих земель и значительно приблизиться к жизненно важным центрам Советского Союза было бы серьезнейшей ошибкой.

То, что для проведения польского похода имелись веские основания, признавал даже такой убежденный антикоммунист, как У. Черчилль. Выступая 1 октября 1939 г. по радио, он заявил: «Россия проводит холодную политику собственных интересов. Мы бы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях как друзья и союзники Польши, а не как захватчики. Но для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии. Во всяком случае, эта линия существует, и следовательно, создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не посмеет напасть...»[38]

Никто не обманывался и на тот счет, что при ином варианте развития событий Польша охотно выступила бы союзником Гитлера в его агрессии против СССР. Посол Германии в Польше Г. Мольтке прямо говорил: «Мы знаем, что в случае германо-советского конфликта Польша будет стоять на нашей стороне»[39]. К тому же в памяти были свежи события 1938 г., когда поляки участвовали в разделе Чехословакии, захватив Тешинскую область, в результате чего Советский Союз выступил с открытым предупреждением о возможной денонсации советско-польского договора о ненападении.

В результате Освободительного похода под контроль СССР перешла территория площадью свыше 190 тыс. км^2 с населением более 12 млн человек. Границы Советского Союза отодвинулись на запад на 250–300 км, и теперь они практически полностью соответствовали линии Керзона, рекомендованной Антантой в 1918 г. в качестве восточных рубежей Польши. Большая часть территории Виленского края вместе с г. Вильно была передана Литве в соответствии с договором о взаимопомощи, заключенным 10 октября 1939 г.; меньшая вошла в состав Белорусской ССР[40]. Это имело большое значение в связи с намерениями по включению Прибалтийских государств в советскую зону влияния. Не были осуществлены планы Гитлера по созданию буферных сателлитных образований между СССР и Германией.

31 октября 1939 г., подводя итоги операции, В. М. Молотов заявил: «Оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем Красной армии,

чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей»[41]. В. М. Молотов таким образом перефразировал высказывание Ю. Пилсудского относительно «искусственно и уродливо созданной Чехословацкой республики». Им были приведены официальные данные о потерях Красной армии, которые составили 737 убитых и 1862 раненых (в современных исследованиях общее число безвозвратных потерь определяется в 1475 человек убитыми и 3858 ранеными)[42]. Также было потеряно 42 единицы бронетехники и до девяти самолетов различных типов (в том числе в результате аварийных посадок).

Потери польской стороны в действиях против советских войск составили 3,5 тыс. человек убитыми, около 2 тыс. пропавшими без вести и 454,7 тыс. пленными. Число пленных включает солдат и офицеров вооруженных сил Польши, полицейских, жандармов и лиц, захваченных с оружием в руках, при этом войска Белорусского фронта взяли в плен 60 202 человека (из них 2066 офицеров)[43], а Украинского — 392 334 человека (в том числе 16 723 офицера)[44]. Непосредственно военнослужащих вооруженных сил Польши в плену насчитывалось 240–250 тыс., в том числе около 10 тыс. офицеров. В качестве трофеев было захвачено «свыше 900 орудий, свыше 10 тыс. пулеметов, свыше 300 тыс. винтовок, более 150 млн патронов, около 1 млн снарядов и до 300 самолетов».

Для рассмотрения вопроса о военнопленных Политбюро ЦК ВКП(б) создало комиссию во главе с секретарем ЦК ВКП(б) А. А. Ждановым. На основании ее предложений 3 октября 1939 г. Совет народных комиссаров СССР принял Постановление о военнопленных № 1626–390сс, в соответствии с которым бывшие солдаты польской армии — уроженцы Западной Украины и Западной Белоруссии подлежали освобождению. Солдаты — уроженцы «немецкой части Польши» должны были содержаться в специальных лагерях до окончания переговоров с Германией об их отправке на родину. Офицеров, полицейских и других служащих силовых органов предписывалось разместить в специальных лагерях.

Опыт проведения польского похода имел большое значение с точки зрения извлечения уроков из его проблемной стороны. В частности, были выявлены серьезные недостатки при организации и проведении мобилизационных мероприятий, а также при подготовке призывного состава. Обращалось внимание на недостатки в работе штабов (особенно армейского звена), низкий уровень взаимодействия между различными родами войск, трудности управления войсками на поле боя, плохую работу тыловых служб. Итоги применения танковых корпусов были оценены негативно, что стало основанием для принятия в ноябре 1939 г. ошибочного решения об их расформировании. К сожалению, необходимые меры по исправлению ситуации в полном объеме не были реализованы. Сталин в своей речи перед советскими военачальниками 17 апреля 1940 г. отметил: «Нам страшно повредила польская кампания, она избаловала нас... У нас, товарищи, хвастались, что наша армия непобедима, что мы всех можем шапками закидать, нет никаких нехваток... Наша армия не поняла, не сразу поняла, что война в Польше — это была военная прогулка, а не война. Потребовалось время, чтобы она стала перестраиваться»[45].

После завершения Освободительного похода начались политические и социальные преобразования в западных областях Украины и Белоруссии. В предельно сжатые сроки была создана система временных органов «революционно-демократической власти»: управления в городах, поветах и воеводствах, рабочие комитеты на предприятиях, крестьянские комитеты в волостях и деревнях. Состав органов временного управления первоначально утверждался командованием РККА; они в свою очередь утверждали состав крестьянских комитетов, избранных крестьянскими сходами.

Опираясь на отряды рабочей гвардии и крестьянской милиции, новые органы власти брали в свои руки руководство политической, административно-хозяйственной и культурной жизнью городов и деревень. Взяв под контроль наличные запасы сырья, продуктов и товаров, они обеспечивали население продовольствием и товарами первой необходимости по фиксированным ценам, вели борьбу со спекуляцией, принимали и распределяли продукты

Вручение крестьянам документов на пользование землей. Западная Белоруссия. 1940 г.

и товары, поступавшие из СССР в порядке безвозмездной помощи. Началась конфискация помещичьих земель (крестьяне Западной Украины получили в бесплатное пользование 1,5 млн гектаров земли, а Западной Белоруссии — более 400 тыс. гектаров), национализация банков и промышленных предприятий. Был установлен восьмичасовой рабочий день, осуществлялись и другие социальные преобразования.

В сентябре — октябре 1939 г. в Западной Белоруссии и на Западной Украине открылось значительное количество новых школ, образование в которых было переведено по выбору граждан на родной язык — белорусский, украинский, русский, польский. Бесплатное образование резко расширило число учащихся за счет детей крестьян и рабочих. Вновь открытые больницы и медпункты обслуживали население бесплатно.

22 октября 1939 г. состоялись выборы депутатов в Народное собрание Западной Украины, что в СССР трактовалось как референдум о воссоединении с Советской Украиной.

По официальным данным, в голосовании приняли участие 4 млн 433 тыс. 997 избирателей (92,83 %), из которых «за кандидатов блока рабочих, крестьян и интеллигенции» проголосовало 90,93 %.

В Западной Белоруссии в выборах участвовали 2 млн 672 тыс. 280 граждан, имеющих избирательные права (96,71 % от общего числа), 90,67 % из них проголосовало «за»[46]. Хотя выборы проводились на безальтернативной основе, голосование против предлагаемых кандидатов было возможно. Национальный состав новых органов власти был смешанным и в целом репрезентативным. Так, среди депутатов Народного собрания Западной Белоруссии числились 621 белорус, 127 поляков, 72 еврея, 53 украинца, 43 русских[47]. Итоги выборов в целом объективно отражали общественные настроения и подтвердили, что подавляющее большинство населения этих регионов поддерживает установление советской власти и присоединение к СССР.

27 октября Народное собрание Западной Украины единогласно приняло декларации об установлении советской власти и о вхождении в состав Советского Союза. 29 октября за аналогичные решения проголосовало Народное собрание Западной Белоруссии.

Рассмотрев соответствующие обращения, Верховный Совет СССР на 5-й внеочередной сессии 1 ноября постановил включить Западную Украину в состав Украинской ССР, а 2 ноября — Западную Белоруссию в состав Белорусской ССР.

Акты о взаимопомощи с Прибалтийскими государствами

Сложные переплетения внешнеполитических, военных и экономических процессов в 1930-е гг. на Европейском континенте оставили своеобразный отпечаток на восприятии Эстонией, Латвией и Литвой, их властными группировками и обществами своего места в мире. После установления в Германии экспансионистского гитлеровского режима, опиравшегося на человеконенавистническую идеологию и прямое насилие, Прибалтийским странам предстояло определиться в стратегии и тактике отношения к нацистскому Берлину, а также выстраивания связей с соседями, включая СССР, и странами Запада.

Утверждение в Прибалтике авторитарного правления с профашистской идеологией (с 1926 г. — диктатура Антанаса Смятоны в Литве, с 1934 г. — диктаторские режимы Константина Пятса в Эстонии и Карлиса Улманиса в Латвии) оказало ключевое влияние на формирование стереотипов, предпочтений и антипатий официальных Риги, Таллина и Каунаса к ведущим акторам мира. При этом особая ситуация сложилась в Литве, военно-политическое положение которой характеризовалось хроническим конфликтом с Варшавой (и, следовательно, международной «полуизоляцией») из-за оккупированного польскими войсками Вильнюса и окрестных земель и нараставшими реваншистскими претензиями Германии в «мемельском вопросе» (Клайпеда).

Прослеживая дипломатические виражи и особенности режима, характерные для Латвии как центральной страны региона в период диктатуры Карлиса Улманиса (1934–1940), можно уяснить закономерности провала противоречивых попыток сохранить нейтралитет и «вождистскую» государственность в условиях начавшейся Второй мировой войны и неизбежного драматического столкновения СССР и Германии.

Приход в январе 1933 г. к власти в Германии Адольфа Гитлера означал образование в центре Европейского континента очага военной опасности. Идеология нацистов, их внешнеполитическая доктрина опирались на представления о расовом превосходстве арийцев и требования мировой гегемонии «тысячелетнего рейха». В прибалтийских столицах с самого начала недооценивали разрушительный потенциал нацизма и настрой гитлеровского руководства на освобождение Берлина от каких-либо военных ограничений Версаля, хотя лозунги пересмотра территориально-политических последствий Первой мировой войны и вызывали нарастающие опасения у ближних и дальних соседей Третьего рейха. Так, латвийский посол

в Берлине Э. Криевиньш 31 января 1933 г. писал министру иностранных дел Латвии К. Зариньшу, что кабинет Гитлера является «новым экспериментом» и еще неясно, кто больше, а кто меньше имеет повод радоваться. В свою очередь германский посол в Риге Г. Марциус сообщал своему руководству о том, что латыши все же опасаются германской угрозы своей независимости, хотя антикоммунизм нового правительства Германии вызывает широкое удовлетворение в Латвии[48].

Утверждение германского посла о «широком удовлетворении» было явным преувеличением. Наоборот, в латвийском обществе на протяжении 1933 г. наблюдались массовые протестные настроения в адрес местных и германских нацистов, выразителями которых наряду с коммунистами были влиятельные в тот период социал-демократы. 17 марта сейм поддержал предложение этой партии о высылке фашиствующих иностранцев, закрытии организаций и печатных органов их местных сторонников. В ответ Германия пригрозила торговым эмбарго и рядом других репрессивных мер. Кабинет министров Латвии предпочел пойти на уступки и не выполнять антинацистское парламентское решение. Более того, «главным врагом» демонстративно объявили вовсе не нацистов, а депутатов-коммунистов в сейме, которые и были в ноябре 1933 г. арестованы по обвинению в «государственной измене». Этот политический жест, благосклонно воспринятый в Берлине, фактически стал прологом к военному перевороту в Латвии в мае 1934 г.

Активизация нацистов уже в 1933 г. привела к существенным изменениям во внешнеполитических подходах советского руководства, сделавшего ставку на поддержку доктрины коллективной безопасности в Европе и гарантированного нейтралитета государств-лимитрофов, не развернутого де-факто против СССР. Дипломатические усилия Москвы были обусловлены потребностями предотвращения военной угрозы. В частности, прибалтийская проблема сводилась к следующему: в случае войны обосновавшийся в регионе противник имел возможность, во-первых, блокировать Краснознаменный Балтийский флот и, во-вторых, с выгодных позиций начать наступление на Ленинград, потеря которого могла обернуться для Советского Союза катастрофическими последствиями.

Вместе с тем активность Москвы на международной арене по предотвращению фашистской угрозы вызывала недоверие и подозрительность в странах Прибалтики. Правящие круги в этих государствах продолжали оставаться в плену доктрины «санитарного кордона» против коммунизма, все еще рассчитывая на поддержку Лондона, Парижа и Вашингтона, а в случае ее дефицита — на формирование «блока нейтралов» или некоторый эффект от сближения с Берлином. Так, в декабре 1933 г. Латвия и Финляндия подписали секретный протокол о военно-политическом сотрудничестве, содержавший призыв к созданию прибалтийско-скандинавского союза. Но попытка главы МИД Латвии В. Салнайса найти поддержку в ходе визита в Стокгольм не увенчалась успехом: шведы не были заинтересованы в доминировании на прибалтийской площадке сближавшихся между собой Польши и гитлеровской Германии, однако латышам, эстонцам и литовцам не доверяли, желая вообще избежать каких-либо блоковых обязательств[49].

Военно-политическая обстановка в регионе с учетом нацистской угрозы для Советского Союза на прибалтийском направлении все же требовала от Таллина, Риги и Каунаса иного уровня гарантий, соответствовавших законным и жизненно важным интересам безопасности СССР. Со своей стороны, советское руководство понимало значимость и настойчиво добивалось надежно гарантированного нейтралитета Эстонии, Латвии и Литвы — нейтралитета, не препятствующего коллективным действиям против агрессора и способного перерасти в союзнические отношения в оборонных вопросах. «Созданные Антантой балтийские государства, которые выполняли функцию кордона или плацдарма против нас, сегодня являются для нас важнейшей стеной защиты с Запада», — констатировал в начале 1934 г. заведующий бюро международной информации ЦК ВКП(б) Карл Радек[50].

Однако Эстония, Латвия и Литва ревностно следили за соблюдением формальных аспектов своего суверенитета в случаях, когда международные инициативы исходили от

Москвы или с ее подачи. Так, в январе 1934 г. Рига и Таллин отклонили общее предложение СССР и Польши о предоставлении Прибалтийским странам гарантий их безопасности; отказалась в итоге от подписания совместной декларации о заинтересованности в неприкосновенности Прибалтики и Варшава[51]. Получив отказ польского руководства, Кремль попытался добиться гарантий независимости Прибалтийских стран от Третьего рейха. Берлину было предложено подписать протокол, в котором правительства СССР и Германии обещали бы «неизменно учитывать в своей внешней политике обязательность сохранения независимости и неприкосновенности» Прибалтийских государств. Германия также отвергла это предложение[52].

Стремительный вираж Польши по сближению с нацистским Берлином и заключение с ним 26 января 1934 г. соглашения о ненападении и взаимопонимании подтвердили необходимость рассматривать вопросы безопасности в более широком составе участников, а также укреплять двустороннюю договорно-правовую базу. 20 марта 1934 г. СССР предложил Прибалтийским странам продлить действие договоров о ненападении от 1932 г., которые выразили на это согласие и 4 апреля пролонгировали их сроком на 10 лет.

Весной — летом 1934 г. проходили советско-французские переговоры о широкомасштабной программе коллективной безопасности, на которых обсуждалась идея заключения Восточного пакта («Восточного Локарно») с участием СССР, Германии, Чехословакии, Польши, Финляндии, Литвы, Латвии и Эстонии, а также Франции в качестве гаранта. Германия, Польша, а вслед за ними Прибалтийские страны, так или иначе, отвергли эту инициативу. Отказалось от роли гаранта в данном формате и правительство Франции.

Значительно меньшую щепетильность в отношении своего суверенитета прибалтийские столицы проявляли, добиваясь гарантий безопасности от Великобритании, которую считали своим главным военным союзником. В ответ на все дипломатические заходы латышей, литовцев и эстонцев Лондон выражал «индифферентность», что позволило, например, послу Латвии в Британии К. Зариньшу прийти к выводу: Туманный Альбион до сих пор заинтересован в существовании Латвии и остальных стран Балтии, но не настолько, чтобы защищать их с оружием в руках. Латвийский историк А. Зунда, посвятивший монографию двусторонним отношениям с этой страной, отмечает: «Вместе с тем Латвия в середине и второй половине 1930-х гг. все еще надеялась на возможности экономического и политического сближения с Великобританией. Многократные визиты [главы МИД] В. Мунтерса в Лондон и его прием на самом высоком уровне, а также переговоры с английскими руководителями и их туманные обещания заботиться о мире и стабильности в рамках Устава Лиги Наций сохраняли какие-то надежды. Однако никаких конкретных действий с британской стороны не последовало. Наоборот, в рассматриваемый период Англия всеми силами стремилась добиться соглашения с Германией. Модели такого соглашения неоспоримо затрагивали все восточноевропейские государства, в том числе Балтию».

Отмечая нарастающее безразличие Великобритании и Франции к безопасности Прибалтийских стран и осознавая слабые перспективы тесного военного сотрудничества с Финляндией, МИД Латвии склонялся к выводу, что единственным надежным партнером может быть Эстония (при том что в Таллине к «надежности» латышей относились с заметным скепсисом). 17 февраля 1934 г. союзнические отношения Латвии и Эстонии были значительно укреплены и расширены, включая вопросы регулярной координации внешнеполитической деятельности. Балтийская Антанта была открыта для присоединения Литвы, однако из-за «виленского вопроса» и подозрений в «излишнем сближении» каунасской Литвы с Москвой доверительное сотрудничество, особенно в военной и разведывательной сферах, не складывалось.

Типологическую общность установившихся в регионе к середине 1934 г. диктатур отмечает российский историк Елена Зубкова: «Сделав ставку на армию, националистов и бюрократию, лидеры балтийских стран одновременно позаботились об устранении политической оппозиции своим режимам. Политический плюрализм времени парламентской демократии ушел в прошлое»[53]. При этом, на наш взгляд, важную роль для оценки военно-политических

рисков, связанных с внешней и внутренней политикой Прибалтийских стран, играют идеологическое наполнение установившихся там диктаторских режимов, характер и пропорции заимствований из-за рубежа.

На основе заимствований из «модных» европейских идейных девиаций и банальной ксенофобии местного происхождения с середины 1920-х гг. в Прибалтийских странах верстались планы построения националистических государств, в которых этнические меньшинства должны были знать «свое место». Их идейную основу составляли звонкие лозунги и эпические представления о литовском, латышском или эстонском «хозяине»[54], антикоммунизм, элементы фашистских корпоративистских идей, антисемитские, русофобские или полонофобские настроения (особенно в Литве, но отчасти и в Латвии).

Среди источников вдохновения для пропагандистского обеспечения новых режимов в Литве, Латвии и Эстонии значительное место занимал итальянский фашизм. Так, в июньском номере журнала «Айзсаргс» за 1934 г. наряду с обильным славословием в адрес К. Улманиса была предпринята попытка обосновать необходимость «вождизма» в Латвии со ссылкой на итальянский фашистский опыт. Статью, в которой прославлялся Б. Муссолини, украшал заголовок: «Вождь народа и значение вождизма. В особенности небольшим народам необходимы могучие и отважные вожди»[55]. Следует отметить, что и сам Улманис после переворота ссылался на Муссолини и фашистский режим, усматривая в нем образец для подражания в делах управления государством, в социальной политике и формировании образа сильного вождя.

Встречного энтузиазма со стороны итальянских фашистов не наблюдалось, за исключением общих мер по популяризации своей идеологии за рубежом: всерьез брать Каунас, Ригу и Таллин в «ученики» и союзники они не собирались. Итальянский исследователь дипломатических отношений с межвоенной Латвией Валерио Перна отмечает, что Муссолини было приятно получать свидетельства пиетета к его персоне (и фашизму в целом). При этом «с середины 1930-х гг. Муссолини рассматривал Прибалтику как территорию естественной экспансии немецкого влияния и считал за лучшее не брать на себя никаких обязательств в этих государствах»[56]. Тем не менее прибалтийская дипломатия не оставляла попыток добиться благосклонности итальянских фашистов, рассчитывая на некое посредничество Рима в прояснении перспектив отношений с Германией.

Следует отметить и притягательность для прибалтийских властителей отдельных аспектов самой нацистской доктрины, ее реализации на практике. Так, рижский историк Айварс Странга отмечает, что К. Улманису, посетившему 8 сентября — 18 октября 1933 г. нацистскую Германию для лечения, очень понравилась «волна восторга и электризации», сочетавшаяся с поклонением масс фюреру («отдельный человек — абсолютно ничто») и изгнанием евреев из государственных структур, учреждений культуры и образования. При этом «вождь» сделал вывод о том, что «новой Германии» бояться не стоит — «войны не будет»[57].

В 1936–1937 гг. нараставший германский экспансионизм на практике еще слабо выделял прибалтийский приоритет, за исключением пропагандистской и разведывательной деятельности на территории Литвы, Латвии и Эстонии, а также поддержки организаций балтийских немцев. Однако в Берлине внимательно следили за настроениями в политическом и военном истеблишменте Прибалтийских стран. В 1937 г. подготовленный по приказу военного министра Германии генерал-фельдмаршала В. фон Бломберга военный план отражал немецкие представления о Прибалтийских странах и результатах проделанной работы: Эстония считалась другом, Литва — врагом, а по поводу Латвии возникали сомнения.

Последовательное укрепление германского влияния в Прибалтике, особенно в Эстонии, а также крушение проектов коллективной безопасности вызывали в Кремле серьезное беспокойство. Еще в 1936 г. И. В. Сталин публично выразил обеспокоенность в связи с возможностью сдачи Прибалтийскими странами «границы в кредит» для агрессии против СССР[58]. В 1938 г. германское влияние в Прибалтике резко усилилось. Берлин под предло-

гом «воспитания прессы в духе нейтралитета» потребовал от стран Прибалтики навести «арийский порядок» в печатных изданиях, убрав евреев из состава корреспондентов за рубежом и редактората, а также из числа владельцев газет. Официальная Рига вскоре согласилась с антисемитскими претензиями нацистов в отношении издательского бизнеса и журналистики, устроив «чистку» в ведущих изданиях. Как отмечал глава МИД Латвии В. Мунтерс в беседе с германским послом в Риге У. фон Котце в мае 1939 г., «именно этот тихий антисемитизм дает хорошие результаты, которые народ, в общем, понимает и с которыми соглашается»[59].

Другой иллюстрацией подчинения германской воле прибалтийской дипломатии стала ситуация с отказом от автоматического применения Эстонией, Латвией и Литвой статьи 16 Статута Лиги Наций, позволявшей среди прочего транзит советской военной силы по их территории, акватории и воздушному пространству для борьбы с агрессором в случае нападения на Чехословакию. Берлин при поддержке Таллина сумел надавить на Ригу и Каунас, выступив с угрожающей позицией: руководство рейха «не считает нейтральными страны, допускающие проход иностранных войск через их территории»[60]. В результате 19 сентября 1938 г. Эстония и Латвия, а 22 сентября Литва заявили о необязательности применения статьи 16, приняв тем самым и германское толкование «нейтралитета» (законы о котором в срочном порядке прибалтами были разработаны, утверждены и объявлены)[61].

В секретных беседах с германскими представителями эстонское военное руководство не скрывало своей поддержки действий Германии в случае конфликта и желания быть полезными рейху. Так, 5 июля 1938 г. германский посланник в Таллине Г. Фровейн известил Берлин о том, что начальник штаба эстонской армии генерал Н. Реэк признал важность для Эстонии немецкого контроля над Балтийским морем в случае войны и «заявил, что Эстония также может оказать содействие в этом деле. Например, Финский залив очень легко заминировать против советских военных кораблей, не привлекая никакого внимания. Имеются и другие возможности»[62]. Советская разведка имела информацию о подобных контактах и, в частности, отмечала, что Германия занимается «подготовкой морского плацдарма для войны на Балтийском море»[63].

В обстоятельствах, когда Запад настойчиво желал перенацелить агрессию Гитлера на Восток, доверие к Эстонии, Латвии и Литве как политически устойчивому и в военном плане состоятельному союзнику или нейтралу улетучивалось у всех заинтересованных сторон, включая СССР. На фоне затухания геополитического интереса к Балтийскому региону у Великобритании[64] и Франции официальные Таллин и Рига стали в несколько большей мере прислушиваться к мнению Москвы, но предприняли отчаянную попытку заискивания перед Гитлером.

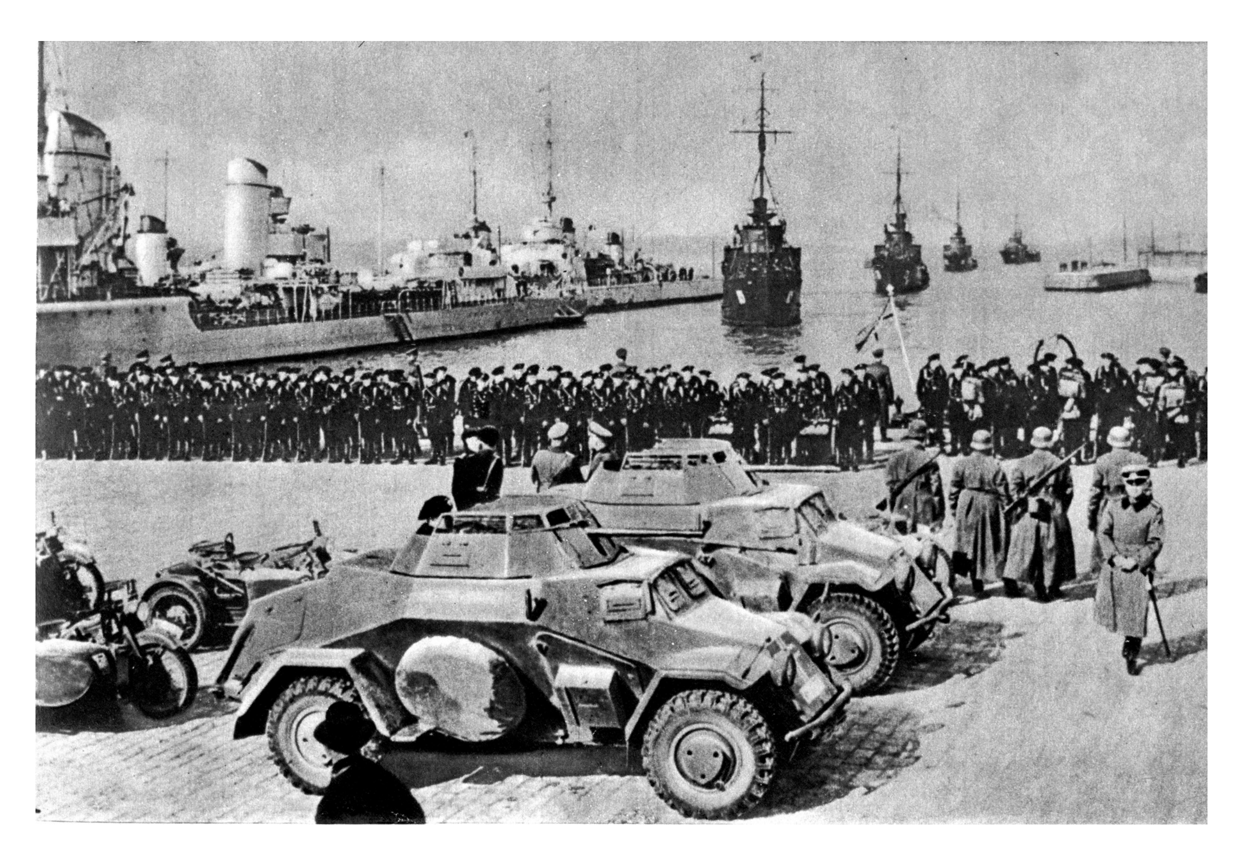
Если равнение эстонской внешней политики на гитлеровскую Германию было заметно уже в 1935–1937 гг., то кульминацией сближения Латвии с рейхом, отмечавшегося еще в 1938 г., стал период весны — начала лета 1939 г. Оккупация Германией Чехословакии не привела к принятию официальной Ригой советского покровительства независимости Латвии; в предупреждениях из Москвы о недопустимости сближения с Германией зазвучали жесткие нотки, которые главой МИД В. Мунтерсом были проигнорированы и лишь подхлестнули попытку встроиться в фарватер германской политики при некотором отдалении от Великобритании и Франции.

Вместе с тем в историографии и публицистике распространены представления о том, что высшие руководители Литвы А. Сметона, Эстонии К. Пятс и Латвии К. Улманис, а также глава МИД Латвии В. Мунтерс и латвийский военный министр Я. Балодис, которому вменялись в вину «явно прорусские высказывания»[65], были тесно связаны с советскими спецслужбами или даже стали «агентами ЧК». Отправными точками для подобных суждений, усиливаемых «тихим (само)подчинением» президентских диктатур в период вхождения советских войск и присоединения Прибалтики к СССР летом 1940 г., являются исследование эстонского историка Магнуса Ильмярва[66] и мемуары заместителя начальника внешней разведки НКВД

Советские войска в Эстонии

СССР (с 10 мая 1939 г.) П. А. Судоплатова. Однако отрывочные сведения о тайной финансовой подпитке литовских националистов для повышения их сопротивляемости польскому вмешательству в 1922–1926 гг., деятельности К. Улманиса и его окружения во второй половине 1920-х гг. или работе в Эстонско-советской коммерческой палате (с 1924 г.) и Нефтяном синдикате К. Пятса в оппозиционный период не дают достаточно внятного ответа на вопрос о наличии и характере секретных контактов прибалтийских «вождей» с Москвой в период диктатуры, а мемуары Судоплатова[67] не позволяют с достаточной точностью верифицировать факт сотрудничества президента Эстонии, главы Латвии или ее внешнеполитического ведомства с советской разведкой, планы Москвы по «замене» Улманиса на Мунтерса и т. п. Разве обманывал В. Мунтерс германских представителей, утверждая: дислокация латвийской армии свидетельствует, что «мы вообще никогда в военном отношении не ориентировались иначе, как только против Востока»?[68] Также остается открытым вопрос: почему Улманис еще до переворота 15 мая 1934 г., неоднократно занимая «разъездной» пост министра иностранных дел, с 1926 г. отказывался от приглашений посетить СССР?

Так или иначе, прогерманский крен во внешней политике Латвии и Литвы весной — летом 1939 г. неоспорим. Эстонский историк Магнус Ильмярв дает объяснение ориентации прибалтийских правительств на нацистский рейх: «К 1939 г. в условиях международного кризиса в Европе Латвия и Литва, следуя за эстонским примером поиска убежища под прикрытием риторики нейтралитета, также стали придерживаться внешнеполитической ориентации, которая в наименьшей степени служила национальным интересам этих стран. Мотивируя это страхом ликвидации частной собственности большевистским Советским Союзом, правительства Эстонии, Латвии и Литвы возложили все свои надежды



Вступление немецко-фашистских войск в Клайпеду. Март 1939 г.

на нацистскую Германию, как наиболее мощного оппонента большевизма»[69]. Немецкий дипломат, начальник IV отдела МИД Германии В. фон Гундхер 6 июня 1939 г. в своей служебной записке подчеркнул, что Берлин и Таллин связывают дружеские отношения даже в военной сфере, и указывал на источник прогерманского «вдохновения» и латвийской дипломатии: «Под влиянием возросшей мощи Великой Германии примерно год назад Латвия также изменила свое отношение к Германии и сегодня проводит настоящую политику нейтралитета»[70].

20 марта 1939 г. Германия потребовала от Литвы передать ей Клайпеду (Мемель) с прилегающей территорией. Шантаж увенчался успехом: 22 марта был подписан германо-литовский договор о передаче Клайпеды рейху, согласно которому стороны брали на себя обязательство о неприменении силы друг против друга. Захват Клайпеды сопровождался демонстрацией военно-морской мощи Германии; Гитлер на линкоре «Дойчланд» отправился из Свинемюнде в Мемель, чтобы лично с триумфом посетить отнятый у Литвы город. Правительства Великобритании и Франции не оказали противодействия Берлину, хотя и относились к числу участников подписанной в 1924 г. в Париже конвенции, признававшей Клайпедский край составной частью Литвы[71].

20 апреля 1939 г. в торжествах, посвященных 50-летию Гитлера, приняли участие не только начальник генштаба эстонской армии генерал Реэк, но и начальник штаба латвийской армии М. Хартманис, а также генерал О. Данкерс, получившие награду из рук фюрера. В ответ на «пряник» в виде торговых и военно-технических контрактов Берлин получил заверения от латвийского руководства о ненаправленности союзнических обязательств Риги и Таллина против рейха. 22 мая 1939 г. состоялось помпезное празднование 20-летия «освобождения

Риги от большевиков» (изгнания из столицы правительства Советской Латвии во главе с П. Стучкой) с участием внушительной делегации из Германии, включая не только ветеранов воевавшего с большевиками ландесвера, но и «парадные» подразделения СС. Как отмечал латвийский политик и публицист М. Вульфсон, «по существу, это был вызов не только большинству антигермански настроенного населения Латвии, но и западным союзникам»[72]. Добавим к этому, что и Советскому Союзу в первую очередь.

В этих условиях Советский Союз вновь попытался обеспечить международные гарантии Прибалтике посредством соглашения с Лондоном и Парижем. Москва дважды, в апреле и мае 1939 г.[73], предлагала западным державам предоставить совместные гарантии Латвии, Эстонии и Финляндии, однако безуспешно. Современный анализ планов нацистов не оставляет сомнений в обоснованности опасений советской стороны по поводу ничем не обеспеченного и поддающегося Берлину прибалтийского «нейтралитета». Так, российский историк Александр Дюков отмечает: «Сегодня мы знаем то, чего не знали участники событий: в Берлине как раз в это время обсуждался вопрос об экспансии на прибалтийском направлении. В утвержденной 11 апреля Гитлером «Директиве о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939–1940 гг.» указывалось, что после разгрома Польши Германия должна взять под свой контроль Латвию и Литву: «Позиция лимитрофных государств будет определяться исключительно военными потребностями Германии. С развитием событий может возникнуть необходимость оккупировать лимитрофные государства до границы старой Курляндии и включить эти территории в состав империи»[74].

На этом фоне попытка Финляндии (наряду со Швецией) добиться в Совете Лиги Наций отмены демилитаризации Аландских островов, режим которой был установлен соответствующей конвенцией 1921 г., была воспринята Кремлем как грубая попытка финнов подыграть Гитлеру на Балтике и создать дополнительную угрозу безопасности СССР, способную также косвенно повлиять на настроения эстонской и латышской элит. И хотя по итогам столкновения дипломатических позиций в Лиге Наций положения указанной конвенции остались в силе, реваншистский зондаж Хельсинки, его неуступчивость в переговорах с Москвой по данному и смежным вопросам, проходивших с декабря 1938 г. по апрель 1939 г., сгущали атмосферу взаимного недоверия и создавали дополнительные предпосылки для будущего военного столкновения[75].

Переговоры СССР с Англией и Францией все еще шли, когда 7 июня 1939 г. в Берлине в торжественной обстановке В. Мунтерс и К. Сельтер подписали с И. Риббентропом пакты о ненападении на 10 лет. Латвийскую и эстонскую делегации ждал радушный прием с участием рейхсфюрера СС Г. Гиммлера и начальника штаба «штурмовиков» СА В. Лутце.

Современные исследователи задаются вопросом: сопровождались ли пакты Риббентропа — Мунтерса и Риббентропа — Сельтера секретными договоренностями, и если это так, то были ли они как-то оформлены? М. Ильмярв в этой связи ссылается на внутренний меморандум шефа немецкой службы новостей для заграницы Дертингера от 8 июня 1939 г., в котором говорится о том, что Эстония и Латвия согласились с тайной статьей, требовавшей от обеих стран координировать с Германией все оборонительные меры против СССР. В меморандуме также указывалось, что Эстония и Латвия были предупреждены о необходимости умного применения их политики нейтралитета, требовавшей развертывания всех оборонительных сил против «советской угрозы»[76].

Следует отметить, что сами германско-прибалтийские пакты и обстоятельства их подписания были сильным элементом давления Гитлера и Риббентропа на советское руководство, хотя вопрос о полноте осведомленности Москвы относительно тайных договоренностей остается открытым[77]. «Эстония и Латвия подписали с Германией пакты о ненападении, — писал впоследствии Уинстон Черчилль. — Таким образом, Гитлеру удалось без труда проникнуть в глубь слабой обороны запоздалой и нерешительной коалиции, направленной против него»[78]. Вскоре официальный Таллин уведомил Лондон о том, что Эстония будет рассматривать «автоматическую помощь» как недружественный акт. Более того, 19 июня 1939 г. посол Эстонии

в Москве А. Рэй на встрече с британскими дипломатами заявил, что помощь СССР заставит Эстонию выступить на стороне Германии[79].

Громкими заявлениями дело не ограничилось; уже 26–29 июня 1939 г. Эстонию посетил начальник генштаба сухопутных войск Германии генерал-лейтенант Ф. Гальдер. Его интересовали не столько состояние войск Эстонии, столько получаемые с эстонского разведывательного плацдарма данные о мобилизационных возможностях СССР и т. п. В те же дни абвер, заручившись поддержкой диктатора К. Пятса и генерала И. Лайдонера, ввел при генштабе эстонской армии должность офицера связи, утвердив в ней фрегатен-капитана А. Целлариуса, занявшего и аналогичный пост в Хельсинки. В июле 1939 г. А. Целлариус при поддержке финнов создал Военную организацию Финляндия (KOF), более известную как Бюро Целлариуса. Эта группа сконцентрировала свои усилия на сборе разведывательных сведений о Ленинградском военном округе, а в дальнейшем и о советских войсках на территории Эстонии[80]. 18 июля 1939 г. в Эстонию прибыл руководитель абвера адмирал В. Канарис в сопровождении начальников управления абвер-I (разведка) Г. Пикенброка и управления абвер-III (контрразведка) Ф. Бентивеньи.

«Суть дилеммы, перед которой оказалась Москва, заключалась в том, что сохранение ее позиций в регионе становилось отныне возможным лишь посредством войны с Германией или путем достижения соглашения с ней»[81], — отмечают российские историки Олег Кен и Александр Рупасов. В условиях отсутствия надлежащих англо-франко-советских договоренностей о совместном противостоянии германской агрессии советское руководство пошло на сближение с Гитлером, который был заинтересован в нейтралитете СССР при нападении на Польшу и мог позволить себе временно пожертвовать своими претензиями на Прибалтику (в первоначальном варианте — кроме Литвы и левобережья Западной Двины в Латвии). Ради этого фюрер был готов временно очертить на карте линию, за которую притязания Германии якобы не распространяются. И. В. Сталин принял решение заключить советско-германский договор о ненападении с секретными дополнительными протоколами от 23 августа 1939 г. (подписан в ночь на 24 августа председателем СНК, народным комиссаром иностранных дел В. М. Молотовым и министром иностранных дел Германии И. фон Риббентропом).

Накануне неизбежного драматического столкновения СССР и Германии, отсроченного в августе — сентябре 1939 г., Прибалтика оказалась в советской «сфере интересов», что на практике означало готовность СССР настоять на заключении со странами региона договоров о взаимопомощи для охраны их границ наряду со своими с использованием ограниченных контингентов РККА и КБФ. Первоначально секретные договоренности были достигнуты в следующей формулировке: «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению к Виленской области признаются обеими сторонами»[82].

С началом агрессии Германии против Польши 1 сентября 1939 г. Прибалтийские страны были озабочены своим положением и поспешили еще раз объявить о своем нейтралитете. Наиболее крутой дипломатический вираж в отношении Польши продемонстрировала официальная Рига: от поздравления Варшавы с ее участием в разделе Чехословакии накануне начала войны в надежде на то, что поляки не выдвинут претензий на юго-восточные районы Латвии, до спешного и «громкого» закрытия польского посольства в сентябре 1939 г. вопреки протестам Лондона, Парижа и польского эмигрантского правительства. Таллин и Каунас предпочли закрыть польские диппредставительства без каких-либо заявлений. Польские военные, переходившие латвийскую границу, интернировались.

Литва надеялась на возвращение Вильнюса, но не предпринимала самостоятельных усилий. Тем временем Берлин к 20 сентября 1939 г. разработал проект под названием: «Основные принципы договора об обороне между Германией и Литвой», по которому Литовское государство обязано было «отдать себя под опеку германского рейха». В военном аспекте этот

проект предполагал, что «численность, дислокация и вооружения литовской армии должны быть регулярно устанавливаемы при полном согласии верховного командования вермахта»[83].

25 сентября А. Гитлер утвердил директиву № 4 о сосредоточении войск вермахта в Восточной Пруссии для вступления в пределы Литвы. В этой связи российский военный историк Сергей Ковалев отмечает: «Их вступление на литовскую территорию представляло опасность для группировки войск Красной армии в Западной Белоруссии, так как в случае эскалации военного противостояния давало вермахту возможность нанести по советским войскам фланговый удар с севера, а с юга — беспрепятственно пройти на территорию Латвии и Эстонии. Эту опасность увеличивала готовность эстонского руководства к военному сотрудничеству с Германией. Чтобы предотвратить такое развитие событий, требовались решительные меры»[84].

Действительно, в связи с началом войны и возможными угрозами Советский Союз предпринял ряд мер по мобилизации и развертыванию сил в регионе. Так, 8 сентября 1939 г. приказом наркома ВМФ сроком на один месяц были задержаны 2193 младших командира и краснофлотца, подлежавших увольнению осенью 1939 г. В течение месяца на учебные сборы в КБФ было призвано более 20 тыс. военнослужащих запаса. Факт бегства в ночь на 18 сентября из Таллина интернированной польской подводной лодки «Оржел» руководство СССР восприняло с тревогой (в Наркомате ВМФ допускали возможность задействования скрывшейся субмарины в борьбе с советским судоходством в связи со вступлением 17 сентября Красной армии на территорию Восточной Польши — Западной Белоруссии и Западной Украины)[85] и решило использовать его для дальнейшего наращивания военного присутствия СССР в Финском заливе и политического нажима на Эстонию в целях создания надежной системы безопасности на Балтике.

На сухопутных границах с Эстонией и Латвией советское руководство также сосредоточивало группировку войск: в Ленинградском военном округе (ЛВО) разворачивались Отдельный Кингисеппский стрелковый корпус и 8-я армия, в Калининском военном округе — 7-я армия. На Белорусском фронте у границ Литвы готовилась к активным действиям 3-я армия (общая численность личного состава трех армий и стрелкового корпуса на 28 сентября — 6 октября 1939 г. достигала 437 тыс. человек, танков — 3052, артиллерийских орудий — 3635 единиц). Директива Наркомата обороны СССР № 043/оп от 26 сентября 1939 г. требовала от штаба ЛВО, у которого в оперативном подчинении с 15 сентября находилась и 7-я армия, «немедленно приступить к сосредоточению сил на эстонско-латвийской границе и закончить таковое 29 сентября»[86]. В свою очередь эстонская сторона завершила предмобилизационные приготовления к 27 сентября; Латвия демонстративных мер подготовки к войне в целом избегала.

Если совокупный мобилизационный ресурс личного состава армий Прибалтийских государств достигал внушительных размеров (годные к службе — 876 тыс., военнообученные — 565 тыс., расчетная численность армий военного времени — 427 тыс., военизированные отряды —140–170 тыс. человек), то их военно-техническая оснащенность была явно недостаточной для самостоятельного ведения боевых действий в современных условиях (винтовок — около 333 тыс. штук, артиллерийских орудий — 1200, танков и бронемашин — 147 единиц)[87]. Советской разведкой, в том числе разведотделом КБФ, боевая подготовка и огневая мощь войск Эстонии и Латвии, состояние береговой обороны, развитие авиации и средств связи оценивались в 1939 г. как весьма слабые; более высокий уровень отмечался в развитии и взаимодействии ВМС двух стран в районах Рижского залива, Моонзунда и устья Финского залива[88].

Однако военный сценарий не был задействован напрямую, уступив место дипломатическому, предполагавшему как договоренности с Берлином о распространении сферы советских интересов на Литву (закреплены в секретном протоколе к Договору о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г.), так и вынужденное получение согласия Прибалтийских стран на размещение у себя советских военных баз. Военный разгром Польши в сентябре

За советскую власть в Эстонии. Демонстрация в Таллине.
Июнь 1940 г.

1939 г. и установление непосредственных границ между СССР и Третьим рейхом кардинально изменили подходы советского руководства к оценке и обеспечению гарантий военной безопасности в Прибалтике. Теперь планка минимальных требований Москвы к балтийским странам повышалась до размещения в договорном порядке на их территории и акватории ограниченного контингента советских сухопутных, морских и военно-воздушных сил для отпора намечавшейся германской агрессии. Как справедливо отмечают современные российские военные историки, и в частности С. Н. Ковалев, «переговоры проходили сложно, а обстановка требовала незамедлительных мер»[89]. В этой связи яркой иллюстрацией намерений СССР служит заявление В. М. Молотова министру иностранных дел Эстонии К. Сельтеру от 24 сентября 1939 г.: «Договор с Германией имеет определенный срок действия, — сказал он. — Так что ни мы, ни Германия не сложили оружия»[90]. Следовательно, «Советскому Союзу требуется расширение системы своей безопасности, для чего ему необходим выход в Балтийское море»[91].

После интенсивных и тяжелых переговоров в Москве были подписаны пакты о взаимопомощи СССР с Эстонией 28 сентября 1939 г., с Латвией 5 октября и с Литвой 10 октября (последний именовался «О передаче Литовской республике города Вильно и Виленской области и о взаимоотношении между Советским Союзом и Литвой»). Пакты сопровождались торговыми соглашениями, позволявшими Прибалтийским странам получить рынок сбыта сельхозпродукции в СССР и восполнить товарно-сырьевые потери, вызванные острым дефицитом импорта из-за начавшейся войны в Европе.

Благодаря договорам о взаимопомощи СССР получил право разместить свои военно-морские базы на стратегически доминирующих в Рижском и Финском заливах эстонских

островах Сааремаа (Эзель), Хийумаа (Даго) и в городе Палдиски (Балтийский порт), а также в незамерзающих латвийских портах Лиепая (Либава) и Вентспилс (Виндава). Конфиденциальные протоколы к договорам устанавливали предельный лимит на размещение гарнизонов наземных и воздушных сил СССР (в Эстонии и Латвии — по 25 тыс., в Литве — 20 тыс. человек)[92], отражавший компромисс между изначальными требованиями советских переговорщиков и возражениями прибалтийских делегаций.

Соотношение численности личного состава эстонской, латвийской и литовской армий (без мобилизационного ресурса и военизированных формирований) с контингентами советских войск в целом составило примерно 73 тыс. человек (соответственно около 20 тыс., 25 тыс. и 28 тыс.)[93] к 61,7 тыс. (21,3 тыс. в 65-м Особом стрелковом корпусе (ОСК) и Особой группе ВВС (Эстония), 21,6 тыс. во 2 ОСК и 18-й авиабригаде (Латвия) и 18,8 тыс. в 16 ОСК, 10-м истребительном и 31-м среднебомбардировочном полках (Литва). Войска получили строгие инструкции не вмешиваться во внутреннюю жизнь Прибалтийских государств, избегать провокаций. Однако практическая реализация договоренностей была сопряжена с множеством проволочек и сложностей, касавшихся вопросов аренды, строительства, военных перевозок и т. п., переговоры по преодолению которых велись вплоть до июня 1940 г.

Размещение советских войск в Эстонии, Латвии и Литве вызвало далеко не у всех в этих странах восторженные оценки, но их официальные представители, в том числе и в своем узком кругу, вынуждены были признавать корректность поведения советской стороны и определенные выгоды от размещения баз. Так, литовский посланник в Третьем рейхе К. Шкирпа в беседе с советским дипредставителем в Берлине А. Шкварцевым заявил, что «размещение русских войск в Литве произошло совершенно безукоризненно». Схожие позиции, судя по докладу литовского посланника во Франции П. Климаса главе МИД Литвы Ю. Урбшису, высказывались и на закрытом совещании послов Прибалтийских стран 28 ноября 1939 г. в Париже: «Русские гарнизоны не вызвали никаких недоразумений и не создали каких-либо затруднений. Кроме того, советские войска в Эстонии платят за товары английскими фунтами или долларами, а это положительно сказывается на финансах в то время, когда в стране не хватает валюты. У латыша также нет никаких неблагоприятных известий о русских»[94].

При этом за дружественными улыбками властей Прибалтийских стран в адрес СССР пряталось их желание как-то оправдаться перед Западом за тесное сотрудничество с большевистской Москвой, а также стремление выискивать формальные поводы для блокирования строительства военных объектов РККА и КБФ на отведенной территории. Об этом, например, свидетельствует проект литовской «Инструкции послам по поводу Московского договора» от 2 ноября 1939 г.: «Было бы невыгодно, если бы за рубежом сложилось мнение, что Литва охотно приняла Московский договор и считает его нормальным или даже полезным для нее событием... С Россией приходится вести себя... предоставляя максимум формального содержания подписанным положениям пакта»[95].

Одними дипломатическими кознями и проволочками саботирование договоренностей с Москвой вовсе не ограничивалось. Так, после ввода в Латвию по договору от 5 октября 1939 г. ограниченного контингента войск Красной армии в латвийском генштабе разрабатывались варианты блокирования и уничтожения советских военных баз и гарнизонов, перекрытия прибрежных районов Рижского залива (неособенно реалистичные)[96]. Следует отметить, что подобный вариант развития событий обсуждался И. В. Сталиным и в ходе переговоров с главой МИД Эстонии К. Сельтером 28 сентября 1939 г.: «Не должно быть слишком мало войск, — объяснял Сталин эстонскому министру. — Окружите и уничтожьте»[97]. При этом эстонцы не очень доверяли боеспособности латвийской армии и тайно планировали свою линию обороны глубиной до 60 км на латвийской территории, фактически допуская ее превентивную (встречную) оккупацию[98].

В конце 1939 г. латвийская и эстонская верхушки сохраняли конфиденциальные контакты с нацистами. Например, в ноябре состоялась встреча латвийского командующего К. Беркиса

и начальника штаба армии Х. Розенштейнса с руководителем эстонского и финского отделов абвера А. Целлариусом[99]. Вопреки советско-латвийскому договору о взаимопомощи отдел радиоразведки латвийской армии в ходе Советско-финской «зимней войны» (ноябрь 1939 — март 1940 г.) оказывал практическую помощь финской стороне, переправляя перехваченные радиограммы советских воинских частей[100]. Этому способствовал и неоправдавшийся расчет прибалтийских военных на британское и французское или германское вмешательство в войну против СССР.

Сегодня среди балтийских историков можно встретить утверждения о «незаконности» договоров о взаимопомощи СССР с Эстонией, Латвией и Литвой, с подписанием которых якобы началась «советская оккупация»[101]. Однако об их соответствии нормам международного права свидетельствует тот факт, что эти пакты по просьбе глав МИД Прибалтийских стран были зарегистрированы в Лиге Наций[102]. «Хотя и под давлением, правительства стран Балтии все же согласились с условиями договоров о взаимопомощи, — пишет эстонский юрист Лаури Мялксоо. — Эти договоры применялись на практике более чем полгода, поэтому говорить об их недействительности задним числом было бы фикцией. Кроме того, в то время доминировало мнение юристов... согласно которому заключенные под принуждением договоры не были автоматически недействительными»[103].

Важно отметить, что понимание советским политическим и военным руководством ключевых стратегических задач в регионе с позиций осени 1939 г., в том числе значимости развертывания воинских контингентов в Прибалтике, нашло отражение в приказе НКО СССР от 7 ноября 1939 г. № 199. В этом документе акцентировалось внимание командования и личного состава на следующем важном аспекте: «Договоры Советского Союза с Эстонией, Латвией и Литвой являются прочной основой для мира в восточной половине Балтийского моря и в Восточной Европе»[104].

В целом у руководства стран Прибалтики в конце 1939 — начале 1940 г. сохранялись иллюзии дальнейшего балансирования между воюющими сторонами (нацистской Германией и англо-французской коалицией) и Советским Союзом, опасавшимся быть втянутым в мировую войну в невыгодных условиях, в том числе геополитических на Балтике. Была предпринята также попытка оживить деятельность Балтийской Антанты путем проведения как секретных консультаций политического и военного характера, так и с помощью более формализованных координационных мероприятий — конференций 7–8 декабря 1939 г. и 14–16 марта 1940 г.

Такая активность прибалтов дала повод Москве заподозрить тайное присоединение Литвы к эстонско-латвийскому военному союзу, изначально имевшему антисоветский рефрен, однако сохранившемуся и после подписания договоров о взаимопомощи с Советским Союзом. Но в мае — июне 1940 г. ситуация в корне изменилась. Российский историк Елена Зубкова в этой связи отмечает: «После того как Германия захватила Норвегию и Данию и взялась за Францию, Сталин решил, что пришла пора действовать. С учетом изменившегося баланса сил в пользу Германии договоры о взаимопомощи с балтийскими странами казались слишком ненадежной гарантией, чтобы обеспечить военно-стратегические интересы СССР в Прибалтике, на самой границе с Восточной Пруссией»[105].

Можно констатировать, что неискренность прибалтийской верхушки в соблюдении договоров с Советским Союзом была важным фактором в сочетании с лавинообразным нарастанием нацистской угрозы, побудившим Кремль оказать на эти страны жесткий нажим в целях смены там политических режимов и ввода дополнительных войск. Катастрофически быстрое поражение в июне 1940 г. Франции, считавшейся одним из столпов Версальского мира и самым серьезным военным противником Гитлера на Западе, оставляло мало иллюзий о дальнейшем векторе нацистской агрессии, но и стало катализатором встречных геополитических изменений: в это «окно возможностей» успели уместиться смена власти в Прибалтике под давлением советского ультиматума и присоединение Латвии, Литвы и Эстонии к СССР.

На границах Прибалтики была сосредоточена советская военная группировка, основу которой составляли 3, 8 и 11-я армии. Ее численность с учетом развернутых в Литве, Латвии и Эстонии корпусов достигала 435 тыс. человек; на вооружении имелось свыше 500 бронемашин, более 3 тыс. танков и до 8 тыс. артиллерийских орудий и минометов. 3 июня 1940 г. нарком обороны СССР С. К. Тимошенко «в целях объединения руководства войсками» выделил в свое непосредственное подчинение воинские контингенты РККА в Эстонии, Латвии и Литве из состава войск Ленинградского, Калининского и Белорусского военных округов[106]. 13 июня в войска поступила директива Политуправления РККА, разъясняющая цели и задачи предстоящей операции, в которой отмечалось: «Мы хотим обеспечить безопасность СССР, закрыть с моря на крепкий замок подступы к Ленинграду, нашим северо-западным границам. Через головы правящей в Эстонии, Латвии и Литве антинародной клики мы выполним наши исторические задачи и заодно поможем трудовому народу этих стран освободиться от эксплуататорской шайки капиталистов и помещиков»[107].

14 июня 1940 г. советское правительство предъявило ультиматум Литве, а 16 июня — Латвии и Эстонии, в которых требовалось привести к власти дружественные Москве правительства и допустить на территорию этих государств новые контингенты советских войск. Требования под угрозой силы были приняты, сопротивления дополнительному вводу советских войск, проходившему 15–21 июня, оказано не было[108]. По прибалтийским городам прокатились массовые митинги в поддержку смены режимов. Власти, включая президентов К. Улманиса и К. Пятса, а также исполняющего обязанности президента Литвы А. Меркиса, в целом сотрудничали с советскими представителями (А. Сметоне удалось бежать в Германию). С 21 июня управление 11-й армии разместилось в Каунасе, 3-й армии — в Риге, 11-й армии — в Тарту, при этом командованию по-прежнему запрещалось вмешиваться в политику[109]. Политическими аспектами выполнения советских требований занялись специальные представители в статусе уполномоченных правительства СССР: В. Г. Деканозов (в Литве), А. Я. Вышинский (в Латвии) и А. А. Жданов (в Эстонии).

Несмотря на то что в политически ангажированных оценках действий Кремля, звучащих из уст многих западных и прибалтийских официальных лиц, историков и публицистов, постоянно используется словосочетание «советская оккупация», оно не имеет под собой международно-правовых оснований: в июне 1940 г. на территории Литвы, Латвии и Эстонии не было ни военных действий враждующих армий, ни капитуляции, ни введения оккупационного режима; не последовало и нот протеста со стороны прибалтийских внешнеполитических ведомств или создания «правительств в изгнании». Как отмечает российский исследователь Людмила Воробьева, в картину «оккупации» не вписывается и реакция населения: «От восторженного и благожелательного отношения до настороженного и безразличного в любом случае, какого-либо военного сопротивления или массового гражданского неповиновения летом 1940 г. не наблюдалось»[110].

Во всех трех странах Прибалтики были сформированы дружественные СССР, но не коммунистические по своему составу правительства во главе с Ю. Палецкисом (Литва), А. Кирхенштейнсом (Латвия), И. Варесом-Барбарусом (Эстония). Министерские портфели достались в основном представителям научных кругов, журналистики и художественной элиты левого и левоцентристского направлений[111]. При этом президенты К. Улманис и К. Пятс сохраняли свои должности и подписывали правительственные декреты перед их вступлением в силу, а дипломатический корпус в прибалтийских столицах признавал легитимность новых кабинетов министров (дуайены и послы были представлены главам МИД трех стран).

«Народные правительства» предприняли меры по освобождению политзаключенных, снятию ряда запретов периода авторитарных диктатур, возвращению гражданства политэмигрантам, улучшению материального положения рабочих и служащих, либерализации общественной жизни. При этом были аннулированы военный договор с Эстонией и соглашение о Балтийской Антанте, распущены и частично разоружены военизированные

организации, составлявшие опору прежних режимов (к 15 июля только в Латвии и Литве изъяты 36 214 винтовок и карабинов, 21 250 пистолетов, 47 легких и 17 станковых пулеметов, 2835 гранат и др.)[112], отстранены от работы некоторые сотрудники репрессивных органов. В целом первые политические шаги новых правительств снискали определенную популярность, способствовали оживлению общественной активности.

Крайне малый срок, отведенный на избирательную кампанию по выборам в парламенты Прибалтийских стран (5–13 июля), соответствовал стремительным темпам изменения международной и внутриполитической ситуации, но при этом способствовал закреплению привилегированного положения ранее запрещенных и преследуемых коммунистов, быстро развернувших оргструктуры и составивших внятную предвыборную программу на фоне растерянности «буржуазных кругов» и снятия с выборов их списков по формальным и неформальным причинам. 14–15 июля состоялись выборы в Народные сеймы Литвы и Латвии и Государственную думу Эстонии (избиратели поддержали единственные списки «блоков трудового народа»), обратившиеся затем с просьбой принять республики в состав СССР. Присоединение было оформлено в Верховном Совете СССР соответственно 3, 5 и 6 августа 1940 г. В. М. Молотов, выступая 1 августа на сессии ВС СССР, подчеркнул военно-стратегическую значимость принимаемых решений: «Первостепенное значение для страны имеет тот факт, что отныне границы Советского Союза будут перенесены на побережье Балтийского моря»[113].

В Латвийской, Литовской и Эстонской ССР проводилась национализация банков, промышленности и торговли, земля объявлялась «всенародным достоянием» и перераспределялась в пользу безземельных и малоземельных крестьян. Одновременно расширялись социальные гарантии для населения, предпринимались шаги по введению бесплатной медицины. Интеграция в государственную систему СССР начала интенсифицироваться еще осенью 1940 г. (введение советского рубля параллельно национальным валютам, применение системы советского уголовного права и др.), но наибольшие темпы набрала весной 1941 г. (на Латвию, Литву и Эстонию распространялось советское законодательство о паспортах, воинской повинности и т. д.)[114].

11 июля 1940 г. был образован Прибалтийский военный округ (ПрибВО), включавший в себя советские войска на территории Литвы, Латвии и западной части Калининской области РСФСР с дислокацией управления в Риге (формировалось на базе упраздненного Калининского военного округа). Командующим ПрибВО был назначен генерал-полковник А. Д. Локтионов (июль 1940 г. — декабрь 1941 г.).

14 августа 1940 г. Политбюро приняло постановление «О преобразовании армий в Эстонской, Латвийской и Литовской ССР», согласно которому национальные армии «очищались от неблагожелательных элементов» и преобразовывались, с подчинением командующему войсками ПрибВО в стрелковые территориальные корпуса Красной армии: 22-й в Эстонии, 24-й в Латвии и 29-й в Литве. Нормативная численность одного корпуса устанавливалась в 15 142 человека, т. е. всего 45 426 человек[115].

17 августа 1940 г. ПрибВО из-за непосредственного соприкосновения с вермахтом был преобразован в Прибалтийский особый военный округ (ПрибОВО) с включением в его состав войск на территории Эстонской ССР (ранее — в ЛенВО) и передачей ответственности за управление войсками на части территории Калининской области Московскому военному округу. С декабря 1940 г. ПрибОВО возглавил генерал-лейтенант (с февраля 1941 г. — генерал-полковник) Ф. И. Кузнецов.

Согласно плану стратегического развертывания РККА, принятому в марте 1941 г., северо-западное направление считалось одним из главных для удара немцев (на Ригу или Каунас, Даугавпилс). С августа 1940 г. до 22 июня 1941 г. проводилось наращивание сил ПрибВО, по разным показателям, в 1,5–2 раза: дивизий — с 15 до 25, личного состава — с 173 тыс. до 397 тыс. человек, орудий и минометов — с 3242 до 7019, танков — с 1025 до 1549, самолетов — с 675 до 1344 единиц[116].

14 мая 1941 г. была принята директива наркома обороны СССР Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко, предписывавшая командующему ПрибОВО генерал-полковнику Ф. И. Кузнецову разработать детальный план обороны государственной границы Литовской ССР, противодесантной обороны побережья Балтийского моря к югу от залива Матсалу и островов Даго и Эзель, а также план противовоздушной обороны. 2 июня 1941 г. план прикрытия госграницы и боевых действий ПрибОВО на случай войны был утвержден, однако многие аспекты военно-технического, инженерного и мобилизационного характера к моменту нападения нацистской Германии на СССР командование округа осуществить не успело; не были полностью учтены и компенсированы танкодоступность равнинной местности с относительно развитой сетью шоссейных дорог, протяженность морского побережья, сохранялись изъяны во взаимодействии РККА и КБФ.

Подготовка к отражению военной агрессии гитлеровской Германии и подавлению возможных антисоветских выступлений сопровождалась в Прибалтике политическими репрессиями, в том числе массовыми и необоснованными. При этом полностью подавить националистическое подполье, связанное с абвером, не удалось: у германской разведки в Прибалтике еще в 1930-е гг. была создана широкая агентурная сеть[117], многие звенья которой сохранились.

Тем не менее Советскому Союзу удалось получить контроль над стратегически важным регионом, прикрывавшим одно из вероятных направлений наступления противника, фактически нейтрализовать вооруженные силы Прибалтийских государств, заигрывавших с нацистской Германией (до 11 дивизий; для сравнения: в 1943–1944 гг. немцам удалось создать из числа эстонских и латышских коллаборационистов три дивизии ваффен СС), усилить свои позиции в Балтийском море, особенно за пределами Финского залива, создать предполье против Восточной Пруссии, обеспечить глубину обороны Ленинграда.

Война с Финляндией (1939–1940)

Начало Второй мировой войны резко изменило ситуацию на северо-западных рубежах СССР. Обострение военно-политического положения в Европе потребовало, в первую очередь, принятия мер для защиты Ленинграда. Граница Советского Союза с Финляндией тогда проходила в 32 км от центральных районов города. Учитывая это, в Москве приняли решение продолжить проходившие с февраля 1937 г. переговоры с Финляндией и добиться укрепления безопасности северо-западных границ страны.

Расхождения в политике двух стран во многом были следствием гражданской войны, которая охватила в 1918 г. Финляндию после предоставления ей независимости правительством Советской России. Эта война, где были свои «белые» и свои «красные», закончилась в пользу «белых» при поддержке немецких войск, что в последующем закрепило прогерманскую линию во внешней и военной политике Финляндии.

Летом 1939 г. германо-финляндские контакты активизировались. В июле 1939 г. Финляндию посетил начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал Ф. Гальдер. И хотя немецкие документы не указывают на достижение каких-то конкретных договоренностей, Гальдер в своем отчете сделал вывод, что финские военные являются «несомненно сторонниками Германии». Этот отчет, вероятно, не был известен в Москве, но факт демонстративного приема в Финляндии столь высокого немецкого военачальника, посещения им Карельского перешейка обострил и без того неспокойную обстановку в отношениях между двумя странами.

В октябре советская сторона, используя договоренности с Германией, согласно которым Финляндия входила в «сферу интересов» СССР, предложила по дипломатическим каналам заключить между двумя странами оборонительный союз, договор о взаимной помощи и на его основе решить другие вопросы безопасности.

Официальные переговоры с финляндской делегацией начались 12 октября 1939 г. в Кремле и продолжались с перерывами в течение месяца. С посланником Финляндии в Швеции Ю. К. Паасикиви, который возглавлял делегацию своей страны, встречались и вели переговоры И. В. Сталин и В. М. Молотов. Вопрос о заключении договора о взаимной помощи, аналогичный тому, что был подписан с Прибалтийскими государствами, не рассматривался, поскольку финляндская сторона это предложение категорически отклонила.

14 октября финляндской делегации была направлена «Памятная записка». В ней фактически содержалось требование передать СССР ряд островов Финского залива, часть Карельского перешейка, полуостров Рыбачий и представить в аренду часть полуострова Ханко. В качестве компенсации Финляндии предлагалась вдвое большая территория в Восточной Карелии. «Поскольку Ленинград нельзя переместить, — говорил финляндской делегации Сталин, — мы просим, чтобы граница проходила на расстоянии 70 км от Ленинграда... Мы просим 2700 км^2 и предлагаем взамен 5500 км^2». Дискуссии были весьма острыми, но договориться по данным вопросам с финляндским руководством не удалось. В последний момент советская сторона ограничила свои условия, однако сторонники твердой линии в Финляндии (министр иностранных дел Э. Эркко и другие) под давлением западных держав завели переговоры в тупик. Камнем преткновения явилось нежелание финнов уступать полуостров Ханко (или альтернативно какие-либо близлежащие к нему острова) для создания военной базы, контролирующей вход в Финский залив и защиту Ленинграда с моря.

В Москве пришли к выводу, что в условиях начавшейся мировой войны существующую военно-политическую проблему в отношениях с Финляндией остается решать силой.

На протяжении всего периода 1930-х гг. в Генеральном штабе Красной армии считалось, что балтийский регион является одним из весьма уязвимых для обороны Советского Союза[118]. Предполагали, что противник перед началом нападения на Советский Союз постарается перебросить в Финляндию свои войска, которые непосредственно должны будут затем атаковать советские позиции[119]. При этом до 1936 г. советское военное командование, несмотря на стратегическую важность района Ленинграда и необходимость обеспечения его максимальной безопасности, не планировало активных наступательных действий на северо-западном направлении. Задача стояла лишь «оборонять ленинградский промышленный район и территорию АК ССР (Автономной Карельской Советской Социалистической республики. — *Авт.),* прикрывая северные границы СССР»[120].

В дальнейшем, учитывая нарастающую опасность возникновения Второй мировой войны и позицию финляндского руководства, отвергавшего возможность коллективного решения проблемы безопасности, Генштабе РККА вернулись к разработке наступательного варианта боевых действий на северо-западном направлении. Но до осени 1939 г. эта работа так и не была закончена. Срыв московских переговоров окончательно показал, что военно-стратегический аспект в отношениях Советского Союза к Финляндии неминуемо должен был выдвигаться на первый план. В результате войскам Ленинградского военного округа (ЛВО) была поставлена задача принудить Финляндию принять советские предложения.

Подготовка к военной операции осуществлялась в сжатые сроки и зависела от состояния советско-финляндских отношений. В середине октября 1939 г. на Карельском перешейке начали активно размещать ряд новых частей и соединений 7-й армии. 25 октября приступили к передислокации в Карелию из Прибалтики 8-й армии. К концу месяца в пути находилось до шести дивизий[121]. Они должны были занять позиции в районах, прилегавших к границе с Финляндией.

29 октября Военный совет Ленинградского военного округа представил наркому обороны «План операции по разгрому сухопутных и морских сил финской армии». Этот план был одобрен Генштабом РККА и утвержден К. Е. Ворошиловым. План предусматривал стремительное продвижение частей РККА в глубь Финляндии. Советским войскам, кото-

рые должны были состоять из четырех армий (7-я, 8-я, а также 9-я и 14-я), следовало начать наступление на всем протяжении линии государственной границы с расчетом за пятнадцать дней полностью выполнить задачу разгрома финских войск[122]. Утвержденный план, однако, не был проработан до конца, поскольку рождался в крайней спешке. В нем допускалось, что предполагаемая концентрация войск к началу операции могла быть еще не завершена[123]. Расчет строился на внезапности начала наступления и превосходстве сил Красной армии над финскими войсками.

12 ноября 1939 г. переговоры были окончательно прерваны. Именно с этих дней подготовка операции вступила в активную фазу. При этом советское командование столкнулось с серьезными проблемами, вызванными необходимостью практического развертывания своих сил. В Генеральный штаб из Ленинграда начали поступать сообщения, в которых говорилось о явных трудностях, связанных с выдвижением войск «на исходные рубежи». Особенно это относилось к совершенно не оборудованной для наступательных операций территории Карелии и Заполярья, где сосредоточивались 8, 9 и 14-я армии[124]. В Генштабе к тому же не располагали точными данными об общем количественном составе войск, готовящихся к операции. В результате 15 ноября 1939 г. командованию Ленинградского округа было направлено требование «срочно предоставить начальнику оперативного управления Генштаба сведения о фактическом боевом и численном составе частей ЛВО»[125]. В Москву немедленно сообщили, что общий состав войск составлял 341 тыс. человек (включая архангельское направление)[126]. Из этого следовало, что сил здесь явно было недостаточно для проведения молниеносной войны, поскольку Финляндия могла быстро развернуть на своей территории уже отмобилизованные накануне части, доведя их до 300 тыс. человек[127].

Тем не менее 16 ноября в Ленинград была направлена оперативная директива наркома обороны, в которой говорилось, что «к исходу... 1939 г. [в документе срок не устанавливался. — *Авт.*] закончить сосредоточение войск округа... и быть готовым... к решительному наступлению с целью в кратчайший срок разгромить противостоящие сухопутные войска и военно-морской флот противника». Далее уточнялось, что «с рассветом... 1939 г. [в документе также не указывался срок. — *Авт.*] одновременно войскам сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил перейти в решительное наступление», ставились конкретные задачи, связанные с продвижением войск по финской территории, которые определялись в соответствии с утвержденным в Москве планом[128]. Иными словами, военное решение было принято спустя три дня после срыва переговоров с Финляндией.

Однако даже те советские части, которые были указаны в директиве как наступающие «в первом эшелоне», не были полностью развернуты. Ситуация осложнялась тем, что к границе с Финляндией одновременно выдвигалось большое количество соединений. Они фактически должны были с ходу занять атакующие позиции на совершенно не подготовленной для этого местности[129]. Большая часть личного состава не была обучена ведению боевых действий в условиях северо-западного ТВД. Штаб ЛВО срочно представил в Москву схему и краткую характеристику грунтовых дорог Мурманской области, Карелии и Карельского перешейка, а также сообщил об общем состоянии аэродромов на территории округа[130]. Москва также запрашивала сведения о передвижении войск, состоянии погоды, дороги и т. д.[131] 16 ноября в Ленинград поступил приказ «для обеспечения подвоза грузов для войск, расположенных в Карельской АССР, построить узкоколейные железные дороги». Речь шла о строительстве дорог из Петрозаводска и Лоухи[132]. Оставалось две недели до начала войны, и приказ в эти сроки был невыполним.

Незадолго до начала войны из Ленинградского военного округа нарочным срочно доставили в Москву топографические карты Карельского перешейка, Карелии, Кольского полуострова и Финляндии. Как впоследствии выяснилось, вопрос с обеспечением Генштаба подробными топографическими картами территории Карельского перешейка решился лишь к 28 ноября, т. е. за два дня до начала войны[133]. В то же время в ЛВО отсутствовали подробные

Советские пулеметные расчеты приготовились к бою на временной позиции

Финские пулеметчики

Колонна разбитой и брошенной техники советской 44-й стрелковой дивизии на дороге Раате — Суомуссалми

Замерзшие в окопе красноармейцы 44-й стрелковой дивизии. Декабрь 1939 г.

Взвод легких танков БТ-7 под командованием лейтенанта В. Д. Григорьева на тактическом учении. Начало 1940 г.

Советские пулеметчики отражают контратаку противника

карты южной Финляндии, куда планировали наступление советских войск. В штаб округа эти карты 27 и 28 ноября «нарочным вагоном» доставили из Москвы[134].

Все это говорило о том, что к войне с Финляндией в СССР ранее обстоятельно не готовились, а в ЛВО на северо-западном направлении отрабатывались прежде всего оборонительные варианты ведения боевых действий. Тем не менее согласно директиве наркома обороны К. Ворошилова к 20 ноября 1939 г. Военному совету ЛВО следовало доложить в Москву о готовности «в кратчайший срок разгромить противостоящие сухопутные войска и военно-морской флот противника»[135].

В этой связи необходимо, в первую очередь, отметить, что группировку Красной армии на границе с Финляндией серьезно увеличить не удалось. К началу войны ее численность достигла 425 640 человек[136]. Но для молниеносной войны с учетом необходимости прорыва финских укреплений на Карельском перешейке этого было недостаточно. Преимущество Красной армии здесь выражалось всего в 36 тыс. человек (133 тыс. финских войск против 169 тыс. советских)[137], что изначально не могло обеспечить успех операции. 21 ноября 1939 г. командование ЛВО получило боевой приказ о наступлении. Этот приказ тогда же из Ленинграда начали передавать по штабам разворачивающихся на границе с Финляндией армий[138].

26 ноября 1939 г. средствами массовой информации СССР было сообщено, что на Карельском перешейке на границе с Финляндией у деревни Майнила в 15 часов 45 минут с финской территории был произведен артиллерийский обстрел. В результате, как сообщалось, четыре красноармейца погибли и девять ранено[139]. Иными словами возник серьезный инцидент, поскольку пострадало целое подразделение советских войск*.

Произошедшее, однако, не являлось сверхординарным событием. Подобные случаи на границе с Финляндией происходили и раньше. Так, уже в ходе советско-финляндских переговоров 15 октября 1939 г. также на Карельском перешейке в районе Белоострова были обстреляны с финской стороны из ручного пулемета советские пограничники в тот момент, когда автомашина с делегацией Финляндии возвращалась из Москвы с очередного раунда переговоров[140]. Под обстрел тогда попал даже начальник отдела штаба Ленинградского пограничного округа полковник С. Ф. Дреев[141]. Однако в тот момент этому не придали особого значения.

Теперь, спустя месяц, ситуация изменилась. Вечером 26 ноября финскому посланнику в Москве А. Ирье-Коскинену была вручена нота протеста, в которой указывалось, что в связи с фактом «провокационного артиллерийского обстрела советских войск с территории Финляндии... сосредоточение финляндских войск под Ленинградом не только создает угрозу для Ленинграда, но и представляет на деле враждебный акт против СССР»[142]. 27 ноября командование Ленинградского военного округа распорядилось: «В случае повторения провокаций со стороны финской военщины — стрельбы по нашим войскам, немедленно отвечать огнем вплоть до уничтожения стреляющих»[143]. В ответ на предложение финляндскому правительству незамедлительно отвести войска от границы на Карельском перешейке на 20–25 км, чтобы предотвратить возможность повторных обстрелов, финская сторона выдвинула условия об отходе на такое же расстояние советских войск, что лишало Ленинград всякого прикрытия и рассматривалось в Москве как нежелание Хельсинки «считаться с требованиями пакта о ненападении» и стремление «впредь держать Ленинград под угрозой»[144]. В результате 28 ноября 1939 г. советско-финляндский договор о ненападении, который был заключен в 1932 г. и затем в 1934 г. продлен на десять лет, советская сторона расторгла[145].

В Москву стала поступать информация о новых инцидентах на границе. В рапорте Л. П. Берии на имя И. В. Сталина, В. М. Молотова и К. Е. Ворошилова сообщалось, что

---

* Финляндская сторона отрицала причастность своих войск к «выстрелам у Майнилы». Более поздние поиски историков пока не принесли точных сведений о виновниках тех выстрелов. (*Прим. ред.*)

Расчет советской гаубицы ведет огонь по врагу

Советские танкисты осматривают подбитые финские танки

28 ноября финские войска нарушали границу[146] в Заполярье и ряде других пограничных районов Карелии. Эта информация с некоторым сокращением сразу же была передана как сообщение ТАСС. В тот же день, 28 ноября, советские войска были приведены в состояние полной боевой готовности, а командирам оставалось лишь вскрыть пакеты, содержавшие распоряжение о начале боевых действий. Подводные лодки КБФ получили 28 ноября приказ выйти на исходные позиции[147].

29 ноября 1939 г. правительством СССР было сделано заявление об отзыве из Хельсинки своих дипломатических и хозяйственных представителей[148]. Вечером Председатель Совета народных комиссаров СССР В. М. Молотов выступил по радио с обращением к советскому народу, где подчеркивалось, что «нынешнее финляндское правительство... не хочет поддерживать нормальных отношений с Советским Союзом» и вынуждает «принять немедленно меры по обеспечению внешней государственной безопасности». При этом вся ответственность за создавшееся положение «ложится на правительство Финляндии»[149]. В речи также говорилось, что СССР готов решать проблемы безопасности «в дружественном сотрудничестве с финским народом»[150]. Этими словами Молотов завуалированно изложил то, что через несколько дней стало неожиданностью.

Еще до речи Молотова в войска на границе с Финляндией поступило срочное распоряжение. В нем указывалось: директиву от 21 ноября о начале войны «ввести в действие с утра 30.11.1939 г.»[151]. Чуть позже поступило еще одно распоряжение: «К 8.00 30.11 первым эшелонам занять исходное положение для атаки. С 8.00 часов до 8.30 вся артиллерия коротким мощным огневым налетом подавляет противника на переднем крае и в глубину. Атака в 8.30 30.11.39 г.»[152]. Так командование ЛВО передало в войска последние указания генштаба о начале войны, которой обе стороны пытались избежать.

По большому счету, Красная армия была неподготовлена к войне. Имея преимущество в численности войск, она располагала еще большим превосходством в танках, артиллерии и авиации. Но действиям зимой в условиях болотно-лесистой местности она не обучалась. Красноармейцы были из рук вон плохо одеты и обуты. Катастрофически не хватало теплой одежды, особенно валенок. Снабжение армии продовольствием оставляло желать лучшего. Не было пищевых концентратов и даже сухарей для подразделений, которым предстояло действовать в отрыве от своей части. В ближнем огневом бою финны, имевшие на вооружении автоматы «Суоми», получали преимущество. Равноценного оружия у Красной армии тогда еще на фронте не было. Финская армия «стояла на лыжах». В Красной армии приспособленные для действий в Финляндии лыжи вообще отсутствовали. Слабо работала войсковая разведка. Сведений о системе обороны противника и ее главном рубеже — линии Маннергейма (полоса мощных укреплений глубиной до 90 км) не было.

Все это приходилось исправлять уже в ходе войны. Но еще более серьезным просчетом было недооценивание противника. Многие военачальники были уверены, что для разгрома финской армии потребуется две-три недели. Сведения о ее боеспособности и настроениях населения не соответствовали действительности. Условно войну в Финляндии можно разделить на два периода: с 30 ноября 1939 г. до 10 февраля 1940 г. и с 11 февраля до 12 марта.

На Карельском перешейке для осуществления быстрого прорыва были сосредоточены 19-й и 50-й корпуса 7-й армии командарма 2 ранга В. Ф. Яковлева. Им предстояло действовать против 2-го и 3-го корпусов финской армии «Перешеек» генерал-лейтенанта Х. Эстермана.

Войскам, перешедшим утром 30 ноября 1939 г. границу, после тридцатиминутной артиллерийской подготовки ставилась задача безостановочно продвигаться вперед. Наступавшим следовало стремительно преодолеть предполье перед основными укреплениями финской армии, быстро дойдя до основной линии обороны. Советские части начали продвигаться по территории Финляндии с большой осторожностью. Темп наступления составил 5–7 километров в сутки[153]. Но и это вызывало беспокойство у финского командования. В ночь на 3 декабря маршал К.-Г. Маннергейм, характеризуя создавшееся положение, заявил Х. Эстерману, что его армия слишком легко сдает свои позиции, и потребовал вернуть утраченные

Советские зенитчики

Вестовой передает сообщение экипажу советского бронеавтомобиля БА-10

рубежи[154]. Но к нанесению контрудара финские войска готовы не были, и командующий армией «Перешеек» даже заявил о желании уйти со своего поста[155]. В итоге, для усиления этой армии стали выдвигаться находившиеся в резерве части. Вместе с тем предпринимались меры по дополнительному созданию искусственных препятствий. Особенно обращалось внимание на противотанковую оборону[156]. Эти мероприятия проводились решительно и быстро, поскольку «для ставки и штаба армии «Перешеек» была совершенно ясной картина действий противника и направления его основных ударов»[157].

Тем не менее в предполье главных укреплений финская армия потеряла в ожесточенных боях около 1,5 % численности своей группировки. Эти потери, однако, не помешали вполне организованно отойти к основному рубежу обороны и подготовиться к отражению дальнейшего наступления[158]. Войска не были деморализованы, сохранили высокий боевой дух и способность остановить наступающие части Красной армии.

Наиболее успешно советские войска продвигались к главной финской оборонительной позиции — линии Маннергейма на приладожском участке. На третий день боев они вышли к реке Тайпаленйоки (Бурная). Там, у левого ее берега, находились долговременные укрепления. Поэтому, чтобы усилить натиск и прорвать финские укрепления, в помощь 142-й стрелковой дивизии, уже форсировавшей реку Тайпаленйоки, из резерва срочно перебросили 250-ю дивизию[159]. Начались массированные бомбардировки в целях разрушения железнодорожных станций на Карельском перешейке[160]. В то же время было принято решение дополнительно подтянуть на Карельский перешеек еще две дивизии[161]. Так советское командование стремилось не допустить общего ослабления темпов наступления, используя при этом тактику наращивания сил в зоне намечавшегося прорыва.

5 декабря командование 7-й армии получило приказ о начале общего штурма линии укреплений[162]. Первая попытка штурма была предпринята на кексгольмском направлении уже на следующий день — 6 декабря. Наступление велось специально созданной из 49, 142 и 150-й стрелковых дивизий группой комкора В. Д. Грендаля. Ее части сумели переправить через реку Тайпаленйоки до шести батальонов и там закрепиться. Одновременно советское командование 7 декабря предприняло попытку захватить плацдарм, форсировав вуоксинскую водную систему у Кивиниеми (Лосево), где проходила важная железнодорожная магистраль на Кексгольм (Приозерск). В результате еще два батальона войск сумели переправиться на противоположный берег.

Но развить этот успех не удалось. Попытка продолжить наступление со стороны озера Сувантоярви (Суходольское) тоже не дала желаемого результата[163]. Не принесла успеха и попытка наступления на этом участке на следующий день. Финское командование мобилизовало максимум усилий, чтобы предотвратить возможность прорыва. Части 10-й пехотной дивизии 3-го корпуса не пропускали наступавших через линию своей обороны. Важную роль при этом имело огневое воздействие по районам, где части Красной армии уже форсировали водный рубеж[164]. В итоге наступление явно захлебывалось.

Понимая бесперспективность дальнейших попыток с ходу прорвать линию Маннергейма, советское командование вынуждено было временно операцию приостановить, а сама ее организация была признана «неудовлетворительной»[165]. В результате 9 декабря было заменено руководство 7-й армии. Во главе ее был поставлен командующий войсками Ленинградского округа К. А. Мерецков. Решением Главного Военного совета войска на фронте переходили в непосредственное подчинение Ставки Главного Командования в составе К. Е. Ворошилова, Н. Г. Кузнецова, Б. М. Шапошникова и И. В. Сталина[166]. Сам факт предпринятых мер являлся показателем начавшегося переосмысления прежних представлений о противнике и возможности молниеносного осуществления операции по разгрому финской армии.

Советское командование беспокоили сведения разведки, которые лишь частично раскрывали финскую систему обороны[167]. В результате командование 7-й армии вынуждено было приступить к интенсивному изучению системы укреплений, когда ее войска уже получили задачу по их преодолению[168]. Для прорыва укреплений было решено увеличить количество

На линии Маннергейма

частей и дополнительно перебросить еще три дивизии. Начался новый этап сосредоточения и подготовки войск для решающего прорыва, намеченного на 13 декабря[169].

План наступления предусматривал силами 19-го и 50-го корпусов общей численностью до пяти стрелковых дивизий прорвать линию Маннергейма на выборгском направлении в районе озера Муоланярви (Глубокое) — поселок Сумма (Солдатское)[170]. Это наступление должно было вестись против войск 2-го корпуса армии «Перешеек», которые состояли из трех дивизий. Кроме того, в резерве на этом направлении у финского командования находилась еще одна пехотная дивизия[171]. Советским войскам следовало прорвать весьма хорошо подготовленный в инженерном отношении участок линии Маннергейма[172], не имея при этом подавляющего превосходства в численности войск. Для облегчения проведения данной операции предполагалось на кексгольмском направлении нанести силами войск группы Грендаля вспомогательный удар[173]. Таким образом, частям 7-й армии следовало одновременно начать две весьма сложные операции.

Объективно бои за расширение плацдарма на северном берегу Тайпаленйоки не прерывались. Советские войска несли большие потери. В одной из оперативных сводок за 11 декабря сообщалось, что 649-й стрелковый полк были вынуждены вывести в резерв, поскольку в нем «выбыло из строя значительное количество командиров, в том числе компполка, начальник штаба и три комбата»[174]. Для финских войск на этом участке фронта держать оборону также было нелегко. Потери изо дня в день увеличивались. В сложившейся обстановке по личной просьбе был заменен командир 10-й пехотной дивизии. Но вместе с тем стойкость боевого духа финских солдат не снижалась[175].

Кровопролитные бои на кексгольмском направлении велись без соответствующей поддержки наступлением войск на главном, выборгском направлении, начать которое коман-

Расчет 45-мм противотанковой пушки ведет огонь по противнику. Начало 1940 г.

Красноармейцы осматривают трофейный танк «Рено» FT. Начало 1940 г.

дование 7-й армии никак не решалось. К. А. Мерецков 14 декабря сообщил в Москву, что приступить к операции на выборгском направлении пока невозможно. Ставка вынуждена была с этим согласиться[176].

Лишь 17 декабря в 12 часов дня после продолжительной артиллерийской подготовки общее наступление на выборгском направлении началось. Уверенность в достижении успеха придавало использование значительного числа танков. Однако за два дня боев удалось только на небольших участках преодолеть противотанковые сооружения. С приближением вплотную к укреплениям наступавшие оказывались под губительным огнем противника. Подразделения финских войск умело отсекали пехоту от танков и заставляли ее отходить на исходные позиции с большими потерями.

Кульминация в развитии событий наступила на третий день штурма. 19 декабря советские войска предприняли очередную попытку прорыва укреплений в районе Сумма, где находился сильный хотиненский узел обороны. Авиация нанесла «массированный бомбовый удар на железнодорожные станции, резервы и укрепленный узел у Хотинен»[177]. Одновременно артиллерия в течение четырех часов вела непрерывный огонь по финским укреплениям. Но полностью подавить огневые точки так и не удалось. Наступающие части 138-й стрелковой дивизии 50-го корпуса смогли лишь вклиниться в оборону противника. Финское командование сумело организовать артиллерийский огонь в сочетании с перекрестным огнем минометов и пулеметов[178]. Штурм захлебывался. Многие советские танки, которые участвовали в этой операции, были выведены из строя. Это означало, что продолжение дальнейшего наступления было бессмысленно[179].

20 декабря Военный совет 7-й армии направил Сталину и Ворошилову донесение, в котором сообщалось, что без разрушения основных долговременных укреплений противника и без проведения ряда инженерных работ, которые могли бы обеспечить подходы к переднему краю, успешная атака пехоты и танков невозможна. Предлагалось провести перегруппировку частей и с помощью тяжелой артиллерии начать разрушение выявленных долговременных сооружений линии Маннергейма[180]. В тот же день из Москвы последовало указание войскам 7-й армии временно перейти к обороне. Срок возобновления наступления отодвигался на неделю — до 27 декабря[181].

Финское командование, в свою очередь, убедившись в слабой готовности Красной армии к ведению наступательных действий, склонялось к тому, чтобы самим перейти в контрнаступление. Его подготовка была возложена на командира 2-го корпуса генерала Х. Эквиста, который должен был начать операцию по окружению советской группировки 50-го корпуса в районе Муоланярви[182].

Утром 23 декабря финские войска приступили к осуществлению этого замысла. Контратаковав части 70-й и 138-й стрелковых дивизий, они их потеснили. В результате командование 7-й армии вместо подготовки наступления принимало экстренные меры, чтобы отбить атаки финских войск. В зону разгоревшихся боев была подтянута 1-я танковая бригада. В конечном счете 25 декабря перелом в развитии событий наступил. 70-я стрелковая дивизия «перешла в наступление в целях овладения оставленной 23.12 территорией» и через два дня, «почти восстановив утраченное положение, подошла к сильно укрепленному краю противника»[183]. Таким образом контрнаступление 2-го корпуса окончилось неудачей и стоило финской армии 1328 погибших, раненых и пропавших без вести[184].

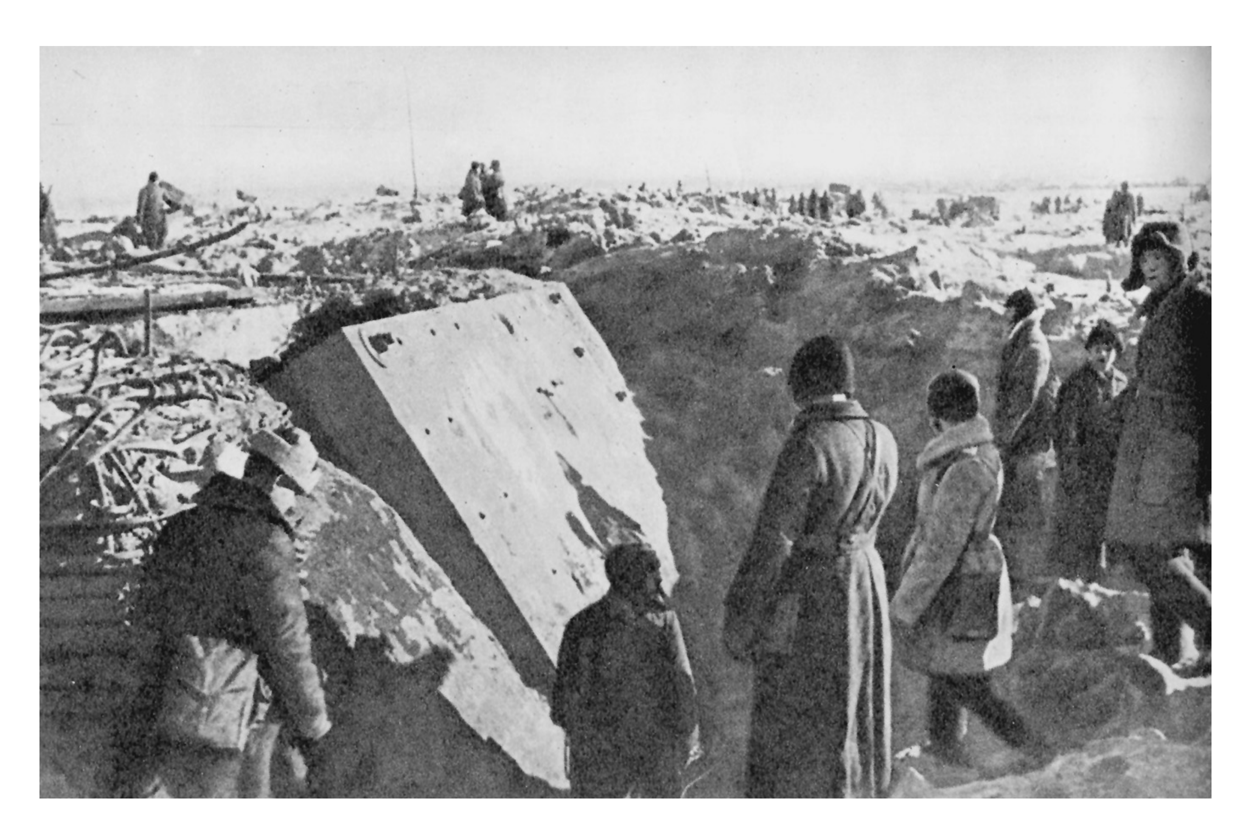
Вместе с тем общий итог боевых действий на выборгском направлении в декабре со всей очевидностью свидетельствовал о провале советского плана начавшейся войны. В результате Ставка Верховного Командования объявила 24 декабря Мерецкову и всему Военному совету 7-й армии выговор[185] и потребовала организации нового прорыва финских укреплений.

К этому времени уже разрабатывался план наступательной операции под кодовым названием «Ладога»[186]. Расчет делался на то, что удастся форсировать вуоксинскую водную систему, выйдя в тыл финских войск, прочно прикрывавших центральную часть Карельского перешейка. Это помогло бы избежать больших потерь, которые могли быть в случае

возобновления штурма укреплений на участке Сумма. Поскольку проведение операции должно было осуществляться группой войск комкора Грендаля, Ставка решила ее преобразовать в 13-ю армию с непосредственным подчинением главкому. Соответствующий приказ Ворошилова последовал 25 декабря. В тот же день был утвержден план переброски на фронт (преимущественно на Карельский перешеек) дополнительных сил. Теперь уже 13-й армии была поставлена задача прорвать «укрепленную полосу» и наступать на Кексгольм[187].

4-я стрелковая дивизия 13-й армии под покровом темноты предприняла попытку прорваться по льду между Вуоксой и озером Сувантоярви. Ей удалось захватить плацдарм на противоположном берегу и навести понтонные мосты.

К исходу 28 декабря финским войскам 3-го корпуса удалось ликвидировать захваченный плацдарм. Тем самым очередная попытка прорвать финскую оборону на кексгольмском направлении закончилась неудачей. Также оказалась безрезультатной и попытка прорыва, которую предприняла на выборгском направлении 70-я стрелковая дивизия[188]. Было ясно, что укрепления без длительной подготовки взять невозможно. Поэтому вечером 28 декабря Б. Шапошников направил срочную телеграмму в штаб 7-й армии. В ней говорилось: «Ввиду недостаточной подготовленности 7-й армии и неизвестности, сколько дотов разбито, если они разбиты вообще, предлагаю наступление 7-й армии отложить до особого распоряжения»[189]. В равной степени это указание распространялась и на 13-ю армию. Теперь, после принятия решения о приостановке наступления, от командования войск на Карельском перешейке потребовали более обстоятельной подготовки к штурму. Для этого считалось прежде всего необходимым детальное вскрытие системы укреплений и определение способов уничто-



Финские укрепления, разрушенные советской артиллерией

жения железобетонных сооружений. Кроме того, ставилась задача разработать новый план проведения операции по прорыву линии Маннергейма.

Наибольшего успеха в начале войны Красная армия достигла лишь в Лапландии, где частям 14-й армии под командованием комкора В. А. Фролова удалось при поддержке кораблей Северного флота полностью овладеть полуостровами Рыбачий и Средний, а также занять город Петсамо (Печенга), выйдя далее к границе с Норвегией. Более того, наступая от Петсамо в южном направлении, они продвинулись по территории Северной Финляндии более чем на 150 км[190].

Облегчало возможность осуществления стремительного наступления на этом участке фронта отсутствие здесь у финского командования сильной группировки войск. Там была развернута так называемая Лапландская группа под командованием генерал-майора К. М. Валлениуса. Она объединяла части и подразделения численностью менее двух полков[191]. Вместе с пограничниками группировка представляла собой небольшие силы прикрытия, и части 14-й армии значительно превосходили ее по своим силам.

К тому же система обороны Петсамо создавалась из расчета отражения десанта противника с моря и не предполагала наступление на финскую территорию через линию границы, «из тундры». В результате две полосы укреплений, созданных для защиты этой территории, были взяты практически без боя[192]. Тем не менее благоприятных условий для расширения зоны прорыва у советского командования не было. Этому препятствовало отсутствие в Лапландии сети хороших дорог и крайне небольшой для данного периода года световой день (до двух часов в сутки), перераставший в полярную ночь[193]. Это требовало от войск навыков ведения боевых действий не только при условии бездорожья и сильных морозов, но и в ночное время. 18 декабря наступление на крайнем севере Финляндии приостановилось.

С подобными же проблемами столкнулись и части Красной армии, которые вели наступление несколько южнее. Здесь развертывали боевые действия части и соединения 9-й армии под командованием комкора В. П. Духанова. В направлении Рованиеми из района Кандалакши наступала 122-я стрелковая дивизия. Она также начала свои действия, перейдя «границу на широком фронте», без каких-либо серьезных столкновений с противником, поскольку в этом районе располагались лишь немногочисленные подразделения, подчиняющиеся К. М. Валлениусу и прикрывавшие границу. Как и на Крайнем Севере, наступление практически велось в условиях полярной ночи и вдоль немногочисленных дорог. По мере продвижения советских войск по финской территории все яснее возникала угроза фланговых ударов противника, который применял тактику подвижной обороны. В результате, с 19 декабря войска и на этом участке фронта перешли к обороне.

Особое беспокойство у финского командования вызывало наступление трех стрелковых дивизий (163, 54 и 44-й) 9-й армии, которые из районов Северной Карелии двинулись в направлении финского города Оулу. Здесь, как отметил известный историк А. Вуоренмаа, «командование финскими вооруженными силами было вынуждено признать, что советские войска преподнесли им в начале войны стратегический сюрприз и составленный на этом направлении оборонительный план не был полностью основан на правильной оценке советского потенциала»[194]. В начале войны советским дивизиям на этом участке фронта противостояло четыре финских батальона[195].

В случае прорыва части Красной армии за короткий срок могли выйти к побережью Ботнического залива, разрезав, таким образом, финскую территорию на две части. В итоге Южная Финляндия блокировалась и отрезалась от сухопутных коммуникаций с Западом.

Тем не менее эффективно использовать свое преимущество 9-я армия не смогла. Лишь на десятый день войны ее части заняли район Суомуссалми и Расти[196], откуда открывалась достаточно хорошая сеть дорог для продвижения в глубь страны. Однако к этому времени финское командование сумело, подтянув резервы, образовать на базе Северофинляндской оперативной группы генерал-майора В. Туомпо достаточно крепкие и хорошо подготовленные для ведения на этом направлении боеспособные части. В зоне наступления 54-й ди-

визии была создана отдельная бригада подполковника А. Вуокко, а в районе наступления 163-й стрелковой дивизии — бригада, которая затем была преобразована в отдельную группу войск под командованием полковника Х. Сииласвуо[197].

При этом финские части, наладив единственно возможную в данных условиях систему обороны, при которой, не имея соизмеримого с наступавшими количество войск, создавали отряды подвижных, преимущественно лыжных боевых групп. Эти весьма маневренные отряды стремились блокировать советские части, нередко оказываясь в их тылу, перерезая их коммуникации и навязывая боевые столкновения. В результате необученный для подобного характера боевых действий личный состав частей 9-й армии, оснащенный малопригодной для данного театра тяжелой боевой техникой, стал терпеть неудачи. Бригада А. Вуокко сумела блокировать наступление 54-й дивизии, а 30 декабря группа войск под командованием полковника Х. Сииласвуо нанесла серьезное поражение 163-й стрелковой дивизии. В начале января 1940 г. была окружена выдвинутая ей на помощь к Суомуссалми 44-я дивизия.

Эти неудачи в северной Финляндии стали логичным итогом непродуманного первоначального плана войны. 28 декабря была получена запоздалая директива, в которой говорилось, что не следует «увлекаться» быстрым продвижением вперед, надо двигаться лишь после хорошей подготовки и по мере обеспечения тыла от обходов со стороны противника[198]. Тем временем обстановка на суомуссалминском направлении продолжала ухудшаться. 1 января 1940 г. финские части полностью окружили 44-ю дивизию, блокировав единственную дорогу, соединяющую ее с тылами. Спустя несколько дней боев, 6 января командир дивизии комбриг А. И. Виноградов приказал начать организованный прорыв окружения[199]. Но выполнить приказ не удалось. Он совпал с общим наступлением, предпринятым финскими войсками на этом участке. В результате началось паническое отступление, при котором значительная часть личного состава вместе с командованием сумела все-таки выйти в расположение войск 9-й армии. Дивизия лишилась не только тяжелой техники. Ее потери достигли 2500 человек убитыми и ранеными и столько же пропавшими без вести. Это составляло около 35 % общей численности данного соединения[200]. Вину за случившееся возложили на руководство дивизии. 11 января перед строем вышедших из окружения бойцов были расстреляны командир 44-й дивизии, а также начальник штаба и начальник политотдела. Их судили за постигшую дивизию катастрофу «по суровым законам военного времени»[201]. Наказаниям, но не столь суровым, было подвергнуто и командование 9-й армии. Еще 22 декабря был смещен командующий армией комкор М. П. Духанов. На этом посту его заменил комкор В. И. Чуйков[202].

События, которые произошли в районе Суомуссалми, едва не повторились севернее Ладожского озера, где наступали части 155, 139, 18 и 168-й стрелковых дивизий 8-й армии. Задача наступающих здесь войск заключалась в том, чтобы сокрушить соединения 4-го корпуса генерал-майора Ю. Хейсканена и «наступать в юго-западном направлении в тыл группировки противника, действующей на Карельском перешейке», т. е., обойдя Ладожское озеро с севера, оказаться в тылу линии Маннергейма[203].

Первые операции на этом направлении принесли советским войскам определенный успех. Красная армия сумела вклиниться до 80 км в глубь финской территории. Более того, финские войска, как было отмечено, начали «почти бесструктурное отступление на запад»[204]. Соединения 8-й армии нанесли поражение 155-й пехотной дивизии, которая впоследствии была серьезно обескровлена[205]. Возникли предпосылки панического отступления.

В этих условиях высшее военное руководство Финляндии приняло ряд экстренных мер. Был отстранен от занимаемой должности генерал-майор Ю. Хейсканен, и командиром 4-го корпуса 4 декабря стал генерал-майор Ю. В. Хягглунд[206]. Для стабилизации достаточно сложного положения на данном направлении 5 декабря здесь также была развернута особая войсковая группа генерала П. Талвела. Этой группе в районе Толваярви удалось организовать контрнаступление и нанести ряд поражений 139-й стрелковой дивизии, а затем и выдвинутой из резерва 75-й стрелковой дивизии[207]. Завязались весьма ожесточенные бои, в которых

В. М. Молотов подписывает Договор о взаимопомощи и дружбе с правительством О. В. Куусинена

финская армия несла существенные потери, лишившись до 25 % своего личного состава[208]. Но части Красной армии при этом окончательно были остановлены, и, таким образом, первоначальный план наступления здесь тоже был сорван. Это отразилось на смене в середине декабря руководящего состава 8-й армии. Командующий армией комдив Н. И. Хабаров 13 декабря был заменен командармом 2 ранга Г. М. Штерном[209]. Но эти перестановки больших изменений не принесли. Советские войска были не в состоянии решить поставленные задачи.

Начавшаяся война привела к серьезным неудачам, которые постигли части Красной армии. Это отразилось и на международной обстановке. Успех военных операций советское руководство во многом связывало с иллюзией поддержки Красной армии населением Финляндии. В день начала войны, 30 ноября, советские органы массовой информации передали обращение ЦК Коммунистической партии Финляндии (КПФ) к трудовому народу. В нем содержался призыв свергнуть существующее правительство, поскольку оно не может «оберегать национальные интересы Финляндии», «защищать дело мира» и «является правительством поджигателей войны»[210]. 1 декабря в занятом советскими войсками на Карельском перешейке поселке Терийоки (Зеленогорск) в противовес официальному правительству, находившемуся в Хельсинки, было провозглашено так называемое народное правительство Финляндии, которое в качестве своей первой задачи выдвигало «окончание войны и заключение мира». Народное «правительство» возглавил председатель Компартии Финляндии О. В. Куусинен. Его министрами стали «красные финны», эмигрировавшие ранее в СССР. Не все из них были известны в самой Финляндии[211].

В Терийоки было также заявлено, что идет формирование крупного финского воинского соединения, которое в последующем должно было стать «ядром будущей Народной

армии Финляндии». Действительно, еще до начала войны, 11 ноября 1939 г., нарком обороны К. Е. Ворошилов направил в Военный совет ЛВО распоряжение о создании особой части (106-й стрелковой дивизии) под командованием бывшего «красного финна» комдива А. Анттила[212]. 27 ноября в Наркомат обороны сообщили о том, что формируемое соединение уже имеет в своем составе 8367 финнов и 4533 карела[213]. Именно это соединение, состоящее из граждан СССР финской и карельской национальностей, стало основой так называемой «финской народной армии», а Анттила был назначен министром обороны в «правительстве Куусинена».

2 декабря в Москве состоялись переговоры Куусинена со Сталиным, Молотовым, Ворошиловым и Ждановым. В результате между СССР и Финляндской Демократической Республикой был подписан Договор о дружбе и взаимопомощи. Важнейшим положением договора являлось обязательство оказывать друг другу помощь в случае нападения или угрозы нападения. Были также разрешены те территориальные вопросы, к которым советское руководство не могло найти позитивного отношения у Финляндии на переговорах осенью 1939 г.[214] С этого момента Красная армия на основании подписанного договора уже не вела войну с Финляндией, а оказывала «братскую помощь восставшему финскому народу».

Однако объективно никакого «восстания» в Финляндии не последовало и новое «правительство» не получило широкой поддержки финского населения. Более того, финская пропаганда распространила информацию о том, что Советский Союз намеревается при помощи «правительства Куусинена» ликвидировать государственную независимость Финляндии[215]. В итоге, образование «терийокского правительства» стало негативно влиять на отношение к СССР как в широких слоях финской общественности, так и за рубежом, существенно осложняя для Советского Союза международную обстановку. К тому же поддержкой «правительства Куусинена» Советский Союз исключал всякие пути мирных контактов с Хельсинки.

4 декабря Молотов, встречаясь с посланником Швеции в Москве, отклонил предложенное Стокгольмом посредничество в будущих переговорах с правительством Финляндии, заявив, что с советской стороны признается лишь «народное правительство»[216]. Это усугубило внешнеполитическую обстановку, связанную с началом войны, поскольку именно в эти дни финское правительство Р. Рюти направило в ряд западных стран своих представителей в целях получения прямой военной помощи и поставило вопрос перед Лигой Наций о необходимости рассмотрения событий в Финляндии на ее заседании.

Реакция на обращение Хельсинки последовала быстро. Уже 4 декабря английский военный кабинет решил, что «Финляндии надо помогать исходя из политических соображений»[217]. 14 декабря на Ассамблее Лиги Наций Советский Союз был исключен из ее состава.

В сложившейся ситуации Германия, заключившая договор с Советским Союзом о ненападении, внешне старалась показать, что не вмешивается в конфликт между СССР и Финляндией. Но на деле стремилась сделать все, чтобы ослабить своего будущего противника. Выезжавший в это время в Берлин финский представитель, бывший премьер-министр страны Т. Кивимяки писал в своих мемуарах, что «Геринг и Гитлер были единого мнения о том, что Финляндии надо помочь оружием»[218]. С этой целью был разработан план их поставок через Швецию. «Геринг, — по словам Кивимяки, — требовал от шведского военного атташе, стуча при этом кулаком по столу, чтобы Швеция оказала в данном случае поддержку Финляндии и разрешила переправить ей оружие из Германии через Швецию в полном объеме...»[219] С середины декабря Запад активно начал развивать кампанию поддержки Финляндии.

15 декабря для осуществления непосредственной связи с англо-французскими союзниками в Париж в качестве доверенного лица Маннергейма прибыл полковник А. Паасонен. Премьер-министр Франции Э. Даладье заверил его в том, что французское правительство прорабатывает вопрос о разрыве дипломатических отношений с СССР[220]. 19 декабря на конференции верховного Военного совета союзников Даладье внес предложение напра-

В войне участвовали не только люди…

Финский пулеметчик

вить экспедиционные войска в Финляндию. Идея не вызвала особых возражений, но ее реализация требовала подготовки. Участники заседания не могли не отдавать себе отчета в том, что такая акция кардинально изменила бы военно-политическую обстановку в Европе, превратив Скандинавию в театр мировой войны.

22 декабря МИД Финляндии направил своим посланникам в Лондоне и Париже указание выяснить, «как далее будут развиваться упомянутые планы и в чем их важнейшее содержание»[221]. Финские представители пришли к выводу, что в стратегические планы союзников входило их общее желание «нанести решительное поражение Красной армии»[222]. Но до реализации этих идей было еще далеко. Финляндия лишь ощущала очевидную моральную поддержку. Начали также поступать из-за рубежа военная техника, оружие и боеприпасы. По данным финского министерства обороны, всего в ходе войны от Англии, Франции, США, Швеции и ряда других стран Запада было получено 376 самолетов, 1132 орудия, около двух миллионов снарядов, до 185 тыс. ручных пулеметов и другие виды вооружения[223]. Начали прибывать и добровольцы. К концу войны их общее количество достигло 11 тыс. 663 человек[224].

Верховный Военный совет союзников 19 декабря принял решение направить в Финляндию экспедиционный корпус. Разрабатывались планы ударов силами англо-французских войск с севера на Ленинград и с юга на Баку с последующим развитием встречного наступления на Москву. Эскадрилья британских самолетов «Бленхейм» готовилась к бомбардировкам нефтепромыслов Кавказа. Баку рассчитывали разрушить за 15 дней, Грозный — за 12 и т. д.[225]

«Проекты возможного мира распространялись за Ла-Маншем и германскими агентами, — писал французский дипломат Ж. Барду. — Мир был бы заключен за счет России, против которой сразу же после заключения перемирия выступил бы вермахт. Англия получила бы Туркестан. Границы Ирана и Турции оказались бы отодвинутыми до Каспийского моря. Италия имела бы долю участия в нефти, а Германия аннексировала бы Украину»[226].

Политическая ситуация для Советского Союза складывалась весьма неблагоприятно. Война становилась затяжной. И, главное, в нее втягивались западные державы. В результате, возникла реальная опасность оказаться среди участников Второй мировой войны[227]. В такой обстановке Москва наряду с подготовкой нового наступления передала по дипломатическим каналам в Швецию информацию о том, что СССР оставляет открытыми двери для мирных переговоров с Хельсинки. Контакты возобновились после того, как 14 января 1940 г. по согласованию с премьер-министром Р. Рюти и министром иностранных дел В. Таннером финская писательница, известный общественный деятель Х. Вуолийоки встретилась с советским полпредом в Швеции А. М. Коллонтай[228]. Х. Вуолийоки на основе беседы с А. М. Коллонтай пришла к выводу, что с советской стороны проявилось стремление к миру[229]. Вместе с тем в дипломатических кругах стало известно заявление В. М. Молотова, сделанное 27 января, о том, что советская сторона «в принципе не против соглашения с правительством Рюти — Таннера»[230]. И хотя при этом было подчеркнуто, что обещанное финнам по договору с Куусиненом «не может быть дано правительству Рюти — Таннера»[231], возникала реальная перспектива мирного урегулирования[232].

Высказав положительное отношение к вступлению в переговоры с СССР (об этом было передано через Стокгольм 2 февраля)[233], в дальнейшем финское правительство осторожно продолжало развитие контактов. На позицию финского руководства большое влияние оказывали заверения Англии и Франции о готовящейся с их стороны присылке войск. Маннергейм считал, что, если союзники пришлют 20 тыс. солдат, финская армия «сможет продержаться до весны»[234]. 5 февраля на заседании высшего Военного совета Э. Даладье сообщил об этом[235]. Однако премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен обратил внимание на трудности высадки союзных войск на севере Финляндии. Он стал настаивать на необходимости проведения десантной операции в Скандинавии, в районе Нарвика[236]. Главная цель, по его словам, заключалась не в широкомасштабной помощи Финляндии, а в вовлечении в войну против

Германии скандинавских стран. Что же касалось Финляндии, как он заметил, важно прежде всего не допустить ее разгрома[237].

В конечном счете Даладье согласился с доводами Чемберлена. Было решено, что главные десантные операции следует проводить в Северной Норвегии, а также Южной Швеции[238]. Финляндию, естественно, об этих решениях не информировали. Лишь 22 февраля в ставку Маннергейма прибыл английский генерал К. Линг, который «объяснил маршалу, что англичане не хотят продвигаться дальше Северной Финляндии»[239]. В итоге военно-политическое положение страны становилось достаточно сложным, поскольку к этому времени начался уже новый этап боевых действий.

К февралю советское командование весьма серьезно подготовилось к новой наступательной операции. Главный удар Красная армия должна была нанести на Карельском перешейке. Более месяца готовился штурм укреплений. В состав 7-й и 13-й армий были направлены дополнительные соединения, а с 7 января эти армии вошли в состав созданного Северо-Западного фронта, командующим которым был назначен командарм 1 ранга С. К. Тимошенко[240]. Всего в подготовительный период боевой состав фронта был усилен десятью дивизиями. Численность войск на Карельском перешейке достигла 440 тыс. человек[241].

Сильные морозы и большое число обморожений в действующей армии, которые составили за войну 6,7 % общего числа санитарных потерь[242], потребовали обеспечения войск более теплой формой одежды. В частности, именно тогда заменили зимние головные уборы бойцов, так называемые буденовки, на более подходящие для этого времени года шапки-ушанки. Было также налажено снабжение фронтовых подразделений повышенными нормами питания[243]. С января 1940 г. в ежедневный рацион военнослужащих стали включать сто «наркомовских» граммов водки[244].

Главной задачей была подготовка войск к прорыву финской линии обороны. Велась систематическая разведка системы укреплений и отработка возможностей их штурма. Кроме того, с помощью тяжелой артиллерии и бомбардировочной авиации советское командование приступило к уничтожению выявленных долговременных опорных пунктов обороны. Приказ командующим 7-й и 13-й армиями «представить конкретно разработанный план операции» поступил 16 января. Цель плана — разгром основных сил финской армии «Перешеек» и выход советских войск на линию Кексгольм — станция Антреа (Каменногорск) — Выборг. Реализация этой цели предполагала решить исход войны[245].

3 февраля 1940 г. Военный совет Северо-Западного фронта направил в войска конкретные указания. 7-я армия должна была нанести основной удар силами девяти дивизий между озером Муоланярви и Кархула (Дятлово), а 13-я армия — между Муоланярви и Вуоксой[246].

11 февраля 1940 г. началось общее наступление советских войск. В приказе командования Северо-Западного фронта была поставлена задача — сокрушить линию Маннергейма и «навсегда обеспечить безопасность северо-западных границ Советского Союза и Ленинграда»[247]. В районе намеченного прорыва 7-й армии против частей 2-го корпуса и созданного под командованием генерал-майора Т. Лаатикайнена нового 1-го корпуса было сосредоточено значительное количество боевой техники: более тысячи орудий и столько же танков. Главный удар наносился 19-м и 50-м корпусами на 17-километровом участке в направлении станции Лейпясуо.

В результате массированного артиллерийского огня и начавшегося затем наступления в районе Суммы наметился прорыв. Особенно ожесточенные бои разгорелись 13 февраля у местечка Ляхде, где оборонялись части 5-й пехотной дивизии. Там, писал впоследствии К.-Г. Маннергейм, «положение стало критическим». Финские войска, занимавшие укрепленный район, несли огромные потери[248]. Несмотря на введенные в бой резервы, положение не удалось стабилизировать. В ходе трехдневных ожесточенных боев наступавшие вклинились в оборону, расширили прорыв и овладели Суммским укрепленным районом. В то же время упорные бои велись за Хотиненский узел линии Маннергейма. К исходу 14 февраля в результате его штурма 100-й стрелковой дивизией сопротивление частей 5-й пехотной дивизии

было сломлено. Мощный узел, имевший 13 железобетонных сооружений, полностью перешел в руки советских войск[249]. На следующий день наступавшие части вышли к Лейпясуо, а 16 февраля вступили в Кямяря (Гаврилово) — важный опорный пункт на пути к Выборгу. Характеризуя действия частей Красной армии, участник этих боев финский военный историк В. Х. Халсти отмечал, что, в отличие от первого периода войны, в действиях советских войск наблюдалась четкая слаженность: «Русские напоминали как бы оркестр, где каждый исполнял свою роль и мелодию»[250].

В сложившейся обстановке финское командование, опасаясь, что часть сил 2-го корпуса окажется отрезанной в юго-западном (прибрежном) районе Карельского перешейка, начало их отводить на второй оборонительный рубеж. В результате 18 февраля главная полоса финской обороны от озера Муоланярви до Финского залива оказалась полностью прорванной.

Одновременно 17 февраля в полосе наступления 13-й армии также начался отход финских частей 3-го корпуса. В течение 18–21 февраля подразделения 15-го и 23-го корпусов устремились вперед и подошли к главной линии укреплений в районе реки Вуокса в центре Карельского перешейка. К этому времени соединения 7-й армии уже вышли ко второй полосе линии Маннергейма.

На прибрежном участке Финского залива частям 7-й армии во взаимодействии с отрядами моряков КБФ во второй половине февраля удалось овладеть в районе Койвисто рядом островов Бьеркского архипелага. С южного берега на Карельский перешеек была 19 февраля проложена по льду залива временная 20-километровая трасса, которая позволила за трое суток перебросить в зону наступления еще до 10 тыс. боевых и транспортных машин и около 40 тыс. бойцов[251]. В результате была быстро развернута Особая резервная группа комбрига Д. Г. Павлова, преобразованная затем в 28-й стрелковый корпус, который возглавил комдив П. А. Курочкин. Этим войскам была поставлена задача с полуострова Койвисто начать подготовку к переправе по льду через Выборгский залив на участке Репола (Лисицыно) — Мухулахти (Луговое) — Вилайоки (Балтиец) и таким образом обойти укрепленные позиции финнов и выйти «в глубокий тыл выборгской группировки противника»[252].

Таким образом, для финского командования складывалась крайне тревожная военная обстановка. Генерал-лейтенант Х. Эстерман был отстранен от командования армией «Перешеек». Его заменил командир 3-го корпуса генерал-майор А. Хейнрикс. Одновременно Ставка финского главного командования стала принимать меры, чтобы при помощи подвижных групп прикрытия приостановить наступление Красной армии. Однако моральный дух финских солдат к этому времени был подорван. Командир 1-й пехотной дивизии, прикрывавшей выборгское направление, полковник А. Е. Мартола писал: «Солдаты были уставшие, длительное время не спали. Настроение у всех было далеко не блестящее»[253].

Характерной особенностью начавшегося в феврале наступления являлось также то, что оно осуществлялось параллельно с инициативой, выдвинутой советским руководством относительно возможности окончания войны и подписания мирного договора. 12 февраля 1940 г. советское правительство официально уведомило Финляндию о готовности вести мирные переговоры[254]. Затем конкретные предложения советской стороны были еще раз подтверждены и переданы при посредничестве Швеции финляндскому правительству 23 февраля. Суть их сводилась к передаче СССР Карельского перешейка и права на аренду полуострова Ханко. Кроме того, выдвигалось также предложение заключить договор с Финляндией и Эстонией о совместной обороне Финского залива[255]. Москва, со своей стороны, выражала готовность передать Финляндии занятый советскими войсками район Петсамо.

Но в Хельсинки еще не были готовы принять эти предложения, и советские войска перешли к новому этапу своего наступления. Оно началось 28 февраля. Частям 7-й армии была поставлена задача прорвать вторую полосу финской обороны и овладеть Выборгом[256].

Бойцы и командиры 100-й стрелковой дивизии, принимавшие участие в прорыве линии Маннергейма

Для штурма финских укреплений на главном, выборгском направлении были сосредоточены 19, 50, 10 и 34-й корпуса[257]. Само же наступление началось мощной полуторачасовой артиллерийской подготовкой. Двинувшаяся затем на прорыв укреплений пехота поддерживалась танками и авиацией. Сломив сопротивление противника, войска 7-й армии 29 февраля вышли на линию Хейнйоки (Вещево) — Аласяйние (Верхнечеркасово) — Лиханиеми (район побережья Финского залива) и полностью овладели юго-западной частью Карельского перешейка. Финские подразделения стали отходить на широком участке фронта — от Вуоксы до Выборгского залива.

Обстановка заставила финское правительство 1 марта 1940 г. принять условия СССР в принципе[258], все еще сохраняя при этом расчеты на помощь западных стран. Но эти расчеты становились все более призрачными, поскольку советские войска перешли в наступление также в Карелии и в Лапландии.

Части, действующие вдоль северного побережья Ладожского озера, были сначала объединены в Южную оперативную группу 8-й армии, а затем, после доукомплектования, 11 февраля, преобразованы «для удобства управления войсками, действовавшими на северном побережье Ладожского озера», в 15-ю армию[259]. Она перешла в подчинение Ставки, и возглавил ее командарм 2 ранга М. П. Ковалев. 15-я и 8-я армии в начале марта перешли к активным наступательным действиям[260], что окончательно затруднило финскому командованию возможность маневрирования резервами. Усложнилось положение Финляндии и на севере, где 2 февраля в составе 9-й армии была образована Ребольская оперативная группа под командованием комдива Д. Н. Никишова, готовая к наступлению. 6 марта начали успешные наступательные действия и подразделения 14-й армии. Ее части стали продвигаться на юг Лапландии.

События на Карельском перешейке также продолжали стремительно развиваться. Части 50-го корпуса под командованием комкора Ф. Д. Гореленко в трудных условиях, двигаясь по глубокому снегу, вышли 2 марта к тыловой оборонительной полосе финских войск северо-восточнее Выборга, перерезав железную дорогу, связывавшую Выборг с Антреа, где находился штаб армии «Перешеек»[261]. Одновременно 34-й корпус комдива К. П. Пядышева

Советские командиры в Выборге

Военный регулировщик на улице Выборга. Начало 1940 г.

Бойцы и командиры 123-й стрелковой дивизии. Март 1940 г.

достиг южных окраин Выборга[262]. В течение 2–6 марта дивизии обоих корпусов развернули ожесточенные бои на ближних подступах к городу, медленно охватывая его с северо-востока. Однако советскому командованию становилось ясно, что с ходу взять Выборг не удастся. Корпусам было приказано подготовиться к штурму города, и эту операцию решили начать 11 марта[263].

Тем временем продолжала свои активные операции 13-я армия. 28 февраля после мощной артиллерийской подготовки ее части перешли в наступление по всей линии фронта. Преодолевая сопротивление противника, армия сумела на своем направлении прорвать главную полосу оборону, выйдя к 29 февраля на линию Пааккола (Шлюз Гремучий) — Ристсеппя (Житково) — Хейнйоки (Вещево). В результате финские войска были вынуждены быстро отходить на север и северо-запад. В итоге 3 марта части 15-го корпуса достигли реку Вуокса и форсировали ее. Разгорелись ожесточенные бои. Об их характере дает представление доклад командира 2-й пехотной дивизии полковника Э. Р. Коскимиеса командиру корпуса генералу П. Талвела: «Сегодня еще живы, завтра — на грани гибели, а послезавтра 2-й дивизии больше не будет, если не получим помощи от III армейского корпуса»[264]. В целом, преодолевая ожесточенное сопротивление, части 13-й армии медленно продвигались в направлении Антреа. Потери советских войск также были весьма значительными. Особенно в 15-м корпусе[265].

В ночь на 4 марта войска 28-го корпуса 7-й армии сумели форсировать Выборгский залив и оказались в тылу укрепленного района. Эта операция носила крайне важный и сложный характер. Снежный покров на льду, по которому продвигались войска, достигал полуметра, высокие торосы преграждали путь наступающим, но тем не менее советские части сумели выполнить поставленную задачу[266]. Западнее Выборга в тылу финской группировки был создан плацдарм, где в последующие дни развернулись тяжелые бои. В конечном итоге соединения 7-й армии смогли овладеть 40-километровой прибрежной полосой западного побережья залива и закрепиться на достигнутом рубеже. В результате финское командование вынуждено было срочно создавать дополнительный заслон в виде особой группы «Хамина» под командованием генерал-майора Э. Ф. Ханелля. Ей придавались части, находившиеся к западу от Выборгского залива, а также войска, составлявшие береговую оборону города Котка. В то же время в район Выборга подтягивались значительные силы с других участков фронта[267]. Но руководство финской армии не видело возможности стабилизировать положение. В докладе командующего войсками на Карельском перешейке генерала А. Хейнрикса К.-Г. Маннергейму делался вывод о невозможности продолжать войну[268].

В этих условиях финскому руководству ничего не оставалось, как направить свою делегацию в Москву для ведения переговоров о заключении мира. Расчет на помощь Запада был призрачным. Более того, в Хельсинки стали замечать неконкретность и противоречивость в сведениях «относительно крупной помощи»[269]. В результате в правительстве начали раздаваться твердые голоса о том, что «помощь западных держав является блефом», поскольку, как отмечалось на его заседании 3 марта: «Они не помогали Польше, хотя обещали. И Чехословакию они побуждали к капитуляции»[270].

В итоге 7 марта мирные переговоры начались. Делегация Финляндии была представлена премьер-министром Р. Рюти, министром Ю. К. Паасикиви, председателем парламентской комиссии по иностранным делам В. Войонмаа и генералом Р. Вальденом. С советской стороны в переговорах участвовали А. М. Молотов, А. А. Жданов и комбриг М. В. Василевский.

Но пока шли переговоры, напряженная обстановка на фронте сохранялась. Осложнялась и политическая ситуация. Последняя неделя войны (с 7 по 13 марта) оказалась для финского руководства самой трудной в противоборстве сторонников и противников заключения мирного договора. «Союзники» препятствовали прекращению войны. По словам финского министра иностранных дел В. Таннера, ему со всей категоричностью заявляли, что

«Финляндии суждено сыграть роль важной шахматной фигуры» и финны должны понять, что «помощь предложена» им «не за голубые глаза»[271]. Финское правительство заверяли, что Англия и Франция готовы направить свои войска в Северную Европу. Все это продолжало влиять на поведение финляндской делегации, которая, ссылаясь на необходимость консультаций с Хельсинки, не давала ответа на советские предложения и готова была даже прекратить переговоры и покинуть СССР[272].

Учитывая характер переговоров, перед 7-й армией была поставлена задача в максимально короткий срок взломать третью (тыловую) оборонительную полосу и овладеть Выборгским укрепленным районом. Облегчало решение этой задачи то, что советские войска продолжали расширять прибрежный плацдарм южнее Выборга. В эти дни Маннергейм сообщал своему правительству: «Положение тяжелое. Новые [советские. — *Авт.*] войска перебрасываются через Выборгский залив... Мы не можем отбросить их назад... Это последняя наша линия...»[273] Финский маршал также считал, что обещанная западная помощь, если она случится, «не даст желаемого облегчения». Маннергейм опасался, что западная помощь приведет «к включению Германии в войну» против войск западных союзников уже на финской территории и «в действительности не будет способствовать обретению мира»[274].

С другой стороны, в Хельсинки знали, что в Германии, наоборот, видели для Финляндии важную перспективу в скорейшем окончании войны. 22 февраля 1940 г. Г. Геринг, встречаясь с Т. Кивимяки, заявил, что «мир надо заключить даже на тяжелых условиях» и «потери можно будет возвратить в будущем»[275]. Уже тогда для многих становилось очевидным, что для Германии наиболее выгодно окончание советско-финляндского конфликта. Так, собственно, считали и в финляндском руководстве, все чаще выражая надежды на будущий реванш.

Тем временем положение у Выборга для финских войск становилось критическим. Советское командование начало подтягивать дополнительные части, и 11 марта войска перешли в наступление. После мощной артиллерийской и авиационной подготовки части 7-й армии начали штурм финских укреплений. 70-я стрелковая дивизия под командованием комдива М. П. Кирпоноса, входившая в 28-й корпус, с захваченного плацдарма западнее Выборга устремилась вперед и прорвалась к шоссе Выборг — Хельсинки, перерезав его. Эта успешно проведенная боевая операция могла «привести к окружению всей карельской группировки противника»[276]. В результате обстановка на фронте достигла кульминации. Именно в тот день финляндская делегация получила из Хельсинки указание подписывать мирный договор.

Боевые действия тем временем продолжались. Пока в Москве согласовывались последние условия, 123-я дивизия начала обход Выборга с севера, 100-я и 95-я дивизии прорвались на северо-восточные и восточные его окраины, а 7-я дивизия — в южную часть города. Части Красной армии, однако, вынуждены были буквально штурмовать каждую улицу, двигаясь к центру города. Особенно серьезной проблемой для наступающих было большое количество снайперов, которые, используя тактику уличных боев, препятствовали быстрому продвижению советских войск[277]. Даже в последний день войны в 7-й дивизии были выведены из строя сразу два командира полка[278].

Именно во время продолжающегося штурма 12 марта в 22 часа был подписан мирный договор, согласно которому 13 марта в 12 часов военные действия между Советским Союзом и Финляндией прекращались.

Прорыв линии Маннергейма, который закончился штурмом Выборга, стал значительным событием в истории военного искусства. Эта операция являлась примером того, как войска, которые до этого специально не готовились, смогли решить весьма сложную задачу штурма мощнейших укреплений, выполняя его при крайне неблагоприятных погодных условиях и при первоначально неудачно разработанном оперативном плане. Этот положительный итог в выполнении проведенной операции был во многом достигнут благодаря мужеству и

героизму войск, а также при активном применению артиллерии, танков и авиации. В итоге советские войска смогли прорвать хорошо спланированную и глубоко эшелонированную линию укреплений. Это был редчайший пример в истории войн. Цена проведенной наступательной операции оказалась чрезвычайно высокой. Потери 7-й и 13-й армий в ходе боев на Карельском перешейке составили более 33 тыс. человек[279].

В целом же финская война стоила больших жертв обеим странам. Безвозвратные потери советских войск составили 126 тыс. 875 человек[280]. Финская армия потеряла 21 тыс. 396 человек убитыми. Общие потери финских войск составили до 20 % всего их личного состава[281].

Согласно заключенному договору СССР смог существенным образом укрепить безопасность Ленинграда. Новая граница на Карельском перешейке была отодвинута более чем на 150 км и установлена по линии севернее Выборга и Сортавала, там, где в 1721 г. ее провел Петр I по итогам Северной войны. Кроме того, Советский Союз получил право на создание на полуострове Ханко своей военно-морской базы, а также брал под свой контроль стратегически важные острова в восточной части Финского залива. В результате в Москве добились не только разрешения острой проблемы военной безопасности Ленинграда, но и одновременно серьезно усилили геополитические позиции страны, связанные с защитой северо-западной части своей территории. Условия советско-финляндского мирного договора содержали важное обязательство: «Не заключать каких-либо союзов или не участвовать в коалициях, направленных против одной из Договаривающихся Сторон»[282]. Тем не менее через год и три месяца Финляндия нарушила это обязательство и вступила во Вторую мировую войну на стороне Германии.

Решение вопроса о Бессарабии и Северной Буковине

В течение многих лет советско-румынские отношения были отягощены наличием так называемого «бессарабского вопроса», возникшего в 1918 г., когда Румыния в условиях распада Российской империи оккупировала и аннексировала Бессарабию. Россия (СССР) никогда не признавала румынских прав на эту территорию, да и самой Румынии не удалось добиться полноценного юридического признания аннексии со стороны великих держав. Советский Союз постоянно и настойчиво подчеркивал необходимость возвращения утраченных земель, а при восстановлении дипломатических отношений с Румынией специально оговорил, что не признает Бессарабию ее частью. С осени 1939 г. советская печать, отражая официальную позицию, стала особенно настойчиво поднимать «бессарабский вопрос».

1939—1940 гг. стали кульминационными в развязке этого территориального спора. Решающую роль здесь сыграл внешний фактор — коренное изменение международной ситуации. Заключение советско-германского договора о ненападении создало условия для практического решения вопроса. Как уже отмечалось, в секретном дополнительном протоколе было зафиксировано разграничение сфер «обоюдных интересов» в Восточной Европе. Пункт 3-й этого документа гласил: «Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии». В свою очередь, Германия заявила о своей «полной политической незаинтересованности в этих областях»[283].

В Бухаресте о секретном протоколе не знали. Однако из самого факта заключения договора между СССР и Германией был сделан вывод, что Россия, как писал впоследствии министр иностранных дел Г. Гафенку, «хочет вернуться к своим границам, существовавшим до 1914 г., а Германия не имеет ни права, ни желания помешать ей в этом»[284].

Тем не менее румынские власти надеялись, что, пока русские и немцы заняты в Польше, Румыния сможет укрепить отношения с Германией и под ее защитой сохранить территориальную целостность. В стране активизировались правые силы, группировавшиеся вокруг короля Кароля II. В январе 1940 г. во время посещения Кишинёва король выступил с во-

инственными речами, обосновывая права Румынии на Бессарабию. Монарху вторил глава его правительства Г. Татареску. В прессе появились многочисленные статьи антисоветской направленности.

Реакция советского правительства была довольно резкой: в беседе с румынским посланником Г. Давидеску нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов заявил, что «по имеющимся у него сведениям, последнее время румынская печать публикует много материала, враждебного СССР. Часто это делается под предлогом освещения событий, не имеющих прямого отношения к советско-румынским отношениям, например событий в Финляндии». Вероятно, имея в виду короля и премьер-министра, Молотов подчеркнул: «Официальные лица также манифестировали свое отношение к СССР, и нельзя истолковать эти манифестации как подчеркивающие хорошее отношение к СССР»[285]. Румыния заявляла о своем нежелании идти на обострение отношений с Советским Союзом и всячески подчеркивала свой нейтралитет.

Из румынских миссий за границей в Бухарест поступали многочисленные сообщения со ссылкой на западных дипломатов о намерениях восточного соседа в скором времени воссоединить Бессарабию с СССР[286], но и в 1939 г., и в начале 1940 г. практическое решение вопроса советское руководство считало преждевременным.

Ситуация начала меняться весной 1940 г., после окончания войны с Финляндией. 29 марта Молотов заявил на сессии Верховного Совета СССР: «У нас нет пакта о ненападении с Румынией. Это объясняется наличием нерешенного спорного вопроса, — вопроса о Бессарабии, захват которой Румынией Советский Союз никогда не признавал, хотя никогда и не ставил вопроса о возвращении Бессарабии военным путем»[287].

Подстегиваемое немецкими успехами на Западном фронте, с одной стороны, и советскими политическими намеками — с другой, румынское правительство активизировало политику сближения с Германией. Королевский Коронный совет принял решение предложить дружбу Германии и добиваться союза с ней[288].

В мае 1940 г. с Германией был заключен «нефтяной пакт», и вермахт приобрел важную сырьевую базу. Румыния также отказалась от англо-французских гарантий собственной безопасности, которые ей были предоставлены в апреле 1939 г., и вышла из Лиги Наций. В официальной декларации было объявлено о том, что Румыния «будет проводить политику искреннего включения в систему, созданную осью Берлин — Рим, и это является не только выражением политического реализма, но и логическим следствием идеологии членов правительства»[289].

Велись и военные приготовления. Из советского полпредства в Бухаресте с начала 1940 г. поступали сообщения о концентрации румынских войск на границе с СССР[290] и об ускоренном строительстве укреплений (преимущественно по реке Прут, то есть за пределами Бессарабии). «Видно, генштаб Румынии, — говорилось в одном из таких сообщений, — решил не драться за Бессарабию, так как она все равно должна будет отойти к СССР»[291].

На советско-румынской границе была развернута крупная группировка румынских войск. В полосе от Валя-Вишеуляй до Сокиряны располагались части и соединения 3-й армии, а по р. Прут от Сокиряны до Черного моря — 4-й армии (всего 20 пехотных, три кавалерийские дивизии и две горнопехотные бригады). Обе армии насчитывали около 450 тыс. человек, что составляло более половины общей численности сухопутных войск Румынии[292].

Весной и летом 1940 г. на советско-румынской границе происходили многочисленные инциденты. 9 апреля 1940 г. Молотов вручил Давидеску меморандум «о случаях обстрела с румынской стороны охраны левого берега Днестра, жителей и территории СССР». В ответ румынский посланник заверил Молотова, что «эти инциденты не связаны с той линией, которой придерживается правительство в вопросе советско-румынских отношений дружбы и доброго соседства», и заявил, что улучшение отношений между СССР и Румынией зависит от советского правительства[293].

Однако такого рода заявления не могли ничего изменить. Москва демонстрировала свое недовольство: в Кремле решили не торопиться с назначением своего полпреда в Бухарест, игнорируя неоднократные обращения румынского посланника по этому поводу, что было явно недобрым предзнаменованием для Румынии. Советское правительство также уклонялось от румынских предложений об интенсификации торгового обмена между двумя странами. Многочисленные запросы на этот счет оставались без внимания[294].

23 июня 1940 г., в ходе встречи с немецким послом Ф.-В. Шуленбургом В. М. Молотов задал ему вопрос: «Подтверждает ли Риббентроп то, что было сказано во время переговоров осенью прошлого года о Бессарабии, и остается ли сказанное в силе на сегодняшний день?» В ответ немецкая сторона, не отрицая права СССР на возвращение Бессарабии, согласилась содействовать этому при выполнении ряда экономических и политических условий. В их числе соблюдение хозяйственных интересов Германии, прежде всего гарантии бесперебойных поставок румынских нефтепродуктов и продовольствия. Германия, заявил Шуленбург, «не имеет политических интересов в Бессарабии, но имеет там хозяйственные интересы, которые теперь увеличились в связи с войной»[295].

Принципиально важным было другое требование: не допустить ни при каких обстоятельствах открытия военных действий против Румынии, которые, как не без оснований опасались в Берлине, повлекли бы за собой вовлечение в военный конфликт с Румынией Венгрии, а возможно, и Болгарии. Третье условие в подаче посла звучало так: «СССР заявит о своих претензиях на Бессарабию только в том случае, если какая-либо третья страна (Венгрия, Болгария) предъявит свои территориальные претензии к Румынии и приступит к их разрешению. СССР же не возьмет на себя инициативу в этом вопросе». Это последнее условие Молотов оставил без ответа.

Далее в беседе последовал неожиданный для немецкой стороны поворот, касавшийся Буковины, которая, как подчеркнул Молотов, является последней недостающей частью единой Украины, и что по этой причине советское правительство считает необходимым разрешение этого вопроса одновременно с бессарабским. «Буковина, — заявил Молотов, — как область, населенная украинцами, тоже включается в разрешение бессарабского вопроса. Румыния поступит разумно, если отдаст Бессарабию и Буковину мирным путем... Если же Румыния не пойдет на мирное разрешение бессарабского вопроса, то Советский Союз разрешит его вооруженной силой»[296]. Шуленбург сообщил в Берлин о советской позиции. Ответ, полученный 25 июня из Берлина, сводился к следующему:

«1. Германское правительство в полной мере признает права Советского Союза на Бессарабию и своевременность постановки этого вопроса перед Румынией.

2. Германия, имея в Румынии большие хозяйственные интересы, чрезвычайно заинтересована в разрешении бессарабского вопроса мирным путем и готова поддержать советское правительство на этом пути, оказав со своей стороны воздействие на Румынию.

3. Вопрос о Буковине является новым, и Германия считает, что без постановки этого вопроса сильно облегчилось бы мирное разрешение вопроса о Бессарабии.

4. Германское правительство, будучи заинтересованным в многочисленных немцах, проживающих в Бессарабии и Буковине, надеется, что вопрос об их переселении будет решен советским правительством в духе соглашения о переселении немцев с Волыни».

Просьбу отнестись благожелательно к буковинским немцам в Москве расценили как фактическое согласие с советским заявлением о Буковине. Молотов, демонстрируя внимание к высказанной немцами позиции, ответил, что советское руководство, идя навстречу пожеланиям германской стороны, ограничится присоединением лишь Северной Буковины[297].

Используя обстановку, сложившуюся после поражения англо-французских войск, советское правительство 26 июня 1940 г. предъявило Румынии ультиматум[298]. В 10 часов вечера Молотов вручил румынскому посланнику в Москве ноту советского правительства, в которой содержались следующие требования:

1. Возвратить Бессарабию Советскому Союзу.

2. Передать Советскому Союзу северную часть Буковины в границах согласно приложенной карте.

«Советский Союз, — говорилось в документе, — никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии, о чем правительство СССР неоднократно и открыто заявляло перед всем миром. Теперь, когда военная слабость СССР отошла в область прошлого, а создавшаяся международная обстановка требует быстрейшего решения полученных в наследство от прошлого нерешенных вопросов... Советский Союз считает необходимым и своевременным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу... Правительство СССР считает, что вопрос о возвращении Бессарабии тесно связан с вопросом о передаче Советскому Союзу той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава...»[299] В ноте также говорилось, что «такой акт был бы тем более справедливым, что передача северной части Буковины Советскому Союзу могла бы представить лишь в незначительной степени средство возмещения того громадного ущерба, который был нанесен Советскому Союзу и населению Бессарабии 22-летним господством Румынии в Бессарабии»[300].

В прилагаемой к тексту карте от Румынии отделялись не только Бессарабия и Северная Буковина, но и северные районы румынской Молдовы, в том числе г. Герца (позже Г. Гафенку обратился к Молотову с просьбой пересмотреть вопрос об этой территории, считая предполагаемое присоединение ее к СССР «недоразумением», но получил отказ)[301]. В жесткой тональности Молотов заявил, что на принятие решения румынскому правительству отводится 24 часа.

С утра 27 июня в Румынии была объявлена мобилизация, и весь день в Бухаресте прошел в лихорадочных поисках выхода из создавшегося положения. Большие надежды возлагались на помощь Германии, Италии и стран Балканской Антанты[302], но они оказались тщетными.

Утром 27 июня Риббентроп направил германскому посланнику в Бухаресте телефонограмму следующего содержания: «Вы немедленно нанесете визит министру иностранных дел в Бухаресте и сообщите ему следующее: советское правительство информировало нас, что оно потребовало передачи Бессарабии и Северной Буковины. Во избежание войны между Румынией и Советским Союзом мы можем лишь посоветовать румынскому правительству уступить требованиям советского правительства»[303]. Италия и страны Балканской Антанты дали аналогичные рекомендации.

Время истекало, надо было срочно решать: уступить или воевать? Дважды собирался Коронный совет. На первом заседании 11 его членов проголосовали «против» принятия советского ультиматума, 10 — «за», четверо высказались за дальнейшее обсуждение и один (премьер Татареску) воздержался. В результате второго голосования только шесть человек голосовали за сопротивление[304].

В 11 часов 28 июня Давидеску сообщил Молотову, что румынское правительство принимает требования Советского Союза. Посланнику вручили конкретные требования по передаче спорных областей: в течение четырех дней, начиная с 2 часов дня по московскому времени 28 июня, очистить территорию Бессарабии и северной части Буковины от румынских войск. Ответственность за сохранность и недопущение порчи железных дорог, паровозного и вагонного парка, мостов, складов, аэродромов, промышленных предприятий, электростанций, телеграфа возлагалась на правительство Румынии. Советское правительство также потребовало «принять все меры, чтобы сделать возможным возвращение в Бессарабию всех солдат, уроженцев Бессарабии, которые желают этого»[305]. Первоначально отклонив просьбу об увеличении сроков румынской эвакуации с территории Бессарабии и Северной Буковины, правительство СССР все же согласилось «продлить эти сроки до 2 часов дня (по

московскому времени) 3-го июня с тем, чтобы в распоряжении румынского правительства осталось 5 дней»[306].

При рассмотрении военной стороны решения бессарабского вопроса следует выделить ряд аспектов.

10 июня 1940 г. Военные советы Киевского Особого военного округа (КОВО) и Одесского военного округа (ОдВО) получили шифротелеграммы начальника Генерального штаба, а затем и директивы наркома обороны ОУ/583 и ОУ/584, в которых им была поставлена задача привести войска в боевую готовность и сосредоточить их на границе с Румынией[307].

На базе КОВО был создан Южный фронт (командующий — генерал армии Г. К. Жуков, член Военного совета — корпусной комиссар В. Н. Борисов, начальник штаба — генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин). В состав фронта вошли 5-я и 12-я армии КОВО, а также 9-я армия из состава ОдВО, имевшие 32 стрелковые, две мотострелковые, шесть кавалерийских дивизий, 11 танковых и три воздушно-десантные бригады, отдельные артиллерийские части. Общая численность группировки превышала 600 тыс. человек. Она располагала примерно 9,5 тыс. орудий и минометов, 3 тыс. танков и бронемашин, 2 тыс. самолетов[308].

Существовало два возможных варианта развития событий, которые учитывали при оперативном планировании. Первый (основной) вариант строился на том предположении, что Румыния не пойдет на мирное урегулирование территориального вопроса и потребуется ведение полномасштабных боевых действий. На этот случай предполагалось нанесение охватывающих ударов войсками 12-й армии из района севернее Черновиц вдоль реки Прут на Яссы и 9-й армии из района Тирасполя южнее Кишинёва на Хуши в целях окружения румынских войск в районе Бельцы — Яссы. Для завершения окружения и дезорганизации тылов противника предусматривалось использовать воздушно-десантные войска. Задачи по борьбе с румынским флотом возлагались на Черноморский флот.

Второй вариант оперативного плана основывался на мирном сценарии разрешения конфликта. В этом случае отход румынских войск на реку Прут должен был сопровождаться быстрым занятием освобождаемых территорий с выходом Красной армии на новую границу.

21 июня 1940 г. начальник Политуправления РККА армейский комиссар 1 ранга Л. З. Мехлис направил Военным советам и начальникам политуправлений КОВО и ОдВО директиву № 5285сс о политработе в период Бессарабской кампании, в которой действия СССР объяснялись «воровским» характером захвата Бессарабии в 1918 г. и необходимостью помощи братским народам, которые живут «в ужасающей нищете и влачат жалкое существование»[309]. В документе указывалось, что румынские власти угнетают и дискриминируют русское, украинское и молдавское население, жестоко подавляют его протесты. Если оставить в стороне пропагандистскую сторону вопроса, то надо признать, что в своей основе эта оценка была правдивой. Бессарабские тюрьмы были переполнены политическими заключенными.

До тех пор пока сохранялась неопределенность ситуации, войска Южного фронта вели приготовления к операции по основному сценарию. В 16.00 27 июня начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников передал по телефону Г. К. Жукову указание: быть готовым к действиям к утру следующего дня, и уточнил, что «действия могут быть с выстрелом и без»[310].

В 11.00 28 июня румынское правительство заявило, что, стремясь «избежать серьезных последствий, которые повлекли бы применение силы и открытие военных действий в этой части Европы, видит себя обязанным принять условия эвакуации, предусмотренные в советском ответе».

Поскольку советско-румынский конфликт был разрешен мирным путем, войска Южного фронта получили приказ осуществить операцию по второму варианту плана. Командование фронта отдало войскам директиву № А00149, в которой ставилась задача «быстрым выдвижением к р. Прут закрепить за СССР территорию Буковины и Бессарабии»[311]. На территорию этих областей вводилась лишь часть сил фронта: от 12-й армии — 4-й кавкорпус с 23-й танковой бригадой, 2-й кавкорпус с 5-й танковой бригадой, 60, 58, 131-я стрелковые и 192-я гор-

Дети г. Кишинёва дарят цветы советским воинам. 1940 г.

нострелковая дивизии. От 5-й армии — 36-я, 49-я танковые бригады, 80-я, 169-я стрелковые дивизии. От 9-й армии — 5-й кавкорпус, 4-я танковая бригада, 15-я мотострелковая дивизия, 95, 25, 74, 140-я стрелковые дивизии. Предусматривалось также применение двух воздушно-десантных бригад, подчиненных непосредственно командованию фронта. Войскам предписывалось входить в населенные пункты с музыкой и песнями, особое внимание обращалось на опрятный внешний вид личного состава.

В 14.00 28 июня части и соединения Красной армии перешли границу и в тот же день заняли Аккерман, Бендеры, Бельцы, Кишинёв, Хотин, Черновицы и ряд других населенных пунктов. В Бендерах произошел примечательный инцидент: при передаче города жители стали выкрикивать оскорбления в адрес румынского генерала и призывать советских солдат расстрелять его, так что тот счел за благо быстро уехать, не дожидаясь завершения церемонии[312]. Данный случай показателен. Население освобождаемых областей в подавляющей массе радостно встречало Красную армию, повсеместно проходили праздничные митинги и манифестации. Это известно не только по советским источникам, но и по румынским документам: «Встреча с цветами в руках, с флагами, оркестрами и угощением не является беглой выдуманной информацией, а представляет собой грандиозную и стихийную манифестацию радости по случаю прихода освободителей, которых желали и ожидали в течение многих лет»[313]. Левые силы и широкие слои нерумынского населения, подвергавшиеся в Румынии репрессиям и дискриминации, приветствовали воссоединение с Советским Союзом[314]. В то

же время румынских государственных служащих, сотрудников силовых структур, коммерсантов, землевладельцев охватила паника, и они спешно уходили к новой границе.

Советские войска продвигались практически вслед за румынскими арьергардами, а подвижные соединения даже обгоняли их. Определенная задержка на юго-западе Бессарабии и поступившие сведения о мародерстве румынских частей привели к решению командования высадить десанты около г. Болград (29 июня) и г. Измаила (30 июня). По-видимому, также имело место желание командования оценить эффективность применения воздушно-десантных бригад (вдб) и произвести впечатление как на местных жителей, так и на румын. У Болграда были десантированы 1372 бойца 204 вдб, а в Измаиле высажены 240 и десантированы еще 509 человек 201 вдб[315].

В ходе проведения операции имели место незначительные вооруженные столкновения между румынскими и советскими войсками, в результате которых было убито несколько красноармейцев. Имелись и небоевые потери в результате несчастных случаев.

29 июня части Красной армии вышли на реку Прут, где заняли переправы и установили порядок осмотра отходящих румынских частей в целях изъятия захваченного имущества местного населения. К исходу 1 июля новая граница была полностью занята, а с 14.00 3 июля закрыта.

Операция успешно завершилась. 3—4 июля прошли военные парады и праздничные демонстрации в Кишинёве, Бендерах, Аккермане, Хотине, Бельцах и других городах. 7 июля управление Южного фронта было расформировано. С 21.00 8 июля охрану государственной границы стали осуществлять пограничные войска НКВД.

Депутаты Верховного Совета СССР 2 августа 1940 г., заслушав «делегацию трудящихся Бессарабии и Северной Буковины», приняли закон «Об образовании Молдавской Советской Социалистической Республики», в соответствии с которым центральные уезды Бессарабии и шесть районов Молдавской автономной ССР объединялись в новую союзную республику — Молдавскую ССР (остальные районы бывшей Молдавской АССР передавались в состав Одесской области). Северная Буковина, а также Хотинский, Аккерманский и Измаильский уезды Бессарабии были включены в состав Украинской ССР.

При решении проблемы Бессарабии и Северной Буковины, как и ранее — применительно к Западной Белоруссии и Западной Украине, Прибалтике, Финляндии, приоритетными в советской политике были стратегические интересы. С территории Бессарабии советская авиация могла держать под угрозой нефтяные промыслы Румынии — главного поставщика нефти для Германии. Через территорию Северной Буковины, никогда ранее не принадлежавшей России[316], проходила рокадная железная дорога стратегического значения от Одессы через Кишинёв, Черновицы (Черновцы) на Львов. Европейская колея, которую она имела, позволяла использовать подвижной состав для передвижения по железным дорогам Европы. И главное — к Советскому Союзу перешла территория площадью 50 762 км^2 с населением 3 млн 776 тыс. человек, а граница была перенесена на запад более чем на 200 км.

Своеобразной была реакция на происходящие события со стороны политического руководства Великобритании. Так, в беседе с советским послом И. М. Майским 3 июля У. Черчилль спросил: «Что это означает: возврат к империализму царских времен?» и добавил: «Может быть, вы и правы. Но если ваши действия даже продиктованы не старым царем, а новым советским империализмом — что с того? У меня нет возражений». Многозначительным был вывод британского премьера: «Должно быть, в Берлине не очень довольны вашей экскурсией в Румынию»[317].

С потерей Бессарабии и Северной Буковины проблемы Румынии не закончились: в июле 1940 г. Германия и Италия, а также СССР и Великобритания поддержали территориальные претензии к ней со стороны Болгарии. В августе состоялись румыно-болгарские переговоры, по результатам которых было подписано соглашение о передаче Болгарии территории Южной Добруджи площадью 5672 км^2 с населением 386 тыс. человек.

Венгрия, в свою очередь, потребовала пересмотреть вопрос о территориальной принадлежности Трансильвании и готовилась к войне[318]. 2 июля 1940 г. Кароль II в послании Гитлеру запросил германские гарантии неприкосновенности для своей страны. Румыны пытались задобрить Гитлера обещанием дополнительных поставок нефти, мадьяры — зерновых. Германии же нужно было иметь и то и другое, поэтому она, не заинтересованная в возникновении очага войны на юго-востоке Европы, стремилась склонить румын к уступчивости, а мадьяр — к миролюбию. Немцы настойчиво проводили политику включения Румынии в орбиту своего влияния, используя в этих целях и советский фактор, и обострившиеся румыно-венгерские противоречия. 30 августа 1940 г. в результате Второго Венского арбитража государств «оси» Румыния лишилась северных и северо-восточных областей Трансильвании площадью 43 492 км^2 с населением в 2 млн 667 тыс. человек, которые были переданы Венгрии. Одновременно ей были предоставлены гарантии территориальной неприкосновенности, что имело главной целью остановить распространение советского влияния на Балканах и в конечном счете служило задачам подготовки войны против СССР. Надо сказать, что это не прошло незамеченным для Москвы. Советское правительство, несмотря на успокоительные заверения Риббентропа насчет «импровизированной встречи в Вене», официально выразило свое недовольство германскому правительству в связи с тем, что оно не консультировалось с СССР по вопросу о гарантиях Румынии[319].

6 сентября 1940 г. король Кароль II отрекся от престола в пользу своего сына Михая I, а главой румынского правительства стал генерал И. Антонеску, не скрывавший своих профашистских симпатий. Новое румынское руководство решило форсировать сближение с Германией. В первой декаде октября в Румынию прибыли немецкие войска общей численностью 22,4 тыс. человек[320], что существенно изменило баланс сил в Юго-Восточной Европе в пользу Германии. Бухарест получил от Берлина заверения в скором возвращении Бессарабии и Северной Буковины[321]. Кроме того, Гитлер делал многообещающие намеки правительству Румынии на возможность новых территориальных приобретений. Взамен требовались верность Третьему рейху и все более прочная привязка к фашистскому блоку. 16 октября Румыния согласилась примкнуть к Тройственному пакту.

Пакт о нейтралитете с Японией

К началу Второй мировой войны международная ситуация сложилась не в пользу Японии. Китай продолжал упорное сопротивление; японские войска потерпели сокрушительное поражение на Халхин-Голе; Германия, как тогда считалось, «изменила» Японии, заключив с Советским Союзом пакт о ненападении; напряженными оставались японо-американские отношения. Среди японских историков распространены утверждения о том, что после номонханского (халхин-гольского) фиаско в Японии якобы отказались от конфронтации с СССР, а Москва, одержав победу, обеспечила безопасность своих дальневосточных границ. Японские авторы пишут: «Антикоминтерновский пакт, заключенный в 1936 г. между Японией и Германией, посеял семена беспокойства у Советского Союза, который шел по пути строительства коммунизма. В 1938 г. произошло локальное столкновение японских и советских войск у небольшой сопки Чжанкуфэн (Заозерная) в зоне государственной границы между Восточной Маньчжурией и Советским Союзом. А летом следующего года произошло также столкновение в зоне государственной границы между Западной Маньчжурией и Монголией в районе Номонхан (у реки Халхин-Гол) между японскими и советскими войсками. Монголия тогда была государством-сателлитом СССР, и на ее территории дислоцировались советские войска. Само столкновение произошло в районе, в котором отсутствовала четкая демаркация государственной границы. В результате Квантунская армия потерпела серьезное поражение, а СССР одержал победу и тем самым выполнил трудную задачу по обороне Сибири и Дальнего Востока»[322]. Основываясь на

этой версии, большинство японских официальных историков утверждают, что поражение на Халхин-Голе окончательно убедило японское военно-политическое руководство в необходимости прекратить конфронтацию с Советским Союзом и с этой целью заключить с Москвой соглашение о ненападении, от которого японское правительство до тех пор упорно отказывалось.

Однако в действительности японские стратеги — как военные, так и политики — продолжали рассматривать Советский Союз в качестве одного из основных потенциальных противников. После халхин-гольских событий было решено «максимально ограничить военные действия в Китае, сократить число находящихся там войск, мобилизовать бюджетные и материальные ресурсы и расширить подготовку к войне против СССР»[323]. В декабре 1939 г. был принят «Пересмотренный план наращивания мощи сухопутных войск». Для высвобождения необходимых для будущей войны сил планировалось резко сократить число японских войск в Китае (с 850 тыс. до 500 тыс. человек). Одновременно было принято решение довести число дивизий сухопутных войск до 65, авиаэскадрилий до 160, увеличить количество бронетанковых частей. На китайском фронте должны были действовать 20 дивизий, остальные надлежало разместить главным образом в Маньчжурии. Был определен срок завершения подготовки — середина 1941 г.[324]

Чтобы обеспечить благоприятные международные условия для осуществления этой программы, было признано целесообразным предпринять дипломатические шаги, призванные нормализовать на определенный период японо-советские отношения. Стало высказываться мнение о целесообразности заключить с СССР пакт о ненападении, аналогичный советско-германскому. При этом японское руководство, убедившись во время хасанских и халхин-гольских событий в стремлении СССР избежать вовлечения в войну с Японией, не опасалось советского нападения. Как и прежде, ставилась цель попытаться в обмен на пакт о ненападении добиться прекращения советской помощи Китаю. В согласованном 28 декабря 1939 г. документе японского правительства «Основные принципы политического курса в отношении иностранных государств» по поводу Советского Союза говорилось: «Необходимым предварительным условием заключения пакта о ненападении должно быть официальное признание прекращения советской помощи Китаю»[325].

Заключить пакт о ненападении побуждала японцев и Германия. При этом германские лидеры были готовы выступить в роли посредника между СССР и Японией. В ходе советско-германских переговоров о заключении пакта о ненападении нарком иностранных дел В. М. Молотов поставил вопрос: готова ли Германия оказать воздействие на Японию ради улучшения советско-японских отношений и разрешения пограничных конфликтов? На встрече с И. В. Сталиным министр иностранных дел Германии И. Риббентроп заверил его, что германо-японские связи «не имеют антирусской основы, и Германия, конечно же, внесет ценный вклад в разрешение дальневосточных проблем». Сталин предупредил собеседника: «Мы желаем улучшения отношений с Японией. Однако есть предел нашему терпению в отношении японских провокаций. Если Япония хочет войны, она ее получит. Советский Союз этого не боится. Он к такой войне готов. Но, если Япония хочет мира, это было бы хорошо. Мы подумаем, как Германия могла бы помочь нормализации советско-японских отношений. Однако мы не хотели бы, чтобы у Японии сложилось впечатление, что это инициатива советской стороны»[326].

Обсуждение данного вопроса было продолжено уже после достигнутого перемирия в боях на Халхин-Голе во время беседы Риббентропа со Сталиным и Молотовым в Москве 28 сентября 1939 г. Из германской записи беседы: «Г-н министр (Риббентроп) предложил Сталину, чтобы после окончания переговоров было опубликовано совместное заявление Молотова и немецкого имперского министра иностранных дел, в котором бы указывалось на подписанные договоры и под конец содержался какой-то жест в сторону Японии в пользу компромисса между Советским Союзом и Японией. Г-н министр обосновал свое предложение, сославшись на недавно полученную от немецкого посла в Токио телеграмму,

в которой указывается, что определенные, преимущественно военные, круги в Японии хотели бы компромисса с Советским Союзом. В этом они наталкиваются на сопротивление со стороны определенных придворных, экономических и политических кругов и нуждаются в поддержке с нашей стороны в их устремлениях.

Г-н Сталин ответил, что он полностью одобряет намерения г-на министра, однако считает непригодным предложенный им путь из следующих соображений: премьер-министр Абэ до сих пор не проявил никакого желания достичь компромисса между Советским Союзом и Японией. Каждый шаг Советского Союза в этом направлении с японской стороны истолковывается как признак слабости и попрошайничества. Он попросил бы господина имперского министра иностранных дел не обижаться на него, если он скажет, что он, Сталин, лучше знает азиатов, чем г-н фон Риббентроп. У этих людей особая ментальность, на них можно действовать только силой...»[327]

Из этих высказываний Сталина ясно, что он был готов к переговорам с японцами по вопросу пакта о ненападении и заинтересован в подобном соглашении, но ждал, когда об этом попросит японское правительство. Понимая это, германское руководство продолжило работу с японцами в этом направлении. Однако Германия при этом была отнюдь не бескорыстна.

Временная нормализация советско-японских отношений на период войны с западными державами была выгодна Германии. В этом случае Японию легче было подтолкнуть к действиям против Великобритании на Дальнем Востоке. По расчетам Гитлера, нападение японцев на дальневосточные владения Англии могло бы нейтрализовать Лондон. «Оказавшись в сложной обстановке в Западной Европе, в Средиземноморье и на Дальнем Востоке, Великобритания не будет воевать», — заявлял он[328]. На встречах с японским послом в Берлине Осимой Хироси Риббентроп говорил: «Я думаю, лучшей политикой для нас было бы заключить японо-германо-советский пакт о ненападении и затем выступить против Великобритании. Если это удастся, Япония сможет беспрепятственно распространить свою мощь в Восточной Азии, двигаться в южном направлении, где находятся ее жизненные интересы». Осима поддерживал такую политику[329].

Однако японское правительство продолжало колебаться, небезосновательно опасаясь, что заключение японо-советского пакта о ненападении вызовет осложнение отношений Японии с западными державами. В то же время в Токио понимали значение посредничества Германии в урегулировании японо-советских отношений. Японская газета писала: «Если будет необходимо, Япония заключит с СССР договор о ненападении и будет иметь возможность двигаться на юг, не чувствуя стеснений со стороны других государств»[330]. При этом учитывалось и то, что такой пакт давал Японии выигрыш во времени для тщательной подготовки к войне против СССР. В сентябре 1939 г. занимавший ранее пост премьер-министра князь Коноэ Фумимаро сообщил германскому послу в Токио О. Отту: «Японии потребуется еще два года, чтобы достигнуть уровня техники, вооружения и механизации, продемонстрированного Красной армией в боях в районе Номонхана»[331].

Для демонстрации своего намерения нормализовать отношения с СССР японское правительство сочло целесообразным сначала начать переговоры о заключении между двумя государствами торгового договора.

Перспектива советско-японского урегулирования уменьшала надежды западных держав на столкновение Японии с Советским Союзом. Правительство США в декабре 1939 г. попыталось получить официальное подтверждение японского МИДа о том, что пакт о ненападении не входит в программу переговоров Токио с Москвой. Чтобы успокоить западные державы и побудить их к уступкам Японии в Китае, японское правительство включилось в антисоветскую кампанию, поднятую в США, Великобритании и Франции в связи с Советско-финляндской войной.

Нормализация, даже временная, не устраивала не только западные державы, но и гоминьдановское руководство Китая во главе с Чан Кайши. Тайные замыслы и завуалирован-

ные действия, направленные на обострение советско-японских отношений и развязывание между ними войны, были откровенно высказаны командующим 5-м военным районом Китая генералом Ли Цзунженем в беседе с советским послом в Китае А. С. Панюшкиным. 12 октября 1939 г. он говорил: «Война на Западе является выгодной для СССР... Германия, Англия и Франция завязнут в войне. Им будет не до СССР... Англия может подтолкнуть Японию на войну с СССР с Востока... Если на Западе будет война, то, не беспокоясь за свои западные границы, СССР может нанести решительный удар по Японии. Это повлечет за собой освобождение угнетенной Кореи, даст Китаю возможность возвратить потерянные территории. При условии войны на Западе Англия будет приветствовать войну СССР с Японией, так как в этом случае Англия не будет беспокоиться, что Индия и Австралия будут захвачены Японией». Генерал заявил, что эта точка зрения «поддерживается многими членами правительства, в том числе Чан Кайши»[332].

Для того чтобы не допустить урегулирования советско-японских отношений, китайское правительство в конце 1939 — начале 1940 гг. ставило перед Сталиным и Молотовым вопрос о скорейшем заключении между СССР и Китаем военного союза, по которому Советский Союз обязался бы усилить помощь Китаю. При этом китайцы пытались заинтересовать советское правительство возможностью получения после войны китайских территорий для советских военных баз на Ляодунском и Шаньдунском полуостровах[333]. Перспектива обострения отношений с Японией из-за Китая не устраивала Сталина, основной целью которого было избежать вовлечения в войну, будь то на Западе или на Востоке. В задачу советского руководства входило выиграть время, обеспечить для страны максимально продолжительный мирный период, с тем чтобы успеть подготовиться к отражению агрессии, неизбежность которой в Кремле сознавали.

Успех, как тогда казалось, дипломатического маневра на германском направлении вселял у Сталина надежду на то, что нечто подобное можно осуществить и во взаимоотношениях с Японией. Считалось, что будет нетрудно побудить переживающих «номонханский синдром» японцев хотя бы на время отказаться от враждебных выпадов в отношении Советского Союза. Однако в Японии сохраняли большое влияние сторонники непримиримой политики в отношении СССР, которые выступали против идеи пакта о ненападении, заявляя, что такой договор «подрывает идеологические основы Японии»[334]. 16 января 1940 г. министр иностранных дел Японии Арита Хатиро заявил: «Полное урегулирование пограничных проблем будет равнозначно пакту о ненападении. Заключение же такого пакта — дело отдаленного будущего и не очень полезное»[335]. Заверения о стремлении урегулировать отношения с СССР не означали, что милитаристские круги Японии действительно отказались от агрессивных планов в отношении соседа на севере. Поэтому на сессии Верховного Совета СССР (март — апрель 1940 г.) прозвучало предупреждение: «В Японии должны наконец понять, что Советский Союз ни в коем случае не допустит нарушения его интересов. Только при таком понимании советско-японских отношений они могут развиваться удовлетворительно»[336].

Позиция Японии в отношении СССР изменилась после поражения Франции в мае — июне 1940 г. и разгрома английской армии под Дюнкерком. Японские правящие круги не желали упустить момент, благоприятный для захвата азиатских колоний западных держав. Ради этого надо было обезопасить свой тыл, приняв меры по урегулированию японо-советских отношений. К этому времени советское руководство позитивно ответило на японский зондаж по поводу такого урегулирования. В ходе беседы с японским послом в СССР Того Сигэнори 1 июня 1940 г. Молотов заявил, что он готов «говорить не только о мелких вопросах, считаясь с теми изменениями, которые происходят в международной обстановке и которые могут произойти в будущем»[337].

Эту мысль Молотов в более развернутом виде высказал перед Того через неделю, после того как было достигнуто принципиальное согласие сторон по поводу соглашения между СССР и Японией об уточнении границы.

Из записи беседы 7 июня 1940 г.:

«Тов. Молотов выражает надежду, что это соглашение явится предпосылкой для разрешения других интересующих Японию и СССР вопросов, в том числе и более крупных.

В ответ на это Того заявляет, что он также надеется, что теперь можно будет с успехом продолжать переговоры по рыболовному вопросу и о торговом договоре. «Кроме того, — добавляет Того, — мы одновременно могли бы начать обсуждение коренных вопросов, интересующих обе стороны. Я надеюсь на успех в решении и других вопросов».

Тов. Молотов заявляет, что он также выражает надежду, что Япония и СССР могут и должны договориться, в том числе и по коренным вопросам.

В ответ на это Того говорит, что он лично думает, что между СССР и Японией нет таких вопросов, которые нельзя было бы не разрешить, особенно если есть понимание друг друга. «Я рад заявлению тов. Молотова, — продолжает Того, — и со своей стороны также надеюсь, что обе стороны договорятся по всем вопросам»[338].

Очевидно, что и Молотов, и Того под используемым ими эвфемизмом «коренные вопросы» подразумевали пакт о ненападении. Однако ни одна из сторон не хотела первой произнести эти слова напрямую. Что касается Молотова, то он, безусловно, действовал по согласованию со Сталиным и получил от него одобрение попытки прозондировать позицию японского посла по поводу возможности заключить между двумя государствами политическое соглашение. Иным было положение посла Того, который был осведомлен о том, что в Токио, как отмечалось выше, бытовали противоречивые мнения относительно договора о ненападении с СССР.

Вот что писал об этом в своих мемуарах Того:

«Поскольку отмена Соединенными Штатами договора о торговле и мореплавании совершенно очевидно преследовала цель оказать давление на Японию, ее надежды на modus vivendi без коренного изменения политики в отношении Китая были абсолютно тщетными. В этот момент мне подумалось, что Японии не остается ничего иного для укрепления своих позиций, кроме заключения пакта с Россией и мирного урегулирования с чунцинским режимом на умеренных и рациональных условиях. Свои соображения я изложил в телеграмме министерству иностранных дел. Что касается методики достижения договоренностей с СССР, то я рекомендовал министерству сформулировать политику, ориентированную на заключение пакта о ненападении и торгового соглашения...

После заключения перемирия в Номонханском районе в сентябре предыдущего года отношение Москвы к Японии стало дружественным, и различные проблемы решались в атмосфере исключительной сердечности. Поэтому и переговоры о заключении торгового соглашения продвигались чрезвычайно гладко.

В связи со вторым вопросом, а именно пактом о ненападении, инструкция нашего министерства иностранных дел предусматривала, что этот документ должен быть подписан в форме пакта о нейтралитете, и именно на основе этой инструкции я начал переговоры с Молотовым»[339].

17 июня Молотов заявил Того, что надеется параллельно рыболовным и торговым вести переговоры и по другим коренным проблемам. Это было уже почти прямое предложение приступить к обсуждению договора о ненападении. И такие переговоры начались 2 июля 1940 г.

В Кремле понимали, что сам факт подобных переговоров может создать для СССР немалые сложности во взаимоотношениях с другими государствами, в первую очередь с Китаем, руководство которого весьма бдительно следило за намечавшимся политическим сближением СССР с Японией. Поэтому всем документам, касавшимся переговоров с Того о пакте о ненападении или нейтралитете, был присвоен гриф высшей секретности — «особая папка». Документы с таким грифом предназначались лишь для высших советских партийных и государственных деятелей.

2 июля 1940 г. состоялась первая беседа Молотова с послом Того, на которой стороны приступили к обсуждению конкретных вопросов, касавшихся проекта будущего соглашения.

Ниже приводится сделанная советской стороной запись этой беседы:

«Того: ...За последние 2–3 года, даже в такие периоды, когда отношения между СССР и Японией были наихудшими, нам удалось разрешить различные вопросы, не прибегая к войне. Поэтому Того думает, что все вопросы могут быть урегулированы мирным путем. Безусловно, в некоторой части мира имеются элементы, которые желают столкновения между СССР и Японией в своих интересах, однако мы такой глупости не допускаем и не желаем удовлетворять пожелания этих стран о столкновении СССР и Японии... С другой стороны, в связи с возникновением войны в Европе общая ситуация осложнилась. Япония, так же как и СССР, старается не быть втянутой в орбиту войны, то есть она придерживается политики строгого невмешательства в войну. Однако, если, несмотря на миролюбивые стремления Японии, она подвергнется нападению со стороны третьих держав, то она вынуждена будет предпринять меры против этого нападения.

Япония, находящаяся в соседстве с СССР, желает поддерживать с последним мирные, дружественные отношения и взаимно уважать территориальную целостность. Если же одна из стран, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению со стороны третьих держав, то в этом случае другая сторона не должна помогать нападающей стране. Если будут установлены такого рода отношения, то отношения между СССР и Японией будут стабилизированы и их ничем нельзя будет поколебать. Если советское правительство придерживается такого же мнения, говорит Того, то далее он хотел бы сделать конкретное предложение...

Молотов: ...Общая мысль о том, чтобы стабилизировать отношения между обеими странами, правильна, и он к этому может только присоединиться.

Далее тов. Молотов просит уточнить слова: «не нападать» или «не помогать одной из нападающих стран». Общая мысль, заложенная в высказываниях Того, о том, чтобы не помогать нападающей стороне и не нападать, — правильна. Все сознательные люди, как в нашей стране, так и в Японии, не могут не согласиться с этим.

Того излагает содержание проекта японской стороны. При этом он оговаривается, что дух проекта согласован с японским правительством, а текст составлен им самим, и он просит наркома иметь это в виду.

Далее Того излагает существо своего предложения, которое сводится к следующему: СССР и Япония заключают между собой следующее соглашение о нейтралитете.

Статья I

1. Обе договаривающиеся стороны подтверждают, что основой взаимоотношений между обеими странами остается Конвенция об основных принципах взаимоотношений между Японией и СССР, подписанная 20 января 1925 г. в Пекине.

2. Обе договаривающиеся стороны должны поддерживать мирные и дружественные отношения и уважать взаимную территориальную целостность.

Статья II

Если одна из договаривающихся сторон, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению третьей державы или нескольких других держав, то другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта.

Статья III

Настоящее соглашение заключается на пять лет.

Того отметил, что проект составлен как копия соглашения о нейтралитете, заключенного в 1926 г. между СССР и Германией.

Того: Если Япония и СССР войдут в дружественные отношения и между ними будет заключено соглашение о нейтралитете, то Япония хочет, чтобы советская сторона по своей воле отказалась от предоставления помощи чунцинскому правительству.

Молотов ответил, что сможет дать ответ на японские предложения после того, как этот вопрос будет обсужден советским правительством. Основная мысль, высказанная Того, будет встречена советским правительством положительно...

Касаясь вопроса о Китае, тов. Молотов говорит, что он знаком по печати с теми предложениями, которые были сделаны Японским правительством Франции и Англии по вопросу о помощи Китаю, и благодарит Того за подтверждение наличия таких предложений. Что же касается СССР, продолжает тов. Молотов, то сейчас этот вопрос для СССР не является актуальным, поскольку в данный момент все разговоры о помощи Китаю не имеют под собой почвы. Если бы СССР помогал Китаю, то Китай не находился бы в таком положении, в каком он находится сейчас. У СССР имеются свои нужды, и сейчас он занят обеспечением своих нужд по обороне страны.

Того говорит, что он с удовлетворением выслушал заявление тов. Молотова о том, что сейчас вопрос о помощи Китаю не является актуальным и что советская сторона не оказывает помощи чунцинскому правительству... Если советская сторона сейчас не оказывает помощь и не будет оказывать такую помощь в будущем, то Японское правительство желало бы, чтобы советское правительство сообщило об этом нотой.

Молотов по своей инициативе вновь заявляет, что он не может отрицать того факта, что раньше СССР оказывал Китаю помощь людьми, оружием и самолетами. Другое положение сейчас. Тов. Молотов говорит, что сейчас он не может сказать, что СССР в настоящее время оказывает помощь чунцинскому правительству. Наша страна расширилась [имелось в виду присоединение к СССР польских восточных районов, населенных украинцами и белорусами], и у нас есть свои нужды по укреплению обороны собственной страны.

Молотов указывает, что если отношения между СССР и Японией будут стабилизированы, то и Америка будет более серьезно считаться как с интересами СССР, так и с интересами Японии.

В заключение Того говорит о своем желании как можно скорее договориться относительно заключения соглашения о нейтралитете»[340].

Фактическое согласие прекратить помощь Китаю ради заключения с Японией пакта о ненападении или нейтралитете явилось серьезным внешнеполитическим маневром советского руководства. Было очевидно, что Сталин и Молотов решили повторить и на японском направлении поразивший мир прошлогодний дипломатический разворот в отношениях с Германией. Задача обеспечения безопасности своего государства как с запада, так и с востока стала рассматриваться в Кремле как главная цель советской дипломатии. По сравнению с этой задачей все остальные рассматривались как второстепенные[341].

Однако дипломатический «блиц» на японском направлении не состоялся. Пришедший в июле 1940 г. к власти второй кабинет Коноэ не стал форсировать заключение политического соглашения с СССР, предпочтя сначала укрепить военно-политический союз с Германией и Италией. В Японии полагали, что, имея такой союз с фашистскими государствами Европы, будет легче побудить советское руководство подписать пакт о ненападении с Японией на японских условиях.

27 июля новый японский кабинет, министром иностранных дел в котором стал Мацуока Ёсукэ, одобрил «Программу мероприятий, соответствующих изменениям в международном положении». В этом документе в качестве важнейшей задачи определялось «установление нового порядка в Великой Восточной Азии», для чего предусматривалось «применение в удобный момент военной силы». Программой намечалось:

1. Укрепить союз Японии, Германии, Италии.

2. Заключить с СССР соглашение о ненападении, с тем чтобы провести подготовку вооруженных сил к войне, которая исключала бы их поражение.

3. Осуществить активные меры по включению колоний Англии, Франции, Голландии и Португалии в сферу японского нового порядка в Восточной Азии.

4. Иметь твердую решимость устранить вооруженное вмешательство США в процесс создания «нового порядка» в Восточной Азии[342].

В соответствии с этими политическими установками командование вооруженными силами стало разрабатывать возможные варианты вступления Японии во Вторую мировую войну: «южный» — против США и западноевропейских государств и «северный» — против СССР. Предпочтение было отдано «южному». Решение же «северной проблемы» откладывалось до вовлечения Советского Союза в войну в Европе. Так как в «Программе» выдвигалось требование «избежать войны на два фронта», заключение с СССР пакта о нейтралитете оставалось одной из приоритетных задач японской дипломатии. «Отношения с СССР должны быть урегулированы на базе советско-германского пакта о ненападении, — писала японская газета. — Таким путем Япония может достичь безопасности своей северной границы, что даст ей возможность осуществить ее политику экспансии на юг. Это также позволит ей подготовиться к войне против США»[343]. При этом японские лидеры сочли выгодным приступить к конкретным переговорам с Москвой после заключения военно-политического союза с Германией, что должно было усилить позиции Токио. Хотя с приходом к власти второго кабинета Коноэ японцы активно готовились к заключению союза с Германией, в Токио было признано целесообразным сохранить дипломатические контакты с Москвой по вопросу о выработке политического соглашения.

Убедившись в том, что новое правительство Японии готово продолжать переговоры о заключении пакта о нейтралитете, советское правительство 14 августа 1940 г. дало ответ на предложенный Того вариант договора. В нем говорилось: «Настоящим советское правительство подтверждает свое положительное отношение к идее заключения предложенного японским правительством соглашения о нейтралитете между СССР и Японией... Советское правительство понимает настоящее предложение японского правительства в том смысле, что предложенное соглашение, как это видно из его содержания, будет не только договором о нейтралитете, но, по сути дела, это будет договор о ненападении и о невступлении во враждебные коалиции».

Вместе с тем советское правительство заявило, что интересы СССР и Японии требуют еще до подписания договора «урегулировать некоторые существенные вопросы советско-японских отношений, наличие которых в неразрешенном состоянии является и будет являться серьезным препятствием на пути к желательному улучшению взаимоотношений между обеими странами»[344].

Принимая 2 и 3 статьи японского проекта, советское правительство выступило против того, чтобы соглашение основывалось на Пекинской конвенции 1925 г., оставлявшей в силе Портсмутский договор 1905 г., по которому Россия вследствие поражения в Русско-японской войне вынуждена была уступить Японии Южный Сахалин. К тому же Портсмутский договор был нарушен Японией, захватившей вопреки его положениям Северо-Восточный Китай. Наконец, советское правительство продолжало настаивать на ликвидации японских нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине.

К этому времени в ходе так называемой «чистки Мацуоки» были заменены японские послы в основных мировых державах. Отзывался на родину и посол в СССР Того.

Укрепляя военные связи с Германией и Италией, японское правительство в то же время не отказывалось от намерения оторвать СССР от Китая. Вскоре после заключения Тройственного пакта министерство иностранных дел Японии разработало предложения об условиях заключения соглашения с СССР. Чтобы облегчить переговоры, предлагалось подписать пакт, аналогичный советско-германскому, а урегулирование спорных вопросов провести после его заключения. Смысл этого маневра состоял в том, чтобы, уже имея подписанным договор о ненападении или нейтралитете, добиться от СССР заключения на выгодных Японии условиях рыболовного соглашения, прекращения оказания помощи Китаю, а также попытаться вынудить СССР на территориальные уступки. Имелось в виду «мирным путем» получить Северный Сахалин и установить влияние Японии в Приморье. Взамен предлагалось поделить

сферы влияния в Китае и в Азии в целом[345]. Это, по расчетам японских стратегов, помогло бы вовлечь его в четырехстороннюю коалицию (Япония, Германия, Италия, СССР), что облегчило бы вооруженную борьбу с западными державами. Политика «превращения врага на севере в друга» должна была исключить весьма беспокоившую Японию и Германию перспективу образования в ходе войны союза СССР, США и Великобритании. Накануне подписания Тройственного пакта Мацуока объяснял Тайному совету: «Пока мы строим новый порядок, мы не можем позволить себе, чтобы Советский Союз видел в нас своих врагов». В то же время участники Тройственного пакта подчеркивали, что избранный в отношении СССР курс имеет временный характер.

Назначенный в сентябре 1940 г. новым послом в СССР Татэкава Ёсицугу 30 октября в беседе с Молотовым сообщил, что его правительство прекращает переговоры с СССР о заключении соглашения о нейтралитете и выдвигает предложение о подписании пакта о ненападении.

Посол заявил, что после прихода к власти кабинета Коноэ внешняя политика Японии в корне изменилась. Это нашло свое выражение, по словам Татэкава, в заключении военного союза с Германией и Италией. В связи с этим японское правительство предлагает советскому правительству заключить пакт о ненападении, а не пакт о нейтралитете, который-де недостаточен.

Посол передал текст пакта о ненападении, аналогичный советско-германскому пакту о ненападении, заключенному в августе 1939 г. Японский проект пакта гласил: «Обе договаривающиеся стороны обязуются взаимно уважать их территориальные права и не предпринимать никакого агрессивного действия в отношении другой стороны ни отдельно, ни совместно с одной или несколькими третьими державами. В случае если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая сторона не будет поддерживать ни в какой форме эти третьи державы. Ни одна из договаривающихся сторон не будет участвовать в какой-либо группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны. Срок действия пакта определяется в десять лет».

Посол сделал два добавления:

— Прежние переговоры Того о заключении соглашения о нейтралитете прекращаются.

— Японское правительство предлагает все прочие спорные вопросы разрешить после заключения пакта о ненападении.

На вопрос Молотова, в чем заключается разница между прежним и новым предложениями японского правительства, Татэкава повторил, что соглашение о нейтралитете было признано недостаточным, ибо в нем неясно отражен вопрос о ненападении. И потому после заключения Тройственного военного союза было найдено целесообразным заключить пакт о ненападении. При этом он добавил, что прежний кабинет вел переговоры осторожно, а новый кабинет хочет сделать прыжок для улучшения отношений. Заключение политического соглашения с Советским Союзом позволяло Токио устранить опасность ведения войны на два фронта. К этому времени Япония уже фактически приступила к осуществлению южного варианта распространения агрессии. 23 сентября 1940 г. японские войска вторглись на территорию Индокитая. Пакт о ненападении с СССР позволял рассчитывать на невмешательство Москвы в случае вооруженного столкновения Японии с Великобританией и США.

18 ноября во время очередной беседы с Татэкава Молотов по согласованию со Сталиным изложил суть сделанного ранее предложения о желательности для советской стороны «получить компенсации» в случае заключения с Японией политического соглашения. Было указано, что общественное мнение в СССР заключение пакта о ненападении с Японией будет связывать с вопросом о возвращении утраченных ранее территорий — Южного Сахалина и Курильских островов. Было заявлено, что если Япония не готова к постановке этих вопросов, то было бы целесообразно говорить о заключении пакта не о ненападении, а о

нейтралитете, не предусматривающего разрешения территориальных проблем. Советское руководство настаивало также на подписании протокола о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине.

Из телеграммы Молотова послу СССР в Японии К. А. Сметанину от 19 ноября 1940 г.: «Я заявил, что последнее предложение японского правительства о пакте о ненападении может вызвать известные затруднения со стороны самой же Японии. Дело в том, что, как известно, заключение пакта о ненападении с Германией в 1939 году привело к тому, что СССР вернул ряд территорий, ранее утерянных нашей страной, а потому общественное мнение нашей страны заключение пакта о ненападении с Японией также, естественно, будет связывать с вопросом о возвращении Советскому Союзу таких утерянных ранее территорий, как Южный Сахалин, Курильские острова и, уже во всяком случае, на первый раз, как минимум, встанет вопрос о продаже некоторой группы северной части Курильских островов. Если Япония считает целесообразным поднимать эти территориальные вопросы, то тогда можно будет говорить относительно заключения пакта о ненападении. Но так как я не уверен, что Япония будет считать это целесообразным, то со своей стороны считаю возможным сейчас не будоражить много вопросов, а заключить вместо пакта о ненападении пакт о нейтралитете и подписать отдельно протокол о ликвидации японских нефтяной и угольной концессий...

Татэкава, не возражая против предложения о заключении пакта о нейтралитете, заявил, что, по его мнению, этот пакт также может улучшить советско-японские отношения. На мой вопрос, считает ли Татэкава мои предложения о пакте и о протоколе приемлемыми в качестве базы для переговоров, Татэкава ответил, что лично он считает эти предложения базой для переговоров и сообщит об этих предложениях в Токио»[346].

Выполняя директиву МИД, Татэкава заявил Молотову: «Так как продажа Россией Аляски США уменьшила споры и конфликты между двумя странами, то он твердо уверен, что и продажа Северного Сахалина положила бы конец спорам и конфликтам между обеими странами и способствовала бы установлению длительного мира между Японией и СССР».

22 ноября 1940 г. Молотов телеграфировал в Токио послу Сметанину: «21 ноября имел беседу с Татэкава. Беседа показала, что пока с нашими переговорами ничего не выходит. Мы, во всяком случае, подождем, ускорять события не имеем желания»[347].

25 февраля 1941 г. японский посол в Германии Осима сообщил в Токио о возможном резком ухудшении германо-советских отношений. Такое впечатление он вынес из состоявшейся накануне беседы с Риббентропом, который не скрывал, что на восточных границах рейха сосредоточено «от восьмидесяти до ста немецких дивизий». Содержание этой дипломатической депеши было доложено императору Японии Хирохито. Новость взволновала японского монарха. Он заявил лорду-хранителю печати Кидо Коити: «Если Германия в ближайшем будущем начнет войну с СССР, союзнические обязательства заставят нас готовиться к выступлению на севере... Так как у нас связаны руки на юге, мы окажемся перед серьезной проблемой»[348]. Было принято решение направить Мацуоку в Европу с тем, чтобы на переговорах в Москве, Берлине и Риме получить необходимую информацию.

12 марта 1941 г. Мацуока выехал в Европу. Отправляясь в Москву, он имел полномочия заключить с советским руководством пакт о ненападении, но на японских условиях. 3 февраля Координационным советом правительства и императорской ставки был одобрен документ «Принципы ведения переговоров с Германией, Италией и Советским Союзом». Документом в обмен на согласие Японии заключить пакт о ненападении предусматривалось вынудить советское руководство на серьезные уступки, а именно — продать Японии Северный Сахалин и прекратить помощь Китаю.

В Берлине Мацуока говорил с германскими руководителями и об отношениях Японии с Советским Союзом. Он сообщил, что имеет поручение заключить японо-советский пакт о ненападении или нейтралитете. Реакция немцев на это сообщение должна была пока-

Подписание Пакта о нейтралитете между СССР и Японией

зать, насколько далеко зашла подготовка Германии к нападению на Советский Союз. Если бы руководители рейха решительно воспротивились такому пакту, это было бы сигналом того, что решение о войне на востоке принято окончательно. Однако Гитлер и Риббентроп реагировали довольно прохладно. Риббентроп лишь предупредил Мацуоку «не заходить слишком далеко в сближении с Россией». Зная о японских планах оккупации восточноазиатских колоний западных держав, германские лидеры убеждали Мацуоку решительно двигаться на юг, в частности захватить Сингапур. Впоследствии Гитлер заявил, что японцы заключили пакт с СССР «с одобрения Германии». Вместе с тем собеседники Мацуоки приняли к сведению сделанное японским министром заявление о том, что «никакой японский премьер-министр или министр иностранных дел не сумеет заставить Японию остаться нейтральной, если между Германией и Советским Союзом возникнет конфликт. В этом случае Япония принуждена будет, естественно, напасть на Россию на стороне Германии. Тут не поможет никакой пакт о нейтралитете»[349]. При этом было дано заверение в том, что «Япония будет всегда лояльным союзником, который посвятит себя общим усилиям и не займет пассивной позиции».

Хотя руководители рейха не настаивали на участии японских вооруженных сил в войне против СССР, в ходе такой войны могло создаться положение, когда правительство Германии потребовало бы от своего союзника выполнения обязательств по Тройственному пакту. В этом случае выступление Японии против СССР должно было состояться не тогда, когда японское правительство и командование сочтут момент наиболее благоприятным, а когда это будет необходимо Германии. Это не устраивало Японию, не желавшую играть подчиненную роль в германской войне против СССР, выполняя вспомогательные задачи. С другой стороны, японское руководство не могло не волновать то, что в результате быстрого разгрома

Германией Советского Союза Япония не будет допущена к дележу «русского пирога» или же получит лишь небольшие куски. Поэтому для обеспечения империи свободы действий как на южном, так и на северном направлениях считалось целесообразным иметь пакт о ненападении или нейтралитете с Советским Союзом. Главные же цели пакта для Японии оставались прежними: добиться от СССР его отказа от помощи Китаю и обеспечить прочный тыл на севере на случай начала войны против США и Великобритании на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии.

По мнению японцев, пакт с СССР должен был, кроме всего прочего, затруднить образование союза между Вашингтоном, Лондоном и Москвой. Японский военно-морской министр Оикава Косиро с нескрываемой тревогой говорил: «Флот уверен в своих силах в случае войны только с Соединенными Штатами и Британией, но выражает опасения по поводу столкновения одновременно с Соединенными Штатами, Британией и Советским Союзом».

Мацуока не мог не учитывать эти опасения. К тому же провал порученных самим императором переговоров в Москве серьезно подорвал бы авторитет японского министра иностранных дел, поставив вопрос о его дальнейшем пребывании на занимаемом посту. Поэтому он решил продолжить переговоры с советским руководством о подписании соглашения с СССР.

Готовясь к встрече с Мацуокой, советское руководство из сообщений резидента советской военной разведки Рихарда Зорге знало, что император и ближайшее окружение японского премьер-министра Коноэ хотят заключить пакт о ненападении с Советским Союзом. 10 марта 1941 г. Зорге доносил в Москву: «Что касается СССР, то Мацуока имеет больше полномочий для самостоятельных действий. Коноэ не верит, что Мацуока сможет заключить с Советским Союзом пакт о ненападении, но он все же надеется, что кое-что в этом направлении Мацуока сможет сделать. Коноэ надеется также получить от советского правительства разрешение на пропуск через Сибирь немецких военных материалов, заказанных Японией. Наконец, он надеется достигнуть с СССР соглашения о прекращении сотрудничества с чунцинским правительством»[350].

Как уже отмечалось, советскому правительству было непросто принять решение о заключении пакта с милитаристской Японией. В Кремле хорошо помнили реакцию Запада на подписание советско-германского пакта о ненападении, расцененного как «предательство идеи антигитлеровской коалиции». Заключение аналогичного соглашения еще с одним членом Пакта трех держав неизбежно создавало новые проблемы во взаимоотношениях с западными государствами, которые могли расценить действия СССР как провоцирующие Японию на расширение экспансии в Восточной Азии и на Тихом океане. Продолжало беспокоить советское руководство и то, что, идя на подписание пакта с Японией, оно рисковало ухудшить свои отношения с Китаем. Однако, с другой стороны, как и в случае с Германией, пакт с японцами отвечал государственным интересам Советского Союза, ибо создавал, хотя и ненадежные и явно временные, но все же гарантии, снижал опасность одновременного нападения на СССР с запада и востока.

Вернувшись из Берлина в Москву, Мацуока 7 апреля 1941 г. в беседе с Молотовым попытался выдвинуть японские условия подписания пакта с СССР, в частности официально предложил продать Японии Северный Сахалин. Это предложение, как и ранее в беседах Молотова с японскими послами Того и Татэкава, было решительно отвергнуто. При этом советская сторона продолжала настаивать на ликвидации одновременно с подписанием пакта японских концессий на Северном Сахалине. Было ясно, что советское правительство не отступит от своих позиций.

В довольно сумрачном настроении Мацуока посетил Ленинград, где осмотрел сокровища Эрмитажа и присутствовал на балетном спектакле. Возвратившись 12 апреля в Москву, он телеграфировал в Токио, что Молотов «не проявляет симпатии и шансы заключения соглашения с Россией близки к нулю». Неожиданно в гостиничном номере японского министра

позвонили из секретариата Сталина. Мацуоку приглашали в Кремль на беседу с советским лидером.

После традиционных приветствий Мацуока начал пространно излагать Сталину значение японского лозунга «хакко итиу» (восемь углов под одной крышей), под которым японская империя намеревалась создавать «новый мировой порядок». Он убеждал, что этот древний лозунг не означает стремления Японии к переделу мира, что цель Японии объединить все народы земли «под единой крышей взаимного уважения и комфорта».

Сталин терпеливо слушал, а затем, прервав собеседника, предложил перейти к делу. Отвергнув претензии Японии на Северный Сахалин, он заявил о желании вернуть в состав территории Советского Союза южную часть этого острова, отторгнутую от России в результате Русско-японской войны 1904–1905 гг. Мацуока возражал, ссылаясь на то, что южная часть Сахалина заселена японцами, и России лучше обратить внимание на расширение своих территорий за счет арабских стран вместо того, чтобы претендовать на территории, соседствующие с японской метрополией.

Это была «домашняя заготовка» Мацуоки. Готовясь к переговорам с Советским Союзом, министерство иностранных дел Японии разработало программу заключения с СССР пакта о ненападении. Одним из пунктов этой программы предусматривалось: «В подходящий момент включить в сферу влияния Японии (в результате покупки или обмена территориями) Северный Сахалин и Приморье»[351]. Для того чтобы побудить советское правительство пересмотреть свою политику в отношении Японо-китайской войны, в документе намечалось предложить Советскому Союзу следующее: «СССР признает интересы Японии во Внутренней Монголии и в трех провинциях Северного Китая. Япония признает традиционные интересы Советского Союза во Внешней Монголии и Синьцзяне. СССР соглашается с продвижением Японии в направлении Французского Индокитая и Голландской Индии. Япония соглашается с будущим продвижением Советского Союза в направлении Афганистана, Персии (впоследствии сюда включается и Индия)»[352].

Попытка Мацуоки изложить этот «план» Сталину реакции последнего не вызвала. Было ясно, что целью вовлечения Советского Союза в подобный сговор было желание не допустить его сближения с западными странами и все же попытаться привлечь к сотрудничеству с участниками Тройственного пакта.

Проигнорировав геополитические прожекты Мацуоки, Сталин выложил на стол проект советско-японского пакта о нейтралитете, который состоял из четырех статей. Статья 1 предусматривала обязательство обеих сторон поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой договаривающейся стороны. В статье 2 говорилось, что в случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта. Статья 3 предусматривала, что пакт сохраняет силу в течение пяти лет.

Предложенный Сталиным вариант соглашения не требовал от Токио никаких уступок, кроме согласия на ликвидацию на приемлемых условиях концессий на Северном Сахалине. К тому же откровенность и примирительный дружественный тон Сталина убеждали Мацуоку, что советский лидер искренне стремится на продолжительный срок избежать новых конфликтов с Японией.

Связавшись с Токио, Мацуока получил согласие на подписание предложенного советской стороной документа. Вместе с тем в инструкциях японского правительства было подчеркнуто, что «Тройственный пакт не должен быть ослаблен».

13 апреля 1941 г. в Кремле был подписан Пакт о нейтралитете между Японией и Советским Союзом. Одновременно была подписана Декларация о взаимном уважении территориальной целостности и неприкосновенности границ Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-Го. Была достигнута и договоренность о разрешении в течение нескольких

месяцев вопроса о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине. Однако по просьбе японской стороны об этой договоренности в печати не сообщалось.

На состоявшемся затем банкете в Кремле царила атмосфера удовлетворения успешно завершившимся «дипломатическим блицкригом». По свидетельству очевидцев, стремясь подчеркнуть свое гостеприимство, Сталин лично подвигал гостям тарелки с яствами и разливал вино. Однако обилие комплиментов не могло скрыть от наблюдателя, что за столом сидели не друзья, а противники.

Участники банкета с японской стороны, в частности личный секретарь Мацуока Т. Касэ, рассказывали о состоявшемся за столом диалоге.

Подняв свой бокал, Мацуока сказал: «Соглашение подписано. Я не лгу. Если я лгу, моя голова будет Ваша. Если Вы лжете, я приду за Вашей головой».

Сталин поморщился, а затем со всей серьезностью произнес: «Моя голова важна для моей страны. Так же, как Ваша для Вашей страны. Давайте позаботимся, чтобы наши головы остались на наших плечах».

Предложив затем тост за японскую делегацию, Сталин отметил вклад в заключение соглашения ее членов из числа военных.

«Эти представляющие армию и флот люди заключили пакт о нейтралитете, исходя из общей ситуации, — заметил в ответ Мацуока. — На самом деле они всегда думают о том, как бы сокрушить Советский Союз».

Сталин тут же парировал: «Хотелось бы напомнить всем японским военным, что сегодняшняя Советская Россия — это не прогнившая царская Российская империя, над которой вы однажды одержали победу».

Хотя Сталин попрощался с японским министром в Кремле, затем неожиданно он появился на вокзале, чтобы лично проводить Мацуоку. Это был беспрецедентный и единственный в своем роде случай, когда советский лидер счел необходимым таким необычным жестом подчеркнуть важность советско-японской договоренности. Причем подчеркнуть не только японцам, но и немцам.

Зная, что среди провожающих Мацуоки был и германский посол в Москве Шуленбург, Сталин демонстративно обнимал на перроне японского министра, заявляя: «Вы азиат, и я азиат... Если мы будем вместе, все проблемы Азии могут быть решены». Мацуока отвечал: «Проблемы всего мира могут быть разрешены».

В целом негативно относящиеся к каким-либо договоренностям с Советским Союзом военные круги Японии, в отличие от политиков, не придавали пакту о нейтралитете особого значения. В «Секретном дневнике войны» японского генерального штаба армии 14 апреля 1941 г. была сделана следующая запись: «Значение данного договора состоит не в обеспечении вооруженного выступления на юге. Не является договор и средством избежать войны с США. Он лишь дает дополнительное время для принятия самостоятельного решения о начале войны против Советов»[353]. Еще более определенно высказался в апреле 1941 г. военный министр Тодзио Хидэки: «Невзирая на пакт, мы будем активно осуществлять военные приготовления против СССР»[354].

Советская разведка своевременно и объективно информировала Москву об этих настроениях в японской армии. 18 апреля 1941 г. Рихард Зорге сообщил, что «Отто (Одзаки Хоцуми. — *Авт.*) посетил Коноэ как раз в тот момент, когда Коноэ получил от Мацуоки телеграмму о заключении пакта о нейтралитете. Коноэ и все присутствовавшие были чрезвычайно рады заключению пакта. Коноэ сразу по телефону сообщил об этом военному министру Тодзио, который не высказал ни удивления, ни гнева, ни радости, но согласился с мнением Коноэ о том, что ни армия, ни флот, ни Квантунская армия не должны опубликовывать какое-либо заявление относительно этого пакта. Во время обсуждения вопроса о последствиях пакта вопрос о Сингапуре не поднимался. Основное внимание всех присутствующих было сосредоточено на вопросе использования пакта для ликвидации войны с Китаем...»

28 апреля советский военный атташе в Корее телеграфировал: «22 апреля начальник штаба Корейской армии (японской армии в Корее. — *Авт.*) Такахаси заявил журналистам: «СССР, признавая мощь Японии, заключил с ней пакт о нейтралитете с тем, чтобы сконцентрировать свои войска на западе. Только военная сила может обеспечить эффективность пакта, и поэтому новое формирование ни Квантунской, ни Корейской армии ослаблено не будет, и они со своих позиций не уйдут. Такахаси привел исторические примеры, когда Китай, будучи в военном отношении слабее Японии, шел на заключение выгодных для Японии договоров. Сейчас основной задачей Японии, как он заявил, является завершение китайской войны».

Хотя в Токио имели информацию о вероятности начала войны между Германией и Советским Союзом и разрабатывали политическую линию Японии на этот случай, главным на момент заключения пакта о нейтралитете было обеспечить безопасность на севере на период движения на юг. Как показали последующие события, Япония эффективно использовала нейтралитет Москвы. Этот фактор учитывался при принятии японским военно-политическим руководством решения о начале войны в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане. Немаловажное значение имело и то, что СССР сначала ослабил, а после германского нападения прекратил военно-техническую помощь Китаю. С другой стороны, наличие пакта о нейтралитете в известной степени удерживало Токио от нападения на Советский Союз, что позволяло советскому руководству частично перебрасывать дальневосточные и сибирские войска в европейскую часть страны для организации отпора врагу, в частности при обороне Москвы.

Переговоры с США и Великобританией

Несмотря на советско-германские договоренности, в Москве ясно понимали, что нападение Германии остается опаснейшей угрозой, и стремились, далеко не всегда лучшими решениями и заявлениями, выиграть максимум времени для укрепления обороны страны. Вектор советской политики, направленный на создание коалиции государств и народов в борьбе с агрессорами, приобретал в этих условиях особое значение. Основания имелись: для СССР, Великобритании и США германско-японская военная угроза была общей, и это понимали многие влиятельные деятели по обе стороны океана.

В середине 1930-х гг. правительство США, учитывая изоляционистские настроения американской общественности, не торопилось активно вмешиваться в международные конфликты, уже потрясавшие мир. Оно внешне строго придерживалось закона о нейтралитете, принятого в 1935 г. в США, и его последующих модификаций. Положение резко изменилось, когда гитлеровская Германия необоснованно и нагло нарушила Мюнхенское соглашение 1938 г. и оккупировала 15 марта 1939 г. Чехию, установив также марионеточный режим в Словакии. Нарком иностранных дел М. М. Литвинов направил Германии ноту от 18 марта 1939 г., в которой охарактеризовал действия германского правительства по ликвидации Чехословакии «произвольными, насильственными и агрессивными». Они не только не устраняют «опасность всеобщему миру», но и наносят «новый удар чувству безопасности народов»[355].

В тот же день полпред СССР в Лондоне И. М. Майский сообщил в Москву: президент США Ф. Рузвельт уведомил правительства Англии и Франции, что он больше не находит возможным продолжать политику «умиротворения» и всякие переговоры с Германией «бесполезны и недопустимы». 21 марта США в ответной ноте Германии на сообщение о расчленении Чехословакии заявили, что они не признают «каких-либо законных оснований для вышеуказанного статуса»[356].

14 апреля 1939 г. Рузвельт обратился к Гитлеру и Муссолини с посланием, в котором призвал к решению существовавших проблем за столом переговоров, т. е. мирным путем.

В послании Рузвельт запрашивал Гитлера и Муссолини, согласны ли они дать заверения в том, что их вооруженные силы в течение 10 или 25 лет не совершат нападения на перечисленные им в этом послании 30 стран Европы и Ближнего Востока. Заявив о готовности США принять участие в переговорах о разоружении и расширении международной торговли, если Гитлер и Муссолини дадут положительный ответ, Рузвельт предложил услуги «доброго посредника»[357]. Это его послание было направлено главам ряда других государств, в том числе и СССР. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин в ответном послании Рузвельту от 16 апреля выразил «глубокое сочувствие вместе с сердечными поздравлениями по поводу благородного призыва... Можете быть уверены, что Ваша инициатива находит самый горячий отклик в сердцах народов СССР, искренне заинтересованных в сохранении всеобщего мира»[358]. Реакция в США на эту акцию Рузвельта была неоднозначной. Изоляционисты всех мастей, не говоря уж об откровенных сторонниках нацистов в США, обрушились на президента. Выступая не для печати в клубе «Гридарой» в присутствии всего правительства, писал полпред СССР К. А. Уманский в Москву, Рузвельт приравнял к государственной измене поведение крайних изоляционистов из обеих американских партий, «людей, мечтающих, что им воздвигнут памятник не в Вашингтоне, а в Берлине и Риме». «Он заявил, что речь идет о спасении США как части мира от экономической катастрофы в случае дальнейшей агрессии, а не о посылке армии за океан, которая к тому же опоздала бы, ибо современная агрессия молниеносна. Главное сейчас выиграть время, работающее на мирные страны»[359].

В этом отношении Рузвельт оказался прав. Еще 7 апреля 1939 г. Италия захватила Албанию. Поэтому Муссолини в своей речи 20 апреля, а Гитлер в выступлении 28 апреля 1939 г. отвергли вышеупомянутые предложения президента. Одновременно Гитлер в той же речи заявил об аннулировании морского соглашения с Англией 1935 г. и пакта о ненападении между Германией и Польшей 1934 г. Глава советского правительства В. М. Молотов в докладе о международном положении и внешней политике СССР 31 мая 1939 г. отметил: «Таков был ответ Германии на проникнутые духом миролюбия предложения президента США Рузвельта»[360]. Советский Союз был заинтересован в развитии дружественных отношений с США и Великобританией и многое делал в этом направлении.

В начале марта 1939 г. в США прибыла советская делегация во главе с заместителем наркома военно-морского флота И. С. Исаковым. Она имела целью осуществить крупные военные заказы на поставку в СССР различного военно-морского оборудования вплоть до строительства линкоров и эсминцев[361]. Однако уже в июне Исаков в докладе И. В. Сталину вынужден был сообщить об отказе США от работ по проектированию эсминцев и других кораблей. Тем не менее он полагал, что «ухудшение отношений с СССР не входит в планы рузвельтовского руководства»[362].

Это вроде бы находило подтверждение в словах американского посла в СССР Л. Штейнгардта, сказанных полпреду Уманскому 13 июня: президент Рузвельт настроен «по-прежнему благожелательно» в отношении строительства военных кораблей для СССР[363]. Однако все оказалось сложнее. Фирмы имели соответствующие указания морского министерства США и предлагали не новейшее оборудование и корабли, а проекты 5-летней давности, что не соответствовало интересам СССР.

В то же время в США внимательно следили за развитием событий на Тихом океане, где Япония осторожно стала теснить американский капитал в Китае, а также в колониальных владениях Англии, Франции и Голландии на Дальнем Востоке. Поэтому США заняли довольно лояльную позицию в отношении СССР в период японских провокаций в Монголии летом 1939 г. на реке Халхин-Гол. «Трезвая оценка событий американской прессой, указывающей, в частности, на их связь с положением в Европе, — писал в НКИД полпред К. А. Уманский, — выгодно отличается от тенденциозных комментариев в период хасанских боев»[364].

Сообщая в НКИД о внимании американских правительственных кругов к событиям на Халхин-Голе 27 июня 1939 г., полпред писал, что в дальневосточном отделе госдепартамента

«для ориентации» заявили следующее: «1. События не следует истолковывать как предвестник серьезного советско-японского столкновения. 2. Японцы проверяют на практике, действительно ли СССР готов защитить границы МНР как свои. 3. Нападение японцев свидетельствует о согласованности действий агрессоров и является средством давления на ход англо-франко-советских переговоров. 4. Японцы стремятся затруднить помощь СССР Китаю»[365].

Но следует отметить, что агрессия против МНР, а тем самым и против СССР имела также целью усилить дипломатические позиции Японии в ее стремлении добиться от Англии благожелательного нейтралитета в отношении продолжавшейся Японо-китайской войны. Успешные действия японцев против Красной армии создавали бы более выгодную для Японии позицию на переговорах с Великобританией. Эта тактика себя оправдала. 24 июня 1939 г., в разгар боев на Халхин-Голе, было подписано англо-японское соглашение Арита — Крейги о признании законности японской власти на оккупированной территории Китая[366]. Это соглашение получило название «дальневосточного Мюнхена», отмечает академик В. С. Мясников[367].

Но главным вопросом советско-американских отношений в этот период оставалось дальнейшее развитие советско-американских торговых отношений. В беседе с министром финансов США Г. Моргентау 1 июля 1939 г. полпред К. А. Уманский заявил, что развитие советско-американской торговли зависит от рогаток при реализации советских оборонных заказов в результате расширения правительством США списков засекреченных объектов. Моргентау выразил готовность разрешить в ходе переговоров вопросы о советских оборонных заказах, подчеркнув при этом политические аспекты этого вопроса и указав, что его урегулирование укрепит в США идею сотрудничества с СССР[368].

В тот же день, 1 июля 1939 г., государственный секретарь США К. Хэлл в беседе с Уманским отметил, что его правительство заинтересовано в расширении торговли с СССР «больше, чем с любой другой страной мира» как по политическим соображениям, так и ввиду общности миролюбивой политики. «Лучше увеличить торговлю с Вами как фактором мира, чем распылять ее по мелким странам, которые не сегодня-завтра могут стать колониями фашизма»[369]. Советская сторона, заинтересованная в дальнейшем расширении советско-американского сотрудничества, предпринимала различные шаги, чтобы обозначить свое присутствие в США и привлечь внимание к СССР широких слоев американской общественности.

30 апреля открылась международная промышленная выставка в Нью-Йорке. Советский павильон по своему оформлению и содержанию завоевал первое место среди 58 государств. Его посетили свыше 16,5 млн человек. Американская печать отметила успех выставки. Этому способствовал арктический павильон, в работе которого участвовали советские полярники[370].

В мае летчики В. К. Коккинаки и М. Х. Гордиенко совершили по приглашению губернатора штата Нью-Йорк и администрации выставки перелет на двухмоторном самолете «Москва» из СССР в Америку. С большим успехом выступили в период работы выставки Краснознаменный ансамбль песни и пляски Красной армии под руководством профессора А. В. Александрова, а также другие видные советские исполнители музыкальной культуры[371]. Все это вызвало большой интерес американской общественности к успехам и достижениям в СССР.

Однако на настроения американской общественности большое влияние оказывали печать и американский Конгресс, в котором было немало ненавистников Советской России. Президенту Рузвельту приходилось это учитывать. 19 апреля вышло постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о назначении К. А. Уманского полпредом СССР в США[372]. Официально об этом было объявлено 11 мая. Уманский находился в США с 1936 г. сначала в качестве советника, а затем с 1938 г. — временного поверенного в делах СССР в США. 6 июня 1939 г. он вручил верительные грамоты президенту США Ф. Д. Рузвельту. В состоявшейся беседе

президент сказал: «Если имеются две страны, которые могут взирать на мелкие дипломатические интриги с философским спокойствием, то это ваша страна и наша. В конце концов, Европа не так уж велика. У нас с вами другие масштабы»[373]. Однако прошел месяц и развитие событий в Европе вызвало его беспокойство. В беседе с полпредом 30 июня он нашел положение уже в Европе крайне опасным: «Сроки новой агрессии исчисляются неделями. С закабалением прибалтов едва ли примирится СССР, с закабалением Англии и Франции не могут примириться США»[374].

16 августа нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов принял нового американского посла Л. Штейнгардта, который поднял вопрос о ведущихся англо-франко-советских переговорах в Москве по поводу совместных действий в борьбе против возможной германской агрессии.

Молотов заявил, что советское правительство относится со всей серьезностью к положению в Европе и к своим переговорам с Англией и Францией, но «дело зависит не только от нас, но также от Англии и Франции»[375]. Британское правительство, внешнюю политику которого определяли Н. Чемберлен и Э. Галифакс, ревностные сторонники соглашения с Гитлером, затягивало под различными предлогами эти переговоры о взаимопомощи. Более того, 16 августа 1939 г. сотрудник британского министерства авиации де Ропп дал понять руководителю внешнеполитического отдела нацистской партии А. Розенбергу, что, «когда Германия быстро покончит с Польшей, и, хотя к этому времени война будет объявлена... она будет вестись как оборонительная... Из-за государства, которое практически уже перестало бы существовать... ни Британская империя, ни Германия не поставили бы на карту свое собственное существование»[376].

Договор с Германией о ненападении и совместные действия СССР в Польше вызвали в странах Западной Европы и США яростную антисоветскую кампанию. Она приняла особо острые формы в связи с советско-финским конфликтом.

2 декабря 1939 г. Рузвельт объявил о введении «морального эмбарго» на торговлю с СССР, которым запрещался ввоз в СССР самолетов, различного рода авиационного оборудования, а также алюминия, молибдена и других стратегических материалов, что привело к еще большему сокращению и так небольшой советско-американской торговли.

По инициативе дипломатов ряда западных стран было созвано заседание Совета Лиги Наций, на котором 14 декабря СССР был исключен из этой организации.

В октябре 1939 г. США поставили Финляндии самолеты и другое военное оборудование на сумму 850 тыс. долларов. 11 декабря США предоставили Финляндии финансовый кредит на сумму в 10 млн долларов, а в феврале 1940 г. — еще 20 млн долларов, которые финны использовали только частично, т. к. война к тому времени уже заканчивалась[377].

Важно отметить, что Рузвельт, несмотря на оказываемое на него давление, не пошел на разрыв дипломатических отношений с СССР. Это объяснялось, как сообщал советник полпредства СССР в США А. А. Громыко, важностью информации об СССР от своего посольства в Москве, надеждой, что СССР останется силой, противодействующей Японии на Дальнем Востоке, заинтересованностью отдельных групп американских деловых кругов в торговле с СССР, стремлением сохранить престиж Рузвельта перед избирательной кампанией по выборам президента в ноябре 1940 г. как инициатора установления в 1933 г. дипломатических отношений с СССР[378].

Видимо, чтобы пресечь всякие разговоры о дальнейшем ужесточении позиции США, Рузвельт, выступая на конгрессе американской молодежи 10 февраля 1940 г., заявил: «То, что Советский Союз объявит войну США, является наиболее абсурдной мыслью, какую я когда-либо слышал за 58 лет своей жизни. То, что мы собираемся воевать с Советским Союзом, является столь же глупым предположением»[379].

Мирный договор, подписанный 12 марта 1940 г. советским правительством с Финляндией, казалось, внес мало изменений в политику Англии, Франции и США. Но на самом деле в их политике наметились определенные сдвиги.

Еще 12 февраля министр внутренних дел США Г. Икес в беседе с полпредом Уманским высказал мысль о неизбежности весной активизации военных действий со стороны Германии[380].

Рузвельт предпринял в этой связи внешнеполитическую инициативу с целью выяснить планы Гитлера и Муссолини на ближайшую перспективу, направив в Европу заместителя госсекретаря США С. Уэллеса. Его интересовали прежде всего планы Гитлера, в том числе их антисоветская направленность. Однако беседы Уэллеса с Чиано и Муссолини в Риме, с Гитлером, Герингом и Риббентропом в Берлине, с Даладье и Рейно во Франции, с Чемберленом, Галифаксом и Черчиллем в Лондоне выявили совершенно противоположные интересы сторон. Так, Гитлер потребовал признания со стороны Англии и Франции уже совершенных им захватов, а также разоружения английских военных баз в Гибралтаре, на Мальте и в Сингапуре. В беседе с Уэллесом 2 марта 1940 г. Гитлер дал понять, что Германия намерена продолжать войну до полной победы.

29 марта 1940 г., выступая на шестой сессии Верховного Совета СССР, председатель СНК и нарком иностранных дел В. М. Молотов заявил: «Что касается наших отношений с Соединенными Штатами Америки, то они за последнее время не улучшились и, пожалуй, не ухудшились, если не считать так называемого «морального эмбарго» против СССР, лишенного какого-либо смысла, особенно после заключения мира между СССР и Финляндией»[381].

3 апреля полпред Уманский изложил госсекретарю США Хэллу упомянутое заявление Молотова. Далее полпред заявил: «Мы исходим из того, что США так же, как и СССР, проводят политику нейтралитета, однако отношения между двумя великими нейтральными державами оставляют желать лучшего и страдают от проводимой американским правительством дискриминационной линии в торговле с СССР». Полпред привел конкретные факты. «Хотя Хэлл ничего не обещал, — сообщал полпред, — но он взял новый тон и впервые заговорил о возможности улучшения отношений»[382].

31 мая 1940 г. посетивший Уманского американский посол в Москве Л. Штейнгардт, находившийся в США, пытался убедить полпреда, что реквизиция станков будет продолжаться, ибо продиктована срочными нуждами обороны США. Он уверял полпреда, что будто даже английские и французские «и, во всяком случае японские», заказы подвергнутся той же участи. Штейнгардт заявил: «Мы реквизируем станки не для союзников, а для самих себя, ибо можем полагаться сейчас только на самих себя, а не на союзников, которые в качестве нашей первой линии обороны потерпели крушение»[383]. Переключившись на общие вопросы, Штейнгардт продолжал: «Судьба Британской империи и поражение Франции предрешены. Германия стремится к всеевропейской гегемонии. США отныне могут полагаться только на себя. В случае бегства английского флота в Канаду США возьмут на себя “бремя” покровительства Канады и английских владений в Западном полушарии, то есть неизбежно вступят в войну». Он, как и ряд других видных американцев, «пытался внушить мне мысль о “неизбежности” движения Германии на Восток против нас».

На замечание полпреда, что правительство США исключительно по собственной инициативе вступило на путь подрыва экономических отношений с СССР, Штейнгардт рекомендовал «не отчаиваться» и вместе работать над «спасением остатков наших отношений, с тем чтобы перейти к более конструктивной работе, когда в США схлынет военная истерия»[384].

7 июля 1940 г. нарком В. М. Молотов писал полпреду, что если госсекретарь Хэлл или его заместитель С. Уэллес поставят вопросы о дальнейшей политике СССР, то можете заявить: «СССР продолжает стоять на позиции своей мирной политики, остается вне войны и стремится поддерживать нормальные экономические и политические отношения со всеми державами, в том числе и с великими. Отношения СССР с Китаем сохраняют свой добрососедский характер, вытекающий из советско-китайского договора о ненападении»[385].

Это заявление советского правительства заинтересовало США. 20 сентября 1940 г. министр финансов Моргентау в беседе с Уманским поставил вопрос об увеличении американских закупок в СССР стратегических товаров, в первую очередь марганца, с оплатой наличными, с тем чтобы СССР усилил свое снабжение Китая, при этом Моргентау подчеркнул, что речь идет о закупке не фирмами, а самим правительством[386].

На это сообщение полпреда Молотов поручил ему 25 сентября передать Моргентау, что советское правительство согласно поставлять США марганец, хром, асбест и платину, использовав для ввоза этого сырья трансиранскую железную дорогу. Однако советское правительство не связывало поставки этого сырья в США с советско-китайской торговлей[387].

Оценивая зондаж Моргентау, полпред писал в НКИД: «Рузвельт явно стремится этим предложением "сразу убить нескольких зайцев". Во-первых, нашими руками усилить сопротивление Китая, за блокаду которого США и их английские друзья несут всю ответственность; во-вторых, сорвать улучшение японо-советских отношений, т. к. правительство США опасается, что спокойный советский тыл ускорит темпы японской экспансии в районе Тихого океана»[388].

США действительно разными путями стремились помешать нормализации советско-японских отношений. В июле 1940 г. американская газета «Дейли Ньюс» распространила слух «о секретном соглашении между США и СССР против Японии на Дальнем Востоке». 6 июля 1940 г. ТАСС опроверг это измышление американской газеты[389], имевшее целью посеять подозрения у японского правительства.

Советское правительство, учитывая сложную обстановку на Дальнем Востоке и продолжавшуюся войну в Европе, стремилось укрепить безопасность советских границ. 13 апреля 1941 г. был подписан пакт о нейтралитете между СССР и Японией[390], который сыграл важную роль в начавшейся через несколько недель Великой Отечественной войне.

Дипломатия США не делала каких-либо представлений СССР в связи с мирным воссоединением в июле 1940 г. Бессарабии и Северной Буковины с Советским Союзом.

Но в вопросе вхождения Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР проявила непоследовательность. В ноте итальянскому послу от 10 августа 1920 г. государственный секретарь США Б. Кольби заявлял о «постоянном отказе признать Балтийские государства как отдельные нации, не зависимые от России»[391]. Эта же мысль проводилась в письме госсекретаря США Ч. Юза от 25 июля 1922 г. уполномоченному США в Риге О. Юнгу[392].

15 июля 1940 г. президент Рузвельт издал приказ, запрещавший производить операции, затрагивающие собственность Прибалтийских республик. Ссылаясь на этот приказ, Федеральный резервный банк в Нью-Йорке не выполнил телеграфных распоряжений банков Литвы, Латвии и Эстонии от 13 июля о перечислении в депозит Госбанка СССР золота, купленного последним у банков Прибалтийских республик.

20 июля 1940 г. заместитель наркома иностранных дел С. А. Лозовский вызвал американского поверенного в делах В. Торстона и заявил ему протест «против незаконных действий американских властей»[393].

Но военная угроза нарастала, и 3 июля министр внутренних дел США Г. Икес в беседе с Уманским предпринял зондаж относительно улучшения советско-американских отношений. Икес предложил выделить уполномоченных для таких встреч в Вашингтоне или в Москве, чтобы выяснить имеющиеся точки соприкосновения в политических вопросах, несмотря на нынешние расхождения между обеими сторонами.

Уманский поддержал это предложение, подчеркнув при этом самостоятельность советской внешней политики и ее полную независимость от Германии[394].

27 июля заместитель госсекретаря США С. Уэллес в беседе с Уманским сделал явно порученное ему Рузвельтом заявление о советско-американских отношениях. «Пора обеим сторонам подумать, — сказал он, — не только о нынешних отношениях, но и о будущих месяцах и годах, которые, быть может, для обеих держав будут чреваты новыми опасностями. Не пора ли устранить источники трений, которых и без того достаточно во всем мире, и лик-

видировать остроту, создавшуюся в отношениях между нашими странами». Таким образом, Уэллес уже официально поставил вопрос, который затрагивал Икес.

Уманский ответил Уэллесу, что имеются две предпосылки для ликвидации остроты в советско-американских отношениях: «Во-первых, очищение отношений от актов дискриминации и нарушения прав и интересов СССР органами американского правительства и, во-вторых, подход к отношениям между США и СССР как к отношениям между двумя великими, политически самодовлеющими и экономически независимыми державами». Уманский указал в этой связи на заявление самого Уэллеса от 24 июля 1940 г. по вопросу о Прибалтике, «которое по существу и по форме абсолютно несовместимо с нормальными отношениями».

Уэллес, сославшись на то, что это заявление он сделал по поручению правительства США, предложил полпреду приступить на следующей неделе к работе по «ликвидации взаимных претензий»[395].

Оценивая эту инициативу правительства США, нарком В. М. Молотов писал Уманскому 31 июля 1940 г.: «Своим демаршем Уэллес, несомненно, пытался преуменьшить перед нами обострение американо-японских отношений и все усиливающуюся борьбу между США и Японией»[396]. Но еще раньше инициативу нормализации отношений с СССР проявила Великобритания, которая уже вела войну с Германией.

Переговоры с Англией возобновились вскоре после подписания 28 сентября 1939 г. советско-германского договора о дружбе и границе. Инициативу проявил Черчилль, в то время первый лорд адмиралтейства (военно-морской министр). 6 октября он пригласил советского посла И. М. Майского и заявил, что политика британского правительства направлена на то, чтобы нейтралитет СССР был дружественным по отношению к Великобритании, разъяснил свою позицию последовательной борьбы с гитлеризмом. Советское правительство положительно отнеслось к инициативе Черчилля. Так возобновились англо-советские переговоры, в ходе которых Англия стремилась «навести мосты», а СССР — не сжигать их.

Угроза вторжения на Британские острова, «битва за Англию», возрастающее итало-немецкое давление на Балканах усилили стремление Великобритании добиться сближения с СССР и если не разрыва, то ослабления советско-германских отношений, начиная с торговли, которую, впрочем, оценивали в Форин-офисе как неудовлетворяющую запросы Германии.

Прилет 14 мая 1941 г. в Великобританию Р. Гесса — заместителя Гитлера по партийному руководству, вызвал настороженность в Москве относительно целей британской политики[397].

В апреле 1940 г. начались регулярные встречи, по существу переговоры между США и СССР, которые с американской стороны преимущественно вел заместитель государственного секретаря США С. Уэллес, а с советской стороны — К. А. Уманский. Камнем преткновения оставалась прибалтийская проблема.

Переговоры Уманского с Уэллесом длились девять месяцев. Состоялись 22 встречи. В их начале Уэллес заявил полпреду, что, «как и в прошлые десятилетия и века, между СССР и США нет ни одного противоречия, кроме идеологического, которое не должно, по мнению американского правительства, мешать нормализации и улучшению отношений между обеими странами»[398].

Нормализация советско-американских отношений и являлась главной целью переговоров. В основном шло обсуждение экономических вопросов, снятие многочисленных ограничений на выполнение промышленностью США советских заказов. Полпред заявил Уэллесу, что американское правительство как бы «премирует участвовавших в войне и «наказывает» тех, кто успешно оградил свою страну от агрессии»[399], имея в виду все еще действовавшее «моральное эмбарго». В начале января 1941 г. был согласован текст нот об отмене эмбарго[400]. 22 января сообщение об отмене «морального эмбарго» было опубликовано в американской печати.

В последней, 22-й, беседе с Уманским 9 апреля 1941 г. Уэллес заявил, что военное положение на Балканах представляется ему крайне тяжелым. Однако полной картины пока нет, связь нарушена. «Договор СССР с Югославией свидетельствует, что по ряду важнейших вопросов точки зрения СССР и США сближаются, в чем он-де никогда не сомневался. Ему лично кажется, что ввиду приближения военного театра к районам жизненных интересов СССР эта общность взглядов будет усиливаться». Уманский поддержал его мнение о сближении взглядов СССР и США по ряду вопросов[401].

Следует выделить предупреждения США о подготовке Германии к нападению на СССР. В январе 1941 г. коммерческий атташе США в Берлине С. Вудс, который имел связи с влиятельными нацистскими чиновниками, сообщил госсекретарю США К. Хэллу о готовившемся вторжении гитлеровской Германии в Советский Союз. При этом Вудс указывал, что продолжающиеся налеты германской авиации на Англию являются попыткой отвлечь внимание от готовящегося нападения на СССР[402].

После консультации с Рузвельтом и Гувером Хэлл поручил Уэллесу сообщить эту информацию Уманскому. 1 марта 1941 г. в 18-й беседе с полпредом Уэллес в доверительном порядке сообщил, что «по конфиденциальным сведениям, имеющимся в распоряжении американского правительства, германские военные планы заключаются в том, чтобы *после достижения победы над Англией* (курсив *наш*), несмотря на поддержку последней Соединенными Штатами, напасть на СССР. Американское правительство учитывает, что советское правительство, возможно, отнесется к этой информации с недоверием и будет рассматривать ее как пропаганду, интригу или неправду. Однако американское правительство подчеркивает, что располагает не подлежащими сомнению доказательствами правдивости этой информации, которую он передает советскому правительству лишь потому, что считает, что те страны, которые отстаивают свою целостность и независимость перед лицом германских планов неограниченной агрессии, имеют моральное право на получение подобной информации и дружественное предупреждение». Уманский обещал передать эту информацию советскому правительству[403]. Реакции Москвы на эту информацию не последовало.

Тогда правительство США поручило своему послу в Москве Л. Штейнгардту довести эти сведения непосредственно до советского правительства. 15 апреля 1941 г. посол сообщил заместителю наркома С. А. Лозовскому, «что по полученным посольством из Берлина достоверным сведениям», Германия готовит нападение на Украину и сконцентрировала против Молдавии восемь дивизий. Эта информация приходит не только от тех 250 американцев, которые живут в Германии, но и от многочисленных немцев-полуамериканцев, занимающих очень высокие и ответственные посты в Германии. Штейнгардт просил довести эти факты до В. М. Молотова.

Лозовский заметил, что он сомневается, чтобы Германия напала на СССР, но во всяком случае, СССР всегда готов и не даст захватить себя врасплох[404].

Произошли изменения на англо-советских переговорах. 13 июня 1941 г. А. Иден сообщил И. Майскому о готовности Великобритании оказать СССР помощь своей авиацией на Ближнем Востоке, направить военную миссию в Москву в случае нападения Германии и немедленно сделать об этом заявление правительства[405].

Рассматривать такого рода предложения в Москве приходилось в контексте настойчивых усилий британской дипломатии ускорить столкновение СССР с Германией. Очевидным являлось и то, что «германский рейх всеми средствами пытается спровоцировать Советский Союз на такие действия, которые дали бы возможность скомпрометировать его в глазах мировой общественности как виновника агрессии, лишить тем самым союзников в борьбе с истинными захватчиками»[406]. Именно в эти дни требование «не дать никакого повода для войны» было возведено в ранг одной из первостепенных задач политики и дипломатии государства[407].

15 июня 1941 г. У. Черчилль сообщил Рузвельту о готовности Великобритании оказать России всемерную помощь в случае нападения Германии и получил поддержку Рузвельта. Но ни Черчилль, ни Рузвельт не сообщили Сталину об этом решении.

Битва за союзников была выиграна дорогой ценой. Время с 10 по 15 июня являлось, по оценкам специалистов, последним критическим рубежом, когда советские войска приграничных округов успевали, получив на то приказ, перейти в состояние полной боевой готовности с отмобилизованием и развертыванием на театре военных действий.

Расчеты советского руководства долговременно уберечь страну от войны с нацистской Германией не оправдались. Но между СССР, Великобританией и США была в конечном счете достигнута договоренность о совместной борьбе против фашистской агрессии, что стало важнейшим дипломатическим прорывом того времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Клопов В. Я., Ордин А. Г.* Великий Освободительный поход Красной армии. Воронеж, 1940. С. 10.

[2] В действительности во многих хозяйствах крестьяне, работавшие на польских помещиков, получали за свой труд еще меньше.

[3] *Coates Z. K.* Six centuries of russo-polish relations. London, 1948. P. 127.

[4] В. М. Молотов направил по этому поводу поздравительную телеграмму в Берлин. Это было не только преждевременным шагом (Варшава сражалась до 28 сентября), но и неудачным дипломатическим решением.

[5] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 1. М., 1968. С. 121.

[6] Правда. 14 сентября 1939 г.

[7] СССР — Германия. 1939–1941. Т. 1. Вильнюс, 1989. С. 92–93.

[8] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Начало. Кн. 1. М., 2000. С. 28.

[9] *Мельтюхов М. И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001. С. 355–356.

[10] Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн. 2. М., 1992. С. 95–96.

[11] Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 7. М., 1973. С. 178.

[12] Цит. по: Военно-исторический журнал. 1990. № 10. С. 22.

[13] *Мельтюхов М. И.* Указ. соч. С. 290.

[14] Формально по состоянию на 17 сентября фронтов и управлений фронтами еще не существовало, а использовались наименования БОВО и КОВО. Переименование произошло в соответствии с приказом наркома обороны № 0053 от 26.09.1939 г. Армейские группы, имевшиеся в составе КОВО и БОВО, были переименованы в армии уже в ходе операции.

[15] Военная энциклопедия. Т. 6. М., 2002. С. 555–557.

[16] *Антосяк А. В.* Освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии. Военно-исторический журнал. 1989. № 9. С. 54.

[17] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 165.

[18] В ходе операции численность войск менялась за счет дополнительных сил из внутренних округов. К началу октября в составе обоих фронтов насчитывалось более 2,4 млн человек, около 5,5 тыс. орудий, 6 тыс. танков, 4 тыс. самолетов (РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 722. Л. 1–3). Значительная часть этих войск оставалась на территории СССР.

[19] *Мельтюхов М. И.* Указ. соч. С. 298–299.

[20] Цит. по: *Мельтюхов М. И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001. С. 301.

[21] Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы. М., 1997. С. 65.

[22] Цит. по: *Kozlowski E.* Koncowy okres wojny obronnej Polski. WPH. 1989. № 3. S. 202.

[23] *Kowalski W. T.* Ostatni rok. Ewropy (1939). Warszawa, 1989. S. 647.

[24] *Павлов М. В., Желтов И. Г., Павлов И. В.* Танки БТ. М., 2001. С. 165.

[25] РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 22. Л. 62. В последующем данные по потерям были уточнены.

[26] Польская административная единица, часть воеводства.

[27] *Пыхалов И. В.* Великая оболганная война. М., 2011. С. 133–137.

[28] РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 394. Л. 200–207.
[29] Там же. Ф. 34980. Оп. 14. Д. 84. Л. 130–205. (Цит. по: Источник. 1993. № 3. С. 30).
[30] *Еременко А. И.* В начале войны. М., 1965. С. 24.
[31] *Мельтюхов М. И.* Указ. соч. С. 337.
[32] Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн. 2. М., 1992. С. 98.
[33] *Мельтюхов М. И.* Указ. соч. С. 326–327.
[34] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 1. М., 1968. С. 125.
[35] Правда. 23 сентября 1939 г.
[36] РГВА. Ф. 37977. Оп. 3. Д. 1226. Л. 124.
[37] Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3370. Л. 331 (Цит. по: Родина. 2009. № 8. С. 37).
[38] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Книга 1. Т. 1–2. М., 1991. С. 205.
[39] Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. М., 1992. Документ № 152.
[40] В октябре 1940 г. эта территория также была передана Литве после ее вступления в состав СССР.
[41] *Молотов В. М.* О внешней политике Советского Союза. М., 1939. С. 3.
[42] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 165.
[43] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3370. Л. 323.
[44] Там же. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 22. Л. 21; Д. 24. Л. 103; Д. 25. Л. 44.
[45] Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б). М., 1999. С. 275–276.
[46] Правда. 25 октября 1939 г.
[47] *Клопов В. Я., Ордин А. Г.* Указ. соч. С. 35.
[48] *Purkl A.* Die Lettlandpolitik der Weimarer Republik. Studium zu den deutsch-lettischen Beziehungen der Zwischenkriegszeit. Münster, 1996. S. 256.
[49] См.: *Петренко А. И.* Влияние переворота К. Улманиса 15 мая 1934 г. на шведско-латвийские отношения // Балтия в контексте Северного пространства. От Средневековья до 40-х годов XX века. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 185–189.
[50] *Кен О., Рупасов А.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. М., 2000. Кн. 1. С. 107, ссылка 129.
[51] Там же. С. 104.
[52] Там же. С. 106.
[53] *Зубкова Е. Ю.* Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. С. 33.
[54] См., например: 20. gadsimta Latvijas vēsture / II. Neatkarīgā valsts. 1918–1940. Rīga, 2003. 582. lpp.
[55] Aizsargs. 1934. Nr. 6.
[56] *Perna V.* Itālija un Latvija. Diplomātisko attiecību vēsture. Rīga, 2002. 14. lpp.
[57] *Stranga A.* Ebreji un diktatūras Baltijā (1926 — 1940). Rīga, 2002. 164, 165. lpp.
[58] Правда. 1936. 5 марта.
[59] *Kangeris K.* Latviešu ub ebreju attiecības Trešā reiha skatijumā. 1933–1939. gads // Holokausta izpētes jautājumi Latvijā (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 8. sēj.). Rīga, 2003. 56. lpp.
[60] *Ilmjärv M.* Silent submission. Tallinn, 2010. P. 285.
[61] См.: *Ковалев С. Н.* СССР и Прибалтика: нейтралитет и договоры о взаимопомощи 1939 года // Военно-исторический журнал. 2011. № 8. С. 33–34.
[62] Akten zur deutschen auswartigen Politik, Serie D. Bd. V. Baden-Baden, 1953. S. 384.
[63] Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. Р-1883. Оп. 1. Д. 67. Л. 3, 38. Цит. по: *Ковалев С. Н.* СССР и Прибалтика... С. 34.
[64] См.: *Feldmanis I., Stranga A., Virsis M.* Latvijas ārpolitika un starptautiskais stāvoklis (30. gadu otrā puse). Rīga, 1993. 21. lpp.; *Zunda A.* Latvijas un Lielbritānijas attiecības 1930–1940. Realitāte un ilūzijas. Rīga, 1998. 9, 10. lpp.
[65] *Блейере Д., Бутулис И., Зунда А., Странга А., Фелдманис И.* История Латвии. XX век. Рига, 2005. С. 169.
[66] См.: *Ilmjärv M.* Hääletu alistumine. Eesti, Läti ja Leedu välispoliitilise orientatsioni kujunemine ja iseseisvuse kaotus 1920. Aastate keskpaigast anneksioonini. Tallinn, 2004.

[67] *Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.: ТОО «Гея», 1996. С. 114–117; *Он же.* Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001. С. 114; *Он же.* Победа в тайной войне. 1941–1945 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 106–115.

[68] Латвийский государственный исторический архив (LVVA). Ф. 2574. Оп. 4. Д. 7679. Л. 186. Цит. по: *Bleiere D., Butulis I., Feldmanis I., Stranga A., Zunda A.* Latvija Otrajā pasaules karā (1939–1945). Rīga, 2008. 17. lpp.

[69] *Ильмярв М.* Балтийские страны в 1939–1940 гг.: замыслы и возможности // Международный кризис 1939–1941 гг.: От советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР. М., 2006. С. 276.

[70] Политический архив иностранных дел Германии (PA AA), R 104627, 421272. Цит. по: *Bleiere D., Butulis I., Feldmanis I., Stranga A., Zunda A.* Latvija Otrajā pasaules karā... 17. lpp.

[71] *Наумов А. О.* Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса версальской системы. М.: РОССПЭН, 2007. С. 370.

[72] *Вульфсон М.* 100 дней, которые разрушили мир: Из истории тайной дипломатии. 1939–1940. Рига, 2001. С. 69.

[73] Год кризиса. 1938–1939: Документы и материалы. М.: Политиздат, 1990. Т. 1. С. 453–459.

[74] *Дюков А. Р.* «Пакт Молотова — Риббентропа» в вопросах и ответах / Фонд «Историческая память». М., 2009. С. 48.

[75] См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2001. С. 368–369; Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1998. С. 87.

[76] *Ilmjärv M.* Hääletu alistumine... lk. 558.

[77] В опубликованных материалах из ведомственного архива советской разведки содержатся различные фрагментарные сведения о германском влиянии в правящих кругах Латвии, контактах с немцами, усилении экономической зависимости этой страны от Германии, однако данных, подтверждающих знакомство Москвы с деталями пактов Риббентропа — Мунтерса и Риббентропа — Сельтера от 7 июня 1939 г., представлено не было. См.: Прибалтика и геополитика 1935–1945 гг. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. М., 2009. С. 90–106.

[78] *Черчилль У.* Вторая мировая война. М., 1997. Т. 1. С. 181.

[79] *Дюков А. Р.* «Пакт Молотова — Риббентропа» в вопросах и ответах / Фонд «Историческая память». М., 2009. С. 47–52, 133–138.

[80] *Барков Л.* В дебрях абвера. Таллин, 1971. С. 26–27, 31–32, 48.

[81] *Кен О., Рупасов А.* Москва и страны Балтии: Опыт взаимоотношений, 1917–1939 гг. // Страны Балтии и Россия: общества и государства. М., 2002. С. 86.

[82] Международная жизнь. 1989. № 9.

[83] Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией: Август 1939 — август 1940 г. М.: Международные отношения, 1990. С. 52.

[84] *Ковалев С. Н.* СССР и Прибалтика: нейтралитет и договоры о взаимопомощи 1939 года // Военно-исторический журнал. 2011. № 8. С. 35.

[85] *Чирва Е. В.* Подводная война на Балтике. 1939–1945. М., 2009. С. 7–8.

[86] См.: *Мельтюхов М. И.* Наращивание советского военного присутствия в Прибалтике в 1939–1941 гг. // Отечественная история. 1999. № 4. С. 46–70; *Он же.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 2000. С. 176–210; *Он же.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2002. С. 144–153.

[87] *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина... Изд. 2-е. С. 157.

[88] См.: *Гайдук А. А.* Оценка Вооруженных сил Латвии разведотделом КБФ СССР в 1939 году // Baltfort. Балтийский военно-исторический журнал. 2010. № 2. С. 60–71; *Гайдук А. А.* Оценка Вооруженных сил Эстонии разведотделом КБФ СССР в 1939 году // Baltfort. Балтийский военно-исторический журнал. 2010. № 3. С. 46–62.

[89] *Ковалев С. Н.* СССР и Прибалтика... С. 35.

[90] На чаше весов: Эстония и Советский Союз. 1940 год и его последствия. Таллин: Евроуниверситет, 1999. С. 25.

[91] См.: От пакта Молотова — Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы. Таллин: Периодика, 1989. С. 135, 137–140.

[92] См.: Полпреды сообщают... С. 62–69, 84–88, 92–98.

[93] *Ковалев С. Н.* СССР и Прибалтика... С. 36.

[94] СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Вильнюс, 2006. Т. 1. С. 364.

[95] Там же. С. 339, 341.

[96] См., например: *Кабанов Н. Н.* Генерал и его план. Можно ли было защитить Ригу от удара с моря в 1939 году? // Baltfort. Балтийский военно-исторический журнал. 2010. № 3. С. 34–38.

[97] От пакта Молотова — Риббентропа до договора о базах. Таллин, 1990. С. 184.

[98] *Rislaki J.* Kur beidzas varavīksne. Krišjānis Berķis un Hilma Lehtonena. Rīga, 2004. 129, 131. lpp.

[99] Там же. 138. lpp.

[100] *Ščerbinskis V.* Ziemas karš un Latvija 1939–1940 // Militārais apskats. 1999. N. 2. 92–94. lpp.

[101] См., например: *Strods H.* PSRS politiskā cenzūra Latvijā 1940–1990. Rīga, 2010. 14. lpp.

[102] Полпреды сообщают... С. 115, 161.

[103] *Мялксоо Л.* Советская аннексия и государственный континуитет. Международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г.: Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве. Тарту, 2005. С. 123.

[104] Русский архив. Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13. М.: Терра, 1994. С. 123.

[105] *Зубкова Е. Ю.* Прибалтика и Кремль... С. 77.

[106] Полпреды сообщают... С. 339–340.

[107] *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина... С. 200.

[108] См., например: *Done Донгаров А. Г.* СССР и Прибалтика (1939–1940). Дипломатические хроники и размышления. М., 2010. С. 139–141.

[109] *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина... Изд. 2-е. С. 169.

[110] *Воробьева Л. М.* История Латвии: От Российской империи к СССР. Кн. 2. / Фонд «Историческая память»; РИСИ. М., 2010. С. 77.

[111] См.: *Зубкова Е. Ю.* Прибалтика и Кремль... С. 80.

[112] *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина... Изд. 2-е. С. 170.

[113] Известия. 1940. 2 августа.

[114] См., например: *Урбанович Я., Юргенс И., Пайдерс Ю.* Черновики будущего. Латвия 1934–1941. Рига: Балтийский форум, 2011. С. 365–453.

[115] Полпреды сообщают... С. 505.

[116] *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина... Изд. 2-е. С. 171.

[117] См. например: *Былинин В. К., Зданович А. А., Коротаев В. И., Седунов А. В., Тотров Ю. Х.* Иностранные разведки в Прибалтике и их взаимодействие со спецслужбами лимитрофных государств, направленное против СССР: 1918–1941 // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 4. М.: Кучково поле, 2008. С. 241–250.

[118] См.: Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 37977. Оп. 1. Д. 722. Л. 404–406.

[119] Российский государственный архив Военно-морского флота (далее — РГА ВМФ). Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 352. Л. 15, 16–17. Записка о составе, численности, мобилизации и развертывании морских сил вероятных противников на Балтийском театре, 31.5.1937.

[120] РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 722. Л. 404–405.

[121] Там же. Д. 303. Л. 92. Оперативная сводка штаба ЛВО, 1.11.1939.

[122] Там же. Ф. 25888. Оп. 14. Д. 1–14; Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. СПб., 2000. С. 53–61.

[123] Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. С. 55.

[124] РГВА. Ф. 25888. Оп. 11. Д. 28. Л. 75–77. Шифровка Мерецкова и Вашугина, 11.11.1939.

[125] Там же. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 252. Л. 8. Телеграмма ГШ начальнику штаба ЛВО, 15.11.1939.

[126] Там же. Ф. 25888. Оп. 11. Д. 28. Л. 90. Шифровка Чибисова и Виноградова Шапошникову, 16.11.1939.

[127] Talvisodan historia. Os. 2. Porvoo; Hels.; Juva, 1978. S. 18; Kansakunta sodassa. Os. 1. Hels., 1989. S. 137; Uusi tietosanakirja. Os. 19. Hels., 1965. S. 591.

[128] Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. С. 76.

[129] РГВА. Ф. 37977. Оп. 4. Д. 232. Л. 19. Приказ НКО 15.11.1939.

[130] Там же. Ф. 25888. Оп. 11. Д. 17. Л. 201.

[131] Там же. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 252. Л. 11. Телеграмма ГШ начальнику штаба ЛВО, 21.11.1939.

[132] Там же. Оп. 4. Д. 251. Л. 59. Сообщение по прямому проводу из ГШ командованию войск ЛВО, 16.11.1939.

[133] Там же. Д. 252. Л. 16. Справка Генерального штаба РККА о наличии топографических карт Карелии и Финляндии, 28.11.1939.

[134] Там же. В момент подготовки операции оказались также практически не использованы накопленные материалы разведки, связанные с анализом финской системы обороны на Карельском перешейке, крайне поверхностно были подготовлены для штабов наступающих частей Красной армии описания маршрутов предполагаемого продвижения войск по территории Финляндии (См.: Альбом укреплений Кар. перешейка (Финляндия). Л., 1937; Финляндия. Описание маршрутов. Ч. I, II. М., 1939; *Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1968. С. 182; Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания. М., 1999. С. 149; *Uitto A.* Armeijan marssiopas Suomeen. Hämeenlinna, 2011).

[135] РГВА. Ф. 37977. Оп. 4. Д. 233. Л. 1, 4. Приказ НКО. 17.11.1939; Д. 363. Л. 3. Журнал боевых действий частей РККА.

[136] Там же. Оп. 1. Д. 722. Л. 414.

[137] См.: *Барышников В. Н.* От прохладного мира к зимней войне. СПб., 1997. С. 265–266.

[138] РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 236. Л. 1–6.

[139] Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV. М., 1946. С. 462.

[140] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1240. Л. 18; Пограничные войска СССР. М., 1970. С. 48; Зимняя война 1939–1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии. М., 2009. С. 168–169; Ulkoasiainministeriön arkisto (UM). 109, A 8. Jäljennös suomennetusta pöytäkirjasta, 15.10.1939.

[141] Краснознаменный Северо-Западный пограничный округ. Л., 1973. С. 125.

[142] Внешняя политика СССР. Т. IV. С. 462–463; UM. 109. B 2a. Neuvosolliiton Suomen hallitukselle, 26.11.1939.

[143] РГВА. Ф. 25888. Оп. 1. Д. 17. Л. 280. Приказ командующего ЛВО К. А. Мерецкова, 27.11.1939.

[144] Внешняя политика СССР. Т. IV. С. 464–465. С. 465.

[145] Там же. С. 464–465; UM. 109. B 2a. Neuvostoliiton nootti Suomen hallitukselle, 28.11.1939.

[146] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1240. Л. 120–122. Информация Л. П. Берия, 28.11.1939. Зимняя война 1939–1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии. С. 203–204. Более подробно доложил им об этом затем и командующий войсками ЛВО К. А. Мерецков (см.: Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 45. Оп. 1. Д. 449. Л. 130. Информация командующего ЛВО К. А. Мерецкова, 28.11.1939).

[147] РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 363. Л. 10. Донесение штаба ЛВО. 29.11.1939; РГА ВМФ. Ф. Р-970. Оп. 2. Д. 152. Л. 31. Шифровка начальника штаба СФ, 28.11.1939; Там же. Ф. Р-92. Оп. 2 Д. 507. Л. 7. Дневник боевых действий КБФ, 28.11.1939 (2200).

[148] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 18. Д. 188. Л. 26; Зимняя война // Международная жизнь. 1989. № 12. С. 216.

[149] Известия. 1939. 30 ноября.

[150] Там же.

[151] См.: Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. С. 115.

[152] РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 507. Л. 7. Дневник боевых действий КБФ, 29.11.1939, Ф. Р-970. Оп. 2. Д. 152. Л. 51. Переписка штаба СФ с командованием 14-й армии; РГВА. Ф. 25888. Оп. 11. Д. 20. Л. 482. Телеграмма-«молния» ВС 7-й армии, 29.11.1939 (21^{25}).

[153] Архив штаба Ленинградского военного округа (АШ ЛВО). Ф. 352. Оп. 3. Кор. 141. Д. 13. Л. 5, 17; *Мерецков К. А.* На службе народу. С. 183.

[154] Talvisodan historia. Osa 2. Porvoo, Hels., Juva, 1978. S. 40; Taide ja Ase. 1969. № 27. S. 125.
[155] Taide ja Ase. 1969. № 27. S. 125.
[156] Talvisodan historia. Osa 2. S. 50.
[157] Ibid. S. 44.
[158] Ibid. S. 40, 47.
[159] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1376. Л. 3, 9.
[160] Там же. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 235. Л. 11.
[161] Там же. Д. 251. Л. 93.
[162] Там же. Д. 232. Л. 32; Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1376. Л. 14.
[163] РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 521. Л. 60.
[164] Там же. Л. 66.
[165] АШ ЛВО. Ф. 7043. Оп. 1. Кор. 152. Д. 2. Л. 12; РГВА. Ф. 34980. Оп. 1.
[166] РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 233. Л. 8; РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 670. Л. 156.
[167] Там же. Д. 252. Л. 62.
[168] РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 521. Л. 71–96.
[169] АШ ЛВО. Ф. 7043. Оп. 1. Кор. 152. Д. 2. Л. 14.
[170] Там же.
[171] Talvisodan historia. Osa 2. S. 20–25.
[172] *Балашов Е. А.* Линия Маннергейма. Оборонительный щит Финляндии: от идеи до воплощения. СПб., 2010. С. 91–117.
[173] АШ ЛВО. Ф. 7043. Оп. 1. Кор. 152. Д. 2. Л. 14.
[174] Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 521. Л. 78.
[175] Talvisodan historia. Osa 2. S. 91–92.
[176] АШ ЛВО. Ф. 7043. Оп. 1. Кор. 152. Д. 2. Л. 14.
[177] РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 521. Л. 118.
[178] Talvisodan historia. Osa 2. S. 59.
[179] АШ ЛВО. Ф. 7043. Оп. 1. Кор. 152. Д. 2. Л. 17.
[180] Там же. Ф. 352. Оп. 3. Кор. 141. Д. 13. Л. 24.
[181] РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 253. Л. 54.
[182] Talvisodan historia. Osa 2. S. 71; Tuntematon sota. Hels., Porvoo. 1991. S. 20.
[183] РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 253. Л. 64. РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 521. Л. 161.
[184] Talvisodan historia. Osa 2. S. 82; Tuntematon sota. S. 23.
[185] *Барышников Н., Барышников В.* «Зимняя война» // Аврора. 1990. № 2. С. 43.
[186] РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 237. Л. 269; АШ ЛВО. Ф. 352. Оп. 3. Кор. 141. Д. 13. Л. 25.
[187] Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. С. 215. РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 403. Л. 43; Там же. Ф. 34980. Оп. 6. Д. 107. Л. 8.
[188] РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 253. Л. 69.
[189] Там же. Л. 64.
[190] Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания. С. 99.
[191] Kansakunta sodassa. Os. 1. Hels., 1989. S. 136.
[192] См.: Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания. С. 99.
[193] Там же. С. 97.
[194] *Vuorenmaa A.* Defensive strategy and basis operational decisions in the Finland — Soviet Winter War 1939–1940 // Revue Internationale d'Histoire Militeture. 1985. № 62. P. 81.
[195] Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. С. 163.
[196] РГА ВМФ. Ф. Р-2045. Оп. 1. Д. 69. Л. 5.
[197] Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. С. 164; Talvisodan pikkujättiläinen. Hels., 2002. S. 550–551; 556–557.
[198] *Кузьмин Н. Ф.* На страже мирного труда. М., 1959. С. 238.
[199] РГВА. Ф. 34980. Оп. 5. Д. 46. Л. 5.
[200] Там же. Л. 1, 11.

[201] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1386. Л. 124.

[202] Там же. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 232. Л. 73; Ф. 34980. Оп. 5. Д. 47. Л. 137.

[203] Там же. Ф. 25888. Оп. 14. Д. 2. Л. 3; Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 55.

[204] Talvisodan pikkujättiläinen. S. 505.

[205] *Talvela P.* Sotilaan e1ämä. Muistelmat. Os. I. Jyväskylä, 1976. S. 170, 177.

[206] Talvisodan pikkujättiläinen. S. 505–506.

[207] Ibid. S. 166; *Mannerheim G.* Muistelmat. Os. II. Hels., 1952. S. 162.

[208] *Vuorenmaa A.* Defensive strategy and basis operational decisions in the Finland-Soviet Winter War 1939–1940. S. 80; *Mannerheim G.* Muistelmat. S. 165–170.

[209] РГВА. Ф. 24980. Оп. 4. Д. 197. Л. 4.

[210] Правда. 1939. 30 ноября.

[211] См.: *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Рождение и крах «терийокского правительства» (1939–1940). С. 277–284.

[212] РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 232. Л. 19, 21; Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 74–75; В исторической литературе существуют также ошибочные представления, что первый приказ был отдан либо 25 октября 1939 г. («ровно за месяц до провокации в Майниле». (*Соколов Б. В.* Тайны финской войны. М., 2000. С. 63) или же 19 ноября 1939 г. (*Веригин С. Г.* // Общественно-политическая история Карелии XX века. Очерки и статьи. Петрозаводск, 1995. С. 98; *Он же.* Советская Карелия в «зимней войне» 1939–1940 гг. // 105 дней «зимней войны». СПб., 2000. С. 82; *Он же.* Советская пропаганда на Финляндию в период зимней войны 1939–1940 гг. // Вторая мировая война и Карелия 1939–1945. Петрозаводск, 2001. С. 27).

[213] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1380. Л. 3; Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 141.

[214] См.: Известия. 1939. 3 декабря.

[215] *Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. I. Talvisota. Porvoo-Hels., 1958. S. 124.

[216] Правда. 1939. 5 декабря.

[217] *Nevakivi J.* Apu jota ei pyydetty. Hels., 1972. S. 71.

[218] *Kivimäki T. M.* Suomalaisen poliitikon muistelmat. Porvoo-Hels., 1965. S. 124.

[219] Ibid.

[220] *Paasonen A.* Marsalkan tiedustelupaallikkonaja hallituksen asiamiehena. Hels., 1974. S. 84; *Nevakivi J.* Apu, jota ei pyydetty. S. 105.

[221] UM. 109. C 2e. Телеграмма в Лондон и Париж из МИДа, 22.12.1939.

[222] Ibid. C 2a. Телеграмма Холма и Паасонена в МИД, 23.12.1939.

[223] *Niukkanen J.* Talvisodan puolustusministeri kertoo. Porvoo-Hels., 1951. S. 168–172, 194–195.

[224] Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. С. 199.

[225] Государственный архив Великобритании. CAB., 80/4 p. 294–297.

[226] История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. М., 1974. С. 48.

[227] См.: Зимняя война 1939–1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии. С. 408–410, 418–419, 431–458.

[228] *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana. Hels., 1951. S. 201–202; *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. Hels., 1970. S. 246–247.

[229] *Wuolijoki H.* Luottamukselliset neuvottelut Suomen ja Neuvostoliiton välillä. Hels., 1945. S. 9; UM. 109 G 1. Yksityinen ja salainen kirjelmä Erkolta V. Tannerille Tukholmasta 16.01.1940.

[230] АВП РФ. Ф. 521. Оп. 2. П. 3. Д. 13. Л. 39; *Донгаров А. Г.* Война, которой могло не быть // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 42.

[231] «Правительство» О. В. Куусинена, однако, просуществовало до самого окончания «зимней войны», и только затем в Москве было объявлено о том, что оно «самораспустилось» (см.: Шестая сессия Верховного Совета СССР. Стеногр. отчет. М., 1940. С. 36).

[232] *Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники 1922–1940. Т. 2. М., 2001. С. 491–492.

[233] UM. 109 G 1. E. Erkon raportti V. Tannerille Tukholmasta 2.02.1940.

[234] Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. С. 275.

[235] Там же.

[236] *Liddel Hart B. H.* History of the Second World War. London, 1973. P. 55.
[237] Зимняя война 1939—1940. Кн. 1. Политическая история. С. 275.
[238] Там же.
[239] *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. Os. II. Hels.; Keuruu, 1959. S. 156.
[240] РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 233. Л. 105; Тайны и уроки зимней войны 1939—1940. С. 260.
[241] Там же. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 10. Л. 5; Там же. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1380. Л. 223.
[242] См.: *Будко А. А., Иванькович Ф. А.* Военная медицина СССР и Финляндии в Советско-финляндской (зимней) войне 1939—1940 гг. СПб., 2005. С. 130, 139.
[243] История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974. С. 156.
[244] См.: *Журавлев Д. А.* Школа фронтовой медицины // Советско-финляндская война 1939—1940. Т. 1. СПб., 2002. С. 524.
[245] РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 233. Л. 138—139; Тайны и уроки зимней войны 1939—1940. С. 289; История ордена Ленина Ленинградского военного округа. С. 156.
[246] История ордена Ленина Ленинградского военного округа. С. 158.
[247] РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 10. Л. 106—109.
[248] *Mannerheim G.* Muistelmat. S. 201—202.
[249] АШ ЛВО. Ф. 7043. Оп. 1. Кор. 152. Д. 2. Л. 44.
[250] *Halsti W. H.* Suomen sota 1939—1945. Osa 1. Hels. 1957. S. 163.
[251] РГА ВМФ. Ф. Р-1529. Оп. 1. Д. 59. Л. 39.
[252] Там же. Л. 46; Тайны и уроки зимней войны 1939—1940. С. 367.
[253] *Martola A. E.* Sodassa ja rauhassa. Muistelmia. Keuruu, 1973. S. 133.
[254] UM. 109 G 1. E. Erkon raportti R. Rytille Tukholmasta 12.02.1940; *Jakobson M.* Diplomaattien talvisota. Hels., 2002. S. 364.
[255] UM. 109 B 6. Muistipanoja ulkoasiainvaliokunnan hallituksen kokouksesta. Istunto 1940, 23.02.
[256] РГВА. Ф. 34980. Оп. 3. Д. 230. Л. 25.
[257] Там же; АШ ЛВО. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 2. Приложение 5.
[258] UM. 109 B 6. Muistipanoja ulkoasiainvaliokunnan hallituksen kokouksesta. Istunto 1940, 29.02 (23.15).
[259] РГВА. Ф. 34980. Оп. 8. Д. 32. Л. 1.
[260] Зимняя война 1939—1940. Кн. 1. Политическая история. С. 317.
[261] РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 134. Л. 73.
[262] Там же.
[263] Там же.
[264] *Talvela P.* Sotilaan elämä. Muistelmat. Osa 1. Jyväskylää, 1976. S. 202—203.
[265] РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 526. Л. 40.
[266] Советско-финляндская война 1939—1940 гг. Боевые действия на море. СПб., 2002. С. 91—96.
[267] *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во второй мировой войне. Л., 1989. С. 119.
[268] Там же.
[269] *UM*. 109. C2e. Телеграмма Маннергейма в МИД, 3.03.1940.
[270] Ibid. B6. Muistipanoja ulkoasiainvaliokunnan hallituksen kokouksesta. Istunto, 2.03.1940.
[271] *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana. S. 311.
[272] *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 276.
[273] *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana. S. 351.
[274] *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. S. 180.
[275] *Kivimäki T.* M. Suomalaisen poliitikon muistelmat. S. 128 (См. также: *Peltovuori R.* Saksa ja Suomen talvisota. Keeruu, 1975. S. 110; *Ylikangas H.* Tulkintani talvisodasta. Hels., 2001. S. 148).
[276] Тайны и уроки зимней войны 1939—1940. С. 367.
[277] РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 527. Л. 1, 5.
[278] Там же. Д. 526. Л. 162.
[279] Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 108, 110.

[280] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 186.

[281] Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. С. 325.

[282] Документы внешней политики: в 24 т. Т. 23. Кн. 1. С. 140–143.

[283] *Виноградов В. Н., Ерещенко М. Д., Семенова Л. Е., Покивайлова Т. А.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы / Отв. ред. В. Н. Виноградов. М., 1996. С. 334–335.

[284] *Gafenco G.* Préliminaires de la querre à l'Est. De l'accord de Moscou (23 aout 1939) a hostilitiés en Russie (22 juin 1941). Paris, 1944. P. 307.

[285] Советско-румынские отношения (далее — СРО.) Т. II. М., 2000. С. 281–282.

[286] Arhiva Ministerului afacerilor externe (далее — AMAE). Fond 71/1939. Vol. 200. F. 277.

[287] Известия. 30 марта 1940 г.

[288] *Виноградов В. Н.* и др. Указ. соч. С. 322–323.

[289] АВП РФ. Ф. 6. Оп. 2. П. 22. Д. 273. Л. 19.

[290] См. подробнее: *Мельтюхов М. И.* Бессарабский вопрос между мировыми войнами. 1917–1940. М., 2010. С. 210.

[291] *Виноградов В. Н.* и др. Бессарабия на перекрестке... С. 339.

[292] Данные приводятся по работе *Мельтюхова М. И.* (см. указ. соч. С. 287–288).

[293] *Виноградов В. Н.* и др. Указ. соч. С. 341.

[294] АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 24. П. 118. Д. 3. Л. 8–10.

[295] Документы внешней политики (далее — ДВП). Т. XXIII. Кн. 1. М., 1995. С. 365–366, 374–376.

[296] Там же.

[297] ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 225. С. 374, 376.

[298] См.: *Виноградов В. Н.* и др. Указ. соч. С. 329; *Ерещенко М. Д.* Румыния между Германией и Советским Союзом: политика без иллюзий // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М.: Индрик, 1999. С. 353–356.

[299] Советско-румынские отношения. Т. II. 1935–1941. Документы и материалы. М.: Международные отношения, 2000. С. 310–315.

[300] ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 232. С. 386.

[301] СРО. Т. II. С. 373.

[302] Этот военно-политический союз Греции, Югославии, Турции и Румынии был создан в 1934 г., но с началом Второй мировой войны фактически прекратил свое существование.

[303] Оглашению подлежит. СССР — Германия 1939–1941. М., 1991. С. 204–205.

[304] См.: *Виноградов В. Н.* и др. Указ. соч. С. 357–361.

[305] СРО. Т. II. С. 337–338.

[306] Там же. С. 370–372.

[307] РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 659. Л. 3–4, 8–11.

[308] Там же. Д. 653. Л. 12–25; Д. 666. Л. 85–98; Д. 684. Л. 186–193; Ф. 31983. Оп. 2. Д. 474. Л. 76.; Ф. 29. Оп. 34. Д. 548. Л. 9–11.

[309] Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 540. Л. 21–35.

[310] Там же. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 697. Л. 16.

[311] Там же. Д. 664. Л. 19–22.

[312] *Мельтюхов М. И.* Указ. соч. С. 312.

[313] *Лазарев А. М.* Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинёв, 1974. С. 466.

[314] См. подробнее: *Мельтюхов М. И.* Указ. соч. С. 364.

[315] По мнению генерал-лейтенанта В. Н. Курдюмова, начальника Управления боевой подготовки РККА, эта операция была выполнена плохо, так как проводилась практически без подготовки. В своем докладе наркому обороны 24 июля 1940 г. (РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 474. Л. 62–64) он подробно обосновал этот вывод.

[316] Буковина находилась в составе Молдавского княжества Османской империи, а затем Габсбургской империи, в 1776 г. была присоединена к австро-венгерской империи Габсбургов.

[317] ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 244. С. 409.

[318] *Покивайлова Т. А.* К истории Второго Венского арбитража // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 — 21 июня 1941). М., 1992. С. 64.

[319] *Волков В. К.* Балканские проблемы в отношениях Советского Союза с Германией в 1940 г. // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным... С. 273.

[320] Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. М., 2000. С. 359–361. В последующий период численность немецких войск многократно выросла.

[321] AMAE. Fond 71/1939. Vol. 200. F. 277.

[322] Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией / Пер. с яп. М., 2000. С. 59.

[323] Дайтоа сэнсо кокан сэн си. 20. Дайхонъэй рикугун бу 2 (Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Т. 20. Секция сухопутных сил императорской ставки. Ч. 2). Токио, 1968. С. 4.

[324] Нихон рэкиси (История Японии). Т. 20. Токио, 1977. С. 8.

[325] Дайхонъэй рикугун бу 2. С. 9.

[326] *Кудо Митихиро.*Ниссо тюрицу дзёяку но кёко (Фиктивный характер японо-советского пакта о нейтралитете). Токио, 2011. С. 80.

[327] Документы внешней политики (далее — ДВП). 1939 год. Т. 22. Кн. 2. М., 1992. С. 616.

[328] *Presseisen E. L.* Germany and Japan. The Hague, 1958. P. 219.

[329] *Montgomery M.* Imperialist Japan. The Yen to Dominate. London, 1987. P. 436.

[330] Мияко. 13 декабря 1939 г.

[331] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 3. М., 1974. С. 182.

[332] ДВП. 1939 год. С. 267.

[333] Там же. 1940 — 22 июня 1941. Т. 23. Кн. 1. 1 января — 31 октября 1940. М., 1995. С. 29.

[334] *Lensen G. A.* The Strange Neutrality: Soviet — Japanese Relations during the Second World War 1941–1945. Florida, 1972. P. 6.

[335] Асахи. 17 января 1940 г.

[336] Шестая сессия Верховного Совета СССР. 29 марта — 4 апреля 1940 г. Стенографический отчет. М., 1940. С. 41.

[337] ДВП. Т. 23. С. 304.

[338] Там же. С. 120–121.

[339] *Того Сигэнори.* Воспоминания японского дипломата / Пер. с англ. М., 1996. С. 207–208.

[340] ДВП. Т. 23. С. 400–406.

[341] О реакции китайского руководства на информацию о начале советско-японских переговоров см.: *Кошкин А. А.* Японский фронт маршала Сталина. Тень Цусимы длиной в век. М., 2004. С. 74–81.

[342] Тайхэйё сэнсо си (История войны на Тихом океане). Т. 3. Токио, 1972. С. 316.

[343] Токио нити-нити. 16 июля 1940 г.

[344] *Тихвинский С. Л.* Заключение советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г. / Новая и новейшая история. 1990. № 1. С. 26.

[345] *Кудо Митихиро.* Ниссо тюрицу дзёяку но кэнкю (Исследование японо-советского пакта о нейтралитете). Токио, 1985. С. 80.

[346] ДВП. Т. 23. 1940 — 22 июня 1941 г. Кн. 2. Ч. 1. М., 1998. С. 111–113.

[347] Там же. С. 126.

[348] *Montgomery M.* Imperialist Japan. P. 461.

[349] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7876. Оп. 2. Д. 272. Л. 12–14.

[350] Русский архив. Т. 18. Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. М., 1997. С. 173.

[351] *Кудо Митихиро.* Указ. соч. С. 80.

[352] Там же.

[353] Тайхэйё сэнсо э но мити. Сирёхэн (Путь к войне на Тихом океане. Сборник документов). Токио, 1963. С. 300.

[354] Тайхэйё сэнсо си. Т. 4. Токио, 1972. С. 66.
[355] Документы внешней политики (далее — ДВП). 1939 год. Т. 22. Кн. 1. М., 1992. С. 202–204.
[356] Архив Президента Российской Федерации (далее — АП РФ). Ф. 3. Оп. 63. Д. 189. Л. 35.
[357] The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1939. Washington. 1950. P. 201–205.
[358] Известия. 17.04.1939 г.
[359] АП РФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 190. Л. 64.
[360] СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971. С. 425.
[361] Москва — Вашингтон. Политика и дипломатия Кремля. 1921–1941. Т. 3. М., 2009. С. 635.
[362] Там же. С. 639.
[363] Там же. С. 650.
[364] Архив внешней политики РФ (далее — АВП). Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 214. Л. 180.
[365] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 296. Д. 2049. Л. 38.
[366] *Кошкин А. А.* Россия и Япония: узлы противоречий. М., 2010. С. 169–170.
[367] Новая и новейшая история. 2011. № 5. С. 150.
[368] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 296. Д. 2049. Л. 46.
[369] Там же. Л. 40.
[370] Там же. Ф. 05. Оп. 17. П. 116. Д. 96. Л. 3.
[371] Там же. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 214. Л. 160.
[372] Москва — Вашингтон. Политика и дипломатия Кремля. Сборник документов. Т. 3. 1939–1941. М., 2009. С. 636.
[373] Документы внешней политики. 1939 год. Т. 22. Кн. 1. М., 1992. С. 430.
[374] Там же. С. 524.
[375] Советско-американские отношения. 1934–1939. Документы. М., 2003. С. 734–735.
[376] Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. М., 1990. Т. 2. С. 251.
[377] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 214. Л. 212; Ф. 0129. Оп. 24. П. 138-а. Д. 468. Л. 39–40.
[378] Там же. Л. 213–218.
[379] Там же. Ф. 013. Оп. 3-в. П. 19. Д. 17. Л. 127.
[380] Там же. Ф. 0129. Оп. 24. П. 138-а. Д. 468. Л. 35.
[381] Известия. 30 марта 1940 г.
[382] АВП РФ. Ф. 959. Оп. 1. П. 320. Д. 2198. Л. 150–160.
[383] Там же. Л. 9.
[384] Там же. Ф. 059. Оп. 1. П. 320. Д. 2199. Л. 12–15.
[385] Там же. Д. 2202. Л. 112.
[386] Там же. Д. 2200. Л. 5–7.
[387] Там же. Д. 2202. Л. 52.
[388] Там же. Ф. 059. Оп. 1. П. 320. Д. 2200. Л. 18–20.
[389] Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV. С. 518.
[390] ДВП. Т. 23. Кн. 2. Ч. 2. М., 1998. С. 565–566.
[391] Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 1. М., 1944. С. 498–502.
[392] АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 24. П. 138-а. Д. 471. Л. 26.
[393] Там же. Ф. 059. Оп. 1. П. 320. Д. 2202. Л. 84–87.
[394] Там же. Д. 2199. Л. 113.
[395] Там же. Л. 203–206.
[396] Там же. Д. 2201. Л. 172.
[397] См. подробнее Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 1. М., 2011. С. 13–30.
[398] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 320. Д. 2199. Л. 248–250.
[399] Там же. П. 345. Д. 2361. Л. 92.
[400] Там же. Л. 60.
[401] Там же. Д. 2362. Л. 75.
[402] The Memoirs of C. Hull. P. 967–968.

[403] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 345. Д. 2361. Л. 246.

[404] Там же. Ф. 0129. Оп. 25-а. П. 235. Д. 3. Л. 45–46.

[405] *Майский И.* Дневник дипломата. Т. 2. Кн. 1. С. 407–408.

[406] Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март — июнь 1941 г. Документы из Центрального архива ФСБ. М., 1995. С. 17.

[407] *Кондрашов В.* Знать все о противнике. Военные разведки СССР и фашистской Германии в годы Великой Отечественной войны с фашистской Германией (историческая хроника). М., 2010. С. 90–93.

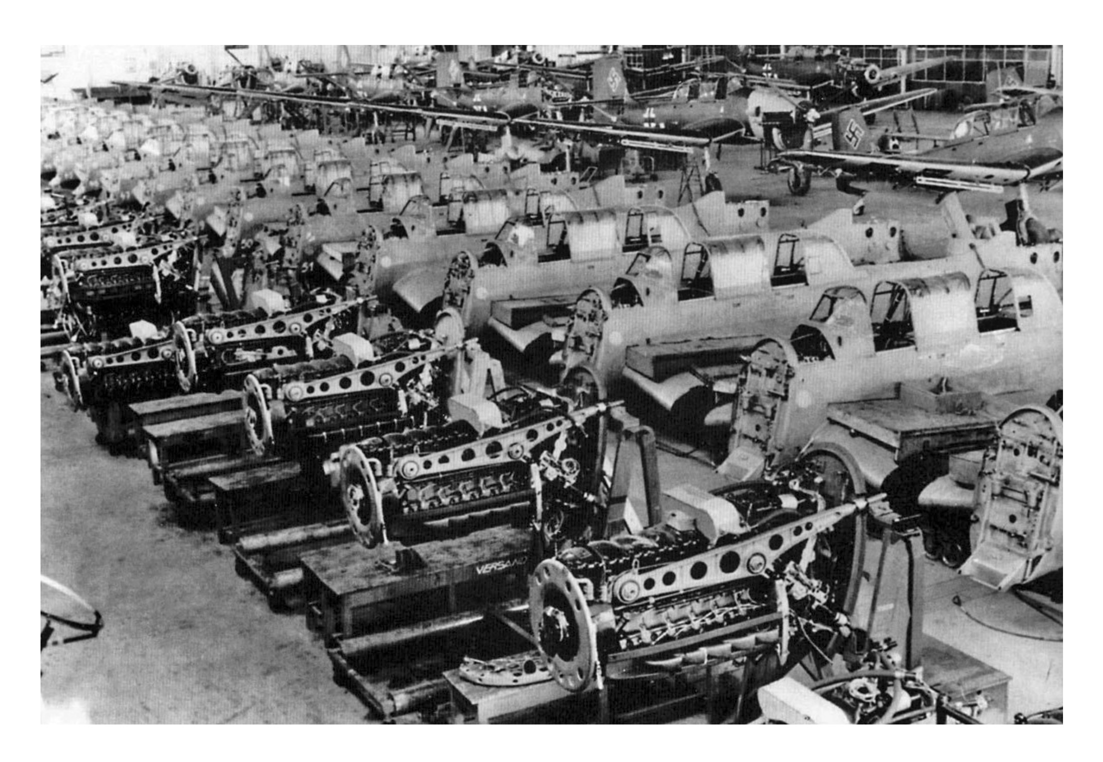
Подготовка Германии и ее союзников в Европе к нападению на СССР

Военно-экономический потенциал агрессии

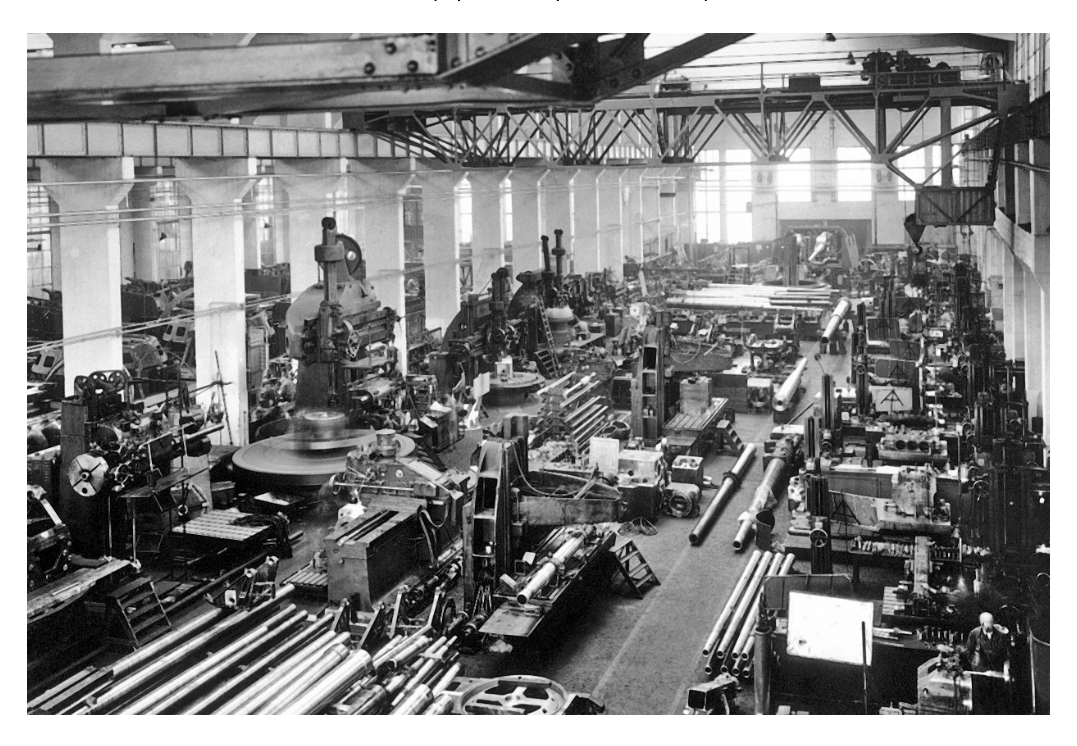
С приходом Гитлера к власти политика германского правительства была направлена на перестройку хозяйства страны для подготовки к войне и, прежде всего, укрепление с этой целью позиций крупных трестов и концернов, которые были наиболее заинтересованы в развитии военного производства. Так, в мае 1933 г. гитлеровское правительство с одобрения руководства Имперского союза германской промышленности объединило всех работодателей, рабочих и служащих в так называемое Имперское сословие германской промышленности, которое в соответствии с принципом «фюрерства» возглавил Г. Крупп, владевший одним из наиболее мощных военно-промышленных концернов. 15 июля 1933 г. был создан Генеральный совет германского хозяйства, в состав которого вошли пять представителей от нацистской партии и 12 крупных предпринимателей, в том числе Ф. Тиссен и Г. Фогелен (Объединенные сталелитейные заводы), А. Дин (Калийный синдикат) Р. Бош (ИГ Фарбениндустри), К. Ф. Сименс и Ф. Рейнхардт (Коммерческий и приватный банк) и др. Этот избранный круг стал консультативным органом при правительстве по вопросам экономической политики. В тот же день правительство издало закон о принудительном картелировании «диких», т. е. не монополизированных предприятий, который способствовал ускорению процесса их поглощения крупными промышленными фирмами[1]. К концу 1935 г. крупные компании контролировали более 85 % акционерного капитала[2].

27 февраля 1934 г. нацистское правительство приняло «Закон о подготовке органического построения германской экономики». В соответствии с этим законом на основе существующих картелей и предпринимательских союзов было образовано шесть отраслевых «имперских хозяйственных групп»: промышленности, торговли, банков, энергохозяйства, страхового дела и ремесла. Имперские группы возглавили крупные предприниматели. Каждая подчиненная им отрасль хозяйства в интересах облегчения управления делилась на несколько «хозяйственных групп», которые контролировали деятельность подчиненных им предприятий. Одновременно наряду с отраслевыми были созданы и территориальные органы управления промышленностью и торговлей. Головной организацией «имперских хозяйственных групп» была «имперская хозяйственная палата», которая контролировала и направляла работу примерно ста промышленных палат в германских землях и провинциях[3].

Меры по централизации управления всей промышленностью и общий подъем хозяйственной деятельности, начавшийся еще в конце 1932 г., способствовали быстрому росту промышленного потенциала Германии. Нацистское руководство в это время приступило к изысканию средств для развития военного сектора экономики. Уже через два с половиной



Пикирующие бомбардировщики Ю-87 на сборочной линии
завода фирмы Везер в Темпельгофе



Цех по производству орудийных стволов немецкого завода Рейнметалл-Борзиг
накануне войны

месяца после захвата им власти был издан «Закон о народных, профессиональных платежах и платежах предприятий», предназначенный для сбора средств на экономическую подготовку войны[4].

В мае 1933 г. Имперский банк взял на себя финансирование вооружений. Для этого применялись так называемые векселя «Мефо», «чтобы из ничего, и при этом сначала тайно, наладить вооружение»[5]. Четыре крупнейшие немецкие фирмы создали «Металлургическое исследовательское общество» («Мефо») с капиталом 1 млн марок. На него предприятия, выполнявшие военные заказы, могли выписывать векселя, гарантировавшиеся государством и учитывавшиеся Имперским банком. Уже в 1933 г. рейхсвер смог осуществить первые платежи с помощью векселей «Мефо». Рейхсбанк учитывал предъявляемые ему векселя путем эмиссии бумажных денег так, что их количество на рынке увеличивалось, но товарами они не обеспечивались. Если рассматривать чисто военные расходы, то векселя «Мефо» с 1934 по 1936 г. обеспечили 50 % закупок вооружения[6]. Их использование для тайного вооружения привело к тому, что уже в его начале на финансовую систему Германии началось давление массы необеспеченных денег.

Осенью 1934 г. гитлеровским правительством при содействии Имперской группы промышленности и Имперской группы торговли был разработан так называемый «новый план», главная цель которого состояла в мобилизации всех средств страны для приобретения за границей стратегического сырья и иностранной валюты на вооружение. Германский импорт также был подчинен задачам подготовки к войне[7]. В ходе выполнения этого тайного плана был достигнут значительный успех в создании основ военной экономики. Капиталовложения в германскую экономику в целом в 1935 г. по сравнению с 1932 г. увеличились примерно в 3,5 раза, а военное производство — в 8,3 раза. В строй было введено 300 военных предприятий, в том числе 60 авиационных, 45 автомобильных и бронетанковых, 70 военно-химических, 80 артиллерийских и 15 военно-судостроительных[8].

Не менее важное место в подготовке к войне нацистское руководство отводило сельскому хозяйству. Оно помнило, как в войне 1914–1918 гг. английскому флоту в 1916 г. удалось блокировать поставки продовольствия в Германию, в результате чего в ее тылу самым надежным союзником Антанты стал «генерал голод», нанесший ей изнутри мощный удар во время «брюквенной зимы» 1917/1918 гг.

Имперский нацистский фюрер крестьян Р. В. Дарре в памятной записке, адресованной Гитлеру, писал: «Вся работа в области аграрной политики уже с момента захвата власти будет проводиться под знаком подготовки к возможной войне»[9]. Гитлер в правительственном заявлении от 2 февраля 1933 г. провозгласил, что главной целью крестьян является борьба за самообеспечение Германии продуктами сельского хозяйства с тем, чтобы обеспечить в случае войны защиту от блокады, и отнес крестьянство к первой профессиональной группе, которую следовало бы «приобщить к господствующей идеологии»[10].

Подчинение сельского хозяйства потребностям военной экономики на первом этапе осуществлялось в форме унификации крестьянских объединений. Весной 1933 г. было начато объединение всех их в единое «Имперское аграрное объединение» — рейхсландбунд, действовавшее под эгидой гитлеровской Национал-социалистической рабочей партии (НСДАП). Его возглавил уже упоминавшийся Дарре, сразу же заявивший «о безусловном подчинении правительству национального пробуждения и его поддержке»[11]. Вскоре Дарре был назначен имперским министром продовольствия и сельского хозяйства. 15 сентября 1933 г. правительство издало закон, по которому различные отрасли сельского хозяйства (к ним были причислены также лесное хозяйство, садоводство, рыболовство, охота, сельскохозяйственные товарищества, сельская торговля, переработка и обработка сельскохозяйственного сырья) принудительно объединялись в Имперское продовольственное сословие как центральное объединение, подчиненное имперскому министерству продовольствия и сельского хозяйства и аграрному отделу НСДАП, а также подотчетное Имперской счетной палате. Новый представительский орган функционировал не только в качестве постоянного представительства. С его созданием нацистский режим получил инструмент, посредством

Цех по сборке немецких средних танков T-III

которого стало возможно «твердо управлять людьми и их дворами, словно хорошо организованной и дисциплинированной армией»[12]. Имперское продовольственное сословие функционировало как учрежденная государством принудительная организация для управления всем продовольственным хозяйством. Прежде всего, ему в обязанность в 1934–1935 гг. было вменено создание рыночного порядка, предваряющего установление в дальнейшем военного продовольственного порядка.

Впредь рыночные объединения не только должны были удерживать твердые цены на сельскохозяйственные продукты, но и регулировать их распределение, а также обеспечивать выполнение введенных государством квот на поставки. Таким образом «рыночный порядок» уже в мирное время создавал основы, на которые могло опираться все распределение сельскохозяйственных продуктов в военное время. Последовательно поддерживавшийся и проводившийся рыночный порядок казался нацистскому правительству совершенно необходимым для решения задач по подготовке к войне в области сельского хозяйства, особенно в качестве надежной основы обеспечения продовольствием. Он считался гарантией того, что явления дефицита и возможные трудности можно будет преодолеть или исключить за счет упорядоченного создания запасов и что можно будет в случае необходимости действовать против тенденций к росту цен. С системой гарантированных закупок и твердых цен связывалось намерение в течение долгого срока удерживать низкими потребительские цены и косвенно «стабилизировать зарплату в промышленности как важнейший фактор расходов на вооружения»[13].

Закон о наследственных дворах от 29 сентября 1933 г. также следует рассматривать как один из законов, относящихся к созданию военной экономики. Согласно этому закону на принадлежность к крестьянскому сословию могли претендовать лишь собственники земельных наделов от 7,5 до 125 га (на практике верхней границы не существовало), которые не подлежали разделу и продаже за долги. Впредь они должны были переходить по наследству от отца к старшему сыну, который должен был заботиться о содержании младших братьев и сестер до достижения ими совершеннолетия. Таким образом, крестьяне оказались привязанными к своей земле. Они представляли практически постоянный потенциал сельскохозяйственной рабочей силы, которая включала в себя, кроме формального владельца земли, и его семью. Под действие этого закона подпало 730 тыс. юнкерских и крестьянских хозяйств, в которых насчитывалось 17 млн человек и на долю которых приходилась половина пахотных земель. Крестьяне, владевшие участками менее 7,5 га и оказавшиеся вне крестьянского сословия, страдали от произвола нацистских чиновников. Началось их разорение. До начала Второй мировой войны разорилось 1,5 млн мелких и средних крестьянских хозяйств[14]. Их владельцы уходили из сел в города, где в основном восполняли недостаток рабочей силы в военной промышленности. Вместе с тем закон способствовал процессу концентрации земельных угодий в руках владельцев более крепких хозяйств. До 1939 г. средний размер обрабатываемой земли сельскохозяйственных предприятий вырос с 13,6 до 18,5 га, то есть более чем на 35 %, что отвечало стремлению правительства к механизации и устранению чересполосицы.

Из-за некомпетентности новых нацистских управленцев и низкого урожая в 1934 г. разразился кризис в снабжении продовольствием городского населения. Г. Шахт, возглавлявший имперское министерство экономики, чуть было не ввел карточки на хлеб, муку и жиры. Но затем цены на сельскохозяйственные продукты снизились до уровня 1928–1929 гг. Аграрные политики с удовлетворением констатировали, что установление твердых цен на важнейшие продукты питания способствовало стабилизации отношения между зарплатами рабочих и ценами «на благоприятном уровне для крупного капитала и промышленности вооружений»[15].

31 мая 1935 г. гитлеровское правительство приняло закон «Об обороне империи», в соответствии с которым была учреждена должность «генерального уполномоченного по военной экономике». Эту должность до 1938 г. занимал Шахт. На него была возложена ответственность за руководство экономической подготовкой к войне в мирное время и мобилизацией «всех

экономических сил» страны в случае войны. Вопросы по непосредственной мобилизации экономики должны были решаться Г. Шахтом «в тесном взаимодействии» с имперским военным министром фон В. Бломбергом.

По взглядам военных, для функционирования военной экономики требовалась организация, которая определяла бы потребности видов вооруженных сил, скоординированные со стратегическими целями, и удовлетворяла бы растущие потребности вермахта. Вермахт был готов принять на себя такую задачу. Еще во времена Веймарской республики при сухопутных войсках и военно-морском флоте существовали экономические штабы. Однако эти инстанции были не в силах подготовить и провести планомерную мобилизацию экономики. Для выполнения этой задачи была создана служебная инстанция, предназначенная для решения вопросов военной экономики и вооружения. В октябре 1935 г. она получила название «военно-экономический штаб» в имперском военном министерстве [с февраля 1938 г. — в верховном командовании вермахта (ОКВ)]. Этому новому учреждению не было дано командных полномочий, распространяющихся на вооружение вермахта в целом. Ему редко удавалось скоординировать планы и заказы на вооружение, поступавшие от видов вооруженных сил. Поэтому его влияние на развитие военной экономики в целом было ограниченным[16].

Ведущая роль в экономической подготовке Германии к войне принадлежала генеральному уполномоченному по военной экономике Шахту. Он непосредственно курировал работу более 30 тыс. промышленных предприятий, которые были отнесены нацистским руководством к категории «жизненно важных». Около 4 тыс. предприятий, выпускавших оружие и боевую технику для вермахта, остались под контролем военного министерства, а точнее его военно-экономического штаба во главе с полковником (позднее генералом) Г. Томасом[17]. В его подчинении находились также инспекции военной промышленности в военных округах и военно-промышленные управления в административных округах.

Таким образом, гитлеровское руководство в 1933—1935 гг. приняло первые важные меры по государственному регулированию экономики в интересах наращивания военно-экономического потенциала страны и создания органов, предназначенных для управления экономикой в период подготовки к войнам, с целью установления германского господства в Европе, а затем и в мировом масштабе.

В ходе выполнения «нового плана» военного производства наряду с ростом экспорта сырья была форсирована добыча важных видов сырья в самой Германии. В частности велись разведка и разработка новых месторождений нефти. В результате добыча нефти в 1935 г. хотя и возросла, но в таком малом количестве, что нельзя было и думать о ведении войны моторизованными армиями. В 1934 г. с участием ИГ Фарбениндустри и концерна Флика было создано акционерное общество Брабаг, наладившее производство синтетического горючего из бурого угля. Годом позже возникло акционерное общество Рур-Берлин, благодаря чему производство бензина из нефти и синтетического бензина возросло с 577 тыс. тонн в 1935 г. до 877 тыс. тонн в 1936 г. Однако на рубеже 1935—1936 гг. из-за недостатка валюты политика «нового плана», направленная на обеспечение вооружения сырьем главным образом за счет увеличения экспорта промышленной продукции, себя уже не оправдывала[18].

Руководители сталелитейной промышленности и министр экономики Шахт предлагали временно притормозить форсирование военного производства, расширить выпуск экспортных товаров, имеющих спрос на мировом рынке, значительно пополнить запасы валюты, с тем чтобы обеспечить себя заранее большим количеством сырья для продолжения военного производства. Этой же цели должны были бы послужить и займы у западных держав. Шахт, кроме того, выступил за заключение соглашения с СССР, по которому Германия предоставила бы ему кредит на 1 млрд марок в обмен на обязательство покрыть его в течение 20 лет поставками различных видов сырья[19].

Предложения Шахта преследовали цель подвести солидную глубокую базу под экономическую подготовку к войне. Но они были рассчитаны на длительное время и поэтому не устраивали нацистскую верхушку. Более привлекательной для нее была позиция химического

треста ИГ Фарбениндустри, электрохимических и авиастроительных кампаний. Они выступили за «создание новой экономической организации, которая поставит на службу военному производству всех мужчин и женщин, все производственные мощности, всё сырье»[20], а также за переход к политике автаркии, т. е. ослабления зависимости от импорта сырья путем организации производства различных синтетических материалов из собственных весьма скудных полезных ископаемых.

В апреле 1936 г. Гитлер назначил рейхсмаршала Г. Геринга комиссаром по распределению сырья и валюты. В созданном Герингом сырьевом и валютном штабе ведущую роль заняли представители ИГ Фарбениндустри. Ими были подготовлены предложения по налаживанию выпуска продукции из местного сырья: железа из бедной железной руды, залежи которой располагались в Средней Германии, синтетического бензина (гидрогенизация угля), искусственного каучука (буна), искусственного волокна и кожи, пластмасс в качестве заменителей цветных металлов, синтетических жиров и т. п.

Основываясь на этих предложениях, Гитлер принял решение продолжать экономическую политику, которая позволила бы в обозримом будущем создать боеспособную, многочисленную, современно вооруженную мощную армию, способную вести успешные действия, ограниченные по времени и пространству[21]. Такая политика позволяла провести вооружение на основе ограниченных ресурсов и, чередуя военную агрессию с дипломатическим нажимом, последовательно расширять экономический базис рейха путем территориальных приращений. Впредь военная экономика в связи со сложившимися условиями должна была обеспечивать потребности такого способа ведения военных действий, который будет назван позже «блицкригом». Конкретно это выражалось в концентрации на материальном вооружении войск, пренебрежении «глубоким вооружением» в пользу «широкого вооружения». Это означало сосредоточение экономических усилий на обеспечении вермахта, что достигалось предоставлением широких полномочий военно-экономической администрации.

Но объявление примата вооружения не могло не оказать влияние на сокращение производства товаров народного потребления. Такие ожидания, возлагавшиеся на экономику, и ограничение потребностей населения могли быть осуществлены только после необходимой пропагандистской подготовки при тщательном выборе благоприятного момента или повода с тем, чтобы не возникла угроза социально-политической стабильности. В качестве такого повода был избран проводившийся в конце сентября 1936 г. в Нюрнберге «партийный съезд чести». На этом съезде Гитлер провозгласил принятие так называемого четырехлетнего плана. Цель его заключалась в том, чтобы «улучшить жизненные стандарты широких народных масс» и одновременно, что всегда подчеркивалось нацистским режимом, предпринять усилия по наращиванию военного производства якобы для «обеспечения безопасности от угрожающего извне большевизма»[22]. На самом деле, четырехлетний план означал введение «военной экономики в чистом виде», то есть усиление экономической подготовки к ведению захватнических войн.

Принятие четырехлетнего плана было одобрено съездом. Это дало повод Гитлеру в дальнейшем утверждать, что немецкий народ был готов «ограничить свои потребности возможностями нашего национального производства», что народ, как и нацистское правительство, якобы «не слишком волнует вопрос, что иногда не хватает масла или стало меньше яиц. И размеры зарплат тоже ничего не решают. Главное — это производство, предназначенное для того, чтобы Германия стала за четыре года полностью независимой в сырьевом секторе». Вместе с тем Гитлер подчеркивал, что ни высокий уровень занятости и ни рост общественного продукта, способствующие возникновению у населения повышенных потребностей, невозможно удовлетворить за счет только внутреннего немецкого хозяйства, что меры, предпринимаемые в смысле автаркии, найдут свое «окончательное решение» лишь военным путем, за счет «расширения жизненного пространства, а именно сырьевого и продовольственного базиса» Германии. Подводя итоги своих рассуждений, он выдвинул следующие задачи:

Танки Т-III сходят с конвейера

Производство снарядов на немецком заводе

Осуществление новой экономической концепции представляло собой попытку за счет краткого чрезвычайного экономического напряжения вооружиться для военной агрессии в целях постепенного расширения экономического базиса, который бы дал достаточно материала для нового вооружения, чтобы в качестве конечной цели создать автаркичное жизненное пространство. Был провозглашен лозунг: «Достичь как можно более высокого уровня вооружения с военно-политической и военно-экономической точек зрения в качестве условия для принятия Германией внешнеполитического руководства над Европой».

Конкретно Гитлер предлагал решительную целенаправленную мобилизацию экономики, особенно в секторе сырьевого производства в целях экономии валюты, которая будет в любых случаях предназначаться для закупки таких товаров, которые можно получить только по импорту, как, например, продовольствие (зависимость от ввоза которого составляла 15–20 %)[23].

Опережающими темпами должно было расти производство сырья и заменителей, в отношении которого меморандум Гитлера определял следующие направления:

1. Развитие добычи нефти в Германии в таких темпах, которые позволили бы покрывать потребности вермахта в течение 18 месяцев;

2. Массовое производство синтетического каучука и получение целлюлозного волокна из древесины;

3. Покрытие потребностей Германии в промышленных смазочных материалах за счет соответствующей переработки угля;

4. Наращивание добычи железной руды без учета содержания железа в ней.

При этом, как и вообще при всем производстве заменителей и сырья, вопрос затрат и рентабельности в качестве производственного фактора оставался за скобками.

Четырехлетний план был введен в действие 1 октября 1936 г. Начался новый этап нацистской экономической политики, который должен был завершиться развертыванием территориальной экспансии.

Гитлер не допускал никаких возражений программе наращивания военного производства со стороны тех, кто ссылался на недостаток производственных мощностей и отсутствие необходимого технического обеспечения. Он называл их задачей индустрии, которая должна устранить возможные препятствия. Если она не оправдает возложенных на нее надежд, говорил фюрер, то «национал-социалистическое государство сможет само решить эту задачу, и ему больше не понадобится никакая частная экономика»[24]. Это выражение звучало как угроза. Над существующими органами управления экономикой уже был создан третий — Организация четырехлетнего плана. Уполномоченным по четырехлетнему плану был назначен главнокомандующий ВВС Г. Геринг. Он получил право издавать приказы и директивы относительно военной экономики, обязательные для выполнения всеми государственными и политическими инстанциями. Наряду со штабом он создал так называемые деловые группы, часто дублировавшие уже существующие инстанции. Шахт, критиковавший политику автаркии, вскоре лишился своих постов. В 1938 г. имперское министерство экономики возглавил В. Функ. Ему же было поручено курировать часть наиболее важных с точки зрения подготовки к войне промышленных предприятий в качестве генерального уполномоченного по экономике. В 1939 г. он сменил Шахта и на посту президента Имперского банка.

С этих пор и до начала войны поле частного предпринимательства, не связанного напрямую с подготовкой к войне, постоянно сужалось. Но параллельно с этим нарастало политико-экономическое влияние крупных промышленников. Особенно это касалось химической промышленности, возглавляемой концерном ИГ Фарбениндустри — одной из ведущих сил установления автаркии и мобилизации. Руководство ИГ Фарбен считало, что «все промышленное производство, ремесла, промыслы и сельское хозяйство, будучи важными для войны, должны войти в единое военное хозяйство»[25]. Оно располагало патентами важнейших производств для промышленности вооружения — синтетического каучука, синтетического горючего. Руководство концерна было заинтересовано в автаркии и военном производстве, так как наращивание массового производства синтетических материалов и

заменителей требовало новых капиталовложений и обещало высокую прибыль. Его доходы от производства вооружений с 1932 по 1939 г. возросли с 48 млн до 363 млн марок[26].

Особое внимание в ходе выполнения четырехлетнего плана уделялось тяжелой промышленности. С 1932 по 1939 г. производство средств производства почти утроилось[27].

Таблица 1

Развитие промышленности Германии в 1937–1939 гг. (в границах 1937 г.)[28]

	1937 г.	1939 г.
Каменный уголь (млн т)	184,5	189,9
Бурый уголь (млн т)	184,7	233,7
Чугун (млн т)	16,0	18,3
Сталь (млн т)	19,2	22,3
Электроэнергия (млрд кВт/ч)	49,0	61,4

Германия в 1939 г. производила вдвое больше важнейших стратегических материалов, чем Англия и Франция вместе взятые, а по выплавке алюминия значительно опередила США и Канаду и заняла первое место в мире[29].

К июню 1939 г. в военной промышленности Германии (вместе с Австрией и Судетской областью) было занято 2,4 млн человек, то есть 21,9 % общего числа промышленных рабочих. По данным германского Института экономических исследований, с 1933 по 1939 г. включительно военное производство в стране увеличилось в 10 раз, самолетостроение — почти в 23 раза[30].

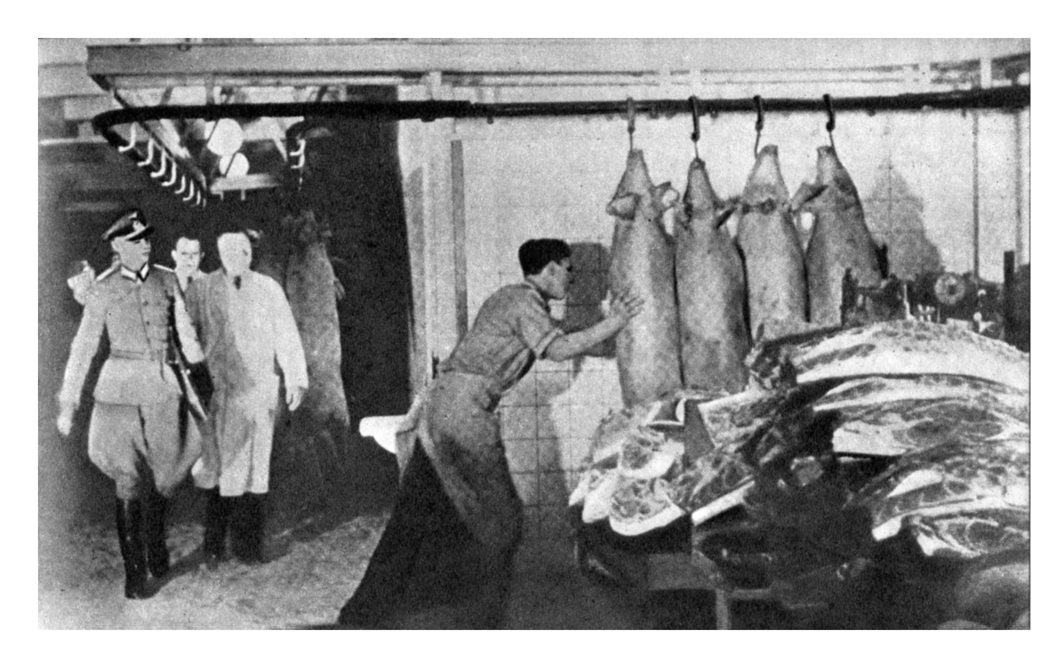
Таблица 2

Доля военной продукции в промышленном производстве Германии (в процентах)[31]

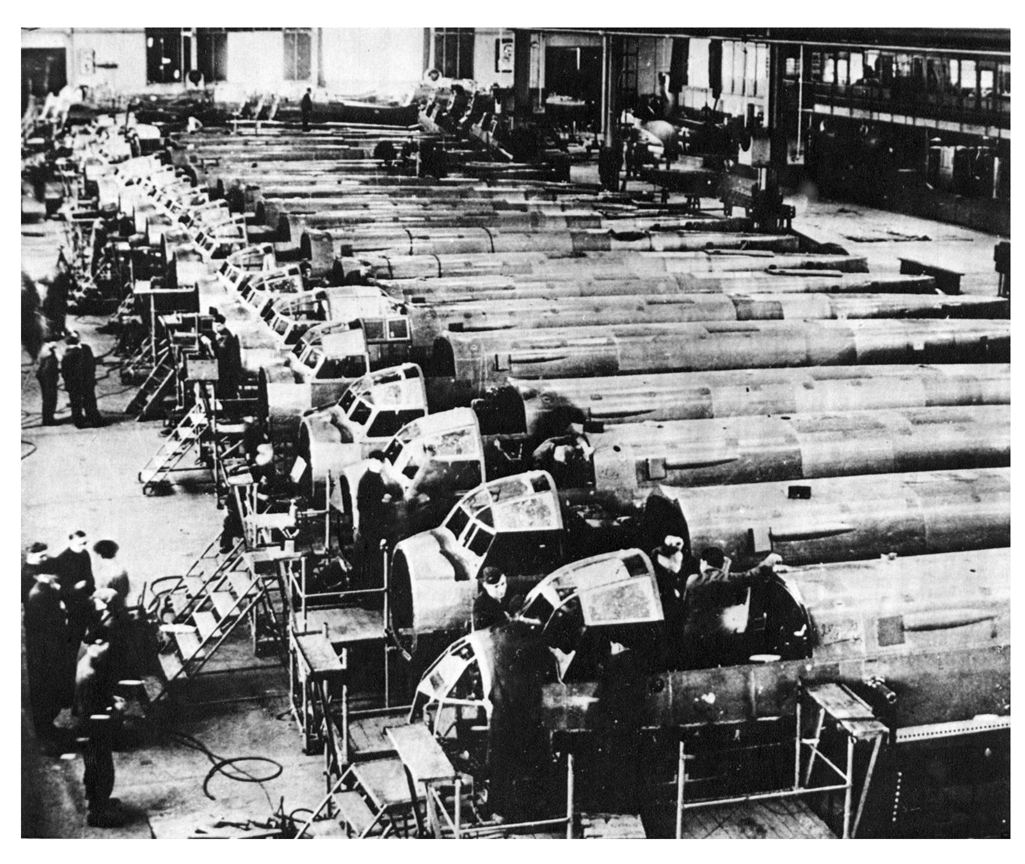
	1936 г.	1939 г.
По всей промышленности	8	23
В металлургической	6	29
В металлообрабатывающей	11	45
В машиностроительной	13	43
В оптико-механической	20	51
В электротехнической	5	32

По общему объему промышленной продукции Германия к началу Второй мировой войны заняла третье место в мире. Ее доля в мировом промышленном производстве достигла 13,3 %, уступая доле США (28,7 %) и СССР (17,6 %), и лишь немного уступала доле Англии (9,2 %) и Франции (4,5 %) вместе взятых[32]. Несмотря на политику автаркии, германская промышленность, как и прежде, испытывала большую зависимость от экспорта сырья. Эта зависимость составляла по железной руде 45 %, цинку — 25, свинцу — 70, меди — 70, олову — 90, никелю — 95, бокситам — 99, нефти — 66, каучуку — 80, сырью для текстильной промышленности — 65 %[33].

Сельскохозяйственное производство было полностью подчинено интересам ведения войны. Руководство Имперским продовольственным сословием было поставлено осенью 1936 г. под контроль ведомства «четырехлетнего плана» подготовки к войне. Государство стало оказывать сельским хозяевам, особенно крупным землевладельцам, финансовую поддержку. В то же время оно взяло на себя контроль за производством и распределением минеральных удобрений, следило, чтобы крестьянами экономно расходовались хлебные ресурсы, устанавливало размеры обязательных сельхозпоставок для удовлетворения спроса



Заготовка мяса для немецкой армии



Цех по производству бомбардировщиков Ю-88

промышленных центров в продовольствии и сырье. Государство присвоило себе право использовать сельскохозяйственные строения, а также спортивные и танцевальные залы в сельской местности в качестве складов резервных запасов зерна и другой сельскохозяйственной продукции[34].

По сравнению с докризисным 1928 г. к началу войны степень самообеспечения Германии хлебным зерном увеличилась с 79 до 115 %, картофелем — с 96 до 100, сахаром — со 100 до 101, мясом — с 91 до 97, пищевым жиром с 44 до 57 %[35]. Но этот успех не был столь заметным, чтобы отказаться от импорта продовольствия.

К началу войны за счет народного потребления были созданы резервы продовольствия. Запасы зерна составляли около 6,5 млн тонн, жиров — 500–600 тыс. тонн. Были созданы запасы и других видов продовольствия, а также фуража. Картофелем и отчасти хлебом население могло быть обеспечено до урожая следующего года. Запасы жиров составляли половину, а сахара — треть годового потребления. По мобилизационному плану предполагалось значительно сократить нормы снабжения населения продовольствием, в том числе мясом — на 68 %, жирами — на 57 %[36].

До сих пор не совсем ясен вопрос, в какую точно сумму обошлась Германии подготовка экономики к войне в 1933–1939 гг.

Гитлер в выступлении в рейхстаге 1 сентября 1939 г. заявил, что «свыше шести лет он занимался строительством вермахта», что «в это время свыше 90 миллиардов марок было израсходовано на строительство нашего вермахта»[37].

После 1945 г. бывшие министры гитлеровского правительства Г. Шахт и фон Крозик объявили, что непосредственные расходы на строительство вермахта составили почти 60,9 млрд марок. Их подсчеты хранятся в Федеральном архиве ФРГ. Но в эту сумму не входят расходы на вооружение по гражданским отраслям (министерств внутренних дел, транспорта, труда). Неучтенными оставались также частные инвестиции[38].

Известный исследователь германской экономики периода Второй мировой войны Д. Айххольтц подсчитал бюджетные расходы на строительство вермахта и гражданские учреждения с февраля 1933 г. до конца августа 1939 г. и представил результат, согласно которому на непосредственную подготовку к войне был истрачен 71 млрд марок[39]. Вместе с тем Айххольтц отметил, что в статью расходов на вооружение и подготовку к войне следует включить также вооружение и обучение полувоенных нацистских организаций СС и СА, организацию Тодта, различные нацистские технические объединения, тайный фонд рейхсвера, который пошел на вооружение в 1933–1934 гг., и т. д. Сюда можно было бы добавить и формирование эсэсовских частей «особого назначения», которые после начала Второй мировой войны влились в войска СС. Айххольтц из этого сделал вывод, что сумма 90 млрд марок, потраченных Германией на подготовку к войне, не может считаться завышенной.

Между тем германское руководство и после принятия четырехлетнего плана подготовки к войне продолжало использовать в качестве платежного средства ничем не обеспеченные векселя «Мефо». Руководство Третьего рейха рассматривало проблему финансирования вооружения как кратко- и среднесрочную, то есть до достижения определенного уровня вооружения, который затем позволил бы решить эту проблему за счет имущественных и территориальных захватов. Поэтому оно не останавливалось и перед взваливанием на государство большой внутренней долговой нагрузки, которая выросла с 1933 по 1939 г. с 4 до 44,5 млрд марок[40].

В 1938 г. государственные расходы составляли около 30 млрд марок, из которых поступления от налогов составляли только 17,7 млрд. Государственные расходы в том же году составляли 35 % от ВНП. Таким образом, расходы на вооружение могли производиться только за счет государственной задолженности. До марта 1938 г. было выдано векселей «Мефо» на 12 млрд марок, из которых половина была заложена в рейхсбанке, а половина покрыта деньгами. Таким образом, в обращение поступили 6 млрд марок. Если рассматривать чисто военные расходы, то векселя «Мефо» с 1934 по 1939 г. обеспечили закупку почти 20 % вооружения[41]. В связи с их влиянием на инфляцию президент рейхсбанка в 1937 г. отказался от

дальнейшего учета векселей «Мефо», но все же был вынужден одобрить покрытие кредита на сумму 3 млрд марок при условии, что с весны 1938 г. система «Мефо» прекратит существование. В действительности выпуск этих векселей был прекращен с марта 1938 г.

Еще одним средством финансирования программы вооружений стали беспроцентные «Имперские ценные поручения» и «Переводные ценные поручения», которые были запущены в оборот в 1938–1939 гг. С мая по октябрь 1939 г. на основе «Нового финансового плана» выпускались «НФ-налоговые льготные чеки». Ими покрывались поставки и услуги рейху на 40 % от соответствующей суммы по счету. Наряду с этим еще с 1933 г. были выпущены долгосрочные процентные займы и ценные поручения[42].

Однако к 1936 г. сырьевая база, валютные запасы и возможности финансирования широкой программы вооружений сокращались, а в промышленности нарастали кризисные явления. Поскольку доходы от внешней торговли продолжали сокращаться, военно-экономическая организация не видела для себя другого выхода, кроме как шире использовать внутренние запасы сырья. Для этого были открыты разработки бедных руд, а также химическое производство дефицитного сырья и топлива. Но министерство экономики не располагало средствами для инвестиций в дорогостоящие программы, а за счет расширения занятости, как это было в 1933–1934 гг., эти задачи уже выполнить было нельзя.

С 1934 г. Третий рейх начал внешнеэкономическую экспансию. Так, например, была предпринята успешная попытка «сделать немецкий рынок неотъемлемым для югославского экспорта»[43]. При этом немецкий рынок открывался для аграрной и сырьевой продукции Югославии, а взамен Германия обеспечивала форсированную эксплуатацию источников этой балканской страны путем инвестирования средств и поставок добывающего оборудования. До 1939 г. германскому рейху удалось стать ее крупнейшим торговым партнером. Из нее в Германию ввозилось намного больше товаров, чем вывозилось из Германии. В результате наблюдался рост определенного рода зависимости Югославии, так как в соответствии с клиринговыми соглашениями она должна была осуществлять закупки только в рейхе и довольствоваться только тем, что он мог и хотел экспортировать. Такая политика Германии была замечена югославским правительством, которое хотело бы сохранить доминирующее положение в югославской экономике капитала других держав. Однако вовлечение югославской экономики в торговые отношения с Германией было настолько велико, что перед началом Второй мировой войны правительство Югославии вынуждено было констатировать, что изменить торговую политику в отношении Германии без потрясений для себя югославская экономика уже не может[44].

Решительно придерживаясь экспансионистского курса по расширению своего «экономического пространства», Третий рейх вынужден был заботиться не только о своей готовности к войне, но и о готовности своих потенциальных союзников в Европе. При этом учитывалось, что необходимо сохранять их военно-экономическую зависимость от Германии во всех сферах[45]. Экономически обеспечить это Германии было не под силу. В связи с этим она приступила к реализации плана «от экономических договоров к экономическому союзу». Организация четырехлетнего плана предусматривала в этом отношении следующие меры: создание единого экономического блока антикоминтерновских стран, в который должны войти Югославия и Болгария; наладить внутри этого союза государств военную экономику; распространить его влияние на Румынию, Турцию и Иран[46].

Из преимущественно сельскохозяйственных стран следовало получать мясные продукты, пищевое и фуражное зерно для создания продовольственных запасов на случай войны. Кроме того, страны Юго-Восточной Европы располагали запасами марганцевых, медных, свинцовых руд и бокситов. Венгрия и Словакия имели запасы сурьмяной руды (шла на сплавы, использовалась в типографическом, подшипниковом и резиновом производствах). В Венгрии и Румынии в значительных количествах добывали нефть. Большое значение для немецкого производства легированных сталей имели месторождения хромовых руд в Югославии.

В начале 1939 г. от венгерского правительства почти ультимативно потребовали сильнее, чем прежде, приспособить венгерское сельское хозяйство к нуждам рейха. Одновременно

было обещано оказать помощь в строительстве венгерской промышленности, но венгерская промышленная продукция должна была при этом соответствовать потребностям немецкого экспорта. С 1938 по 1939 г. и так небольшой венгерский экспорт в Великобританию и Францию продолжал сокращаться. В отношении США он сократился на 50 % — с 6 до 3 % общего объема экспорта. С 1939 г. Третий рейх стал главным потребителем венгерских товаров. Вместе с инвестициями доля Германии в иностранном капитале промышленных и горнодобывающих компаний Венгрии составила 50 %. В 100 крупных предприятиях доля немецких акций превышала 51 %. Тогда же были начаты торговые переговоры с Венгрией с целью создания «немецко-венгерского экономического сообщества». Таким образом, Германия контролировала всю хозяйственную жизнь Венгрии.

Не менее активную деятельность по вовлечению в экономическую зависимость нацисты вели в отношении Болгарии. В обмен на поставки вооружения Болгария обязалась поставлять в Германию минеральное сырье и продовольствие. Для расширения добычи полезных ископаемых Болгария вынуждена была допустить к их разработке немецкие фирмы. Несмотря на растущую собственную потребность, вермахт полностью удовлетворял потребности болгарской стороны в вооружении и боеприпасах за счет старых запасов.

В марте 1939 г. были заключены экономические соглашения между Германией и Румынией. В соответствии с ними был принят совместный пятилетний план экономического сотрудничества, предусматривавший развитие и управление румынским сельским хозяйством в направлении расширения производства фуража, масличных культур и растительного волокна, интенсификацию румынского лесного хозяйства, форсированную добычу полезных ископаемых немецко-румынскими компаниями, реализацию большой программы в области нефтедобычи немецко-румынской компанией, взаимодействие немецкой и румынской промышленности в целях координации взаимных поставок, немецкое участие в румынских банках, расширение румынской транспортной сети, вооружение румынской армии немецким оружием в расчет поставок нефти[47].

Таким образом, уже в 1937 г. на долю Германии приходилось 47 % болгарского, 41 % венгерского, 35 % югославского, 32 % греческого и 27 % румынского экспорта[48].

Такие же принципы были применены и в торговле с Прибалтийскими странами. В обмен на промышленное оборудование они поставляли в Германию мясо-молочную продукцию, фосфориты и другое сырье. Клиринговая задолженность Германии (безналичные расчеты) по взаимным поставкам постоянно росла. Нацистскому руководству успехи такой торговли давали повод говорить о завоевании «большого немецкого экономического пространства» мирными экономическими средствами[49].

После гражданской войны в Испании нацистам удалось привязать эту страну к германской экономике. Испания располагала ценными месторождениями железной руды с большим содержанием железа (более 60 %) и малым содержанием серы. После Швеции и Франции Испания занимала третье место по поставкам железной руды в Германию и поставляла 50 % серного колчедана — важнейшего вещества для производства синтетических продуктов химической промышленности.

Значительные приращения экономика Германии получила за счет аннексированных и зависимых территорий.

Присоединение Австрии способствовало улучшению экономической ситуации в Германии. Производство молочных продуктов в Австрии превышало собственные потребности, и это могло восполнить их дефицит в Германии. Австрия располагала достаточными сырьевыми ресурсами: древесиной, железной, свинцовой и цинковой рудами, богатыми энергетическими ресурсами. Альпийская республика имела развитую промышленность, мощности которой были недостаточно загружены в связи со спадом производства. В стране насчитывалось 400 тыс. безработных, большую часть которых составляли квалифицированные рабочие[50].

Вся экономика Австрии немедленно была вовлечена в нацистский военно-экономический процесс и подчинена четырехлетнему плану. Особое внимание при этом уделялось добыче железной руды и нефти (см. табл. 3).

Таблица 3

Рост добычи железной руды и нефти в Австрии (в тыс. тонн)[51]

	1937 г.	1938 г.	1939 г.
Железная руда	1880	2660	2971
Нефть	32,9	56,7	144,3

Подавляющее число австрийских банков и предприятий было захвачено немецким капиталом. Одновременно фирма «Герман Герингверке» распространила свою экспансию на Австрию, в ходе которой в Линце был построен крупнейший металлургический завод и взяты под контроль уже имевшиеся многочисленные предприятия. Концерн ИГ Фарбениндустри установил контроль над химической промышленностью и заводами по производству пороха. К началу войны около 245 австрийских предприятий считались военными, на них изготовлялись обмундирование и снаряжение, инженерные заграждения, бронетранспортеры, карабины. Осваивался выпуск деталей танков, самолетов, производство орудий и боеприпасов[52]. Поскольку даже в условиях военной экономики австрийская промышленность не смогла поглотить всех безработных, специальным распоряжением от 22 июня 1938 г. около 100 тыс. австрийских рабочих было отправлено на работу в Германию.

Нацисты получили в свое распоряжение золотовалютные ценности Австрийского национального банка на сумму 418 млн рейхсмарок, что полностью обеспечило выполнение плана 1938 г.[53] Присоединение Австрии значительно улучшило транспортно-географическое положение рейха, ему открылись дополнительные пути в Юго-Восточную и Южную Европу.

После присоединения Судетской области к Германии перешли важнейшие предприятия с недогруженными мощностями и достаточно высоким числом безработных, создававших благоприятные предпосылки для разгрузки немецкой промышленности, большие сырьевые ресурсы — лесные запасы, месторождения вольфрамовых и урановых руд, которыми Германия до сих пор не располагала. В дополнение к этому — месторождения бурого угля, обращенные в собственность рейха. На этом основании уже в начале октября 1938 г. промышленность Судетской области была включена в четырехлетний план. С другой стороны, Судетская область не обеспечивала себя сельскохозяйственными продуктами, что еще больше ухудшало ситуацию на общенемецком продовольственном рынке.

Аннексия Судетской области с экономической точки зрения привела к усилению экономической зависимости оставшейся части Чехословакии от рейха и облегчила ему доступ к Юго-Восточной Европе. В среднем уровень индустриализации Судетской области был выше, чем в Германии и Великобритании. В горнорудной и обрабатывающей промышленности был занят 51 % населения области (в Германии — 40,7 %, в Великобритании — 46 %). Вместе с Судетской областью Чехословакия потеряла 69,6 % стекольной, 40 % химической, 89,9 % керамической, 98 % фарфоровой, 60,5 % целлюлозно-бумажной и 53,8 % лесной промышленности. Всего Чехословакия потеряла 2317 промышленных предприятий, в том числе 443 текстильных[54].

С захватом остальной части Чехии (переименованной нацистами в Протекторат Богемия и Моравия) значительно пополнился арсенал вермахта. По оценке немецкого командования, с получением вооружения чехословацкой армии «произошел огромный прирост сил»[55]. Военная экономическая организация Германии в Чехословакии впервые опробовала свою концепцию исполнения немецких военно-экономических интересов на захваченной территории. Она действовала настолько эффективно, что еще во время агрессии в Германию было отправлено большое количество трофейного имущества, которое могло бы срочно потребоваться вермахту в случае внезапного обострения международных отношений. Гитлер настоял на строгом учете всего захваченного военного имущества. Его было достаточно для вооружения 20 дивизий (см. табл. 4).

Таблица 4

Боевая техника и вооружение, захваченные вермахтом у чехословацкой армии в 1939 г.[56]

Боевая техника и вооружение	По данным, представленным Гитлеру	По чехословацким данным
Самолеты	1582	1231
Зенитные орудия	501	
Противотанковые пушки		1966
Орудия полевой артиллерии	2175	2253
Минометы	785	
Танки	469	810
Пулеметы	43 876	57 000
Винтовки	1 090 000	630 000
Пистолеты	114 000	
Боеприпасы к стрелковому вооружению	Более 1 млрд шт.	
Боеприпасы к артиллерийскому вооружению (в т. ч. химические)	Более 3 млн шт.	

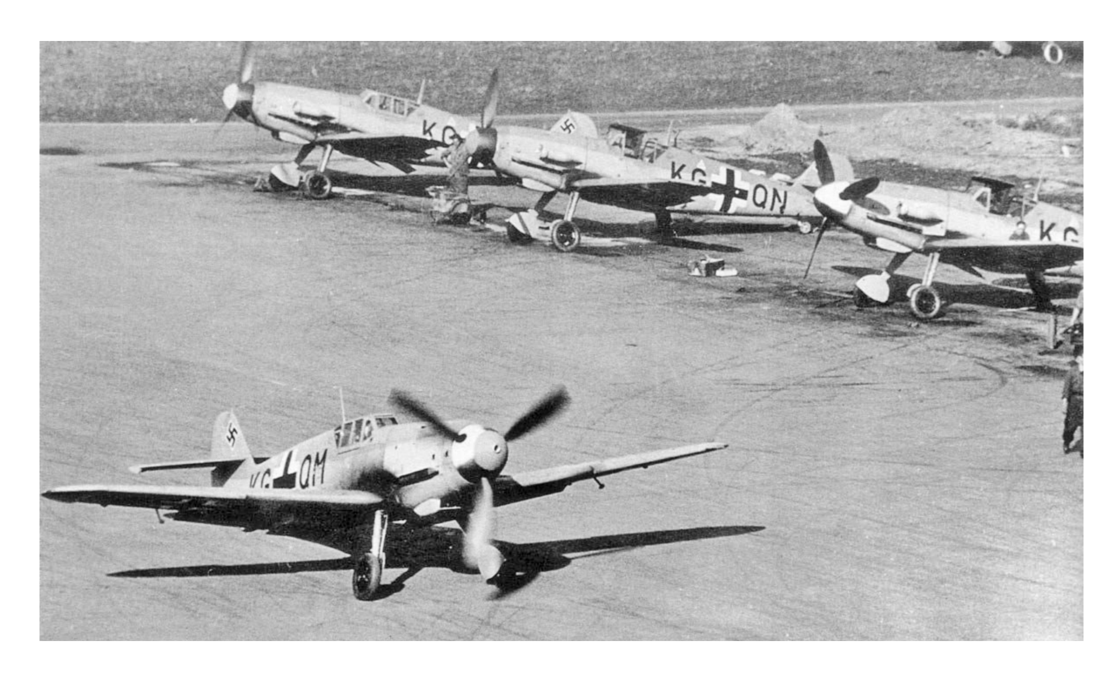
Представители вермахта вскоре провели инспекцию всех военных предприятий и составили обзор производимой продукции и производственных мощностей. При этом в немецкие руки попали более 200 тыс. чертежей и патентов, многие из которых представляли значительную ценность для немецкой военной промышленности, так как Чехословакия располагала высокоразвитой и мощной военной промышленностью. В 1937 г. она занимала четвертое место в мире по экспорту вооружения. Большинство промышленных предприятий находились в прекрасном состоянии. Производственные мощности металлургических, машиностроительных и военных предприятий не были полностью загружены, что было немедленно использовано для снятия нагрузки с немецких предприятий, поэтому имевшиеся запасы сырья в Германию не вывозились. В то же время промышленность Чехословакии, также как и Германии, целиком зависела от импортного сырья. Чехословакия полностью обеспечивала себя продуктами питания и даже экспортировала их. В стране было зарегистрировано 108 тыс. безработных, из них к сентябрю 1939 г. 70 тыс. были вывезены для трудоустройства в Германию.

«Экономическая автономия» Богемии и Моравии была уничтожена уже к октябрю 1940 г. после заключения таможенного союза. Вся экономика Чехословакии была включена в четырехлетний и в «новый военно-экономический производственный» планы.

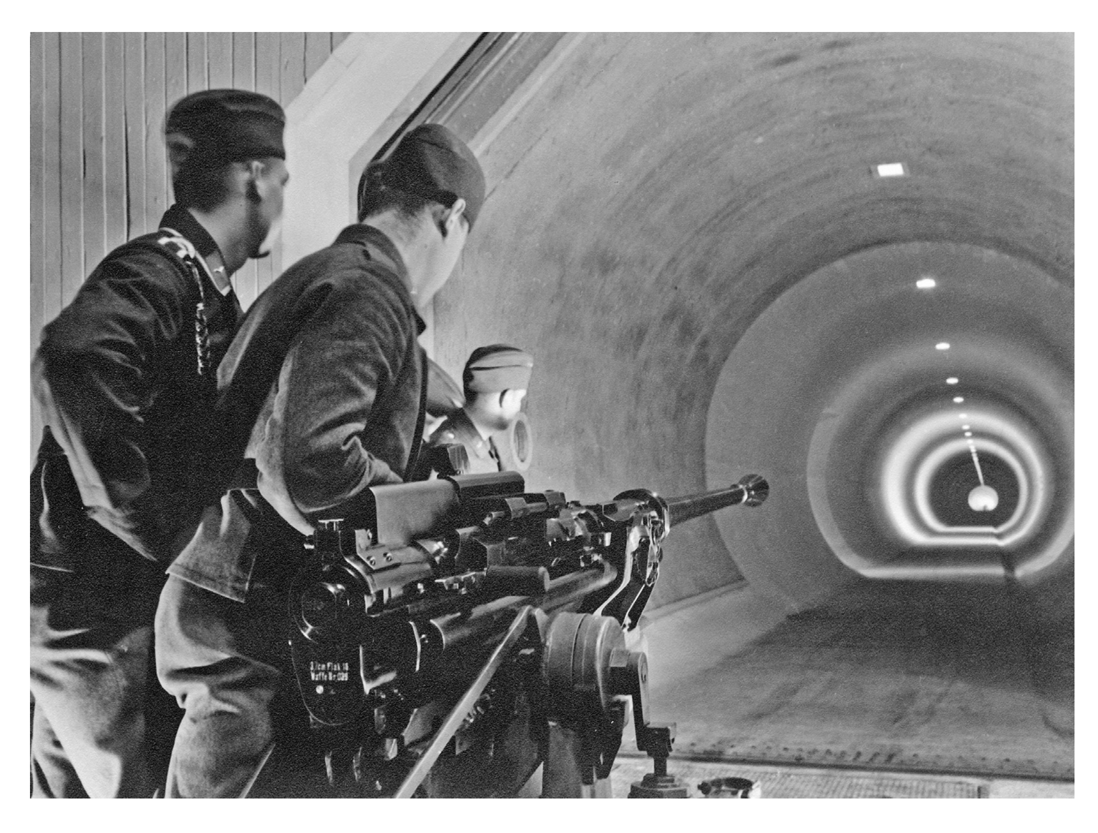
Как и при присоединении Австрии, при захвате Праги нацистский режим стремился прежде всего прибрать к рукам чехословацкие золотовалютные резервы. Под давлением военных властей Национальный чехословацкий банк летом 1939 г. вопреки британскому эмбарго перевел 809 984 унции золота из Лондона в Берлин. Годом позже находившийся в Праге золотой запас был взят «на хранение» рейхсбанком[57].

В результате присоединения Судетской области и образования Протектората Богемии и Моравии развитие «немецкого большого экономического пространства» сделало шаг от «дополняющей экономики», суть которой — заключение торговых договоров с соседними государствами, к политике установления над ними экономической гегемонии.

Формально независимой Словакии отводилась роль союзника национал-социалистического государства, своеобразной «визитной карточки», которую нацисты предъявляли южноевропейским государствам и особенно славянским народам, как бы показывая, насколько самостоятельно может жить малое государство, не выступающее против «нового экономического порядка в Европе под немецким господством»[58]. Поскольку у Германии не хватало военных и политических средств давления, то с частью государств она заклю-



Немецкие истребители «Мессершмитт-109» на заводском аэродроме



Испытания немецкого 37-мм зенитного орудия в баротоннеле

чала валютные и экономические союзы, с другими — союзные договоры, третьи попадали в экономическую зависимость от рейха без валютных договоров. Словакия подписала 23 марта 1939 г. «Договор о защите» с Германией, в соответствии с которым ее экономика становилась придатком немецкого военного хозяйства. Заключать торговые соглашения с другими странами Словакия могла только после выполнения договоров с Германией и после консультации с ней. Она рассматривалась, прежде всего, как поставщик продовольственных и сырьевых ресурсов.

Особый интерес Германия проявляла к запасам полезных ископаемых этой страны, которые исследовались и оценивались с помощью немецких советников и немецкой техники в целях включения их разработки в четырехлетний план. Добывающие предприятия Словакии, которые, по немецким оценкам, не использовали оптимально свои возможности, теряли права на разработку. Уже в конце марта 1939 г. Германия установила полный контроль над финансами Словакии, обязав ее образовать национальный банк, в создании которого принял участие рейхсбанк, а в его директорат был направлен советник с правом решающего голоса. Без его санкции не могли приниматься ни государственный бюджет, ни решения о кредитах. В целом, союз со Словакией в большой мере служил укреплению военно-экономического потенциала Германии.

Достигнутое экономикой Германии к 1939 г. доминирование по отношению к сопредельным странам стало существенным шагом на пути к запланированному созданию «большого германского экономического пространства».

Состояние германской экономики к сентябрю 1939 г. свидетельствовало о том, что Германия в то время была еще не готова к ведению длительной войны, хотя в этом направлении и проводилась большая работа. Это определило и выбор военной стратегии. Германское военно-политическое руководство исходило из того, что противников следует громить поодиночке, последовательно одного за другим, в ходе скоротечных военных кампаний. Концепция скоротечной войны (блицкрига) нашла свое выражение как в общей стратегии войны, так и в организации, снабжении, боевой и идеологической подготовке вооруженных сил. По мнению нацистского руководства, блицкриг давал Германии возможность успешно достигать военных целей, экономически обеспечивать нужды вермахта и в то же время сохранять на необходимом уровне гражданские отрасли промышленности.

Первоначально блицкриг был опробован на Польше. Гитлер считал безусловно необходимым захват Польши для «обеспечения польских поставок сельскохозяйственных продуктов и каменного угля для Германии». И если это удастся, то, по мнению Гитлера, «Германия станет непобедимой и сможет раз и навсегда рассчитаться с бедной рудой Францией»[59].

Накануне нападения на Польшу и сразу после него ответственные политические, военные и экономические сотрудники еще раз проверяли экономические возможности Германии, ее ресурсы и ресурсы зависимых от нее стран на предмет устойчивости к возможной блокаде. По самым оптимистичным прогнозам, в случае войны Германия могла обеспечить себя продовольствием на 83–84 %, а вместе с Польшей и государствами так называемого «немецкого экономического блока» — на 87 %[60]. Только при условии, что так называемый «великогерманский экономический блок» образует единство со «среднеевропейским экономическим блоком» обеспечивалось 90-процентное, а с включением пространства Советского Союза — 96-процентное самообеспечение продовольствием. Кроме того, считалось, что сохранятся поставки продовольствия из североевропейских и южноевропейских стран, что могло обеспечить продовольственную безопасность Германии в случае блокады.

Опасение разрастания польской кампании в войну общеевропейского масштаба существенно повлияло на решение о привлечении ресурсов СССР до нападения на Польшу. Если Берлин в отношении СССР, также как и Франции, с 1933 г. вел политику, направленную на сокращение торговли, как с потенциальными противниками, то с 1939 г. произошло заметное оживление германо-советского торгового обмена, особенно касательно расширения немецкого импорта (см. табл. 5).

Таблица 5

Импорт Германии из СССР[61]

	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.
Общая сумма импорта из СССР (млн рейхсмарок)	194	210	215	93	65	53	30	391
Доля в общем импорте Германии (в процентах)	4,6	4,7	5,2	2,2	1,2	0,9	0,6	7,8
Место СССР среди других экспортеров в Германию	4	3	3	19	30	28	32	
Общая сумма немецкого экспорта в СССР	282	63	39	126	117	34	31	216
Доля от общего немецкого экспорта (в процентах)	5,8	1,5	0,9	2,7	2,0	0,6	0,6	4,4
Место СССР среди других импортеров из Германии	5	20	27	13	19	35	35	

Уже в феврале 1939 г., как раз в то время, когда принимались первые предварительные решения о кампании против Польши, с Советским Союзом обсуждались условия расширения товарообмена. Хотя СССР соглашался поставить не более 50 % от желаемого сырья, по экономическим и политическим причинам Германия и в этом случае готова была подписать заключительное соглашение. Когда 19 августа 1939 г. было заключено торговое и кредитное соглашение, немецкая военная экономика в течение следующих 12 месяцев должна была получить сырье на сумму 100 млн рейхсмарок. Поэтому Гитлер был убежден, что больше можно не бояться вмешательства Франции и Англии в польский конфликт и установления блокады, так как «Восток поставит зерно, скот, уголь, свинец»[62].

В соответствии с договором об экономическом сотрудничестве, заключенным в феврале 1940 г., Германия в течение следующих 12 месяцев должна была получить сырье на 350 млн рейхсмарок, что позволяло ослабить экономическую блокаду со стороны Великобритании. В 1940 г. советский сырьевой экспорт в Германию составлял 49 процентов ее общего импорта фосфатов, 77,7 — асбеста, 62,4 — хромовой руды, 40,7 — марганцевой руды, 75,2 — минеральных масел, 66,0 — процентов хлопка-сырца[63] (см. табл. 6, 7).

Таблица 6

Импорт в Германию сельскохозяйственного сырья и продуктов лесной промышленности (в тыс. тонн)[64]

Товар	1939 г.		1940 г.		1 полугодие 1941 г.	
	Всего	Из СССР	Всего	Из СССР	Всего	Из СССР
Рожь	133	-	159	82	78	78
Пшеница	900	-	672	4	365	189
Ячмень	382	-	728	697	133	96
Овес	33	-	121	118	190	184
Кукуруза	586	-	507	14	-	-
Бобовые	180	11	162	47	-	35
Хлопок-сырец	259	2	120	71	46	30
Лен и льняное волокно	238	4	112	14	-	7
Строительная и деловая древесина	2153	103	3156	696	1537	246
Древесина для механической и химической переработки	1496	66	1182	462	523	120

Таблица 7

Импорт в Германию некоторых видов минерального сырья (в тыс. тонн)[65]

Товар	1939 г.		1940 г.		I полугодие 1941 г.	
	Всего	Из СССР	Всего	Из СССР	Всего	Из СССР
Фосфорнокислый калий	1025	31	174	129	127	55
Асбест	18	1	12	8	12	7
Хромовая руда	193	-	40	26	4	-
Марганцевая руда	235	6	119	65	116	75
Нефть и нефтепродукты	4694	5	1806	617	816	248
Платина и платиновые металлы (кг)	3320	1	2290	1474	1546	1262
Олово	9	-	7	1	1	0
Никель (файнштейн)	3	-	5	2	2	1
Медь	144	-	105	7	52	7

Получившая распространение на Западе, а затем и в нашей стране пропагандистская версия некоторых «историков» о том, что «фашистский меч ковался в СССР», далека от действительности. Советский экспорт в Германию в 1938–1940 гг. составлял от 0,6 % до 4,4 % суммы общего немецкого импорта. Что касается правительства рейха, то оно различными путями тормозило выполнение Германией договорных поставок в СССР металлопроката, станков, электрооборудования, различных видов вооружений и других согласованных заказов, которые ко времени нападения Германии на СССР были по разным данным выполнены только на 57–67 %[66].

Однако вернемся к 1939 г. Экономика Третьего рейха если и была в целом готова к войне, то только ограниченной по территории и времени. Считалось, что были созданы достаточные запасы хлеба, но потребление жиров предполагалось снизить по сравнению с мирным временем на 57 %, а мяса — на 68 %. При оценке запасов минерального сырья исходили из того, что, учитывая возможность дополнительных поставок из-за границы, в случае длительной войны с Польшей их хватит на 9–12 месяцев[67].

В частности, запасов каучука хватало на 5–6 месяцев при его 30-процентной замене буной, долю которой предполагалось увеличить, поскольку запасов валюты на приобретение сырого каучука не хватало, а в случае блокады необходимо было считаться с полным прекращением его поставок. Что касается алюминия, то, несмотря на рост производства на базе бокситов из Юго-Восточной Европы, наблюдалась его значительная нехватка для обеспечения потребностей вермахта. Несмотря на расширение производства, закрепленные четырехлетним планом цели по обеспечению синтетическим горючим оказались недостигнутыми. Потребление горючего, вызванное военными приготовлениями, росло значительно быстрее производства. Тем не менее считалось, что вермахт достаточно обеспечен горючим для скоротечной войны против Польши, так как были созданы значительные запасы[68].

В связи с нехваткой валюты в первом полугодии 1939 г. квоты цветных металлов для промышленности по сравнению с 1938 г. были снижены на 50 %. Валюта была выделена только на второй квартал этого года на закупку цветных металлов для строительства флота.

К началу польской кампании угледобывающая промышленность уже не имела производственных резервов. В случае длительной войны, которая потребовала бы призыва горняков в армию, создавалась угроза нехватки каменного угля для промышленности и домашних хозяйств уже зимой 1939 г. Призыв горняков и перенапряжение транспортной системы повлекли за собой в сентябре 1939 г. сокращение добычи каменного угля на 10 %, а к концу года — на 15 %. В энергетике в середине 1939 г. запасы каменного угля настолько сократились, что в июле — августе возникли перебои в электро- и газоснабжении, электростанции вынуждены были перейти на бурый уголь, что приводило к ускоренному износу оборудования[69].

Попытки в короткий срок закупить недостающие продовольствие, фураж и сырье натолкнулись на главную проблему — отсутствие финансовых средств. Сокращенный экспорт привел к тому, что импорт из СССР и других стран не мог быть компенсирован только клирингом. И без того незначительные валютные запасы резко сократились с конца 1938 г. и приблизились к нулевому уровню. Политика экспансии привела к тому, что ряд зарубежных клиентов Германии отказался от заказов. Кривая немецкого экспорта с 1938 г. постоянно снижалась и после незначительного повышения на рубеже 1938–1939 гг. продолжила свое быстрое падение. К началу войны практически все золотовалютные запасы иссякли. Включая секретные фонды, они составляли около 500 млн рейхсмарок — столько, сколько было необходимо для финансирования десятой доли немецкого импорта в мирное время[70]. Путь финансирования за счет иностранных кредитов вряд ли являлся возможным, так как именно богатые капиталами державы считались потенциальными врагами Германии, и ее клиринговая задолженность приняла такие размеры, что нейтральные государства воздерживались от выдачи Германии даже краткосрочных кредитов.

Несмотря на подготовку к войне, проблема разграничения компетенций в сфере управления экономикой в Германии решена не была. Не обращая внимания на приоритеты в политике вооружения, партийные и государственные инстанции продолжали делать огромные по объемам заказы, как, например, проекты генерального инспектора по градостроительству Шпеера по превращению Берлина в огромную помпезную столицу рейха. Три вида вооруженных сил конкурировали друг с другом в выдаче заказов и блокировали ими работу военных предприятий. Для организации планового управления работой промышленности и выявления второстепенных задач Геринг в качестве генерального уполномоченного по четырехлетнему плану в середине года приказал перепроверить все крупные заказы на их государственно-политическую необходимость. Однако до начала войны это сделать не удалось.

В промышленности наблюдалась нехватка рабочей силы, составившая в 1939 г. около миллиона человек. Только на предприятии «Герман-Герингверке» требовалось дополнительно 5 тыс. рабочих[71]. Сельское хозяйство также не могло больше работать без привлечения иностранных рабочих. В середине 1939 г. в нем было занято около 37 тыс. итальянцев, 15 тыс. югославов, 12 тыс. венгров, 5 тыс. болгар, 4 тыс. голландцев, 40 тыс. словаков[72]. Несмотря на строгую практику призыва в вермахт, с этого времени практиковалась отправка военнослужащих в отпуск с сохранением денежного содержания для работ в родительских или собственных хозяйствах, иногда с выделением лошадей и автотранспорта вместе с обслуживающим персоналом.

Накануне польской кампании в немецкой экономике наблюдались явления усталости и стагнации, большое несоответствие между объемом заказов и производственными возможностями. Перегрузка предприятий в зависимости от их связи с производством вооружения составляла от 10 до 20 %. Для разгрузки было необходимо проводить расширение производства, ремонт и обновление станочного парка, введение конвейерного производства. Но программы вооружения не предусматривали обеспечения этого ни сырьем, ни рабочей силой, ни временем. Следствием были нарастающее затягивание выполнения заказов, переносы сроков поставок, в связи с чем нарушалось плановое вооружение. Отставание подрывало также конкурентоспособность немецкой экспортной промышленности на мировом рынке, нарушало поступление валюты в немецкую экономику, а вместе с этим — импорт сырья и продовольствия.

В транспортной отрасли не хватало 4500 паровозов и 100 тыс. товарных вагонов[73].

Оценивая такое положение, руководство рейха пришло к выводу, что немецкая экономика в 1939 г. находилась на пике своих производственных возможностей, но существенного повышения экономического потенциала добиться больше не представлялось возможным, скорее, наоборот. Как говорил Гитлер перед командованием вермахта, «наше экономическое положение в связи с нашими ограниченными возможностями таково, что мы сможем продержаться лишь несколько лет»[74]. Время для развязывания военного конфликта для достижения «конечной цели» — захвата мирового господства путем расширения жизненного

пространства еще не пришло. Но Гитлер настаивал на создании экономических предпосылок для этого, так как положение с сырьем и продовольствием для ведения скоротечной войны было обеспечено, но для длительной войны его было недостаточно[75].

Этот вопрос, казалось бы, удалось решить после осуществления ряда успешных быстротечных военных кампаний сначала против Польши, а затем на Западе. В отношении оккупированных государств Европы нацистское руководство немедленно приступило к проведению политики открытого экономического грабежа. Особенно бесцеремонной и наглой она была в Польше. Уже 27 сентября 1939 г. немецкие военные власти издали декрет о секвестре и конфискации польской собственности на территории, присоединенной к Германии. В конце 1940 г. Главное опекунское восточное бюро по Польше захватило и передало в немецкую собственность 294 крупных, 9 тыс. средних и 76 тыс. мелких промышленных предприятий, а также 9120 крупных и 112 тыс. мелких торговых фирм. Концерн «Г. Геринг» присвоил себе верхнесилезские угольные рудники, металлургические заводы «Кенигсхютте» и «Лаурхютте», бывшие польские государственные Островицкие машиностроительные и вагоностроительные заводы и другие предприятия. Монополист Г. Хенкель завладел частью польских месторождений цинка, а граф Н. Баллестрем вместе с Г. Круппом — рядом металлургических заводов и горнодобывающих предприятий[76]. Собственностью «И. Г. Фарбен» стали польские фирмы по производству красителей — «Борута», «Воля» и «Винница». В руки германских монополий перешли, кроме того, крупные трубопрокатные и металлургические заводы в Сосновице, горнопромышленный концерн «Банска Гутня». Польский промышленный район в Верхней Силезии был объединен с созданными новыми хозяевами промышленными районами Германии и Чехословакии, что привело к образованию в центре Европы нового мощного промышленного конгломерата, менее уязвимого от возможных бомбардировок, как с запада, так и с востока. Польша сыграла также важную роль в покрытии продовольственного дефицита Германии. В 1941 г. здесь было собрано только зерновых культур свыше 4,8 млн т, что составило 20,5 % общего сбора зерновых того года в Германии в довоенных границах.

На оккупированной Германией летом 1940 г. территории Северной Франции было сосредоточено 97 % производства чугуна, 93 % проката, 55 % цинка, 40 % свинца, 80 % добычи угля и около 100 % железной руды, калия и фосфатов. Здесь было сосредоточено также 89 % французских моторостроительных заводов, 82 % станкостроительных, 80 % авиастроительных. В этой зоне выращивали 70 % зерна, содержали 65 % крупного рогатого скота[77]. Немецкие концерны поделили между собой крупнейшие промышленные предприятия Франции, как это уже было сделано в Польше и Чехословакии. К концерну «Г. Геринг» отошли многие горнопромышленные и металлургические заводы, к концерну Клекнера — металлургические заводы в Кнутанже[78]. До конца 1940 г. у Франции были конфискованы большие запасы металлов: 135 тыс. т меди, 20 тыс. т свинца, 9,5 тыс. т олова, 9 тыс. т никеля и 9 тыс. т алюминия. В Германию было вывезено много железной руды, бензина, дизельного топлива, керосина, машинного и смазочного масла, сала, текстильного сырья и многое, многое другое[79].

Разнообразное сырье и продовольствие было захвачено в Бельгии, Голландии, Норвегии, Дании и Люксембурге. Немецкая промышленность незамедлительно использовала производственные мощности и сырье этих стран. Из Бельгии только в 1940 г. в качестве трофеев было вывезено 78,6 тыс. т цветных металлов, реквизировано 1,3 млн т чугуна и 1,2 млн т стали. В Голландии Германия захватила 3,5 млн т каменного угля и кокса, 221 тыс. т железного лома, 61,6 тыс. т медной руды, 58,4 тыс. т жидкого горючего, 14,8 тыс. т меди, 2,4 тыс. т олова и другие материалы[80]. Только в 1941 г. из Северной Франции и Бельгии было получено товаров на сумму около 2 млрд рейхсмарок. Германия почти полностью реквизировала голландский флот общим водоизмещением в 1,5 млн регистровых брутто-тонн[81].

В Норвегии Германия захватила заводы по производству алюминия, легированной стали и молибдена, пиритов, титана, никеля и железной руды. Под ширмой так называемого «центрального бюро запасов» Германия присвоила 70 % ферросплавов, свыше 34 % алюминия и почти 30 % никеля. Норвежская промышленность поставляла Германии ежегодно 200—250 тыс. т меди и примерно 200 тыс. т серы, являясь единственным ее поставщиком в

Европе. Норвежские заводы «Кристанне спигерверк» и «Кнабергруппене» покрывали потребность Германии в молибдене (75 %) и ванадии[82]. За 1940—1941 гг. немецкие оккупационные власти вывезли из Норвегии и использовали для нужд оккупационной армии продовольствия, сырья, полуфабрикатов и готовой военной продукции на сумму свыше 3 млн марок[83]. Кроме того, немецкие оккупанты захватили большую часть норвежского торгового флота и рыболовных судов.

Другие оккупированные страны в принудительном порядке стали поставщиками сельскохозяйственной продукции Германии. Так, Данию, несмотря на формальный отказ от термина оккупации в отношении этой страны, нацистское руководство рассматривало как свой «продовольственный склад». В Германию вывозилось мясо, масло, крупный рогатый скот, свиньи, яйца, сыр, рыба. Датский торговый флот широко привлекался для перевозки железной руды из Швеции в Германию. В результате этих действий уже в декабре 1940 г. формальный долг Германии Дании составил 420 млн крон[84].

Югославия покрывала значительную часть потребности Германии в цветных металлах — медной, хромовой, сурьмяной рудах. С 1939 по 1941 г. в Германию было вывезено: 734 тыс. т бокситов, 76 тыс. т свинцовой руды, свыше 13 тыс. т хромовой руды, 46,7 тыс. т меди[85]. За счет Греции Германия восполняла запасы в хромовой и никелевой руде, серном колчедане, бокситах.

Германская военная экономика, таким образом, в значительной мере строилась на использовании военно-экономических потенциалов оккупированных стран. Из них она получала, например, свыше 40 % всей железной руды, ввозимой из-за границы. Поступления легирующих элементов, необходимых для получения качественных сталей, — хрома, никеля, различных ферросплавов — составляли от 1/2 до 3/4 всего германского импорта важных видов стратегических материалов; почти 1/3 бокситов поступала из Франции, Югославии и Греции, импорт же алюминия из Франции и Норвегии составлял 4/5 всего германского ввоза. В 1941 г. на импорт из оккупированных стран приходилось 3/4 общего ввоза медной руды, 4/5 меди и свинца, 1/2 олова и почти весь импортируемый цинк.

Таблица 8

Вывоз Германией сырья и готовой продукции из оккупированных стран Европы в период до 1941 г. (в тыс. т)[86]

Виды сырья и продукции	Количество вывезенного сырья и продукции
Цветные металлы	365,4
Металлический лом	1860
Чугун	272
Химические продукты	164
Каучук и изделия из него	12,2
Асбест	4,2
Технические масла	92,2
Сырая кожа	51,9
Выделанная кожа	1070 тыс. шт.
Текстильные материалы	245
Сапоги	6200 тыс. пар

Анализ данных таблицы свидетельствует о том, что вывоз сырья и готовой продукции осуществлялся по тем ее видам, в которых Германия ощущала наибольшую нужду. Например, по кожевенным товарам и сапогам поставки полностью покрывали потребность в них вермахта.

Германия помимо этого продолжала использовать военно-экономические ресурсы союзных, зависимых и некоторых нейтральных стран, так как руководство военной экономики рассматривало их как экономический придаток Германии, как базу стратегического

сырья и продовольствия. Ему удалось получить в свое распоряжение все или часть ресурсов этих государств и, включив производственные мощности в систему «большого германского экономического пространства», поставить их на службу захватническим планам. Правда, нацистское руководство применяло здесь несколько иные методы, чем в оккупированных странах Европы: использовался «индивидуальный» подход и более замаскированные формы грабежа.

Так, несмотря на тяжелое положение экономики Италии, Германия все же получала из этой страны бокситы, химическую продукцию — серную, азотную и борную кислоты, синтетический азот, глицерин. За период 1940–1941 гг. Германия импортировала из Италии свыше 2 млн т продовольствия и 1174 тыс. т различного стратегического сырья, в т. ч. 284,5 тыс. т бокситов, 168 тыс. т железо-марганцевой окалины, 122,5 тыс. т цинковой руды. Всего за это время итальянский экспорт в Германию составил более 1445,7 млн марок[87]. Итальянская промышленность всё в большей степени попадала под контроль германских монополий.

Особый интерес с точки зрения военной экономики для Германии представляли союзные государства Юго-Восточной Европы — Румыния, Венгрия, Болгария. Германские монополии рассматривали эти страны как базу стратегического и сельскохозяйственного сырья. Важное место среди них занимала Румыния как главный поставщик нефти и нефтепродуктов. Увеличение ежемесячных поставок нефти с 170 тыс. т в июле 1940 г. до 250 тыс. т в сентябре 1940 г. означало, что Румыния покрывала более 60 % среднемесячной потребности Германии в этом виде сырья[88]. На совещании инспекторов 13 сентября 1940 г. генерал Томас так охарактеризовал это положение: «В вопросе горючего, пока мы имеем Румынию, а если нужно будет — мы будем ее иметь и в дальнейшем, — вместе с немецкими предприятиями она в состоянии покрывать в нем нашу потребность»[89]. К этому времени немецкие фирмы осуществляли контроль над нефтяной, металлургической и военной промышленностью страны, а также над добычей золота, бокситов, хромовой и марганцевой руд. В 1940 г. доля Германии в румынском экспорте составляла: по хлебным злакам — 77 %, масличным культурам — 96 %, овощам — 100 %, скоту — 80 %. В целом же свыше 46 % всего румынского экспорта приходилось на Германию[90].

На долю союзных стран в 1940–1941 гг. приходилось почти треть всего германского импорта. За это время Германия (включая прямые поставки вермахту) получила отсюда стратегического сырья, продовольствия, полуфабрикатов, готовой промышленной продукции, вооружения и снаряжения, а также различных услуг на сумму 6018,8 млн марок[91]. Это свидетельствует о том, что союзники своими поставками не только укрепили военно-экономический потенциал Германии, но в значительной степени и финансировали ее военные усилия.

Из нейтральных стран особое значение для Германии имела Швеция. Оттуда в Германию поступало большое количество железной руды. На германо-шведских торговых переговорах, состоявшихся в декабре 1939 г., на шведов было оказано экономическое и политическое давление. Они вынуждены были согласиться поставлять в Германию почти всю массу предназначенной для экспорта железной руды, а также некоторые легирующие металлы[92]. В соответствии с соглашением о товарообороте на 1940 г., подписанным 22 декабря 1939 г., Швеция обязалась поставить Германии 10 млн т железной руды, 20 тыс. т. чугуна, 4500 т ферросилиция, 1000 т силикомарганца[93]. Из Швеции Германия получала железную руду с высоким содержанием железа, а также шарикоподшипники, качественные стали, станки, электрооборудование, инструменты, целлюлозу для производства взрывчатых веществ, морские суда.

Германия умело использовала нейтралитет Швейцарии, являясь основным покупателем продукции швейцарской машиностроительной, электротехнической, химической, алюминиевой, текстильной и часовой промышленности. 9 августа 1940 г. было подписано немецко-швейцарское платежное соглашение, по которому Швейцария предоставляла Германии кредит на сумму в 150 млн швейцарских франков. В 1941 г. швейцарский экспорт в Германию увеличился по сравнению с 1938 г. более чем в три раза.

Главным предметом вывоза из Турции была продукция горнорудной промышленности: хромовая и медная руды, свинец, марганец, сурьма и ртуть. В соответствии с немецко-ту-

рецким торговым соглашением от 19 января 1939 г. Турция обязывалась поставить Германии 120 тыс. т хромовой руды, 11 тыс. т шерсти. Немецко-турецкие торговые связи расширились после подписания 18 июня 1941 г. договора о дружбе и ненападении, по которому обе стороны обязались «содействовать во всех отношениях возможно большему объему товарооборота между обеими странами»[94].

Стабильными были внешнеторговые связи Германии с Японией. Последняя, в соответствии с договоренностью, достигнутой 19 сентября 1940 г. на заседании комитета по координации взаимных действий с Германией и Италией, взяла на себя обязательство предоставить этим странам различное сырье, имеющееся в странах Восточной Азии и в районах южных морей. Предусматривалось снабжение Германии таким важным стратегическим сырьем как каучук даже в случае вступления Японии в войну[95].

Приняв в июле 1940 г. решение о нападении на СССР, нацистское руководство предприняло ряд мер военно-экономического характера. По указанию начальника штаба ОКВ Кейтеля управление военной экономики и вооружений ОКВ разработало программу наращивания вооружений для «восточного похода». 13 и 14 сентября 1940 г. генерал Томас провел совещание с инспекторами военных округов, чтобы вскрыть резервы для осуществления этой программы. Открывая совещание, Томас сказал: «Очень важно, чтобы в имеющихся в нашем распоряжении 6–7 месяцах при наличном сырье, производственных мощностях и рабочей силе был достигнут возможно более высокий уровень в производстве вооружений... Производство многих видов боеприпасов... должно значительно возрасти. Наряду с этим останется в силе приказ об оснащении сухопутной армии оружием и техникой в соответствии с полученным боевым опытом, а также увеличении подвижных войск и наращивании производства танков»[96]. Нацистское руководство исходило из предположения, что скоротечный характер войны против Советского Союза позволит ему ограничиться плановым выпуском военной продукции без тотальной мобилизации всей экономики.

Основываясь на замысле «восточного похода» и предложениях специалистов по экономике, нацистское военное руководство в сентябре 1940 г. приняло так называемую программу «Б» по производству оружия и военной техники для войны против СССР. Этой программой предусматривалось обеспечить к 1 апреля 1941 г. оснащение всем необходимым 200 дивизий сухопутных войск, а также пополнение арсеналов ВВС и ВМС более совершенными видами военной техники[97].

Одной из мер, призванных способствовать выполнению программы «Б», было введение новой классификации степени срочности производства тех или других видов вооружения. Секретным указом Геринга о «срочности программ производства для вермахта» от 20 сентября 1940 г. принятая в июле 1940 г. градация приоритетов была отменена и заменена новой: особая степень срочности, степень срочности 1а, 1б и 2. Для производства вооружения по особой степени срочности предприятия обеспечивались в полном объеме и в кратчайшие сроки рабочей силой, средствами производства, сырьем, энергией и транспортом. К этой категории было отнесено для сухопутных войск производство средних танков типа III и IV, командирских танков, противотанковых орудий новых образцов; для ВВС — самолетов типа Ме-109, Ме-110, Ю-87, Ю-88, До-217, Хе-111, Ю-52 и ДФС-230 и ФВ-190; для ВМС — подводных лодок. По степени срочности 1а и 1б проводилось оснащение подвижных войск танками типа II, бронированными и обычными автомашинами[98].

В соответствии с разработанной программой со второй половины 1940 г. произошли определенные изменения в структуре германского военного производства. Если до 1940 г. на производство боеприпасов падало 40,9 % общей стоимости производимого вооружения (первое место, на втором стояло производство самолетов — 38,5 % всех средств), то, основываясь на опыте Западной кампании, в которой расход боеприпасов был невелик, было решено сократить их производство: артиллерийских — наполовину, пехотных — на одну треть. В 1941 г. их доля в общей стоимости производимого вооружения стала составлять только 25,2 %, а доля самолетостроения поднялась до 40,8 %[99]. Авиационная промышленность Германии и присоединенных территорий выпустила в 1940 г. 10 250 единиц, а в 1941 г. — 11 030 военных

самолетов всех типов (прирост — 7,6 %)[100]. Основное внимание во время подготовки к нападению на СССР обращалось на ускоренное производство истребителей, но их выпуск все еще отставал от выпуска бомбардировщиков.

Самой приоритетной программой военного производства со второй половины 1940 г. стало производство бронетанковой техники, выросшее за год в два раза. Если за весь 1940 г. было выпущено 1643 легких и средних танков, то лишь за первую половину 1941 г. их выпуск составил 1621 единицу[101]. В январе 1941 г. ОКВ потребовало, чтобы в ближайшее время ежемесячное производство танков и бронетранспортеров было доведено до 1250 машин. Кроме танков создавались колесные и полугусеничные бронеавтомобили и бронетранспортеры с 7,62 и 7,92-мм пулеметами, 20-мм зенитными и 47-мм противотанковыми пушками и огнеметами. Их выпуск вырос с 511 в 1940 г. до 1332 в 1941 г.

Много внимания уделялось производству артиллерийского и стрелкового вооружения. В 1941 г. было произведено 7092 орудия калибра свыше 75 мм. Особенно быстро увеличивалось число тяжелых пехотных орудий, 210-мм мортир, 150-мм полевых гаубиц[102]. Если выпуск карабинов образца К 98 оставался на уровне 1940 г., то пулеметов МГ-34 и пистолетов-пулеметов почти удвоился. Наращивалось производство взрывчатых веществ, пороха, снарядов для зенитных орудий, авиабомб.

Продолжала выполняться программа строительства военно-морских сил. В период с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. были спущены на воду один линейный корабль и два тяжелых крейсера. Однако главная ставка делалась на создание подводного флота. Если за пять предвоенных лет было построено 57 подводных лодок, то с начала войны по июнь 1941 г. — 147[103].

В первые месяцы 1941 г. рост германских вооружений достиг наивысшего уровня. Месячное производство, например, танков составляло во втором квартале 1941 г. 306 машин по сравнению со 109 на тот же период 1940 г. По сравнению с вооружением сухопутной армии на 1 апреля 1940 г. его рост к 1 июня 1941 г. выражался в следующих цифрах: по легким 75-мм пехотным орудиям — в 1,26 раза, по боеприпасам к ним — в 21 раз; по тяжелым 149,1-мм пехотным орудиям — в 1,86 раза по боеприпасам к ним — в 15 раз; по легким 105-мм полевым гаубицам — в 1,31 раза, по боеприпасам к ним — в 18 раз; по тяжелым 150-мм полевым гаубицам — в 1,33 раза, по боеприпасам к ним — в 10 раз; по 210-мм мортирам — в 3,13 раза, по боеприпасам к ним — в 29 раз[104]. Как видно, в связи с подготовкой к войне против СССР выпуск боеприпасов был значительно увеличен, что позволило полностью обеспечить войска вермахта. Только для осуществления начальной стадии операции «Барбаросса» было выделено около 300 тыс. т боеприпасов[105].

Германское руководство стремилось повысить качественные показатели немецкого оружия и военной техники. Этим целям служило улучшение структуры станочного оборудования в военной промышленности. Туда направлялась большая часть новых станков. На 30 станкостроительных заводах Германии были разработаны и запущены в производство 140 новых типов станков специального назначения, а также кузнечно-прессового оборудования, автоматических и полуавтоматических станков. В стоимостном выражении производство оружия и снаряжения увеличилось с 700 млн марок в 1939 г. до 2 млрд марок в 1941 г. Доля военной продукции по отношению к общей промышленной продукции возросла с 9 % в 1939 г. до 19 % в 1941 г.[106]

Производимое Германией накануне войны вооружение по своим тактико-техническим данным в основном отвечало требованиям времени. Руководству вермахта удалось значительно уменьшить существовавшую в период Западной кампании 1940 г. неоднородность в материально-техническом оснащении войск. Вооружение стало более стандартным, а его распределение — более равномерным. Ряд образцов вооружения вермахта превосходил соответствующее вооружение Красной армии по тактико-техническим данным и эффективности боевого применения. Это в первую очередь относилось к авиации, автоматическому стрелковому оружию.

Начиная с осени 1940 г. германское руководство военной экономикой предприняло конкретные шаги для использования промышленного потенциала оккупированных и зависимых

стран в своих милитаристских целях. Прежде всего, нуждам вермахта была подчинена военная промышленность Чехословакии. Заводы «Шкода» выпускали для вермахта артиллерийские системы: 240-мм пушки М-16, 170-мм и 210-мм пушки, 210-мм мортиры. Авиационная промышленность Чехословакии производила до 1500 самолетов в год. Для вермахта было налажено также производство оптических приборов, средств связи, химического, инженерного и другого снаряжения. За счет Чехословакии военно-промышленная база Германии увеличилась по производству артиллерии, стрелкового оружия и боеприпасов примерно на 20–25, по производству самолетов, танков и тягачей — на 15–20 %[107].

Военно-экономическая организация вермахта максимально использовала производственные мощности авиационной и автомобильной промышленности Франции. На основе немецких заказов на 1941 г. французские авиастроительные предприятия поставили Германии самолетов и авиамоторов на сумму 5420 млн франков. Заказы вермахта были размещены на 14 тыс. французских предприятиях, где было занято около 3 млн человек, или более 60 % всех промышленных рабочих. Объем немецких заказов во Франции только на 1941 г. превысил 49,3 млрд франков[108]. В Бельгии германская военная администрация взяла под свой контроль все отрасли промышленности, необходимые для военного производства, и координировала поставки Германии самолетов, различного вооружения, боеприпасов, средств связи, приборов, автомашин, судов. В Голландии для вермахта производилаись аппаратура связи, различное электротехническое оборудование. В первой половине 1941 г. 70 % всех производственных мощностей голландской промышленности работало на Германию и ее вермахт. С начала оккупации и до конца 1941 г. сумма немецких военных заказов, размещенных в различных отраслях промышленности Голландии, повысилась до 2430 млн марок[109]. Даже в Дании, не располагавшей мощной военной промышленностью, с мая 1940 по 1941 г. были размещены заказы на вооружение и боеприпасы стоимостью 101 млн марок. За это же время из текущего производства Дании для нужд вермахта было поставлено различного вооружения, судов, средств связи на сумму 64 млн марок. В Норвегии на германскую армию работал концерн «Норвежское акционерное общество взрывчатых веществ».

Таблица 9

Заказы вермахта на вооружение в оккупированных странах Европы на 1 апреля 1941 г.[110]

Наименование страны (территории)	Количество предприятий, привлеченных к выполнению заказов	Стоимость заказов (в тыс. рейхсмарок)
Генерал-губернаторство (Польша)	271	263 250
Дания	268	51 523
Норвегия	275	59 005
Голландия	640	759 296
Бельгия — Северная Франция	1980	485 350
Франция (оккупированная зона)	1442	1 699 032
ИТОГО:	4876	3 317 456

Накоплению вермахтом вооружений способствовало и то, что в течение почти десяти месяцев (с июля 1940 по апрель 1941 г.) он не вел боевых действий на сухопутных театрах. Кроме того, к собственным запасам оружия, военной техники и боеприпасов прибавилось огромное количество трофеев. В распоряжение вермахта перешло вооружение 30 чехословацких, 34 польских, 92 французских, 12 английских, 22 бельгийских и 9 голландских дивизий, а также огромные запасы различного снаряжения и боеприпасов.

Заказы вермахта выполняли также предприятия союзников Германии и некоторых нейтральных стран. Из Италии для вермахта поставлялись электромашины для подводных

лодок, моторы, боеприпасы, отдельные виды вооружения. Крупные машиностроительные предприятия Венгрии — «Манфред Вайс», «Маваг», «Ганц», «Данубия» и другие были переключены на производство для германской армии орудий, минометов, стрелкового оружия. По германским заказам Швеция поставляла для вермахта артиллерийские орудия и другую военную технику. Стоимость поставок вооружения, боеприпасов, а также стратегических материалов из Швейцарии превысила в 1941 г. 541,3 млн швейцарских франков[111].

К началу нападения на Советский Союз управление военной экономики и вооружений ОКВ располагало почти во всех странах Европы сетью представительств, в задачу которых входило организовать использование экономических потенциалов и ресурсов союзных или оккупированных территорий в интересах Германии. Кроме того, в Протекторате Богемии и Моравии, Польше, Бельгии, Нидерландах находились инспекции этого управления по вопросам вооружения. В Дании и Норвегии действовали военно-экономические штабы. Разветвленный аппарат ограбления имелся и во Франции. Там существовали три инспекции по вопросам вооружений, к которым в свою очередь примыкали еще девять инстанций. В Югославии действовал военно-экономический штаб Сербии с представителем этой службы для Хорватии. В Греции вопросами экономики занималось специальное германское командование[112]. В таких странах, как Италия, Румыния, Болгария, Венгрия, Словакия, Финляндия, Швеция и Швейцария, вермахт содержал специальные военно-экономические организации. Широкую деятельность развили многочисленные уполномоченные различных ведомств Германии, а также представители крупнейших фирм.

Рассматривая динамику развития военного производства Германии в период непосредственной подготовки нападения на Советский Союз, можно констатировать непрерывный рост производства вооружения и военных материалов в конце 1940 — первой половине 1941 г. Если в сентябре — декабре 1939 г. среднемесячный выпуск военной продукции составлял в стоимостном выражении 583 млн марок, то во втором квартале 1941 г. он почти удвоился и был равен 1099,8 млн марок[113]. Об обеспечении «восточного похода» необходимым оружием, военной техникой и боеприпасами свидетельствуют данные таблицы 10.

Таблица 10

Производство вооружения, военной техники и боеприпасов для сухопутных войск в период с 01.09.1940 г. по 01.04.1941 г. по программе вооружений «Б»[114]

Вооружение и боевая техника	Достигнутый уровень производства по сравнению с плановым	Количество по состоянию на 1 апреля 1941 г.	Соответствующие виды боеприпасов	
			Уровень производства по сравнению с плановым (в %)	Количество по состоянию на 1 апреля 1941 г.
Пистолеты	95	716 300	-	-
Автоматы	163	144 460	115	302 800 000
Карабины «маузер» обр. 1898 г.	106	4 198 800	-	-
Пулеметы	123	192 600		9 552 000 000
Противотанковые ружья обр. 38/39	86	18 101	22	2 043 700
Тяжелые противотанковые ружья обр. 1941 г.	9	130	16	188 500
20-мм зенитные пушки	100	1933	-	32 778 000
20-мм счетверенные зенитные установки	75	69	-	
20-мм танковые пушки	188	2711	-	14 300 900
37-мм танковые пушки*	-	1459	-	2 778 600
50-мм танковые пушки	80	1138	46	66 800

75-мм танковые пушки и штурмовые орудия	10	1151	83	2 219 400
37-мм противотанковые пушки	80	148	51	18 680 800
50-мм противотанковые пушки обр. 1938 г.		719	-	713 100
Легкие минометы обр. 1936 г.	110	14 913	104	31 982 200
Тяжелые минометы обр. 1934 г.	114	10 549	104	12 436 000
100-мм химические минометы	96	459	-	1 523 000
Химические минометы «Д»	77	411	50	199 500
Легкие пехотные орудия обр. 1918 г.	84	3951	-	7 953 600
Тяжелые пехотные орудия обр. 1933 г.	91	797	79	1 153 300
Горные пушки обр. 1936 г.	169	96	-	858 400
Легкие полевые пушки обр. 1918 г.	29	106	-	151 500
Легкие полевые гаубицы	94	6854	139	25 051 000
Тяжелые 100-мм пушки обр. 1918 г.	98	730	97	2 323 600
Тяжелые полевые гаубицы обр. 1918 г.	110	2750	82	5 540 700
210-мм минометы	95	346	64	433 100
37-мм самоходные пушки (чешск.)	-	-	78	2 542 100
Тяжелые полевые гаубицы 25 (чешск.)	-	-	72	187 400
Тяжелые 240-мм пушки	-	-	65	941
Тяжелые 240-мм гаубицы	-	-	22	2148

* Выпуск приостановлен, так как производились танки типа III с 50-мм пушкой.

Примечание. Незаполненные места означают виды боеприпасов, производство которых было определено заранее в связи с имевшимися достаточными запасами этих боеприпасов.

Предпринятые нацистским руководством меры позволили ему обеспечить вермахт всем необходимым вооружением и боеприпасами для войны против СССР. Но расчеты делались из краткосрочного, молниеносного характера предстоящей кампании. Предполагалось, что по расходу оружия и боеприпасов она принципиально не будет отличаться от прежних кампаний вермахта.

Весной 1939 г. завершилось составление плана военно-экономической мобилизации страны. 11 мая Кейтель подписал «Основные указания о единой подготовке обороны империи», предусматривавшие проведение мобилизационных мероприятий по всей стране. Были изданы указания об укреплении сотрудничества генерального уполномоченного по военной экономике с управлением военной экономики и вооружений ОКВ. Им вменялась в обязанность разработка совместного военно-экономического мобилизационного плана, для чего создавался комитет центрального планирования. Все предприятия по производству вооружения отныне подчинялись управлению военной экономики и вооружений ОКВ. При дирекциях имперских железных дорог назначался представитель этого управления.

Летом 1939 г. в области экономики были предприняты новые меры: использование сырья разрешалось только в соответствии с мобилизационным планом, строго регламентировалось потребление электроэнергии, нефти, железа, легирующих металлов, каучука, цемента текстиля, целлюлозы. В это же время было закончено составление мобилизационных планов всех предприятий. Был издан закон «О государственных повинностях», по которому военные органы получили право реквизировать у населения для нужд армии лошадей, повозки и другое имущество[115].

Одним из важнейших документов по дальнейшей мобилизации промышленности явился декрет о военной экономике от 4 сентября 1939 г.

На его основании имперский министр хозяйства имел право в случае необходимости, при нехватке сырья и рабочей силы, объединять предприятия в интересах создания лучших производственных условий. Разрешались консервация или сокращение производства на мелких и технически устаревших предприятиях[116].

Все эти и другие мероприятия по мобилизации экономики позволили обеспечить материальную подготовку вермахта к осуществлению молниеносных кампаний на Западе. С их помощью были также заложены основы экономической готовности фашистской Германии к длительной, тотальной войне за достижение мирового господства. Однако в расчетах на длительную войну ставка делалась не только на форсирование собственных усилий, но еще в большей мере на использование экономики захваченных стран. За их счет предполагалось постоянно увеличивать военно-экономический потенциал Германии, добиваться преобладания над своими противниками в этой области. С этой целью многочисленные государственно-монополистические организации разрабатывали планы экономического ограбления оккупированных территорий и с помощью вермахта осуществляли захват промышленных и сырьевых ресурсов европейских стран.

В мае 1940 г. отделом хозяйственной политики министерства иностранных дел Германии были разработаны предложения по созданию «германского колониального рейха». Они предусматривали, в частности, образование «великого экономического пространства», которое включало бы Словакию, Протекторат Богемии и Моравии, Польшу, Голландию, Бельгию, Люксембург, Данию и Норвегию. В последующем предполагалось присоединить к нему всю Скандинавию и дунайские страны, а также Прибалтику. Предусматривалось дальнейшее расширение германской колониальной империи за счет бывших немецких колоний в Африке, Бельгийского Конго, Французской Экваториальной Африки, Британской Нигерии. В перспективе планировалось расширить область экономической экспансии на страны Ближнего Востока и Южную Америку. 2 августа 1940 г. директивой Геринга определялась необходимость использовать во время войны интересующие хозяйственные объекты оккупированных стран[117].

Перед нападением на Советский Союз в германской экономике был разработан и осуществлен на практике ряд новых организационных мер для пополнения запасов стратегического сырья и форсирования производства вооружения. Для мобилизации всех энергетических ресурсов в начале 1941 г. были созданы имперские производственные объединения «Нефть» и «Уголь», ведущую роль в которых играли представители крупнейших германских концернов[118]. Военно-экономические учреждения Германии развернули бурную деятельность по обеспечению плана «Барбаросса». Особое внимание уделялось выполнению мобилизационных планов производства танков, самолетов, артиллерийско-стрелкового вооружения. При этом предусматривалось в дальнейшем использование производственных мощностей на захваченных территориях СССР. В этих целях 9 июня 1941 г. при государственном уполномоченном по четырехлетнему плану был создан военно-экономический штаб «Восток», которому подчинялись четыре хозяйственные инспекции[119].

С другой стороны, под влиянием военных успехов на Западе, Гитлер считал, что экономическая жизнь не нуждается в столь большой перестройке, как это предусматривалось мобилизационными планами[120]. В то же время германское руководство видело и слабые стороны мобилизационных планов и мероприятий, связанных в первую очередь с трудностями в обеспечении экономики сырьем и рабочей силой. Но уверенность в успехе новой скоротечной войны позволяла правящим кругам Германии делать расчеты на то, что можно будет обеспечить экономические потребности вермахта, сохранив на необходимом уровне гражданские отрасли промышленности для обеспечения внутренней стабильности и социального спокойствия.

Важным элементом в осуществлении стратегии блицкрига был пошаговый захват экономических потенциалов других стран, что позволяло за их счет преодолевать трудности

собственной экономики. Немецкий историк Р.-Д. Мюллер пишет, что «Гитлер вкладывал в понятие блицкрига такую целеустремленную военную стратегию, которая имела своей целью получение необходимых средств для ведения длительной войны». Отсюда следует и одна из формул агрессии: «Война кормит войну»[121].

Анализ состояния предвоенной германской экономики показывает, что гитлеровская Германия не была обеспечена необходимыми сырьевыми ресурсами для ведения длительной войны. Немецкая промышленность в высокой степени зависела от импорта. Выход из создавшегося положения германское руководство видело в проведении последовательных «молниеносных» кампаний против соседних государств и захвате их экономических ресурсов. Эта концепция предусматривала внешнеполитическую изоляцию противников и их быстрый разгром поодиночке. Она допускала нарушение международного права, применение преступных способов и методов ведения войны, проведение широкого террора в захваченных странах для полного подчинения. Так, планы захвата Голландии, Бельгии, Северной Франции предусматривали в первую очередь захват и использование экономических ресурсов этих стран. Те же цели ставились при захватах соседних государств на севере Европы и на Балканах.

В целом германские теоретики, ориентировавшиеся на развитую военную экономику, высказывали требование, чтобы: 1) военные операции согласовывались с ведением экономической войны, 2) военная экономика стояла на службе военных операций и 3) планы военных операций проводились в жизнь при четком согласовании с экономическими задачами[122]. В действиях вооруженных сил они видели важнейшее средство ведения экономической войны. «Целью должно быть не только уничтожение вооруженных сил противника, — писал Томас, — но и захват его военного потенциала, в особенности, его экономики. И только если будут обеспечены военные и экономические цели, в будущем может быть достигнута и политическая цель войны»[123]. Эти требования стали доктринальными, хотя в различной степени учитывались разными видами вооруженных сил Германии. Для военно-воздушных сил, например, главная задача состояла в разрушении экономического потенциала противника. ВМС главную цель видели в «торговой войне», а поэтому их основной задачей был контроль за морскими коммуникациями. Сухопутные войска должны были осуществлять непосредственный захват территории с находящимися на ней сырьевыми ресурсами и промышленными объектами[124].

Используя такие преимущества, как отмобилизованность вооруженных сил, наличие современного оружия и военной техники, ее проверку в западных кампаниях, немецкое руководство считало, что и в войне против Советского Союза Германии также удастся осуществить блицкриг. Экономический штаб ОКВ рассчитывал захватить около 75 % всей советской промышленности, а также необходимые сырье и продовольствие[125]. Руководители германской экономики провели специальные исследования по вопросам взаимодействия в решении оперативных задач и военной экономики. Они рассчитывали на быструю «оккупацию пшеничных полей Украины и кавказских нефтяных месторождений», захват богатых трофеев[126].

По указанию Гитлера в оперативных планах вермахта большое внимание обращалось на удаленные регионы Советского Союза (Кавказ, Урал), а также окраинные зоны (Балтийское и Черное моря). В этом смысле учет военно-экономических причин и экономических целей войны явно довлел над оперативным планированием[127]. Управлению военной экономики и вооружений ОКВ были даны указания подготовить информацию о советской военной промышленности, энергетической и дорожно-транспортной сети, источниках сырья, месторождениях нефти, а также представить общие сведения о гражданской экономике СССР.

Экономическая подготовка Германии к войне осуществлялась в двух направлениях. Создавалась необходимая хозяйственная база для ведения длительной тотальной войны и достижения конечной цели германского империализма и фашизма — завоевания мирового господства. Одновременно просматривалось создание таких экономических предпосылок,

которые позволили бы, максимально сохраняя гражданские отрасли народного хозяйства, экономически обеспечивать условия для успешного проведения отдельных молниеносных кампаний. Если к началу войны развитие первого направления не достигло необходимого уровня, то процесс расширенного вооружения в применении к стратегии молниеносной войны получил в экономической области необходимую базу, способную определенное время выдержать нагрузки скоротечных военных кампаний. Узким местом военной экономики Германии оставалась ее нестабильная обеспеченность стратегическим сырьем, а также недостаток людских ресурсов.

Таким образом, в экономическом отношении Германия была подготовлена к ведению ограниченных по времени войн, что выражалось, прежде всего, в превосходстве над противником в вооружении. Успех гитлеровцев в кампаниях против Польши, Франции, других стран создал у командования вермахта и руководства военной экономикой уверенность, что и война против СССР может быть выиграна в ходе одной скоротечной кампании и без полного мобилизационного напряжения экономики. В недооценке возможности длительное время противостоять коалиции более сильных в военном и экономическом отношении держав проявились недальновидность и авантюризм германского политического и военного руководства.

Начиная войну против СССР, Германия также надеялась, что ей не придется вести войну на два фронта, за исключением морских и воздушных операций на Западе. Немецкое военное командование вместе с представителями германской промышленности строило планы быстрого захвата и освоения природных ресурсов, промышленных предприятий и рабочей силы Советского Союза. На этой основе руководство Третьего рейха считало возможным в короткие сроки увеличить свой военно-экономический потенциал и предпринять дальнейшие шаги к достижению мирового господства.

Планирование агрессии и мобилизация сил фашистского блока

18 декабря 1940 г. А. Гитлер подписал директиву № 21, в которой под грифом «Совершенно секретно. Только для командования!» содержался план нападения на Советский Союз. Плану было дано условное название «Барбаросса» — прозвище воинственного средневекового германского короля Фридриха I, императора Священной Римской империи.

Директива начиналась словами: «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии...

Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операций.

Приготовления, требующие более продолжительного времени, если они еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15.5.41 г.»[128].

Появление директивы как бы подтвердило итог первого этапа подготовки агрессии против СССР, которая активно велась с лета 1940 г., и начало ее завершающего этапа. К этому времени жертвами германской агрессии уже стали Австрия, Чехословакия, Польша, Дания, Норвегия, Бельгия, Голландия, Люксембург и Франция. Последним оборонительным бастионом на Европейском континенте оставался СССР.

С призывами уничтожить СССР Гитлер выступал с начала своей политической карьеры. В его книге «Моя борьба», неоднократно переиздававшейся со второй половины 1920-х годов вплоть до нападения Германии на СССР в 1941 г., утверждалось, что немцам якобы катастрофически не хватает «жизненного пространства», что решить эту проблему можно только путем завоевания и заселения немцами «земель России и подвластных ей окраинных государств», что только таким образом можно будет обеспечить Германии статус «мировой державы», способной вести борьбу за мировое господство[129].

Это преступное намерение нацисты пытались обосновать, исходя из своего расистского мировоззрения. Гитлер утверждал, что громадная Российская империя якобы существовала исключительно благодаря наличию в ней «государствообразующих германских элементов среди неполноценной расы», что без «германского ядра», утраченного в ходе революционных событий в конце Первой мировой войны, она уже созрела для распада[130]. Русских и славян в целом нацисты относили к неполноценной расе, недостойной иметь своей государственности. «У славян вообще, — заявлял Гитлер, — отсутствует всякая способность в какой-либо организаторской деятельности. Они не обладают никакой государствообразующей и созидательной силой»[131]. А. Розенберг и другие идеологи нацистского движения распространяли расистские измышления, утверждая, что большевизм в России — это не что иное, как «восстание монголоидов против нордической культуры», поставивших перед собой цель «присвоить себе всю Европу»[132]. Одновременно для оправдания замышлявшегося «похода на Восток» Гитлер использовал широко распространенный в то время тезис антисоветской пропаганды о стремлении большевиков к «порабощению мира».

Гитлер незадолго до своего назначения 30 января 1933 г. рейхсканцлером при обсуждении со своими ближайшими соратниками вопросов, связанных с будущим захватом и разделом СССР, заявил: «Вся Россия должна быть расчленена на составные части. Эти компоненты являются естественной имперской территорией Германии»[133].

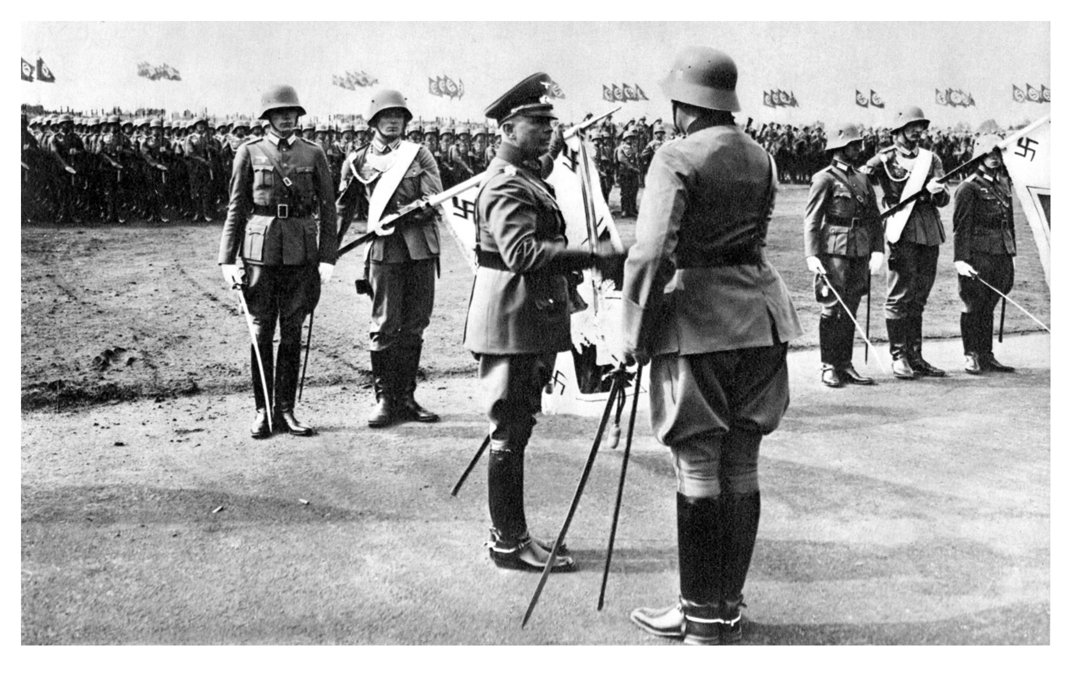
Через несколько дней после назначения рейхсканцлером на первом же совещании с высшим командованием вооруженных сил Германии Гитлер объявил, что его программной целью является «захват нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация»[134].

Придавая «решающее значение» реализации планов расширения германского «жизненного пространства» за счет Советского Союза, Гитлер и Розенберг уделяли много внимания изложению своих взглядов на отношения с другими государствами. В предстоящей войне против СССР в одних они еще до установления нацистского господства в Германии усматривали своих противников, а в других — союзников. Для того чтобы перед нападением на СССР обеспечить Германии свободу тыла на Западе, Гитлер и Розенберг намеривались разгромить Францию. Они причисляли ее к числу «самых смертельных врагов немецкого народа», утверждая при этом, что французы из-за смешения с африканцами «выродились в расовом отношении» и потому стали представлять «угрозу для существования белой расы в Европе». Себя же они пытались представить борцами за «очищение Европейского материка от распространяемых Францией болезнетворных микробов из Африки и Сирии»[135].

К числу своих противников нацисты относили и связанные договорами о союзе с Францией страны Малой Антанты и Польшу.

В первые годы после войны 1914—1918 гг. руководство нацистской партии к числу «абсолютных врагов» Германии относило и Англию. Захват Англией большей части германских колоний оно расценивало как «невосполнимую утрату»[136]. Однако вскоре нацисты убедились, что в Англии есть политики, которые не хотели бы дальнейшего усиления Франции и на этом основании сочувственно относятся к побежденной Германии. Это стало очевидно, когда в 1923 г. Англия совместно с Италией и США решительно выступила против Франции, которая в ответ на саботаж Германией репарационных платежей оккупировала ключевые промышленные районы Рура. Под их давлением Франция в 1924 г. вывела свои войска из Рура. После этого нацисты постепенно свернули свою антианглийскую пропаганду, преследуя при этом цель углубить выявившуюся разницу в подходе Англии и Франции к вопросу о политике в отношении побежденной Германии. С середины 1920-х годов нацистское руководство, учитывая недружественную (если не враждебную) политику Англии по отношению к СССР, воспринимало ее как вероятного союзника. Сделать Англию своей союзницей в борьбе против СССР Гитлер надеялся путем временного отказа от укрепления морской мощи Германии и претензий на возвращение Германии отнятых у нее заморских владений[137]. В своих публичных заявлениях Гитлер стал подчеркивать, что он является сторонником установления дружественных отношений с Англией, но с условием,

Военный парад немецких войск в Берлине у Бранденбургских ворот



Пока они еще красуются на парадах…

чтобы она не чинила ему препятствий в борьбе за установление германского господства в континентальной Европе.

Фашистскую Италию, считал Гитлер, следует рассматривать «как союзницу в самую первую очередь», поскольку она является антиподом демократии, врагом большевизма и руководствуется империалистической политикой «вечного Рима»[138].

К числу вероятных союзников Германии нацисты до прихода к власти причисляли также хортистскую Венгрию, проявлявшую враждебность к Югославии, и Испанию, в силу ее «антипатий» к колониальной деятельности Франции в североафриканских колониях. С одобрением они отзывались о действиях Японии в конце 1920-х гг., направленных на подрыв статуса-кво в Азии[139], а также о превращении ею в 1931—1932 гг. Маньчжурии в военный плацдарм у дальневосточных границ СССР.

Созданное 30 января 1933 г. правительство «национальной концентрации» во главе с Гитлером в первую очередь сосредоточило внимание на ликвидации своих политических противников и тех демократических порядков, которые были установлены в Германии в ходе Ноябрьской революции 1918 г. Достижению этих целей способствовало то, что из всех политических партий Германии против допуска нацистов к власти выступила лишь одна Коммунистическая партия Германии, 30 января 1933 г. она обратилась ко всем рабочим организациям ответить на назначение Гитлера рейхсканцлером проведением генеральной забастовки. Но этот призыв не был поддержан правлением Социал-демократической партии Германии (СДПГ). 31 января оно призвало членов своей партии оставаться «на почве конституции», утверждая, что «предпринятые самовольно на свой страх и риск» выступления против гитлеровского правительства нанесут «тяжелейший ущерб всему рабочему классу»[140].

Руководители буржуазных партий далеко не все довольные тем, что руководство страной оказалось в руках нацистов, еще более чем лидеры СДПГ опасались генеральной забастовки, которая могла привести к обострению мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. Поэтому коммунисты в своем противостоянии нацистам оказались в одиночестве.

Гитлеровское правительство немедленно воспользовалось этой благоприятной для него ситуацией для ликвидации своих политических оппонентов. Первый удар оно нанесло по германским коммунистам, лживо обвинив их в организации пожара, возникшего вечером 27 февраля 1933 г. в здании рейхстага, и в заговоре против государства. На следующий день по настоянию Гитлера и других членов правительства рейхспрезидент П. Гинденбург издал декрет «О защите народа и государства», по которому были отменены все конституционные гарантии прав и свобод граждан. Против КПГ и других противников нацистов был развернут пропагандистский и уличный террор. В течение марта 20 тыс. функционеров КПГ и профессиональных союзов были брошены в созданные нацистами концентрационные лагеря[141]. Сотни их были убиты. Несмотря на это, в марте 1933 г. за коммунистов на выборах в рейхстаг проголосовало 5 млн немцев. Тогда гитлеровское правительство объявило КПГ вне закона. 24 марта рейхстаг большинством голосов депутатов от буржуазных партий принял «Закон о преодолении бедственного положения народа рейха», давший гитлеровскому правительству право в течение четырех лет принимать законы без участия рейхстага, рейхсрата и президента. В дальнейшем этот закон неоднократно продлевался. Пользуясь им, гитлеровское правительство в мае 1933 г. запретило «свободные профсоюзы», в начале июля запретило деятельность СДПГ и добилось самороспуска буржуазных партий, а также издало законы, по которым нацистская партия (Национал-социалистическая немецкая рабочая партия — НСДАП) была объявлена единственной «носительницей немецкой государственности», а попытки восстановить или создать новые партии карались заключением в каторжную тюрьму сроком до трех лет[142].

Такое начало правления нацистов во многом объяснялось тем, что подавляющее большинство немцев во время мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. разуверилось в прежней форме правления страной, ее способности преодолеть обрушившиеся на них тяжелые испытания. Оно не встало на защиту демократических свобод от посягательств на них

нацистами, не прислушалось к голосам тех сограждан, которые предупреждали, что Гитлер втянет страну в войну, где ее ожидает новая катастрофа.

После роспуска всех буржуазных партий их бывшие члены начали в массовом порядке вступать в НСДАП. Формально вступление в нацистскую партию было добровольным, но принимали в ее ряды не всех немцев. НСДАП, по замыслам ее руководства, должна была представлять «элиту народа», хранительницу основанного на «родстве крови» и «общности судьбы» немецкого «народного сообщества». Для вступления в нее кандидат должен был доказать, что его предки, начиная с 1800 года, не состояли в браках с «неполноценными» в расовом отношении людьми. Таких чистокровных немцев в Германии оказалось не более 11 %. К началу Второй мировой войны численность членов НСДАП возросла с 849 тыс. до 5 млн человек[143].

Деятельность НСДАП в 1933–1945 гг. направлялась фюрером партии Гитлером, рейхслейтерами НСДАП, занимавшими высшие руководящие посты в одной из сфер партийной деятельности (например, Р. Гесс — до мая 1941 г. заместитель фюрера по партии, М. Борман — с мая 1941 г. заместитель фюрера по партии и руководитель партийной канцелярии, Г. Гиммлер — рейхсфюрер СС, В. Лутце — начальник штаба СА (штурмовых отрядов), А. Розенберг — руководитель внешнеполитического управления НСДАП и т. д.), а также многочисленными местными партийными функционерами, начиная с гаулейтеров, руководивших партийными организациями областей, до блоклейтеров в жилых кварталах. Общая численность этих сотен тысяч партийных функционеров увеличивалась по мере роста рядов партии[144]. Они насаждали в стране культ Гитлера, воспитывали немецкий народ в духе воинственного расистского национал-социалистического мировоззрения, следили за беспрекословным выполнением на местах всех распоряжений высшего политического руководства страны.

На основе законов от 28 февраля и 24 марта 1933 г. была проведена «унификация», то есть создание единообразной системы управления государства и общества. В ходе унификации были распущены демократические органы власти — ландтаги, суверенные права земель были переданы рейху, правительства земель подчинены имперскому кабинету. Поставленные в земли Берлином имперские наместники из числа нацистских гаулейтеров могли назначать и смещать по своему усмотрению чиновников, а также судей, издавать местные законы[145].

Одновременно гитлеровское правительство большое внимание уделяло укреплению аппарата террора для подавления и уничтожения политических и идейных противников НСДАП. Его основу составили созданные еще до прихода Гитлера к власти такие подразделения НСДАП, как СА (Sturmabteilungen — SA) — штурмовые отряды, СС (Schutzstaffeln; SS) — охранные отряды, СД (Sicherheitsdienst des Reichsführer SS; SD) — служба безапасности, подчиненная рейхсфюреру СС Г. Гиммлеру политическая полиция, которая получила официальное название Тайная государственная полиция — гестапо (Geheime Staatspolizei), чрезвычайные суды, созданные по приказу Гитлера от 21 марта 1933 г. для быстрого вынесения приговоров без предварительного следствия и доказательства вины подсудимых, концлагеря, которыми с лета 1934 г. управлял также Гиммлер, и, наконец, созданная по приказу Гитлера 24 апреля 1934 г. вместо прежнего Имперского суда так называемая Народная судебная палата — трибунал, выносивший смертные приговоры по обвинению в государственной измене. Поводом для создания этого трибунала явилось то, что во время Лейпцигского процесса над видным коммунистом Г. Димитровым, состоявшегося после поджога рейхстага, имперский суд, вопреки расчетам нацистской верхушки, не подтвердил ее мнимую версию о якобы существующем коммунистическом антигосударственном заговоре.

По приказу Гиммлера от 27 сентября 1939 г. главное управление гестапо, главное управление уголовной полиции и два главных управления СД, одно из которых занималось политическим шпионажем в своей стране, а другое за рубежом, были включены в состав нового эсэсовского органа — Главного управления имперской безопасности (РСХА). Непосредственное руководство РСХА было возложено на руководителя СД Р. Гейдриха. Террористическая деятельность этого органа в годы войны распространилась далеко за пределы Германии, на все народы Европы, оказавшиеся под властью немецких оккупантов[146].

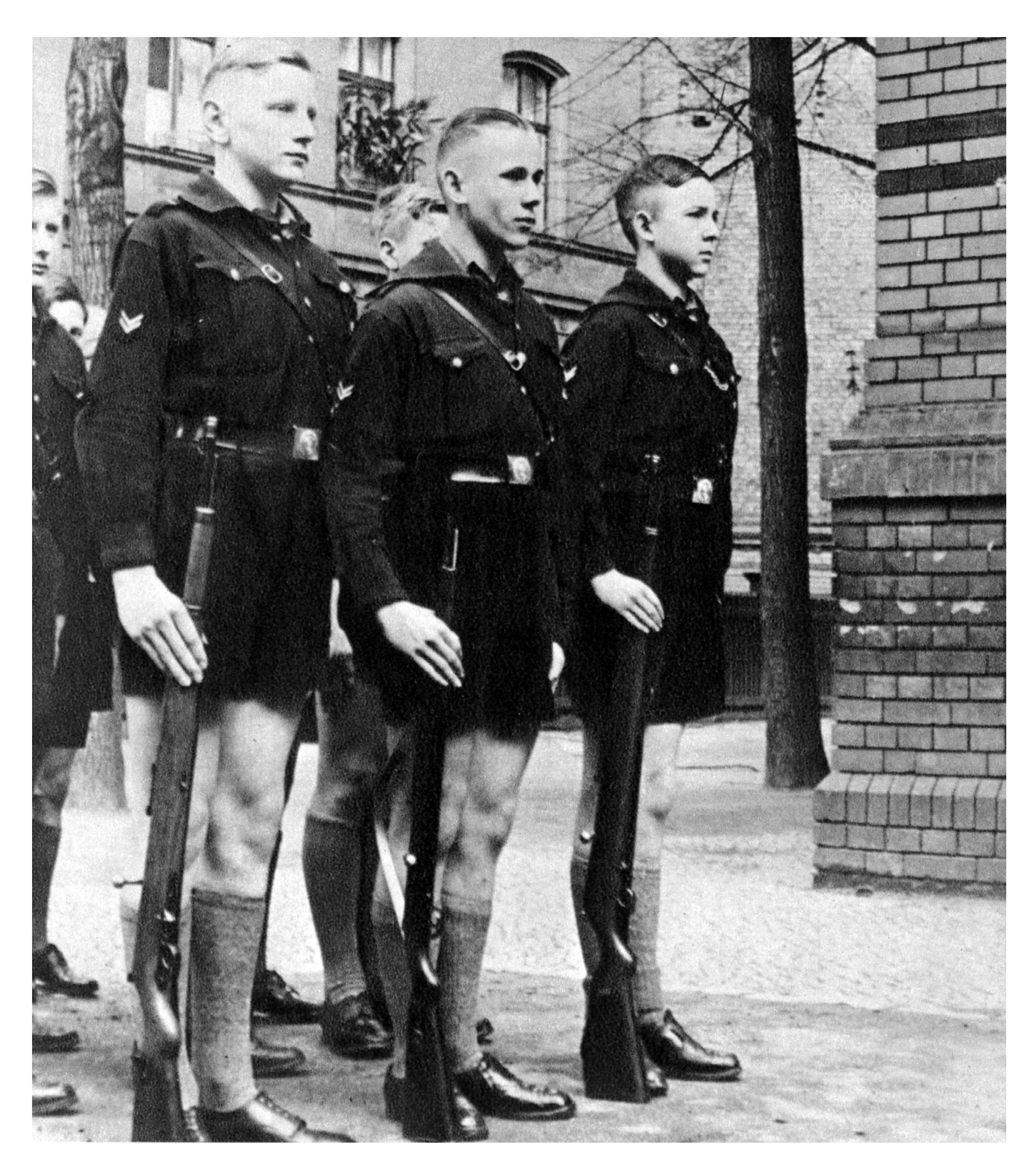
Опираясь на широко разветвленный и вездесущий аппарат политического террора, нацистская верхушка добилась того, что немцы накануне и во время Второй мировой войны могли чувствовать себя в относительной безопасности лишь в случае беспрекословного повиновения установленному в стране диктаторскому режиму. Вместе с тем нацистская верхушка понимала, что для удержания власти в своих руках недостаточно требовать от немцев лишь основанной на страхе лояльности, что необходимо достичь практически полного одобрения ими ее внутренней и внешней политики. Поэтому гитлеровское правительство уделяло немало внимания решению доставшихся в наследство от мирового экономического кризиса социальных проблем. Ему удалось до начала Второй мировой войны почти полностью ликвидировать в стране безработицу. На создание новых рабочих мест было израсходовано от 7 до 8 млрд марок[147]. На эти средства было развернуто строительство шоссейных и железных дорог, сооружение водных путей, общественных и жилых зданий и т. д. Ликвидации массовой безработицы способствовали введение в марте 1935 г. всеобщей воинской повинности, строительство и ввод в строй новых военных предприятий, создание военных укреплений, в том числе так называемой «линии Зигфрида», которая прикрывала границу Германии с Бельгией и Францией. По сравнению с кризисным 1932 г. реальная почасовая оплата труда рабочих в 1939 г. возросла на 7 % при увеличении за этот же период рабочей недели в среднем с 41,7 до 48,5 часов[148]. Материальное положение рабочих и служащих в целом в основном благодаря ликвидации массовой безработицы несколько улучшилось.

Перед войной нацистскому режиму удалось создать себе достаточно прочную социальную базу и среди сельского населения. Крупным землевладельцам и зажиточным крестьянам предоставлялись кредиты, в их интересах проводилась таможенная и тарифная политика. По некоторым данным, на эти цели было израсходовано более 1 млрд марок[149].

Одновременно нацистская верхушка вела массированную идеологическую обработку немцев. Ею руководил рейхслейтер Й. Геббельс, возглавивший в марте 1933 г. имперское министерство народного просвещения и пропаганды. Из сознания немцев систематически искоренялись демократические и гуманистические идеи, каждодневно насаждались культ Гитлера как «гениального» «народного вождя», презрение и ненависть к евреям, славянам, французам и другим народам как представителям низшей расы, которые должны либо исчезнуть, либо стать рабами немцев — представителей арийской «расы господ»; а также идея о том, что для «обеспечения существования и размножения» немцев якобы не хватает земли. Реакционные «расовая теория» и «теория жизненного пространства», служившие обоснованием подготовки и ведения захватнических войн, зародились в Германии задолго до прихода нацистов к власти. Но только при них они получили статус государственной идеологии, охватившей широкие слои населения.

Повсеместное распространение получила идея «Volksgemeinschaft», что в переводе на русский язык звучит как «народное сообщество». Суть этой идеи сводилась к тому, что «социальное единство» всех немцев, как в Германии, так и за рубежом, независимо от их гражданства, принадлежности к тому или иному сословию или профессиональной группе, определяется биологическим фактором, а именно «общностью крови», унаследованной от древних «арийцев»[150]. Эта идея использовалась нацистской верхушкой для оправдания ликвидации в Германии политического плюрализма, установления в стране однопартийной системы, а также распространения своего влияния на германоязычное население других стран.

Опираясь на партию, СА и СС, нацистская верхушка, насаждала свое мировоззрение всему населению страны. Для этого были созданы три массовые организации: Немецкий трудовой фронт (сокр. ДАФ от Deutsche Arbeitsfront), Имперское продовольственное сословие (сокр. RN от Reichsnährstand) и Имперская палата культуры (сокр. RKK от Reichskulturkammer). В ДАФ были включены немцы, занятые в сфере промышленного производства (предприниматели, рабочие и служащие), в RN — немцы, занятые в агропромышленном комплексе (крупные землевладельцы, крестьяне, владельцы предприятий по переработке и сбыту сельскохозяйственной продукции), в РКК — часть населения, занятая различными



Бойцы Гитлерюгенда

видами искусств или работающая в культурных и культурно-хозяйственных учреждениях (владельцы театров, кинотеатров, киностудий, актеры, художники, писатели и т. д.).

Самой крупной из этих массовых организаций был примыкающий к НСДАП Немецкий трудовой фронт (ДАФ). Он был создан 10 мая 1933 г. вместо ликвидированных ранее существовавших профсоюзных организаций.

Во главе ДАФ вплоть до 1945 г. стоял рейхслейтер Р. Лей. Члены ДАФ, занятые в отдельных крупных отраслях промышленности, были объединены в «Имперские производственные сообщества», а предприниматели и рабочие, занятые на предприятиях, — в «производственные сообщества». По закону «Об организации национального труда» от 20 января 1934 г. владельцы предприятий были возведены в ранг «фюреров предприятий», а рабочие и служащие, были объявлены их «последователями». Производственные советы предприятий, которые опирались раньше на профсоюзы, были ликвидированы[151]. Трудовому фронту предназначалась ведущая роль в «духовном и физическом» сообществе немцев, занятых в промышленности, борьба за повышение производительности труда и обеспечение таких условий работы на предприятиях, при которых «фюреры с пониманием относятся к справедливым требованиям их последователей, а последователи с пониманием относятся к положению и возможностям их предприятия»[152]. Руководящий состав ДАФ занимался перевоспитанием рабочих в нацистском духе, поддерживал на предприятиях трудовую дисциплину, способствовал расширению и укреплению массовой базы нацистского режима и обеспечению благоприятных условий для перевода промышленности на военные рельсы. Большое внимание в связи с этим он уделял контролируемой им организации «Сила через радость», занимавшейся вопросами отдыха рабочих и служащих во время отпусков. В 1938 г. в ДАФ насчитывалось 23 млн рабочих и служащих[153].

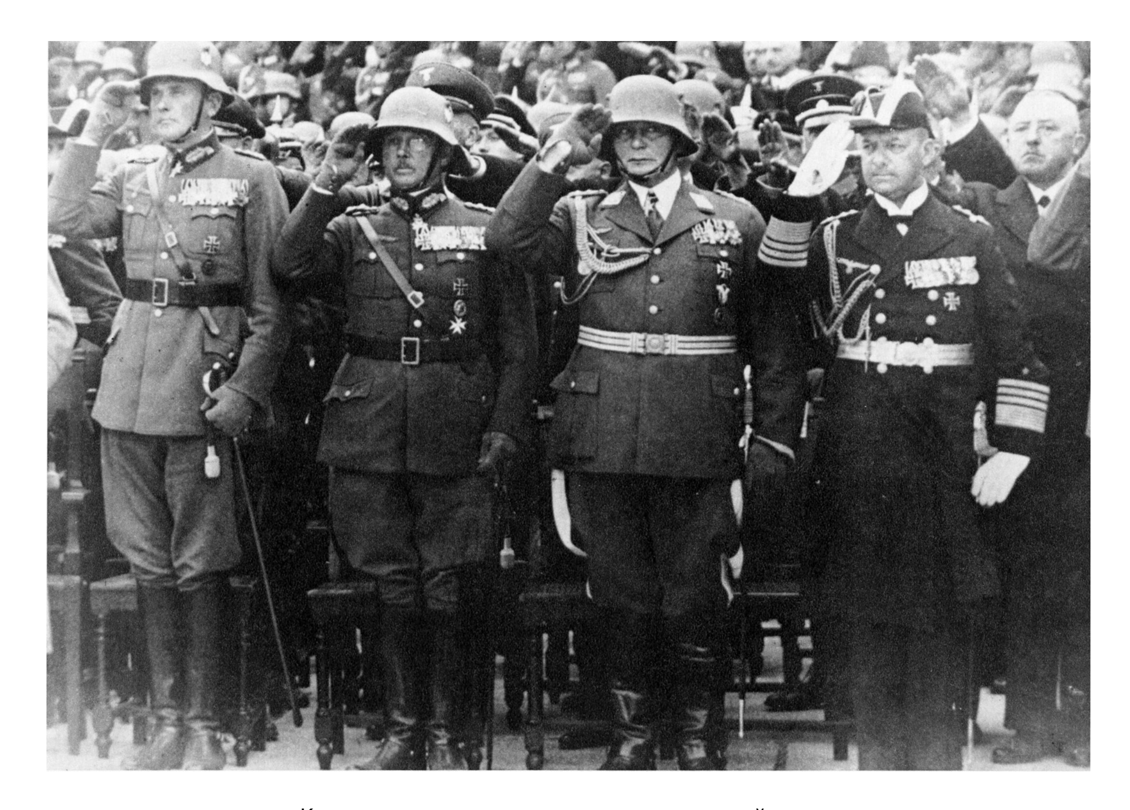
С начала Второй мировой войны ДАФ оказывал шефскую помощь вермахту. Деятельность его организации «Сила через радость» на 80 % была посвящена обеспечению отдыха военнослужащих. В то же время он следил, чтобы как можно больше инвалидов и гражданских лиц было вовлечено в военное производство. Кроме того, ДАФ занимался организацией и управлением трудовых лагерей для иностранных рабочих[154].

На подготовку «физически и духовно» к участию в предстоящих захватнических войнах были направлены такие нацистские молодежные организации, как Гитлерюгенд (Hitlerjugend — «Молодые гитлеровцы»), в которой в началу войны насчитывалось 8 млн членов, а также нацистская Имперская служба труда (Reichsarbeitsdienst), в которой в 1939 г. приобретали трудовые и военные навыки 300 тыс. человек[155].

Возведя расизм в ранг государственной политики, гитлеровское правительство создало невыносимые условия жизни в Германии для «неарийской» части населения. В первую очередь гонениям стали подвергаться евреи. Они были объявлены «паразитической» расой, виновной в поражении Германии в Первой мировой войне, «ответственной за большевизм» и т. д. Евреи по «Закону о восстановлении профессионального чиновничества» были изгнаны сначала из государственных органов, а затем и из общественных организаций[156].

15 сентября 1935 г. гитлеровское правительство издало так называемые Нюрнбергские законы. Согласно первому «Закону об имперском гражданстве» гражданами рейха объявлялись только немцы, а евреи были отнесены к второсортным «имперским подданным». По второму Нюрнбергскому «Закону об охране немецкой крови и немецкой чести» немцам было запрещено заключать браки и вступать во внебрачные связи с евреями[157]. После этого началось их постоянное преследование, вылившееся в еврейские погромы. Гонения на евреев по существу были репетицией того террора, которую нацистская верхушка намеривалась обрушить на народы других стран в ходе войны.

По мнению нацистов, немецкая «высшая раса» могла обеспечить себе успех в борьбе с другими расами за господство над миром только при условии, если она сможет очистить себя от «наследственно слабых и несостоятельных соплеменников». По «Закону о недопущении наследственно больного потомства» от 14 июля 1934 г. было стерилизовано от 350 до 400 тыс. немцев, страдавших наследственными болезнями, «врожденным слабоумием», «моральным



Командные кадры вермахта готовились в рейхсвере

Занятия в немецкой школе офицеров

слабоумием» или шизофренией[158]. С весны 1939 г. в Германии началось уничтожение неизлечимо больных детей. В ходе этой акции врачи-сотрудники отдела здравоохранения имперского министерства внутренних дел уморили ядами и голодом не менее 5200 детей[159]. С начала Второй мировой войны до августа 1941 г. по указу Гитлера ядами и в газовых камерах было умерщвлено по одним данным 70 тыс., по другим от 80 до100 тыс. страдающих различными заболеваниями — в основном престарелых немцев и немок[160]. Позднее жертвами эвтаназии стали еще около 100 тыс. человек[161].

Нацистскому режиму в ходе проведенной им «унификации» государственной системы управления, общества и его идеологической обработки в духе национал-социалистического мировоззрения удалось подчинить своей воле подавляющую часть немецкого населения. На это указывают в своих работах немецкие историки. Так, Х. Шульце пишет: «Преследование и насилие были одной стороной режима, а другой — совращение, ослепление и обольщение. Едва ли существовали социальные группы, чьи политические интересы и коллективные надежды национал-социализм не поддерживал бы и не подпитывал. На рабочий класс оказало большое впечатление предоставление работы (например, строительство автобанов), снижение уровня безработицы, улучшение социальных показателей на предприятиях и массовые акции под девизом «Сила через радость». Ремесленники и мелкие торговцы выигрывали от увеличения налогообложения ненавистных им универмагов и ужесточения практики выдачи разрешений на открытие мастерских, крестьяне — от протекционистских пошлин на сельхозпродукцию и повышения внутренних цен на сельскохозяйственные товары, промышленники — от прекращения участия рабочих в управлении предприятиями, отсутствия конфликтов из-за тарифов и роста госзаказов, прежде всего в военной промышленности. Также обстояли дела и в отношении других профессий, сословий и организаций: в какой-то мере выиграл почти каждый соотечественник — член народного сообщества, причем не только материально, но, что еще важнее, морально»[162].

Германия под нацистским руководством к началу Второй мировой войны превратилась в агрессивное государство, опиравшееся не только на террор, но и на поддержку большинства населения. Такое положение сохранялось и крепло в начальный период войны, когда Германия в ходе молниеносных войн быстро оккупировала и распространила свое господство на 11 стран Европы, понеся при этом легко восполнимые потери. Гитлеровское правительство перед нападением на СССР не сомневалось в надежности и прочности своего «внутреннего фронта».

Основными направлениями в области внутренней политики гитлеровского правительства при подготовке и ведении захватнических войн являлись расширение военно-экономического потенциала страны, строительство мощных вооруженных сил, а в области внешней политики — создание агрессивной военной коалиции. Союзникам отводилась роль помощников Германии в установлении германского господства в Европе, которое рассматривалось необходимой предпосылкой для продолжения борьбы за мировое господство.

Первым шагом гитлеровского правительства на пути к достижению этих целей явилось его решение ликвидировать ограничения в области строительства вооруженных сил, наложенных на Германию Версальским мирным договором. В октябре 1933 г. оно заявило о выходе Германии из Лиги Наций и отозвало свою делегацию с работавшей в Женеве Всеобщей конференции по сокращению и ограничению вооружений. В связи с этим глава военного концерна Г. Крупп направил телеграмму Гитлеру, в которой от имени «германской промышленности» выразил ему благодарность за решение, открывшее Германии прямой путь к вооружению[163]. Эта акция Гитлера была одобрена и командованием рейхсвера, мечтавшего о возрождении военной мощи Германии. Оно уже в 1932 г. подготовило план «А» (от нем. Aufbau — строительство), предусматривавший формирование к 1937 г. двадцати дивизий, которые должны были составить костяк 300-тысячной сухопутной армии мирного времени. План «А» был выполнен досрочно — осенью 1934 г.[164] Одновременно было развернуто строительство военно-воздушных и военно-морских сил.

2 августа 1934 г. после долгой болезни умер рейхспрезидент Гинденбург. По закону, принятому правительством днем раньше, его полномочия, в том числе и верховного главноко-

мандующего, перешли к «фюреру и рейхсканцлеру Адольфу Гитлеру». Некоторые офицеры выражали недовольство таким поворотом дела. Однако министр рейхсвера В. Бломберг быстро поставил их на место. В день смерти Гинденбурга по приказу Бломберга все военнослужащие были приведены к «освященной Богом» присяге на «беспрекословное повиновение» Гитлеру как верховному главнокомандующему. Гитлер в ответ на это в письме Бломбергу от 20 августа взял на себя обязательство «укреплять армию как единственную носительницу оружия в нашем государстве»[165]. Однако одновременно в Германии по инициативе рейхсфюрера СС Г. Гиммлера начали формироваться особо преданные фюреру кадровые воинские части, которые в ходе Второй мировой войны стали именоваться войсками СС.

В начале 1935 г. истек установленный в Версале 15-летний срок пребывания Саара под управлением администрации Лиги Наций. 13 января там был проведен плебисцит: население принимало решение — должна ли Саарская область возвратиться рейху, остаться автономной или отойти Франции. Более 90 % саарцев высказались за присоединение к нацистской Германии. Противники нацистов были вынуждены бежать из Саара. Гитлеровское правительство воспользовалось этим для того, чтобы утвердить свой курс на ремилитаризацию Германии. 16 марта 1935 г. был принят закон, по которому в Германии вводилась всеобщая воинская обязанность, число дивизий должно было возрасти до 36, а общая численность сухопутных войск достичь почти 550 тыс. человек. Германские вооруженные силы получили новое название — вермахт (нем. Wehrmacht, от Wehr — оборона, Macht — сила). Для управления сухопутными войсками было создано главное командование сухопутных войск (ОКХ от нем. Oberkommando des Heeres). В состав ОКХ был включен легализованный 1 июля 1935 г. генеральный штаб сухопутных войск, сформированный на основе управления сухопутных войск рейхсвера. Главнокомандующим сухопутными войсками вермахта стал генерал-полковник В. Фрич.

1 марта 1935 г. заново были официально созданы ранее нелегально развивавшиеся германские ВВС (нем. Luftwaffe) и главное командование военно-воздушных сил (ОКЛ от нем. Oberkommando der Luftwaffe). Главнокомандующим ВВС стал Г. Геринг, одновременно занимавший пост имперского министра авиации и другие важные посты в системе управления нацистского режима. С 1 июня 1935 г. имперский морской флот официально стал называться военно-морскими силами (Kriegsmarine), их прежнее морское командование — главным командованием военно-морских сил (ОКМ от нем. Oberkommando der Kriegsmarine), а командующий военным флотом гросс-адмирал Э. Редер стал называться главнокомандующим ВМС. Министр рейхсвера генерал-фельдмаршал В. Бломберг стал военным министром. В его функцию входило непосредственное руководство вермахтом в качестве его главнокомандующего, подчиняясь лишь Гитлеру как верховному главнокомандующему[166].

Уже с апреля 1935 г. в германских военных штабах началась разработка планов агрессии против соседних государств. Первоначально главное внимание командования вермахта было сосредоточено на Чехословакии. 2 мая Бломберг подписал директиву «Шулунг» на подготовку нападения на эту страну. В директиве просматривались некоторые положения, ставшие типичными для германского стратегического планирования второй половины 1930-х гг. и пресловутой концепции «молниеносной войны»: нападение и развитие успеха наступления в форме стремительного удара основной массой самых боеспособных соединений против слабого противника (в данном случае против Чехословакии) на одном стратегическом фронте и ведение, если в этом возникнет необходимость, «чисто оборонительных боев» минимальным количеством войск против сильного противника (в данном случае против Франции)[167]. Эти положения в дальнейшем уточнялись. Во время военной игры в конце ноября 1936 г. наряду с массированным применением танков, моторизованных и других соединений сухопутных войск предусматривалось нанесение по Чехословакии удара с воздуха силами авиации. Однако немецкое командование, в распоряжении которого на рубеже 1935–1936 гг. имелось ограниченное число дивизий, решило из-за недостатка сил отложить на время осуществление этого агрессивного плана.

26 августа 1936 г. Гитлер в секретном «Меморандуме о задачах четырехлетнего плана» поставил задачу: «I. Немецкая армия через четыре года должна быть боеготовой. II. Не-

мецкая экономика через четыре года должна быть готовой к войне»[168]. В этом меморандуме принятие четырехлетнего плана подготовки к войне объяснялось необходимостью защитить Европу от якобы нависшей угрозы большевизма. Гитлер хотел таким образом замаскировать свои агрессивные замыслы против СССР. Геринг, занимавший тогда пост «комиссара по распределению сырья и валюты», ознакомив с содержанием меморандума Гитлера членов правительства, подчеркнул, что «война с Россией неизбежна»[169].

На состоявшемся в сентябре 1936 г. съезде нацистской партии, который одобрил четырехлетний план подготовки к войне, Гитлер заявил: «Если бы Урал со своими многочисленными сырьевыми запасами, Сибирь с ее богатыми лесами и Украина с ее неизмеримыми площадями под зерновыми культурами находились в подчинении Германии, под руководством национал-социалистов, то немцы жили бы в изобилии. Мы стали бы производить столько, что каждый немец имел бы для жизни более чем достаточно»[170]. С этого времени нацистская пропаганда стала внушать немцам, что только завладев советскими землями, они смогут обеспечить себе и своим детям безбедное существование.

Вскоре после установления своей власти в Германии нацистское руководство приступило к внешнеполитической подготовке к войне. Основное место в ней отводилось созданию агрессивной военно-политической коалиции. Принцип отбора союзников состоял не только в том, что нацисты видели в них таких же, как они сами, врагов марксизма, буржуазного демократизма и либерализма и т. д., а прежде всего в том, чтобы они, независимо от политической ориентации и расовой принадлежности, выступали за ревизию Версальской системы и были готовы поддержать Германию в предстоящей войне против СССР.

Одним из первых шагов Гитлера в этом направлении было подписание, по совету Муссолини, 26 января 1934 г. германо-польской «Декларации о необращении к силе»[171]. Декларация, содержавшая утверждения о желании гитлеровского правительства способствовать установлению «всеобщего мира в Европе», в действительности рассматривалась в Берлине в контексте подготовки к нападению на СССР. У Розенберга и ряда других представителей нацистской верхушки в то время вызревали замыслы привлечения Польши к агрессии на Востоке с целью раздела территории СССР и других стран, расположенных к северу от Черного моря[172]. Эти замыслы одобрялись руководством Италии. Один из активных функционеров Комитета действий за универсализацию Рима (организации, претендовавшей на создание фашистского интернационала), Э. Инзаботто, выступил в роли посредника в германо-польских переговорах. От него в Берлине узнали о желании правительства Ю. Пилсудского проложить Польше коридор к Черному морю и установить совместную границу с Венгрией, объединить под эгидой Польши территории от Финляндии до Турции. Инзаботто рекомендовал гитлеровскому правительству заключить союз с Польшей, направленный против СССР, намекая на возможность присоединения к нему впоследствии Италии[173]. В Варшаве планы раздела европейской части СССР выглядели следующим образом: Польша должна была получить Украину, а северо-западные районы России — стать немецкой колонией»[174].

Гитлер, однако, в то время не собирался начинать вместе с Польшей поход против СССР. Польшу он рассматривал лишь как «временную попутчицу» в борьбе против предпринимавшихся попыток СССР и Франции создать «Восточный пакт» — региональное соглашение между государствами Восточной Европы и Германией, участники которого должны были взаимно гарантировать нерушимость границ и оказывать друг другу помощь в отражении агрессии. Гитлер и польский министр иностранных дел Ю. Бек разделяли мнение, что «Восточный пакт» преследует цель «окружить Германию» и «изолировать Польшу». Оба заявляли о своей решимости «не допустить обесценивания германо-польского протокола от 26 января 1934 г. коллективными договорами»[175] и совместно торпедировали идею создания «Восточного пакта».

Итальянское правительство в то время поддерживало нацистскую идею о расширении германского «жизненного пространства» на Востоке, прежде всего, потому что опасалось развертывания германской экспансии в южном направлении. Оно рассматривало Австрию, за присоединение которой к Германии нацисты выступали еще до прихода к власти, как

барьер на пути проникновения Германии в «свою сферу» влияния — бассейн Средиземного моря и Балканы[176]. Кроме того, оно не исключало, что, присоединив Австрию, гитлеровское правительство предъявит права и на входивший ранее в ее состав Южный Тироль. Позицию Италии в отношении «австрийской проблемы» поддержало и руководство хортистской Венгрии, надеявшееся на поддержку итальянскими фашистами планов создания «Великой Венгрии» за счет присоединения части земель соседних стран — Чехословакии, Румынии, Югославии. Хортисты выражали опасения, что подрывная деятельность нацистов в Австрии подтолкнет ее в руки Малой Антанты, стоявшей на пути к осуществлению их захватнических замыслов[177]. 17 марта 1933 г. по инициативе Муссолини в Риме был подписан ряд соглашений о политическом и экономическом сотрудничестве Австрии, Венгрии и Италии (так называемые «Римские протоколы») с целью не допустить усиления германского влияния в странах Дунайского бассейна[178].

19 июня 1933 г. австрийское правительство запретило деятельность нацистской партии и уволило ее членов из австрийских вооруженных сил. Часть австрийских нацистов после этого укрылась в Германии. Там эти «беженцы» с помощью германских властей объединились в воинские формирования и вошли в состав германских СС[179]. Оставшиеся в Австрии нацисты продолжали вести подрывную деятельность, получая из Германии литературу и оружие. В связи с этим в начале 1934 г. итальянское правительство предупредило гитлеровское правительство, что если оно не изменит свою политику в отношении Австрии, то Италия встанет на путь сотрудничества с Францией[180]. По указанию Муссолини была развернута антигерманская пропаганда, в которой Германия обвинялась в проведении «кастовой, шовинистической и империалистической политики»[181].

Гитлер решил сгладить противоречия с Италией. Он обратился к Муссолини с просьбой о встрече, которая состоялась в Венеции 14—15 июня 1934 г. Гитлер предложил убрать с поста австрийского канцлера Э. Дольфуса, отменить в Австрии запрет нацистской партии и заверил Муссолини в том, что «аншлюс не является неотложным делом»[182]. Муссолини выслушал Гитлера, но не одобрил, а лишь обещал принять к сведению его мнение.

Однако Гитлер, вернувшись в Берлин, заявил, что переговоры с Муссолини прошли с «большим успехом» и «из-за Австрии с Италией не возникнет нового конфликта»[183].

По указанию из Берлина 25 июня эсэсовцы сформированной в Германии воинской части захватили в Вене правительственное здание и убили Дольфуса. Однако австрийские власти сумели остаться хозяевами положения. Муссолини же, получив известие о путче в Вене, направил войска к границе с Австрией, на Бреннерский перевал. Итальянская пропаганда заклеймила гитлеровское правительство как «клику убийц»[184]. В ответ в Германии была развернута пропаганда против итальянского фашизма, которому напоминалось о его кровавых преступлениях на пути к захвату власти, выдвигались обвинения в попытках превратить Австрию в вассальное государство[185].

Итальянское руководство понимало, что гитлеровцы не откажутся от захвата Австрии и сделают это, как только создадут мощные вооруженные силы. По расчетам итальянского посольства в Берлине, на это должно было уйти около двух лет. Муссолини решил использовать это время для осуществления давно задуманного захвата Эфиопии (Абиссинии).

В Париже и Лондоне знали об этом замысле Муссолини. Но не собирались защищать Эфиопию. Правительство Франции заверило его в своей «незаинтересованности в Эфиопии»[186]. Это был подтверждено в ходе состоявшихся 4—7 января 1935 г. итало-французских переговоров.

Во время спора с Гитлером из-за Австрии Муссолини удалось склонить на свою сторону и правительство Англии, которое было озадачено введением в марте 1935 г. всеобщей воинской обязанности в Германии. В Стрезе 11—14 апреля 1935 г. состоялись англо-франко-итальянские переговоры, в ходе которых представители трех держав заявили о своем согласии «противодействовать одностороннему расторжению договоров, которые могли бы поставить под угрозу мир в Европе». Так называемый «фронт Стрезы» должен был бы воспрепятствовать захвату Германией Австрии и ремилитаризации Рейнской зоны. Вместе с тем, этот «фронт»

не предусматривал предотвращения итальянской агрессии в Северо-Восточной Африке. 3 октября 1935 г. итальянские войска вторглись в Эфиопию. Но только СССР последовательно выступил с осуждением агрессора. Открыто поддержали итальянскую агрессию в Африке Германия, Австрия, Венгрия и Албания.

В мае 1935 г. длившиеся долгое время советско-французские переговоры о «Восточном пакте» были прекращены. Вместо этого было заключено советско-французское соглашение о взаимной помощи. Вслед за Францией такой же договор с СССР подписало правительство Чехословакии. Однако ни эти договоры, ратификация которых под разными предлогами затягивалась французским парламентом, ни «Римские протоколы», ни «фронт Стрезы» не были эффективными из-за непоследовательной позиции правительств Англии и Франции, не говоря уже об Италии и Венгрии.

Английское правительство вопреки взятому на себя в Стрезе обязательству противодействовать нарушению Германией международных договоров подписало 6 июня 1935 г. англо-германское морское соглашение, согласно которому Великобритания в нарушение Версальского мирного договора предоставила Германии право иметь флот, тоннаж которого должен был ставить 35 % английского военно-морского флота. Вслед за этим соглашением германские верфи были обеспечены заказами на строительство боевых кораблей по меньшей мере на 10 лет.

Во время итальянской агрессии против Эфиопии началось итало-германское сближение. 6 января 1936 г. в ответ на «благожелательный нейтралитет» гитлеровского правительства Муссолини объявил «фронт Стрезы раз и навсегда утратившим свое значение»[187], а 22 февраля сообщил германскому послу в Риме, что Италия не будет выполнять заключенный в 1925 г. в Локарно гарантийный Рейнский пакт, по которому она вместе с Англией взяла на себя обязательство не допускать нарушения установленной в Версале демилитаризованной Рейнской зоны[188]. 7 марта эта зона, территория которой могла быть использована в качестве плацдарма для нападения на Францию, была занята немецкими войсками. Правительство Франции отказалось от принятия к Германии «мер чисто военного порядка» и обратилось в Совет Лиги Наций с просьбой оказать на нее «коллективное международное воздействие» как на нарушительницу договоров. Совет Лиги под влиянием позиции Англии, выступившей против применения каких-либо санкций к Германии, ограничился констатацией нарушения Германией своих договорных обязательств[189].

Только после ремилитаризации Рейнской зоны французский сенат 27 марта завершил процесс ратификации советско-французского договора о взаимопомощи. Однако этот договор оказался пустым. Ни одно из французских правительств, менявшихся до начала Второй мировой войны, не приняло предложение советского правительства дополнить его военной конвенцией, в которой были бы четко определены действия вооруженных сил двух стран в случае нападения на одну из них Германии и ее союзников.

Безнаказанно ликвидировав демилитаризованный статус Рейнской зоны, гитлеровское правительство почувствовало себя более уверенно. К тому времени оно уже взяло курс на сближение с японскими милитаристами, вынашивавшими, как было известно нацистам, планы захвата советской территории. В апреле 1934 г. японский посол в Берлине Нагаи в разговоре с германским министром иностранных дел фон Нейратом заявил: «Германия и Япония являются бастионом против большевизма, и на этой основе уже оформилась общность германо-японских интересов»[190]. Подтверждением тому были донесения в Берлин германского посла в Токио Г. Дирксена о том, что в случае войны Германии с СССР Япония непременно нанесет Советскому Союзу удар в спину[191].

Однако на пути к установлению тесного военно-политического сотрудничества Германии и Японии препятствием являлось столкновение их империалистических интересов в Азии и на Тихом океане. Гитлеровское правительство не могло так просто смириться с тем, что Япония, участвуя вместе с другими державами Антанты после Первой мировой войны в дележе заморских владений Германии, захватила сферу ее влияния в Китае и принадлежавшие ранее ей Маршалловы, Марианские и Каролинские острова. К тому же германские

концерны вновь включились в конкурентную борьбу в Китае. В начале 1930-х годов там уже действовало 350 немецких фирм. Еще ранее, в конце 1920-х, сложилось сотрудничество Германии с режимом Чан Кайши. Германия стала главным поставщиком оружия и военных советников для гоминдановской армии. Это сотрудничество продолжалось и после установления нацистского режима в Германии. К 1936 г. по объему экспорта в Китай Германия среди европейских стран перешла с седьмого на третье[192].

Стремление японских милитаристов к господству в Китае не отвечало интересам захвативших там прочные экономические позиции германских монополий. Тем не менее именно Япония явилась той державой, с которой германское руководство начало активную деятельность по вербовке союзников. Подготовить почву для заключения германо-японского союза Гитлер осенью 1934 г. поручил своему советнику Г. Риббентропу, присвоив при этом ему ранг «уполномоченного по внешнеполитическим вопросам при штабе заместителя фюрера Р. Гесса» и «чрезвычайного и полномочного посла Третьего рейха». Однако в ходе тайных, в обход обычных дипломатических каналов, переговоров выяснилось, что для подписания договора о военном союзе в его классической форме время еще не пришло. Германия и Япония не были тогда готовы вступить в войну против СССР. Поэтому по предложению немецкой стороны в мае 1935 г. было решено сначала зафиксировать солидарность Германии и Японии против СССР в форме соглашения против Коммунистического интернационала[193].

Так было положено начало заговору против СССР германских нацистов с японскими милитаристами.

17 июля 1936 г. вспыхнул профашистский военный мятеж в Испании, целью которого была ликвидация в стране республиканского строя. Мятежники во главе с генералом Ф. Франко обратились за помощью к Германии и Италии. Эта просьба была удовлетворена. Замысел Гитлера, по его словам, состоял в том, чтобы после окончания гражданской войны на внешнюю политику Испании не оказывали бы воздействие ни Париж, ни Лондон, ни Москва, чтобы «в неизбежной и окончательной борьбе за новый порядок Испания оказалась бы не на стороне врагов Германии, а только ее друзей»[194]. Совместные преступления германских и итальянских интервентов в Испании способствовали дальнейшему сближению нацистской Германии и фашистской Италии.

Летом 1936 г. продвинулись вперед и германо-японские переговоры. По предложению японской стороны было принято решение о дополнении соглашения о борьбе против Коминтерна секретной военной конвенцией.

Взяв курс на сближение с Италией и Японией, враждебно настроенными не только к СССР, но и к Великобритании, Гитлер, видимо, сожалел, что ему не удалось вовлечь и ее в русло своей политики. 11 августа 1936 г. он направил послом в Лондон Риббентропа, поставив ему «сверхзадачу». «Риббентроп, — заявил он,— привезите мне союз с Англией»[195]. Но компромисс был возможен только с частью тех влиятельных кругов, которые, закрыв глаза на угрозу расширения германской агрессии в Европе, стремились направить ее против СССР. В правительстве же по этому вопросу единства не было. Сдавать Германии основные позиции в Европе и превращаться в ее сателлита Великобритания не собиралась. Гитлер и сам не верил в успех миссии Риббентропа. В секретном меморандуме об экономической подготовке к войне от 26 августа 1936 г. он среди государств, «устойчивых по отношению к коммунизму», назвал наряду с Германией лишь Италию и Японию. Все прочие капиталистические державы, в том числе и Англию, он отнес к разряду «зараженных марксизмом», неспособных вести успешную борьбу против Советской России и поэтому «обреченных на гибель»[196].

21 сентября 1936 г. в Берлин из Токио поступило сообщение о том, что проекты германо-японских соглашений одобрены японским правительством. Это известие стимулировало принятие Гитлером решения об установлении более тесного взаимодействия также и с Италией. 23 сентября 1936 г. он направил в Рим своего эмиссара Г. Франка для ведения секретных переговоров с Муссолини. Франк передал Муссолини предложение Гитлера впредь строить межгосударственные отношения двух стран на основе признания Германией Средизем-

ного моря итальянской сферой влияния в ответ на признание Италией Балтийского моря германской сферой влияния. Гитлер через Франка передал Муссолини также приглашение посетить Германию. Муссолини был чрезвычайно удовлетворен этими сообщениями. Приняв приглашение посетить Германию, он, однако, предложил, чтобы германское правительство сначала приняло для ведения переговоров его зятя Г. Чиано, недавно занявшего пост министра иностранных дел[197].

Чиано прибыл в Берлин 21 октября 1936 г., где его принял германский министр иностранных дел К. Нейрат. 23 октября они поставили свои подписи под подготовленным ими конфиденциальным «Берлинским протоколом», явившимся первым официальным актом установления германо-итальянского союза. Согласно протоколу, Германия признавала захват Италией Эфиопии при условии, что Италия распространит действие торгово-экономических соглашений с Германией на свои колониальные владения, в том числе и на Эфиопию. Италия обязалась проводить в Лиге Наций выгодную для Германии политику, в частности поддерживать ее «усилия, направленные на получение колоний». Обе стороны согласились расширять военную помощь путчистам в Испании и де-факто признать их правительство, согласовывать политику по отношению к Англии и Франции. В протоколе содержались утверждения об «угрозе коммунизма миру и безопасности в Европе», фиксировалось взаимное обязательство «всеми силами бороться против коммунистической пропаганды»[198].

24 октября Чиано и Нейрат были приняты Гитлером. Гитлер подтвердил, что признает Средиземное море сферой влияния Италии, сообщил о готовности продолжать начатый им курс на сближение с Японией и о расчете начать совместно с Италией через три (1939) года, максимум через пять лет войну против «демократий»[199].

В своем публичном выступлении 1 ноября 1936 г. Муссолини уже говорил о «вертикали Берлин — Рим», подобной оси, вокруг которой должны будут группироваться другие европейские страны[200]. С того времени сотрудничество Германии и Италии стало называться «осью Берлин — Рим», а их участники — державами «оси».

18 ноября Япония признала захват Италией Эфиопии, а Италия и Германия официально признали руководителя мятежников генерала Ф. Франко главой испанского национального правительства. После этого германо-итальянская интервенция в Испании приобрела качественно новый характер: на помощь мятежникам стали направляться крупные формирования регулярных войск.

25 ноября 1936 г. в Берлине были подписаны германо-японское «Соглашение против Коммунистического интернационала» и дополнительный протокол к нему. В этих документах говорилось о «подрывной деятельности Коминтерна, угрожающей не только спокойствию и социальному строю», но и «миру во всем мире». Стороны обязались в течение ближайших пяти лет «поддерживать сотрудничество в деле обмена информацией о деятельности Коммунистического интернационала», принимать «строгие меры против лиц, прямо или косвенно внутри страны или за границей стоящих на службе Коммунистического интернационала». В целях обеспечения такого рода сотрудничества в дополнительном протоколе объявлялось о намерении создать постоянную германо-японскую «антикоминтерновскую комиссию».

Одновременно в Берлине было подписано германо-японское «Дополнительное секретное военное соглашение». В нем договаривающиеся стороны обязались «не предпринимать каких-либо мер, которые могли бы способствовать облегчению положения Союза Советских Социалистических Республик» в случае его «неспровоцированного нападения» на Германию или Японию, а также «без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения»[201].

Так возник «Антикоминтерновский пакт». При его подписании германский МИД заявил, что этот пакт является «оборонительным мероприятием с внутренним защитным характером», «не имеющим никакой союзной направленности». То, что на самом деле этот пакт был направлен на объединение государств, заинтересованных в уничтожении СССР, Риббентроп признал уже после того, как оказался в числе подсудимых на Нюрнбергском

процессе. В мемуарах он писал: «Разумеется, Антикоминтерновский пакт скрывал в себе и политический момент, причем момент этот был антирусским, потому что носителем идеи Коминтерна являлась Москва»[202].

О том, что «Антикоминтерновский пакт» своим острием был направлен именно против СССР, что он предназначался отнюдь не для оборонительных целей, свидетельствуют факты. Известно, что под руководством созданной в Берлине «антикоминтерновской комиссии», в состав которой был включен японский посол в Берлине Х. Осима, было организовано изготовление антисоветских листовок, которые затем с помощью воздушных шаров забрасывались из Польши на территорию СССР, предпринимались также попытки распространения антисоветских пропагандистских материалов в Крыму с территории Румынии. Осима был инициатором переброски в 1937–1938 гг. в СССР десяти террористов-белоэмигрантов с заданием убить Сталина. Однако они были обезврежены органами государственной безопасности СССР[203].

После заключения германо-японского «Антикоминтерновского пакта» итало-фашистское руководство выразило готовность сотрудничать с Германией и Японией в «организации совместной работы в сфере большевизма» и «в смысле раздела Советского Союза»[204]. Тогда гитлеровское правительство приняло решение включить Италию в «Антикоминтерновский пакт» в надежде на то, что это ослабит ее сопротивление аншлюсу Австрии. 6 ноября 1937 г. в Берлине был подписан протокол о присоединении Италии к «Антикоминтерновскому пакту» в качестве одной из сторон, «первоначально его подписавших». Этот протокол был признан Германией и Японией «равноценным подписанию оригинального текста упомянутого Пакта и дополнительного протокола»[205]. Однако от Муссолини было скрыто существование направленного против СССР германо-японского дополнительного секретного военного соглашения.

С объединением Германии, Италии и Японии в рамках «Антикоминтерновского пакта» завершился первый этап формирования блока трех агрессивных держав.

Заключение «Антикоминтерновского пакта» стимулировало расширение японской агрессии. В июле 1937 г. Япония развернула широкомасштабную войну против Китая. Чтобы теснее привязать ее к Германии, Гитлер 20 февраля 1938 г. объявил в рейхстаге о признании правительством марионеточного государства Маньчжоу-Го. Это решение, способствовавшее укреплению позиций Японии в войне против Китая, он пытался обосновать тем, что якобы ее «поражение в Восточной Азии никогда не принесло бы пользы ни Европе, ни Америке, а лишь большевистской России»[206]. Затем в апреле 1938 г. гитлеровское правительство по требованию японского правительства прекратило продажу оружия Китаю и отозвало оттуда своих военных советников. В ответ на это китайское правительство объявило бойкот торговле с Германией, запросило у СССР помощь оружием и военными советниками. Эта просьба, естественно, была удовлетворена.

После заключения «Антикоминтерновского пакта» возросла агрессивность и нацистской верхушки в Германии. Тому же способствовало продолжавшееся наращивание германской военной силы. На рубеже 1937–1938 гг. в Германии были развернуты уже 42 дивизии, в том числе семь танковых и моторизованных, общая численность сухопутных войск достигла 800 тыс. человек. Значительно возросли их подвижность и огневая мощь. На случай войны было предусмотрено формирование еще 25 дивизий и доведение общей численности сухопутных войск до 3 млн человек. В германских ВВС к тому времени было 2 тыс. самолетов[207]. В связи с этим Гитлер все больше склонялся к достижению своих внешнеполитических целей силой. 5 ноября 1937 г. он на созванном им совещании с военным министром В. Бломбергом, главнокомандующими сухопутными войсками, военно-воздушными и военно-морскими силами — В. Фричем, Г. Герингом и Э. Редером, а также с министром иностранных дел К. Нейратом объявил о намерении начать большую войну с нападения на Францию, а до этого в ближайшее время быстро захватить Австрию и Чехословакию, для того чтобы исключить фланговую угрозу во время наступления на Западе. Наряду с Францией Гитлер назвал «заклятым врагом» и Англию. Он указал на ослабление английских позиций в Восточной Азии, на падение престижа Англии в Северной Африке в результате захвата Италией

Эфиопии и выразил уверенность в том, что Германия сумет силой забрать у нее утраченные в годы Первой мировой войны немецкие заморские владения[208].

Такое решение Гитлера было неожиданным для участников совещания, поскольку они знали, что Германии, прежде чем она сможет бросить вызов бывшим своим сильным противникам по Первой мировой войне, предстоит еще много сделать для наращивания военной мощи. Они не хотели повторения поражения Германии в 1918 г. Гитлер же настаивал на своем, называя «нытиками» тех, кто его не поддерживал.

Для того чтобы еще больше укрепить свою власть над вооруженными силами, Гитлер 4 февраля 1938 г. издал указ, в котором объявил, что берет на себя непосредственное командование вермахтом[209]. В соответствии с этим была проведена реорганизация его высших руководящих инстанций. Бломберг был отправлен в отставку, а военное министерство ликвидировано. Вместо него было создано верховное командование вермахта — ОКВ (от нем. Oberkommando der Wehrmacht), которое фактически стало военным штабом Гитлера. Начальником ОКВ Гитлер назначил в ранге министра В. Кейтеля, который оставался на этом посту вплоть до капитуляции Германии в мае 1945 г. Важнейшей частью ОКВ стало управление (с 8 августа 1940 г. — штаб) оперативного руководства (нем. Wehrmachtführungsamt des OKW). Начальником этого штаба вплоть до конца войны в Европе был А. Йодль. Отставку получил Фрич. Вместо него главнокомандующим сухопутными войсками стал В. Браухич. В ходе «чистки» вермахта с февраля по сентябрь 1938 г. Гитлер снял с занимаемых должностей 60 генералов, оставив на местах или повысив в должности только тех, кого в то время не смог заподозрить в нелояльности[210].

За критическое отношение к военным замыслам Гитлера лишился поста имперского министра иностранных дел Нейрат. 4 февраля его место занял И. Риббентроп, который вернулся из Англии, так и не преуспев в попытках выполнить наказ Гитлера сделать ее союзницей Германии.

Практически беспрепятственный ввод немецких войск в Австрию 12 марта 1938 г. и включение ее уже на следующий день в состав рейха укрепили стратегические позиции Германии перед нападением на Чехословакию. Эту акцию Гитлер и его генералы намеревались осуществить при подходящем «внешнем поводе». Такой повод предполагалось создать, организовав убийство своего же немецкого посла в Праге[211]. Однако в эти планы вмешался Муссолини. В ответ на захват (аншлюс — присоединение) Германией вопреки его желанию Австрии он взял курс на сближение с Англией. 16 апреля 1938 г. между правительствами Италии и Англии было заключено соглашение о том, что Англия признает захват Италией Эфиопии сразу после вывода итальянских войск из Испании[212]. Это соглашение должно было вступить в силу после утверждения английским парламентом.

В мае 1938 г., когда в Риме ожидали этого события, туда с визитом прибыл Гитлер со своей свитой. Главная цель этого визита заключалась в том, чтобы склонить Италию к заключению военного союза и тем самым укрепить внешнеполитические позиции Германии перед предстоящим нападением на Чехословакию. Риббентроп вступил в переговоры с Чиано и представил ему подготовленный в Берлине текст договора о союзе, который, однако, был отвергнут. «Муссолини, — как отмечал в своем дневнике статс-секретарь германского МИДа Вайцзеккер, — ответил пощечиной — импровизированным проектом договора, который походил больше на заключение мира с противником, нежели на пакт верности с другом. Мы возвратили этот абсолютно негативный проект и без всякого соглашения снова отправились на север»[213].

Однако это не означало, что визит в Рим был напрасен. Муссолини заявил Гитлеру о своей «незаинтересованности» в Чехословакии, а также о намерении несколько позднее вступить в борьбу с Францией за Тунис[214].

Тем временем германский министр иностранных дел И. Риббентроп совместно с Х. Осимой, назначенным в августе 1938 г. японским послом Берлине, приступили к подготовке проекта договора о заключении сроком на пять лет германо-итало-японского военного союза — «Пакта о консультациях и взаимопомощи», который для краткости стал имено-

ваться Тройственным пактом. Его содержание сводилось к принятию договаривающимися сторонами обязательства оказывать друг другу военную помощь в случае «неспровоцированного» нападения на одну из них одного или нескольких государств[215]. В это время основные события развернулись в связи с подготовкой Германией военного захвата Чехословакии (план «Грюн») и решения Гитлера отложить его выполнение на созванной по инициативе Англии Мюнхенской конференции. Во время этой конференции проект пакта был передан Риббентропом для рассмотрения Муссолини и Чиано.

24 октября 1938 г. Риббентроп прибыл в Рим, рассчитывая заручиться согласием Муссолини на заключение пакта. Но такого согласия он не получил. Муссолини заявил, что с заключением этого пакта следует повременить до тех пор, пока не будут уточнены цели его участников в «изменении политической карты мира», и выразил несогласие с тем, что в проекте договора предусмотрено создание «чисто оборонительного альянса», в то время как ни одному из его участников никто не угрожает нападением[216].

К числу действительных причин, которые побудили Муссолини отклонить проект Тройственного пакта и о которых он умолчал в разговоре с Риббентропом, относилось его нежелание осложнять итало-английские отношения раньше, чем английский парламент ратифицирует итало-английское соглашение о признании Англией захвата Эфиопии. 15 ноября 1938 г. это соглашение было ратифицировано. Тогда итальянские фашисты загорелись желанием продолжить начатую в 1935 г. территориальную экспансию. В конце ноября 1938 г. они открыто выступили с притязаниями на часть земель Франции и ее заморских владений под лозунгом «Тунис! Джибути! Ницца! Корсика!»[217]. Не упускало из виду итальянское руководство и вопросы, связанные с германской восточной политикой. Инзаботто во время состоявшейся в ноябре 1938 г. встречи с Розенбергом поставил вопрос о «разделе Советского Союза на сферы влияния». В ходе обсуждения этого вопроса выяснилось, что «Италия хотела бы защитить свои интересы в районе Черного моря»[218].

2 января 1939 г. Муссолини сообщил в Берлин о готовности Италии заключить с Германией и Японией Тройственный пакт без каких-либо поправок в его тексте в последней декаде текущего месяца[219]. После этого Риббентроп направил курьером проект Тройственного пакта в Токио.

Гитлер к тому времени пришел к убеждению, что уже никто не сможет воспрепятствовать осуществлению его захватнических планов. Выступая 10 февраля 1939 г. перед командованием вермахта, он охарактеризовал конечные цели Германии следующим образом: «а) господство в Европе, б) мировое господство на столетия»[220].

В ожидании ответа из Токио Гитлер и Риббентроп задались целью расширить круг участников «Антикоминтерновского пакта» за счет Польши, Венгрии, Маньчжоу-Го и франкистской Испании. 24 февраля протоколы о вступлении в «Антикоминтерновский пакт» подписали Венгрия и Маньчжоу-Го. 27 марта членом этого пакта стала и франкистская Испания. Что касается присоединения Польши к «Антикоминтерновскому пакту», то здесь возникли сложности. Гитлер и Риббентроп одновременно потребовали, чтобы Польша согласилась с «возвращением» Германии свободного города Данцига, подавляющую часть населения которого составляли немцы, и предоставила Германии право на создание экстерриториальной автомобильной и железнодорожной связи между Германией и Восточной Пруссией. Эти предложения явно выдавали намерение Гитлера и Риббентропа превратить Польшу в своего сателлита. Поэтому польское правительство долгое время только и делало, что уклонялось от внятного ответа на предъявленные Гитлером и Риббентропом условия. В связи с этим в конце марте 1939 г. Гитлер принял решение разгромить Польшу так, чтобы «она уже не могла приниматься в расчет как политический фактор»[221].

В том же месяце в Берлин пришло из Токио сообщение, что японское правительство во главе с К. Хиранумой в принципе одобрило проект союзного договора, но потребовало, чтобы в нем обязательно содержалась оговорка о том, что он направлен только против СССР. Это правительство хотело заручиться помощью Германии и Италии в осуществлении своего плана захвата советской территории от Владивостока до оз. Байкал. Отказ от заключения

договора без внесения в него такой оговорки мотивировался тем, что Япония еще не готова вести эффективную войну на море против США и Англии, а также нежеланием осложнить японо-американские отношения и как следствие лишиться экспорта из США нефти, железного лома и других стратегических материалов в условиях затянувшейся войны с Китаем[222].

Подписание в Москве 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении явилось сильным ударом по антисоветским планам японских милитаристов. Обвинив гитлеровское правительство в нарушении духа «Антикоминтерновского пакта», правительство Хиранумы ушло в отставку. В Токио было образовано новое правительство во главе с генералом Н. Абэ, которое должно было внести коррективы во внешнеполитический курс Японии. Однако ни Хиранума, ни Абэ не поднимали вопроса о выходе из «Антикоминтерновского пакта», связывавшего Японию с Германией на антисоветской основе. Агрессивные планы против СССР, которые вынашивались в японских военных штабах, оставались в силе.

После Мюнхена возросла агрессивность Италии. 7 апреля 1939 г. ее войска высадились в Албании. Она была включена в состав Итальянской империи. После этого Муссолини объявил: «Кто владеет Албанией, тот владеет Балканами»[223]. Албанская территория была превращена в плацдарм для нападения на Грецию и Югославию. Но к войне против таких сильных держав, как Англия и Франция за господство на Средиземном море Италия в то время была не готова из-за большой растраты сил и средств на войну с Эфиопией и военную интервенцию в Испании. Поэтому ее руководство, наблюдая за обострением германо-польских отношений, серьезно опасалось, что нападение Германии на Польшу может привести к втягиванию Италии в войну против Англии и Франции, вести которую она была не в силах. Для того чтобы развеять эти опасения итальянского руководства, способные привести его к отказу от заключения военного союза с Германией, в Рим 16 апреля 1939 г. прибыл Геринг. Во время состоявшейся беседы с Муссолини и Чиано он заявил: «Гитлер велел мне передать вам, что против Польши ничего не планируется»[224]. На самом деле германский вермахт по приказу Гитлера уже с 3 апреля 1939 г. вел подготовку к нападению на Польшу. Далее Геринг заверил Муссолини в своем согласии с тем, что «странам оси нужны еще 2–3 года для того, чтобы они смогли хорошо вооружиться и вступить во всеобщий конфликт с перспективой победы»[225].

5 мая 1939 г. Риббентроп провел переговоры с Чиано в Милане и добился его согласия на заключение двустороннего военного соглашения, но при условии, что германское правительство не пойдет на риск развязывания «большой войны» в течение ближайших 3–5 лет[226].

22 мая 1939 г. в Берлине состоялось подписание «Пакта о дружбе и союзе между Германией и Италией» (так называемого «Стального пакта») сроком на 10 лет. В преамбуле к тексту пакта лживо утверждалось, что его участников объединили стремление к сотрудничеству в «сфере обеспечения мира в Европе», «борьба за сохранение основ европейской культуры» и т. д. Главное же место в содержании этого пакта занимали статьи, в которых говорилось о том, что если одна из договаривающихся сторон «окажется в состоянии войны с одним или несколькими государствами, то другая договаривающаяся сторона немедленно выступит на ее стороне и окажет ей поддержку всеми своими вооруженными силами на суше, на море и в воздухе». Кроме того, обе стороны обязались «в случае совместного ведения войны заключать перемирие или мир только при наличии полного согласия друг с другом»[227].

Заключив с Италией военный союз и тесно привязав ее к своей колеснице, Гитлер и Риббентроп не собирались делиться с ней своими подлинными военными планами. На другой день после заключения «Стального пакта» Гитлер на совещании с высшим командованием вермахта, посвященном предстоящему нападению на Польшу, заявил: «Сохранение тайны — решающая предпосылка успеха. Цель должна сохраняться в тайне даже от Италии и Японии»[228].

После заключения «Стального пакта» итальянское правительство продолжало считать, что нападение на Польшу таит в себе угрозу возникновения общеевропейского конфликта. Муссолини в меморандуме от 30 мая 1939 г. напомнил Гитлеру, что в начале мая во время переговоров с Риббентропом в Риме он сказал ему, что Италия готовится к войне против плутократических наций, но будет готова участвовать в ней только в 1943 г.[229] У нацистской

верхушки было иное мнение. Она была уверена в успехе и безнаказанности предстоящего разгрома Польши. Об этом стало известно Чиано лишь во время его визита в Берлин 11 августа 1939 г. Суть состоявшихся переговоров с Гитлером и Риббентропом четко изложена в дневнике Вайцзеккера. «Как и следовало ожидать, — писал он, — Чиано нажал на все регистры, чтобы удержать нас от войны с Польшей. Ответ, который он получил, был следующий: так как западные державы не вмешаются, то и вас, итальянцев, это не касается. Мы, немцы, выступим»[230]. В день нападения на Польшу, т. е. 1 сентября 1939 г., Гитлер направил Муссолини телеграмму, в которой сообщил, что «военной поддержки Италии не потребуется». Получив эту телеграмму, итальянское правительство официально заявило о «неучастии» Италии в войне[231].

Когда 3 сентября 1939 г. Англия и Франция объявили войну Германии, правительство Италии еще более укрепилось в своем решении не участвовать в вооруженной борьбе, а японское правительство во главе с новым премьер-министром Н. Абэ на следующий день выступило с заявлением о своей «незаинтересованности» в войне в Европе и намерении сосредоточить усилия на «урегулировании конфликта» в Китае[232]. Другие партнеры Германии по «Антикоминтерновскому пакту» (Венгрия, Испания, Маньчжоу-Го) также заняли нейтральную позицию. «Странная война», т. е. фактическое бездействие противостоявших на Западном фронте с 1 сентября 1939 г. до 10 мая 1940 г. друг другу германских и англо-французских войск, порождало у партнеров Германии по «Антикоминтерновскому пакту» иллюзию о возможности примирения Германии с Англией и Францией и последующем объединении Германии с ними на общей антисоветской основе. Венгерский диктатор М. Хорти 3 ноября 1939 г. направил Гитлеру письмо, в котором предложил ему свои услуги в качестве посредника в переговорах с Англией и Францией о мире, призвал его выступить в роли объединителя всех европейских армий для совместного похода на Москву[233]. Враждебность к СССР особенно сильно проявлялась у руководства Италии. Во время Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. оно выражало готовность присоединиться к Англии и Франции, готовившимся под предлогом оказания поддержки Финляндии развязать войну против СССР, призывало Гитлера повернуть оружие против СССР. В январе 1940 г. в Риме уже существовал план отторжения от СССР советской Украины с тем, чтобы лишить его доступа к Черному и Средиземному морям[234]. Сходную позицию в то время заняла и Япония. В ее прессе была развернута пропаганда об угрозе большевизации Европы и необходимости объединения всех капиталистических держав для «крестового похода» на Москву[235].

Гитлеровское правительство не прислушалось к призывам, раздававшимся из Рима и Токио. С начала Второй мировой войны оно упорно добивалось вступления Италии и Японии в войну против западных держав. Достижение этой цели оно связывало с успехами вермахта в расширении агрессии в Европе. Этот расчет стал оправдываться уже во время «битвы за Францию». Намереваясь воспользоваться поражением англо-французской коалиции в целях установления владычества на Средиземном море, итальянское правительство на правах германского союзника 10 июня 1940 г. вступило войну против Англии и Франции. Правящие круги Японии после поражения англо-французской коалиции взяли твердый курс на сближение с Германией в расчете на ее поддержку в расширении своего господства в Азии путем захвата заморских владений западных держав.

22 июля 1940 г. к власти в Японии пришло правительство во главе с принцем Ф. Коноэ. В качестве своей цели оно провозгласило создание так называемой «великой восточноазиатской сферы сопроцветания». Новый японский министр иностранных дел Ё. Мацуока заявил германскому послу в Токио, что Япония рассчитывает на поддержку Германии в борьбе за господство в «восточноазиатском пространстве», и поэтому «сближение с Германией — это ее единственный путь»[236].

В начале сентября 1940 г. возобновились прерванные в августе 1939 г. германо-японские секретные переговоры об усилении «Антикоминтерновского пакта» военным союзом Германии, Италии и Японии. На этот раз переговоры завершились заключением в Берлине 27 сентября 1940 г. трехстороннего военного союза, вошедшего в историю под названием Пакт трех держав. Япония признала «руководство Германии и Италии в деле создания нового

порядка в Европе», а Германия и Италия признали «руководство Японии в деле создания нового порядка в великом восточноазиатском пространстве». Три договаривающиеся стороны обязались всеми средствами поддерживать друг друга в случае «нападения со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и в китайско-японском конфликте». При этом было ясно, что речь идет в данном случае об СССР и США. Далее же утверждалось, что «данное соглашение никоим образом не затрагивает политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников соглашения и Советским Союзом»[237]. Однако эта оговорка служила лишь маскировкой готовившегося Германией нападения на СССР. Оценивая Пакт трех держав, Вайцзеккер на следующий день после его подписания отметил: «Оговорка о России довольно неубедительна. Будь я на месте Сталина и Молотова, то не радовался бы, что снова без предусмотренных в германо-русском соглашении консультаций возник десятилетний германо-японский союз»[238].

Оговорка о России не означала отказ Японии от ранее вынашиваемых антисоветских планов. Они только откладывались на некоторый срок. В ходе германо-японских переговоров 14 сентября бывший японский посол в Риме Т. Сиратори заявил немецкому военному атташе в Токио, что он не оставляет надежды на установление германо-японского сотрудничества в целях уничтожения России[239]. Министр иностранных дел Японии Ё. Мацуока на заседании исследовательского комитета Тайного совета 16 сентября 1940 г. заявил, что «Япония окажет помощь Германии в случае советско-германской войны, а Германия окажет помощь Японии в случае русско-японской войны»[240].

Германское руководство во время секретных переговоров с японским руководством скрывало свое враждебное отношение к СССР, характеризуя германо-советские отношения как «хорошие». В то же время в переговорах с итальянским руководством оно подчеркивало, что заключение Пакта трех держав поставит СССР перед угрозой войны на два фронта. Риббентроп во время встречи с Муссолини и Чиано в Риме 19 сентября 1940 г., вручив им уже одобренный правительством Японии текст Пакта трех держав, подчеркнул, что военный союз Германии и Италии с Японией «навсегда исключит англо-американскую помощь России в Европе. Если же Россия захотела бы примкнуть к Англии и Америке, то в таком случае ей пришлось бы в полном одиночестве нести всю тяжесть такой политики, ибо как на Западе, так и на Востоке она будет одна противостоять Германии и Японии». Риббентроп при этом хвастливо заявлял, что германский вермахт якобы в «любой момент может уничтожить русскую армию»[241]. Муссолини дал согласие на вступление Италии в этот пакт, выразив удовлетворение тем, что он базируется на «старой антикоминтерновской тенденции».

Заключение Германией и Италией военного союза с Японией, давно вынашивавшей планы захвата советской Сибири вплоть до озера Байкал, уже само по себе создавало для СССР угрозу в какой-то момент оказаться в тисках двух фронтов: с Германией и Италией — на западе и Японией — на востоке. Однако Гитлер и его генералы после разгрома Франции не видели необходимости привлекать к участию в походе против СССР Италию и Японию. Они были полностью уверены в том, что им удастся сокрушить Советский Союз собственными силами в ходе одной молниеносной кампании. Своим союзникам по Пакту трех держав они изначально отводили роль прикрытия Германии в ходе этой кампании с флагов и тыла. Италия создавала угрозу Великобритании и отвлекала на себя ее силы в Средиземноморском бассейне, а Япония — силы Великобритании и США на Тихом океане.

Военная кампания в Польше, сокрушительное поражение Франции и англо-французской коалиции показали, что за шесть предвоенных лет Германия, которой по Версальскому договору запрещалось иметь танки, тяжелую артиллерию, самолеты, противотанковую артиллерию и т. д., превратила свои вооруженные силы в сильнейшую армию мира. Во многом это явилось результатом политики умиротворения, которую проводили Великобритания, Франция и США в предвоенные годы, их финансовой помощи «первоначальному накоплению» Германией военно-промышленного потенциала.

После капитуляции Франции политическое и военное руководство Третьего рейха в качестве своей главной цели поставило уничтожение СССР. При этом оно, опьяненное легкой

победой вермахта на его Западном фронте, не усматривало трудностей в достижении этой цели уже в текущем 1940 г. Начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер 3 июля 1940 г. по собственной инициативе до получения соответствующего распоряжения Гитлера поручил начальнику своего оперативного отдела полковнику Г. Грейфенбергу приступить к изучению вопроса о «нанесении России военного удара», который «вынудил бы ее признать господствующую роль Германии в Европе»[242].

21 июля на совещании у Гитлера главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал В. Браухич выступил с докладом о своих соображениях по этому же вопросу. Он заявил, что в Красной армии насчитывается якобы только 50–70 «хороших дивизий» и поэтому для ее разгрома потребуется не более 80–100 немецких дивизий, на сосредоточение и развертывание которых у советской границы уйдет всего 4–6 недель. Гитлер принял этот доклад к сведению и распорядился продолжить планирование[243].

Для ускорения разработки более детального плана нападения на СССР Гальдер прикомандировал к генштабу начальника оперативного отделения 40-го корпуса подполковника Г. Фейерабенда и начальника штаба 18-й армии генерал-майора Э. Маркса, слывшего среди немецких офицеров крупным «специалистом по России». В последние дни июля Грейфенберг, Фейерабенд и Маркс представили Гальдеру свои первые варианты организации наступления. Все они сходись в том, что 80–100 немецких дивизий, развернутых на северном и южном участках Восточного фронта, будет достаточно, чтобы в ходе концентрического наступления в течение нескольких недель разгромить Красную армию. При этом они высказывались за сосредоточение и развертывание основной массы соединений на южном участке фронта для нанесения главного удара в направлении на Киев с последующим поворотом на север с целью овладеть Москвой. Для развертывания немецких войск на главном направлении предлагалось использовать румынскую территорию[244]. Гальдер отверг эти первые наброски плана войны против СССР. По его мнению, планировать нанесение главного удара на южном участке фронта было нецелесообразно по нескольким причинам: из-за того что препятствием для развития успеха в глубину являются такие крупные водные преграды, как Днестр и Днепр, а так же из-за отсутствия политических предпосылок для установления военного сотрудничества с Румынией. А главное, что не устраивало Гальдера, так это слишком длинный обходный путь для овладения Москвой ударом с юга. Он считал, что чем короче будет путь к Москве, тем быстрее удастся захватить ее и одержать победу над СССР. Ему больше импонировала идея развертывания самой мощной стратегической группировки в оккупированной Польше для прямого наступления через Минск на Москву. После захвата Москвы она должна была бы повернуть на юг с тем, чтобы выйти в тыл советским войскам на Украине и заставить их сражаться с перевернутым фронтом[245]. Такие действия вермахта, по мнению Гальдера, должны были бы обеспечить быстрый успех всей кампании против СССР.

В начале июля 1940 г. в планирование войны против Советского Союза включилось также управление (с августа 1940 г. — штаб) оперативного руководства верховного командования вермахта (ОКВ). Его начальник генерал-полковник А. Йодль был не согласен с теми соображениями, которые 21 июля были изложены Браухичем на совещании у Гитлера. Он считал, что для разгрома Красной армии понадобятся не 80–100, а 120 дивизий, что для их сосредоточения и развертывания на Восточном фронте потребуются не 4–6 недель, а примерно четыре месяца, что приведет к задержке с переходом в наступление и возникновению трудностей из-за осенней распутицы и зимних холодов. Йодлю 29 июля удалось переговорить с Гитлером и убедить его перенести начало нападения на СССР на следующий год[246].

Возникшие разногласия среди немецких военачальников были сняты Гитлером на совещании 31 июля, где присутствовали Браухич, Гальдер, Кейтель и Йодль. Гитлером было принято решение о нападении на СССР не в 1940 г., а в мае 1941 г. Им же был установлен срок «уничтожения жизненной силы России» — пять месяцев, т. е. до наступления осенней распутицы. Гитлер ориентировал участников совещания на разгром Красной армии в ходе «одного стремительного удара». Он же сформулировал следующие основные элементы

оперативно-стратегического замысла: «1. Удар на Киев с примыканием фланга к Днепру. Люфтваффе разрушает переправы у Одессы; 2. Удар по окраинным государствам в направлении Москвы. В заключение — массированные удары с севера и юга. Позднее — частная операция по захвату нефтяного района Баку». Вопрос о направлении главного удара — на Москву или Киев — он оставил открытым[247].

Гитлер поставил задачу довести общую численность дивизий в вермахте до 180 и согласился с предложением Йодля выделить из них для нападения на СССР 120 дивизий. Ближайшая цель борьбы за расширение германского «жизненного пространства» на Востоке, по его мнению, должна была заключаться в захвате Украины, Белоруссии и Прибалтики. Привлечь Финляндию к участию в антисоветской агрессии Гитлер хотел обещанием передать ей часть советской территории к северу от Белого моря[248]. На основании этих указаний фюрера началась работа по составлению новых планов войны на Востоке в генеральном штабе сухопутных войск и управлении оперативного руководства ОКВ.

Гальдер поручил Э. Марксу составить такой план, в котором предусматривалось бы нанесение главного удара не на киевском, а на московском направлении. Такой план под условным названием Оперативный проект «Ост» Маркс представил 5 августа 1940 г. Проект начинался с формулировки цели предстоящей кампании — «Разбить русские вооруженные силы и лишить Россию возможности на обозримом отрезке времени выступить в качестве противника Германии»[249]. После разгрома Красной армии намечалось отнять у СССР Украину с ее промышленностью, богатыми продовольственными и сырьевыми ресурсами, Донецкий бассейн и промышленные центры Москвы и Ленинграда. В проекте подчеркивалось особое значение Москвы как «экономического, политического и духовного центра СССР» и на этом основании делался вывод о том, что овладение им «разрушит целостность русской державы»[250].

Конечный рубеж наступления немецких войск устанавливался на линии Дон — Волга — Северная Двина. Этого, по мнению Маркса, было достаточно для того, чтобы поставить советское руководство в безвыходное положение и капитулировать.

В проекте Маркса учитывалось, что западные области СССР, где будут разворачиваться военные действия, разделены неудобными для наступления Припятскими болотами «на два изолированных операционных пространства», и соответственно предлагалось вести наступление в двух направлениях силами двух групп армий. Группа армий «Север» должна была нанести удар из Северной Польши и Восточной Пруссии на Москву, а группа армий «Юг» — из Галиции и Южной Польши на Киев, к среднему течению Днепра. Ударные силы немецких войск намечалось использовать прежде всего на московском направлении. Они должны были, как и настаивал на этом Гальдер, «прямым ударом по Москве разбить и уничтожить главные силы русской северной группы» в Белоруссии, «овладеть Москвой и Северной Россией», затем повернуть фронт на юг, чтобы во взаимодействии с южной немецкой группой занять Украину. В конце победоносной кампании немецкие войска должны были выйти на рубеж Ростов — Горький — Архангельск. Для прикрытия северного фланга войск, участвующих в этой грандиозной операции, Маркс предлагал создать особую группировку, которая должна была наступать в направлении нижнего течения Западной Двины, Пскова и Ленинграда[251].

Продолжительность кампании должна была, по мнению Маркса, составить не более 17 недель. Успех немецких войск в такой короткий срок, исходя из опыта молниеносных войн против Польши и Франции, основывался на достижении внезапности нападения, значительном количественном и качественном превосходстве немецких войск. Маркс исходил из предположения, что советское командование из-за необходимости обеспечивать безопасность границ СССР от Японии, Турции и Финляндии сможет выставить против Германии только 119 стрелковых и кавалерийских дивизий и 28 мотомехбригад. На этом основании он делал вывод, что для их полного разгрома потребуется 147 немецких дивизий, в том числе 24 танковых и моторизованных[252]. Маркс считал, что этих сил будет вполне достаточно для того, чтобы разгромить и уничтожить главные силы Красной армии уже в ходе

первых приграничных сражений в течение трех — максимум семи недель[253]. В варианте плана Э. Маркса красной нитью проходила мысль о неспособности Красной армии выдержать первый концентрированный удар вермахта, а также о полной бесперспективности попыток СССР оказывать сопротивление Германии после утраты промышленных центров в Европе. Советские промышленные регионы, расположенные далее к Востоку, отмечал Э. Маркс, не обладают «достаточно высокой производительностью»[254]. Недооценка Марксом боеспособности Вооруженных сил СССР и их возможностей продолжать войну в случае утраты наиболее развитых областей в Европе была воспринята как аксиома немецкими генералами и офицерами, причастными к дальнейшей разработке плана антисоветской агрессии. Начальник разведывательного отдела ОКХ «Иностранные армии — Восток» полковник Э. Кинцель, например, заявлял, что Красная армия будет разбита уже в приграничных районах, потому что ее «парализует страх перед немецкой армией, и она будет лишена способности принять какое-либо решение»[255].

Параллельно работа над планом войны против СССР велась и в штабе оперативного руководства ОКВ. Непосредственную ответственность за подготовку этого документа Йодль возложил на референта по делам сухопутных войск из отдела «Оборона страны» подполковника Б. Лоссберга. Последний вместе с группой подчиненных ему офицеров 15 сентября 1940 г. завершил свою Оперативную разработку «Ост» и доложил ее Йодлю[256]. В основу варианта Лоссберга, как и варианта Маркса, была положена концепция молниеносной войны. В нем подтверждалась вероятность разгрома основных сил Красной армии в ходе первых же сражений у границы и развала СССР после того, как он лишится большей части своей европейской территории. «Целью кампании против России, — говорилось в варианте Лоссберга, — является: стремительными действиями уничтожить расположенную в Западной России массу сухопутных войск, воспрепятствовать отводу боеспособных сил в глубину русского пространства, а затем, отрезав западную часть России от морей, прорваться до такого рубежа, который, с одной стороны, закрепил бы за нами важнейшие районы России, а с другой — мог бы послужить удобным заслоном от ее азиатской части»[257]. Вместе с тем в варианте Лоссберга содержались и новые идеи. В частности, в нем предусматривалось создание не только двух мощных группировок для наступления на московском и киевском направлениях, но еще и самостоятельной третьей группировки на ленинградском направлении, а также использование для сосредоточения и развертывания немецких войск у границ СССР не только территории Восточной Пруссии и восточной части оккупированной Польши, но и территории Румынии и Финляндии. Правящие круги этих двух стран к тому времени сами взяли курс на сближение с Германией и стали рассматриваться в Берлине как вероятные союзники.

Согласно варианту Лоссберга, две группы армий должны были развернуть наступление севернее Припятских болот, а одна — южнее. При этом две трети сил, выделенных для нападения на СССР, должны были бы войти в состав двух групп армий, действующих севернее этих болот. Одна из них, в состав которой предполагалось включить основную массу танковых и моторизованных соединений, должна была нанести удар на московском направлении из Польши в промежуток между верховьями Днепра и Западной Двины и форсировать эту водную преграду. Восточнее Западной Двины эта группа армий должна была установить взаимодействие с наступавшей севернее на ленинградском направлении из Восточной Пруссии группой армий. Группе армий, наносившей главный удар на Москву, предписывалось время от времени наносить своими подвижными соединениями удары в северном направлении, чтобы отрезать путь к отступлению советским войскам, находящимся в Прибалтике перед фронтом северной группировки немецких войск. Эти удары должны были наноситься во время оперативных пауз, которые возникают при быстром наступлении на большую глубину из-за отставания тыловых служб[258].

В варианте Лоссберга был изложен план использования Финляндии в качестве союзника. Он заключался в том, чтобы финляндская армия вместе с находившейся в то время в Норвегии 21-й группой немецких войск образовали так называемую Северную группу.

Небольшая часть сил этой группы должна была бы захватить Мурманск, а основная масса — перейти в наступление из южной части Финляндии в целях соединения с немецкими войсками северной группы армий в районе Ладожского озера, как только она приблизится к Ленинграду[259].

Группе армий, наступающей южнее Припятских болот, надлежало, нанося сильные удары своими внешними флангами, окружить и уничтожить советские войска на Правобережной Украине, форсировать Днепр и, выйдя на рубеж восточнее Припятских болот, установить непосредственное соприкосновение с войсками, действующими в северной операционной зоне. В дальнейшем предусматривалось объединение обеих главных группировок и их совместное продвижение в глубь России до рубежа, который будет определен ставкой Гитлера. Потеряв свои западные территории и выходы к морям, согласно варианту Лоссберга, СССР не смог бы дальше вести войну даже в том случае, если бы в его руках осталась военная промышленность Урала[260].

Идеи, изложенные в вариантах Маркса и Лоссберга, легли в основу дальнейшей работы по планированию войны против СССР. Ее координация с начала сентября 1940 г. была возложена на 1-го обер-квартирмейстера генерального штаба сухопутных войск генерал-лейтенанта Ф. Паулюса. В ноябре эта работа в основном была завершена. Новым вариантом плана, как и в варианте Лоссберга, предусматривалось создание трех групп армий — «Север», «Центр» и «Юг», которые должны наступать на ленинградском, московском и киевском направлениях. В «восточном походе» намечалось использовать 130–140 дивизий. Считалось, что этих сил будет достаточно, чтобы разгромить Красную армию в течение 6–8 недель[261]. После уточнения в ходе плановых военных игр 29 ноября и 3 декабря этому плану по предложению Лоссберга дали условное название «Фриц»[262].

5 декабря 1940 г. Гальдер представил его Гитлеру. Гитлер одобрил разработку в целом, однако высказал пожелание, суть которого заключалась в том, чтобы после разгрома основных сил Красной армии в приграничных сражениях группа армий «Центр» имела бы «достаточно войск, чтобы быть в состоянии повернуть значительную часть сил на север» и тем самым оказать поддержку группе армий «Север» в окружении и разгроме советских войск в Прибалтике[263], а затем во взаимодействии с группой армий «Юг» продолжить наступление на Москву. Эта поправка противоречила первоначальному замыслу Гальдера нанести «прямой удар на Москву». Однако ни он сам, ни кто-либо из других участников совещания не возразили Гитлеру. Все они были уверены, что результат войны будет предрешен в пользу Германии разгромом Красной армии в течение нескольких недель в приграничных сражениях.

7 декабря 1940 г. «Оперативную разработку для компании на Востоке» представил начальник штаба группы армий «А» (перед нападением на СССР переименована в группу армий «Юг») генерал пехоты Г. Зодернштерн. Он также предполагал, что можно будет разгромить СССР силами трех групп армий, развернутых на северном, центральном и южном участках Восточного фронта. Исход всей кампании, по его замыслу, должен был обеспечить гигантский двойной охват советских войск северной группой армий (67 дивизий, в то числе 21 танковая и моторизованная) через Смоленск, Даугавпилс и южной группой армий (47 дивизий, в том числе 9 танковых и моторизованных) через Киев в общем направлении на Москву. В это время центральная группа армий, развернутая в районе Пинских болот (17 дивизий), должна была сковывать советские войска и тем самым обеспечивать южный фланг северной группы армий и северный фланг южной группы армий[264]. Однако этот вариант не пошел в работу. Решение уже было принято Гитлером в пользу плана кампании, подготовленного ОКВ и ОКХ.

В первой половине декабря работа над планом была завершена. На его основе Лоссберг под руководством Йодля подготовил директиву № 21, которую Гитлер подписал 18 декабря 1940 г. В ней трем группам армий «Север», «Центр» и «Юг», предназначавшимся для наступления на ленинградском, московском и киевском направлениях, была поставлена задача на глубину одной стратегической операции до рубежа рек Днепр — Западная Двина. Группа

армий «Центр» должна была наступать танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее ее с целью раздробить силы противника в Белоруссии. Затем ей предписывалось передать часть своих подвижных войск группе армий «Север» для успешного решения задачи по полному уничтожению войск противника в Прибалтике и захвату Ленинграда. После этого группы армий «Центр» и «Север» всеми своими силами должны были возобновить наступление на Москву. Раздельное наступление двух групп армий на Ленинград и Москву предусматривалось только в случае неожиданно быстрого развала фронта советских войск.

Группе армий «Юг» была поставлена задача развернуть основные силы на своих северном и южном флангах, а затем посредством нанесения концентрических ударов до выхода к Днепру полностью уничтожить советские войска на Правобережной Украине. Главный удар наносился из района Люблина в общем направлении на Киев. Находившиеся в Румынии немецкие войска должны были форсировать реку Прут в нижнем течении и осуществить глубокий охват противника.

В директиве подчеркивалась важность быстрейшего захвата немецкими войсками Москвы и Донецкого бассейна после форсирования Днепра. Однако вопрос о взаимодействии групп армий «Центр» и «Юг» во время наступления к востоку от Днепра не рассматривался. Авторы директивы считали, что за Днепром боевые действия будут носить характер преследования остатков разгромленных советских войск, что немецкие войска без особого труда выйдут на линию Волга — Архангельск и создадут там «заградительный барьер против Азиатской России».

Германским ВВС по плану «Барбаросса» была поставлена задача направить все силы на борьбу против неприятельской авиации и поддержку с воздуха наступления сухопутных соединений, прежде всего, на решающих направлениях ударов групп армий «Центр» и «Юг», а после завершения ими главных операций приступить к бомбардировке советских промышленных предприятий, в том числе и на Урале. Германские ВМС в это время должны были, соблюдая осторожность, обеспечить безопасность своего побережья путем перекрытия советским кораблям выхода из Балтийского моря. В директиве утверждалось, что с захватом сухопутными войсками Ленинграда советский Балтийский флот лишится последней своей базы и окажется в безвыходном положении. Таким образом, как и для сухопутных войск, действия авиации и флота предусматривались в рамках концепции блицкрига.

В плане «Барбаросса» предусматривалось участие в войне Румынии и Финляндии. Румынские войска должны были «поддержать наступление южного фланга германских войск, хотя бы в начале операции», а «в остальном нести вспомогательную службу в тыловых районах». Финская армия должна была прикрыть сосредоточение и развертывание у советской границы выдвигавшейся из оккупированной Норвегии группировки германских войск, а затем «вести боевые действие совместно с этими войсками»[265]. В мае 1941 г. к участию в подготовке нападения на СССР была привлечена и Венгрия. Расположенная в центре Европы, она являлась перекрестком важнейших коммуникаций. Без ее участия или даже согласия германское командование не могло осуществлять переброску своих войск в Юго-Восточную Европу.

31 января 1941 г. главное командование сухопутных войск (ОКХ) издало директиву на стратегическое развертывание сухопутных войск по плану «Барбаросса»[266]. Их общая задача, согласно директиве, состояла в том, чтобы «осуществить широкие подготовительные мероприятия, которые позволили бы нанести поражение Советской России в быстротечной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии». Эту задачу намечалось выполнить посредством нанесения быстрых и глубоких ударов мощными подвижными группировками севернее и южнее Припятских болот с целью разобщить и уничтожить главные силы советских войск в западной части СССР, не допустив отступления их боеспособных частей в обширные внутренние районы страны. Выполнению этого замысла, утверждалось в директиве, будут способствовать попытки крупных соединений советских войск «оста-

новить немецкое наступление на линии рек Днепр, Западная Двина». В директиве были указаны районы сосредоточения и ближайшие цели немецких группировок, выделенных для проведения операции «Барбаросса». 3 февраля 1941 г. Браухич и Гальдер представили эту директиву на рассмотрение Гитлеру, который ее одобрил. Затем она была направлена в штабы трех групп армий, военно-воздушных и военно-морских сил. Штабы групп армий разработали оперативные планы своих объединений и 20 февраля представили их Гальдеру. Планы групп армий «Юг» и «Север» Гальдер одобрил, а в план группы армий «Центр» по его требованию были внесены дополнения. Было предусмотрено обеспечить более тесное взаимодействие между танками и пехотой с тем, чтобы в ходе наступления танковых групп не допустить образования брешей на флангах группы армий.

Группы армий и их задачи
по «Директиве на развертывание по плану “Барбаросса”»

Группировка / Командующий	Район сосредоточения и развертывания	Постановка задачи в наступлении до линии Днепр — Двина
Армия «Норвегия» Ген.-полк. фон Фалькенхорст	Норвегия	Захват Мурманска и Петсамо
Группа армий «Север» Ген.-фельд. фон Лееб 16-я армия 18-я армия	Восточная Пруссия	Уничтожение соединений Красной армии в прибалтийских республиках и захват Ленинграда
Группа армий «Центр» Ген.-фельд. фон Бок Танковая група 2 Танковая группа 3 4-я армия 9-я армия	Район Варшавы и Сувалки	Уничтожение соединений Красной армии в Белорусской ССР, захват Смоленска в качестве предпосылки развития наступления на Москву
Группа армий «Юг» Ген.-фельд. фон Рундштедт Танковая группа 1 12-я армия 17-я армия 6-я армия	Район Люблина	Уничтожение соединений Красной армии западнее Днепра, захват Киева и переправ для дальнейшего наступления на Восток

Признавалось целесообразным избежать крупного сражения в районе Белостока с тем, чтобы дать его не раньше, чем при захвате Минска. Было предусмотрено использовать в ходе наступления все технические средства для подтягивания резервов за южным крылом группы армий «Центр», чтобы защитить его от фланговых ударов советских войск. Важным также считалось не допускать никаких разрывов во время боевых действий с группой армий «Север»[267].

Параллельно с разработкой плана нападения на СССР, задолго до его утверждения, начались реорганизация, перевооружение и обучение вермахта с учетом поставленной ему новой задачи. Командование вермахта видело в Советском Союзе более сильного противника, чем англо-французская коалиция. Поэтому в августе 1940 г. оно решило довести к весне 1941 г. численность сухопутных войск до 200 дивизий (включая резервы). Начальник штаба ОКВ В. Кейтель 21 августа приказал начальнику управления военной экономики и вооружения генералу Г. Томасу обеспечить к началу войны против СССР выполнение но-

вой программы «Б» производства вооружений и боеприпасов, достаточное для оснащения этого числа соединений[268]. Этой программой предусматривалось ускорить выпуск средних танков, противотанковых орудий и других видов оружия, а также шире использовать промышленный потенциал оккупированных стран для оснащения войск транспортными средствами и оружием. Далее Кейтель 5 сентября 1940 г. издал распоряжение, в котором от имени Гитлера требовалось к весне 1941 г. довести численность действующей армии до 180 дивизий (без учета войск СС). До полной штатной численности надлежало довести 10 моторизованных дивизий, а 20 танковых дивизий должны были временно иметь в своем составе по одному танковому полку. Конечная цель наращивания моторизованных войск заключалась в формировании 12 моторизованных (без учета войск СС) и 24 танковых дивизий. Число горноегерских дивизий надлежало довести до десяти. Кроме того, предусматривалось сформировать 37 новых пехотных дивизий, которые требовались для доведения общего числа дивизий до 180[269].

В целях подготовки Восточного ТВД в июне 1940 г. была принята общегосударственная программа по расширению пропускной способности железных и шоссейных дорог, идущих из Германии к границам СССР (программа «Отто»). Ею предусматривалось завершить работы: в Восточной Пруссии — к концу декабря 1940 г., на территории Польши — к концу апреля 1941 г. На территории Румынии и Словакии к работам предполагалось приступить с сентября 1940 г.[270]

Для пополнения вооруженных сил личным составом был осуществлен призыв резервистов, что позволило увеличить численность вооруженных сил Германии с 5765 тыс. человек в июне 1940 г. до 7329 тыс. в июне 1941 г. Сухопутные войска вместе с войсками СС выросли за это время с 4472 тыс. до 5360 тыс. человек. К началу войны против СССР действующая армия Германии вместе с войсками СС насчитывала 4120 тыс. человек. Количество дивизий в ней возросло со 156 до 210. Кроме того, она имела в своем составе 9 отдельных бригад и полков. Из 210 дивизий было 152 пехотные, 21 танковая, 10 моторизованных, 6 дивизий СС, 6 горнострелковых, 4 легких пехотных, 9 охранных, 1 артиллерийская и 1 воздушно-десантная. Для восполнения потерь действующей армии имелось 300–350 тыс. обученных солдат в армии резерва и примерно 80 тыс. человек — в полевых запасных батальонах действующей армии[271].

В этот период рост численности сухопутных войск осуществлялся за счет формирования новых пехотных соединений и частей, предназначенных для несения оккупационной службы, и увеличения административно-хозяйственных служб в армии резерва, осуществлявших обучение призывников. Если в мае 1940 г. в составе вермахта находилось только 9 дивизий охраны тылов, относившихся к оккупационным войскам, то в июне 1941 г. их было уже 41 дивизия[272].

Немецко-фашистское руководство, принимая меры по увеличению численности живой силы, основную ставку делало на качественное превосходство над СССР. В этих целях были предприняты мероприятия по повышению уровня обучения войск, оснащению их новой техникой, переподготовке командного состава и совершенствованию организационно-штатной структуры войск. Часть наименее боеспособных дивизий была расформирована, оставшиеся дивизии были реорганизованы. Кроме того, было создано много новых дивизий[273].

Исключительно большое значение для качественного совершенствования вооруженных сил Германии имело создание 23 новых подвижных дивизий, к которым в вермахте относились танковые, моторизованные и легкие дивизии. Они предназначались для создания танковых клиньев, призванных обеспечить глубину и быстроту продвижения немецких войск по советской территории. В результате к июню 1941 г. по сравнению с маем 1940 г. общее количество танковых дивизий возросло в 2,1 раза (с 10 до 21), моторизованных (с учетом дивизий и бригад СС) — в 2,2 раза (с 9 до 19)[274].

Сухопутные войска, являясь главным видом вооруженных сил Германии, состояли из пехоты, артиллерии, горнострелковых, танковых, истребительно-противотанковых войск, войск связи, кавалерии, медико-санитарной и ветеринарной служб.

Сухопутные войска делились на действующую армию и армии резерва. Высшим стратегическим объединением действующей армии сухопутных войск на театре или стратегическом направлении считалась группа армий. В ее состав в зависимости от предстоящих задач включались две-три армии и одна-две танковые группы. Последние в зависимости от характера проводимых операций либо непосредственно подчинялись командующему группой армий, либо могли временно передаваться в оперативное подчинение командующим полевыми армиями[275].

Полевая армия, являвшаяся оперативным объединением сухопутных войск, также не имела постоянного состава и в зависимости от выполняемых задач объединяла от трех до пяти армейских корпусов. Танковая группа обычно состояла из двух — трех моторизованных корпусов, а иногда кроме этого включала один — два армейских корпуса[276].

В составе армейских корпусов, которые являлись тактическими соединениями, имелось обычно по три пехотных дивизии, а в отдельных случаях — по четыре — шесть дивизий. Моторизованные корпуса, как правило, имели по две танковых и одной моторизованной дивизии.

Пехотная, моторизованная и танковая дивизии были тактическими соединениями, имевшими точно определенный постоянный состав. Особенностью подготовки пехотных дивизий было их деление на дивизии 1–12-й «волн». Номер определялся состоянием их поэтапного формирования, степенью укомплектованности личным составом, вооружением и военной техникой. Наиболее боеспособными были дивизии 1-й «волны», они являлись кадровыми уже в мирное время[277].

Типовая пехотная дивизия вермахта состояла из трех пехотных полков по три батальона в каждом, артиллерийского полка (три дивизиона 105-мм полевых гаубиц и дивизион 150-мм гаубиц), разведывательного батальона, моторизованного истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона, саперного батальона и тыловых служб. По штату пехотная дивизия имела: личного состава — 16,8 тыс. человек, пулеметов — около 500, 50-мм минометов — 84; 81,4-мм минометов — 54; 37-мм противотанковых орудий — 66; 50-мм противотанковых орудий — шесть; 75-мм пехотных орудий — 20; 149,1-мм пехотных орудий — шесть; 105-мм полевых гаубиц — 36; 150-мм полевых гаубиц — 12, а также около 200 велосипедов и более 6 тыс. лошадей.

Моторизованная дивизия состояла из двух моторизованных и одного артиллерийского полков, всего 14 029 человек, 37 бронемашин и 237 орудий и минометов; танковая дивизия — из одного танкового, двух моторизованных и одного артиллерийского полков, всего 16 тыс. человек, 25 бронемашин и 192 орудия и миномета. Количество танков в танковых дивизиях, предназначенных для действий на советско-германском фронте, было неодинаковым. В 11 из них имелось по 135, в восьми — по 209 танков[278].

На пехоту, как основной род сухопутных войск, приходилось две пятых всего личного состава вермахта. В июне 1941 г. они составляли более 73 % численности вермахта, на ВВС приходился 21 %, на ВМС — менее 6 %. Численность вермахта в целом увеличилась с 4,5 млн человек в сентябре 1939 г. до 7,3 млн человек в июне 1941 г. (табл. 1).

Таблица 1

Изменение численности вооруженных сил Германии с сентября 1939 г. по июнь1941 г. (в тыс. чел.)[279]

Виды вооруженных сил	1 сентября 1939 г.	15 июня 1940 г.	15 июня 1941 г.
Сухопутные силы			
Действующая армия	2710	3447	3960
Армия резерва	996	900	1240
ВВС	677	1104	1545
ВМС	122	189	404
Войска СС	23	125	160
Всего личного состава	4528	5765	7329
Вспомогательного состава вермахта	500	550	900

Во главе сухопутных сил стояло верховное командование — ОКХ — высшая командная и управленческая инстанция сухопутных войск Германии. 25 августа 1939 г. с началом проведения мобилизации вступила в силу структура ОКХ военного времени. В ставке ОКХ в Цоссене (под Берлином) был создан штаб оперативного руководства полевыми войсками. Главнокомандующему ОКХ непосредственно подчинялись только начальник генерального штаба сухопутных войск, командующий армией резерва, начальник управления личного состава, а с 1940 г. — созданное управление генерала для особых поручений при главкоме. Остальные органы штаба вместе с командующим армией резерва дислоцировались в Берлине.

К июню 1941 г. была достигнута высшая степень моторизации вермахта. Общее количество автотранспортной техники возросло с 420 тыс. в марте 1940 г. до 610 тыс. в июне 1941 г. Имелось свыше 200 тыс. грузовых автомобилей, 150 тыс. легковых автомашин, 16 тыс. полугусеничных тягачей, большое количество мотоциклов. Но для полной моторизации вооруженных сил этого было недостаточно. По-прежнему широко применялась конная тяга. На начало июня 1941 г. в вермахте имелось 817 тыс. лошадей[280].

Составной частью сухопутных войск являлась армия резерва. Она имела постоянный и переменный состав. В число постоянного состава входили кадровые военнослужащие запасных частей и соединений, учебных заведений, охранные части, территориальные формирования военных округов. Через военные округа армия резерва проводила мобилизацию в масштабе всей страны и удовлетворяла потребность всех видов вооруженных сил в личном составе. Подготовка личного состава, который поступал из армии резерва в ВВС и ВМФ, осуществлялась этими видами вооруженных сил.

Военно-воздушные силы являлись вторым по значению видом германских вооруженных сил. По своему предназначению они подразделялись на собственно авиацию, войска ПВО, войска связи ВВС и воздушно-десантные войска. Кроме того, в их составе имелись строительные и охранные части.

Численность личного состава ВВС летом 1941 г. распределялась следующим образом: на авиацию вместе с воздушно-десантными войсками приходилось 36 %, на войска ПВО — 34 %, на войска связи ВВС — 17 %, на строительные части — 10 %, на охранные части — 3 %[281].

В строительстве ВВС большое внимание уделялось истребительной авиации. Она рассматривалась как главное средство завоевания и удержания господства в воздухе. На нее приходилось около половины всех боевых самолетов Германии.

К июню 1941 г. ВВС Германии насчитывали около 10 тыс. самолетов, из них 6 тыс. боевых (бомбардировщиков — 2642, самолетов морской авиации — 286, истребителей — 2249, разведывательных — 823). Имелось также 719 транспортных самолетов и 133 самолета связи. Остальные самолеты были в основном учебными и в действующей армии не использовались.

Основной организационной единицей ВВС Германии являлась эскадра, включавшая 100—120 самолетов одного типа (бомбардировщиков, пикирующих бомбардировщиков, одномоторных истребителей, тяжелых двухмоторных истребителей). Эскадра состояла из 2—3 авиагрупп по 3 отряда (эскадрильи) в каждой. В отряде имелось 9 боевых и 3 резервных самолета. Эскадры объединялись в авиационные корпуса, состав которых мог изменяться.

Высшим оперативным объединением ВВС являлся воздушный флот, в состав которого входили от 1 до 3 авиационных корпусов, зенитный корпус, а также воздушные и наземные части обеспечения и обслуживания. Структура воздушного флота, включавшая все рода авиации, позволяла ему проводить как самостоятельные воздушные операции, так и обеспечивать поддержку сухопутных войск и военно-морского флота на отдельных стратегических направлениях.

К моменту нападения на СССР германская авиация уступала советской в количественном отношении, но имела значительные преимущества с организационно-штатной точки зрения, а также в тактико-технических характеристиках и уровне профессиональной подготовки личного состава. Во главе ВВС стояло главное командование. Главнокомандующим ВВС почти бессменно был рейхсмаршал Г. Геринг, который с июня 1935 г. одновременно исполнял должность рейхсминистра всего воздушного флота Германии.

Из трех видов вооруженных сил Германии военно-морские силы были самыми малочисленными и значительно уступали флотам США, Англии и Японии. На первом этапе войны ВМС отводилась вспомогательная роль.

В составе германских ВМС к июню 1941 г. имелось 4 линейных корабля, 4 тяжелых и 4 легких крейсера, 15 эсминцев, 18 миноносцев, 40 торпедных катеров, 122 подводные лодки, 6 вспомогательных крейсеров и значительное количество небольших военных кораблей и катеров специального назначения. Береговая артиллерия ВМС Германии включала 25 батарей тяжелых орудий и 99 батарей орудий среднего калибра.

Организационно германские ВМС состояли из командований крейсеров, эсминцев, подводных лодок, торпедных катеров, тральщиков, войск береговой обороны. Имелись два оперативных объединения надводных кораблей: группы «Запад» и «Восток».

Морская авиация организационно входила в состав ВВС и подчинялась командованию ВМС лишь в оперативном отношении.

Кроме основных видов вооруженных сил — сухопутных войск, ВВС и ВМС — к вооруженным формированиям относились специальные войска СС, подчиненные главному управлению СС. Организационно войска СС состояли из отдельных дивизий, полков, батальонов и рот. Они формировались из числа лиц, фанатично преданных фашистскому режиму, активных членов нацистской партии. Эти войска лучше обеспечивались и являлись, по существу, фашистской военной элитой[282].

Понятие «войска СС» как строевые части вошло в обиход впервые в 1939 г. В том же году была сформирована первая дивизия СС «Тотенкопф» («Мертвая голова»). Осенью 1941 г. в войсках СС, предназначенных для действий на фронте (полевые войска СС), насчитывалось свыше 90 тыс. человек.

При формировании новых соединений в качестве основы брались части и подразделения из соединений, имевших боевой опыт. Высокая боеготовность вновь формируемых соединений достигалась путем включения в их состав целых батальонов, дивизионов и даже полков, имеющих боевой опыт[283]. При этом для образования танковых дивизий, например, были использованы наиболее подготовленные пехотные и моторизованные дивизии, личный состав которых имел высокий общеобразовательный уровень и обладал различными техническими навыками. В ходе переукомплектования все дивизии переводились на штаты военного времени.

Немецко-фашистское командование заблаговременно позаботилось также о подготовке обученных контингентов для восполнения потерь действующей армии в будущей войне. В соответствии с проведенными расчетами эти потери должны были быть значительно больше, чем в предшествующих кампаниях Второй мировой войны. Если к июню 1941 г. вермахт потерял убитыми и пропавшими без вести 97 тыс. человек, то предполагаемые потери в ходе двух первых месяцев «Восточного похода», по расчетам немецкого командования, должны были составить 275 тыс. человек, а до конца сентября — еще 200 тыс. человек. На основании этого были вновь созданы полевые запасные батальоны численностью 90 тыс. человек. Кроме того за счет увеличения призыва военнообязанных резко возросла численность армии резерва. В целом контингент обученных военнослужащих, предназначенных для пополнения действующей армии, составил 475 тыс. человек[284].

Укреплению немецкой армии служила боевая подготовка войск, полностью нацеленная на войну против СССР.

Основные направления в обучении войск были объявлены уже в начале июля 1940 г. Обучение рекрутов организовывалось заново, сроки подготовки были увеличены[285]. В составе действующей армии это обучение составляло не менее трех месяцев. Руководящие документы требовали использовать зимнюю учебу таким образом, чтобы боевой опыт западной кампании не переоценивался, а войска готовились бы к «борьбе всеми силами против равного противника». С целью придать обучению войск определенную направленность для борьбы против Красной армии осенью 1940 г. был подготовлен обзор опыта Советско-финляндской войны[286]. В нем обобщалась тактика советских войск в наступлении и обороне, приводились

конкретные примеры их действий, давалась им оценка. Отмечались небольшая глубина обороны, неумелое использование местности, плохая маскировка. Указывались недостатки советского командования в организации наступления, такие как плохая разведка, отсутствие четкого взаимодействия войск[287].

Исключительное внимание уделялось оперативно-тактической подготовке офицерского и генеральского состава. С этой целью были организованы различные курсы, проводились занятия в частях и соединениях. Важнейшей формой непосредственной подготовки к действиям против СССР были многочисленные командно-штабные учения. В ходе их проведения и занятий с офицерами отрабатывались действия по отражению танковых ударов противника. Офицеры учились достижению тактической и оперативной внезапности, организации взаимодействия всех родов сухопутных войск с авиацией, умелому ведению разведки. В документах указывалось на важность быстрого принятия решений командирами, непрерывной заботы о прикрытии флангов и материально-технического обеспечения подчиненных войск. Значительная часть времени уделялась обучению офицеров умелому применению противотанковых средств, заблаговременной подготовке к борьбе с танками противника[288].

Особое место отводилось обучению офицеров службы генерального штаба, которые занимали должности начальников штабов и оперативных отделов соединений и объединений, а также офицеров некоторых других штабных должностей. В 1940 г. были созданы 8–10-недельные курсы по подготовке офицеров службы генерального штаба[289]. К началу войны против СССР на этих курсах было произведено четыре выпуска, которые дали дополнительно около 250 офицеров. Кроме того, было привлечено свыше 100 бывших офицеров генерального штаба, уволенных в запас в 1918 г. Организованы специальные курсы, на которых велась подготовка общевойсковых командиров к выполнению специальных задач квартирмейстерской службы и службы разведки[290].

В феврале — апреле 1941 г. фон Браухич издал ряд директив по вопросам обучения личного состава. В них обращалось внимание на трудности ведения войны на территории СССР в условиях бездорожья и доводилось до командиров всех уровней о необходимости организации всестороннего боевого и материально-технического обеспечения войск. Директивы требовали обучать войска эффективным способам достижения внезапности. От командного состава требовалось умело работать с ограниченным количеством карт и устаревшими данными на них. Большое внимание обращалось на обеспечение гибкости и оперативности управления войсками, готовности командиров принимать самостоятельные решения[291].

Качественного превосходства над советскими войсками планировалось достигнуть созданием нового вооружения, обладавшего более высокими тактико-техническими данными.

В этой связи Германией уделялось также значительное внимание производству танков, штурмовых орудий и бронеавтомобилей. До 1938 г. ставка делалась на легкие танки Т-I и Т-II. Массовый выпуск средних танков (Т-III и Т-IV), а также самоходных установок и бронеавтомобилей начал осуществляться лишь в 1938 г. Однако это обстоятельство имело и свою положительную сторону, так как к началу войны, и особенно ко времени нападения на Советский Союз, немецко-фашистские войска получили большое количество наиболее современной бронетанковой техники. В 1938 г. в Германии было выпущено 1600 главным образом средних танков, в 1940 г. — около 2000 танков. В том же году было произведено 2154 штурмовых орудия, бронеавтомобиля и бронетранспортера.

Следует отметить, что бронетанковый парк немецко-фашистских войск к началу войны против Советского Союза значительно увеличился за счет боевой техники, произведенной на заводах оккупированных районов Чехословакии и Франции[292].

В танковых соединениях количество средних танков увеличилось в 2,3 раза (с 627 до 1423). Причем танки Т-III вместо 37-мм пушки были в подавляющем большинстве оснащены 50-мм пушкой. Средние танки составили 44 % от общего количества танков вермахта, выделенных для нападения на СССР. Если же учесть 250 штурмовых орудий, которые по своим тактико-

техническим данным приближались к средним танкам, то доля последних возрастет до 50 % (в ходе Западной кампании она равнялась 25 %)[293].

Располагая данными о советском численном превосходстве в танках, немецкое командование уделило первостепенное внимание насыщению своих войск противотанковыми средствами. На вооружение противотанковых частей и подразделений с конца 1940 г. стали поступать новые, 50-мм противотанковые пушки и тяжелые противотанковые ружья калибра 28 мм. Количество противотанковых орудий (без учета трофейных) увеличилось на 21 %, а противотанковых ружей — более чем в 20 раз.

К 22 июня 1941 г. в действующую армию были поставлены счетверенные зенитные орудия калибра 20 мм, шестиствольные минометы калибра 160 мм с дальностью стрельбы до 6,7 км, установки для метания тяжелых реактивных мин калибра 280 мм и 320 мм, штурмовые орудия с 75-мм пушкой (в период Западной кампании имелись лишь отдельные экземпляры).

Качественное совершенствование немецких войск выразилось и в том, что из 84 новых дивизий, сформированных в период с сентября 1940 г. по июнь 1941 г., 23 дивизии относились к числу подвижных (11 танковых, 8 моторизованных и 4 легких пехотных дивизии). Доля танковых и моторизованных соединений в составе действующей армии увеличилась с 12 % в мае 1940 г. до 18 % в июне 1941 г.[294]

С учетом опыта действий танковых войск в Западной кампании были созданы четыре танковые группы, которые приравнивались к армиям.

В штатах нескольких дивизий увеличивалось количество самоходных артиллерийских установок как бронированных средств поддержки пехоты. Для повышения подвижности дивизий при действиях на территории со слаборазвитой дорожной сетью в их составе увеличилось количество лошадей и крестьянских повозок. Были созданы четыре легкие пехотные дивизии для действий на труднопроходимой местности[295].

На базе развитого машиностроения в Германии быстрыми темпами развивалось военное производство, а особенно авиационная промышленность. Так, уже к 1934 г. было выпущено 1968 самолетов, в 1938 г. — 5235, в 1939 г. — 8295[296]. Более половины из них были боевыми. Количество самолетов, произведенных в 1940 г., составило 10 826 шт. При этом не все производственные мощности самолетостроения были задействованы[297].

Необходимо отметить, что по качественным показателям самолеты являлись одними из лучших образцов того времени.

Учитывая предполагаемый маневренный характер войны против СССР, немецко-фашистское командование в декабре 1940 г. приняло решение о создании на базе имевшихся подразделений ВВС эскадрилий ближней разведки. В марте 1941 г. они были переданы в подчинение командующих армиями и танковыми группами. Примечательно, что из 3265 боевых самолетов, выделенных немецким командованием для обеспечения плана «Барбаросса», 781 (24 %) были разведывательными[298].

Сухопутным войскам были подчинены в оперативном отношении многие части зенитной артиллерии, организационно входившей в состав ВВС. Всего армиям и танковым группам было придано 37 смешанных и 14 легких зенитных артдивизионов. Этим обеспечивалась более высокая эффективность противовоздушной обороны сухопутных войск[299].

Планирование гитлеровским руководством войны против Советского Союза основывалось на сложившихся к этому времени военно-теоретических взглядах, состоятельность которых, казалось, была проверена на успешном для Германии опыте кампаний 1939–1941 гг.

Эти взгляды сводились в целом к теориям тотальной и молниеносной войны, которые зародились в умах прусской военной школы, затем эти знания были соответствующим образом усовершенствованы гитлеровскими военными теоретиками и явились краеугольным камнем агрессивной военной доктрины германского фашизма.

Теория молниеносной войны предусматривала достижение быстрой и полной победы над противником в одной кампании. Считалось необходимым всеми средствами добиваться внезапности нападения, иметь во вражеских странах «своих сторонников» и умело использовать их подрывную и агитационную деятельность.

Внезапность должна была достигаться проведением тайной мобилизации, скрытого сосредоточения и развертывания вооруженных сил, дезинформацией, заключением договоров со странами, на которые предполагалось осуществить нападение, и др. Высокие темпы наступления планировалось обеспечить путем массированного применения танков и авиации, которые считались главным средством преодоления сопротивления противника и его разгрома. При этом на авиацию, наряду с непосредственной поддержкой наступающих войск, возлагалась задача осуществлять уничтожение авиации противника, завоевывать господство в воздухе с первых же дней наступления пехоты и танков и, кроме того, наносить удары по экономическим и военно-политическим центрам на территории противника.

Наиболее эффективным и универсальным методом разгрома противника считалось окружение его войск, осуществляемое посредством обхода флангов или прорыва обороны и последующего глубокого вклинения по сходящимся направлениям специально создаваемыми для этой цели сильными ударными группировками танковых и моторизованных войск[300].

Поскольку решающее значение в победоносном исходе войны придавалось сильному первоначальному удару, признавалось целесообразным сосредоточивать основные силы и средства в одном стратегическом эшелоне, не создавая сколько-нибудь значительных стратегических резервов.

В соответствии с этими общими взглядами на ведение войны осуществлялась организация вооруженных сил Германии и разрабатывались методы их боевого использования на театре военных действий.

Основные принципы ведения операций заключались в следующем. Главным видом боевых действий считалось наступление. Основным способом нанесения удара группы армий являлся прорыв обороны на двух участках с последующим его развитием по сходящимся направлениям: армия, как правило, прорывала оборону на одном участке, развивая удар в глубину или в сторону фланга в целях окружения противника во взаимодействии с соседней армией. Танковые группы в зависимости от степени подготовленности обороны противника и характера местности предназначались или для прорыва обороны противника собственными силами и дальнейшего наступления, или для развития тактического успеха в оперативный.

Во всех случаях их основным назначением являлось стремительное продвижение в глубину обороны противника в целях окружения его войск.

Оперативное построение групп армий, армий и танковых групп было, как правило, одноэшелонным с выделением небольших резервов. Оперативные плотности на направлении главного удара в наступательных операциях составляли на одну дивизию 4–6 км фронта.

Практики ведения оборонительных операций у немецко-фашистской армии не было. Теоретически считалось целесообразным в обороне иметь оперативное построение групп армий и армий в один эшелон с выделением незначительных резервов. Считалось наиболее эффективным сосредоточивать основные усилия для обороны в тактической зоне и на промежуточных рубежах, обращая при этом особое внимание на удержание флангов, и силами тактических резервов и соединений с не атакованных участков наносить контрудары под основание группировки прорвавшегося противника.

Тактика немецко-фашистских войск перед войной с Советским Союзом основывалась на том положении, что главная цель боя заключается в уничтожении противостоящих сил и средств противника. Это должно было достигаться, прежде всего, посредством наступательного боя.

Военная разведка осуществлялась управлением разведки и контрразведки (абвер), подчинявшимся ОКВ. Основные усилия были направлены на сбор данных для операций начального периода войны. Для ведения разведывательной, контрразведывательной и диверсионной деятельности против СССР с ноября 1940 г. были привлечены оперативные группы «Кенигсберг», «Варшава», «Краков», «Военная организация Финляндия». В марте — апреле 1941 г. при группах армий и армиях были сформированы диверсионно-разведывательные отделы «абвер-1». Все органы разведки на Востоке с 1 мая 1941 г. были подчинены вновь

созданному единому штабу абвера «Валли». Для диверсионных акций использовались полк особого назначения «Бранденбург-800» и националистические организации Западной Украины и Прибалтики[301].

Стратегическая воздушная разведка осуществлялась специальным авиационным отрядом, имевшим на вооружении самолеты с потолком 10 тыс. м. Воздушная разведка велась с марта 1941 г. В ходе операций предусматривалось ведение разведки силами воздушных флотов, для чего привлекалось до 20 % их самолетного парка[302].

Активная военная разведка позволила немецкому командованию к началу войны довольно точно выявить дислокацию советских войск в приграничных округах, степень их боеспособности, состояние оборонительных рубежей и сооружений, местонахождение советских аэродромов и посадочных площадок. Полученные разведданные помогли немецким войскам успешно решить задачи в первых же операциях войны.

Одновременно с дорогами расширялась сеть связи, строились необходимые для войск полигоны, учебные поля, казармы, склады для боеприпасов и горючего, инженерно-фортификационные сооружения вдоль западной границы СССР. Интенсивно осуществлялись строительство, усовершенствование и расширение аэродромной сети на территории восточной части Германии, Польши и Румынии. С лета 1940 г. по май 1941 г. только на территории Польши было построено или восстановлено около 100 аэродромов и 50 посадочных площадок[303].

Подготовка морского театра военных действий заключалась в создании минных заграждений. На Балтике 16–17 июня 1941 г. были поставлены мины в районах западнее Пиллау, западнее и северо-западнее Мемеля, 19–20 июня — в южной части Балтийского моря и северо-западнее Кольберга. В ночь на 22 июня были установлены минные заграждения на подходах к советским базам и портам: юго-западнее маяка Бенгтшер, на линии Бенгтшер — Тахкуна, севернее мыса Тахкуна, южнее маяка Поркаллан-Каллбода.

Ближайшая и вместе с тем важнейшая стратегическая цель плана «Барбаросса» заключалась в уничтожении основных сил Красной армии, находившихся, как предполагалось, в западной приграничной полосе, путем смелых операций с глубоким продвижением вперед танковых соединений. При этом указывалось на необходимость предотвращения отхода боеспособных советских войск в глубь страны.

«Конечной целью операции в плане «Барбаросса» значилось создание защитительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга, Архангельск. Таким образом, если необходимо, последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, может быть парализован с помощью авиации».

Анализ состояния вооруженных сил Германии к моменту нападения на СССР показывает, что немецкому командованию удалось в значительной мере повысить уровень боевого потенциала вермахта. В количественном и качественном отношении он стал более совершенным, чем в компаниях 1940–1941 гг. в Европе. Правда, германские войска были хорошо подготовлены только для ведения молниеносной войны, которую планировалось завершить максимум в течение пяти месяцев. Значительно вырос уровень их вооружения. Однако следует отметить, что в ходе выполнения программы «Б» выпуск военной продукции постоянно отставал от темпов роста числа дивизий. Так, число танков перед нападением на СССР увеличилось по сравнению с маем 1940 г. на 60 %, однако для того чтобы оснастить все новые танковые дивизии по штатам 1940 г. их было недостаточно. Поэтому количество танков в танковых дивизиях пришлось значительно сократить. Даже в группе армий «Центр», предназначенной для наступления на Москву, в танковых полках, укомплектованных модернизированными танками Т-III, вместо трех по штату имелись только два танковых батальона, а в танковых ротах — вместо трех по два танковых взвода[304]. В разросшихся войсках ощущалась нехватка грузовых автомобилей, особенно тягачей для тяжелых артиллерийских орудий. Немецкому командованию пришлось использовать гужевой транспорт[305].

Несмотря на эти недостатки, перед нападением на СССР германский вермахт был самой многочисленной и самой сильной армией мира.

Говоря о материально-технической подготовке вермахта к нападению на СССР следует отметить, что некоторые историки и публицисты пытаются представить дело таким образом, что после заключения советско-германского договора о ненападении СССР сам подрывал свою обороноспособность тем, что до начала Великой Отечественной войны помогал Германии поставками ей сырья и продовольствия, которые он мог бы поставлять в другие страны. Но при этом не учитывается, что в первый период Второй мировой войны, до нападения Германии, СССР в обмен на эти поставки получал из Германии изделия, которые были необходимы для укрепления базовых отраслей промышленности и вооружения, а также доступ к передовым по тому времени германским технологиям. Другой такой возможности у страны просто не было. Ни Англия, ни Франция как до, так и после заключения СССР пакта о ненападении с Германией не допускали даже мысли о том, чтобы установить с СССР торгово-экономические связи, которые отвечали бы интересам укрепления взаимной безопасности. Более того, во время Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. западные союзники планировали и готовились к вторжению в СССР с северо-запада и юга, а нейтральные США объявили эмбарго на торговлю с СССР. Как писал французский журналист А. Кериллис, «дух крестового похода повеял отовсюду... Раздавался только один клич: «Война России!». Те, кто требовал полной неподвижности за линией Мажино, теперь умоляли послать армии сражаться к Северному полюсу...»[306] 21 августа 1939 г. было заключено кредитное соглашение, по которому Германия предоставила СССР выгодный кредит на сумму 200 млн герм. марок для закупки германских промышленных товаров в обмен на поставки из СССР сырья, нефти, железной руды, некоторых редких металлов и продовольствия на 180 млн герм. марок[307]. На этой основе торгово-экономические связи двух стран начали расти. Согласно «Хозяйственному соглашению» от 11 февраля 1940 г. Германия обязалась выполнять советские заказы на 15 различных видов германского вооружения и военной техники на сумму в 94 млн 584 тыс. герм. марок, на 33 вида промышленного оборудования на сумму 41 млн 985 тыс. герм. марок, на 11 наименований различных металлов, в том числе алюминия, металлоизделий и каменного угля. Согласно соглашению, общая сумма немецких поставок в СССР должна была составить 253 млн 726,6 тыс. герм. марок. Для того чтобы обеспечить выполнение этих важных для него заказов СССР обязался поставить Германии продовольствие, сырье, нефть на сумму 353 млн герм. марок. Таким образом общая сумма взаимных поставок должна была составить более 600 млн герм. марок[308].

Советским специалистам был открыт доступ на германские военные предприятия, поэтому они смогли составить представление о выпускаемой там готовой продукции. В счет кредита или за наличные были куплены некоторые образцы вооружения и боевой техники, стоявшие тогда на вооружении германского вермахта, в том числе образцы основных типов самолетов — бомбардировщиков «Юнкерс-88», «Хейнкель-100», «Дорнье До-215», истребителей «Мессершмидт-109», «Мессершмидт ВФ-110», которые были изучены и испытаны в СССР. Это расширило представление советских авиаконструкторов о вероятном противнике. Перед советскими авиастроителями встала задача по созданию таких самолетов, которые по своим летным характеристикам и вооружению не уступали бы, а превосходили немецкие самолеты того времени.

Чтобы обязать немецкую сторону своевременно выполнять взятые ею на себя обязательства, советскому правительству приходилось принимать решительные меры. За шесть недель до начала наступления вермахта на Западном фронте СССР в ответ на задержку с выполнением заказов СССР временно отказался поставлять Германии зерно и нефтепродукты[309], потребовал ликвидировать германскую задолжность по поставкам, которая в начале августа 1940 г. составила 73,3 млн марок[310].

10 января 1941 г. было подписано советско-германское «Соглашение о взаимных товарных поставках на второй период по хозяйственному соглашению от 11 февраля 1940 г.». В нем было предусмотрено, что СССР с 11 февраля 1941 г. до 1 августа 1942 г. поставит товары в Германию на 620–640 млн герм. марок, а Германия поставит в СССР товары на ту же сумму до 1 августа 1942 г. после погашения 11 мая 1941 г. текущей задолжности.

К тому времени Гитлер подписал секретную директиву «Барбаросса», предусматривавшую нападение на СССР 15 мая 1941 г. В результате недовыполнения под разными предлогами заказов задолженность Германии составила примерно одну треть общей суммы поставок. Тем не менее СССР все же удалось с сентября 1939 г. до июня 1941 г. получить от Германии многое из того, что ему было нужно для укрепления обороны страны[311].

С июля 1940 г. началась переброска немецких войск к советским западным границам. Гальдер 1 августа 1940 г. поручил генерал-квартирмейстеру сухопутных войск генералу Э. Вагнеру заняться их обустройством, а также вопросом материально-технического обеспечения немецких войск в предстоящей восточной кампании. Согласно подготовленному Вагнером 15 ноября 1940 г. плану «Материально-техническое обеспечение в ходе восточного похода» предусматривалось, что снабжение следует организовать с учетом, что в этом походе будут задействованы 3 млн военнослужащих, 500 тыс. автомобилей, 300 тыс. лошадей. В соответствии с этим расчетом к началу войны против СССР планировалось создать запасы горючего на 700—800 км для транспортных средств и боевой техники, по два боекомплекта боеприпасов для каждой пехотной дивизии и по три боекомплекта для танковых дивизий. Этого могло хватить на первые 10 дней боевых действий[312]. Более подробно все мероприятия по подготовке тыла к войне против СССР были изложены в приложении № 6 к директиве ОКХ от 31 января 1941 г. Затем они были сведены воедино в «Распоряжении по тыловому обеспечению». Распоряжение требовало использовать транспортные средства «прежде всего для непрерывного снабжения танковых групп, наступающих впереди, не перегружать транспорт, перевозить только то, что необходимо для боя»[313].

Для того чтобы обеспечить беспрерывное снабжение наступающих войск были созданы специальные командные инстанции на уровне групп армий, напрямую подчиненные генерал-квартирмейстеру сухопутных войск, и подчиненные им инстанции в тыловых районах армий. Они должны были полностью обеспечить снабжение войск в течение 14 суток после начала военных действий. Предполагалось, что кампания продлится не более 4—5 месяцев и за это время войска перейдут на самообеспечение. В директиве ОКХ № 21 от 23 марта 1941 г. подчеркивалось, что командующие оккупационными войсками обязаны организовать использование местных ресурсов захваченной страны для снабжения немецких войск имуществом и продовольствием[314].

Были также выделены силы и намечены планы выполнения работ по строительству казарм, организации снабжения войск, налаживанию работы связи и транспорта, строительству аэродромов, складов оружия, боеприпасов, горючесмазочных материалов, ремонтных мастерских, организован контроль за скрытным передвижением и размещением частей и т. д. Объем таких работ постоянно возрастал. К середине февраля 1941 г. на восток к границам СССР прибыли 2 первых эшелона стратегического развертывания. В их состав входили группа армий «Б», 3 штаба армий, несколько корпусов и 34 дивизии, в том числе 6 танковых. С середины февраля до 20 мая 1941 г. на установленную линию развертывания прибыл 3-й эшелон развертывания, включавший 17 дивизий. В 4-й эшелон вошли 9 дивизий, прибывших с запада к началу июня. В 5-й, последний, эшелон, прибывший с 3 по 23 июня 1941 г., входили 12 танковых и 12 моторизованных дивизий, прибывших из рейха, запада и юго-запада. Вместе с этим эшелоном на восток были переброшены 16 тяжелых артиллерийских орудий с побережья пролива Ла-Манш[315].

Чтобы сохранить в тайне цель переброски войск на восток, высшее немецкое командование максимально ограничило круг лиц, знавших о секретном плане «Барбаросса», и уделяло большое внимание дезинформационным мероприятиям. 9 августа 1940 г. согласно приказу ОКВ под условным названием «Aufbau Ost» — «Строительство Восток», началось форсирование строительных работ, предназначавшихся для сосредоточения немецких войск на польской территории. При этом утверждалось, что эти работы производятся в учебных целях вермахта. Боевые войска вермахта, прибывавшие осенью 1941 г. в Румынию, для маскировки назывались «учебными войсками».

В директиве ОКВ «План «Барбаросса» от 18 декабря 1940 г. говорилось: «Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны»,

а также предписывалось, чтобы распоряжения главнокомандующих непосредственно не связывались с заранее принятым решением напасть на СССР, а «исходить из того, что речь идет о мерах предосторожности на тот случай, если Россия изменит свою нынешнюю позицию по отношению к нам»[316]. Этих предписаний официально придерживались все, кто был причастен к проведению последующих мероприятий по подготовке операции «Барбаросса».

После того как была подготовлена и в середине февраля 1941 г. вступила в силу директива о сосредоточении и развертывании войск по плану «Барбаросса», ОКВ издало директиву на развертывание дезинформационной пропаганды[317]. «Цель дезинформации, — говорилось в этом документе, — заключается в обеспечении скрытности подготовки к операции «Барбаросса». Мероприятия по введению в заблуждение о целях сосредоточения и развертывания войск у границ СССР намечалось осуществить в два этапа. На первом этапе, примерно до середины апреля, ставилась задача «по сохранению неопределенности германского сосредоточения», а на втором этапе, когда сосредоточение немецких войск у границы СССР скрыть было нельзя, изображать его «как мероприятия по дезинформации, направленные на отвлечение внимания от вторжения в Англию».

Для того чтобы достичь желаемого результата на первом этапе, наряду с усилением существовавшего впечатления о предстоящем вторжении в Англию, предписывалось преувеличивать в пропаганде значение второстепенных операций и количество выделяемых на их проведение сил и средств («Марита» — наступление против Греции, «Зонненблюме» («Подсолнечник») — наступление в Северной Африке, переброска в Сицилию немецкого X авиационного корпуса).

Общее руководство дезинформацией было возложено на управление военной разведки и контрразведки «Заграница — абвер» во взаимодействии с ОКВ, а также главными командованиями видов вооруженных сил. Однако дезинформацией занимались не только эти инстанции. Так, командующий группой армий «Б» генерал-фельдмаршал фон Бок 24 марта 1941 г. отдал приказ о сооружении оборонительных укреплений вдоль советской границы, предназначавшихся якобы для отражения наступления советских войск[318]. 22 июня 1941 г. эти укрепления были использованы немецкими войсками в качеств исходных позиций для наступления.

3 марта Кейтель, а 7 апреля 1941 г. Браухич отдали приказы, в которых требовали, чтобы приготовления к нападению «маскировались всеми возможными средствами и преподносились войскам под видом мер для прикрытия тыла со стороны России»[319].

24 апреля 1941 г. Браухич издал приказ о проведении операции под условным названием «Хайфиш» («Акула») на подготовку высадки из Северной Франции на побережье Британских островов. В действительности же речь шла лишь об имитации подготовки к такой операции. Практически одновременно создавалась видимость подготовки вторжения на Британские острова и из Норвегии.

По распоряжению Кейтеля от 12 мая 1941 г. с введением 22 мая 1941 г. графика максимальных перебросок немецких войск к западной границе СССР усилия всех ответственных инстанций вермахта были направлены на то, чтобы представить развертывание войск по плану «Барбаросса» в качестве крупного отвлекающего маневра перед высадкой немецких войск на Британские острова. Среди личного состава перебрасываемых соединений должны были распространяться слухи о «прикрытии тыла со стороны России» и «об отвлекающем сосредоточении на Востоке». По возможности большему числу соединений предписывалось отдать ложные приказы об их переброске на Запад. Предстоящая высадка немецкого десанта на остров Крит по распоряжению Кейтеля должна быть представлена пропагандой как «генеральная репетиция высадки в Англии»[320].

Чтобы скрыть правду о своих истинных намерениях в отношении СССР командование вермахта долго держало в неведении о них подавляющую часть личного состава вермахта. По распоряжению ОКВ от 8 мая 1941 г. было решено поставить в известность о предстоящем нападении на СССР за восемь дней до его начала командиров частей, а унтер-офицеров и рядовых — лишь в самые последние дни перед началом боевых действий[321].

В связи с подготовкой к нападению на СССР германское руководство уделяло большое внимание усилению своего влияния на государства Юго-Восточной и Северной Европы, находившиеся вблизи от советских западных границ. При этом особую ставку делало на Румынию и Финляндию. Их соучастие в предстоящем походе на Россию связало бы часть сил Красной армии на юге и севере, что позволило бы немецкому командованию создать большое превосходство в силах над советскими войсками на главных направлениях. Кроме того, германская военная промышленность была крайне заинтересована в расширении поставок румынской нефти и финского никеля.

Привлечение Румынии и Финляндии к участию в войне против СССР облегчалось тем, что они сами охотно шли на сближение с Германией на антисоветской основе. Пришедший к власти в Румынии в начале сентября диктатор И. Антонеску никак не мог смириться с утратой летом 1940 г. Бессарабии и Северной Буковины. По его просьбе 12 октября 1940 г. в стране началось размещение немецких войск, численность которых зимой 1940/41 гг. достигла 600 тыс. человек. Ввод этих войск в Румынию немецкой пропагандой объяснялся как мера обеспечения безопасности находившихся в этой стране нефтеносных районов. Действительная же цель, которую преследовало немецкое командование, состояла в том, чтобы «втянуть Румынию в войну против СССР»[322].

Сближение Германии и Финляндии началось после окончания Советско-финляндской войны. Сначала между ними были заключены торговые соглашения, по которым Германия получала преимущество при закупках финского никеля, меди и лесоматериалов. 12 и 22 сентября были подписаны военные соглашения, по которым Германия обретала возможность доставлять военные материалы и войска в оккупированную Норвегию через финскую территорию. Под прикрытием этих соглашений Финляндия была быстро превращена в военный плацдарм для вторжения с северо-запада на советскую территорию[323].

Одновременно германское руководство принимало меры по установлению более тесных связей с Венгрией, Болгарией и Югославией.

Наиболее склонной к сотрудничеству с Германией на антисоветской основе из числа этих трех стран была Венгрия во главе с диктатором М. Хорти. Венгрия стала первой из ближайших соседних стран СССР, выразивших свою солидарность с «антибольшевистской позицией держав оси» через день после того, как 2 ноября 1938 г. Риббентроп и Чиано осуществили так называемый первый Венский арбитраж, предписав чехословацкому правительству передать Венгрии южные районы Словакии и Закарпатской Украины. 24 февраля 1939 г. венгерское правительство подписало протокол о присоединении к «Антикоминтерновскому пакту». За это Венгрия в марте 1939 г. получила согласие Гитлера на захват всей Закарпатской Украины. Затем Германия и Италия, чтобы еще теснее привязать к себе Венгрию, 30 августа 1940 г. приняли решение (второй Венский арбитраж) о возвращении ей северной части Трансильвании, которая по Трианонскому мирному договору 1920 г. отошла к Румынии. Обострившуюся вследствие этого глубокую вражду между Венгрией, стремившейся полностью завладеть Трансильванией, и Румынией, желавшей добиться пересмотра второго Венского арбитража, германское правительство использовало для того, чтобы еще сильнее подчинить их своему влиянию.

Чтобы теснее привязать к себе германофильское руководство Болгарии, строившее планы создания «Великой Болгарии», гитлеровское правительство поддерживало его территориальные претензии к Румынии, Югославии и Греции. Под давлением Германии Румыния подписала 7 сентября 1940 г. в румынском городе Крайова соглашение о возврате Болгарии Южной Добруджи, которую она получила по Версальскому договору.

В результате такой политики Германии удалось укрепить свои позиции перед нападением на СССР путем расширения числа участников Пакта трех держав: 20 ноября 1940 г. протокол о присоединении к этому пакту подписала Венгрия, 23 ноября — Румыния, 24 ноября — марионеточное государство Словакия, 1 марта 1941 г. — Болгария.

Под давлением Берлина 25 марта 1941 г. подписало протокол о присоединении к пакту и правительство Югославии, что, однако, вызвало бурный протест населения во всей

стране. 27 марта группа оппозиционно настроенных офицеров совершила государственный переворот. Это вызвало болезненную реакцию в Берлине. Несмотря на то что новое правительство Югославии не денонсировало протокол о присоединении к Пакту трех держав и заверило Германию в лояльности, Гитлер подписал 27 марта директиву, которая предусматривала «уничтожение Югославии как военной и политической силы». 6 апреля вермахт начал балканский поход, в ходе которого при поддержке войск Италии, Венгрии и Болгарии 17 апреля была оккупирована Югославия, а 23 апреля 1941 г. — Греция. По воле оккупантов на части территории Югославии было провозглашено так называемое Независимое государство Хорватия с пронацистским правительством во главе с А. Павеличем, которое 15 июня 1941 г. присоединилось к Пакту трех держав. Вступление в него Болгарии, Венгрии и Румынии, Словакии и Хорватии на практике означало официальное признание ими руководящей роли Германии и Италии в Европе, согласие их правителей на роль сателлитов держав «оси».

Вопрос о вступлении в пакт Финляндии Берлин не ставил по тактическим соображениям, так как по германо-советскому секретному дополнительному протоколу от 23 августа 1939 г. Финляндия относилась к советской «сфере интересов». Несмотря на это, связи Германии с Финляндией были настолько тесными, что германское командование нисколько не сомневалось в ее готовности участвовать в нападении на СССР.

В январе — феврале 1941 г. в Берлине утвердилось мнение, что основой для налаживания оперативно-стратегического взаимодействия с Японией должен стать захват ею главной дальневосточной английской военно-морской базы Сингапур[324]. 5 марта 1941 г. Кейтель издал директиву ОКВ № 24 «О сотрудничестве с Японией». В ней требовалось «заставить Японию как можно скорее начать наступление на Сингапур» и тем самым «ослабить английские силы», а также отвлечь внимание США от Европы на Тихий океан[325].

Этой директивой запрещалось сообщать японцам о плане «Барбаросса». Однако немецкие военные и дипломаты в 1941 г. нередко враждебно отзывались об СССР. Об этом стало известно в Токио. В это время японское правительство по совету германского правительства вело переговоры с СССР о заключении договора о нейтралитете. Оно не желало преждевременно нажить в лице СССР сильного противника. В связи с этим японский министр иностранных дел Ё. Мацуока по поручению своего правительства направился в Москву с целью продолжить там переговоры, а затем в Берлин, чтобы получить ответ на вопрос об истинном состоянии германо-советских отношений.

В Москве Мацуока находился 24–26 марта, где вел переговоры со Сталиным и Молотовым, затем, прервав их, направился в Берлин, где 27 и 28 марта и 4 апреля имел ряд бесед с Гитлером и Риббентропом. Последние не скрывали своей враждебности к СССР. Они заявляли, что Германия уже готова нанести Советскому Союзу смертельный удар на тот случай, если он предпримет против нее какие-нибудь враждебные действия, советовали Мацуоке не слишком далеко заходить с ним в переговорах, но скрыли от него, что решение напасть на СССР было принято еще в июле 1940 г. и вот-вот будет приведено в исполнение. Одновременно они настойчиво требовали, чтобы Япония как можно скорее захватила Сингапур и объявила войну Англии. При этом Гитлер гарантировал, что Германия немедленно обрушится всей своей мощью на любую державу, будь то СССР или США, если кто-то из них осмелится воспрепятствовать расширению японских владений в Азии или на Тихом океане[326]. Однако это заявление не произвело ожидаемого Гитлером впечатления на японского министра. Он уклонился от обсуждения этого вопроса, так как в то время в Токио считалось, что наступление на Сингапур может повлечь за собой войну не только против Англии, но и против оказывавших ей поддержку США. К войне с двумя такими сильными державами Япония была еще не готова. Мацуока, покидая Берлин не был уверен, что Германия нападет на СССР. Поэтому 13 апреля 1941 г. он на всякий случай подписал в Москве с советским правительством Пакт о нейтралитете с тем, чтобы обезопасить Японии тыл на севере в случае возникновения войны с США, Великобританией и их союзниками. Вернувшись в Токио после подписания этого пакта, Мацуока 6 мая заявил германскому послу в Токио О. Отту:

«Ни один премьер-министр или министр иностранных дел не будет в состоянии удержать Японию на нейтральной позиции в случае конфликта с Советским Союзом. В этом случае Япония будет вынуждена напасть на Россию на стороне Германии»[327].

5 июня 1941 г. японский посол в Берлине Х. Осима сообщил в Токио, что Гитлер и Риббентроп все же ознакомили его в общих чертах с планом «Барбаросса», подчеркнув, что на проведение операции потребуется не более 2—3-х месяцев, после чего Германия достигнет своей цели и «установит господство на Европейском континенте». Риббентроп при этом утверждал, что создание группировки у советской западной границы уже завершено, хотя дата ее перехода в наступление якобы не установлена. «Однако, — продолжал Риббентроп, — если для Японии в этом случае существует необходимость провести подготовку, то он посоветовал бы завершить ее в как можно более короткий срок»[328]. Получив такое сообщение, японское правительство решило продолжать начатую подготовку к войне против Великобритании и США, но если выяснится, что СССР не сможет дать отпор Германии, то «применить оружие и одним ударом разрешить северную проблему»[329].

Своего итальянского союзника Гитлер, Риббентроп и немецкие генералы до последнего дня перед нападением на СССР держали в неведении о своих планах. Но руководство Италии все же подозревало, что германское командование намерено развернуть наступление на Восточном фронте, и поэтому проявляло нараставшее беспокойство тем, что может остаться в стороне от предстоящей борьбы. В конце мая 1941 г. Италия по собственной инициативе приступила к формированию особого армейского корпуса, предназначавшегося для войны против СССР. 15 июня итальянское правительство заявило германскому руководству о стремлении стать участником «похода на Восток»[330]. 21 июня 1941 г. Гитлер в письме Б. Муссолини сообщил, что Италия оказала бы самую лучшую помощь Германии в начинающейся утром следующего дня войне против СССР тем, что увеличила бы численность итальянских войск в Северной Африке и активизировала боевые действия итальянской авиации и флота на Средиземном море. Но от отправки итальянского корпуса на советско-германский фронт Гитлер все же не отказался[331].

Назначенное на 15 мая нападение на СССР неоднократно откладывалось. В директиве на развертывание войск по плану «Барбаросса» предусматривался перенос даты нападения на 2 июня 1941 г., потому что в то время немецкое командование не исключало вероятности использования части сил Восточного фронта в кампании на Балканах[332]. По этим же соображениям Гитлер 3 апреля 1941 г. распорядился отложить начало операции «Барбаросса» на четыре недели[333]. 30 апреля 1941 г. на совещании Гитлера с командованием сухопутными войсками было принято окончательное решение о начале операции «Барбаросса» 22 июня 1941 г.[334]

Высшие инстанции Третьего рейха заблаговременно разработали также планы ведения против СССР не обычной, а беспощадной войны на уничтожение, его экономической эксплуатации и расчленения, а также план колонизации его европейской части.

Представления о том, как нацистская верхушка представляла себе ведение войны против СССР, содержатся в выступлениях Гитлера перед высшим командным составом вермахта 9 января, 17 и 30 марта 1941 г.

Гитлер заявлял, что война против СССР будет «полной противоположностью нормальной войне на Западе и Севере Европы», что ее конечная цель — «тотальное разрушение» и «уничтожение России как государства». Предстоящая война, провозглашал Гитлер, будет не обычной войной, а «борьбой двух идеологий» с «применением жесточайшего насилия», что в этой войне предстоит разгромить не только Красную армию, но и «механизм управления» СССР, «уничтожить комиссаров и коммунистическую интеллигенцию», партийных функционеров и таким путем разрушить «мировоззренческие узы» русского народа[335].

Представители высшего командного состава вермахта к началу войны против СССР сами руководствовались нацистским мировоззрением, воспринимали Гитлера не только как своего верховного главнокомандующего, но и как идейного вождя. Его указания они облекали в форму приказов войскам.

28 апреля 1941 г. Браухич издал приказ «Порядок использования полиции безопасности и СД в соединениях сухопутных войск». В приказе подчеркивалось, что войсковые командиры совместно с командирами специальных карательных формирований нацистской службы безопасности (СД) несут ответственность за проведение акций по уничтожению в тыловых прифронтовых районах без суда и следствия коммунистов, евреев и «прочих радикальных элементов».

13 мая 1941 г. начальник штаба ОКВ В. Кейтель издал указ «Об особой подсудности в районе "Барбаросса" и особых полномочиях войск». Согласно указу, с солдат и офицеров вермахта снималась ответственность за будущие уголовные преступления на оккупированной территории СССР. Им предписывалось быть безжалостными, расстреливать на месте без суда и следствия всех, кто окажет хотя бы малейшее сопротивление или будет сочувствовать партизанам.

В «Руководящих указаниях о поведении войск в России», подготовленных в штабе ОКВ, в качестве одного из приложений к особому распоряжению № 1 от 19 мая 1941 г. к директиве «Барбаросса» говорилось: «Эта борьба требует беспощадных и решительных действий против большевистских подстрекателей, партизан, саботажников, евреев и полного подавления любой попытки активного или пассивного сопротивления»[336].

6 июня 1941 г. штаб ОКВ издал «Инструкцию об обращении с политическими комиссарами» («Приказ о комиссарах»). Солдатам и офицерам вермахта предписывалось истреблять на месте попавших в плен всех политических работников Красной армии[337].

При подготовке нападения на СССР нацистская верхушка важнейшее значение придавала разработке планов использования советского экономического потенциала для ведения войны. На совещании с командованием вермахта 9 января 1941 г. Гитлер говорил, что если Германия «заполучит в свои руки неисчислимые богатства огромных русских территорий», то «в будущем она сможет вести борьбу против любых континентов»[338].

Разработкой планов разграбления богатств России занималась созданная в марте 1941 г. хозяйственная организация «Восток». Она во взаимодействии с войсками вермахта должна была ведать всеми вопросами по экономическому использованию оккупированных областей СССР. Общее руководство этой организацией осуществлял генеральный уполномоченный по выполнению четырехлетнего плана Г. Геринг через созданный им в Берлине «Восточный штаб экономического руководства», возглавлявшийся его представителем — статс-секретарем П. Кернером. Этот руководящий штаб с целью маскировки до начала операции «Барбаросса» фигурировал под названием «Ольденбург». Для приведения в исполнение его решений также заблаговременно был создан «Восточный экономический штаб», который во время военных операций должен был находиться рядом и сотрудничать с генерал-квартирмейстером сухопутных войск.

Планы германского руководства по эксплуатации советского промышленного потенциала были изложены в «Директивах по руководству экономикой во вновь оккупируемых областях»[339], получивших по цвету переплета название «Зеленая папка» Геринга. В этих директивах и других документах Восточного штаба экономического руководства предусматривалось после захвата советской территории восстановить промышленные предприятия, которые производили дефицитную в Германии промышленную продукцию, такую как средства транспорта, стальные конструкции, текстиль и т. д., а также те виды промышленности, которые были необходимы для развития сельского хозяйства, добычи сырья и нефти[340].

При использовании различных отраслей промышленности, отмечалось в директивах, преимущество должно было отдаваться захвату и эксплуатации отраслей военной промышленности[341]. Геринг при этом возлагал немалые надежды на захват «хорошо оборудованных» советских авиационных предприятий. На этих предприятиях, согласно намеченному им плану четырехкратного увеличения германских ВВС, должно было выпускаться две трети боевых самолетов, прежде всего бомбардировщиков, предназначавшихся для борьбы за мировое господство против Великобритании и США[342]. Вопрос о восстановлении предприятий, производящих товары широкого потребления, откладывался на неопределенное время.

Особый интерес Геринг и представители военно-промышленных концернов проявляли к захвату советских нефтеносных районов. В марте 1941 г. было основано нефтяное общество под названием «Континенталь Оль АГ», председателями правления которого стали Э. Фишер от концерна ИГ Фарбен и К. Блессинг, бывший директор Имперского банка[343].

В общих указаниях организации «Восток» от 23 мая 1941 г. по экономической политике в области сельского хозяйства говорилось, что целью военной кампании против СССР является «снабжение немецких вооруженных сил, а также обеспечение на долгие годы продовольствием немецкого гражданского населения». Реализовать эту цель планировалось за счет «уменьшения собственного потребления России» посредством перекрытия каких-либо поставок излишков продуктов из черноземных южных областей в северную нечерноземную зону, в том числе в такие промышленные центры, как Москва и Ленинград[344]. На одном из совещаний штаба «Восток» признавалось: «Если мы сумеем выкачать из страны все, что нам необходимо, то десятки миллионов людей будут обречены на голод»[345].

Планами расчленения СССР и установления на его территории германского правления занимались рейхсфюрер СС и полиции Г. Гиммлер, назначенный «рейхскомиссаром по укреплению германской народности», и начальник внешнеполитического управления НСДАП А. Розенберг, которого Гитлер в апреле 1941 г. назначил «уполномоченным по централизованной разработке вопросов восточноевропейского пространства». Они строили планы включения в состав Третьего рейха значительной части территории Советского государства, уничтожения или превращения в рабов его населения. «Сегодня же мы ведем «крестовый поход» против большевизма не для того, чтобы освободить «бедных русских» на все времена от этого большевизма, — заявил 20 июня 1941 г. А. Розенберг, — а для того чтобы проводить германскую мировую политику...»[346]

В начале мая 1941 г. Розенберг в сотрудничестве с МИД Германии подготовил план создания на территории СССР четырех рейхскомиссариатов с целью превращения их в провинции Третьего рейха. До начала нападения на СССР он поставил во главе каждого из них имперских правителей из числа нацистских гаулейтеров. В первый рейхскомиссариат под названием «Остланд» было намечено включить Латвию, Литву, Эстонию и Белоруссию, во второй — под названием «Москва» — должна была войти западная часть России, в третий — под названием «Украина» — планировалось включить большую часть территории советской Украины, в четвертом — под названием «Кавказ» — в рабстве у захватчиков должны были оказаться все кавказские народы. Власть Германии после разгрома СССР должна была простираться на расположенные далеко на востоке области Сибири, на Туркмению, Казахстан, Таджикистан, Киргизию и т. д.[347]

24 июня 1941 г. Г. Гиммлер поручил начальнику планового отдела при рейхскомиссаре по укреплению немецкой народности, оберфюреру СС, директору Института по аграрному делу и аграрной политике Берлинского университета, профессору К. Мейеру-Хетлингу подготовить план изгнания славян и евреев из Центральной и Восточной Европы с тем, чтобы высвободить пространство для заселения немцами. Этот план под названием генеральный план «Ост» был готов уже 15 июля 1941 г. В нем предусматривалось с территории Чехии, Польши, прибалтийских республик, Украины и Белоруссии, где по подсчету Мейера проживало 45 млн человек, выселить за Урал «нежелательных по расовым показателям» 31 млн человек, а остальных «германизировать», т. е. превратить в рабов немецких завоевателей. На очищенных таким образом от «неполноценных» в расовом отношении коренных жителей землях было намечено немедленно по окончания войны поселить 840 тыс. немцев, а затем в течение 25–30 лет еще две волны немцев численностью в 1,1 и 2,6 млн человек[348].

Особые планы нацисты вынашивали в отношении русского народа. Один из разработчиков генерального плана «Ост» доктор Э. Ветцель, референт по расовым вопросам в Восточном министерстве Розенберга, подготовил для Гиммлера документ, в котором утверждалось, что «без полного уничтожения» или ослабления любыми способами «биологической силы русского народа» установить «немецкое господство в Европе» не удастся. «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве, — писал он. — Достижение этой исторической

цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается, скорее всего, в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их»[349].

Солдатам и офицерам вермахта вручались памятки, в которых говорилось: «...убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик — убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навеки»[350].

Союзники Германии за пособничество в агрессии рассчитывали на богатую добычу. Правящая верхушка Румынии во главе с диктатором И. Антонеску намеревалась вернуть не только Бессарабию и Северную Буковину, которую ей пришлось уступить СССР летом 1940 г., но и «приобрести» значительную часть территории советской Украины. В Будапеште за участие в нападении на СССР мечтали заполучить бывшую Восточную Галицию, включая нефтеносные районы в Дрогобыче, а также всю Трансильванию. Правящие круги Финляндии надеялись при содействии Германии распространить свою власть на советские земли к северу от Невы и Свири, т. е. на часть Ленинградской области, советскую Карелию и Кольский полуостров[351].

14 июня 1941 г. состоялось совещание, на котором Гитлер заслушал доклады командующих группами армий, армиями, танковыми группами и равных им командующих ВВС и ВМС о том, что вверенные им силы готовы приступить к проведению операции «Барбаросса». Было принято решение начать ее в 3.00 по среднеевропейскому времени 22 июня 1941 г. На тот день в группировке вооруженных сил Германии, развернутых у западных границ СССР, насчитывалось 4,1 млн человек, 40,5 тыс. артиллерийских орудий, около 4,2 тыс. танков и штурмовых орудий, более 3,6 тыс. боевых самолетов и 159 кораблей[352].

По решению Гитлера к антисоветской агрессии были привлечены войска Финляндии, Румынии и Венгрии. С учетом их для вторжения в СССР было выделено около 5 млн человек, 182 дивизии и 20 бригад, 47,2 тыс. орудий и минометов, около 4,4 тыс. танков и штурмовых орудий, более 4,3 тыс. боевых самолетов и 246 кораблей[353]. Этих сил, по мнению немецкого военного командования, было более чем достаточно, чтобы разгромить Красную армию в ходе одной быстротечной кампании.

Советское руководство в то время, когда немецкое командование завершало развертывание сил для нападения на СССР, занималось еще нерешенными проблемами укрепления обороны СССР на западном направлении и одновременно делало все возможное, чтобы избежать каких-либо конфликтов, которые могли бы привести к вооруженному столкновению с Германией и ее союзниками. 7 июня 1941 г. германский посол в Москве Ф.-В. Шуленбург сообщил в Берлин: «Все наблюдения показывают, что Сталин и Молотов, которые одни определяют русскую внешнюю политику, делают всё, чтобы избежать конфликта с Германией»[354]. Подтверждением тому было и заявление ТАСС от 13 июня 1941 г., в котором говорилось, что Германия не предъявляла СССР никаких претензий, что слухи о намерении Германии предпринять нападение на СССР ничем не обоснованы, поскольку СССР соблюдал и будет соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении[355].

18 июня 1941 г. Гитлер дал указание Риббентропу с первого дня предстоящего похода вермахта против СССР всеми силами пропаганды, в том числе в разговорах с дипломатами и представителями прессы иностранных государств, утверждать, что якобы из-за развертывания Красной армии в западных районах СССР немецким войскам уже нельзя было медлить с нанесением упреждающего удара[356].

Гитлеровцы развернули широкомасштабную пропаганду не только в Германии, но и в других странах мира, чтобы предстоящее нападение на СССР было воспринято как вынужденное, превентивное, вызванное советскими нарушениями мирного договора о ненападении с Германией.

Подготовленный Риббентропом и отредактированный Гитлером меморандум, в котором содержалась легенда о якобы «превентивной» войне Германии против СССР, был вручен советскому полпреду в Германии В. Г. Деканозову в четыре часа утра 22 июня (по берлинскому времени)[357]. Германский посол в СССР Шуленбург в пять часов утра (по московскому вре-

мени) явился на прием к наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову и по поручению германского правительства вручил ему ноту, в которой говорилось, что «ввиду нетерпимой доле угрозы, создавшейся для германской восточной границы вследствие массированной концентрации и подготовки всех вооруженных сил Красной армии, германское правительство считает себя вынужденным немедленно принять контрмеры». На вопрос Молотова, что это означает, Шуленбург ответил, что, по его мнению, это начало войны[358].

Тезис о якобы нависшей угрозе Германии со стороны СССР и вынужденном характере выступления немецких войск против Красной армии был также положен в основу гитлеровского «Дневного приказа солдатам Восточного фронта» от 21 июня 1941 г., а затем и «Обращения Адольфа Гитлера к немецкому народу», зачитанного министром пропаганды Й. Геббельсом в специальной передаче германского радио в 5.30 утра (по берлинскому времени) 22 июня 1941 г.[359]

В это время невиданная в истории войн мощнейшая германская армия вторжения уже перешла в наступление в глубь советской территории. Немецкое военное руководство было уверено в успехе начавшегося похода. Главнокомандующий сухопутными войсками вермахта генерал-фельдмаршал В. Браухич заверил Гитлера в том, что Красная армия будет разбита уже в ходе «ожесточенных пограничных сражений» в течение первых четырех недель войны, после чего нужно будет считаться лишь с «незначительным сопротивлением»[360].

В то, что германский вермахт способен разгромить Красную армию в течение нескольких недель или месяцев, верили и руководители союзных Германии стран. Поэтому правители Италии, Словакии и Хорватии, с которыми Гитлер не хотел делиться славой победителя в очередной успешной военной кампании, едва узнав о начале нашествия на СССР, спешно направили на германский Восточный фронт свои войска. В считанные недели туда прибыли итальянский экспедиционный корпус в составе трех дивизий (62 тыс. человек), словацкий корпус с двумя дивизиями (28 тыс. человек) и хорватский усиленный полк (более 3 тыс. человек). Эти соединения поддерживали 83 итальянских, 51 словацкий и до 60 хорватских боевых самолетов[361].

Уверовав в непобедимость вермахта, германские стратеги еще до нападения на СССР приступили к разработке дальнейших планов борьбы за установление германского мирового господства. Намереваясь «устранить влияние англосаксов в Северной Америке», они уже в 1940 г. вынашивали замыслы захвата Исландии и ряда других островов в Атлантике в целях превращения их в военные базы для развязывания в союзе с Италией и Японией войны против США[362].

В проекте директивы ОКВ № 32 «Подготовка к периоду после осуществления плана “Барбаросса” от 11 июня 1941 г. предусматривалось после завершения войны против СССР приступить к завоеванию Египта, Ирака, Палестины, а также Турции, если она посмеет сопротивляться, захватить Гибралтар и английские владения в Западной Африке, а затем возобновить «осаду» Англии военно-морскими и военно-воздушными силами и подготовить высадку на Британские острова с тем, чтобы принудить Великобританию к капитуляции[363].

Начиная с 22 июня 1941 г. в ходе Второй мировой войны развернулась невиданная по размаху и ожесточенности вооруженная борьба, от исхода которой зависели жизнь и судьба народов нашей страны, всего мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 3: Вторая мировая война. Ист. очерк. М., 2005. С. 353.

[2] *Erbe R.* Die Nationalsozialistische Wirtschaftspolitik 1933–1939 im Lichte der modernen Theorie. Zürich, 1958. S. 26.

[3] *Файнгар И. М.* Очерк развития германского монополистического капитала. М., 1958. С. 144–145.

[4] *Volkmann H.-E.* Die NS-Wirtschaft in Vorbereitung des Krieges. In: Ursachen und Voraussetzungen des Zweiten Weltkrieges. Frankfurt M. 1995. S. 292.

[5] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. Stuttgart, 1979. S. 247.

[6] *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 295

[7] См.: *Фомин В. Т.* Фашистская Германия во второй мировой войне (сентябрь 1939 г. — июль 1941 г.). М., 1978. С. 24; Deutschland im zweiten Weltkrieg. B., 1974. Bd. 1. S. 90.

[8] *Белов П.* Вопросы экономики в современной войне. М., 1951. С. 123.

[9] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 213.

[10] *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 253.

[11] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 214.

[12] Ibid. S. 214.

[13] *Kruedener J.* Zielkonflikt in der nationalsozialistischen Agrarpolitik In: Zeitschrift für Wirtschafts- und Sozialwissenschaften, 1974. S. 348.

[14] Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Ист. очерк. С. 365.

[15] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 217.

[16] Военно-экономический штаб в ноябре 1939 г. был переименован в «управление военной промышленностью и вооружением».

[17] Вторая мировая война: дискуссии, основные тенденции, результаты исследований / Пер. с нем. М., 1996. С. 280–281.

[18] Deutchland im Zweiten Weltkrig. B., 1975. Bd. 1. S. 90.

[19] Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 082. Оп. 22. Д. 13. П. 93. Л. 3–7.

[20] Анатомия войны / Пер. с нем. М., 1971. С. 118–119.

[21] *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 333.

[22] Ibid. S. 334.

[23] Ibid. S. 336.

[24] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 283.

[25] *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 339.

[26] История второй мировой войны 1939–1945. М., 1974. Т. 2. С. 290.

[27] Промышленность Германии в период войны 1939–1945. М., 1956. С. 31.

[28] История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. С. 296.

[29] Там же.

[30] Там же. С. 297.

[31] Там же. С. 298.

[32] Auf antisowjetischem Kriegskurs. Studien zur militärischen Vorbereitung des deutschen Imperialism auf die Aggresion gegen die UdSSR (1933–1941). B., 1970. S. 269 (Далее — Auf antisowjetischem Kriegskurs).

[33] Nationalsozialistische Diktatur 1933–1945. Eine Bilanz. Bonn, 1983. S. 316.

[34] Nationalsozialistische Diktatur 1933–1945. Eine Bilanz. Bonn, 1983. S. 304–306.
[35] Ibid. S. 108.
[36] История второй мировой войны 1939–1945. М., 1974. Т. 2. С. 298.
[37] Deutschland 1933–1945. Neue Studien zur nationalistischen Herrschaft. Bonn, 1992. S. 102.
[38] *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 293.
[39] *Eichholtz D.* Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft 1939–1945. B., 1969. Bd. 1. S. 31.
[40] *Boelcke W. A.* Die Finanzpolitik des Dritten Reiches. Eine Darstellung in Gruhdzügen. In: Deutschland 1933–1945.Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonn,1992. S. 105.
[41] *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 295
[42] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 247.
[43] Ibid. Bd. 1. S. 345.
[44] *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 409.
[45] Anatomie des Krieges, Neue Dokumente über die Rolle des Deutschen Monopolkapitals bei der Vorbereitung und Durchführung des zweiten Weltkrieges. Hrsg. Und eingel. von Eichholtz D. und Schumann W. Berlin, 1968. S. 210.
[46] Anatomie des Krieges. S. 211
[47] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 344.
[48] Ibid. S. 346.
[49] *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 309.
[50] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 323.
[51] *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 383.
[52] Ibid.
[53] Ibid. S. 384.
[54] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 331.
[55] Anatomie des Krieges. In: Ursachen und Voraussetzungen des Zweiten Weltkrieges. Frankfurt / M., 1995. S. 204.
[56] *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 393.
[57] Ibid. S. 394.
[58] Ibid. S. 397.
[59] Ibid. S. 412.
[60] Ibid. S. 416.
[61] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 356.
[62] Ibid. Bd. 4. Stuttgart, 1983. S. 99.
[63] Ibid. Bd. 1. S. 357.
[64] *Friedensburg F.* Die Sowjetischen Kriegslieferungen an das Hitlerreich // Vierteljahreshefte zur Wirtschaftsforschung, 1962. S. 334.
[65] Ibid. S. 336.
[66] *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 423.
[67] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 359.
[68] *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 427.
[69] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 361.
[70] *Volkmann H.-E.* Op. cit. S. 427.
[71] Ibid. S. 429.
[72] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. S. 364.
[73] *Volkmann H.-E.* S. 431.
[74] Речь Гитлера перед главнокомандующими 22 августа 1939 г. // Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945 Baden-Baden, 1961 (далее ADAP). Serie D. Bd. VII. S. 168.
[75] *Jacobsen H.-A.* 1939–1945, Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Darmstadt, 5. Aufl. 1961. S. 109
[76] *Телегин Ф. Н.* Военно-экономическая подготовка фашистской Германии к войне против СССР. Краснодар, 1966. С. 57.
[77] Die wirtschaftliche Bedeutung der besetzten und unbesetzten Gebiete Frankreichs. Berlin, 1940. S. 4.
[78] *Норден А.* Уроки германской истории. М., 1949. С. 208.

[79] Bundesarchiv-Militärarchiv (Abt. Potsdam). Nr. W. G3.2032.

[80] Der Auβenhandel Deutschlands. Sondernachweis 1940, 1941. Berlin, 1942. S. 22–24.

[81] Auf antisowjetischem Kriegskurs. S. 281.

[82] *Носков А. М.* Норвегия во второй мировой войне 1940–1945. М., 1973. С. 95.

[83] Der Aussenhandel Deutschlands. 1940. S. 23–27; 1941. S. 23–27; Ergebnisse der Besatzungkosten 1940–1941. S. 8.

[84] *Кудрина Ю. В.* Дания в годы второй мировой войны. М., 1975. С. 32.

[85] Der Aussenhandel Deutschlands. 1939. S. 46–50; 1940. S. 22–26; 1941. S. 22–26.

[86] *Загорулько М. М., Юденков А. Ф.* Крах плана «Ольденбург». М., 1980. С. 41.

[87] Der Auβenhandel Deutschlands. 1940. S. 17–21; 1941. S. 17–21.

[88] Auf antisowjetischem Kriegskurs. S. 282.

[89] Ibid.

[90] *Сазина М. Г.* Борьба румынского народа за установление и укрепление народно-демократического строя. М., 1963. С. 100.

[91] Der Aussenhandel Deutschlands. 1940. S. 11–38; 1941. S. 11–38.

[92] Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1969. N. 4. S. 492.

[93] Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. Baden-Baden, 1961. Serie D. Bd. 7. S. 442–444.

[94] Kreditabkommen zwischen Deutschland und Türkei vom 19. Januar 1939; Abkommen zur Regelung des Warenverkehrs zwischen Deutschland und Türkei von 9. Oktober 1941.

[95] *Кутаков Л. Н.* Внешняя политика и дипломатия Японии. М., 1964. С. 165–171. В Директиве ОКВ № 24 «О сотрудничестве с Японией», подписанной 5 марта 1941 г., указывалось: «Поставки каучука должны осуществляться и после вступления Японии в войну, ибо они имеют для Германии жизненно важное значение».

[96] Bundesazchiv (Abt. Potsdam). Film Nr. 1753. Protokoll über die Inspekteurberatung im Wehrwirtschaftsund Rüstungsamt des OKW am 13. und 14.9. 1940.

[97] *Eichholtz D.* Geschichte der deutschen Kriegwirtschaft. Berlin, 1985. Bd. 2. S. 4–5.

[98] Bundesazchiv (Abt. Potsdam). Film Nr. 2313; Auf antisowjetischen Kriegskurs. S. 275.

[99] Промышленность Германии в период войны 1939–1945. С. 41–42.

[100] *Janssen G.* Das Ministerium Speer. Frankfurt am Main, 1968. S. 336.

[101] Ibid. S. 334.

[102] *Eichholtz D.* Geschichte der deutschen Kriegwirtschaft. Bd. 2. S. 7.

[103] История второй мировой войны 1939–1945. М., 1974. Т. 3. С. 29.

[104] *Eichholtz D.* Op. cit. Bd. 2. S. 8.

[105] Das Deutsche Reich und der Zweite Weitkrieg. Stuttgart, Bd. 4. 1984. S. 253.

[106] *Kesselring A.* Gedanken zum Zweiten Weltkrieg. Bonn, 1955. S. 180.

[107] *Вишнев С. М.* Экономические ресурсы Германии. М., 1940. С. 109.

[108] Die franzosische Industrieproduktion und ihr Absatz für deutsche Rechnung. Paris, 1941. S. 5; Auftragsbeschtand und Lieferungen der besetzten, befreundeten. und neutralen Lander. Berlin, 1944. S. 2–3.

[109] Auftragsbeschtand und Lieferungen der besetzten, befreundeten und neutralen Lander. S. 2–4.

[110] История второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. М., 1974. С. 283.

[111] Der Aussenhandel Deutschlands, 1941.

[112] Auf antisowjetischem Kriegskurs. S. 285–286.

[113] Подсчитано по: Промышленность Германии в период войны 1939–1945. С. 41.

[114] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 184.

[115] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945. / Пер. с нем. М., 1956. Т. 1. С. 31.

[116] Deutschlands wirtschaftliche Lage an der Jahreswende 1939/40. Berlin, 1940. S. 39–40.

[117] *Блейер В.* и др. Германия во второй мировой войне / Пер. с нем. М., 1971. С. 67–68.

[118] Анатомия войны. С. 307–309.

[119] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945 / Пер. с нем. М., 1958. Т. 2. С. 119–120.

[120] Промышленность Германии в период войны 1939–1945. С. 39.

[121] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. Stuttgart, 1983. S. 143.

[122] Kriegswirtschaftliche Jahresberichte 1938. S. 13–15.

[123] *Thomas G.* Operatives und wirtschaftliches Denken // Kriegswirtschaftliche Jahresberichte 1937. Hamburg, 1937. S. 15.

[124] Militärwissenschaftliche Rundschau. 1937, N. 2. S. 2.

[125] Auf antisowjetischem Kriegskurs. S. 271.

[126] Das Deutsche Reich und Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 119.

[127] Так, например, план «Барбаросса» предусматривал захват советского побережья Балтийского моря в первую очередь в целях устранения возможной угрозы со стороны советского ВМФ поставкам железной руды из Швеции.

[128] Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: в 8 т. М., 1998. Т. 3. С. 538.

[129] *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 1–2. München, 1940. Bd. 2. S. 296–297.

[130] Ibid. S. 297.

[131] Hitlers Zweites Buch. Ein Dokument aus dem Jahr 1928. Stuttgart, 1961. S. 158.

[132] *Rosenberg A.* Der Mythus des 20. Jahrhuderts. 2. Aufl. München, 1934. S. 113, 649.

[133] *Rauschning H.* Hitlers Aim in War and Pease. London, 1940. P. 27.

[134] Dokumente zur deutschen Geschichte. 1933–1935. B., 1977. S. 24.

[135] *Hitler A.* Op. cit. Bd. 2. S. 264, 308–309; *Rosenberg A.* Der Mytos des XX. Jahrhunderts. S. 101–104.

[136] *Kuhn A.* Hitlers aussenpolitisches Programm. Entstehung und Entwicklung 1919–1939. Stuttgart, 1970. S. 35, 53.

[137] *Hitler A.* Op. cit. Bd. I. S. 145–146; Bd. 2. S. 253, 306.

[138] Ibid. Bd. 2. S. 260; *Rosenberg A.* Der Zukunftsweg eines deutscen Aussenpolitik. S. 51; Hitlers Zweies Buch. S. 216–217.

[139] Hitlers Zweites Buch. S. 217; *Rosenberg A.* Der Zukunftsweg einer deutschen Aussepolitik. S. 14.

[140] *Бровко Л. Н.* Германская социал-демократия в годы фашистской диктатуры 1933–1945. М., 1998. С. 39; Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. B., 1966. Bd. 5. S. 441–442.

[141] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. B., 1974. Bd. 1. S. 70.

[142] Нюрнбергский процесс. М., 1997. Т. 7. С. 9–10; Die tödliche Utopie: Bilder. Texte. Dokumente zum Dritten Reich. Hrsg. von H. Möller,V. Dahm und H. Mehring unter Mitarbeit von A. A. Feiber. München, 2001. S. 129 (Далее: Die Tödliche Utopie).

[143] См.: *Шульце Х.* Краткая история Германии / Пер. с нем. М., 2004. С. 177; Nazionalsozialistische Diktatur 1933–1945. Eine Bilanz. Bonn, 1983. S. 51.

[144] Нюрнбергский процесс. Т. 7. С. 555–556.

[145] Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С. 129.

[146] Die tödliche Utopie. S. 173–174.

[147] *Henning F. W.* Das Industrialisierte Deutschland 1914 bis 1972. Paderborn, 1974. S. 152–153.

[148] *Hoffmann W. G.* Das Wachstum der deutschen Wirtschaft seit der Mitte des 19. Jahrhunderts. B., Heidelberg, N. Y., 1965. S. 214.

[149] *Файнгар И. М.* Очерк развития германского монополистического капитала. М., 1958. С. 255–256.

[150] См.: *Моссе Дж.* Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма / Пер. с англ. М., 2003.

[151] Die Tödliche Utopie. S. 103–104.

[152] Ibid. S. 105.

[153] Ibid. S. 104, 134.

[154] Вторая мировая война: дискуссии, основные тенденции, результаты исследований / Пер. с нем. М., 1995. С. 336.

[155] Die tödliche Utopie. S. 119.

[156] Ibid. S. 208.

[157] Причины второй мировой войны. Документы и комментарии. М., 1988. С. 189–191.

[158] Die tödliche Utopie. S. 230, 236.

[159] Вторая мировая война: дискуссии, основные тенденции, результаты исследований. С. 638; Die Tödliche Utopie. S. 212.

[160] *Arndt I., Scheffer W.* Organisierter Massenmord an Jüden in nationalsozialistischen Vernichtungslagern // Nationalsozialistische Diktatur 1933—1945. Eine Bilanz. Bonn, 1983. S. 548.

[161] Вторая мировая война: дискуссии, основные тенденции, результаты исследований. С. 641; Die tödliche Utopie. S. 230.

[162] *Шульце X.* Указ. соч. С. 175.

[163] Anatomie des Krieges. Neue Dokumente über die Rolle des deutschen Monopolkapital bei der Vorbereitung und Durchführung des Zweiten Weltkrieges. B., 1969. S. 120—121.

[164] *Müller K.-J.* Armee und Drittes Reich. Paderborn, 1987. S. 272.

[165] Вторая мировая война: дискуссии, основные тенденции, результаты исследований. С. 638.

[166] Wörterbuch zur deutschen Mlitärgeschichte. B., 1985. S. 1053.

[167] Причины второй мировой войны. Документы и комментарии. С. 274; Trial of Major War Criminals before the International Military Tribunal Nuremberg, 1947—1949 (далее — IMT). Vol. XXXIV. P. 645—647.

[168] Anatomie des Kriges. S. 150

[169] Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Ист. очерк. М., 2005. С. 354.

[170] Fall Barbarossa. Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Agression gegen die Sowjeunion, (1940—1941). B., 1970. S. 55—56 (Далее: Fall Barbarossa).

[171] См.:Сборник документов по международной политике и международному праву. Вып. 10. М., 1936. С. 41—42.

[172] *Kuusisto S.* Alfred Rosenberg in der nationalsozialistischen Aussepolitik 1933—1939. Helsinki, 1984. S. 121.

[173] Das Politische Tagebuch Alfred Rosenbergs aus den Jahren 1934/35 und 1939/40. Göttingen, 1956. S. 25—26. S. 121.

[174] Auf antisowjetischem Kriegskurs. S. 26

[175] Wissenschaftliche Zeitschrift der Wilhelm-Pick-Universitet. Rostock, 1977. H. 2. S. 71.

[176] ADAP. Serie C. Bd. I,1. S. 75, 106.

[177] Allianz Hitler — Hortrhy — Mussolini. Dokumente zur ungarischen Aussenpolitik (1939—1944). Budapest, 1966. S. 17.

[178] Die Erhebung der österreichischen Nationalsozialisen im Juli 1934 (Akten der historischen Komission des Reichsführer SS). Wien, 1965. S. 74

[179] Ibid. S. 68—69.

[180] *Funke M.* Sanktionen und Kanonen. Hitler, Mussolini und der internationale Abessinian Konflikt 1934—1936. Düsseldorf, 1970. S. 23.

[181] Ibid. S. 27.

[182] Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 29; *Ross D.* Hitler und Dolfus. Die deutsche Österreichpolitik. 1933—1934. Hamburg, 1966. S. 223.

[183] Das politische Tagebuch Alfered Rosenbergs... S. 29.

[184] *Freund M.* Deutsche Geschicte. Güterslho, 1971. S. 1225.

[185] *Kuusisto S.* Op. cit. S. 200.

[186] *Suvich F.* Memoire 1932—1936. Milamo. 1984. P. 308—310.

[187] ADAP. Serie C. Bd. IV, 2. Göttingen, 1975.S. 955.

[188] Ibid. S. 958—959.

[189] Война и общество в XX веке: в 3 кн. Кн. 2: Война и общество накануне и в период Второй мировой войны. М., 2008. С. 106.

[190] *Fox J. P.* Germany and the Far Eastern Crisic. 1931—1938. L., 1982. P. 81.

[191] *Sommer Th.* Deutschland und Japan zwischen den Mächten 1935—1940. Vom Antikomintern Pakt zum Dreimächte Pakt. Tübingen, 1962. S. 20.

[192] Памятные страницы истории 1941—1945. М., 2009. С. 61.

[193] *Jacobsen H.-A.* Nationalsozialistischtische Aussepolitik 1933—1938. Frankfurt a. M., 1968. S. 425.

[194] *Abendroth H.* Hitler in der spanischen Arena. Paderborn, 1979. S. 36.

[195] *Kuhn A.* Op. cit. S. 199, 263.

[196] Anatomie des Krieges. S. 145—146.

[197] *Wiskeman E.* The Rome — Berlin Axis. A Study of the Relations beetwin Hitler and Mussolini. L., 1966. S. 87—88.

[198] Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Док. и материалы. М., 2005. С. 17–19.
[199] *Wiskeman E.* Op. cit. S. 92.
[200] См.: *Лопухов Б. Р.* История фашистского режима в Италии. М., 1977. С. 186.
[201] Мировые войны XX века. Кн. 4 . Вторая мировая война. Док. и материалы. С. 20–21.
[202] *Риббентроп И.* Между Лондоном и Москвой: воспоминания и последние записи М., 1996. С. 91.
[203] Japan at War / By the Editors of Time-Life Books. Aleksandria (Virginia), 1980. P. 167–168.
[204] *Kuusisto S.* Op. cit. S. 132.
[205] Die Weizsäcker-Papere. 1933–1950. Hrsg. von L. E. Hill. Frankfurt a. M., 1974. S. 127–128.
[206] Hitler, Deutschland und die Mächte. Materialien zur Aussenpolitik des Dritten Reiches. Düsseldorf, 1977. S. 421.
[207] 1939 год. Уроки истории. М., 1990. С. 36.
[208] *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторический очерк. Документы и материалы. Т. 1. М., 1973. С. 125–127.
[209] *Проектор Д. М.* Агрессия и катастрофа. М., 1968. С. 22.
[210] Энциклопедия военного искусства. Командиры Второй мировой войны. М., 1998. С. 27.
[211] IMT. Vol. XXV. P. 416.
[212] *Galera K.* S. Die Achse Berlin — Rom. Entstehung — Wesen — Bedeutung. Leipzig, 1939. S. 253.
[213] Die Weizsäcker-Papiere 1933–1950. 1974. S. 127.
[214] Ibid. S. 128.
[215] The National Archiv of United Staates: A microfilm Publication. T. 20–337. P. 246004 (Далее: NAUS); Памятные страницы истории 1941–1945. М., 209. С. 66; Мюнхен — преддверие войны. Исторические очерки. М., 1989. С. 126–127.
[216] Причины второй мировой войны: Док. и комментарии. М., 1989. С. 660.
[217] Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Ист. очерк. М., 2005. С. 46.
[218] *Kuusisto S.* Op. cit. S. 132.
[219] Причины второй мировой войны. Док. и комментарии. С. 661–662.
[220] *Groscurth H.* Tagebücher eines Abwehroffiziers, 1938–1940. Stuttgart, 1970. S. 190; *Hassel U.* Von anderen Deutschland: Aus den nachgelassenen Tagebüchern, 1938–1944. Frankfurt a. M., 1964. S. 77.
[221] Причины второй мировой войны. Док. и комментарии. С. 273.
[222] 1939 год: Уроки истории. М., 1990. С. 45.
[223] Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Ист. очерк. М., 2005. С. 52.
[224] NAUS. T. 20–337. P. 245798.
[225] Ibid. P. 245794-95.
[226] *Schmidt P.* Statist auf diplomatischer Bühne. S. 437.
[227] Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Док. и материалы. С. 64–65.
[228] *Дашичев В. И.* Указ. соч. С. 137.
[229] IMT. Vol. XXXI. P. 156–159.
[230] Die Weizsecker Papiere 1933–1950. S. 158.
[231] Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Ист. очерк. С. 95.
[232] Там же.
[233] ADAP. Serie D. Bd. VIII. Baden-Baden, 1961. S. 296–297.
[234] Zwei Wege nach Moskau.Von Hitler-Stalin-Pakt zum «Unternehmen Barbarossa» / Hrsg. von B. Wegner. München, Zürich, 1991. S. 537.
[235] Документы внешней политики. 1939 г. М., 1992. Т. 22. Кн. 2. С. 368.
[236] NAUS. T. 20–337. P. 246156.
[237] Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Док. и материалы. С. 103.
[238] Die Weizsäcker — Papiere 1933–1950. S. 254.
[239] IMT. Vol. XXXIV. P. 609.
[240] *Рагинский Г. М., Розенблит С.* Международный процесс главных японских военных преступников. М., 1956. С. 242.
[241] См.: Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: в 8 т. М., 1989. Т. 3. С. 613–617.
[242] Das Deutsche Reich und der Zweite Weitkrieg. Bd. 4. Der Angriff auf die Sowjetunion. Stuttgart, 1983. S. 9.

[243] Auf antisowjetischem Kriegskurs. S. 95.
[244] Fall Barbarossa. S. 120–121.
[245] Ibid. S. 123–124; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 219.
[246] *Проектор Д. М.* Агрессия и катастрофа. С. 142; Auf antisowjetischem Kriegskurs. S. 105.
[247] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 216.
[248] Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Док. и материалы. С. 122–123.
[249] Fall Barbarossa. S. 121.
[250] Ibid. S. 122.
[251] Ibid. S. 125.
[252] Ibid. S. 123, 126.
[253] Россия. XX век. Документы. 1941 г.: в 2 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 153–156.
[254] Fall Barbarossa. S. 122.
[255] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 228.
[256] Ibid. S. 226–227.
[257] См.: *Ямпольский В. П.* «...Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер, 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии. 1937–1945. М., 2008. С. 591.
[258] Fall Barbarossa. S. 130.
[259] Ibid. S. 130–131.
[260] Ibid.
[261] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 370.
[262] Ibid; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkriegs. Bd. 4. S. 234.
[263] *Ямпольский В. П.* Указ. соч. С. 599.
[264] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. B., 1974. Bd. 1. S. 379, 523; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 233.
[265] Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Док. и материалы. С. 124–127.
[266] *См.: Ямпольский В. П.* Указ. соч. С. 611–619; Fall Barbarossa. S. 153–156.
[267] *Гальдер Ф.* Военный дневник: Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. / Пер. с нем. М., 1968. С. 368, 374.
[268] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 353.
[269] Военно-исторический журнал. 1971. № 6. С. 106.
[270] Бывший военный архив ГДР. Ед. хр. ВФ-10/22780. Л. 432; Ед. хр. ВФ-10/22800. Л. 642–651.
[271] См.: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М., 1958. Т. 2. С. 135–152, 215–267.
[272] См.: Там же. С. 53, 137, 140.
[273] Бывший военный архив ГДР. Ед. хр. ВФ-10/13502. Л. 921–922.
[274] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 5/1. Stuttgart, 1983. S. 874–875.
[275] Операции советских вооруженных сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР. Т. 1. М., 1958. С. 30
[276] В ходе войны против СССР танковые группы были переименованы в танковые армии, а моторизованные корпуса — в танковые корпуса.
[277] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945. Т. 1. М., 1956. С. 38.
[278] Операции советских вооруженных сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР. Т. 1. С. 31
[279] Там же. Т. 1. С. 47.
[280] История западноевропейских армий / В. Н. Богданов, В. В. Ермаченков, Б. Г. Путилин, А. П. Рогалев. М., 2003. С. 291.
[281] Там же.
[282] Там же. С. 292.
[283] Бывший военный архив ГДР. Ед. хр. ВФ-03/13059. Л. 173–183, 187.
[284] См.: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. Т. 2. С. 47.
[285] Бывший военный архив ГДР. Ед. хр. ВФ-03/24215. Л. 713–714.

[286] 1941 год — уроки и выводы: Генеральный штаб Объединенных вооруженных сил СНГ. М., 1992. С. 14.
[287] Militärarchiv der DDR. WF-03/5669. B1. 703–712.
[288] Бывший военный архив ГДР. Ед. хр. ВФ-03/13076. Л. 661–662.
[289] Там же. Ед. хр. ВФ-03/24215. Л. 713–714, 834–836
[290] См. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 265.
[291] Ibid. S. 266–267.
[292] Операции советских вооруженных сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР. Т. 1. С. 26.
[293] Там же. С. 185.
[294] См.: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. Т. 2. С. 53, 105, 152.
[295] 1941 год — уроки и выводы: Генеральный штаб Объединенных вооруженных сил СНГ. С. 15.
[296] *Groeler O.* Geschichte des Luftkriegs 1913 bis 1970. Berlin, 1975. S. 295–296.
[297] Операции советских вооруженных сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР. Т. 1. С. 25.
[298] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 652–696.
[299] Бывший военный архив ГДР. Ед. хр. ВФ-10/2829. Л. 848, 850.
[300] Там же. С. 29.
[301] 1941 год — уроки и выводы: Генеральный штаб Объединенных вооруженных сил СНГ. С. 18.
[302] Бывший военный архив ГДР. Ед. хр. ВФ-10/7829. Л. 850.
[303] 1941 год — уроки и выводы: Генеральный штаб Объединенных вооруженных сил СНГ. С. 19.
[304] Военно-исторический журнал. 2011. № 6. С. 18–21.
[305] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 534.
[306] Цит. по: История второй мировой войны 1939–1945. М., 1974. Т. 3. С. 47.
[307] Великая Отечественная война. 1941–1945.Военно-исторические очерки. Кн. 1. М., 1998. С. 76.
[308] Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР — Германия. 1933–1941. М., 2009. С. 301–313, 318–319.
[309] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 106.
[310] Вестник Архива Президента Российской Федерации. С. 310–311.
[311] URL: http://masterdl. livejournal. com/34940. html
[312] *Гальдер Ф.* Военный дневник / Пер. с нем. М., 1969. С. 92, 236, 342; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 248–249.
[313] Великая Отечественная война 1941–1945. Т. 1. С. 101.
[314] Там же.
[315] История второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. С. 329–330; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 268–269.
[316] Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Док. и материалы. С. 125, 127.
[317] IMT. Vol. XXXIV. P. 217–219.
[318] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 530.
[319] Fall Barbarossa. S. 169.
[320] Военно-исторический журнал. 1971. № 6. С. 107.
[321] Там же. С. 259–260.
[322] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 336.
[323] *Menger M.* Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. B., 1988. S. 81.
[324] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 530.
[325] Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 1–2. М., 1954. Т. 2. С. 412.
[326] Там же. С. 640.
[327] Цит. по: Россия и Германия: Вып. 2. М., 2001. С. 246.
[328] Wehrwissenschaftliche Rundschau.1968. Heft 6. S. 330–331.
[329] Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Ист. очерк. С. 105.
[330] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 897–898.

[331] Военно-исторический журнал. 1965. № 5. С. 89–92; Оглашению подлежит: СССР — Германия. 1939–1941. Документы и материалы. М., 1991. С. 341.

[332] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 530–531.

[333] IMT. Vol. XXXVIII. S. 23.

[334] Ibid. S. 401.

[335] Fall Barbarossa. S. 88–89.

[336] Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. М., 1987. С. 70.

[337] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 426–440.

[338] Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab), 1940–1945. Frankfurt a. M., 1965. Bd. 1. S. 258.

[339] Нюрнбергский процесс. Т. 4. М., 1990. С. 365–394.

[340] Там же. С. 361, 368.

[341] Там же. С. 368.

[342] Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Ист. очерк. С. 358.

[343] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 554–559.

[344] Новые документы по новейшей истории. М., 1996. С. 133–137.

[345] Нюрнбергский процесс. Т. 3. С. 556.

[346] Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. С. 62.

[347] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1974. Bd. 1. S. 561.

[348] Ibid. Bd. 2. S. 118.

[349] Цит по: Тоталитаризм в Европе XX века. С. 290–291.

[350] Цит по: Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Ист. очерк. С. 397.

[351] См.: Вестник МГИМО — Университета. 2009. № 5(8). С. 55.

[352] Великая Отечественная война. 1941–1945: Военно-исторические очерки. М., 1998. Кн. 1. С. 113.

[353] Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. С. 132.

[354] IMT. Vol. XXXIV. P. 707.

[355] Правда. 1941. 14 июня.

[356] Preventivkrieg? Der deutschen Angriff auf die Sowjetunion. Ergänzte Auflage. Hrg. von Pietrow-Ennker. Frankfurt a. M., 2011. S. 31.

[357] Оглашению подлежит: СССР — Германия.1939–1941: Документы и материалы. С. 347–349.

[358] Документы внешней политики. 1940 — 22 июня 1941. Т. XXIII: в 2 кн. Кн. 2(2). 2 марта 1941 — 22 июня 1941. М., 1998. С. 753.

[359] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 443.

[360] IMT. Vol. XXVI. P. 399–401.

[361] *Groeler O.* Op. cit. S. 295–296.

[362] IMT. Vol. XXV. P. 391–394; Vol. XXXIV. P. 241–242.

[363] Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Док. и материалы. С. 137–139; Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1933–1945. Frankfurt a. M., 1962. S. 129–133.

СССР НАКАНУНЕ НАПАДЕНИЯ ГЕРМАНИИ

Состояние советской экономики

Экономическая стратегия государства. К середине 1920-х годов СССР все больше отставал по основным показателям от индустриальных держав, которые после Первой мировой войны не только восстановили, но и значительно увеличили свой экономический потенциал. В обстановке враждебного окружения это не только неизбежно вело к потере экономической независимости, но и создавало угрозу самому существованию Советского Союза. Требовалось не просто увеличить мощности имевшихся в стране сырьевых и промышленных производств, но и преобразовать сам тип экономического развития, сместив центр тяжести экономической политики из традиционного аграрного сектора в промышленный. Без создания собственных станков, тракторов, электротурбин, двигателей внутреннего сгорания, без повышения агротехнического уровня сельскохозяйственного производства дальнейшее развитие было невозможно.

Началом поворота на ускоренное экономическое развитие СССР стал 1929 г., когда на XVI партконференции был принят первый пятилетний план, рассчитанный на период с октября 1928 г. по сентябрь 1933 г.[1] После утверждения V съездом Советов СССР в мае 1929 г. план стал законом, обязательным к исполнению[2].

Плановые задания, однако, вскоре изменили. В декабре 1929 г. на съезде ударников был выдвинут лозунг «пятилетку в четыре года». Летом 1930 г. на XVI съезде ВКП (б), получившем название «съезда развернутого наступления социализма по всему фронту», форсированный вариант индустриализации был принят окончательно. И без того напряженные задания пятилетки были подняты в среднем в два раза.

Непоследовательность в вопросах экономического строительства привела к перенапряжению сил страны и породила негативные явления. Катастрофически замедлились темпы экономического роста. В то же время увеличивались себестоимость промышленной продукции, ее энергоемкость, а качество, наоборот, снижалось. В результате ошибок в планировании и просчетов в экономике в упадок стала приходить и финансовая система страны. Это привело к прекращению финансирования 613 из 1659 основных строящихся объектов. Из-за нехватки ассигнований пришлось свернуть намеченные планы в такой ключевой отрасли промышленности, как металлургия. Из предусмотренных планом строительства новых транспортных путей в эксплуатацию была сдана только треть из них, а радикальная реконструкция транспорта так и не началась[3]. Всё это негативно отражалось и на оборонной промышленности.

В целом первая пятилетка оказалась не выполненной по выплавке чугуна и стали, производству проката, минеральных удобрений, добыче железной руды, производству электроэнергии, выпуску автомобилей и другим важнейшим показателям[4]. Тем не менее в пропагандистских целях политическим руководством Советского Союза пятилетка была объявлена выполненной досрочно.

Второй пятилетний план развития народного хозяйства на 1933–1937 гг. был утвержден на состоявшемся в январе — феврале 1934 г. XVII съезде ВКП(б). План продолжал политику индустриализации с упором на тяжелую промышленность. Как и в предшествующую пятилетку, намечалось создание новых опорных баз индустрии на востоке страны. В районы Урала, Западной и Восточной Сибири, Средней Азии направлялось до половины всех капиталовложений на новое строительство тяжелой промышленности и развитие сети железных дорог.

Плановые задания второй пятилетки носили более сбалансированный характер. В отличие от директивных методов первой пятилетки упор стал делаться на хозрасчет, хозяйственную самостоятельность предприятий и материальную заинтересованность рабочих в увеличении производства и улучшении качества продукции. Были осуждены идеи вытеснения денег прямым продуктообменом и централизованным распределением. Проводились эксперименты, связанные с совершенствованием системы хозяйственного руководства промышленностью и транспортом.

Предпринятые меры привели к стабилизации экономического положения и улучшению условий жизни. 1 января 1935 г. были отменены карточки на хлеб, с 1 октября того же года — карточки на мясные продукты, жиры, сахар, картофель, а с 1 января 1936 г. ликвидировано карточное распределение непродовольственных товаров[5].

Индустриализация изменила облик советской экономики. За годы первых двух пятилеток СССР из страны, ввозившей станки и машины, превратился в страну, производящую их. Численность городского населения за это время увеличилась примерно на 20 млн человек. Были освоены новые промышленные районы на востоке страны. Возникли целые отрасли индустрии, которых не было в дореволюционной России: авиационная, тракторная, электроэнергетическая, химическая и другие.

В 1937 г. по объему продукции СССР вышел на первое место в Европе и на второе место в мире (после США)[6], став государством, способным обходиться без импорта стратегических товаров и самостоятельно производить большинство видов необходимой продукции.

В плане третьей пятилетки на 1938–1942 гг., рассмотренном на XVIII съезде ВКП(б), главное внимание уделялось не количественным, а качественным показателям. Упор был сделан на увеличение выпуска легированных и высококачественных сталей, легких и цветных металлов. Намечались серьезные меры по развитию химической промышленности и химизации народного хозяйства, внедрению комплексной механизации, и даже планировалось осуществить первые попытки автоматизации производства[7].

Капитальные вложения в народное хозяйство в предвоенные годы оказались самыми крупными за всю историю развития Советского государства. Если в первой пятилетке они составляли 7,3 млрд рублей, во второй — 16,6 млрд рублей, то лишь за три с половиной года третьей пятилетки (1938 г. — июнь 1941 г.) их объем составил 17,3 млрд рублей. Это позволило увеличивать ввод в строй основных производственных фондов. Если за первое пятилетие основных фондов было введено на 7,8 млрд рублей, за второе — на 14,5 млрд рублей, то за три с половиной года третьей пятилетки сумма оказалась на 15,6 млрд рублей больше, чем за всю вторую пятилетку. За эти три с половиной года только крупных промышленных предприятий было построено 3 тыс.[8]

Промышленность. В годы первой пятилетки было возведено около 1500 крупных промышленных объектов. Среди них Днепрогэс, Магнитка, Сталинградский и Харьковский тракторные, Московский и Горьковский автомобильные заводы, Саратовский завод комбайнов, первая очередь Уральского завода тяжелого машиностроения, завод фрезерных станков в Горьком, завод револьверных станков в Москве, Кузнецкий металлургический

Стахановка станкостроительного завода «Красный пролетарий» А. Н. Казакова
со своим учеником

завод, Уральский медеплавильный завод, Невский и Воскресенский химические заводы, завод «Шарикоподшипник», были развернуты разработки хибинских апатитов. На востоке страны создана новая мощная угольно-металлургическая база. Наряду с Днепрогэсом введены в строй сотни новых электростанций: Штеровка, Кашира, Ивгрэс, Нигрэс, Ленинградская вторая, Зуевка, Челябинская, Магнитогорская, Кизел, Стальгрэс и другие.

Многие станки и оборудование для этих предприятий ввозились из Европы и США. При этом возникала проблема пуска и эксплуатации этой техники отечественными инженерами и рабочими. Например, чтобы вывести на проектную мощность Сталинградский тракторный завод, построенный в 1930 г. (затруднения возникли с овладением американской техникой), потребовалось около двух лет.

Отдельные отрасли промышленности выполнили план пятилетки за три года. Машиностроение в целом должно было дать к концу пятилетки продукции на 4350 млн рублей, но уже в 1931 г. продукции было произведено на 4730 млн рублей. Электротехническая промышленность уже в 1931 г. произвела продукции на 925 млн рублей (на всю пятилетку запланировано производство на 895 млн рублей). Нефти намечалось всего добыть 21,7 млн т, а фактически уже в 1931 г. добыли 23,1 млн т. По производству тракторного сельскохозяйственного инвентаря план был перевыполнен на 32 %.

Однако некоторые отрасли промышленности не справились с плановыми наметками. В целом задания по первому пятилетнему плану оказались выполнены на 93,7 %. Был сорван план по черной металлургии: выплавка чугуна в 1932 г. предусматривалась в объеме 9 млн т, но в действительности выплавили только 6,2 млн т. Это отразилось на производстве стали и проката, показатели выпуска которых также отстали от плана. Недостаток чугуна и стали больно ударил по всему промышленному производству, в том числе и по оборонной промышленности. Был также недовыполнен план по легкой промышленности.

В 1932 г. фактический прирост промышленного производства составил всего 14,7 %, тогда как намечалось 36 %[9]. Тем не менее руководство страны заявило, что первая пятилетка выполнена досрочно — за четыре года и три месяца.

Объем продукции крупной промышленности в 3,3 раза превысил довоенный уровень и в 2,2 раза уровень 1928 г. Ее удельный вес в валовой продукции народного хозяйства достиг 70 %. К 1932 г. производство электроэнергии достигло 13,5 млрд квт/ч, добыча угля — 64,4 млн т, выплавка чугуна — 6,2 млн т, стали — 5,9 млн т, выпущено 49 тыс. штук тракторов, 24 тыс. штук автомашин[10].

Таким образом, основная цель первой пятилетки — перевести отечественную экономику на рельсы индустриального развития — была достигнута.

Подобные результаты не имели прецедента в мировой истории. СССР из страны, ввозящей промышленное оборудование, превращался в страну, его производящую. В СССР была создана техническая база, способная обеспечить дальнейшую реконструкцию народного хозяйства с опорой преимущественно на собственные силы.

В атмосфере середины 1930-х гг. возникло стахановское движение, сыгравшее важную роль в выполнении планов второй пятилетки. Имя движению дал донецкий шахтер Алексей Стаханов. Ему принадлежит инициатива внедрения на шахте бригадной организации труда, когда каждый рабочий специализировался на выполнении только определенного вида работы. Это позволило экономить общее время работы, поднять ее качество и резко увеличить производительность труда[11].

В целях распространения передового опыта ЦК ВКП (б) в 1935 г. провел Всесоюзное совещание стахановцев[12]. В том же году пленум ЦК ВКП(б) обязал все партийные и советские органы на местах оказывать стахановцам всемерную поддержку. За свой труд они получали достойное вознаграждение[13]. Благодаря этому стахановское движение быстро распространилось по всем отраслям промышленности.

Большой шаг вперед советская держава сделала в годы второй пятилетки. Несмотря на то что планы развития легкой промышленности и роста благосостояния населения в полном объеме выполнить не удалось, результаты развития индустрии оказались более впечатля-

ющими, чем показатели первой пятилетки. Стахановское движение позволило увеличить производительность труда не на 63 %, как предполагалось, а на 82 % против 41 % в первой пятилетке. За счет роста производительности труда удалось получить 2/3 всего прироста промышленной продукции. Валовая продукция промышленности выросла в 2,2 раза против двукратного роста в первой пятилетке, хотя численность рабочих и служащих увеличилась незначительно. В строй вступило 4,5 тыс. крупных предприятий[14].

В машиностроении, например, к 1937 г. удельный вес новых либо полностью реконструированных заводов составлял 88,6 %. Производство нефти удалось поднять приблизительно в 1,4 раза, угля — в 2 раза, электроэнергии — в 2,7 раза, а производство проката возросло более чем в 3 раза[15].

Удалось несколько выправить положение дел в области черной металлургии (табл. 1), хотя качество чугуна и стали по-прежнему было невысоким.

Таблица 1

Рост производства черной металлургии в годы первых двух пятилеток (млн т)[16]

Наименование продукции	1927/28 г.	1932 г.	1937 г.
Чугун	3,2	6,2	14,5
Сталь	4,2	5,9	17,7
Прокат	3,4	4,4	13,0

За три года третьей пятилетки (до июня 1941 г.) объем промышленного производства в целом вырос на 34 %, что было близко к плановым показателям[17].

Таким образом, за годы первых пятилеток в СССР была создана мощная промышленная база, опиравшаяся в основном на внутренние ресурсы.

Сельское хозяйство. Эта отрасль экономики к середине 1920-х гг. была в СССР наиболее отсталой. Ее отличали низкая урожайность сельскохозяйственных культур и медленный рост объемов производства. Так, в 1928–1929 гг. по сравнению с предыдущим годом он составил всего 104,4 %, причем обеспечивался в значительной степени за счет расширения посевов технических культур[18]. Что же касается посевных площадей, занятых зерновыми культурами, то только в 1929 г. они достигли размеров площадей 1913 г. В результате валовой сбор зерновых оказался существенно ниже. Если в 1913 г. было собрано 96,6 млн т зерновых, то в 1925/26 гг. — 74,5 млн т, в 1926/27 гг. — 78,3 млн т, в 1927/28 г. — 73,6 млн т, в 1928/29 гг. — 73,3 млн т[19].

Но именно за счет сельского хозяйства в первую очередь аккумулировались финансовые средства, обеспечивавшие форсированную индустриализацию страны. На рубеже 1920–1930-х гг. руководство страны проводило политику ликвидации мелкого частного хозяйства крестьян-единоличников и приступило к принудительной сплошной коллективизации.

Вопреки решению прошедшего в декабре 1927 г. XV съезда ВКП(б) о постепенном развитии на селе всех форм кооперации ЦК партии принял в январе 1930 г. постановление «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», в котором намечались жесткие сроки проведения коллективизации. В основных зерновых районах страны (Среднее и Нижнее Поволжье, Северный Кавказ) ее должны были завершить к весне 1931 г., в Центральной черноземной области, на Украине, Урале, в Сибири и Казахстане — к весне 1932 г. К концу первой пятилетки коллективизацию планировалось осуществить в масштабе всей страны.

На практике и Политбюро ЦК ВКП(б), и низовые партийные организации взялись сделать это в еще более сжатые сроки. «Соревнование» за рекордно быстрое создание «районов сплошной коллективизации» сопровождалось грубыми нарушениями принципа добровольности вхождения в колхоз. Была проведена ликвидация кулацких хозяйств, в процессе которой перестали существовать около 1,1 млн хозяйств (до 15 % крестьянских дворов).

Колхозницы. Деревня Клишева, Московская область

Заливка металла в формы

Возмущенная часть крестьянства ответила террористическими актами против представителей местной власти и колхозного актива, поджогами обобществленного имущества, массовым забоем скота. Организаторов антисоветских и антиколхозных выступлений подвергали аресту и суду, многих владельцев признанных кулацкими хозяйств вместе с членами семьи выселяли в отдаленные местности СССР.

С 1928 по 1932 г. валовой сбор зерна упал, в первую очередь из-за силового разрушения частных хозяйств, с 73,3 млн т до 69,9 млн (при плановых наметках роста в 105,8 млн т), поголовье лошадей уменьшилось с 32,1 млн голов до 21,7 млн, поголовье крупного рогатого скота с 60,1 млн голов до 38,3 млн.

Ситуацию катастрофически усугубляли природные факторы. Вслед за урожайным 1930 г. зерновые районы Украины, Нижней Волги и Западной Сибири охватил неурожай. Для выполнения планов хлебозаготовок вновь вводились чрезвычайные меры. У колхозов изымалось 70 % урожая и более, вплоть до семенного фонда.

В результате зимой 1931/32 г. голод охватил территории с населением 25–30 млн человек, из которых погибли от 3 до 4 млн (по другим данным, а информация о голоде тщательно скрывалась, — 7 млн)[20].

Высокая смертность объяснялась не только постоянным недоеданием, но и массовым отравлением людей. Дело в том, что значительная часть собранного урожая расхищалась крестьянами, выступавшими против колхозного строительства, мешки с зерном прятали, закапывая их в землю в открытом поле[21]. Там, в условиях повышенной влажности, зерно заражалось плесневыми грибками, содержащими афлотоксины, которые являются самыми сильными гепатоканцерогенами из обнаруженных на сегодняшний день. При регулярном потреблении продуктов, зараженных афлотоксинами, происходит необратимое поражение печени. На Дону и Северном Кавказе крестьяне также сознательно содействовали распространению в зерне спорыньи (ядовитый паразитный гриб): давали пшенице несколько упреть, чтобы ее не забрали на экспорт. Пораженные спорыньей зерна содержат ядовитые алкалоиды. Употребление в пищу зерна ржи, зараженного спорыньей, ведет к заболеваниям, сопровождающимся галлюцинациями, болезнь в тяжелых случаях нередко заканчивается смертельным исходом.

В обычных условиях отравление афлотоксинами и спорыньей приводит к тяжелым заболеваниям, но редко заканчивается смертельным исходом. Иное дело, если одновременно имеют место и другие массовые отравления, резко снижающие иммунитет людей. Такая ситуация сложилась на Украине и юге России в 1932–1933 гг. из-за распространения сорной растительности. Засоренность полей озимой пшеницы в степной зоне Украины составляла от 18 до 84 % в сырой массе, яровой пшеницы на Украине — 33–76 %, Северном Кавказе — 34–97 %, Нижней Волге — 4–89,5 %[22].

Всё это могло стать одной из причин необычайно высокой смертности в 1932 г.

Таблица 2

Валовая продукция в России (1913) и СССР (1929–1933) зерновых и технических культур (млн ц)[23]

Сельскохозяйственные культуры	1913 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Зерновые	801,0	717,4	835,4	694,8	698,7	898,0
Хлопок (сырец)	7,4	8,6	11,1	12,9	12,7	13,2
Лен (волокно)	3,3	3,6	4,4	5,5	5,0	5,6
Сахарная свекла	109,0	62,5	140,2	120,5	5,6	90,0
Масличные	21,5	35,8	36,2	51,0	45,5	46,0

Ломка сложившихся в деревне форм хозяйствования вызвала серьезные трудности в развитии аграрного сектора. Как видно из таблицы 2, 1931–1932 гг. были самыми тяжелыми в деле становления колхозного производства.

Выросшая в 1930 г. продукция полеводства в 1931—1932 гг. резко сократилась. Исключением стали хлопок, лен и масличные культуры, где некоторое падение наблюдалось только в 1932 г. Наиболее резким было падение продукции сахарной свеклы в 1932 г.

Это объяснялось тем, что в начальный период коллективизации действовала установка на расширение посевных площадей. Предполагалось, что это автоматически приведет к увеличению валовых сборов, но на практике не оправдалось. Поэтому в конце 1932 г. власти отказались от огульного расширения посевных площадей. Главное внимание стало уделяться улучшению обработки земли, внедрению правильного севооборота и пара, улучшению семенного дела, поднятию урожайности даже ценой, если этого требовала практика, временного сокращения существующих посевных площадей. Поэтому, как это видно из таблицы 3, после 1932 г. урожайность стала постепенно возрастать.

Таблица 3

Урожайность сельскохозяйственных культур в СССР с 1928 по 1937 г., ц/га[24]

Сельскохозяйственные культуры	1928 г.	1932 г.	1934 г.	1937 г.
Все зерновые	7,9	7,0	8,5	11,5
Рожь озимая	7,8	8,4	8,4	12,9
Пшеница озимая	7,8	7,4	7,9	13,7
Пшеница яровая	8,0	5,1	8,9	10,1
Ячмень яровой	7,7	7,4	8,0	11,5
Хлопок орошаемый	8,5	6,9	6,1	14,5
Лен-долгунец (волокно)	2,4	2,0	2,5	2,7
Сахарная свекла (фабричная)	131,8	42,7	96,0	183,1
Картофель	81,8	70,6	83,2	95,6

Большое внимание уделялось механизации производства в колхозах и совхозах, увеличению количества сельскохозяйственных машин (табл. 4).

Таблица 4

**Тракторный парк в сельском хозяйстве СССР в 1929—1933 гг.
(с учетом амортизации), тыс. шт.[25]**

Тракторы	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Общее количество	34,9	72,1	125,3	148,5	204,1
В том числе:					
в МТС	2,4	31,1	63,3	74,8	122,3
в совхозах	9,7	27,7	51,5	64	81,8

К сожалению, содержание тракторов и машин в МТС и совхозах было неудовлетворительным. Большей частью они находились под открытым небом, текущий и средний ремонт их не производился.

Крупные экономические издержки коллективизации не остановили ее проведения. К концу второй пятилетки было организовано свыше 243 тыс. колхозов. В их составе находилось более 93 % от общего числа крестьянских дворов. В 1933 г. была введена система обязательных поставок сельскохозяйственной продукции государству. Устанавливаемые на нее государственные цены были намного ниже рыночных. Административно-командная система управления колхозами, высокие размеры государственных поставок, низкие заготовительные цены на сельхозпродукцию безусловно тормозили экономическое развитие хозяйств.

Большое значение для организационно-хозяйственного укрепления колхозов имел ряд совещаний в 1935–1936 гг. передовиков сельского хозяйства с руководителями партии и правительства по вопросам организации труда в колхозах, стахановского движения, лучшего использования техники и работы МТС и другим. Эти совещания не только вскрыли проблемы, имеющиеся в колхозном строительстве, но и выявили значительные резервы сельского хозяйства, позволяющие более эффективно использовать передовую технику и в результате повысить производительность труда и урожайность.

Главной проблемой было создание крупных форм организации сельского хозяйства, позволяющих гармонично сочетать личные интересы крестьян с общественными и государственными интересами. Попыткой решения этой проблемы стал Примерный устав сельскохозяйственной артели, принятый II Всесоюзным съездом колхозников-ударников и затем утвержденный СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17 февраля 1935 г.[26] Устав унифицировал организационную форму колхозного строительства, приняв за основу сельскохозяйственную артель.

Принятые меры привели к улучшению агрокультур, расширению посевных площадей, повышению урожайности, усилению заинтересованности крестьян в результатах своего труда, что способствовало, как это видно из таблицы 5, постепенному росту продукции полеводства.

Таблица 5

Продукция полеводства в России (1913) и СССР (1920–1930), млн ц[27]

Сельскохозяйственные культуры	1913 г.	1928 г.	1932 г.	1937 г.
Зерновые	801	733,2	698,7	1202,9
В том числе:				
озимая и яровая пшеница	262	213,2	202,5	468,6
рожь озимая	251	187,9	217,4	292,0
ячмень	107,9	53,3	50,3	106,0
Хлопок-сырец	7,4	8,2	12,7	25,8
Лен-волокно	3,6*	3,2	5,0	5,7
Сахарная свекла (фабричная)	109,0	101,4	65,6	218,6
Картофель	233,1	464,4	431,2	656,3

*В Долгунцовом районе.

Однако положение дел в животноводстве продолжало оставаться сложным. Фактически поголовье крупного рогатого скота и лошадей не удалось восстановить и после окончания второй пятилетки.

Таблица 6

Состояние животноводства в СССР в конце 1920-х и в 1930 гг., млн голов[28]

Сельскохозяйственные животные	1928 г.	1932 г.	1934 г.	1938 г.
Лошади	33,5	19,6	15,6	16,2
Крупный рогатый скот	70,5	40,6	42,4	50,9
Овцы и козы	146,7	52,1	51,9	66,6
Свиньи	26,0	11,6	17,4	25,7

При всех крупных издержках коллективизация позволила увеличить товарность сельского хозяйства. Мелкое единоличное крестьянское хозяйство имело товарность зернового производства не выше 10–12 %, тогда как товарность зерновых хлебов в совхозно-колхозном секторе была не ниже 40 %. Это имело решающее значение для индустриализации, поскольку

позволяло не только накормить увеличивающееся население городов, но и экспортировать часть товарного хлеба для закупки зарубежной техники и оборудования. Благодаря коллективизации получил мощный толчок процесс урбанизации населения (его роста в городах).

Транспорт. Курс на индустриализацию страны определил повышенные требования к транспорту, в первую очередь — к железнодорожному. Первый пятилетний план предусматривал увеличение грузооборота железных дорог с 93,4 млрд ткм в 1928 г. до 102,7 млрд ткм к концу пятилетки. Планировалось построить 16 181 км железнодорожных линий, в том числе 7923 км в районах Урала, Сибири и Казахстана, и осуществить крупные реконструктивные мероприятия: электрифицировать ряд железнодорожных участков, ввести мощные локомотивы с нагрузкой 20–21 т на ось и большегрузные вагоны, усилить верхнее строение пути, внедрить автоблокировку на наиболее загруженных линиях, увеличить количество вагонов, оборудованных автотормозами[29].

Объем капитальных вложений в железнодорожный транспорт из бюджета страны в первой пятилетке предусматривался в размере 727 млн руб., что составляло почти 10 % общих капиталовложений в народное хозяйство. Однако реконструкция железнодорожного транспорта проходила медленнее, чем было задумано, техническое перевооружение отставало от плана. Замедлился рост перевозок.

Между тем развитие тяжелой промышленности, черной и цветной металлургии, машиностроения, увеличение добычи полезных ископаемых требовало ускорить перестройку работы транспорта. В 1931 г. была конкретизирована программа технической реконструкции железных дорог. Главным направлением стала их электрификация. Намечалось электрифицировать 475 км линий с наиболее густым пассажирским потоком, а также ускорить механизацию погрузочно-разгрузочных процессов. В безводных районах на линиях Красноводск — Чарджуй, Сальск — Батайск, Сталинград — Тихорецкая предполагалось в течение 1932–1933 гг. ввести тепловозную тягу[30].

В начале первой пятилетки было завершено сооружение Турксиба — железной дороги, связавшей Сибирь и Туркестан. Замысел этой дороги родился еще в конце XIX в. Ее участок от Ново-Николаевска до Семипалатинска (Алтайская железная дорога) был сдан в постоянную эксплуатацию в 1917 г. Продолжить строительство удалось только в 1927 г.

Укладка пути Турксиба велась с двух концов. Смычка (соединение северного и южного участков) произошла 25 апреля 1930 г. на станции Айна-Булак, на 17 месяцев раньше планового срока. На этом строительстве выросли первые квалифицированные кадры рабочих-строителей и железнодорожников из казахов[31].

В апреле 1932 г. СНК СССР принял постановление «О сооружении железнодорожной магистрали Донбасс — Москва», которая должна была открыть кратчайший выход на север донецкому углю и обеспечить вывоз добываемого в Подмосковном бассейне «черного золота».

Основная часть будущей дороги, а именно участок Москва — Ожерелье — Узловая — Волово — Елец — Валуйки, состояла из старых линий, построенных еще в 1870–1890-х гг., и не соответствовала возросшим объемам перевозок. Спустя пять лет оборудованная по последнему слову техники углевозная дорога была сдана в эксплуатацию.

В 1932 г. вышло постановление СНК СССР «О строительстве Байкало-Амурской железной дороги». Особенностью сооружения новой магистрали было одновременное проведение изысканий и подготовительных строительных работ. За четыре года предстояло освоить около 2000 км трассы БАМа. Сделать это было трудно из-за острейшей нехватки кадров, особенно инженерно-технических работников. Люди не очень стремились ехать в далекие необжитые районы. Вместо 32 тыс. человек удалось привлечь только 1200 рабочих. Поэтому строительство велось крайне медленно. Ощущалась также напряженность в снабжении стройки материалами и оборудованием.

В октябре 1932 г. СТО передал строительство БАМа от НКПС Объединенному государственному политическому управлению (ОГПУ) при СНК СССР. В 1933 г. была образована система БАМЛАГ, состоявшая из пяти исправительно-трудовых лагерей. Состав рабочих кадров резко изменился: если в 1932 г. вольнонаемные составляли 62 %, то в 1933 г. их стало

11 %[32]. Тем не менее ни в первую, ни в последующие пятилетки строительство БАМа завершить не удалось.

Однако благодаря реализации реконструктивных мероприятий, самоотверженному труду железнодорожников и творческой деятельности специалистов за первую пятилетку все же удалось достигнуть существенных результатов (табл. 7).

Таблица 7

Развитие железнодорожного транспорта в СССР в период первой пятилетки[33]

Показатели	1928 г.	1932 г.
Протяженность двухпутных и многопутных линий, тыс. км	15,6	19
Протяженность линий, переведенных на электротягу, км	19	146
Средняя грузоподъемность грузового вагона, т	17,6	18,8
Доля вагонов, оборудованных автотормозами, %	2,0	10,6
Доля вагонов, оборудованных автосцепкой, %	0	0,06
Доля большегрузных четырехосных вагонов, %	10,5	15,2

Локомотивный парк пополнился тремя тысячами новых локомотивов. Железные дороги получили 71 тыс. вагонов, в том числе 40 тыс. большегрузных. Отдельные участки начали переводить на электрическую тягу, возросла пропускная способность важнейших направлений железнодорожной сети[34]. Однако этого было недостаточно. Развитие промышленности требовало увеличения грузооборота, добиться которого было невозможно без технической реконструкции железнодорожного транспорта.

Но для того чтобы создать транспорт, отвечавший возросшим потребностям народного хозяйства, мало было реконструировать железнодорожный транспорт. Нужно было развивать другие виды транспорта, рационально распределяя между ними грузопотоки. Исходя из этого, во второй пятилетке уделялось большое внимание речному, морскому, автомобильному и воздушному транспорту. В то время как грузооборот железных дорог возрос во второй пятилетке почти на 80 %, грузооборот речного транспорта увеличился в 2,5 раза, морского — почти в 3 раза, автотранспорта — в 16 раз, воздушного — в 23,5 раза[35].

Что касается железнодорожного транспорта, то здесь значительно возрос вагонный парк, что в первую очередь было связано с пуском в эксплуатацию Нижне-Тагильского завода большегрузных товарных вагонов и Казанского завода пассажирских вагонов. Железные дороги получили 273 тыс. товарных вагонов в двухосном исчислении и 12,5 тыс. пассажирских вагонов. Большегрузные четырехосные вагоны к концу пятилетия стали основным типом вагонов. Резко увеличился специальный подвижной состав[36].

В течение пятилетки железные дороги получили около 2 тыс. паровозов серии ФД, 145 электровозов, 30 тепловозов, сотни паровозов новых серий. Подвижной состав оборудовался автосцепкой и автотормозами.

Во многом возросло использование подвижного состава. Среднесуточный пробег локомотивов товарного парка увеличился с 146 км в 1932 г. до 180 км в 1937 г., пассажирского парка — с 223 до 290 км, среднесуточный пробег вагонов товарного парка — с 97,3 до 135 км, а пассажирского парка — с 300 до 400 км. В результате перевозочная способность железнодорожного транспорта повысилась почти вдвое, а грузооборот вырос на 78,4 %[37]. Таким образом, не только была удовлетворена потребность транспорта в подвижном составе, но и создан в этой области некоторый резерв.

Перевод вагонного парка на автоматическое торможение повысил коммерческую скорость товарных поездов на 12–15 %, а внедрение автосцепки дало возможность увеличить вес товарного поезда[38].

Повышение технического уровня важнейших железнодорожных магистральных направлений позволило к концу второй пятилетки увеличить пропускную и провозную способность примерно вдвое.

Хотя во второй пятилетке основная часть средств была направлена на реконструкцию существующей сети, в этот период было также построено около 4 тыс. км железных дорог. В результате удалось разгрузить наиболее напряженные участки и сократить дальность пробега. Так, линия Новосибирск — Проектная, сооруженная в 1934 г., позволила сократить пробег грузов из Кузбасса в западном направлении на 86 км; постройка ее сняла вопрос о сооружении 212 км второго главного пути на участке Проектная — Юрга[39].

Интенсивное использование технических средств на основе применения передовых методов и технологий также способствовало улучшению результатов работы железнодорожного транспорта. За период 1933–1937 гг. среднесуточная погрузка выросла с 51 400 до 89 800 вагонов, грузооборот железных дорог достиг 354,8 млрд ткм при плане 300 млрд ткм[40].

Вместе с тем некоторые качественные показатели работы железных дорог ухудшились. Увеличилось среднее время оборота грузового вагона, в полтора раза возросла себестоимость перевозок. По железнодорожному строительству не все задания второго пятилетнего плана были выполнены полностью. Вместо намеченных 11 тыс. км ввели в эксплуатацию только 3,38 тыс. км железных дорог, что было связано с недостатком средств и материальных ресурсов. На электрическую тягу перевели только 1570 км железных дорог вместо запланированных 5000 км[41].

Начало третьей пятилетки на железнодорожном транспорте складывалось непросто. Зимой 1937/38 г. возникли серьезные затруднения с топливоснабжением, вызванные недостаточной добычей угля. По этой причине задерживалось отправление поездов, замедлился оборот вагона, сократились размеры погрузки.

Для исправления создавшегося положения были осуществлены меры по улучшению использования паровозов, содержания пути, увеличению веса и скорости движения поездов, сокращению простоя вагонов на станциях. Развернулось соревнование между коллективами железных дорог за лучшие показатели в работе.

В весенне-летний период 1938 г. по железным дорогам наряду с обычными осуществлялись и оперативные перевозки. С 28 июля по 11 августа, в дни вооруженного конфликта у озера Хасан, был обеспечен срочный подвоз войск и грузов к району боевых действий.

В конце года наступили сильные морозы, что также негативно сказывалось на работе железнодорожного транспорта. И хотя основные показатели в 1938 г. в целом оказались выше, чем в 1937 г., они все же не достигли запланированного уровня.

В годы третьей пятилетки продолжалась техническая реконструкция железнодорожного транспорта. Строились вторые пути, паровозный парк пополнялся преимущественно мощными локомотивами.

На улучшение эксплуатации железных дорог значительное влияние оказало дальнейшее распространение стахановско-кривоносовского[42] движения. Только за первое полугодие 1940 г. передовые машинисты провели 131 тыс. тяжеловесных поездов и дополнительно перевезли 38 млн т грузов. В 1940 г. грузооборот железнодорожного транспорта достиг 115 млрд ткм. Доля железных дорог в перевозочной работе всех видов транспорта составила по грузовым перевозкам 85,1 %, пассажирским — 92,2 %. Рост промышленного производства на Урале, увеличение добычи угля в восточных районах страны, а также выплавка чугуна и стали на Магнитогорском и Кузнецком металлургических комбинатах привели к увеличению мощности грузопотоков на направлении восток — запад.

Развитие железнодорожного транспорта и повышение уровня перевозочного процесса позволили улучшить снабжение важнейших отраслей народного хозяйства всеми видами сырья и материалов и способствовали усилению обороны страны. Однако далеко не все недостатки в работе железных дорог удалось преодолеть. Всё еще продолжались встречные и чрезмерно дальние перевозки, опоздания поездов. Много было аварий и крушений. На XVIII Всесоюзной партийной конференции в феврале 1941 г. указывалось на недостаточное

развитие железнодорожной сети в восточных районах страны, низкую пропускную способность линий, расположенных к западу от старых границ Украины, Белоруссии, а также прибалтийских республик, медленные темпы электрификации железных дорог.

В условиях угрозы нападения гитлеровской Германии на Советский Союз опасение вызвало состояние железнодорожной сети на территории, недавно вошедшей в его состав. Железные дороги имели там западноевропейскую колею (1435 мм), невысокую пропускную способность узлов, станций и перегонов. На этих дорогах эксплуатировались сильно изношенные рельсы, низкокачественные шпалы, устаревший и разнородный подвижной состав.

Ошибочно считая, что экономически выгодно использовать имевшийся подвижной состав западноевропейской колеи, НКПС задерживал реконструкцию транспортного хозяйства на указанной территории. В результате образовался разрыв между пропускной способностью железнодорожных линий, имевших различную ширину колеи.

С весны 1941 г. работы по техническому переустройству западных приграничных магистралей были все же ускорены. Сюда перебросили железнодорожные войска Наркомата обороны и строительные подразделения системы НКПС. Начатые работы планировалось закончить к концу года.

К 1941 г. эксплуатационная длина железнодорожной сети возросла с 70 260 км в конце 1917 г. до 106 102 км[43]. Частично прирост сети был связан с вхождением в СССР новых республик и областей.

Основное направление в развитии транспорта, особенно в годы второй и третьей пятилеток, заключалось в реконструкции существующих железных дорог. В результате к 1941 г. протяженность двухпутных участков возросла до 28,5 тыс. км. Было создано 216 вагоноремонтных пунктов и 50 машинно-путевых станций, получила дальнейшее развитие механизация строительных и погрузочно-разгрузочных работ.

Однако не все задания по реконструкции железнодорожных линий были выполнены. К 1941 г. электрифицировали только 1,9 тыс. км железных дорог против 5,7 тыс. км по плану, перевели на тепловозную тягу 200 км вместо 2000 км. Несмотря на это, железные дороги страны по объему грузовых и пассажирских перевозок вошли в число передовых в мире. В 1940 г. грузооборот составил 415 млрд ткм[44]. Железные дороги страны по-прежнему оставались основным видом транспорта — в общем грузообороте их доля в 1940 г. достигла 85,1 %. Что касается других видов транспорта, то они использовались недостаточно. И это было вызвано не только объективными причинами. Уменьшение доли в общем грузообороте, например, речного транспорта, требующего сравнительно небольших затрат на освоение путей сообщения, было неоправданным. Принимаемые меры, в частности, снижение тарифов на водные перевозки, оказывались недостаточными. То же самое относилось и к пассажирским перевозкам, где доля железных дорог в пассажирообороте составила в 1940 г. 92,4 %, в то время как автомобильного транспорта (автобусов) — 3,5 %, речного — 3,1 % и воздушного — 0,2 %[45].

Таким были состояние и материально-техническая база транспорта перед началом Великой Отечественной войны.

Военное производство. Говоря о военном производстве в СССР в 1920–1930-е гг., многие исследователи вслед за американским историком Л. Самуэльсоном считают возможным характеризовать его как военно-промышленный (ВПК) или оборонно-промышленный комплекс (ОПК)[46]. Едва ли это правомерно. Четкого разделения между военной и гражданской промышленностями в то время еще не существовало. Предприятия строились так, «чтобы в мирное время эти фабрики и заводы помогали нам восстанавливать хозяйство, обслуживали бы хозяйство, а если нападет на нас враг, то чтобы эти фабрики и заводы служили на защиту нашего государства, чтобы они помогли нам не пускать врагов в нашу страну»[47]. Не было характерной для ВПК совокупности научно-исследовательских, испытательных организаций и производственных предприятий, выполнявших для государственных силовых структур разработку и производство военной и специальной техники, амуниции, боеприпасов и т. п. Все предприятия, включая и немногие специализирующиеся на военном производстве,

работали по заказам оборонных ведомств. Советский ВПК стал создаваться лишь в годы Великой Отечественной войны, а окончательное его оформление произошло уже после ее окончания, в обстановке холодной войны.

В годы нэпа военное производство развивалось слабо. Поворот к расширению военных программ начался с 1931 г. Главными заказчиками и потребителями оборонной продукции были Наркомат по военным и морским делам, а также ОГПУ. Однако весь период с 1931 г. до первой половины 1941 г. военная организация и оборонное производство существовали обособленно. Специализированные оборонные предприятия первоначально входили в систему ВСНХ, где с 1924 по 1929 г. существовало Главное управление военной промышленности ВСНХ СССР.

В июле 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановления «О состоянии обороны СССР» и «О военной промышленности», в которых констатировалось весьма плачевное состояние советского военного потенциала и несоответствие его задачам обеспечения обороноспособности страны. В связи с этим Главное управление военной промышленности было изъято из системы ВСНХ и передано Наркомату тяжелой промышленности (НКТП), получив новое название: Главное военно-мобилизационное управление НКТП СССР. Все это также опровергает факт существования ВПК в довоенном Советском Союзе.

8 декабря 1936 г. была предпринята попытка активизировать военное производство путем выделения из НКТП самостоятельного Наркомата оборонной промышленности (НКОП). Но последний просуществовал недолго и 11 января 1939 г. указом Президиума Верховного Совета СССР был ликвидирован. Вместо него были созданы отраслевые наркоматы: авиационной промышленности, судостроительной промышленности, вооружения, боеприпасов.

В довоенном оборонном производстве можно выделить несколько периодов. До 1931 г. военно-промышленные предприятия испытывали нехватку военных заказов, что вело к снижению их материально-технического, продовольственного и финансового снабжения. Это вынуждало данные предприятия налаживать производство товаров ширпотреба, распродавать остатки сырьевых запасов и даже часть оборудования, чтобы обеспечить хотя бы минимальный оборотный капитал.

Правда, в начале осени 1923 г. в связи с обострением политической обстановки в Германии Наркомат по военным и морским делам потребовал от ВСНХ производства максимально возможного количества стрелкового и артиллерийского вооружения и боеприпасов. На эти цели военной промышленности в 1923–1924 гг. были выделены достаточно большие дотации. При этом цены на стрелковое и артиллерийское вооружение, боеприпасы и предметы военно-технического имущества устанавливались по фактической их себестоимости. В результате по сравнению с 1913 г. цены на предметы военного потребления выросли почти в два раза. К декабрю 1923 г. военная опасность миновала и работа военных заводов вновь затормозилась[48].

В 1924 г. 12 из 62 действующих военных заводов перешли в состав трестов гражданской промышленности и сменили свой профиль. Оставшиеся в ведении ГУВП ВСНХ военно-промышленные предприятия приступали к поиску и размещению гражданских заказов. С осени 1926 г. продукция оборонных предприятий стала включаться в единый государственный хозяйственный план.

15 декабря 1926 г. приказом ВСНХ СССР были сформированы четыре военно-промышленных треста: орудийно-арсенальный (14 предприятий), патронно-трубочный (восемь предприятий), военно-химический (12 предприятий) и оружейно-пулеметный (пять предприятий). Позже к ним добавился авиационный трест (11 предприятий). Летом 1927 г. СТО утвердил их уставы, отклонив при этом претензии военного ведомства на участие в управлении ими[49].

1 июня 1927 г., в связи с тем что английское правительство объявило о разрыве дипломатических и торговых отношений с СССР, ЦК ВКП(б) издал обращение «Ко всем организациям ВКП(б). Ко всем рабочим и крестьянам», в котором призвал советский народ быть готовым к отражению империалистической агрессии. 25 июня 1927 г. распорядительное заседание СТО под председательством А. И. Рыкова приняло постановление «Об организации центральных

мобилизационных аппаратов СССР». Они создавались в составе народных комиссариатов, а РВС СССР и Госплан СССР становились «основными рабочими аппаратами распорядительных заседаний СТО в вопросах подготовки страны к войне».

Подсчеты боевой техники и вооружения показали, что даже если в войне примут участие только соседние страны (Польша, Румыния, Финляндия, Литва, Латвия и Эстония), соотношение будет не в пользу Красной армии. А ведь за «первым эшелоном» могли последовать вооруженные силы Франции и Великобритании. 16 июня 1927 г. Штаб РККА представил в СТО пятилетний план развития вооруженных сил СССР. Учитывая состояние материальных ресурсов и финансовых возможностей страны, план не преследовал задачу добиться военно-стратегического превосходства над противником.

В государственном бюджете СССР на 1927/28 хозяйственный год общие расходы на оборону возрастали до 1 млрд рублей по сравнению с 780 млн рублей в 1926/27 г. или с 15,4 % до 17,3 % по отношению к сумме общегосударственных расходов. В 1928/29 г. расходы на оборону увеличились еще на 135 млн рублей[50]. Средства бюджета шли на дотации военной промышленности, оборонное строительство в системе НКПС, финансирование закупок стратегического сырья и материалов за границей и на создание фондов финансирования оборонных мероприятий промышленности.

20 декабря 1928 г. СТО утвердил мобилизационный план промышленности на случай войны. ВСНХ СССР предлагалось представить не позднее 1 июля 1930 г. конкретные предложения по созданию мощностей для максимального увеличения объема производства военной продукции, однако ВСНХ СССР с этой задачей не справился.

15 июля 1929 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято постановление «О состоянии обороны СССР», в котором отмечался «целый ряд крупных недостатков как в подготовке Красной армии, так и всего народного хозяйства к обороне:

а) техническая база вооруженных сил все еще очень слаба и далеко отстает от техники современных буржуазных армий;

б) материальное обеспечение мобилизуемой армии по действующему мобилизационному плану все еще далеко неудовлетворительно;

в) материальные резервы обороны (импортные и внутренние) совершенно недостаточны;

г) подготовка всей промышленности, в том числе военной, к выполнению требований вооруженного фронта совершенно неудовлетворительна».

Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило следующие плановые цифры развития военного производства в первой пятилетке: 3,5 тыс. боевых самолетов, 4–5 тыс. танков, 9348 орудий среднего и крупного калибра и 3394 — мелкого калибра. Была поставлена задача «по технике — быть сильнее противника по двум или трем решающим видам вооружения, а именно — по воздушному флоту, артиллерии и танкам»[51].

Все вышеизложенное свидетельствует о гражданских приоритетах первой пятилетки. Развитие военного производства не находилось в центре ее задач. Напротив, на военное производство обращали внимание только в случае возникновения военной угрозы. В мирное же время военные предприятия производили гражданскую продукцию.

Так, например, восемь заводов орудийно-арсенального треста по плану на 1929/30 хозяйственный год должны были произвести товарной продукции на 103,3 млн рублей, в том числе выполнить гражданские заказы на 37,6 млн рублей. Кроме орудий в номенклатуру продукции треста входили драги, текстильные машины, котельное оборудование, оптика, литье и арматура. Четыре завода оружейно-пулеметного треста обязывались по плану произвести за год товарной продукции на 97,6 млн рублей, в том числе выполнить мирных заказов на 50,9 млн рублей[52]. В номенклатуре продукции треста числились охотничьи ружья, ватермашины, станки, специальные сорта стали, различные инструменты.

В 1929 г. военное ведомство разработало вариант «10» мобилизационного плана «С-30», по которому потребности вооруженных сил в случае войны к началу 1932 г. определялись в 5735 млн винтовочных патронов, 96 600 артвыстрелов, 7632 танка, 7098 самолетов и 9460 моторов[53].

1 февраля 1930 г. СТО принял постановление «О реорганизации военной промышленности». Военно-химический трест был передан во Всесоюзное объединение химической промышленности и стал гражданским предприятием. ГУВП ВСНХ упразднялось. Его тресты — оружейно-пулеметный, патронно-трубочный и орудийно-арсенальный — преобразовывались в «объединения военных заводов, действующих на началах хозрасчета».

Сокращения и кампании по борьбе с «вредительством» в военной промышленности, продолжавшиеся на протяжении трех лет, привели к тому, что к началу весны 1930 г. в военной промышленности и на военных производствах осталось 1897 инженеров и 4329 техников при потребности более 10 тыс. инженеров и 16,5 тыс. техников.

Тем не менее за годы первой пятилетки валовая продукция военных предприятий (мирная и военная) выросла в действующих ценах с 702,3 млн рублей до 2091 млн рублей. Возможности выпуска военной продукции на случай войны значительно увеличились: по пулеметам — в 9 раз, по орудиям — в 12,2 раза, по отравляющим и взрывчатым веществам — в 11–15 раз, по самолетам — в 5 раз, по авиамоторам — в 12 раз. Военными заводами был освоен выпуск новых систем вооружения, в 1920-е гг. в СССР не производившихся: ручные пулеметы (системы Дегтярева), полевые и танковые мелкокалиберные орудия, тяжелая артиллерия береговой обороны, самолеты-бомбардировщики и танки.

Правда, обеспеченность военно-промышленных производств соответствующими ресурсами в случае войны оставляла желать лучшего. По артиллерии такая обеспеченность составляла 75 %, по авиамоторам — 55 %, по танкам — 35 %, по пороху — 65 %, по хлору — 75 %, по азотной кислоте — 60 %[54].

Таблица 8

Выполнение военных заказов в годы первой пятилетки[55]

Военная продукция	1929/30 г.			1930/31 г.			1932 г.		
	Заказ	Произведено	% выполнения	Заказ	Произведено	% выполнения	Заказ	Произведено	% выполнения
Артсистемы, шт.	999	952	95,2	3577	1911	53,4	8017	2574	32,1
Артснаряды, тыс. шт.	2365	790	33,4	1690	751	44,4	7296	1224	16,7
Авиабомбы, тыс. шт.	220	14	6,3	460	316	68,6	300	147	49,0
Винтовки, тыс. шт.	150	126	84,0	305	174	57,0	385	224	58,1
Пулеметы, тыс. шт.	26,5	9,6	36,2	49,5	40,9	82,6	75,8	45	59,3
Винтпатроны, млн шт.	251	235	93,6	410	234	57,0	666	260	39,0
Самолеты, шт.	1232	899	72,9	2024	860	42,4	3496	1734	49,5
Танки, шт.	340	170	50,0	1288	740	57,4	3400	3038	89,3

Плохие показатели работы военной промышленности в 1929–1932 гг., как видно из таблицы 8, объяснялись трудностями освоения в производстве новых образцов вооружения и боевой техники.

Качество советской военной продукции действительно находилось на низком уровне. Об этом свидетельствуют многие документы и материалы, особенно исходящие от ведомственно незаинтересованных инстанций: НК РКИ и ЭКУ ОГПУ. Из них, например, следует, что принятая в РККА в годы первой пятилетки система танкового вооружения была крайне слаба. Танкетка Т-27, запущенная в массовое производство на заводе № 37 (г. Москва), «перетяжелена из-за брони, имеет плохую регулировку ходовой части, а ее мотор работает на пределе своих возможностей». У танка Т-26 (копия английского «Виккерса»), выпускаемого заводом им. К. Е. Ворошилова (г. Ленинград), «перегревается мотор, ломаются рессоры, обрываются клапана». В процессе освоения в производстве заводчане «внесли в оригинал конструкции «Виккерса» более 3000 изменений», но улучшения ходовых качеств машины, как можно предполагать, так и не добились.

Расчеты темпов роста валовой и товарной продукции военной промышленности на вторую пятилетку имели два варианта. По первому варианту валовая продукция в ценах на 1926/27 г. увеличивалась с 2082 млн рублей до 4333 млн рублей; товарная — с 1559 млн рублей (1074 млн — военная продукция и 485 млн — гражданская продукция) до 3781 млн рублей (соответственно 1290 млн и 2491 млн). По второму варианту объем валовой продукции военной промышленности планировался на начало 1937 г. в объеме 3000 млн рублей, товарной — 2530 млн рублей (1105 млн — военная продукция и 1425 млн — мирная продукция)[56]. Таким образом, по обоим вариантам пятилетки гражданская продукция планировались в большем объеме, чем военная.

Таблица 9

Выполнение военных заказов в годы второй пятилетки[57]

Военная продукция	1934 г.			1935 г.			1936 г.		
	Заказ	Произведено	% выполнения	Заказ	Произведено	% выполнения	Заказ	Произведено	% выполнения
Артсистемы, шт.	4607	4123	89,4	5554	4383	78,9	8983	5235	58,2
Артснаряды, тыс. шт.	3084	1504	48,7	5673	1578	27,8	11378	5200	45,7
Авиабомбы, тыс. шт.	377	369	97,8	369	154	41,7	1170	Н. Д.	Н. Д.
Винтовки, тыс. шт.	300	303	101,0	237	221	93,2	415	403	97,1
Пулеметы, тыс. шт.	23,7	29,2	123,2	41,3	31,8	76,9	40,4	31,1	76,9
Патроны, млн шт.	367	191	52,0	704	612	86,9	1153	722	62,6
Самолеты, шт.	3595	3109	86,4	2337	1612	68,9	4169	2688	64,4
Танки, шт.	4110	3565	86,7	3295	3055	92,7	4052	4804	118,5

Как видно из таблицы 9, в большинстве случаев продолжалось невыполнение военных заказов. Если бы СССР действительно стремился к войне, такое положение дел было бы недопустимым. Все предприятия тяжелой промышленности могли производить военную продукцию, но использовать их производственные возможности для выполнения заказов военного ведомства руководство Наркомтяжпрома не считало целесообразным, ибо это сорвало бы планы производства гражданской продукции.

Пятилетнюю программу морского судостроения, принятую в 1933 г., не удалось завершить даже в 1941 г. Потребовав огромных денежных средств и расхода металла, эта программа не успела существенно усилить Военно-морские силы. Всего за 1928–1940 гг. было построено боевых кораблей водоизмещением 421 тыс. т — шесть крейсеров, 57 эсминцев, 21 сторожевой корабль, 286 подводных лодок, 174 тральщика, 1433 торпедных катера и др.[58]

В общем объеме валовой промышленной продукции СССР, составившей в 1937 г. 90,2 млрд рублей в ценах 1926/27 г., продукция Наркомоборонпрома составила 9 млрд рублей, т. е. около 10 %[59]. Но следует учесть, что в эту цифру входила и гражданская продукция.

Размещение военной промышленности было крайне уязвимым в случае войны. Из 219 производственных предприятий НКОП (по состоянию на 16.05.1938 г.) 68 (31 %) дислоцировались в Москве и Московской области, 38 (17,3 %) — в Ленинграде и Ленинградской области, 26 (11,8 %) — в Украинской ССР. На Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке находилось только 30 (13,6 %) военных предприятий.

С декабря 1936 г. по сентябрь 1939 г. была предпринята попытка объединить оборонную промышленность в рамках Наркомата оборонной промышленности. Но она оказалась неудачной. Репрессии и тотальная смена кадров руководителей оборонной промышленности и военного ведомства привели к ликвидации НКОП.

В годы второй и в начале третьей пятилетки создавались новые виды вооружений. Были изготовлены первые опытные образцы среднего танка Т-34 и тяжелого танка КВ («Клим Во-

рошилов»). Разработаны и включены в заказ НКО 82-мм и 132-мм реактивные снаряды. Созданные в эти годы истребители И-15 и И-16, двухмоторный скоростной бомбардировщик СБ, бомбардировщик дальнего действия ТБ-7 имели для того времени превосходные летные и боевые характеристики.

Однако до начала Великой Отечественной войны серийное производство новых образцов еще не было полностью налажено. Задержка обусловливалась недостаточным количеством качественных материалов. Поступавшие на военные заводы броневые листы были испещрены трещинами. Из 10—12 т металла в лучшем случае выходила 1 т кондиционной брони[60].

Затягивался запуск в серийное производство миномета Б. И. Шавырина. Он начался только в 1940 г. К началу войны с гитлеровской Германией было выпущено 14 200 штук 82-мм минометов и 3200 штук 120-мм. Неблагополучно обстояли дела и с производством автоматов. Отставало производство противотанковых и зенитных средств. Сократился выпуск ручных и станковых пулеметов. Накануне войны были сняты с вооружения противотанковые ружья.

Орудийные заводы много усилий тратили на подгонку и притирку деталей. Эти операции производились вручную и требовали много времени. Поэтому орудийные заводы стали превращаться в склады неукомплектованных деталей. Например, на заводе № 8 было изготовлено орудийных тел и деталей на 800 систем, а сдано на вооружение только 45 систем. Заводы справлялись с изготовлением опытных образцов, но на запуск их в серию уходили годы. Так, опытный образец 180-мм пушки заводом «Большевик» был изготовлен в течение года, а организация ее серийного производства потребовала трех лет[61].

Следует сказать, что до 1939 г. заказы военного ведомства на боевые самолеты не выполнялись. На расширение их производства ушло до 40 % военного бюджета, при этом доминировали устаревшие модели.

В 1932 г. в Красной армии впервые в мире были сформированы механизированные корпуса, а в 1934—1935 гг. бронетанковые и механизированные части выделили в специальный род войск. Это решение исходило из правильного представления о возрастающей роли механизированных войск в будущей войне. Однако из опыта применения танков во время войны в Испании был сделан неверный вывод, и механизированные корпуса были расформированы. Вскоре их пришлось воссоздавать.

Военные историки расходятся в оценке численности танков в РККА к началу Великой Отечественной войны. Например, согласно многотомному исследованию по истории советской артиллерии на 1 апреля 1941 г. в армии находилось 23 815 танков[62], а в книге о потерях Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах под редакцией Г. Ф. Кривошеева численность советского танкового парка к июню 1941 г. оценивается в 22 600 машин[63]. Как бы там ни было, но по численности танков РККА не уступала напавшим на страну немецким войскам. Однако в основном это были машины устаревших конструкций. Производство танков, не уступавших немецким, только начинало набирать темпы. В 1940 г. было выпущено всего 243 танка КВ и 115 Т-34. В первой половине 1941 г. было произведено 396 танков КВ и 1110 Т-34[64].

В 1939—1941 гг. был принят ряд постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б) об увеличении производства новых типов боевых самолетов, танков, артиллерийского и стрелкового вооружения, кораблей военно-морского флота, организации производства литой многослойной брони, развития промышленности искусственного жидкого топлива и пр. Началось лихорадочное создание военно-промышленных наркоматов. Но военное производство не успевало за быстрым развитием событий.

Предвоенные расходы на оборону были на пределе финансовых возможностей СССР. За три последних года третьей пятилетки среднегодовые расходы на оборону составили 26,4 % государственного бюджета, а в 1940 г. они достигли небывало высокого уровня за всю историю СССР — 32,6 % госбюджета.

Если среднегодовые расходы на оборону страны в 1933—1937 гг. принять за 100 %, то в 1938—1939 гг. они возросли в четыре раза, а в 1940 г. — более чем в шесть раз. Среднегодовые бюджетные расходы государства за эти же годы выросли на 235 %[65]. Следовательно, в пред-

военные годы темпы роста расходов на подготовку к обороне более чем в два раза превышали темпы роста суммарных бюджетных расходов.

В то же время состояние советской военной промышленности не выглядело предпочтительнее военно-экономического потенциала любой из индустриально развитых стран. Техническую отсталость от ведущих Западных стран в полной мере преодолеть не удалось.

С сентября 1939 г. в связи с началом Второй мировой войны, в условиях непосредственной военной угрозы, началось форсированное производство вооружений. Накануне войны был принят мобилизационный план на вторую половину 1941 г. и на 1942 г., предусматривавший «военную перестройку промышленности на случай войны». Но война началась до его реализации.

Тем не менее, несмотря на все трудности экономического развития и даже провалы, к началу 1940-х гг. СССР превратился в могучую индустриальную державу, без чего победа в Великой Отечественной войне оказалась бы невозможной.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] XVI конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1929.

[2] V съезд Советов. Стенографический отчет. М., 1929.

[3] XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1930. С. 45–46.

[4] *Лацис О. Р.* Перелом. Опыт прочтения несекретных документов. М., 1990. С. 34; *Лисичкин Г.* Мифы и реальность // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 263–264.

[5] *Дэвис Р. У.*, *Хлевнюк О. В.* Отмена карточной системы в СССР. 1934–1935 гг. М., 1999.

[6] Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. М., 1939.

[7] XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 282–314.

[8] Там же.

[9] XVII конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1932. С. 20.

[10] *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 161–215.

[11] Правда. 1935. 2 сентября.

[12] Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев. 14–17 ноября 1935 г. Стенографический отчет. М., 1935.

[13] *Евстафьев Г. Н.* Социалистическое соревнование — закономерность и движущая сила экономического развития советского общества. М., 1952.

[14] Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР.

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] *Панова И. А.*, *Ускова Г. И.* История России. Конспективное изложение программных тем. М., 2000. С. 166–167.

[18] Контрольные цифры Госплана СССР на 1928/29 г. С. 398–399.

[19] Там же. С. 408–409.

[20] *Лацис О. Р.* Указ. соч. С. 46; Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 154.

[21] Операция «Голодомор»: Когда безумствует мечта // Родина. 2007. № 1. С. 60–76.

[22] *Назаренко Н.* Голод 1932–1933 годов как результат системного кризиса в сельском хозяйстве. М., 2009.

[23] Сельское хозяйство Союза ССР: Статистический справочник. М., 1939. С. 122, 126, 137, 172, 174, 247; Социалистическое строительство СССР: Статистический ежегодник. М., 1936. С. 280, 336, 342–343.

[24] Там же.

[25] Сельское хозяйство СССР 1935. Ежегодник. Сельхозгиз. М., 1936. С. 215.

[26] Собрание законов СССР. 1935. № 11. Ст. 82.

[27] Сельское хозяйство Союза ССР: Статистический справочник. С. 122, 137, 172, 247; Социалистическое строительство СССР: Статистический ежегодник. С. 280, 342–343.

[28] Социалистическое строительство СССР. С. 359; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938). М., 1939. С. 103.

[29] История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2. 1917–1945. М.; СПб., 1997. С. 47–48.

[30] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг.: Сборник документов за 50 лет. М., 1967. Т. 2. 1929–1940 гг. С. 680.

[31] Турксиб. Сборник статей участников строительства Туркестано-Сибирской железной дороги. М., 1930.

[32] История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2. С. 94.

[33] Передовые методы работы железнодорожников. М., 1946. С. 49.

[34] Там же. С. 45.

[35] XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.; Л., 1938. С. 54.

[36] Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. М., 1939.

[37] Там же.

[38] История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2. С. 74.

[39] *Татарчуков А. Н.* Магистраль Москва — Донбасс. М.; Л., 1932.

[40] Железнодорожный транспорт в годы индустриализации СССР. М., 1970. С. 306–307.

[41] Подсчитано по: История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2. С. 150.

[42] *П. Ф. Кривонос* — один из инициаторов стахановского движения на железнодорожном транспорте, Герой Социалистического Труда (1943).

[43] История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2. С. 312.

[44] Там же.

[45] Там же. С. 313.

[46] См.: *Самуэльсон Л.* Красный колосс: Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М., 2001; *Быстрова И. В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006; *Симонов Н. С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: Темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996. С. 59–63.

[47] ВКП(б). Стенографический отчет. С. 153–154.

[48] *Симонов Н. С.* Указ. соч. С. 46–47.

[49] Там же. С. 48.

[50] Там же.

[51] Там же. С. 83.

[52] Там же. С. 84.

[53] Там же.

[54] Там же.

[55] Там же. С. 85.

[56] Там же.

[57] Там же.

[58] Там же.

[59] Там же.

[60] Там же. С. 86.

[61] Там же. С. 87.

[62] История отечественной артиллерии. Том III. Артиллерия Советской Армии до Великой Отечественной войны (октябрь 1917 г. — июнь 1941 г.). Книга 8. Советская артиллерия в период между гражданской и Великой Отечественной войнами (1921 г. — июнь 1941 г.). М.; Л., 1964. С. 217–218.

[63] Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / Под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 1993. С. 345, 350, 357, 366.

[64] Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны / Под ред. О. А. Лосика. М., 1979. С. 8–9.

[65] *Симонов Н. С.* Указ. Соч. С. 90.

Советское общество перед войной

При всей противоречивости своего развития страна жила в 1930 — начале 1940-х гг. активной трудовой и общественной жизнью. Каким было советское общество в условиях авторитарной системы? Пассивным, равнодушным, автоматически выполнявшим установки вождей и руководителей или общественно-деятельным, обладающим чувством собственного достоинства и высокой ответственности за судьбы Отечества?

Анализ документов того времени позволяет говорить о достаточно высокой общественной активности населения страны. В предвоенные годы большинство граждан Советского Союза проявляло такие качества, как любовь к Родине, сознание общественного долга, коллективизм, мужество, готовность к защите Родины.

Общественная активность стала возможной и благодаря патриотическим традициям народа, целенаправленной деятельности государства, общественных организаций. Общество того времени было объединено вокруг ясной и понятной цели — защиты Отечества. Рабочий класс, колхозное крестьянство, интеллигенция, все этносы, народности, женщины и мужчины, молодежь были призваны осознать сложившуюся международную военно-политическую обстановку и необходимость вооруженной защиты страны. Государственный патриотизм, сплоченность, гражданская зрелость стали основой поведения народа. Это подтвердила и война.

Реальность того времени была такова, что практическое руководство страной и обществом осуществляла Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков). Это была централизованная общественно-политическая организация, пополнявшая свои ряды путем строгого индивидуального отбора. Накануне войны ее численность возросла. Если в начале 1938 г. ВКП(б) имела в своем составе 1,9 млн членов и кандидатов в члены партии, то к началу 1941 г. — 3,9 млн человек[1].

Особое внимание обращалось на расстановку коммунистов в решающих отраслях народного хозяйства — в тяжелой и оборонной промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве и других.

Отличительной чертой кадровой политики партии в предвоенные годы была концентрация власти в руках относительно небольшой группы людей, опытных организаторов, безусловно преданных секретарю ЦК ВКП(б) фактическому лидеру СССР И. В. Сталину. Обратим внимание на состав ряда важнейших государственных и партийных органов тех лет: Президиума Верховного Совета СССР, Совнаркома СССР, ЦК ВКП(б). И. В. Сталин, А. А. Андреев, Л. П. Берия, К. Е. Ворошилов, А. И. Микоян, В. М. Молотов («второе лицо в партии и правительстве»), А. А. Жданов, Г. М. Маленков, Н. М. Шверник, А. С. Щербаков и некоторые другие — каждый из них занимал по несколько руководящих должностей в партии, органах государственной власти и управления. Это позволяло сосредоточить, по существу, в одних руках все нити управления, что считалось особенно важным и необходимым в чрезвычайных условиях в огромной стране, где времени на многочисленные согласования при принятии срочных решений просто не хватало. С наступлением войны этот принцип

реализовался в создании чрезвычайных органов власти и предельной ее концентрации в руках И. В. Сталина.

Первостепенную роль в подготовке государства и общества к военным испытаниям играли государственные, военные, хозяйственные, политические и административные кадры, входившие в номенклатуру ЦК ВКП(б). Они воздействовали на общество не только официально, разрабатывая и утверждая новые законы и указы, но и личным примером, стилем своей работы, одержимостью в отстаивании коммунистических идеалов и ценностей. Подбор кадров по деловым и политическим качествам, их подготовка, расстановка, ротация, контроль за их деятельностью в русле государственной политики — в этом заключалась основная деятельность государственных и партийных органов.

На руководящую военную, хозяйственную, научную и в меньшей степени политическую работу выдвигались молодые и способные люди. Среди них: 30–35-летние А. П. Александров, Н. К. Байбаков, В. В. Вахрушев, В. С. Гризодубова, А. А. Громыко, П. И. Коробов, А. Н. Косыгин, Н. Г. Кузнецов, П. Ф. Ломако, К. Т. Мазуров, Н. А. Михайлов, И. Г. Пересыпкин, П. К. Пономаренко, Д. Ф. Устинов, Е. А. Фурцева и другие.

На административную руководящую работу, особенно на уровне городского, районного и местного звена, стали шире выдвигать женщин, которые составили перед войной 37 %, среди депутатов Верховного Совета СССР — 16,5 %[2].

Предгрозовая обстановка рубежа 1930–1940-х гг. обусловила перемены во многих сферах управления страной. «Сильные личности... выдающиеся характеры обычно суровы, неуживчивы, иногда жестоки, — писал французский генерал де Голль. — Очень редко случается, чтобы их любили и им покровительствовали. Но лишь только события приобретают грозный характер... и дело общего спасения требует немедленной инициативы, готовности к риску, твердости, все меняется, и справедливость вступает в свои права. Какая-то могучая волна выталкивает на передний край человека характера. Его советами пользуются, его таланты хвалят, и он обретает всю свою ценность»[3].

Политическое руководство страны следило за тем, чтобы персональный состав органов государственного руководства, а также крупнейших общественных организаций был обязательно многонациональным, особенно в регионах, прежде всего за счет представителей коренных этносов. Пример — реализация постановления ЦК ВКП(б) по проблемам Туркмении, принятого во второй половине 1930-х гг. и потребовавшего от партийной организации этой республики решительно улучшить дело с подготовкой и выдвижением национальных кадров на руководящую работу. В результате уже в 1940/41 учебном году из 512 выпускников вузов 100 человек составляли туркмены. По выпускникам техникумов эти цифры составили соответственно 1005 и 310 человек[4]. Представители в прошлом отсталого кочевого народа пополняли состав руководящих советских и хозяйственных органов, научных и культурно-просветительных организаций республики.

Инакомыслие, малейшее сомнение, к примеру, в безупречности социалистической системы хозяйства или правильности линии партии решительно пресекались. При этом нельзя не отметить, что в государственной кадровой политике было и немало положительного: целеустремленное, постоянное и настойчивое преодоление коррупционных проявлений, высокие требования к политическому и моральному облику руководящих работников. Строго бичевались случаи «морального разложения», под которыми обычно понимались пьянство, нечестность, супружеская неверность и тому подобные явления.

В целях укрепления структуры государственной власти, единства общества, взаимопомощи республик, краев, областей и округов страны и сохранения целостности государства широко практиковалась горизонтальная и вертикальная ротация кадров. «Реклама» первых лиц республиканских, краевых, областных органов власти в центральной печати и на радио, как правило, не допускалась.

Централизация власти, идеологический монизм в обществе, жесткая требовательность и воля лидера СССР, строгая дисциплина и исполнительность — всё это имело решающее значение в мобилизации ресурсов страны для подготовки к отражению фашистского вторжения.

Проведенные в конце 1937 г. на основе Конституции СССР 1936 г. выборы в Верховный Совет СССР показали возросшую политическую активность общества. К избирательным урнам пришло 96,7 % избирателей, 98,8 % из них отдали голоса за «кандидатов блока коммунистов и беспартийных» (так назывался список кандидатов в депутаты). В состав депутатов Верховного Совета СССР было избрано 1143 депутата: 480 рабочих, 337 крестьян, 326 представителей интеллигенции[5].

Выборы в Советы всех уровней позволили создать единую для СССР систему органов власти. Объем обязанностей местных Советов, которыми они были наделены по Конституции СССР, требовал привлечения к работе широкой общественности. Активисты сосредоточивались в различных комиссиях Советов: производственной, культурно-просветительской и других (количество их зависело от масштабов населенного пункта и других факторов). Общественники широко привлекались к разнообразной работе по обустройству и благоустройству населенных пунктов, к подготовке военнообязанных к призыву в армию и на флот, к проведению кампаний по выборам в органы власти в качестве агитаторов, членов избирательных комиссий. Они проводили большую организационную и воспитательную работу с детьми и подростками, заботились об участниках войн, героях труда, инвалидах, организовывали «тимуровские команды» для помощи нетрудоспособным гражданам и многое другое. Поэтому Советы с их многочисленными членами комиссий и помощниками являлись одновременно и государственными, и общественными организациями, особенно на низовом уровне. Более широкое привлечение граждан к работе Советов стало заметным явлением того времени.

Руководство страны в своей политической деятельности во многом опиралось на массовые организации, самой многочисленной из которых были профсоюзы. В рамках установленных для них полномочий они защищали интересы трудящихся, боролись с бюрократией, участвовали в решении вопросов строительства и распределения жилья, устройства быта, социального страхования и отдыха работников, соблюдения техники безопасности на производстве, организации профессиональной учебы, досуга и пр.

Профсоюзы охватывали свыше 80 % рабочих и служащих. Колхозники, чей труд был связан с колхозно-кооперативной собственностью, в профсоюзы не входили. К концу 1930-х гг. около 25 млн работающих граждан были объединены в 68 отраслевых и 120 территориально-отраслевых профсоюзов[6].

Вместе с руководителями предприятий и отраслей народного хозяйства профсоюзы проводили в предвоенные годы большую работу по массовому вовлечению рабочих, инженеров и техников в ряды участников социалистического соревнования, по распространению опыта высокопроизводительного труда, изобретательства и рационализации, движения стахановцев и др. О развитии в СССР стахановского движения и других прогрессивных форм проявления инициативы тружеников производства в 1939 г. с трибуны XVIII съезда ВКП(б) один из молодых талантливых руководителей народного хозяйства А. Н. Косыгин говорил так: «Ни одна страна в мире не знала такого темпа развития хлопководства, какой был в СССР в течение первой и второй пятилеток... В Англии и США в лучшем случае рабочий обслуживает 8—10 простых ткацких станков. На ряде фабрик в Иванове, Москве, Ленинграде много работниц работают на 12, 16, 18, 20 ткацких станках»[7]. Многие стахановцы стали известными не только в своих союзных республиках, но и в стране в целом, получили правительственные награды.

Реализуя постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования в борьбе со злоупотреблениями в этом деле», профсоюзы способствовали наведению порядка на производстве, сокращению прогулов, росту авторитета дисциплинированных, инициативных работников. Были разработаны и приняты меры по повышению производительности труда, подготовке квалифицированных кадров для новых предприятий.

Важное место в системе общественных организаций страны занимал *комсомол*. К началу 1941 г. он объединял около 10 млн юношей и девушек, из которых более 40 % работали в промышленности, 31 % — в сельском хозяйстве, 15 % — на транспорте, 2 млн комсомольцев служили в Красной армии[8]. Многие из них учились в высших и средних специальных учебных заведениях.

Молодежь активно трудилась на комсомольских стройках. Сотни тысяч комсомольцев участвовали в строительстве города Комсомольска-на-Амуре, металлургического завода «Амурсталь», железной дороги Акмолинск — Карталы, Рыбинской ГРЭС, Московского метрополитена и других важнейших народнохозяйственных объектов. Порыв молодежи передают слова некогда популярной песни «Комсомольцы-добровольцы»:

Мы сильны нашей верною дружбой.
Сквозь огонь мы пройдем, если нужно
Открывать молодые пути.

Большое значение в подготовке молодежи к защите Отечества имело физкультурное движение. Рассказывая о том, как формировалось в 1930–1940-х гг. общественное мнение вокруг этого движения, Маршал Советского Союза Д. Т. Язов вспоминал, что значки «Готов к труду и обороне» двух ступеней как показатель физического развития молодого человека стремились получить и носить на груди все. «Каждый парень к десятому классу имел четыре — пять значков, иначе и к девушке не подойдешь — стыдно выглядеть «хиляком»!» — замечает маршал[9]. Чтобы получить значок ГТО, надо было бежать кросс 3 км, подтягиваться на перекладине, плавать на скорость, прыгать в длину, высоту и т. д. Такие нормативы давались не просто. Для получения другого значка «Готов к санитарной обороне» (ГСО) требовалось сдать экзамен по оказанию первой помощи пострадавшему.

Молодежь целеустремленно готовилась к службе в армии и на флоте. Тысячи и тысячи человек в стране овладевали искусством стрельбы, ведения рукопашного боя, становились хорошими лыжниками и пловцами. Важное значение для подготовки сильных и выносливых бойцов имели ежегодно проводившиеся в стране многокилометровые профсоюзно-комсомольские кроссы и военизированные походы.

Кроме того, в областях, краях и республиках широко практиковались различные военные игры, бег в противогазах и с препятствиями. Устраивались соревнования по лыжному спорту, плаванию, стендовой стрельбе между спортивными организациями, предприятиями, районами, городами. Это способствовало вовлечению в физкультурно-массовую работу миллионов новых участников, усиливало интерес молодежи к спорту, давало возможность активно готовить резервы для армии.

Большой размах в предвоенные годы приобрела деятельность множества оборонно-массовых организаций, в основном состоявших из молодежи, — Осоавиахима, Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца и других, сыгравших важную роль в овладении молодежью знаниями и навыками, необходимыми для защиты Отечества.

Одной из наиболее популярных массово-оборонных организаций был Осоавиахим. Он вел подготовку бойцов-стрелков, телефонистов-морзистов, летчиков и кавалеристов, специалистов других военных профессий. «Уверена, — вспоминала бывшая осоавиахимовка из г. Советская Гавань Н. Копытова, — что все то, чем мы занимались в Осоавиахиме, было для фронта, для Победы, для Родины»[10].

В другой массовой добровольной общественной организации — Союзе обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР — состояли в основном девушки. Перед Великой Отечественной войной в ней насчитывалось 7,9 млн человек. Отделения этого общества работали во всех городах, а также во многих колхозах и совхозах, в рабочих поселках. Вскоре начавшаяся война подтвердила, какое большое значение имела работа общества для подготовки кадров медицинских работников.

То, что массовые институты общества не складывались формально в единую иерархическую систему (хотя идейно направлялись из единого центра), существенно повышало инициативу, ответственность, способность к самоорганизации, умение в чрезвычайных условиях принимать самостоятельные решения и в то же время опираться на политическую и организационную (а иногда и материальную) поддержку «руководящей и направляющей силы».

В то же время партийные органы внимательно следили за тем, чтобы в массовых организациях не возникали «аномалии» в настроениях и действиях людей. Через свои местные и первичные организации, через активно формируемое общественное мнение, печать и радио, посредством кадров, направляемых на руководящие посты, партия жестко контролировала положение дел в этих организациях.

Одной из ведущих сил просвещения и воспитания молодежи в духе патриотизма и готовности встать на защиту Отечества была система народного образования. В дореволюционные годы большинство населения России оставалось неграмотным, в условиях же советского строя система образования получила широкое развитие. Если в 1914/15 учебном году количество общеобразовательных школ составляло 77,3 тыс., а число учащихся в них — около 5,7 млн человек, то непосредственно перед Великой Отечественной войной только в РСФСР эти цифры составили 116,9 тыс. и 20,7 млн, т. е. соответственно произошло увеличение в 3,5 раза[11].

Государство целенаправленно регулировало прием на учебу в высшие и средние учебные заведения. В частности, в 1938–1940 гг. количество выпускников высших учебных заведений составило в среднем за год 109,3 тыс. человек, средних учебных заведений — в два с лишним раза больше: 226 тыс. человек[12]. Это позволило направить большую часть выпускников техникумов на работу на заводы и фабрики, транспорт, стройки, что в значительной мере удовлетворило кадровые потребности важнейших отраслей экономики.

Вслед за Россией пример приоритетной заботы о быстрейшем росте системы среднего профессионального образования (по сравнению с высшим), т. е. о подготовке трудовых резервов по массовым профессиям рабочих и техников, показывала Украинская ССР. Здесь число учащихся средних школ выросло в предвоенные годы в 2,5 раза, число студентов — почти в 6 раз, а число учащихся техникумов и средних специальных учебных заведений — более чем в 15 раз[13]. Этому примеру следовали другие союзные республики. Положительная динамика в развитии образования отмечалась и в самых далеких от столицы СССР республиках Средней Азии, где до 1917 г. население было в основном неграмотным.

Система народного образования являлась одной из ведущих институциональных форм просвещения и воспитания граждан страны. Именно в средних и высших учебных заведениях молодежь не только овладевала знаниями, но и воспитывалась в духе гордости за свою Родину, преданности ей, проходила спортивную и трудовую закалку. Довоенная школа воспитала миллионы тружеников, защитников Отечества. Самыми показательными результатами этой работы стали огромные очереди в военкоматы в первые дни войны, когда молодежь всеми правдами и неправдами стремилась стать в ратный строй. Позднее об итогах труда поколения учителей 1930-х гг. нарком просвещения РСФСР академик В. П. Потемкин скажет: «Советский учитель победил немецкого учителя-фашиста»[14].

Постоянное внимание уделялось развитию отечественной культуры. Создавали свои произведения писатели и поэты (М. Горький, В. Маяковский, М. Шолохов, Л. Леонов, Д. Бедный, А. Булгаков, А. Фадеев, А. Сурков, С. Михалков, В. Лебедев-Кумач, А. Ахматова и др.), композиторов (Д. Шостакович, С. Прокофьев, Б. Александров, В. Соловьев-Седой, И. Дунаевский, В. Агапкин и др.), деятели изобразительного, театрального и других видов искусства. Их произведения, распространяемые средствами массовой информации, воспитывали уверенность в будущем, оптимизм, сплачивали людей.

Во многих городах, прежде всего в крупных, функционировали театры, музеи, библиотеки, дома культуры. Сложнее обстояло дело в сельской местности, где в довоенные годы проживало две трети населения СССР. Недостаточные экономические возможности, общий низкий уровень образования жителей деревни обусловливали создание особых форм

культуры. Это избы-читальни, красные уголки, красные юрты (например, на пастбищах отгонного животноводства), клубы, кинопередвижки. Главная роль в развитии культуры на селе принадлежала школьным учителям.

По состоянию на конец 1940 г. в клубах Советского Союза действовало 26 тыс. киноустановок, 95 тыс. библиотек с фондом литературы в 185 млн экземпляров книг. В РСФСР этот показатель составлял 18,9 тыс. киноустановок, около 46 тыс. библиотек с фондом литературы в 43 млн экземпляров[15].

В сельской местности имелось 36,9 тыс. изб-читален. По сравнению с дореволюционными годами, когда просветительской деятельностью, кроме церкви, никто на селе не занимался, даже эти скромные очаги культуры выполняли важную миссию духовного развития и воспитания людей.

В целом же в стране сформировался крупный слой интеллигенции, численность которой в 12 раз с лишним превышала число людей умственного труда в дореволюционной России.

В последнее довоенное десятилетие уверенно заявила о себе отечественная наука. К 1941 г. Советский Союз располагал 1821 научным учреждением, в которых непосредственно научным творчеством было занято 362 тыс. человек[16]. Кроме научных учреждений наукой активно и плодотворно занимались Московский, Ленинградский, Казанский, Томский университеты и другие вузы страны. Среди важнейших исследовательских проблем таких научных центров были выявление и наиболее полное использование природных ресурсов, необходимых для развития народного хозяйства и укрепления обороноспособности страны[17].

При планировании экономического, социального, военного и других направлений развития Советского государства учитывалось, что основная угроза для страны ожидается с запада. В этой связи особое внимание руководства было направлено на быстрое развитие производительных сил на востоке страны. Там укреплялась граница с соседними государствами, строились порты, города и поселки, развивались промышленность и транспорт. Для освоения дальневосточного края организовывались призывы и наборы молодежи на комсомольские стройки. Среди молодых людей, решивших поехать в дальние края, было мало женщин. Поэтому в 1937 г. был объявлен общественный призыв под лозунгом «Девушки — на Дальний Восток!». Этот почин получил название хетагуровского движения по имени обратившейся к молодежи с таким призывом Валентины Хетагуровой, молодой жены советского командира-дальневосточника, будущего Героя Советского Союза генерала армии Г. И. Хетагурова[18]. Поощрялись также проживание граждан в восточных районах на постоянной основе, прием на работу граждан, освободившихся из заключения.

Эти меры государства укрепляли производственные и оборонные ресурсы Сибири и Дальнего Востока, что имело большое значение в годы войны.

Дружбу народов, их единство большинство историков по праву называют в числе важнейших составляющих победы СССР в борьбе с фашизмом. В этом направлении до войны была проведена огромная работа. Она оказалась тем более необходимой, что в подготовке разбойничьего похода на Восток гитлеровской Германии «подыгрывали» антисоветские круги ряда других государств, готовых к разделу добычи в богатой природными ресурсами России. Так, при генштабе Польши, стремившейся к союзу с Германией, было образовано специальное подразделение по работе с национальными меньшинствами, проживающими в СССР. Предпринимались усилия по обострению обстановки в западных районах Украины, в Прибалтике, Средней Азии, на Кавказе. Наряду с военными и экономическими средствами использовались разнообразные методы идеолого-психологического и административно-политического воздействия на население и личный состав советских Вооруженных сил.

Сплочение всех конструктивных патриотических сил независимо от политических, этнических, конфессиональных и других различий стало одной из важнейших составляющих подготовки государства и общества в СССР к отражению грядущей агрессии.

Нельзя не сказать и о том, что некоторая часть населения в разных формах проявляла недовольство советскими порядками (вплоть до вооруженных выступлений). Власть ответила репрессивными мерами. По данным известного специалиста по проблеме репрессий

в СССР В. Н. Земскова, с 1935 до 1941 г. по политическим мотивам было репрессировано 1 868 085 человек, из них приговорены к высшей мере наказания 288 503 человека[19].

В материальном отношении народ, по сегодняшним меркам, жил бедно. Уровень жизни большинства населения повышался медленно. Исключение составляла партийная, государственная и хозяйственная номенклатура, а также значительная часть интеллигенции, которые располагали ограниченными материальными привилегиями. Острой была жилищная проблема: комната для семьи в коммунальной квартире была, как правило, общепринятой нормой в Москве, Ленинграде, Киеве, ряде других городов. Нелегкой в материальном отношении была и жизнь крестьянства. В колхозах нередко после выполнения поставок государству зерна и овощей не оставалось необходимого минимума для оплаты труда крестьян. Зачастую из-за недостатка промышленных товаров и денежных средств в деревнях занимались домашним ткачеством, плели лапти, заменявшие обувь фабричного производства. Личные хозяйства были слишком малы и едва позволяли обеспечить крестьянским семьям прожиточный минимум. Тем не менее численность населения страны возрастала.

С началом массовых репрессий получило распространение такое негативное явление как доносительство, в результате которого пострадали многие невинные люди. Надо сказать, что масштабы необоснованных репрессий 1930-х гг., в том числе в армии и на флоте, в то время не были известны, а открытые процессы, на которых подсудимые признавались в тягчайших преступлениях против государства, не оставляли сомнения в их виновности.

Несмотря на все сложности и противоречия, страна и народ встретили Великую Отечественную войну экономически и идеологически в основном подготовленными. Рубеж 1930–1940-х гг. оставил новым поколениям ценный опыт формирования в гражданах общественной активности, патриотизма и ответственности, которые помогли Советскому государству выстоять в смертельной схватке с фашизмом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945 гг. Т. 3. М., 1984. С. 139.

[2] Женщины России в чрезвычайных условиях. Исторический опыт, проблемы, пути решения. М., 2006. С. 31, 36.

[3] Цит. по: *Молчанов Н. Н.* Генерал де Голль. М., 1973. С. 81–82.

[4] Победа — одна на всех: Вклад союзных республик СССР в завоевание Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 2010. С. 476.

[5] Великая Отечественная война. 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 669.

[6] Там же. С. 591.

[7] *Косыгин А. Н.* Избранные речи и статьи. М., 1970. С. 7.

[8] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. М., 1976. С. 186–187.

[9] Цит. по: *Кондакова Н. И.* Война, государство, общество. 1941–1945. М., 2002. С. 432.

[10] Ветеран. 2001. № 6.

[11] Страна Советов за 50 лет. М., 1967. С. 271.

[12] Там же. С. 272.

[13] Там же. С. 277.

[14] *Потемкин В. П.* Статьи и речи по вопросам народного образования. М., 1947. С. 264.

[15] Страна Советов за 50 лет. С. 287–288.

[16] Там же. С. 271.

[17] Великая Отечественная война. 1941–1945. Энциклопедия. С. 483.

[18] Там же. С. 591.

[19] *Земсков В. Н.* Правда о репрессиях в СССР: Против спекуляций, извращений и мистификаций // Противодействие современным фальсификаторам истории Великой Отечественной войны. М., 2010. С. 52.

Реорганизация Вооруженных сил

Военно-теоретические взгляды накануне войны. Каждое государство осуществляет свое военное строительство, готовит страну и вооруженные силы к решению внешних военно-политических задач, исходя из сложившейся системы взглядов на возможный характер будущей войны. Поэтому в межвоенные годы в СССР, как и в других ведущих странах мира, теоретическим проблемам будущей войны придавалось первостепенное значение.

Доктринальные установки, лежавшие в основе советского военного строительства в период между двумя мировыми войнами, трансформировались от характерного для первой половины 1920-х гг. предвидения распространения в ближайшее время революционных войн на евразийском континенте к осознанию к началу 1930-х гг. положения СССР как осажденной крепости в капиталистическом окружении, противостояния Советской страны, практически лишенной союзников, коалиции враждебных сил, во много раз превосходящей ее по военной мощи (что, безусловно, соответствовало геополитической обстановке того времени)[1]. В этой ситуации предусматривалась возможность использования противоречий внутри враждебного лагеря, но главный упор делался на повышение военной мощи самого Советского государства, с тем чтобы быть способным оказать достойный отпор агрессии извне. В обоих случаях будущая война представлялась как мировая с вовлечением в нее миллионных людских масс, применением в больших объемах новейших технических средств, подчинением всей экономики страны военным целям.

Отечественный военный теоретик А. А. Свечин, опираясь на анализ исторических тенденций и оценку социально-политических возможностей ведущих держав, подчеркивал, что будущая война для Советского Союза будет в целом делом тяжелым и, скорее всего, примет затяжной характер, потребует поэтапной мобилизации огромных ресурсов, напряжения сил всего народа[2].

При определении характера военных действий в грядущей схватке первоначально превалировал опыт Гражданской войны. Однако постепенно все больше внимания стал привлекать опыт Первой мировой войны, которой были присущи образование сплошных тысячекилометровых фронтов, изнурительные кровавые сражения, безуспешные попытки решения проблемы прорыва фронта и перехода от позиционных к маневренным формам ведения военных действий.

Теоретическое решение этой проблемы советской военной наукой в 1930-х гг., сформулированное в разработке глубокой наступательной операции, способствовало созданию планов, по которым предполагалось развертывание с началом войны решительных наступательных операций в целях разгрома вторгшегося противника на его территории. В соответствии с такой доктринальной установкой определялись способы ведения военных действий (т. е. порядок и приемы применения вооруженных сил и последовательность выполнения ими стратегических задач на театре войны[3]), характер и содержание ударов, сражений, армейских и фронтовых операций, в дальнейшем — операций групп фронтов.

На развитие военной науки определенное влияние оказывал опыт боевых действий в Китае, Абиссинии (Эфиопии), Испании, начавшейся Второй мировой войны и опыт, приобретенный Красной армией в боях у озера Хасан (1938), на реке Халхин-Гол (1939), во время похода в Западную Украину и Западную Белоруссию (1939) и войны с Финляндией (1939–1940). Полученный опыт позволил выработать рекомендации, которые легли в основу обучения войск[4].

Опыт Советско-финляндской войны в марте 1940 г. был рассмотрен на пленуме ЦК ВКП(б), в апреле — на расширенном заседании Главного Военного совета и в декабре — на совещании высшего командного и начальствующего состава Красной армии. При этом высказывались опасения относительно одностороннего изучения опыта этой войны, которая вскрыла крупные недостатки в подготовке и боеспособности РККА, обнажила слабые места в подготовке командиров и штабов к руководству войсками в боевой обстановке. Главное внимание советских военачальников и теоретиков привлекал опыт боевых действий в ходе начавшейся Второй мировой войны. Успешное наступление германских войск советские военные теоретики объясняли двумя причинами. Во-первых, политикой английского и французского правительств, уверенных в том, что нацистская агрессия на Восток против Советского Союза избавит их от войны; во-вторых — массовым оснащением вермахта новыми военно-техническими средствами борьбы[5]. К 1941 г., в самый канун Великой Отечественной войны, в Советском Союзе окончательно определились с главными противниками.

В преддверии войны ЦК ВКП(б) и правительство СССР стали проявлять большую осмотрительность, чтобы не дать втянуть страну в войну на двух фронтах, а главное — против коалиции ведущих держав. Руководство Советского Союза всячески стремилось использовать разногласия между другими государствами. Это нашло свое отражение в договорах, подписанных СССР с Францией и Чехословакией о взаимной помощи в 1935 г., с Китаем в 1937 г., в попытках заключить с Францией и Великобританией соглашение накануне Второй мировой войны и, наконец, в подписанном 23 августа 1939 г. с Германией договоре о ненападении и секретных протоколах к нему о разграничении сфер влияния, а также в договоре о нейтралитете с Японией 1941 г. Столь крутой поворот во внешнеполитическом и стратегическом курсе СССР в значительной степени был вынужденным. С одной стороны, действия советского правительства опрокинули расчеты на создание единой антисоветской коалиции, а с другой — позволили ему выиграть время для укрепления обороны страны.

Неутешительные уроки Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. показали, однако, что не только в строительстве и подготовке Вооруженных сил, но и в развитии военного искусства все обстоит далеко не благополучно: между теоретическими представлениями о характере войны и реальной действительностью выявился угрожающий разрыв. После обсуждения итогов этой войны на мартовском (1940) Пленуме ЦК ВКП(б) и проверки Наркомата обороны были разработаны и стали приниматься деятельные меры по устранению накопившихся недостатков. К сожалению, времени на их реализацию оставалось очень мало. Но главное — из опыта военных действий начавшейся Второй мировой войны не были сделаны правильные выводы, многие новые явления не были замечены и должным образом оценены.

На состоявшемся в конце декабря 1940 г. совещании высшего командного и начальствующего состава нарком обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, правильно отметивший крупные изменения в оперативном искусстве воевавших армий, тем не менее заявил: «В смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового»[6]. Однако этот тезис не отражал того, что война в Европе с ее военно-политическими замыслами, методами развязывания, масштабностью, глубиной и скоротечностью операций, комплексным использованием видов вооруженных сил и родов войск для достижения политических и стратегических целей давала основания для обновления в области военного искусства. Такой вывод наркома обороны ослаблял внимание к теоретическим проблемам, вопросам практической подготовки страны и армии к войне. Правда, в докладах генералов армии Г. К. Жукова, И. В. Тюленева, генерал-полковника танковых войск Д. Г. Павлова и в выступлениях некоторых других участников совещания отчасти затрагивались отдельные

проблемы, даже высказывались предложения по поводу их решения, но, к сожалению, на это не было обращено должного внимания со стороны военно-политического руководства и в последующем они не нашли соответствующей всесторонней разработки.

В тесной взаимосвязи с развитием взглядов на характер будущей войны находились взгляды на теоретические основы военного искусства. Весьма существенным моментом в развитии теории военного искусства стало выделение из стратегии оперативного искусства и оформление его в самостоятельную область военной теории. В результате господствовавшая до начала 1920-х гг. двухчленная формула «стратегия — тактика» получила деление на три части: «стратегия — оперативное искусство — тактика». Это оказало благоприятное воздействие на исследование назревших проблем военного искусства, дальнейшее развитие военной теории. Однако разработка официальных документов по оперативному искусству несколько отставала от теории.

Сложная и напряженная военно-политическая обстановка, обострившийся экономический кризис, расширение масштаба военных угроз, вызванных агрессивной политикой правящих кругов Германии, Японии и Италии, небывалая гонка вооружений, быстрый рост армий всех государств, увеличение арсенала находившихся на их оснащении средств вооруженной борьбы, — всё это, вместе взятое, вынуждало к активному поиску целесообразной политической и военной стратегии, которая позволила бы полнее и надежнее гарантировать национальную безопасность, успешнее отразить вероятную агрессию, добиться достижения целей в предстоящей войне. С учетом установившихся представлений о ее характере, реального состояния и возможностей собственных Вооруженных сил и армий вероятного противника предстояло в первую очередь определить, как начнется война, какие стратегические задачи возникнут перед Вооруженными силами и как их решать. В этой связи основное внимание военных теоретиков было обращено на решение проблем начального периода войны, подготовки и ведения первых и последующих операций[7].

Выход в свет ряда теоретических трудов позволил глубже разобраться в сущности и содержании начального периода войны, особенностях проводимых в тот период операций и боевых действий. В целом официальные взгляды на начальный период войны в конце 1930-х гг. сводились к следующему: современные войны не объявляются, а начинаются внезапно, вероломно. Поэтому уже в мирное время должны быть созданы мощные вооруженные силы, находящиеся в постоянной боевой готовности; война начнется крупными силами, но не основными, которые в то время будут завершать мобилизацию, продолжат сосредоточение и стратегическое развертывание под прикрытием первого эшелона; войска приграничных военных округов (армии прикрытия), заранее отмобилизованные, развернутые и приведенные в повышенную боевую готовность, должны нанести немедленный ответный удар. Одновременно начнется всеобщая мобилизация для создания второго стратегического эшелона главных сил Красной армии; в ходе начального периода армии приграничных округов, опираясь на действия авиации, бронетанковых и механизированных войск, отразят нападение противника и перенесут борьбу на его территорию. Одновременно завершатся мобилизация, сосредоточение и развертывание главных сил, которые, опираясь на успешные действия войск армий прикрытия, начнут свои операции в значительно более выгодных условиях, чем это было возможно при прежних взглядах на ведение начального периода войны. Однако эти установки во многом уже не отвечали изменившимся условиям развязывания войны. Это со всей очевидностью выявилось при нападении Германии на Польшу, а затем при разгроме Франции. И в том, и в другом случае Германия нанесла удар скрытно отмобилизованными и развернутыми главными силами.

Нападение Германии на Польшу обсуждалось в декабре 1940 г. на совещании высшего командного и начальствующего состава РККА, в ходе которого были отмечены такие моменты, как внезапность нападения, решающая роль авиации и танковых войск в ведении маневренной войны и нанесении мощных ответных ударов по противнику в самом ее начале. В то же время считалось, что внезапное нападение заранее отмобилизованными силами возможно лишь в войне с небольшим государством. Для нападения же на Советский Союз противнику

Академия механизации и моторизации РККА имени И. В. Сталина.
Изучение материальной части легкого танка Т-26

потребуется определенное время, чтобы отмобилизовать, сосредоточить и развернуть основные силы. Поэтому предполагалось, что обе стороны начнут боевые действия лишь частью сил, а для развертывания главных сил Красной армии, равно как и главных сил вермахта, потребуется около двух недель. На этом совещании начальник штаба Прибалтийского Особого военного округа генерал-лейтенант П. С. Кленов подверг резкой критике профессора Академии Генерального штаба Г. С. Иссерсона за его оценку опыта германо-польской войны, особенно по поводу того, что «начального периода войны не будет», а начнется она вторжением развернутых сил. «Я считаю подобный вывод преждевременным, — заявил Кленов. — Он может быть допущен для такого государства, как Польша, которая, зазнавшись, потеряла всякую бдительность и у которой не было никакой разведки того, что делалось у немцев в период многомесячного сосредоточения войск»[8]. Увы, последующие события опровергли столь самонадеянный вывод генерала Кленова.

В январе 1941 г. Генеральный штаб РККА провел две оперативно-стратегические игры с целью дать возможность высшему командованию попрактиковаться в планировании и организации фронтовой и армейской наступательных операций. Однако, к сожалению, на обеих играх из розыгрыша полностью были исключены операции начального периода войны. В своих воспоминаниях Маршал Советского Союза Г. К. Жуков отмечал: «Крупным пробелом в советской военной науке было то, что мы не сделали практических выводов из опыта сражений начального периода Второй мировой войны на Западе»[9]. А далее он писал: «При переработке оперативных планов весной 1941 года практически не были полностью учтены особенности ведения современной войны в ее начальном периоде. Нарком обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными державами, как Германия и Советский Союз должна начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений. Фашистская Германия в отношении сроков сосредоточения и развертывания ставилась в одинаковые условия с нами. На самом деле и силы, и условия были далеко не равными»[10].

В канун войны для советской военной доктрины был характерен примат наступления, которое рассматривалось как единственный способ достижения решительной победы в войне. Эти взгляды были положены в основу строительства вооруженных сил, боевой подготовки и воспитания личного состава армии, а также широкого развертывания пропаганды среди населения страны. Они не противоречили общей политической цели войны — защите государства от внешней агрессии. С исчерпывающей полнотой идея достижения оборонительной цели войны наступательными способами была зафиксирована в основополагающем документе — Проекте Полевого устава 1939 г.: «На всякое нападение врага Союз Советских Социалистических Республик ответит сокрушающим ударом всей мощи своих Вооруженных сил... Если враг навяжет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий. Войну мы будем вести наступательно, перенеся ее на территорию противника. Боевые действия Красной армии будут вестись на уничтожение, с целью полного разгрома противника»[11].

Оценка характера будущей войны как войны длительной, затяжной, обусловливала необходимость ее расчленения на периоды, кампании и стратегические операции, определения характера и масштабов тех задач, которые могли быть решены на пути к конечной цели войны. Однако четких формулировок понятий «период войны», «этап войны», «кампания», «стратегическая операция» еще не было, что приводило к их различному толкованию. Отечественная военно-теоретическая мысль пришла к выводу, что в большой войне из-за высокой живучести армий для победы над противником недостаточно одного удара, одной наступательной операции, даже если она будет гигантской по своим масштабам. Поэтому необходима серия наступательных операций, проводимых на широком фронте и на большую глубину, связанных между собой по времени и направленных к победе на всем фронте борьбы. Сущность этих операций была такова: в ходе выполнения одной операции предусмотреть и подготовить следующую, избегая перебоев в снабжении и задержек на переправах, в целях непрерывности боевых действий, чтобы не дать времени противнику перегруппироваться

Занятия по топографии в артиллерийской школе

и сорганизоваться. Успех последовательных операций в решающей степени зависел от безотказной работы тыла. Отмечалась важность и других операций: с ограниченными целями, вспомогательных и т. д.

Постепенно формировались и уточнялись взгляды на характер и способы ведения стратегических наступательных операций. Способы и формы ведения стратегического наступления избирались в зависимости от начертания линии фронта, характера обороны, группировки войск противника и других факторов. Независимо от способа и формы ведения наступления выдвигалось требование главный удар дополнять рядом энергичных ударов на вспомогательных направлениях, чтобы лишить противника возможности маневра силами для отражения наступления основной группировки войск, а также ввести его в заблуждение в отношении намерений наступающего. Окружение главных сил противника считалось самой эффективной формой стратегического наступления. Однако учитывалось, что в маневренной войне окружение и уничтожение крупных группировок — дело весьма трудное. Вот почему подобную форму операции рекомендовалось применять только при наличии значительного превосходства в силах, главным образом при наступлении силами двух фронтов.

Наряду с разработкой теории глубокой операции и боя велось исследование вопросов общевойскового боя. Наиболее интенсивно вопросы общевойскового боя исследовались во второй половине 1930-х гг. Это было обусловлено быстрым ростом техники и оснащением войск новыми образцами оружия. Теория глубокой операции и боя проверялась и конкретизировалась на маневрах и военных играх. Например, в марте 1936 г. в Киевском военном округе командиры и штабы в ходе окружной двусторонней оперативно-стратегической военной игры отрабатывали вопросы организации и ведения армейской наступательной операции[12]. В сентябре того же года в целях практической проверки новых взглядов на подготовку и ведение операции (боя) состоялись маневры войск Белорусского военного округа.

С лета 1937 г. на армию и флот обрушилась волна репрессий, коснувшихся многих руководящих работников Вооруженных сил страны, в том числе и большинства ведущих сторонников теории глубоких операций в рядах Красной армии. В связи с этим 21 мая 1938 г. нарком обороны К. Е. Ворошилов своим приказом отменил как вредительскую «Инструкцию по глубокому бою»[13]. Охотники за «врагами народа» изымали из приказов наркома термины «глубокий бой» и «глубокая операция». Все это негативно сказалось в последующем на подготовке войск, штабов и командиров.

Теория глубокой операции проверялась в ходе военно-стратегической игры, проведенной Генеральным штабом РККА в том же году. Маневры и военные игры подтвердили правильность основных положений теории глубокого боя и операции. Их опыт был использован при доработке проекта Временного Полевого устава РККА, введенного в действие приказом наркома обороны СССР от 30 декабря 1936 г. Дальнейшее развитие теория наступательной и оборонительной операций, в том числе вопросы применения ударных армий, получила на декабрьском (1940) совещании высшего командного и начальствующего состава Красной армии. Командующий Киевским Особым военным округом генерал армии Г. К. Жуков в своем докладе «Характер современной наступательной операции» отмечал: «В условиях нашего Западного театра военных действий крупная наступательная операция со стратегической целью, мне кажется, должна проводиться на широком фронте, во всяком случае масштаба 400–450 км». Для проведения такой операции он считал необходимым сосредоточить 85–100 стрелковых дивизий, четыре — пять механизированных и два — три кавалерийских корпуса, 30–35 авиационных дивизий[14].

Вместе с тем, исходя из опыта локальных конфликтов и начавшейся Второй мировой войны, Жуков перечислил ряд новых требований к наступлению. «Современная наступательная операция, — отмечал он, — может рассчитывать на успех лишь в том случае, если удар будет нанесен в нескольких решающих направлениях, на всю глубину оперативного построения, с выброской крупных подвижных сил на фланг и тыл основной группировки противника. Одновременно с действиями на решающих направлениях наступательными и вспомогательными ударами противник должен быть деморализован на возможно широком

фронте. Только такая наступательная операция может в относительно короткие сроки привести к окружению и разгрому основной массы сил противника на всем фронте предпринимаемого наступления»[15].

Как генерал армии Жуков, так и маршал Тимошенко, подводивший итоги совещания, детально и по большей части вопросов с новых позиций проанализировали характер и способы ведения современных фронтовых операций на главном — Западном — театре военных действий. По их мнению, современная операция полнее всего развертывается во фронтовом масштабе, причем фронт является оперативно-стратегической организацией. Достижение конечной цели войны или кампании предусматривалось осуществлять путем проведения ряда промежуточных фронтовых операций. Ширина полосы наступления фронта определялась в 80—300 км, глубина — 60—250 км, а темп наступления — 10—15 км и более в сутки[16].

Наступательную операцию фронта предусматривалось проводить в два этапа: на первом — сокрушить оборону противника на всю ее оперативную глубину (100—120 км); на втором — завершить его разгром и создать условия для проведения новой фронтовой наступательной операции. Подвижную группу фронта (эшелон развития прорыва) рекомендовалось использовать в двух вариантах. В случае если тактическая зона обороны противника хорошо оборудована в инженерном отношении и плотно занята его войсками, считалось целесообразным вводить эту группу в прорыв после ее преодоления стрелковыми корпусами. Если противник не располагал необходимыми силами для создания прочной обороны на второй полосе, то намечалось подвижные группы вводить в прорыв сразу после преодоления стрелковыми корпусами его главной полосы. Оперативное построение подвижной группы предусматривалось в несколько эшелонов: особый — воздушный десант; первый — бомбардировочная авиация; второй — части тяжелых танков; третий — части средних и легких танков; четвертый — мотопехота; пятый — артиллерия; шестой — стрелковые войска.

Задача подвижных групп заключалась в стремительном продвижении в глубину обороны противника, разгроме его подходящих резервов, недопущении создания ими нового фронта, выходе на пути отхода основной группировки противника и при поддержке авиации окружении ее во взаимодействии с воздушно-десантными войсками. Причем поспешно занятые оборонительные рубежи требовалось прорывать с ходу при поддержке авиации, не ожидая подхода стрелковых войск. Развитие тактического успеха в оперативный возлагалось не только на подвижные группы, но и на главные силы фронта. Оперативный прорыв считался завершенным тогда, когда достигался разгром главной группировки противника и его оперативных резервов, а также создавались условия, исключавшие возможность занятия противником оборонительных полос в тылу, чтобы восстановить фронт. В связи с тем что предстоящая война рассматривалась как маневренная, должное внимание уделялось встречным сражениям. При этом отмечалось, что они могут возникнуть как в начальный период войны, когда обе стороны будут стремиться к захвату инициативы, так и в ходе наступательной операции, когда удастся прорвать тактическую зону обороны противника.

Решающее значение в наступательных операциях придавалось организации непрерывного и твердого управления войсками. От командующих фронтами требовалось правильно учитывать политические и военные факторы обстановки, ее возможные изменения, четко формулировать цели операции, определять необходимые для их достижения людские и материальные ресурсы. Важнейшей задачей командования и штабов считалось глубокое проникновение в планы противника, создание и поддержание в ходе операции превосходства над ним в силах и средствах на главном направлении, осуществление гибкого маневра войсками, поддержание устойчивого взаимодействия между участвующими в операции видами Вооруженных сил, родами войск и элементами оперативного построения.

В теории рассматривалась возможность организации оперативной и тактической обороны на нормальном и на широком фронте. На нормальном фронте оборону рекомендовалось создавать на тех направлениях, где надо было удержать занимаемые рубежи, а на широком — на второстепенных направлениях, где требовалось удерживать только важнейшие районы. При любых вариантах построения обороны особое значение придавалось ее активности,

смелому нанесению по противнику решительных контратак и контрударов в целях разгрома прорвавшихся опасных группировок, восстановления положения и создания нового устойчивого оборонительного фронта.

Оборону предполагалось эшелонировать в глубину, создавая полосы охранения, главного сопротивления и корпусных резервов, а также тыловые рубежи на глубину. Однако роль обороны, главным образом, из-за политических соображений, принижалась. Постоянно подчеркивалось, что оборона — это вспомогательный вид военных действий и что обороной не только войну, но и сражение выиграть нельзя, так как подготовка и воспитание армии велись в духе решительных и бескомпромиссных действий, безусловной победы в будущей войне. В последующем недооценка обороны как в теории, так и в практике стратегического планирования начала проявляться все определеннее. Особенно явственно такое отношение к оборонительным действиям стало вырисовываться на рубеже 1930–1940-х гг. Об обороне говорили как об «уделе обреченных». И хотя полностью она не отрицалась, но допускалась лишь как эпизодический момент действий Вооруженных сил при выполнении задач оперативного прикрытия стратегического развертывания до вступления в сражение главных сил. События Советско-финляндской войны вынудили несколько изменить отношение к обороне. Но полностью ее недооценка так и не была тогда преодолена. Поэтому не случайно проблемы обороны оказались разработанными значительно слабее, чем вопросы наступления.

Считалось, что оборона может применяться как на второстепенных, так и на главных направлениях. В последнем случае переход к обороне должен осуществляться с целью «выждать время до исхода операций на других направлениях, фронтах или театре» либо для подготовки наступательной операции, а также если «оборона является составной частью задуманного маневра операции»[17]. Подчеркивалось, что оборона должна быть противоартиллерийской, т. е. рассчитанной на сохранение живой силы и огневых средств от поражения массовым артиллерийским огнем противника, противотанковой, чтобы обеспечить отражение массовой танковой атаки на решающих участках, когда на 1 км фронта приходится 100–150 танков наступающего врага. Наконец, требовалось, чтобы оборона была противосамолетной, т. е. способной противостоять сильному авиационному воздействию наступающего противника. Исходя из опыта советско-финляндской войны, маршал С. К. Тимошенко считал, что современная оборона должна быть «многоэшелонной, многополосной, глубокой, с нарастающим в глубине сопротивлением», а также упорной и активной[18]. По его мнению, все эти черты наиболее полное выражение найдут в рамках армейской оборонительной операции, хотя в законченном виде они проявились прежде всего как во фронтовом, так и в стратегическом масштабах.

Одновременно с ведением позиционной обороны предусматривалась и маневренная оборона. Именно так стали называть подвижную оборону. Ее мыслилось применять в тех случаях, когда подавляющее превосходство противника исключало возможность ведения позиционной обороны. Большое значение придавалось контрударам, которые считались высшим проявлением активности обороны. Главная цель контрударов — разгром вклинившегося противника и создание условий для перехода в наступление. К проведению контрударов привлекались резервы армий и корпусов.

Таким образом, развитие отечественной военной теории в межвоенный период характеризовалось достаточно высоким уровнем теоретических разработок. Это позволило в целом верно решить многие проблемы военной теории и практики, которые нашли отражение в уставах и наставлениях того времени. Среди них взгляды на содержание и характер военной доктрины, методологические и мировоззренческие основы военной науки. В то же время наличие субъективных моментов, стремление рассматривать развитие военной науки с классовых позиций приводили нередко к ошибочным выводам и оценкам, к разрыву между теоретическими представлениями и реальной действительностью.

Техническое переоснащение Вооруженных сил. Дальнейшее развитие военной теории обусловливало повышение боевой мощи Вооруженных сил, их технического переоснащения. Индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, развитие науки и культуры,

Советский бомбардировщик Пе-2 в полете

Самый первый предсерийный опытный танк КВ-2

В парадном строю проходят тяжелые танки Т-35. Москва, Красная площадь.
7 ноября 1940 г.

Парад на Красной площади. Гусеничные тягачи «Коминтерн» буксируют 152-мм дальнобойные пушки.
1 мая 1939 г.

воспитание граждан в Советском государстве — все это осуществлялось под лозунгом укрепления обороноспособности страны, подготовки к защите социалистического Отечества. В межвоенный период строительство Вооруженных сил отражало политико-идеологические и экономические реалии предвоенного времени. Страна и народ готовились к войне. Армии отводилась роль защитницы Отечества. 1 сентября 1939 г. с принятием Закона о всеобщей воинской обязанности был юридически завершен перевод Вооруженных сил на кадровое положение, начатый еще в 1935 г. К концу 1939 г. 77 % дивизий были уже кадровыми[19]. Накануне нападения нацистской Германии советские Вооруженные силы обладали значительной мощью.

Развитие советских Вооруженных сил шло в соответствии с пятилетними планами. Первый вариант такого плана был разработан в 1927 г., после чего подвергался постоянным переработкам и уточнениям. Утвержден он был лишь в июне 1930 г.

В соответствии с пятилетними планами быстрыми темпами наращивалось производство оружия и военной техники. В сухопутные войска стали поступать усовершенствованный пулемет В. А. Дегтярева, станковый пулемет системы Максима, модернизированная трехлинейная винтовка С. И. Мосина образца 1891/1930 г. и др. Уже к началу 1937 г. в армии имелось 60 тыс. станковых и около 95 тыс. ручных пулеметов. В войска поступили и новые артиллерийские системы: 37-мм и 45-мм противотанковые, 76-мм зенитные, 122-мм корпусная пушки, 152-мм пушка-гаубица и др. Быстрыми темпами развивалось и производство бронетанковой техники, которая в основном была представлена танкетками Т-27 и Т-37, легкими танками Т-26 и БТ, имевшими высокую скорость, но слабую броню и вооружение.

Развивались и средства связи. Войска получили более совершенные радиостанции, телефонные и телеграфные аппараты. В инженерные войска стали поступать переправочные парки, легкопереправочные средства, средства механизации и электрификации инженерных работ, проволочные малозаметные препятствия, противотанковые и противопехотные мины.

Постепенно наращивалось, правда, небольшими темпами, производство автомобилей и тракторов. Если в 1928 г. в армии насчитывалось всего около 1200 грузовых автомобилей, то к концу 1935 г. — свыше 35 тыс. автомобилей и тракторов[20]. В 1930—1938 гг. было выпущено свыше 24,7 тыс. самолетов разных типов, в том числе бомбардировщики СБ, ДБ-3ф (Ил-4), истребители И-16, И-153[21].

Крупные успехи были достигнуты и в области военно-морского строительства.

Однако боевые действия в районе озера Хасан, на реке Халхин-Гол и опыт Советско-финляндской войны (1939—1940) выявили много недостатков имевшейся на вооружении военной техники. В качественном отношении советские Вооруженные силы во многом не соответствовали требованиям времени. Наиболее крупные просчеты в строительстве Вооруженных сил обнаружились в ходе войны с Финляндией.

Эти и другие проблемы обсуждались на мартовском (1940) Пленуме ЦК ВКП(б), а затем на совещании высшего командного состава в апреле того же года. Принятые на них решения были направлены на реорганизацию органов управления, видов и родов войск, изменения в подходах к обучению и воспитанию личного состава, разработку новых планов мобилизации, развертывания и применения группировок войск. Осуществлялась программа перевооружения, велись интенсивные работы по подготовке Западного театра военных действий к обеспечению развертывания войск на случай войны. Правда из-за дефицита времени и средств не все намеченные материально-технические и организационные мероприятия удалось осуществить к началу войны.

Непосредственно перед Великой Отечественной войной начались разработка и внедрение в войска новых, более совершенных образцов оружия и техники. Среди них: автоматическая винтовка Ф. И. Токарева (СВТ-40), пистолет-пулемет Г. С. Шпагина, 76-мм дивизионная пушка,122-мм гаубица, 85-мм зенитная пушка, средний танк Т-34, тяжелый — КВ-1, истребители Як-1, МиГ-3, штурмовик Ил-2, бомбардировщик Пе-2. Однако из-за нехватки времени и материальной базы и ресурсов было изготовлено новых средних и тяжелых танков — 1861, самолетов — 2739. Сравнение тактико-технических характеристик советских и германских танков свидетельствует, что танки Т-34 и КВ значительно превосходили германские по

основным показателям (калибр орудий, количество пулеметов, запас хода, мощность двигателя и бронирование). Важным положительным качеством являлось наличие у них менее пожароопасного дизельного двигателя, в то время как большинство немецких танков имело бензиновые двигатели. Лобовую броню танков КВ и Т-34 не могли пробить снаряды германских танков. В то же время их броня пробивалась орудиями КВ и Т-34. Не уступали по основным параметрам легким танкам вермахта и советские машины Т-26 и БТ. Несколько тысяч танков БТ было оснащено дизельными моторами. Основу танкового парка составляли легкие машины типа Т-26 и БТ (табл. 1). Основная часть танков принимала участие в боях на Халхин-Голе и в Советско-финляндской войне, а также совершила продолжительные марши при передислоцировании в западные области Украины и Белоруссии, в прибалтийские республики и Бессарабию, израсходовав почти полностью моторесурс двигателей. Ходовая часть большинства этой техники была изношена и требовала ремонта.

Таблица 1

Наличие, состояние и распределение танков накануне Великой Отечественной войны[22]

Театр войны (военные округа)	Боеспособные танки				Небоеспособные танки*				Итого
	Тяжлые	Средние	Легкие	Общее количество	Тяжелые	Средние	Легкие	Общее количество	
Северный (АрхВО)	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Западный (ЛВО, ПрибВО, ЗапВО, КОВО, ОдВО)	582	1218	7085	8885	12	142	4070	4224	13 109
Южный (ЗакВО, САВО)	—	—	878	878	—	—	362	362	1240
Восточный (ДВФ,ЗабВО)	—	—	3922	3922	—	—	1772	1772	5694
Внутренние округа (МВО, АрхВО, ПриВО, ОрВО, ХВО, СКВО, УрВО, СибВО)	6	9	1030	1045	2	9	1427	1438	2483
На складах центра	—	—	2	2	—	39	647	686	688
Всего	588	1227	12 917	14 732	14	190	8278	8482	23 214

* К числу небоеспособных отнесены неисправные танки КВ, Т-35, Т-34, Т-28, БТ-7,Т-26, а также все танки БТ-2, БТ-5, Т-37, Т-38, Т-40.

Артиллерия оснащалась вполне современными для того времени артиллерийскими системами, значительная часть которых не уступала основным системам вермахта. Она имела 76-мм полковые, дивизионные и горные пушки, предназначенные для оснащения полковых батарей и дивизионных артиллерийских полков. 122- и 152-мм гаубицами вооружались дивизионные и корпусные полки, а также полки РГК. Для оснащения корпусных артиллерийских полков и полков РГК производились промышленностью также 107- и 122-мм пушки. Пушка калибра 152 мм, а также 210-мм пушка, 260-мм мортира, 203- и 305-мм гаубицы находились на вооружении артиллерии РГК. Минометами калибра 50 мм вооружались стрелковые роты, калибра 82 мм — батальоны, калибра 120 мм — полки. Война с Финляндией заставила советское военное руководство серьезно заняться производством минометов. Если на 1 января 1939 г. в Красной армии имелось всего 3,2 тыс. минометов, то к 22 июня 1941 г. их насчитывалось 56,9 тыс. Однако в производстве минометов наблюдалось чрезмерное увлечение малоэффективными, как показал последующий опыт боевых действий, 50-мм системами. К началу Великой Отечественной войны в Красной армии насчитывалось 36,8 тыс. таких минометов, а в вермахте — только 16 тыс.[23]

Единственным орудием противотанковой артиллерии являлась 45-мм противотанковая пушка. Также для борьбы с танками предполагалось использовать 76-мм полковые и дивизионные орудия. Однако 76-мм орудие, состоявшее на вооружении стрелковых полков, обладало слишком низкой начальной скоростью полета снаряда, чтобы вести эффективную борьбу с германскими танками. Перед самой войной ошибочно прекратили производство 45-мм и 76-мм пушек, а также сняли с вооружения противотанковые ружья.

Были разработаны системы полевой реактивной артиллерии. Однако, несмотря на то что еще в середине 1930-х гг. на вооружение были приняты реактивные снаряды, внедрение наземных систем для их применения осуществлялось медленно. К началу войны было создано только семь боевых машин. Германия к этому времени уже имела четыре полка реактивной артиллерии, оснащенных 442 реактивными установками[24]. Артиллерия лишь на 20,5 % была удовлетворена в специальных артиллерийских тягачах[25].

Укомплектование стрелковых дивизий автомобилями и тракторами составляло только наполовину штатной потребности. Недооценка пистолетов-пулеметов (автоматов) привела к тому, что к началу июня 1941 г. их выпуск составил всего 100 тыс. единиц. На вооружение были приняты установки реактивных снарядов БМ-13.

В строительстве Военно-морского флота был взят курс на создание подводного флота, легких надводных кораблей и морской авиации. На оснащение ВМФ поступали новые крейсера, эсминцы, подводные лодки, сторожевые корабли и катера. Росло число батарей береговой и зенитной артиллерии, прикрывавшей военно-морские базы. На флот поступали новые торпеды, различные мины, тральное и противолодочное оружие. ВВС ВМФ пополнялись в основном самолетами ВВС РККА. При этом некоторые из них, в частности ДБ-3 и ДБ-3ф, были переоборудованы под торпедоносцы.

Накануне войны наиболее интенсивно развивалась авиационная боевая техника. В 1940 г. ассигнования на развитие авиационной промышленности составляли 40 % всего военного бюджета страны[26]. Началось производство более совершенных машин типа МиГ-3, ЛаГГ-3, Ил-2, Пе-2 и др. По своим тактико-техническим характеристикам они не уступали аналогичным самолетам германских ВВС, а таких штурмовиков, как Ил-2 не имела ни одна армия мира. Однако накануне войны производство новых самолетов только развертывалось, а основную массу боевых машин составляли старые образцы, уступавшие германским самолетам по всем важнейшим показателям.

Совершенствование организационной структуры Вооруженных сил. К началу Второй мировой войны Красная армия по количеству личного состава и основных видов вооружения не уступала армиям ведущих государств Европы и Азии. Однако война с Финляндией показала, что она во многом не соответствовала требованиям времени. Советские Вооруженные силы насчитывали 5,7 млн человек и включали Рабоче-крестьянскую Красную армию (РККА), Рабоче-крестьянский Военно-морской флот (РК ВМФ), Пограничные (ПВ) и Внутренние войска (ВВ). Красная армия являлась основной вооруженной силой, предназначавшейся для защиты СССР на сухопутных театрах войны. Она включала три вида Вооруженных сил: Сухопутные войска (303 дивизии), Военно-воздушные силы (ВВС), Войска противовоздушной обороны (ПВО) страны. На нее приходилось 88 % (5 млн человек) всех Вооруженных сил. Военно-морской флот (277 кораблей основных классов: три линкора, семь крейсеров, 56 эсминцев и лидеров, 211 подводных лодок, 2,7 тыс. самолетов) насчитывал 343 тыс. человек. В Пограничных и Внутренних войсках (14 дивизий, 18 бригад и 21 отдельный полк) числилось 337 тыс. человек[27].

На *Сухопутные войска* в будущей войне возлагалось решение главных стратегических задач: совместно с Военно-воздушными силами, а на приморских направлениях с силами флота обеспечить прикрытие сухопутной границы и побережья страны, отразить удары агрессоров, а затем разгромить их в ходе стратегических наступательных операций. Группировка сухопутных войск и военно-воздушных сил, предназначенная для действий на одном из важнейших стратегических направлений, объединялась во фронт. Каждый из фронтов должен был иметь от трех до восьми общевойсковых армий, соединения или объединения

подвижных войск (танковых, моторизованных и кавалерийских), фронтовую авиацию и соединения, воинские части различных родов войск. Высшими тактическими соединениями Сухопутных войск являлись корпуса (механизированные, стрелковые и кавалерийские). Основными соединениями считались дивизии (стрелковые, горнострелковые, мотострелковые, кавалерийские, танковые и моторизованные). Сухопутные войска состояли из стрелковых, танковых войск, кавалерии, артиллерии, воздушно-десантных войск, войск связи, инженерных, химических и др.

Ведущей тенденцией в развитии *стрелковых войск* явилось дальнейшее повышение их ударной силы и огневой мощи. В 1941 г. был принят новый штат стрелковой дивизии. В ее состав помимо трех стрелковых и одного артиллерийского полков ввели гаубичный полк, противотанковый и зенитный дивизионы, разведывательный батальон, исключив кавалерийский эскадрон и танковый батальон. Всего в дивизии предполагалось иметь 14 483 человека, 588 пулеметов, 210 орудий и минометов, 16 легких танков, 13 бронемашин, 588 автомашин, 99 тракторов и 3039 лошадей[28]. Однако в мирное время стрелковые дивизии содержались по сокращенным штатам. В приграничных военных округах в дивизии насчитывалось около 10 300 человек, а во внутренних военных округах — около 5850 человек[29]. В целом стрелковая дивизия военного времени являлась вполне современным соединением, способным самостоятельно вести все виды боевых действий, и только в определенных условиях, видах боя, как правило в наступлении, нуждалась в усилении артиллерией и танками. Без этого усиления корпус и дивизия не в состоянии были прорвать всесторонне подготовленную тактическую зону обороны противника и обеспечить ввод в прорыв армейской или фронтовой подвижной группы.

Для сравнения: дивизии германской армии, развернутые на границе с СССР, были полностью укомплектованы личным составом, вооружением, транспортом и запасами материальных средств по штатам военного времени. Советская стрелковая дивизия уступала германской пехотной в числе противотанковых орудий (54 против 75). Перед самой войной были сняты с вооружения стрелковых подразделений противотанковые ружья, в результате чего во взводе и роте не оказалось средств борьбы с танками, а стрелковый батальон располагал всего двумя орудиями. В советской дивизии не хватало и средств противовоздушной обороны. Этот недостаток значительно усугублялся тем, что перед войной большинство дивизий имело только 30–50 % положенных им по штату зенитных орудий[30].

Части укрепленных районов (УР) предназначались для обороны долговременных рубежей, созданных вдоль старой границы и создаваемых с 1940 г. на новой. Укрепленный район состоял из нескольких пулеметно-артиллерийских батальонов, отдельных пулеметных рот, развертываемых с началом войны в батальоны, отдельных артиллерийских дивизионов или артиллерийского полка и подразделений обслуживания. Накануне войны они были укомплектованы офицерами на 34 %, сержантами — на 27,5 %, рядовыми — на 47,2 %. Для повышения боеспособности и боевой готовности 21 мая 1941 г. было принято решение о формировании дополнительно 17 управлений УР, 110 артиллерийско-пулеметных батальонов и 16 рот, шести артиллерийских дивизионов, 16 батарей и других подразделений общей численностью 120 695 человек. Формирование гарнизонов намечалось провести в две очереди: для УР на новой границе к 1 июля и на старой — к 1 октября 1941 г. Завершить формирование гарнизонов УР и инженерное оборудование назначенных районов к началу войны не удалось. И они оказались не в состоянии выполнить возложенные на них задачи по прикрытию государственной границы[31].

Все еще большая роль отводилась *кавалерии*, хотя в связи с формированием механизированных корпусов число кавалерийских дивизий с лета 1940 г. до начала войны сократилось с 25 до 13. В кавалерии остались четыре корпусных управления. Каждый корпус имел, как правило, две дивизии. Дивизия включала три кавалерийских и один танковый полк, конно-артиллерийский и зенитный дивизионы, а также подразделения обеспечения и обслуживания. Дивизия насчитывала около 9 тыс. человек, 8 тыс. лошадей и 51 орудие[32]. Кавалерийские дивизии, объединенные в кавалерийские корпуса, в соответствии с теорией глубокой на-

ступательной операции должны были наряду с механизированными корпусами составлять конно-механизированную армию (группу) фронта, предназначавшуюся для развития успеха во фронтовой наступательной операции.

Артиллерия организационно состояла из войсковой артиллерии и артиллерии резерва Главного командования (РГК). По своему назначению делилась на корпусную, дивизионную, полковую и тяжелую артиллерию особого назначения. Стрелковые корпуса и дивизии имели по два артиллерийских полка, дивизии других родов войск — по одному (в кавалерийской дивизии имелся артиллерийский дивизион). В предвоенные годы в состав стрелкового полка была введена противотанковая батарея, а стрелкового батальона — взвод противотанковых орудий и минометная рота. Артиллерия РГК, предназначенная для усиления армий и корпусов, выросла в количественном и качественном отношении. Она состояла из 60 гаубичных и 14 пушечных полков (полки РГК имели в своем составе от 36 до 48 орудий), 15 дивизионов большой мощности, двух отдельных батарей особой мощности и 12 отдельных минометных батальонов. В апреле 1941 г. началось формирование 10 противотанковых артиллерийских бригад двухполкового состава, но к началу войны завершить эту работу не удалось. Удельный вес артиллерии РГК в общем количестве наземной артиллерии составлял 6,3 %, чего, как показал последующий боевой опыт, было крайне недостаточно.

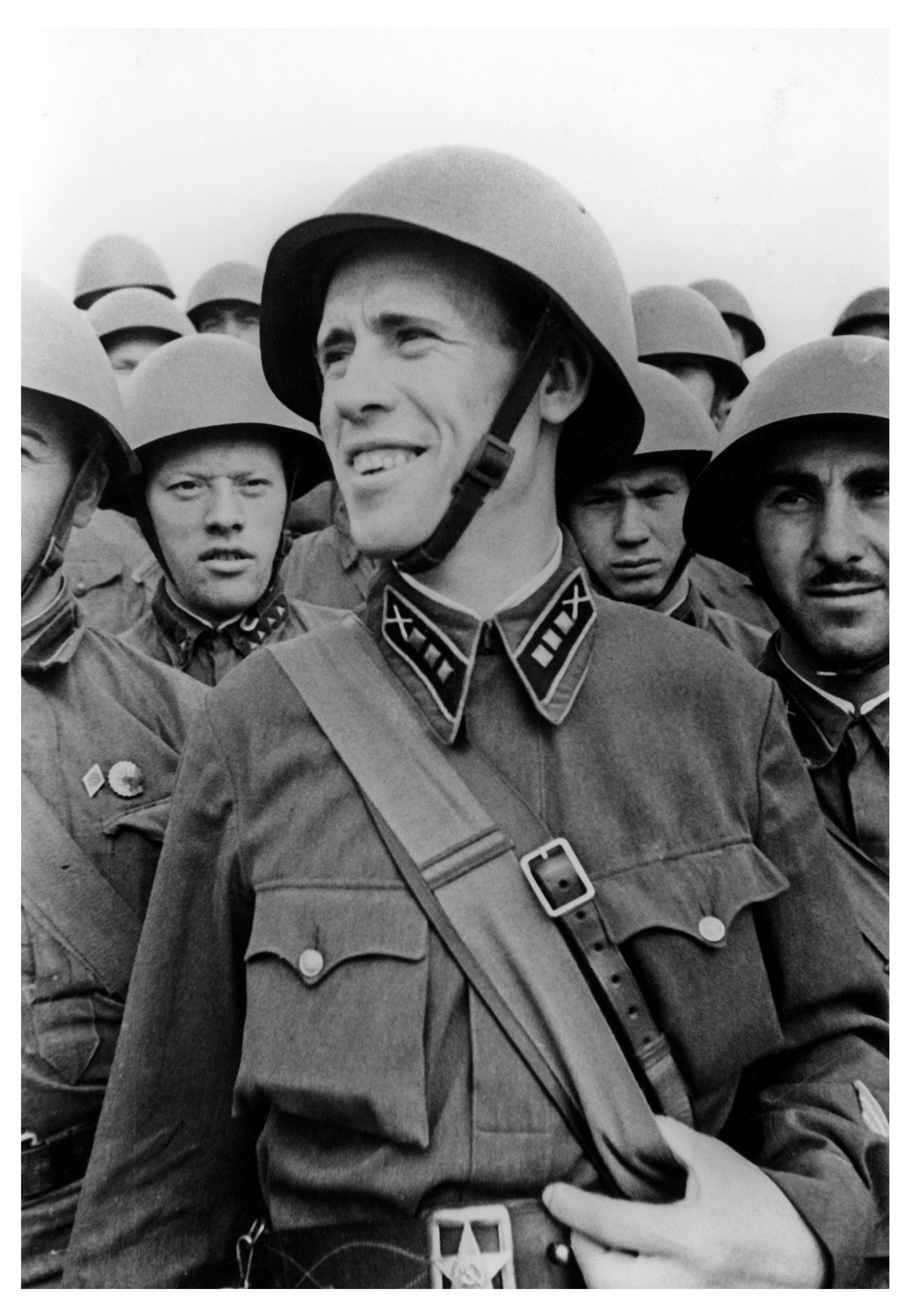
В целом накануне Великой Отечественной войны советская артиллерия уступала германской в подвижности, реактивных системах и оснащенности средствами артиллерийской разведки. Каждая дивизия вермахта имела довольно современный штатный дивизион артиллерийской инструментальной разведки. В Красной армии подобными дивизионами располагали только артиллерийские полки РГК. Кроме того, из-за незавершенности формирования артиллерийских противотанковых бригад в Красной армии в отличие от вермахта практически не было противотанковых средств РГК. Самым слабым местом советской артиллерии являлись средства тяги. В стрелковой дивизии все артиллерийские системы, за исключением орудий гаубичного полка, имели конную тягу. Вся остальная артиллерия была оснащена тихоходными сельскохозяйственными тракторами. Были разработаны образцы специальных артиллерийских тягачей, однако промышленность не успела обеспечить ими войска. Укомплектованность тракторами составляла 37,8 %.

Автобронетанковые (танковые) войска являлись главной ударной силой Сухопутных войск. По своему предназначению они подразделялись на две крупные группы. Одну из них предполагалось использовать для поддержки в бою пехоты и конницы. До осени 1939 г. ее составляли отдельные танковые батальоны и роты стрелковых дивизий, танковые полки кавалерийских дивизий и танковые бригады РГК, предназначенные для усиления стрелковых и кавалерийских корпусов. Другую группу составляли танковые корпуса, которые предназначались для развития тактического успеха в оперативный в составе фронтовой или армейской подвижной группы.

В организационном строительстве Вооруженных сил, особенно танковых войск, наблюдалось шараханье из одной крайности в другую. Так, осенью 1939 г. по решению Главного Военного совета, на котором присутствовали И. В. Сталин и В. М. Молотов, механизированные корпуса были расформированы и осуществлен переход к бригадной системе[33]. К марту 1940 г. в составе автобронетанковых войск имелось 39 танковых бригад, 22 моторизованные дивизии и три мотобронебригады резерва Главного командования, 31 танковый полк и 100 танковых батальонов стрелковых и кавалерийских соединений. Однако под влиянием опыта Советско-финляндской войны и успешных действий германской армии во Франции в мае 1940 г. было принято решение о создании шести танковых корпусов, а затем еще трех. С лета 1940 г. их стали называть механизированными (по две танковые и одной моторизованной дивизии в каждом). Всего в корпусе предусматривалось иметь свыше 36 тыс. человек, 1031 танк, 268 бронемашин, 358 орудий и минометов, 352 трактора и 5165 автомашин. Если провести сравнительный анализ дивизий механизированного корпуса с аналогичными соединениями вермахта, можно отметить явное количественное превосходство в бронетехнике соединений Красной армии.

Плавающие танки Т-37А на учениях Белорусского военного округа

Радийный легкий танк БТ-5 на учениях. Украина 1938 г.



Командир зенитной батареи старший лейтенант Клец

Несмотря на то что основных видов вооружения и техники недоставало на формирование девяти корпусов, в феврале — марте 1941 г. было принято решение о формировании еще 20 механизированных корпусов. Для их укомплектования были использованы все танковые бригады Красной армии и отдельные танковые батальоны стрелковых дивизий. В результате совсем не осталось и частей, предназначенных для поддержки пехоты танковых соединений[34]. Кроме того, танковая промышленность работала с большим напряжением и систематически не выполняла заказы Наркомата обороны. Поэтому к июню 1941 г. удалось укомплектовать всего на 30–40 % только мехкорпуса, дислоцированные в приграничных округах.

Одновременное формирование большого количества танковых и моторизованных соединений без учета имеющихся промышленных возможностей и реальных сроков поставки (перераспределения) вооружения и материальных средств войскам (например, в 1938 г. они недополучили — 104, в 1939 г. — 292, в 1940 г. — 773 танка[35]) привело к снижению уровня боевой готовности и слаженности имевшихся ранее танковых бригад и батальонов, которые растворились в огромной массе новых формирований. Снизилась боеспособность стрелковых и кавалерийских дивизий, из которых было изъято большое количество наиболее подготовленных солдат, сержантов и офицеров. Стрелковые дивизии лишились штатных танковых батальонов. Низкая укомплектованность соединений танками (из 20 корпусов западных приграничных округов только восемь были укомплектованы более чем на 50 %, из них лишь четыре — на 80–100 %, а 13, 17, 18, 20, 24-й механизированные корпуса — только на 6–25 %, при этом восемь механизированных корпусов вообще не имели танков КВ и Т-34)[36], необеспеченность средствами тяги и транспортом подвоза снижали боеспособность и маневренность механизированных корпусов.

Незавершенность формирования новых танковых соединений, их недоукомплектованность техникой и личным составом, слабая полевая выучка подразделений, неслаженность в работе штабов и в целом соединений как боевых единиц значительно снизили боеспособность танковых войск накануне войны. В отличие от Германии, у которой имелись оперативные объединения типа танковой группы, в Советском Союзе подобные формирования отсутствовали. Их предполагалось создавать по мере необходимости в ходе войны, что не гарантировало четкого руководства действиями подобных объединений, так как для них заблаговременно не создавались соответствующие органы управления[37].

В 1930-е гг. был создан новый род войск — *воздушно-десантные войска*. В марте 1931 г. в Ленинградском военном округе по инициативе М. Н. Тухачевского сформировался нештатный опытный авиамотодесантный, а в июне — нештатный парашютно-десантный отряд. В следующем году был образован штатный авиамотодесантный отряд, развернутый в 1933 г. в авиационно-десантную бригаду особого назначения. Кроме того, было сформировано четыре авиационных батальона особого назначения. В 1934 г. в маневрах участвовало 600 парашютистов. В 1936 г. дополнительно создаются еще две авиабригады и три авиадесантных полка особого назначения. На Белорусских маневрах 1936 г. десантировалось до 3 тыс. парашютистов, а 8 тыс. человек с артиллерией, легкими танками и другой боевой техникой высаживались посадочным способом. Через год все авиадесантные части были развернуты в шесть воздушно-десантных бригад[38]. Весной 1941 г. дополнительно сформировались еще девять бригад. Однако их боевые возможности были невысоки, и бригады не могли эффективно решать возложенные на них задачи. Поэтому в конце апреля 1941 г. началось создание пяти воздушно-десантных корпусов. Каждый корпус должен был состоять из трех воздушно-десантных бригад, танкового батальона и других подразделений. На их комплектование было использовано несколько стрелковых дивизий.

В соответствии с теорией глубокой наступательной операции воздушно-десантные части и соединения должны были высаживаться в тылу противника в интересах фронта, армии, корпуса или дивизии, обеспечивая, таким образом, воздействие на его оборону по всей ее глубине. Однако время, отпущенное на реорганизацию воздушно-десантных войск, не позволило к началу войны сформировать и подготовить соединения к выполнению задач по предназначению, тем более что в Красной армии не было специальной военно-транспортной

авиации, а предназначавшиеся для транспортирования десантов бомбардировщики ТБ-3 представляли собой устаревшие, тихоходные машины. Только 5 июня 1941 г. было принято решение о формировании при каждом воздушно-десантном корпусе двух десантно-бомбардировочных полков. Однако до начала войны эти полки не удалось обучить транспортировке и выброске воздушных десантов.

Специальные войска, выполнявшие важнейшую задачу по обеспечению боевых действий, также находились в процессе реорганизации и технической перестройки.

Войска связи состояли из войсковых, армейских и фронтовых частей и подразделений. В составе батальонов имелись взводы, полков — роты, дивизий и корпусов — батальоны связи. К началу войны войска связи стали получать новые образцы радиостанций, более совершенную телеграфную аппаратуру, приборы для засекречивания телеграфных передач и другое имущество. Но основная часть имущества связи являлась устаревшей и имела низкие тактико-технические характеристики. Обеспеченность радиосредствами во фронтовом звене управления составляла 75 %, в армейском — 24 %, дивизионном — 89 %, полковом — 63 %[39]. В связи с резким увеличением количества стрелковых, бронетанковых, артиллерийских, воздушно-десантных и других соединений и частей потребность в средствах связи быстро возрастала. Их остро не хватало. Даже с учетом оборудования устаревшего типа обеспеченность ими была невысокой. Ввиду острого недостатка сил и средств связи по линии Наркомата обороны предполагалось, что в случае войны фронтовые и армейские объединения будут базироваться главным образом на постоянных проводных линиях и узлах Наркомата связи.

Среди командного состава и в общевойсковых штабах имела место недооценка радио как основного средства связи в современной войне, что отмечалось в приказе народного комиссара обороны от 15 февраля 1941 г. В частности, было подчеркнуто, что некоторые командиры частей, соединений и их начальники штабов не принимают надлежащих мер к овладению искусством управления войсками по радио[40]. Безусловно, недостаток средств связи, неумение многих командиров использовать радиосредства резко ограничивали способность войск действовать в условиях быстро меняющейся обстановки, в отрыве от главных сил, это характерно для начала войны. В мирное время войска связи содержались в сокращенном виде, что не обеспечивало их быстрое развертывание с началом войны.

Значительные изменения произошли в *инженерных войсках* Красной армии. Они состояли из войсковых и армейских частей и подразделений, а также частей резерва Главного командования. Стрелковый полк имел саперную роту, стрелковая дивизия — саперный батальон двухротного состава, стрелковый корпус — инженерно-саперный батальон трехротного состава. В танковой дивизии имелся моторизованный саперный батальон, в штате армий находились инженерные батальоны и отдельные специальные роты. Инженерные части резерва Главного командования были представлены отдельными инженерными и понтонно-мостовыми батальонами. В феврале — марте 1941 г. на их основе было сформировано 18 инженерных и 14 понтонно-мостовых полков РГК численностью до 1000 человек каждый. Накануне войны почти все дивизионные и корпусные саперные батальоны и девять из десяти инженерных полков западных приграничных военных округов выполняли задачи инженерного оборудования местности и строительства оборонительных сооружений в назначенных районах. Это означало, что соединения и объединения приграничных округов практически оставались без сил и средств инженерного обеспечения боевых действий, что в итоге и привело к значительному снижению и без того невысокого уровня боеспособности войск этих округов.

Химические войска к началу Великой Отечественной войны располагали техническими средствами для индивидуальной защиты, ведения химической разведки, дегазации местности, а также огнеметными установками, аппаратами для дымопуска и другой специальной техникой. Они состояли из отдельных батальонов противохимической обороны и отдельных дегазационных батальонов центрального и окружного подчинения. В объединениях и соединениях имелись дегазационные роты. В каждом полку создавались взводы противохи-

мической обороны и огнеметные команды. В танковые соединения включались батальоны и роты огнеметных танков.

Исключительно быстро развивались *автомобильные войска*. Только за четыре предвоенных года количество автомобилей в Красной армии увеличилось в семь раз. К июню 1941 г. автомобильные войска были представлены 19 автомобильными полками, 37 отдельными автомобильными батальонами, одной отдельной авторотой и 65 автомобильными депо. Всего насчитывалось 273 тыс. автомобилей, в том числе 257,8 тыс. грузовых. Это обеспечивало штатную потребность военного времени только на 41,2 %. Основное количество автомобилей, поступавших в армию, шло на укомплектование соединений и частей. В западных приграничных военных округах находилось девять автомобильных полков, шесть отдельных батальонов и восемь депо[41]. Однако единой транспортной службы, которая могла бы быстро развернуться с началом войны и обеспечить надежное руководство работой автомобильного транспорта, не существовало. Решение всех необходимых вопросов было распределено между автодорожным отделом Управления устройства тыла и снабжения Генерального штаба и Автобронетанковым управлением Красной армии.

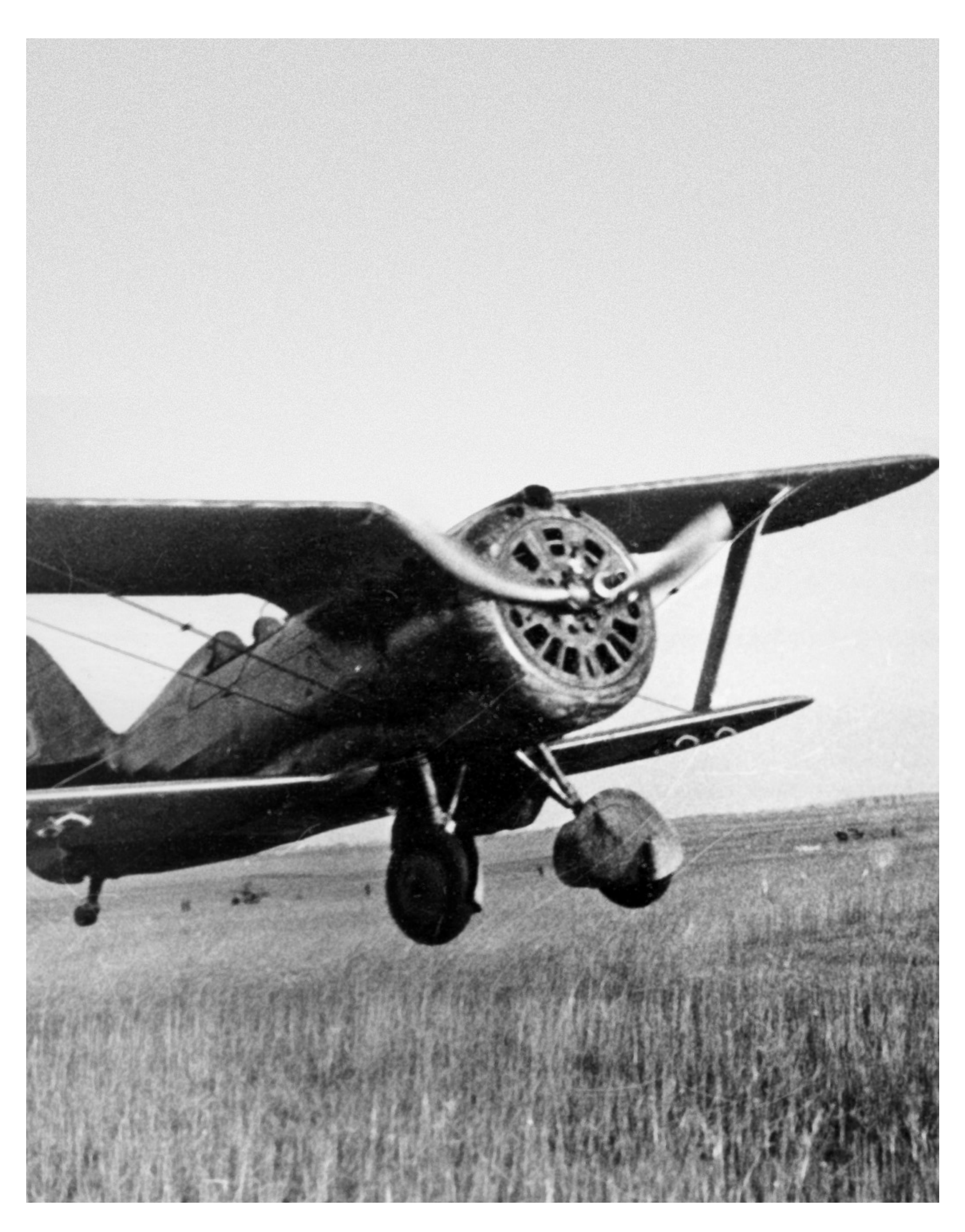
Таким образом, реорганизация Сухопутных войск Красной армии накануне Великой Отечественной войны нарушила сложившиеся организационно-штатные структуры, а создать новые и осуществить их боевое слаживание к началу войны не удалось. Начало войны застало все рода войск в стадии реорганизации и крупных преобразований, направленных на резкое усиление их огневой мощи и маневренности. Особенно низким был уровень боеспособности воздушно-десантных и танковых войска. Наиболее слабыми местами Сухопутных войск являлись: содержание соединений в штатах мирного времени, низкий уровень их укомплектованности транспортом, недостаток средств противотанковой и противовоздушной обороны и низкая обеспеченность войск радиосредствами.

В соответствии с военно-теоретическими взглядами, оценкой характера будущей войны *Военно-воздушным силам* придавалось большое значение. Их развитие считалось приоритетным в советском военном строительстве, и особенно интенсивным оно стало накануне войны, когда после анализа опыта военных конфликтов и боевых действий начавшейся Второй мировой войны стало ясно, что советская военная авиация существенно отстает от авиации западных стран и не соответствует задачам, которые ей предстоит решать в будущей войне. Военно-воздушные силы Красной армии к началу войны состояли из дальнебомбардировочной авиации Главного командования, фронтовой, армейской и войсковой авиации. Соотношение их в составе ВВС было следующим: дальнебомбардировочная авиация составляла 13,5 %, фронтовая — 40,5 %, армейская — 43,7 % и войсковая авиация — 2,3 %.

Дальнебомбардировочная авиация (ДБА) предназначалась главным образом для действий по объектам глубокого тыла противника, фронтовая — для решения задач по плану командования фронтов, армейская авиация действовала в непосредственном взаимодействии с войсками армии, и войсковая авиация выполняла задачи обеспечения войсковых соединений (корпус, дивизия).

Исходя из опыта применения авиации в Советско-финляндской войне усилия авиации сосредоточивались главным образом в интересах общевойсковых армий. Истребительной авиации и ПВО отражать массированные налеты авиации противника в той войне не приходилось. Однако совершенно другие условия складывались в ходе Второй мировой войны на Западе, где германская авиация применяла мощные массированные удары, особенно при действиях по войсковым и авиационным группировкам. Для этого противник имел крупные, централизованно управляемые объединения (воздушные флоты). К сожалению, опыт начального периода Второй мировой войны не был достаточно учтен советским командованием.

Вся реорганизация главным образом сводилась к тому, чтобы сосредоточить большую часть авиации в руках фронтового и армейского командования. Одни и те же по своему составу полки — истребительной, бомбардировочной и штурмовой авиации — были равномерно распределены между фронтовой и армейской группами авиации, а часть соединений ДБА отдана в оперативное подчинение командующим войсками округов. Такими организационными



Истребитель И-153 «Чайка» взлетает для выполнения учебного задания

мероприятиями были созданы условия, ограничивающие возможности массированного, централизованного использования ВВС для отражения воздушного нападения крупных сил авиации противника и сосредоточения своих ударных сил в целях разгрома его основных авиационных и войсковых группировок. В составе армейской и войсковой авиации было сосредоточено 46 % всех самолетов ВВС Красной армии, тогда как во фронтовой — 40,5 %[42]. В составе ВВС не было таких крупных объединений, как авиационные армии, которые могли проводить самостоятельные воздушные операции. Имелись лишь соединения бомбардировочной и истребительной авиации. Было создано пять авиакорпусов, которые дислоцировались на территории приграничных военных округов (четыре на западе и один на востоке) и в оперативном отношении подчинялись командованию этих округов.

В связи с тем что советская военная теория исходила из того, что решающего разгрома агрессора можно достичь наступательными действиями, большое внимание уделялось развитию бомбардировочной и штурмовой авиации (основное средство авиационной поддержки наземных войск). В 1941 г. удельный вес бомбардировщиков и штурмовиков составлял 41,4 %, истребителей — 53,4 %. В советских ВВС было крайне мало разведывательной авиации — всего 3,2 %, что объяснялось ограниченными экономическими возможностями — создавать одновременно боевую и разведывательные авиацию Советскому государству было не под силу[43].

Основная группировка советских ВВС располагалась на западе. Здесь было сосредоточено до 70 % дальнебомбардировочной и свыше 50 % фронтовой и армейской авиации. На востоке находилось до 16 % ДБА и 2,3 % фронтовой и армейской авиации. Остальные силы располагались во внутренних округах и на юге. Свыше 3 тыс. самолетов внутренних военных округов рассматривались как резерв, предназначенный для восполнения потерь на любом из театров войны. В целом такая стратегическая группировка Военно-воздушных сил страны соответствовала складывавшейся в 1941 г. военно-политической обстановке.

Готовность авиационных частей к ведению боевых действий была слабой. Перевооружение и переучивание экипажей на новую авиационную технику происходило медленно. 15 из 35 перевооружаемых полков имели менее 50 % самолетов от штатной численности. В ВВС западных округов количество неисправных самолетов на 22 июня 1941 г. составляло 919 машин, или 12,9 %. 1196 исправных самолетов не имели экипажей. Для новых самолетов было подготовлено только 208 экипажей (14 % необходимого количества). Из 35 перевооружаемых полков 15 имели менее половины штатной численности самолетов, что напрямую было связано с медленным развертыванием производства новых самолетов, их конструктивными недостатками и большой штатной численностью машин в полках[44]. К 22 июня 1941 г. переформирование тыловых органов не было завершено. Из десяти районов авиационного базирования только восемь были частично сформированы. К тому же обеспеченность тыловых частей техническими средствами была в пределах 30–40 % штатной потребности частей военного времени. Незавершенность перестройки тыла не давала возможности осуществлять межфронтовой маневр авиации. Слабо развитая аэродромная сеть привела к скученному базированию самолетов. Система связи и тыла ВВС оказалась к началу войны неподготовленной для обеспечения боевых действий ВВС.

Важная роль в обеспечении нормальной работы тыла страны, его высокой эффективности, способности снабжать фронт всем необходимым для ведения напряженных и длительных боевых действий против сильного противника в условиях массового применения авиации отводилась *противовоздушной обороне* (ПВО). Войска ПВО начали создаваться еще в 1928 г. В начале 1941 г. вся территория приграничных и наиболее важных внутренних европейских районов Советского Союза на глубину до 1200 км от государственной границы была разделена на 13 зон ПВО (Северная, Северо-Западная, Западная, Киевская, Южная, Северо-Кавказская, Закавказская, Среднеазиатская, Забайкальская, Дальневосточная, Московская, Орловская, Харьковская), границы которых совпадали с границами военных округов. С началом войны под прикрытием ПВО должно было проводиться беспрепятственное развертывание вооруженных сил и оборонной промышленности.

Техническую основу войск ПВО страны перед войной составляли самолеты-истребители, зенитная артиллерия, зенитные пулеметы, прожекторы, аэростаты заграждения, оптические и акустические средства разведки воздушного противника. Для поражения самолетов противника на малых высотах в войсках ПВО имелись счетверенные 7,62-мм зенитные пулеметные установки образца 1931 г. и 12,7-мм крупнокалиберный зенитный пулемет образца 1938 г. системы В. А. Дегтярева и Г. С. Шпагина (ДШК). Одновременно войска ПВО оснащались приборами управления артиллерийским зенитным огнем (ПУАЗО), решавшими задачу расчета точки встречи снаряда с целью, стратегическими дальномерами, предназначавшимися для визуального определения координат воздушных целей. Части аэростатов воздушного заграждения в военный период получили на вооружение аэростаты отечественного производства. Зенитные прожекторные части имели советские зенитные прожекторы с дальностью действия светового луча 7–9 км. Одновременно с ростом технической оснащенности войск ПВО совершенствовалась и их организация. Основной тенденцией в организационном совершенствовании войск ПВО являлось укрупнение тактических единиц. Вместо отдельных подразделений (батарей, отрядов, дивизионов) стали формироваться части и соединения зенитной артиллерии и истребительной авиации.

Основные усилия противовоздушной обороны сосредоточивались на глубине 500–600 км от государственной границы на западе и 200–250 км на Кавказе. В этой зоне было сосредоточено до 90 % всей имеющейся в то время в войсках ПВО зенитной артиллерии среднего калибра (основного огневого средства ПВО), причем на оборону трех важнейших центров страны — Москва, Ленинград, Баку — было поставлено 42,4 % всех батарей и до 50 % истребительных авиационных полков[45]. В июне 1941 г. войска ПВО были обеспечены орудиями среднего калибра (76 и 85 мм) на 84 %, зенитными пулеметами — на 55,7 %. Части и соединения ПВО западных приграничных зон получили новую материальную часть в несколько большем количестве. Зенитными орудиями они были оснащены на 90–95 %, пулеметами — на 70,6 %[46].

К началу Великой Отечественной войны в составе войск ПВО страны имелось три корпуса, две дивизии, девять отдельных бригад, а также 28 отдельных зенитных артиллерийских полков, 109 отдельных зенитных артиллерийских дивизионов, 28 отдельных зенитных пулеметных рот, шесть полков, 35 отдельных батальонов, пять отдельных рот и четыре радиобатальона ВНОС[47]. В них насчитывалось: личного состава — 182 тыс. человек, зенитных орудий среднего калибра — 3329, малого калибра — 330, зенитных пулеметов — 650, прожекторов — 1500, аэростатов заграждения — 850, радиолокационных станций обнаружения — до 45. Выделенные из состава ВВС 40 истребительных авиационных полков насчитывали около 1500 самолетов[48]. Средства ПВО имелись и в общевойсковых соединениях. В стрелковых дивизиях и корпусах для противовоздушной обороны штатами предусматривались зенитные дивизионы, на вооружение которых должны были поступить 76-мм и 37-мм пушки. Однако к началу 1941 г. орудий калибра 37 мм насчитывалось всего 1382 при штатной потребности более 4,9 тыс. Основная масса танковых, моторизованных и стрелковых дивизий имела по четыре — восемь орудий вместо 12, положенных по штату[49].

Распределение сил и средств ПВО по зонам фактически означало их распыление, что в конечном счете привело к ослаблению противовоздушной обороны на главных операционных направлениях. Если зенитно-артиллерийские средства полностью подчинялись помощнику командующего войсками округа по ПВО, то истребительные соединения и части оставались в двойном подчинении: командующему ВВС округа и помощнику командующего войсками округа по ПВО. Такая система управления средствами ПВО, как показал последующий опыт, затрудняла централизованное использование всех сил и средств ПВО для решения стоящих перед ними задач.

Составными частями Вооруженных сил являлись пограничные и Внутренние войска.

К началу Великой Отечественной войны численность *пограничных войск* составляла 165 тыс. человек. Границу от Баренцева до Черного морей охраняли войска восьми пограничных округов. В их составе имелось 49 пограничных отрядов, 10 отдельных пограничных комендатур, семь отрядов пограничных судов, восемь окружных школ младшего начсоста-

ва, другие части подразделения специального назначения, а также 11 полков оперативных войск, всего около 100 тыс. человек, или 60 % общей численности пограничных войск[50]. Вооружение и организация подразделений пограничных войск позволяли им вести борьбу преимущественно с одиночными нарушителями границы и небольшими разведывательно-диверсионными группами.

На *Внутренние войска* возлагались задачи по обеспечению государственной и общественной безопасности, охране общественного порядка, правительственных учреждений, важнейших промышленных предприятий и других объектов оборонного значения, мест заключения. Кроме того, они охраняли железнодорожные сооружения, сопровождали воинские и особо ценные грузы, конвоировали лиц, содержащихся под стражей, обслуживали судебные учреждения, охраняли тюрьмы и лагеря. Привлекались они и для охраны общественного порядка. По составу вооружения, техническому оснащению внутренние войска не предназначались для ведения боевых действий с крупными силами противника. Но по мобилизационному плану на военное время в задачу внутренних войск входили охрана прифронтовой полосы, коммуникаций, тыловых районов, борьба с диверсионно-разведывательными группами противника, его агентурой.

Войска НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений состояли из семи дивизий и пяти бригад; по охране особо важных предприятий промышленности — из пяти бригад, двух отдельных полков и девяти батальонов. Конвойные войска — из десяти бригад и двух отдельных полков. С марта 1941 г. в составе НКВД начало функционировать Управление оперативных войск, которому подчинялись части оперативного назначения и военно-учебные заведения. Ему были подчинены 11 оперативных полков, находившихся на территории приграничных округов, дивизия имени Ф. Э. Дзержинского, дислоцировавшаяся в Москве, и другие части[51]. Не меньшее значение имела охрана государственных оборонных объектов. Росло число режимных предприятий, а сил войсковой охраны не хватало. Накануне Великой Отечественной войны войска НКВД охраняли 145 объектов. Штатная численность охраны составляла 29,9 тыс. человек. Конвойные части обслуживали 156 судебных учреждений, несли службу на 176 железнодорожных маршрутах. В военное время на эти части возлагались конвоирование военнопленных от пунктов приема до лагерей для военнопленных и охрана последних. Численность конвойных войск увеличилась к июню 1941 г. до 38 311 человек. Они состояли из двух дивизий и семи бригад.

На территории Прибалтийского, Западного и Киевского Особых военных округов из находившихся там оперативных полков накануне войны были сформированы 21, 22 и 23-я мотострелковые дивизии. Однако к началу войны они не были полностью укомплектованы. Всего в оперативных войсках (вместе с военно-учебными заведениями) насчитывалось около 41,5 тыс. человек, из них около 16 тыс. находилось вблизи западной границы.

Общая численность Внутренних войск накануне войны составляла 173,9 тыс. человек[52].

В октябре 1940 г. все вопросы, относившиеся к местной противовоздушной обороне (МПВО), и мероприятия по подготовке городов, населенных пунктов и объектов народного хозяйства при нападении противника с воздуха были возложены на Наркомат внутренних дел, в составе которого было образовано Главное управление местной противовоздушной обороны. Накануне Великой Отечественной войны в МПВО входили три инженерно-противохимических полка (Москва, Ленинград, Баку) и четыре инженерно-противохимических батальона. Система МПВО находилась в стадии организации. В большинстве городов формирования существовали лишь на бумаге, не все население успело получить необходимые знания и навыки.

Что касается задачи охраны прифронтовой полосы, то здесь нерешенных вопросов было еще больше. Напряженность обстановки в приграничных районах нарастала, требуя от руководства войск, командиров всех степеней принятия мер по усилению несения службы, повышению боеготовности. Однако своевременно все это сделать не удалось.

В предвоенные годы совершенствовалась организационная структура Военно-морского флота. В 1937 г. был создан самостоятельный наркомат ВМФ. В апреле 1939 г. руководителем

наркомата был назначен флагман 2 ранга Н. Г. Кузнецов, имевший за плечами войну в Испании. К началу войны ВМФ организационно состоял из четырех флотов — Северного, Балтийского, Черноморского и Тихоокеанского и пяти флотилий — Дунайской (в составе Черноморского флота), Каспийской, Пинской, Амурской и Северо-Тихоокеанской (входила в состав Тихоокеанского флота). Флоты состояли из надводных и подводных сил, морской авиации, береговой обороны и обеспечивавших их действия служб наблюдения и связи, а также тыла.

Надводные корабли организационно объединялись в эскадры (основное оперативно-тактическое соединение флота), бригады и отдельные дивизионы. В составе самых мощных Балтийского и Черноморского флотов, например, имелось по эскадре. Ядро эскадры составляли линейные корабли. В эти два флота входили также отряды легких сил, каждый из одного-двух крейсеров и одного-двух дивизионов эскадренных миноносцев (в дивизионе — три — пять эсминцев). На Балтике отряд легких сил представлял самостоятельное соединение, а на Черном море входил в оперативное подчинение командующего эскадрой. В составе Тихоокеанского флота имелась бригада эскадренных миноносцев, а в составе Северного — отдельный дивизион эскадренных миноносцев.

Подводные лодки объединялись в бригады (на Северном флоте — одна, на Балтийском — три, на Черноморском — две и Тихоокеанском — четыре), каждая в составе трех-пяти дивизионов по шесть-девять однотипных подводных лодок.

На всех флотах, кроме Северного, были созданы *бригады торпедных катеров*. Для действий в особых (шхерных) условиях на Балтийском флоте имелась бригада шхерных кораблей. Авиация флотов организационно объединялась в бригады (смешанные и однотипные), отдельные полки и эскадрильи.

Была разработана и введена организация *охраны водного района (ОВР)*, объединявшая силы и средства противовоздушной, противокатерной и противолодочной обороны районов базирования флота. Соединения кораблей ОВР входили в состав военно-морских баз. Ядро организации береговой обороны военно-морских баз составляли укрепленные районы и укрепленные секторы, прикрывавшие основные узлы базирования сил флота и важные операционные направления. На участках побережья и островах, которые не входили в зоны военно-морских баз, силы береговой обороны объединялись в самостоятельные соединения (районы) и подчинялись непосредственно командующему флотом. В береговую оборону была включена также единственная в ВМФ бригада морской пехоты Балтийского флота шести-батальонного состава[53]. Основными боевыми единицами укрепленных районов и секторов являлись отдельные артиллерийские дивизионы и батареи (как правило, из трех-четырех орудий). Накануне войны береговая оборона насчитывала 332 артиллерийские батареи, оснащенные 1224 орудиями калибра от 45 до 356 мм. Силы ПВО флотов состояли из зенитных артиллерийских полков, отдельных дивизионов и батарей, а также прожекторных и пулеметных подразделений, батальонов и рот ВНОС. Они объединялись в базовые участки ПВО. В составе трех флотов и двух флотилий имелось более 670 орудий зенитной артиллерии, что было явно недостаточно.

В создании и развитии Военно-морского флота первостепенное значение придавалось оснащению его современными боевыми кораблями. По мере того как развивалась кораблестроительная база, осуществлялся переход от преимущественного создания подводных лодок и легких надводных кораблей к строительству тяжелых кораблей (линкоров, тяжелых крейсеров). Однако в стране не хватало металла, энергоресурсов. К тому же мощности судостроительной промышленности оказались не в состоянии обеспечить одновременный быстрый ввод в строй боевых кораблей и строительство вспомогательных судов. Стало заметным отставание в создании некоторых типов кораблей основных классов. В 1938–1939 гг. приступили к строительству четырех линкоров, заложили тяжелые крейсеры типа «Кронштадт», легкие — «Чапаев» и начали проектирование первого авианосца. Стремление строить большие корабли было велико, а возможности весьма ограниченны. Достаточно отметить, что стоимость только четырех линкоров составляла треть годового бюджета СССР в 1940 г. 19 октября 1940 г. правительство вынуждено было принять решение о приостановке закладки

новых линейных кораблей и тяжелых крейсеров; все усилия сосредоточивались на строительстве малых и средних кораблей, а также на достройке крупных кораблей с большой степенью готовности. Тем не менее, несмотря на многочисленные трудности, флот получил значительное пополнение. В годы предвоенных пятилеток было заложено 533 боевых корабля (не считая катеров), из них передано флоту 312, общим водоизмещением 243,2 тыс. т[54].

К началу Великой Отечественной войны Военно-морской флот насчитывал три линейных корабля, семь крейсеров (из них четыре новых типа «Киров»), 54 лидера и эскадренных миноносца, 211 подводных лодок, 22 сторожевых корабля, 80 тральщиков[55].

Подводные лодки рассматривались как основной род сил для действий на морских сообщениях и для борьбы с боевыми кораблями противника. Для действий у своих берегов предназначались малые подводные лодки типа М. Их можно было транспортировать по железным дорогам. В начале 1930-х гг. для действий в открытом море началась серийная постройка средних подводных лодок типа Щ и С. Строились и большие подводные лодки типа Л, которые кроме мощного торпедного вооружения имели устройства для постановки мин. Это были первые подводные минные заградители советской постройки. В 1936 г. началось строительство крейсерских подводных лодок типа К, которые были одними из самых сильных лодок в мире по вооружению и быстроходности. Большую часть вступивших в строй подводных лодок составляли малые и средние.

Значительное внимание уделялось *авиации ВМФ*. Лишь за один 1940 г. авиация флота выросла на 39 %, хотя и рассматривалась перед войной как обеспечивающий род сил[56]. Вся морская авиация насчитывала 2824 боевых самолета различных типов, но в своем большинстве (87,5 %) это были машины старой конструкции. Бомбардировщики и торпедоносцы имели малые скорость и радиус действия, недостаточную бомбовую нагрузку.

Недочеты в предвоенном строительстве ВМФ в дальнейшем негативно сказались на боеспособности флота. Прежде всего это касалось незавершенности строительства кораблей. Взятый в предвоенные годы курс на развитие подводного флота был верным по существу, но не учитывал до конца технические возможности подводных лодок, а также возможности их базирования. На всех флотах не хватало малых боевых кораблей и катеров для несения дозорной службы на подходах к базам, для поиска и уничтожения подводных лодок противника, для охранения транспортов и крупных надводных кораблей в море. Количество тральщиков, имевшихся на флотах, не соответствовало потенциальной минной опасности, возникавшей в прибрежных водах в случае начала войны. Военно-морская академия и Военный совет Краснознаменного Балтийского флота в свое время обращали на это внимание военно-политического руководства страны. По предварительным подсчетам, на Балтике необходимо было иметь до 200 современных тральщиков[57]. Флоты и флотилии были слабо обеспечены вспомогательными судами и транспортными средствами, предназначенными для подвоза войск и материальных средств наземным войскам и силам флота, которые дислоцировались на островах и в удаленных базах. Совершенно отсутствовали десантные суда специальной постройки.

Одновременно со строительством кораблей велась усиленная работа по созданию для них современных образцов оружия и военной техники. За межвоенный период промышленность освоила производство более 45 новых образцов артиллерийских орудий для кораблей и береговой обороны. На вооружение кораблей поступили 180-мм пушки — в трехорудийных башнях, 130-мм палубные установки Б-13, 100-мм универсальные палубные установки Б-24. Береговая артиллерия располагала башенными орудиями 305-мм калибра. Однако значительная часть орудий, особенно тяжелого калибра, относилась к устаревшим образцам дореволюционной постройки. В предвоенный период получила развитие подвижная береговая артиллерия (железнодорожная и на механической тяге), оснащавшаяся системами калибра 100, 152, 180, 305 и 356 мм. Советские конструкторы разработали уникальную и сложнейшую 406-мм артиллерийскую установку. Появились новые торпедные аппараты для подводных лодок и надводных кораблей, приборы безпузырной стрельбы торпедами с подводных лодок, приборы и системы управления торпедной стрельбой.

К началу войны ВМФ располагал вполне современными средствами радиосвязи, в частности аппаратурой коротковолнового диапазона. Имелись первые достижения в области радиолокационного наблюдения (станции РУС-1 и РУС-2) и электрооптики (теплопеленгаторы), но в целом технические средства наблюдения развивались недостаточными темпами. Более совершенные средства радиолокации, над созданием которых велись работы в течение предвоенных лет, появились только во время войны.

Развитие системы базирования флота нашло отражение в программе берегового строительства. Она предусматривала создание Очаковской, Керченской, Потийской, Мурманской военно-морских баз, постройку баз в Советской Гавани, в бухтах Владимир и Ольга, маневренных баз в Лужской губе и Де-Кастри, а также расширение Севастопольского и Владимирского военных портов, Кронштадтской, Одесской, Николаевской и Батумской военно-морских баз. На всех морских театрах планировалось строительство новых аэродромов. Завершению этой программы помешала война. Имевшиеся на Северном и Тихоокеанском флотах военно-морские базы не были достаточно оборудованы ремонтными средствами, причалами, складскими помещениями, рейдовыми стоянками и т. п. В целом базирование сил не отвечало задачам, которые возникали перед флотами с началом боевых действий. Это ограничивало возможность маневрировать средствами на морском театре, а в итоге привело к тому, что флоты не смогли в полной мере использовать их в борьбе с врагом.

Таким образом, накануне Великой Отечественной войны Военно-морской флот СССР находился в стадии развернутого строительства. Основные силы ВМФ сосредоточивались в закрытых морях — Балтийском и Черном. Здесь базировались все крупные надводные корабли, а также значительная часть подводных лодок. Наиболее слабым оказался Северный флот, базировавшийся в открытом Баренцевом море, по которому в ходе войны поставлялись в северные порты от западных союзников вооружение и материалы. Вот почему так остро стояла проблема надежной охраны транспортов от германских морских сил. Боеготовность корабельного состава флотов была весьма низкой. Корабли, способные вести боевые действия, составляли на Северном флоте 42 % от общей численности, на Балтийском — 35 %, на Черноморском — 56 %.

Всего к началу войны в Красной армии и Военно-морском флоте (в войсках, на кораблях, в береговых службах, военно-учебных заведениях, на полигонах, базах и складах) имелось 117 589 орудий и минометов (в том числе 35 136 минометов калибра 50 мм), 18 691 танк, 16 052 боевых самолета[58]. Это была огромная сила.

Организация управления Вооруженными силами СССР. К началу 1930-х гг. были разработаны нормативные документы, согласно которым предусматривалось разделение центрального военного аппарата с началом войны на две части: управленческий аппарат главнокомандующего (штаб РККА, начальники родов войск и служб и отдел внешних сношений) и наркомат с его центральными управлениями. С упразднением Реввоенсовета СССР в 1934 г. продолжалась дальнейшая разработка структуры руководства Вооруженными силами на военное время, но завершения она не получила.

Непосредственное руководство Рабоче-крестьянской Красной армией, Рабоче-крестьянским Военно-морским флотом, пограничными и внутренними войсками осуществляли соответственно Наркоматы обороны, ВМФ и внутренних дел СССР. Наркоматы обороны и ВМФ разрабатывали и представляли на утверждение правительства планы дальнейшего развития армии и флота, руководили их боевой и политической подготовкой, оперативным использованием в мирное и военное время, организовывали противовоздушную оборону, ведали вооружением армии и флота, снабжением их всеми видами продовольствия, осуществляли оборонное строительство. Соответствующие функции имел Наркомат внутренних дел.

После Советско-финляндской войны Народный комиссариат обороны с 7 мая 1940 г. возглавлял Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. В проектах положения о Наркомате обороны, разработанных накануне войны, проводилась мысль о том, что с началом войны нарком обороны становится главнокомандующим Вооруженными силами СССР. Народным

комиссаром Военно-морского флота СССР с апреля 1939 г. был адмирал Н. Г. Кузнецов. Руководство армией и флотом наркомы осуществляли через Главные военные советы, Генеральный и Главный морской штабы, систему главных и центральных управлений, а также органы окружного управления. Для рассмотрения основных вопросов строительства и организации войск и флотов, разработки и принятия на вооружение новых образцов оружия и военной техники, а также для осуществления мероприятий по устройству войск и флотов, обучению личного состава и других вопросов при наркоматах обороны и ВМФ имелись Главные военные советы.

В соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24 июля 1940 г. в состав Главного Военного совета Красной армии вошли нарком обороны С. К. Тимошенко (председатель), секретари ЦК партии А. А. Жданов и Г. М. Маленков, заместители наркома С. М. Буденный, Г. И. Кулик и Л. З. Мехлис, начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников, начальник управления ВВС Красной армии Я. В. Смушкевич, командующие войсками округов Г. К. Жуков, К. А. Мерецков и Д. Г. Павлов. Состав Главного Военного совета РК ВМФ был объявлен Постановлением СНК СССР 23 апреля 1938 г. В него вошли нарком ВМФ П. А. Смирнов (председатель), секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов, заместители наркома И. С. Исаков, П. И. Смирнов-Светловский, начальник Главного штаба Л. М. Галлер, начальник Политического управления М. Р. Шапошников, командующие флотами Н. Г. Кузнецов и Г. И. Левченко, начальник Управления снабжения и вооружения И. С. Мушнов. С марта 1939 г. председателем Главного Военного совета РК ВМФ стал нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов[59].

Основными функциями Генерального штаба являлись оперативно-стратегическое планирование, оборудование театров военных действий, оперативная подготовка высшего начальствующего состава и штабов, организационное строительство и обеспечение мобилизационной готовности Вооруженных сил, планирование всестороннего снабжения армии на военное время. Соответственно перестраивалась и его структура. К началу войны в состав Генерального штаба входило восемь управлений: оперативное, разведывательное, организационное, мобилизационное, военных сообщений, устройства тыла и снабжения, военно-топографическое, по укомплектованию войск, а также четыре отдела: укрепленных районов, военно-исторический, кадров и общий. С июня 1937 по август 1940 г. Генеральный штаб возглавлял Маршал Советского Союза (до мая 1940 г. — командарм 1 ранга) Б. М. Шапошников, с августа 1940 по январь 1941 г. — генерал армии К. А. Мерецков. 1 февраля 1941 г. пост начальника Генштаба занял генерал армии Г. К. Жуков. Начальником Главного морского штаба с 1938 по 1940 г. являлся адмирал Л. М. Галлер, а с октября 1940 г. — адмирал И. С. Исаков. С целью совершенствования управления Военно-воздушными силами существовавшие ранее два самостоятельных управления (Главное управление ВВС и Главное управление авиационного снабжения Красной армии) 21 июня 1940 г. были слиты в одно — Главное управление Военно-воздушных сил Красной армии.

Войска РККА для управления сводились в военные округа (военно-морские силы — во флоты). В июле 1940 г. в связи с поступавшими сведениями о подготовке Японии к агрессии против СССР было создано Управление Дальневосточного фронта (ДВФ). Перед войной в структуре управления войсками имелось одно фронтовое, 16 окружных и 20 армейских управлений. В августе 1940 г. органы управления военных округов подверглись реорганизации. Для Ленинградского, Особых Прибалтийского, Западного и Киевского, а также Забайкальского военных округов, на базе которых в случае войны планировалось создавать фронты, и Дальневосточного фронта устанавливалась структура управления, позволявшая им выполнять функции фронтовых управлений. В приграничных военных округах, за исключением Одесского, имелись и армейские управления.

После войны с Финляндией существенные изменения произошли в органах управления видами Вооруженных сил, родами войск и специальных войск. В 1940 г. в целях укрепления руководства и улучшения военно-технического обеспечения родов войск артиллерийское, автобронетанковое и военно-инженерное управления преобразуются в главные управления. Для усиления контроля за боевой подготовкой войск в июле 1940 г. при наркоме обороны

создаются инспекции пехоты, кавалерии, военно-воздушных сил, артиллерии, автобронетанковых войск, инженерных войск и войск связи во главе с генерал-инспекторами.

Сосредоточение командных и снабженческих функций в едином органе обусловливало повышение эффективности руководства строительством и боевым использованием Военно-воздушных сил. Однако ликвидация авиационных армий, передача соединений дальнебомбардировочной авиации в оперативное подчинение командующих войсками округов, сосредоточение в их руках, а также в руках командующих общевойсковыми армиями основной части ВВС на деле вели к децентрализации управления авиацией, особенно в боевой обстановке. В отличие от Красной армии в вермахте основной частью авиации, сведенной в крупные объединения, управлял непосредственно главнокомандующий ВВС и командованию объединений сухопутных войск она не подчинялась. К началу Великой Отечественной войны Главное управление ВВС организационно включало штаб и управления: боевой подготовки, технической эксплуатации, штурманской службы, запасных авиационных полков, авиации дальнего действия, строительства и эксплуатации аэродромов и другие. В штаб ВВС входило несколько самостоятельных отделов, из которых ведущим являлся оперативный.

Введение в феврале 1941 г. зональной системы ПВО потребовало соответствующей перестройки органов управления противовоздушной обороны. Еще 27 декабря 1940 г. управление ПВО преобразуется в Главное управление противовоздушной обороны Красной армии (ГУ ПВО). На начальника ГУ ПВО возлагались руководство организацией противовоздушной обороны территории страны, разработка вопросов использования всех средств ПВО. Организационно Главное управление ПВО включало штаб, управление боевой подготовки, отдел кадров, научно-исследовательский отдел и др. Начальником Главного управления ПВО являлся генерал-полковник Г. М. Штерн. 14 июня 1941 г. в связи с его арестом как врага народа на эту должность был назначен генерал-лейтенант артиллерии Н. Н. Воронов.

Шел поиск эффективных организационных форм центральных партийно-политических органов. Политическое управление Красной армии было преобразовано в Главное управление политической пропаганды Красной армии, а Политическое управление ВМФ — в Главное управление политической пропаганды Военно-морского флота. Эти главные управления работали на правах отделов ЦК ВКП(б). Начальником Главного управления политической пропаганды Красной армии являлся армейский комиссар 1 ранга А. И. Запорожец (с сентября 1940 по 20 июня 1941 г.). 21 июня 1941 г. на эту должность был назначен армейский комиссар 1 ранга Л. З. Мехлис. Главное управление политической пропаганды ВМФ возглавлял армейский комиссар 2 ранга И. В. Рогов.

К июню 1941 г. центральный аппарат Наркомата обороны в итоге организационных перестроек наряду с Генеральным штабом включал в себя: главные управления (политической пропаганды, Военно-воздушных сил, артиллерийское, автобронетанковое, противовоздушной обороны, военно-инженерное и интендантское); управления (боевой подготовки, воздушно-десантных войск, военно-химической защиты, оборонительного строительства, снабжения горючим, санитарное, ветеринарное и др.), а также инспекции (пехоты, кавалерии, артиллерии, автобронетанковых войск, военно-воздушных сил, инженерных войск, войск связи). В состав центрального аппарата Наркомата Военно-морского флота входили: Главный морской штаб, главные управления (политической пропаганды, военно-воздушных сил, портов); управления (кораблестроения, противовоздушной обороны, артиллерийское, минно-торпедное, химическое, техническое, инженерное, строительное, кадров, военно-морских учебных заведений и др.). Основным органом руководства силами флота в боевой обстановке являлся Главный морской штаб, который накануне войны был несколько разгружен в целях сосредоточения основных усилий на оперативно-тактических и организационно-мобилизационных вопросах. В него входили оперативное и организационно-мобилизационное управления и четыре отдела, в том числе исторический.

3 февраля 1941 г. Наркомат внутренних дел был разделен на два наркомата: внутренних дел и государственной безопасности. Пограничные и внутренние войска оставались в

подчинении Наркомата внутренних дел, в системе которого имелись главные управления пограничных войск, войск охраны важных объектов промышленности и железных дорог и Главное управление местной противовоздушной обороны, а также управления конвойных и оперативных войск.

Таким образом, в преддверии фашистской агрессии были осуществлены преобразования во всех звеньях руководства Вооруженными силами. Однако при проведении этих мероприятий была допущена поспешность, а в ряде случаев — просчеты и упущения. Начавшаяся Вторая мировая война показала, что необходимым условием ведения современной войны является единство государственного (политического) и военного руководства в составе коллегиального органа управления действующей армией; наивысшая эффективность стратегического руководства в такой войне может быть достигнута при условии сосредоточения всей полноты политической, государственной и военной власти в одних руках. А компетенция главнокомандующего советскими Вооруженными силами — наркома обороны ограничивалась лишь сферой вооруженной борьбы, в которой он к тому же не пользовался правом принятия окончательного решения. Функции главнокомандующего не были четко определены, практическая подготовка его к руководству военными действиями всех Вооруженных сил не проводилась. В этом отношении опыт организации Ставки в период Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. отвечал требованиям времени. К сожалению, накануне Великой Отечественной войны такой опыт не был учтен: не только не был создан единый орган управления Вооруженными силами и государством, не были даже разработаны нормативные документы. Все это негативно сказалось на действиях Красной армии в начале Великой Отечественной войны.

Не удалось избежать упущений в организации и деятельности Генерального штаба. Функции Генерального штаба как «военного мозга» Советского государства вообще и как «мозга армии» и основного рабочего органа Главного командования в частности не были в должной мере разработаны и юридически закреплены. Генеральный штаб оказался сверх меры перегруженным. В ходе войны это отрицательно сказалось на выполнении им основных оперативно-стратегических функций. Отрицательное влияние на деятельность Генштаба оказала и частая смена его начальников, особенно в последние предвоенные месяцы.

Неготовность органов государственного управления и военного руководства СССР к началу Великой Отечественной войны не была случайной. В течение межвоенного периода — вплоть до 1941 г. — в стратегическом планировании не нашла решения проблема оптимального распределения функций в среде высших органов руководства Вооруженных сил в условиях ведения «большой войны». Более того, не был продуман вопрос об учреждении системы чрезвычайного управления страной в целом. Мучительный поиск оптимальных форм государственного и военно-стратегического руководства с началом Великой Отечественной войны занял непозволительно много времени — более полутора месяцев, вплоть до утверждения И. В. Сталина Верховным главнокомандующим 8 августа 1941 г.

Подготовка военных кадров. Боеспособность Красной армии, ее готовность к выполнению возложенных на нее задач во многом зависела от уровня подготовки военных кадров, в первую очередь военачальников оперативного и оперативно-стратегического уровня.

Накануне Великой Отечественной войны во главе военных округов и армий стояли в большинстве своем относительно молодые (до 50 лет) военачальники, преимущественно выходцы из рабочих и крестьян. Правда, многие из них первоначальное военное образование получили еще в Русской императорской армии, окончив военные училища (по ускоренному курсу) или школы прапорщиков. Анализ прохождения службы военачальников, командовавших в первые три месяца войны фронтами и армиями (фронтовыми объединениями в разное время командовали 19 военачальников, армиями –72), показывает, что 39 из них в годы Первой мировой войны имели обер-офицерские звания.

В 1930-е гг. в связи с техническим перевооружением Красной армии, появлением в ее составе новых родов войск система военно-учебных заведений страны получила дальнейшее развитие. В этот период открылись новые военные академии: Академия Генерального штаба,

Военно-транспортная академия, Академия механизации и моторизации, Военно-химическая академия, Ленинградская военно-воздушная академия. Вновь были реорганизованы в самостоятельные вузы Военно-хозяйственная, Военно-инженерная и Электротехническая академии. Военно-воздушная академия в Москве была разделена на две: Военно-воздушную инженерную и Академию командного и штурманского состава ВВС. В 1937 г. средние военные школы преобразовались в военные училища со сроком обучения вначале три, а затем два года. В 1938 г. командный и начальствующий состав для Сухопутных войск, ВВС и ВМФ готовили 13 военных академий, военный институт, пять военных факультетов при гражданских вузах, 75 военных училищ (18 авиационных, семь военно-морских, 11 артиллерийских, девять бронетанковых и др.).

В 1939—1940 гг. в связи с угрозой войны и развертыванием кадровой армии происходило значительное увеличение сети военных учебных заведений и количества учащихся в них. Формировались десятки новых военных училищ, в том числе готовящих выпускников по совершенно новым специальностям. В 1941 г. перед началом Великой Отечественной войны подготовку военных кадров осуществляли: 15 военных академий, десять военных факультетов при гражданских вузах, семь ВВМУ, 203 средних военных училища (240 тыс. курсантов) и ряд других. Для переподготовки и усовершенствования командных и начальствующих кадров функционировало более 100 курсов.

В Академии Генерального штаба РККА работал высококвалифицированный профессорско-преподовательский состав. Многие из преподавателей являлись авторами военно-теоретических трудов. Они были способны не только готовить руководящие кадры высшего звена, но и разрабатывать вопросы теории военного искусства. Среди них П. И. Вакулич, А. И. Верховский, А. В. Голубев, А. И. Готовцев, М. И. Дратвин, Я. М. Жигур, Г. С. Иссерсон, Д. М. Карбышев, А. В. Кирпичников, Н. А. Левицкий, В. А. Медиков, В. К. Мордвинов, А. А. Свечин, Ф. П. Шафалович, Н. Н. Шварц, Е. А. Шиловский и другие.

Среди слушателей первого набора академии были А. М. Василевский, И. Х. Баграмян, Н. Ф. Ватутин, А. И. Антонов, Л. М. Сандалов, занимавшие в первые месяцы войны крупные штабные должности, Л. А. Говоров, руководивший артиллерией фронта, П. А. Курочкин, командовавший фронтовым объединением, командарм К. Д. Голубев.

Уровень образованности командного состава из года в год возрастал. Так, если в 1938 г. 38 % представителей высшего командного состава РККА имели высшее военное образование, то в 1941 г. — уже 52 %[60]. В целом можно считать, что к концу 1930-х гг. в Советском Союзе была создана достаточно эффективная система военного образования, позволявшая готовить квалифицированных военных специалистов тактического, а с появлением Академии Генерального штаба — и оперативного звена.

Командирское становление будущих военачальников Великой Отечественной проходило в условиях значительного творческого подъема. Технический прогресс, способствовавший появлению новых средств вооруженной борьбы, массовое внедрение в войска более эффективной боевой техники, в первую очередь самолетов и танков, вызвали в 1920—1930-е гг. бурное развитие военно-теоретической мысли. Это требовало от командного состава постоянно следить за новинками военной литературы и военной периодикой.

В межвоенный период шла напряженная боевая учеба, широко практиковались регулярно проводившиеся полевые поездки. Каждая из них преследовала определенные учебные цели. Проводились они на определенном тактическом фоне и были, как правило, двухсторонними. Командиры принимали решения в соответствии с обстановкой, готовили соответствующие документы, ставили задачи подчиненным. Кроме того, в войсках регулярно организовывались полковые и дивизионные учения, на которых командиры отрабатывали навыки в оценке обстановки, принятии решения, управлении войсками в бою[61].

Значительную роль в повышении уровня профессиональной подготовки командиров играли окружные учения и маневры. Они не только способствовали слаживанию частей и подразделений различных родов войск, но и позволяли проверять на практике новые положения военной теории. Так, на маневрах Белорусского военного округа в 1929 г. и окружных

маневрах в 1930 г. впервые отрабатывались способы применения механизированного полка и механизированной бригады. В сентябре 1935 г. крупные двухсторонние оперативно-стратегические учения были проведены в Киевском военном округе с целью уточнения ряда теоретических положений советского военного искусства. В частности, отрабатывались вопросы проведения наступления на большую глубину с использованием крупных подвижных соединений при поддержке авиации. На этих учениях впервые был выброшен парашютный десант и применен посадочный десант с военной техникой. Учения, в которых приняли участие 65 тыс. человек, более тысячи танков, 600 самолетов, 300 орудий, другая военная техника, подтвердили правильность основных положений теории глубокой операции.

Через год, в сентябре 1936 г., крупные маневры прошли в Белорусском военном округе, в ходе которых помимо других вопросов отрабатывалась переброска частей и соединений по воздуху, производились массовые перевозки войск и военной техники железнодорожным, автомобильным и речным транспортом, отрабатывались важнейшие вопросы глубокой операции и боя. Для участия в маневрах было привлечено шесть мехбригад, восемь авиабригад, шесть стрелковых и четыре кавалерийские дивизии[62], всего порядка 85 тыс. человек личного состава, 1136 танков, 580 орудий, 638 самолетов[63].

В 1937 г. в Белорусском военном округе прошли самые крупные маневры. Руководство действиями «красных» осуществляло (впервые в истории Красной армии) армейское управление, а не штаб руководства, как это бывало раньше. В ходе маневров предполагалось определить наиболее приемлемые боевые порядки танковых подразделений и частей в различных видах боя, отработать приемы непрерывной разведки и наблюдения за полем боя, вопросы совместного маневрирования танков и пехоты (конницы) и взаимного целеуказания на поле боя, взаимодействия танковых масс с артиллерией и пехотой в основных видах боя[64]. На маневрах также отрабатывались способы действий подвижной группы в составе кавалерийского и танкового корпусов в ходе прорыва обороны. Для совместных с подвижной группой действий планировалась выброска двух воздушно-десантных бригад (реально была осуществлена выброска одной). Для командиров — участников этих учений и маневров — они стали хорошей школой воинского мастерства, которая помогла многим из них, когда им пришлось в первые месяцы войны возглавить армейские и фронтовые управления.

В предвоенный период шел бурный процесс выдвижения молодых командиров. Только за один год (с 1 марта 1937 по 1 марта 1938 г.) в РККА получили продвижение по службе 39 090 человек из числа комначсостава (без учета политсостава), в том числе: на должности командующих войсками военных округов назначено 12 человек, командиров корпусов — 35 человек, командиров дивизий и бригад — 116 человек[65]. Средний возраст командиров полков составлял 29–33 года, командиров дивизий — 35–38 лет, командиров корпусов и командующих армиями — 40–43 года. К сожалению на вакантные должности зачастую назначались люди недостаточно подготовленные, не имевшие нужного опыта и знаний. Общее число назначений на номенклатурные должности ЦК ВКП (б) и СНК СССР за 1939 г. составило 3031 человек, (62,5 % штатной численности), по группе строевых должностей от командира полка и выше за тот же год было произведено 2452 назначения (73,9 % штата)[66]. К началу 1940 г. до 70 % командиров полков и свыше 70 % командиров дивизий находились в этих должностях лишь около года. Естественно, в тех условиях вопрос о создании какого-то подготовленного кадрового резерва не стоял, хотя, как показала начавшаяся война, такой резерв был жизненно необходим. Опытных командных кадров, особенно оперативного и оперативно-стратегического звена, в Красной армии перед началом Великой Отечественной войны было недостаточно. Это объяснялось несколькими причинами.

Во-первых, сказались репрессии 1937–1938 гг. Значительная часть командно-начальствующего состава была уволена из РККА и арестована, а 434 человека в звании комбригов и выше, погибли[67]. В период с 1937 по 1941 г. репрессиям подверглись 15 военачальников, занимавших должности командующих войсками военных округов, и семь человек, ранее служивших в этом качестве, а также 16 заместителей и восемь помощников командующих войсками военных округов[68]. В центральном аппарате Наркомата обороны погибли первые

заместители наркома обороны Я. Б. Гамарник, А. И. Егоров, М. Н. Тухачевский, И. Ф. Федько; заместители наркома обороны Я. И. Алкснис, В. М. Орлов, И. И. Проскуров, П. В. Рычагов; 24 начальника управлений РККА (НКО); крупные специалисты по проблемам стратегии и оперативного искусства: Н. Е. Варфоломеев, И. И. Вацетис, А. И. Верховский, А. М. Вольпе, Я. М. Жигур, И. С. Кутяков, С. А. Меженинов, Н. Н. Мовчан, А. А. Свечин, И. П. Уборевич, В. В. Фавицкий, Б. М. Фельдман, В. В. Хрипин, Р. П. Эйдеман; первый начальник Академии Генштаба комдив Д. А. Кучинский, начальники ведущих кафедр этой академии комкоры М. И. Алафузо и М. А. Баторский, комдивы Я. Я. Алкснис и П. И. Вакулич и многие другие военные ученые[69]. Из 9579 командиров, арестованных в 1937–1938 гг., к 1939 г. было освобождено и восстановлено в должности 1457 человек. Накануне войны и в первые ее два месяца было возвращено в строй из оставшихся в живых около четверти репрессированных генералов и офицеров[70].

Во-вторых, недостаток командных кадров объяснялся как бурным ростом численности Вооруженных сил страны в целом, так их реорганизацией, приведшими к резкому увеличению числа частей, соединений и объединений, что требовало все большего количества квалифицированных военных кадров. Так, в период с 1938 по 1941 г. было сформировано 20 общевойсковых армий.

Положение с командными кадрами требовало срочных и радикальных мер. С одной стороны, нужно было удовлетворить количественные потребности войск, с другой — улучшить качественные характеристики. Основное внимание в 1940–1941 гг. было уделено подготовке командного состава высших и средних учебных заведений. Интенсивно расширялась сеть военных училищ, академий, курсов, увеличивалась их емкость. Восстанавливалась сеть заочных и вечерних отделений во всех военных академиях. Всего при академиях должно было проходить усовершенствование одновременно 840 человек. К началу войны почти на всех курсах состоялся выпуск. Значительно расширялась сеть учебных заведений, готовивших командный состав со средним военным образованием. Так, если в 1937 г. было 10 пехотных училищ, то к началу 1941 г. их стало 59. Штатная численность курсантского состава к началу 1941 г. увеличилась в пять раз и составила 175 330 человек, тогда как в 1937 г. она равнялась 36 тыс. человек. Особенно значительным, как следует из приведенных данных, был численный рост пехотных (почти в 6 раз), артиллерийских (почти в 1,5 раза), связи (более чем в 3 раза) и саперных (в 4 раза) училищ.

Значительное развертывание танковых войск и авиации в начале 1941 г. потребовало нового расширения сети средних военных учебных заведений, поэтому в марте 1941 г. на основе постановления Комитета обороны и Совета народных комиссаров принято решение о переформировании Минского, Казанского и Куйбышевского пехотных училищ в танковые, Орджоникидзеградского пехотного училища — в автомобильное, Златоустского пехотного — в военно-инженерное, Бобруйского пехотного — в тракторное, Бердичевского пехотного — в училище химической защиты. Увеличивалось число курсантов в четырех авиационных училищах и было принято решение о создании к маю 1941 г. 29 военно-авиационных школ пилотов со сроком обучения 12 месяцев.

В Военно-морском флоте проблема кадров решалась за счет увеличения количества военно-морских училищ, а также сокращения сроков обучения в них. Так, в Военно-морском командном училище численность курсантов с 2350 человек сократилась до 2134 человек, но срок обучения был сокращен с четырех до трех лет, что позволяло в итоге готовить больше командиров. В то же время создавались новые военно-морские училища. Среди них 4-е Военно-морское училище (1000 курсантов) в Баку, Военно-морское гидрографическое училище (500 курсантов) и Военно-морское инженерно-строительное училище (350 курсантов) в Ленинграде. Все с трехлетним сроком обучения.

На 1 мая 1941 г. общее количество училищ сухопутных войск и авиации достигло 214, а морских — 16[71], но этого было недостаточно для потребности войск. Чтобы ликвидировать этот пробел организовывались краткосрочные (шестимесячные) курсы по подготовке младших лейтенантов, рассчитанные на 6700 человек.

Весной 1940 г. началась новая волна кадровых перемещений. Теперь на руководящие должности выдвигались военачальники, отличившиеся в период Советско-финляндской войны. В 1938–1940 гг. сменились все командующие войсками военных округов, на 90 % были обновлены их заместители, начальники родов войск и служб, на 80 % — руководящий состав корпусных и дивизионных управлений, на 91 % — командный состав полкового звена. Если в 1937 г. было выдвинуто на новые должности и перемещены 40 тыс. офицеров, то только за 10 месяцев 1938 г. новые должности заняли 100 тыс. человек. Максимум перемещений было произведено в 1939 г. — 246 626 (69 % всего командного состава)[72]. Все это негативно отразилось на состоянии и боеспособности войск.

7 мая 1940 г. были введены воинские звания генерала и адмирала. В тот же день воинские звания Маршала Советского Союза были присвоены начальнику Главного артиллерийского управления Г. И. Кулику, начальнику Генерального штаба Б. М. Шапошникову и С. К. Тимошенко, который одновременно был назначен наркомом обороны. 4 июня 1940 г. постановлением Совета народных комиссаров СССР 982 человека получили новое звание генерала и 74 — адмирала[73]. Звание генерала армии было присвоено Г. К. Жукову, К. А. Мерецкову и И. В. Тюленеву.

К. А. Мерецкова назначили начальником Генерального штаба. Г. К. Жуков возглавил войска Киевского Особого, а И. В. Тюленев — Московского военного округа. Генерал-лейтенант И. С. Конев стал командующим Забайкальским военным округом, генерал-полковник танковых войск Д. Г. Павлов — Западным Особым, генерал-лейтенант М. П. Кирпонос — Ленинградским округом и т. д. Генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин был назначен начальником Оперативного управления Генштаба, генерал-майор А. М. Василевский его заместителем, а генерал-майор артиллерии Л. А. Говоров — заместителем генерал-инспектора артиллерии Красной армии. Тогда же были освобождены из заключения необоснованно арестованные комдивы К. К. Рокоссовский, ставший генерал-майором, К. П. Подлас, В. А. Юшкевич и некоторые другие военачальники.

В Красной армии был взят курс на перестройку боевой и оперативной подготовки войск. Приказ наркома обороны от 16 мая 1940 г. № 120 «О боевой и политической подготовке войск в летний период 1940 учебного года» от войск потребовал организовывать и проводить боевую подготовку, исходя из основной задачи — всегда быть в полной боевой готовности, обучение войск приблизить к условиям боевой действительности. Тактическую подготовку предписывалось «проводить в сложных условиях, приучая войска действовать днем и ночью, в любую погоду, переносить длительное физическое напряжение, умело маневрировать на разнообразной местности, преодолевая искусственные и естественные препятствия, быстро зарываться в землю и отражать внезапные нападения противника»[74]. Особое внимание уделялось организации взаимодействия различных родов войск.

В декабре 1940 г. в Москве состоялось совещание высшего руководящего состава РККА, по окончании которого были проведены двусторонние оперативно-стратегические игры на картах. Участники совещания в своих выступлениях говорили о многих проблемах строительства Красной армии, в том числе о качестве военных кадров. В частности, К. А. Мерецков, Г. К. Жуков, И. С. Конев, И. С. Апанасенко подчеркивали необходимость преодоления мелочной опеки над кадрами, воспитания смелых, инициативных генералов, способных действовать самостоятельно, творчески. «В условиях маневренной войны с подвижным и искусным противником потребуются командиры, воспитанные на проявлении разумной инициативы и большой самостоятельности, — подчеркнул Г. К. Жуков, — иначе командиров, приученных все делать по расписанию, активный, инициативный противник разобьет в первом же сражении»[75].

Последовали новые значительные кадровые перестановки в высшем военном руководстве. Г. К. Жуков был назначен начальником Генерального штаба РККА, К. А. Мерецков — заместителем наркома обороны по боевой подготовке, М. П. Кирпонос возглавил войска Киевского Особого военного округа, М. М. Попов — Ленинградского, П. А. Курочкин — Орловского, И. С. Конев — Северо-Кавказского, С. Г. Трофименко — Среднеазиатского,

А. И. Еременко назначен командующим 1-й Краснознаменной армией на Дальнем Востоке, армии возглавили А. А. Коробков, М. И. Потапов, Ф. Д. Гореленко, П. Л. Романенко и т. д.

В приказе НКО СССР № 30 от 21 января 1941 г. «О боевой и политической подготовке войск на 1941 учебный год» с учетом результатов прошедшего совещания были сформулированы некоторые требования к командному составу Красной армии. От начальствующего состава требовалось «твердо понять, что новые методы воспитания и боевой подготовки войск требуют организованной, упорной напряженной повседневной работы всего личного состава частей и соединений», которая «должна отличаться высоким качеством руководства и организации, упорством, настойчивостью и требовательностью выполнения поставленных задач по боевой подготовке и воспитанию войск с тем, чтобы осенью 1941 г. мы могли получить полноценные результаты».

Нарком обороны требовал подготовку командного состава проводить по следующей схеме: «Высший командный состав — самостоятельная работа над собой (включая индивидуальную разработку двух оперативно-тактических тем и изучение вероятных театров военных действий); подготовка на командно-штабных выходах и учениях в поле, на оперативно-тактических полевых поездках. Военно-теоретическая подготовка военных кадров и общевойсковые учения...»[76]

За приказом последовала Директива НКО СССР № 503138/оп от 25 января 1941 г. «Об итогах и задачах оперативной подготовки высшего командного состава Красной армии», в которой отмечалось: «Опыт последних войн, походов, полевых поездок и учений показал низкую оперативную подготовку высшего командного состава, войсковых штабов, армейских и фронтовых управлений и особенно авиационных штабов. ...При таком уровне оперативной подготовки высшего командного состава и штабов рассчитывать на решительный успех в современной операции нельзя...

Нужна настойчивая и упорная работа высшего командного состава и штабов в области оперативной подготовки, настроенная на глубоком изучении теории и практики вождения наших современных высших соединений, вероятных театров военных действий, опыта последних войн, организации, тактики и оперативного искусства армий сопредельных стран...»[77]

Командующие войсками военных округов и армиями настойчиво стремились выполнить требования наркома обороны, однако времени для этого у них оставалось очень мало. Ситуация осложнялась еще тем, что многие военачальники не в полной мере успели освоиться на новых должностях, поскольку большинство из них получили назначение незадолго до начала войны.

Наркомат обороны имел богатый опыт руководства оперативными и оперативно-стратегическими объединениями в боевой обстановке. Так, нарком обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко командовал Украинским фронтом во время похода в Западную Украину в 1939 г., Северо-Западным фронтом в период Советско-финляндской войны. Начальник Генерального штаба генерал армии Г. К. Жуков имел опыт планирования, подготовки и проведения армейской наступательной операции в районе реки Халхин-Гол в 1939 г., руководил фронтовым объединением во время похода войск Красной армии в Бессарабию и Северную Буковину в 1940 г. Заместитель наркома обороны по боевой подготовке генерал армии К. А. Мерецков командовал 7-й армией во время Советско-финляндской войны. К началу войны в Красной армии служило на различных должностях около 6 % участников Гражданской войны и 30 % командно-начальствующего состава, имеющего боевой опыт, приобретенный в 1938—1940 гг.[78]

Вскоре после начала войны появилась необходимость создания новых и переформирования уже существовавших фронтовых и армейских объединений. Для руководства ими требовались подготовленные кадры, резерва которых практически не было. Решение проблемы затруднялось еще и тем, что наряду с укомплектованием управлений новых формирований происходила замена (по разным причинам) многих командующих фронтами и армиями. Не все из вновь назначенных военачальников выдержали экзамен войной. По-разному

сложилась их военная судьба. Некоторые погибли или оказались во вражеском плену. Часть военачальников, не справившихся со своими обязанностями, была отстранена от командования объединениями и соединениями.

Вместе с тем в этот период фронтами и армиями командовали те, кто в итоге привел Красную армию к победе. Это Г. К. Жуков, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, И. И. Масленников, К. А. Мерецков, К. К. Рокоссовский, С. К. Тимошенко и многие другие. Успешно с первых месяцев войны командовали общевойсковыми объединениями генералы Н. Э. Берзарин, И. В. Галанин, Я. Г. Крейзер, В. И. Кузнецов, П. А. Курочкин, И. И. Федюнинский и другие. Их ратное мастерство, основы которого были заложены задолго до начала войны, росло и совершенствовалось в сражениях с противником.

Развитие тыла Вооруженных сил. Перед войной как фронтовой, так и армейский тыл фактически отсутствовал. Имелось лишь небольшое количество стационарных госпиталей, ремонтных учреждений и складов, предназначавшихся в основном для обеспечения нужд войск мирного времени и развертывания тыловых учреждений по мобилизации. Непосредственное руководство тылом центра, военных округов (фронтов), армий, соединений и частей осуществляли общевойсковые штабы. На начальников штабов возлагалась персональная ответственность за организацию и работу тыла по всестороннему обеспечению войск при ведении боевых действий. В составе Генерального штаба РККА имелось управление устройства тыла и снабжения, в штабах военных округов (фронтов), армий и корпусов — отделы тыла, в штабах дивизий — отделения тыла, в полку — помощник начальника штаба по тылу.

Войсковой тыл содержался в сильно сокращенном составе (25–30 % от штата военного времени). В целом состояние боевой готовности тыла было значительно ниже боевой готовности войск. Для полного отмобилизования и развертывания дивизионного тыла требовалось трое суток, армейского — до семи, фронтового — до 15 суток. На отмобилизование учреждений тыла центра требовалось до 30 суток. Наличными частями и учреждениями невозможно было обеспечить в полном объеме боевые действия войск.

К июню 1941 г. в Красной армии и ВМФ были созданы необходимые запасы вооружения, боевой и другой техники. Органы снабжения по отношению к реальному среднегодовому расходу в годы войны имели боеприпасов для 45- и 57-мм пушек более 294 %, для 76-мм пушек — 63 %, для 122-мм пушек и 122-мм гаубиц, 152-мм гаубиц — свыше 100 %, для 82-мм минометов — 36 %; винтовочных патронов — около 280 и ручных гранат — более 122 %; автобензина и дизельного топлива — около половины; вещевого имущества по основным номенклатурам — от 90 до 150 %; продовольствия и фуража — на три-четыре месяца[79]. Были сделаны необходимые мобилизационные фонды продовольствия и фуража для снабжения личного состава армии и флота на случай войны, а также увеличены резервы и запасы шерсти, хлопка, льноволокна, кожевенного сырья, хлопчатобумажных материалов[80].

Запасы материальных средств были сосредоточены на 887 складах и базах, более 40 % из которых размещались на территории западных приграничных округов[81], что, как показала война, было серьезной ошибкой. В планировании мобилизационного развертывания тыла также были допущены промахи. Например, отмобилизование боевого состава соединений и частей армий прикрытия планировалось закончить на второй-третий день, а подача мобресурса для их тыла должна была завершиться только на третий-четвертый день мобилизации[82].

Органы снабжения Красной армии и ВМФ в межвоенный период совершенствовались по мере оснащения войск новым вооружением и военной техникой. Органы тыла проводили работу по наращиванию военно-экономической базы боевой готовности войск. Однако имевшиеся недостатки отрицательно сказывались на обеспечении объединений, соединений и частей как при их развертывании, так и в течение почти всего первого периода войны.

Фронтовой и армейский тыл предполагалось развернуть на базе окружных стационарных тыловых частей и учреждений. Для размещения тыловых частей и учреждений и использования местной материально-технической базы фронту определялся тыловой район, глубина которого достигала 500 км[83]. Предполагалось, что фронтовой тыл будет стационарным, поэтому на его складах намечалось содержать крупные запасы материальных средств: три — десять

боекомплектов боеприпасов, до десяти заправок горючего, 30 сутодач продовольствия и фуража. На армейских складах содержалось один — два боекомплекта боеприпасов, три заправки горючего и пять — восемь сутодач продовольствия и фуража. Части и соединения армейского тыла развертывались на территории армейского тылового района глубиной от 75 до 175 км. Каждой армии выделялся самостоятельный железнодорожный (водный) участок, на котором назначались: распорядительная станция (пристань), основная армейская станция (пристань), станции (пристани) снабжения по числу стрелковых и механизированных корпусов, станции для снабжения авиасоединений. Тыловые формирования частей и соединений размещались в войсковых тыловых районах глубиной до 75 км[84].

Говоря о степени готовности тыла к войне, следует отметить, что теоретически всё обстояло вполне благополучно. Только теория эта исходила из опыта Первой мировой, без учета особенностей надвигавшейся войны, новых явлений в вооруженной борьбе. Это было обусловлено ограниченностью боевого опыта, запаздыванием с его обобщением, отсутствием опытных, хорошо подготовленных кадров. Так как считалось, что в грядущей войне активным боевым действиям будет предшествовать период мобилизационного развертывания, то накануне войны тыл оказался в сильно сокращенном составе. Даже армиям и большинству дивизий приграничных военных округов пришлось в течение нескольких суток вести боевые действия без основных тыловых частей и учреждений.

Ошибочное предположение, что в начальный период войны будут использоваться преимущественно стационарные учреждения мирного времени, привело к тому, что тыл стал малоподвижным. К тому же в мирное время в армиях фактически отсутствовал автомобильный транспорт, укомплектованность им тыловых частей и учреждений дивизий была крайне низкой.

Система снабжения мирного времени не обеспечивала бесперебойную поставку материальных средств войскам до полного развертывания тыла. Имеющийся транспорт был не в состоянии быстро эвакуировать материальные средства, хранившиеся в войсках. Управление тылом оказалось несовершенным.

Многие мероприятия по повышению готовности тыла к войне не удалось осуществить из-за отсутствия времени, недостатка материальных средств, ограниченных возможностей и перенапряжения экономики, а также из-за низкой профессиональной подготовки работников тыла. Неготовность тыла, особенно неукомплектованность его транспортом и квалифицированными кадрами, явилась одной из причин крупных потерь летом 1941 г.

Таким образом, меры по реорганизации и техническому переоснащению Вооруженных сил накануне войны оказались недостаточными, а допущенные просчеты снизили боеспособность. Советские вооруженные силы оказались в парадоксальной ситуации: при общем значительном превосходстве в основных средствах вооруженной борьбы над армией Германии и ее союзников для полного укомплектования им не хватило танков, самолетов и орудий. Истоками этих просчетов в первую очередь являлись пренебрежение научной мысли к вопросам военного строительства, стремление решать их единолично, что привело к отсутствию серьезных научных разработок в этой важной области и как следствие — к поспешным, необоснованным, ошибочным и вредным решениям.

Были допущены ошибки и в порядке проведения реорганизации Вооруженных сил, которая осуществлялась в первую очередь в войсках приграничных военных округов, охватив их фактически полностью. Это привело к тому, что значительная часть боеспособных, хорошо слаженных и укомплектованных соединений оказалась расформированной, а новых создать не успели.

К числу промахов в военном строительстве следует также отнести недостаточное количество частей и подразделений, предназначенных для борьбы с танками и воздушным противником. Во взводе и роте отсутствовали противотанковые средства, а в батальоне — и противовоздушные. В противоположность вооруженным силам Германии в советских Вооруженных силах в составе резерва Главного командования фактически не было противотанковых средств, а средства противовоздушной обороны не создавались.

В отличие от Германии, где военно-воздушные силы были максимально централизованы, советские ВВС были распылены между РГК, фронтами, флотами и армиями, что противоречило природе этого мобильного дальнобойного средства вооруженной борьбы и препятствовало его массированному применению.

Одной из причин ошибок в реорганизации Вооруженных сил явился просчет в определении сроков начала войны.

Советское военное и политическое руководство исходило из того, что в 1941 г. войны удастся избежать, поэтому завершение оснащения формируемых соединений самолетами, орудиями и танками планировалось в основном к 1942 г. В результате основная часть намеченных мероприятий оказалась к началу войны незавершенной, что в значительной степени снизило боеспособность Вооруженных сил. Они оказались не полностью укомплектованы людьми, особенно командным составом, боевой техникой и вооружением, а потому имели низкую подвижность, обученность и слаженность.

Отмечая многочисленные ошибки и недостатки в советском военном строительстве, в то же время нельзя не воздать должное таланту, трудолюбию, самоотверженности и патриотизму советского народа, совершившего научное, техническое и экономическое чудо. В кратчайший срок, практически на пустом месте, в условиях страшной разрухи, оставленной Первой мировой и Гражданской войнами, при отсталой технике и технологии, огромном дефиците кадров, в условиях непрекращающихся репрессий против лучшей, наиболее активной, талантливой части населения советский народ вывел свою армию в число наиболее сильных, а по количеству основных средств вооруженной борьбы сделал ее самой сильной в мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Фрунзе М. В.* Избранные произведения. Т. 2. М., 1957; *Тухачевский М. Н.* Война классов. Статьи 1919–1920 гг. М., 1921; Военный вестник. 1922. № 5; *Невежин В. А.* «Если завтра в поход...» Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 1930–1940-х годах. М., 2007; и др.

[2] См.: *Свечин А. А.* Стратегия. М., 1927. С. 179, 184, 186, 199; Подробнее см.: *Кокошин А. А.* Армия и политика. Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль. 1918–1991. М., 1995.

[3] См.: *Иссерсон Г. С.* Новые формы борьбы (Опыт исследования современных войн). Вып. 1. М., 1940. С. 4, 13, 22; *Рыжаков А.* К вопросу о строительстве бронетанковых войск Красной армии в 1930-е годы // Военно-исторический журнал. 1968. № 8; *Коротков И. А.* История советской военной мысли. Краткий очерк. 1917 — июнь 1941. М., 1980; *Савушкин Р. А.* Развитие советских Вооруженных сил и военного искусства в межвоенный период (1921–1941). М., 1989; и др.

[4] *Другов П. И.* Из опыта действий АБТВ на р. Халхин-Гол. Май — сентябрь 1939 г. Хабаровск, 1940; Боевые действия авиации в Монгольской Народной Республике. М., 1940; Бои у Халхин-Гола. М., 1940; Действия 1-й армгруппы в халхин-гольской операции (май — сентябрь 1939 г.). М., 1940.

[5] См.: *Красильников С.* Стратегическое развертывание / Красная звезда. 1940. 24 сентября.

[6] Цит. по: Русский архив. Великая Отечественная. Т. 12 (1). Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. М., 1993. С. 339.

[7] См.: Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917–1940). М., 1965.

[8] Цит. по: Русский архив. Великая Отечественная. Т. 12 (1). Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. С. 153.

[9] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 1. С. 323–324.

[10] Там же. С. 338.

[11] Полевой устав РККА (ПУ-39). Проект. С. 9.

[12] РГВА. Ф. 25880. Оп. 4. Д. 78. Л. 20.

[13] Там же. Ф. 25871. Оп. 2. Д. 1275. Л. 192, 324.

[14] См.: Русский архив. Великая Отечественная. Т. 12 (1). Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. С. 135.

[15] Там же.

[16] Там же. С. 349–350.

[17] Там же. С. 342.

[18] Там же. С. 343.

[19] См.: Советские Вооруженные силы: История строительства. М., 1978. С. 195.

[20] Там же. С. 164, 189.

[21] Там же. С. 191.

[22] Советский Союз: накануне великих испытаний. М., 2004. С. 589.

[23] Там же. С. 502.

[24] Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. М., 2011. Т. 1. Основные события войны. С. 68.

[25] Военная история Отечества. С древнейших времен до наших дней: в 3 т. М., 1985. Т. 2. С. 275.

[26] История Второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. М., 1974. Т. 3. С. 383.

[27] Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 1. С. 65.

[28] Военная история Отечества. С древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 2. С. 276.

[29] Там же.

[30] Советский Союз: накануне великих испытаний. С. 499.

[31] Там же.

[32] Военная история Отечества. С древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 2. С. 276. Перед нападением на СССР Германия имела всего одну кавалерийскую дивизию.

[33] См.: Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. М., 1998. Кн. 1. Суровые испытания. С. 83

[34] Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 1. С. 67.

[35] Там же.

[36] Советский Союз: накануне великих испытаний. С. 501.

[37] Предложения о необходимости иметь оперативные объединения типа конно-механизированной и танковой армии выдвигались в Красной армии неоднократно. Последнее из таких предложений было, в частности, сделано в выступлении командира механизированного корпуса генерала П. Л. Романенко на декабрьском совещании высшего командного состава в 1940 г.

[38] См.: Советские воздушно-десантные: Военно-исторический очерк / 2-е изд., испр. и доп. М., 1986. С. 36.

[39] 1941 год: уроки и выводы. М., 1992. С. 71–72; Советский Союз: накануне великих испытаний. С. 504.

[40] Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. М., 1994. Т. 13 (2–1). С. 236–237.

[41] Тыл советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. М., 1977. С. 52–54.

[42] Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 1. С. 69.

[43] См.: *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 2. С. 108.

[44] Советский Союз: накануне великих испытаний. С. 508.

[45] Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне I941–1945. М., 1981. С. 6.

[46] 50 лет советских Вооруженных сил. М., 1968. С. 240.

[47] Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне 1941–1945. С. 79.

[48] Советский Союз: накануне великих испытаний. С. 511.

[49] Там же.

[50] 50 лет Советских Вооруженных сил СССР. С. 22.

[51] Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства. 1922–1941 гг.: Документы и материалы. М., 1977. С. 507–508.

[52] Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 1. С. 70–71.

[53] В апреле 1941 г. Наркомат ВМФ принял решение сформировать по одной роте морской пехоты на Пинской и Дунайской флотилиях за счет бригады Балтийского флота.

[54] Советский Союз: накануне великих испытаний. С. 513.

[55] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. Кн. 1. С. 90; *Горшков С. Г.* Морская мощь государства. М., 1979. С. 200;

[56] *Горшков С. Г.* Морская мощь государства. С. 198.

[57] *Ачкасов Б. И., Павлович Н. Б.* Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне. М., 1973. С. 15.

[58] Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 1. С. 71; Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 90.

[59] П. А. Смирнов, П. И. Смирнов-Светловский, М. Р. Шапошников и И. С. Мушнов были необоснованно репрессированы.

[60] Российский исторический журнал. 1999. № 1. С. 44–52.

[61] *Афанасьев В. А.* Становление полководческого искусства Г. К. Жукова. М., 2006. С. 20–21.

[62] РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 215. Л. 155.

[63] *Захаров М. В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. С. 101–102.

[64] РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 230. Л. 5–7.

[65] Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 39–46.

[66] Военно-исторический журнал. 1990. № 2.
[67] Военная энциклопедия: в 8 т. Т. 7. М., 2003. С. 220.
[68] *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998. С. 315.
[69] Там же. С. 318–320.
[70] Офицерский корпус в политической истории России. Документы и материалы 1935–1940 гг. Т. 5. Калуга, 2002. С. 378–379.
[71] ЦАМО. Ф. 1. Оп. 2103. Д. 110. Л. 119.
[72] 1941 год. Страна в огне: в 2 кн. Кн. 1. Очерки. М., 2011. С. 65.
[73] Известия. 1940. 5–14 июня.
[74] Русский архив. Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2–1). М., 1994. С. 134–148.
[75] Русский архив. Великая Отечественная: Т. 12 (1). М., 1993. С. 145.
[76] Русский архив. Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2-1). С. 206–224.
[77] Там же. С. 224–229.
[78] 1941 год. Страна в огне: в 2 кн. Кн. 1. Очерки. С. 65
[79] Тыл советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1977. С. 486.
[80] *Вещиков П. И.* Военное хозяйство — Тыл Вооруженных сил России (XVIII–XX вв.). М., 2003. С. 285.
[81] См.: Военно-исторический журнал. 1961. № 6. С. 43.
[82] См.: Там же. 1988. № 6. С. 19.
[83] Тыл советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 48.
[84] Там же.

Роль разведки накануне войны

Внешнеполитическая разведка. На рубеже 1937—1938 гг. советская внешняя разведка гибко используя «легальные» и нелегальные возможности, добилась существенных результатов в работе по Германии и ее союзникам. На вскрытие военно-политических и экономических приготовлений Гитлера к войне против Советского Союза были нацелены резидентуры не только в Германии, но и в третьих странах, располагавших важной информацией. Был создан агентурный аппарат, который позволял эффективно решать указанные задачи.

В Германии к 1938 г. внешняя разведка сформировала сильную агентурную сеть, насчитывавшую только особо ценных 17 источников. В их числе были такие агенты, как сотрудник среднего руководящего звена РСХА (Главного управления имперской безопасности) «Брайтенбах», отвечавший за обеспечение секретности в военно-промышленном комплексе Германии, и ответственный сотрудник министерства экономики «Корсиканец», передававший сведения о военно-хозяйственном потенциале страны, а также о подготовке ВПК Германии к войне.

В Англии разведчикам-нелегалам удалось привлечь к сотрудничеству шифровальщика МИД. Это открыло внешней разведке доступ к наиболее охраняемой внешнеполитической переписке британского правительства. Разведчик-нелегал А. Г. Дейч привлек к сотрудничеству в качестве перспективных агентов нескольких студентов престижных университетов, пятеро из которых вошли в мировую историю разведки как «кембриджская пятерка». Постепенно от них стала поступать все более ценная информация, в первую очередь по германской проблематике, а также об истинных подходах Лондона к отношениям с Германией и СССР.

В Италии резидентура внешней разведки приобрела агентуру в государственных структурах страны, что позволило Москве быть в курсе закулисных аспектов сотрудничества Рима и Берлина. Одним из особо ценных источников был «Франческо», сотрудник английского посольства, снабжавший внешнюю разведку обширными документальными секретными материалами о важнейших внешнеполитических шагах британского правительства в отношении Италии и Германии.

Во Франции внешняя разведка располагала эффективной агентурой в правительстве, политических и деловых кругах страны. С ее помощью удавалось успешно отслеживать политику французского правительства в отношении Германии и Советского Союза, а также совместные шаги Парижа и Лондона по «умиротворению» Гитлера. Парижская резидентура имела ценного источника в германском посольстве, через которого поступала достоверная информация о немецкой политике относительно Франции и других западных стран.

В Варшаве резидентура имела информированные источники, позволявшие получать секретную документацию МИД, МВД и Генерального штаба Польши. Агенты передавали совершенно секретные документы польского правительства, вскрывавшие все неафишируемые аспекты политики Варшавы по отношению к Германии, ведущим западным государствам и Советскому Союзу.

Хорошими агентурными позициями внешняя разведка располагала в Швеции и Финляндии. В частности, резидентура в Хельсинки получила доступ к секретной переписке финского МИДа со своими посольствами в ведущих западных странах. Из доверительных докладов послов можно было сделать важные выводы о германских устремлениях в Европе и реакции на это Англии, Франции и других стран.

Что касается США, то там в 1930-х гг. внешняя разведка делала акцент на добывании научно-технической и экономической информации. Указанная задача решалась с помощью достаточно сильного аппарата источников в научных и деловых кругах страны. У внешней разведки имелись также солидные агенты в государственном аппарате. Они добывали ценную информацию о политическом курсе США в европейских делах, подходе к развитию отношений с СССР, о позиции в отношении агрессивных шагов Германии.

Приведенный выше далеко не исчерпывающий перечень агентуры в ведущих западных странах позволял внешней разведке достаточно полно и достоверно информировать руководство страны о наиболее важных аспектах германской политики и отношении к ней в Европе.

Аншлюс Австрии, активное вмешательство Германии в гражданскую войну в Испании, политическое, экономическое и военное давление на Чехословакию свидетельствовали о резком обострении обстановки на европейском континенте. Все это требовало дальнейшей активизации работы внешней разведки для своевременного вскрытия растущих угроз безопасности СССР. Однако развязанные в стране массовые репрессии нанесли внешней разведке тяжелый удар. Около 60 % работников были уволены, осуждены или расстреляны. Этой участи не избежал и один из основателей внешней разведки и ее талантливый руководитель А. Х. Артузов. Тяжелые потери понесла нелегальная разведка. Многие «легальные» резидентуры были закрыты из-за отсутствия сотрудников, а связь с агентурой прекращена. Вместе с тем и в данной крайне сложной ситуации разведчики мужественно выполняли свой долг. Благодаря их убежденности и стойкости внешняя разведка смогла продолжить решение задач по обеспечению безопасности страны накануне неумолимо надвигавшейся войны. Этому способствовало и то обстоятельство, что уцелело главное оружие разведки — ее зарубежный агентурный аппарат. С основной его частью удалось постепенно восстановить связь и наладить поступление необходимой секретной информации. Приобретенная погибшими в ходе репрессий сотрудниками ценная агентура стала их весомым вкладом в дело победы над фашистской Германией.

Во второй половине 1938 г. руководству страны стала очевидна нетерпимость сложившегося положения. При резко возросшей потребности в секретной информации разведка оказалась существенно ослаблена. В связи с этим были приняты меры по активизации разведывательной деятельности в политической, научно-технической, экономической и контрразведывательной сферах. Главные усилия концентрировались на работе по странам «оси» и их союзникам. Большое значение придавалось получению секретной информации о политике ведущих западных государств по отношению к фашистскому блоку, их стремление направить гитлеровскую агрессию в сторону СССР.

5-й отдел (внешняя разведка) Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР был существенно пополнен молодыми кадрами. Его штаты в 1939–1941 гг. увеличились до 399 человек. Вновь были приняты на службу некоторые уволенные ранее сотрудники, такие как А. М. Коротков, В. П. Рощин, Ф. К. Парпаров, Е. Ю. Зарубина, внесшие значительный вклад в работу разведки в предвоенные и военные годы.

В мае 1939 г. начальником 5-го отдела ГУГБ НКВД стал П. М. Фитин. С его приходом к руководству развернулась активная работа по восстановлению утраченных позиций за рубежом и созданию новых, отвечавших требованиям времени. Успешному решению данных задач способствовала и организация в 1938 г. систематической подготовки квалифицированных разведывательных кадров в новом специальном учебном заведении — Школе особого назначения (ШОН).

Вместе с тем не всем молодым сотрудникам, пришедшим во внешнюю разведку после репрессий, хватило времени для того, чтобы в совершенстве освоить все тонкости этой слож-

ной работы. Тем не менее, ощущая грозное дыхание приближавшейся войны, они отдали все силы для решения возложенных на них задач.

Особое внимание уделялось активизации разведывательной деятельности непосредственно в Германии. В берлинскую резидентуру были направлены новые сотрудники, включая опытного разведчика А. М. Короткова. Была восстановлена связь с рядом ценных агентов, в том числе с «Брайтенбахом» и «Корсиканцем». Центр настоятельно требовал дальнейшего расширения агентурного аппарата. В оставшееся до войны время из этой категории агентуры удалось привлечь к сотрудничеству руководителя разведывательного реферата штаба германской авиации «Старшину», который имел доступ к секретным материалам о подготовке войны против СССР, и «Друга», видного деятеля национал-социалистической партии, находившегося в оппозиции к Гитлеру и занимавшего в описываемый период должность советника при штабе Чан Кайши.

В ряде стран, включая союзников Германии — Венгрию, Болгарию и Японию, были созданы или восстановлены резидентуры советской внешней разведки, что позволило активизировать работу по добыче информации о военных приготовлениях как в самой Германии, так и в этих странах.

Так, среди вновь приобретенных источников фигурировал «Лицеист», который работал под контролем немецкой контрразведки, передавая резидентуре дезинформационные сведения. Однако к информации, поступавшей от «Лицеиста», Центр относился скептически, поскольку у него не было реальных возможностей для получения секретных данных, и она опровергалась обширными материалами, поступавшими от ценной агентуры, причем не только из Германии. В целом берлинской резидентуре накануне войны удалось наладить интенсивную работу с агентурным аппаратом, что привело к наращиванию объема важной информации о внешнеполитических планах Германии и ее военных приготовлениях. В период с января по 21 июня 1941 г. начальник разведки П. М. Фитин только И. В. Сталину направил свыше 100 донесений о подготовке Германии к войне.

К 1940 г. была пополнена новыми сотрудниками резидентура внешней разведки в Англии. Благодаря их самоотверженной работе удалось восстановить и расширить деятельность агентуры. Источники нацеливались прежде всего на добывание секретных сведений по германской проблематике. Особую важность имела активизация деятельности «кембриджской пятерки». Один из входивших в нее источников получил доступ к сверхсекретному проекту англичан, в рамках которого были вскрыты коды германской шифровальной машины «Энигма».

В результате в Центр стали поступать ценные документы, раскрывавшие конкретные планы Гитлера по подготовке нападения на СССР. Их добывали также агенты, имевшие доступ к секретным сведениям Кабинета министров Великобритании, министерства иностранных дел, разведки и контрразведки. О важности указанных материалов свидетельствовало и то, что подавляющее их большинство докладывалось И. В. Сталину и В. М. Молотову. Таким образом, накануне войны лондонская резидентура наряду с берлинской стала одной из основных в деле обеспечения советского руководства достоверной и актуальной информацией о приготовлениях Германии к войне с СССР.

Кроме данного направления работы лондонская резидентура внимательно отслеживала также маневры английского правительства по «умиротворению» Гитлера. В Центр была доложена подробная информация о подготовке Мюнхенского соглашения с Гитлером по расчленению Чехословакии и его вероятных последствиях для нашей страны. В материалах о состоявшихся 28–29 апреля 1938 г. переговорах в Лондоне Н. Чемберлена с Э. Даладье излагался сценарий будущей мюнхенской сделки, а позднее — само содержание мюнхенских договоренностей, которое было предопределено на встречах Гитлера с Чемберленом в сентябре 1938 г. Несмотря на секретность этих переговоров и встреч, с помощью разведки об их сути своевременно стало известно в Москве.

«Мюнхенцы» уступили нажиму Гитлера, чтобы направить его агрессивные шаги на Восток. Об этом свидетельствовало, например, перехваченное сообщение финского послан-

П. Фитин, начальник внешней разведки НКВД — НКГБ СССР в 1939–1941 гг.

А. М. Коротков

Вилли Леман — агент советской внешней разведки «Брайтенбах»

Арвид Харнак («Корсиканец»). Фото гестапо

Харро Шульце-Боизен («Старшина»). Фото гестапо

ника в Лондоне от 25 ноября 1938 г. в свой МИД о беседе с одним из членов английского правительства, который доверительно заявил: «Англия и Франция не будут препятствовать германской экспансии на Восток. Позиция английского правительства такова: «подождем — увидим», пока не возникнет большой конфликт между Германией и СССР»[1].

После аншлюса Австрии усилились угрозы Гитлера в адрес Польши. Нельзя было исключать, что она станет очередной жертвой нацистской агрессии, несмотря на то что Польша фактически проводила прогерманскую политику, приняв участие в разделе Чехословакии и упрямо срывая все усилия Советского Союза по созданию в Европе системы коллективной безопасности. В июле 1939 г. внешняя разведка доложила советскому руководству о подготовке Германии нападения на Польшу[2]. План «Вайс» предусматривал два варианта, по одному из которых не исключался захват Прибалтики. В напряженной обстановке того времени никто не мог дать каких-либо гарантий по поводу возможных действий Гитлера после выхода германских войск на западные границы СССР. Опасность для Советского Союза представляли также планы Гитлера по созданию из Галиции и Западной Украины самостоятельного государства под протекторатом Германии, во главе которого предполагалось поставить украинских националистов. Подобные образования немедленно превратились бы в базу для подрывной деятельности против советской Украины. Тем более что абвер с 1938 г. проводил активную подготовку украинских националистов к диверсионно-террористической деятельности против СССР.

В создавшейся тревожной обстановке 14 июня 1939 г. по инициативе Советского Союза в Москве начались переговоры с Англией и Францией в целях согласования взаимной помощи в случае германской агрессии и предотвращения захвата Германией Польши. Они быстро зашли в тупик, поскольку западные представители отказались рассматривать вопрос о военной конвенции, сославшись на отсутствие полномочий. Однако основной причиной являлось ведение англичанами параллельных секретных переговоров с Гитлером относительно заключения пакта о ненападении. В них московские дискуссии использовались англичанами как средство давления на немцев. Неудивительно, что, например, американский посол в Париже У. Буллит в своем сообщении в Вашингтон оценил подобные маневры Лондона как подготовку нового «Мюнхена». Внешняя разведка доложила Сталину достоверные данные о ходе этих переговоров с немцами, их участниках, а также о существе рассматривавшихся предложений.

Тем не менее Советский Союз сделал еще одну попытку договориться с западными державами и предложил провести в Москве переговоры только по военным вопросам. В июле 1939 г. такие переговоры начались, но их постигла судьба предыдущей трехсторонней встречи. Как сообщил лондонский источник из «кембриджской пятерки», английское правительство никогда не думало заключать серьезный военный пакт с Москвой[3]. Английские представители получили инструкции тянуть с переговорами как можно дольше. Внешняя разведка своевременно добыла указанные инструкции и доложила их содержание советскому руководству[4]. В этот период поступили сигналы от немцев об их готовности начать переговоры с СССР относительно договора о ненападении. Предложение Берлина давало время для повышения обороноспособности страны и позволяло предотвратить оккупацию Гитлером Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики. Срывались планы по созданию враждебных СССР «независимых» националистических образований на территории Западной Украины. После подписания 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении внешняя разведка доложила о реакции ведущих держав, которая была сдержанной и прагматичной. Так, в добытом внешней разведкой тексте телеграммы генерального консула Японии в Вене указывалось: «Не подлежит сомнению, что позиции СССР на Дальнем Востоке в результате германо-советского договора значительно усилились, и необходимо с предельным вниманием отнестись к тому, какую позицию займет СССР по отношению к нам, пользуясь своим новым положением»[5].

В секретном докладе английского посла в Москве С. Криппса в Форин-офис, полученном внешней разведкой, указывалось: «Нет никакого сомнения в том, что непосредствен-

ной причиной этого пакта являлось, как это неоднократно заявляли советские лидеры, их желание остаться вне войны. Они считали возможным осуществить это хотя бы на время путем заключения соглашения с Германией... Они были полны решимости использовать возможность, пока еще имелось время, для укрепления своей обороны... Они вступили в Польшу сразу же после того, как выяснилось, что альтернативой их вступлению может быть только полная оккупация немцами этой страны»[6].

В 1940–1941 гг. внешняя разведка сосредоточила основное внимание на вскрытии непосредственных приготовлений Германии к войне с СССР. Объем добытых сведений достаточно велик. Например, только перечень сообщений «Корсиканца» и «Старшины» за период с 6 сентября 1940 г. по 16 июня 1941 г. содержит 43 пункта. Остановимся на наиболее существенной информации.

В июле 1940 г. Гитлер дал указание верховному главнокомандованию вермахта подготовить предложения о военной кампании против Советского Союза. А в августе 1940 г. резидентура внешней разведки в Литве сообщила о повышенной военной активности немцев в Восточной Пруссии. Было зафиксировано прибытие новых воинских частей, проведение спешного призыва в армию лиц в возрасте от 38 до 40 лет, введение строжайшего контроля за пассажирами, передвигающимися по Восточной Пруссии.

В сентябре 1940 г. берлинская резидентура получила от «Корсиканца» документ штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил Германии о подготовке планов нападения на СССР. Целью войны являлось отторжение от Советского Союза части европейской территории от Ленинграда до Черного моря и создание там целиком зависящего от Германии государства. На остальной части Советского Союза предполагалось сформировать «дружественное Германии правительство». Предварительным шагом к началу военных операций против СССР должна была стать оккупация Румынии, подготовка к которой уже осуществлялась. Таким образом, на самой ранней стадии немецкого планирования военной кампании против СССР его существенные элементы стали известны советской стороне.

Внешняя разведка добыла сведения о союзниках Германии в предстоящем походе на Восток. В апреле 1941 г. через берлинскую резидентуру («Старшина») было установлено, что в войне против Советского Союза на стороне Германии будут участвовать Финляндия, Румыния и Венгрия. Поступавшие из резидентуры в Хельсинки сведения конкретизировали совместные военные планы немцев и финнов против СССР, мобилизационные приготовления финских военных. В апреле 1941 г. были получены данные о том, что немцы потребовали от румын выставить на советский фронт до 20 дивизий. В начале июня 1941 г. внешняя разведка получила уточняющие материалы о предстоящем активном участии Венгрии в военных приготовлениях против Советского Союза и концентрации немецкой боевой авиации на венгерских аэродромах.

18 декабря 1940 г. Гитлер подписал директиву № 21 о нападении на СССР, так называемый план «Барбаросса», в котором были определены направления основных ударов и срок готовности к военным действиям. Берлинская резидентура сообщила в Центр о не освещавшемся в прессе выступлении Гитлера 18 декабря 1940 г. во дворце «Спортпалас» по поводу выпуска 5 тыс. германских офицеров. Фюрер, в частности, указал на «несправедливость, существующую на свете, когда 60 млн великороссов владеют одной шестой частью земного шара, а около 90 млн немцев ютятся на куске земли». Он призвал молодых офицеров к устранению этой несправедливости. Резидентура правильно оценила заявление Гитлера «как имеющее исключительное политическое значение»[7]. Оно свидетельствовало о неуклонной решимости нацистской верхушки, несмотря на недавно подписанный договор о ненападении, форсировать подготовку к войне с Советским Союзом. Это подтверждалось также полученными берлинской резидентурой в январе 1941 г. из штаба авиации Германии от «Старшины» сведениями о развертывании разведывательных полетов над территорией СССР в целях фотосъемки приграничной полосы. По распоряжению Геринга «русский реферат» министерства авиации был переведен в активную часть штаба авиации, разрабатывавшую и подготавливавшую военные операции.

В марте 1941 г. берлинская резидентура направила в Центр данные «Корсиканца» о том, что «военное выступление Германии против СССР является решенным вопросом. По мнению германского штаба, Красная армия будет в состоянии оказывать сопротивление только в течение первых восьми дней, после чего будет разгромлена. Нападение на Советский Союз диктуется соображениями военного преимущества Германии над СССР в настоящее время».

Тогда же «Старшина» сообщил о сосредоточении к востоку, недалеко от Кракова, крупных авиасоединений. А уже в апреле 1941 г. берлинская резидентура направила в Центр сообщения «Старшины» и «Корсиканца» о полном завершении штабом германской авиации подготовки нападения на Советский Союз. Данные сведения были подтверждены и другими источниками.

30 апреля 1941 г. Гитлер на совещании в узком составе высшего военного руководства озвучил дату планируемого нападения на СССР — 22 июня 1941 г. 1 мая этого же года «Старшина» передал информацию о том, что вопрос о выступлении против СССР решен окончательно и его следует ожидать со дня на день.

9, 11 и 16 июня от «Старшины» и «Корсиканца» поступили предупреждения о том, что все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены и удара можно ожидать в любое время.

Ценная информация о германском военном планировании поступала из лондонской резидентуры. В частности, 17 июня 1941 г. она направила в Центр сообщение о том, что германский посол Ф. фон Папен интересовался в турецком МИДе позицией Анкары в случае конфликта Германии с третьей державой. При этом он дал ясно понять, что такой третьей державой является СССР.

11 июня 1941 г., т. е. на следующий день после подписания немецким Верховным главнокомандованием приказа о нападении на СССР 22 июня, резидентура в Финляндии добыла информацию об этой дате начала войны. 18 июня ее подтвердил агент берлинской резидентуры «Вальтер». 19 июня «Брайтенбах» вызвал на срочную встречу ее сотрудника и сообщил, что 22 июня в 3 час. 30 минут по местному времени на всем пространстве западных границ СССР произойдет нападение германских войск. Формальное объявление войны последует после бомбардировок советской территории. 20 июня в Центре была получена телеграмма из римской резидентуры. В ней сообщалось о том, что 19 июня 1941 г. в итальянский МИД поступила шифртелеграмма итальянского посла в Берлине о том, что высшее военное немецкое командование информировало его о начале военных действий Германии против СССР между 20 и 25 июня сего года[8]. Конкретные подробные данные о прибытии подразделений вермахта к советским границам, их передвижениях и дислокации регулярно передавали в Центр разведывательные подразделения НКГБ Украины и Белоруссии. Полученные сведения убедительно свидетельствовали о неуклонном сосредоточении немецких войск в пограничном регионе. Вся эта информация незамедлительно направлялась начальником внешней разведки руководству страны.

Кроме военно-политической информации внешняя разведка докладывала о приготовлениях немцев к войне в хозяйственно-административной области. В частности, из берлинской резидентуры были получены сведения о создании германского полугосударственного акционерного общества «Континентальная нефть». Основной его целью являлась подготовка эксплуатации бакинских нефтепромыслов и нефтедобычи в Галиции после захвата их немцами. В последних предвоенных сообщениях «Корсиканца» и «Старшины» содержалась информация о создании будущего административного управления оккупированной территорией СССР во главе с А. Розенбергом, перечислялись руководители военно-хозяйственных управлений планируемых округов на захваченной территории.

Внешняя разведка фиксировала также растущую активность нацистских спецслужб в работе против Советского Союза и служащих советских загранучреждений за рубежом. По данным, полученным берлинской резидентурой от «Брайтенбаха», абвер активно подыскивал сотрудников со знанием русского языка и опытом работы против СССР. Они были необходимы для расширения филиала в Кенигсберге, специализировавшегося на разведывательной

деятельности в Советском Союзе, а также комплектования нового подразделения военной разведки, так называемого «штаба Валли», предназначенного для обеспечения военной информацией будущего Восточного фронта.

Вместе с тем в отдельные сообщения внешней разведки попадали противоречивые и недостаточно достоверные сведения, порой с элементами дезинформации, что было обусловлено следующими обстоятельствами. Со времен ВЧК во внешней разведке не было специального информационно-аналитического подразделения, которое на экспертной основе занималось бы анализом, сопоставлением, проверкой и оценкой добытых данных, а также выявлением проникавшей в сообщения агентуры целенаправленной дезинформации.

Кроме того, И. В. Сталин установил такой порядок работы с разведывательными материалами, при котором ему направлялись оригиналы сообщений источников. Видимо, он опасался, что в ходе такой обработки будет упущено нечто важное. Подобная схема снижала барьер против попадания в предназначавшиеся для него материалы противоречивых и недостаточно проверенных сведений.

И. В. Сталин также не нуждался в каких-либо выводах и прогнозах. Он всегда делал их сам. Таким образом, он взял на себя аналитическую составляющую деятельности разведки, а значит, и ответственность за возможные ошибки в выводах и прогнозах при оценке разведывательной информации. Кроме того, И. В. Сталин не принимал лично начальника внешней разведки. Его материалы докладывал обычно нарком внутренних дел (госбезопасности). Единственный личный доклад П. М. Фитина И. В. Сталину состоялся 17 июня 1941 г. в присутствии наркома госбезопасности В. Н. Меркулова. Такой порядок лишал начальника внешней разведки возможности давать необходимые пояснения в ходе непосредственного диалога с руководителем государства.

Внешней разведке приходилось преодолевать дезинформационную деятельность немецких спецслужб, доводивших по различным каналам ложные сведения о том, что концентрация немецких войск на границе СССР связана якобы с подготовкой вторжения в Англию. Немало сил отнимало и противодействие не менее активным попыткам англичан с помощью дезинформации советского руководства обострить отношения Советского Союза с Германией.

Сам И. В. Сталин составил на основании докладывавшихся ему разведывательных данных довольно четкое представление о неизбежности военного нападения Германии и его сроках. Это подтверждает, в частности, его заявление в беседе с премьер-министром Англии У. Черчиллем во время приезда британского руководителя в Москву в августе 1942 г. Отвечая на вопрос У. Черчилля по поводу английских предупреждений, И. В. Сталин сказал: «Мне не нужно было никаких предупреждений. Я знал, что война начнется, но думал, что мне удастся выиграть еще месяцев шесть или около этого»[9].

Для достижения указанной цели И. В. Сталин стремился исключить любые опрометчивые шаги, которые Гитлер смог бы использовать в качестве повода для начала войны. Данный подход подтвердил в послевоенных высказываниях В. М. Молотов: «Нас упрекают, что мы не обратили внимания на разведку. Предупреждали, да. Но если бы мы пошли за разведкой, дали бы малейший повод, он бы (Гитлер. — *Прим. авт.*) раньше напал»[10].

В то же время И. В. Сталин опасался, что без поддержки сильных союзников очень трудно будет одолеть Германию и ее сателлитов. Из сообщений внешней разведки он знал, что США могли бы оказать СССР подобную поддержку только в случае неспровоцированной агрессии со стороны Гитлера. Поэтому советский руководитель старался действовать таким образом, чтобы германское вторжение в случае войны было бы оценено в мире как неспровоцированный акт агрессии. Данным обстоятельством во многом объясняется его весьма осторожное отношение к острым сообщениям разведки.

Как свидетельствуют имеющиеся в архиве Службы внешней разведки России документальные данные, в том числе рассекреченные и приведенные здесь, внешняя разведка активно, целеустремленно и настойчиво использовала все имевшиеся силы и возможности для вскрытия военно-политических и экономических приготовлений Германии к войне с

Советским Союзом. Данная работа не ограничивалась только военно-политическими и экономическими проблемами. В научно-технической области были получены весьма ценные сведения, военно-технические материалы и образцы, что явилось существенным вкладом в укрепление обороноспособности страны.

Важной сферой деятельности внешней разведки в рассматриваемый период была и борьба с иностранными спецслужбами, в первую очередь германскими, а также с использовавшимися ими зарубежными антисоветскими и националистическими организациями. В частности, были добыты сведения на 199 агентов иностранных разведок и членов зарубежных эмигрантских организаций, переброшенных на территорию СССР; подробные данные о структуре и личном составе абвера и гестапо; об активном задействовании германской разведкой для шпионажа и диверсий против Советского Союза украинской националистической организации ОУН. Благодаря усилиям внешней разведки удалось парализовать деятельность основных белоэмигрантских и других антисоветских зарубежных организаций. Немцы не смогли эффективно использовать их на своей стороне в ходе войны.

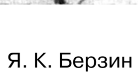
Можно с полным основанием утверждать, что внешняя разведка в сложной ситуации, обусловленной напряженной международной обстановкой и внутриполитической спецификой Советского государства, честно и самоотверженно выполнила свой долг перед Родиной. О положительной оценке работы внешней разведки руководством страны свидетельствует тот факт, что в 1940 г. большая группа ее сотрудников была отмечена высокими правительственными наградами.

В ее деятельности накануне войны имелись, естественно, и упущения. Основное из них заключалось в недостаточной подготовке к работе в военное время. Негативную роль здесь сыграл и разгром нелегальной разведки в ходе репрессий. А ведь именно она была обязана обеспечить бесперебойную работу с агентурой на территории противника в условиях войны. Далеко не все намеченные весной 1941 г. руководством разведки меры по активизации разведработы удалось реализовать. Предпринимавшиеся попытки в сжатые сроки создать нелегальные агентурные группы в Германии и обеспечить их прямой радиосвязью с Центром не увенчались успехом. Возникли технические проблемы с организацией устойчивой радиосвязи. Кроме того, на решение всех этих сложных вопросов просто не осталось времени.

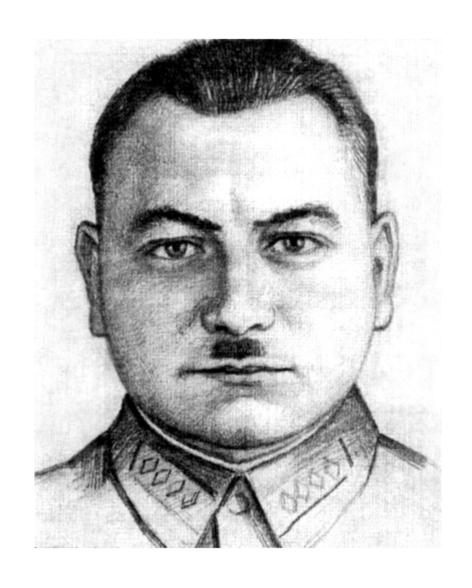
С началом Великой Отечественной войны «легальные» резидентуры внешней разведки в Германии и союзных с ней странах (за исключением Болгарии), а также в оккупированных европейских государствах прекратили свою работу, так как их сотрудники были интернированы. После захвата немцами Минска, где размещался радиоцентр разведки, прервалась связь с агентурой в Германии и других захваченных немцами странах. Попытки восстановить ее с помощью курьеров, направлявшихся в Германию из третьих стран, также не привели к положительным результатам из-за жестких режимных ограничений при пересечении границ в военное время.

Военная разведка. Предвоенные годы были периодом серьезных испытаний для сотрудников отечественной военной разведки, центральным органом которой являлось Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии (РУ ГШ КА). На результаты деятельности военной разведки в этот период времени серьезное влияние оказывали многочисленные внутриполитические и внешние факторы. Среди них репрессии, жесткий контрразведывательный режим, установленный в Германии, и дезинформационные мероприятия германского руководства.

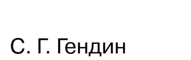
Назначенный 14 апреля 1939 г. начальником военной разведки Герой Советского Союза И. И. Проскуров 25 мая 1940 г. докладывал наркому обороны и комиссии ЦК ВКП(б): «Последние два года были периодом чистки агентурных управлений и разведорганов от чуждых и враждебных элементов. За три года органами НКВД арестовано свыше 200 человек, заменен весь руководящий состав, до начальников отделов включительно. За время моего командования только из центрального аппарата и подчиненных ему частей отчислено по различным причинам и деловым соображениям 365 человек. Принято вновь 326 человек, абсолютное большинство из которых без разведывательной подготовки...»[11]



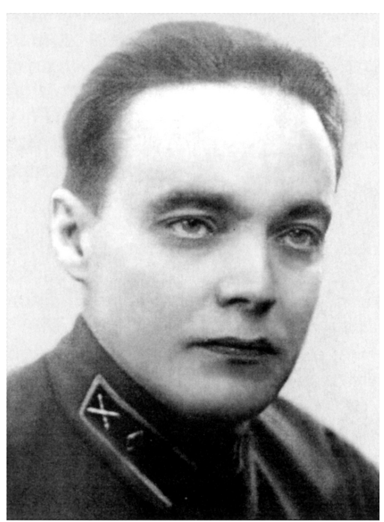
Я. К. Берзин



С. П. Урицкий



С. Г. Гендин



А. Г. Орлов

И. И. Проскуров

В 1937–1941 гг. были репрессированы начальники военной разведки армейский комиссар 2 ранга Я. К. Берзин, комкор С. П. Урицкий, старший майор госбезопасности С. Г. Гендин, комдив А. Г. Орлов, а также находившийся к моменту ареста на другой должности генерал-лейтенант И. И. Проскуров, что крайне отрицательно сказалось на результатах деятельности центрального аппарата и зарубежных органов военной разведки.

Сложным было состояние дел и в аппаратах военных атташе, сотрудники которых занимались изучением вооруженных сил стран пребывания. В ходе «чистки» 16 военных атташе были отозваны из служебных командировок и репрессированы. К весне 1939 г. аппараты военных атташе были укомплектованы только на 40 %, вакантными оставались должности в Великобритании, Германии, Италии, США, Турции, Франции, Финляндии и Японии.

Генерал-лейтенант Ф. И. Голиков, назначенный в июле 1940 г. начальником Разведывательного управления Генерального штаба, докладывал наркому обороны СССР о том, что «при полной замене старых работников ВАТ мы в настоящее время имеем ниже 70 % укомплектованности. В советских аппаратах преобладают неопытные работники»[12].

Командование военной разведки приложило значительные усилия, чтобы в 1939–1940 гг. укомплектовать структуры Разведывательного управления новыми сотрудниками. Для прохождения службы в военной разведке были отобраны лучшие выпускники военных академий.

Так, в августе 1938 г. на работу в военную разведку был направлен майор Г. М. Еремин. Выходец из крестьянской семьи Еремин окончил пехотную школу, проходил службу на командных должностях в Красной армии. После окончания в 1938 г. специального факультета Военной академии им. М. В. Фрунзе он стал сотрудником Разведывательного управления и в августе 1940 г. был направлен в Румынию в качестве сотрудника советского посольства в Бухаресте. Действуя под прикрытием этой должности, Еремин был резидентом Разведывательного управления в Румынии, руководил работой других молодых военных разведчиков и занимался вербовочной работой.

В эти же годы на должность военного атташе при посольстве СССР в Венгрии был направлен выпускник Военной академии им. М. В. Фрунзе подполковник Н. Г. Ляхтеров. Выпускник Академии бронетанковых и механизированных войск подполковник Н. И. Никитушев в январе 1940 г. был направлен на должность военного атташе при полпредстве СССР в Швеции, где успешно занимался сбором сведений о фашистской Германии до марта 1945 г.

В 1940 г. после окончания Военной академии им. М. В. Фрунзе сотрудником военной разведки стал подполковник Л. А. Середа, который вскоре был направлен в Болгарию в качестве помощника военного атташе посольства СССР в Софии.

Среди офицеров, отобранных для прохождения службы в военной разведке, был и полковник Н. Д. Скорняков, который окончил в 1936 г. Военную академию им. Н. Е. Жуковского, был командиром авиационной эскадрильи Белорусского военного округа. В 1939 г. Скорняков завершил обучение в Военной академии Генерального штаба, стал сотрудником Разведывательного управления Красной армии и в сентябре 1939 г. был направлен в служебную командировку в Германию на должность помощника советского военного атташе. В Берлине Скорняков активно занимался сбором сведений о вооруженных силах нацистской Германии.

В сентябре 1939 г. сотрудником военной разведки стал полковник И. А. Суслопаров, выпускник Артиллерийской академии РККА им. Ф. Э. Дзержинского. В сентябре 1939 г. он был направлен в Париж в качестве военного атташе при посольстве СССР во Франции.

Офицеры Н. Г. Еремин, Н. Г. Ляхтеров, Н. Д. Скорняков, И. А. Суслопаров и другие отлично владели военными специальностями, которые они изучали в военных училищах и академиях. Однако эти офицеры не получили теоретических знаний и практических навыков, необходимых для работы в военной разведке, и должны были приобретать их в процессе своей деятельности в столицах иностранных государств.

Некоторые выпускники академий и училищ, отобранные для прохождения службы в военной разведке, в 1938–1939 гг. прошли подготовку в специальной школе Разведывательного управления Красной армии, закрепили знание иностранных языков. В частности, полковник А. В. Яковлев в 1937–1938 гг. учился в Высшей дипломатической школе

70

Подлежит возврату через 6 суток в 4 отделение 9 отдела Разв. Упр. Генштаба Красной Армии

РАССЕКРЕЧЕНО
по акту № 5/4
от «07» 07 1989

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Снятие копии воспрещается

Экз. № 1

РАСШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА Вх. № 16443

Из Берлина подана 12 час. 52 мин. „29“ декабря 1940 г.

Получена 9 отделом 19 час. 00 мин. „29“ декабря 1940 г.

Для заметок и резолюций

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

БЕРЛИН 29 декабря 1940 года.

Альта сообщил, что Ариец от высоко-информированных военных кругов узнал о том, что Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 года.

Дано задание о проверке и уточнении этих сведений.

№ 431 — МЕТЕОР.

Скорняков.

Расшифровал 19 ч. 20 м.
„ „ 29.12.40
Малинский.

Отпечатано в „3“ экз. „29“ 19.33 м. нс

1. Адресату.
2. т.Панфилову.
3. т.Дубинину
4. т. Тимошенко
5. т. Мерецкову
6. т. Сталину
7. т. Сталину
8. т. Молотову

Начальник 4 отделения

Начальник 1 отделения

Донесение Ильзе Штёбе («Альта») от 29 декабря 1940 г.

Наркомата иностранных дел. С июня 1940 по июнь 1941 г. он действовал в Чехословакии под прикрытием должности консула в Генеральном консульстве СССР в Праге. В годы Великой Отечественной войны Яковлев занимался разведывательной деятельностью на территории Болгарии.

Накануне нападения фашистской Германии на СССР активно пополнялся новыми кадрами и центральный аппарат Разведывательного управления Красной армии, особенно его информационный и военно-технический отделы.

Организацией стратегической агентурной разведки занимались сотрудники региональных отделов. Они руководили деятельностью зарубежных резидентур, действовавших в 32 странах, и добывали разведывательные сведения военного, военно-политического, военно-технического и военно-экономического характера.

Во второй половине 1940 г. возможности большинства добывающих резидентур РУ ГШ КА были в значительной степени восстановлены. Однако последствия репрессий продолжали сказываться. Это было отмечено 7 декабря 1940 г. в ходе передачи дел по руководству Наркоматом обороны СССР Маршалом Советского Союза К. Е. Ворошиловым Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко. В акте передачи дел состояние военной разведки оценивалось следующим образом: «Организация разведки является одним из наиболее слабых участков в работе Наркомата обороны. Организованной разведки и систематического поступления данных об иностранных армиях не имеется. Работа Разведуправления не связана с работой Генерального штаба. Наркомат обороны не имеет в лице Разведуправления органа, обеспечивающего Красную армию данными об организации, состоянии, вооружении и подготовке к развертыванию иностранных армий. К моменту принятия Наркомат обороны такими разведывательными данными не располагает. Театры военных действий и их подготовка не изучены...»[13]

Устраняя недостатки, отмеченные в акте, а также учитывая нарастание военной угрозы безопасности СССР со стороны гитлеровской Германии, командование РУ ГШ КА планировало расширить в 1941 г. свою агентурную сеть в Европе, создать новые средства радиосвязи и повысить результативность информационной работы[14].

В связи с необходимостью наращивания сил военной разведки, способных добывать ценные сведения военного характера, начальник Генерального штаба Красной армии 12 декабря 1940 г. утвердил штаты и положение о новом Разведывательном управлении ГШ КА. Численность РУ была увеличена.

С учетом складывавшейся военно-политической обстановки в Европе и на Дальнем Востоке руководство СССР и командование Красной армии в конце 1940 г. поставили перед военной разведкой конкретные задачи по добыванию достоверных сведений о Германии и внешнеполитическом курсе ее руководства.

Деятельность военной разведки в европейских странах в июне 1940 — июне 1941 гг. проходила в условиях активных специальных мероприятий, которые тайно проводились руководством Германии и были направлены на сокрытие ее подготовки к войне против СССР. Мероприятия дезинформационного характера проводились на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях.

Командование РУ ГШ КА, учитывая нарастание военной угрозы со стороны Германии, в период с 25 января по 21 февраля 1941 г. провело сборы начальников разведывательных отделов штабов военных округов. Были осуществлены и другие сложные организационные мероприятия, уточнены планы работы Центра, зарубежных разведывательных аппаратов и органов оперативной разведки[15]. Меры по расширению возможностей военной разведки на Дальнем Востоке также активизировали деятельность военных разведчиков в Японии, Китае и Маньчжурии.

Выполняя задачи, поставленные командованием Красной армии, военная разведка в июне 1940 — июне 1941 гг. добыла значительное количество сведений, которые поэтапно раскрывали подготовку Германии к войне против СССР, а также установила день и час начала агрессии.

Подготовка Германии к войне против СССР в значительной степени отражена в информационных документах военной разведки предвоенного периода: специальных сообщениях, донесениях резидентов и разведчиков, разведывательных сводках. Командование военной разведки направляло их адресатам по двум спискам. В первый список были включены фамилии И. В. Сталина, В. М. Молотова, наркома обороны СССР С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба К. А. Мерецкова, во второй — фамилии И. В. Сталина, В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова, С. К. Тимошенко, Л. П. Берии, Н. Г. Кузнецова, А. С. Щербакова, А. А. Жданова, Г. К. Жукова и еще некоторых членов Политбюро. Иногда во второй список включались фамилии Б. М. Шапошникова и С. М. Буденного.

В сообщениях военных разведчиков, поступавших в Центр в июне — декабре 1940 г., отражались мероприятия германского правительства по укреплению союза с Японией, Италией, Румынией, Венгрией и Финляндией, переброска войск к советской границе[16] и усилия по ограничению советско-германских торгово-экономических связей[17].

За этот период военные разведчики, действовавшие в Берлине, Варшаве, Женеве, Будапеште, Бухаресте и Токио, более 25 раз сообщали в Центр о том, что военно-политическое руководство Германии проводит мероприятия, которые свидетельствуют об изменении его отношения к СССР. На основе донесений резидентов зарубежных резидентур в Центре было подготовлено пять специальных сообщений и восемь разведывательных сводок.

Во второй половине 1940 г. советская военная разведка усилила слежение за деятельностью политического руководства Германии. Особое внимание было уделено добыванию сведений, характеризующих направленность внешнеполитического курса Берлина в условиях начавшейся Второй мировой войны, состояние и операции германских вооруженных сил. Информационный отдел РУ ГШ КА занимался обобщением и изучением опыта ведения боевых действий германской армии. Эти сведения направлялись в Генеральный штаб, командующим военными округами.

Сведения о Германии, ее внешнеполитическом курсе и об изменении отношения к СССР регулярно поступали в Центр от Г. Еремина, Р. Зорге, С. Побережника, И. Штёбе, Н. Скорнякова, Н. Ляхтерова и других разведчиков, действовавших в Болгарии, Германии, Румынии, Венгрии, Югославии, Финляндии и Японии. На их основе 29 августа 1940 г. в Центре было подготовлено специальное сообщение «Состав и группировка немецких войск в Восточной Пруссии и на территории Польши на 25 августа 1940 года». В этом сообщении указывалось, что «всего свыше 70 дивизий, т. е. 1/3 сухопутных войск германской армии, сосредоточено на востоке против СССР, из них: до 50 дивизий, все танковые и моторизованные дивизии, расположены в приграничной с СССР полосе в плотной группировке»[18].

Несмотря на усилия Гитлера и верховного командования германских вооруженных сил по дезинформации руководства СССР и оперативно-стратегической маскировке сосредоточения войск на советской границе, зарубежные резидентуры РУ ГШ КА и разведывательные отделы штабов западных военных округов поэтапно вскрывали наращивание германской группировки на востоке. Об этом свидетельствует специальное сообщение «О формировании в Германии новых дивизий»[19], в котором сообщалось о формировании новых 40 дивизий для переброски на Восток, об увеличении производства боеприпасов и о плане строительства дорог в восточной части Германии и в Польше.

Сведения о начале наращивания избыточного количества германских войск на советской границе докладывались политическому руководству СССР и командованию Красной армии.

29 декабря 1940 г. исполняющий обязанности резидента РУ ГШ КА в Берлине полковник Н. Д. Скорняков доложил в Центр о том, что источник «Альта» (Ильзе Штёбе) сообщила о подписании Гитлером приказа о подготовке к войне против СССР. Из сообщения источника следовало, что «Германия начнет войну в марте следующего года»[20]. Донесение «Альты» в форме дешифрованной телеграммы было направлено И. В. Сталину, В. М. Молотову, С. К. Тимошенко и К. А. Мерецкову.

Начальник Разведуправления генерал Ф. И. Голиков направил резиденту в Берлине указание, в котором потребовал еще раз тщательно проверить сведения «Альты» и «через

пять дней доложить, соответствуют ли они действительности»[21]. 4 января 1941 г. «Альта» подтвердила достоверность добытых в декабре сведений: Гитлер приказал приступить к активной подготовке войны против СССР.

Во второй половине 1940 г. ценные разведывательные сведения о военных приготовлениях Германии против СССР поступали в Центр от разведчиков Курта Велкиша, Иогана Венцеля, Леопольда Треппера, Шандора Радо и других. На основе всех сведений, поступивших от военных разведчиков, действовавших в Европе, на Дальнем Востоке и в США, в 1940 г. в Разведывательном управлении было подготовлено 282 специальных сообщения, в которых освещались проблемы военного, военно-политического и военно-технического характера, из них о положении в Европе — 154, Азии — 88, Америке — 38 и Африке — 2.

Разведывательное управление Генштаба Красной армии в этот же период времени подготовило девять разведывательных сводок по Западу. В них содержалось 186 статей, включавших сведения по странам гитлеровского блока, Великобритании и США. Только одной Германии было посвящено 56 статей. 22 разведывательных сообщения было сделано по вооруженным силам Италии, 16 — Румынии, 18 — Финляндии и 13 сообщений — Венгрии, Словакии и Болгарии[22].

Из 56 разведывательных сообщений по Германии 12 касалось боевого состава германской армии, группировки и численности германских вооруженных сил, три — боевых действий германских войск в Европе, два — военно-стратегических планов Германии, два — мобилизационных мероприятий, четыре — инженерной подготовки театра военных действий и строительства укрепрайонов. В разведсводках были отражены и другие военные вопросы.

В разведывательной сводке № 8 за ноябрь 1940 г., например, указывалось: «Установлено увеличение германских войск против наших западных границ. Это требует к себе серьезного внимания, так как общее количество германских сил на Востоке во многом превосходит силы, необходимые для охраны границ».

Резидентуры военной разведки добыли значительное количество ценных сведений о японских вооруженных силах и возможностях Японии по развертыванию войск в случае войны против СССР. Было, в частности, установлено, что командование японской армии создало в Маньчжурии специальные отряды для ведения войны с применением бактериологического оружия[23].

В январе — апреле 1941 г. донесения военных разведчиков отражали формирование немецких ударных группировок на восточном направлении, оборудование театра военных действий и создание в Германии стратегических резервов.

В добывании этих сведений принимали участие кадровые офицеры военной разведки генерал-майоры В. И. Тупиков, И. А. Суслопаров, А. Г. Самохин, И. А. Скляров, полковники Н. Г. Ляхтеров, Г. М. Еремин, Л. А. Середа, А. В. Яковлев, И. В. Смирнов, подполковник Н. И. Никитушев и др.

31 января 1941 г. Гитлер утвердил секретную «Директиву по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск (операция «Барбаросса»)»[24]. Содержание основных пунктов этой директивы главного командования сухопутных войск Германии, предназначавшейся «Только для командования» и имевшей гриф «Совершенно секретно», через три дня стало известно руководителю разведгруппы Разведуправления ГШ Красной армии в Берлине Ильзе Штёбе. 28 февраля 1941 г. она докладывала в Центр: «Сформированы три группы армий, а именно: под командованием маршала Бока, Рундштедта и Риттера фон Лееба. Группа армий «Кенигсберг» должна наступать в направлении Петербург, группа армий «Варшава» — в направлении Москва, группа армий «Позен» — в направлении Киев. Предполагаемая дата начала действий якобы 20 мая. Запланирован, по всей видимости, охватывающий удар в районе Пинска силами 120 немецких дивизий. Подготовительные мероприятия, например, привели к тому, что говорящие по-русски офицеры и унтер-офицеры распределены по штабам. Кроме того, уже строятся бронепоезда с шириной колеи, как в России...»[25]

Выполняя задачи по разведке Германии, генерал-майор В. И. Тупиков, действовавший в Берлине, во второй половине марта 1941 г. направил в Москву «Доклад о боевом и численном

Ильзе Штёбе («Альта»)

Рудольф фон Шелия
(«Ариец»)

составе развернутой германской армии и ее группировке по состоянию на 15.03.1941»[26]. Доклад содержал более 100 листов машинописного текста, 30 схем организационных структур боевых частей германской армии, общую схему группировки войск германской армии, схему группировки военно-воздушных сил Германии, схемы организации немецкого армейского корпуса, сводные таблицы боевого состава артиллерийских частей вермахта и т. д.

В Москве доклад В. И. Тупикова был использован для подготовки специальной «Разведывательной сводки по Германии». Она была направлена в Наркомат обороны, Генеральный штаб и командующим западными военными округами. Сведения, добытые В. И. Тупиковым, свидетельствовали о том, что германское руководство продолжает усиленно наращивать боевую мощь своих вооруженных сил.

Военный атташе СССР в Югославии А. Г. Самохин 9 марта сообщил в Центр о сведениях, полученных от министра двора в Белграде. По данным Самохина, «германский генеральный штаб отказался от атаки английских островов, ближайшей задачей поставлено — захват Украины и Баку, который должен осуществиться в апреле — мае текущего года. К этому сейчас готовятся вооруженные силы Венгрии, Румынии и Болгарии»[27].

К марту 1941 г. в Разведывательном управлении ГШ КА накопилось большое количество сведений о подготовке Германии к нападению на СССР, и поэтому 5 марта 1941 г. руководству СССР было доложено специальное сообщение, в котором говорилось: «В министерствах Берлина... убеждены в предстоящей войне против СССР. Сроком нападения считается 1 мая 1941 г. В последнее время в связи с событиями в Югославии срок начала войны отнесен на 15 июня...»[28]

В марте 1941 г. начальник военной разведки дал указание начальникам разведывательных отделов штабов Прибалтийского, Западного и Киевского Особых военных округов усилить разведку Германии в зонах ответственности этих разведотделов, «вскрыть военные планы Германии, ее военную и экономическую мощь и мобилизационные возможности на случай войны с СССР».

Разведывательные сведения, добытые военной разведкой в январе — марте 1941 г., о нарастании военной угрозы СССР на Западе со стороны Германии и на Востоке со стороны Японии учитывались в Генеральном штабе.

11 марта 1941 г. нарком обороны С. К. Тимошенко и начальник Генерального штаба Г. К. Жуков подписали уточненный план стратегического развертывания Вооруженных сил СССР на Западе и Востоке. В документе было отмечено, что Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на западе — против Германии, поддержанной Италией, Венгрией и Финляндией, а на востоке — против Японии[29].

В первой половине марта 1941 г. в Центр продолжали поступать донесения резидентов зарубежных резидентур Разведуправления о перебросках немецких войск к советской границе. 13 марта 1941 г. полковник Г. М. Еремин сообщил из Бухареста, что обергруппенфюрер СС в беседе с источником заявил: «О марше на Англию нет и речи. Фюрер теперь думает не об этом. С Англией мы будем продолжать бороться авиацией и подводными лодками... Более 100 дивизий у нас сосредоточено на восточной границе. Теперь план переменился. Мы идем на Украину и на Балтийский край. Мы забираем под свое влияние всю Европу. Большевикам не будет места и за Уралом, фюрер теперь решил ударить и освободить Европу от сегодняшних и завтрашних врагов. Мы не можем допустить в Европе новых порядков, не очистив Европу от врагов этого порядка. Наш поход на Россию будет военной прогулкой. Губернаторы по колонизации уже назначены в Одессу, Киев и другие города... Между нами и русскими не может быть никакой дружбы. Теперь главный враг — Россия...»[30]

Сведения о нарастании угрозы безопасности СССР полковник Еремин получал от сотрудника германского посольства в румынской столице Курта Велкиша (псевдоним «АВС»). 24 марта 1941 г. Еремин сообщил в Центр о том, что «при встрече Антонеску с Герингом в Вене обсуждался вопрос о роли Румынии в предстоящей войне Германии с СССР... Геринг... дал ему ряд указаний по согласованию плана мобилизации румынской армии с планом мобилизации германской армии, который является планом войны Германии против СССР... Война должна начаться в мае...»[31]

Военные разведчики заметили и изменения в торгово-экономических отношениях между Германией и СССР. Так, резидент Разведуправления в Праге полковник А. В. Яковлев направил в Центр донесение, в котором сообщал: «По данным работников министерства торговли Германии, 20 марта отдано секретное распоряжение приостановить выполнение заказов для СССР промышленными предприятиями Протектората. Атташе югославского торгового агентства Церович показывал марки «украинской народной республики», подготовленные немцами. В Кракове генерал Войцеховский формирует славянский антибольшевистский полк»[32].

Деятельность военных разведчиков в Германии, Румынии, Венгрии, Италии, Японии, Финляндии проходила в условиях умело организованных противником акций по дезинформации советских представителей. Некоторые военные разведчики были введены германскими спецслужбами в заблуждение. Одним из них был источник «Дож». 17 января 1941 г. он направил в Центр донесение, в котором сообщал, что «после поражения Англии или заключения с нею мира ближайшим врагом Германии будет СССР»[33]. Источник «Юрий» из Токио сообщал о том, что «наступление немцев на Англию может провалиться. Имеется на этот случай 2-й план наступления на Ближний Восток»[34]. 1 марта 1941 г. разведчик «Марс» сообщил из Будапешта о том, что «выступление немцев против СССР в данный момент считают все немыслимым до разгрома Англии. Военные атташе Америки, Турции и Югославии подчеркивают, что германская армия в Румынии предназначена в первую очередь против английского вторжения на Балканы и как контрмера, если выступят Турция и СССР. После разгрома Англии немцы выступят против СССР»[35].

Изучив донесение «Марса», начальник военной разведки генерал Ф. И. Голиков распорядился использовать его для доклада начальнику Генерального штаба.

Весной 1941 г. германские специальные службы активно проводили многочисленные мероприятия по дезинформации советской разведки. В осуществлении этих мероприятий принимали участие и ответственные представители стран, поддерживавших гитлеровскую Германию. В Будапеште, например, местные власти сделали все для введения в заблуждение советского военного атташе полковника Н. Г. Ляхтерова. 13 марта 1941 г. он был приглашен в военное ведомство Венгрии, где ему было сообщено о том, что среди дипломатического корпуса в Будапеште распространяются ложные слухи о подготовке Германии, Венгрии и Румынии к нападению на СССР и о посылке большого количества войск на советско-венгерскую границу. Венгерский представитель заявил Ляхтерову, что эти слухи распространяются английской разведкой. Он предложил советскому военному атташе лично совершить поездку в район Карпатской Украины и убедиться в несостоятельности этих слухов.

Полковник Ляхтеров направил в Москву донесение, в котором подробно изложил содержание переговоров в отделе внешних сношений венгерского военного ведомства, сообщил, что «венгерская печать также сделала опровержение о мобилизации и концентрации войск» на советской границе, и уведомил начальника военной разведки о том, что он попросил военное министерство Венгрии разрешить ему совершить с 17 по 20 марта поездку в Карпатскую Украину.

Венгерская сторона, уведомленная о маршруте поездки советских представителей, приложила максимальные усилия для сокрытия признаков сосредоточения войск вдоль границы. В ходе поездки по стране разведчики не выявили признаков подготовки Германии и Венгрии к войне против СССР, о чем Ляхтеров и доложил в Центр. Начальник РУ ГШ КА распорядился направить донесение военного атташе из Будапешта И. В. Сталину, В. М. Молотову, С. К. Тимошенко и Г. К. Жукову.

Часть отчета полковника Н. Г. Ляхтерова о поездке по маршруту была включена и в доклад генерала Голикова от 20 марта 1941 г., который получил название «Высказывания (оргмероприятия) и варианты боевых действий германской армии против СССР»[36]. Этот доклад был направлен И. В. Сталину, наркому обороны и в ЦК ВКП(б). Начальник военной разведки доложил руководству СССР содержание основных донесений резидентов военной разведки, поступивших в Центр в конце февраля — первой половине марта 1941 г. Доклад содержал 16 пунктов и два вывода.

В начале доклада сообщалось о том, что «большинство агентурных данных, касающихся войны Германии против СССР весной этого года, исходит из англо-американских источников, задачей которых на сегодняшний день, несомненно, является стремление ухудшить отношения между СССР и Германией». Далее Ф. И. Голиков изложил различные оценки состояния советско-германских отношений, сделанные иностранными дипломатами и разведчиками.

В некоторых пунктах доклада отражалась точка зрения тех политических кругов, которые считали, что главная задача Германии состоит в том, чтобы добиться победы над Англией. Сообщалось, что «Геринг якобы согласен заключить мир с Англией и выступить против СССР». Одновременно упоминалась оценка японского военного атташе в Берлине, который сообщил в Токио о том, что «якобы Гитлер заявил, что после быстрой победы на Западе он начинает наступление против СССР».

В седьмом пункте доклада Голиков указывал без ссылки на источник, что «Гитлер намерен весной 1941 г. разрешить вопрос на Востоке».

В 14-м пункте Голиков сообщал: «Столкновение между Германией и СССР следует ожидать в мае 1941 г. Источником подчеркивается, что это мнение высказывается как в военных кругах, так и в кругах министерства иностранных дел». Содержание текста этого пункта совпадает с донесениями Ильзе Штёбе («Альты»), которые поступали в Центр в конце декабря 1940 г. и в первом квартале 1941 г.

В докладе указывалось, что подготовка Германии к войне против СССР «началась значительно раньше визита Молотова», но одно время она была приостановлена, так как «немцы просчитались в своих сроках победы над Англией. Весной немцы рассчитывают поставить Англию на колени, развязав тем самым себе руки на Востоке».

Генерал Ф. И. Голиков сообщил руководству СССР о том, что в «Берлине говорят о каком-то крупном разногласии между Германией и СССР. В связи с этим в германском посольстве говорят, что после Англии и Франции наступит очередь СССР».

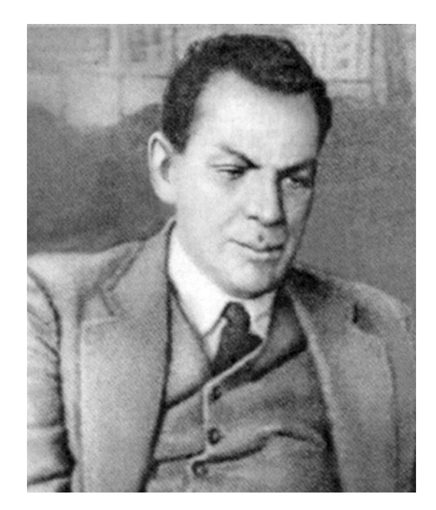
Эта информация подкреплялась дополнительными сведениями, полученными от источников, которые утверждали: военное столкновение Германии с Советским Союзом может произойти после заключения мира с Англией; нападение Германии на СССР возможно после быстрой победы на Западе; после победы над Англией и Францией Германия начнет войну против СССР; Гитлер хочет мира, а Германия будет готова к войне против СССР только в 1942 г. (утверждение министра иностранных дел Румынии).

Основным в сообщениях резидентов был срок возможного столкновения между Германией и СССР, его «следует ожидать в мае 1941 года».

Важным в докладе Голикова было изложение оценки результатов визита В. М. Молотова в Берлин и его переговоров с руководством Германии. Оценка исходила от руководителя восточного отдела министерства иностранных дел Германии Шлиппе, по мнению которого посещение Молотовым Берлина можно сравнить с посещением германской столицы министром иностранных дел Польши Беком. Молотов не достиг в Берлине «единомыслия ни в вопросе о Финляндии, ни о Болгарии».

В докладе начальник военной разведки также изложил вероятные варианты возможных военных действий, намечаемых Германией против СССР. Первые два варианта вряд ли заслуживали внимания. Один из них являлся изложением анонимного письма, полученного советским полпредом в Берлине 15 декабря 1940 г., второй основывался на данных, добытых в декабре 1940 г. разведкой штаба Киевского Особого военного округа.

Особого внимания заслуживал третий вариант возможных действий Германии против СССР. Он повторял содержание донесения Ильзе Штёбе, которое поступило в Центр 28 февраля 1941 г. На основе сведений, полученных от барона Рудольфа фон Шелия («Арийца»), «Альта» докладывала в Центр о том, что «для наступления на СССР создаются три армейские группы: 1-я под командованием генерал-фельдмаршала Бок наносит удар в направлении Петрограда[37], 2-я под командованием генерал-фельдмаршала Рунштудт[38] — в направлении Москвы, и 3-я под командованием генерал-фельдмаршала Лееб — в направлении Киева».



Рихард Зорге («Рамзай»),
резидент РУ ГШ КА в Токио

Шандор Радо («Дора»),
резидент советской военной
разведки в Швейцарии

В. И. Тупиков («Арнольд»),
военный атташе при посольстве СССР
в Германии

А. Г. Самохин («Софокл»),
военный атташе при посольстве
СССР в Югославии

А. В. Яковлев («Савва»),
резидент военной разведки
в Чехословакии

Как выяснилось позднее, этот вариант и был осуществлен Гитлером 22 июня 1941 г.

Исходя из содержания преамбулы доклада, в которой излагались сведения «англо-американских источников», Голиков докладывал:

«1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весною этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформационные, исходящие от английской и даже, может быть, германской разведки»[39].

Вывод Голикова о том, что «наиболее возможным сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира», следует рассматривать как отражение влияния дезинформационных мероприятий руководства гитлеровской Германии. Второй вывод генерала Голикова и вовсе не отражал реального развития событий.

О причинах, побудивших начальника Разведуправления к таким выводам, Маршал Советского Союза Ф. И. Голиков в середине 1960-х годов рассказал доктору исторических наук В. А. Анфилову. «По словам Голикова, — писал военный историк, — он лично был не очень уверен в правильности своих выводов относительно того, что Гитлер не рискнет начать войну против СССР, не покончив с Англией. Но так как они соответствовали точке зрения Сталина, доложить сомнения побоялся...»[40]

Давая сегодня оценку докладу Голикова, следует иметь в виду исключительно сложную и противоречивую обстановку, которая царила в советских руководящих верхах в канун войны, а также то, что выводы начальника военной разведки относились только к ситуации, сложившейся на дату доклада — 20 марта 1941 г. По крайней мере, в докладе содержалось немало важных сведений о нарастании военной угрозы со стороны гитлеровской Германии, подтверждавшихся информацией из многих других источников, и руководству СССР следовало бы придать ему большее значение.

В апреле, мае и июне 1941 г. военные разведчики добыли значительное количество новых доказательств подготовки Германии к войне против СССР и даже смогли сообщить советскому руководству сведения о времени начала агрессии. Эти сведения в невероятно трудных условиях добывали резиденты военной разведки полковник Г. М. Еремин, генерал-майор В. И. Тупиков, разведчик-нелегал Р. Зорге и др. В частности, Шандор Радо сообщал:

21.2.41. Директору.

По данным, полученным от швейцарского офицера разведки, Германия сейчас имеет на Востоке 150 дивизий. По его мнению, выступление Германии начнется в конце мая.

Дора*

6.4.41. Директору.

От Луизы**

Все германские моторизованные дивизии на Востоке. Войска, расположенные ранее на швейцарской границе, переброшены на юго-восток.

Дора

2.6.41. Директору.

Из беседы с немецким офицером.

Все немецкие моторизованные части на советской границе в постоянной готовности, несмотря на то что напряжение сейчас меньше, чем было в конце апреля — начале мая. В отличие

---

* Дора — псевдоним Ш. Радо.

** Луиза — псевдоним, присвоенный Шандором Радо швейцарскому офицеру разведки, от которого была получена данная информация.

от апрельско-майского периода подготовка на русской границе проводится менее демонстративно, но более интенсивно.

Дора

17.6.41. Директору.

На советско-германской границе стоят около 100 пехотных дивизий, из них одна треть — моторизованные. Кроме того, 10 бронетанковых дивизий. В Румынии особенно много немецких войск у Галаца. В настоящее время готовятся отборные дивизии особого назначения, к ним относятся 5-я и 10-я дивизии, дислоцированные в генерал-губернаторстве (т. е. в Польше. — Ш. Р.).

Дора

Особо следует сказать о деятельности генерал-майора В. И. Тупикова. Во второй половине апреля он направил начальнику военной разведки очередной доклад о «Группировке германской армии по состоянию на 25.04.1941». Обращаясь к своему руководителю, генерал-майор Тупиков писал, что война Германии против СССР — «вопрос сроков, и сроков, не столь отдаленных». Оценивая подготовку вермахта к войне против СССР, он сообщал: «Группировка германской армии с осени 1940 года неизменно смещается на Восток. Сейчас на Востоке (Восточная Пруссия, Польша, Румыния) — до 118–120 дивизий»[41].

На основе имевшихся в его распоряжении сведений генерал Тупиков пришел к выводам, которые доложил начальнику военной разведки: «1. В германских планах СССР фигурирует как очередной противник. 2. Сроки начала столкновения — возможно более короткие и, безусловно, в пределах текущего года»[42].

16 апреля 1941 г. в Разведывательном управлении ГШ Красной армии было подготовлено специальное сообщение «О перебросках немецких войск в погранполосе СССР»[43]. В нем указывалось: «С 1 по 15 апреля с. г. из глубины Германии, из западных районов Восточной Пруссии и генерал-губернаторства германские войска совершают переброски по железным дорогам, автоколоннами и походным порядком в приграничную полосу с СССР. Основными районами сосредоточения являются: Восточная Пруссия, район Варшавы и район южнее Люблин. За 15 дней апреля германские войска на восточной границе увеличились на три пехотные и две механизированные дивизии, 17 тыс. вооруженных украинцев-националистов и на один полк парашютистов. Общее количество немецких дивизий всех типов в Восточной Пруссии и генерал-губернаторстве доведено до 78 (без немецких войск в Молдавии)»[44].

Продолжая излагать факты, свидетельствовавшие о мероприятиях, связанных с подготовкой Германии к войне против СССР, начальник военной разведки Ф. И. Голиков докладывал И. В. Сталину, С. К. Тимошенко и Г. К. Жукову о том, что «с 12 апреля запрещен проезд гражданских лиц по железной дороге на территории генерал-губернаторства. Многими источниками подтверждается эвакуация семей военнослужащих немецкой армии из Варшавы и районов восточнее Варшавы в глубь Германии»[45].

В мае 1941 г. зарубежные резидентуры военной разведки и разведывательные отделы штабов западных военных округов продолжали вести активную разведку военных приготовлений Германии. На основе добытых сведений всеми видами военной разведки в Центре 9 мая 1941 г. было подготовлено очередное специальное сообщение «О плане военных действий Германии против СССР»[46]. В этом спецсообщении начальник военной разведки доложил политическому руководству СССР и командованию Красной армии оценку верховным командованием вермахта боеготовности Красной армии, план ведения войны Германии против СССР, намечаемую группировку немецких войск, сроки проведения операций. Несомненно, это донесение должно было привлечь внимание советского руководства.

Резидент военной разведки в Софии полковник Л. Середа 14 мая 1941 г. сообщал в Центр: «В первых числах мая в Солуне состоялась встреча Царя с Браухичем, обсуждались вопросы: о поведении Болгарии в случае возникновения военного конфликта между Германией и СССР, о мероприятиях по укреплению Черноморского побережья и о помощи Финляндии. По первому вопросу подробности не известны. По второму вопросу — мероприятия начнут проводиться в конце мая...»[47]

19 мая из Софии в Центр поступило важное сообщение от источника военной разведки «Косты», в котором сообщалось о том, что «в настоящее время Германия сосредоточила в Польше 120 дивизий, а к концу июня на советской границе будет 200 дивизий. В начале июля намечаются серьезные военные действия против Украины...»[48] В этот же день в Центр поступило сообщение от резидента советской военной разведки в Швейцарии Шандора Радо, который докладывал: «По сообщению швейцарского военного атташе в Берлине от 5 мая, сведения о предполагаемом походе немцев на Украину происходят из самых достоверных немецких кругов и отвечают действительности...»[49]

Важные сведения о подготовке Германии к войне против СССР поступали в Центр и от военного разведчика Рихарда Зорге, действовавшего в Японии.

Источник «Боевой», действовавший в Болгарии, 27 мая сообщал в Москву: «Германские войска, артиллерия и амуниция непрерывно переправляются из Болгарии в Румынию через мост и Фарибот у Русса, через мост у Никополя и на барже около Видина. Войска идут к советской границе...»[50]

Достоверные сведения поступали и от военного атташе во Франции генерал-майора артиллерии И. А. Суслопарова. 21 июня 1941 г. он сообщил в Центр о том, что «по достоверным данным, нападение Германии на СССР назначено на 22 июня 1941 года»[51]. Это донесение было направлено высшему политическому руководству СССР.

Количество тревожных донесений, поступавших в Центр, продолжало нарастать. В Центре стало известно о том, что германские власти запретили движение пассажирских поездов в районах сосредоточения своих войск вдоль советской границы, создают склады, формируют систему медицинской помощи раненым, отзывают германских специалистов из других стран, активизируют строительство полевых аэродромов, усиливают систему противовоздушной обороны восточных районов Германии. Все эти и другие мероприятия позволяли аналитикам Разведуправления увидеть, что подготовка Германии к войне против СССР вступила в завершающую стадию.

Всего с 1 января по 22 июня 1941 г. в РУ ГШ КА было подготовлено 101 специальное сообщение, из которых 72 были посвящены обстановке в Европе, в основном состоянию советско-германских отношений и подготовке Германии к войне против СССР. В их числе «Обзор агентурных сведений о возможности нападения Германии на СССР»[52], «О германо-советских отношениях, положении в Германии и о возможном нападении Германии на СССР»[53], «Об усилении группировки немецких войск на границе с СССР»[54], «О подготовке Германии к нападению на СССР»[55], «О переброске немецких войск в погранзону с СССР»[56] и другие. Эти специальные сообщения командование Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии направляло И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову, В. М. Молотову, С. К. Тимошенко, Л. П. Берии, Н. Г. Кузнецову, С. М. Буденному, Б. М. Шапошникову, К. А. Мерецкову, Г. К. Жукову, А. А. Жданову и др.

С 1 января по 1 июня 1941 г. сотрудниками информационного отдела Разведуправления Генерального штаба Красной армии были разработаны пять разведывательных сводок. В них также содержалась 61 статья, из которых 23 были посвящены военно-стратегическим планам Германии, ее мобилизационным мероприятиям, формированию новых воинских соединений, строительству новых дорог, наращиванию темпов переброски войск к советским границам, количественному и качественному росту германских вооруженных сил. Таким образом, военная разведка во втором квартале 1941 г. приложила максимум усилий для объективной оценки состояния советско-германских отношений, добывания сведений о военной активности Германии на Западе и Востоке и своевременно информировала советское руководство о нарастании степени военной угрозы со стороны Германии. Характерным было то, что разведка указывала — Германия начнет войну против СССР в рамках 1941 г.

Важным документом, отражающим результаты деятельности военной разведки по вскрытию подготовки Германии к войне против СССР, является «Перечень донесений о военной подготовке против СССР за январь — июнь 1941 года», подготовленный в Разведывательном управлении Генерального штаба Красной армии в первые дни войны Германии против

СССР[57]. В него были включены 56 донесений советских разведчиков, среди которых особое значение имеют донесения резидентов РУ ГШ КА о сроках нападения Германии на СССР. Некоторые из них (около 3 %) содержат дезинформационные сведения. В них утверждается, что война Германии против СССР возможна только после поражения Англии. В остальных документах объективно отражено нарастание степени военной угрозы безопасности СССР и утверждается, что война Германии против СССР начнется в июне 1941 г.

Значительное место в «Перечне...» занимают донесения источника «Х». Под этим псевдонимом в РУ ГШ КА числился советник немецкого посла в Москве Герхард Кегель. От него в этот период времени было получено 20 донесений. На основе донесений Кегеля, например, 19 июня 1941 г. было подготовлено специальное сообщение «О признаках вероятного нападения Германии на СССР в ближайшее время»[58]. 20 июня 1941 г. Разведуправление направило И. В. Сталину, В. М. Молотову, наркому обороны С. К. Тимошенко и начальнику Генерального штаба Г. К. Жукову донесение «О признаках неизбежности нападения Германии на СССР в ближайшие дни»[59]. Утром 21 июня 1941 г. Кегель сообщил, что «война Германии против СССР начнется в ближайшие 48 часов»[60]. Вечером 21 июня он сообщил советскому разведчику К. Б. Леонтьеву, который руководил его работой, что в германском посольстве считают: «наступающей ночью начнется война»[61].

21 июня 1941 г. в 20 часов в Разведывательном управлении было подготовлено срочное донесение «О признаках нападения Германии на СССР в ночь с 21.6 на 22.6», которое было незамедлительно направлено И. В. Сталину, В. М. Молотову и С. К. Тимошенко. На конвертах было указано: «Только адресату. Сотрудникам аппарата не вскрывать».

До вторжения германских войск оставалось восемь часов.

К утру 22 июня 1941 г. на столах наркома обороны Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба генерала армии Г. К. Жукова лежали последние предвоенные документы Разведывательного управления: Схема возможных районов сосредоточения германских войск на территории Финляндии и использования группировки в Норвегии в случае войны против СССР; Общие мобилизационные возможности и вероятное распределение германских сил по театрам военных действий; Схема вероятных операционных направлений и возможного сосредоточения и развертывания на Восточном фронте; Схема группировки германских войск на 20 июня 1941 года; Карта группировки и дислокации германской и румынской армий на 22 июня 1941 года[62].

За период с 1 июня 1940 г. по 22 июня 1941 г. в Центр от резидентов военной разведки поступили около 267 донесений, в которых отражалось нарастание военной угрозы со стороны фашистской Германии. 129 донесений были доложены высшему политическому руководству СССР и командованию Красной армии.

Разведка Военно-морского флота также смогла добыть некоторые сведения о мероприятиях, вскрывавших подготовку Германии к войне против СССР. 6 мая 1941 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов получил донесение военно-морского атташе в Берлине М. А. Воронцова о том, что нападение Германии на СССР следует ожидать 14 мая 1941 г. Сроки нападения Германии на СССР подтверждали сведения, которые добывались разведчиками Балтийского и Черноморского флотов. Направив И. В. Сталину это сообщение, адмирал Н. Г. Кузнецов, к сожалению, сопроводил его запиской с выводами, которые не соответствовали приведенным им же фактам[63].

Советской разведке в предвоенные годы удалось восстановить свою агентурную сеть в Европе, в странах Среднего и Дальнего Востока и в Северной Америке. В Германии, Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии и Японии разведчики действовали в условиях военного времени, рисковали своими жизнями, преодолевали значительные трудности и хитроумные дезинформационные мероприятия вероятного противника. Проявляя мужество, смелость и настойчивость, Р. Зорге, В. Тупиков, Г. Еремин, Н. Ляхтеров, А. Яковлев, Ш. Радо и другие разведчики добывали сведения, которые вскрывали коварные агрессивные планы германского руководства. Однако эти, в основном достоверные, сведения не получили должной оценки в высшем эшелоне политической власти СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цит. по: *Соцков Л. Ф.* Агрессия. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. 1938–1941. М., 2011. С. 159.

[2] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 1. М., 1996. С. 8.

[3] Там же. С. 56.

[4] Там же. Т. 3. М., 1997. С. 9

[5] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 1995. Т. 1. Кн. 1. Накануне. С. 64.

[6] Цит. по: *Соцков Л. Ф.* Указ. соч. С. 538–539.

[7] Цит. по: Там же. С. 239.

[8] См.: Там же. С. 490.

[9] Цит. по: *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 4. М., 2010. **С.** 567.

[10] Цит. по: *Безыменский Л. А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000. С. 395.

[11] Цит. по: *Лота В.* «Альта» против «Барбароссы». М., 2004. С. 57.

[12] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 14751. Д. 2. Л. 250.

[13] Известия ЦК КПСС, 1990, № 1. С. 193–208.

[14] *Лота В.* ГРУ: испытание войной. М, 2010. С. 18.

[15] *Он же.* Секретный фронт Генерального штаба. М., 2005. С. 55.

[16] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 9181. Д. 6. Л. 3.

[17] Там же. Д. 7. Л. 161–163.

[18] Цит. по: *Бойко В. И.* Деятельность стратегической агентурной разведки по вскрытию подготовки Германии к нападению на СССР (июнь 1940 — июнь 1941 гг.). М., 2010. С. 49.

[19] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 9181. Д. 7. Л. 195.

[20] Там же. Оп. 22424. Д. 4. Л. 537.

[21] Там же.

[22] *Голиков Ф. И.* Докладная записка начальнику Генерального штаба Маршалу Советского Союза Захарову М. В. 3 февраля 1968 года. ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 29403. Д. 1. Л. 224–246.

[23] *Лота В.* За гранью возможного: военная разведка России на Дальнем Востоке. 1918–1945 гг. М., 2009. С. 691–692.

[24] Fall Barbarossa. B., 1970. S. 151–155.

[25] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 7279. Д. 4. Л. 30–31.

[26] Там же. Оп. 7272. Д. 1. Л. 693–793.

[27] Там же. Оп. 24119. Д. 4. Л. 199.

[28] *Павлов А. Г., Ивашутин П. И., Зайцев Н. М.* Военная разведка накануне Великой Отечественной войны. М., 2004. С. 25.

[29] План Генштаба Красной армии «О стратегическом развертывании Вооруженных сил Советского Союза на Западе и Востоке» // 1941 год: в 2 кн. Кн. 1. Документы. М., 1998. С. 741.

[30] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л. 394–495.

[31] Там же. Л. 452–455.

[32] Там же. Оп. 7279. Д. 4. Л. 199.

[33] Там же. Оп. 7272. Д. 1. Л. 87.

[34] Там же. Л. 91.

[35] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 4. Л. 160–161.
[36] Там же. Оп. 14750. Д. 1. Л. 12–21.
[37] Имеется в виду Ленинград.
[38] Так в тексте. Правильно — Рундштедт.
[39] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 14750. Д. 1. Л. 21.
[40] Цит. по: *Анфилов В. А., Голиков Ф. И.* Загадка 1941 года. О войне под разными ракурсами. М., 2005. С. 17.
[41] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 7272. Д. 1. Л. 140–152.
[42] Там же. Л. 194.
[43] Там же. Оп. 7237. Д. 2. Л. 88–91.
[44] Там же. Л. 87.
[45] Там же. Л. 88.
[46] Там же. Оп. 7439. Д. 3. Л. 115–119.
[47] Там же. Оп. 24119. Д. 1. Л. 804–807.
[48] Там же. Л. 814–815.
[49] Там же. Оп. 24122. Д. 1. Л. 272.
[50] Там же. Оп. 24119. Д. 1. Л. 863.
[51] *Ивашутин П.* Докладывала точно // Военно-исторический журнал. 1990. № 5.
[52] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 7439. Д. 3. Л. 43–46.
[53] Там же. Оп. 4258. Д. 4. Л. 42–47.
[54] Там же. Оп. 7237. Д. 2. Л. 84–85.
[55] Там же. Инв. 3775. С. 146.
[56] Там же. Оп. 7273. Д. 2. Л. 89–91.
[57] Там же. Оп. 7272. Д. 1. Л. 87–98.
[58] Там же. Инв. 3775. С. 146.
[59] Там же.
[60] Там же. Оп. 7272. Л. 98.
[61] Там же.
[62] *Кондрашов В. В.* Знать о противнике всё. М., 2010. С. 98–99.
[63] См.: *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: в 3 кн. М., 1970. С. 230.

Деятельность органов госбезопасности

Пресечение разведывательной деятельности спецслужб иностранных государств являлось объективно необходимым направлением работы советской контрразведки. Главное внимание уделялось установлению сотрудников разведывательных органов в официальных представительствах иностранных государств и их агентуры, а также нелегально заброшенных агентов.

Широкие возможности для усиления разведывательной деятельности с легальных позиций появились у германских спецслужб после подписания в августе 1939 г. советско-германского пакта о ненападении и последующего налаживания торгово-экономических соглашений. Деятельность различного рода комиссий по переселению немцев в Германию с территорий, отошедших к СССР, значительно возросшее количество торговых делегаций активно использовались немецкими спецслужбами. Например, сотрудник «Абверштелле-Краков» (германского разведывательного органа на территории Польши) Демель в 1939 г. являлся членом комиссии по переселению. Офицер связи между абвером и румынской разведкой Странский отмечал, что летом 1940 г., в момент воссоединения Бессарабии с Молдавией, были созданы резидентуры в Кишинёве и Аккермане. В январе 1940 г. среди членов германской торговой делегации с помощью Разведывательного управления РККА был выявлен кадровый сотрудник спецслужбы Германии. КРО УНКВД Ленинграда обратил внимание на то, что германские торговые суда стали систематически садиться на мель вблизи Кронштадта — главной военно-морской базы на Балтийском море, хотя в предшествующий период такие факты не наблюдались, поскольку фарватер был всесторонне изучен[1].

Руководители германской военной разведки отмечали огромные трудности в нелегальной заброске агентуры в нашу страну. К ним они относили плотный контроль в охране государственной границы, жесткое сопровождение всех иностранцев, прибывавших в Советский Союз, отсутствие общей границы с СССР у стран, заинтересованных в усилении разведывательной работы. Тотальное сопровождение всех лиц, имевших какие-либо контакты с иностранцами, практически исключало любые возможности для разведок добывать информацию об экономическом и оборонном потенциале СССР. В последующем руководители спецслужб Германии, в частности, заявляли, что в результате этих мер они не смогли изучить мощности новых промышленных объектов Урала и Сибири, новейших образцов военной техники (танк Т-34), установить численность формирований Красной армии на Дальнем Востоке.

В процессе разработки разведчиков и агентов, действовавших под официальным прикрытием, органы советской контрразведки проводили мероприятия, затруднявшие их разведывательную деятельность. Например, в целях предупреждения разведывательных устремлений выявленных разведчиков и агентов было принято решение через «Интурист» и другие организации создавать им трудности в приобретении билетов на поездку в отдельном

купе, а при их следовании на автомашинах в интересующие разведчиков районы выставлять на шоссейных дорогах специальные посты для направления их по иным маршрутам.

Наряду с выявлением шпионской деятельности спецслужб иностранных государств и получением важной информации органы госбезопасности проводили предупредительные оперативные мероприятия. Например, за установленными разведчиками велось круглосуточное наружное наблюдение, под различными предлогами им отказывали в посещении важных оборонных и промышленных объектов. Эти мероприятия, как показывал в процессе допроса уже после войны один из руководителей абвера генерал Г. Пикенброк, заставляли гитлеровскую разведку делать ставку на легальные возможности.

Правда, после заключения пакта о ненападении для германских дипломатических и военных представителей советскими властями делалось исключение. Весной 1941 г. нарком НКГБ В. Н. Меркулов, докладывая В. М. Молотову о намечавшейся поездке военных атташе Германии, Венгрии, Болгарии и Финляндии во внутренние области СССР, отмечал, что она предпринимается явно в разведывательных целях. Распоряжение наркома иностранных дел было следующим: «Разрешение пока дать только немцам (об остальных сказать — рассматривается)»[2]. Таким образом, внешнеполитические отношения СССР с Германией накладывали свой отпечаток на деятельность контрразведывательных органов.

Активизация разведывательной работы против СССР наблюдалась с начала 1941 г. после принятия в декабре 1940 г. плана «Барбаросса». Основная цель агентов германской разведки состояла в выявлении дислокации частей Красной армии. С этой целью абвер стремился использовать местное население. Среди немецкой агентуры, захваченной органами госбезопасности накануне войны, 80 % составляли поляки и украинцы, остальные были русскими, белорусами, литовцами, латышами, эстонцами, представителями других национальностей.

В выявлении органами госбезопасности разведывательных устремлений фашистской Германии значительное место отводилось радиоконтрразведке. Была принята правительственная программа по созданию в европейской части России и на Дальнем Востоке сети радиостанций для перехвата сообщений радиосетей иностранных государств, в том числе Германии, а также для того чтобы препятствовать иновещанию на СССР. В предвоенный период активность радиоинтервенции со стороны иностранных государств резко усилилась. В течение 1938–1939 гг. были запеленгованы подозрительные радиостанции под Москвой, в Ленинградской и Иркутской областях. Однако повторных выходов в эфир зафиксировать не удалось, и вероятные агенты иностранных разведок выявлены не были.

В 1940 г. радиоконтрразведке удалось запеленговать в Москве в помещении германского посольства радиостанцию, с помощью которой посольство раз в неделю в разные дни и часы поддерживало связь с Берлином. Благодаря тому что каждый выход в эфир этой радиостанции фиксировался и содержание передач расшифровывалось, органы госбезопасности получили весьма ценные сведения о работе германского посольства и указаниях, получаемых из Берлина.

В июне 1940 г. в Каунасе, Риге и Таллине были выявлены рации, установленные в помещениях, занимаемых представителями германского посольства, по которым передавалась шифрованная информация в Берлин. Ввиду того что шифр был неизвестен органам госбезопасности, было принято решение «забивать» передачи этих нелегальных раций.

В Риге органы контрразведки арестовали резидента германской разведки Герберта, действовавшего под видом корреспондента одной из немецких газет. Были обезврежены германские резидентуры в Каунасе, Либаве и других городах Прибалтики. На Украине в 1939–1941 гг. чекисты вскрыли 20 шпионских резидентур германской разведки.

В 1940–1941 гг. центр тяжести в борьбе с иностранными разведками переместился на территории западных регионов СССР. Одновременно с вводом войск Красной армии на территории, включенные в состав Советского государства в соответствии с договоренностями с фашистской Германией, первые операции начали активно проводить оперативные группы НКВД. Они захватывали архивы разведывательных и полицейских органов, арестовывали крупных чиновников аппарата управления, предотвращали грабежи. В интересах

контрразведывательных органов удавалось получить сведения об агентуре, работавшей по иностранным государствам, и использовать ее в дальнейшем. Однако некоторые картотеки и учетные материалы были уничтожены. Например, летом 1940 г. в спецсообщении на имя И. В. Сталина нарком Л. П. Берия докладывал, что в Кишинёве оперативные группы обнаружили сожженные архивы полицейских органов.

Контрразведчики раскрывали нелегальные резидентуры фашистских спецслужб, которые были созданы на базе существовавших ранее организаций, поддерживавших культурные и экономические связи с Германией. Поскольку в этих регионах были благоприятные условия для деятельности спецслужб иностранных государств, разрабатывались меры по более эффективному выявлению их агентуры.

Не стоит скрывать, что советские контрразведчики испытывали значительные трудности в борьбе с иностранными спецслужбами на новых территориях. Большая часть сотрудников была направлена в эти регионы из других областей СССР, и им требовалось время на адаптацию. Тем не менее удалось достаточно эффективно начать работу по агентурному проникновению в националистическое подполье, руководители которого опирались на помощь прежде всего германских спецслужб.

На территории Западной Украины значительное влияние имела Организация украинских националистов (ОУН), отстаивавшая идею создания «независимой Украины». В результате проведения чекистско-войсковых операций некоторые формирования украинских националистов были разгромлены. В оперативных отчетах отмечалось, что агенты и эмиссары этой организации ожесточенно и фанатично сопротивлялись до последнего патрона, предпочитая смерть сдаче в плен.

За период с осени 1939 г. по весну 1941 г. на территории Западной Украины были ликвидированы 293 националистические организации и арестовано 7625 человек[3].

В декабре 1940 г. Л. П. Берия сообщал И. В. Сталину, что на 1 декабря на территории Украины и Белоруссии арестовано 90 407 враждебных элементов, выселено в Казахстан и другие регионы 275 764 человека[4]. В связи с работой германских комиссий по переселению было принято решение, что лица, подавшие заявления о желании принять гражданство Германии, но получившие отказ, подлежат также выселению в тыловые районы. Их число составило 80 397 человек. Практически оперативные силы органов госбезопасности были брошены на «очищение» данных территорий от «антисоветских» и «враждебных» элементов, что полностью соответствовало установкам «чистки» 1937–1938 гг.

Значительный удар по националистическому подполью, представители которого выступали против политики советизации, был нанесен на территории прибалтийских союзных республик — Литвы, Латвии и Эстонии. В мае 1941 г. в Литве была раскрыта резидентура, которая поддерживала радиосвязь со Штеттинским радиоразведцентром. Накануне войны из него передавались сведения о военном потенциале СССР. Затем его радист некоторое время работал под контролем советской контрразведки.

Органы госбезопасности вскрывали также деятельность представителей иностранных фирм, которые старались получить заказы путем подкупа советских чиновников, что способствовало разложению аппарата управления. Например, представитель одной французской судостроительной фирмы настойчиво советовал отдать его фирме, а не итальянцам заказ на постройку кораблей, подчеркивая, что ему выделена значительная сумма денег наличными для выражения благодарности и укрепления сотрудничества.

По мере усиления международной напряженности и опасности вовлечения СССР во Вторую мировую войну возрастали требования к органам госбезопасности в обеспечении нормальной работы всех отраслей народного хозяйства, связанных с укреплением оборонного потенциала страны. К декабрю 1939 г. было сорвано выполнение решения СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 9 октября 1938 г. о развитии полиметаллической промышленности Алтая. Причину срыва связывали с вредительской работой антисоветской организации. Начальника Риддеровского горотдела НКВД Казахской ССР за развал работы по выявлению «вражеских элементов», виновных в том, что не были в срок сданы новые промышленные объекты,

сняли с работы. В январе 1940 г. Л. П. Берия докладывал в спецсообщении И. В. Сталину и В. М. Молотову о том, что план выпуска пулеметов на Ковровском заводе сорван, в чем есть прямая вина начальника горотдела. 28 января 1940 г. появился приказ НКВД СССР о снятии начальника горотдела Коврова с должности. В декабре 1940 г. в связи с развернувшимся в Куйбышеве мощным строительством заводов авиапромышленного комплекса нарком НКВД прямо отмечал: «УНКВД по Куйбышевской области не знает, как идет строительство, какие неполадки имеют место в деле выполнения производственной программы... не оказывает помощи начальнику строительства».

По итогам работы Народного комиссариата судостроительной промышленности Сталину и Молотову было доложено, что постановление СНК № 21сс от 9 января 1940 г. наркоматом не выполнено и в 1940 г. вместо 22 подводных лодок в строй были введены 15, да и те со значительными недоделками. С конца 1940 и в начале 1941 гг. огромные аналитические отчеты со статистическими данными направлялись руководителям Совнаркома СССР по итогам контроля работы десятков авиационных заводов. Подразделения госбезопасности в центре и на местах фактически выступали как дополнительный рычаг в системе управления различных наркоматов. Так, в указании Главного транспортного управления от 15 декабря 1939 г. всем отделам на местах предлагалось срочно сообщить в Центр об имевшихся запасах топлива на железных дорогах, фактах очковтирательства, поскольку «управления дорог в отчетности скрывают действительное наличие угля», что могло привести к срыву бесперебойной работы транспорта.

Из анализа сводных данных за период 1939–1941 гг. прослеживается главная задача информирования — сигнализировать о недостатках и «прорывах» в различных сферах хозяйственной и общественной жизни. Активное использование органов госбезопасности как одного из важнейших средств управления, контроля, проверки принятых решений и непосредственного принуждения в предвоенные годы стало одной из особенностей экономического строительства в СССР.

Важным направлением деятельности органов госбезопасности были систематические и постоянные проверки советских людей во всех сферах жизнедеятельности общества в целях выявления потенциального «контрреволюционного» элемента. Безусловно, на ряде производств, связанных с оборонным комплексом, службой в Красной армии, при назначении на ответственные должности в государственном аппарате и в некоторых других случаях они являлись оправданной мерой со стороны государства. Например, при назначении на высшие должности законодательной, исполнительной и судебной власти органы госбезопасности осуществляли спецпроверку лиц, входивших в номенклатуру ЦК ВКП(б). Однако допускались и массовые ограничения гражданских прав, если социальная принадлежность и взгляды людей вызывали подозрение. На протяжении 1930-х гг. органы госбезопасности постоянно направляли в центр спецсообщения о «засоренности» наркоматов, органов суда и прокуратуры, колхозов, совхозов, сельских советов кулацкими и антисоветскими элементами.

В ряде случаев в результате таких проверок и спецпроверок определенная часть советских людей квалифицировалась как политически неблагонадежная и ставилась на учет в органах госбезопасности. На 1 марта 1941 г. общее число таких лиц составляло 1 263 119 человек.

Анализ важнейших следственных дел позволяет сделать вывод о том, что обвинения во вредительстве и диверсии были не результатом происков иностранных спецслужб и антисоветских элементов, а реакцией государства на многочисленные трудности в процессе создания мощного экономического потенциала страны, попыткой их преодоления с помощью репрессий. Характерно, что невыполнение планов, несмотря на репрессии в отношении руководителей, в большинстве случаев продолжалось. Так, в январе 1941 г. Л. П. Берия докладывал И. В. Сталину, Г. М. Маленкову, наркому авиационной промышленности А. И. Шахурину о том, что ни по одному из 20 авиационных заводов план 1940 г. не выполнен[5].

Эти факты в значительной мере объясняют сокращение количества дел по обвинению во вредительстве и диверсии в последние предвоенные годы. Хотя даже в отчете о наиболее важных разработках в течение 1939–1940 гг., проводимых ГУГБ НКВД, тенденция объяснять

провалы в экономике происками вредителей сохранилась. Среди важнейших дел о вредительстве называлась контрреволюционная группа во главе с бывшим первым секретарем МК ВКП(б) А. И. Угаровым, которая, в бытность его одним из руководителей ленинградской парторганизации, якобы сорвала программу торпедостроения на ленинградском заводе «Двигатель», а также производство орудий и снарядов новых образцов. «Вредительская» организация в Госбанке СССР, возглавляемая председателем правления банка Н. К. Соколовым, якобы ставила своей задачей вносить путаницу в кредитование, умышленно задерживать выплату зарплаты рабочим и служащим.

На органы госбезопасности возлагались также обязанности обеспечивать важнейшие хозяйственно-политические кампании. Используя специальные методы, сотрудники НКВД вели борьбу с негативными проявлениями в ходе посевной и уборочной кампаний, расследовали факты, связанные с перебоями в снабжении населения промышленными и продовольственными товарами. Подобные задания обычно возлагались на органы госбезопасности в периоды проведения каких-либо политических мероприятий: съездов общественных организаций, всесоюзных совещаний.

Продолжалась работа по пресечению негативных явлений в социальной сфере, например, по выполнению постановления СНК СССР № 253-108с от 21 февраля 1940 г. о борьбе с очередями за промышленными и продовольственными товарами в Москве, Ленинграде и Горьком. Докладывая И. В. Сталину о том, что за первое полугодие 1940 г. за спекуляцию только в Москве было оштрафовано более 55 тыс. человек (т. е. ежедневно штрафовали более 300 человек), Л. П. Берия пытался доказать низкую эффективность подобных карательных мер. Чтобы пресечь спекуляцию и скупку товаров, он предложил предавать суду всех оштрафованных более двух раз, а также приехавших в Москву из других мест и уличенных в скупке товаров[6].

Практически теми же приемами органы госбезопасности пользовались и в борьбе с «вредительством» и «диверсиями» в Красной армии. Как и в сфере промышленного производства, в военной области недостатки и низкая организация боевых действий в вооруженных конфликтах и войнах являлись основанием для арестов и последующих необъективных обвинений военачальников в контрреволюционных преступлениях. Летом 1939 г. во время вооруженного конфликта в Монголии в районе реки Халхин-Гол были арестованы помощник командующего войсками МНР Лубсан-Даной и начальник штаба 57-го корпуса Красной армии комбриг А. М. Кущев, которые якобы передали японцам карту с указанной на ней дислокацией частей монгольских и советских войск. По итогам неудачных боев в Советско-финляндской войне Л. П. Берия ставил вопрос об аресте командующего 8-й армией комдива И. Н. Хабарова, члена Военного совета С. И. Шабалова и двух комдивов[7]. Таким образом, сложилась устойчивая практика, при которой низкий уровень боеготовности в ходе военных действий объяснялся вредительской работой в войсках, что должно было служить оправданием имевшихся недостатков. В начальный период Великой Отечественной войны этот печальный опыт использовался в тех же целях.

Одной из важнейших задач, возложенных на органы госбезопасности, стало систематическое информирование советского руководства практически по всем наиболее существенным проблемам жизни общества, в том числе имевшим важное значение для укрепления обороноспособности страны. Собираемые спецслужбой преимущественно негативные сведения, предназначенные для узкого круга партийных и советских руководителей, отражали реальное положение дел в условиях нарастающей угрозы войны, величайшего напряжения и концентрации сил и ресурсов в целях создания мощного потенциала обороны.

Информация об истинном состоянии боеготовности войск, минуя военное командование конкретных частей, направлялась И. В. Сталину и К. Е. Ворошилову. Например, в период Советско-финляндской войны, когда спецсообщения поступали практически ежедневно, высшему руководству докладывалось обо всех недостатках в боевой подготовке Красной армии. В декабре 1939 г. — январе 1940 г. особый отдел Главного управления госбезопасности представлял материалы о реальных потерях в живой силе и технике, неподготовленности

войск к ведению войны в зимних условиях из-за отсутствия необходимого обмундирования и о других недостатках. В январе 1940 г. Сталину было доложено о том, что части разгромленной 44-й дивизии оставили финнам 58 пушек и 38 танков, прибывший из Киевского Особого военного округа 425-й автобатальон небоеспособен, так как 40 % машин имеют негодные аккумуляторы, а из 8-й стрелковой дивизии, направленной в Финляндию из Белорусского военного округа, не прибыло к месту назначения по причине дезертирства в общей сложности более батальона (400 человек)[8].

Одновременно органы госбезопасности выполняли важнейшие задачи по охране государственной тайны и защите секретов. Они действовали в соответствии с положениями Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О работе секретных и секретно-шифровальных отделов учреждений и предприятий и порядке хранения секретных документов и материалов», принятого в 1935 г., и разработанной на его основе инструкции, дополненной и утвержденной повторно СНК СССР в январе 1940 г. Органы госбезопасности обязаны были осуществлять контроль и проверку работы секретных частей наркоматов, воинских частей, партийных учреждений, промышленных предприятий.

Главным и основным направлением контроля за работой как секретных частей, так и в целом учреждений являлись систематические обследования и проверки состояния хранения секретных документов. Эта деятельность была крайне необходимой, поскольку способствовала поддержанию бдительности, устранению фактов небрежного и халатного отношения к работе с секретной документацией, своевременному выявлению пропавших и утерянных документов и принятию мер к их поиску. Многочисленные факты свидетельствовали о неблагополучном положении в этой области. Пропадали документы, в которых содержались важнейшие сведения об оборонном потенциале страны. Например, в декабре 1940 г. исчезли целые комплекты чертежей строившегося новейшего линкора «Советский Союз», в моботделе Наркомата вооружений утеряли документы с данными о мощностях заводов стрелкового вооружения на 1941 г.[9]

Регулярные проверки проводились и в зарубежных представительствах СССР. В октябре 1940 г. был наказан ряд сотрудников Амторга в США за нарушение правил хранения секретных документов.

Органы госбезопасности выполняли и функцию политической полиции. «Что такое чекистский аппарат? — задавал вопрос нарком внутренних дел СССР Н. И. Ежов, выступая в феврале 1938 г. на совещании в Киеве. И сам же отвечал на него: — Это аппарат принуждения, то есть прямого принуждения, аппарат прямого выполнения директив партии и правительства по непосредственному исполнению всякого рода принудительных мероприятий в отношении различных неподчиняющихся советскому правительству антисоветских элементов»[10].

До начала Великой Отечественной войны аресты за контрреволюционную агитацию и участие в так называемых контрреволюционных организациях составляли основную часть работы органов госбезопасности. Сотрудники называли ее между собой своим «основным хлебом». Так, сотрудниками УНКВД Свердловской области за 1940 г. были арестованы 413 человек, из них 179 — за контрреволюционную агитацию. Если к ним прибавить 99 человек, принадлежавших к контрреволюционным организациям, то это составит почти 70 % арестованных. Нарком внутренних дел отметил тогда слабую работу управления, так как большинство дел прошло по ст. 58-10 («контрреволюционная агитация»).

Пресечение деятельности контрреволюционных организаций и аресты за контрреволюционную агитацию и пропаганду являлись свидетельством бдительности советского государства. Аресты людей за их деятельность, взгляды и убеждения, которые не соответствовали идеологическим установкам правящей Коммунистической партии, считались нормальным явлением борьбы с контрреволюцией.

Характеризуя деятельность контрразведывательных подразделений Главного управления госбезопасности НКВД СССР накануне войны, нельзя не отметить резкого снижения качества контрразведывательной работы, что являлось следствием репрессий среди сотрудников ГУГБ НКВД СССР в период массовых репрессий второй половины 1930-х гг. В течение

1939 г. было арестовано 1960 человек оперативного состава НКВД, включая пограничников, сотрудников трех отделов ГУЛАГа. Суммарная численность арестованных работников ГУГБ НКВД СССР и его местных управлений за контрреволюционные преступления, т. е. репрессированных в процессах ликвидации так называемых заговоров в НКВД, составила около 2,5 тыс. человек. Сотни сотрудников из числа арестованных, которые были расстреляны, позднее остались не реабилитированными, так как сами принимали участие в массовых репрессиях. Большая часть оперсостава, как и в предыдущие годы, была уволена уже новым наркомом Л. П. Берией. В феврале 1940 г. заместитель наркома по кадровой работе С. Н. Круглов докладывал на собрании партийного актива, что в течение 1939 г. по различным причинам из органов безопасности уволили 7322 человека. За период с октября 1936 по январь 1940 г. на 60 % обновился личный состав. За 1939 г. были выдвинуты на оперативные должности, получили продвижение по службе 21 088 человек[11].

Накануне Великой Отечественной войны НКВД СССР подвергся существенной реорганизации. Возник ряд новых хозяйственных управлений, не имевших отношения к оперативной работе. К началу 1941 г. НКВД по объему капиталовложений занимал одно из ведущих мест среди союзных наркоматов. Это делало его громоздким и неуправляемым. К концу 1940 г. из 17 управлений лишь три — Главное управление госбезопасности (ГУГБ), Главное экономическое управление (ГЭУ), Главное транспортное управление (ГТУ) — вели разведывательную и контрразведывательную работу, выполняли функции политической полиции. Обострение международного положения выдвинуло на первый план задачу более целенаправленного руководства спецслужбой, освобождения оперативных подразделений от хозяйственных задач.

3 февраля 1941 г. по решению Политбюро ЦК ВКП(б), оформленному указом Президиума Верховного Совета СССР, НКВД СССР был разделен на Народный комиссариат внутренних дел СССР и Народный комиссариат государственной безопасности СССР[12]. На вновь созданный НКГБ возлагались функции спецслужбы и политической полиции: ведение разведывательной работы за границей; организация борьбы со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок на территории СССР; борьба с антисоветскими элементами внутри страны; охрана руководителей Коммунистической партии и советского правительства.

Необходимость разделения диктовалась целями максимального улучшения агентурно-оперативной работы органов государственной безопасности. Наркомом внутренних дел был назначен Л. П. Берия, а наркомом НКГБ — В. Н. Меркулов.

Для координации деятельности обоих наркоматов в борьбе с антисоветскими элементами по указанию И. В. Сталина был создан Центральный совет, который практически не успел начать работу.

В течение трех с небольшим лет накануне Великой Отечественной войны были проведены три реорганизации органов государственной безопасности (март 1938 г., сентябрь 1938 г., февраль 1941 г.), что не способствовало стабильности в работе оперативного состава. Последняя реорганизация была начата за четыре с небольшим месяца до начала войны. Наркомат государственной безопасности находился в стадии становления и не был полностью подготовлен к деятельности в чрезвычайных условиях.

Тем не менее в предвоенный период органы госбезопасности вносили значительный вклад в укрепление советского государства, выполняя объективно необходимые функции защиты его от внешних и внутренних угроз безопасности. Они контролировали разведывательно-подрывную деятельность иностранных спецслужб, осуществлявшуюся с легальных позиций. Благодаря тесному взаимодействию разведывательных и контрразведывательных органов в данный период на территории СССР иностранным спецслужбам не удалось выявить истинные масштабы экономического и оборонного потенциала страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Государственная безопасность России: история и современность. М., 2004. С. 520.
[2] Там же.
[3] ЦА ФСБ. Ф. 3ос. Оп. 8. Д. 56. Л. 733.
[4] АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 55. Л. 105.
[5] ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 6. Д. 638. Л. 414.
[6] Государственная безопасность России: история и современность. С. 533.
[7] Там же. С. 530.
[8] ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 8. Л. 314.
[9] Там же. Ф. 3ос. Оп. 8. Д. 5. Л. 29.
[10] Там же. Ф. 3. Оп. 5. Д. 13. Л. 2.
[11] Центральный архив общественных движений г. Москвы. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 268. Л. 155.
[12] Лубянка. Из истории отечественной контрразведки. М., 2007. С. 227.

Стратегические планы и развертывание Вооруженных сил СССР: расчеты и просчеты

До середины 1930-х гг. разработка планов[1] стратегического развертывания советских Вооруженных сил велась, исходя из наличия у западных границ СССР сравнительно слабых потенциальных противников, среди которых была Польша. Во второй половине предвоенного десятилетия обстановка на Западном театре военных действий коренным образом изменилась. Возникновение очага агрессии в центре Европы, основой которого стала стремительно крепнущая военная помощь Германии, потребовало внесения изменений в схему стратегического развертывания.

События первого года Второй мировой войны завершили формирование новой военно-политической ситуации на Западном ТВД. В результате поражения Польши и оккупации ее территории войсками вермахта Советское государство оказалось лицом к лицу с будущим главным противником — Германией. Воссоединением белорусских и украинских земель и возвращением в состав СССР Бессарабии стратегический фронт был выдвинут до 300 км на запад, а с вхождением в состав Советского Союза Прибалтийских государств в 1940 г. упрочилось его правое крыло. Общая протяженность фронта от Балтийского до Черного морей несколько сократилась. В то же время значительно расширилась часть акватории Балтики, находившаяся под контролем советского Военно-морского флота. Несмотря на ущерб, нанесенный престижу Советского государства в результате войны с Финляндией зимой 1939/1940 гг., были достигнуты и некоторые стратегические цели: граница от Ленинграда отодвинута до 150 км, обеспечен контроль над входом в Финский залив и др.

Практически все внешнеполитические акции Советского государства, в том числе в Прибалтике и на южном крыле Западного ТВД, были направлены прежде всего на то, чтобы оттянуть вступление страны во Вторую мировую войну. Этим же обусловливались усилия по поддержанию мира и экономического сотрудничества с Германией. Советское государство оказалось в более чем затруднительном положении. Необходима была реорганизация армии, ее перевооружение, освоение новой техники и усиленная подготовка людских мобилизационных контингентов, решение кадровых проблем, повышение квалификации высшего оперативно-стратегического звена командно-начальствующего состава. Все это требовало времени, которого практически почти не оставалось.

К концу 1940 г. на Западном театре окончательно определилась расстановка сил. В качестве противника рассматривалась коалиция в составе четырех держав: Германии, Финляндии, Венгрии и Румынии. На Дальневосточном театре вероятным противником оставалась Япония. Планирование стратегического развертывания Генеральный штаб вел с учетом возможности ведения войны на два фронта.

Наряду с недостатками в подготовке армии к войне в целом и в ее техническом оснащении Советско-финляндская война вскрыла также существенные проблемы в стратегическом планировании[2].

С учетом экономического и военного потенциала Советского Союза, политической обстановки в мире необходимо было разработать планы, которые определяли бы порядок стратегического развертывания и применения Вооруженных сил СССР. Планирование стратегического использования Вооруженных сил являлось главной задачей Наркомата обороны и Генерального штаба. Планы должны были учитывать состояние и дислокацию группировок противника, оборонительные возможности укрепленных рубежей, территориально-климатические особенности, в том числе и сопредельных стран, содержать специальные директивы Военным советам округов, подробные карты распределения воинских соединений по театрам военных действий и фронтам, планы противовоздушной и противохимической обороны, материального обеспечения действующей армии, организации всех видов связи.

Доклад «Об основах стратегического развертывания РККА» был разработан под руководством начальника Генерального штаба командарма 1 ранга (с мая 1940 г. — Маршала Советского Союза) Б. М. Шапошникова весной 1938 г., рассмотрен и одобрен Главным Военным советом 13 ноября того же года[3]. В основу стратегического планирования для Западного театра военных действий была положена вероятность военного столкновения с враждебной коалицией государств во главе с Германией при активном участии Польши и возможном — прибалтийских стран (кроме Литвы, которая рассматривалась как будущая жертва польской агрессии)[4]. Отдавался приоритет Западному театру военных действий, где Генеральный штаб планировал сосредоточить основную часть советских войск. Наличие в центре будущего фронта Припятских болот обусловливало необходимость определить, где противник нанесет главный удар — к северу или к югу от этих болот. Б. М. Шапошников решил разработать сценарии, отвечавшие обоим вариантам.

События осени 1939 г. в корне изменили расстановку сил на театре военных действий, и план 1938 г. утратил силу. Работа над новым вариантом затянулась до лета 1940 г. Причиной этого явились военно-политические акции, предпринятые Советским государством в Восточной Европе в 1939–1940 гг. Поэтому критика, адресованная в отечественной историографии начальнику Генерального штаба Б. М. Шапошникову, якобы необоснованной затяжки стратегического планирования неправомерна.

Для проведения операции по воссоединению с Западной Украиной и Западной Белоруссией в 1939 г. Генштаб провел частичную мобилизацию войск и создал два командования фронтами (Белорусским и Украинским), в составе которых имелось несколько армий и специально созданных мобильных оперативных групп. Число мобилизованных дивизий было примерно тем же самым, что и во время чехословацкого кризиса годом раньше. При мобилизации и развертывании войск возникали многочисленные трудности, связанные с управлением войсками и тыловым обеспечением. Действия советских войск в Западной Украине, Западной Белоруссии и в ходе Советско-финляндской войны привели к смене руководства Наркомата обороны. Была также произведена общая оценка оперативно-мобилизационных планов. К моменту сдачи и приема Наркомата обороны оперативного плана войны не существовало; не были также разработаны общие и частные оперативные планы. Генеральный штаб не имел точных данных о состоянии прикрытия госграницы. Решения военных советов военных округов, армий и фронтов по этому вопросу Генштабу были неизвестны.

С началом Второй мировой войны в СССР на государственном уровне проводился ряд важных мероприятий, направленных на повышение обороноспособности страны. 1 сентября 1939 г. был принят Закон о всеобщей воинской обязанности. 2 сентября 1939 г. утвержден план реорганизации Сухопутных войск на 1939–1940 гг. Определялись задачи подготовки промышленности к выпуску военной продукции и транспорта и работе в условиях военного времени. Последующие мероприятия 1939–1941 гг. были направлены на обеспечение стратегического развертывания советских войск в западных приграничных округах.

С середины апреля 1940 г. к работе над основным документом «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных сил СССР» приступили начальник оператив-

Командующие войсками округов

Командующий Киевским Особым военным округом М. П. Кирпонос

Командующий Ленинградским военным округом М. М. Попов

Командующий Прибалтийским Особым военным округом Ф. И. Кузнецов

Командующий Западным Особым военным округом Д. Г. Павлов

Командующий Одесским военным округом Я. Т. Черевиченко

Командующие флотами

Командующий
Черноморским флотом
Ф. С. Октябрьский

Командующий Северным флотом
А. Г. Головко

Командующий Краснознаменным
Балтийским флотом
В. Ф. Трибуц

Командующий
Тихоокеанским флотом
И. С. Юмашев

ного управления Генерального штаба генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин, вновь назначенный на должность его первого заместителя комдив (с июня 1940 г. — генерал-майор) А. М. Василевский и заместитель начальника управления генерал-лейтенант Г. К. Маландин. По воспоминаниям А. М. Василевского, задача состояла в разработке окончательного текста доклада для представления на утверждение в ЦК ВКП(б). Основные идеи плана были к тому времени сформулированы Б. М. Шапошниковым[5].

Изменения политической и военной обстановки в Восточной Европе, произошедшие в середине 1940 г., в частности ввод советских войск в Бессарабию и Северную Буковину (27–30 июня) и образование Прибалтийского военного Особого округа (11 июля) на территории Эстонии, Латвии и Литвы, 3–6 августа вошедших в состав СССР[6], потребовали переработки плана стратегического развертывания. К 18 сентября 1940 г. эта работа была завершена, и новый проект «Соображений об основах стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940 и 1941 гг.», подписанный наркомом обороны С. К. Тимошенко и вступившим 19 августа в должность начальника Генерального штаба генералом армии К. А. Мерецковым, был представлен на рассмотрение ЦК ВКП(б)[7]. 5 октября документ обсуждался политическим руководством СССР. На основании полученных от политического руководства указаний в проект плана был внесен ряд изменений, и 14 октября он был вновь представлен в ЦК. 17 ноября нарком обороны и начальник Генерального штаба представили доклад, озаглавленный «Основные выводы из указаний Политбюро и СНК СССР 5 октября 1940 г. при рассмотрении планов стратегического развертывания Вооруженных сил СССР на 1941 г.»[8]. В докладе предлагалось довести общий состав сил на Западном ТВД до 182,5 расчетной дивизии и 159 авиаполков, в том числе состав Юго-Западного фронта — до 113 дивизий и 140 авиаполков. Таким образом, на Юго-Западном стратегическом направлении сосредоточивались (с учетом резервов Главного командования) 74,5 % соединений Сухопутных войск и 88 % частей ВВС[9].

Работу над планом намечалось завершить не позднее 15 декабря, с тем чтобы к 1 мая 1941 г. закончить разработку соответствующих документов в военных округах. Но по мере принятия высшим государственным руководством новых решений в области военного строительства работа над основными документами плана затягивалась.

В основе концепции ведения войны на Западном ТВД, заложенной во всех вариантах плана, лежала оценка новой политической обстановки, сложившейся в Европе. Группировка государств, которые рассматривались в качестве вероятных противников СССР, к 1941 г. определялась в следующем составе: главным противником считалась Германия, ее непосредственными союзниками в будущей агрессии — Финляндия, Румыния и, возможно, Венгрия. Предполагалось, что Италия скорее всего развернет самостоятельные военные действия на Балканах. На Дальнем Востоке традиционным противником оставалась Япония. На Ближнем и Среднем Востоке предполагался вооруженный нейтралитет Ирана и Афганистана, а также не исключалась возможность открытого выступления Турции. Но в последнем варианте о вероятности участия Турции уже не упоминалось.

Начавшаяся Великая Отечественная война показала, что состав будущей враждебной Советскому Союзу коалиции в Европе был определен безошибочно. Политическая позиция Финляндии и Румынии обусловливалась стремлением этих государств к реваншу за предпринятые против них акции в 1939–1940 гг. Ко времени разработки первого и частично второго и третьего вариантов плана гитлеровское руководство еще не приняло окончательного решения относительно участия своих союзников в походе против СССР, в том числе в отношении Венгрии и размеров практического вклада в военные действия вооруженных сил Румынии. Однако для советского Генштаба сомнений в этом вопросе не было.

Важнейшей задачей стратегического планирования являлось определение возможности ведения войны на два фронта — на Западном и Дальневосточном театрах военных действий. Основываясь на оценке сил вероятных противников и наличии собственных сил, Генеральный штаб пришел к выводу о том, что главным театром войны должен стать Западный ТВД. Развертывание войск на театрах военных действий определялось следующим образом:

на Западе иметь 260 соединений (расчетных дивизий), или 81 % всех сил; для обеспечения северных, южных и восточных границ выделить 61 соединение, из которых 42, или 13 % всех сил (в том числе 4,5 дивизии единственного в то время союзника СССР Монгольской Народной Республики), иметь на Дальнем Востоке.

По оценке советского командования, вероятный противник сможет бросить против СССР на Западе не 237 дивизий, как предполагалось, летом 1940 г., а до 272 дивизий, как считалось в 1941 г. Количество танков и самолетов врага оценивалось Генштабом соответственно в 12 и 15–18 тыс. В реальности оказалось, что эти оценки были в значительной степени завышены.

Согласно плану, разработанному маршалом Б. М. Шапошниковым к лету 1940 г., предполагалось, что развертывание наступательных операций германских войск начнется из Восточной Пруссии через Литву с нанесением и развитием главного удара в направлении на Ригу, Ковно (Каунас) и далее на Двинск (Даугавпилс), Полоцк или на Ковно, Вильно (Вильнюс) и далее на Минск. Ожидались также удары с фронта Белосток — Брест на Барановичи, Минск и с фронта Холм (Хелм) — Ярослав на Дубно, Броды. Основными целями этих ударов считались окружение и уничтожение советских войск в Прибалтике и Белоруссии и последующее наступление на Ленинград и Москву. Ожидались удары германских войск из района Люблина на Киев, румынских и германских — из Северной Румынии в целях окружения и уничтожения советских войск в Правобережной Украине. Предполагалось, что финские войска при поддержке германских соединений будут наступать на Ленинград, Петрозаводск и Кандалакшу, а германские — на Мурманск.

В качестве альтернативного варианта рассматривалась возможность нанесения противником удара из района Седлец, Люблин на Киев в целях захвата Украины и в дальнейшем Кавказа. В этом случае наступление из Восточной Пруссии приобретало значение вспомогательного удара.

Шапошников считал, что наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно, и наиболее вероятным является первый (северный) вариант ее действий, т. е. с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья реки Сан. Исходя из декларированной руководством страны политики ненападения, концепции ответного удара, т. е. перехода в наступление после отражения удара агрессора, Б. М. Шапошников предлагал: «Считая, что основной удар немцев будет направлен к северу от устья реки Сан... главные силы Красной армии развернуть к северу от Полесья»[10].

Первый вариант прогноза Б. М. Шапошникова относительно действий противника, сформулированный за полгода до утверждения Гитлером плана «Барбаросса», с наибольшей полнотой соответствовал будущему реальному замыслу германского командования.

Такой же прогноз был почти дословно повторен в сентябрьской разработке плана, подписанной К. А. Мерецковым. Однако при рассмотрении этой разработки в Политбюро ЦК ВКП(б) 5 октября 1940 г. было решено взять за основу второй, так называемый южный вариант развертывания главных сил вермахта с нанесением им главного удара на Украине, что, как оказалось, не соответствовало истинным намерениям противника. В отечественной историографии этому варианту уделяется повышенное внимание. В нем ряд историков видит одну из главных причин поражения советских войск летом 1941 г. Однако всесторонний анализ показывает, что решение, принятое по инициативе И. В. Сталина, настоявшего на южном варианте сосредоточения главных сил Красной армии, не сыграло решающей роли в трагическом исходе начального периода войны. Силы, сосредоточенные к началу войны, в составе четырех западных приграничных округов, на основе которых по плану стратегического развертывания создавались три фронта, были таковы, что при разумном использовании их можно и до́лжно было предотвратить прорывы ударных группировок противника на всех направлениях, сковать их и таким образом добиться перелома в ходе военных действий в пользу Красной армии уже в первые дни войны.

В мартовском 1941 г. проекте «Соображений по стратегическому развертыванию» вероятный замысел действий будущего противника излагался следующим образом:

— нанесение главного удара предполагалось на Бердичев, Киев;

— вспомогательный удар ожидался с фронта Сувалки — Брест (т. е. из Восточной Польши) на Волковыск, Барановичи;

— на юге Украины прогнозировалось наступление румын при поддержке германских войск на Жмеринку.

В то же время не исключалась возможность сосредоточения главных сил вермахта в Восточной Пруссии и на варшавско-минском направлении для нанесения ударов на Ригу, Ковно (Каунас), Двинск (Даугавпилс) и с фронта Ломжа — Брест на Барановичи, Минск. Наличие угрозы Ленинграду со стороны Финляндии учитывалось в обоих вариантах.

Таким образом, из разработки Генштаба исчез дальновидный прогноз маршала Б. М. Шапошникова о вероятном развертывании противником операции по окружению советских войск в Западной Белоруссии, идея которой была заложена в план «Барбаросса». В основу последнего варианта плана стратегического развертывания Вооруженных сил было положено ошибочное заключение о вероятных действиях противника, что негативно сказалось на боевых действиях советских войск в начале войны.

Во все варианты решений на стратегическое развертывание Вооруженных сил, принимаемые начиная с лета 1940 г., закладывалась идея разгрома противника путем перехода Красной армии в решительное наступление на Западном ТВД. Эта идея конкретизировалась от одного варианта к другому. Так, в разработке маршала Шапошникова предусматривалось силами двух фронтов, Северо-Западного и Западного, нанести поражение германским войскам, сосредоточенным в Восточной Пруссии и в районе Варшавы, овладеть Восточной Пруссией и выйти на реку Вислу. Задача третьего — Юго-Западного фронта заключалась при этом в ведении активной обороны на линии государственной границы и нанесении удара частью сил (правым крылом) на Люблин в целях выхода на верхнее течение Вислы.

В соответствии с сентябрьской разработкой плана намечались два варианта замысла военных действий на западе.

В южном варианте главную группировку Красной армии Генеральный штаб планировал развернуть к югу от Брест-Литовска, т. е. против неосновных сил противника. Предполагалось мощным ударом на Люблин, Краков и далее на Бреслау на первом этапе войны отрезать Германию от Балкан, лишив ее тем самым важнейших экономических баз. Этот замысел позволял в короткие сроки изолировать главного противника от союзников. Но он требовал знания реальных сил и планов противника. Кроме того, осуществление этого плана затруднялось тем, что германские войска упреждали Красную армию в стратегическом и оперативном развертывании.

В северном варианте при развертывании главных сил к северу от Брест-Литовска планировалось, опираясь на укрепленные районы, активной обороной прикрыть минское и псковское направления. В последующем (на 25-е сутки мобилизации) войсками Северо-Западного и Западного фронтов предполагалось нанести поражение главным силам вермахта в Восточной Пруссии и овладеть ею, а войсками Юго-Западного фронта осуществить вспомогательный удар с целью поразить группировку противника в районе Люблин, Грубешов, Томашов (т. е. реализовать прежнюю идею маршала Б. М. Шапошникова)[11].

В начальном периоде войны согласно этой редакции плана предусматривалось ведение активной обороны в целях прикрытия границы, чтобы обеспечить сосредоточение и развертывание войск фронтов. Таким образом, в 1940 г. Генеральный штаб исходил из предположения о том, что развертывание войск противника будет осуществляться с началом войны, в течение определенного времени, предшествующего переходу к решительным действиям. Поскольку политическое руководство приняло решение взять за основу южный вариант разработки, дальнейшая работа над планом велась в соответствии с этими указаниями. В качестве первоочередной меры по реализации замысла предусматривалось значительно усилить Юго-Западный фронт и создать на Западном ТВД мощный второй стратегический эшелон в составе двух фронтовых объединений, формируемых на базе Московского и Архангельского военных округов.

Командующие армиями первого эшелона приграничных военных округов на 22 июня 1941 г.

Командующий 14-й армией
В. А. Фролов

Командующий 7-й армией
Ф. Д. Гореленко

Командующий 23-й армией
П. С. Пшенников

Командующий 8-й армией
П. П. Собенников

Командующий 11-й армией
В. И. Морозов

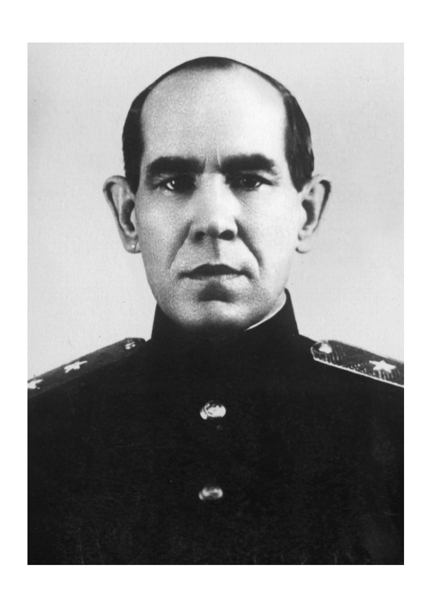
Командующий 27-й армией
Н. Э. Берзарин

Командующий 3-й армией
В. И. Кузнецов

Командующий 10-й армией
К. Д. Голубев

Командующий 4-й армией
А. А. Коробков

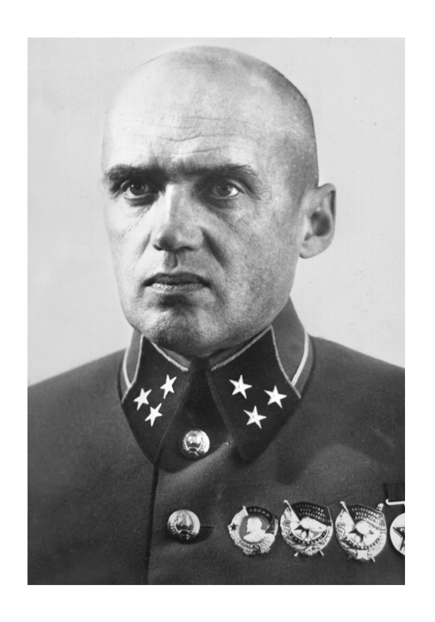
Командующий 5-й армией
М. И. Потапов



Командующий 6-й армией
И. Н. Музыченко

Командующий 26-й армией
Ф. Я. Костенко

Командующий 12-й армией
П. Г. Понеделин



Командующий 18-й армией
А. К. Смирнов

Командующий 9-й армией
Я. Т. Черевиченко

В основу мартовской 1941 г. редакции плана был положен вариант развертывания главных сил Красной армии на Западном ТВД южнее Полесья. В качестве обоснования предлагаемого решения в документе приводились следующие соображения: «Развертывание... на Западе... главных сил против Восточной Пруссии и на варшавском направлении вызывает серьезные опасения в том, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям. Наиболее выгодно развертывание главных сил к югу от р. Припять с задачей мощным ударом на Люблин, Радом, Краков с первой стратегической целью разбить главные силы противника и отрезать Германию от Балканских стран...»[12]

В этой разработке стратегическая наступательная операция советских войск на Западном ТВД получила четкое оформление. Замысел ее предусматривал: прочной обороной сковать силы противника на флангах на участках Мемель, Остроленка и вдоль границы с Венгрией и Румынией; главными силами Юго-Западного фронта во взаимодействии с левым крылом Западного фронта нанести удар в целях нанесения решительного поражения люблинско-радомско-сандомирской группировке противника, овладеть Краковом и Варшавой и выйти на фронт Варшава — Лодзь — Оппельн. В дальнейшем в зависимости от обстановки предполагалось развивать наступление на Познань, Берлин или на Прагу и Вену.

Задачи фронтов были сформулированы максимально конкретно. Так, Западному фронту в рамках этой операции предстояло ударом левого крыла в общем направлении на Седлец, Радом способствовать Юго-Западному фронту в разгроме противника в районе Люблина, а для обеспечения действий на главном направлении нанести вспомогательный удар в направлении Варшавы, овладеть ею и «вынести оборону» на реку Нарев. Ближайшей задачей фронта являлось овладение районом Седлец, Луков и захват переправ через Вислу. В дальнейшем предполагались действия войск Западного фронта в направлении Радома в целях окружения люблинской группировки противника во взаимодействии с Юго-Западным фронтом. Последнему ставилась следующая задача: во взаимодействии с Западным фронтом силами армий правого крыла окружить и уничтожить основную группировку противника восточнее Вислы. Главные силы фронта по завершении разгрома люблинской группировки на десятый день операции должны были быть готовы к форсированию Вислы. Одновременно левым крылом главной ударной группировки намечалось нанести удар на краковском направлении и, развивая успех силами подвижных групп, на восьмой день операции овладеть Краковом, на десятый день главные силы этой группировки планировалось вывести в район Мехув, Краков, Тарнув.

По сравнению с планом 1940 г. в проекте 1941 г. цели стратегической операции определялись глубже и более решительно; замыслы фронтовых операций были намечены конкретнее; формы оперативного маневра избраны с расчетом уничтожения главных сил противника путем окружения их в оперативной глубине.

При разработке последнего предвоенного варианта плана стратегического развертывания Красной армии на Западном театре военных действий Генеральный штаб предусматривал нанесение упреждающего удара по противнику, который сосредоточивал силы у границ Советского государства[13].

Необходимость принятия такого решения аргументировалась состоянием, в котором находились войска главной вражеской группировки, противостоявшей западным приграничным военным округам, — «полностью отмобилизованные, с развернутыми тылами»[14]. Этот документ позволяет предположить, что руководство Генштаба в лице Г. К. Жукова и А. М. Василевского было обеспокоено тем, что Германия имела очевидные преимущества в сроках сосредоточения и развертывания на границах СССР армии вторжения. «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, — указывалось в документе, — она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск».

Предлагались и необходимые подготовительные мероприятия по отмобилизованию и сосредоточению войск[15].

К сожалению, многими историками этот документ без серьезного обоснования был истолкован как план упреждающего удара, предложение нанести который якобы было сделано руководством Генерального штаба Красной армии И. В. Сталину в мае 1941 г. При этом упреждающий удар понимался как предложение проявить инициативу в развязывании военных действий[16]. Однако, утвердившееся в литературе мнение о том, что советское военное и политическое руководство весной 1941 г. рассматривало такой вариант начала войны с Германией, при котором инициатором начала военных действий выступил бы СССР, лишено достаточных оснований.

Чтобы прояснить позицию политического руководства и его взгляды на ведение предстоящей войны необходимо проанализировать некоторые высказывания руководителей страны. Так, выступая на расширенном заседании Главного Военного совета 14–17 апреля 1940 г. (в его работе принимали участники Советско-финляндской войны), И. В. Сталин поставил задачу воспитывать командный состав армии в духе активной обороны, «включающей в себя и наступление. Надо эти идеи популяризировать под лозунгом безопасности защиты нашего Отечества, наших границ»[17]. А спустя год на приеме в Кремле выпускников военных академий 5 мая 1941 г. И. В. Сталин совершенно четко определил, кто является главным противником в предстоявшем в скором времени военном столкновении, — Германия. Важное значение имели его слова: «Теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны, теперь надо перейти от обороны к наступлению. Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом»[18].

Однако если учесть определенную пропагандистскую направленность слов Сталина, то их нельзя рассматривать как формулировку идеи военной доктрины Советского государства. Тем более что тремя годами ранее, на приеме депутатов Верховного Совета СССР в 1938 г., Сталин говорил совершенно иное. Он высказал возможность отступления Красной армии в ходе будущей войны, подчеркнув, что армия, не научившаяся отступать, рискует быть разбитой. Следовательно, тогда он исходил из оборонительной концепции ведения военных действий, по крайней мере, на первом этапе вооруженного столкновения. Но рассуждения весной 1941 г. о способах ведения будущей войны не означали решения немедленно начать самим эту войну. Наоборот, все военно-политические решения и дипломатические акции, предпринимавшиеся в тот период, исходили из стремления оттянуть момент вступления СССР в войну.

Нарастание угрозы войны вызвало необходимость провести скрытую мобилизацию под видом больших учебных сборов, т. е. призвать рядовых, сержантов и офицеров из запаса, получить из народного хозяйства недостающее по штату военного времени количество лошадей, повозок, автомобилей и тракторов и придвинуть войска к границе. Первым должен был перебрасываться на запад резерв Главного командования, для сосредоточения и развертывания которого требовалось значительно больше времени, чем для войск приграничных военных округов. Затем должны были начать выдвижение дивизии, расположенные в глубине территории приграничных военных округов. Планировалось также осуществить досрочный выпуск из военных училищ, чтобы уменьшить некомплект командного состава, главным образом, в частях, предназначенных для первого стратегического эшелона. Эти крупномасштабные мероприятия вряд ли могли бы остаться незамеченными вражеским командованием. Надо учитывать, что армия будущего противника к середине мая была полностью отмобилизована и находилась в стадии сосредоточения для нападения на Советский Союз. Однако вряд ли политическое руководство страны решилось бы на упреждающий удар, так как к этому времени не были завершены основные мероприятия по реорганизации Вооруженных сил.

Следует признать, что если бы замысел Генерального штаба и встретил одобрение И. В. Сталина, осуществить его в тот момент было невозможно. Противник упреждал Красную армию в сосредоточении и развертывании сил, и времени на подготовку операции практически не оставалось. Из 104 дивизий, которые должны были составить ударные груп-

пировки фронтов, 27 перебрасывались из внутренних военных округов. К 22 июня в полосы развертывания фронтов оттуда прибыло лишь 9 % войск, предназначенных для действий на Западном ТВД.

По плану прикрытия и обороны государственной границы на май — июнь 1941 г. в состав Прибалтийского Особого военного округа включались три армии (23 дивизии, из них шесть танковых и моторизованных), Западного Особого военного округа — четыре армии (44 дивизии, в том числе 18 танковых и моторизованных), Киевского Особого военного округа и Одесского военного округа — пять армий (80 дивизий, в том числе 30 танковых и моторизованных)[19]. Но, учитывая, что протяженность линии фронта (государственной границы) в полосах будущих трех фронтов была соответственно 300, 454 и 1250 км, средние оперативные плотности в полосе двух фронтов севернее Полесья составляли до 10 км на одну дивизию, до 27 орудий и минометов (включая 50-мм) и 4,6 танка на 1 км фронта, а в полосе Юго-Западного фронта (включая 9-ю армию Одесского военного округа) — до 17 км на одну дивизию, 11,5 орудия и миномета и 4,4 танка на 1 км фронта. Следует иметь в виду, что главные силы Юго-Западного фронта сосредоточивались в полосе шириной 800 км от Влодавы до Липкан, где достигались более высокие оперативные плотности: свыше 17 орудий и минометов и 5,8 танка на 1 км фронта. Кроме того, Юго-Западный фронт, имея девять механизированных корпусов, обладал широкими возможностями для маневрирования ими в своей полосе и для сосредоточения усилий на избранном направлении в короткие сроки.

Важнейшей частью стратегического планирования была разработка мобилизационного плана[20]. Разработка мобилизационных планов накануне войны осуществлялась в исключительно сложных условиях и в сжатые сроки. Так, с мая 1940 г. по июнь 1941 г. мобилизационные планы кардинально перерабатывались четыре раза без учета того, что для разработки одного мобилизационного плана требовалось не менее девяти месяцев. В результате качество мобилизационных документов было невысоким из-за имевшихся ошибок, несогласованностей, неточных подсчетов и т. п. Это происходило из-за того, что в Вооруженных силах постоянно проводились оргмероприятия, численность войск изменялась, их организационно-штатная структура была до конца не отработана. Половина штатов являлась временной и требовала серьезных уточнений. Из-за частых перегруппировок частей и соединений постоянно менялась дислокация войск. Мобилизационные возможности Вооруженных сил к началу войны были определены общим планом их развития на третью пятилетку (1938–1942). Доклад начальника Генерального штаба о мобилизационном развертывании на 1938 г. основывался главным образом на выводах из оценки международной обстановки, сложившейся перед Второй мировой войной, и экономических возможностей Советского Союза. Результаты такой оценки потребовали от военного руководства резкого увеличения количества сил и средств армии и флота, доведения их до такого объема, который давал бы перевес над вероятными противниками в решающих средствах борьбы (самолетах, танках, артиллерии)[21].

Последний предвоенный вариант мобилизационного плана[22] (мобплан МП-41) был утвержден правительством в феврале 1941 г.[23] В основу новой схемы развертывания Красной армии были положены: новая организационная структура стрелковых и танковых войск, артиллерии и Военно-воздушных сил; изменения в дислокации частей и соединений; сроки, реально зависящие от отмобилизования войск по очередям в каждом округе. В Сухопутных войсках, как главном виде Вооруженных сил, требовалось развернуть 206 дивизий (170 стрелковых, 10 горнострелковых, восемь моторизованных и 18 танковых). Кроме того, предусматривалось иметь 65 управлений стрелковых корпусов, восемь управлений механизированных корпусов, а также ряд других соединений[24]. Всего планом было предусмотрено развертывание восьми фронтовых и 29 армейских управлений, 303 дивизий (из них 198 стрелковых, 61 танковая, 31 моторизованная, 13 кавалерийских), 79 авиационных дивизий, 348 авиаполков, пяти воздушно-десантных корпусов, в составе которых предполагалось иметь 16 воздушно-десантных бригад, 10 отдельных противотанковых артиллерийских бригад РГК, 94 корпусных артполка, 72 артиллерийских полка РГК. Кроме того, предусматривалось развертывание соответствующего количества частей боевого и тылового

обеспечения. После мобилизационного развертывания численность Вооруженных сил увеличивалась до 8,9 млн человек. В их составе должно было насчитываться 32 628 самолетов (из них 22 171 боевых), 106,8 тыс. орудий и минометов, около 37 тыс. танков, 10 679 бронеавтомобилей, около 91 тыс. тракторов, 595 тыс. автомобилей[25]. Количество боевых частей составляло до 75 % от общего числа, других частей и учреждений — 11 %, запасных частей и военно-учебных заведений — 14 %.

Численность войск по округам распределялась неравномерно: в западных приграничных округах она составляла 75,8 %, на Дальнем Востоке — 16,2 %, на Закавказский и Среднеазиатский военные округа приходилось 8 %.

Реализация плана МП-41предусматривала призыв из запаса 5 млн человек, в том числе 600 тыс. средних и старших командиров. Большая часть этого контингента нуждалась в серьезной переподготовке.

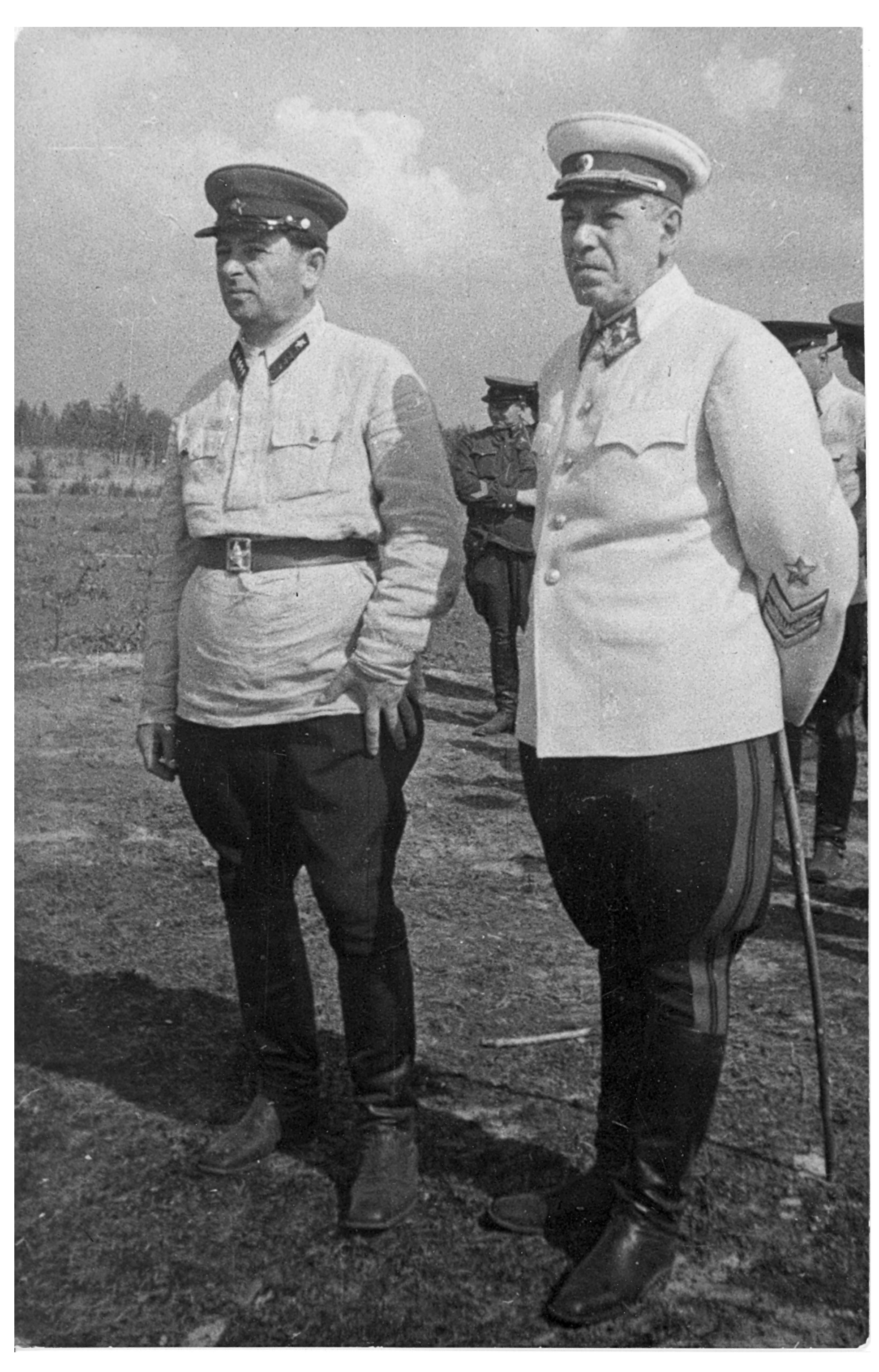
Сроки мобилизации колебались в зависимости от мест дислокации войск. Соединения первого эшелона армий прикрытия предполагалось мобилизовать за 2–3 дня, а остальные соединения и части, службы тыла — за 4–7 дней. Полную мобилизацию и развертывание группировок войск на театре военных действий планировалось осуществить в течение 15–30 дней. Мобилизационный план требовал, чтобы устойчивые и постоянные тыловые органы фронтов содержали — от 9 до 10 боекомплектов боеприпасов, до 10 заправок горючего и 30-дневный запас продовольствия в дополнение к трех-шестидневному запасу, имевшемуся в войсках. Хотя общий план мобилизации содержал в себе отдельный «План развертывания тылов», его действенность была сильно снижена несогласованностью планирования и руководства службами тыла. В итоге возникала нехватка основных предметов снабжения и транспорта. По существу, план мобилизации тыловых служб и то, как он приводился в исполнение, не отвечало требованиям мобилизации и не соответствовало планам стратегического развертывания войск.

Согласно МП-41 при частичной мобилизации для ее прикрытия предусматривалось использовать крупномасштабные маневры. Приведение соединений и частей в состояние боевой готовности предполагалось осуществлять с помощью мобилизационных телеграмм. Шифрованные телеграммы направлялись соответствующим командирам, у которых имелись специальные запечатанные пакеты, помеченные грифами «совершенно секретно» и «вскрыть только по получении телеграммы о мобилизации».

Мобилизация могла проводиться также под видом больших учебных сборов (БУС) и была двух типов, обозначаемых литерами «А» или «Б». Во время мобилизации по литере «А» части и соединения доводились до штатной численности. Военные округа, проводящие БУС, обеспечивали комплектацию войск начальствующим и рядовым составом, включая транспортные средства. Во время мобилизации по литере «Б» войска должны были доводиться до штатной численности за счет мобилизационных ресурсов, полученных с территории военного округа, а материальное обеспечение производилось по нормам мирного времени за счет обычного снабжения и резервных складов.

Особые трудности составляло комплектование войск западных приграничных округов. Мобилизационные ресурсы незадолго до того вошедших в состав СССР западных областей Белоруссии и Украины не были в достаточной степени изучены, а в Прибалтике учет военнообязанных намечалось осуществить лишь в ноябре 1941 г. В связи с этим комплектование войск западных приграничных округов решили осуществлять за счет внутренних военных округов, для чего необходимо было перевезти около 1 млн человек, составлявших 27 % общей потребности войск на Западном ТВД.

Мобилизационные потребности в автотранспорте (447 тыс.) и тракторах (50 тыс.) удовлетворялись за счет передачи техники из народного хозяйства. Лишь 87 тыс. автомобилей планировалось получить путем промышленных поставок. Развертывание большого количества частей и соединений, особенно в бронетанковых войсках, приводило к тому, что мобилизационная потребность Вооруженных сил в грузовых и специальных автомобилях даже при полном их изъятии из народного хозяйства могла быть обеспечена толь-



Армейский комиссар 1 ранга Л. З. Мехлис
и Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников на маневрах. Лето 1940 г.

ко на 81 %, а в гусеничных тракторах — лишь на 70 %[26]. Многие транспортные средства были изношенными и поступали в войска с большим опозданием. Кроме того, технику, призванную придать Красной армии должную мобильность, требовалось еще перевезти на большие расстояния, прежде чем она попадала в места назначения. Поэтому реальная обеспеченность автотранспортом округов к началу войны была намного ниже, чем предусматривалось планом.

У Красной армии отсутствовали пригодные для мобилизации чрезвычайные стратегические резервы, необходимые для замены первоначальных потерь военного имущества, до тех пор пока советская промышленность не начнет выпускать их в нужном количестве. Оперативные и мобилизационные планы, разработанные Народным комиссариатом обороны и Генеральным штабом, во многом не учитывали возможностей экономического потенциала страны. Особенно это касалось производства средств вооруженной борьбы.

Проведение одновременной реорганизации большинства соединений основных видов Вооруженных сил и родов войск в условиях надвигающейся войны привело к резкому снижению боеготовности всей Красной армии. Данный вывод подтверждается и тем, что обеспеченность армии оружием и военной техникой с учетом выпуска их промышленностью в 1941 г. могла составить: по танкам — 71 %, по боевым самолетам — 67 %. Поэтому к началу войны укомплектованность войск составляла: тяжелыми танками — 13 %, средними танками — 74 %, зенитными орудиями — 65 %, средствами связи и военно-инженерным имуществом — 50–75 %, средствами заправки и транспортирования горючего и смазочных материалов — 20–35 %[27].

Общая обеспеченность боеприпасами составляла около 85 % двухмесячной нормы (7–10 боекомплектов). 41 % баз и складов находился в западных военных округах, причем располагались они в опасной близости от границы. Предложения Генерального штаба о перебазировании складов в глубь страны (примерно на рубеж реки Волги) встретили категорические возражения руководящих лиц Наркомата обороны и Наркомата госконтроля.

Полное обеспечение Красной армии вооружением и военной техникой по плану МП-41 могло быть удовлетворено только через пять лет. Поэтому разработанный план был нереальным.

Реальное состояние Красной армии к началу войны характеризуют следующие данные. Из 198 стрелковых дивизий половина имела по 10,3 тыс. человек (при штатной численности 12 тыс.), 78 (около 40 %) имели по 5,9 тыс. человек. Формирование остальных 23 дивизий только начиналось. В 92 танковых и моторизованных дивизиях из положенных по штатам 31,2 тыс. танков исправных было 18,7 тыс., т. е. 60 %. Из 44 укрепленных районов только 17 имели кадры для последующего развертывания. В стадии формирования находились 106 авиационных полков из 348, или более 30 %.

В основу планов прикрытия Государственной границы СССР, разработанных в соответствии с планом стратегического развертывания, была положена оценка характера и емкости театров военных действий, сил противника, которые предположительно развертывались на каждом направлении, а также количества сил в приграничных округах. Каждый из 20 районов прикрытия, на которые была разбита вся приграничная зона СССР от Баренцева моря до Тихого океана, оборонялся армией или в отдельных случаях корпусом, а на приморских направлениях силами флотов. В состав 14 районов прикрытия государственной границы на Западном ТВД была выделена 171 расчетная дивизия (56 % от общего числа соединений в составе Красной армии). Эти войска эшелонировались следующим образом: первые эшелоны армий прикрытия должны были состоять из 64 дивизий, вторые — из 51 дивизии. 45 дивизий предполагалось иметь в резерве командующих приграничными округами. В составе резерва Главного командования выделялись 11 дивизий из западных военных округов. Они располагались на расстоянии 100–350 км от границы. Но реально в составе первых эшелонов армий прикрытия было только 57 дивизий. В глубине армейских районов располагались механизированные корпуса. Общая глубина оперативного построения армий прикрытия составляла до 75 км и более.

Группировка соединений, входивших в состав армий прикрытия, к исходу 21 июня 1941 г. не отвечала возложенной на них задаче обороны занимаемых полос (районов).

Успешное осуществление всего комплекса мер, направленных на организованное вступление СССР в войну (мобилизация, оперативно-стратегическое развертывание войск и их прикрытие, проведение первых операций и т. д.), во многом зависело от заблаговременной подготовки театров военных действий. Общее руководство работой по оборудованию ТВД на западе, юге и востоке страны осуществлял Генеральный штаб РККА. Первостепенное значение в этом плане придавалось строительству укрепленных районов, железных, шоссейных и грунтовых дорог, аэродромов, складов, баз для всех видов снабжения; созданию системы оперативной связи (телефонной, телеграфной, радио) и кроме того, разработке и изданию картографических документов и материалов.

На востоке и юге положение было относительно стабильным, созданная ранее база ТВД укреплялась и приводилась в соответствие с новыми задачами. Что касается запада, то там граница была отодвинута на 250–300 км. Новые территории имели недостаточно развитую аэродромную сеть. Шоссейные и грунтовые дороги, особенно в южной части Западной Белоруссии (кроме Варшавского шоссе), были малопригодны для движения автотранспорта. Сеть постоянной проводной связи была развита слабо. В новые районы в короткие сроки было перемещено значительное количество войск. Однако их дислокация во многом определялась не оперативно-тактическими соображениями, а наличием помещений, пригодных для размещения людей, техники и запасов материальных средств. В связи с тем что казарменный фонд здесь был ничтожно мал, с ноября 1939 г. войска стали прежде всего приводить в порядок старые казармы, столовые, конюшни, склады, оборудовать стрельбища, полигоны, танкодромы, а те, что не были обеспечены жильем, строили землянки.

Одновременно с этим делалось все возможное для инженерного укрепления новой государственной границы, прикрытия от вторжения вероятного противника важнейших стратегических направлений — ленинградского, московского и киевского. Большая роль здесь отводилась укрепленным районам. На западных границах в 1928–1937 гг. было построено 13 укрепрайонов: Карельский, Кингисеппский, Псковский, Полоцкий, Минский, Мозырский, Коростеньский, Новоград-Волынский, Летичевский, Могилев-Ямпольский, Киевский[28], Рыбницкий и Тираспольский. Для их обороны и обслуживания в мирное время имелось 25 пулеметных батальонов общей численностью до 18 тыс. человек. Каждый УР прикрывал конкретное операционное направление в полосе протяженностью от 50 до 140 км[29]. В долговременных сооружениях укрепленных районов должны были обороняться гарнизоны из состава пулеметно-артиллерийских батальонов, представлявшие собой самостоятельные войсковые организмы. Полосы УР предполагалось оборонять также стрелковыми и кавалерийскими соединениями. С этой целью оборонительные позиции укрепленных районов заблаговременно оборудовались дерево-земляными фортификационными сооружениями, создаваемыми как перед передним краем (в предполье), так и в промежутках между долговременными оборонительными сооружениями.

В мае 1938 г. Главный Военный совет, получив от правительства субсидии на сумму более 204 млн рублей, принял решение о развертывании строительства восьми новых УР (Островского, Себежского, Слуцкого, Шепетовского, Изяславского, Староконстантиновского, Остропольского и Каменец-Подольского) и усилении существующих[30]. В результате переноса западных границ созданные и строящиеся укрепрайоны оказались глубоко в тылу. В этой связи оборудование долговременных сооружений было демонтировано и передано на склады, а сами сооружения законсервированы. Продолжалось возведение только Каменец-Подольского УР, расположенного недалеко от границы.

Летом 1940 г. началось строительство 11 укрепленных районов: Кексгольмского, Выборгского, Тельшяйского, Шяуляйского, Каунасского, Гродненского, Брестского, Владимир-Волынского, Струмиловского, Рава-Русского, Перемышльского. Одновременно возводился Мурманский УР. Его планировалось строить еще в 1939 г. В 1941 г. приступили к сооружению

Сортавальского, Алитусского, Осовецкого, Замбровского, Ковельского, Верхне- и Нижне-Прутского укрепленных районов, а также на полуострове Ханко в Финском заливе. Велись подготовительные работы по созданию Дунайского, Одесского и Черновицкого укрепрайонов. Новые УР должны были отличаться от старых более совершенной конструкцией долговременных сооружений и значительно большим удельным весом орудийных сооружений для противотанковой обороны, который достигал уже 46 % (против 10 % в старых). Исходя из опыта войны с Финляндией, планировалось увеличить и глубину укрепрайонов от 30 до 50 км. В каждом из них намечалось создавать две укрепленные полосы. На важнейших операционных направлениях этих полос, как правило, в шахматном порядке, уступами на глубину до 8—15 км, предполагалось оборудовать узлы обороны. Между укрепрайонами допускались промежутки в 15—20 км, которые перекрывались узлами обороны, располагаемыми в глубине уступом на 10—20 км от оборонительных сооружений первой линии[31]. Они должны были простреливаться артиллерийским огнем фланговых узлов обороны, находящихся в глубине. Промежутки между узлами обороны, оборудованные полевыми фортификационными сооружениями и обороняемые полевыми войсками, также должны были перекрываться огнем артиллерийских дотов и полевой артиллерии.

Основу узлов обороны составляли опорные пункты (два — три в каждом). По своей конструкции они могли противостоять всем средствам поражения противника и самостоятельно вести бой в окружении, обороняя район 1,5 км по фронту и 1,5 км в глубину. Все опорные пункты располагались так же, как и узлы обороны, и имели взаимную пулеметную огневую связь. При строительстве новых укрепрайонов и развитии существовавших использовались три типа узлов обороны и опорных пунктов. Отличались они, главным образом, количеством огневых сооружений, вооружения и внутренним оборудованием. Первый тип, самый мощный, должен был возводиться на наиболее важных операционных направлениях, а менее мощные второй и третий — на второстепенных.

Однако к началу войны удалось возвести лишь около половины намеченных планом сооружений. В основном они представляли собой бетонные коробки без электричества, водоснабжения и связи. Укрепленные районы, строившиеся на новой границе, не имели глубокого предполья. И это несмотря на то что наш собственный опыт преодоления линии Маннергейма и практика войны на Западе показали необходимость и эффективность предполья. Было также проигнорировано мнение командования округов и руководства Главного военно-инженерного управления.

Так, по свидетельству бывшего начальника штаба 4-й армии Белорусского военного округа Л. М. Сандалова, командование округа осенью 1939 г. предлагало строить оборонительные рубежи по восточным берегам рек в 25—35 км от границы. Однако утвержден был вариант постройки УР по линии государственной границы[32]. Начальник Главного военно-инженерного управления комбриг А. Ф. Хренов в докладе Генштабу писал: «Отсутствие предполья, необходимого элемента УР, позволяет наступающему действовать внезапно, всей мощью современных средств и сил наступления и подавления непосредственно по всей глубине укрепрайона»[33]. К началу войны план строительства долговременных фортификационных сооружений был выполнен не более чем на 25 %. К этому моменту удалось построить 2500 железобетонных сооружений, около 1000 из них имели орудия, остальные — станковые пулеметы[34]. Все построенные доты находились в опорных пунктах первого эшелона, поэтому глубина оборонительной полосы УР не превышала 2—3 км. Но создать в опорных пунктах стройную систему артиллерийско-пулеметного огня не удалось. Маскировка многих сооружений находилась в неудовлетворительном состоянии. Поскольку на многих участках строительство велось без должной маскировки, на глазах противника, его командованию было известно о советских укреплениях почти все. Между отдельными сооружениями, опорными пунктами и узлами обороны оставались значительные промежутки, не прикрытые заграждениями, строительство которых также было далеко от завершения. В целом обе линии укрепленных районов ни в боевом, ни в мобилизационном отношениях не были готовы к отражению агрессии.

Значительно возросшая протяженность морских и речных границ СССР (на Балтике она увеличилась на 1740 км, на Черном море — на 135 км, на Севере — на 90 км, по Дунаю — на 169 км) потребовала усиления береговой обороны для надлежащей их защиты. Предстояло создать дополнительную систему базирования военно-морского и речного флотов. Однако строительство баз ВМФ намечалось завершить лишь в 1943—1945 гг.

Реализация планов мобилизации, сосредоточения и развертывания Вооруженных сил всецело зависела от подготовки коммуникаций. Пропускная способность железных дорог на западе составляла всего 444 пары поездов в сутки (против 988 со стороны сопредельных государств). Из 175 железнодорожных узлов, обследованных в 1940 г., пригодной для использования под станции снабжения оказалась лишь одна десятая их часть. Ряд станций не имел воинских платформ и площадок. Некоторые не располагали нужным для выгрузки оборудованием. Многие линии были одноколейными. Изношенность рельсов была такова, что не обеспечивалось движение тяжеловесных составов с современной военной техникой. Исходя из этого, Генеральный штаб разработал план нового железнодорожного строительства, развития и реконструкции имевшихся железных дорог. Этот план предусматривал увеличить до конца 1942 г. пропускную способность железнодорожных линий, подходивших к западным границам СССР, до 1074 пар поездов в сутки, что было более чем в 2,4 раза выше по сравнению с началом 1941 г. Кроме того, предполагалось построить новые железнодорожные линии, на некоторых участках уложить вторые пути, переоборудовать все линии с узкой западноевропейской колеи (1435 мм) на широкую советскую (1524 мм). Все работы намечалось провести в 1941—1942 гг., при этом основной объем работ падал на последний год. Для этого требовалось 14 млрд рублей. Весь план капиталовложений НКПС на 1940 г. составил 5,6 млрд рублей[35]. Отсюда легко сделать вывод о том, что намеченное строительство осуществить в отведенный срок было невозможно.

В то же время в ограниченные сроки построили и ввели в эксплуатацию на западном и юго-западном направлениях важные в оборонном и хозяйственном отношении железнодорожные линии и участки[36]. Одновременно с этим была увеличена пропускная способность ряда военных дорог фронтального направления[37], подходящих к государственной границе.

Подготовка Западного ТВД в шоссейно-дорожном отношении осуществлялась и велась Главным управлением шоссейных дорог НКВД СССР (Гушосдор). В его составе наравне с управлениями, ведавшими эксплуатацией и ремонтом дорог в границах определенных административных районов, были созданы мостовой и семь дорожно-строительных трестов. Сеть дорог республиканского, областного и местного значения строилась и содержалась за счет трудового участия сельского населения. Использовались и заключенные из лагерей системы ГУЛАГа[38]. Планом работ на 1941—1943 гг. намечалось завершить сооружение автомагистрали Москва — Минск — Брест, построить ряд новых дорог (Харьков — Киев, Киев — Одесса и др.), мосты через реки Днепр, Березина, Нарев и другие, капитально отремонтировать ряд магистралей. Однако большая часть этих строек к началу войны еще даже не была развернута, а начатые работы далеки от завершения.

Состояние шоссейных и грунтовых дорог на территории приграничных военных округов в значительной степени не удовлетворяло военным требованиям. Так, в Прибалтийском, Западном и Киевском Особых военных округах в полосе от границы до 400 км одна сквозная дорога с твердым покрытием приходилась в среднем на 100 км фронта. На зарубежной части Западного ТВД сеть дорог была развита значительно лучше: если в западных областях РСФСР на 100 км^2 площади имелось 6 км дорог с твердым покрытием, в БССР — 5,4, в УССР — 4,8, то в Польше было 23, в Австрии — 34, в Германии — 43,5, а в Чехословакии — 46,5 км таких дорог. К западным границам из глубины страны подходили только три сквозные автомобильные дороги с твердым покрытием (Москва — Ленинград, Москва — Минск, Москва — Подольск — Брест). Киевский Особый военный округ по существу имел только одну магистральную дорогу (Киев — Ровно — Львов), подходившую к юго-западной границе. На северном направлении в полосе от Петрозаводска до Мурманска не было ни одной автомобильной дороги, обеспечивающей беспрепятственное движение транспорта.

Подготовка водных путей на территории военных округов, в том числе и приграничных, находилась в ведении Главного морского штаба. В 1939 г. Генеральный штаб потребовал от него сделать речные пути более эффективными, но полностью это требование так и осталось невыполненным, что объясняется прежде всего недооценкой данного вида коммуникаций. Из-за сезонного характера водных путей и низких скоростей движения судов военные округа мало использовали речной транспорт для воинских перевозок в мирное время и не уделяли должного внимания его подготовке на случай войны. Поэтому речные пути были слабо увязаны с сетью железных дорог, на которых размещались окружные склады и базы НКО. Наиболее уязвимыми местами речного транспорта являлось отсутствие достаточного количества оборудованных портов и пристаней, а также незначительная пропускная способность имевшихся в наличии. Поэтому западные военные округа (за исключением Одесского) не планировали использование водного транспорта для мобилизационных перевозок.

В целом транспортная сеть не обеспечивала в достаточной степени проведение мобилизации и сосредоточения войск, организацию системы материально-технического обеспечения действующей армии, осуществление оперативного маневра.

Начавшееся наращивание авиационной группировки в западных округах потребовало ускоренного развития аэродромной сети, поскольку существовавшая система не обеспечивала рассредоточенного базирования действующих и вновь образованных авиационных соединений и частей. В большей степени это касалось областей, воссоединение с которыми произошло в 1939–1940 гг. Имевшихся там аэродромов было недостаточно для размещения на них прибывающих и формируемых авиачастей и соединений. Кроме того, многие аэродромы не имели необходимого оборудования, складов ГСМ, средств связи, коммуникаций и подъездных путей. К тому же почти все они могли обеспечить полеты самолетов только старого типа, а в период весенне-осенней распутицы становились непригодными к эксплуатации.

К началу 1941 г. аэродромная сеть была сравнительно большой. Однако выделение 382 аэродромов в качестве оперативных привело к тому, что базирование авиации на постоянных аэродромах было скученным[39]. Глубина базирования авиационных частей и соединений в среднем составляла: для истребительной и штурмовой авиации — 60–110 км, для бомбардировочной — 120–300 км. Однако отдельные истребительные части базировались на глубину до 400–450 км от госграницы, тогда как ряд аэродромов для них находился в непосредственной близости от госграницы. Общая глубина базирования ВВС приграничных военных округов доходила до 370–500 км. Такая организация аэродромной сети для фронтовой авиации, с одной стороны, ставила значительную часть нашей авиации под удар в случае внезапного начала боевых действий, а с другой — не могла обеспечить своевременную и эффективную поддержку обороняющихся сухопутных войск.

Осенью 1940 г. было принято решение довести численность аэродромов в ВВС Красной армии до трех на один авиаполк (один основной и два оперативных). 24 марта 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли очередное постановление о строительстве и реконструкции имеющихся военных аэродромов. Для реализации такой грандиозной строительной программы было специально создано Главное управление аэродромного строительства НКВД.

Всего по состоянию на 22 июня 1941 г. в западных округах имелось 614 аэродромов: в Ленинградском — 86; в Прибалтийском — 58; в Западном — 213; в Киевском — 150; в Одесском — 107[40]. Серьезной ошибкой советского военно-политического руководства было решение оборудовать ряд действующих аэродромов в нескольких километрах от советско-германской границы. Материальная часть в большинстве случаев располагалась на краях летных полей в линию и не была замаскирована. Это позволило противнику с началом боевых действий атаковать ее не только с воздуха, но и с земли путем обстрела самолетов полевой артиллерией.

Непременным условием успешного вступления государства в войну является постоянное содержание вооруженных сил в состоянии, при котором обеспечивались бы, во-первых, быстрое мобилизационное развертывание их до численности, необходимой для успешного

ведения войны на ее первом этапе; во-вторых, осуществление прикрытия границ и жизненно важных районов страны на время проведения стратегического развертывания вооруженных сил. Цель стратегического развертывания вооруженных сил состоит в обеспечении организованного вступления их в войну и успешного выполнения первых стратегических задач. Главным содержанием его является создание группировок вооруженных сил на театре войны (стратегических направлениях).

Мобилизационное развертывание советских Вооруженных сил фактически началось 1 сентября 1939 г. с принятием Закона о всеобщей воинской обязанности. За 22 месяца (до июня 1941 г.) списочная численность их возросла более чем вдвое — с 1 млн 943 тыс. до 4 млн 629 тыс. человек.

К началу войны численность Красной армии была доведена до 5 млн 434,8 тыс. человек, из них в составе западных округов было 2 млн 742,9 тыс. По принятой летом 1939 г. системе мобилизационного развертывания количество соединений и частей доводилось до уровня военного времени. В марте — апреле 1941 г. в Сухопутных войсках было сформировано 107 новых дивизий, пять корпусных артиллерийских полков, три управления стрелковых корпусов. В мае — июне формировались управления двух армий, двух стрелковых и пяти воздушно-десантных корпусов, три авиационные дивизии, десять воздушно-десантных и десять противотанковых артиллерийских бригад[41].

Быстрое увеличение числа германских соединений у советских границ не могло не беспокоить советское военное руководство, поэтому оно предпринимало меры для усиления западных приграничных военных округов. В этих целях в апреле 1941 г. туда было переброшено несколько стрелковых дивизий. Однако, учитывая темпы наращивания сил противником и неравные условия развертывания войск, Генеральный штаб во главе с Г. К. Жуковым справедливо считал предпринятые шаги совершенно недостаточными.

В апреле — мае 1941 г. началось проведение скрытного отмобилизования военнообязанных запаса под прикрытием «больших учебных сборов». Ставилась задача усилить войсковые части и соединения в 14 военных округах. Всего на «учебные сборы» до объявления войны было призвано около 24 % приписного личного состава по мобилизационному плану МП-41[42].

Предложения наркома обороны С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба Г. К. Жукова о проведении общей мобилизации, с которыми они обращались к И. В. Сталину в мае — июне 1941 г., отвергались главой государства. «Вы что же, предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас войска и двинуть их к западным границам? Это же война! Понимаете вы оба это или нет?» — так, по словам Г. К. Жукова, отреагировал Сталин[43]. В результате мобилизация для 14 военных округов была объявлена лишь 22 июня в середине дня. В мае — июне был произведен лишь частичный призыв военнослужащих запаса в целях пополнения части дивизий приграничных военных округов, а также соединений внутренних округов, предназначавшихся для действий на западе.

Предпринимаемые мероприятия позволили усилить половину всех стрелковых дивизий (99 из 198), предназначенных в основном для действий на западе. При этом состав стрелковых дивизий приграничных округов был доведен: 21 дивизии — до 14 тыс. человек, 72 дивизий — до 12 тыс. человек и шести стрелковых дивизий — до 11 тыс. человек[44].

В апреле — мае 1941 г. было принято важное решение о выдвижении войск второго стратегического эшелона армий резерва ГК. Эти действия явились началом стратегического выдвижения и развертывания группировок войск на театре военных действий.

Группировка войск на Западном ТВД создавалась, с октября 1939 г., когда войска двух фронтов, образованных на базе приграничных военных округов — Белорусского и Украинского, — вступили на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины. В 1940 г. последовали перевод войск Украинского фронта в Бессарабию и создание новой группировки войск на территории прибалтийских государств. В итоге на 2000-километровом фронте от Балтийского до Черного морей были развернуты войска трех особых военных округов (Прибалтийского, Западного и Киевского) и Одесского военного округа, составившие основу первого стратегического эшелона советских Вооруженных сил на Западном ТВД.

Формирование второго стратегического эшелона на Западном театре военных действий началось 13 мая 1941 г., когда с разрешения И. В. Сталина была отдана директива о выдвижении сформированных во внутренних военных округах четырех армий: 22-й — с Урала в район Идрица, Себеж, Витебск; 21-й — из Приволжского военного округа в район Чернигов, Гомель, Конотоп; 19-й — из Северокавказского округа в район Черкассы, Белая Церковь и 16-й — из Забайкалья на Украину в район Проскуров, Хмельник, а также 25-го стрелкового корпуса из Харьковского округа в подчинение 19-й армии. Всего перебрасывалось 28 дивизий, укомплектованных в среднем на 55–62 %[45]. Кроме того, готовились к переброске еще три армии из Орловского, Сибирского и Архангельского округов (20, 24 и 28-я). Все эти войска должны были составить Группу армий резерва, командующим которой 21 июня был назначен маршал С. М. Буденный. Для управления войсками в новых районах военные советы Уральского, Приволжского, Северо-Кавказского округов должны были направить оперативные группы, сформировать армейские управления и сосредоточить их в новых районах к 10 июля.

Большинство соединений в резервных армиях были неполной численности. До 80 % дивизий были укомплектованы по сокращенным штатам мирного времени, и только с началом войны они стали получать личный состав и дополнительное вооружение, снаряжение и транспорт. В итоге личный состав большинства дивизий был доведен до 60 % штатной численности, но в них по-прежнему не хватало многих видов оружия и особенно транспорта, необходимого для перевозки войск и материальных средств. Завершить сосредоточение войск резервного фронта планировалось до 10 июля 1941 г.

Развертывание армии и флота потребовало увеличения численности командного, политического и инженерно-технического состава. Учитывая взрывоопасную обстановку, Сталин одобрил предложение Наркомата обороны о досрочном выпуске курсантов училищ. По приказу наркома обороны СССР № 0170 от 13 мая молодые командиры и политработники направлялись в войска. 16 мая 1941 г. с большим запозданием приграничные военные округа получили указания ускорить строительство укрепленных районов на новой государственной границе. В это же время Генеральный штаб разрешил в войсках прикрытия держать боеприпасы непосредственно в законсервированных танках. 27 мая в целях повышения боевой готовности штабов к управлению войсками командующие западными приграничными округами получили приказ наркома обороны немедленно приступить к строительству командных пунктов фронтов и завершить его к 30 июля. Войскам ПВО страны предписывалось закончить к 15 июля 1941 г. оборудование командных пунктов и артиллерийских позиций. 5 июня была проведена проверка оперативной готовности на Черноморском флоте[46].

С поступлением разведывательных данных о непосредственных сроках нападения нацистской Германии военно-политическое руководство страны разрешило сосредоточить соединения второго оперативного эшелона западных приграничных военных округов в районах, предписанных планами прикрытия.

С 12 июня народный комиссар обороны отдал директивы о выдвижении к границе стрелковых дивизий, располагавшихся в глубине территории приграничных военных округов. Двигаться рекомендовалось главным образом ночью под видом выхода в летние лагеря. Большинство соединений должно было передвигаться своим ходом (пешком) на расстояние 150 км и более, часть перевозилась по железным дорогам. К сожалению, и этим дивизиям не дано было право использовать транспорт и лошадей из народного хозяйства. Им приказывалось оставить в пунктах постоянной дислокации организационные группы, так называемые мобячейки, которые должны были принять приписанных к частям военнообязанных запаса, а также лошадей, автомобили и тракторы после объявления мобилизации. Поэтому к началу войны успевшие сосредоточиться на новом месте дивизии не смогли получить личный состав, а автомобили и тракторы стали поступать лишь с середины июля.

Всего из внутренних округов планировалось выдвинуть 26 дивизий, а из глубины территории приграничных военных округов — 32 дивизии. В действительности же из войск, перевозимых по железным дорогам, к 22 июня в районах назначения смогли выгрузиться только

83 эшелона, 455 эшелонов находились в пути, остальные (401 эшелон) еще не приступили к погрузке. Она продолжалась до 2 июля, а выгрузка была завершена лишь 14 числа[47]. Таким образом, в назначенные новые районы сосредоточения к началу войны успели выйти только 13 дивизий РГК и четыре-пять дивизий резерва приграничных округов.

Одновременно принимались меры по повышению боевой готовности Военно-морского флота. 19 июня флоты и флотилии получили приказ перейти в оперативную готовность № 2. 20 июня 1941 г. командующие Ленинградским, Прибалтийским Особым и Одесским военными округами получили указание в двухдневный срок отработать вопросы взаимодействия с флотами в соответствии с планом прикрытия. В тот же день Главный Военный совет флота, учитывая непосредственную опасность войны, потребовал от военных советов флотов, политорганов, партийных организаций усилить политическую работу в духе постоянной готовности вступить в бой с врагом.

В соответствии с поставленными задачами Северный флот должен был уничтожить флот противника в Баренцевом и Белом морях и вести крейсерские операции подводных лодок у западного побережья Норвегии и в проливе Скагеррак. Балтийскому флоту предстояло уничтожить боевые флоты Финляндии и Швеции (при выступлении последней против СССР), прервать морские коммуникации этих стран в Балтийском море и Ботническом заливе, во взаимодействии с авиацией Красной армии нанести поражение германскому флоту при его попытке пройти в Финский залив. Основной задачей Черноморского флота являлось обеспечение господства на Черном море, а в случае вступления Румынии в войну против Советского Союза уничтожить ее флот и блокировать ее побережье. Флотам предписывалось оказывать содействие сухопутным войскам, противодействовать высадке морских десантов и флоту противника у своего побережья и островов.

В конце мая и начале июня из войск и от командования пограничной охраны стала поступать информация о подготовке германских войск к скорому нападению: было замечено усиление движения поездов с войсками, военной техникой, отселение польских жителей из приграничных районов, установка орудий в непосредственной близости от границы, в сараях с амбразурами, выходящими на восточную сторону, мобилизация у населения лошадей и повозок и сбор их в приграничных населенных пунктах, сосредоточение понтонных подразделений и переправочных средств вблизи пограничных рек, замена польских железнодорожников немецкими, введение на территории Польши военного положения.

Развертывание же советских войск на западе продолжалось прежними темпами. 19 июня начальник Генерального штаба от имени наркома отдал распоряжения округам о выделении фронтовых управлений и выводе их к 22–23 июня на командные пункты. Нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов 19 июня приказал привести флоты и флотилии в оперативную готовность № 2. В изданном в тот же день приказе наркома обороны С. К. Тимошенко предписывалось маскировать аэродромы, воинские части и другие военные объекты.

21 июня в связи с крайним обострением обстановки было принято постановление Политбюро ЦК об образовании Южного фронта. В его состав включались войска 9-й и 18-й армий. Управление 18-й армии выделял Харьковский военный округ. Армии второго стратегического эшелона, выдвигающиеся из глубины страны на рубеж Западная Двина, Днепр, объединялись в группу армий резерва Главного командования (19, 20, 21 и 22-я армии). Одновременно генералу армии Г. К. Жукову поручалось общее руководство Юго-Западным и Южным фронтами, а генералу армии К. А. Мерецкову — Северным фронтом с выездом на места.

При помощи своей агентурной разведки и перебежчиков, а также в результате постоянного наблюдения за противоположной стороной командующие округами уже в феврале обнаружили признаки сосредоточения новых частей немцев. Вот, к примеру, что было написано в сводке отдела политпропаганды 5-й армии Киевского Особого военного округа в феврале 1941 г.: «Среди населения погрансел имеются упорные слухи, что весной немцы будут воевать с Советским Союзом, в связи с чем жители будут переселены в тыловые райо-

ны. Сейчас происходит учет квартир в пограничных селах с целью размещения прибывающих немецких войск»[48]. В апреле в приграничных округах знали о передаче железных дорог Польши в ведение немецкого военного командования. В мае на многих станциях Польши отмечалось значительное увеличение количества прибывающих поездов. Были замечены признаки сосредоточения германских войск в непосредственной близости от границы.

Обо всем этом командование округов неоднократно с тревогой докладывало непосредственно наркому обороны, а также в Генеральный штаб, прося разрешения о проведении мер по повышению боевой готовности войск. Однако чаще всего получало отказ. Особенно категоричны были нарком и начальник Генерального штаба в тех случаях, когда речь шла о занятии войсками подготовленных у границы оборонительных позиций и сооружений укрепленных районов. Так, 10 июня в телеграмме из Генштаба на имя командующего войсками Киевского Особого военного округа говорилось: «Донесите для доклада народному комиссару обороны, на каком основании части укрепленных районов КОВО получили приказ занять предполье. Такие действия могут немедленно спровоцировать немцев на вооруженное столкновение и чреваты всякими последствиями. Такое распоряжение немедленно отмените и донесите, кто конкретно дал такое самочинное распоряжение»[49].

После настойчивых просьб командования Киевского Особого военного округа ему было разрешено выдвинуть из Луцка в район юго-западнее Ковеля ближе к границе 62-ю стрелковую дивизию, которая должна была действовать в первом эшелоне 5-й армии. Под Луцк из района Острог, Шепетовка выдвигалась 135-я стрелковая дивизия, предназначавшаяся для резерва армии. Командованию округа было разрешено также отдать приказ войскам о хранении непосредственно в подразделениях и при орудиях половины боевого комплекта артиллерийских снарядов и мин, а также носимого запаса патронов.

С середины июня в ряде соединений приграничных военных округов бойцам, расчетам, экипажам выдавались боеприпасы, были отменены отпуска личному составу. В некоторых армиях, корпусах и дивизиях приступили к оборудованию полевых командных пунктов. По свидетельству бывшего командира 15-го стрелкового корпуса генерала И. И. Федюнинского, 18 июня командующий 5-й армией Киевского Особого военного округа генерал М. И. Потапов приказал вывести 45-ю стрелковую дивизию в леса в 8 км от границы. Он разрешил также Федюнинскому отозвать артиллерию корпуса с полигона. Из воспоминаний бывшего начальника штаба Одесского военного округа М. В. Захарова, ряда командиров соединений 9-й армии и боевых документов следует, что войска округа после 24 часов 21 июня получили распоряжение на подъем по тревоге и сосредоточение вблизи пунктов дислокации. С 17 июня начал сосредоточивать в летнем лагере 41-ю стрелковую дивизию ее командир генерал-майор Г. Н. Микушев. Чтобы не привлечь внимание командования КОВО, части собирались постепенно. Последними были отозваны артиллерийские подразделения с полигонов и стрелковые батальоны со строительства оборонительных сооружений у границы. По свидетельству бывшего начальника штаба дивизии Н. В. Еремина и других воинов соединения, 21 июня во второй половине дня Микушев предупредил командиров частей о возможном нападении и приказал всем офицерам оставаться в своих подразделениях. Бойцам было выдано все, что положено брать с собой по боевой тревоге. Старшины рот и батарей отправились на зимние квартиры, чтобы получить обмундирование и оружие на приписной состав на случай его призыва. Таким образом, дивизия без выхода в назначенные планом прикрытия районы была приведена в полную боевую готовность. Это позволило ей 22 июня быстро собраться по боевой тревоге и организованно вступить в первый бой[50].

К сожалению, большинство командиров и командующих или совсем не предпринимали никаких мер, или делали это крайне осторожно.

В последние часы, когда вермахт уже был приведен в готовность к началу широкомасштабного наступления, советское высшее руководство продолжало настаивать на том, чтобы не давать никакого повода для войны, ставя тем самым наши войска в крайне неблагоприятное положение. В результате войска армий прикрытия оказались не готовы своевременно

отразить мощные удары противника, несмотря на то что для этого они имели все возможности. Наступил последний предвоенный день. С поступлением из разных источников прямых данных о неизбежном нападении на нашу страну нарком обороны и начальник Генерального штаба вечером 21 июня предложили Сталину направить в округа директиву о приведении войск в полную боевую готовность и получили от него указание подготовить проект соответствующей директивы.

Однако эта директива была отправлена в приграничные округа лишь в 23.30 21 июня. В директиве предписывалось проведение только части мероприятий по приведению войск в полную боевую готовность, которые определялись оперативными и мобилизационными планами. Командующие войсками округов получили указание принять меры, чтобы в течение ночи на 22 июня были скрытно заняты подготовленные рубежи обороны, позиции в укрепленных районах на государственной границе. Все части, в том числе и ПВО, должны были быть приведены в полную боевую готовность; предусматривались меры по их рассредоточению и маскировке; готовилось затемнение городов и важных объектов. При этом в директиве содержалось требование не поддаваться ни на какие провокационные действия, которые могли бы вызвать крупные осложнения. На передачу директивы в войска ушло несколько часов. Многие соединения и части не успели получить необходимые распоряжения и поэтому не заняли рубежи обороны.

Директива, по существу, не давала разрешения на ввод в действие плана прикрытия в полном объеме. Половинчатые меры вызвали новые запросы в Москву, в то время как до начала войны оставались уже считанные минуты.

В результате запоздалого принятия решения сложилась крайне сложная обстановка для оперативного развертывания войск приграничных округов.

К исходу 21 июня в Ленинградском военном округе (командующий генерал-лейтенант М. М. Попов, член Военного совета корпусной комиссар Н. Н. Клементьев, начальник штаба генерал-майор Д. Е. Никишов) все войска прикрытия находились в пунктах постоянной дислокации и в лагерях; 1-я танковая дивизия перевозилась из района Пскова в район Алакурти, 11-я стрелковая дивизия начала передислокацию в состав 8-й армии Прибалтийского военного округа, 52-я стрелковая дивизия выдвигалась на мурманское, а 104-я стрелковая дивизия — на кандалакшское направление.

Активные боевые действия на границе с Финляндией начались только 29 июня, поэтому войска округа были в основном развернуты в соответствии с планом прикрытия.

Вместе с тем, даже в этих условиях группировка войск начала создаваться с запозданием на трое суток, так как имелось распоряжение Главного командования не проводить мероприятия по развертыванию, чтобы не давать финнам повод для провокации. Явным просчетом Генерального штаба явилось также недостаточное прикрытие петрозаводского направления. Войска 23-й армии на Карельском перешейке заняли крайне невыгодный рубеж на государственной границе. Как показали последующие события, наиболее целесообразно было организовать оборону на рубеже в 15—30 км от границы.

В Прибалтийском Особом военном округе (командующий генерал-полковник Ф. И. Кузнецов, член Военного совета корпусной комиссар П. А. Дибров, начальник штаба генерал-лейтенант П. С. Кленов) на государственной границе к началу войны находились 10-я стрелковая дивизия и по три батальона от 90, 125, 5, 33, 188-й стрелковых дивизий. Всего 15 стрелковых батальонов на фронте протяженностью 165 км. Войска частично были приведены в боевую готовность, отдельные соединения выдвигались в новые районы. К государственной границе совершали марш 23, 48 и 162-я стрелковые дивизии, 11-я стрелковая дивизия перевозилась из Ленинградского военного округа и выгружалась из эшелонов юго-восточнее Шяуляя, 21-й и 24-й стрелковые корпуса находились на переформировании в пунктах постоянной дислокации, кроме 181-й стрелковой дивизии, которая совершала марш из района Гулбене в Рижский лагерь. 3-й и 12-й механизированные корпуса были подняты по тревоге и выдвинуты в районы боевого предназначения согласно плану прикрытия. Штабы 8-й и

11-й армий и их корпусов находились на полевых командных пунктах в готовности взять на себя управление войсками с началом боевых действий. Всего командованию округа удалось привести в боевую готовность шесть стрелковых дивизий из 19 имеющихся в округе и два механизированных корпуса.

В Западном Особом военном округе (командующий генерал армии Д. Г. Павлов, член Военного совета корпусной комиссар А. Ф. Фоминых, начальник штаба генерал-майор В. Е. Климовских) войска первого и второго эшелонов армий прикрытия находились в пунктах постоянной дислокации. Наиболее боеспособные войска 10-й армии располагались в белостокском выступе вблизи границы в лагерях и казармах. Из внутренних районов округа (150—400 км от госграницы) к государственной границе выдвигались стрелковые корпуса: 2-й (100-я и 161-я стрелковые дивизии), 47-й (55, 121, 143-я стрелковые дивизии), 44-й (62-я и 108-я стрелковые дивизии), 21-й (17, 37, 50-я стрелковые дивизии). Управление 13-й армии, предназначенное для объединения 49-й и 113-й стрелковых дивизий и 13-го механизированного корпуса, которые планировались для прикрытия государственной границы, продолжало оставаться в Могилеве. Части 30-й танковой дивизии проводили тактические учения, 42-я стрелковая и 22-я танковая дивизии готовились к учениям, которые были отменены в последние часы перед началом войны. Зенитные артиллерийские части 4-й армии располагались в окружном лагере под Минском. Непосредственно на границе, осуществляя ее охрану, находились пограничные войска и занятые на строительстве укрепленных районов инженерные части и подразделения, не имевшие оружия, а также выделенные для этих работ стрелковые войска из дивизий первого эшелона.

В Киевском Особом военном округе (командующий генерал-полковник М. П. Кирпонос, член Военного совета корпусной комиссар Н. Н. Вашугин, начальник штаба генерал-лейтенант М. А. Пуркаев) войска, назначенные в первый и второй эшелоны армий прикрытия, находились в местах постоянной дислокации, на полигонах, в стационарных и временных лагерях, а также на марше. Стрелковые соединения резерва округа выдвигались по плану прикрытия в предусмотренные районы сосредоточения и находились в 100—150 км от государственной границы. В движении находились четыре стрелковых корпуса: 31-й (193, 195, 200-я стрелковые дивизии), 36-й (140, 146, 228-я стрелковые дивизии), 37-й (80, 139, 141-я стрелковые дивизии), 55-й (130, 169, 189-я стрелковые дивизии). В состав 12-й армии прибывали: 49-й стрелковый корпус (190-я и 198-я стрелковые дивизии) — по железной дороге; 109-я стрелковая дивизия — походным порядком. Наиболее сильная группировка войск находилась на львовском выступе, по существу в стороне от главного удара противника. Оперативное развертывание войск округа не было завершено, оборонительные рубежи не подготовлены.

В Одесском военном округе (командующий генерал-полковник Я. Т. Черевиченко, член Военного совета корпусной комиссар А. Ф. Колобяков, начальник штаба генерал-майор М. В. Захаров) войска прикрытия находились в пунктах постоянной дислокации. 14 июня 48-й стрелковый корпус (30-я и 74-я стрелковые дивизии) прибыл походным порядком в район Флорешти, Рыбница. В Крыму к 5 июня сосредоточились управление 9-го стрелкового корпуса, 106-я стрелковая и 32-я кавалерийская дивизии.

В Прибалтийском, Западном и Киевском Особых военных округах артиллерийские полки, противотанковые и зенитные дивизионы некоторых стрелковых дивизии находились на артиллерийских полигонах, где они проводили артиллерийские стрельбы по учебному плану.

На западной границе от Мурманска до Черного моря охрану осуществляли 47 сухопутных и шесть морских пограничных отрядов, девять отдельных пограничных комендатур, 11 полков внутренних войск НКВД. В целом к началу войны командования западных военных округов не успели создать ни наступательных, ни оборонительных группировок.

Войска не были отмобилизованы и оставались в штатах мирного времени, имея большой некомплект в личном составе, транспортных средствах, средствах связи и т. д. Полная готовность не была достигнута.

К исходу 21 июня войска приграничных округов были рассредоточены на глубину до 400 км. До одной трети их (первые эшелоны армий прикрытия) располагалось в районах, удаленных от границы на 10–50 км; вторая треть (вторые эшелоны этих армий) находилась на глубине 50–100 км; а остальные (резервы округов) — в 100 км и более. Расположение дивизий армий прикрытия никоим образом не отвечало возложенной на них задаче обороны госграницы, а меры по приведению этих войск в боевую готовность не принимались вплоть до ночи на 22 июня.

В результате вместо 237 дивизий, которые предполагалось развернуть, на западе к началу войны оказалось лишь 186 (включая три дивизии, расположенные в Крыму). Десять дивизий внутренних округов находились в движении, остальные готовились к нему, будучи рассредоточенными от Архангельска до Забайкалья. Они могли быть введены в сражение не ранее чем через 2–3 недели, т. е. значительно позже войск стратегического резерва противника. Следует также учитывать, что стратегические резервы противника были полностью отмобилизованы, советским же требовалось еще значительное время на отмобилизование и слаживание. Большинство частей, предназначавшихся для прикрытия, не было приведено в состояние полной боевой готовности и не смогло изготовиться для отражения нападения. Войска первого стратегического эшелона и часть сил РГК, выдвинувшихся на запад, были рассредоточены от границы до Днепра. Глубокое расположение войск, как считалось в теории, способствует устойчивой обороне, однако советские войска не заняли оборонительные рубежи, а находились в пунктах постоянной дислокации, в лагерях или в движении, на значительном удалении от назначенных им планом рубежей и районов.

Таким образом, к исходу 21 июня советскому военному командованию не удалось создать предусмотренные планом группировки. Помимо 186 дивизий (стрелковых, кавалерийских, моторизованных и танковых) на западе имелось четыре воздушно-десантных корпуса, каждый из которых можно было приравнять к трем четвертям стрелковой дивизии только по численности личного состава. На территории приграничных военных округов дислоцировалось также пять дивизий охраны железнодорожных объектов, 11 оперативных полков внутренних войск и 49 пограничных отрядов. В целом стратегическое развертывание на Западном театре (включая финский участок фронта) проходило в следующие сроки: к 15 марта здесь было сосредоточено 114 дивизий, к 30 апреля — 161, к 5 июня — 169[51].

В группировке ВВС из 79 дивизий 48 базировались в приграничных военных округах на постоянных аэродромах. 15 дивизий входили в состав армий прикрытия, 20 подчинялись командованию округов, 13 находились в распоряжении Главного командования. Самолеты на аэродромах продолжали находиться скученно. На некоторых аэродромах по-прежнему имелся двойной комплект самолетов, часть из них — без летного состава. В Прибалтийском Особом военном округе без летного состава насчитывалось 188 самолетов, в Западном — 430, в Киевском — 342. Нарушалась маскировка, прикрытие аэродромов средствами ПВО было слабое. Передовые части армейской авиации базировались чрезмерно близко к границе (10–30 км), а фронтовой и дальней — были слишком удалены от нее (300–500 км и 600–900 км соответственно)[52].

Группировка войск ПВО имела в своем составе: первый эшелон (пять зон ПВО) — 579 зенитных батарей (56 % от их общего количества) и 17 истребительных авиационных полков (43 %), основные усилия были сосредоточены на ПВО Ленинграда и Киева; второй эшелон (три зоны ПВО) — 223 зенитные батареи (21 %) и 11 истребительных авиационных полков (28 %). Основные усилия были сосредоточены на прикрытии Москвы. Закавказская и Северо-Кавказская зоны ПВО прикрывали 237 зенитных батарей (23 %). Части ВНОС к началу войны были развернуты и несли дежурство в полосе глубиной до 150–200 км, на боевом дежурстве находилось до 20–22 % зенитных батарей. На каждом аэродроме располагалось дежурное звено. Средства ПВО имели короткие сроки приведения в боевую готовность (до 2 ч), но они не были в нее своевременно приведены. Часть войск ПВО (около 40 % зенитных батарей) находилась вдали от объектов прикрытия, выполняя стрельбы на полигонах[53].

В главных силах Военно-морского флота все крупные надводные корабли и подавляющая часть подводных лодок были сосредоточены в базах и акваториях Балтийского и Черного морей. Северный флот, имеющий свободный выход в открытый океан, существенно уступал по численности и боевой мощи другим флотам. Следует отметить, что флоты, имевшие разработанную и освоенную систему оперативных готовностей, сумели в короткие сроки перейти в готовность № 1 и более организованно, чем Сухопутные войска, встретить начало войны.

Таким образом, Красная армия (в частности войска первого стратегического эшелона) оказалась не готова к отражению мощного удара противника и была застигнута врасплох.

Упредив советские войска в стратегическом развертывании, создав мощные оперативные группировки своих сил на избранных направлениях главного удара, имея более высокий уровень боеготовности и боеспособности соединений, германское командование заложило основы для успешного проведения первых наступательных операций.

В первом эшелоне Германия развернула против Советского Союза 77 % пехотных дивизий, 90 % танковых, 94 % моторизованных дивизий и 100 % самолетов, оставив в резерве до 12 % имевшихся сил и средств. Таким образом, с первых же часов войны в удар по советским войскам вкладывалась основная мощь вермахта.

В резерве советского Главного командования были шесть армейских и 14 корпусных управлений и 57 дивизий. Германское главнокомандование сухопутных войск в резерве имело 28 дивизий. Общая численность этой группировки превышала 500 тыс. человек; на ее вооружении состояло более 5 тыс. орудий и минометов и до 350 танков[54].

В группировке советских войск 43 % дивизий были включены в состав армий первого эшелона (против 77 % у противника), 25 % входило в состав вторых эшелонов округов (фронтов) и 32 % составляли резерв Главного командования. Обе стороны развернули главные силы, но у советского командования они были развернуты на фронте до 2800 км и в глубину до 500 км. Рассредоточение на большом пространстве такой стратегической группировки не обеспечивалось своевременным развертыванием и оперативно-стратегическим взаимодействием и позволяло противнику разбивать ее по частям.

Таблица

Соотношение сил первых стратегических эшелонов сторон на Западном (Восточноевропейском) ТВД к исходу 21 июня 1941 г.[55]

Группировка	Численность личного состава, тыс. чел.	Количество расчетных дивизий	Количество орудий и минометов (без 50-мм и 60-мм минометов)	Количество танков (исправных)*	Количество боевых самолетов (исправных)
Ленинградский военный округ	404,5	21,5	4475	1543	1313
Немецкая армия «Норвегия» и финские войска	496,3	22,5	3200	140	415
Соотношение	1 : 1,2	1 : 1,05	1,4 : 1	11 : 1	3,2 : 1
Северо-Западный фронт	369,7	27,5	4434	1274	1673
Группа армий «Север» (в т. ч. 3-я танковая группа)	850,0	40	8200	1512	669
Соотношение	1 : 2,3	1 : 1,5	1 : 1,85	1 : 1,2	2,5 : 1
Западный фронт	671,1	45,5	9172	2192	1549
Группа армий «Центр» (без 3-й танковой группы)	890,0	39	8800	895	1468

Соотношение	1 : 1,3	1,2 : 1	1,04 : 1	2,4 : 1	1,05 : 1
Юго-Западный фронт	907,0	59,5	10 383	4778	1759
Группа армий «Юг» (без 11-й армии)	760,0	35	7000	719	721
Соотношение	1,2 : 1	1,7 : 1	1,5 : 1	6,7 : 1	2,4 : 1
9-я армия	174,6	15	4031	711	1381
11-я германская армия и румынские войска	516,3	24,5	4450	96	681
Соотношение	1 : 3	1 : 1,6	1 : 1,1	7,4 : 1	2 : 1
Всего: Советская действующая армия	2527,0**	169***	32 495	10 508	3954
Группировка противника	3512,6	161	31 650	33 621	8696****
Общее соотношение	1 : 1,4	1,05 : 1	1,03 : 1	3,1 : 1	2,2 : 1

* Танки противника — только пушечные.
** Не учтен личный состав трех флотов (215,9 тыс. чел.).
*** В том числе одна бригада морской пехоты Балтийского флота.
**** В том числе самолеты авиации главного командования (1021) и трех флотов (1255).

Оценку сложившегося к началу войны соотношения сил и средств (таблица) нельзя давать, сравнивая только количественные показатели. Почти полуторный перевес в численности войск на стороне противника при примерно равном количестве соединений свидетельствовал о том, что армии агрессора были полностью отмобилизованы, тогда как войска РККА имели некомплект, доходивший, как показано выше, в среднем до 40 % и более. Но значительное превосходство советской стороны в танках и авиации, казалось, гарантировало успех в отражении агрессии. Условием достижения этого успеха было своевременное завершение оперативного развертывания войск, включавшего выдвижение соединений армий прикрытия в назначенные им полосы, занятии и оборудование участков и районов обороны. Однако такое решение советским руководством принято не было.

Стремление германского командования вложить в первый удар всю мощь своих вооруженных сил предопределило во многом неожиданные для советских войск условия вступления в войну, а также ожесточенный характер боевых действий с самого начала агрессии.

Несмотря на стремление советского военно-политического руководства провести масштабные мероприятия по укреплению обороноспособности страны и повышению боеспособности Вооруженных сил, многие из важных мероприятий по ряду объективных и субъективных причин были проведены со значительным опозданием. Завершить их к началу Великой Отечественной войны не удалось.

Просчет в определении сроков начала войны наложил отпечаток на всю систему реорганизации Вооруженных сил и умножил ошибки, допускавшиеся при ее проведении. Комплекс основных мероприятий по перевооружению и оснащению формируемых частей и соединений Красной армии в первую очередь танками, артиллерией и самолетами планировалось завершить лишь к концу 1942 г., поэтому к началу войны он оказался невыполненным.

Одна из главных трудностей состояла в том, что начальствующий состав армии не мог действовать самостоятельно. Большинство спешно повышенных в званиях командиров не имело достаточных навыков управления войсками в бою. Многие офицеры были не способны умело организовывать взаимодействие, правильно решать вопросы разведки, маскировки, боевого и тылового обеспечения, пользоваться техническими средствами связи. Все это сказалось на ходе начального периода войны и привело к большим потерям в личном составе Красной армии.

Советское командование не рассчитывало, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными

группировками на всех стратегических направлениях в целях нанесения сокрушительных рассекающих ударов[56]. Следует подчеркнуть, что подобный способ развязывания войны Германия уже применяла при нападении на страны Западной Европы и Польшу. Было время его проанализировать, учесть в подготовке советских войск и военных кадров. К сожалению, это в полной мере сделано не было. Поэтому часть командиров Красной армии оказалась неподготовленной к управлению войсками в сложной обстановке.

Решение проблемы стратегического развертывания и использования Вооруженных сил являлось наиболее сложным во всей системе подготовки к будущей войне. Главный вопрос, который определял весь характер развертывания и использования Вооруженных сил, заключался в четком определении вида стратегических действий с началом войны.

В основу всех оперативно-стратегических планов была заложена идея отражения нападения агрессора, а затем перехода в мощное контрнаступление и завершение разгрома противника на его территории. Данная концепция требовала от Генерального штаба исключительной четкости в планировании, глубокого научного предвидения характера войны, особенно ее начального периода, высокой бдительности в отношении намерений вероятного противника и поддержания постоянной боевой готовности войск. Однако достаточно четкой системы планирования в этот сложный период добиться не удалось.

Генеральный штаб к началу войны не успел завершить разработку детального оперативного плана войны, и ему не удалось в полной мере выполнить свою основную функцию стратегического планирующего органа, готовящего Вооруженные силы к войне. Мероприятия по отражению первых ударов противника в оперативных планах разрабатывались Генеральным штабом недостаточно полно, а содержание оборонительных действий в оперативно-стратегическом масштабе не отрабатывалось вообще.

Нападение Германии застало Вооруженные силы СССР в разгар стратегического развертывания, когда все необходимые мероприятия были уже начаты, но еще не завершились. В наиболее тяжелом положении оказались Северо-Западный, Западный и Юго-Западный фронты (бывшие Прибалтийский, Западный и Киевский Особые военные округа), войска которых приняли на себя в первые же дни войны удары главных группировок войск противника — групп армий «Север», «Центр» и «Юг». Объединения, соединения и части на указанных направлениях должны были в наиболее полной мере осуществить оперативное развертывание, занять исходное положение для отражения ударов противника. Однако это сделано не было.

В целом советское военно-политическое руководство провело крупные мероприятия, направленные на повышение боевой и мобилизационной готовности Вооруженных сил. Однако они не в полной мере соответствовали складывавшейся на тот момент времени обстановке, уровню подготовки германского вермахта и оценке возможных сроков нападения Германии на СССР. В условиях реальной угрозы войны, когда все предпринимаемые меры дипломатического характера не давали желаемых результатов, решение о приведении Вооруженных сил в полную боевую готовность следовало принять и осуществить своевременно. Отсутствие такого решения привело к чрезвычайно тяжелым последствиям, в значительной мере предопределившим крупные неудачи и поражения Красной армии в начальном периоде войны.

Вместе с тем следует отметить, что допущенные просчеты, имевшие тяжелые последствия и создавшие ряд непредвиденных ситуаций для советского военно-политического руководства и Вооруженных сил в начальном периоде войны, имели временный характер и не привели к полной военной катастрофе. Несмотря на то что оперативные и мобилизационные планы исполнялись с существенными изъянами, советская мобилизационная система позволила уже в начальный период войны создать значительное число новых армий, дивизий и других соединений. В конечном счете именно эта система дала возможность Красной армии и Советскому государству пережить катастрофически сложившийся начальный период войны и оказаться победителями в 1945 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Стратегические планы войны в Советском Союзе в разное время носили следующие названия: «О стратегическом развертывании Красной армии на случай войны на Западе по варианту ПС» (1924); «Записка по обороне СССР» (1927); «План стратегического распределения РККА и оперативного развертывания на Западе» (1936); «Основы стратегического развертывания на Дальневосточном театре военных действий» (1938); «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на Западе и на Востоке в 1940–1941 годы» (1940); «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» (май 1941 г.) /См.: *Горьков Ю. А.* Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г. //Новая и новейшая история. 1993. № 3.

[2] См.: Акт о приеме Наркомата обороны Союза ССР товарищем Тимошенко С. К. от товарища Ворошилова К. Е. (7 мая 1940 г.) //ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 15. Л. 1–31.

[3] См.: *Захаров М. В.* Накануне великих испытаний. М., 1968. С. 28, 40.

[4] См.: *Михалев С. Н.* Военная стратегия: Подготовка и ведение войн нового и новейшего времени / Под ред. В. А. Золотарёва. М., 2003. С. 308–309.

[5] См.: *Василевский А. М.* Дело всей жизни: в 2 кн. М., 1988. Кн. 2. С. 100.

[6] Договоры о взаимопомощи с прибалтийскими государствами, в соответствии с которыми на их территории размещались советские воинские части, базы ВМФ и ВВС, были заключены в сентябре — октябре 1939 г.

[7] Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. М., 2011. Т. 1. С. 80–81; Советский Союз: накануне великих испытаний. М., 2004. С. 556; 1941 год: уроки и выводы. М., 1992; *Горьков Ю. А.* Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г. //Новая и новейшая история. 1993. № 3.

[8] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 237. Л. 138–156; Д. 242. Л. 84–90.

[9] *Михалев С. Н.* Указ. соч. С. 309.

[10] См.: Советский Союз: накануне великих испытаний. С. 555.

[11] См.: 1941 год: уроки и выводы; 1941 год. Страна в огне: в 2 кн. Кн. 1. Очерки. М., 2011.

[12] Цит. по: *Михалев С. Н.* Указ. соч. С. 312.

[13] Документ был исполнен А. М. Василевским.

[14] Военно-исторический журнал. 1995. № 3. С. 41.

[15] 1941 год: уроки и выводы. С. 216; *Горьков Ю. А.* Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 304.

[16] *Бобылев П .Н. К* какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году? // Отечественная история. 1995. № 5. С. 16.

[17] Цит. по: *Михалев С. Н.* Указ. соч. С. 315.

[18] Цит. по: Известия. 1993. 16 января. Однако утверждение И. В. Сталина о завершении реконструкции Красной армии представляется спорным. К тому времени многие мероприятия еще не были завершены.

[19] См.: Советский Союз: накануне великих испытаний. С. 557; Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. Кн. 1. С. 121–123.

[20] Мобилизационный план разрабатывался на несколько лет с ежегодной его корректировкой.

[21] *Захаров М. В.* Накануне великих испытаний. С. 102–103.

[22] Мобилизационный план развертывания Вооруженных сил — совокупность взаимосвязанных документов, в которых отражались конкретные мероприятия, обеспечивавшие планомерное отмобилизование Вооруженных сил.

[23] 1941 год: уроки и выводы. С. 71.

[24] Там же. С. 71–73.

[25] Там же. С. 74.

[26] Там же. С. 75; *Михалев С. Н.* Указ. соч. С. 320–321.

[27] *Михалев С. Н.* Указ соч. С. 321.

[28] Киевский УР был возведен в 250 км от границы.

[29] Советский Союз: накануне великих испытаний. С. 564.

[30] Там же. С. 565.

[31] 1941 год: уроки и выводы. М., 1992.

[32] *Сандалов Л. М.* Первые дни войны. М., 1989. С. 8.

[33] Цит. по: Советский Союз: накануне великих испытаний. С. 566.

[34] Инженерные войска Советской Армии 1918–1945 гг. М., 1985. С. 187.

[35] Советский Союз: накануне великих испытаний. С. 567.

[36] Тыл Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1977. С. 32.

[37] Страна Советов за 50 лет. Сборник статистических материалов. М., 1967. С. 88.

[38] Например, заключенные Вяземлага привлекались к участию в строительстве автомагистрали Москва — Минск.

[39] Военно-технический прогресс и Вооруженные силы СССР. М., 1982. С. 132.

[40] ЦАМО. Ф. 35. Оп. 28737. Д. 1. Л. 7, 33, 116, 292, 294.

[41] См.: Советский Союз: накануне великих испытаний. С. 576.

[42] *Макар И. П.* Из опыта развертывания Вооруженных сил СССР на случай войны с Германией и непосредственной подготовки к отражению агрессии // Военно-исторический журнал. 2006. № 6.

[43] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 367.

[44] См.: 1941 год: уроки и выводы. С. 82.

[45] Там же. С. 83.

[46] *Макар И. П.* Указ. соч.

[47] *Михалев С. Н.* Указ. соч. С. 599.

[48] ЦАМО. Ф. 326. Оп. 5109. Д. 11. Л. 11.

[49] Советский Союз: накануне великих испытаний. С. 579.

[50] См.: Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. Кн. 1. С. 120; Советский Союз: накануне великих испытаний. С. 579; Военно-исторический журнал. 1959. № 4. С. 65.

[51] См.: 1941 год: уроки и выводы; *Михалев С. Н.* Указ. соч. С. 599.

[52] См.: 1941 год: уроки и выводы. С. 93–94.

[53] Там же.

[54] См.: там же; *Михалев С. Н.* Указ соч. С. 599.

[55] Таблица составлена по: Боевой и численный состав Вооруженных сил в период Великой Отечественной войны (1941–1945). Стат. сб. № 1. М., 1994; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945. Т. 2. М., 1958. С. 44, 151–153; Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. Кн. 1. С. 123, 136, 148, 155; *Михалев С. Н.* Указ. соч. С. 600. Соотношение сил на Западном (Восточноевропейском) театре к 22 июня 1941 г. на протяжении последних лет было предметом дискуссии. Манипулирование цифрами привело к тому, что в одном случае в составе РККА показывают только новые танки и самолеты выпуска 1940–1941 гг., благодаря чему создается представление о превосходстве противника в силах и средствах. В другом случае в состав группировки противника, противостоявшей советским приграничным военным округам, включаются стратегические резервы (второй стратегический эшелон), а данные о втором стратегическом эшелоне РККА в расчет не берутся. Наиболее точные сведения о соотношении сил и средств на 22 июня 1941 г. приведены в труде «Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн.». См.: Кн. 1. С. 123, 136, 148, 155.

Причины расхождений данных, приведенных в таблице и содержащихся в тексте, заключаются в следующем: в состав группировки советских войск включены 16 дивизий, находившихся в резерве Главного командования; в число самолетов советских ВВС наряду с боевыми самолетами (бомбардировщики, штурмовики, истребители, разведчики) включены 403 небоевые машины; из состава группировки противника исключены восемь дивизий, находившихся в резерве; общее количество личного состава вермахта и его союзников показано с некоторым превышением.

[56] См.: *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1974. 2-е изд. Т. 1. С. 283.

Последние дни перед войной

К середине июня кризис в советско-германских отношениях достиг кульминации. Вермахт завершил развертывание своих войск на советско-германской границе. По другую сторону границы, на территории Советского Союза, сосредоточивалась крупная группировка Красной армии. Столицы ведущих держав мира наполнялись тревожными противоречивыми слухами относительно исхода этого противостояния.

Советское руководство ясно понимало, что, несмотря на подписанный договор о ненападении, Германия остается главной угрозой для страны, и стремилось выиграть время для укрепления обороны. На решение этой первостепенной задачи была нацелена вся внутренняя и внешняя политика страны.

Внешняя политика Советского Союза в этот критический период, как отмечают отечественные историки, имела два основных вектора: превентивный (сдерживающий), целью которого было предотвратить нападение Германии и ее союзников на СССР, и коалиционный, направленный, при наихудшем развитии событий, на создание коалиции государств и народов для борьбы с агрессорами[1].

Попытка избежать столкновения с Германией в тот момент, когда СССР еще не был готов к полномасштабной войне, предполагала не только интенсивные разнонаправленные дипломатические акции, но и проведение ряда оборонительных мер, которые должны были если не устрашить Гитлера, то по крайней мере заставить его задуматься относительно возможности легкой победы. Со стороны советского руководства речь, по существу, шла о балансировании на грани войны с отчаянной попыткой добиться на этом этапе мирного разрешения кризиса.

Не менее напряженной была коалиционная политика Кремля, стремившегося прорвать кольцо изоляции, не допустить ситуации, когда Советский Союз остался бы один на один с немецко-фашистской коалицией. Чем меньше времени оставалось до великого испытания, тем труднее было советскому руководству решить две почти противоположные задачи: с одной стороны, не допустить втягивания Советского Союза в войну в результате провокации или пограничного инцидента с германскими войсками, с другой — осуществить все необходимые мероприятия по подготовке Красной армии к нападению вермахта. Решения приходилось принимать в условиях быстро меняющейся политической обстановки, мощной дезинформационной кампании, развернутой Германией и рядом других европейских государств, перенапряжения физических и моральных сил.

13 июня 1941 г. ровно в 18.00 по московскому времени в открытый эфир московским радио было передано сообщение ТАСС.

В нем говорилось, что «СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными», а также что, «по данным СССР, Германия неуклонно соблюдает условия советско-гер-

манского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерениях Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям»[2].

Вечером того же дня текст сообщения ТАСС был вручен министром иностранных дел СССР В. М. Молотовым германскому послу графу Ф.-В. Шуленбургу, а послом СССР в Великобритании И. Майским — премьер-министру У. Черчиллю. На следующий день, 14 июня, документ был обнародован в советских центральных изданиях[3]. В Германии сообщение ТАСС опубликовано не было. Вместо этого в германском посольстве в Москве была открыта экспозиция о блицкриге на Балканах, включающая фотографии бомбежек Белграда и оккупации Афин[4]. Любопытная деталь: за несколько дней до немецкого вторжения в Норвегию посол Германии в Осло продемонстрировал фильм о блицкриге в Польше[5].

Публикации сообщения ТАСС придавалось особое значение. На первый взгляд, оно служило лишним подтверждением недальновидности советского руководства, которое, «доверившись» Гитлеру, отказывалось замечать очевидные факты форсированной подготовки Германии к войне. При этом, однако, необходимо иметь в виду чрезвычайную сложность и запутанность обстановки последних предвоенных дней, многоходовые международные интриги заинтересованных стран, стремившихся столкнуть СССР с Германией и тем самым облегчить положение западных демократий. Вероятность ошибки на фоне обширной противоречивой информации, в изобилии поступающей каждый день, была чрезвычайно велика[6].

Сообщение ТАСС вызвало неоднозначную реакцию в советском обществе. Немалую часть командиров Красной армии, не говоря уже о рядовых гражданах, оно дезориентировало. Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян писал в своих мемуарах: «Организационная пассивность, на которую Сталин и руководство Наркомата обороны обрекали войска пограничных округов, усугублялась подчас неумной пропагандой, дезориентировавшей воинов, притуплявшей их бдительность. Этому способствовало и опубликованное 14 июня специальное сообщение ТАСС...»[7]

Существуют, однако, авторитетные свидетельства иного рода. Генерал армии К. Н. Галицкий, служивший перед началом войны командиром 24-й Железной Самарско-Ульяновской дивизии в составе 3-й армии Западного Особого военного округа (Молодечно, БССР) следующим образом охарактеризовал реакцию на сообщение ТАСС: «Практического влияния на наши войска это сообщение не оказало, так как мы действовали в соответствии с указаниями командования и продолжали напряженную подготовку к отражению возможной агрессии»[8].

Маршал Советского Союза А. М. Василевский, служивший в тот период в звании генерал-майора в оперативном управлении Генерального штаба, в своей книге «Дело всей жизни» отмечал: «У нас, работников Генерального штаба, как, естественно, и у других советских людей, сообщение ТАСС поначалу вызвало некоторое удивление. Но поскольку за ним не последовало никаких принципиально новых директивных указаний, стало ясно, что оно не относится ни к Вооруженным силам, ни к стране в целом. К тому же в конце того же дня первый заместитель начальника Генерального штаба генерал Н. Ф. Ватутин разъяснил, что целью сообщения ТАСС являлась проверка истинных намерений гитлеровцев, и оно больше не привлекало нашего внимания»[9].

Анализ обстановки тех дней и текстуальный анализ самого сообщения, во многом воспроизводившего предыдущую официальную риторику Гитлера в отношении Советского Союза, подтверждают эту версию, позволяя утверждать, что главной целью сообщения было не «умиротворение» Гитлера, а решение не терпящих отлагательства дипломатических и военных задач накануне войны.

Советские пограничники в дозоре.
Фотография сделана на одной из застав на западной границе СССР 20 июня 1941 г.

Сообщение ТАСС предоставляло Германии возможность выступить с предложением переговоров относительно спорных вопросов в двусторонних отношениях. Одновременно руководство СССР снимало с себя ответственность за начало надвигавшейся войны, создавая тем самым предпосылки для установления союзнических отношений с западными демократиями, для которых общественное мнение было важным фактором при формировании внешнеполитического курса.

15 июня 1941 г. в дневнике министра пропаганды Германии Г. Геббельса появилась запись: «Опровержение ТАСС оказалось более сильным, чем можно было предположить по первым сообщениям. Очевидно, Сталин хочет с помощью подчеркнуто дружественного тона и утверждений, что ничего не происходит, снять с себя всевозможные поводы для обвинений в развязывании войны»[10].

Официальной реакции Берлина не последовало. «Ответом» Гитлера стало совещание, проведенное им 14 июня в имперской канцелярии с высшим генералитетом вермахта для последних указаний перед началом войны. На совещании были заслушаны доклады командующих группами армий, армиями и танковыми группами о предстоящих действиях в операции «Барбаросса»[11].

Затем фюрер произнес политическую речь, в которой в очередной раз привел аргументы для нападения на СССР, главным из которых было то, что только разгром Советского Союза вынудит Англию прекратить борьбу. Опасаясь, что советское руководство в последний момент попытается помешать его планам, выступив с различного рода мирными предложениями, он отдал указание блокировать доступ советских официальных лиц к руководству рейха.

Сообщение ТАСС помимо Германии в не меньшей степени предназначалось США и Великобритании, с которыми у Советского Союза сохранялись по-прежнему сложные отношения, характеризующиеся взаимным недоверием и в то же время поисками сотрудничества в надвигающейся войне. Не случайно с первых же слов оно адресовалось к британскому послу: «Еще до приезда английского посла в СССР г. Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще иностранной печати стали муссироваться слухи о «близости войны СССР и Германией»... Советский Союз стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает войска у границ последней... Слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными...»

Смысл этого обвинения становится понятен лишь при анализе тогдашнего состояния советско-британских отношений. Великобритания, которой длительное время удавалось выходить победительницей из крупных европейских конфликтов, на момент сообщения ТАСС находилась на грани катастрофы. Вступив в войну 3 сентября 1939 г., она в этом году вследствие развернутой немцами подводной войны теряла в среднем по два торговых судна ежедневно, в 1940 г. — уже три. «За первые шесть месяцев 1941 г. мы потеряли 760 торговых судов, потопив всего 12 подводных лодок», — подвел удручающую статистику М. Кэсуэлл, военно-морской атташе при посольстве Великобритании в СССР[12]. Британский торговый флот был фактически истреблен, запасы продовольствия на острове иссякали, промышленность, работающая преимущественно на привозном сырье, была близка к остановке. При этом ни одна британская колония или доминион не могли оказать решающей помощи метрополии, переживавшей черные дни. Итальянский диктатор Б. Муссолини, пожелавший «принять участие в дележе добычи», в тот момент наносил удары по англичанам в Средиземном море. Франкистская Испания, заняв международную зону Танжера, претендовала на британскую твердыню Гибралтар. На Дальнем Востоке Япония требовала закрытия Бирманской дороги, чтобы воспрепятствовать английским поставкам в Китай.

Американская помощь Великобритании, только начинавшая набирать обороты, не могла компенсировать понесенные потери.

Вовлечение Советского Союза в войну могло предоставить долгожданную передышку. Через посла С. Криппса, назначенного в Москву в мае 1940 г., У. Черчилль направил личное

Английские военнослужащие у обломков самолета Р. Гесса.
Май 1941 г.

послание Сталину, в котором высказал стремление к улучшению взаимоотношений между СССР и Великобританией[13].

Двусторонние отношения на какое-то время обострились после неожиданного прилета в Шотландию 10 мая 1941 г. Р. Гесса, заместителя Гитлера по НСДАП, о чем говорилось ранее. По одной из последних версий, полет Гесса в Великобританию был санкционирован лично Гитлером. Перед Гессом была поставлена задача «если не склонить Англию к военному союзу против СССР, то, по крайней мере, всеми доступными средствами добиться ее нейтралитета»[14]. Схожей версии придерживается в своей книге «Десять дней, которые спасли Запад» американский историк Дж. Костелло, утверждающий: либо Гесс прибыл в Англию с молчаливого согласия Гитлера, либо это был заговор британской разведки, заманившей его в Шотландию[15].

В тот момент прилет Гесса в Англию был расценен советским руководством как подтверждение предыдущих угроз С. Криппса о возможности заключения сепаратного мира между Великобританией и Германией. Тем более что и на этот раз британская дипломатия попыталась использовать «фактор Гесса» как средство давления на СССР, подтверждение того, что «во влиятельных кругах Германии усилились тенденции к заключению компромиссного мира с Великобританией»[16]. Атмосфера секретности, которой британские власти окружили все, что касалось Гесса, лишь укрепляла уверенность Москвы в том, что начались закулисные мирные переговоры. Логично было предположить, что сосредоточенные у советских границ германские войска ждут сигнала о заключении мира на Западе.

Перед своим отъездом в начале июня в Лондон «для консультаций» С. Криппс заявил первому заместителю наркома иностранных дел А. Я. Вышинскому о том, что может не вернуться в Москву. Его отъезд совпал с эвакуацией служащих и членов их семей британского и других посольств. С прибытием Криппса в Лондон 11 июня в английской и мировой печати стали активно распространяться слухи о близости войны между СССР и Германией и «внезапном ухудшении англо-русских отношений».

Таким образом, с одной стороны, были позитивные встречи министра иностранных дел А. Идена с советским послом Майским в Лондоне 5-го, 10-го и, наконец, 13 июня 1941 г., в ходе которых министр предупреждал «об опасности, угрожающей его стране» со стороны гитлеровской Германии, и готовности оказать посильную помощь. 14 июня, в день опубликования сообщения ТАСС, Лондон в ноте, направленной советскому правительству, вновь сообщил «о концентрации германских войск на советских границах»[17].

С другой стороны, советскому руководству регулярно поступала информация о распространении британскими спецслужбами дезинформации о том, что Советский Союз, получив данные о готовящемся нападении Гитлера, решил упредить его и нанести превентивный удар по Германии. В конечном счете это вынудило Сталина пренебречь дипломатическими условностями и в сообщении ТАСС прямо указать на позицию, занятую британским послом.

Еще одним адресатом сообщения ТАСС были США, которые потенциально являлись наиболее важным для Советского Союза союзником.

Советскому руководству было известно, что Вашингтон долгое время вел дипломатические игры, направленные на то, чтобы добиться примирения Англии и Франции с Германией на антисоветской основе. Лишь после неожиданно скоротечного разгрома Франции, осознания того, в каком катастрофическом положении находится Англия, и в результате нарастания угрозы для собственной безопасности во внешнеполитическом курсе США произошли ощутимые изменения: принят закон о ленд-лизе, позволивший оказать существенную помощь Великобритании, оказавшейся на «передней линии» обороны, и отменено «моральное эмбарго» на торговлю с Советским Союзом. Однако вплоть до последних дней у Вашингтона не было четкой политики относительно европейской войны. «Основная цель заключалась в том, — констатировал американский историк Д. Варне, — чтобы выжидать развития событий, не событий вообще, а главного, которое могло бы открыть возможности для действий. Таким событием являлось нападение Гитлера на Россию»[18].

Взаимному недоверию способствовала несогласованность переговорного процесса, в том числе по соображениям секретности. В недавно опубликованном дневнике И. М. Майского, советского посла в Великобритании, содержится следующая запись, сделанная во второй половине дня 21 июня 1941 г.: «После «ланча» меня спешно вызвали в Лондон [Майский находился на даче] по просьбе Криппса [английского посла в Москве, находившегося в это время в Лондоне]. Он приехал ко мне в 4.30 дня. Опять говорил о неизбежности нападения Германии на СССР... Он договорился с бритпра [британским правительством] о посылке в Москву военной и экономической миссий — немедленно же по открытии военных действий... Криппс однако хотел знать: каково будет отношение совпра [советского правительства] по всем этим планам? Сочтет ли совпра возможным сотрудничать с Англией в случае германского нападения? Или предпочтет действовать вполне независимо? Я не мог дать определенного ответа на вопрос Криппса и обещал немедленно снестись с Москвой»[19].

В ответ на запрос Майский получил 22 июня следующую телеграмму наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова: «Если заявление Криппса о присылке военной миссии и экономических экспертов действительно отражает позицию Британского правительства, советское правительство не возражает, чтобы эти две группы английских представителей были присланы в Москву. Понятно, что советское правительство не захочет принять помощь Англии без компенсации и оно в свою очередь готово будет оказать помощь Англии»[20].

В большой и рискованной дипломатической игре, которая велась накануне войны, Сталин не упускал из виду и Японию, стремясь в первую очередь избежать войны на два фронта — против Германии и Японии. Сообщение ТАСС прямым текстом известило Токио, что в случае войны именно СССР станет жертвой вероломного нападения Германии, тем самым дав козырь влиятельным сторонникам соблюдения Японией нейтралитета в отношении СССР.

Развязывание хитросплетений внешней политики сопровождались скрытными военными приготовлениями, целью которых являлось постепенное сосредоточение и развертывание войск в приграничных районах, не дающее, однако, повода для обвинения в инициировании войны. Не случайно в сообщении ТАСС подчеркивалось, что происходящие летние сборы контингентов запаса Красной армии и предстоящие маневры, которые проводятся ежегодно, «по меньшей мере, нелепо изображать как враждебные Германии».

13 июня 1941 г. нарком обороны С. К. Тимошенко и начальник Генштаба Г. К. Жуков направили командованию Киевского Особого военного округа, находившегося, как считалось в Кремле, на наиболее угрожаемом юго-западном направлении, директиву № 549, в которой приказывалось: «Для повышения боевой готовности войск округа к 1 июля 1941 г. все глубинные дивизии и управления корпусов с корпусными частями перевести ближе к госгранице в новые лагеря согласно прилагаемой карте... С войсками вывезти полностью возимые запасы огнеприпасов и горюче-смазочных материалов»[21]. Напомним, что до этого сразу после прилета Р. Гесса в Англию был осуществлен комплекс дополнительных мер по повышению обороноспособности западных военных округов.

Угроза надвигающейся войны стала одной из причин того, что в ночь на 14 июня в Латвии, Литве и Эстонии, включенных в состав СССР, НКВД начал депортацию «неблагонадежных» семей в Сибирь[22]. Исходя из военной целесообразности эта мера была оправдана стремлением избежать враждебных акций в тылу воюющих войск.

14 июня нарком обороны СССР С. К. Тимошенко и начальник Генерального штаба Г. К. Жуков обратились к председателю СНК И. В. Сталину с предложением о приведении войск в полную боевую готовность. Сталин ответил отказом, не желая брать на себя ответственность за развязывание войны. Было утверждено другое предложение. С 14 по 19 июня командования приграничных округов получили указания вывести фронтовые (армейские) управления на полевые пункты со сроком исполнения к 22–23 июня. 14 июня заместитель наркома обороны генерал армии К. А. Мерецков был направлен в Западный и Прибалтийский Особые военные округа для проверки боеготовности ВВС.

С 15 июня в разведывательных сообщениях, докладывавшихся Сталину, все чаще стала звучать повторяющаяся дата возможного начала войны — 22 июня. Сообщалось также о начале мобилизации в Румынии.

15 июня более половины дивизий, составлявших второй эшелон и резерв западных военных округов, были приведены в движение. Всего к началу войны осуществляли выдвижение из резерва приграничных округов около 32 дивизий, из них только четыре-пять успели сосредоточиться в новых районах. Эти мероприятия проводились с особой осторожностью и соблюдением мер маскировки. Нарком обороны, Генеральный штаб и командующие военными приграничными округами были предупреждены Сталиным о личной ответственности за последствия, которые могут возникнуть из-за неосторожных действий наших войск[23].

В тот же день по указанию Гитлера генерал-полковник Г. Гудериан вылетел в Варшаву, где находился штаб 2-й танковой группы, входившей в состав группы армий «Центр», чтобы приступить к осмотру частей и исходных позиций для наступления, а также к согласованию вопросов взаимодействия с соседними соединениями.

16 июня за подписью Сталина вышло Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об ускорении приведения в боевую готовность укрепленных районов». В целях вооружения укрепрайонов была санкционирована передача 2,7 тыс. пулеметов из тыловых частей и 5 тыс. пулеметов из мобилизационного запаса Дальневосточного фронта.

17 июня Верховное командование вооруженных сил Германии отдало окончательный приказ о начале осуществления плана «Барбаросса» 22 июня. По условному сигналу «Дортмунд» немецко-фашистские армии должны были перейти границу Советского Союза. Общее количество германских дивизий и соединений ее сателлитов, предназначенных для нападения на СССР, составляло 190 дивизий[24]. Всего в германских сухопутных соединениях и частях, авиации и военно-морских силах и союзных им войсках, развернутых против СССР, насчитывалось до 5,5 млн солдат и офицеров. История войн не знала примера, когда для начального периода войны было сосредоточено такое гигантское количество людей и техники.

Нарком госбезопасности В. Н. Меркулов подготовил секретную записку № 2279/М от 17 июня 1941 г. с агентурным сообщением о готовности Германии напасть на СССР, в котором указывались объекты бомбардировок и говорилось о назначении начальников военно-хозяйственных управлений на будущей оккупированной советской территории[25]. Именно это донесение Сталин расценил как дезинформацию и поставил резолюцию с использованием ненормативной лексики.

Дезинформационная кампания против СССР в это время шла полным ходом. Когда военные приготовления уже невозможно было скрыть, в соответствующих ведомствах Германии, где потенциально могла действовать советская агентура (МИД, Генштаб, люфтваффе, Министерство экономики и т. п.), стали распространяться слухи о том, что Германия прибегла к подобным мерам с единственной целью — принудить советское руководство принять условия ультиматума: присоединиться к оси Рим — Берлин — Токио и увеличить поставки стратегического сырья в Германию. Военная стратегия Германии была якобы по-прежнему нацелена против Великобритании. Подтверждением этому служит десантная операция немцев на остров Крит 20–31 мая 1941 г., которую можно было рассматривать как своеобразную репетицию перед вторжением на Британские острова. Не исключался, впрочем, и перенос острия германского удара с метрополии на ближневосточные владения Великобритании. Правдоподобность дезинформации заключалась в том, что она логически вытекала из предыдущей политики Гитлера: методом шантажа и угроз добиваться значительных уступок от протагонистов — например, Чехословакии и Австрии.

Г. К. Жуков вспоминал: «Я хорошо помню слова Сталина, когда ему докладывали о подозрительных действиях германских войск: «Гитлер и его генералитет не такие дураки, чтобы воевать одновременно на два фронта, на чем сломали себе шею в первую мировую

войну», и далее — «...у Гитлера не хватит сил, чтобы воевать на два фронта, а на авантюру Гитлер не пойдет»[26].

17 июня 2-я немецкая танковая группа завершила развертывание и заняла исходные позиции для наступления. Генерал Г. Гудериан провел рекогносцировку реки Западный Буг. Всеобщую мобилизацию объявила Финляндия.

На западной границе в полосе 86-го погранотряда была задержана группа вражеских агентов, имевших задание взорвать железнодорожное полотно на нескольких участках, о чем было доложено в Москву.

В ночь на 18 июня к Сталину был вызван командующий ВВС РККА генерал-лейтенант П. Ф. Жигарев, который получил указание немедленно организовать воздушную разведку приграничных районов. Поручение разведать именно белорусский участок границы свидетельствовало о том, что Сталин отводил западному направлению первостепенное значение.

18 июня полковник Г. Н. Захаров со штурманом 43-й истребительной авиадивизии майором Румянцевым совершили на самолете У-2 разведывательный облет белорусского участка государственной границы протяженностью 400 км к югу от Белостока с посадками через каждые 50 км для передачи донесений об увиденном через пограничников наркому внутренних дел Л. П. Берии и И. В. Сталину. Донесения Захарова свидетельствовали о массовой переброске немецких войск к советской границе[27].

В тот же день Генштаб по распоряжению председателя СНК отдал приказ командующим западными военными округами о принятии мер по повышению боевой готовности войск. Командующие Прибалтийским, Ленинградским, Западным, Киевским и Одесским военными округами, а также Балтийским, Черноморским и Северными флотами получили соответствующий приказ за подписью начальника Генерального штаба РККА генерала армии Г. К. Жукова. Данная шифротелеграмма не обнаружена в архивах РФ, но упоминание о ней содержится на 70-м листе 4-го тома следственного дела по обвинению командования ЗапОВО, где зафиксировано показание начальника связи ЗапОВО генерал-майора А. Т. Григорьева: «И после телеграммы начальника Генерального штаба от 18 июня войска округа не были приведены в боевую готовность...»[28] Аналогичные свидетельства содержатся также в ответах опрошенных после войны генералов, командовавших перед войной в западных округах (материалы комиссии под руководством генерал-полковника А. П. Покровского)[29], а также в отдельных документах командования Прибалтийского Особого военного округа, донесениях командующих флотами о приведении вверенных им флотов в боевую готовность № 2, датированных 18 июня, в частности в «Приказе Командующего Прибалтийским Особым военным округом № 00229 от 18 июня 1941 г. управлению и войскам округа о проведении мероприятий с целью быстрейшего приведения в боевую готовность театра военных действий округа»[30]. В соответствии с ним войска округа должны были занять исходные районы (районы сосредоточения) к 21 июня.

18 июня на стол Сталина легла докладная народного комиссара госбезопасности СССР В. Н. Меркулова о массовом отъезде в Германию сотрудников посольства, их семей. Началась также эвакуация женщин и детей из других посольств.

По некоторым свидетельствам, в этот день, 18 июня 1941 г., Сталин обратился к Гитлеру с просьбой принять министра иностранных дел В. М. Молотова для срочных переговоров. Этот факт был зафиксирован в дневнике начальника Генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдера[31]. Председатель СНК, по многим свидетельствам, по-прежнему не верил в возможность скорой войны. По его мнению, только безответственный авантюрист, не имея общего превосходства в силах (только в советских приграничных округах находились 170 дивизий и две бригады), рискнул бы напасть на Советский Союз, поставив себя перед угрозой ведения войны на два фронта. Донесения разведки Сталина не разубедили. Историки разведки пришли к выводу, что, «будучи доложенной руководству страны в разобщенном виде, информация о военных приготовлениях не создавала убедительной целостной картины

происходящих событий, не отвечала на главный вопрос: с какой целью эти приготовления осуществляются, принято ли правителями Германии политическое решение о нападении, когда следует ожидать агрессии, каковы будут стратегические и тактические цели ведения противником военных действий»[32].

В результате обсуждения конкретных мер парирования угрозы немецкого нападения — от необходимости нанесения упреждающего удара до уверенности в том, что Германию удастся удержать на какое-то время от войны дипломатическими акциями и сдерживанием в результате концентрации приграничных войск, — ставка была сделана на последнее.

18 июня был подписан договор о дружбе и ненападении между Германией и Турцией. Подписание договора явилось важным звеном в дипломатической подготовке Германии к войне с Советским Союзом.

В этот же день в полосе 87-го погранотряда была задержана группа диверсантов с заданием организовать крушение поездов поблизости ст. Лунинец, чтобы облегчить действия германской авиации[33].

Не получив из Берлина ответ на свою просьбу, Сталин распорядился ускорить проведение оборонительных мер. В шифротелеграмме начальника Генерального штаба Г. К. Жукова от 19 июня командующему войсками Киевского Особого военного округа генерал-полковнику М. П. Кирпоносу предписывалось: «К 22.06.1941 г. управлению выйти в Тернополь, оставив в Киеве подчиненное Вам управление округа... Выделение и переброску управления фронта сохранить в строжайшей тайне, о чем предупредить личный состав штаба округа»[34]. Командование округом было предупреждено о возможности нападения Германии в ближайшие дни без объявления войны. В то же время приказ о приведении войск в полную боевую готовность не последовал.

19 июня Балтийский, Черноморский и Северный флоты были переведены на оперативную готовность № 2. В этот же день Народный комиссариат обороны СССР издал приказ № 0042 о рассредоточении и маскировке самолетов во всех приграничных округах[35]. Приказ требовал произвести маскировку военных объектов, выкрасить танки и засеять все аэродромы травой, а также обеспечить полную ненаблюдаемость с воздуха складов, мастерских артиллерийских парков. Срок исполнения — к 1 июля.

В тот же день в Будапешт прибыл генерал Ф. Гальдер с задачей склонить регента Венгрии М. Хорти на участие венгерской армии в военном походе против СССР.

Советский посол во Франции А. Е. Богомолов телеграфировал 19 июня в Наркоминдел: «Сейчас здесь все журналисты болтают о всеобщей мобилизации в СССР, о том, что Германия предъявила нам ультиматум об отделении Украины и передаче ее под протекторат Германии и прочее. Слухи эти идут не только от англичан и американцев, но и от немецких кругов. По-видимому, немцы, пользуясь этой агитацией, готовят решительную атаку на Англию»[36].

В сообщениях из Москвы иностранные корреспонденты обращали внимание на спокойствие и уверенность, царящие в советской столице. «Население Москвы, — писала «Нью-Йорк таймс», — занято своим обычным повседневным делом, работает и покупает в хорошо обеспеченных товарами магазинах и присутствует на популярных в Советском Союзе футбольных матчах. Ничто в настроении русских не указывает на приближение советско-германского конфликта, в то время как официальная позиция подтверждает, что Советский Союз продолжает твердо и полностью свою независимую внешнюю политику»[37]. «Летний отдых трудящихся» — так называлась передовица газеты «Правда» от 19 июня[38].

20 июня 1941 г. НКГБ в разведывательной сводке о военных приготовлениях Германии сообщил о продолжающемся сосредоточении германских войск, а также о том, что с 10 по 19 июня пограничными отрядами НКВД зафиксировано 86 случаев нарушения границы СССР иностранными самолетами. Наркомат обороны СССР фактически повторил предыдущий приказ о маскировке, теперь за № 0043, возложив персональную ответственность за его

исполнение на командующих ВВС округов. Об исполнении приказано ежедневно доносить начальнику Главного управления ВВС Красной армии[39].

Генерал армии К. Н. Галицкий писал в своих воспоминаниях: «20 июня... На прощание командующий армией (командующий 3-й армией Западного (Белорусского) Особого военного округа генерал-лейтенант В. И. Кузнецов. — *Прим. авт.*) сказал мне: «Положение тревожное. Мною отдан приказ вывести часть войск ближе к границе, к северо-западу от Гродно. Поезжайте к себе, подготовьте всё к приведению частей в готовность в соответствии с планом поднятия по боевой тревоге»[40].

В этот же день главный идеолог нацизма А. Розенберг обратился к высшему генералитету с разъяснением политических целей предстоящей кампании против СССР и планах по ее расчленению: «Сегодня мы ищем не «крестового похода» против большевизма только для того, чтобы освободить «бедных русских» на все времена от этого большевизма, а для того чтобы проводить германскую мировую политику и обезопасить Германскую империю. Мы хотим решить не только временную большевистскую проблему, но также те проблемы, которые выходят за рамки этого явления, как первоначальная сущность европейских исторических сил... Мы должны продвинуть далеко на Восток сущность Европы...»[41]

В дневнике командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала Ф. фон Бока появилась запись следующего содержания: «Меня посетил господин X., только что вернувшийся из Москвы. Он рассказал мне ситуацию по ту сторону границы. Руководящие (военные) люди в России считают, что война с Германией неизбежна. Господин X. надеется, что они не сомневаются также и в том, что Россия потерпит поражение!»[42]

В этот день шесть немецких самолетов с бомбовым грузом нарушили советскую границу на западе. В Ленинградском военном округе получены сведения о сосредоточении у границы Финляндии войск. Начальник штаба округа генерал-майор Д. Н. Никишов отдал приказ начальнику инженерных войск готовить наиболее угрожаемые районы к боевому прикрытию[43].

«Германия и Россия лицом к лицу» — под таким заголовком 20 июня открылись международные сообщения газеты «Нью-Йорк Таймс». Далее следовали подзаголовки: «Войска сосредоточены вдоль границы», «Дымовая завеса слухов», «Сообщают, что Кремлю предъявлены требования». Корреспондент «Нью-Йорк таймс» Сульцбергер передавал из Анкары: «Дипломатические источники из двух различных стран, граничащих с Советским Союзом, получили сообщения, что германское военное нападение на Россию может начаться в течение ближайших 48 часов... Немцы, поддерживаемые румынами и финнами, будто бы начнут мощное наступление на всем протяжении от Черного моря и до Арктики»[44].

20 июня в Хельсинки был объявлен призыв резервистов до 44 лет. Слушатели военных училищ произведены в офицеры. Гражданское железнодорожное сообщение резко сократилось, уступив место военным перевозкам.

Газета «Правда» в этот день в передовой, озаглавленной «Против болтунов и бездельников», призвала бороться за деловитость в работе, против болтовни и трескотни, прикрывающей бездеятельность[45].

21 июня командование Прибалтийского Особого военного округа сообщило начальнику Генштаба генералу армии Г. К. Жукову о выдвижении германских частей к границе. В 13.00 по берлинскому времени войска вермахта получили сигнал «Дортмунд», означающий — наступление, как и было запланировано, начнется 22 июня на рассвете.

Работник советского посольства В. М. Бережков вспоминал: «В субботу 21 июня в Берлине стояла отличная погода. Уже с утра день обещал быть жарким, и многие наши работники готовились во второй половине дня выехать за город — в парки Потсдама или на озера Ванзее и Николасзее, где купальный сезон был в самом разгаре». Лично Бережкову было поручено обратиться в министерство иностранных дел Германии с заявлением, в котором требовались объяснения в связи с концентрацией германских войск вдоль границ Советского Союза. Добиться приема ни у Риббентропа, ни у статс-секретаря барона фон Вейцзеккера

ему не удалось. Уже вечером советский посол в Берлине В. Г. Деканозов сумел встретиться с Вейцзеккером, вручив ему ноту протеста против нарушения советской границы германскими самолетами. Вейцзеккер с порога отверг все обвинения[46].

Накануне великой войны Гитлер предложил Геббельсу проехаться по Берлину. На коленях у него лежал текст объявления войны Советскому Союзу. Гитлер никак не мог решить, какими музыкальными заставками предварить передачи с Восточного фронта. В конце концов он остановился на тактах из «Прелюдий» Листа. В тот же день Гитлер обратился с письмом к Муссолини, обосновывая безотлагательную необходимость выступить против Советского Союза. Он сообщил дуче о якобы огромной концентрации советских войск на границе и о том, что англичане рассчитывают на русских и американцев. Последний, с кем Гитлер виделся в этот день, был все тот же Геббельс. Вместе они составили обращение к немецкому народу. Этот документ — еще одна попытка оправдаться перед историей, обвинив Россию в провоцировании войны, для Германии якобы оборонительной. Геббельс покинул фюрера в половине третьего утра.

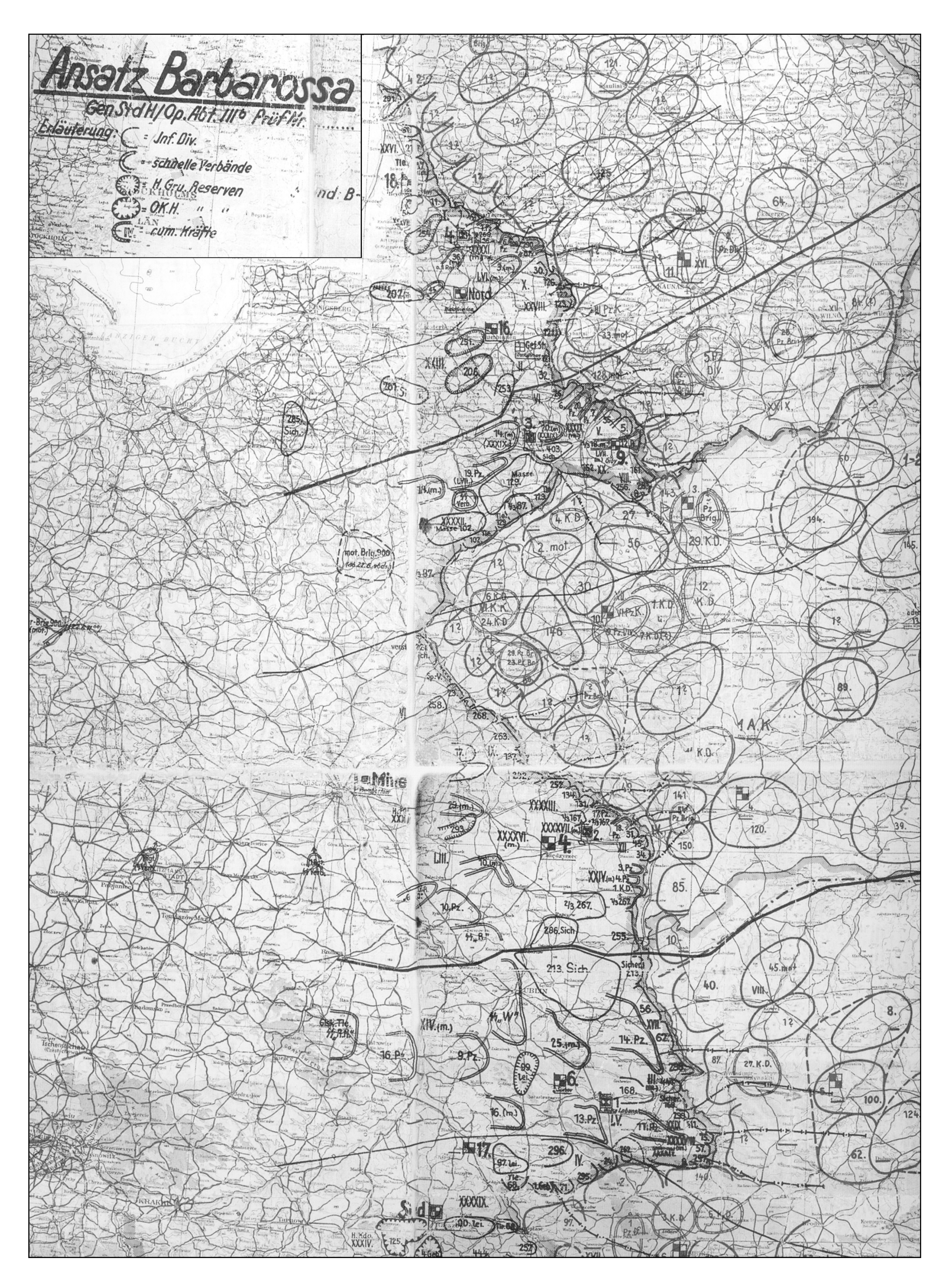
В субботу 21 июня в Москве стояла необычайная жара. Многие жители столицы устремились к водоемам. Вечером на оперных сценах шли «Риголетто» и «Травиата». 21 июня газета «Труд» писала: «В конце июня в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького около 50 тыс. студентов и преподавателей московских вузов соберутся на праздник, посвященный итогам учебного года. В этом празднике примут участие Герои Советского Союза, академики, знатные ученые. Окончившие институты готовятся пойти на предприятия. Десятки тысяч студентов направляются на производственную практику, едут на отдых»[47].

Из воспоминаний генерала армии И. В. Тюленева, командующего Московским военным округом: «В полдень мне позвонил из Кремля Поскребышев: ”С вами будет говорить товарищ Сталин...” В трубке я услышал глуховатый голос: ”Товарищ Тюленев, как обстоит дело с противовоздушной обороной Москвы?” Я коротко доложил главе правительства о мерах противовоздушной обороны, принятых на сегодня, 21 июня. В ответ услышал: ”Учтите, положение неспокойное, и вам следует довести боевую готовность войск противовоздушной обороны Москвы до семидесяти пяти процентов”. В результате этого короткого разговора у меня сложилось впечатление, что Сталин получил новые тревожные сведения о планах гитлеровской Германии»[48].

Весь этот день Сталин непрерывно проводил совещания с Молотовым, Тимошенко, Берией и другими представителями высшего политического и военного руководства страны. Вечером во время встречи с немецким послом В. Шуленбургом нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов пытался выяснить, чем вызваны слухи «о предстоящей войне между Германией и Советским Союзом». Его интересовали также причины массового отъезда из Москвы сотрудников германского посольства и их жен. Внятного ответа получено не было. Накануне немецкий посол получил телеграмму от Риббентропа: «По получении этой телеграммы весь шифрованный материал... подлежит уничтожению. Радиостанцию надо привести в негодность»[49].

Вечером 21 июня командование Западного Особого военного округа доложило в Москву о том, что немцы сняли проволочные заграждения, слышится шум моторов. В 23 часа на четвертом участке, занимаемом Владимир-Волынским погранотрядом, был задержан немецкий солдат 222-го саперного полка Альфред Лисков. Он сообщил командованию отряда, что в ночь на 22 июня германская армия перейдет в наступление[50]. Подобно А. Лискову, покинули свои воинские подразделения и сообщили о готовящемся нападении на СССР немецкие коммунисты Ганс Циппель, Макс Эммендерфер, Франц Гольд и другие[51]. Информацию передали И. С. Сталину. С. К. Тимошенко, Г. К. Жуков и Н. Ф. Ватутин были вызваны в Кремль.

По воспоминаниям Жукова, он «захватил с собой проект «Директивы войскам», и они с Тимошенко «по дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность». После тяжелых раздумий Сталин согласился направить в приграничные округа директиву и объявить в этих округах «полную боевую готовность».



Фрагмент плана «Барбаросса»

Сталин в директиву Генштаба добавил слова: «Не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения». Передача директивы в округа была закончена в 00.30 минут 22 июня 1941 г. Около 23 часов 30 минут 21 июня нарком военно-морского флота Н. Г. Кузнецов отдал приказ объявить оперативную готовность № 1[52]. Своевременные меры обусловили организованное и четкое вступление кораблей, авиации и береговой артиллерии флотов в борьбу с врагом. Под утро не смыкавший глаз Жуков получил сообщения из приграничных округов о налетах германской авиации на советские города.

В полночь 22 июня экспресс Берлин — Москва проследовал, как обычно, через Брест. В 3 часа ночи все коменданты участков доложили по телефону начальнику Владимир-Волынского погранотряда, что вдоль всего противоположного берега Западного Буга слышен сильный гул моторов. На Ковельском направлении погранзаставы Любомльского погранотряда доложили о серии красных ракет за Бугом и о том, что все наряды стянуты к заставам.

В это время тысячи немецких танков выходили на исходные позиции, жерла тысяч немецких артиллерийских орудий устремлялись на восток, до условного сигнала оставались считанные минуты.

Около 3 часов утра последовал звонок в секретариат Наркомата иностранных дел из германского посольства: посол В. Шуленбург просил о встрече для важного сообщения. Почти одновременно — в Берлине было 4 часа утра — Риббентроп принял Деканозова. Рейхсминистр зачитал ноту советскому правительству об объявлении Германией войны Советскому Союзу. Так уже официально началась война, ставшая позднее для советского народа Великой Отечественной.

Несмотря на то что источниковая база, освещающая предвоенный период, значительно расширилась за счет рассекречивания отдельных фондов, многие важные документы не только российских, но и зарубежных архивов все еще ждут своего исследователя. Без них историческая картина кануна войны будет подвергаться попыткам ревизии, потому что анализ последних мирных дней давно перестал быть уделом профессиональных историков, оказавшись в эпицентре длящейся который год политизированной общественной дискуссии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Ржешевский О. А.* «Разговоры велись те, что нам было надо...» // Независимое военное обозрение. 2010.10 января.

[2] Сообщение ТАСС // Известия. 1941. 14 июня.

[3] См.: Правда. 1941. 14 июня.

[4] Times. 1941. June 20.

[5] New York Times. 1941. June 14.

[6] См.: *Соловьев Б., Суходеев В.* Полководец Сталин. М., 1999. С. 44.

[7] См.: *Баграмян И.* Тяжелое лето // Лит. газета. 1965. 17 апр.

[8] *Галицкий К. Н.* Годы суровых испытаний 1941–1944: Записки командарма. М., 1973. С. 30.

[9] См.: *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1984. С. 96.

[10] Цит. по: Военно-исторический журнал. 1997. № 4. С. 36.

[11] Нюрнбергский процесс. М., 1954. Т. 1. С. 400.

[12] Красная звезда. 1991. 29 августа.

[13] The Ironside Diaries 1937–1940. London, 1963. P. 176.

[14] *Григорьев Е.* Гитлер знал о полете Гесса в Великобританию // Независимая газета; Дипкурьер. 2011. 1 июня; Полет Р. Гесса. Историки заподозрили Гитлера в тайных переговорах с Лондоном // Лента. Ру. 2011. 30 мая.

[15] *Costello J.* Ten Days to Destiny. The Secret Story of the Hess Peace Initiative and British Efforts to Strike a Deal with Hitler. New York, 1992. P. 3.

[16] *Woodward L.* British Foreign Policy in the Second World War. Vol. I, London, 1970. P. 614.

[17] АВП СССР. Ф. 69. Оп. 3. Д. 6. П. 103. Л. 168–170.

[18] Foreign Relations of the United State (FRUS). 1941. Vol. 1. P. 766–767.

[19] Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943: в 2 кн. Кн. 2. Ч. 1. М., 2009. С. 412–413.

[20] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы: в 2 т. Т. 1. 1941–1943. М., 1983. С. 47. Криппс просил также заверить советское правительство, что Британское правительство «не допустит никакого промедления в оказании СССР (в случае нападения на него Германии) той помощи, на которую оно будет способно» (Там же. С. 513).

[21] ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 261. Л. 20–21.

[22] *Дюков А. Р.* Миф о геноциде: репрессии советских властей в Эстонии (1940–1953). М., 2007. С. 64.

[23] 1941 год: Уроки и выводы. М., 1992. С. 86.

[24] См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 1. С. 381–382.

[25] 1941 год: в 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 382.

[26] Там же. С. 500.

[27] *Захаров Г. Н.* Я — истребитель. М., 1985. С. 80.

[28] ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело № Р-24000. Рукопись. Подлинник.

[29] *Крикунов В. П.* Фронтовики ответили так! // Военно-исторический журнал. 1989. № 3, 5.

[30] ЦАМО. Ф. 344. Оп. 5564. Д. 1. Л. 34–35.

[31] *Гальдер Ф.* Военный дневник. М., 1968–1971. Т. 2. С. 579.

[32] См.: Секреты Гитлера на столе у Сталина: Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март — июнь 1941 г. Документы из Центрального архива ФСБ России. М., 1995. С. 12.

[33] См.: *Сандалов Л. М.* Пережитое. М., 1961. С. 90.
[34] 1941 год: Уроки и выводы. С. 87.
[35] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 62. Л. 201–203.
[36] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 347. Д. 2372. Л. 159.
[37] New York Times. 1941. June 19.
[38] Правда. 1941. 19 июня.
[39] ЦАМО РФ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 62. Л. 204–205.
[40] *Галицкий К. Н.* Указ. соч. С. 30.
[41] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 1. Накануне. Кн. 2 (1 января — 21 июня 1941 г.); РГАСПИ. Ф. 7445. Оп. 2. Л. 140–352.
[42] *Бок Ф. фон.* Я стоял у ворот Москвы: Военные дневники 1941–1945. М., 2006. С. 45.
[43] См.: Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945 гг.: Краткая история. М., 1965. С. 53.
[44] Times. 1941. June 20.
[45] Правда. 1941. 20 июня.
[46] См.: История дипломатии. Т. 4. 1939–1945. М., 1975. С. 179.
[47] Труд. 1941. 21 июня.
[48] *Тюленев И. В.* Через три войны. М., 1972. С. 66.
[49] Цит. по: *Churchill W.* Op. cit. Vol. 3. P. 327–328.
[50] См.: Пограничные войска СССР. 1939 — июнь 1941. Сборник документов и материалов. М., 1970. С. 404.
[51] См.: *Абрасимов П. А.* 30 метров от Бранденбургских ворот. М., 1983. С. 92.
[52] *Кузнецов Н. Г.* Накануне. М., 2003. С. 331.

ВСТУПЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО НАРОДА В БОРЬБУ С АГРЕССОРОМ

Вероломное нападение нацистской Германии и ее союзников на СССР

В воскресенье 22 июня 1941 г. фашистская Германия и ее союзники обрушили на нашу страну удар невиданной в истории армии вторжения: 190 дивизий, более 4 тыс. танков, 47 тыс. орудий и минометов, около 4,5 тыс. самолетов, до 200 кораблей, всего более 5 млн человек.

Первые удары еще на рассвете нанесла немецкая авиация. Сотни немецких бомбардировщиков вторглись в воздушное пространство Советского Союза. Они подвергли бомбардировкам аэродромы, районы расположения войск западных приграничных округов, железнодорожные узлы, линии связи и другие важные объекты, а также крупные города Литвы, Латвии, Эстонии, Белоруссии, Украины, Молдавии. Массированные налеты сорвали организованный подход войск второго эшелона советских приграничных округов к театру боевых действий, привели к массовым потерям личного состава и техники. Пострадали как крупные города (Киев, Минск), так и более мелкие населенные пункты, что вызвало дезорганизацию работы тыла и привело к срыву в ряде мест мобилизационных мероприятий.

Одновременно сосредоточенные на всем протяжении Государственной границы СССР войска вермахта открыли ураганный артиллерийский огонь по пограничным заставам, укрепленным районам, а также соединениям и частям Красной армии, дислоцированным в непосредственной близости от нее. После артиллерийской и авиационной подготовки они перешли Государственную границу СССР на огромном протяжении — от Балтийского моря до Черного. Началась Великая Отечественная война — самая тяжелая из всех войн, когда-либо пережитых страной.

Основные удары вермахта были направлены на Ленинград, Москву и Киев. На каждом направлении сосредоточивались усилия одной из групп армий.

Немецкая группа армий «Север» (командующий генерал-фельдмаршал В. Лееб) в составе 16-й и 18-й полевых армий и 4-й танковой группы (всего 29 дивизий), развернутая в Восточной Пруссии от Мемеля (Клайпеда) до Голдапа (230 км), получила задачу при поддержке 1-го воздушного флота разгромить советские войска в Прибалтике и захватом портов на Балтийском море, включая Ленинград и Кронштадт, лишить Краснознаменный Балтийский флот

Й. Риббентроп на пресс-конференции в Берлине объявляет о начале войны против СССР

Немецкие войска форсируют реку Буг

Немецкие артиллеристы ведут огонь по позициям советских войск

опорных баз. Уничтожение советских войск на этом направлении разрушало весь северный фланг обороны Советского Союза и влекло за собой смертельную угрозу всем сопротивляющимся силам Красной армии на центральном участке фронта, прикрывающим западное направление, а точнее сердце страны — Москву.

Группа армий «Центр» (командующий генерал-фельдмаршал Ф. Бок), сосредоточенная на главном, московском направлении, в составе 4-й и 9-й полевых армий, 2-й и 3-й танковых групп (всего 50 дивизий и 2 бригады) должна была при поддержке 2-го воздушного флота рассечь фронт советской обороны, окружить и уничтожить войска Красной армии в Белоруссии и развить наступление на Москву. Это была наиболее мощная группировка немецко-фашистских сил, развернутая на фронте 500 км — от Голдапа до Влодавы. Быстрый выход к столице СССР, по мнению германского командования, фактически предопределял победу в войне. Цель была выбрана обоснованно. Москва как исторический остов государства — его политический, экономический и этнографический центр являлась, несомненно, главным призом как для Гитлера, так и для его генералов.

На киевском направлении от Влодавы до устья реки Дунай (1250 км), была развернута группа армий «Юг» (командующий генерал-фельдмаршал Г. Рундштедт), состоявшая из 6, 17, 11-й полевых немецких, 3-й и 4-й румынских армий, 1-й танковой группы и венгерского корпуса (всего 57 дивизий и 13 бригад). Ей предстояло при поддержке 4-го воздушного флота и румынской авиации уничтожить советские войска на Правобережной Украине, выйти на Днепр и развивать наступление на восток. В скорой перспективе Гитлер рассчитывал на захват всей Украины и Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев, их промышленных и сельскохозяйственных богатств, выход к нефти Кавказа и далее достижение господства на всем Ближнем и Среднем Востоке. Ради выполнения ближайшей задачи — уничтожения советских войск на Западной Украине — на фронте от Влодавы до предгорий Карпат создавалась плотная группировка войск, которая должна была рассечь и уничтожить группировку Красной армии на этом театре боевых действий.

На территории Норвегии и Финляндии были развернуты немецкая армия «Норвегия» и две финские армии — всего 21 дивизия и три бригады, поддерживаемые 5-м немецким воздушным флотом и финской авиацией. Армия «Норвегия» должна была овладеть Мурманском и Полярным, а финские войска — содействовать группе армий «Север» в захвате Ленинграда. Одной из целей противника было ни в коем случае не допустить транспортного сообщения СССР со своими возможными союзниками по северным морям. Другими словами — обмена грузами, имеющими военное назначение.

Как на северном, так и на южном флангах войска союзников Германии должны были всемерно поддерживать стремительное продвижение германских войск, действующих на главных операционных направлениях.

Для наращивания ударов в ходе наступления имелся резерв Главного командования сухопутных войск — 21 пехотная, две танковые и одна моторизованная дивизии. В соответствии с идеей нанесения главного удара на центральном — московском направлении — германское командование включило в состав группы армий «Центр» большее, чем в других группах, число танковых и пехотных дивизий вермахта. Сюда же направлялась половина всех резервов, намеченных к вводу в действие в первую очередь[1]. Кампанию предполагалось провести «скоротечно», затратив на это не более 3–4 месяцев[2].

В пяти советских приграничных округах (Ленинградский, Прибалтийский Особый, Западный Особый, Киевский Особый и Одесский) к началу войны было 186 дивизий, насчитывавших в общей сложности 3 млн человек, 39 тыс. орудий и минометов, 11 тыс. танков и 9,1 тыс. самолетов[3]. Из них танков новых типов (КВ и Т-34) — 1475 ед., боевых самолетов новых типов — 1540 ед., хотя общее превосходство в количестве танков и самолетов было у советской стороны[4].

22–25 июня 1941 г. военные округа были преобразованы в фронты: Ленинградский военный округ — в Северный фронт (командующий генерал-лейтенант М. М. Попов), Прибалтийский Особый военный округ — в Северо-Западный фронт (командующий ге-

Начальник штаба
Верховного главнокомандования
вооруженными силами Германии
В. Кейтель

Начальник Штаба оперативного
руководства вооруженных сил Германии
А. Йодль

Командующий
группой армий «Север»
В. фон Лееб

Командующий
группой армий «Центр»
Ф. фон Бок

Командующий
группой армий «Юг»
Г. фон Рундштедт

нерал-полковник Ф. И. Кузнецов), Западный Особый военный округ — в Западный фронт (командующий генерал армии Д. Г. Павлов), Киевский Особый военный округ — в Юго-Западный фронт (командующий генерал-полковник М. П. Кирпонос) и Одесский военный округ — в Южный фронт (командующий генерал армии И. В. Тюленев). Морские границы прикрывали флоты: Северный (командующий контр-адмирал А. Г. Головко), Балтийский (командующий вице-адмирал В. Ф. Трибуц) и Черноморский (командующий вице-адмирал Ф. С. Октябрьский).

В 23.30 21 июня 1941 г. руководство страны приняло решение о частичном приведении войск приграничных округов в боевую готовность, поскольку противник мог перейти в наступление в ближайшие часы. Этот документ, известный как директива наркома обороны № 1, не давал разрешения на ввод в действие плана прикрытия госграницы в полном объеме, поскольку предписывал «не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения...»[5]. На оповещение войск (из-за сложностей связи, шифровки и расшифровки документа) ушло до двух и более часов. Вместо простого и ясного сигнала приступить к выполнению плана прикрытия войска получили зашифрованный приказ с оговорками ограничительного характера, что вносило в действия советского командования элемент неопределенности и усложнило положение войск Красной армии с началом агрессии.

22 июня 1941 г. первыми приняли на себя удары противника советские пограничники и передовые части войск прикрытия, ПВО армии и флота. Отражая превосходящие силы врага, личный состав многих пограничных застав полностью погиб. Войска прикрытия, которые с ходу вводились в сражения, несли большие потери. Немецкие войска вступали в бой полностью развернутыми, тогда как многие советские соединения продвигались к фронту в походных колоннах.

В Москву первые сообщения о вторжении поступили от пограничников. «Наступление по всему фронту. Части погранохраны ведут бой... — докладывало командование белостокского пограничного участка в Главное управление пограничных войск. — Немцы наступают Кретинга... Белосток»[6]. Одновременно подобную информацию получил из западных приграничных округов и Генеральный штаб. Около 4 часов утра его начальник генерал Г. К. Жуков доложил И. В. Сталину о случившемся.

Видимо, памятуя о своих предупреждениях накануне войны, начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г. К. Жуков выделил в оперативной сводке № 1, подготовленной всего шесть часов спустя после начала агрессии, факт упреждения врагом наших войск в развертывании. В этом сухом документе, в частности, констатировалось: «В 4.00 22.06.1941 г. немцы без всякого повода совершили налет на наши аэродромы и города и перешли границу наземными войсками...

1. Северный фронт. Противник звеном самолетов типа бомбардировщик нарушил границу и вышел в р-н Ленинграда и Кронштадта...

2. Северо-Западный фронт. Противник в 4.00 открыл арт. огонь и одновременно начал бомбить аэродромы и города: Виндава, Либава, Ковно, Вильно и Шуляй...

3. Западный фронт. В 4.20 до 60 самолетов противника бомбардировали Гродно и Брест. Одновременно на всей границе Западного фронта противник открыл артиллерийский огонь... Наземными силами противник развивает удар из района Сувалки в направлении Голынка, Домброва и из района Стоколув вдоль железной дороги на Волковыск. Наступающие силы противника уточняются...

4. Юго-Западный фронт. В 4.20 противник начал обстрел пулеметным огнем наших границ. С 4.30 самолеты противника ведут бомбардировку городов Любомль, Ковель, Луцк, Владимир-Волынский... В 4.35 после артогня по району Владимир-Волынский, Любомль наземные войска противника перешли границу развивая удар в направлении Владимир-Волынский, Любомль и Крыстынополь...

Командующие фронтами ввели в действие план прикрытия и активными действиями подвижных войск стремятся уничтожить перешедшие границу части противника...»

Советские граждане слушают заявление советского правительства.
22 июня 1941 г.

Далее следовала фраза, появившаяся, несомненно, под диктовку Жукова: «Противник, упредив наши войска в развертывании, вынудил части Красной армии принять бой в процессе занятия исходного положения по плану прикрытия. Используя это преимущество, противнику удалось на отдельных направлениях достичь частного успеха». Подпись — начальник Генерального штаба Красной армии[7].

Более подробные сведения о перешедших в наступление вражеских армиях, их вероятных целях содержались в вечерней сводке Разведывательного управления Генштаба РККА от 22 июня 1941 г. Начальник Разведуправления генерал-лейтенант Ф. И. Голиков констатировал ввод сходу противником в бой значительных сил, «а именно 37—39 пехотных, 5 моторизованных, 8 танковых дивизий, а всего 50—52 дивизий. Однако, — продолжал генерал, — это составляет лишь примерно 30 % сил противника, сосредоточенных к фронту...». В конце первого дня войны советская разведка достаточно верно, насколько это было возможно в тех условиях, определила силы всей противостоящей приграничным округам вражеской группировки. Чего нельзя сказать об оценке распределения сил вермахта по отдельным направлениям. Так, считалось, что на Северо-Западном фронте — 29 дивизий, из них моторизованных 5, танковых 4—5; на Западном фронте в Варшавском районе — 31 дивизия, из них 21 пехотная, 1 моторизованная, 4 танковых и 1 кавалерийская; на Юго-Западном фронте (до Словакии) — 48 дивизий, из них 5 моторизованных и 6 танковых. Кроме того, предполагалось наличие в Словакии и Прикарпатской Украине 13—15 немецких дивизий, в Румынии — 33—35, из них 4 танковых, 11 моторизованных и 1 горнострелковой. Как можно заметить, силы противника на главном — западном направлении, «в Варшавском районе», где и наносился основной удар, явно недооценивались.

При принятии последующих решений на проведение контрударов приграничных фронтов (что и было сделано вечером того же дня) очевидно не учитывалась вся совокупность сведений, имевшихся в сводке Ф. И. Голикова. Разведка предупреждала, что «по направлению главных ударов 22 июня видно, что противник имеет ближайшими целями:

а) охватить и уничтожить нашу белостокскую группировку и б) создать условия для окружения львовской группировки, пользуясь в обоих случаях своим охватывающим положением на белостокском и львовском выступах.

Активные действия в направлении Вильно и Ковно, ведущиеся одновременно с ударами на Гродно и Волковыск, очевидно преследуют цель разобщения Северо-Западного и Западного фронтов»[8].

Если из львовского выступа командованию Красной армии в начале июля все же удалось вывести основную массу войск, то разрыв между Северо-Западным и Западным фронтами, обозначившийся уже в первый день войны, стал одной из основных причин поражения сил РККА под Белостоком и Минском.

Действительно, сразу после германского вторжения особенно тяжелое положение сложилось в полосе Западного фронта под командованием генерала Д. Г. Павлова. Против него, как было уже сказано, была развернута наиболее мощная группировка сил вермахта — группа армий «Центр» фельдмаршала Ф. Бока.

Только через полтора часа после вторжения войск вермахта на советскую территорию посол Германии в СССР Ф.-В. Шуленбург прибыл к народному комиссару иностранных дел В. М. Молотову и передал ему официальную ноту своего правительства, в которой указывалось: «Ввиду нетерпимой далее угрозы, создавшейся для германской восточной границы вследствие массированной концентрации и подготовки всех вооруженных сил Красной армии, германское правительство считает себя вынужденным немедленно принять военные контрмеры»[9].

Вся страна узнала о нападении Германии только в 12 часов дня, когда с обращением к народу от имени правительства выступил по радио заместитель председателя Совета народных комиссаров, нарком иностранных дел В. М. Молотов.

Столпившись у репродукторов, установленных на улицах и промышленных предприятиях, люди слушали речь Молотова, боясь пропустить хоть слово. На первых порах почти никто из них не сомневался, что Красной армии потребуется всего лишь несколько недель, чтобы разбить врага «малой кровью, могучим ударом». Трагизм положения в полной мере не осознавало и военно-политическое руководство страны из-за отсутствия объективной информации с фронта. Однако вскоре стало ясно, что военные действия на западных границах СССР — это отнюдь не крупномасштабная военная провокация Германии, а начало войны — самой страшной и жестокой. «С рассветом 22 июня 1941 г. регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного морей, — сообщалось населению страны в первой сводке Главного командования Красной армии, — и в течение первой половины дня сдерживались ими. Во второй половине дня... после ожесточенных боев противник был отбит с большими потерями. Только на гродненском и кристынопольском направлениях противнику удалось достичь незначительных тактических успехов...»[10]

Уже в этой сводке с фронта в какой-то мере просматривался весь драматизм первых приграничных сражений и боев, жесточайших по своему накалу и последствиям. Но тогда, в первый день войны, еще никто не мог себе даже представить, какие огромные испытания лягут на плечи каждого советского человека не только на фронте, но и в тылу.

Население Германии о начале новой войны узнало из обращения Гитлера к народу, которое в 5 часов 30 минут зачитал по берлинскому радио министр пропаганды Й. Геббельс[11]. Судя по этому обращению, политическое руководство Германии стремилось оправдать агрессию в глазах мировой общественности, лишить СССР возможных союзников[12]. Однако как руководители ведущих держав, так и большинство трезвомыслящих европейских политиков ясно понимали, что заявления нацистов — всего лишь пропагандистский трюк.

Уже вечером 22 июня премьер-министр Великобритании У. Черчилль выступил с заявлением о поддержке СССР в войне с нацистской Германией. «Нападение на Россию, — заявил он, — не более чем прелюдия к попытке завоевания Британских островов... Поэтому опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам...»[13]. Для уточнения позиций многих других государств мира, прежде всего стран Британского содружества, привыкших традиционно ориентироваться на мнение Лондона, выступление Черчилля имело принципиальное значение. В определенном смысле оно оказало влияние и на позицию Соединенных Штатов Америки[14]. Утром 23 июня исполняющий обязанности госсекретаря С. Уэллес по указанию президента Ф. Рузвельта сделал официальное заявление об оказании помощи СССР. На следующий день и сам Рузвельт на пресс-конференции в Белом доме заявил, что США окажут всяческую помощь СССР в его борьбе против Германии, но заметил, что еще не известно, в какую форму она выльется[15]. Да и уверенности в том, что Красная армия устоит в схватке с непобедимым вермахтом, у лидеров Запада не было. Ведь уже 22 июня ударные группировки немецких войск добились на всех направлениях ощутимого успеха за счет решительной концентрации его командованием в первом стратегическом эшелоне более 80 % всех сил, предназначенных для восточной кампании — 130 дивизий, 8 бригад, 3350 танков, около 38 тыс. орудий и минометов, основные силы авиации[16].

Удар такой силы для войск всех западных приграничных округов явился полной неожиданностью. К подобному развитию событий они не были готовы. Не ожидали этого удара и советские пограничники, которые первыми встали на пути немецких войск. Противник рассчитывал за короткое время смять пограничные заставы, однако ему это не удалось. Пограничники стояли насмерть.

В крайне невыгодных условиях пришлось начать боевые действия соединениям и частям прикрытия западных приграничных округов. Заранее не приведенные в боевую готовность, они не смогли дать должный отпор врагу. Еще в половине второго ночи 22 июня штабы приграничных военных округов получили директиву наркома обороны № 1. Но, как уже было отмечено выше, недостаточно конкретное содержание отданного распоряжения вызывало множество вопросов у командиров всех степеней, а главное сковывало их инициативу. Так, в директиве Прибалтийского Особого военного округа указывалось 8-й и 11-й армиям: «В течение ночи на 22 июня скрыто занять оборону основной полосы... Боевые патроны и снаряды не выдавать... В случае провокационных действий немцев огня не открывать»[17]. В 2 часа 25 минут подобные указания подчиненным армиям были отданы и Военным советом Западного Особого военного округа.

Штабы армий, получив окружные директивы за несколько минут до начала войны, до 5–6 часов утра доводили это распоряжение до подчиненных соединений и частей. Поэтому лишь некоторые из них были своевременно приведены в боевую готовность. Сигналом боевой тревоги большинству из них послужили первые разрывы артиллерийских снарядов и авиационных бомб противника. Командующие 3-й и 4-й армиями Западного Особого военного округа успели отдать командирам соединений только некоторые предварительные распоряжения. В штабе 10-й армии директива была получена уже после начала военных действий[18]. Причин было несколько. В ночь на 22 июня во всей приграничной полосе в результате действий диверсионных групп противника была в значительной степени нарушена проводная связь в звене армия — корпус — дивизия[19]. Отсутствие заранее отработанных документов по скрытому управлению войсками, низкая обеспеченность штабов радиосредствами, а также радиобоязнь приводили к тому, что этот вид связи ими практически не использовался.

Бывший начальник штаба 11-й армии Северо-Западного фронта генерал И. Т. Шлемин отмечал: «22 июня во второй половине дня с округом прервалась проводная и радиосвязь. Найти округ было невозможно... Штаб округа, получая по радио шифротелеграммы от армии, полагал, что шифровки идут от противника, и, боясь выдать свой замысел и свое местонахождение, решил не отвечать на запросы армии»[20]. В результате первых массиро-

ванных ударов авиации противника по местам дислокации войск было уничтожено большое количество средств связи и транспорта. Уже в первый часы войны командующий 3-й армией генерал В. И. Кузнецов докладывал в штаб Западного фронта: «Проводная связь с частями нарушена, радиосвязь до 8 часов не установлена»[21]. Аналогичное положение наблюдалось и в штабе 14-го механизированного корпуса. Позднее его командир генерал С. И. Оборин также сообщал в штаб Западного фронта: «Батальон связи на 70 % погиб 22 июня 1941 г. утром, во время бомбардировки города Кобрина. Штаб 14-го мехкорпуса остался в составе 20 % штатного количества»[22].

Не имея точной информации от войск о развитии событий, командиры и штабы оказались не в состоянии оценить всю серьезность создавшейся обстановки. Установка наркома обороны в его директиве № 1 «не поддаваться ни на какие провокации» по-прежнему продолжала действовать, что ограничивало решительные действия командиров соединений и частей армий прикрытия. Так, командующий 3-й армией докладывал в штаб Западного фронта: «Авиация противника бомбит Гродно, жду распоряжений генерала Павлова... артиллерийско-пулеметная стрельба со стороны немцев... жду указаний»[23]. Практически то же самое отмечал командир 11-го стрелкового корпуса 8-й армии Северо-Западного фронта генерал М. С. Шумилов: «Война началась в 4.00... мной немедленно было доложено командующему 8-й армией... Получил приказ: «Огня не открывать, на провокацию не поддаваться»[24]. Но противник сам заставлял наши войска без приказа открывать ответный огонь.

Аналогично действовали командиры большинства соединений и частей и на других участках прикрытия госграницы западных приграничных округов. Приказы «сверху» поступили значительно позднее. Так, Военный совет Западного фронта директиву командующим 3, 4 и 10-й армиями направил только в 5 часов 25 минут: «Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых военных действий приказываю: поднять войска и действовать по-боевому»[25].

Трудновосполнимые потери от авиационных ударов противника понесла армейская авиация, уничтоженная в большинстве своем на аэродромах. Массированным налетам подверглись 66 аэродромов, где дислоцировались наиболее боеспособные авиационные полки западных приграничных округов[26]. Так, в 10-й смешанной авиационной дивизии 4-й армии Западного фронта на аэродромах в районах Высокое и Пружаны было уничтожено более 70 % самолетов штурмового и истребительного авиационных полков[27]. В 7-й смешанной авиационной дивизии 8-й армии Северо-Западного фронта к 15 часам оставалось всего пять — шесть самолетов, остальные были уничтожены[28]. В результате советская авиация потеряла за этот день свыше 1200 самолетов.

Уже с первых часов войны противник, воспользовавшись практически полным отсутствием зенитных средств в войсковых подразделениях ПВО, обеспечил себе господство в воздухе. Командир 3-го механизированного корпуса генерал А. В. Куркин в одном из донесений командующему 8-й армией Северо-Западного фронта отмечал: «...Нет нашей авиации. Противник все время бомбит»[29].

Поднятые по тревоге войска западных приграничных военных округов стремились выйти в свои районы прикрытия, но, не имея сведений об обстановке, не зная, что происходит на границе, еще в походных порядках подвергались ударам немецкой авиации и наземных войск. Даже еще не вступив в соприкосновение с противником, они несли огромные потери. По этому поводу командующий 3-й танковой группой генерал Г. Гот в отчетном документе указывал: «Не было никаких признаков целеустремленного и планового управления войсками противника в целом. Непосредственное управление войсками отличалось малоподвижностью, схематичностью... Ни один советский войсковой начальник не принимал самостоятельного решения уничтожать переправы и мосты»[30].

В такой обстановке в 7 часов 15 минут штабы Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов получили директиву наркома обороны № 2, в которой командующим войсками фронтов ставилась задача «Всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу»[31]. Однако в сложившихся

условиях этот приказ наркома был невыполним. Уже в 8 часов утра командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Ф. Бок докладывал командованию вермахта: «Наступление продолжается успешно. На всем фронте наступления противник до сих пор оказывает незначительное сопротивление... противник на всех участках застигнут врасплох»[32].

О сложности первого дня войны свидетельствуют документы. Так, командующий Северо-Западным фронтом генерал Ф. И. Кузнецов докладывал маршалу С. К. Тимошенко: «Крупные силы танков и моторизованных частей прорываются на Друскеники. 128-я стрелковая дивизия большей частью окружена, точных сведений о ее состоянии нет... создать группировку для ликвидации прорыва не могу. Прошу помочь»[33]. Начальник оперативного управления Западного фронта генерал И. И. Семенов сообщал в Генеральный штаб: «По всей границе ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь... Проводной связи с армиями не имеем»[34]. Некоторые соединения и части фронта уже в эти первые часы вели боевые действия в окружении, связь с ними установить не удавалось. От командующего 3-й армией

Немецкие пикирующие бомбардировщики в небе Советского Союза

генерала В. И. Кузнецова штаб Западного фронта с начала войны и до 10 часов утра получил всего три боевых донесения. От командующего 10-й армией генерала К. Д. Голубева за это же время поступило всего одно сообщение, а командующий 4-й армией генерал А. А. Коробков первое боевое донесение смог направить только в 6 часов 40 минут[35].

Тем не менее командиры всех степеней и в этих тяжелейших условиях выводили подчиненные им соединения и части в свои районы прикрытия. Так, в полосе Западного фронта из десяти соединений первого эшелона 3, 10 и 4-й армий три стрелковые дивизии все же сумели выйти в свои районы оперативного предназначения. В полосе Юго-Западного фронта первыми к государственной границе вышли передовые части 26-й армии.

Всего на прикрытие границы 22 июня были выведены в основном на флангах советско-германского фронта 14 дивизий из 57 запланированных соединений первого эшелона[36]. Они вступали в бой с ходу, вели оборону в широких полосах, в одноэшелонных боевых порядках, порой на не оборудованной в инженерном отношении местности, к тому же без существенной поддержки артиллерии, без должного авиационного прикрытия и зенитных средств, имея ограниченное количество боеприпасов. В связи с этим они с большими потерями вынуждены были отходить.

Однако боевые действия, развернувшиеся на огромном фронте, сразу же показали командованию вермахта, что разгром Красной армии не станет для него легкой прогулкой. В десятитомном труде, подготовленном немецкими военными историками, «Германский рейх и Вторая мировая война», признается, что «вопреки ожиданиям уже в первый день наступления обнаружилось, что противник имел достаточно времени подтянуть свои оборонительные силы и оказался способен осуществлять сильные контратаки»[37].

Тем не менее к середине дня 22 июня ударным группировкам вермахта удалось создать большой разрыв на смежных флангах Северо-Западного и Западного фронтов, в который и устремилась 3-я танковая группа генерала Г. Гота. Не зная истинного положения дел, командующий Северо-Западным фронтом генерал Ф. И. Кузнецов докладывал наркому обороны, что соединения 11-й армии продолжают сдерживать противника, хотя в действительности они с большими потерями поспешно и неорганизованно отступали[38].

Ближе к вечеру наиболее угрожаемое положение сложилось в полосе Западного фронта. Его командование, еще не осознавшее угрозу глубокого двустороннего охвата войск фронта танковыми соединениями противника, в большей степени было обеспокоенно обстановкой на северном фасе белостокского выступа, где противник рвался к Гродно. Положение на брестском направлении оценивалось им как более или менее устойчивое. Однако уже к исходу дня соединения и части 4-й армии были отброшены от границы на 25—30 км, а передовым танковым частям противника удалось продвинуться еще глубже — на 60 км и занять Кобрин. Не разобравшись в обстановке, командующий войсками фронта генерал Д. Г. Павлов в 17 часов направил в Генеральный штаб донесение, которое по существу дезориентировало политическое и военное руководство страны: «Части Западного фронта в течение дня 22.6.41 г. вели сдерживающие бои... оказывая упорное сопротивление превосходящим силам противника... Части 4-й армии вели оборонительные бои предположительно на рубеже... Брест, Влодава»[39]. В действительности войска Западного фронта продолжали разрозненными группами поспешно отходить на восток.

На основании донесений штабов Северо-Западного и Западного фронтов, не вполне представляя себе реально складывающуюся обстановку, нарком обороны и начальник Генерального штаба пришли к заключению, что в основном бои ведутся вблизи границы. В то время их больше всего беспокоило положение на гродненском направлении, где уже наблюдался глубокий охват белостокского выступа с севера. Из-за дезориентирующих докладов штаба Западного фронта нарком обороны и начальник Генерального штаба явно недооценили мощную группировку противника, наносившую удар из района Бреста.

Пытаясь переломить ход событий и полагая, что для ответного удара сил вполне достаточно, Главное командование в 21 час 15 минут направило командующим войсками Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов директиву № 3, в которой требовало

нанести мощные контрудары по вторгшимся группировкам врага[40]. Однако, нацеливая их на разгром вражеских группировок, представлявших наибольшую опасность в полосе каждого фронта, Генеральный штаб не учел трудности, которые неизбежно возникли бы у командования фронтами при организации и подготовке ударов по врагу в течение одной ночи.

Реальная обстановка, которая сложилась к исходу первого дня войны на всем советско-германском фронте, оказалась гораздо сложнее, чем это было известно военно-политическому руководству страны. Поэтому требования Главного командования уже не могли быть исполнены.

А в это время все более критическим становилось положение войск Западного фронта. «Противник, обойдя правый фланг армии, наносит удар на лидском направлении... — докладывал командующий 3-й армией генерал Кузнецов в штаб фронта, — мы никаких резервов не имеем, и парировать удар нечем»[41]. К исходу первого дня войны войска Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов под неослабевавшим натиском врага вынуждены были отступать, ведя арьергардные бои.

По-иному происходили события 22 июня на флангах советско-германского фронта, где противник активности не проявлял или действовал ограниченными силами. Это позволило советским войскам, действовавшим в сравнительно спокойной обстановке, выдвинуться к границе и занять рубежи обороны согласно планам прикрытия.

В целом к концу первого дня военных действий на западном направлении для Красной армии сложилась крайне тяжелая обстановка. Противник упредил соединения и части прикрытия в занятии оборонительных полос и рубежей. К исходу дня передовые отряды немецких 2-й и 3-й танковых групп вклинились в оборону советских войск на глубину 60 км. Тем самым они начали охватывать с севера и юга основные силы Западного фронта и создали благоприятные условия для своих войск, действовавших на других направлениях.

Так заканчивался первый день войны. Под натиском превосходивших сил врага советские войска с боями отступали. Впереди у них была война, которая продолжалась 1418 дней и ночей. В ходе Великой Отечественной войны, несомненно, были для нашей страны и более судьбоносные дни, однако тот первый день навсегда останется в памяти народа.

1941 год еще хранит многие тайны. «В нем, — как отмечали авторы труда «1941 год — уроки и выводы», — заложен узел противоречий, порождающий массу проблемных вопросов, которые до сих пор остаются либо не раскрытыми глубоко, либо преподносятся субъективно. К этому периоду относится и один из главных вопросов истории — как могло это все случиться, каковы причины и истоки?»[42] Вышло в свет двухтомное издание, подготовленное российскими, украинскими и белорусскими учеными, «1941 год. Страна в огне»[43] — еще один труд, в котором на основе новых, недавно рассекреченных документов делается попытка раскрыть истоки катастрофы. 1941 год дал нашим народам чрезвычайно горький, но поучительный опыт отражения внезапного и вероломного нападения врага. Наша общая задача — знать и не забывать эти уроки.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 54–58. История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. М., 1974. С. 330, 331.

[2] 1941 год: уроки и выводы. М., 1992. С. 21.

[3] *Киселев О. Н.* Приграничные сражения 1941 г. // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Иллюстрированная энциклопедия. М., 2005. С. 439.

[4] Канун и начало войны. Документы и материалы. Л., 1991. С. 352; *Якушевский А. С.* Особенности подготовки вермахта к нападению на СССР // Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С. 75.

[5] ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 71. Л. 69.

[6] Архив ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 1712. Л. 250.

[7] Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 1. М., 2008. С. 17, 18.

[8] ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1071. Д. 38. Л. 7–9.

[9] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 1. Д. 5. Л. 12–15.

[10] 1941 год: уроки и выводы. С. 106; Правда. 1941, 23 июня.

[11] История дипломатии. Т. IV. М., 1975. С. 184.

[12] ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 26. Д. 2. Л. 52–65.

[13] *Churchill W.* The Second World War. Vol. 3. L., 1951. P. 333.

[14] *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль: Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 14.

[15] Советско-американские отношения 1939–1945. М., 2004. С. 132–135.

[16] Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 56, 57.

[17] ЦАМО РФ. Ф. 21. Оп. 1394. Д. 23. Л. 25, 26.

[18] Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 206. Л. 2.

[19] *Христофоров В. С.* Первые дни войны по документам Центрального архива ФСБ России. Испытание. Т. VII. М., 2011. С. 169, 170.

[20] ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Л. 478.

[21] Там же. Ф. 208. Оп. 3038. Д. 12. Л. 2.

[22] Там же. Оп. 2511. Д. 36. Л. 13.

[23] Там же. Д. 195. Л. 7.

[24] Там же. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Л. 469.

[25] Там же. Ф. 113. Оп. 3273. Д. 2. Л. 148.

[26] Там же. Ф. 15. Оп. 881474. Д. 5. Л. 97; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Band 4. S. 652, 653.

[27] *Сандалов Л. М.* Боевые действия войск 4-й армии в начальном периоде Великой Отечественной войны. М., 1961. С. 67.

[28] ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Л. 469.

[29] Там же. Ф. 344. Оп. 5564. Д. 1. Л. 77.

[30] Там же. Ф. 500. Оп. 12478. Д. 231. Л. 5–7.

[31] Там же. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 41. Л. 1, 2.

[32] Там же. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 134. Л. 143.

[33] Там же. Ф. 221. Оп. 1394. Д. 23. Л. 123, 124.

[34] Там же. Ф. 208. Оп. 2454. Д. 26. Л. 85, 86.

[35] ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 2511. Д. 36. Л. 1.
[36] *Гареев М. А.* Неоднозначные страницы войны. М., 1995. С. 139.
[37] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. Stuttgart, 1983. S. 456.
[38] ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 3928. Д. 6. Л. 38.
[39] Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 156. Л. 1.
[40] Там же. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 90. Л. 260–262.
[41] Там же. Ф. 208. Оп. 3038. Д. 15. Л. 12.
[42] 1941 год: уроки и выводы. С. 3.
[43] 1941 год. Страна в огне: в 2 кн. М., 2011.

Мобилизация сил страны на отпор врагу

Перестройка системы государственного управления

С нападением гитлеровской Германии Советский Союз стал быстро обретать черты воюющего государства, где все подчинялось достижению одной цели — отражению фашистской агрессии.

Начало этому процессу было положено в первый же день войны: Президиум Верховного Совета СССР своим указом объявил мобилизацию военнообязанных на территории 14 военных округов из 17, а также ввел военное положение в Карело-Финской, Эстонской, Латвийской, Белорусской, Украинской ССР и некоторых западных областях Российской Федерации.

В целях превращения страны в единый военный лагерь Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) 29 июня 1941 г. направили партийным и советским организациям прифронтовых областей директиву, содержавшую программу чрезвычайных мер по перестройке страны на военный лад. В кратчайшие сроки намечалось завершить мобилизацию, обеспечить подготовку резервов, эвакуировать из угрожаемых районов население и материальные ценности, организовать в новых районах производство боевой техники и вооружения, а в занятых врагом районах развернуть широкую партизанскую войну. В навязанной фашистской Германией войне, подчеркивалось в директиве, «решается вопрос о жизни и смерти Советского государства, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение»[1].

Обрушившиеся на страну тяжелейшие испытания потребовали коренным образом перестроить систему государственного управления. В довоенный период значимость заблаговременного определения, какой облик приобретет управление страны в случае войны, недооценивалась, поэтому после 22 июня 1941 г. его формирование осуществлялось спешно, методом проб и ошибок, путем многочисленных реорганизаций и кадровых перестановок, что приводило к большим людским и материальным потерям.

«Отсутствие системы мы прочувствовали с особой остротой в первые дни Великой Отечественной войны, — вспоминал член советского правительства нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов. — Государственная машина, направленная по рельсам невероятности нападения Гитлера, вынуждена была остановиться, пережить период растерянности и потом повернуть на 180 градусов. Последствия этого пришлось исправлять на ходу ценою больших жертв»[2].

В соответствии с требованиями военного времени перестраивалась организационная структура, изменялось содержание деятельности, совершенствовались методы и стиль работы органов государственной власти, государственного и военного управления и руководящих должностных лиц. Остановить нашествие, а затем и победить врага можно было лишь в том

случае, если все звенья государственного управления работали бы как единый механизм, обеспечивая точное и своевременное исполнение всей управленческой вертикалью решений высших органов власти. В условиях резкого перехода от мира к войне на первый план выходили: способность органов государственной власти и управления к быстрой перестройке на военный лад, разумное сочетание жесткого централизма и инициативы снизу, высокая исполнительская дисциплина, строгий спрос за порученное дело, компетентность лиц, занятых управлением страной и Вооруженными силами.

Чрезвычайные испытания, обрушившиеся на страну, потребовали и чрезвычайных организационных форм государственного управления. 30 июня 1941 г. постановлением Президиума Верховного Совета СССР, Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) был образован Государственный Комитет Обороны (ГКО) в составе: И. В. Сталин (председатель), В. М. Молотов (заместитель председателя), К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков, Л. П. Берия[3]. Этот орган не был предусмотрен Конституцией СССР, его учреждение диктовалось экстремальными условиями катастрофического начала войны, необходимостью скорейшей мобилизации всех сил на отпор врагу и требованиями максимальной централизации руководства страной.

ГКО был наделен всей полнотой власти, его решения и распоряжения были обязательны для всех государственных, военных органов, партийных комитетов и общественных организаций, всех граждан страны.

Как следствие, претерпели серьезные перемены конституционные органы государственной власти и управления — Верховный Совет СССР и Совнарком СССР: они заняли подчиненное по отношению к ГКО положение, их функции и полномочия стали быстро сужаться. Так, до конца 1941 г. не состоялось ни одной сессии Верховного Совета СССР. Что касается Президиума Верховного Совета, то его роль свелась к оформлению в виде указов тех решений, которые по Конституции СССР относились к компетенции высшего законодательного органа, — о введении военного положения, общей и частичной мобилизации в Вооруженные силы и других. Формальный глава государства — председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин не входил в состав ГКО.

Совнарком СССР, несмотря на то что его возглавлял И. В. Сталин, также видоизменил былую роль. СНК, обладавший разветвленным аппаратом наркоматов и действовавших при нем комитетов, стал проводником линии ГКО, в первую очередь в обеспечении экономической составляющей, организуя эвакуацию промышленных предприятий на восток, налаживая производство продукции невоенного назначения, руководя кредитной и денежной системами, решая другие вопросы. Из ведения СНК в прямое подчинение ГКО были переданы наркоматы оборонного профиля (авиационной, танковой боеприпасов, вооружения, минометного вооружения, судостроительной промышленности), наркоматы железнодорожного и водного транспорта (путей сообщения, морского флота, речного флота), а также Главное управление Северного морского пути при СНК СССР, промышленные наркоматы — черной металлургии, цветной металлургии, угольной, нефтяной, химической, резиновой, целлюлозной и бумажной, электротехнической промышленности и Наркомат электростанций СССР. Стиль и методы работы СНК и подчиненных ему наркоматов приобрели еще более выраженный, чем до войны, административно-командный облик.

Важную роль в новой конфигурации органов власти играла Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков). В условиях фактического сращивания партийного и государственного аппарата о ее руководящих органах обоснованно говорить как об одном из ключевых звеньев государственного управления СССР. На практике ни ЦК ВКП(б), ни тем более его политбюро не были в подчинении ГКО. Исполнять его решения и распоряжения являлось обязательным только для нижестоящих партийных органов. Тем не менее и роль, и стиль деятельности руководящих органов ВКП(б) с началом войны также изменились. Собственно внутрипартийная работа ушла на второй план, многие уставные нормы явочным порядком были отменены: прекратились или стали значительно реже проводиться пленумы, конференции и собрания, выборность заменялась кооптацией и т. п. Партийные кадры, в

том числе высшего звена, направлялись на решение задач, связанных с организацией отпора захватчикам.

Фактически в ГКО из политбюро ЦК ВКП(б) переместился центр политической власти. Тем не менее было бы опрометчивым утверждать, что руководящие партийные органы были отодвинуты от властных рычагов. Следует учесть, что ГКО действовал строго в рамках тех политических целей и задач, которые определялись политбюро. Показательно также, что все входившие в состав ГКО лица были членами или кандидатами в члены политбюро ЦК ВКП(б), а действовавшие на местах городские комитеты обороны возглавлялись секретарями горкомов и обкомов ВКП(б).

Политбюро ЦК ВКП(б) рассматривало чрезвычайно широкий круг вопросов: от мобилизации военнообязанных и объявления военного положения до присвоения высших воинских званий. Все важнейшие партийные и государственные вопросы, в том числе кадровые назначения в высшем звене, за исключением тех, которые входили в компетенцию только ГКО, предварительно рассматривались в Политбюро (если не на заседаниях, то опросным порядком) и скреплялись подписью генерального секретаря. Значительная часть принятых решений оформлялась в виде постановлений ГКО, указов Президиума Верховного Совета СССР, постановлений Совнаркома СССР, а в ряде случаев — как совместные постановления СНК СССР, Президиума Верховного Совета СССР и ЦК ВКП(б).

Так что чрезвычайный характер ГКО не отменял, а лишь несколько видоизменил руководящую роль компартии в столь ответственный для страны исторический момент и обозначил практически полное сращивание высших партийно-государственных инстанций.

Кардинальному изменению подверглись не только организационная структура, но и содержание деятельности высших органов государственной власти. Общую задачу организации отпора гитлеровской агрессии Государственный Комитет Обороны решал на трех основных направлениях.

Осуществляя *политико-административное управление*, ГКО принимал меры к укреплению правопорядка в стране и воинской дисциплины, устанавливал порядок эвакуации населения и промышленного потенциала, регулировал вопросы межгосударственных отношений, в т. ч. создания на территории СССР иностранных военных формирований, определял меры по выселению в отдаленные районы страны отдельных групп населения.

Решая задачи *военно-стратегического руководства* Вооруженными силами, ГКО определял общую численность армии и флота, соотношение видов Вооруженных сил и родов войск, объем и сроки призывов и мобилизаций, принимал решения о формировании новых частей, соединений, объединений и об изменении организационной структуры штатов уже существующих, осуществлял назначение высшего командного состава.

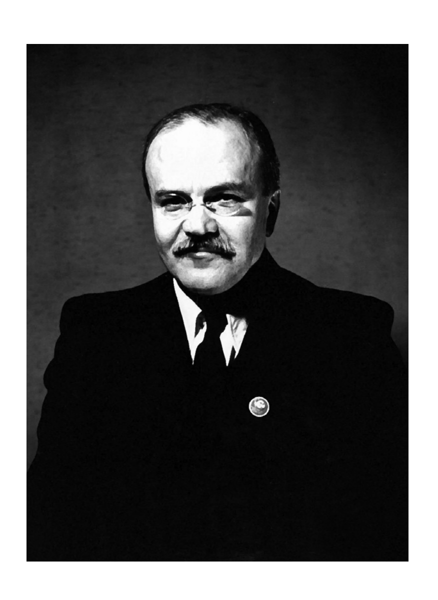
Обеспечивая *военно-хозяйственное управление* страной, ГКО определял параметры развития военной экономики, утверждал планы и организовывал производство оружия, боевой техники и другой продукции военного назначения, принимал меры к строительству оборонительных рубежей, устанавливал нормы снабжения, решал иные задачи в условиях начавшейся войны.

Большую часть своих усилий ГКО посвятил решению именно военно-экономических проблем: из 10 тыс. постановлений на них приходится две трети.

Центр сосредоточения своих усилий в военно-хозяйственной области — форсированное производство боевой техники и вооружения — ГКО продемонстрировал уже своим постановлением № 1сс от 1 июля 1941 г. «Об организации производства средних танков Т-34 на заводе «Красное Сормово»[4]. Перед Наркоматом судостроительной промышленности была поставлена задача с 1 августа 1941 г. начать производство тридцатьчетверок, доведя к концу года их выпуск до 700–750, а в 1942 г. — до 3 тыс. танков. Наркоматы среднего машиностроения и черной металлургии обязывались своевременно и в необходимом количестве поставить авиамоторы М-17, устанавливавшиеся на танках, и бронелисты. О значении, которое ГКО придавал выполнению этой задачи, свидетельствует тот факт, что в г. Горький для реализации постановления были откомандированы наркомы В. А. Малышев и

Государственный Комитет Обороны СССР
(состав на 30 июня 1941 г.)

Председатель ГКО
И. В. Сталин



Заместитель председателя ГКО
В. М. Молотов

К. Е. Ворошилов

Г. М. Маленков

Л. П. Берия

И. И. Носенко. Постановлением № 2сс, принятым в тот же день, ГКО перевел Челябинский тракторный завод, подведомственный Наркомату среднего машиностроения, на выпуск тяжелых танков КВ-1.

Стремительное продвижение вермахта вглубь советской территории, утрата значительной части производственного потенциала в связи с вражеской оккупацией советских земель на западе страны, необходимость эвакуации оттуда важнейших производств вызвали резкое снижение выпуска боевой техники и вооружения. Действующая армия с первых же дней войны стала испытывать острый недостаток техники, вооружения, боеприпасов, горючего. В связи с этим ГКО 14 июля 1941 г. поручил председателю Госплана Н. А. Вознесенскому совместно с руководителями промышленных наркоматов «разработать военно-хозяйственный план обеспечения обороны страны, имея в виду использование ресурсов и предприятий, существующих на Волге, в Западной Сибири и на Урале, а также ресурсов и предприятий, вывозимых в указанные районы в порядке эвакуации»[5].

«Военно-хозяйственный план на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по восточным и тыловым районам СССР» был рассмотрен и утвержден 16 августа 1941 г. Его выполнение позволило обеспечить перестройку всего народного хозяйства на военный лад и нарастить военно-экономический потенциал.

Для осуществления эвакуации населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей 24 июня 1941 г. был учрежден Совет по эвакуации под председательством наркома путей сообщения Л. М. Кагановича. 16 июля постановлением ГКО совет был переформирован, а его руководителем назначен первый секретарь ВЦСПС Н. М. Шверник[6].

Усилиями Совета по эвакуации к концу 1941 г. на восток (в Поволжье, на Урал, в Западную и Восточную Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию) было вывезено около 2,6 тыс. предприятий. На этой базе в восточных районах СССР быстрыми темпами создавалась военно-промышленная база. В тыловые районы были эвакуированы более 12 млн человек[7].

Из первых наиболее значительных решений ГКО по военно-стратегической проблематике следует назвать постановление № 83сс от 10 июля 1941 г. о создании главных командных направлений — Северо-Западного (главнокомандующий К. Е. Ворошилов), Западного (главнокомандующий С. К. Тимошенко) и Юго-Западного (главнокомандующий С. М. Буденный). Постановление отразило поиск руководством страны, поначалу недооценивавшим значение Ставки Главного (Верховного) Командования и Генерального штаба ВС СССР, промежуточных звеньев для оперативно-стратегического управления фронтами.

В основу деятельности Государственного Комитета Обороны был положен принцип строжайшей персональной ответственности. Сразу же после назначения на свой пост каждый член ГКО получил конкретное задание и строго отвечал за порученный участок. Так, на В. М. Молотова была возложена ответственность за выпуск танков, на Г. М. Маленкова — за выпуск самолетов, авиамоторов и формирование авиационных частей, А. И. Микоян ведал снабжением действующей армии боеприпасами, продовольствием и обмундированием, К. Е. Ворошилов курировал формирование новых воинских частей и соединений. Как вспоминал Г. К. Жуков, И. В. Сталин лично обязал командующих родами войск подключиться к членам ГКО и помогать им в работе по выполнению программы производства определенной военной продукции точно в назначенное время и нужного качества[8].

Что касается методов управления, то высшее государственное руководство шло по линии их ужесточения. Доминирующим был административно-командный, директивный метод: привычный для кадров еще по довоенному времени, он оказался наиболее адекватным условиям войны.

Собственного аппарата ГКО не имел и опирался на существовавшие управленческие и общественные органы, а также своих уполномоченных в крупных городах, на важнейших промышленных объектах, железных дорогах, стройках. Кроме того, осенью 1941 г. в 65 прифронтовых городах в соответствии с постановлениями ГКО от 22, 23 октября, 3 и 18 ноября 1941 г. были созданы комитеты обороны, в состав которых вошли председатели

исполкомов Советов депутатов трудящихся, начальники гарнизонов, руководители органов безопасности во главе с секретарями обкомов или горкомов партии. Они приступали к работе, не имея опыта. По-разному проходило их становление, различной была и эффективность их работы. Тем не менее они, не подменяя существовавшие на местах органы власти, партийные комитеты и общественные организации, смогли обеспечить реализацию единой линии Центра в решении задач, носивших общегосударственный характер, — по производству и ремонту боевой техники и вооружения, эвакуации производственно-экономического потенциала и трудовых ресурсов, мобилизации в ряды Вооруженных сил и на трудовой фронт, организации добровольческих формирований, строительству оборонительных сооружений и других[9].

По существу неограниченными правами обладали уполномоченные ГКО, деятельность которых заключалась в жесточайшем контроле на местах над выполнением постановлений ГКО по выпуску военной продукции. Всем органам власти и управления предписывалось оказывать им максимальное содействие, их требования должны были выполняться неукоснительно. По свидетельству А. И. Микояна, уполномоченные ГКО были наделены «всеми правами ГКО в области снабжения фронта...»[10].

В историческую литературу проникло утверждение, будто ГКО был виртуальным органом, в реальности не существовавшим, а за аббревиатурой, призванной якобы служить лишь имитацией коллективного руководства, скрывалась единоличная власть И. В. Сталина. Немыслимую ранее степень концентрации власти в руках одного человека отрицать бессмысленно. Однако нет никаких оснований говорить и о некоей виртуальности ГКО на основании того, что ГКО не имел аппарата, а его работа была лишена привычного бюрократического сопровождения (заседания ГКО даже не протоколировались).

Обратимся к авторитету Г. К. Жукова, который в силу служебных обязанностей начальника Генерального штаба, а позднее — заместителя Верховного главнокомандующего регулярно участвовал в работе высшего органа власти времен войны. «На заседаниях ГКО, которые проходили в любое время суток, как правило, в Кремле или на даче И. В. Сталина, обсуждались и решались важнейшие вопросы, — вспоминал маршал. — Планы военных действий рассматривались Политбюро Центрального Комитета партии и Государственным Комитетом Обороны. На заседания приглашались народные комиссары, которым предстояло принять участие в обеспечении операций. Это позволяло, когда появлялась возможность, сосредоточить огромные материальные силы на важнейших направлениях, проводить единую линию в области стратегического руководства и, подкрепляя ее организованным тылом, увязывать боевую деятельность войск с усилиями всей страны»[11].

Маршал вспоминал также, что заседания ГКО проходили в деловой атмосфере, нередко возникали острые споры, при этом мнения высказывались определенно и резко. Если к единому мнению прийти не удавалось, создавали комиссию из представителей крайних сторон, которой и поручалось доложить согласованные предложения на следующем заседании.

В зависимости от содержания принятые членами ГКО решения оформлялись в виде постановлений ГКО, СНК СССР, директив ЦК ВКП(б), указов Президиума Верховного Совета СССР, а если вопросы касались вооруженной борьбы и военного строительства, то директив Ставки Верховного главнокомандования и приказов наркома обороны СССР.

С началом боевых действий на советско-германском фронте перестройке подверглись и органы высшего военного руководства. Сделано это было, увы, с опозданием. Хотя до войны советская военная наука придерживалась аргументированного представления о том, что структура управления Вооруженными силами с началом войны не должна претерпевать серьезных изменений, должны лишь измениться функции путем перевода органов управления с мирного на военное положение, на практике время было упущено[12].

Ряд крупных советских военачальников и военных историков обоснованно считали, что запаздывание с формированием системы стратегического управления Вооруженными силами, способной функционировать в случае войны, дорого обошлось нашему народу. Со свойственной ему прямотой Маршал Советского Союза Г. К. Жуков писал: «Отсутствие у

нас высшего органа военного руководства, каким должна была быть Ставка в момент нападения фашистской Германии, естественно, не могло вначале не отразиться на управлении войсками, результатах первых операций и общей оперативно-стратегической обстановке»[13].

Наркомат обороны еще весной 1941 г. ставил перед И. В. Сталиным вопрос о создании Ставки Главного Командования и проведении с ее участием стратегических командно-штабных учений на рубеже Валдай — Орша — Гомель — р. Псел, но понимания не нашел.

Проект указа Президиума Верховного Совета СССР о создании нового органа стратегического военного управления был подготовлен Генеральным штабом в день начала войны. 23 июня 1941 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) Ставка Главного Командования была наконец образована. В ее состав вошли С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, Н. Г. Кузнецов, В. М. Молотов, И. В. Сталин, С. К. Тимошенко, Г. К. Жуков[14]. Вождь отказался встать во главе Ставки, и ее возглавил нарком обороны маршал Тимошенко.

Говорить о полноценности нового органа военного управления, его соответствии грозным испытаниям, обрушившимся на страну, трудно. В силу утвердившегося в стране устройства власти руководящая роль С. К. Тимошенко носила номинальный характер, поскольку нарком не мог принять сколько-нибудь самостоятельных решений ни в части управления войсками, ни в части использования стратегических резервов в Вооруженных силах, тем более в стране в целом. Необходимость согласования принятых решений с высшим политическим руководством крайне осложняла управление военными действиями и приводила к непроизводительной трате столь драгоценных времени и сил.

10 июля постановлением ГКО пост председателя Ставки был упразднен, а она сама преобразована в Ставку Верховного Командования. Вместо адмирала Н. Г. Кузнецова в ее состав был включен маршал Б. М. Шапошников. Только 8 августа она обрела необходимый статус, будучи преобразованной в Ставку Верховного главнокомандования при одновременном назначении И. В. Сталина (который 19 июля стал народным комиссаром обороны) ее председателем и Верховным главнокомандующим.

Это произошло лишь на 48 сутки войны, таким образом, в течение первых, едва ли не самых тяжелых полутора месяцев действующая армия оказалась заложницей поиска наиболее приемлемого механизма управления Вооруженными силами, что не могло не умножить поражения и потери.

Посредством Ставки Верховного главнокомандования на протяжении всей войны ГКО осуществлял стратегическое руководство вооруженной борьбой с гитлеровской Германией и ее союзниками. В круг основных дел, которыми она занималась, входили: оценка стратегической обстановки и подготовка для ГКО предложений о перспективах и целях вооруженной борьбы; разработка планов военных кампаний и важнейших операций; выявление резервов для создания необходимых группировок войск; постановка задач фронтам и флотам, объединениям ВВС и войск ПВО, организация взаимодействия между ними, управление их действиями; всестороннее материально-техническое обеспечение операций; определение на основе обобщения опыта войны наиболее целесообразных способов ведения боя и операции; согласование действий Красной армии и войск союзников; участие в расстановке командно-политических кадров; совершенствование организационной структуры войск; материально-техническое обеспечение армии и флота и другие.

В повседневной практике формальные грани между ГКО и Ставкой нередко стирались. Этому способствовало и то обстоятельство, что во главе них стояло одно и то же лицо. На совещания в ГКО часто приглашались члены Ставки, и наоборот — в Ставке при рассмотрении важных вопросов присутствовали члены ГКО. Подобно ГКО, Ставка не имела своего специального помещения и аппарата, опираясь в повседневной работе только на Генеральный штаб. Не было и заседаний в привычном понимании этого слова с обязательным протоколированием их хода. По свидетельству маршала А. М. Василевского, за более чем 30-месячный период его службы в должности начальника Генерального штаба, а в дальнейшем и в бытность членом Ставки она полностью в утвержденном составе ни разу не собиралась. Это, однако, не дает оснований считать, что Ставка ВГК существовала лишь на бумаге.

Отвечая на такого рода предположения, А. М. Василевский писал: «Была ли Ставка постоянно действующим органом при Верховном главнокомандующем? Да, была. Но при этом надо представить себе, что работа ее строилась по-особому. Верховный главнокомандующий для выработки того или иного оперативно-стратегического решения или для рассмотрения других важных проблем, касающихся ведения вооруженной борьбы, вызывал к себе ответственных лиц, имевших непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу (тут могли быть члены и не члены Ставки), и здесь принимались необходимые решения, которые тотчас же и оформлялись в виде директив, приказов или отдельных распоряжений Ставки. Понимать под Ставкой орган, постоянно заседавший в буквальном смысле слова при Верховном главнокомандующем в том составе, в каком он был утвержден, нельзя. Ведь большинство из ее членов выполняли одновременно другие ответственные обязанности, часто находясь далеко за пределами Москвы, главным образом на фронте. Но вот что было постоянно: каждый из членов Ставки держал с Верховным главнокомандующим связь. Сталин знал, сколь важна деятельность членов Ставки по их основной должности, а поэтому не считал возможным и необходимым собирать всех их в полном составе, а периодически вызывал отдельных членов Ставки, командующих войсками и членов военных советов фронтов для выработки, рассмотрения или утверждения того или иного решения, касающегося руководства боевой деятельностью Вооруженных сил на данном этапе борьбы»[15].

Как уже говорилось, в своей повседневной деятельности Ставка ВГК опиралась на Генеральный штаб. В системе чрезвычайных органов государственного и военного управления это был, однако, не какой-то безликий «рабочий орган» (такой, на наш взгляд, неудачный термин укоренился в исторической литературе), а основное звено стратегического планирования и руководства Вооруженными силами, подлинный «мозг армии». И. В. Сталин, в начале войны явно недооценивавший роль Генштаба и называвший его «канцелярией», под влиянием тяжелых поражений первых месяцев войны вынужден был переменить свой взгляд и стал повседневно опираться на Б. М. Шапошникова, А. М. Василевского, А. И. Антонова и других руководителей Генштаба, как и на подчиненный им высокопрофессиональный коллектив.

Разработка задуманной операции начиналась с того, что Верховный главнокомандующий совместно с начальником Генерального штаба или его заместителем кропотливо рассматривал оперативно-стратегическую обстановку на всем советско-германском фронте: состояние войск фронтов, данные всех видов разведки и ход подготовки резервов всех родов войск. Затем обсуждались оперативно-стратегические возможности наших войск. Начальник Генерального штаба и заместитель Верховного получали задачу продумать и рассчитать имеющиеся возможности для проведения операции. По истечении определенного срока принималось предварительное решение, после чего Верховный давал задание начальнику Генштаба запросить мнение военных советов фронтов о предстоящей операции. Тем временем в Генштабе шла большая творческая работа по планированию операции и взаимодействию фронтов — определялись задачи органам разведки, авиации дальнего действия, партизанским силам, находившимся в тылу вражеских войск, органам военных сообщений по переброске пополнений и резервов Верховного главнокомандования, материальных запасов.

Когда командующие фронтами прибывали в Ставку для доклада плана операции, И. В. Сталин заслушивал их в присутствии начальника Генштаба, заместителя Верховного и некоторых членов ГКО. И только после тщательной проработки рассмотрения всех деталей предстоящей операции Верховный утверждал ее планы и сроки. Решения Ставки доводились до исполнителей в виде директив, подписанных Верховным главнокомандующим и начальником Генерального штаба. Иногда директивы давались за подписью И. В. Сталина и его заместителя.

Поиски наиболее эффективных форм непосредственного влияния стратегического руководства на деятельность фронтов привели к появлению своеобразного института стратегического руководства — представителей Ставки ВГК. Предусмотренный постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1941 г. институт постоянных советников Ставки по причине неопределенности их полномочий явочным порядком почти сразу же прекратил

свое существование. В отличие от советников полномочные представители Ставки ВГК наделялись большими и конкретными полномочиями. Они не командовали фронтами, но, будучи направленными на тот или иной участок фронта, лично отвечали за успех операции, были обязаны влиять на ход сражения, в районе которого находились, вовремя исправлять ошибки фронтового или армейского командования, конкретно помогать им в получении из центра необходимых материально-технических средств. Кандидатура представителя Ставки определялась самим Верховным главнокомандующим при утверждении решения на предстоящую операцию. Это были наиболее подготовленные военачальники, которые, как правило, лично участвовали в разработке замысла и плана операции — Г. К. Жуков, А. М. Василевский, С. К. Тимошенко, А. И. Антонов, Н. Н. Воронов и некоторые другие.

С началом войны народ с особой надеждой взирал на Кремль. Но некоторое время население не получало о вожде и от вождя никакой информации. На этом основании некоторые авторы вслед за Н. С. Хрущевым позднее брались утверждать, что гитлеровская агрессия и катастрофические поражения советских войск в первые дни войны настолько деморализовали Сталина, что он до конца июня не покидал дачу, будучи не в силах заниматься государственными делами.

Эта версия не подтверждается ни документами, ни свидетельствами лиц, тесно взаимодействовавших с ним. Тетради (журналы) записи лиц, принятых лидером государства в течение последней декады июня, свидетельствуют, что только в его кремлевском кабинете ежедневно бывали до 25—30 государственных, партийных и военных руководителей. Чаще других в эти дни к вождю вызывались первые заместители председателя Совнаркома СССР нарком иностранных дел В. М. Молотов, Н. А. Вознесенский, заместители председателя СНК СССР — нарком внутренних дел Л. П. Берия, председатель Комитета обороны при СНК СССР К. Е. Ворошилов, председатель Госплана СССР нарком внешней торговли А. И. Микоян, а также нарком обороны С. К. Тимошенко, секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков, нарком путей сообщения Л. М. Каганович[16]. О напряженной работе с участием Сталина по перестройке всей жизни страны на военный лад вспоминали также многие государственные, хозяйственные и военные руководители[17].

Впервые с начала войны народ услышал голос Сталина 3 июля 1941 г. Нельзя не видеть, что, раскрывая программу разгрома врага, оратор далеко не во всем был честен со слушателями. Он уклонился от правдивого ответа на вопрос, каким образом фашистской Германии удалось добиться не только внезапности нападения, но и столь больших успехов в начале войны. Но не это было тогда главным. Сам факт выступления вождя, его необычное, носившее явно религиозный оттенок обращение к гражданам страны: «Братья и сестры!», меры по организации отпора врагу, изложенные в радиоречи, вселяли в людей уверенность, что катастрофы нет, что Сталин, правительство СССР, военное командование уверенно держат нити управления в своих руках и что в начавшейся Отечественной войне гитлеризм получит сокрушительный отпор.

Практика уже первых месяцев войны показала, что меры, предпринятые руководством СССР по коренной перестройке системы государственного управления страной и Вооруженными силами путем создания чрезвычайных органов, себя оправдали. При всех издержках и нарушениях законности их деятельность позволила в короткий срок решить сложнейшую задачу по перестройке всей жизни на военный лад и достичь высокой степени управляемости государства, Вооруженных сил и общества.

Начало перевода экономики на военные рельсы

Вероломная фашистская агрессия против Советского Союза, тяжелые раны, нанесенные противником хозяйственному организму страны, поставили советскую экономику уже в первые дни и недели войны в чрезвычайно тяжелое, а затем и весьма критическое положение.

В той угрожающей обстановке требовалось незамедлительно перевести народное хозяйство СССР на военные рельсы с тем, чтобы путем мобилизации всех его внутренних ресурсов обеспечить в кратчайшие сроки максимальное увеличение выпуска оборонной продукции, добиться материально-технического превосходства Красной армии над вермахтом и другими войсками фашистского блока, создав тем самым возможность переломить ход событий.

Военная перестройка народного хозяйства СССР предусматривала коренное изменение структуры материального производства. Полное подчинение всей экономики — промышленности, транспорта, сельского хозяйства, связи — задачам борьбы против немецко-фашистских захватчиков требовало введения в действие ранее подготовленных (в частности, плана по боеприпасам) и новых мобилизационных планов, существенного перераспределения материальных и финансовых ресурсов в пользу военного производства, установления строгой централизации и строгого контроля в деле их распределения, нормирования и расходования.

Это был далеко не безболезненный процесс, сопровождавшийся значительными материальными и финансовыми издержками и потерями, резким падением и даже остановкой производства на многих предприятиях. Положение усугублялось и тем, что в самом начале войны у руководства страны во многом из-за нарушенной связи с действующей армией не было конкретного представления о действительном положении на фронтах войны, что нашло отражение во многих невыполнимых решениях, принятых тогда по хозяйственным вопросам.

Так, 23 июня 1941 г. начальники Белостокской, Ковельской, Брест-Литовской, Львовской, Литовской, Латвийской и ряда других дорог западной части СССР получили официальную директиву от наркома путей сообщения Л. М. Кагановича о плане капиталовложений на развитие этих дорог в третьем квартале 1941 г. 24 июня наряду с важным постановлением о создании при СНК СССР Совета по эвакуации Политбюро ЦК ВКП(б) вынесло решение, согласно которому Наркомат заготовок СССР обязывался в июне 1941 г. выделить «3 тыс. тонн муки дополнительно к рыночному фонду и 2 тыс. тонн кукурузы для продажи населению горных районов западных областей УССР»[18].

Между тем и в первом и во втором случаях указанные железные дороги и районы в первые дни войны оказались или в зоне непосредственных боевых действий, или уже были захвачены врагом.

В последующем, особенно после создания 30 июня 1941 г. высшего органа сражающейся страны — Государственного Комитета Обороны, руководство СССР и в первую очередь Сталин имели, как правило, более полную информацию о действительном положении на фронте и в тылу.

В соответствии с новыми чрезвычайными условиями существенно перестраивалась работа всех государственных и общественных органов и учреждений. Уже в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» наряду с мерами общего характера предусматривались меры, касающиеся экономической жизни страны, в частности, введение трудовой повинности, регулирование времени работы учреждений, промышленных и торговых предприятий, нормирование отпуска населению промышленных и продовольственных товаров и др.

Первым документом, определившим решительный поворот промышленности на обслуживание фронта, было решение СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1941 г. ввести в действие принятый 6 июня 1941 г. мобилизационный план по боеприпасам[19]. Он был превращен в оперативное задание по развертыванию наиболее массовой отрасли военной индустрии.

Вслед за этим правительство дало указание Госплану СССР срочно разработать мобилизационный план для народного хозяйства на ближайшие три месяца. 30 июня 1941 г. мобилизационный народно-хозяйственный план на третий квартал был представлен и утвержден ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Это был документ, в котором уже зримо проступали черты военной экономики.

Производство военной техники по сравнению с довоенным временем увеличивалось на 26 %[20]. Капитальное строительство ограничивалось относительно небольшим числом удар-

ных строек. Средства и материалы концентрировались на строительстве военных заводов в районах Поволжья, Урала и Западной Сибири.

Как отмечалось выше, общая программа военной перестройки народного хозяйства СССР и мобилизации сил страны на отпор врагу содержалась в директиве Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. и в выступлении по радио 3 июля Председателя ГКО И. В. Сталина. Все члены ГКО и другие высшие руководители стали отвечать за конкретные направления перевода экономики на военные рельсы. В ведении В. М. Молотова находились вопросы производства танков, Г. М. Маленкова — самолетов и авиационных моторов, Н. А. Вознесенского — вооружения и боеприпасов, А. И. Микояна — продовольствия, горючего и вещевого имущества, Л. П. Берии — самолетов и ракетной техники, Л. М. Кагановича и А. А. Андреева — транспортные перевозки.

Мобилизационный народнохозяйственный план на третий квартал 1941 г. явился одной из первых попыток перевести экономику страны на военные рельсы. Но вскоре стало ясно, что подготовленный в своих главных чертах еще до фашистской агрессии, он не отвечал той реальной обстановке, которая сложилась в результате военных неудач Красной армии летом 1941 г. Поэтому 16 августа 1941 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) утвердили новый Военно-хозяйственный план на четвертый квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии, который был направлен на то, чтобы в течение намеченного срока развернуть основную военно-промышленную базу Советского Союза в восточных районах страны. Здесь намечалось наладить массовое производство стрелкового вооружения, всех видов артиллерии, минометов, боеприпасов. Была разработана программа увеличения в восточных районах производства электроэнергии, угля, нефти, авиабензина, чугуна, стали, проката, алюминия, меди, аммиачной селитры, крепкой азотной кислоты[21].

В области сельского хозяйства план предусматривал увеличение посевной площади под зерновые и технические культуры в восточных районах РСФСР, Казахстане и Средней Азии. В предвидении увеличения грузопотоков с востока на запад и обратно большое внимание в Военно-хозяйственном плане уделялось расширению важнейших узлов и станций на магистралях восточного направления. Было намечено в тыловых районах России строительство вторых путей, связывающих Сибирь и Урал с Поволжьем.

Вновь составленный государственный бюджет отражал изменившееся направление в развитии народного хозяйства. Военные расходы во второй половине 1941 г. увеличивались на 20,6 млрд руб. по сравнению с первым полугодием. Бюджетные же ассигнования на развитие гражданских отраслей народного хозяйства уменьшались на 21,6 млрд, а на социально-культурные мероприятия — на 16,5 млрд руб.[22]

Новые условия хозяйственной жизни страны, порожденные войной, требовали усиления централизации руководства, существенного изменения форм и методов экономического планирования и управления промышленностью.

Важнейшей функцией высшего чрезвычайного органа государственной власти — Государственного Комитета Обороны — являлась координация усилий фронта и тыла. Во всей своей деятельности по созданию и развитию военной экономики ГКО опирался на действовавший и до войны аппарат управления хозяйством, приспособленный, разумеется, к обстановке и требованиям военного времени. Особое внимание ГКО уделял вопросам максимальной централизации системы материально-технического снабжения промышленности и хозяйственного планирования в масштабе всей страны. Соответственно с этим перестраивался и аппарат Совнаркома СССР как орган общегосударственного руководства развитием экономики.

Постановлением СНК СССР от 1 июля 1941 г. были значительно расширены права народных комиссаров СССР. 18 июля это решение было распространено на наркомов РСФСР и УССР. Наркомы получили возможность распределять и перераспределять материальные ресурсы наркоматов, в том числе излишки материалов и оборудования, между отдельными предприятиями и стройками в соответствии с ходом выполнения планов. Расширялись пра-

ва наркоматов и в распределении средств на капитальное строительство, в использовании финансовых ресурсов, в регулировании фонда зарплаты.

Одновременно происходили изменения в структуре управления аппарата, прежде всего за счет упразднения лишних звеньев, укрупнения параллельных подразделений, сокращения штатов.

Война заставила коренным образом пересмотреть привычные представления о пределе производственных мощностей, норм выработки, сроков выполнения. Не дожидаясь пересмотра довоенных норм, многие передовики производства по собственной инициативе ломали устаревшие графики работы, вносили серьезные коррективы в использование сырья, топлива и материалов, в расстановку рабочей силы, трудясь за двоих и троих. Слова «невозможно», «нереально», «невыполнимо» уходили в прошлое.

Перераспределение сырья и материалов в пользу военного производства сопровождалось дальнейшей централизацией системы снабжения и жестким нормированием расхода материалов, топлива, электроэнергии. Выпуск многих видов продукции, в том числе оборудования для легкой и пищевой промышленности, вагонов, паровозов, металлических изделий широкого потребления, удобрений прекратился. Сэкономленное сырье, материалы, мощности и рабочая сила использовались для расширения военного производства. На предприятиях, где характер производства в основном не менялся, наличное оборудование технически приспосабливалось для выпуска военной продукции или сырья, в котором нуждалась военная промышленность.

Исключительно важная роль в военном производстве принадлежала машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности. Их переключение на выпуск военной продукции потребовало наиболее радикальных и реконструктивных мероприятий. Ряд крупнейших машиностроительных заводов был передан оборонным наркоматам. Тяжелое машиностроение почти целиком включалось в производство корпусов танков, минометов, снарядов, мин, авиабомб и другой военной продукции.

Все эти мероприятия поддерживали и усиливали высокие темпы военного производства, которых достигла в третьем квартале 1941 г. работавшая на нужды фронта промышленность.

Доля военной продукции в общем производстве союзной и республиканской промышленности возросла с 45 % в июне до 65 % в июле и 70 % в августе 1941 г.[23]

По отдельным промышленным наркоматам удельный вес военной продукции в июле 1941 г. по сравнению с июнем вырос в следующих размерах[24].

Таблица 1

Удельный вес военной продукции в общем производстве валовой продукции (%)

Наркоматы	1941 г.		
	июнь	июль	% роста
Наркомат черной металлургии	30	40	10
Наркомат цветной металлургии	60	75	15
Наркомат тяжелого машиностроения	50	60	10
Наркомат среднего машиностроения	32	52	20
Наркомат общего машиностроения	39	58	19
Наркомат электропромышленности	40	50	10
Наркомат химической промышленности	40	60	20
Наркомат станкостроения	50	70	20
Наркомат нефтяной промышленности	25	40	15
Наркомат резиновой промышленности	40	60	20
Наркомат легкой промышленности	40	60	20
Наркомат текстильной промышленности	25	65	40

В это время авиастроители (нарком авиапромышленности СССР А. И. Шахурин) стали поставлять во все возраставших количествах более совершенные типы истребителей, бронированные штурмовики, пикирующие бомбардировщики. Это позволило ГКО 18 сентября в развитие общего Военно-хозяйственного плана принять мобилизационную программу выпуска самолетов и моторов на сентябрь — декабрь 1941 г. Но реализация этого плана, как и других планов военного производства, во многом зависела от того, насколько быстро удастся развернуть намеченную Военно-хозяйственным планом военно-промышленную базу в восточных районах страны.

В процессе переключения гражданской промышленности на выпуск боевой техники и всех видов вооружения на действовавших предприятиях Центра и Юга Европейской части СССР не ослаблялись усилия по наращиванию на Востоке мощностей тяжелой индустрии. Практическое выполнение этих неотложных задач можно видеть на примере развертывания производства танков и самолетов в восточных районах.

После того как был принят мобилизационный план по танкостроению, В. А. Малышев — нарком созданного 11 сентября 1941 г. Наркомата танковой промышленности — выехал с группой директоров своей отрасли на Урал. Были выявлены конкретные возможности и условия форсированного перевода уральских машиностроительных заводов на выпуск бронетанковой техники, определены места для размещения перебазируемых танкостроительных предприятий и подготовлена новая производственная база для дизелестроения.

До войны единственным поставщиком дизель-моторов В-2 для танков КВ и Т-34 был Харьковский завод. В результате проведенного перемещения предприятий танкостроения танковые заводы имели перерыв в выпуске продукции лишь в один месяц, а производство дизелей совершенно не прерывалось. В тот день, когда ушел из Харькова последний эшелон с оборудованием дизельного завода, в Челябинске происходила сборка первых дизелей для тяжелых и средних танков. Вскоре на базе Челябинского тракторного завода (ЧТЗ) возник мощный танкостроительный комбинат имени Кирова. На заводе заводов России и всей страны — Уралмаше, где ранее строились уникальные, главным образом крупногабаритные машины, началось серийное производство корпусов и башен для танков КВ. Группа заводов во главе со Сталинградским тракторным заводом образовали комплексную базу танкостроения в районах реки Волги. Другой крупный волжский завод транспортного машиностроения — «Красное Сормово» (г. Горький) по решению ГКО с 1 июля переводился на выпуск танков Т-34. Он был кооперирован с Горьковским автозаводом и рядом других предприятий Горьковской и Ярославской областей. Челябинский и Сталинградский тракторные заводы стали центрами по производству тяжелых и средних танков, а Горьковский автозавод — легких. Что касается бронелистов для боевых машин, то их выпускали Магнитогорский и Кузнецкий металлургические заводы, Нижне-Тагильский и Чусовской заводы и Сталинградский завод «Красный Октябрь».

В течение третьего квартала 1941 г. танкостроители сумели изготовить 1121 средний танк Т-34[25] и 492 тяжелых танка типа КВ, производство которых было освоено на Челябинском тракторном заводе. В октябре и ноябре из-за развернувшейся массовой эвакуации производство сократилось[26]. Однако в самом конце 1941 г. в тылу страны уже действовала мощная размещенная здесь танковая промышленность в составе восьми танковых, шести корпусных и трех дизельных заводов[27].

Что касается производства самолетов в тыловых районах, то в сентябре 1941 г. удалось выпустить наибольшее за весь год число боевых машин. Но осенью, когда вражеские войска рвались к Москве, оборудование многих самолетостроительных заводов, в частности, располагавшихся в Центральном промышленном районе Российской Федерации и дававших до войны более трех четвертей всей выпускаемой Наркомавиапромом продукции, находились еще на колесах, что существенно отразилось на выпуске боевых машин. И если в третьем квартале было произведено 6600 боевых самолетов, то в четвертом — почти вдвое меньше[28]. Кроме того, на действовавших заводах не хватало квалифицированных рабочих. Перебои в работе транспорта нарушали нормальное снабжение предприятий топливом, электроэнер-

гией, материалами. В это же время на авиационных заводах происходил процесс освоения производства новых типов самолетов, что также замедляло темпы выпуска боевых машин.

Ценой огромного напряжения сил, широкой творческой инициативы и изобретательности авиастроителям удалось преодолеть падение производства и в дальнейшем обеспечить его неуклонный рост[29].

По этому поводу немецкий исследователь военной истории Г. Фойхтер писал: «То, что в таких трудных условиях Советскому Союзу удалось... в сравнительно короткий срок наладить массовый выпуск самолетов... следует отнести к величайшим техническим достижениям периода Второй мировой войны»[30].

Высокую мобильность показали переключенные на военное производство заводы сельскохозяйственного машиностроения. На их базе создавалась минометная промышленность. Серийный выпуск минометов был налажен еще до войны. Но к 1 июня 1941 г. в войсках имелось всего лишь 14 200 батальонных минометов и только 3800 полковых. 20 августа ГКО постановил изготовить в течение сентября — декабря 1941 г. 15 500 ротных минометов (50-мм), 8445 батальонных (82-мм), 400 горно-вьючных (107-мм) и 169 полковых (120-мм). ГКО обязал местные органы власти Свердловской, Челябинской, Сталинградской и Новосибирской областей к 1 ноября подыскать новые базы для производства минометов и представить свои предложения на утверждение правительства[31]. 26 ноября 1941 г. указом Президиума Верховного Совета СССР Наркомат общего машиностроения был преобразован в Наркомат минометного вооружения. Его наркомом с этого же дня стал один из опытных организаторов военного производства П. И. Паршин. Благодаря усилиям советских, партийных и хозяйственных организаций необходимые резервы для расширения выпуска минометов были найдены.

С июля и в последующие месяцы второго полугодия 1941 г. страна получала в среднем 7 тыс. минометов в месяц, тогда как в первом полугодии их среднемесячный выпуск составлял только 1,7 тыс.[32]

Ускоренно шла реализация постановления ГКО от 12 июля 1941 г. о возобновлении ошибочно приостановленного незадолго до войны производства противотанковых пушек 45- и 76-мм калибра[33].

Нарком вооружения военных лет Д. Ф. Устинов, назначенный на этот пост 9 июня 1941 г., вспоминал, как повседневно и строго контролировал ГКО производство этих пушек. «Мне не раз приходилось докладывать И. В. Сталину о выполнении графиков выпуска продукции. На их нарушения он реагировал иногда довольно резко. Когда, например, в сентябре один из уральских заводов не выполнил заказ по выпуску орудий, Сталин тут же дал телеграмму директору завода и парторгу ЦК, строжайше предупредил их об ответственности. Эта телеграмма всколыхнула весь завод, и случаев нарушения графика больше не было. Проекты постановлений ГКО о производстве 45-мм и 76-мм пушек разрабатывались нами на каждый месяц совместно с отделом вооружения Госплана. Выпуск орудий быстро рос... Однако... в связи с начавшейся эвакуацией производство несколько сократилось. Возникли трудности и в его планировании. Поэтому... Н. А. Вознесенский потребовал подготовить проект постановления на три месяца вперед. Рассмотрение этого проекта на заседании ГКО мне особенно запомнилось. Обсуждение было нелицеприятным. В принятом постановлении ГКО подчеркивалось, что производство противотанковых орудий имеет исключительное значение для Красной армии. Для коллективов, занятых производством пушек, выделялись дополнительные продовольственные фонды. В документ был включен специальный пункт, продиктованный Сталиным: “ГКО предупреждает всех народных комиссаров и директоров заводов об исключительной ответственности за выполнение указанного постановления и за бесперебойное снабжение артиллерийских заводов Наркомата вооружения и устанавливает, что невыполнение заказов для выпуска 45-мм и 76-мм пушек будет рассматриваться ГКО как государственное преступление”».

Об успешной реализации настоящего решения Государственного Комитета Обороны свидетельствуют данные таблицы 2[27]:

Таблица 2

Виды пушек	Кварталы				Всего за 1941 г.
	I	II	III	IV	
76-мм (полевые всех типов)	96	8	601	3465	4170
45-мм (противотанковые)	8	4	78	1196	1286
Итого:	104	12	679	4661	5456

Из таблицы следует, что в четвертом квартале по сравнению с третьим кварталом выпуск 76-мм пушек возрос в 5,7 раза, а 45-мм — в 15,3 раза. В начале войны из-за перевода артиллерийских заводов на выпуск орудий среднего калибра было уменьшено производство 152-мм и 203-мм орудий. Однако в дальнейшем артиллерийская промышленность СССР освоила выпуск в значительных размерах всех необходимых артиллерийских систем (как полевых орудий, так и зенитных, танковых, авиационных).

Исключительно важной задачей являлось обеспечение массового производства боеприпасов. Работа предприятий Наркомата боеприпасов (нарком П. Н. Горемыкин) была в центре внимания ГКО. Военная обстановка продиктовала необходимость срочно возобновить выпуск снарядов и патронов к 45-мм противотанковым пушкам и противотанковым ружьям. Их производство перед войной по настоянию заместителя наркома обороны СССР, начальника Главного артиллерийского управления маршала Г. И. Кулика было прекращено. Он ошибочно полагал, что танки у немцев будут с мощной броней, как у дредноутов. Вместо этих боеприпасов было налажено производство 76-мм бронебойных снарядов на заводах Юга.

Исторически так сложилось, что промышленность, выпускавшая боеприпасы, размещалась в большей степени, чем другие отрасли, в угрожаемой зоне. Поэтому с самого начала войны она понесла ощутимые потери. Только с августа по ноябрь 1941 г. в результате оккупации и эвакуации выбыли из строя 303 предприятия, изготовлявшие боеприпасы. Их месячный выпуск составлял 8,4 млн корпусов снарядов, 2,7 млн корпусов мин, 2 млн корпусов авиабомб, 7,9 млн взрывателей, 5,4 млн средств воспламенения, 5,1 млн снарядных гильз, 2,5 млн ручных гранат, 16,1 тыс. т аммиачной селитры, 7800 т пороха, 3000 т тротила[34].

13 июля 1941 г. ГКО постановил организовать в восточных районах производство бронебойных и зенитных снарядов, причем именно тех видов боеприпасов, которые были особенно необходимы воинам Красной армии для борьбы с танками и авиацией противника. Проведение этого постановления в жизнь потребовало от советских, партийных, хозяйственных организаций огромного напряжения. Необходимо было в течение 10 дней мобилизовать и отгрузить с предприятий Москвы и Ленинграда 2800 станков для усиления мощностей предприятий Наркомата боеприпасов. Руководящие органы Москвы, Ленинграда, Киева и Одессы получили задание срочно перебросить на уральские и сибирские заводы, изготовляющие боеприпасы, около 5 тыс. инженеров, техников, мастеров, квалифицированных рабочих по металло- и термообработке, инструментальщиков, монтажников[35]. Ответственное задание было выполнено.

И все же положение с боеприпасами было тяжелым. Накопленные ранее их запасы были израсходованы или утрачены. Войска испытывали острую нехватку артиллерийских снарядов, особенно зенитных, мин и патронов. Выпуск боеприпасов в последние месяцы 1941 г. снизился и не превышал 50–60 % плана. Тогда по решению правительства к их производству до конца года было переключено 382 предприятия 34 наркоматов и ведомств, а в 1942 г. — 1108 предприятий 58 наркоматов и ведомств[36].

Положение стало постепенно выправляться. С декабря 1941 г. выпуск боеприпасов начал заметно возрастать, и уже в июле 1942 г. предприятия наркомата произвели продукции в 1,7 раза больше, чем в июле 1941 г.[37]

В судостроительной промышленности (нарком И. И. Носенко) в соответствии с планом перестройки было законсервировано полностью производство 5 линкоров, 8 из 10 крейсеров, половина мониторов и других видов тяжелых боевых кораблей. Вместе с тем ускоренным темпом продолжались работы на кораблях с большим процентом технической готовности. К строительству боевых кораблей были привлечены заводы Наркоматов морского и речного флота, рыбной и мясной промышленности и ряда других.

Рост и развитие военного производства, в свою очередь, делали необходимым расширение сырьевой и топливно-энергетической базы, прежде всего в восточных районах, где развертывалась основная военно-промышленная база Советского Союза.

Черная металлургия (нарком И. Ф. Тевосян), продукция которой в целом по стране из-за вражеской оккупации сократилась более чем в два раза по сравнению с 1940 г., требовала к себе особого внимания[38]. Исключительно трудные задачи встали перед металлургами Востока. Они должны были не только восполнить утраченные мощности заводов Центра и Юга, но и существенно изменить технологию производства металла, освоить в кратчайшие сроки выпуск новых марок чугуна, легированных сталей, броневого проката.

Ведущая роль в этом деле принадлежала магнитогорским металлургам. До войны броневая сталь на Урале не производилась. Чтобы удовлетворить потребности фронта в специальных сортах черных металлов, ученым и металлургам, прежде всего коллективу Магнитогорского металлургического комбината, пришлось впервые в мировой практике к тому же в короткий срок освоить технологию выплавки броневой стали в больших мартеновских печах. Уже в июле — августе 1941 г. 70 % плана мартеновских цехов Магнитогорского металлургического комбината занимал качественный металл, а прокатные цеха более чем на 50 % давали прокат качественных специальных сталей. Всего в течение лишь второго полугодия 1941 г. сталевары Магнитки сумели освоить свыше 30 марок качественной стали[39].

Наряду с выплавкой качественной стали здесь же был налажен и ее специальный прокат. За отсутствием на Урале необходимых прокатных станов для этой цели тоже впервые в истории мировой и отечественной металлургии был приспособлен блюминг. Тем самым был совершен технический переворот в прокатном деле. Причем металлурги Урала дали высококачественную броню для танков на полтора месяца ранее установленного правительством срока.

За короткое время на производство качественной стали и проката был также переведен Кузнецкий металлургический комбинат[40].

В ходе военной перестройки на производство качественного проката были переключены и некоторые другие предприятия черной металлургии.

Если в 1940 г. качественный прокат по стране составлял 24,4 % от общего количества проката, а специальный прокат — 28,3 % от качественного, то в июле 1941 г. только по действующим восточным заводам Наркомата черной металлургии качественный прокат составил 36,9 %, а специальный — 55,7 %. В августе эти показатели по качественному прокату уже достигли 42,7 %, по специальному — несколько снизили — 54,3 %[41].

«Это был далеко не механический процесс, — писал известный сталевар, заместитель наркома черной металлургии П. И. Коробов. — Важнейшая военно-хозяйственная задача решалась путем многочисленных исследований, путем разработки и внедрения новой технологии металлургического производства, путем настойчивой борьбы за выплавку именно тех сортов стали, которая была бы способна выдержать на танках удары вражеских снарядов, обеспечила бы производство таких снарядов, которые пробивали бы броню фашистских танков»[42].

В сложнейших условиях перестраивалась на военный лад советская электроэнергетическая промышленность (Наркомат электростанций в первые месяцы войны возглавлял А. И. Летков). Как и другие отрасли тяжелой индустрии, уже в начале гитлеровской агрессии она понесла большие потери. Немецко-фашистские захватчики разрушили 61 крупную электростанцию, около 10 тыс. км высоковольтных линий электропередачи, вывезли в Германию 14 тыс. паровых котлов, 1400 турбин, 11 300 электрогенераторов. По установленной мощности электростанций Советский Союз был отброшен к уровню 1935 г.

Чтобы возместить такие потери и обеспечить народное хозяйство электроэнергией, ГКО и СНК СССР были приняты срочные меры для расширения старых и строительства новых электростанций. Так, уже 9 июля 1941 г. Государственный Комитет Обороны определил первоочередные мероприятия по усилению мощностей Челябинской, Красногорской и Средне-Уральской электростанций — основных станций уральской энергосистемы. 26 сентября СНК СССР вынес постановление «О мероприятиях по строительству электростанций в г. Новосибирске и Кузбассе», в соответствии с которым предусматривалось расширение Кемеровской ГРЭС и ТЭЦ, а также сооружение линий электропередач Кемерово — Ленинск и Мундыбаш — Таштагол[43].

В соответствии с правительственными решениями Наркомат по строительству (нарком С. З. Гинзбург) развернул в восточных регионах форсированное сооружение новых районных и заводских электростанций малой и средней мощности.

Для ускорения их сооружения изыскивались пути сокращения объема и сроков строительных и монтажных работ, упрощения схем, конструкций зданий и сооружений. Вместо дефицитных материалов широко применялись местные. Между тем положение обострилось ввиду перебазирования энергетического оборудования из угрожаемых районов и временным выходом из строя в связи с этим еще ряда электростанций. Кроме того, резко возросли потребности в электроэнергии в восточных районах страны, где развертывалась военная промышленность и восстанавливались эвакуированные предприятия.

Объем капитальных работ Наркомстроя особенно резко увеличился по наркоматам, непосредственно обслуживавшим военные нужды страны. По Наркоматам обороны, Военно-Морского Флота, машиностроения он составил за шесть военных месяцев 1941 г. по отношению к первому полугодию 128 %, по Наркомату вооружения — 140 %, по Наркомату боеприпасов — свыше 200 %[44].

Капитальные вложения во втором полугодии 1941 г. направлялись преимущественно в восточные районы страны, где были развернуты большие работы по восстановлению перебазированных предприятий.

Военная промышленность поглощала огромное количество цветных металлов. Поэтому уже 28 июля 1941 г. Наркомат обороны СССР получил указание направить в помощь строителям Уральского алюминиевого завода Наркомата цветной металлургии (нарком П. Ф. Ломако) 10 строительных батальонов. Это позволило почти удвоить мощность завода. Одновременно началось сооружение новых алюминиевых заводов в Свердловской области и в Кузнецке.

Ускоренными темпами возводились также в различных районах тыла 5 крупных заводов по обработке и прокату цветных металлов. Были приняты меры по усилению производственных мощностей крупнейшего в стране Балхашского медеплавильного завода в Казахстане. В октябре 1941 г. сюда было направлено из Ивановской области оборудование прокатного цеха Кольчугинского завода. На новом месте цех был превращен в завод. Через 80 дней его металлурги дали стране крайне необходимый цветной прокат[45].

Прибывшие на Северный Урал с оборудованием со своих рудников горняки Никополя взялись за знакомое им дело: добычу марганцевой руды. Сквозь тайгу, через болотные топи добирались они от конечной станции Ивдель на Урале до р. Полуночной к месторождениям марганца, в труднейших условиях доставили сюда инструмент, многочисленные тяжелые агрегаты — моторы, компрессоры, подъемные машины. В конце 1941 г. на заводы черной металлургии пошел уральский марганец, который до войны получали с Украины и Закавказья.

В восточных районах СССР и особенно в Казахстане и Узбекистане также быстро развертывалась добыча вольфрамовой руды, ванадия, молибдена и других редких металлов, без которых невозможно производство легированных сталей.

Перестройка черной и цветной металлургии и расширение военного производства потребовали от предприятий Наркомата угольной промышленности (нарком В. В. Вахрушев) значительного увеличения добычи угля, прежде всего коксующегося. После временной потери Донбасса и Мосбасса резко возросла роль восточных районов страны.

В Кузбасс и Карагандинский бассейн из Донецкого бассейна была эвакуирована большая группа хозяйственных и инженерно-технических работников, опытных специалистов и два института с профессорско-преподавательским составом и студентами.

Кузнецкий бассейн, где до войны добывалось только около 14 % угля, уже к началу осени 1941 г. стал основным поставщиком коксующегося угля и химической продукции.

Страна, фронт крайне нуждались в горючем. Между тем с началом войны положение в нефтедобывающей промышленности (наркомат возглавлял И. К. Седин) серьезно осложнилось. Это во многом было связано с определенными просчетами довоенного времени. Требовалось, например, уделить гораздо больше внимания вопросам развития восточных нефтяных районов СССР. Во втором полугодии 1940 г. в общей добыче нефти в стране они составляли всего лишь 12,3 %, а в первом полугодии 1941 г. их удельный вес не только не увеличился, а, напротив, снизился до 11,9 %[46]. Поэтому наряду с форсированной добычей нефти в стране в старых промысловых районах Северного Кавказа и Азербайджана ГКО в июле 1941 г. принял постановление «О мероприятиях по развитию добычи и переработке нефти в восточных районах СССР», прежде всего в районе Второго Баку — в Поволжье и Прикамье. Здесь наряду с расширением нефтепромыслов приступили к строительству нефтеперерабатывающих заводов в Сызрани, Саратове, Уфе, Ишимбае, Орске. В Поволжье создавалась фактически заново газовая промышленность.

В трудном положении в первые военные месяцы оказался Бакинский район — один из основных поставщиков нефти. Из-за невозможности вывозить готовую продукцию Черноморским флотом на бакинских нефтепромыслах образовались значительные запасы невывезенных нефтепродуктов и непереработанной сырой нефти, в которых так нуждались фронт и тыл[47].

Невывезенная продукция заполнила почти все местные емкости, в связи с чем ГКО был вынужден принять решение о временном сокращении с ноября для Баку среднесуточной добычи нефти. Положение удалось поправить благодаря более эффективному использованию морского транспорта Каспия, перевалочных баз и Ашхабадской железной дороги.

Военная перестройка нефтеперерабатывающей промышленности непосредственно отразилась на повышении удельного веса продукции военного назначения, а также на некотором изменении и размещении ее производства.

Наиболее характерным явилось резкое увеличение выпуска авиационных бензинов. Хотя в третьем квартале 1941 г. из-за вражеской оккупации страна лишилась продукции Украиннефтекомбината, Одесского, Херсонского и Осипенковского крекинг-заводов, это почти не отразилось на выработке авиабензинов, масел, бензина КБ-70 и дизельного топлива, поскольку основными базами их производства в первые месяцы войны являлись Баку, Краснодар, Майкоп, Грозный, Туапсе и Батуми. Однако в четвертом квартале 1941 г. в связи с демонтажем и эвакуацией нефтеперерабатывающих заводов Майкопа, Грозного, Туапсе и Краснодара продукция нефтепереработки значительно снизилась[48].

С большими трудностями переключалась на выпуск военной продукции химическая промышленность (нарком И. Ф. Денисов). К концу 1941 г. в результате вражеского нашествия она потеряла свыше 50 % мощностей по производству аммиака и каустической соды, 77 % серной кислоты, 83 % кальцинированной соды и т. д.

В связи с этим центральными и местными органами были приняты энергичные меры, как по восполнению понесенных потерь, так и по расширению производственной базы химической индустрии. В ходе перестройки был, например, восстановлен Новомосковский химический комбинат по производству азотной кислоты, увеличены мощности по выпуску этой стратегической продукции на Березниковском химическом заводе, Кемеровском азотнотуковом заводе и Чирчикском электрохимическом комбинате. Вводились также новые мощности по производству каустической и кальцинированной соды, калийной селитры, олеума, газовой сажи, аммиака, органического стекла, различных красителей, средств химзащиты и других видов химической продукции. На коксохимических заводах Кузнецка, Ново-Тагильска и Магнитогорска в короткие сроки было налажено крупное производство

такого важного компонента военной продукции, как толуол. Снабжение серной кислотой предприятий, изготовлявших боеприпасы, осуществлялось с Воскресенского, Щелковского и Дорогомиловского химических заводов.

Однако возместить нанесенный войной ущерб удалось не сразу. Объем производства химической промышленности в течение второго полугодия 1941 г. снижался. Постепенный подъем наступил в химической индустрии только во втором квартале 1942 г.

Военная перестройка внесла существенные изменения в работу легкой, пищевой и текстильной промышленности (наркоматы этих отраслей промышленности соответственно возглавляли С. Г. Лукин, В. П. Зотов и И. Н. Акимов). Например, предприятия текстильной промышленности перешли на производство преимущественно тканей военных образцов, а все швейные фабрики — на пошив армейского обмундирования. Кроме того, на заводах, фабриках и комбинатах легкой, текстильной и пищевой промышленности был налажен выпуск таких видов военной продукции, как ручные гранаты, корпуса мин и снарядов, зажигательные авиабомбы, автоматы, бутылки с горючей смесью и др.

Успех всей работы по мобилизации экономики и ее переводу на военные рельсы находился в прямой зависимости от правильного использования трудовых ресурсов. Проблема кадров в условиях войны стала одной из самых острых хозяйственных проблем. Трудность ее решений усугублялась тем, что помимо мобилизации в армию большого числа рабочих и служащих значительная часть населения страны осталась на оккупированной территории; десятки тысяч рабочих были временно выключены из сферы производства из-за перебазирования промышленности. Если к концу 1940 г. в народном хозяйстве во всех отраслях было занято 31,2 млн рабочих и служащих, то к осени 1941 г. их насчитывалось лишь около 18,5 млн человек.

В целях правильного и планомерного распределения и перераспределения трудовых ресурсов Совнарком СССР своим постановлением от 30 июня 1941 г. учредил при Бюро СНК СССР Комитет по распределению рабочей силы во главе с П. Г. Москатовым[49]. (Позднее Комитет стал заниматься и учетом рабочей силы, его возглавил Н. М. Шверник.)

Недостаток рабочей силы в промышленности пришлось восполнить частично за счет других отраслей народного хозяйства, а также путем увеличения рабочего дня, введением обязательных сверхурочных работ, отменой очередных и дополнительных отпусков, что позволило на одну треть повысить загрузку оборудования. Для замены ушедших на фронт в промышленность, строительство и на транспорт добровольно влились сотни тысяч советских граждан, в первую очередь старики[50], женщины и молодежь. Существенным источником пополнения квалифицированной рабочей силы оставалась система государственных трудовых резервов.

Но указанные мероприятия, несмотря на их положительную роль, не могли полностью решить проблему воспроизводства рабочей силы. Требовалось наладить систематическую подготовку нового рабочего пополнения и переподготовку имевшихся производственных кадров. Ведь на промышленные предприятия и транспорт пришли люди, которые в своем большинстве не владели какими-либо рабочими специальностями.

Подготовка кадров массовых рабочих профессий была организована на краткосрочных курсах, в стахановских школах, в системе государственных трудовых резервов, а также на самом производстве в порядке индивидуального и бригадного ученичества под руководством кадровых рабочих и мастеров.

23 июля 1941 г. постановлением СНК СССР совнаркомам союзных и автономных республик, а также исполкомам краевых и областных Советов депутатов трудящихся было предоставлено право при необходимости переводить в обязательном порядке рабочих и служащих на работу в другие предприятия независимо от их ведомственной принадлежности и территориального расположения. Это позволяло местным органам власти более оперативно маневрировать производственными кадрами в интересах войны.

Опираясь на помощь и содействие местных органов, Комитет по распределению рабочей силы при Бюро СНК СССР с июля 1941 г. переместил с предприятий местной

промышленности, общественного питания, промкооперации, коммунального хозяйства, управленческого аппарата, а также мобилизовал из числа незанятого городского и сельского населения в оборонную промышленность 120 850 человек. За то же время были направлены на угольные шахты, нефтепромыслы, электростанции, в черную и цветную металлургию, на строительство и железнодорожный транспорт 608,5 тыс. рабочих, призванных военкоматами и сформированных в строительные батальоны и рабочие колонны[51].

Для укрепления трудовой дисциплины и закрепления работников за своими предприятиями были приняты указы Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» и «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве». Мобилизации подлежали лица, не работавшие в государственных учреждениях и на транспорте.

Позднее, в целях привлечения рабочей силы на выполнение сельскохозяйственных работ в наиболее напряженные периоды мобилизация трудоспособного населения распространялась и на сельских жителей.

Сейчас эти и другие чрезвычайные меры кому-то могут показаться чересчур суровыми и даже жестокими. Но шла война, и с таким положением приходилось считаться. Подобные решения, а также досрочный массовый выпуск учащихся из школ трудовых резервов существенно смягчили остроту проблемы кадров и во многом определили необходимые возможности для развертывания военного производства.

Осуществляя перестройку народного хозяйства и мобилизацию материальных и людских ресурсов страны, Государственный Комитет Обороны, Совнарком СССР, центральные, республиканские и местные советские, партийные и хозяйственные органы в сложных и драматических условиях добивались максимального использования возможностей не только промышленности, но и сельского хозяйства. (Наркомат земледелия СССР и Наркомат зерновых и животноводческих совхозов СССР в то время соответственно возглавляли И. А. Бенедиктов и П. П. Лобанов.)

Требовалось, прежде всего, в сжатые сроки убрать урожай первого военного лета и провести своевременно государственные заготовки и закупки хлеба, спасти от врага из прифронтовой полосы скот, сельскохозяйственные машины, запасы сырья и продовольствия; увеличить в восточных районах посевные площади зерновых, картофеля и овощей.

Разумеется, все эти меры снижали и без того сравнительно невысокий жизненный уровень тружеников села и повышали требование работать на пределе сил и возможностей.

В связи с тем, что была мобилизована на нужды фронта часть тракторов и автомашин, при уборке урожая использовались простейшие технические средства и ручной труд.

В дни первой военной уборочной страды в колхозах тыловых районов страны машинами на конной тяге и вручную было убрано 67 % колосовых культур, а в совхозах — 13 %[52]. В прифронтовой полосе сбор урожая часто происходил под обстрелами и налетами вражеской авиации. На большей части Украины труженики села сумели выполнить государственный план хлебозаготовок, полностью обеспечили продовольствием войска, действовавшие на территории республики. Несмотря на то, что уборочные работы в 1941 г. по климатическим условиям начались позже, чем в 1940 г., в шести южных областях УССР уже на 15 июля было убрано 959 тыс. га зерновых, в то время как на это же число в 1940 г. было убрано только 415,3 тыс. га. Вывезенные с Украины хлеб и хлебопродукты составили примерно одну восьмую всех зерновых, заготовленных в тыловых районах страны[53].

В целом справились со своими задачами колхозники и работники совхозов других прифронтовых районов. Но в создавшейся обстановке вся тяжесть решения продовольственной проблемы легла на восточные районы, где уборка первого военного урожая была проведена хуже, чем в 1940 г., особенно в Поволжье и на Урале. Основными причинами такого положения явились сильные затяжные дожди, начавшиеся во многих районах сразу же после созревания хлебов. Ощущалась также нехватка механизаторских кадров, особенно комбайнеров и трактористов, а также транспортных средств, уборочных машин, горюче-смазочных

материалов и др. В связи с мобилизацией общая численность трактористов к августу 1941 г. при потребности 498 тыс. человек составляла 286 тыс.

Чтобы по возможности компенсировать потери сельского хозяйства и поддержать на необходимом уровне сельскохозяйственное производство, еще 20 июля 1941 г. правительство утвердило план увеличения озимого клина зерновых культур в областях Поволжья, Урала, Сибири и Казахской ССР. Было принято также решение расширить посевы зерновых культур в районах хлопководства — Узбекистане, Туркмении, Киргизии, Казахстане и Азербайджане.

Продвижение на восток озимых хлебов, использование части хлопковых посевных площадей среднеазиатских республик под посевы зерновых и технических культур составляло важнейшую часть программы военной перестройки экономики, мобилизации ресурсов села на помощь фронту.

Фронт оторвал от мирного труда наиболее трудоспособную и квалифицированную часть работников села. Для возмещения убыли рабочей силы в общественное производство деревни вовлекалось все мало-мальски трудоспособное колхозное население, включая подростков и стариков. Женщины и молодежь допризывного возраста были основным резервом комплектования механизаторских кадров.

Удельный вес женщин среди трактористов, комбайнеров, шоферов поднялся с 7,8 % в 1940 г. до 36–42 % в 1942 г., в отдельных областях этот процент был еще выше. Так, в Молотовской области процент трактористок возрос с 9 % в 1940 г. до 75 % в 1942 г.[54]

В итоге всех усилий к концу 1941 г. в закрома государства поступило свыше 1 миллиарда пудов зерна. В тех экстремальных условиях это было несомненным достижением работников сельского хозяйства, их заметным вкладом в дело мобилизации экономических ресурсов страны.

Трудности первых недель и месяцев войны наложили свой отпечаток на все отрасли народного хозяйства, в том числе и на транспорт. Приспосабливать транспортные перевозки к возраставшим потребностям фронта и тыла и особенностям военно-экономической мобилизации приходилось в исключительно тяжелых условиях.

Перестройка работы железных дорог (нарком путей сообщения Л. М. Каганович) вновь началась с перевода движения поездов на особый воинский график 1941 г. — литер «А», который был введен приказом НКПС от 23 июня 1941 г. с 18 час. 24 июня взамен имевшегося в распоряжении дорог воинского графика 1938 г.[55] Введение воинского графика обеспечивало первоочередной и скорейший пропуск воинских эшелонов и грузов.

Одновременно были осуществлены и другие мероприятия, предусмотренные мобилизационным планом, в частности открылись находившиеся на консервации промежуточные станции и разъезды, обходные линии, дополнительные пути, водокачки, устройства локомотивного и вагонного хозяйства, места погрузки и выгрузки. Принимались меры к увеличению пропускной способности важнейших узлов восточных районов (Челябинского, Свердловского, Тагильского, Новосибирского, Кировского), развертывалось строительство ряда дорог в восточных и северных районах. Значительная часть подвижного состава переоборудовалась для перевозок воинских частей, боевой техники, боеприпасов, раненых и т. п. На фронтах учреждались должности уполномоченных НКПС, наделенных широкими правами.

Уже в течение первой недели войны железные дороги СССР выполнили такой объем перевозок, на который дореволюционной России в начале Первой мировой войны потребовалось два с половиной месяца[56]. Всего за летне-осенний период 1941 г. для развертывания и сосредоточения советских вооруженных сил из внутренних военных округов в пункты сосредоточения войск были доставлены главным образом железнодорожным транспортом 291 стрелковая дивизия, 94 стрелковые бригады и свыше 2 млн человек маршевых пополнений[57]. За первые 40 дней войны по железным дорогам были перевезены на фронт 2,5 млн человек. Под воинские перевозки с начала военных действий по декабрь 1941 г. потребовалось 2,4 млн вагонов[58].

Выполнение оперативных заданий по воинским перевозкам уже в первые месяцы войны заметно отразилось на снижении общего объема народнохозяйственных перевозок. Повысился лишь удельный вес основных хозяйственных грузов оборонного значения: с 57 % в июне до 65 % в июле и 70 % в августе 1941 г. Перевозки же остальных хозяйственных грузов, включая товары широкого потребления, уменьшились с 46 тыс. вагонов в июне до 22 тыс. в июле и 18,9 тыс. в августе[59].

Осуществление максимально быстрой переброски войск на фронт, при одновременно проводимых народнохозяйственных перевозках и эвакуации людей и предприятий в тыл, потребовало от железнодорожников высокой организованности, дисциплины и самоотверженности в работе. Подвергаясь постоянным атакам с воздуха, машинисты и поездные бригады героически водили эшелоны с войсками и вооружением на фронт, вывозили отсюда раненых и другие грузы. Чтобы ослабить напряженность движения на линиях и ускорить пропуск воинских поездов, на дорогах стали применяться методы «живой блокировки». По пути следования устанавливались посты, помогавшие следить за движением каждого поезда. Иногда поезда продвигались «караванами» — с небольшими интервалами, меньше тех, которые допускались техническими правилами. Но цель достигалась, и пропускная способность увеличивалась иногда в 2–3 раза.

Трудности и потери на железнодорожном транспорте были велики. Достаточно отметить, что к ноябрю 1941 г. в результате вражеской оккупации длина железнодорожного пути СССР сократилась на 41 %. Все это тяжело отразилось на эксплуатационной деятельности железных дорог. Так, в третьем квартале 1941 г. было перевезено народнохозяйственных грузов на 134,9 млн т меньше, чем в первом полугодии[60]. Однако железнодорожный транспорт в течение третьего квартала и последующих месяцев 1941 г. выдержал, пожалуй, самое большое испытание военных лет.

В первые месяцы войны на обслуживание первоочередных нужд фронта были мобилизованы и другие виды отечественного транспорта. Огромные трудности выпали на долю речников Днепро-Двинского, Северо-Западного и Волжского бассейнов (нарком речного флота СССР З. А. Шашков). Только благодаря героическим усилиям речников удалось в невиданно короткий срок организовать 46 переправ по среднему и нижнему течению Днепра и на Десне.

Весь флот Неманского пароходства работал по заданиям военного командования. По мере продвижения вражеских войск на Восток речной флот отводился на Днепр. После оставления Красной армией левого берега Днепра флот был затоплен.

Морской транспортный флот (нарком морского флота С. С. Дукельский) на Черном море и северных морях так же, как и речной флот в западных областях, был поставлен целиком на службу фронту и действовал главным образом по заданиям военного командования.

Автомобильный транспорт, удельный вес которого в грузообороте страны в 1940 г. составлял всего лишь 1,8 %, во время войны приобрел исключительно важное значение при обслуживании ближайших направлений от тыла к фронту, а также для доставки в тыл эвакуированного населения, сырья, продовольствия и материалов[61].

Общий объем перевозок воздушного транспорта Главного управления гражданского воздушного флота (ГУГВФ) за первые три военных месяца 1941 г. составил несколько миллионов тонно-км. За это же время было перевезено, в том числе фронтовыми авиаподразделениями ГУГВФ, десятки тысяч пассажиров[62].

Развитие производственной инициативы транспортников, массовый трудовой героизм железнодорожников, речников, моряков, коллективов автомобильного транспорта и гражданского воздушного флота в значительной мере помогли им в первые месяцы войны осуществить огромный по тому времени объем перевозок.

К числу мер, ставших важнейшей частью военной перестройки народного хозяйства, явилась начатая с самого начала войны эвакуация основных кадров, материальных и культурных ценностей, сырья и оборудования промышленных предприятий из угрожаемых районов

Советского Союза на Восток. О ней уже было упомянуто выше. Это была вынужденная, но весьма необходимая для перестройки народного хозяйства производственная операция. Ее вызвала крайне неблагоприятная обстановка, которая сложилась на фронте с первых дней фашистской агрессии.

Из угрожаемых районов различными видами транспорта уже с конца июня по сентябрь 1941 г. удалось эвакуировать большие массы людей, сотни предприятий, тысячи тонн сырья, топлива, значительные ресурсы сельского хозяйства и другие материальные и культурные ценности. Ничего подобного мировая история еще не знала. Известный в военные годы американский журналист Л. Сульцбергер в статье, опубликованной в журнале «Лайф», назвал эвакуацию, проводимую в СССР, поистине легендарной. «Этот осуществляемый в гигантских масштабах перевод промышленности на Восток, — говорилось в статье, — одна из величайших саг в истории».

Высокую оценку осуществляемому в СССР перебазированию производительных сил на Восток дал в своей книге «Россия в войне 1941—1945» английский публицист, корреспондент «Би-би-си» А. Верт. По его мнению, эвакуацию следует «отнести к числу самых поразительных организаторских и человеческих подвигов Советского Союза...»[63]. Но эти первые месяца войны были еще началом грандиозного, беспримерного в истории перебазирования производительных сил СССР. Фактически в глубокий тыл была перемещена целая индустриальная страна.

Последовательное решение столь сложнейшей военно-хозяйственной задачи во многом предопределило ускоренное развертывание на Востоке СССР мощной военно-промышленной базы.

Сочетание жесткого централизованного руководства с местным почином и местной инициативой позволяло в значительной мере не только смягчать хозяйственные трудности первых месяцев войны, но и найти пути, необходимые для их преодоления и решения практических задач по созданию слаженного военного хозяйства страны.

Огромное значение в советском тылу в ходе смертельной схватки с фашистским блоком приобрел человеческий фактор, в котором проявилось единое стремление не только фронтовиков, но и тружеников тыла — сделать как можно больше для фронта, преодолеть все трудности и невзгоды во имя скорейшего разгрома врага.

Движение многостаночников и скоростников, за совмещение профессий, двухсотников, трехсотников и даже тысячников (т. е. выполнявших нормы на 200, 300, 1000 %), комсомольско-молодежных и фронтовых бригад — таков далеко неполный перечень массовых проявлений в дни войны трудовых инициатив советскими людьми. Лучшие из них — люди разных национальностей: сталевары Нурулла Базетов, Ибрагим Валеев, Александр Чалков, Ольга Ковалева, фрезеровщик Дмитрий Босый, машиностроители Михаил Попов, Василий Шубин, Павел Спехов, машинисты Николай Лунин, Василий Болонин, бурильщики Алексей Семиволос, Илларион Янкин, станочница Екатерина Барышникова, первая в стране женщина-горновой Фелисата Шарунова, труженицы села Прасковья Малинина, Паша Ангелина, Дарья Гармаш и многие другие увлекали за собой на высокопроизводительный труд, в сражение за металл, за уголь и нефть сотни тысяч бойцов трудового фронта.

От конкретных решений высшего звена политических, военных и хозяйственных руководителей СССР во многом зависел как ход военных действий на полях битв и сражений, так и последовательный рост и укрепление советского тыла, его экономики.

Английский экономист Морис Добб в своей книге «Советское планирование и труд в мирный и военный период», выпущенной во время войны, писал: «Величайшую ошибку совершит тот, кто займется техническим аспектом планирования и станет рассматривать советскую хозяйственную систему только в свете согласования и руководства, игнорируя демократический элемент в ней, выражающийся в активном участии и самодеятельности масс». Достижения этого периода в перестройке экономики во многом способствовали созданию необходимых условий для отпора врагу.

Поворот советского общества от мира к войне

Вероломное вторжение войск фашистской Германии и ее европейских союзников и пособников обозначило качественный поворот в состоянии советского общества — от мира к войне. На борьбу с германским нашествием встали стар и млад, мужчины и женщины, все нации и народности СССР. Писатель М. М. Пришвин 5 июля 1941 г. писал в дневнике: «Весь народ поднялся»[64].

Что защищали советские люди? Чем был вызван их патриотический подъем? Прежние константы о том, что народы СССР защищали советскую социалистическую Родину, идеалы социализма лишь отчасти его объясняют. Исторические традиции борьбы народов за свободу и независимость, решимость советских людей к бескомпромиссной борьбе с агрессорами, готовность любой ценой преградить дорогу захватчикам и разгромить их были предопределены характером и особенностями Великой Отечественной войны.

В заявлении по Всесоюзному радио в день начала войны первого заместителя председателя СНК СССР и народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова говорилось: «Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная армия и весь народ вновь поведут победоносную Отечественную войну за Родину, за честь, за свободу...» Завершающие речь слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами»[65] соответствовали мыслям и чувствам миллионов людей.

Подлинно народным гимном стала исполненная в первые дни войны песня А. В. Александрова на слова В. И. Лебедева-Кумача «Священная война». Призыв песни встать «на смертный бой с фашистской силой темною, с проклятою ордой» точно и доходчиво раскрывал характер Великой Отечественной войны и ее историческое предназначение.

Более всесторонняя оценка Великой Отечественной войны содержалась в речи председателя Совета народных комиссаров СССР И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 г.: «Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной... Целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, порабощенного со стороны фашистских армий Германии»[66].

Советские люди вкладывали в понятие «патриотизм» прежде всего любовь к Родине, способность и в горе, и в радости быть вместе со своим народом. В годы Великой Отечественной войны это чувство достигло высокого накала. Стремление отстоять независимость страны, родную землю, свой родовой очаг было неукротимым. Люди ощутили смертельную опасность, которую нес германский фашизм, развязавший 22 июня 1941 г. неспровоцированную, несправедливую войну.

Часть населения СССР по-иному встретила войну. На захваченных противником западных территориях страны имевшие место антисоветские настроения проявились в пособничестве оккупантам, а в отдельных случаях — в вооруженных выступлениях против органов советской власти и частей Красной армии. Поражения страны и победы Гитлера желали разного рода националистические элементы, воинствующие противники советского строя.

Но большинство граждан страны воспринимали существующий социально-политический строй как законный и естественный. Дружба народов сплотила их во имя обороны Отечества, защиты тех жизненных ценностей, которые были им близки, дороги и понятны.

Реальность лета — осени 1941 г. оказалась жестокой: Советский Союз, его народы были вынуждены пережить стремительное, массированное, захватившее огромную территорию

С завода — на фронт

Запись добровольцев в народное ополчение

Ополченцы

нападение агрессора. Вражеской оккупации подверглись обширные территории, на которых проживали миллионы соотечественников. Возникла необходимость и неизбежность покидать родные города и села, оставлять работу или учебу. Тяжелейшая участь ожидала население, попавшее под вражескую оккупацию — угроза смерти, угон молодежи на принудительные работы в Германию и другие страны, насилие и грабежи. Война принесла гибель миллионам мирных жителей, вызвала появление сотен тысяч детей-сирот, инвалидов, одиноких беспомощных стариков. Принципиально иной становилась жизнь в каждом регионе, городе и селе, по сути — в каждой семье.

Не только от фронтовых и прифронтовых районов, но и от всех союзных республик, краев, областей, округов, от всего населения потребовались сверхсрочные, неотложные, крутые и, на взгляд современного обывателя, жестокие меры для мобилизации сил перед лицом рвущегося на восток противника. Призыв: «Все для фронта, все для победы над врагом!», как древний набат, поднял на бескомпромиссную войну с агрессором абсолютное большинство советских граждан.

С созданием 30 июня 1941 г. ГКО, в руках которого сосредоточилась вся власть в воюющей стране, процесс поворота общества от мира к войне стал быстро обретать конкретность, системность и организованность. Анализ документов, статистики позволяет говорить о том, что общество в целом с пониманием встретило меры властей по превращению страны в единый военный лагерь. Население проявило сознание общественного долга, законопослушание, дисциплинированность. Люди показали высокую социальную активность, терпение, коллективизм, мужество. Эти качества реализовались благодаря и патриотическим традициям народа, и целенаправленной деятельности государства, партии, местных Советов, общественных организаций. Великая Отечественная война характеризовалась именно широкой инициативой людей независимо от их социального статуса, этнической принадлежности, пола и возраста.

Историки выделяют следующие группы общественных инициатив в помощь фронту: создание добровольческих формирований, финансовая и другая материальная помощь фронту, забота о раненых воинах и инвалидах войны, семьях фронтовиков и детях, оставшихся без родителей, инициативы в трудовой сфере, моральная поддержка фронтовиков и тружеников тыла и другие[67].

Народные движения, как правило, начинались с конкретной, чаще личной инициативы, с убедительного яркого призыва. Это могли быть не только постановления ГКО, выступления И. В. Сталина, но и постановление городского комитета обороны, парткома завода, инициатива известных граждан страны. Ставший популярным лозунг «А чем ты помог фронту?» был нацелен на подъем личной, персональной активности, ответственности за общенародные дела.

В первую очередь это выразилось в усилиях общества по развертыванию подготовки боевых резервов для действующей армии. Согласно постановлениям ГКО «О подготовке резервов» от 16 июля 1941 г. и «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР» от 17 сентября 1941 г., повсеместно было налажено военное обучение граждан, прежде всего призывного возраста, молодежи. На местах эту задачу осуществляли военные отделы ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов, райкомов партии и местные Советы соответствующего уровня.

Программа Всевобуча охватывала тактическую, огневую, строевую, физическую, саперную, химическую и санитарную подготовку, а также изучение уставов Красной армии. Готовили будущих бойцов и по отдельным специальностям — пулеметчиков, минометчиков, снайперов, истребителей танков. Занятия проводились без отрыва от производства по 110-часовой программе, которая позволяла дать обучаемым военные знания и практические навыки подготовки одиночного бойца.

Для проведения всеобщего военного обучения граждан исполкомы местных Советов предоставляли военным органам необходимые помещения под учебные пункты, оборудовали их инвентарем, наглядными пособиями, обеспечивали явку военнообязанных на занятия, а

также выявляли среди жителей людей с военным опытом — для преподавания специальных дисциплин.

Обучение трудящихся военному делу стало нормой жизни. В Москве и Московской области было открыто более 600 военно-учебных пунктов, в Ленинграде — более 100, сотни пунктов Всевобуча готовили резервы в городах Урала, Сибири, Средней Азии. К 1 декабря 1941 г. план обучения военнообязанных только по 10 военным округам был выполнен на 362 процента[68].

Самым ярким примером гражданской инициативы стало возникновение, начиная с Ленинграда и Москвы, патриотического движения за создание в помощь фронту народного ополчения. В северной столице за короткий срок было сформировано 10 дивизий и 14 отдельных артиллерийско-пулеметных батальонов, в которых насчитывалось свыше 135 тыс. добровольцев, а в Москве — 15 дивизий народного ополчения (из них 12 уже к 7 июля 1941 г.) численностью около 165 тыс. человек[69].

Примеру ленинградцев и москвичей следовали по всей стране. Из справки о формировании народного ополчения по районам г. Горького от 28 июля 1941 г. видно, что свыше 60 тыс. трудящихся подали заявления о зачислении их в отряды народного ополчения, из которых более 44 тыс. реализовали свое стремление. Для руководства отрядами были подобраны 55 командиров. Все отряды приступили к регулярным занятиям по 100-часовой программе четыре раза в неделю[70].

Подробное представление о патриотическом порыве населения дает и «Информационная сводка Дагестанского обкома ВКП(б) об оборонно-массовых мероприятиях в Дагестанской АССР» от 4 августа 1941 г. «По неполным данным, — говорилось в документе, — по республике вступил в отряды народного ополчения 5621 человек, в том числе по г. Махачкале 2522 человека, по г. Дербенту 843 человека, г. Буйнакску 483 человека. Всем районам и городам разосланы инструкции и программы по организации и обучению отрядов народного ополчения, подобран командно-политический состав и регулярно проводятся занятия в отделениях, взводах, ротах, эскадронах. В городе Махачкала 20.VII. с. г. был проведен первый смотр отрядов народного ополчения, продемонстрировавший высокие патриотические чувства и готовность трудящихся к борьбе с врагом»[71].

Писатель Даниил Гранин, воевавший в числе ополченцев, так передает настроение земляков-ленинградцев: «Ошеломленность и недоумение первых дней миновали. Возникало оскорбленное осознание нашей правоты...»[72] Именно понимание этой правоты и было главным мотивом записи многих тысяч ленинградцев, в том числе самого Д. А. Гранина, в ряды ополченцев. Уже вскоре он был на передовой — недалеко от Пулковских высот. Большую ценность для понимания внутреннего состояния защитников Ленинграда имеет такое его воспоминание: «Мы не знали, удастся ли отстоять Ленинград, мы знали лишь, что мы придем в Германию»[73].

Всего в Российской Федерации в первые месяцы Великой Отечественной войны было сформировано из добровольцев, записавшихся в народное ополчение, 28 стрелковых и 8 кавалерийских дивизий, 3 стрелковых полка и 15 артиллерийско-пулеметных батальонов, что составляло две трети всех ополченских формирований в СССР. Эти соединения и части насчитывали в своих рядах 360 тыс. человек[74]. После срочной, но довольно основательной военной подготовки они направлялись на фронт и, набираясь опыта, мужая, становились кадровыми соединениями Красной армии.

Повсеместно развернулось патриотическое движение за создание национальных добровольческих воинских формирований. Первой статус такого соединения по постановлению ГКО от 3 августа 1941 г. получила 201-я Латышская стрелковая дивизия, на 90 % сформированная из жителей Латвийской ССР и более чем наполовину состоявшая из этнических латышей. Дивизия приняла боевое крещение в битве за Москву в составе 33-й армии Западного фронта.

Создание добровольческих национальных формирований, представляя собой конкретную и действенную помощь действующей армии, стало ярким проявлением патриотизма

Медико-санитарная команда на учебных сборах

и национального достоинства народов. Для проведения связанных с этим работ на местах создавались республиканские, областные, городские и районные комиссии. Инициатива создания национальных воинских формирований находила горячий отклик у трудящихся. Многие из них за счет личных средств и сбережений обеспечивали новые дивизии и корпуса снаряжением, горючим, обмундированием и продовольствием.

Такие формирования (как правило, кавалерийские, стрелковые и горнострелковые дивизии и корпуса) стали формироваться в республиках Средней Азии, Казахстане, республиках Закавказья. Не меньший по сравнению с другими союзными республиками размах движение по созданию добровольческих формирований приобрело и в крупнейшей из союзных республик — России, где проживали десятки этносов. Названия вновь созданным соединениям давали края, области, географические регионы.

Осенью 1941 г. общественные организации Башкирии, Калмыкии, Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии внесли предложения о создании самостоятельных воинских формирований из коренных жителей этих автономных республик. Предложения были приняты, и уже в начале 1942 г. дивизии приняли первое боевое крещение.

В Краснодарском крае были сформированы две кубанские кавалерийские казачьи дивизии, полностью состоявшие из добровольцев. Эти дивизии составили ядро вновь организованного 17-го Кубанского добровольческого казачьего кавалерийского корпуса. Еще две кавалерийских казачьих дивизии были созданы из добровольцев, народных ополченцев Дона. Одну из них сформировала Ростовская область, другую — Сталинградская. С большим патриотическим подъемом были созданы добровольческие стрелковые бригады сибиряков-охотников — омичей и алтайцев.

Пенсионер А. В. Шиштоев провожает своего внука — комсомольца С. Ф. Варпашова на фронт

В начале войны, когда на российском Севере создалось напряженное положение, в короткий срок из народных ополченцев была сформирована стрелковая дивизия из двух полков, получившая неофициальное наименование Полярной. Уже в октябре 1941 г. она участвовала в боях, а в дальнейшем была включена в число кадровых соединений Красной армии.

К ожесточенным боям под Москвой подоспела и Ярославская стрелковая дивизия добровольцев-ополченцев. Добровольческие дивизии были созданы также в Новосибирской и Ивановской областях, а роты, батальоны, полки — в Пензенской, Горьковской, Кировской и других областях.

Энтузиазм, с которым в различных регионах страны создавались такого рода формирования, не имел прецедента. Например, в Красноярске, где требовалось отобрать 6 тыс. добровольцев, откликнулось 28 тыс. человек! И большинство из них — 26 тыс. человек — добились своего, будучи направленными на фронт[75]. Воевали сибиряки, в том числе в боях за Москву, героически.

Кто не смог пробиться в ополчение, участвовал в жизненно необходимой деятельности местной противовоздушной обороны. Советы депутатов трудящихся уделяли много внимания проведению мер по МПВО, подготовке инструкторов и мобилизации широких масс населения для отражения налетов вражеской авиации. Яркими примерами общественной инициативы и активности, боевыми штабами в борьбе с воздушными нападениями противника являлись Московский, Ленинградский, Сталинградский, многие другие городские Советы и городские комитеты обороны. Эта кропотливая работа опиралась на патриотическую поддержку широких слоев народа во всех регионах страны.

Особое значение МПВО имела для столицы СССР. Известно, что, благодаря организованному отпору, из 9 тыс. вражеских самолетов, участвовавших в налетах, в небо столицы прорвалось лишь 243 самолета (2,7 %). Из 45 тыс. пожаров, вызванных налетами люфтваффе на Москву, 43,5 тыс. были потушены бойцами истребительных батальонов, членами добровольных пожарных команд и местной противовоздушной обороны, жителями Москвы[76]. Замыслы фашистов деморализовать советский тыл путем нанесения массированных воздушных ударов были сорваны.

Ко многим общественным инициативам в советском тылу прямое отношение имели органы представительной власти. В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» Советы депутатов трудящихся стали органической частью военно-политической системы страны. Будучи выборными органами, они через многочисленные общественные комиссии выполняли и функции массовых организаций, особенно на селе и в небольших трудовых коллективах. У Советов в тыловых районах определились два основных объекта деятельности в социальной сфере: удовлетворение нужд фронта и создание для населения в тылу необходимых, хотя бы минимальных условий жизни и труда.

О структуре Советов военных лет, больших изменениях в их составе в связи с войной дает представление записка Президиума Верховного Совета Татарской АССР в Татарский обком ВКП(б) (не позднее 1 октября 1941 г.). К началу Отечественной войны, говорится в записке, в 1692 сельских и поселковых Советах было депутатов — 19 198 человек, из них мужчин — 13 269, женщин — 5929, членов и кандидатов ВКП(б) — 4551, членов ВЛКСМ — 1658; в 63 районных Советах было депутатов — 2182 человек, из них мужчин — 1469, женщин — 713, членов и кандидатов ВКП(б) — 336, членов ВЛКСМ — 51; в 12 городских Советах было депутатов — 912 человек, из них мужчин — 562, женщин — 350, членов и кандидатов ВКП(б) — 517, членов ВЛКСМ — 94. По неполным данным, на 1 октября 1941 г. от 30 до 65 % депутатов Советов выбыли в ряды РККА. Всего депутатов Татарской АССР — 143 человек, из них мобилизовано в РККА — 44[77].

Местные Советы депутатов трудящихся сыграли важную роль в мобилизации и развертывании людских сил и материальных ресурсов для отражения немецко-фашистских захватчиков: они оказывали большое содействие военным органам в проведении мобилизации, формировании и отправке пополнений, строительстве оборонительных сооружений, мате-

риальном и продовольственном снабжении армии, организации поставок для нее конского состава, транспортных средств, снаряжения.

Одной из особенностей деятельности местных органов власти в годы войны стал значительный рост нештатного актива. Вокруг местных Советов формировались санитарно-бытовые отряды, бригады строителей, созданные на добровольных началах, и другие. Наряду с сессиями Советов чаще стали созываться общие собрания граждан, митинги.

В литературе и средствах массовой информации многие годы предпринимаются попытки обойти молчанием роль компартии в повороте советского общества от мира к войне и организации всенародного сопротивления германскому фашизму и его пособникам. Но факты свидетельствуют об обратном. ВКП(б) стала «воюющей партией».

В кратчайшие сроки осуществлялось перераспределение партийных сил в пользу действующей армии и военного производства. К концу 1941 г. в армии и на флоте воевало свыше 40 % состава партии. Не меньшая доля коммунистов была занята в ключевых для обороны производственных сферах, на транспорте. В начальный период войны в Вооруженные силы направлено 500 секретарей ЦК компартий республик, краевых, областных, городских и районных комитетов партии, 270 ответственных работников аппарата ЦК ВКП(б), 1265 работников областного и районного звена. А первый выпуск Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) в составе 360 человек в июне 1941 г. был полностью направлен на фронт[78].

Большими возможностями сплочения трудящихся располагали профессиональные союзы. Это был крупнейшая массовая организация военного времени. 4 июля 1941 г. Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС) провел собрание работников центральных комитетов отраслевых профсоюзов и профсоюзного актива Москвы и Московской области, на котором была дана установка всем профсоюзным организациям сверху донизу возглавить трудовой подъем рабочих, колхозников, интеллигенции, максимально приблизить работу профсоюзов к нуждам военного производства, к социальным проблемам. Под непосредственным руководством профсоюзов в стране организовывалось и развивалось социалистическое соревнование в городе и на селе.

Состав профсоюзов за годы войны претерпел существенные изменения. На фронт ушло 13 млн человек, первейшей же обязанностью оставшихся в тылу членов профсоюзов с началом войны стала мобилизация рабочих и служащих на быстрейшее и качественное выполнение производственных заказов для фронта. В соответствии с чрезвычайными условиями и потребностями была реорганизована структура ВЦСПС и ЦК отраслевых профсоюзов. В их составе были созданы структуры социального блока — отделы рабочего снабжения и управления госпиталями, а также секторы Всесоюзного социалистического соревнования, образована комиссия по рабочему изобретательству и рационализаторству. Одновременно в интересах приближения актива к производству были слиты 34 отраслевых и территориально-отраслевых профсоюза, создан самостоятельный профсоюз рабочих танковой и тракторной промышленности. В промышленные центры, по аналогии с институтом парторгов ЦК ВКП(б), назначались уполномоченные ВЦСПС.

С началом войны сменились приоритеты и в работе Всероссийского Ленинского коммунистического союза молодежи (комсомола). Его главной задачей стала мобилизация молодежи в действующую армию и на самоотверженную работу в тылу. Она решалась в первую очередь путем комсомольских призывов и мобилизаций. По решению ГКО комсомол провел 73 таких мобилизации, в результате которых в армию и на флот было направлено более 736 тыс. человек — главным образом в воздушно-десантные войска, лыжные батальоны, гвардейские минометные части, для выполнения специальных заданий в тылу врага, в снайперские школы, отряды истребителей танков и другие формирования, где особенно требовались инициатива, молодые силы, смелость, зоркий глаз, быстрота реакции и другие качества[79]. В связи с постановкой перед этой организацией новых сложных задач, с изменением условий для их выполнения, ускорялось социальное взросление молодежи, и в годы войны прием в ряды ВЛКСМ был разрешен с 15 лет, т. е. на один год раньше, чем в мирное время. Это увеличило приток подростков в авторитетную молодежную организацию.

Митинг рабочих, посвященный выступлению по радио И. В. Сталина. Июль 1941 г.

При перечислении важнейших общественных организаций современные исследователи нередко забывают о пионерской организации, объединявшей детей и подростков в возрасте 10–15 лет. Перед войной пионерия насчитывала 13 млн человек. Война дала мощный толчок повороту пионерской организации к всесторонней помощи взрослым в борьбе против фашистских захватчиков. Подростки, увлекаемые примером отцов и старших братьев, романтикой войны, становились разведчиками, юнгами на военных кораблях, бойцами формирований МПВО, партизанами, создавали подпольные пионерские отряды для борьбы против захватчиков. В тылу они помогали семьям фронтовиков, инвалидам и престарелым землякам в хозяйственных заботах, в озеленении территорий школ и клубов, писали ободряющие письма фронтовикам и т. п.

Трудно переоценить роль Общества Красного Креста, которое с первых дней и на протяжении всей войны готовило в массовом количестве для фронта и тыла средний и младший медицинский персонал. В медицинских школах, на курсах, в учебных дружинах и кружках Красного Креста занимались сотни тысяч человек. Они, как правило, деятельно проявили себя в практической работе: быстро осваивались с боевой обстановкой, стойко переносили невзгоды войны.

На усиление вклада различных социальных групп страны в общенародные дела была нацелена работа и созданных в первый год войны новых общественных объединений. Среди них: Антифашистский комитет советских женщин (с 7 сентября 1941 г.) во главе с известным летчиком Героем Советского Союза В. С. Гризодубовой, Антифашистский комитет советской молодежи (с 28 сентября 1941 г., председатель — известный полярник Герой Советского Союза Е. К. Федоров), Антифашистский комитет советских ученых (с осени 1941 г., пред-

седатель — академик Н. С. Державин) и другие. Возглавляемые авторитетными гражданами страны, эти организации получили в годы войны большой размах и проводили важную работу по разоблачению антигуманной фашистской идеологии и политики, поднимали из глубин народа новые социальные силы на завоевание Победы.

Особое внимание уделялось работе, рассчитанной на народы славянских государств, имевшие общие духовно-культурные, а нередко и конфессиональные корни. На территории СССР начали формироваться добровольческие воинские части из Польши, Чехословакии. Были установлены постоянные контакты с патриотическими силами Югославии, Болгарии, других государств. Одним из проявлений единства славян в борьбе против гитлеровцев и их пособников стал созданный осенью 1941 г. международный Всеславянский комитет (председатель — генерал-лейтенант А. С. Гундоров, начальник Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева). В его состав были избраны выдающиеся представители славянских народов. Главной целью комитета являлась пропаганда идей общности славян, сходства их исторических судеб, культур, укрепление межславянских связей для активизации борьбы с фашистскими оккупантами.

Одной из важных общественных инициатив советского народа стало создание Фонда обороны из личных средств населения, организация сбора денежных средств на строительство танковых колонн, авиаэскадрилий, отдельных самолетов, торпедных катеров, подводных лодок; поиск и максимальное использование внутренних ресурсов предприятий для дополнительного производства вооружений и боеприпасов, организация шефства над соединениями, воинскими частями, кораблями, проведение воскресников для получения средств в Фонд обороны.

Идея создания такого фонда родилась уже на второй месяц войны. 31 июля 1941 г. коллектив московского завода «Красный пролетарий» призвал соотечественников ежемесячно отчислять в Фонд обороны однодневный заработок. Кроме заработной платы в него передавались личные денежные накопления, изделия из драгоценных металлов, облигации государственных займов, перечислялись средства, заработанные на воскресниках, и т. п. Взносы принимались на специальные счета, которые были открыты во всех отделениях Госбанка.

Важнейшими формами проявления патриотизма, высокой общественной активности граждан, их ответственности за судьбу Отечества стали шефство над госпиталями, помощь семьям военнослужащих и эвакуированным, широчайший размах донорского движения, движения за усыновление детей, оставшихся без родителей, и многое другое.

Особой заботой население окружало раненых и больных воинов. Красноармеец Артмеладзе так рассказывал о встрече эвакуированных в тыловой госпиталь в Чебоксарах: «8 августа 1941 года в 9 часов утра паровоз неожиданно остановился. Бойцы, легкораненые, вышли из вагона. Море людей: кто с букетами цветов, кто с подарками. Все хотели чем-либо угостить... После теплой встречи на вокзале население Чувашии сопровождало бойцов до госпиталя...»[80]

В стране из представителей органов власти и общественных организаций были созданы Всесоюзный, а также республиканские, областные и краевые комитеты помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной армии. Они организовывали широкую общественную помощь органам здравоохранения в приеме на вокзалах, пристанях и в аэропортах прибывающих на излечение, шефствовали над госпиталями (ремонтировали помещения, оборудовали столовые, радиофицировали палаты), устраивали для больных и раненых концерты, лекции, распределяли для них подарки, помогали им вести переписку с родными и т. п.

Например, в Саратове было сформировано 15 звеньев из студентов-медиков и 20 команд из общественников. На Куйбышевском железнодорожном вокзале постоянно работали по приему раненых 56 женщин — распределяли сухой паек, кормили раненых обедами, компостировали билеты, делали перевязки. В Казани на вокзале были созданы специальные санитарные дружины, а в госпиталях — санвзводы для приема и размещения раненых. И так было, без преувеличения, по всей стране.

Практические занятия в школе медсестер

Уже в конце лета 1941 г. началась работа по сбору теплых вещей и белья для Красной армии. Как же они пригодились нашим бойцам! К наступлению холодов от рабочих, служащих, колхозников и интеллигенции Советского Союза для обеспечения Красной армии поступило почти 1,2 млн пар валенок, 1,8 млн полушубков, курток и ватных шаровар, 1,3 млн шапок-ушанок и много другого, столь необходимого воинам[81]. В стране широко проводился сбор коллективных и индивидуальных посылок бойцам и командирам Красной армии. Это была огромная помощь и моральная поддержка фронтовикам.

С первых дней войны на фронте, в тылу, на оккупированной фашистами территории вступили в борьбу с врагом миллионы верующих. Военные лишения и потери вызвали заметный рост религиозности в СССР. В вере люди искали и находили моральную опору и утешение, были ли они христианами или мусульманами, иудеями или буддистами.

На священную войну с фашистскими агрессорами миллионы православных христиан вдохновило благословение Русской православной церкви, которое наши соотечественники получили в первый же военный день. Узнав о вероломном нападении Германии, местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Московский и Коломенский Сергий (в миру Иван Николаевич Страгородский) написал текст послания пастырям и пастве Русской православной церкви, в котором призвал русский народ выступить на защиту Отечества. Как свидетельствовали очевидцы, владыка ни минуты не колебался, хотя и рисковал вызвать неудовольствие властей: по закону об отделении Церкви от государства любая религиозная проповедь могла звучать только в пределах храмов. Но соображения осторожности во взаимоотношениях с атеистической властью ушли на задний план перед лицом тяжкого испытания, обрушившегося на страну.

«Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю, — писал в «Послании пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» митрополит Сергий. — Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла Шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят попытаться еще раз поставить наш народ на колени перед неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостностью родины, кровными заветами любви к Отечеству.

Но не в первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном долге перед родиной и верой и выходили победителями. Не посрамим же их славного имени и мы — православные, родные им и по плоти и по вере...

Вспомним, — говорил митрополит Сергий, — святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Димитрия Донского, полагавших свои души за народ и Родину. Да не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи православных воинов...

Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народ свой и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг... Господь нам дарует победу»[82].

26 июня в Богоявленском соборе митрополит Сергий отслужил первый молебен «о даровании победы». После этого подобные молебствия стали в храмах Московской Патриархии повседневными и совершались они по специально составленным текстам: «Молебен в нашествии супостатов, певаемый в Русской Православной Церкви в дни Отечественной войны».

О том, что слово первого архипастыря Русской православной церкви было весьма действенным и представляло собой опасность для завоевателей, свидетельствуют факты расстрелов священнослужителей, распространявших послания митрополита Сергия по ту сторону линии фронта. Так, в сентябре 1941 г. немцами были расстреляны в Киеве архимандрит Александр (Вишняков) и протоиерей Павел Остренский, в Симферополе — протоиерей Николай Швец и диакон Александр Бондаренко. Смертью карали фашисты и тех, кто распространял патриотические воззвания митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия (Симанского)[83].

Влияние архипастырского слова всерьез пугало врагов. Известен приказ начальника РСХА группенфюрера СС Р. Гейдриха, в соответствии с которым при захвате Москвы должен был немедленно последовать арест митрополита Сергия. Владыка в сентябре 1943 г. был избран Патриархом Московским и всея Руси и нес бремя служения вплоть до кончины в мае 1944 г.

С патриотическими посланиями к верующим в первые дни войны обратились также Центральное мусульманское духовное управление СССР, Московская иудейская община и другие церковные организации. Они, как и Русская православная церковь, внесли в дело обороны страны, материальной помощи армии свой значительный вклад. Показательный факт: в годину войны случаи отказа от мобилизации по религиозным мотивам практически сошли на нет.

Патриотическая деятельность РПЦ проявлялась в самых различных формах, не ограничиваясь призывами и молитвами о христолюбивом воинстве. Многие сотни священнослужителей, включая тех, кому удалось к 1941 г. вернуться из лагерей и тюрем, прямо взяли в руки оружие, будучи призванными в действующую армию. Так, С. М. Извеков, будущий патриарх Московский и всея Руси Пимен, воевал заместителем командира роты. Пулеметчиком сражался с врагом будущий митрополит Калининский и Кашинский Алексий (Коноплев). Полным кавалером ордена Славы вернулся с войны протодиакон Борис Крамаренко. Ратный путь Стефана Козлова, клирика храма во имя Святого князя Александра Невского, и диакона Романа Чуха был увенчан орденами Славы III степени[84].

Не одну сотню жизней спас военный хирург архиепископ Лука (в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий). С 1921 г. он сочетал священнослужение с врачебной практикой и занятиями наукой. Как только разразилась война, он направил председателю Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинину телеграмму следующего содержания: «Я, епископ Лука, профессор Войно-Ясенецкий, отбываю ссылку в поселке Большая Мурта Красноярского края. Являясь специалистом по гнойной хирургии, могу оказать помощь воинам в условиях фронта или тыла, там, где будет мне доверено. Прошу ссылку мою прервать и направить в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку. Епископ Лука».

Его перевели на поселение в Красноярск и назначили хирургом-консультантом эвакогоспиталя № 1515. В. Ф. Войно-Ясенецкий стал также консультантом госпиталей Красноярского края. За монографию «Очерки гнойной хирургии», имевшую большое значение для излечения раненых воинов, он был удостоен Сталинской премии[85].

Многие православные храмы на оккупированной нацистами территории без преувеличения стали центрами русского национального самосознания и сопротивления агрессору. В конце концов человек в рясе с крестом стал одним из самых ненавистных для гитлеровцев лиц. Известно, например, что в Полесской епархии Белоруссии более половины священников были расстреляны фашистами за содействие народным мстителям.

Одним из важнейших направлений деятельности РПЦ стала организация среди верующих сбора средств в Фонд обороны, Фонд помощи раненым, Фонд помощи детям и семьям бойцов Красной армии. В Фонд обороны вносились денежные суммы, облигации государственных займов, жертвовались драгоценности.

Историки отмечают особую роль в организации сбора пожертвований на борьбу с врагом архиепископа Ленинградского Алексия (в миру Сергей Владимирович Симанский). Он одним из первых летом 1941 г. призвал верующих жертвовать все, что они могут, для спасения Родины. О силе его проповеди говорит такой малоизвестный факт: после одной из служб владыки неизвестный прихожанин оставил в соборе, под иконой Святителя Николая, 150 дореволюционных золотых десятирублевых монет — огромное не только по тем дням состояние[86]. Оставшись в окруженном городе, Алексий стоически исполнял свой архипастырский долг, разделив с паствой все тяготы блокады. После кончины в мае 1944 г. патриарха Сергия он стал местоблюстителем Патриаршего Престола, а на Поместном соборе РПЦ в феврале 1945 г. был избран Патриархом Московским и всея Руси.

Духовенство не могло остаться в стороне и от заботы о раненых воинах. Так, приходской совет Князь-Владимирского собора Ленинграда в августе 1941 г. передал на содержание

устроенного на собственные средства лазарета для раненых и больных воинов 710 тыс. рублей, оставив на свои нужды лишь 4 тыс. Николо-Богоявленский (Николо-Морской) собор Ленинграда выделил для этих целей 385 тыс. рублей[87]. Всестороннюю помощь фронту развернула и мусульманская конфессия — вторая в СССР по численности верующих.

О победе русского воинства молилось православное духовенство и в зарубежье. Нападение Германии на СССР ускорило политическое размежевание среди русских эмигрантов, часть из них поддержала нацистскую агрессию против «богоборческой власти». Однако большинство священнослужителей и паствы заняли патриотическую позицию, искренне сочувствовали борьбе советского народа с агрессором.

Масштабную деятельность развернул митрополит Вениамин (Федченков) — экзарх Московской патриархии в Северной и Южной Америке. После нападения Германии на Советский Союз он напрямую обратился к эмигрантской общественности, выразив «великую надежду, что начатая борьба кончится благим для нас концом».

Ушедший в начале 1930-х гг. под юрисдикцию Константинопольского патриархата экзарх Западноевропейских православных церквей митрополит Евлогий (Георгиевский) после захвата Парижа вермахтом не покинул город и остался со своей паствой, оказывая помощь советским военнопленным и гражданским лицам, угнанным оккупантами на принудительные работы.

В движении европейского Сопротивления участвовали архимандрит Афанасий (Сахаров), протоиерей Андрей Сергеенко, выдающийся православный богослов В. Н. Лосский, А. Блум (впоследствии митрополит Сурожский Антоний) и другие. За антифашистскую деятельность нацистами были казнены священник Димитрий Клепинин, монахиня Мария (Скобцева) и многие другие.

Но некоторые священнослужители встали на позицию коллаборационизма. Так, экзарх Латвии и Эстонии Сергий (Воскресенский) и еще трое прибалтийских архиереев публично заявили о поддержке оккупантов, организовав т. н. «Псковскую миссию» («Православную миссию в освобожденных областях России»). Их политическая позиция была осуждена на Архиерейском соборе РПЦ и в особых посланиях к пастве митрополита Сергия[88].

От имени Церкви подвергались осуждению дезертирство, сдача в плен, сотрудничество с оккупантами. Все это способствовало изживанию пораженческих настроений, получивших определенное распространение в первый период войны, и в конечном итоге создавало «нравственные условия победы, которые в значительной мере изменили ход военных событий»[89].

По мере расширения противоборства с фашистской Германией вся жизнь советского народа, деятельность государственных и общественных организаций, экономика, наука и культура формировали духовный и моральный настрой, явившийся одним из важнейших факторов, позволивших остановить наступление врага.

Политическая работа в Вооруженных силах

Обрушившаяся на нашу страну беда потребовала коренной перестройки на военный лад политической работы в армии и на флоте, переориентирования ее на принципиально новые задачи — воспитание бойцов и командиров в духе патриотизма и ненависти к фашизму, разъяснение справедливого характера Отечественной войны, мобилизацию всех духовных и физических сил личного состава на отпор врагу. Такой перевод с мирных на военные рельсы включал комплекс мер по приведению содержания, форм и методов работы военных советов, политорганов, партийных и комсомольских организаций, всего политического состава Вооруженных сил в соответствие с требованиями войны. В армии он осуществлялся Главным управлением политической пропаганды РККА (начальник — армейский комиссар 1 ранга Л. З. Мехлис), на флоте — Главным управлением политической пропаганды РКВМФ (на-

чальник — армейский комиссар 2 ранга И. В. Рогов). Оба главных политоргана действовали на правах отделов ЦК ВКП(б).

Коренная перестройка политработы на военный лад осуществлялась по следующим основным направлениям:

— оперативный отказ от мирного духа довоенной политической работы и придание ей наступательности, боевитости, подчинение ее содержания задачам мобилизации личного состава на отпор фашистской агрессии, разоблачения человеконенавистнической сущности фашизма;

— введение института военных комиссаров, реорганизация политорганов и совершенствование их структуры в целях повышения влияния на политико-моральное состояние личного состава;

— решительное изменение форм и методов идеологической, агитационно-пропагандистской, воспитательной работы адекватно боевой обстановке;

— перестройка системы подбора и подготовки кадров политработников;

— перераспределение в пользу действующей армии партийных сил, пополнение и организационное укрепление армейских и флотских организаций ВКП(б) и ВЛКСМ.

Первые указания Военным советам, политорганам, партийным организациям о необходимости перевода политической работы с мирных на военные рельсы были направлены уже после полудня 22 июня. Так, директива ГУПП РКВМФ содержала конкретные указания о мероприятиях, которые следовало незамедлительно провести в связи с началом войны — всю партийно-политическую работу подчинить задаче разгрома германской армии и флота, разъяснять личному составу, что Советский Союз ведет Отечественную войну за Родину, честь и свободу, развивать и укреплять в краснофлотцах и командирах боевой и наступательный дух, мужество, бесстрашие в бою, готовность к самопожертвованию и непоколебимую волю для достижения победы. «Внедрять в сознание личного состава, — ставилась задача в директиве, — что ни при каких обстоятельствах корабли Военно-Морского Флота не спускают флага перед противником, предпочитая гибель сдаче врагам трудящихся»[90].

ГУПП Красной Армии с тем, чтобы оперативно вооружить пропагандистов и других идеологических работников документом, опираясь на который они могли бы вести широкое и доходчивое разъяснение характера начавшейся войны, целей, преследовавшихся нацистами, воспитывать личный состав в духе священной ненависти к захватчикам, 24 июня и 12 июля 1941 г. направило Военным советам и начальникам управлений (отделов) политпропаганды фронтов (армий) две директивы с перечнями из 53 лозунгов[91]. Используя эти лозунги в печатной, устной, наглядной агитации и пропаганде, политорганы должны были сосредоточиться на повышении у воинов бдительности, организованности и дисциплины, решительном преодолении трусости и паникерства, борьбе с провокационными слухами.

Принципиально важным направлением перевода политической работы на военный лад были реорганизация, согласно решению Политбюро ЦК ВКП(б) и указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1941 г., органов политпропаганды и введение института военных комиссаров. ГУПП РККА было реорганизовано в Главное политическое управление РККА, а управления (УПП) и отделы политпропаганды (ОПП) — в политические управления (ПУ) и отделы (ПО). В полках, дивизиях, штабах, военно-учебных заведениях и учреждениях Красной Армии, а чуть позднее и во всех батальонах стрелковых дивизий, танковых батальонах и артиллерийских дивизионах вводился институт военных комиссаров, а в ротах, батареях, эскадрильях — институт политических руководителей[92]. Аналогичную реорганизацию пережили и политические органы РКВМФ.

В развитие требований этих документов нарком обороны И. В. Сталин и его заместитель, он же — начальник ГлавПУ РККА Л. З. Мехлис 20 июля 1941 г. подписали директиву «О задачах военных комиссаров и политработников в Красной Армии». В документе отразилась жестокая реальность первых недель войны: с одной стороны — отступление, недостаточная боевая готовность и устойчивость многих частей, особенно ополченческих, а с другой — острейшая потребность в связи с этим в мобилизации всех волевых качеств, физических и

моральных сил личного состава. «Сейчас, как никогда, — говорилось в директиве, — необходимы воля к победе, идейная сплоченность, железная дисциплина, организованность, беспощадная борьба с предателями и изменниками, с благодушием и беспечностью, с трусами, паникерами и дезертирами, величайшая самоотверженность, готовность идти на любые жертвы во имя победы над врагом...»[93].

Навязанная германскими нацистами война в корне изменила обстановку, в которой действовала Красная армия, расширила объем и содержание политического воспитания личного состава. Согласно директиве от 20 июля 1941 г., военкомы должны были отвечать не только за политико-воспитательную работу, но и за результаты боевой деятельности своих частей и соединений, для чего наделялись всей полнотой власти.

В новых условиях политработники вне всяких сомнений были нужны для проведения идеологической и воспитательной работы. Однако возрождение института военных комиссаров нельзя рассматривать, как это делалось в 1940–1980-е годы, однозначно положительно. Оно имело и негативные последствия, поскольку означало некритический перенос в современность устаревшей практики периода Гражданской войны, когда военные комиссары наделялись не меньшими правами, чем командиры. Введение института комиссаров в новых исторических условиях на практике способствовало утверждению вредного дуализма в руководстве войсками и подрыву тем самым основополагающего для любой армии принципа единоначалия. Именно по этой причине институт военных комиссаров был в 1942 г. отменен.

Однако в условиях драматического начала войны такого понимания проявлено не было. Наоборот, как потребовал начальник ГлавПУ РКВМФ И. В. Рогов, командиров следовало убеждать, что «введение института военкомов облегчает их боевую деятельность»[94]. Высшее политическое руководство страны поставило личный состав и, в первую очередь, командиров под еще более жесткий, чем до войны, партийный надзор, неслучайно в директивах главных политорганов Вооруженных сил комиссары были названы «глазами и ушами» ВКП(б).

Что касается реорганизации политорганов, она не ограничилась одним лишь переименованием управлений, отделов политпропаганды в политуправления и политотделы. Была существенно изменена их структура: в соответствии с директивой Генерального штаба в штат политуправлений фронтов были включены два новых отдела — по партполитработе в частях ВВС и мотомехчастях, а один (культуры) — исключен[95]. Изменение структуры политорганов не было самоцелью, оно подчинялось задачам приведения политической работы в максимальное соответствие со складывающейся боевой обстановкой, охвата воспитательным процессом всего личного состава на фронте, в тыловых частях, пунктах формирования.

С первых дней войны больше внимания стало уделяться устной и печатной агитации, широко использовались митинги, политические информации, беседы, совместное прослушивание сводок Совинформбюро как основные формы политической учебы, наиболее пригодные в боевых условиях. Одновременно были отменены политические занятия с красноармейцами, краснофлотцами и младшими командирами на передовой и на кораблях в боевой обстановке. В качестве основной формы политучебы они сохранились только в запасных и вновь формируемых частях, при выводе личного состава во второй эшелон или на переформирование.

Важным средством оперативного реагирования на запросы кардинально изменившейся обстановки была печать. Фронтовые, флотские, армейские, флотильские, дивизионные и эскадренные газеты в первую очередь повели широкое разъяснение характера начавшейся войны как войны Отечественной, справедливой, освободительной, пропагандировали советское военное и военно-морское искусство, стали много писать о конкретных героях войны, формировали у воинов чувство морального превосходства над противником, уверенность в победе над врагом. Укрепился состав редакционных коллективов: уже на третий день войны из запаса были призваны и направлены во фронтовые, флотские и армейские газеты более 30 членов Союза писателей, в их числе — Е. А. Долматовский, В. А. Луговской, М. Л. Матусовский, С. В. Михалков, К. М. Симонов, А. Т. Твардовский и другие. Рапорт наркому обороны СССР о готовности стать в армейский строй 22 июня 1941 г. направил М. А. Шолохов.

Личный состав знакомится с содержанием речи И. В. Сталина от 3 июля 1941 г.

Через три недели после начала войны руководство ГУПП РККА посчитало необходимым критически оценить уровень организации партийно-политической работы в боевой обстановке. Было отмечено, что перестройка на военный лад шла без должной активности, ей недоставало целеустремленности, оперативности, инициативы и находчивости. Многие из политработников действовали так, как если бы продолжали находиться в мирной обстановке: отсиживались в штабах, мало общались с личным составом, слабо реагировали на явления, порожденные самой обстановкой отступления и боев с изощренным противником, — растерянность, панику, неорганизованность, отсутствие стойкости и упорства. Решительной перестройке сознания как части политработников, так и личного состава в целом мешало тяжелое наследие довоенной пропаганды — иллюзии о возможности быстрого разгрома Германии на ее собственной территории, о классовой солидарности, которую якобы должен был проявить немецкий пролетариат. Плохо популяризировался боевой опыт, армейская печать увлекалась односторонним освещением фактов героизма, забывая о политическом и воинском воспитании личного состава. Политорганы слабо занимались подбором и выдвижением кадров командно-начальствующего состава, недооценивали работу в тылу действующей армии, а также среди войск и населения противника.

Военным советам и начальникам УПП фронтов было предписано решительно устранить выявленные недостатки, добиться, чтобы политработники на деле руководили партийно-политической работой в частях, воспитывали в личном составе наступательный порыв, ненависть к врагу, готовность до последней капли крови драться за каждую пядь советской земли[97].

В этой директиве следует отметить ряд новых акцентов. Впервые с начала Великой Отечественной войны в ней столь явственно проявился отказ от пропагандистской риторики о войне с Германией как столкновении преимущественно классовом, а также об антикоммунизме как главном мотиве действий гитлеровской верхушки. От подчиненных ему политических органов Л. З. Мехлис потребовал глубоко разъяснить личному составу, что фашистская агрессия носит характер иноземного нашествия, что народы СССР поднялись не на классовую, а Отечественную войну. Хотя в документе и содержался тезис, что на полях сражений решалась судьба советской власти, но подавался он без акцентировки. На передний план выступало утверждение, что главная цель Гитлера состояла в истреблении славян и особенно русских, в превращении народов Советского Союза в рабов немецких князей и баронов.

Правящая элита страны уловила, что тезис о приоритете классовых интересов над национальными и этническими, о действенности пролетарского интернационализма уже не воспринимается массовым сознанием так, как это было до 22 июня 1941 г., и предприняла необходимый маневр. Этой же цели служило и широкое распространение среди населения оккупированных советских земель обращения Всеславянского митинга, в котором раскрывался «коварный план германского фашизма — захватить навсегда наши древние славянские земли, отдать их в руки немецких баронов-помещиков, в руки итальянской, венгерской знати и превратить славян в вечных рабов»[98].

Несколько позднее, чем Л. З. Мехлис, но столь же взыскательно оценил организацию партийно-политической работы вверенными ему политорганами и начальник ГлавПУ РКВМФ И. В. Рогов. В числе наиболее характерных недостатков были отмечены: отрыв агитационно-пропагандистской работы от конкретных задач боевой деятельности кораблей (частей), слабое использование благоприятных условий для работы во время нахождения кораблей в базах, запущенность идеологической работы в авиационных частях, особенно на Черноморском и Балтийском флотах, низкая организация боевой информации на походе, в бою и по возвращении в базу, слабая пропаганда боевых подвигов краснофлотцев, командиров и политработников, неумение дифференцированно проводить воспитательную работу в зависимости от возраста, боевого опыта и других особенностей личного состава[99]. Такого рода широкие обобщения и критика типичных недостатков в работе политорганов позволяли своевременно увидеть и устранить серьезные промахи в воспитании рядового и командного состава, допускавшиеся на начальном этапе войны.

Война предъявляла новые требования и к работе с кадрами политработников, недостаток в которых выявился уже в первые дни. Главные политорганы Вооруженных сил предприняли ряд усилий по налаживанию системы учета и распределения кадров политработников в масштабах всей Красной Армии и ВМФ по каждой категории политсостава — высшего, старшего и среднего.

В первую очередь перестройке была подвергнута система подготовки кадров политработников, существовавшая в Вооруженных силах — это был один из двух основных источников заполнения вакансий. На сокращенные сроки обучения перешли все военно-политические учебные заведения центрального подчинения. На фронтах, флотах и в армиях создавались училища и курсы младших политруков. Всего к концу 1941 г. готовили политработников 90 военно-политических учебных заведений, в том числе 14 — высшего и старшего звена политсостава и 76 — среднего[100].

Вторым, не менее важным источником пополнения кадров политработников был призыв в Вооруженные силы, в том числе в порядке партийной мобилизации. Решением ЦК ВКП(б) от 27 июня 1941 г. в ведение Наркомата обороны были переданы московские и ленинградские Ленинские курсы, и на их основе созданы военно-политические курсы при ВПА им. В. И. Ленина штатной численностью слушателей 940 человек и при Московском военно-политическом училище — 840 человек. Всего к началу июля в распоряжении ГУПП РККА было 2500 человек — кроме учившихся на Ленинских курсах, сюда были направлены слушатели Высшей партийной школы и Высшей школы парторганизаторов. Дополнительно

по персональным партийным мобилизациям только за первые полгода войны на руководящую военно-политическую работу пришли 8800 руководящих работников ВКП(б)[101].

Что касается политработников среднего звена, то значительное пополнение давала мобилизация коммунистов и комсомольцев. Первые две мобилизации были проведены согласно постановлениям Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 и 29 июня 1941 г. С мобилизованными (41,5 тыс. человек) было предписано провести военные сборы, «после чего отправить их в наиболее нуждающиеся дивизии по 500 человек в каждую»[102].

Партийные мобилизации позволяли ощутимо восполнить острейший дефицит кадров низового актива, поскольку в основном мобилизованные коммунисты и комсомольцы шли в действующую армию политбойцами. Этим же путем решалась весьма острая проблема усиления партийно-политического влияния в частях действующей армии. В нескольких директивах ГлавПУ РККА Военным советам и начальникам политических управлений военных округов давались необходимые разъяснения: отобранных политбойцов надлежало сводить в коммунистические батальоны трехротного состава в качестве рядовых, после чего на базе военных училищ проводить с ними двухнедельное (месячное для лиц, не служивших в армии) обучение. По окончании часть наиболее подготовленных политбойцов разрешалось назначать на должности заместителей политруков и заместителей командиров рот по политчасти[103]. Всего до конца 1941 г. было осуществлено семь партийных мобилизаций, охвативших 60 тыс. коммунистов и 40 тыс. комсомольцев[104].

Потребность в политбойцах в войсках ощущалась остро. Начальник ГУПП Красной Армии, находясь первую половину июля 1941 г. на Западном фронте, сам запросил 15 групп по 500 человек. Прибывших из Москвы он разбил на роты (по 100 человек каждая) и распределил по армиям, предписав при этом: «Роты влить в наиболее нуждающиеся полки равномерными группами». К 21 июля на Западный фронт прибыло не менее 80 таких рот[105].

Важнейший резерв пополнения кадров политработников был найден непосредственно в войсках. 9 августа 1941 г. ГлавПУ РККА дало прямую директиву о создании в десятидневный срок в полках, дивизиях, армиях, на фронтах и в округах непрерывно пополняемого резерва политсостава. Аналогичные указания от ГлавПУ РКВМФ 5 сентября 1941 г. получили члены военных советов и начальники политуправлений (отделов) флотов (флотилий) и начальники нижестоящих политорганов[106]. Постепенно в Красной Армии сложилась система резервирования кадров политработников.

Однако в их мобилизации, подготовке и использовании допускались серьезные недостатки. Так, многих политбойцов практически без подготовки направляли на передовую. Как вспоминал генерал К. Ф. Телегин, член Военного совета МВО, Л. З. Мехлис сам же изменил установленную по его директиве практику военной подготовки политбойцов и распределения их по воинским частям. Он досрочно, уже через две недели после постановления Политбюро от 27 июня 1941 г., приказал сформировать из имеющегося контингента маршевые роты и отправил их на передовую[107].

В попытках насытить кадрами политработников буквально все звенья разветвленного армейского механизма нередко нарушалось чувство меры. Так, кроме ранее утвержденных, должности заместителей начальников по политчасти в структурах штаба фронта были введены: в управлениях — артиллерийском, связи, военных сообщений, автобронетанковом и инженерном, отделах — кадров, устройства тыла и дорожной службы, санитарном. В августе 1941 г. начальник ГлавПУ РККА дал указание ввести в штаты танковых бригад должность комиссара штаба[108]. Введение все новых и новых должностей политработников, особенно в штабных и управленческих структурах, далеко не всегда диктовалось необходимостью и отрывало дефицитные кадры от передовой. Косвенным путем высшее военное руководство признало это уже осенью 1941 г.: были изданы приказы наркома обороны СССР о назначении политработников на командирские должности и об отборе политработников на курсы по подготовке командиров рот[109].

Перестройка на военный лад осуществлялась не только в сфере идеологической, но и партийно-организационной работы. 26 июня 1941 г. директивой ГУПП РККА, а 27 июня

директивой ГУПП РКВМФ членам военных советов и начальникам УПП, ОПП округов, фронтов, флотов, армий и флотилий было приказано создать при управлениях (отделах) политпропаганды фронтов, флотов (армий, флотилий) партийные комиссии; вопросы приема в партию решать на заседаниях бюро и утверждать в парткомах соединений, минуя собрания первичных парторганизаций; принимать к рассмотрению рекомендации членов партии, знающих рекомендуемого менее года; обеспечить быстрое рассмотрение заявлений о приеме[110].

Меры, предпринятые по облегчению приема воинов в партию, позволили в короткий срок увеличить партийную прослойку. К 1 июля 1941 г. в Вооруженных Силах насчитывалось 563,5 тыс. коммунистов, объединенных в 14,7 тыс. первичных парторганизаций. При этом 44,5 тыс. человек были приняты в партию с 1 января 1941 г. Во втором же — военном — полугодии членами ВКП(б) стали уже 56,8 тыс. человек, а прием в кандидаты партии достиг 137,1 тыс., или в 4 раза больше, чем в первом полугодии. Число первичных парторганизаций выросло за этот срок до 26,7 тыс.[111].

Поскольку члены ВЛКСМ были ближайшим резервом роста партийных организаций, была также поставлена задача добиться резкого увеличения числа и численности комсомольских организаций. Были введены значительно упрощенные правила приема в ВЛКСМ в боевой обстановке. Решение о приеме принималось непосредственно на бюро первичной организации и утверждалось парткомиссией, а при ее отсутствии — заместителями командиров частей и кораблей по политчасти[112]. С введением института военных комиссаров эту функцию взяли на себя военкомы.

Совершенствуя систему оргпартработы, главные политорганы Вооруженных Сил большое внимание уделяли личной примерности коммунистов и членов ВЛКСМ. Тем более что сводки воинских преступлений первых месяцев войны показывали: в числе паникеров, дезертиров и даже перебежчиков были и члены партии и комсомольцы. Несколько таких фактов были приведены 15 июля 1941 г. в директиве начальника ГУПП РККА, который потребовал от военных советов и начальников УПП, ОПП фронтов, округов и армий: «...Паникеров, трусов, шкурников, дезертиров и пораженцев немедленно изгонять из партии и комсомола и предавать суду военного трибунала»[113].

8 августа 1941 г. начальник ГлавПУ РКВМФ, обобщая истекшие полтора месяца боев, также привел факты, когда коммунисты-руководители допустили позорные факты трусости, панического бегства с корабля, преступного бездействия власти. Приказывая таких лиц исключать из партии и комсомола и отдавать под суд военного трибунала, И. В. Рогов одновременно потребовал предавать широкой гласности имена и подвиги героев Отечественной войны и на примере коммунистов и комсомольцев, играющих в своих воинских коллективах авангардную роль, воспитывать весь личный состав. Месяц спустя он разрешил восстанавливать в партии и комсомоле тех краснофлотцев и лиц начальствующего состава, которые были в свое время исключены за трусость, паникерство, недисциплинированность и другие проступки и осуждены военным трибуналом, но обелили себя, неоднократно проявив мужество, отвагу и стойкость в боях с фашистами[114].

Перестройка политической работы в Вооруженных Силах на военный лад предусматривала также организацию по-новому пропаганды, ориентированной на войска и население Германии и ее союзников[115]. Последняя преследовала цель всемерного ослабления морально-политических сил врага, подрыва военной мощи его коалиции на театре военных действий и в тылу.

Уже на второй день войны начальник ГУПП РККА дал указания начальникам УПП фронтов силами имеющихся в их распоряжении редакций немедленно приступить к изданию газет на немецком, польском, финском и румынском языках для заброски в тыл противника. Он лично сформулировал лозунги, обращенные к вражеским солдатам, после чего перечни лозунгов были разосланы по фронтам для тиражирования и распространения с самолетов, а также для трансляции с помощью громкоговорящих установок.

По указанию из Москвы начальники управлений политической пропаганды фронтов разворачивали политработу среди военнопленных на пересыльных пунктах, все письма и

документы военнослужащих врага, содержащие богатый контрпропагандистский материал, немедленно направляли в центр[116].

25 июня 1941 г. по решению Политбюро ЦК ВКП(б) было создано Советское бюро военно-политической пропаганды (СБВПП), в которое вошли Л. З. Мехлис (бывший не только начальником ГУПП РККА, но и членом Оргбюро ЦК ВКП(б), Д. З. Мануильский (член ЦК ВКП(б), видный деятель международного коммунистического движения), В. С. Кружков (заместитель заведующего отделом ЦК ВКП(б), Н. Г. Пальгунов (заведующий отделом печати НКИД), С. А. Лозовский (заместитель наркома иностранных дел). В качестве советника привлекался академик Е. С. Варга, член исполкома Коминтерна[117]. Руководителем Бюро был назначен Л. З. Мехлис, а его рабочим органом стал седьмой отдел ГУПП РККА.

СБВПП определяло идейно-политическое содержание специальной пропаганды (по каждой стране и армии в отдельности), рассматривало и утверждало наиболее важные информационно-пропагандистские материалы, рассчитанные на войска и население противника, координировало деятельность советских органов внешнеполитической пропаганды (Советское Информбюро, ТАСС, Радиокомитет СССР, издательства и типографии).

В первые недели Великой Отечественной войны СБВПП разработало тематику, тезисы и лозунги специальной пропаганды на войска, население Германии и ее союзников; рассмотрело и утвердило к изданию и распространению более 60 различных листовок и лозунгов действия[118]. Бюро подготовило указания фронтовым газетам на иностранных языках, определило мероприятия по пропаганде среди моряков гитлеровских ВМС, дало рекомендации Радиокомитету СССР по вещанию на зарубежные страны и др.

Непосредственно организация специальной пропаганды Наркоматом обороны возлагалась на созданный еще в августе 1940 г. седьмой отдел по работе среди войск и населения противника ГУПП (ГлавПУ) РККА. Его начальником стал полковник М. И. Бурцев, который имел большой опыт организации этой работы, полученный в боях с японскими захватчиками на р. Халхин-Гол в 1939 г. и в ходе Советско-финляндской войны 1939-1940 гг.

Уже 22 июня Л. З. Мехлис утвердил план реорганизации седьмого отдела ГУПП и его новое штатное расписание, определил первоочередные задачи спецпропагандистов[119]. Отдел первоначально состоял из 16 человек и включал два отделения: первое — пропагандистской работы на Германию и союзные ей государства, второе — по работе среди населения оккупированных гитлеровской Германией стран (Польши, Югославии, Чехословакии). К отделу была прикомандирована из резерва группа политических эмигрантов (писателей, поэтов, переводчиков и литературных работников), для оформления печатной продукции была создана группа художников. На четвертый день войны численность отдела была увеличена до 21 военнослужащего и восьми вольнонаемных[120].

В ГУПП РКВМФ первоначально была выделена группа из трех человек, которая организовывала печатную и радиопропаганду на матросов и офицеров флотов Германии и ее союзников с использованием сил и средств седьмого отдела ГУПП РККА. В составе политорганов ВМФ отделы и отделения специальной пропаганды были созданы только в январе 1942 г.

Издание листовок на иностранных языках, разработанных членами СБВПП и сотрудниками седьмого отдела, обеспечивало Военное издательство Наркомата обороны, в составе которого функционировал отдел по выполнению специальных заказов СБВПП. От Иностранного издательства СССР к седьмому отделу была прикреплена центральная типография «Искра революции» в Москве, способная набирать и издавать печатную продукцию на 60 иностранных языках.

В начале войны ЦК ВКП(б) для укомплектования центрального аппарата специальной пропаганды разрешил мобилизовать литературных работников, журналистов, ученых и преподавателей, владеющих иностранными языками. Так, была создана группа художественного оформления изданий под руководством Г. К. Писманника. В нее входили известные художники Н. Н. Жуков, Б. Е. Ефимов, Кукрыниксы (М. В. Куприянов, П. Н. Крылов и Н. А. Соколов), знаменитый мастер фотомонтажа А. М. Житомирский и другие профессиональные работники.

Седьмой отдел разрабатывал, издавал и организовывал распространение общеполитических пропагандистских материалов (листовок, лозунгов, газет, брошюр) в армиях и среди населения вражеских стран; руководил фронтовыми, армейскими органами специальной пропаганды и помогал им вести разложение войск и населения противника; вел повседневное изучение их политико-морального состояния, характера и системы их идеологической обработки, сведений о действенности нашей пропаганды; подбирал, обучал и распределял кадры спецпропагандистов, владеющих соответствующими иностранными языками, и т. п.

Так как специалистов со знанием иностранных языков катастрофически не хватало, особенно в армейском и дивизионном звене, их взяли на персональный учет, и был установлен строго централизованный порядок их подготовки и назначения. Кадры готовились на 6-месячных курсах при военно-политическом училище в Ленинграде и при Военном институте иностранных языков в Москве. Практиковалось также обучение отобранных лиц на краткосрочных курсах и в ходе учебных сборов непосредственно на фронтах и в армиях[121].

Основная работа по разложению вражеской армии проводилась седьмыми отделениями политотделов армий в составе начальника отделения, старшего инструктора, инструктора по выпуску листовок, двух-трех переводчиков. Кроме того, в армейском штате специальной пропаганды находились мощная громкоговорящая установка на автомобиле (начальник станции, диктор-переводчик и водитель), типография с иностранными шрифтами (наборщик, художник-оформитель), группа дикторов окопных громкоговорящих установок, группы распространителей листовок и дикторов-рупористов. В политотделах дивизий работу среди войск и населения противника проводил старший инструктор, в помощь которому выделялись дикторы-рупористы и распространители листовок в частях сухопутных войск, авиационных и частях Военно-морского флота, особенно в их артиллерийских и разведывательных подразделениях.

Военно-политическим руководством СССР спецпропаганда рассматривалась как органическая часть всей деятельности командиров и политических органов, включавшая три взаимосвязанных между собой направления: агитационно-пропагандистскую работу среди войск противника, работу среди населения вражеских стран и оккупированных государств, работу среди военнопленных. Работа, ориентированная на войска противника, решала задачу морально-политического разложения солдат и офицеров, подрыва их боевого духа, политического отрыва от фашистского командования, склонения к разрыву с преступной войной, к переходу в плен и организованной капитуляции. Работа среди населения вражеских и оккупированных стран преследовала следующие цели: усиливать антивоенные и антифашистские настроения, призывать массы на активную борьбу против гитлеровской преступной войны, помогать их морально-политическому сплочению, оказывать поддержку силам сопротивления войне и фашизму. Работа среди военнопленных вражеских армий заключалась в их перевоспитании в антифашистском духе и содействии в поражении агрессора.

С первых дней войны спецпропагандисты должны была всемерно подрывать наступательный дух вражеских солдат, ослаблять воздействие на них фашистской идеологии, дискредитировать временные успехи на Восточном фронте. Поставленная задача достигалась, прежде всего, путем разъяснения справедливых целей войны со стороны СССР и показа несправедливого, захватнического характера войны, развязанной фашистской Германией и ее союзниками; разоблачения антинародного характера гитлеровского режима и лживости его пропаганды; информирования войск и населения противника об истинном положении на фронте и в тылу; раскрытия правды о советском плене.

Чтобы успешно выполнять поставленные задачи, необходимо было хорошо знать противника, его моральный потенциал, сильные и слабые стороны в политическом, идеологическом и военном отношении. Поэтому одна из первых директив ГУПП РККА обязывала военные советы и начальников политорганов сосредоточить внимание на выяснении наиболее существенных моментов, характеризующих положение противника: собирать сведения о «настроениях солдат, какие потери понесла часть, что делается у них на родине». Первые данные о политико-моральном состоянии фашистской армии были сгруппированы

по следующим разделам: «идеологическая подготовка германской армии к войне против СССР, отношение солдат к войне, положение в тылу, влияние наших листовок на моральное состояние гитлеровских войск»[122].

Для изучения политико-морального состояния личного состава войск и населения противника использовались политический допрос (опрос) пленных и перебежчиков, трофейные документы, показания местных жителей, радиоперехват, наблюдение за противником на поле боя, сообщения разведчиков и другие источники. Так, в начале июля 1941 г. в ГУПП РККА поступили протоколы допросов первых немецких солдат, унтер-офицеров и офицеров, взятых в плен. Показания этих пленных были сразу же использованы в специальной пропаганде. В больших количествах поступали трофейные фотодокументы, письма немецких солдат к родным и письма родных на фронт, в которых содержались факты зверств фашистов над мирными советскими гражданами и бойцами, сведения, характеризующие политико-моральное состояние противника и его тыла.

Необходимая информация и агитационные материалы доводились до войск и населения противника посредством листовок, радиовещания и устных передач через громкоговорящие установки на передовой линии фронта. Так, текст заявления советского правительства от 22 июня 1941 г. был распространен силами авиации общим тиражом 6 млн. экземпляров. На основе этого официального документа Советское бюро военно-политической пропаганды разработало 10 лозунгов к немецким солдатам, которые были изданы большими тиражами и распространены 24 июня, а 27 июня на всех фронтах была распространена подготовленная СБВПП специальная общеполитическая листовка к солдатам немецкой армии. Листовка разоблачала Гитлера как главного виновника войны, напавшего на соседа и друга германских трудящихся, вероломно нарушившего договор о ненападении с СССР и унизившего честь германского народа. Солдаты противника предупреждались о том, что советские люди не позволят завоевателям топтать свою землю, и Гитлер, как в свое время и Наполеон, придет к своему краху[123].

В подтверждение неизбежности поражения немецкой армии в войне против СССР в специальной пропаганде использовались также высказывания немецких государственных и военных деятелей прошлого о необходимости дружественных отношений между Россией и Германией и об опасности военных авантюр против России. В частности, приводились высказывания Фридриха Второго, Клаузевица, Бисмарка, Мольтке о недопустимости и бесперспективности войны Германии против России. Допрос первых же пленных показал, что эти исторические доводы сильнее всего влияли на настроения солдат и офицеров.

Ставка ВГК ставила задачу перед фронтами и армиями доводить до войск и населения противника общеполитические пропагандистские материалы — листовки, газеты, отдельные обращения советского правительства, НКО, Ставки ВГК, командующих и военных советов. Начиная со Смоленского сражения (10 июля — 10 сентября 1941 года), командиры и политорганы стали активно применять средства оперативной пропаганды и агитации на противостоящие части и соединения врага. В этих целях использовались сообщения об успешных контрударах наших войск, поражениях и неудачах фашистских войск. Во многих случаях аргументами оперативной специальной пропаганды становились известные солдатам противника примеры преступных действий их командования в отношении подчиненных, факты больших потерь среди немецких войск, а также случаи пленения вражеских солдат и офицеров, особенно их добровольной сдачи в плен под воздействием наших ударов и нашей специальной пропаганды.

Так, в начале августа 1941 г. на участке обороны 152-й стрелковой дивизии 16-й армии был взят в плен немецкий солдат А. Зигель, который на допросе показал, что командир его роты обер-лейтенант К. Пфайфер заставляет своих подчиненных идти в атаку за спиной советских стариков, женщин и детей. Политотдел дивизии организовал выступления А. Зигеля по окопной громкоговорящей станции, была также написана листовка, обращенная к солдатам 2-й роты 671-го полка 3-й штурмовой немецкой дивизии с призывами «не брать на себя ответственность за насилие гитлеровцев на советской земле и кончать с грабительской,

изуверской войной». 7 августа силами разведки дивизии было распространено 2,5 тыс. экземпляров этой листовки[124].

Ведущее место среди форм агитационно-пропагандистского воздействия на противника занимала печатная пропаганда — разработка, издание и распространение листовок, обращений, бюллетеней, писем, плакатов, газет, журналов, брошюр на иностранных языках. Самым распространенным видом печатной продукции была листовка. Острота поставленной в ней темы, броское название, оформление и небольшой размер привлекали внимание солдат и офицеров армий противника.

Другой распространенной формой печатной пропаганды среди войск и населения противника были ежедневные и еженедельные газеты. С начала войны газеты издавались на немецком, румынском, польском и финском языках. Так, на Брянском фронте издавалась газета «Солдатский голос», на Волховском — «Солдатская фронтовая газета», на Южном — «Солдатская газета», на Западном — «Правда», на Ленинградском — «Голос народа». Их тираж был 15-30 тыс. экземпляров.

Сравнительный анализ материалов, обращенных, с одной стороны, к личному составу Красной армии, а, с другой, к армии противника, позволяет выявить существенное отличие в использовании руководством ГУПП (ГлавПУ) РККА интернационалистских лозунгов. Если в первом случае рекомендовалось делать акцент на национальные интересы, то в обращении к немецким и финским солдатам часты апелляции к классовой пролетарской солидарности.

«Германские солдаты! Кому выгодна война против Советской России? — говорилось, например, в листовке, изданной 26 июня. И подсказывался ответ: — Только капиталистам и помещикам. Вам она несет смерть, вашим семьям голод, болезни, нищету». Однако в условиях победного продвижения немецкой армии на восток подобные призывы не находили сколько-нибудь серьезного отклика в сознании солдат противника, как и заверения, содержавшиеся в листовке, что «ваши товарищи бегут от Гитлера и переходят к нам».

Дифференцированное использование интернационалистской терминологии подтверждает и указание Л. З. Мехлиса, позднее поступившее на фронты и в военные округа, о замене во всех военных газетах, а также в листовках, брошюрах и газетах, ориентированных на население оккупированных районов, лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на «Смерть немецким оккупантам!». Прежний лозунг было разрешено ставить только на литературе, рассчитанной на противника. Замена лозунга производилась и на знаменах войсковых частей[125].

В числе основных форм специальной пропаганды широкое распространение в годы войны получила устная агитация. Она проводилась дикторами-переводчиками армий и дивизий с помощью специальных громкоговорящих установок, мегафонов, рупоров непосредственно на переднем крае. Устная пропаганда была исключительно оперативной, обращалась к личному составу конкретных рот, батальонов, полков, а зачастую даже к отдельным офицерам и солдатам противника с живым и убедительным словом. Через линию фронта она проводились главным образом в дивизионном и армейском звене через окопные громкоговорящие установки (ОГУ), мощные громкоговорящие установки (МГУ), мегафоны, рупоры.

Радиопропаганда во многих отношениях восполняла недостатки печатной и устной пропаганды. Она обеспечивала одновременно оперативность, массовый охват слушателей и значительную дальность. Органы специальной пропаганды использовали в этих целях войсковые и трофейные рации, гражданские радиостанции прифронтовых городов. Так, Ленинградский и Карельский фронты, создав специальные радиоредакции, вели пропаганду по радио на немецком и финском языках, обращаясь как к населению, так и к войскам Германии и Финляндии. Большое внимание радиопропаганде уделяли аппараты специальной пропаганды флотов, для которых радиовещание было почти единственным средством пропагандистского воздействия на моряков противника.

Работа среди населения в глубоком тылу вражеских стран проводилась через линию фронта и государственные границы, что и обусловливало ее формы и методы. Основными из них были распространение печатных изданий (газет, листовок, брошюр и писем) и про-

ведение радиопередач на коротких и средних волнах. Всего в начале Великой Отечественной войны было издано и распространено силами дальней авиации 120 различных агитационно-пропагандистских материалов общим тиражом 62 млн экземпляров на десяти иностранных языках. Радиопропаганда велась по каналам Всесоюзного радиокомитета из Москвы, Ленинграда, Тбилиси и других городов, а также радиоредакциями Ленинградского, Карельского, Закавказского и Южного фронтов.

Нередки были призывы к солдатам противника на фронте пересылать по военно-полевой почте советские листовки и другие издания к себе на родину. В глубокий тыл противника засылались одиночные военнопленные-антифашисты или их группы для ведения агитационной работы среди своего населения. Одним из средств воздействия на настроения в тылу являлась «пропаганда шепотом» (распространение различных политических слухов и сплетен). Практиковалась и такая форма специальной пропаганды, как распространение над территорией Германии «воздушной почты» — писем немецких солдат из советского плена на родину к своим родным и знакомым. Для населения Польши, Чехословакии, Югославии, Норвегии, Дании, порабощенного германским фашизмом, велись ежедневные радиопередачи по центральному радиовещанию, распространялись печатные пропагандистские материалы.

Политическая работа среди военнопленных вражеских армий заключалась в перевоспитании их основной массы в антифашистском духе и превращении в друзей советского народа. Ставилась также задача вовлечения демократически настроенных солдат и офицеров в антифашистскую пропаганду среди войск противника на фронте, в лагерях военнопленных и среди населения своих стран.

Гуманное отношение к военнопленным имело особое политическое и международное значение. Ведь фашистские правители Германии, преследуя варварские цели физического уничтожения советских людей, в отношении к пленным воинам Красной армии проводили политику полного их истребления. В то же время советское командование в работе с военнопленными руководствовалось принципами гуманизма и строгого соблюдения международных соглашений. 1 июля 1941 г. Совет народных комиссаров СССР утвердил «Положение о военнопленных», в котором установил гарантию жизни пленным, порядок и правила содержания их в нашей стране. Командование Красной армии строго выполняло постановление правительства.

Таким образом, за первые месяцы Великой Отечественной войны специальная пропаганда структурно оформилась, укрепилась профессиональными кадрами, владеющими необходимыми иностранными языками, приобрела определенный опыт работы, опробовала различные формы и методы информационно-психологического воздействия на врага, получила известность у противника. Всякая недооценка работы по разложению вражеской армии встречала у руководства главными политорганами Вооруженных сил самую резкую оценку.

Перестройка же политической работы на военный лад в армии и на флоте была осуществлена примерно за первые полтора-два месяца войны, хотя ряд мер перестроечного характера реализовывался и позднее, вплоть до начала 1942 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] 1941 год: в 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 447.

[2] *Кузнецов Н. Г.* Крутые повороты: из записок адмирала. М., 1997. С. 56.

[3] Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 4. Вторая мировая война: документы и материалы. М., 2002. С. 213.

[4] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3.

[5] Там же. Л. 12.

[6] Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 201; № 7. С. 213.

[7] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сборник. М., 1990. С. 15.

[8] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: В 3 т. 10-е изд. М., 1990. Т. 2. С. 73.

[9] *Кондакова Н. И.* Война, государство, общество. 1941–1945 гг. М., 2002. С. 54.

[10] *Микоян А. И.* Так было. М., 1999. С. 185.

[11] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 71.

[12] *Горьков Ю. А.* Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 86.

[13] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 75.

[14] 1941 год. Кн. 2. С. 441.

[15] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. Кн. 1. М., 1988. С. 126.

[16] На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953). 2-е изд. М., 2010. С. 337–341.

[17] См.: *Куманев Г. А.* Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. М., 1999. С. 25–27, 413.

[18] Институт российской истории РАН (Далее — ИРИ РАН). Документы и материалы. Инв. № 148. Л. 82.

[19] Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942). М., 1988. С. 85.

[20] *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947. С. 38.

[21] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. (1941–1952). С. 44–48.

[22] История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. М., 1961. Т. 2. С. 142.

[23] Российский государственный архив экономики (Далее — РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 923. Д. 28. Л. 1, 88.

[24] Там же. Л. 1–2.

[25] Поступавшие на фронт танки Т-34 уже в первые месяцы войны продемонстрировали свое тактико-техническое превосходство над германскими боевыми машинами T-IV, которые были более уязвимыми в отношении брони, имели короткоствольное орудие и обладали меньшей маневренностью. Желание выпускать точно такие же танки, по свидетельству танкового стратега вермахта генерала Г. Гудериана, не встретило поддержки у немецких конструкторов. Их смущало не отвращение к подражанию, а невозможность производства с требуемой быстротой важнейших деталей Т-34, особенно дизельного двигателя; уступала и германская сталь.

[26] Оружие победы. 1941–1945. М., 1985. С. 154; История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 2. С. 161.

[27] История второй мировой войны. 1939–1945. М., 1975. Т. 4. С. 149.

[28] Там же. С. 150.

[29] Там же. С. 158; Т. 5. С. 48.

[30] *Фойхтер Г.* История воздушной войны в ее прошлом, настоящем и будущем. М., 1956. С. 164.

[31] История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 4. С. 150.

[32] Там же.

[33] Там же. С. 150, 151, 158.

[34] *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 42.

[35] История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 4. С. 151.

[36] *Колесник А. Д.* РСФСР в годы Великой Отечественной войны: Проблемы тыла и всенародной помощи фронту. М., 1982. С. 69.

[37] История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. Т. 2. С. 498.

[38] В результате вражеского нашествия и эвакуации черная металлургия СССР временно лишилась в 1941 г. 124 коксовых батарей общим объемом 64 589 куб. м, 61 доменной печи общим объемом 42 285 куб. м, 204 мартеновских печей с общей площадью пода 5809 $м^2$, 16 больших конверторов, 150 прокатных станов, 14 трубопрокатных станов и др. (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 31. Л. 191)

[39] *Митрофанова А. В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 112; История второй мировой войны 1939—1945. Т. 4. С. 14.

[40] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 31. Л. 186.

[41] Там же. Л. 187.

[42] *Кравченко Г. С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). М., 1970. С. 109, 144; Великая Отечественная война. 1941—1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 817.

[43] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 32. Л. 120.

[44] История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 4. С. 154.

[45] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 31. Л. 183.

[46] Там же.

[47] Там же. Л. 178—179.

[48] История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 4. С. 136.

[49] Там же. С. 144.

[50] 28 июля 1941 г. СНК СССР принял постановление «О сохранении пенсий за пенсионерами, вернувшимися на производство». Пенсия сохранялась за весь период войны независимо от размера заработка пенсионеров на предприятиях. Это позволило привлечь значительное число пенсионеров на производство.

[51] См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 64.

[52] Экономика Советской Украины. 1965. № 4. С. 17.

[53] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 32. Л. 79.

[54] Там же. Л. 72.

[55] *Куманев Г. А.* На службе фронта и тыла. Железнодорожный транспорт СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938—1945. М., 1976. С. 73.

[56] *Ковалев И. В.* Транспорт в Великой Отечественной войне (1941—1945). М., 1981. С. 45.

[57] Военные сообщения за 50 лет. М., 1967. С. 46.

[58] Тыл Советской Армии. М., 1968. С. 122.

[59] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 28. Л. 8.

[60] *Вознесенский Н.* Указ соч. С. 42; Архив Института военной истории МО РФ (Далее — Архив ИВИ). Документы и материалы. Инв. № 819. Л. 389.

[61] ЦАМО. Ф. 41. Оп. 27014. Д. 3. Л. 4—5.

[62] Там же.

[63] *Верт А.* Россия в войне. 1941—1945 / Пер. с англ. М., 1967. С. 144.

[64] *Пришвин М. М.* Дневники. М., 1990. С. 301.

[65] Документы внешней политики. 22 июня 1941 г. — 1 января 1942 г. Т. XXIV. М., 2000. С. 8–9.

[66] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 15.

[67] См.: Социология Великой Победы. М., 2005. С. 287.

[68] *Комаров Н. Я.* Государственный Комитет Обороны постановляет... М., 1990. С. 81.

[69] История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 5. Кн. 1. С. 182.

[70] *Кондакова Н. И.* Указ. соч. С. 424.
[71] Там же. С. 425–426.
[72] *Гранин Д. А.* Дом на Фонтанке // Еще заметен след. Л., 1985. С. 198.
[73] *Гранин Д. А.* Прекрасная Ута // Там же. С. 208.
[74] См.: Победа — одна на всех (Вклад союзных республик СССР в завоевание Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.). М., 2010. С. 382.
[75] Архив МК и МГК КПСС. Ф. 3. Оп. 18. Д. 26. Л. 18.
[76] См.: Московский ветеран. 2001, июль (№ 6).
[77] Татария в период Великой Отечественной войны (1941–1945). Сборник документов и материалов. Казань, 1963. С. 53–54.
[78] *Кондакова Н. И.* Указ. соч. С. 89, 373.
[79] Великая Отечественная война. 1941–1945: Энциклопедия. С. 364.
[80] Цит. по: *Чучелин Г. А.* Деятельность партийных организаций Среднего Поволжья по руководству здравоохранением в годы Великой Отечественной войны. Казань, 1974. С. 16.
[81] *Кондакова Н. И.* Указ. соч. С. 447.
[82] Цит. по: Покушение на Великую Победу. М., 2005. С. 5–7.
[83] См.: *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 311.
[84] *Нуждин Ю. Ф.* Армия и Церковь: Уроки войны для настоящего и будущего // Материалы церковно-общественной конференции «За други своя: Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война». М., 2005. С. 20.
[85] *Марущак В.* Святитель-хирург: житие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). М., 2010. С. 61.
[86] Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. М., 1943. С. 52.
[87] Война и общество. 1941–1945: в 2 кн. Кн. 2. С. 193.
[88] «Проявляйте себя как подлинно Божий, преданный своей Родине и своей вере народ» // Исторический архив. 2006. № 2. С. 68, 69.
[89] *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 1999. С. 146.
[90] Русский архив. Главные политические органы Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: документы и материалы. Т. 17–6 (1–2). М., 1996. С. 352.
[91] Там же. С. 24, 36–38.
[92] КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Документы 1917–1981. М., 1981. С. 304.
[93] Русский архив. Великая Отечественная. Главные политические органы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: документы и материалы. Т. 17–6 (1–2). С. 49.
[94] Там же. С. 361.
[95] Там же. С. 35.
[96] Там же. С. 42–44.
[97] Там же. С. 65.
[98] Там же. С. 397–401.
[99] См.: Идеологическая работа КПСС в действующей армии 1941–1945 гг. М., 1985. С. 18.
[100] *Петров Ю. П.* Партийное строительство в Советской Армии и Флоте (1918–1961 гг.). М., 1964. С. 349; Идеологическая работа КПСС в действующей армии 1941–1945 гг. С. 14.
[101] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 7 тт. 8-е изд. М., 1970–1972. Т. 6. С. 16.
[102] Русский архив. Великая Отечественная. Главные политические органы. С. 29–30.
[103] *Петров Ю. П.* Партийное строительство в Советской Армии и Флоте (1918–1961 гг.). С. 350.
[104] ЦАМО РФ, ф. 32, ф. 208, оп. 2524, д. 3, л. 1, 27–30; д. 10, л. 50–51.
[105] Русский архив. Великая Отечественная. Главные политические органы. Т. 17–6 (1–2). С. 56–57, 380–381.
[106] *Телегин К. Ф.* Войны несчитанные версты. М., 1988. С. 38.
[107] ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 3. Л. 105; Д. 4. Л. 11; Ф. 32. Оп. 11309. Д. 19. Л. 88.

[108] Русский архив. Великая Отечественная: приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13(2–2). М., 1997. С. 109–110.

[109] Русский архив. Великая Отечественная. Главные политические органы. С. 27–28, 355–356.

[110] *Морехина Г. Г.* Партийное строительство в период Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1986. С. 223, 225; Идеологическая работа КПСС в действующей армии 1941–1945 гг. С. 16.

[111] Русский архив. Великая Отечественная. Главные политические органы. С. 30, 358.

[112] Там же. С. 41.

[113] Там же. С. 366, 379–380.

[114] Политическая работа среди войск и населения противника (широко использовался также термин «специальная пропаганда») — это совокупность информационных и агитационно-пропагандистских мероприятий, осуществлявшихся на войска и население противника в целях подрыва их морально-боевого духа, склонения к разрыву с преступным правящим режимом, к сдаче в плен и организованной капитуляции.

[115] Русский архив. Великая Отечественная. Главные политические органы. С. 19, 27, 30, 40.

[116] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1316. Л. 183.

[117] ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 9. Л. 11.

[118] *Бурцев М. И.* Прозрение. М., 1981. С. 32, 34.

[119] ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 136. Л. 51-52.

[120] Там же. Оп. 11474. Д. 334. Л. 144-146.

[121] Там же. Д. 88. Л. 53, 55.

[122] Оружием правды. Листовки к войскам и населению противника, изданные политорганами Советской Армии и Военно-Морского Флота во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. М., 1971. С. 25.

[123] ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 412. Л. 47.

[124] Русский архив. Великая Отечественная. Главные политические органы. С. 91, 96.

Первые оборонительные сражения

Катастрофа в Белоруссии

К моменту нападения на Советский Союз немецкая группа армий «Центр», которой командовал фельдмаршал Ф. фон Бок, развертывалась на центральном участке наступления восточного фронта. Она имела в своем составе 4-ю и 9-ю полевые армии, 2-ю и 3-ю танковые группы, включавшие 50 дивизий, в том числе 31 пехотную, девять танковых, шесть моторизованных и одну кавалерийскую, а также две бригады. При поддержке 2-го воздушного флота группа армий «Центр» должна была рассечь фронт советской обороны, окружить и уничтожить войска Красной армии в Белоруссии и развивать наступление на Москву. В составе участвующих в этой операции войск насчитывалось (без 3-й танковой группы) 634,9 тыс. человек, 12,5 тыс. орудий и минометов калибром свыше 50 мм, 810 танков и 1677 самолетов. 3-я танковая группа, которой первоначально предстояло действовать против советских войск Северо-Западного фронта, имела в своем составе 783 танка[1].

Западный Особый военный округ, с началом войны преобразованный в Западный фронт, включал 3, 4, 10 и 13-ю армии и пять корпусов: 4-й воздушно-десантный, 21-й и 47-й стрелковые, 17-й и 20-й механизированные. Общая численность армий округа составляла 678 тыс. человек, 10 296 орудий и минометов калибром выше 50 мм, 2189 исправных танков и 1539 боеготовых самолетов[2]. 2, 47, 44, 21-й стрелковые корпуса, составлявшие войска второго эшелона, к началу войны по решению высшего командования продолжали выдвигаться из внутренних районов округа ближе к границе.

В Могилеве оставалось управление 13-й армии. В непосредственной близости от границы, в так называемом белостокском выступе, в лагерях и казармах находились наиболее боеспособные войска 10-й армии. Рассчитывая их окружить и уничтожить, противник наносил удары под основание выступа с севера и юга. Гродно и располагавшийся в городе штаб 3-й армии генерала В. И. Кузнецова атаковали соединения 9-й немецкой армии с моторизованным корпусом, авиация противника наносила непрерывные бомбовые удары. В этих условиях части 3-й армии к исходу дня вынуждены были отойти на юго-восток.

Крайне тяжелая обстановка сложилась в полосе действий 4-й армии Западного фронта, прикрывавшей брестско-кобринское направление. Четыре стрелковые дивизии армии сдерживали удар десяти дивизий правого крыла группы армий «Центр», поддержанных ударами немецкой артиллерии и авиации. Под натиском превосходящих сил врага 42-я и 6-я дивизии, оборонявшиеся в центре фронта, отступили из района Бреста на восток. В крепости остались отдельные подразделения и группы из состава этих соединений. Части 2-й танковой группы противника устремились в образовавшуюся брешь и к исходу дня, продвинувшись на 50–60 км, заняли Кобрин. Возникла реальная угроза охвата главных сил Западного фронта с юга[3].

Немецкий сапер проделывает проходы в проволочных заграждениях на границе СССР.
22 июня 1941 г.

Немецкие войска переходят государственную границу СССР

К 25 июня стало ясно, что охват немецкими войсками белостокского выступа грозит войскам Западного фронта полным окружением. Около полудня 25 июня 3-я и 10-я армии получили приказ штаба фронта на отступление. Однако пути их отхода уже были перерезаны противником, а те части и соединения, которые сумели отойти из белостокского выступа, оказались в окружении в нескольких котлах между Берестовицей, Волковыском, Мостами, Слонимом и Ружанами. В результате охватов 2-й и 3-й немецких танковых групп в Налибокской пуще под Минском были окружены остатки 3-й и 10-й армий, а также части 13-й и 4-й армий. Таким образом, основные силы Западного фронта оказались в окружении, погибли и были пленены врагом более 300 тыс. человек. Эта трагедия во многом определила дальнейшее неблагоприятное развитие оперативной обстановки не только на важнейшем для страны западном направлении, но и на всем советско-германском фронте в целом.

Представляется важным четко определить степень ответственности советского государственно-политического руководства и фронтового командования за поражение Западного фронта. И Генеральный штаб РККА, и штаб Западного Особого военного округа еще с начала 1941 г. располагали сведениями о развертывании на сопредельной территории наступательной группировки вермахта. Так, донесение начальника разведотдела штаба округа полковника С. В. Блохина от 4 июня 1941 г. на имя генерала армии Д. Г. Павлова было полностью посвящено сведениям о подготовке Германией войны против СССР.

Полковник С. В. Блохин в своем сообщении акцентировал внимание на том, что «на основании ряда проверенных агентурных данных военная подготовка Германии против СССР за последнее время, особенно с 25 мая, проводится более интенсивно». Далее он сообщал: «В течение второй половины мая немцы увеличили свою группировку войск на 2—3 пд, две бронетанковые дивизии СС, главным образом в районе Остроленка, Прасныш, Млава, Цеханов. Дивизии СС — в Сувалки (данные требуют проверки). Особенно характерно прибытие артиллерийских частей, танковых подразделений и бронеавтомашин... Все гражданские лечебные заведения в крупных и мелких населенных пунктах генерал-губернаторства заняты под госпитали. Госпитали обеспечены как соответствующим количеством коек, так и германским медперсоналом (Варшава). Заканчивается подготовка всех гражданских объектов к мерам ПВО и ПХО (затемнение, противопожарные мероприятия, дегазационные камеры и т. д.)... Польское население по опыту подготовки войны Германии с Польшей в 1939 г. и германские солдаты по существующему опыту ведения войны также считают неизбежным начало военных действий с СССР в ближайшее время»[4].

О создавшейся обстановке на западной границе СССР было информировано высшее политическое и военное руководство СССР. Кроме того, Генштабу, командующим приграничными военными округами были известны факты многочисленных нарушений советской границы германской авиацией (за 20—21 июня — 60 раз) и задержаний вражеских диверсантов и лазутчиков (за 10 суток июня — 108 человек)[5].

Составить представление о действия командующего ЗапОВО позволяют документы и материалы, подготовленные в целях реабилитации генералов Д. Г. Павлова, В. Е. Климовских, А. А. Коробкова и других, приговоренных летом 1941 г. к расстрелу за трагедию Западного фронта. Ряд офицеров и генералов, выживших в тех боях, в 1956 г. представили свои документальные свидетельства в комиссию, которую возглавлял заместитель начальника Генерального штаба по военно-научной работе генерал армии В. В. Курасов.

Так, бывший начальник оперативного отдела штаба ЗапОВО генерал-майор Б. А. Фомин свидетельствовал, что «Павлов тщательно следил за подготовкой театра военных действий... К началу войны на всем протяжении вдоль границы были созданы полевые оборонительные полосы с ДЗОТ'ами. Что же касается УР'ов, то они к началу войны не были построены и вооружены». Генерал Б. А. Фомин заявил, что «Павлов неоднократно возбуждал вопрос перед наркомом обороны о передислокации войск округа из глубины в приграничный район... Однако 113, 121, 143 и 50-я стрелковые дивизии в намеченные ими районы не успели выйти, и война застала их в походе». Кроме того, из свидетельств генерала Б. А. Фомина становится ясно, что «к началу войны войска округа находились в

стадии оргмероприятий. Формировались пять танковых корпусов, воздушно-десантный корпус... Поступление материальной части шло медленно... Авиация округа находилась в стадии обучения летного состава на поступающей новой материальной части, но переобученных экипажей было мало».

Имея информацию о подготовке немцев к нападению, командующий округом генерал Д. Г. Павлов просил разрешения занять полевые укрепления вдоль госграницы. Однако «20 июня 1941 г. шифрограммой за подписью зам. начальника оперативного управления Генштаба Василевского Павлову было сообщено, что просьба его доложена наркому и последний не разрешил занимать полевых укреплений, так как это может вызвать провокацию со стороны немцев. 19 июня была получена шифрограмма из Генштаба развернуть штабу округа КП штаба фронта в Обуз-Лесна с готовностью вечер 22 июня»[6].

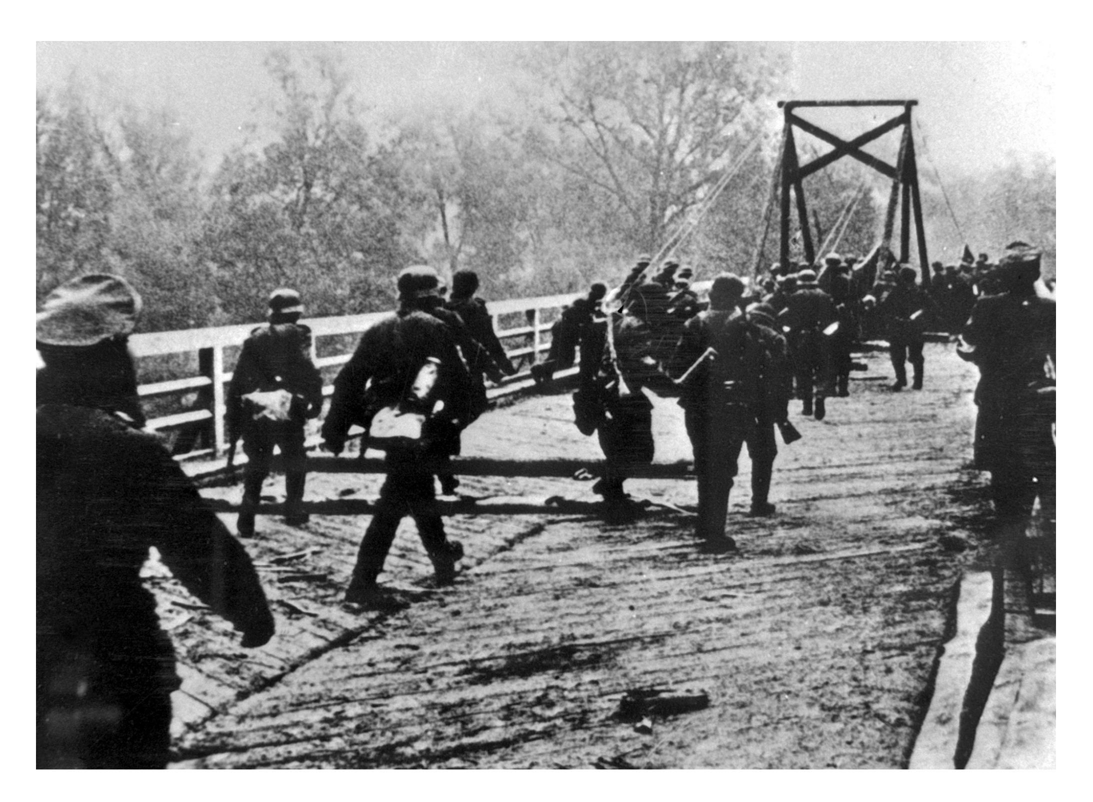
В связи с этим возникает вопрос: если Д. Г. Павлов знал, что немцы готовят нападение, как об этом писал генерал Б. А. Фомин, то какие действия он предпринял для того, чтобы упредить удар врага? По этому поводу бывший командующий 3-й армией ЗапОВО генерал-полковник В. И. Кузнецов, отмечал, что и Д. Г. Павлов, и В. Е. Климовских «просто не сумели овладеть и не справились с обстановкой начального периода войны»[7].

Мнение В. И. Кузнецова представляется верным, однако объяснять только этим разгром войск Западного фронта было бы неправильно. Очевидно, что причины трагедии Западного фронта следует искать в государственной и военной политике накануне войны, системе управления войсками округов, их боевой подготовке и технической оснащенности. Но генерал Д. Г. Павлов не сделал всего, от него зависящего, для предотвращения наихудшего развития сценария боевых действий после начала германской агрессии.

К ряду причин неготовности войск РККА к нападению Германии можно в полной мере отнести и неудовлетворительное состояние авиации. В группировке советских ВВС, состоявшей из 79 дивизий, в приграничных округах базировались 48 дивизий (15 входили в состав армий, 20 подчинялись округам, 13 находились в распоряжении Главного командования)[8]. За первый день боев только авиация Западного фронта потеряла 738 самолетов, из них 528 самолетов на земле, что составило около 40% самолетного парка Западного фронта или 63,7% всех потерь авиации на советско-германском фронте за 22 июня. На следующий день потери авиации фронта составляли 125, а противника — 124 самолета. К концу июня, то есть за восемь дней войны, потери составили 1163 и 422 самолета соответственно[9]. В то же время массированные удары врага с воздуха сорвали организованный выход советских войск к государственной границе.

Причиной таких катастрофических потерь стало очевидное отсутствие у командования военных округов, в том числе и ЗапОВО, надлежащей требовательности в строительстве новых аэродромов и их маскировке, что позволило бы рассредоточить авиационный парк на значительно большей территории и сделать советские самолеты трудными мишенями для люфтваффе. Однако ответственность за потери авиации РККА в первые дни войны в полной мере несет и высшее военное руководство. Лишь 19 июня 1941 г. нарком обороны приказал провести маскировку аэродромов и важных военных объектов, зарыть в землю бензохранилища, запретить линейное, скученное расположение самолетов. Причем дата исполнения указывалась не позднее 1 июля. К 5 июля планировалось создать в каждом районе авиационного базирования по 8–10 ложных взлетных площадок[10]. Сроки были явно нереальными. Да и состояние советской авиации, дислоцированной накануне войны в приграничных военных округах, было неудовлетворительным.

Так, в Западном Особом военном округе истребительные, бомбардировочные и смешанные авиадивизии ВВС находились в стадии интенсивной реорганизации или только начали свое формирование. Авиачасти передислоцировались на бывшие польские аэродромы в Западной Белоруссии, которых было недостаточно, и приступили к строительству новых взлетных площадок. Боевая подготовка происходила в невероятно стесненных условиях. Округ получил в качестве пополнения сотни молодых пилотов, самостоятельный налет которых был крайне мал, а на новейших самолетах и вовсе отсутствовал[11].



Гитлеровцы переходят через пограничную реку. 22 июня 1941 г.

Советский полевой аэродром, захваченный немцами. Июнь 1941 г.

Подбитые советские танки БТ-7

Немецкие солдаты осматривают советский танк Т-34

Новые самолеты Як-1, Ил-2, Су-2, Пе-2, МиГ-1, МиГ-3 авиадивизии получили в очень небольшом количестве или вовсе не имели таковых. Основу парка самолетов в истребительных соединениях составляли устаревшие И-15, И-153, И-16, а в бомбардировочных — СБ и ТБ-3. Летчики стремились в совершенстве освоить новую технику, но времени до начала войны уже не оставалось. В 9-й авиадивизии, например, на новые самолеты успели переучиться 136 летчиков, в 11-й — 27, в 12-й — четыре, в 13-й — 42. Большинство пилотов могли выполнять боевые задачи только днем, в простых метеоусловиях и лишь 219 — в сложных[12].

В 1939 и 1940 гг. в округе было построено около 70 аэродромов на территории Западной Белоруссии, но эти аэродромы были рассчитаны главным образом на старую материальную часть. На 1941 г. назначалось строительство сразу 92 аэродромов, с тем чтобы к концу года иметь 222 аэродрома, где можно было бы дислоцировать 80 авиаполков[13]. Несмотря на своевременное и вполне достаточное финансирование, первый этап строительства шел медленно — не хватало людей, техники, слабо была проработана организация труда.

Скученность советских самолетов на ограниченном пространстве, отсутствие аэродромов маневрирования и явно недостаточная аэродромная сеть в приграничных округах стали одной из главных причин неоправданно высоких потерь ВВС РККА в первые дни войны. В большей степени именно этими обстоятельствами была обусловлена катастрофа авиации Западного фронта. Кроме того, запасы горючего и бомб были созданы прежде всего в приграничных авиационных гарнизонах, что сразу поставило их под первый уничтожающий удар.

Пагубно отразилось на возможностях маневра советской авиации в Белоруссии строительство взлетно-посадочных полос сразу на 60 объектах, чего, по мнению командующего ВВС ЗапОВО генерал-майора авиации Н. Ф. Науменко, военного комиссара ВВС ЗапОВО дивизионного комиссара В. Я. Клокова и начальника штаба ВВС ЗапОВО генерал-майора авиации С. А. Худякова, подготовивших отчет о ВВС Западного фронта, сразу делать было нельзя. «Оставалось лишь 15—17 аэродромов для лагерной стоянки частей, которые располагались главным образом вдоль госграницы на расстоянии 10—40 км... При этом много строительных материалов было нагромождено на летных полях, вследствие чего аэродромы были фактически выведены из строя... На дислокацию авиации ЗапОВО к началу войны сильно повлиял испанский опыт, который усиленно насаждал тогдашний командующий ВВС округа Копец[14], растыкивая истребительную авиацию цепочкой по всей границе, без глубины»[15].

Аналогичные недостатки отмечались во всех приграничных округах. К этому следует добавить недостаточное изучение вероятного противника, незнание его тактики боя, отсутствие хорошей разведки, тогда как противник знал все передовые аэродромы ВВС Красной армии. Запрет на уничтожение немецких самолетов — нарушителей государственной границы над советской территорией сделал свое дело. Кроме того, германское командование имело в приграничной полосе разветвленную шпионскую сеть, что в начальный период войны дало ему возможность нарушать управление войсками, в том числе и авиасоединениями.

К исходу 30 июня 1941 г. в боевом составе частей ВВС Западного фронта оставалось всего 124 истребителя и 374 бомбардировщика, объединенных в семь дивизий. Им противостояло около 800 германских самолетов 2-го воздушного флота. С началом боевых действий ВВС Западного фронта нанесли ответные удары по аэродромам противника и его войскам в районе Бреста, Молодечно, Барановичей, Минска. Ударам бомбардировочной авиации Западного фронта подверглись вражеские аэродромы Соколув, Седлец, Луков, Бяла-Подляска, группировки противника в Цехановце, Константинуве, Августове, Сувалках, а также промышленные объекты в Кенигсберге и Варшаве[16]. Как сообщалось в официальном отчете, «по сохранившимся отрывочным данным, за период с 22 по 30 июня было сделано 2969 самолето-вылетов и сброшено 107 тонн 550 кг бомб»[17]. В этих условиях можно только поражаться высокому морально-боевому настрою большинства советских летчиков, мужественно встретивших врага уже в первые минуты войны и, несмотря на колоссальные потери, сумевших нанести ему серьезный урон.

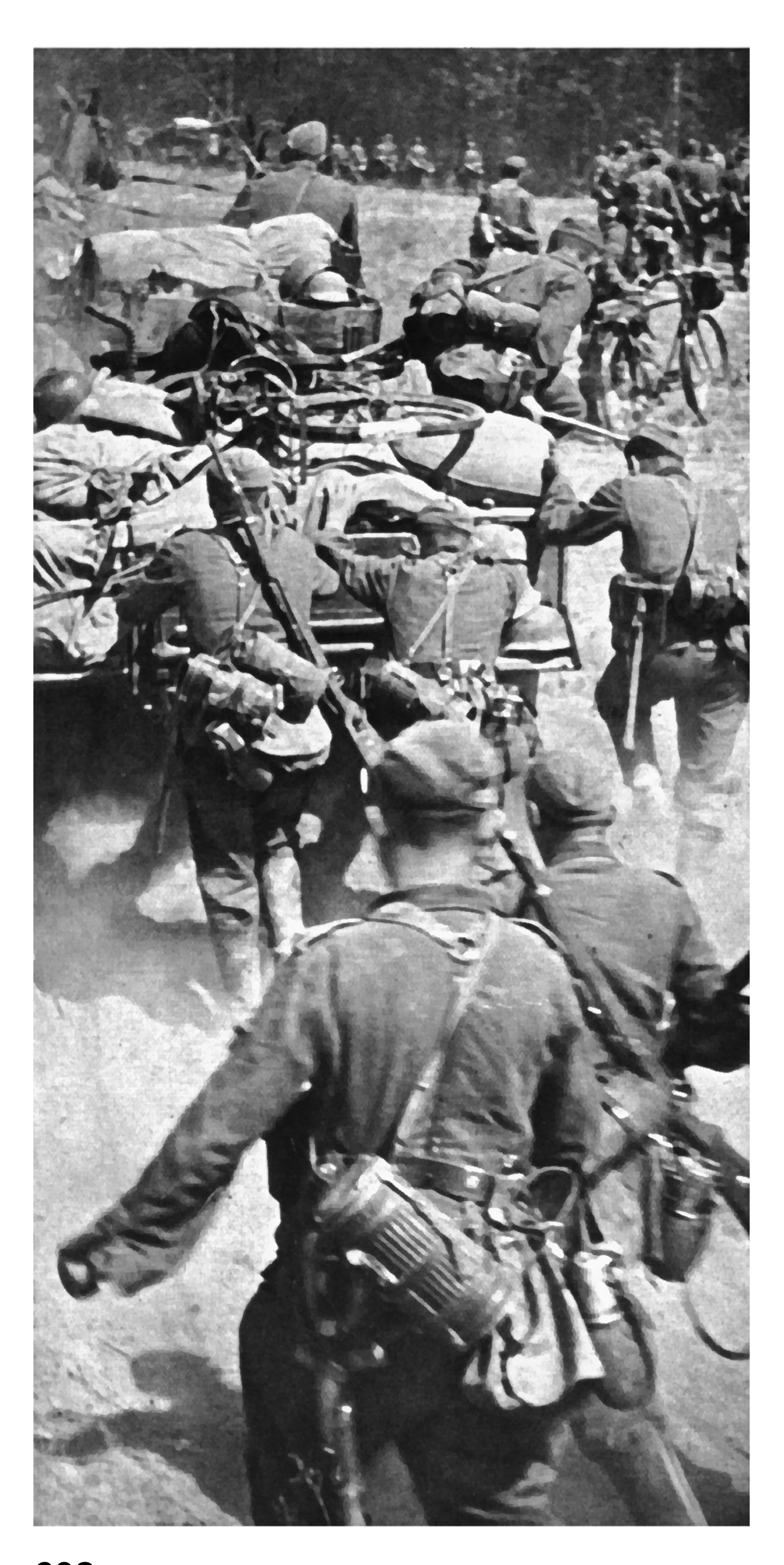
Одной из главных причин неготовности Красной армии к отражению германской агрессии и неоправданно высоких потерь в первые дни войны стало тяжелое положение с

укомплектованием приграничных округов новыми танками. Развертывание новых механизированных корпусов проводилось в основном на базе боеспособных и слаженных танковых (механизированных) бригад и дивизий. Однако они не были обеспечены необходимым количеством техники и обученного личного состава. Одновременное формирование и развертывание в кратчайшие сроки значительного количества новых соединений привело в итоге не к повышению, а к снижению боеспособности армии.

Штатная численность бронетанковой техники в механизированных корпусах ЗапОВО составляла 756 тяжелых танков КВ и 2520 танков Т-34, но к середине апреля 1941 г. в округе имелось всего 95 танков КВ и 74 единицы Т-34. Не хватало и старых боевых машин БТ-5 и БТ-7, в то время как танков Т-26 находилось сверх штата почти 1 тыс. единиц. В округе была недостача бронемашин БА-10 и БА-20, легковых и грузовых автомобилей, а значительная часть имевшейся в наличии автобронетанковой техники требовала капитального ремонта. Тем не менее командующий войсками округа рассчитывал закончить укомплектование механизированных корпусов боевыми и вспомогательными машинами к 1 июля 1941 г. Очевидно, что расчеты Д. Г. Павлова были невыполнимы из-за отсутствия необходимых поставок бронетанковой техники от промышленности, значительного количества неисправных машин и слабой ремонтной базы. Танковые батальоны дивизий 17-го и 20-го механизированных корпусов и танковые полки моторизованных дивизий (кроме 6-го мехкорпуса) «как не имеющие танков» командующий ЗапОВО приказал вооружить 45-мм противотанковыми орудиями (всего 528 орудий)[18].

В механизированных корпусах был и недостаток личного состава. Имелось лишь 26,7% командно-начальствующего состава, 24,6% младшего начсостава и 60,4% рядового состава. Лишь 6-й механизированный корпус был обеспечен командно-начальствующим составом до 75–80%, а младшим начсоставом и рядовым составом — полностью. Но и здесь в дивизиях, которые намечалось вооружить танками Т-34 и КВ, имелось соответственно 47 и 46% от положенных по штату новых боевых машин. Командиры и красноармейцы размещались в лучшем случае в деревенских домах, но зачастую долгое время военнослужащие вынуждены были проживать в палатках или землянках в условиях изменчивой весенней погоды. Строительство новых казарм только разворачивалось. Занятия по боевой подготовке в такой ситуации проводились от случая к случаю, на низком уровне. В соединениях и частях порой отсутствовало необходимое количество учебных и наглядных пособий, не хватало стрельбищ, полигонов и учебных полей. Образовательный уровень начальствующего состава округа также был невысоким. Таким образом, танковые дивизии ЗапОВО и других приграничных округов являлись лишь ограниченно боеспособными, а многие соединения и части оставались полностью небоеспособными. Тем не менее солдаты и командиры в большинстве своем понимали сложность решаемых ими задач, непростую международную ситуацию и принимали «все меры к тому, чтобы быстрее закончить организационную работу и развернуть нормальную боевую и политическую подготовку»[19].

Однако недостаточный общеобразовательный уровень, бытовые проблемы и степень воинской дисциплины не являлись решающими обстоятельствами, предопределившими трагедию первых дней войны. Здесь следует обратить внимание и на тот факт, что военные советы всех приграничных округов, включая и ЗапОВО, явно недостаточно акцентировали внимание личного состава на создании и оборудовании оборонительных рубежей, столь необходимых в условиях возможной немецкой агрессии. Создание на пути противника плотного заслона из минных полей, минирование мостов через реки, организация надежной охраны линий связи — все эти меры могли бы значительно усилить боеспособность приграничных округов. Произошло, к сожалению, все иначе. Немецкие танки и моторизованная пехота захватывали мосты через Буг абсолютно не поврежденными, а линии связи, перерезанные диверсантами, серьезно нарушали организацию управления советскими войсками. Высокие темпы германского продвижения на восток были, таким образом, предопределены с самого начала.



Немецкие войска на марше

Могила немецких солдат в Белоруссии. Дата на кресте — 13 июля 1941 г.

Подбитый немецкий бронетранспортер

Погибшие советские солдаты

Немецкий солдат во время боя в Брестской крепости

Кроме того, войска не были психологически подготовлены к нападению противника. Войну ждали, но в то же время надеялись, что она начнется нескоро, учитывая сообщение ТАСС от 14 июня 1941 г. Однако оно не могло и не должно было стать поводом к благодушию, влиять на уровень боевой готовности. Несмотря на явную угрозу войны, вплоть до 22 июня не прекращались отпуска офицеров. Многие части находились в летних лагерях, на учениях или вели работы по строительству оборонительных сооружений. Лишь незначительный процент командного состава накануне войны был переведен на казарменное положение.

22 июня 1941 г. в 3 часа 30 минут немецкие самолеты сбросили первые бомбы на белорусскую землю, неся смерть и страдания жителям Гродно, Лиды, Волковыска, Бреста, Кобрина, Слонима, Барановичей, Бобруйска. В это же время германская авиация бомбила Севастополь, Киев, Одессу. Бомбардировкам в первый день войны подверглись также Житомир, Рига, Виндава, Либава, Шауляй, Каунас, Вильнюс и многие другие советские города, железнодорожные узлы, аэродромы, военно-морские базы. Войска агрессора осуществляли артиллерийский обстрел пограничных укреплений и районов дислокации войск Красной армии вблизи границы от Балтийского моря до Карпат и Черного моря.

В 5–6 часов утра немецкие войска перешли государственную границу СССР и повели наступление в глубь советской территории. Началась Великая Отечественная война. Первыми приняли на себя удар советские пограничники. Расчет противника на то, что он с ходу уничтожит погранзаставы и не встретит здесь сильного сопротивления, не оправдался. Не имея тяжелого вооружения, пограничники в большинстве случаев отчаянно сопротивлялись и нанесли немалый урон врагу, что стало для него неприятным сюрпризом.

Ударные группировки группы армий «Центр», как это было предусмотрено планом, развернули наступление из районов западнее Гродно и южнее Бреста — на флангах белостокского выступа. В утреннем донесении группы армий «Центр» на 8 часов утра 22 июня 1941 г. отмечалось, что в полосе 4-й армии «наступление продолжается успешно. В общем отмечается слабое сопротивление противника. По-видимому, противник на всех участках застигнут врасплох. Мосты через р. Зап. Буг: мост у Кодень, ж.-д. мост у Бреста и мост в районе Фроналув взяты нашими войсками. Наши авангарды к 6.00 достигли общей линии 4–5 км восточнее реки Зап. Буг (восточнее границы). Сопротивление в Бресте оказывается главным образом в городской части — в крепости... До сих пор отмечается незначительная активность авиации противника. Сбит один наш самолет-разведчик». Такое же положение было и в полосе 9-й армии. В донесении говорилось: «На всем фронте наступления армии противник до сих пор оказывает незначительное сопротивление. Встречается лишь местами противодействие легкой артиллерии»[20].

В 6 часов 40 минут утра командующий 4-й армией ЗапОВО генерал А. А. Коробков доносил Д. Г. Павлову: «...4.15 22.06 противник начал обстрел крепости Брест и района города Бреста. Одновременно противник начал бомбардировку авиацией аэродромов Брест, Кобрин, Пружаны. К 6.00 артиллерийский обстрел усилился в районе Брест. Город горит. 42, 6 и 75 сд (и 22 и 30 тд) выходят в свои районы; о 49 сд данных нет»[21].

Положение дел становилось для советских войск все более катастрофичным. В большинстве районов вторжения они были застигнуты врасплох. Так, 22-я танковая дивизия, дислоцировавшаяся в Южном городке г. Бреста, при выходе потеряла от огня противника большую часть танков, более половины автопарка, все запасы боеприпасов и 20% личного состава. Фактически утратили возможность управления соединениями и частями штабы 14-го механизированного и 28-го стрелкового корпусов. Особенно большие потери понесли 6-я и 42-я стрелковые дивизии. Буквально в первые часы войны было выведено из строя до 50% войск, находившихся в Брестской крепости. Вместе с тем соединения, которые до начала агрессии были приведены в боевую готовность, успели выдвинуться на предназначенные им позиции, встречали удар более организованно. Например, на рассвете 22 июня 1941 г. не понесли значительных потерь части 27, 56, 2, 8, 23 и 86-й стрелковых дивизий ЗапОВО. В действиях штаба и командования Западного фронта в эти часы наблюдалась известная

растерянность, вызванная прежде всего запоздалым распоряжением о приведении войск в боевую готовность и нарушением противником системы управления, связи и оповещения войск. Примечательно, что лишь в 5 часов 25 минут Военный совет фронта направил командующим 3, 10 и 4-й армий директиву «поднять войска и действовать по-боевому»[22].

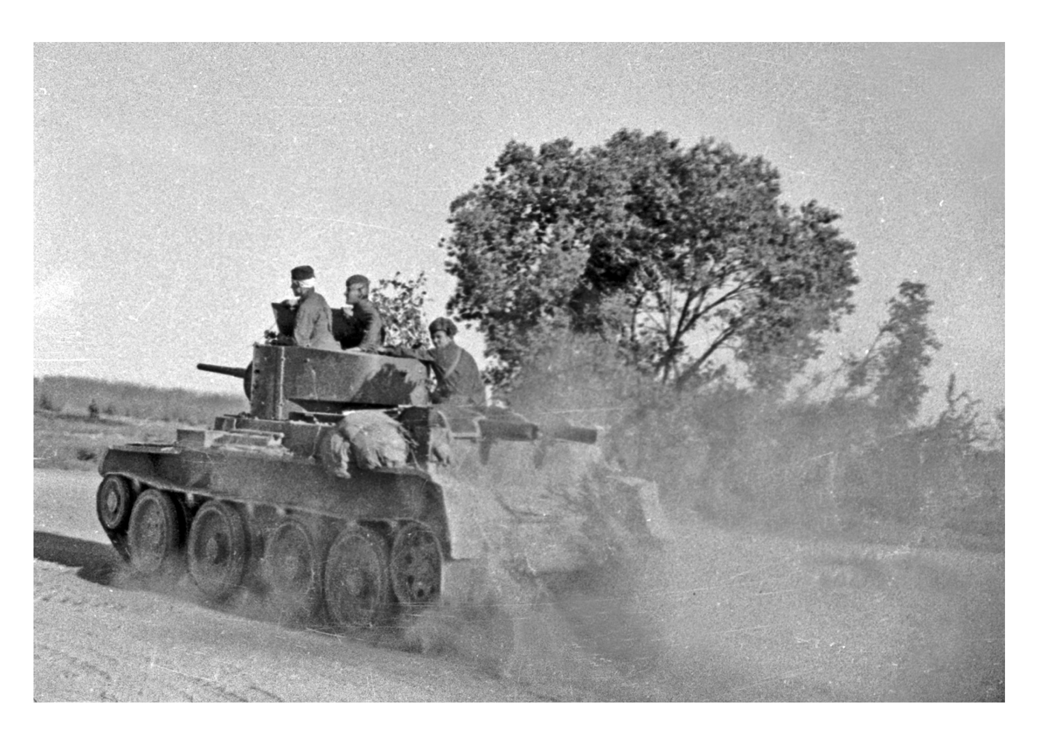
Еще до начала боевых действий в тыл советских войск забрасывались группы диверсантов, которые нарушали линии связи, перехватывали офицеров связи, посыльных и связных. Штаб фронта лишился устойчивой связи с армиями. Бывший начальник оперативного отдела штаба 10-й армии подполковник С. А. Маркушевич уже в августе 1941 г. докладывал заместителю начальника штаба Западного фронта генерал-лейтенанту Г. К. Маландину, что «о готовящемся нападении немцев и о вводе «Красного пакета» (включавшего план прикрытия в случае начала войны. — *Прим. ред.*) было получено извещение по «ВЧ» между 3.00 и 3.30 22.06.41 г. лично командующим 10-й армией генерал-майором Голубевым от генерала армии Павлова». Это распоряжение было передано всем командирам корпусов. Однако далеко не все части успели занять исходные позиции, а те, которые заняли их, отражали атаки противника, но в основном «погибли в этих точках». Далее С. А. Маркушевич отмечал, что «проводная связь со штабом фронта и войсками была прервана между 3.30 и 4.00», а радиостанция была уничтожена в результате налета немецкой авиации. От прилетевшего на самолете генерал-лейтенанта И. В. Болдина штабом 10-й армии был получен приказ об отводе войск на рубеж рек Бобр и Нарев[23].

Отсутствие устойчивой связи штабов соединений и объединений с подчиненными частями стало одной из главных причин неудач советских войск в приграничных сражениях. К середине дня 22 июня генерал армии Д. Г. Павлов имел лишь разрозненные сведения о сражающихся частях и слабо представлял оперативную обстановку в полосе действий фронта. Более того, план прикрытия, которым руководствовались командование фронта и армий, не был рассчитан на столь быстрое развитие событий. Ни командующий округом, ни его штаб не имели реальной возможности объективно оценить обстановку, складывавшуюся на направлениях ударов противника.

Даже та информация, которой владело командование Западного фронта, была удручающей. Вечером 22 июня 1941 г. Военный совет Западного фронта направил военным советам 3, 10, 4-й армий, командирам 21, 47, 44-го стрелковых, 17-го и 20-го механизированных корпусов шифрограмму, в которой прямо указывалось, что «опыт первого дня войны показывает неорганизованность и беспечность многих командиров, в том числе больших начальников. Думать об обеспечении горючим, снарядами, патронами начинают только в то время, когда патроны уже на исходе, тогда как огромная масса машин занята эвакуацией семей начальствующего состава, которых к тому же сопровождают красноармейцы, то есть люди боевого расчета. Раненых с поля боя не эвакуируют, отдых бойцам и командирам не организуют, при отходе скот, продовольствие оставляют врагу». Военный совет фронта требовал от командиров подчиненных соединений и частей «ежечасно заниматься организацией боевого обеспечения боя... организовать эвакуацию раненых с поля боя. Ни один раненый командир и боец не должны остаться у врага. Похороны убитых проводить организованно. Чтить память погибших за правое дело, за Родину. Бойцам и командирам в свободное время организовать поочередно отдых. При отходе скот угонять, продовольствия врагу не оставлять. Организовать питание горячей пищей через местное население»[24].

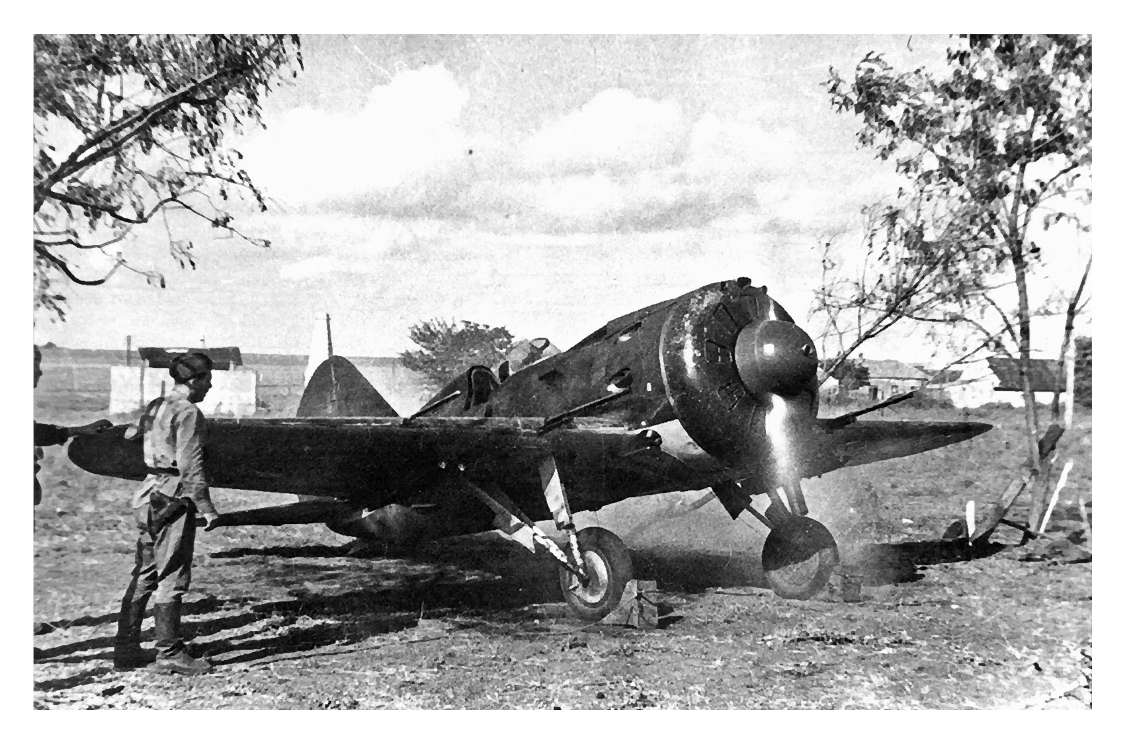
22 июня штаб Западного фронта получил из Москвы две директивы. Директива № 2 была отправлена в 7 часов 15 минут и требовала разбить вторгшиеся части противника, но границу не переходить, поскольку высшее государственное и военное руководство страны не исключало, что начавшаяся война — это всего лишь военная провокация немцев. Однако уже к вечеру директивой № 3, отправленной в 21 час 15 минут за подписью наркома обороны СССР маршала С. К. Тимошенко, члена Главного военного совета Г. М. Маленкова и начальника Генерального штаба РККА генерала армии Г. К. Жукова, советским войскам была поставлена задача на фронте от Балтийского моря до границы с Венгрией перейти госграницу и приступить к решительным действиям[25].

Немецкие войска в Гродно



Советские танки выдвигаются на исходные позиции

Орудийный расчет ведет огонь по врагу



Советский истребитель И-16 перед боевым вылетом

Раненые бойцы

Для выяснения обстановки на фронт, в том числе и к Д. Г. Павлову, из Москвы были направлены маршалы Б. М. Шапошников и Г. И. Кулик, генералы В. Д. Соколовский и Г. К. Маландин. Западный фронт должен был во взаимодействии с Северо-Западным фронтом разбить сувалкскую группировку противника и уже 24 июня занять город Сувалки. На основании донесений фронтов Генеральный штаб и Наркомат обороны делали заключение, что наиболее крупные силы враг сосредоточил на сувалкском и люблинском направлениях. Мощную группировку противника, наносившую удар из района Бреста, советское командование явно недооценивало. Поэтому все внимание обращалось на возможный охват белостокского выступа с севера — через район Гродно.

Получив поздно директиву № 3, генерал армии Д. Г. Павлов приступил к планированию контрудара в районе Гродно. Южному крылу фронта (4-й армии) также ставилась задача начать наступление в 5 часов утра 23 июня с целью уничтожения противника восточнее Буга и занятия Бреста[26]. Весь трагизм ситуации заключался в том, что ни в штабе фронта, ни тем более в Москве командование не имело должного представления о ситуации на границе. Сложившаяся оперативная обстановка никак не располагала к наступлению, и контрудары с такими целями, которые ставили Генеральный штаб и штаб Западного фронта, не имели шанса на успех.

Силами 6-го и 11-го механизированных корпусов и 36-й кавалерийской дивизии, объединенных в группу генерала И. В. Болдина, 23—25 июня была предпринята попытка контрудара с целью перехватить у врага инициативу и реализовать положения директивы Ставки № 3. Однако уже на этапе сосредоточения войск возникли серьезные трудности, которые привели к поражению советских войск. При других обстоятельствах контрудар этих сил мог бы решительно изменить оперативную обстановку. Ведь только 6-й механизированный корпус имел 1022 танка, в том числе 352 новых Т-34 и КВ. Однако неподготовленное наступление при господствующей в небе авиации противника было обречено на провал. 11-й механизированный корпус и 3-я армия уже были связаны боями, а 6-й механизированный корпус и 36-я кавалерийская дивизия находились в 60—80 км от Гродно. Выдвигавшиеся на исходные позиции дивизии подвергались массированным бомбовым ударам вражеской авиации. Из-за отсутствия ремонтной базы поврежденную технику приходилось бросать на обочинах дорог. Разрозненные части 6-го механизированного корпуса, подходившие к фронту, сразу же вступали в бой, однако противника остановить не удалось, и в тот же день немецкие передовые части ворвались в Гродно. Предпринятые на следующий день контратаки советских войск успеха не имели.

Согласно рапорту от 13 июля 1941 г. начальника 3-го отдела 10-й армии полкового комиссара С. Л. Лося, представленного им на имя начальника 3-го управления НКО СССР после выхода из окружения, «примерно в 1 час ночи 22 июня бывший командующий ЗапОВО Павлов позвонил по «ВЧ» и приказал привести войска в план боевой готовности и сказал, что подробности сообщит шифром (а подполковник С. А. Маркушевич докладывал, что указания по ВЧ были получены между 3 часами и 3 часами 30 минутами утра. — *Прим. ред.*). В соответствии с этим были даны указания всем командирам частей. Около 3 часов все средства связи были порваны (подполковник С. А. Маркушевич отмечал, что проводная связь была нарушена между 3 часами 30 минутами и 4 часами утра. — *Прим. ред.*). Полагаю, что противником до начала бомбардировки были сброшены парашютисты и ими выведены все средства связи. К 10—11 часам утра шифровка прибыла, точного содержания ее сейчас не помню, но хорошо помню, что в ней говорилось привести войска в боевую готовность, не поддаваться на провокации и государственной границы не переходить[27]. К этому времени войска противника продвинулись на 5—10 км. Шифровка была подписана Павловым, Фоминых, Климовских... К вечеру 22 июня, не помню точно, то ли от зам. командующего Болдина, то ли из штаба ЗапОВО (к тому времени фронта. — *Прим. ред.*) был получен приказ закрепиться на р. Нарев. Приказание было вызвано якобы неустойкой соседа — 3-й армии»[28].

Трагедию отступления 10-й армии полковой комиссар С. Л. Лось описал достаточно подробно: «...авиация противника действовала совершенно безнаказанно, так как ни одно-

Немецкие артиллеристы и солдаты в одном из советских городов

Немецкие солдаты укрываются от обстрела

го нашего самолета не было, бомбили и расстреливали из самолетов отходящие части... не давая нашим войскам поднять голову. Кроме того, наступающие войска противника вели усиленную стрельбу из огнеметов, которых у нас совершенно не было. Самолеты противника взяли под контроль все шоссейные дороги, расстреливали машины, а впоследствии охотились даже за отдельными людьми, что создало большую панику и большое количество людей разбежалось, бросая на ходу оружие, материальную часть и боеприпасы. Шоссе Белосток — Волковыск было забито трупами людей, автомашинами, танками, боеприпасами... Таким образом, по существу, на реку Нарев вышли разбитые части, имея в дивизиях очень незначительное количество людей... Положение усугублялось тем, что по распоряжению штаба округа с 15 июня все артиллерийские полки дивизий, корпусов и артполки РГК были собраны в лагеря». Поднятые в 6 часов утра по тревоге начальником артиллерии армии генерал-майором М. М. Барсуковым, они были направлены в дивизии. В это время уже все пограничные дивизии вели бои с вторгшимся на советскую территорию противником. Артиллерия передвигалась на механизированной тяге, однако горючего оказалось недостаточно. Орудия приходилось либо взрывать, либо просто бросать на дороге.

Завершая описание обстановки, в которой приходилось действовать личному составу 10-й армии, полковой комиссар С. Л. Лось отмечал: «Войска армии оказывали сопротивление до 26 июня — после чего началось беспорядочное отступление... Распространению паники и увеличению беспорядка в тылу способствовало следующее. В ночь с 22 на 23 июня позорно сбежало все партийное и советское руководство Белостокской области. Все сотрудники органов НКВД и НКГБ во главе с начальниками органов также сбежали. Аналогичное положение имело место почти во всех районных и городских организациях. Из Белостока и других городов сбежала вся милиция. Города, и в частности Белосток как ближайшая питающая база, были оставлены без власти. Враждебные элементы воспользовались этим и подняли голову. Освободили из тюрем более 3000 арестованных, которые начали грабежи и погромы в городе»[29].

Подобная ситуация наблюдалась в те дни и в других городах. Как отмечалось в оперативной сводке ПВО пункта Лида за 23–24 июня, после бомбардировки Гродно «все управление: как-то Горсовет, РК и Горком ВКП(б), директора предприятий, милиция и НКВД побросали посты и сбежали». В результате город остался без управления[30].

14-й механизированный корпус 4-й армии на южном крыле Западного фронта 23 июня также контратаковал противника и даже продвинулся на несколько километров к Бресту. Однако наступление быстро выдохлось, поскольку на стороне противника имелся значительный перевес сил. Механизированные корпуса фактически были разгромлены. Так, в 11-м мехкорпусе из 243 танков осталось 50, а в 14-м мехкорпусе из 518 танков — 25[31]. Усилия Ставки и Западного фронта остановить наступление немецкой группы армий «Центр» окончились неудачей.

Бои с вторгшимся на территорию СССР противником шли уже более чем в 200 км от границы, а в тылу врага продолжал неравный бой гарнизон Брестской крепости, состоявший после отхода основных сил лишь из отдельных подразделений 42-й и 6-й стрелковых дивизий 28-го стрелкового корпуса, 33-го инженерного полка и пограничной заставы. Объединенными силами защитников крепости командовал капитан И. Н. Зубачева, а его заместителем стал полковой комиссар Е. М. Фомин.

Рассчитывая на внезапность, немецкое командование планировало овладеть крепостью в первый же день войны. На ее разгром были брошены 45-я и часть сил 31-й пехотных дивизий, поддержанные огнем осадной артиллерии. Около 4 тыс. советских воинов сдерживали натиск 20 тыс. вражеских солдат. Несмотря на провал быстрого штурма, за 22 июня противнику удалось взять всю крепость в кольцо блокады. Героическая оборона Бреста, которая носила чрезвычайно упорный и ожесточенный характер, продолжалась до 20 июля. Причем 45-я пехотная дивизия немцев в полном составе вела здесь боевые действия вплоть до 1 июля, после чего для завершения борьбы с защитниками крепости были оставлены два ее батальона. Об этих событиях Г. Гудериан вспоминал: «Особенно ожесточенно оборонялся

Советский танк Т-34 перед боем

После боя

гарнизон имеющей важное значение крепости Брест, который держался несколько дней, преградив железнодорожный путь и шоссейные дороги, ведущие через Западный Буг в Мухавец»[32]. Однако немецкий генерал ошибался: гарнизон крепости держался не несколько дней, а около месяца.

Против гарнизона крепости противник применял тяжелую артиллерию, авиацию, использовал зажигательные боеприпасы и слезоточивый газ. Оборонявшиеся испытывали острую нехватку продовольствия и воды. К началу июля противнику удалось захватить укрепления на Центральном острове, уничтожив главный очаг сопротивления защитников Брестской крепости. Борьбу с гитлеровцами продолжали уже разрозненные группы и одиночные бойцы до конца июля и даже до начала августа 1941 г. После войны в казематах Брестской крепости была обнаружена нацарапанная на стене кем-то из ее защитников надпись: «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай Родина. 20 июля 1941 г.»[33].

Моторизованные корпуса 3-й танковой группы генерала Г. Гота, действовавшей с 22 июня 1941 г. в составе группы армий «Центр», за несколько часов от границ Восточной Пруссии вышли к р. Неман, разгромили соединения 11-й армии Северо-Западного фронта и 24 июня заняли Вильнюс. Затем 3-я танковая группа вклинилась в образовавшийся между фронтами разрыв и, обойдя с севера основные силы Западного фронта, начала наступление в направлении на Минск — в тыл войскам генерала армии Д. Г. Павлова. Командующий Западным фронтом предпринял попытку преградить ей путь резервными частями фронта, сведенными в 13-ю армию под командованием генерал-лейтенанта П. М. Филатова, но и здесь его постигла неудача.

Положение войск Западного фронта становилось критическим. 26 июня передовые части 3-й танковой группы подошли к минскому укрепрайону и начали бои за город. 27 июня дивизии 4-й и 9-й немецких армий соединились восточнее Белостока, окружив значительную часть отступавших к Минску соединений 3-й и 10-й армий Западного фронта. На юге 2-я танковая группа генерала Г. Гудериана, сломив сопротивление 4-й армии, 25 июня форсировала р. Щару и также двинулась на Минск и Бобруйск.

Штаб Западного фронта не смог правильно оценить обстановку, поскольку объективными данными о положении дел в подчиненных войсках не располагал, не знали истинной обстановки и в Генеральном штабе РККА. В результате многие распоряжения, поступавшие от командующего Западным фронтом и из Генштаба, не соответствовали сложившейся обстановке и, как правило, практически были невыполнимы.

В оперативной сводке за 24 июня 1941 г. штаба 4-й армии дается оценка обстановки, сложившейся в полосе действий Западного фронта и 4-й армии генерала А. А. Коробкова. В сводке констатируется, что уже после первых столкновений с противником «все части, за исключением 55 и 75 сд, небоеспособны и нуждаются в срочном доукомплектовании личным составом и мат. частью и приведении в порядок. Основные потери в материальной части от авиационного и артиллерийского налетов и внезапного нападения в один день (почти целиком выведены 447, 455 кап и в значительной части 31 ап, 204 и 17 гап и свыше 75% матчасти 14 мк). От постоянной и жесткой бомбардировки пехота деморализована и упорства в обороне не проявляет. Отходящие беспорядочно подразделения, а иногда и части приходится останавливать и поворачивать на фронт командирам всех соединений, начиная от командующего армией, хотя эти меры, несмотря даже на применение оружия, должного эффекта не дали»[34].

В механизированных корпусах Западного фронта к 28 июня оставались фактически единицы исправных танков. Командир 14-го механизированного корпуса генерал-майор С. И. Оборин доносил 28 июня командующему Западным фронтом, что в 30-й танковой дивизии осталось всего два танка Т-26, причем один из них неисправный, а в 22-й танковой дивизии — ни одного. «Общие потери (примерно) 14 МК — 80%, из них убитых и раненых около 30%, остальные в тылах различных направлений. Принимаю меры сбора в район г. Смоленска»[35].

В воздухе безраздельно господствовала немецкая авиация. От частей, занимавшихся оборудованием оборонительного рубежа на р. Березине, в штаб Западного фронта поступали

Красноармеец у захваченного вражеского танка

Контратака советских войск

Артиллерийский расчет ведет огонь по врагу

тревожные донесения, в которых сообщалось о том, что «снарядов для зенитных орудий нет, истребительная авиация наша не появляется»[36].

Выйдя моторизованными колоннами восточнее Минска, противник с ходу приступил к форсированию р. Березины с целью дальнейшего наступления на Могилев, Оршу, Витебск. Начальник гарнизона г. Борисова корпусной комиссар И. З. Сусайков 2 июля в 16 часов 35 минут докладывал в штаб фронта: «Мотопехота противника, усиленная артиллерией, бронемашинами, при активной поддержке штурмовой авиации на протяжении дня 1 и 2 июля 1941 г. активными действиями овладела переправами через р. Березина у Борисова и продолжает теснить наши части в восточном направлении... Прошу во что бы то ни стало выслать в мое распоряжение хотя бы одну эскадрилью истребителей, ибо основные потери и, главное, паника наносятся авиацией противника, которая, пользуясь отсутствием авиации на нашем участке, работает все время на бреющих полетах, почти безнаказанно... Прошу об усилении моей группы средствами противотанковой обороны». В противном случае, как завершал свой доклад И. З. Сусайков, «дальнейшая оборона последующих рубежей моими силами будет малоэффективна»[37].

Оказывая упорное сопротивление превосходящим силам противника, советские войска вынуждены были отступать. Но и отступая, они наносили немалый урон врагу. Так, в боевом донесении штаба 4-й армии начальнику штаба Западного фронта о боевых действиях отряда командира 47-го стрелкового корпуса 1 июля 1941 г. особо отмечалось: «В 13 часов 40 минут противник после авиационной и минометной подготовки перешел в наступление против сводного отряда генерал-майора Поветкина. Все атаки отбиты, и к 16 часам рубеж р. Олла (правильно — р. Улла, левый приток Западной Двины и одноименный населенный пункт в Витебской области Белоруссии. — *Прим. ред.*) удерживается. Подбито 6 танков, 12 мотоциклов с пулеметами и один самолет»[38]. Однако героизм и мужество отдельных соединений и частей РККА не могли изменить общую картину боевых действий Западного фронта.

Разгромив 3, 10 и 4-ю армии Западного фронта, ударная группировка механизированных соединений противника совершила стремительный бросок в район Минска. Силы атакующей и обороняющейся сторон были несопоставимы. У защитников города не хватало боеприпасов, в то время как наступление немецких войск поддерживали истребители и бомбардировщики люфтваффе. 24 июня на Минск был совершен массированный налет немецкой авиации. В значительной мере был разрушен центр города, прямым попаданием бомбы поврежден штаб Западного фронта[39].

26 июня советская авиаразведка засекла продвижение боевых машин 3-й танковой группы генерала Г. Гота на шоссе севернее города. Маршал Б. М. Шапошников, находившийся в штабе Западного фронта, вылетел в Москву, предварительно заручившись согласием Ставки на отвод сил на восток, за укрепления Минского и Слуцкого укрепрайонов. Еще 25 июня генерал армии Д. Г. Павлов получил из Ставки приказ срочно отвести войска из белостокского выступа.

Директива Военного совета Западного фронта от 25 июня 1941 г. на отвод войск фронта на рубеж Илия, Гольшаны, Лида, р. Шара, Бытень, Пинск требовала «не позднее 21 часа начать отход... Предстоящий марш совершать стремительно днем и ночью под прикрытием стойких арьергардов. Отрыв произвести широким фронтом»[40]. Но это требование Военного совета было невыполнимо, так как к моменту получения директивы войска 3-й и 10-й армий фактически находились в полуокружении, а конечным рубежом их отхода уже овладел враг.

Несмотря на наличие системы укреплений, столица Белорусской ССР оказалась слабо защищенной. Не хватало войск, боеприпасов, артиллерии. Удар главных сил противника приняли на себя стрелковые соединения 13-й армии генерала П. М. Филатова. Ставка и командование фронта требовали прекратить отвод войск и оборонять Минск. Командование Западного фронта еще надеялось остановить танковые колонны Г. Гота, нанеся по ним удары оставшимися в строю машинами бомбардировочной авиации. 25 июня советские бомбардировщики совершили удачный налет на аэродром противника в Вильнюсе, но и сами понесли значительные потери. 26 июня в районе Радошковичей бессмертный подвиг

совершили экипажи командиров 3-й и 4-й эскадрилий дальнебомбардировочного полка А. С. Маслова и Н. Ф. Гастелло, которые направили свои подбитые самолеты на скопление вражеской техники. Однако, несмотря на героизм и самопожертвование защитников города, остановить врага на подступах к Минску не удалось.

27 июня (по некоторым сведениям, уже 26 июня) в Минск прорвались первые германские десантные отряды. Основные силы танковых дивизий группы Г. Гота выходили на подступы к городу с севера, а группы Г. Гудериана — с юга. Защитники белорусской столицы, несмотря на явное превосходство противника, продолжали держать упорную оборону. 28 июня противник начал штурм города, и в 16 часов танковая группа Г. Гота ворвалась в Минск[41]. На следующий день в город вошли танки Г. Гудериана, замкнув еще одно кольцо вокруг 3-й и 10-й армий Западного фронта. Вне кольца остались лишь часть соединений 13-й армии и остатки 4-й армии, переподчиненные в начале июля приказом начальника Генштаба РККА Г. К. Жукова 21-й армии и мужественно сражавшиеся на р. Березине. Штаб 4-й армии выводился в район г. Пропойска Могилевской области[42]. Судя по донесениям в штаб Западного фронта 28—29 июня, об обстановке в городе достоверных сведений тогда не имелось. Да и сам штаб фронта передислоцировался в Могилев и не имел реальной возможности должным образом координировать боевые действия.

Используя благоприятно складывавшуюся для немецких войск ситуацию в Белоруссии, командование вермахта рассчитывало с ходу продолжить продвижение на восток и в кратчайшие сроки выйти к Москве. С этой целью группа армий «Центр» получала дополнительные подкрепления, в том числе из резерва главного командования сухопутных войск и группы армий «Север». Если к началу войны группа фельдмаршала Ф. фон Бока имела свыше 50 дивизий, то в начале июля — уже 63. В первом эшелоне наступали 28 дивизий, из них девять танковых и шесть моторизованных. Преимущество врага в живой силе и технике на этом направлении было подавляющим.

Ставка Главного командования Вооруженных сил СССР принимала все меры к недопущению дальнейшего беспрепятственного продвижения немецких бронированных колонн на восток. Новый командующий Западным фронтом маршал С. К. Тимошенко, занявший этот пост вместо отстраненного от должности и арестованного Д. Г. Павлова, 2 июля 1941 г. был вызван по прямому проводу И. В. Сталиным. Опасаясь быстрого продвижения немецких частей к Смоленску, он спрашивал С. К. Тимошенко: «Нас интересует, заминировали ли вы автостраду Орша — Минск? Разыскали ли 53-ю дивизию и где она теперь находится? Подходят ли на рубеж ваши части? Какие дивизии остаются? Как идут работы на рубеже? И последнее, знаете ли вы, что из частей Павлова отошло на рубеж, занимаемый вашими частями, в каком они состоянии? Об этом нужно постоянно доносить». Командующий Западным фронтом доложил о дислокации войск фронта, обратив внимание И. В. Сталина на тот факт, что ощущается острая нужда в дизельном топливе, снарядах, разведывательной и истребительной авиации. Завершая доклад, маршал С. К. Тимошенко констатировал, что «до вчерашнего вечера никаких частей Павлова на наш рубеж не отходило»[43].

Из числа окруженных под Белостоком и Минском соединений и частей Западного фронта на восток смогли прорваться лишь разрозненные подразделения. Маршал Советского Союза Г. И. Кулик, находившийся в войсках 10-й армии, также попал в окружение, лишился связи и вышел в расположение советских частей лишь спустя две недели[44].

Обескровленные, лишенные связи остатки армий Западного фронта оказывали ожесточенное сопротивление врагу до 8 июля, приковав к себе до 25 немецких дивизий. Их героическая борьба позволила практически заново сформировать Западный фронт, оборонительные линии которого прошли восточнее рек Западная Двина и Днепр. Именно на этом рубеже 2-я и 3-я немецкие танковые группы начали терять темп наступления на восток — сопротивление советских войск заметно усиливалось, и у советского командования появилась реальная возможность сорвать наступление танковых соединений противника.

В конце июня 1941 г. Ставка и Генеральный штаб пришли к окончательному выводу, что основным стратегическим направлением на советско-германском фронте является западное.

Было принято решение провести масштабную перегруппировку войск, выдвигавшихся из глубины страны. 16-я армия 27 июня получила приказ Генерального штаба выдвинуться из района Бердичев, Проскуров, Староконстантинов в район западнее Смоленска. Перегруппировка была завершена к 8 июля.

Одновременно из района Киева в район Витебска перебрасывалась 19-я армия. К 10 июля часть сил этого объединения прибыла в район нового сосредоточения. На западное направление по приказу Ставки из внутренних округов и с других фронтов выдвигалось дополнительно до 70 дивизий. К 10 июля западнее Смоленска были сосредоточены уже 32 новые дивизии, девять осуществляли разгрузку, а 29 еще находились в пути. Прибывшие дивизии были включены в состав 22, 20 и 21-й армий, развертывавшихся на рубеже Западная Двина — Днепр[45].

К началу июля в распоряжение командующего Западным фронтом маршала С. К. Тимошенко прибыли 5-й и 7-й механизированные корпуса, имевшие в своем боевом составе 924 и 715 танков соответственно. В треугольнике Витебск — Смоленск — Орша, который удерживали войска Западного фронта, они вполне могли, нанося сильные контрудары, сдерживать танковые и моторизованные группы противника, препятствуя их продвижению к востоку от Западной Двины и Днепра.

В начале июля окруженные соединения и части Западного фронта продолжали вести бои с противником, сковывая главные силы группы армий «Центр». Быстро ликвидировать их в своем тылу немецкому командованию не удалось, но и существенно снижать темпы наступления на московском направлении оно не собиралось. С этой целью для продолжения наступательных действий через Смоленск на Москву были выделены 2-я и 3-я танковые группы. Возглавил объединенную группировку, получившую название 4-й танковой армии, генерал-фельдмаршал Г. фон Клюге. Быстро продвигаясь в направлении от Вильнюса через Глубокое и Поставы на рубеже среднего течения Западной Двины, передовые части противника вышли в район развертывания 51-го и 62-го стрелковых корпусов и включенной 2 июля в состав Западного фронта 22-й армии генерала Ф. А. Ершакова.

4 июля немецкие войска заняли плацдарм в районе Дисны на северном берегу Западной Двины. Бои за плацдарм непрерывно продолжались всю первую декаду июля. Противник пытался расширить плацдарм, части 22-й армии — ликвидировать его. Особо тяжелые бои развернулись 8 июля. В этот день немецким войскам удалось прорвать оборону 22-й армии в районе Уллы западнее Витебска и линию Себежского укрепрайона.

Немецкие танковые соединения продолжали стремительно продвигаться вперед. Танкисты Г. Гудериана к 9 июля подошли к Могилеву, а Г. Гота — пробили дорогу на Витебск. Однако оборонявшие Полоцк части и соединения 22-й армии на две недели задержали продвижение немецко-фашистских войск на северном фланге центрального участка советско-германского фронта. С 4 по 21 июля шли бои в предместьях Могилева. Противник бросил на город четыре пехотные дивизии, 3-ю танковую дивизию, часть сил 10-й моторизованной дивизии и дивизии СС «Рейх», а также полк «Великая Германия». 26 июля советские войска вынуждены были оставить город. Но и соединения вермахта понесли значительные потери в живой силе и технике.

За первые 18 дней боев Западный фронт вместе с Пинской военной флотилией потерял 417 790 человек, в том числе 341 073 безвозвратно, 4799 танков (включая небоеспособные), 9427 орудий и минометов, 1777 самолетов[46]. Советские войска вынуждены были отступить на 600 км в глубь страны. Вина за катастрофу в Белоруссии была возложена на командование Западного фронта. Командующий фронтом генерал армии Д. Г. Павлов, начальник штаба фронта генерал-майор В. Е. Климовских, начальник связи фронта генерал-майор А. Т. Григорьев, начальник артиллерии фронта генерал-лейтенант Н. А. Клич, командир 14-го механизированного корпуса генерал-майор С. И. Оборин, командующий 4-й армией генерал-майор А. А. Коробков были сняты со своих постов, арестованы и расстреляны. В 1957 г. все они были посмертно реабилитированы.

Потери группы армий «Центр», в том числе безвозвратные и санитарные, а также пропавшие без вести в результате приграничных боев, составили около 40 тыс. солдат и офицеров.

Всего же в начальный период войны противник потерял на советско-германском фронте около 80 тыс. человек[47].

Безусловно, первый удар противника был мощным и ошеломляющим. Но Западный фронт постигла неудача и в силу ряда просчетов, допущенных еще в предвоенный период, запоздалых, а порой и ошибочных решений, которые принимало в крайне непростой ситуации начала войны командование фронта. Это и недостаточная готовность средств ПВО, и отсутствие у фронта резервов, и снятие с оборонительного рубежа по р. Щаре войск в ночь с первого на второй день войны, чем не преминул воспользоваться противник, создав условия для окружения войск 3-й и 10-й армий. Нельзя не отметить и запоздалое занятие рубежей укрепрайонов вдоль старой государственной границы войсками 13-й армии, а также ряд других просчетов командования фронта.

Вместе с тем все арестованные и расстрелянные затем руководители Западного фронта, как отмечал генерал-майор Б. А. Фомин, «были оторваны от управления войсками в тот момент, когда их стараниями уже стали затухать темпы операции противника, а управление войсками налаживалось»[48].

По мнению бывшего командующего 3-й армией генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова ошибочным было решение штаба Западного фронта об отказе от подвижной обороны, равно как и решение об организации контрудара в направлении Гродно. Лучшим решением стал бы удар по тылам 2-й танковой группы Г. Гудериана, быстро продвигавшейся к Барановичам с юго-запада[49].

К тому же большинство дивизий Западного и Киевского Особых военных округов, прежде чем занять оборону, должно было совершить перегруппировку войск на расстояние до 60 км в непосредственной близости от границы. Альтернативного варианта занятия обороны, например в глубине полосы или в районе дислокации соединений, не предусматривалось. Порядок переподчинения соединений ЗапОВО не обеспечивал устойчивого управления ими при нападении противника. Исходные районы частей и соединений для занятия обороны находились в зоне видимости противника и могли поражаться огнем его артиллерии[50].

Бесспорно, фактором стратегического значения, повлиявшим на катастрофу в Белоруссии и неудачное развитие всего начального этапа войны, стала неверная оценка высшим советским командованием главного направления наступления врага. По предвоенным оценкам генерального штаба РККА, юго-западное направление (южнее Полесья) считалось наиболее опасным. Однако с началом боевых действий стало ясно, что противник наносил главный удар на Смоленск и Москву. Это давало ему возможность глубокого охвата советских войск в районе Белостока и Минска.

Западный фронт потерпел тяжелейшее поражение. Однако в конце июня — начале июля 1941 г. не менее сложное положение было и в полосе соседних Северо-Западного и Юго-Западного фронтов.

Крушение прибалтийского форпоста

В Прибалтике наступала группа армий «Север», которой командовал генерал-фельдмаршала В. фон Лееб. В своем составе она имела 16-ю и 18-ю полевые армии, а также 4-ю танковую группу. Вместе с 3-й танковой группой из группы армий «Центр» ее силы вторжения насчитывали 655 тыс. человек, 7673 орудия и миномета, 1389 танков и 1070 самолетов.

Группе армий «Север» противостоял Северо-Западный фронт, возглавляемый генерал-полковником Ф. И. Кузнецовым. Он был преобразован из Прибалтийского Особого военного округа (ПрибОВО) и включал 8, 11 и 27-ю армии, а также 5-й воздушно-десантный корпус. Общая численность войск фронта составляла 379,5 тыс. человек, 4938 орудий и минометов, 1274 танка и 1078 самолетов[51]. К началу войны дивизии второго эшелона выдвинулись к госгранице с соблюдением строжайших мер маскировки. Штабы 8-й и 11-й армий и их корпусов находились на полевых командных пунктах.

Немецкие войска в одном из литовских городов

Колонна немецких войск в Литве. Июнь 1941 г.

Однако действия командования ПрибОВО, направленные на укрепление обороноспособности войск и упреждение первого удара противника, сильно запоздали. К началу войны командованию округа удалось привести в боевую готовность всего шесть стрелковых дивизий из 19 и два механизированных корпуса[52].

Боеготовность стрелковых, автобронетанковых и авиационных соединений была на крайне низком уровне. Военный совет округа, проверяя в конце мая 1941 г. боевую подготовку 48-й стрелковой дивизии, дислоцировавшейся в Риге, выявил грубейшие нарушения и признал состояние дивизии «хуже, чем плохое». Находясь в полевом лагере, ни одна стрелковая рота не имела полного состава, в течение 20 дней никакой подготовки в полевом лагере не было, в нем присутствовали посторонние лица. Командир дивизии обстановкой во вверенном ему соединении не владел, военнослужащие соединения в Риге и в полевом лагере были предоставлены сами себе. За неудовлетворительное руководство дивизией командир 48-й стрелковой дивизии понес дисциплинарное взыскание и обязан был в шестидневный срок устранить все недостатки в боевой подготовке[53]. И это был далеко не единичный случай в армиях ПрибОВО.

Развитие событий первого дня войны на Северо-Западном фронте в целом было схожим с происходящим на Западном фронте. Противник массированно забрасывал в тыл советских войск диверсионные группы, бомбил аэродромы, внезапной атакой захватил целыми все мосты через Неман, за счет создания мощных группировок сумел добиться решительного превосходства сил и средств на главных направлениях. Потери советских войск были чрезвычайно высокими. Тяжелые утраты понесла авиация округа. Удары по советским аэродромам враг наносил группами до 30 самолетов, произведя 22 июня от двух до восьми и более налетов[54]. Так, за первые три дня войны ВВС Северо-Западного фронта лишились 921 самолета (76% всего состава)[55]. Противнику с ходу удалось завоевать господство в воздухе, что помогло быстрому успеху сухопутных частей.

Уже в первый день войны противнику удалось рассечь Северо-Западный фронт на две части. 4-я танковая группа Э. Гепнера прорвала оборону на стыке 8-й и 11-й армий, а 3-я танковая группа Г. Гота нанесла мощный удар в направлении Алитус — Вильнюс. К тому же во второй половине дня 22 июня прервалась связь штаба армии со штабом фронта[56].

2-й армейский корпус 16-й полевой армии наносил удар с юго-запада и выходил к Каунасу. Таким образом, уже в первый день войны 11-я армия генерала В. И. Морозова была с севера отсечена от частей 8-й армии, а с юга — от частей Западного фронта и рассечена надвое ударом противника на Каунас. В итоге между Северо-Западным и Западным фронтами начала образовываться брешь.

Разрозненные соединения и части 11-й армии с боями отходили на восток в общем направлении на Полоцк. Связь с ними отсутствовала. Установить местонахождение остатков армии удалось только к вечеру 30 июня 1941 г. К этому времени армия потеряла до 75% боевой техники и примерно 60% личного состава. Начальник Генерального штаба генерал армии Г. К. Жуков телеграфировал командующему Северо-Западным фронтом: «В районе ст. Довгилишки, Колтыняны, леса западнее Свенцяны найдена 11-я армия Северо-Западного фронта, отходящая из района Каунас. Армия не имеет горючего, снарядов, продфуража. Армия не знает обстановки и что ей делать. Ставка Главного командования приказала под вашу личную ответственность немедленно организовать вывод этой армии из района Свенцяны в район севернее Дисны»[57].

Полностью развернутые соединения вермахта смогли без особого труда преодолеть разрозненное сопротивление советских частей, которые так и не успели создать прочную линию обороны. Командование некоторых соединений узнавало о начале войны и направлении движения противника с большим опозданием, что также вело к неоправданным потерям. Пытаясь остановить рвущегося к Вильнюсу врага, командующий 11-й армией генерал-лейтенант В. И. Морозов бросил в бой 3-й механизированный корпус, однако в ожесточенном сражении вечером 22 июня 5-я дивизия корпуса была разгромлена и отступила. Под натиском превосходящих сил противника соединения 8-й и 11-й армий не смогли удержать линию фронта.

Радист дивизии СС «Мертвая голова»

Немецкие войска в Таллине. Август 1941 г.

22 июня в 22 часа 7 минут нарком обороны своей директивой № 3 потребовал от командования Северо-Западного фронта перейти к активным наступательным действиям и, «прочно удерживая побережье Балтийского моря, нанести мощный контрудар из района Каунас во фланг и тыл сувалкской группировке противника, уничтожить ее во взаимодействии с Западным фронтом и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки»[58]. Директива наркома обороны явно не отражала реального положения вещей на фронте. Начальник Генштаба генерал армии Г. К. Жуков, находившийся в это время в штабе Юго-Западного фронта, не принимал участия в ее подготовке. Оперативная обстановка, сложившаяся в полосе Северо-Западного фронта к исходу дня 22 июня, не оставляла никакой возможности командованию фронта выполнить приказ наркома обороны.

23 июня командующий фронтом генерал-полковник Ф. И. Кузнецов попытался организовать контрудар силами 3-го и 12-го механизированных корпусов против 4-й танковой группы. Хотя советские войска имели полуторное превосходство в танках, они вдвое уступали противнику в живой силе и артиллерии. К тому же танковые дивизии оказались растянутыми на широком фронте и фактически утратили свою ударную силу, вступая в бой разновременно. Контрудар был организован поспешно, несогласованные действия контратакующих частей и соединений не привели к желаемому результату. 12-й механизированный корпус потерял до 80% боевых машин[59]. Тем не менее с началом контрудара советским танкистам удалось потеснить 41-й моторизированный корпус противника и даже вынудить его перейти к обороне.

28-я танковая дивизия полковника И. Д. Черняховского уже к 10 часам утра 23 июня, совершив 50-километровый марш, заняла исходное положение для наступления. Однако танки БТ-7 к тому времени оказались без горючего, которое оставалось еще в месте постоянной дислокации, в Риге. Попытки подвезти его не увенчались успехом из-за постоянных атак немецкой авиации. Продолжить движение дивизия смогла лишь к вечеру 23 июня. С противником наши танкисты столкнулись лишь в 10 часов вечера. Итогом боя стало уничтожение артиллерийской батареи врага, собственные потери составили 13 танков. Немецкое командование оценивало руководство контрударом 12-го советского механизированного корпуса как «неорганизованное и вялое».

Тем не менее с утра 23 июня на фронте 48-й стрелковой дивизии началось сражение за г. Расейняй, которое продолжалось двое суток. Несмотря на то что этот населенный пункт был занят противником уже к 15 часам этого дня, а части 48-й дивизии в беспорядке отступили, советское сопротивление вскоре значительно усилилось. В донесениях командования немецких 6-й и 8-й танковых дивизий говорилось, что они подверглись сильному контрудару. Для командующего Северо-Западным фронтом генерал-полковника Ф. И. Кузнецова контрудары являлись средством прикрытия отхода на линию р. Западная Двина и далее до укрепрайонов на старой границе.

Немецким частям пришлось тогда впервые столкнуться с советскими тяжелыми танками КВ и средними танками Т-34. Их огонь и ударная сила поразили врага. Нередко советские танкисты шли на таран. В донесениях германского командования имелись данные о больших потерях в танках и артиллерии от «вражеских монстров»[60]. Против них немцами были задействованы даже 88-мм зенитные орудия, стрелявшие прямой наводкой. Однако к 25 июня контратаки Северо-Западного фронта пришлось прекратить из-за огромных потерь и нехватки боеприпасов. Так, например, в 12-м механизированном корпусе оставалось всего 35 танков[61].

Немецкие части, сталкиваясь с советскими танками, действовали тактически грамотно: вперед выдвигались противотанковые орудия, а собственные боевые машины отводились назад, и по радио вызывалась авиация. В результате значительное количество советских танков выводилось из строя еще до того, как они успевали открыть прицельный огонь по противнику. Немцам было весьма важно осуществлять непрерывное и быстрое продвижение своих моторизованных колонн на восток. Танковым дивизиям 57-го моторизованного корпуса, входившим в состав 3-й танковой группы Г. Гота, командование ставило задачи,

включавшие «быстрый переход через Неман, прорыв позиций противника и овладение путем неуклонного наступления на восток территорией». Давались четкие рекомендации по ведению боя. К ним, в частности, относились: «Уничтожение оставшихся частей противника, продолжающих борьбу, эвакуацию пленных и трофейного имущества, по возможности, предоставлять моторизованным и пехотным дивизиям. Для обеспечения флангов использовать разведку... Для успеха наступления решающее значение имеет выдвижение вперед саперов и своевременный подвоз имущества мостового парка. Безусловно, обязательно выдвигать далеко вперед артиллерию, по возможности и тяжелую». Командующий 3-й танковой группой требовал исключить скапливание собственных машин в местах переправ[62]. Неся большие потери, советские части с боями отступали. Спешно организованные контрудары механизированных корпусов переломить ситуацию не смогли.

3-я танковая группа Г. Гота, имевшая в своем составе два моторизованных и два армейских корпуса (четыре танковые, три моторизованные, четыре пехотные дивизии), вместе со 2-й танковой группой Г. Гудериана являлись основной ударной силой группы армий «Центр» и участвовали в претворении в жизнь плана «Барбаросса». В приграничных сражениях 3-я танковая группа должна была действовать в полосе группы армий «Север» против соединений Северо-Западного фронта с целью быстрого прорыва обороны и создания бреши на стыке двух советских фронтов. Согласно плану вторжения после захвата Вильнюса группе Г. Гота предстояло повернуть свои силы на юго-восток.

Темп наступления танковых соединений противника был стремительным. Уже 24 июня пал Вильнюс. Танки 3-й танковой группы устремились к Минску. Генерал-полковник Г. Гот вспоминал позже об одном из боев с советскими танками у Алитуса: «В «исключительно тяжелом танковом бою», как об этом доложил командир полка, дивизия противника, уступавшего в умении вести одиночный бой, потерпела поражение. Остатки этой дивизии ушли на северо-восток и через несколько дней потеряли свои последние танки»[63].

Советские войска постоянно контратаковали. В результате темпы продвижения 41-го моторизованного корпуса вермахта замедлились. В это время соединения 56-го немецкого моторизированного корпуса продолжали продвигаться на восток, почти не встречая сопротивления частей и соединений Красной армии. 26 июня они ворвались в Даугавпилс и захватили мосты через Западную Двину. Части 21-го механизированного и 5-го воздушно-десантного корпусов Северо-Западного фронта пытались отбить переправы. В течение двух дней шли ожесточенные бои, но выбить противника из Даугавпилса не удалось, хотя враг и понес серьезные потери. А в ночь на 29 июня Западную Двину у Екабпилса форсировали уже части 41-го корпуса противника. Поворот 3-й танковой группы на юго-восток, на Минск, помог 11-й армии избежать полного разгрома. Остатки войск армии и ее штаб смогли переправиться на восточный берег р. Вилии.

Пехотные соединения 18-й армии противника наступали на Ригу. На целых шесть дней задержал врага героический гарнизон советской военно-морской базы в Либаве (Лиепае). Вместе с защитниками Лиепайской ВМБ самоотверженно сражались бойцы и командиры 67-й стрелковой дивизии 8-й армии, курсанты военно-морского училища и пограничники[64]. Противник наносил по Лиепае непрекращающиеся бомбовые удары, обстреливал из орудий, но так и не смог ворваться в нее, как планировалось, на второй день войны. В боях за Лиепаю немцы потеряли до 2 тыс. солдат и офицеров, 15 самолетов, 10 танков и 20 бронетранспортеров.

29 июня немцы все же ворвались в Ригу, угрожая отрезать не успевшие отойти части 8-й армии генерал-майора П. П. Собенникова. Решительной контратакой противник был выбит из города, и 8-я армия отошла за Западную Двину. Вновь занять Ригу немцы смогли лишь 1 июля.

Советское командование срочно принимало меры по подготовке оборонительных позиций на старой советской границе. В своей директиве от 29 июня Ставка требовала «в случае отхода с рубежа р. Западная Двина принять все меры к сбережению войск фронта и организованному выходу их за УР»[65].

К сожалению, командующий Северо-Западным фронтом генерал-полковник Ф. И. Кузнецов неверно понял приказ, расценив его как распоряжение начать отход от Западной Двины. 30 июня советские войска стали отступать к Псковскому, Островскому и Себежскому укрепленным районам. Когда ошибка вскрылась, вернуть утраченные позиции было уже невозможно. И дело было не только в ошибке Ф. И. Кузнецова, но и общем подавляющем превосходстве сил противника. Советские войска, отступавшие от границы, были к тому времени обескровлены. Попытки восстановить фронт вводом второго эшелона и резервов объединения в основном оказались неудачными. Войска по большей части находились в это время на марше и не смогли остановить наступавшего противника.

Фронт обороны советских войск был прорван. Боевые действия по линии р. Великой не принесли желаемых результатов. Противник продолжал рваться вперед. Группировка Северо-Западного фронта была рассечена и частично окружена. В результате отступление в направлении Эстонии и Пскова стало единственно возможным средством спасти оставшиеся части. Ставка заменила командующего и начальника штаба фронта. Новым командующим фронтом 3 июля 1941 г. был назначен генерал-майор П. П. Собенников, а его начальником штаба — генерал Н. Ф. Ватутин[66].

Под непосредственным руководством генерал-майора П. П. Собенникова в условиях значительного превосходства немецких войск в личном составе и технике 14–18 июля 1941 г. войсками фронта был успешно осуществлен контрудар под Сольцами. В результате удалось отбросить противника на 40 км и разгромить тылы его 56-го моторизованного корпуса, ликвидировав тем самым на некоторое время угрозу прорыва к Новгороду[67].

Но это было несколько позже. А 6 июля устремившиеся в прорыв танки Э. Гепнера захватили г. Остров, 10 июля после ожесточенного боя — Псков. Реальная угроза нависла над Ленинградом. По замыслу германского командования группа армий «Север» должна была правым флангом 4-й танковой группы отрезать Ленинград от остального фронта с востока и юго-востока. Решению этой задачи должны были способствовать пехотные соединения 16-й армии. 18-й армии вермахта ставилась цель уничтожить советские войска в Эстонии, захватить Моонзундские острова и базу Балтийского флота — Таллин[68].

Однако в Эстонии 8-й советской армии удалось задержать врага на линии Пярну — Тарту, а на полуострове Ханко продолжал героически обороняться гарнизон советской военно-морской базы. Уже 29 июня финские войска подвергли базу Ханко сильному артиллерийскому обстрелу, а 1 июля предприняли попытку штурма. Однако пока все их попытки прорвать оборону на перешейке полуострова оказывались безрезультатными. Защитники советской базы своими активными действиями приковали к себе значительную группировку финской армии. Силы Балтийского флота вели успешную борьбу с немецкими надводными и подводными силами, пытавшимися перерезать линии советских морских коммуникаций и запереть флот в Финском заливе. По приказу командующего флотом вице-адмирала В. Ф. Трибуца продолжалась установка минных заграждений в устье Финского залива и в Ирбенском проливе. Однако с захватом противником баз в Лиепае и Риге положение Балтийского флота резко осложнилось. Корабли перешли в Таллин, где подвергались периодическим атакам германской авиации. На повестку дня стала эвакуация военно-морских сил в Ленинград для защиты города на Неве.

После занятия лужского оборонительного рубежа и подхода резервов советское командование получило возможность более упорной обороны. С 10 июля 1941 г. боевые действия на этом направлении переросли в Ленинградскую оборонительную операцию. Тем не менее за три недели боев советские войска оставили почти всю Прибалтику, отойдя в глубь страны на 450 км.

Отход на южном фланге

С началом боевых действий на советско-германском фронте группа армий «Юг» фельдмаршала Г. фон Рундштедта в составе 6-й и 17-й полевых армий и 1-й танковой группы действовала против войск Киевского Особого военного округа. 11-я немецкая армия, так-

В германской армии широко использовали трофейное оружие.
Танк производства чехословацкой фирмы «Шкода» в одном из советских населенных пунктов

Немецкое штурмовое орудие огневой поддержки пехоты

Бойцы воздушно-десантной бригады в бою

Погрузка артиллерии танковой дивизии для отправки на фронт

же входившая в группу армий «Юг», находилась в Румынии и участвовала в приграничных сражениях в Молдавии. Без учета 11-й армии силы группы армий «Юг», перешедшие в наступление 22 июня, насчитывали 730 тыс. человек, 9700 орудий и минометов, 799 танков и 772 самолета 4-го воздушного флота генерал-полковника А. Лера. Кроме того, на южном фланге группы армий «Юг» располагались венгерские войска, включавшие 44,5 тыс. человек, 200 орудий и минометов, 160 танков и 100 самолетов[69].

Юго-Западный фронт, которым командовал генерал-полковник М. П. Кирпонос, был образован на базе Киевского Особого военного округа на юго-западном направлении в составе 5, 6, 12 и 26-й армий. Общая численность войск фронта составляла 975 тыс. человек, 12 604 орудия и миномета, 4783 танка и 1759 самолетов[70]. В движении к госгранице находились значительные силы второго эшелона округа (31, 36, 37, 55-й стрелковые корпуса), в состав 12-й армии прибывали 49-й стрелковый корпус и некоторые другие части. Наиболее сильная группировка войск генерала М. П. Кирпоноса располагалась на львовском выступе. Ее силами с началом войны предполагалось нанести мощный удар и отрезать войска противника, находящиеся в Польше, от балканских государств. Однако оперативное развертывание войск фронта завершить не удалось, не были на должном уровне подготовлены и оборонительные рубежи.

Одесский военный округ (ОдВО) под командованием генерал-полковника Я. Т. Черевиченко дислоцировался на территориях Одесской, Днепропетровской, Николаевской, Запорожской, Кировоградской, Измаильской областей, Крымской АССР и Молдавской ССР. Войска округа прикрывали границу с Румынией протяженностью 480 км, а также Черноморское побережье, включая Крым. С началом Великой Отечественной войны 22 июня 1941 г. на базе управления и войск ОдВО была сформирована 9-я отдельная армия. Командующим армией был назначен генерал-полковник Я. Т. Черевиченко. Командование войсками округа принял генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов. Директивой Ставки Главного командования от 24 июня 1941 г. был образован Южный фронт под командованием генерала армии И. В. Тюленева. 25 июня 1941 г. Одесский военный округ был переподчинен Военному совету Южного фронта. Часть сил округа была направлена на создание Приморской группы войск Южного фронта (впоследствии — Приморской армии). Всего Одесский округ к началу войны имел в своем составе 22 дивизии. Управление округа находилось в Одессе.

Группа армий «Юг» главный удар наносила смежными флангами 6-й и 17-й полевых армий, а также 1-й танковой группой севернее львовского выступа. На направлении главного удара — в стык 5-й и 6-й советских армий — противник имел 3—4-кратное превосходство в силах над советскими войсками, выдвигавшимися на исходные рубежи согласно планам прикрытия. С целью ликвидации вклинения вражеских группировок в полосе 6-й армии командующий Юго-Западным фронтом генерал М. П. Кирпонос приказал командующему армией генералу И. Н. Музыченко «с утра 23.6.41 г. во взаимодействии с 4-м механизированным корпусом и 3-й кавалерийской дивизией 6-й армии нанести удар в направлении Радзехув, Сокаль и уничтожить танковую группу противника, действующую в направлении Сокаль, Радзехув»[71]. Однако наступление корпуса было организовано наспех и успеха не принесло.

В первый же день войны немецкие части прорвали фронт в полосе обороны 5-й армии и продвинулись в глубину до 30 км. 23 июня противник окружил две дивизии 5-й армии, к тому же между 5-й и 6-й армиями образовалась брешь шириной 70 км, через которую немецкие войска устремились на Луцк и Берестечко. Понеся большие потери, остатки окруженных советских 87-й и 124-й дивизий лишь к концу июня 1941 г. смогли прорваться из вражеского кольца, сохранив боевые знамена. Однако на всех остальных направлениях советские войска оказали врагу упорное сопротивление и смогли отразить атаки немецких войск и 3-й румынской армии. Активно действовала 99-я стрелковая дивизия 26-й армии генерала Ф. Я. Костенко, оборонявшая Перемышль. Вместе с воинами дивизии сражались пограничники 14-й заставы лейтенанта А. Н. Патарыкина и сводный батальон под командованием младшего помощника начальника 2-го отделения штаба 92-го Перемышльского пограничного отряда старшего лейтенанта Г. С. Поливоды, отдельные подразделения Красной армии и местные

Первый день войны в Перемышле

жители[72]. Перемышль трижды переходил из рук в руки и был оставлен советскими войсками лишь по приказу вышестоящего командования. На левом крыле Юго-Западного фронта стойко оборонялась вдоль границы 12-я армия генерала П. Г. Понеделина.

Положение Юго-Западного фронта с 22 июня 1941 г. было несколько лучшим, чем на других участках госграницы. Сказывалась большая укомплектованность объединения механизированными и стрелковыми частями. Поэтому на юго-западном направлении противнику не удалось быстро добиться решительных успехов. Вверенные генералу М. П. Кирпоносу войска уже в первых боях смогли остановить продвижение врага в глубь территории СССР и нанести ему значительный урон в живой силе и технике. Так, в разведсводке штаба Юго-Западного фронта № 1 от 22 июня 1941 г. отмечалось, что на венгерском направлении «противник мелкими частями пытался перейти границу в районе Керешмезе, Ворохта, попытки отбиты», на черновицком направлении «противник в результате контратак отброшен за р. Прут»[73].

Организованно вступили в бой в полосе фронта те соединения, где накануне были проведены мероприятия по повышению боевой готовности: 45, 62, 87 и 124-я стрелковые дивизии 5-й армии, 41, 96, 159-я стрелковые дивизии и 3-я кавалерийская дивизия 6-й армии, 72-я и 99-я стрелковые дивизии 26-й армии[74].

В полосе обороны Юго-Западного фронта героически сражались советские пограничники, первыми встретившие врага. Подлинным бесстрашием и героизмом отличались действия пограничников 90-го Владимир-Волынского, 91-го Рава-Русского, 92-го Перемышльского пограничных отрядов. Воины 13-й заставы Владимир-Волынского пограничного отряда под командованием начальника заставы лейтенанта А. В. Лопатина 11 суток сражались

Колонна советских бронемашин

против многократно превосходящих сил противника, даже будучи окружены, они продолжали сопротивление до 1 июля 1941 г. и погибли, выполнив до конца свой воинский долг. В дальнейшем многие пограничники мужественно сражались с врагом в составе войск Юго-Западного фронта.

Согласно директиве № 3, отданной вечером 22 июня, армиям Юго-Западного фронта было предписано: «...прочно удерживая госграницу с Венгрией, концентрическими ударами в общем направлении на Люблин силами 5 и 6 А, не менее пяти мехкорпусов и всей авиации фронта, окружить и уничтожить группировку противника, наступающую на фронте Владимир-Волынский, Крыстынополь, к исходу 24.6 овладеть районом Люблин. Прочно обеспечивать себя с краковского направления»[75].

Хотя в штабе Юго-Западного фронта считали директиву невыполнимой, решено было 23 июня нанести контрудар по прорвавшейся 1-й немецкой танковой группе генерал-полковника Э. фон Клейста силами шести механизированных корпусов, насчитывающих 3,7 тыс. танков[76]. Удар предполагалось наносить с двух сторон по сходящимся направлениям. Для координации действий советских войск и постановки конкретных задач соединениям на Юго-Западный фронт был послан начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г. К. Жуков. Его приказания фронтовому и армейскому командованию относительно организации контрудара механизированных соединений были достаточно жесткими. Разговаривая по прямому проводу с командующим 5-й армией генералом М. И. Потаповым, Г. К. Жуков был весьма обеспокоен продвижением танков противника на Ковель с брестского направления. Основную вину за это он возлагал на командующего 4-й армией Западного фронта генерала А. А. Коробкова, видимо, не зная еще в деталях о том критическом положении,

которое сложилось на соседнем фронте. Проводная связь 5-й армии с соседними армиями, в том числе с 6-й армией, к тому времени была нарушена. В своем докладе генерал М. И. Потапов подчеркивал, что его основной задачей были разгром владимир-волынской группировки противника и выход к р. Западный Буг.

За подготовкой контрудара на Юго-Западном фронте внимательно следили Ставка и лично И. В. Сталин. Сил советских соединений, казалось, было вполне достаточно для того, чтобы нанести решительное поражение противнику. Но это представление было ошибочным. Основные силы фронта, в том числе наиболее укомплектованные и сильные 4-й и 8-й механизированные корпуса, дислоцировались на львовском выступе, а группа армий «Юг» главный удар наносила в обход его — с севера. Времени, отведенного на подготовку контрудара по врагу и овладение Люблином, до которого войскам предстояло пройти свыше 120 км, было явно недостаточно. И все же решение о контрударе было принято.

Для ликвидации угрозы, прежде всего со стороны 1-й танковой группы Э. фон Клейста, командованием Юго-Западного фронта было принято решение нанести два удара силами шести механизированных корпусов: 22, 9, 19-го — с севера и 8, 15, 4-го — с юга по флангам главной группировки противника, наступавшей на участке Владимир-Волынский, Крыстынополь. В соединениях, предназначенных для контрудара, насчитывалось 3702 танка. Г. К. Жуков, прибывший в штаб фронта вечером 22 июня, одобрил решение командующего фронтом генерала М. П. Кирпоноса.

Но советскому командованию не удалось ввести в сражение одновременно все выделенные для контрудара силы, поскольку ряд соединений уже участвовал в боях, а другие совершали 200–500-километровые марши. Механизированные соединения должны были сосредоточиться в исходных районах не ранее чем через двое суток, и вместо шести механизированных корпусов командование фронта вынуждено было вводить в сражение лишь четыре. Таким образом, вместо 3,7 тыс. танков на направлении контрудара сосредоточивалось не более 1,3 тыс., большинство из которых были устаревших конструкций, многие требовали ремонта.

Исходя из сложившейся обстановки, командование Юго-Западного фронта планировало первоначально ввести в бой те резервы, которые находились вблизи района сражения. Это был первый эшелон советской наступательной группировки. Своими действиями он должен был сковать силы противника. А далее по мере подхода в наступление должны были переходить соединения второго эшелона фронта.

В соответствии с принятым решением, были поставлены задачи 5-й и 6-й армиям, а также командованию 15-го и 8-го механизированных корпусов фронтового подчинения. Так, командующему 5-й армией генералу М. И. Потапову было приказано нанести удар по владимир-волынской группировке противника, уничтожить ее и в дальнейшем наступать в направлении села Красностав Владимир-Волынского района. Время контрудара первоначально планировалось на 22 часа 23 июня. Однако из-за активности немецкой авиации, которая не давала возможности 135-й стрелковой дивизии и танкам 22-го механизированного корпуса совершить марш в дневное время, контрудар был перенесен на утро 24 июня. Но противник упредил удар советских войск, и в 8 утра 24 июня первым атаковал 135-ю стрелковую дивизию из состава 27-го стрелкового корпуса 5-й армии Юго-Западного фронта.

Наступательная инициатива была на стороне противника. В течение 24–25 июня он продолжал наращивать силы против центра и левого крыла 5-й армии. В бой были введены еще две немецкие танковые дивизии: 13-я — на луцком и 16-я — на радеховском направлении. Войска 5-й армии мужественно сдерживали наступление противника, подавляя его огнем артиллерии и нанося контрудары силами армейского резерва. Ввиду явного превосходства противника 19-я танковая дивизия, потеряв большую часть боевых машин, а также значительно поредевшие в боях 24 июня 135-я стрелковая дивизия и 1-я артиллерийская противотанковая бригада начали отходить на рубеж в 12–16 км западнее Луцка.

5-й армии не удалось разгромить владимир-волынскую группировку противника. Тем не менее в ходе ожесточенных боев до полутора суток было задержано наступление 3-го меха-

Советские минометчики

низированного и 29-го армейского корпусов противника на луцко-киевском направлении. Используя это время, в район Луцка была оперативно переброшена 131-я моторизованная дивизия 9-го механизированного корпуса, предотвратившая возможность прорыва войск противника на этом направлении, а также развернуты 31-й стрелковый корпус, занявший оборону по рекам Стоход и Стырь, 9-й механизированный корпус — в районе Ровно и 19-й механизированный корпус — западнее Ровно. Упорная оборона соединений 5-й армии и грамотный маневр силами дали возможность командующему армией генералу М. И. Потапову не только восстановить разорванный фронт армии, но и перейти вскоре к активным боевым действиям против ударной группировки противника, рвавшейся к Киеву.

В последних числах июня в районе Дубно, Луцка и Берестечко развернулось встречное танковое сражение. На участке шириной 70 км в сражении участвовало почти 2 тыс. танков[77]. С утра 25 июня 9-й механизированный корпус под командованием генерала К. К. Рокоссовского и 19-й механизированный корпус генерала Н. В. Фекленко, наступая со стороны Луцка и Дубно, нанесли удар по левому флангу 1-й танковой группы противника. Части 3-го моторизованного корпуса немцев были отброшены на юго-запад от Ровно. 86-й танковый полк 43-й танковой дивизии 19-го механизированного корпуса прорвал оборону немецкой 11-й танковой дивизии и ворвался на окраину Дубно, выйдя к р. Икве, однако развить успех ему не удалось. На левом фланге 43-й танковой дивизии под ударами противника начали отходить части 36-го стрелкового корпуса, а на правом фланге — части 40-й танковой дивизии. Над соединениями 43-й танковой дивизии нависла угроза флангового охвата войсками противника. Чтобы выйти из-под удара, дивизия по приказу командира корпуса начала отход в район западнее Ровно.

26 июня 8-й механизированный корпус под командованием генерала Д. И. Рябышева вошел в Броды с дальнейшей задачей наступать на Дубно. Корпус совершил почти 500-километровый марш и к моменту получения приказа о наступлении на Дубно потерял почти половину из своих 858 танков. Как следует из отчета о боевых действиях 8-го механизированного корпуса, начиная с 22 июня 1941 г. соединение «в течение 4 суток находилось в быстром, безостановочном движении, производя марши выше норм форсированных маршей»[78]. Несмотря на слабую подготовленность к наступательным действиям, к исходу дня 26 июня дивизии 8-го механизированного корпуса продвинулись в направлении Берестечко на 8—15 км. Однако противник уже совершил перегруппировку свои войск и перешел к контратакам частей корпуса. В ночь на 27 июня 8-й механизированный корпус получил приказ выйти из боя.

В ночь на 27 июня 9-й механизированный корпус 5-й армии занял исходные позиции по р. Путиловке для атаки на Дубно. Части 19-го механизированного корпуса 27 июня получили приказ командования фронта возобновить контрудар из района Ровно на Млынов и Дубно. Противник сосредоточил против 9-го и 19-го механизированных корпусов 13-ю танковую, 299-ю и 111-ю пехотные дивизии из состава 1-й танковой группы Э. фон Клейста, и все попытки корпусов перейти в наступление успехом не увенчались.

С южного направления на Дубно наступали части 8-го и 15-го механизированных корпусов. 28 июня 1941 г. командующий войсками Юго-Западного фронта поставил задачу 15-му механизированному корпусу разгромить мотомеханизированную группу противника, действующую на дубенском и кременецком направлениях: «К исходу дня выйти в район Берестечко. Быть в готовности отразить возможные атаки механизированных соединений противника с запада и северо-запада и оказать содействие 8-му механизированному корпусу в разгроме прорвавшихся за р. Иква групп противника»[79]. Однако наступление 15-го механизированного корпуса оказалось неудачным. Понеся большие потери, части корпуса были отброшены на исходные позиции по р. Радоставке. Попав в окружение, 8-й механизированный корпус сумел прорвать немецкие заслоны, вырваться из вражеского кольца и отойти на рубеж Золочевских высот.

Таким образом, механизированные соединения Юго-Западного фронта не смогли провести единое организованное наступление и разгромить 1-ю немецкую танковую группу.

Действия ударной группировки фронта свелись к отдельным контратакам с разной степенью их успешности и на разных направлениях. Наиболее значимым результатом контрударов механизированных корпусов Юго-Западного фронта стали задержка на неделю наступления 1-й танковой группы противника и срыв его планов прорваться к Киеву, а также окружить 6, 12 и 26-ю армии Юго-Западного фронта во львовском выступе. Немецкое командование сумело отразить контрудар советских войск и нанести поражение армиям Юго-Западного фронта. «Все складывалось не в нашу пользу, — констатировал в своих мемуарах И. Х. Баграмян. — Увлекшись организацией контрудара, мы втянули в него все наши силы, а линия старых укрепленных районов по-прежнему оставалась без войск»[80].

В результате поражения советских войск под Дубно и Ровно под угрозой окружения оказались 26-я и 12-я советские армии, войска которых находились в районе южнее Львова. Командующий Юго-Западным фронтом, опасаясь окружения, уже 27 июня начал отвод войск со львовского выступа. 30 июня части Красной армии оставили Львов. В тот же день в наступление перешли венгерские войска (27 июня Венгрия объявила войну СССР).

Учитывая складывающуюся крайне тяжелую оперативную обстановку, Ставка Верховного главнокомандования 30 июня приказала командующему Юго-Западным фронтом генералу М. П. Кирпоносу к 9 июля отвести войска на рубеж укрепленных районов по государственной границе 1939 г. и организовать там прочную оборону[81]. Выполняя приказ Ставки, 5-я армия отходила к Коростенскому укрепленному району, а 6-я армия занимала оборону в Новоград-Волынском укрепленном районе.

В это время девять немецких дивизий, в том числе шесть танковых и моторизованных 3-го моторизованного корпуса из состава 1-й танковой группы Э. фон Клейста прорвались в образовавшийся разрыв между 5-й и 6-й советскими армиями Юго-Западного фронта. После упорных двухдневных боев с частями 5-й армии и оперативной группой полковника М. И. Бланка, состоявшей из остатков 206-й, 228-й стрелковых дивизий и 109-й моторизованной дивизии общей численностью около 2500 человек, 1-я немецкая танковая группа прорвала 7 июля Новоград-Волынский укрепрайон.

9 июля немецкие войска заняли Житомир, продолжая развивать наступление на Киев. Уже 11 июля передовые части 13-й танковой дивизии вермахта вышли на внешний обвод Киевского укрепрайона по р. Ирпень и оказались в 20 км от столицы Украинской ССР. Лишь здесь удалось остановить наступление вражеских войск. Части 16-го и 15-го механизированных корпусов сдерживали противника в районе Бердичева.

24 июня директивой Ставки Главного командования был создан Южный фронт. В него вошли формируемые 18-я и 9-я армии, 9-й особый и 55 стрелковые корпуса, а также ряд авиационных соединений[82]. При осуществлении стратегического развертывания в условиях приграничных сражений с противником у командующего фронтом генерала армии И. В. Тюленева возникли большие трудности. Даже на третий день войны ему не удалось организовать связь штаба с армиями, укрепленными районами и другими соединениями. К тому же согласованной работы штаба с командующим фронтом не получалось. Об этом красноречиво свидетельствовали доклады в Москву командующего войсками фронта генерала армии И. В. Тюленева и члена Военного совета армейского комиссара 1 ранга А. И. Запорожца о том, что штаб фронта во главе с генералом Г. Д. Шишениным «абсолютно беспомощен как в организационной, так и в оперативной работе»[83].

2 июля в полосе обороны 9-й армии Южного фронта в наступление перешли 11-я немецкая, 3-я и 4-я румынские армии. Их целью было сковать силы 9-й армии и развивать наступление в Молдавии. Отсутствие танковых соединений на южном направлении не позволило противнику добиться значительных успехов. К тому же успешные действия Дунайской военной флотилии и оперативных соединений Черноморского флота в прибрежной полосе фронта ломали планы врага. В срыве попыток противника форсировать р. Прут и закрепиться на левом берегу большую помощь наземным войскам оказывали военно-воздушные силы армии. Они наносили бомбовые удары по скоплениям вражеских войск и переправам немецких и румынских войск.

Однако 5 июля 1941 г. командующий Южным фронтом принял решение отвести свои войска за р. Днестр и, опираясь на укрепленные районы, занять там оборону. Отвод войск не был санкционирован Ставкой, которая потребовала от командования Южного фронта восстановить линию обороны на р. Прут. Однако сил для контрнаступления у фронта уже не было, поскольку командующий фронтом передал своему соседу — Юго-Западному фронту несколько стрелковых и механизированных соединений. Лишь в результате контрудара трех корпусов 9-й армии Южного фронта 8—10 июля противник был остановлен и перешел к обороне. К концу июля приграничные сражения в Молдавии завершились. Противнику удалось продвинуться в глубь советской территории на 60—80 км, но Южный фронт сохранил свою боеспособность.

В ходе приграничного сражения Юго-Западный фронт и 18-я армия Южного фронта потеряли 241 594 человека, в том числе 172 323 безвозвратно, 4381 танк, 5806 орудий и минометов, 1218 боевых самолетов[84].

На Крайнем Севере и в Карелии

В конце июня на крайнем северном фланге советско-германского фронта перешла в наступление немецкая армия «Норвегия» в составе трех корпусов, а также часть сил 5-го воздушного флота (на мурманском направлении — свыше 160 самолетов) и военно-морских сил. Армия имела задачу атаковать СССР с севера, захватить незамерзающий порт Мурманск и Мурманскую железную дорогу. Намереваясь с ходу прорвать оборону советских войск, противник ввел в бой значительные силы: 36-й горный корпус, горнострелковый корпус «Норвегия» и 3-й финский корпус. Они должны были наступать отдельными группировками в трех направлениях: по побережью Баренцева моря из района Петсамо на Мурманск и Полярный, от Кемиярви на Кандалакшу и из района Суомуссалми, Куусамо через Ухту и Кестеньгу на Лоухи[85].

Немецкое командование планировало в случае развития успеха вторжения силами горнострелкового корпуса «Норвегия» захватить полуостров Рыбачий, а затем в течение трех-четырех суток дойти до Кольского залива и незамерзающего порта на Баренцевом море — Мурманска. Главные силы немецкой армии «Норвегия» должны были наступать на Кандалакшу и Лоухи к Белому морю, отрезать Кольский полуостров от остальной советской территории и, выйдя на побережье Кандалакшской губы, создать дополнительную угрозу городу-порту Архангельску. Вместе с Мурманском должен был быть захвачен и г. Полярный — база Северного флота.

Однако этим планам не суждено было сбыться. С началом войны велись изолированные друг от друга сражения на мурманском, кандалакшском и кестеньгском направлениях. Все попытки противника прорвать оборону защитников Советского Заполярья не увенчались успехом. К тому же до 29 июня 1941 г. активность противника в Заполярье ограничивалась только авианалетами и локальными боестолкновениями. Командующий советской 14-й армией генерал В. А. Фролов и командование Северного флота во главе с контр-адмиралом А. Г. Головко имели больше времени на организацию обороны и не были застигнуты врасплох. Кроме того, данный фронт немецкое командование не считало приоритетным и выделяло ему меньше сил. В то же время превосходство немецкой армии «Норвегия» над советскими сухопутными силами в Заполярье позволило противнику начиная с 29 июня вести активные боевые действия на участке от Печенгской бухты до Луостари, к 30 июня взять Титовку, а в начале июля выйти к губе Западная Лица и одноименной реке.

Однако частям горнострелкового корпуса «Норвегия» так и не удалось оттеснить подразделения 14-й армии с рубежа на р. Титовке и преодолеть организованный сразу за ним рубеж на р. Большая Западная Лица. Не увенчалась успехом и попытка врага занять полуострова Средний и Рыбачий, прикрывающие вход в Кольский залив. Подразделения 23-го укрепрайона под командованием полковника М. К. Пашковского, используя сложный северный рельеф, сумели организовать успешную оборону и не пропустить немцев дальше горного хребта Муста-Тунтури на подступах к Рыбачьему и Среднему.

Северный флот обеспечивал снабжение укрепрайона по морю, а также поддерживал артиллерийским огнем и высадкой десантов советские позиции на рубеже Западной Лицы. В условиях нехватки у 14-й армии боеприпасов артиллерийское прикрытие Северного флота было особенно важно.

Особо следует отметить, что Северный флот — на тот период самое молодое оперативно-стратегическое объединение Военно-морского флота СССР — выполнял и другие важнейшие задачи на Северном морском театре военных действий. Его корабли и авиация нарушали перевозки стратегического сырья для германской промышленности, обеспечивали советские воинские и народно-хозяйственные морские перевозки. Вскоре после начала войны соединения кораблей Северного флота, усиленные за счет других флотов, участвовали вместе с союзниками в организации северных конвоев по доставке грузов из Англии и США в СССР.

Вскоре после начала войны активные боевые действия развернулись в Советской Карелии. К началу Великой Отечественной войны Финляндия полностью отмобилизовала свои войска и развернула их на границе с СССР. Наиболее мощные группировки финских войск готовились наступать на Карельском перешейке и в Приладожской Карелии. В общей сложности для предстоящих боевых действий Финляндия выделила 340 600 человек, 2047 орудий и минометов, 86 танков и 307 самолетов. Наступать на Ленинград и Петрозаводск предстояло 15 дивизиям и трем бригадам Юго-Восточной и Карельской армий финнов. Им противостояли семь дивизий 7-й и 23-й советских армий Северного фронта. Полуостров Ханко удерживала 8-я стрелковая бригада под командованием полковника Н. П. Симоняка, против которой действовала 17-я финская пехотная дивизия с частями усиления и сильной артиллерийской группировкой[86].

В общей сложности в северной Финляндии была сосредоточена вражеская группировка, состоявшая из 21,5 дивизии (из них 17,5 финской). Она насчитывала 407 тыс. человек, 3084 орудия, 192 танка и 424 самолета. В Мурманской области и Карелии были развернуты советские 14, 7 и 23-я армии Ленинградского военного округа, которым командовал генерал-лейтенант М. М. Попов. Все войска прикрытия округа находились в пунктах постоянной дислокации и лагерях. Ленинградский военный округ имел в своем составе 426 тыс. человек, 9589 орудий и минометов, 1857 танков и 2104 самолета, но часть этих сил находилась в Эстонии и южнее Ленинграда, в том числе больше половины танков и большая часть авиации[87].

22 июня 1941 г. немецкие воздушные силы, базирующиеся в Финляндии, начали постановку мин вблизи советских военно-морских баз. Уже в первые дни войны противник провел ряд операций, пытаясь запереть советский Северный флот в Белом и Баренцевом морях. Однако эти операции имели незначительный успех, поскольку северная акватория отличается малым количеством узкостей.

Утром 25 июня советская авиация нанесла превентивный удар по финским аэродромам, где находились германские самолеты. Используя этот предлог, Финляндия объявила СССР войну. Накануне Ленинградский военный округ был переименован в Северный фронт. Командующим фронтом был назначен генерал-лейтенант М. М. Попов.

Трехдневная пауза между объявлением Финляндией войны СССР и началом активных боевых действий была использована советским командованием для развертывания войск в соответствии с планом прикрытия. Однако просчеты предвоенного планирования сказались и здесь. Соединения 23-й армии на Карельском перешейке находились в непосредственной близости от государственной границы, занимая крайне невыгодное для обороны положение. Это позволило финнам отрезать часть советских войск уже в первые недели боев в районе Ладожского озера. Как показали последующие события, рубежи обороны необходимо было отнести как минимум на 15–30 км в глубину. Кроме того, развертывание войск по плану прикрытия шло с некоторым запозданием, поскольку имелось распоряжение Главного командования «не давать финнам повода для провокации».

В Северной Карелии противник 30 июня — 1 июля 1941 г. перешел в наступление, которое велось на кандалакшском, ухтинском и ребольском направлениях. Целью финско-немецких частей было перерезать Кировскую железную дорогу, соединяющую Мурманск

с Петрозаводском. Здесь развернулись ожесточенные бои. Противник планировал также захватить Лахденполье, выйти к Ладожскому озеру, расчленить сортавальскую и кексгольмскую группировки войск Северного фронта. Но этой цели ему с ходу достигнуть не удалось. Вклинившись в оборону советских войск на глубину 14—17 км, финны вынуждены были уже с 9 июля перейти к обороне, хотя и создали реальную угрозу выхода к Ладожскому озеру[88].

* * *

В ходе начального периода войны, продолжавшегося с 22 июня до середины июля, из 170 советских дивизий, 28 из которых были полностью уничтожены, 70 лишились более половины личного состава и военной техники. Потери Западного, Северо-Западного, и Юго-Западного фронтов составили около 600 тыс. человек, свыше 11,7 тыс. танков, около 4 тыс. самолетов и 18,8 тыс. орудий и минометов. Потери противника к 10 июля 1941 г. составили 79 058 человек, 1061 орудие и миномет, 826 самолетов и 350 танков. К середине июля противник располагал 183 дивизиями и 21 бригадой[89].

Количественное превосходство в танках и самолетах, которое имела Красная армия в начале боевых действий, было утрачено уже в первые дни войны. Попали в окружение, погибли или были пленены сотни тысяч советских бойцов и командиров. На передовую прибывало мобилизованное пополнение, подготовленность которого к ведению боевых действий была недостаточно высокой. Это влияло на качественные характеристики советских войск, вело к новым поражениям на оперативно-тактическом уровне и оказывало непосредственное воздействие на стратегическую ситуацию на советско-германском фронте. В то же время благодаря энергичным мерам Ставки Главного командования первые значительные потери фронтов были существенно восполнены за счет срочной переброски новых соединений из тыловых районов страны. Всего в составе действующей армии находились 134 стрелковые, 39 танковых, 21 моторизованная, шесть кавалерийских дивизий и четыре бригады. Более 90 дивизий из них были укомплектованы личным составом полностью, около 40 — до 50%, остальные понесли потери свыше 50%. В резерве Ставки находились 32 дивизии в составе 16, 24, 28 и 29-й армий[90].

В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. с 23 июня была объявлена мобилизация военнообязанных 14 возрастов (1905—1918 гг. рождения) в 14 военных округах из 17. В Забайкальском, Среднеазиатском и Дальневосточном военных округах мобилизация была объявлена через месяц особым решением и проводилась скрытым порядком под видом «учебных сборов». Нападение врага существенно осложнило призыв в западных районах СССР. Здесь призывники порой не успевали получить повестки, как оказывались уже на оккупированной врагом территории. В центральных районах Белоруссии и Украины призывники часто попадали под бомбежку вражеской авиации, оказывались в котлах противника. Однако в восточных областях этих республик и на территории РСФСР в целом, в центральных и восточных регионах страны мобилизация проходила организованно.

Хотя советские войска под ударами превосходящих сил противника отходили в глубь страны, уже первый месяц войны дал немало примеров подлинного героизма и мужества советских воинов. Подвиги гарнизонов Брестской крепости, Минска, Лиепаи навсегда останутся яркими страницами борьбы советского народа с фашистской агрессией. Войска приграничных округов, оказывая упорное сопротивление врагу, позволили советскому Верховному командованию выиграть драгоценное время для подтягивания к фронту дополнительных сил из внутренних районов СССР. Свежие армии и дивизии, с ходу вступая в бой, продолжали замедлять темпы продвижения противника вперед.

Итоги приграничных сражений побудили советское государственно-политическое и военное руководство к пересмотру многих устоявшихся стереотипов, переоценке собственных сил, осмыслению характера начавшейся войны и тех усилий, которые потребуются для успешного сопротивления врагу. Вооруженные силы СССР и вся страна оправлялись от

Последний предвоенный парад. Москва, Красная площадь. 1 мая 1941 г.

Командиры и солдаты 29-го литовского территориального корпуса на выборах в советы.
Начало 1941 г.

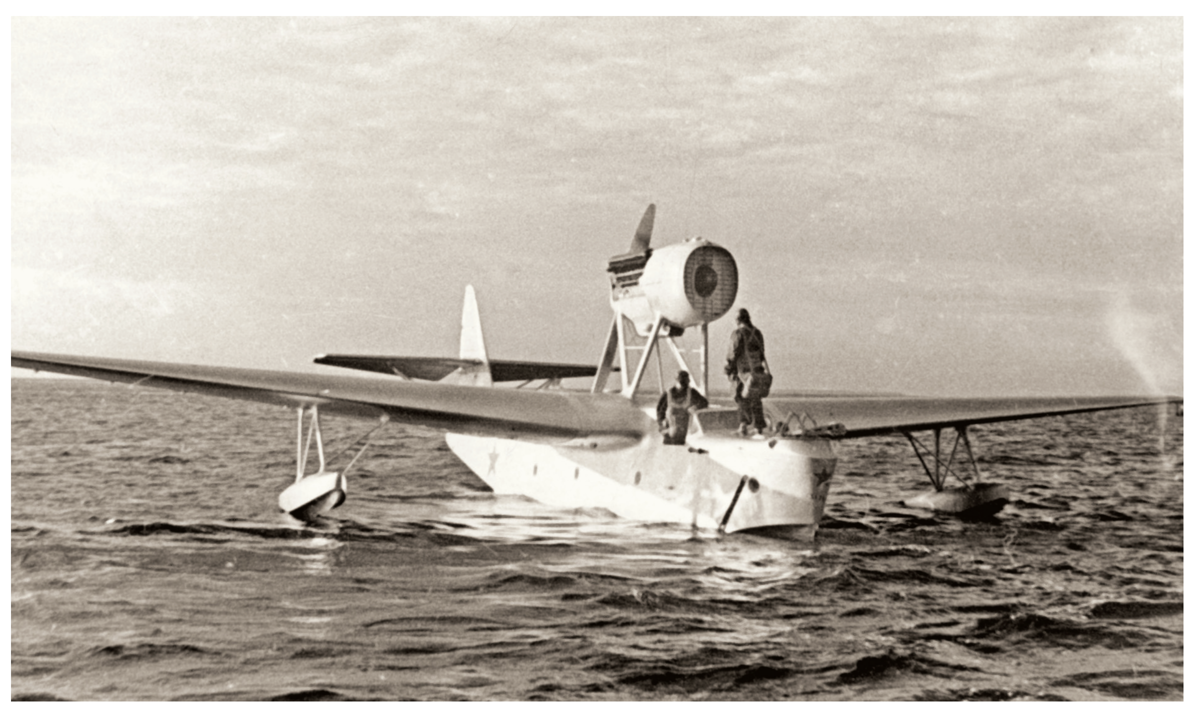
Несмотря на то что перед войной Красная армия интенсивно оснащалась новой техникой,
не забывались и традиционные способы войскового управления.
На фото — мобильная станция голубиной почты. Фургон установлен на базе грузовика ГАЗ-АА. Начало 1941 г.

Германские войска переправляются через Буг. Группа армий «Центр».
22 июня 1941 г.

Немецкие танкисты на оккупированной территории Западной Белоруссии.
Июнь 1941 г.

Германские специалисты изучают оборудование нашего бомбардировщика ДБ-3Ф, совершившего вынужденную посадку.
Июль 1941 г.

Бомбардировщики ДБ-3 из состава авиации флота готовятся к нанесению стратегических ударов по территории Германии.
Август 1941 г.



Многоцелевая летающая лодка МБР-2 после выполнения боевого задания.
Краснознаменный Балтийский флот, 1941 г.

Советские летчики обсуждают результаты выполнения боевого задания.
Действующая армия, лето 1941 г.

Командир 5-го танкового полка майор М. П. Баранов ставит боевую задачу командирам танковых рот. 1941 г.

Отличившийся в боях с противником экипаж легкого танка Т-26. Лето 1941 г.

Отличившийся в боях артиллерист А. И. Шпирка пишет заявление о приеме в ВКП(б).
Западный фронт, август 1941 г.

Немецкий бронеавтомобиль, подбитый бойцами Юго-Западного фронта.
Украина, август 1941 г.

Советские командиры и военинженеры осматривают разбитый немецкий грузовик.
Район н/п Сольцы, лето 1941 г.

шока, вызванного вероломной агрессией нацистской Германии и ее сателлитов, адаптировались к новым условиям военного времени. Становилось очевидным, что от лозунга бить противника «малой кровью и на чужой территории» приходится отказаться в пользу более насущной задачи: остановить врага любой ценой.

В результате неблагоприятного для Советского Союза исхода приграничных сражений войска противника в короткие сроки продвинулись в северо-западном направлении на 400–450 км, в западном — на 450–600 км, в юго-западном — на 300–350 км. Враг захватил Литву, Латвию, значительную часть Эстонии, почти всю Белоруссию и Молдавию, вторгся на территорию РСФСР, вышел на дальние подступы к Ленинграду, угрожал Смоленску и Киеву. Около 23 млн советских граждан остались на оккупированной территории[91]. Над страной нависла смертельная опасность.

Советское руководство прилагало максимум усилий для организации отпора захватчикам. Программу чрезвычайных мер содержала директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. «Все для фронта, все для победы!» — такова была ее главная идея, изложенная затем в выступлении И. В. Сталина по радио 3 июля. Он говорил: «Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, порабощенного гитлеровскими заправилами. Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу, против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера»[92].

10 июля Ставка Главного командования, созданная 23 июня, была преобразована в Ставку Верховного командования (с 8 августа — Ставка Верховного главнокомандования) — высший орган стратегического руководства вооруженными силами. Вся полнота власти в стране сосредоточивалась в руках образованного 30 июня Государственного Комитета Обороны (ГКО). Председателем ГКО, а затем и Верховным главнокомандующим Вооруженными силами СССР (с 8 августа) был назначен И. В. Сталин.

На восток из угрожаемых районов в срочном порядке производилась переброска промышленных предприятий и рабочего персонала с семьями. Руководил этой крайне важной и чрезвычайно сложной работой созданный 24 июня Совет по эвакуации.

25 июня 1941 г. Ставка Главного командования по предложению маршала Б. М. Шапошникова приказала отвести советские войска на линию старых укрепрайонов. Однако к 1941 г. эта линия (так называемая «линия Сталина») не представляла собой полностью подготовленного оборонительного рубежа, что не могло не сказаться на трагизме последующих событий в ходе оборонительных сражений Красной армии.

Был также отдан приказ о формировании группы армий резерва Главного командования (командующий — маршал С. М. Буденный), в который включены 22, 20, 21 и 19-я армии. Ей предписывалось приступить к обустройству оборонительного рубежа по линии Сущево, Невель, Витебск, Могилев, Жлобин, Гомель, Чернигов, р. Десна, р. Днепр до Кременчуга[93]. Однако эта задача оказалась во многом неразрешимой из-за быстрого выхода немцев к указанной линии, запоздалого и разновременного подхода советских соединений к фронту.

У советских командиров и военачальников присутствовало понимание всей тяжести предстоящей борьбы с опытным и сильным врагом, необходимости экстренных мер по подготовке и обучению новых частей взамен уничтоженных в приграничных боях. Беда заключалась в том, что времени для мероприятий, связанных с повышением боеспособности свежих или выведенных в тыл для переформирования и отдыха соединений и частей, не было. Их бросали в бреши, создаваемые наступавшим противником.

Опыт первых боев побуждал командующих издавать распоряжения по боевой подготовке войск, обеспечению их живучести и боеспособности, адаптированные к фронтовым условиям. Так, 8 июля 1941 г. командующий 4-й армией генерал-майор А. А. Коробков, выполняя боевое распоряжение штаба Западного фронта, в директиве, направленной командирам 28-го и 47-го стрелковых, 20-го механизированного корпусов, 120-го гаубичного артиллерийского полка и начальнику отдела боевой подготовки армии подполковнику А. В. Маневичу, указывал: «В районах формирования немедленно приступить к организации обороны... Создать в каждом полку и батальоне отряды и группы истребителей танков, которые вооружить связками гранат, бутылками с горючей жидкостью, минами и усиливать их противотанковыми пушками. Действия истребительных отрядов должны быть смелыми и решительными, нападая на танки главным образом из засад... Научить бойца, отделение и подразделение окапываться, маскироваться под огнем и вести упорный бой в обороне с мотопехотой противника, наступающей с ВВС и танками... Пехоту отделять от танков и уничтожать». Эти установки, безусловно, были правильными, но не своевременными. Учить войска обороняться нужно было задолго до войны. Командарм требовал «резко поднять дисциплину во всех подразделениях и частях... Поднять боевой дух и укрепить упорство и стойкость в бою среди всех звеньев личного состава. Еще больше разжечь ненависть против фашизма, провокационно напавшего на Советский Союз. Уяснить всем составом, что боец и командир, покинувший свои позиции самовольно, и лица, сеющие панику на фронте и в тылу, есть изменники Родины и подлежат судебной ответственности вплоть до расстрела»[94].

Ставка Верховного Главного командования принимала самые жесткие меры в борьбе с паникерами и трусами, оставляющими свои позиции, бегущими в тыл или сдающимися в плен. 16 августа вышел приказ Ставки № 270, в котором, в частности, говорилось: «1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава; 2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам»[95].

На Западном фронте, еще до отстранения от должности и ареста его командующего генерала армии Д. Г. Павлова, создавались заградительные отряды численностью до батальона на расстоянии нескольких километров от фронта. В их задачу входили сбор и организация в боевые подразделения беспорядочно отходивших или бегущих с позиций солдат, отправка их обратно на передовую, пресечение паники, передача под следствие подозрительных лиц, борьба с возможными десантами противника, создание укрепленных рубежей и прочее. В своем приказе (не позднее 25 июня 1941 г.) командующий фронтом генерал армии Д. Г. Павлов требовал: «1. На всех путях войсковых, артиллерийских и фронтовых тылов выставить заградительные отряды; 2. В войсковых и армейских тылах заград. отряды выставить распоряжением командующих армий. Состав отрядов определить командующим армий с обязательным включением в них представителей третьих отделов и отделений армии, корпусов, дивизий и местных органов НКВД... Минскому ОВК сформировать из добровольцев не поднимаемых возрастов, преимущественно членов ВКП(б) и комсомольцев, 20 отрядов численностью 50 человек... Формирование отрядов начать немедленно и закончить к утру 26.6.41 г.»[96].

Чрезвычайно жесткие, а порой и жестокие меры по укреплению стойкости войск принимали по собственной инициативе и сами военачальники на фронте. Генерал-лейтенант А. И. Еременко, будучи заместителем командующего Западным фронтом и находясь в расположении 22-й армии, отражавшей удар германских танковых и армейских корпусов в направлении Полоцк, Невель, Великие Луки, доносил 6 июля 1941 г. командующему Западным фронтом маршалу С. К. Тимошенко и в Генштаб РККА о критическом положении в 51-м стрелковом корпусе и преступном поведении командира 166-го стрелкового полка. Он, в частности, писал, что лично остановил бегство полка, «руководил боем и воспитывал

генералов, чтобы они не боялись огня». «Я приказал им и сам лично участвовал в контратаке (51-го стрелкового корпуса. — *Прим. ред.*), и все обошлось благополучно, а генералов обстрелял»[97].

Несмотря на принимаемые меры с целью остановить и отбросить врага, Красная армия продолжала отступать. 10 июля началась битва за Ленинград, которая сковала крупные силы немецких войск и финскую армию. В Смоленском сражении (10 июля — 10 сентября 1941 г.), развернувшемся на фронте до 650 км и в глубину до 250 км, наступление противника на Москву было приостановлено, но лишь временно. Войска Юго-Западного и Южного фронтов под ударами превосходящих сил противника с боями оставили Киев, Одессу, затем западные районы Донбасса. Соединения немцев ворвались в Крым, подошли вплотную к Севастополю, в ноябре достигли Ростова-на-Дону.

Отступая, часто с большими потерями, Красная армия тем не менее срывала общий замысел плана «Барбаросса», состоявший, в частности, в том, что «находящиеся в западной части России войсковые массы русской армии должны быть уничтожены в смелых операциях с глубоким продвижением танковых частей. Следует воспрепятствовать отступлению боеспособных частей в просторы русской территории»[98].

Ставка ВГК, командование фронтов, военачальники и командиры разных степеней учились искусству ведения войны в крайне сложной обстановке, допуская порой просчеты, почти неизбежные ошибки. Постепенно в развернувшейся до крайнего напряжения духовных и физических сил борьбе с врагом все большее значение приобретали стойкость и мужество советского народа, его самоотверженность на фронте и в тылу, превосходящие материальные возможности страны. Сотни тысяч людей участвовали в развернувшейся партизанской и подпольной борьбе, организованной в оккупированных врагом районах.

С каждым месяцем сопротивление советских войск усиливалось, совершенствовалось искусство организации и ведения боевых действий. Противником был потерян запланированный темп наступления, и это уже трудно было поправить. Если первые три недели войны фашистские войска продвигались в среднем по 20–30 км в сутки, то с середины июля по 7 августа темпы наступления снизились до 3,5–8,5 км. В сентябре враг был остановлен у стен Ленинграда, в ноябре — у Ростова-на-Дону, а в начале декабря — под Москвой. Все чаще «победители Европы» вынуждены были переходить к обороне на просторах непокоренной ими России.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки: в 4 кн. Кн. 1. М., 1995. С. 104; *Мюллер-Гиллебрант Б.* Сухопутная армия Германии 1933—1945. Т. 3. М., 1976. С. 269—270.

[2] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. М., 1995. С. 104.

[3] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945: в 6 т. Т. 2. М., 1963. С. 16—20.

[4] ЦАМО. Ф. 127. Оп. 12915. Д. 16. Л. 307—314.

[5] 1941 год — уроки и выводы. М., 1992. С. 84—85.

[6] ЦАМО. Ф. 15. Оп. 725588 с. Д. 36. Л. 294—302.

[7] Там же. Л. 343—346.

[8] 1941 год — уроки и выводы. С. 93.

[9] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2589. Д. 91. Л. 11—15.

[10] 1941 год — уроки и выводы. С. 87.

[11] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2589. Д. 91. Л. 2—7.

[12] Там же. Ф. 127. Оп. 12915. Д. 364. Л. 1—70, 72—77, 78.

[13] Там же. Л. 134.

[14] И. В. Копец — генерал-майор авиации, за боевые подвиги в период гражданской войны в Испании удостоен звания Героя Советского Союза. К началу войны — командующий ВВС Западного Особого военного округа. Узнав о потерях авиации округа в первые часы войны, застрелился.

[15] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2589. Д. 91. Л. 9—10.

[16] Там же. Л. 11—15.

[17] Там же. Л. 15—16.

[18] Там же. Ф. 38. Оп. 11353. Д. 899. Л. 1—6, 29.

[19] Там же. Л. 100, 123—124, 142.

[20] Там же. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 134. Л. 143—144.

[21] Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 1.

[22] 1941 год — уроки и выводы. С. 100—102.

[23] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 83. Л. 52—54.

[24] Там же. Оп. 2454. Д. 26. Л. 188—189.

[25] Там же. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 90. Л. 260—262.

[26] Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 19.

[27] Автор рапорта смешивает требования сразу двух директив № 1 и 2. В первой директиве говорилось о приведении войск в боевую готовность и недопущении провокаций, а во второй, отправленной из Москвы в 7 часов 15 минут 22 июня, — присутствовало требование «впредь, до особого распоряжения, наземными войсками границу не переходить».

[28] РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 99. Л. 329—339.

[29] Там же.

[30] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 29. Л. 52.

[31] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Иллюстрированная энциклопедия. С. 441.

[32] *Гудериан Г.* Воспоминания солдата / Пер. с нем. М., 1954. С. 147—148.

[33] Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия. М., 2010.

[34] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 9.

[35] Там же. Л. 13.

[36] 1941. Документы и материалы. К 70-летию начала Великой Отечественной войны. Вып. 1: в 2 т. Т. 2. СПб., 2011. С. 28.

[37] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 29. Л. 18–19, 104–105; Оп. 3038сс. Д. 46. Л. 101–102.

[38] Там же. Ф. 226. Оп. 2133сс. Д. 1. Л. 24.

[39] 1941 год: Страна в огне. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2011. С. 341.

[40] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 10169. Д. 17. Л. 59.

[41] 1941 год: Страна в огне. Кн. 1. С. 355–359.

[42] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 21, 25.

[43] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М., 1996. С. 43–44.

[44] РГВА Ф. 9. Оп. 39. Д. 99. Л. 329–339.

[45] 1941 год — уроки и выводы. С. 105.

[46] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2009. С. 78; Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. М., 1998. С. 147.

[47] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 65. Л. 44–331; Д. 133а. Л. 1, 332.

[48] Там же. Ф. 15. Оп. 725588 с. Д. 36. Л. 294–302.

[49] Там же. Л. 294–302, 343–346.

[50] 1941 год — уроки и выводы. С. 66.

[51] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 75–76.

[52] 1941 год — уроки и выводы. С. 90.

[53] ЦАМО. Ф. 325. Оп. 4579. Д. 3. Л. 3–4.

[54] Там же. Ф. 290. Оп. 3284. Д. 5. Л. 93–94.

[55] Там же. Ф. 35. Оп. 107559. Д. 6. Л. 8.

[56] Там же. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Л. 478.

[57] Там же. Ф. 8. Оп. 930688. Д. 41. Л. 152–153.

[58] Там же. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 3. Л. 260–262.

[59] Там же. Ф. 344. Оп. 5554. Д. 71. Л. 113.

[60] *Исаев А. В.* Приграничное сражение 1941. М., 2011. С. 148.

[61] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Иллюстрированная энциклопедия. С. 442–443.

[62] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 20. Л. 31–39.

[63] *Гот Г.* Танковые операции. М., 1961. С. 62.

[64] История второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. Т. 4. М., 1975. С. 36.

[65] ЦАМО. Ф. 143а. Оп. 3268. Д. 111. Л. 4–5.

[66] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. М., 1998. С. 154.

[67] *Потехина А., Цырендоржиев И.* Не виновен! // Красная звезда. 2011. 26 января.

[68] История второй мировой войны 1939–1945. Т. 4. С. 65.

[69] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. М., 1998. С. 155.

[70] Там же.

[71] ЦАМО. Ф. 334. Оп. 3949. Д. 4. Л. 1; Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 36. М., 1958. С. 15.

[72] *Кисловский Ю. Г.* От первого дня до последнего. М., 1988. С. 84–86.

[73] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 7047с. Д. 17. Л. 1–2.

[74] 1941 год — уроки и выводы. С. 102.

[75] ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 90. Л. 260–262.

[76] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. М., 1998. С. 156.

[77] Там же. С. 159.

[78] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 157. Д. 71. Л. 122.

[79] Там же. Ф. 334. Оп. 3949. Д. 4. Л. 18–20.

[80] *Баграмян И. Х.* Так шли мы к победе. М., 1977. С. 149.

[81] ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 29. Л. 9–11.

[82] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 20–21.

[83] ЦАМО. Ф. 144. Оп. 396. Д. 8. Ч. 1. Л. 35.

[84] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 80; Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. М., 1998. С. 164.

[85] *Иноземцев И. Г.* Крылатые защитники Севера. М., 1975. С. 5.

[86] 1941 год — уроки и выводы. С. 117.

[87] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 81–82.

[88] 1941 год — уроки и выводы. С. 89, 117.

[89] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. М., 1998. С. 164–165.

[90] 1941 год — уроки и выводы. С. 105–106.

[91] История второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. М., 1974. С. 357, 371.

[92] Правда. 1941. 3 июля.

[93] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2. Л. 19–20.

[94] Там же. Д. 36. Л. 25–27.

[95] РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 98. Л. 617–622.

[96] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 20. Л. 81–82.

[97] Там же. Ф. 16. Оп. 946. Д. 63. Л. 3–4.

[98] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов: в 7 т. Т. 2. М., 1958. С. 559–565.

Нарастание сопротивления агрессорам

Киевская трагедия

В августе 1941 г. возрос накал борьбы на юго-западном направлении. Правому флангу группы армий «Центр», вырвавшейся вперед, угрожали войска Юго-Западного фронта. Германское командование поставило задачу войскам группы армий «Юг» с ходу овладеть Киевом и захватить переправы через Днепр. Предписывалось также нанести удар в южном направлении с целью окружения группировок РККА к западу от Днепра. Уже 11 июля гарнизоны Киевского укрепрайона вступили в бой с противником. 3 и 4 августа немецкие войска при поддержке крупных сил авиации начали штурм советских оборонительных укреплений. Благодаря упорству 5, 37, 26-й и других советских армий удавалось сдерживать ожесточенный натиск врага. В период штурма немцы смогли продвинуться в глубь сектора обороны города лишь на несколько километров, захватив часть Коростеньского укрепрайона. На этом штурм был приостановлен.

Тысячи киевлян вступили в народное ополчение с готовностью отстоять свой любимый город. Десятки тысяч людей трудились на строительстве оборонительных сооружений. Киевский укрепрайон был подготовлен к длительной осаде. Гарнизоны многих дотов, даже оказавшись в окружении, не прекращали сопротивления. Так, дот № 205 под командованием лейтенанта Ветрова у деревни Юровки в условиях полной блокады оборонялся в течение восьми суток до подхода своих войск[1].

Ставка не намерена была сдавать Киев как по военно-стратегическим, так и по политическим причинам. Сдача города создавала критическую ситуацию на южном фланге советско-германского фронта, давала шанс вермахту уже в 1941 г. прорваться к кубанскому хлебу и бакинской нефти, осложняла международное положение СССР, подрывая доверие к возможностями РККА со стороны Великобритании и США. К тому же падение столицы Украины больно ударяло по чувствам советских людей, считавших, что город не должен быть отдан на растерзание врагу. Киев необходимо было удержать. И в этом смысле понятен резкий отказ И. В. Сталина прислушаться к достаточно здравым доводам начальника Генштаба Г. К. Жукова, предложившего еще в конце июля 1941 г. отвести советские части на левый берег Днепра и тем самым эвакуировать город[2]. Г. К. Жуков исходил из категорий стратегической необходимости, И. В. Сталин — из более широкого спектра политических и моральных факторов. После конфликта между ними по поводу Киева, Г. К. Жуков был отправлен командовать Резервным фронтом для того, чтобы организовать в том числе наступление в районе Ельни.

Германское командование осознавало, что бои под Киевом могут принять затяжной характер. Остановившись на подступах к городу, немцы перенесли внимание на юг, намереваясь взять в клещи правый фланг Южного и левый фланг Юго-Западного советских фронтов. Ставка, разгадав это намерение, разрешила отвод сил РККА на этом направлении до рубежа Белая Церковь — р. Днестр. Одновременно было приказано нанести контрудар

Советская пехота в бою

по 1-й танковой группе противника под Киевом[3]. Однако командование группой армий «Юг» намеревалось во что бы то ни стало не допустить отхода частей Южного фронта.

Трагические события развернулись в районе Первомайска. 1-я немецкая танковая группа, используя свое преимущество в подвижности, уже в начале августа вышла в тыловые районы 6-й и 12-й армий Южного фронта с севера. В то же время 17-я полевая, прорвавшаяся под Уманью, и 11-я армии противника перерезали пути отступления частям советских армий с южного направления. Кровопролитные бои в окрестностях Умани продолжались до 13 августа. Однако силы были неравные. Остатки советских армий укрылись в лесу, носившем название Зеленая Брама. Германские подразделения окружили его плотным кольцом, подавляя любую попытку прорыва. Окружения удалось избежать всего 11 тыс. человек, главным образом из тыловых частей[4]. По немецким данным, в плен были захвачены до 103 тыс. советских военнослужащих, в том числе оба командарма (6-й армии — И. Н. Музыченко и 12-й армии — П. Г. Понеделина), четыре командира корпуса и 11 командиров дивизий. В боях погибли два командира корпуса и шесть командиров дивизий[5].

Уманская катастрофа и быстрое продвижение немецких частей в южном и юго-восточном направлениях создали угрозу остальным частям Южного фронта. Поэтому Ставка ВГК потребовала их отвода на рубеж Чигирин — Вознесенск — Днестровский лиман. Город и военно-морскую базу Одесса предполагалось защищать всеми возможными мерами.

Трагедия Умани, несомненно, оказала влияние на состояние обороны Киева. Войска, оборонявшиеся в Киевском укрепрайоне, могла постигнуть та же участь окружения в случае их отступления за Днепр от столицы Украины. Кроме того, отход войск Юго-Западного фронта означал ликвидацию угрозы флангу группы армий «Центр». Отвод советских сил с правого берега Днепра и оставление столицы Украины уже давно назрели. Все решения

удерживать город, начиная с середины августа, лишь приближали час неминуемой и тяжелейшей катастрофы.

К середине августа активная фаза боев в районе Киева завершилась. Продвинувшись на несколько километров вперед, войска 6-й армии получили приказ закрепиться на рубеже Триполье — Киев — Коростень и обеспечить защиту флангов. Директива № 34 германского верховного командования от 12 августа предусматривала в том числе подготовку окружения основных сил Юго-Западного фронта к востоку от столицы Украины. 8 августа И. В. Сталин в ходе разговора по прямому проводу с командующим Юго-Западным фронтом генералом М. П. Кирпоносом передал: «Комитет Обороны и Ставка очень просят Вас принять все возможные и невозможные меры для защиты Киева. Недели через две будет легче, так как у нас будет возможность помочь Вам свежими силами, а в течение двух недель Вам нужно во что бы то ни стало отстоять Киев»[6].

По мере продвижения группы армий «Центр» на восток ее правый фланг все более растягивался, вызывая опасения неожиданного советского удара с юга. Германское командование решило отложить наступление на Москву до тех пор, пока не будет ликвидирована обозначившаяся угроза. С этой целью 8 августа оно развернуло на юг 2-ю полевую армию и 2-ю танковую группу. Войска Центрального фронта не выдержали их удара и отступили к юго-востоку, оголив фронт на брянском направлении. Для его прикрытия 16 августа был создан Брянский фронт под командованием генерал-лейтенанта А. И. Еременко.

19 августа Ставке ВГК стало известно о повороте 2-й танковой группы генерала Г. Гудериана в южном направлении. Видя в этом несомненную опасность для тыла Юго-Западного фронта, она разрешила отвести его войска на левый берег Днепра. Однако столицу Украины (на правом берегу реки) необходимо было удерживать в любом случае. Непосредственно город защищали войска, объединенные под управлением командарма 37-й армии. Кроме того, по р. Десне против 2-й танковой группы разворачивалась 40-я армия. К 21 августа соединения противника сумели продвинуться вперед на 120—140 км и глубоко вклиниться между Брянским и Центральным фронтами, создав угрозу флангу и тылу действовавшего на киевском направлении Юго-Западного фронта. 2-я немецкая танковая группа вышла в район Стародуба, тогда как действия против нее Брянского фронта успеха не имели.

В это время обострилась ситуация к северу от Киева. В ночь с 23 на 24 августа вражеские войска форсировали Днепр и захватили плацдарм в районе Окуниново (60 км севернее Киева). В начале сентября частям 6-й армии группы армий «Юг» удалось установить контакт со 2-й армией группы армий «Центр». 9 сентября противник занял Чернигов. Потрепанные соединения 5-й и 40-й армий Юго-Западного фронта отступали на юг, в то время как на их тылы, двигаясь от Конотопа, наседали части 2-й немецкой танковой группы. Самым тревожным для советского командования было то обстоятельство, что все основные усилия сосредотачивались (как и указывала Ставка) на обороне столицы Украины, тогда как на флангах на широком фронте действовали менее боеспособные и слабые по своему составу и подготовке 40-я и 38-я армии.

Таким образом, судьба Киева решалась не на позициях Киевского укрепрайона, а южнее и севернее столицы Украины. Немецкое командование 6 сентября приняло решение уничтожить путем окружения советские части на южном крыле восточного фронта и открыть перспективу решающего удара по столице СССР. Ситуация на юго-западном направлении достигла своей критической фазы.

Соединения группы Г. Гудериана, несмотря на сопротивление частей 40-й армии, 9 сентября прорвали ее оборону. Контрудары Брянского фронта к успеху не привели. Они лишь на время сковали один моторизованный корпус 2-й танковой группы, тогда как остальные танковые и пехотные силы продолжали продвижение на юг.

Южнее Киева обстановка для советских войск продолжала ухудшаться. 31 августа пехотные части 17-й армии Э. фон Клейста захватили небольшой плацдарм на левом берегу Днепра в районе Кременчуга. 38-я армия пыталась исправить ситуацию, но тщетно. В начале сентября на кременчугский плацдарм была переброшена вся 1-я танковая группа. К северо-востоку

Расчет противотанкового орудия ведет огонь по противнику

Погибшие советские солдаты и мирные жители

Советские летчики осматривают сбитый немецкий самолет «Мессершмитт-109»

Младший лейтенант Г. С. Бреславец, лично уничтоживший три немецких танка и две 150-мм пушки, осматривает подбитый им танк

от Киева противник захватил плацдармы на южном берегу Десны. Ситуация становилась угрожающей. В этой обстановке новый начальник Генерального штаба маршал Б. М. Шапошников и его заместитель генерал А. М. Василевский предложили И. В. Сталину оставить Киев, отвести войска за Днепр и тем самым спасти силы фронта. Но И. В. Сталин оставался при своем мнении — Киев не сдавать! Тот же приказ получили 10 сентября командующий фронтом генерал-полковник М. П. Кирпонос и главком Юго-Западного направления маршал С. М. Буденный (вскоре на этом посту его сменил маршал С. К. Тимошенко).

Верховный главнокомандующий, все еще надеясь, что А. И. Еременко удастся прорваться в тыл Г. Гудериану, запрещал снимать войска из-под Киева для локализации прорыва. Окружение советской группировки было предрешено.

В это время произошел обмен телеграммами между штабом Юго-Западного фронта и Генеральным штабом. 14 сентября начальник штаба Юго-Западного фронта генерал В. И. Тупиков через голову М. П. Кирпоноса обратился к начальнику Генштаба и главкому Юго-Западного направления с телеграммой, в которой охарактеризовал тяжелое положение войск фронта. Заканчивалась телеграмма фразой: «Начало понятной вам катастрофы — дело пары дней». Катастрофа, конечно, означала полное окружение сил Юго-Западного фронта. Б. М. Шапошников обвинил В. И. Тупикова в паникерстве. В своей телеграмме, адресованной командующему Юго-Западным фронтом и главкому Юго-Западного направления, донесение В. И. Тупикова он назвал паническим. «Обстановка, наоборот, — писал Б. М. Шапошников, — требует сохранения, исключительного хладнокровия и выдержки командиров всех степеней. Необходимо, не поддаваясь панике, принять все меры к тому, чтобы удержать занимаемое положение и особенно прочно удерживать фланги... Надо внушить всему составу фронта необходимость упорно драться, не оглядываясь назад. Необходимо неуклонно выполнить указания т. Сталина, данные вам 11.9».

В подлиннике документа, хранящемся в Центральном архиве Министерства обороны, подписанном лично Б. М. Шапошниковым, имеется несколько зачеркнутых строк: «Надо вам всем понять, что в прочном удержании флангов и закрытии прорыва ваше спасение. Отход в данной обстановке неминуемо повлечет к катастрофе». Вероятнее всего, на ту минуту Б. М. Шапошников был прав. Советские войска слишком затянули с отходом. Кроме того, в рукописном подлиннике телеграммы в абзаце со словами «необходимо неуклонно выполнить указания т. Сталина, данные вам 11.9» были зачеркнуты строки о том, что это указания «Ставки Верховного главнокомандования», которые были отданы «при личном разговоре со Сталиным»[7].

В 4 часа утра 15 сентября, через сутки после отправления телеграммы генерала В. И. Тупикова в Генштаб, командующий Юго-Западным фронтом М. П. Кирпонос телеграфировал в Ставку: «Обстановка требует немедленного вывода войск из КИУР. Со стороны Козелец противник стремится отрезать Киев с востока. Резерва для парирования этого удара нет. Противник к исходу 14.9.41 г. находился в 40 км от Киева». Начальник Генерального штаба, реагируя на эту телеграмму, в разговоре по прямому проводу с главкомом и членом Военного совета Юго-Западного направления — С. К. Тимошенко и Н. С. Хрущевым около 18 часов 15 сентября заметил: «...считаю, что мираж окружения охватывает прежде всего Военный совет Юго-Западного фронта, а затем командующего 37-й армией... Кирпонос занял позиции пассивного сопротивления противнику»[8].

Но катастрофа была неминуема. 15 сентября в районе Лохвицы соединились немецкие части 2-й танковой группы, наступавшей с севера, и 1-й танковой группы, прорвавшейся с кременчугского плацдарма, — кольцо вокруг Юго-Западного фронта замкнулось. В крупнейшем с начала войны окружении оказались соединения 5, 26 и 37-й армий Юго-Западного фронта, а также 21-й армии Центрального фронта и частично 38-й армии — всего 452,7 тыс. человек[9]. Усилило трагедию и то, что окруженные войска начали пробиваться лишь на следующий день, но к тому времени возможность сделать это организованно была уже утеряна. Советские части были расчленены и не обладали ударной мощью. 19 сентября 1941 г. они оставили Киев. При попытке прорыва на восток 20 сентября почти в полном составе погибло

управление Юго-Западного фронта, в том числе генерал М. П. Кирпонос. Командующий 5-й армией М. И. Потапов попал в плен. Бои в котле продолжались до 26 сентября, а разрозненные части выходили на восток до 2 октября (всего сумели пробиться около 15 тыс. человек). Красная армия лишилась 28 тыс. орудий, 411 танков и много другого оружия. Согласно немецким источникам, в районе Киева были захвачены около 665 тыс. человек. По отечественным данным, весь Юго-Западный фронт потерял безвозвратно в Киевской оборонительной операции с 7 июля по 26 сентября 1941 г. 531 тыс. человек[10].

В результате потери Киева в тяжелейшем положении оказалась 18-я армия Южного фронта. К началу августа 1941 г. румынские и германские войска вышли на подступы к Одессе. В ее обороне приняли участие войска Приморской армии, части и подразделения, созданные непосредственно в городе, морские пехотинцы и другие. С 19 августа эти войска были объединены в Одесский оборонительный район (ООР), который возглавил контр-адмирал Г. В. Жуков, в свою очередь, подчинявшийся командованию Черноморского флота. 100 тыс. одесситов были задействованы на строительстве оборонительных сооружений. Корабли Черноморского флота доставляли вооружение, технику, подкрепления, забирая обратно раненых, гражданское население.

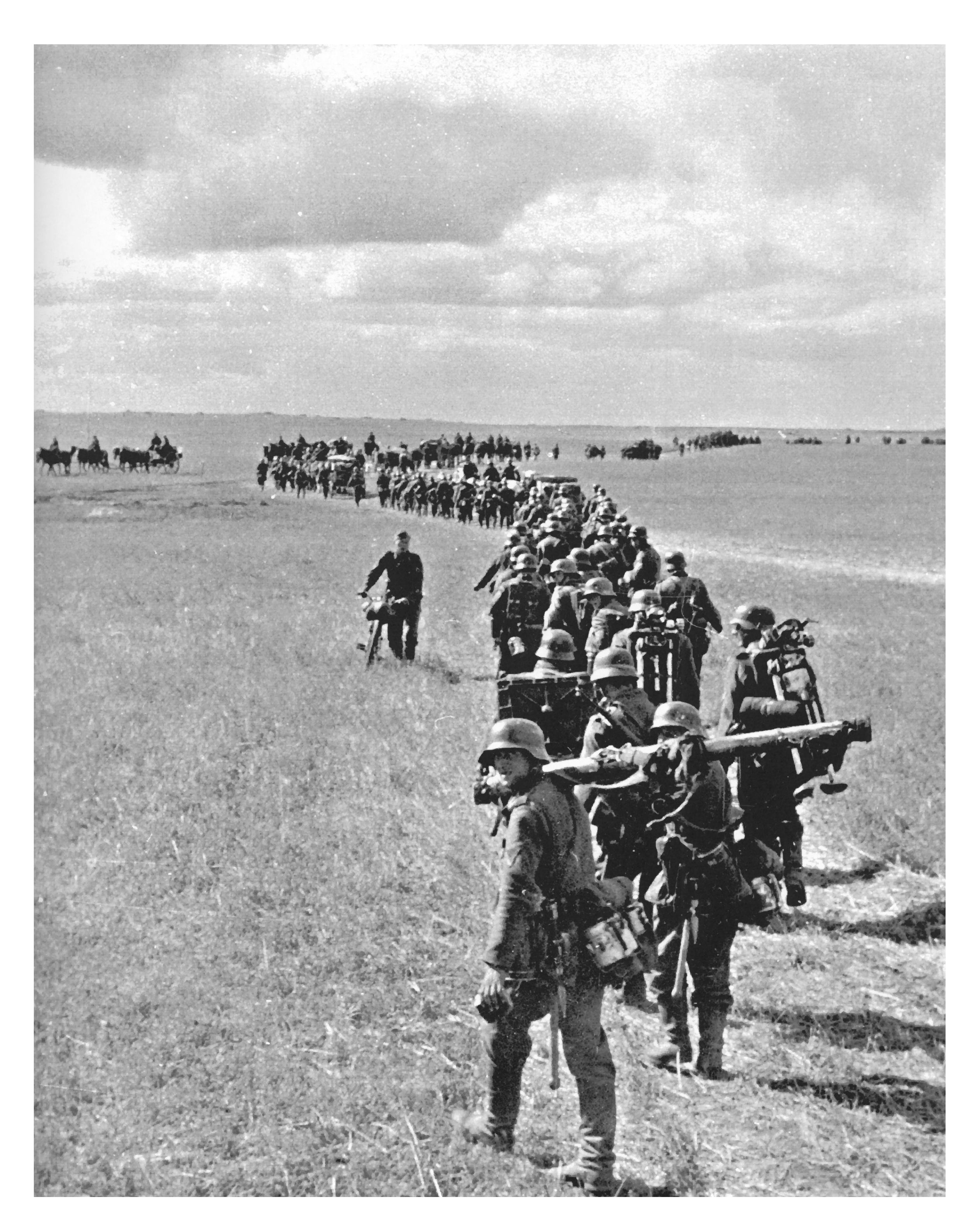
Противник не сумел с ходу овладеть Одессой, поэтому германское командование, нуждаясь в силах для наступления на восток, поручило захват города 4-й румынской армии, которая располагала пятикратным преимуществом в живой силе над обороняющимися. Однако все попытки пробить брешь в позициях советских войск в августе — сентябре 1941 г. не увенчались успехом. Лишь когда противник ворвался в Крым, а город остался в глубоком тылу, было принято решение об эвакуации. Она прошла с 1 по 16 октября и носила организованный характер: были вывезены 86 тыс. военнослужащих, 15 тыс. гражданских лиц, сотни единиц военной техники. Скрытность подготовки и безупречное исполнение сыграли главную роль в успехе этой операции. 16 октября Одесса пала. Ее оборона длилась 73 дня. Защитники Одессы сковали 4-ю румынскую армию и другие соединения противника, чем облегчили положение Юго-Западного фронта в период его отхода на Левобережной Украине[11].

На южном крыле советско-германского фронта противник продолжал продвигаться на восток. Ставка ВГК не имела достаточных сил, чтобы остановить его. Часть сил 18-й и 9-й армий Южного фронта оказалась в окружении. Соединения 21-й и 38-й армий отходили за р. Северский Донец. 17 октября пал Таганрог, 25 октября — Харьков, 2 ноября был блокирован Севастополь. Создалась реальная угроза захвата противником Ростова-на-Дону и его выхода к кавказским сырьевым источникам. В этой ситуации немецкое командование направило 2-ю танковую группу (с 5 октября 1941 г. преобразована во 2-ю танковую армию) в северо-восточном направлении с задачей участвовать в захвате Москвы, что, по мнению германского командования, должно было привести к военному и политическому крушению СССР.

Однако повернув свои войска с главного направления на юг, немецкое командование потеряло время и силы. Не взяв Киева, оно не смогло бросить все силы на захват Москвы. Это дало возможность советскому командованию подготовить новые резервы. Значительная их часть была направлена затем на Юго-Западный фронт, чтобы закрыть образовавшуюся там брешь, но основная масса свежих соединений перебрасывалась к Москве и участвовала впоследствии (начиная с конца октября — ноября) в Московской битве.

Тем не менее потеря огромного количества войск катастрофическим образом сказалась на всей обороноспособности Красной армии. В брешь, образовавшуюся восточнее Киева, срочно перебрасывались войска, предназначенные для действий на других участках советско-германского фронта.

29 сентября 1941 г. в своем докладе начальнику Генерального штаба Б. М. Шапошникову и командующему Юго-Западным фронтом С. К. Тимошенко заместитель начальника штаба Юго-Западного фронта указал на следующие причины поражения советских войск под Киевом и неудач при прорыве на восток: «Основной причиной окружения 4-х армий фронта и неспособности 5-й и 21-й армий к выходу из окружения является слишком за-



Немецкие войска на подступах к Киеву. Август 1941 г.

поздалое принятие решения на оставление Киева и на выход из окружения. Основным и грозным противником, приведшим к потере частями 21-й и 5-й армий боеспособности, оказался не столь противник, вышедший в тылы, сколь сильная группа его войск, наступающая с севера против этих армий. Под ударами этой группы 5-я и 21-я армии непрерывно откатывались на юг, все время неся большие потери. Истощение дошло до такого предела, что еще до выхода подвижных групп противника в тыл 21-й и 5-й армий последние почти полностью потеряли свою боеспособность. Появление же мелких групп мотомехчастей противника в непосредственном тылу наших войск еще в большей степени ускорило темпы их деморализации. К началу выхода из окружения боеспособность сохранила лишь одна 289 сд, оборонявшая район Пирятин. Из окружения выходила бесформенная и дезорганизованная масса, состоявшая главным образом из тылов»[12]. С этими выводами трудно не согласиться.

Начало блокады Ленинграда

Согласно плану «Барбаросса» захват Ленинграда должен был предшествовать взятию Москвы. Уже к 1 июля противник, располагавший большим превосходством в силах, захватил Каунас, Вильнюс, Ригу. 29 июня началась эвакуация из города на Неве детей, женщин, пожилых людей, но в недостаточных масштабах из-за неоправданной уверенности в том, что противник будет остановлен на дальних подступах к городу. С захватом 9 июля Пскова возникла непосредственная угроза Ленинграду. Еще 1 июля в городе была создана комиссия по вопросам обороны (председатель — А. А. Жданов). В тот же день сильный удар по советским войскам в 200 км северо-западнее города нанесла финская армия. 5 июля из состава Северо-Западного фронта была выделена оперативная группа под командованием генерала К. П. Пядышева для обороны лужского рубежа. Вокруг Ленинграда на дальних и ближних подступах развернулось строительство нескольких полос обороны. В результате своевременного создания Лужской оперативной группы план германского командования с ходу прорваться к Ленинграду был сорван.

С потерей баз в Лиепае и Риге корабли Балтийского флота перебазировались в Таллин. Особое значение в замедлении темпов немецкого продвижения имели оборона Таллина, Моонзундского архипелага и полуострова Ханко, лужского рубежа, сражение на ближних подступах к Ленинграду. 10 июля было создано главное командование войск Северо-Западного стратегического направления, объединившее командования Северного и Северо-Западного фронтов. Ему же в оперативном отношении было подчинено и командование Балтийского флота. Главкомом был назначен маршал К. Е. Ворошилов.

Наступление непосредственно на Ленинград войск противника с нанесением ударов на нескольких направлениях началось 10 июля. 19 августа советские войска вынуждены были оставить Новгород, а 20 августа — Чудово. Финская армия прорвалась к Карельскому перешейку. Создалась угроза окружения города. Государственный Комитет Обороны и Ставка Верховного главнокомандования стремились укрепить положение города. Были созданы Ленинградский и Карельский фронты, началась эвакуация населения, промышленных предприятий.

Вражеское наступление возобновилось в конце августа. Уже 31 августа была перерезана дорога Москва — Ленинград. 8 сентября город был окружен. В кольце блокады оказались более 2,5 млн гражданского населения, войска Ленинградского фронта. С этого дня сообщение с городом стало возможно только по Ладожскому озеру и по воздуху. Ежедневно Ленинград стал подвергаться артиллерийскому обстрелу и каждую ночь — воздушным налетам.

Уже 8 сентября, после овладения противником Шлиссельбургом, Ставка ВГК поставила задачу Ленинградскому фронту и 54-й армии Волховского фронта — прорвать блокаду города. Наступление 54-й армии началось без предварительной подготовки, что не замедлило сказаться на неудачном исходе операции. Войска Ленинградского фронта сумели захватить

Немецкая бронетехника на советской земле. Лето 1941 г. Украина

Колонна моторизованной дивизии СС движется по советской территории

Советский снайпер на позиции

Танки Т-26 на марше

плацдарм на р. Неве, но продолжение удара в районе Синявинских высот натолкнулось на ожесточенное сопротивление немцев. Объединение всех сил, действовавших на восточном и западном берегу Невы в районе Московской Дубровки, в составе 8-й армии, ввод в бой добровольческих полков и подразделений народного ополчения так и не привели к деблокаде Ленинграда.

Положение города было тяжелым. Блокада грозила голодом. 30 августа советское правительство приняло постановление «О транспортировке грузов для Ленинграда», которым предусматривалась доставка в город продовольствия, вооружения, боеприпасов и горючего, однако осуществить это было крайне трудно. В Ленинград была направлена комиссия во главе с заместителем председателя ГКО В. М. Молотовым. Г. К. Жуков был отозван в Москву из-под Ельни, где он руководил успешной операцией советских войск. Во время беседы И. В. Сталина с Г. К. Жуковым Верховный главнокомандующий сказал: «Мы еще раз обсудили положение с Ленинградом. Противник захватил Шлиссельбург, а 8 сентября разбомбил Бадаевские продовольственные склады. Погибли большие запасы продовольствия. С Ленинградом по сухопутью у нас связи теперь нет. Население оказалось в тяжелом положении. Финские войска наступают с севера на Карельском перешейке, а немецко-фашистские войска группы армий «Север», усиленные 4-й танковой группой, рвутся в город с юга... Вам придется лететь в Ленинград и принять от Ворошилова командование фронтом и Балтфлотом»[13].

Приезд Г. К. Жукова и принятые им меры укрепили оборону города, но прорвать блокаду не удалось. После полного окружения Ленинграда гитлеровцы пытались форсировать Неву, чтобы соединиться с финскими войсками на Карельском перешейке, однако специально созданная Невская оперативная группа отразила все попытки врага достигнуть этой цели. Хуже обстояли дела к югу от города, где противнику удалось потеснить в районе Колпино и Ропшы соединения 42-й и 55-й армий, личный состав которых имел очень слабую военную подготовку. До городских кварталов немцам оставалось преодолеть всего несколько километров, однако благодаря энергичным мерам командования Ленинградского фронта, мужеству красноармейцев и ополченцев наступление группы армий «Север» удалось остановить. На самые опасные участки обороны Г. К. Жуков направил зенитные орудия для уничтожения вражеских танков, срочно укреплялся оборонительный рубеж на Пулковских высотах. В командование 42-й армией вступил генерал И. И. Федюнинский. Соединения армии отошли на еще недостроенный пулковский рубеж и здесь закрепились. В состав его армии передавалась часть сил с менее угрожаемого Карельского перешейка. Напряжение в сражении за Ленинград достигло предела. Врагу удалось 16 сентября прорваться к Финскому заливу, отрезав тем самым соединения 8-й армии от основного фронта. Западнее города образовался ораниенбаумский плацдарм.

Для восполнения потерь в Ленинграде началось формирование отдельных стрелковых бригад из моряков и курсантов; по мере приближения гитлеровцев советские войска все активнее поддерживали своим огнем корабли Балтийского флота. 17 сентября противник занял Павловск и ворвался в Пушкин (Царское Село). Но это оказалось последним существенным успехом врага. Наступательные группировки группы армий «Центр» к этому моменту выдохлись и потеряли необходимую ударную силу. В тот же день, 17 сентября, А. Гитлер отдал приказ вывести 4-ю танковую группу генерала Э. Гепнера из боя и перебросить ее на московское направление для участия в завершающем штурме советской столицы[14].

Немцы вплотную подошли к городу. Кольцо блокады, линия фронта находились от городской черты на расстоянии от 2 до 30 км. Но взять город с ходу не удалось. Уже в сентябре начала сказываться нехватка продовольствия. Еще 2 сентября был усилен режим экономии продуктов. Рабочие и инженеры получали по 600 граммов хлеба в день, служащие — по 400 граммов, иждивенцы и дети — по 300 граммов. 11 сентября эта норма была уменьшена. Хлеб стали выпекать с различными примесями — солодом, жмыхом и прочим.

22 сентября вышла директива германского военно-морского штаба «Будущее Петербурга». В ней говорилось, что «фюрер принял решение стереть город Петербург с лица земли»,

поскольку существование этого города, по его мнению, не имело никакого смысла. Финляндия, как утверждалось, также не была «заинтересована в дальнейшем существовании города рядом с ее новыми границами». Предполагалось плотно блокировать Ленинград и сравнять его с землей с помощью артиллерии и авиации. Возможные заявления о капитуляции следовало отклонять[15].

Обстановка в городе ухудшалась. Угрожающее положение сложилось с топливом и электроэнергией. Но наиболее тяжелым испытанием стал голод. С 20 ноября 1941 г. были установлены самые низкие нормы выдачи хлеба по карточкам: рабочим и инженерно-техническим работникам — по 250 граммов, служащим, иждивенцам и детям — по 125 граммов. Частям первой линии и боевым кораблям — по 500 граммов, летно-техническому составу ВВС — по 500 граммов, всем остальным воинским частям — по 300 граммов. Началась массовая гибель населения. Однако оборона города на Неве сковывала соединения группы армий «Север», не давала германскому командованию перебросить их на московское направление.

Северный фланг выстоял

Войска Северного фронта обороняли территорию Заполярья и Карелии протяженностью более 1 тыс. км — от полуострова Рыбачий до Финского залива. Первые бои на этом плацдарме начались 29 июня 1941 г.

В планы немецкого командования входил захват прежде всего Мурманска, а также г. Кандалакши и поселка Лоухи. Взятие этих трех населенных пунктов обеспечило бы немецким войскам установление контроля над Кировской железной дорогой и северными морскими путями. Для реализации этих замыслов на данном направлении была развернута часть немецкой армии «Норвегия». Однако, несмотря на то что в начале Мурманской операции немецкие войска имели численное преимущество в 1,8 раза, осуществить свои первоначальные планы им не удалось.

Благодаря тому, что до 29 июня немецкие войска на данном участке осуществляли только авианалеты, 14-я армия под командованием генерала В. А. Фролова и боевой состав Северного флота (командующий — контр-адмирал А. Г. Головко) сумели подготовиться к встрече противника. Необходимо отметить, что на протяжении всего периода боев в Заполярье Северный флот поддерживал сухопутные войска с моря надводными кораблями, авиацией и береговой артиллерией, расположенной на полуостровах Средний и Рыбачий, а также непосредственным участием значительной части моряков в сухопутных сражениях. Удары на мурманском направлении, предпринятые противником с 29 июня, не принесли ощутимых результатов.

Особую помощь войскам 14-й армии в начальный период обороны Заполярья оказывали морские десанты, заставлявшие противника оттягивать часть его войск с главных направлений. Один из самых крупных десантов был высажен в середине июля на губу Большая Западная Лица (с учетом трех высадок общая численность морского десанта составила более 2 тыс. человек). В ходе длительных оборонительных боев вражеские войска понесли большие потери и вынуждены были перейти к обороне.

С новой силой боевые действия в Заполярье начались с наступлением на Мурманск 8 сентября 1941 г., когда армия «Норвегия» была усилена горнострелковой дивизией из Греции с целью овладения Мурманском и военно-морской базой Северного флота — Полярным. Это были одни из самых ожесточенных боев на данном направлении.

Одновременно с наступлением немецкой армии «Норвегия» 1 июля началось наступление финской армии «Карелия» на ухтинском направлении, которой противостояла 7-я советская армия. Имея четырехкратное превосходство в живой силе, в середине июля финны прорвали оборону частей 54-й дивизии 7-й армии, вынудив их отступить.

Вновь бои на данном направлении разгорелись в середине августа. В планы финского командования входило уничтожение советских войск на Карельском и Онежско-Ладожском

перешейках с последующим наступлением на Ленинград с севера и соединением с немецкими войсками группы армий «Север».

Захватив территорию до побережья Ладожского озера, противник активизировал свои действия на петрозаводском, олонецком и сартавальском направлениях. Для полного окружения Ленинграда в начале августа финские войска предприняли наступление на Онежско-Ладожском и Карельском перешейках.

К середине августа войска Северного фронта растянулись более чем на 1500 км. Руководство ими было крайне затруднено. 23 августа 1941 г. Ставка ВГК приняла решение о разделении Северного фронта на два — Карельский и Ленинградский. В состав Карельского фронта вошла 14-я армия, командующим которой был назначен генерал-лейтенант В. А. Фролов. Кроме того, Северный флот был непосредственно подчинен командующему Карельским фронтом[16].

4 сентября финская армия, получившая подкрепление и поддерживаемая крупной группой бомбардировщиков, начала новое наступление на петрозаводском направлении. Несмотря на упорное сопротивление советских войск, 7-й финский армейский корпус, усиленный частями переброшенной из Норвегии 163-й немецкой пехотной дивизии, прорвал оборону Карельского фронта. 1 октября части фронта вынуждены были оставить Петрозаводск, оккупация которого продолжалась до 28 июня 1944 г. Продвижение финской армии было остановлено лишь западнее линии Беломоро-Балтийского канала.

Срыв своих планов на северном направлении командование немецкой армии объясняло в вышедшей 22 сентября 1941 г. директиве ОКВ № 36: «Непривычные тяжелые условия местности, недостаток дорог и непрерывная переброска советских подкреплений в Карелию и Лапландию — все это послужило причинами того, что... все еще не удалось... достигнуть Мурманской железной дороги». Далее этой директивой предписывалось прекратить наступление на Мурманск, пока не будет осуществлена доставка всех новейших боевых средств, которые могут быть использованы в тундре»[17].

К середине октября 1941 г. после кровопролитных боев боевая обстановка на мурманском направлении стабилизировалась, и обе стороны вели лишь оборонительные действия вплоть до октября 1944 г.

Не допустив захвата противником Заполярья и Карелии, советские войска обеспечили Северному флоту возможность действовать в Северных морях весь дальнейший период Великой Отечественной войны, что позволило осуществлять доставку различных видов грузов в СССР по ленд-лизу, а также максимально препятствовать снабжению промышленности Германии стратегическим сырьем северными морскими путями. А сохранив за собой восточный берег Ладожского озера, обеспечили снабжение жителей Ленинграда и войск Ленинградского фронта.

Страна накануне новых испытаний

Во второй половине сентября 1941 г. в центре советско-германского фронта произошла относительная стабилизация. Подход новых частей, создание резервов создавали предпосылки изменения хода войны в пользу Красной армии. Однако надежды советского командования переломить ход вооруженной борьбы не учитывали общий ход боевых действий, планы германского командования, остающийся ресурс военной мощи вермахта. Вскоре группа армий «Центр» нанесла сильнейший удар на московском направлении — развернулась битва за Москву. Красная армия вновь оказалась на грани катастрофы. Но это было позднее. А в тот период небольшая передышка и подготовка к новым сражениям дали возможность командованию Западного фронта подвести некоторые итоги и обобщить накопленный опыт. Речь не шла пока о всеохватывающих выводах и заключениях, для этого еще не пришло время, не было и достаточных источников. Однако ряд выводов был сделан. Например, генерал С. А. Калинин[18], находившийся в августе 1941 г. в штабе Запад-

ного фронта, по поручению Военного совета фронта подготовил доклад по опыту боевых действий первых месяцев войны.

25 сентября был подготовлен документ «Некоторые выводы из опыта первых трех месяцев войны и характер ближнего боя». Генерал достаточно четко выделил особенности тактики немецких частей и соединений в начальный период боевых действий: организацию ими ударов во фланг и тыл, создание ловушек, четкое взаимодействие пехоты, танков и авиации. В то же время С. А. Калинин, возможно, раньше, чем кто-либо другой в РККА, отметил появившуюся у германского командования осторожность, нежелание вырываться далеко вперед. Весьма интересны замечания относительно способов окружения немцами частей Красной армии. К сожалению, они не были тогда в должной мере восприняты командованием Западного фронта. Вывод о том, что строевая подготовка РККА должна быть поставлена во главу угла обучения войск, можно назвать достаточно спорным. Но трудно отрицать тот факт, что многие советские части летом — осенью 1941 г. не проявляли достаточной стойкости в обороне. Естественно, одной строевой выучки для этого мало, но без нее не добиться желаемой сколоченности подразделений, частей и соединений.

В докладе был сделан также ряд обобщений стратегического характера. С. А. Калинин отметил, в частности, ошибки командования Западного и Прибалтийского особых военных округов в выносе развертывания к границе, но в то же время подчеркнул, что было время исправить их в соответствии с «большим, гениальным решением» строить оборону по линии Осташков — Дорогобуж — Рославль, где боеспособные войска РККА были бы сильнее немцев. Необходимо заметить, что такое решение на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) действительно было принято 21 июня 1941 г. Рубеж обороны предполагалось строить вдоль рек Днепр и Десна — от Осташкова на Трубчевска.

Ряд предложений С. А. Калинина, относящихся к улучшению подготовки войск, ведению боя, на тот момент соответствовал реальным требованиям. Сейчас трудно сказать, насколько полно ими воспользовались командование Западного фронта и высшее военное руководство страны. Но факты свидетельствуют, что некоторые последующие приказы Генштаба и Наркомата обороны содержат те же положения, что и в докладе генерала С. А. Калинина. Это касается также директив Генштаба и НКО об организации взаимодействия родов войск, установлении на фронте сокращенного срока выслуги очередного воинского звания и прочем[19].

Военные действия на восточном фронте, несмотря на впечатляющие первоначальные успехи вермахта, развивались для германского командования по другому сценарию, нежели с Польшей и западноевропейскими странами. Темп наступления трех групп армий был разным, вовсе не так, как планировали германские генералы. Ленинград — первая цель войны против Советского Союза — держался; Киев пал только после длительного сопротивления. Германское командование получало сведения о переброске к Москве свежих частей с других участков фронта. Группа армий «Центр» подвергалась постоянным контрударам советских войск. Нерешенность основной стратегической задачи кампании — уничтожение сил РККА в приграничных сражениях — вынуждала германское руководство в срочном порядке искать выход из наметившегося стратегического тупика. Новые операции требовали дополнительного времени на их подготовку. Приостановка наступления на советскую столицу грозила для Германии затяжной войной, к которой она не была готова.

Что чувствовали в начале осени 1941 г. советские люди, отступавшие под натиском неумолимого врага воины и труженики тыла? Чего они ждали от будущего развития войны? Заместитель заведующего иностранным отделом газеты «Правда» Я. Викторов 9 сентября писал в статье с характерным названием «Время против Гитлера»: «Немцы называют Дюнкерк величайшим поражением англичан... В тот момент казалось, что все против англичан. В руках немцев оказались важнейшие стратегические позиции на побережье Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии, Франции. Над Британскими островами нависла громада главных сил германской армии... Но Англия не капитулировала. Несмотря на огромные жертвы, на большие потери, англичане упорно охраняли свои важнейшие стратегические пункты и в то же время усиливали свою оборону... Гитлер проиграл битву за Англию... Время оказа-

На марше подразделение с собаками-истребителями танков

После боя

лось против Гитлера, ибо Гитлер начал, вел и ведет войну, исходя из заранее накопленных ресурсов, заранее мобилизованных сил. Сказывается закон, обрекающий авантюры... Войну выигрывает только тот, кто, если можно так выразиться, может вести ее на «крейсерской скорости», располагая возможностями постепенно и непрерывно увеличивать эту скорость, доводя ее до предела лишь в самые решающие моменты.

Нынешняя война — это война моторов и резервов. И выиграть эту войну может лишь та сторона, которая в состоянии обеспечить постоянный приток и нарастание сил, постоянное накопление резервов... Ставка делалась на то, чтобы выиграть войну против Советского Союза в молниеносных темпах. Эта ставка оказалась битой. Нападение немецко-фашистских армий на Советский Союз явилось поворотным пунктом во всей мировой войне. Конечно, немецко-фашистская армия еще сильна; она, несомненно, будет настойчиво и упорно лезть вперед. Однако никакие временные успехи немецко-фашистских войск не могут изменить неизбежного хода вещей. План молниеносной войны сорван, а длительную войну Германия выиграть не в состоянии... Силы гитлеровской Германии, перед которой стоит перспектива тяжелой зимней кампании, длительной и упорной борьбы на многих фронтах, будут неизбежно иссякать и истощаться, а силы антигитлеровского фронта неизменно расти и увеличиваться»[20].

Конечно, не со всеми выводами автора можно согласиться. Он, как и генерал С. А. Калинин, писал в конкретной обстановке, менявшейся ежедневно и ежечасно. Приведенное далее выражение о «неисчерпаемом резерве пополнений» антигитлеровского фронта сегодня, с позиций тяжелейших боев Красной армии в 1941—1945 гг., кажется слишком самонадеянным. Иначе не было бы приказа Сталина № 227 от июля 1942 г. «Ни шагу назад!». Утверждать, что в сентябре 1941 г. молниеносная война Германии уже провалилась, было преждевременным. Впереди предстояли новые испытания, трагедии окружения под Брянском и Вязьмой, выход немцев на ближайшие подступы к Москве.

Но основные факторы, влиявшие на ход Великой Отечественной войны, к началу осени 1941 г. можно было обозначить абсолютно точно: нападение Германии на Советский Союз стало поворотным пунктом всего мирового конфликта, а время играло в пользу СССР и его союзников. Смоленское сражение, упорная оборона Ленинграда, Киева стали важнейшими вехами на пути срыва германского блицкрига, а значит, и проигрыша немецко-фашистскими войсками всей войны.

В противоборстве нацистской Германии с Советским Союзом наступал новый этап. Германскому командованию было ясно, что легкого продвижения в направлении советской столицы не будет. Все было направлено на то, чтобы осуществить наступление на Москву, завершающее всю Восточную кампанию. С этой целью, в частности, откладывалось продвижение танковых соединений 3-й танковой группы в направлении Валдайской возвышенности. Пехотные соединения 9-й армии сменяли на позициях части 3-й танковой группы, которые, в свою очередь, получали пополнение[21].

В директиве № 35 от 6 сентября 1941 г., в первую очередь направлявшей немецкие войска на окружение советских сил под Киевом, пояснялись мотивы и цели последующих ударов вермахта, которые должны были привести к окончательному разгрому Красной армии: «Начальные успехи против сил противника, находящихся между внутренними флангами групп армий «Центр» и «Север», с точки зрения окружения Ленинграда создает предпосылки для проведения решающих операций против ведущей наступление группы армий Тимошенко. Она должна быть уничтожена еще до наступления зимы. Для этого необходимо подтянуть и сосредоточить все силы авиации и сухопутной армии, без которых можно обойтись на флангах»[22].

После разгрома Юго-Западного фронта под Киевом германское командование практически поставило крест на способности СССР продолжать активные боевые действия, считая, что Красная армия едва ли сможет создать сплошной фронт между Ладожским озером и Черным морем и тем более его удержать[23]. Уже после войны бывший начальник генштаба ОКХ Ф. Гальдер приводил слова А. Гитлера после сражений под Киевом: «С Россией в военном отношении покончено»[24].

Шел третий месяц войны. В предыдущих боях Красная армия понесла огромные потери, но испытания на этом не заканчивались. Тысячи эшелонов с эвакуируемыми материалами и людьми двигались в то время на восток СССР, производство военной продукции резко сократилось. Проселочные дороги заполнились беженцами и угоняемым от врага скотом. В воздухе по-прежнему господствовала вражеская авиация, а количество советских танков на фронте не позволяло теперь надеяться на проведение мощных и разящих контрударов по противнику.

Тем не менее, отступая под натиском превосходящих сил, теряя сотни тысяч бойцов и командиров в бесчисленных котлах, Красная армия постоянно предпринимала попытки дать отпор врагу, остановить продвижение его войск. В этом смысле любая задержка наступления вермахта становилась хоть крошечной, но крупицей в фундамент алтаря будущей победы. Впереди была решающая битва под Москвой.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] 1941 год: Страна в огне. Кн. 1. С. 573.

[2] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: в 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 352–353.

[3] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 4. М., 1975. С. 82.

[4] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 1. М., 1998. С. 188.

[5] *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. М., 1956. С. 185.

[6] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 109.

[7] ЦАМО. Ф. 16. Оп. 3408 сс. Д. 15. Л. 431.

[8] Там же. Оп. 973. Д. 1. Л. 202–206.

[9] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 85.

[10] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. М., 1998. С. 195; Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 85.

[11] 1941 год: Страна в огне. Кн. 1. С. 579.

[12] ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 103. Л. 79–87.

[13] *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 1. С. 369.

[14] *Золотарёв В. А., Соколов А. М.* История великой войны 1941–1945: в 2 т. Т. 1. М., 2010. С. 135–136.

[15] См. Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: в 2 т. Изд. 3-е. Т. 2. М., 1955. С. 783.

[16] ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 29. Л. 63–64.

[17] Hitlers Weisungen fur die Kriegfiihrung 1939–1945. S. 1945.

[18] Степан Андрианович Калинин (1890–1975), генерал-лейтенант (1940). Участник Первой мировой войны. С 1918 г. в Красной армии, участник Гражданской войны. В 1922–1938 гг. — командир дивизии, корпуса, заместитель начальника штаба военного округа, заместитель командующего и командующий военным округом. Во время Великой Отечественной войны — командующий 24-й армией (июнь — июль 1941 г.), 66-й армией (август 1942 г.), командующий войсками военных округов. В июне 1944 г. отстранен от должности и арестован. Приговорен к длительному сроку тюремного заключения и лишен воинского звания. В 1953 г. реабилитирован, восстановлен в звании и уволен в запас.

[19] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 13. Л. 1–27.

[20] Правда. 1941. 9 сентября.

[21] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 231. Л. 32–41.

[22] Там же. Д. 7. Л. 38–41.

[23] Там же. Д. 548. Л. 111–112.

[24] *Liddell Hart.* Centre for Military Archives. 9/24/107.

Зарождение народной борьбы в тылу врага

Перед нападением на СССР германское руководство не ожидало встретить на оккупированной советской территории серьезного сопротивления. Действительность оказалась иной. 1 июля 1941 г. начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер записал в своем дневнике: «Серьезные заботы доставляет проблема усмирения тылового района... одних охранных дивизий совершенно недостаточно... нам придется для этого выделить несколько дивизий из состава действующей армии»[1].

Как вспоминает член редколлегии настоящего тома академик РАН Г. Н. Севостьянов — начальник штаба партизанской бригады в годы войны, партизанское движение начало развертываться с первых же дней войны, прежде всего в Белоруссии. В ряде оккупированных районов, например, в Полесской области, были созданы партизанские отряды под командованием В. З. Коржа (Комарова), Т. П. Бумажкова и Ф. И. Павловского, М. И. Жуковского и др. Довольно малочисленные и плохо вооруженные, они, тем не менее, без промедления стали наносить удары по оккупантам.

Первый бой 28 июня дал Пинский партизанский отряд В. З. Коржа, работавшего до начала войны заведующим хозяйственно-финансовым сектором Пинского обкома КП(б) Белоруссии. Партизаны напали на колонну противника, двигавшуюся по тракту Пинск — Логишин, подбили вражеский танк, уничтожили несколько гитлеровцев.

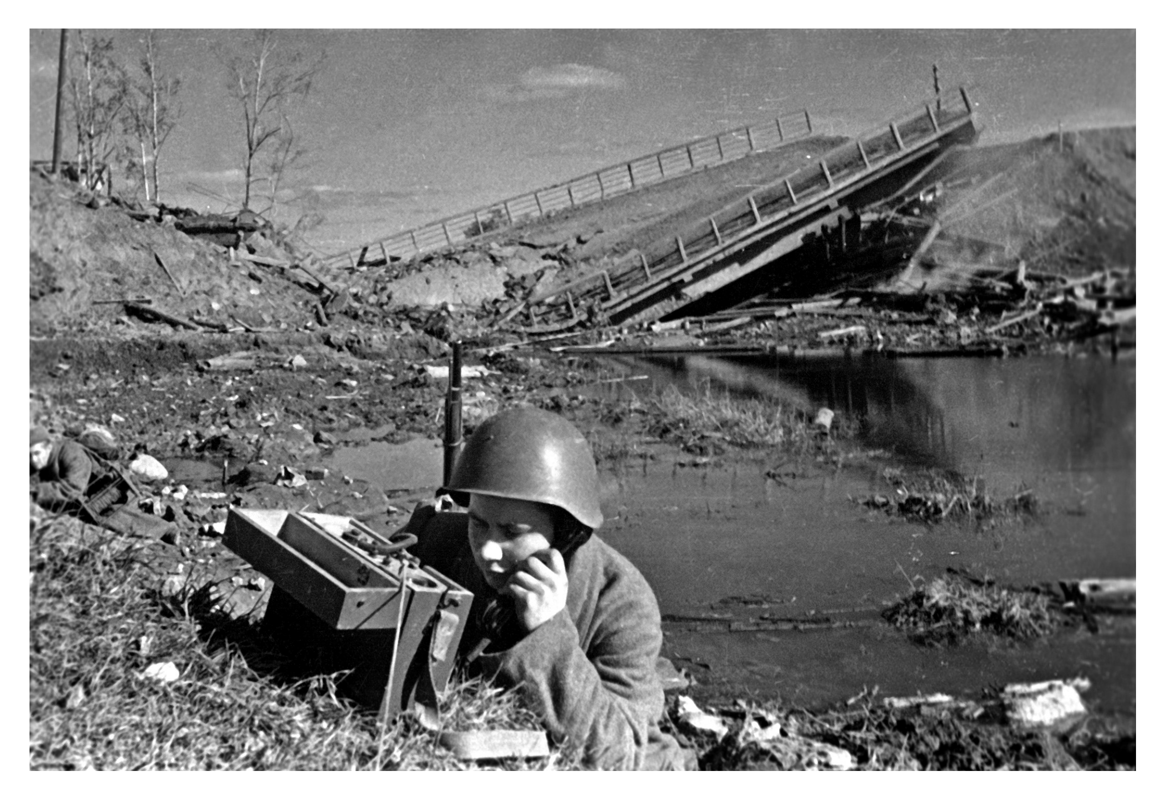
Неустановленными народными мстителями в районе Западной Двины был совершен налет на штаб 121-й пехотной дивизии и убит ее командир генерал-лейтенант О. Лансель. О резонансе налета говорит уже тот факт, что он оказался зафиксированным 4 июля в дневнике того же генерал-полковника Ф. Гальдера.

2 июля 1941 г. первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии, член Военного совета Западного фронта П. К. Пономаренко докладывал И. В. Сталину, что народными мстителями-колхозниками Калинковичского района уничтожен двухмоторный бомбардировщик с экипажем, в Борисовском районе захвачены пять танков, стоявших без горючего, уничтожаются одиночки и даже группы вражеских солдат. Таких фактов известно уже много, настроение у населения боевое, патриотическое[2].

«С самого начала военной кампании против Советской России во всех оккупированных Германией областях возникло коммунистическое повстанческое движение, — признал в своем приказе 16 сентября 1941 г. начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта генерал-фельдмаршал В. Кейтель. — Это движение носит различный характер, начиная с пропагандистских выступлений и покушений на отдельных военнослужащих немецкой армии и кончая открытыми мятежами и организованной партизанской войной»[3].

Поначалу население объединялось для нанесения ударов по врагу во многом стихийно, реагируя на смертельную опасность, которую несли оккупанты. В то же время огромный потенциал народного сопротивления в тылу вермахта сознавали и руководящие органы Советского Союза. Внимание к организации партизанской борьбы нашло отражение в первых же решениях советского руководства.

Партизаны ведут бой



У взорванного партизанами моста

29 июня 1941 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) в директиве партийным и советским организациям прифронтовых областей, определявшей меры по превращению страны в единый военный лагерь, среди других задач назвали развертывание партизанского движения.

«В занятых врагом районах, — требовала директива, — создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т. д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия. Для руководства всей этой деятельностью заблаговременно, под ответственность первых секретарей обкомов и райкомов создавать из лучших людей надежные подпольные ячейки и явочные квартиры в каждом городе, районном центре, рабочем поселке, железнодорожной станции, в совхозах и колхозах»[4].

В развитие этой директивы ЦК ВКП(б) 18 июля 1941 г. принял специальное постановление «Об организации борьбы в тылу германских войск», в котором организацию и руководство партизанским и подпольным движением возложил персонально на руководителей республиканских, областных и районных партийных комитетов и органов советской власти.

Задачи ЦК национальных компартий, обкомам и райкомам ставились дифференцированно, с учетом разницы между районами, уже захваченными противником, находящимися под угрозой захвата и районами более глубокого советского тыла. В первом случае для организации подпольных коммунистических ячеек, руководства партизанским движением и диверсионной работой требовалось с соблюдением требований конспирации осуществить заброску во вражеский тыл наиболее стойких руководящих работников, хорошо знакомых с условиями той местности, в которую они забрасывались.

В районах, находящихся под угрозой захвата противником, руководители партийных организаций должны были немедленно организовать подпольные ячейки и сразу же, не дожидаясь подхода вражеских войск, перевести отобранных для этих целей лиц на нелегальное положение. Параллельно для обеспечения широкого развития партизанского движения партийные организации обязывались без промедления организовать «боевые дружины и диверсионные группы» из числа участников Гражданской войны, бойцов истребительных батальонов, отрядов народного ополчения, а также из работников народных комиссариатов госбезопасности и внутренних дел (НКГБ и НКВД). Надо сказать, что в ряде районов эти группы действовали весьма успешно. В Киеве на шестой день оккупации 24 сентября с помощью подпольщиков был подорван склад магазина «Детский мир» в центре города, затем немецкая комендатура, расположенная в соседнем доме, кинотеатр, в котором оккупанты смотрели хронику о вторжении вермахта во Францию, подорвано и разрушено ряд других зданий в центре города. Оккупанты понесли большие потери, и это весьма встревожило немецкое командование. 12 октября 1941 г. главнокомандующий сухопутными войсками предупредил группу армий «Центр», что «в случае захвата Москвы также как и в Киеве могут возникнуть чрезвычайные опасности от мин замедленного действия»[5].

Парторганизациям, уже действующим в тылу, предлагалось выделить для формирования и руководства партизанским движением опытных, проверенных на деле людей, поддерживать с отрядами и группами, находившимися в тылу противника, всю возможную связь, обеспечить пересылку им листовок, лозунгов, газет[6].

Особое внимание в постановлении обращалось на заблаговременное создание и укрытие необходимых запасов оружия и боеприпасов, обеспечение партизан и подпольщиков средствами связи, деньгами и ценностями.

Борьба с захватчиками с самого начала была бы более организованной и эффективной, если бы в канун войны подготовке к партизанским действиям уделялось должное внимание. Однако в силу господства военной доктрины, предусматривавшей разгром врага на его собственной территории и малой кровью, теория использования партизанских сил в будущей войне была признана несостоятельной, опыт партизанских действий в войнах прошлого не

изучался, организационные вопросы развертывания партизанского движения (подготовка кадров, закладка тайников с оружием, боеприпасами и продовольствием, меры конспирации и т. п.) не отрабатывались. По необоснованным обвинениям в антисоветской деятельности и подготовке диверсий в советском тылу подверглись репрессиям многие ранее обученные кадры специалистов.

3 июля 1941 г. из речи И. В. Сталина по радио стали известны призывы компартии и правительства к развертыванию партизанского движения. Однако ни в секретных директивах, ни в речи Сталина (и это естественно) еще на затрагивались вопросы практической организации партизанского движения, обеспечения борьбы в тылу противника вооружением, средствами связи, взаимодействия партизанских отрядов и подполья с Красной армией[7].

В таких условиях требования директивных органов, чтобы «вся эта борьба получила размах непосредственной, широкой и героической поддержки Красной армии, сражающейся на фронте с германским фашизмом», приходилось выполнять во многом методом проб и ошибок, сопряженных с большими и напрасными жертвами.

Народный гнев накапливался стремительно. Даже те, кто вначале полагал, что сможет ужиться с немецкими властями, убедились, что так называемый новый порядок обернулся жесточайшим оккупационным режимом с его массовыми убийствами, зверствами, грабежом мирного населения. Его человеконенавистническую суть передает приказ рейхсминистра по делам оккупированных восточных областей А. Розенберга от 23 августа 1941 г.: «Местное население обязано вести себя в соответствии с немецкими законами и с приказами, изданными для него немецкими властями... Все лица, осуществляющие акт насилия против немецкой империи или против органов власти, находящихся на территории оккупированных восточных областей, все лица, намеренно разрушающие учреждения, принадлежащие немецким властям... все лица, распространяющие враждебные немцам слухи путем ведения ненавистнической или подстрекательской пропаганды, все лица, подстрекающие к неподчинению указам или постановлениям немецких властей, все лица, совершающие акты насилия, направленные против немецких граждан... против военнослужащих немецкой армии, немецкой полиции, в том числе ее вспомогательных сил, представителей управления государственной трудовой повинности, работников немецких властей, служебных органов или партийных организаций НСДАП... подлежат смертной казни, а в менее тяжелых случаях заключению в каторжную тюрьму»[8].

Формы и способы борьбы с оккупантами были многообразны. Партизаны и подпольщики добывали в интересах Красной армии разведывательную информацию; уничтожали живую силу и боевую технику противника, совершая налеты на гарнизоны, колонны войск, штабы, аэродромы, стоянки автомобильной и бронетехники; взрывали и поджигали склады и базы материально-технического снабжения, особенно с горючим и боеприпасами, а где возможно — захватывали технику, оружие, топливо, продовольствие; на железных и автомобильных дорогах, водных путях устраивали крушения поездов, морских и речных судов, подрывали мосты, станции, депо, рельсовый путь, автомашины, гужевой транспорт, портовое оборудование; выводили из строя телефонную, телеграфную и радиосвязь; устраивали диверсионные акты на заводах, электростанциях, линиях электропередач, в шахтах, портах и на пристанях; освобождали соотечественников из фашистского плена, препятствовали истреблению мирного населения и угону его в рабство, вели антифашистскую пропаганду, карали организаторов и исполнителей фашистского террора и коллаборационистов.

Тысячи и тысячи советских людей, оказавшись под оккупационным гнетом, с первых дней войны поднимались на патриотическую борьбу по собственному почину, не дожидаясь никаких указаний сверху либо не зная о них. Во главе групп и отрядов вставали не обязательно местные руководители (секретари партийных комитетов, председатели сельсоветов и т. п.), но и неформальные лидеры, выдвинутые народом в силу их личных качеств. Этот путь отражал исторически присущую народам России священную ненависть к захватчикам, неизбывное стремление спасти Родину от поругания, невозможность спокойно наблюдать,

как враг топчет землю твоих предков, убивает и подвергает насилию твоих родных и близких. Но только ненависть к оккупантам не могла компенсировать отсутствия опыта и навыков действий в тылу противника.

Практически одновременно, а в значительной мере и переплетаясь с самодеятельными партизанскими формированиями из гражданского населения, удары по врагу стали наносить многочисленные группы военнослужащих Красной армии и пограничных войск, оказавшихся во вражеском окружении или бежавших из фашистского плена. Они либо сами выступали инициаторами создания новых партизанских отрядов и групп, либо примыкали к уже возникшим формированиям. В Белоруссии кадровые военнослужащие составили более 10 % состава партизанских формирований, в Литовской ССР — 22 %, в Ленинградской области — 18 %, в Орловской области — 10 %.[9] Они привносили в партизанские отряды дисциплину, умение владеть оружием и боевой техникой. Опираясь на их боевой опыт, партизаны более уверенно решали свои задачи.

Именно к этой категории обратилось 15 июля 1941 г. Главное управление политпропаганды РККА в специальной листовке, разбросанной с самолетов над оккупированными районами. Действия в тылу противника, в отрыве от главных сил Красной армии объявлялись выполнением боевой задачи. Бойцов, командиров и политруков призывали овладевать всеми доступными методами и приемами партизанской борьбы — уничтожать боевую технику врага, разрушать его коммуникации и средства связи, дезорганизовывать работу транспорта, преследовать и уничтожать фашистских пособников[10].

Партизанами по необходимости стали многие командиры высшего звена, например, командир 6-й кавалерийской дивизии генерал-майор М. П. Константинов (позднее ставший начальником оперативной части штаба партизанского соединения Минской области), командир 48-й кавалерийской дивизии генерал-майор Д. И. Аверкин (ставший командующим 4-м партизанским районом Крыма), командир 208-й стрелковой дивизии полковник В. И. Ничипорович (организатор и командир 208-го партизанского отряда, потом соединения, действовавшего на Могилевщине), командир 110-й стрелковой дивизии полковник В. А. Хлебцов, герой обороны Могилева, ставший командиром партизанского отряда, и другие.

Профессиональные военные знания и боевой опыт кадровых военнослужащих имели для нарождающегося партизанского движения особое значение. Командиры и работники штабов выступали инициаторами организации и совершенствования управления партизанскими силами, способствовали выработке специфической тактики партизанской борьбы, налаживали внутреннюю службу, утверждали поистине армейский порядок и дисциплину, укрощая тем самым партизанскую вольницу. Военные специалисты помогали осваивать отечественное и трофейное оружие, овладевать минно-подрывной техникой, конструировать новые образцы мин, устраивать мастерские по ремонту, а то и производству стрелкового оружия, гранат, запалов. Военврачи создавали медицинскую службу.

Правда, далеко не все военнослужащие, имевшие возможность включиться в партизанские действия, воспользовались ею. Некоторые кадровые офицеры, не имея конкретных знаний и навыков организации борьбы в тылу врага, растерялись, не смогли действовать на должном уровне. Формирование партизанских отрядов из военнослужащих носило подчас длительный и стихийный характер[11].

Важнейшим, а вскоре и основным путем создания партизанско-подпольных формирований стала целенаправленная их организация партийными органами, военным командованием и органами НКГБ и НКВД, как местными, так и центральными.

Так, обобщая деятельность партизан Смоленской области, секретарь обкома ВКП(б) Д. М. Попов в докладе в Москву сообщал, что партизанское движение в области возникло с первых дней вторжения оккупантов в начале июля 1941 г. При этом первыми начали создавать отряды местные жители под руководством партийных и советских работников тех районов, которые уже подверглись оккупации. Часть партизанских отрядов была организована еще до подхода войск вермахта и ушла в лес с момента оккупации (во главе с секретарем райкома

партии Зиминым в Глинковском районе, под командованием начальника райотдела НКВД Кулагина в Бельском районе), и такие отряды составляли большинство. Некоторые отряды формировались из бойцов и командиров Красной армии, оказавшихся в окружении и не успевших своевременно перейти линию фронта или бежавших из фашистского плена (отряды «Ураган», имени 24-й годовщины РККА и др.). Наконец, отдельные отряды создавались обкомом ВКП(б) и областным управлением НКВД в советском тылу и перебрасывались в тыл противника (отряд Антоненко в районе Рудни, отряд Ястребова в районе Вязьмы)[12].

К сожалению, организация партизанской и подпольной борьбы в тылу врага некоторое время осуществлялась без необходимого согласования между отдельными ведомствами, а то и сопровождалась нездоровой конкуренцией. Руководство формирующимся народным движением стало налаживаться только после директивных указаний политического руководства страны, о которых говорилось выше.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германских войск» руководство партизанской и подпольной борьбой повсеместно брали в свои руки партийные органы. В 1941 г. на оккупированных территориях действовали 18 подпольных обкомов, более 260 окружкомов, горкомов, райкомов и других органов подполья, а также большое количество первичных организаций и групп[13]. Сюда в качестве организаторов и руководителей были направлены сотни партийных, советских и комсомольских работников, а также кадровых сотрудников органов безопасности. В Белоруссии такими руководителями стали: В. З. Корж, М. Ф. Шмырев, С. А. Ваупшасов, К. П. Орловский; на Украине: С. А. Ковпак, М. И. Карнаухов, И. Г. Чаплин; в РСФСР: И. М. Бортников, Г. Е. Водопьянов, Д. Н. Медведев, А. В. Мокроусов и др.

В условиях быстрой оккупации всей территории республики наибольшую активность в развертывании народной борьбы развернул ЦК компартии Белоруссии. По получении из Москвы директивы от 29 июня 1941 г. из Минска последовали собственные директивы № 1 (30 июня) о переходе на подпольную работу парторганизаций районов, занятых противником, и № 2 (1 июля) о развертывании партизанской войны в тылу противника. В числе основных задач партизан назывались: нарушение связи в тылу врага, подрывы и порча мостов и дорог, уничтожение складов горючего и продовольствия, автомашин и самолетов, устройство крушений поездов. Обращалось внимание на необходимость активных, наступательных действий, при которых следовало не ждать врага, а искать и уничтожать его[14].

Народные мстители наращивали боевую активность. В июле отряд под командованием М. И. Жуковского ворвался в Слуцк, разгромил немецкую комендатуру, вывел из строя почту и телеграф, освободил большую группу советских военнопленных и раздал населению муку и продовольствие.

Чувствительные потери наносили оккупантам партизаны из отряда под командованием М. Ф. Шмырева (батька Минай), созданного 9 июля в Суражском районе Витебской области. В июле они разгромили артиллерийский дивизион противника. На дороге Пудоть — Тимохи отряд взорвал четыре автомашины с горючим, приостановив движение по этой дороге, вывел из строя в Пудоти телефонную станцию, сжег четыре моста. А несколько позднее, 15 сентября, отряд овладел районным центром Сураж и нанес поражение гарнизону, состоявшему из 300 солдат 157-й пехотной дивизии, команд полиции безопасности и СД.

Некоторые вновь созданные формирования вели бои, непосредственно поддерживая части Красной армии. Партизанский отряд «Красный Октябрь», созданный 26 июня 1941 г. под командованием Т. П. Бумажкова и Ф. И. Павловского, в середине июля вместе с группой подполковника Л. В. Курмышева разгромил в дер. Оземля штаб вражеской дивизии, уничтожил 55 автомашин и броневиков, захватил большое количество вооружения[15].

В августе белорусские партизаны провели массовое разрушение линий телеграфно-телефонной связи, связывавших соседние группы немецких армий, и длительное время не позволяли их вновь ввести в строй. Только 16 сентября Ф. Гальдер смог записать в своем дневнике: «...Восстановлена телефонная связь между группами армий «Юг» и «Центр». Очень важное достижение. К сожалению, имелись потери»[16].

Партизаны наносили все возраставший урон тылу группы армий «Центр» на железнодорожных магистралях Брест — Минск — Орша, Минск — Осиповичи — Гомель, в районах Полесья, Витебска, Полоцка, а по мере продвижения врага на восток — на территории Брянской, Смоленской, Орловской, Ленинградской и Московской областей.

На Украине партизанская борьба, поддержанная населением, развернулась в тылу группы армий «Юг» в Киевской, Сумской, Черниговской и Харьковской областях. В западные области УССР были направлены специально отобранные кадры: в Тарнопольскую область — два отряда в количестве 24 человек и на подпольную работу 23 человека, Ровенскую — также два отряда (соответственно — 24 и 38), Волынскую — четыре отряда (45 и 19), Львовскую — 12 отрядов (140 и 36), Станиславскую — семь отрядов (113 и 27), Черновицкую — шесть отрядов (93 и 24) и др. В каждой из областей создавался подпольный обком из трех человек для координации борьбы в тылу врага.

Поскольку организация больших партизанских отрядов влекла за собой большие трудности в руководстве, обеспечении их маневренности и снабжения боеприпасами, питанием, обмундированием, получила практика создания небольших партизанских отрядов в 5—10, максимум в 25 человек. Принимались меры по обеспечению отрядов оружием, боеприпасами и снаряжением. Надо сказать, что эти и другие меры, предпринимаемые в западных областях Украины, долгое время не приносили необходимых результатов. Будущий партизанский вожак М. И. Наумов, выходивший в июле 1941 г. из окружения по Станиславской области (ныне Ивано-Франковская обл.), позже признал, что условия для развертывания там партизанского движения были крайне тяжелыми из-за отрицательного отношения к нему местного населения[17].

Поскольку в оккупированных областях десятки и сотни отрядов создавались не только «сверху», но и по инициативе населения, учесть их точное количество, как отмечал в докладе в Москву ЦК ВКП(б) Украины, «не представляется возможным»[18].

По мере продвижения вражеских соединений вглубь страны в борьбу с оккупантами все активнее вступали и партизаны России. В Смоленской области в июле — октябре 1941 г. партизанские отряды были созданы и начали действовать в 13 из 22 оккупированных районов — всего 27 отрядов общей численностью около 1 тыс. бойцов. Оснащались они главным образом отечественным оружием, собранным на местах боев регулярных частей Красной армии. Вооружались и за счет трофеев. Продуктами питания, одеждой и обувью партизан в этот период обеспечивало местное население. Многие отряды пополняли свои ресурсы, отбивая продовольствие у оккупантов[19].

Борьба в тылу врага требовала специальных знаний и навыков, которыми партийные и советские работники в своем большинстве не обладали. Все острее ощущалась потребность в подготовленных командных кадрах и специалистах различного профиля — разведчиках, связистах, подрывниках, переводчиках, а также в современном вооружении, взрывчатых материалах, средствах связи.

Не случайно успешнее всего боролись с оккупантами те формирования, во главе которых стояли кадровые военнослужащие, сотрудники Разведуправления Генштаба Красной армии, органов госбезопасности и внутренних дел и где воевали люди, специально подготовленные для зафронтовой работы.

16 июля 1941 г. Оперативное управление Генерального штаба направило в штабы фронтов детальную инструктивно-методическую разработку «Партизанские отряды и их тактика»[20]. 27 июля 1941 г. начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г. К. Жуков и начальник Разведывательного управления генерал-лейтенант Ф. И. Голиков предписали начальникам штабов фронтов «немедленно приступить к формированию и заброске в тыл противника большого количества мелких партизанских диверсионно-разведывательных групп из храбрейших людей личного состава войск и из лучших элементов гражданского населения»[21].

В полосе Северо-Западного фронта летом и в начале осени было организовано 68 партизанских отрядов общей численностью 6515 человек, из которых 36 отрядов находились в во вражеском тылу. За три месяца боев, начиная с 15 июля 1941 г., было уничтожено более

2,7 тыс. солдат и офицеров противника, 176 грузовых автомашин, в том числе 30 машин с боеприпасами и 20 — с горючим, 11 танков, 18 легковых машин, взорвано пять железнодорожных мостов, спущено под откос три товарных поезда, уничтожено около 5 тыс. метров полевого кабеля[22].

Разведотдел Западного фронта в июле — августе 1941 г. забросил в тыл противника 184 разведывательно-диверсионные группы. Многие из них действовали успешно. Например, разведывательно-диверсионный отряд под командованием И. Ф. Ширинкина, начиная с сентября 1941 г., совершил 700-километоровый рейд, пройдя по территории Смоленской, Витебской, Псковской и Новгородской областей. Он вел разведку, совершал диверсионные акты на объектах и коммуникациях противника.

В июне 1941 г. для проведения разведывательно-диверсионной работы в тылу противника в составе Западного фронта была сформирована воинская часть специального назначения (в/ч 9903) под командованием полковника А. Е. Свирина. Она комплектовалось в первую очередь из слушателей Военной академии им. М. В. Фрунзе, в последующем была переформирована в 3-е (диверсионное) отделение разведотдела штаба Западного фронта.

Активно действовал созданный при штабе Западного фронта оперативно-учебный центр (ОУЦ) во главе с бывшим в начале войны начальником отдела Главного военно-инженерного управления РККА полковником И. Г. Стариновым. На ОУЦ были возложены задачи подготовки специалистов, формирование, снабжение и заброска в тыл противника партизанских отрядов и диверсионно-разведывательных групп. Его переменный состав насчитывал 250 человек. Срок обучения вначале составлял 5—7 дней, но позже увеличился до 3—4 месяцев.

ОУЦ содействовал организации партизанских школ и обучению партизанских кадров не только на территории Белоруссии, но и в Киеве, Вязьме, Орле, Чернигове, Харькове, Ростове-на-Дону. Кроме того, центр разрабатывал и организовывал изготовление необходимой партизанам минно-подрывной техники. Только с июля по октябрь 1941 г. ОУЦ подготовил, оснастил и перебросил в тыл противника более 4 тыс. человек[23].

Еще свыше 4,5 тыс. специалистов подготовили партизанские школы, организованные штабом Юго-Западного фронта в Киеве и других городах Украины.

Генеральным штабом РККА, а также штабами фронтов, которые вели действия на территории Российской Федерации, партизанские кадры готовились в Москве, Ленинграде, Брянске, Вязьме, Ельце, Рязани, Орле, Тамбове и других городах.

Руководство Наркомата обороны СССР предпринимало меры по развертыванию организаторской и политической работы с участниками партизанского движения и населением оккупированных местностей и по линии политорганов. Директивой начальника Главного политуправления Красной армии от 16 июля 1941 г. начальников политотделов соединений обязали принимать активное участие в отборе людей и создании диверсионных групп и партизанских отрядов, лично следить за их переброской за линию фронта, также лично инструктировать политический аппарат частей, направляемых в тыл противника.

Для оперативного информирования населения, попавшего под оккупационное иго, и в целях контрпропаганды с конца июля 1941 г. два-три раза в неделю начали издаваться малоформатные двухполосные газеты «За Советскую Украину», «За Советскую Молдавию», «За Советскую Латвию» и «За Советскую Литву» (две последние — на национальных языках). Они распространялись через партизанские отряды и разбрасывались с самолетов. В расчете на ту же аудиторию политуправления фронтов также организовывали ежедневные радиопередачи, а со второй половины августа непосредственно силами ГлавПУ стала ежедневно выпускаться листовка «Вести с Советской Родины»[24].

Специально для ведения политической, в том числе контрпропагандистской, работы в штаты ГлавПУ РККА и политуправлений фронтов были введены отделы по партийно-политической работе среди населения и войск Красной армии, действующих на советской территории, занятой противником. Однако, как показывала практика, спустя два месяца с начала войны уровень политической работы явно не отвечал потребностям в информации с Большой земли, которые испытывали бойцы и командиры, воевавшие во вражеском тылу, и

население оккупированных регионов. Соответствующие отделы в политуправлениях фронтов не были укомплектованы подготовленными кадрами.

В директиве Военным советам и начальникам ПУ фронтов от 19 августа 1941 г. начальник ГлавПУ армейский комиссар 1 ранга Л. З. Мехлис, обращая внимание на эти серьезные недостатки, возложил руководство работой указанных отделов персонально на одного из членов Военного совета фронта и начальника политуправления фронта. Отделам было предписано установить и поддерживать регулярную связь с частями Красной армии, находящимися в длительном окружении и ведущими партизанскую войну, а также с партизанскими отрядами из местного населения, с партийными и советскими организациями, находящимися в тылу врага; направлять туда своих представителей. Было принято решение издавать специальную литературу (памятки, листовки, обращения и т. д.) и распространять ее среди населения оккупированных советских областей, а в частях РККА и партизанских отрядах из местного населения — газету «Вести с Советской Родины», организовывать ежедневные радиопередачи для населения оккупированных областей; всеми возможными путями снабжать его местной и центральной печатью[25].

Важнейшая роль в становлении партизанского движения, зафронтовой разведывательно-диверсионной и контрразведывательной работы принадлежит органам внутренних дел и государственной безопасности, объединенных 20 июля 1941 г. путем слияния НКВД СССР и НКГБ СССР в единый Наркомат внутренних дел СССР. Они приступили к организации партизанских отрядов уже в первые дни войны. 1 июля 1941 г., в развитие директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., нарком госбезопасности СССР В. Н. Меркулов отдал директиву «О задачах органов госбезопасности в условиях военного времени», в которой предписывалось оперативно подготовить весь чекистский аппарат для активной работы в любых условиях, в том числе в подполье.

Работникам НКГБ, переводимым на нелегальное положение, в качестве основной ставилась «задача по организации совместно с органами НКВД партизанских отрядов, боевых групп для активной борьбы с врагом на занятой им территории СССР». Оставляемый нелегально состав указывалось делить на небольшие резидентуры, поставив перед ними задачу организации диверсионно-террористической и разведывательной работы. Следовало заранее определить способы связи, снабдить состав резидентур фиктивными документами и средствами борьбы (оружие, взрыввещества, связь)[26].

Именно должностные лица войск и органов безопасности стали — наряду с командирами Красной армии, попавшими в окружение, — первыми руководителями и инструкторами значительной части партизанских формирований. Они учили партизан правилам конспирации, формам и методам ведения разведки и контрразведки, борьбы с вражеской агентурой, содействовали переброске специально подготовленных кадров в тыл противника.

5 июля 1941 г. при наркоме внутренних дел Л. П. Берии была создана Особая группа, одной из главных задач которой была организация партизанской войны в тылу противника[27]. Ее возглавил заместитель начальника закордонной разведки НКВД майор госбезопасности П. А. Судоплатов. Позднее особая группа была переформирована в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН) НКВД численностью более 25 тыс. человек, которая стала учебным центром по подготовке организаторов партизанского движения и подполья, разведчиков, диверсантов-подрывников, а также выполняла специальные задания за линией фронта.

Уже 26 июня из числа работников НКГБ и НКВД центрального аппарата и курсантов межкраевых школ Белорусской ССР было организовано 14 отрядов общей численностью 1162 человека. Последних направили в 14 районов республики с задачей до занятия территории противником использовать все людские возможности и средства вооружения, чтобы создать базы и очаги сопротивления с последующим развертыванием активных действий против оккупантов. Одновременно из руководящего оперативного состава НКГБ и партийных работников было создано 10 групп численностью по 8–9 человек, которые были направлены в районы Полесской, Витебской, Минской и Гомельской областей для работы по созданию в этих районах партизанских отрядов и руководству ими.

Партизанские командиры. Белоруссия, 1941 г.

Для укомплектования резидентур в Витебскую, Могилевскую, Гомельскую и Полесскую области были направлены по 24 негласных сотрудника 3-го отдела центрального аппарата и отделений УНКГБ западных районов республики. Резидентуры начали действовать в Витебске, Орше, Дубровно и по линиям железных дорог. Для ведения военной разведки при 1-м управлении НКГБ БССР была создана и частями заброшена в тыл противника группа из 23 подготовленных сотрудников[28].

Важной базой для формирования значительного числа партизанских отрядов и диверсионных групп послужили истребительные батальоны, созданные органами НКВД по постановлению СНК СССР от 24 июня 1941 г. «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе». Они создавались штабом НКВД СССР и оперативными группами УНКВД республик, областей и краев и подчинялись им же. 25 августа 1941 г. приказом Л. П. Берии эти оперативные группы НКВД — УНКВД были реорганизованы в 4-е отделы. На последние были возложены организация и руководство боевой деятельностью истребительных батальонов, партизанских отрядов и диверсионных групп. Они осуществляли контроль за формированием истребительных батальонов, партизанских отрядов и диверсионных групп, руководство их боевой деятельностью; налаживание связи с истребительными батальонами, перешедшими на положение партизанских отрядов, а также с существующими партизанскими отрядами и диверсионными группами в тылу противника; организацию агентурной и войсковой разведки районов вероятных действий партизанских отрядов и диверсионных групп и др.[29]

В записке, направленной Л. П. Берией в Государственный Комитет Обороны 8 августа 1941 г., подводились первые итоги действий органов госбезопасности в тылу противника. Органами НКВД Украинской, Белорусской, Карело-Финской, Молдавской ССР, Ленинградской, Мурманской, Калининской, Смоленской и других прифронтовых областей был создан ряд партизанских отрядов, а также диверсионных групп. На Украину были заброшены три партизанских отряда, сформированные из числа работников НКВД, каждый численностью в 1000—1200 человек. В качестве партизанских отрядов действовал ряд истребительных батальонов общим количеством свыше 9 тыс. человек. Дополнительно для формирования партизанских отрядов и диверсионно-разведывательных групп готовилось до 5 тыс. работников НКВД.

На оккупированной территории Белоруссии действовали 14 партизанских отрядов общей численностью 1162 человека из работников НКВД и милиции. Кроме того, в тыл противника было заслано 15 диверсионно-разведывательных групп и одиночек общим количеством свыше 400 человек.

В Ленинградской области (гдовское, псковское, порховское и другие направления) наносили удары по противнику с тыла 25 истребительных батальонов численностью 4040 человек. Из состава истребительных батальонов, кроме того, был сформирован добровольческий отряд численностью 2,5 тыс. бойцов.

В записке содержались предложения по дальнейшему развитию партизанского движения на занятой противником территории, которые позволили бы усилить боеспособность партизанских отрядов и диверсионных групп, расширить зоны их действия, повысить эффективность борьбы с оккупантами, вовлечь в эту борьбу широкие массы населения, установить тесное взаимодействие с частями Красной армии[30].

Конкретное содержание и формы участия чекистских органов в партизанском движении во многом определялись оперативной обстановкой в той или иной зоне их действий. Они практически формировали партизанские отряды и оставляли их при отступлении Красной армии на оккупированной противником территории, забрасывали в тыл врага партизанские отряды и оперативные группы ОМСБОН НКВД СССР, занимались организацией партизанской разведки, диверсионной работой, проводили непосредственные боевые операции, а также спецоперации по физическому устранению нацистских сановников и изменников Родины. На них лежала и еще одна функция, которую некоторые историки даже считают важнейшей для успеха боевой партизанской деятельности и ее живучести — контрразведывательное обеспечение, ограждавшее партизан от подрывной деятельности спецслужб противника[31].

Следует сказать, что по мере расширения масштабов партизанского движения все чаще ставился вопрос о необходимости сконцентрировать руководство им в одних руках. Так, в докладе Военному совету Северо-Западного фронта начальник политуправления фронта бригадный комиссар А. И. Ковалевский и начальник 10-го (партизанского) отдела политуправления фронта капитан госбезопасности А. Н. Асмолов наглядно показывали, к чему ведет параллелизм: «В настоящее время в полосе Северо-Западного фронта фактическое руководство партизанским движением сосредоточено при политическом управлении фронта через специально организованный 10-й отдел. Однако параллельно с нами существуют руководящие центры при обкомах партии, органах НКВД, начальнике охраны тыла фронта. Партизанским вопросом занимается разведывательный отдел фронта, разведывательное управление. В результате на местах иногда дело доходит до больших недоразумений, даются отрядам и местным районным партийно-советским органам противоречивые указания».

Отсутствие единого центра по руководству партизанским движением самым негативным образом сказывалось на обеспечении отрядов и групп оружием, взрывчаткой, радиосредствами. В круг руководителей отрядов нередко попадали случайные люди, неопытные и слабо подготовленные в военном отношении. «Кто должен заниматься организацией и руководством партизанским движением? Отсутствие этого решения становится тормозом в дальнейшем развертывании партизанского движения», — делали авторы доклада категорический вывод[32].

Профессионалам становилось все яснее, что отсутствие единого руководящего центра, монопольное положение в этом деле партийных органов, нередко исходивших в кадровой работе с партизанским активом из приоритета идеологической и политической лояльности в ущерб практическим знаниям и навыкам, ослабляет потенциал народной борьбы в тылу вермахта. Однако упомянутая выше записка Л. П. Берии в ГКО от 8 августа 1941 г. не содержала предложений по какому-либо изменению системы руководства партизанским движением. Она лишь фиксировала целесообразность для органов НКВД и в дальнейшем вести работу по организации партизанских отрядов и диверсионных групп «наряду с работой, проводимой в этом направлении фронтовым командованием Красной армии и органами Разведупра».

Как член ГКО, Л. П. Берия имел и полномочия, и возможности для постановки вопроса о коренном изменении сложившейся системы. Ему также была очевидна целесообразность передачи руководящей функции в исключительное ведение именно органов госбезопасности. Но руководитель советских спецслужб, видя, как И. В. Сталин проводит линию на монополизацию руководства партизанской борьбой в руках партийных органов, вероятнее всего, просто не пожелал вступать в конфликт с лидером партии и государства и до поры до времени не инициировал решение этого вопроса.

К совершенствованию системы управления партизанским и подпольным движением должны были бы побудить и действия противника. Командование вермахта вновь и вновь указывало на нарастание сопротивления в своем тылу на оккупированной советской территории. Генерал-полковник вермахта Л. Рендулич отмечал, что «вскоре после начала войны появились первые, большей частью мелкие отряды, которые минировали пути подвоза снабжения, обрывали телефонные провода и убивали из засады отдельных солдат. Уже в первые месяцы войны деятельность партизан стала принимать все более широкие размеры. Они стали нападать на небольшие немецкие подразделения, караулы мостов, опорные пункты связи и даже на казармы и места стоянок войск»[33].

Постоянно росли силы, действовавшие против партизан: в 1941 г. на эти цели было выделено около 80 батальонов. При продвижении немецких войск вглубь советской территории штабы фельджандармерии немедленно создавали моторизированные и конные отряды (ягдкоманды), в задачу которых входили вооруженная борьба с партизанским движением и проведение репрессивных мер. В «Основных положениях по борьбе с партизанами», которые командование сухопутными войсками вермахта направило в оккупационные части, предписывалось захваченных в плен партизан безжалостно уничтожать.

В карательные отряды немцы активно привлекали местных жителей — изменников Родины, что осложняло действия партизан и подполья. «Нужно сказать, что эта полиция была гораздо хуже немцев, — вспоминал бывший командир партизанского полка Герой Советского Союза П. Е. Брайко. — Немец — это все-таки чужой человек, он не знал обычаев, способностей и хитростей местного населения, а свой человек, своя сволочь могла разгадывать русских людей и немцев учила»[34].

Борьбе с партизанами и подпольщиками повышенное внимание уделяли органы германской разведки — абвер и гестапо, которые засылали в отряды свою агентуру, создавали лжепартизанские отряды, шли на самые чудовищные провокации и злодеяния.

По мере расширения масштабов противоборства германские власти в помощь карательным органам все чаще стали привлекать полевые войска. Так, в одной из первых карательных операций против белорусских партизан в районе пинских болот и реки Припять в начале сентября 1941 г. участвовали два полка 1-й кавалерийской дивизии, моторизованные и артиллерийские части 162-й и 252-й пехотных дивизий, флотилия на реке Припять[35].

В результате многие отряды и группы распадались или были разгромлены карателями. Развернуть зафронтовую работу смогли далеко не все разведывательно-диверсионные группы. Потери среди партизан нарастали. На оккупированной территории Белоруссии, куда к 1 августа 1941 г. был переброшен 231 отряд общей численностью около 12 тыс. человек, к ноябрю 1941 г. осталось лишь 43 отряда, насчитывающих около 2 тыс. человек.

На Украине, по подсчетам И. Г. Старинова, к 1 января 1942 г. уцелело менее 4 % партизанских отрядов, в Белоруссии — менее 10 % отрядов и групп, на оккупированной территории Ленинградской области — около 25 %[36]. Лучше обстояло дело там, где было больше времени для подготовки партизанских формирований — в Смоленской, Калининской, Орловской и Московской областях.

Гитлеровцы брали на учет или сразу подвергали репрессиям всех, кто переменил место жительства после 22 июня 1941 г. Наспех организованное подполье оказалось весьма уязвимо, и подпольщики в большинстве случаев погибали, если не успевали вернуться в расположение партизанских формирований. Органы же госбезопасности, не наделенные руководящими функциями в отношении партизанского движения в целом, не могли обеспечить контрразведывательное прикрытие всех отрядов и групп. Таким образом, «развернуть сеть наших большевистских подпольных организаций на захваченной территории», как это требовало постановление ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г., было невозможно не только за короткий срок, но и за год.

Сказались также ошибки высшего государственного руководства при определении задач партизанской войны. Перед партизанскими формированиями зачастую ставились задачи не по отсечению войск врага от источников снабжения, а по ведению действий в прифронтовой полосе. Слабо или вовсе не обученные, вооруженные легким стрелковым оружием партизаны вступали в бои с регулярными частями вермахта и во множестве гибли, не принося противнику существенного урона.

Не стоит, в отличие от советской историографии, скрывать и факты дискредитации народной борьбы частью населения, ушедшего в леса из корыстных побуждений. По информации партийных органов, военного командования, органов госбезопасности, многие отряды и группы в полосе Северо-Западного, Ленинградского и других фронтов уклонялись от встреч с противником, отсиживаясь в безопасных местах, или, не выполнив задания, торопились перейти через линию фронта в расположение войск Красной армии, снабжали себя продовольствием «за счет местных ресурсов» (попросту отбирая его у крестьян силой оружия)[37]. Имелось немало случаев, когда создавались фиктивные отряды, при этом лжепартизаны нередко действовали по прямому указанию оккупационных властей и германских спецслужб.

Эти и другие факторы умножали трудности первых месяцев войны, ставших для партизан и подпольщиков временем жестоких испытаний. Но уже в этот период зарождения борьбы в тылу врага партизаны и подпольщики сумели отвлечь на себя значительные силы противника, создать обстановку неуверенности и нервозности для оккупационных властей, нанесли им значительный урон.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Гальдер Ф.* Военный дневник / Пер. с нем. М., 2004. С. 64.

[2] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 149.

[3] Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944). 3-е изд. М., 1985. С. 81, 83.

[4] 1941 год: в 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 447.

[5] Лубянка в дни битвы за Москву. Материалы органов безопасности СССР из центрального архива ФСБ России. М., 2002. С. 8.

[6] Там же. С. 474—476.

[7] Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. М., 1998—1999. Кн. 4. С. 132—133; Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.). Жуковский, М., 2001. С. 12.

[8] Цит. по: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 656—657.

[9] 1941 год: Страна в огне. Книга 1. Очерки. М., 2011. С. 231.

[10] Русский архив. Главные политические органы Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: документы и материалы. Т. 17—6 (1—2). М., 1996. С. 45.

[11] См.: Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 2010. С. 105.

[12] Русский архив. Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны (1941—1945): документы и материалы. Т. 20 (9). М., 1999. С. 337.

[13] См.: *Пономаренко П. К.* Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков. 1941—1945. М., 1986. С. 36.

[14] Русский архив. Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны (1941—1945): документы и материалы. Т. 20 (9). С. 43—45.

[15] См.: *Пономаренко П. К.* Указ. соч. С. 54.

[16] *Гальдер Ф.* Военный дневник. М., 1971. Т. 3. Кн. 1. С. 355.

[17] 1941 год: Страна в огне. Кн. 1. С. 677.

[18] Русский архив. Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны (1941—1945): документы и материалы. Т. 20 (9). С. 62—63.

[19] Там же. С. 337—339, 342.

[20] Военно-исторический журнал. 2001. № 6. С. 50—56.

[21] Цит. по: *Пятницкий В. И.* За линией советско-германского фронта // Новая и новейшая история. 2005. № 3. С. 16.

[22] Русский архив. Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны (1941—1945): документы и материалы. Т. 20 (9). С. 97.

[23] См.: История Второй мировой войны 1939—1945 гг.: в 12 т. Т. 4. М., 1975. С. 347.

[24] Русский архив. Главные политические органы Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: документы и материалы. Т. 17—6 (1—2). С. 46, 54, 64.

[25] Там же. С. 69—70.

[26] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 136—137.

[27] *Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль. М., 1996. С. 149.

[28] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 187–188, 192.

[29] Там же. С. 518.

[30] Там же. С. 464–465.

[31] *Попов А. Ю.* НКВД и партизанское движение. М., 2003. С. 162–163.

[32] Русский архив. Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): документы и материалы. Т. 20 (9). С. 100–101.

[33] Цит. по: Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных. СПб., 1998. С. 147.

[34] Цит. по: Война и общество, 1941–1945. М., 2004. Кн. 2. С. 304.

[35] См.: *Пономаренко П. К.* Указ. соч. С. 65.

[36] *Старинов И. Г.* Мины замедленного действия: размышления партизана-диверсанта. М., 1999. С. 211.

[37] Русский архив. Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны (1941–1845): Документы и материалы. Т. 20 (9). С. 85, 90, 94, 101.

ИТОГИ ПЕРВЫХ МЕСЯЦЕВ ВОЙНЫ

Героизм народа на фронте и в тылу

Героизм — свершение выдающихся по своему значению действий, требующих от человека исключительного личного мужества, стойкости, готовности к самопожертвованию, — народ нашей страны проявил на фронте и в тылу с первых дней Великой Отечественной войны.

Ход и результаты боевых действий советских Вооруженных сил в начальный период войны были неудачными. Войска агрессора оказались явно сильнее и воевали лучше Красной армии.

Но при всем трагизме первых дней и месяцев войны на фронте и в тылу происходили события, которые свидетельствовали о непреоборимых жизненных силах советского государства. Важнейшим проявлением этих сил был массовый героизм народа.

Преимуществом советской стороны был, говоря современным языком, человеческий фактор: постепенно в крайне ожесточенной борьбе решающее значение приобретали твердость духа нашего народа, его самоотверженность на фронте и в тылу. Миллионы и миллионы советских людей, восприняли фашистскую агрессию как свою собственную беду и ощутили личную ответственность за судьбу страны.

В 1941 г. с новой силой проявился характер народа, о котором Л. Н. Толстой писал в связи с войной 1812 г.: «Ежели причина нашего торжества была не случайна, но лежала в сущности характера русского народа и войска, то характер этот должен был выразиться еще ярче в эпоху неудач и поражений»[1].

Уже первые часы и дни Великой Отечественной войны дали множество примеров силы духа, мужества и отваги советских воинов.

Первыми встретили вражеский удар пограничники, вооруженные лишь легким стрелковым оружием. Многие из них оказали врагу поистине героическое сопротивление. 11 дней удерживали 13-ю заставу Владимир-Волынского пограничного отряда бойцы под командованием лейтенанта А. Лопатина. Когда все кругом было разрушено артиллерией и минометами противника, пограничники перешли в подвальное помещение одного из зданий заставы и продолжали сдерживать наседавшего врага. 30 июня на заставе остались в живых только десять пограничников. 1 июля противник устроил подкоп и подорвал здание. При взрыве погибли все защитники заставы. Лопатину Алексею Васильевичу звание Героя Советского Союза было присвоено посмертно 18 декабря 1957 года.

Об 11-й заставе этого отряда (начальник заставы лейтенант Е. Уткин, политрук В. Кафтаров) в архивных документах сохранилась скупая запись: «Никто из бойцов и командиров 11-й заставы в комендатуру и отряд не явился. Весь личный состав погиб»[2]. За лаконичными строками стоит безмерное мужество советских воинов, совершивших воинский подвиг.

Весь личный состав 4, 6, 12 и 14 пограничных застав погиб при защите мостов через реку Западный Буг.

Многие сутки упорно сражались с подавляющими силами агрессора заставы Августовского, Рава-Русского, Перемышльского и других погранотрядов[3]. 7-я и 9-я пограничные заставы последнего погибли в неравных боях с противником, защищая мосты через реку Сан[4]. До конца июня вели боевые действия гарнизоны дотов Гродненского, Брестского, Струмиловского пограничных укрепрайонов. Люди, оказавшиеся во вражеском тылу, без связи, без продовольствия и воды, сражались до последнего патрона. Войска противника были вынуждены обходить этот район, а затем, используя ядовитые дымы, огнеметы и взрывчатку уничтожать героические гарнизоны.

22 июня в 4 часа 15 минут совершил воздушный таран Д. Кокорев. Около 10 часов утра в небе над Брестом молодой офицер Рябцев, израсходовав весь боекомплект, протаранил фашистский «Мессершмитт». Энциклопедия «Асы Сталина» сообщает, что в тот день это был 9-й воздушный таран[5]. Летчикам-истребителям младшим лейтенантам С. И. Здоровцеву, М. П. Жукову и П. Т. Харитонову за уничтожение таранными ударами вражеских самолетов в небе Ленинграда 8 июля 1941 г. было присвоено звание Героя Советского Союза. Это были первые Герои военных лет. 7 августа летчик-истребитель младший лейтенант В. В. Талалихин при обороне воздушных подступов к Москве совершил ночной таран и уничтожил вражеский бомбардировщик. Ему 8 августа также было присвоено звание Героя Советского Союза.

Летчиком был и подполковник С. П. Супрун, награжденный второй медалью «Золотая Звезда» 22 июля 1941 г. (посмертно). 4 июля, на 13-й день войны, командир особого истребительного авиаполка С. П. Супрун, прикрывая группу бомбардировщиков, в одиночку вступил в бой с шестью вражескими истребителями, получил смертельное ранение, но все же успел посадить поврежденный истребитель. Он стал первым и единственным дважды Героем Советского Союза военных месяцев 1941 г. (первую «Золотую Звезду» он получил в 1940 г.).

Наши отважные летчики совершали и наземные огненные тараны. 22 июня старший лейтенант П. Чиркин и младший лейтенант В. Слюнькин свой горящий самолет направили на танковую колонну врага. 26 июня их подвиг повторил экипаж бомбардировщика во главе с капитаном Н. Ф. Гастелло (экипаж — лейтенанты А. А. Бурденюк, Г. Н. Скоробогатый, старший сержант А. А. Калинин), который 26 июня 1941 г. направил свой горящий самолет на скопление танков, бензоцистерн и автомашин противника на участке дороги Молодечно — Радошковичи. Экипаж погиб, но противник понес тяжелые потери.

Первым Героем Советского Союза в сухопутных войсках стал командир 1-й Московской мотострелковой дивизии полковник Я. Г. Крейзер за организацию обороны по реке Березине (указ от 15 июля 1941 г.).

24 августа 1941 г. младший политрук роты 125-го танкового полка 28-й танковой дивизии А. К. Панкратов под Новгородом закрыл своей грудью вражескую амбразуру[6]. Это был первый в истории Великой Отечественной войны подвиг такого рода, который впоследствии стали называть «подвигом Александра Матросова». Указом Президиума Верховного Совета от 16 марта 1942 г. ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. 6 декабря 1941 г. этот подвиг повторил выпускник Ленинградского университета Вячеслав Васильковский[7].

Помощник командира взвода отдельной дегазационной роты (Мурманский укрепленный район, Северный флот) комсомолец старший сержант В. П. Кисляков 14–18 июля 1941 г. вместе с бойцами захватил одну из сопок в районе устья реки Западная Лица (Мурманская область) и занял оборону. Когда кончился боезапас, он приказал воинам отойти, а сам прикрыл отход товарищей. Ведя неравный бой, оборонял высоту до подхода подкрепления. 13 августа ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Это был первый герой военной поры в Военно-морском флоте.

Указом от 8 августа 1941 года «Золотой звезды» были удостоены командир партизанского отряда в Белорусском Полесье Т. П. Бумажков и партизан этого отряда Ф. И. Павловский.

Стрелковое подразделение обходит фланг противника

Ополченцы Гомеля в обороне города

Всего в период с июля по октябрь 1941 года звания Героя было удостоено 127 человек (из них 35 посмертно)[8].

Едва ли не каждый день героизм проявляли сотни известных и многие тысячи оставшихся безымянными воинов.

Начальный период войны богат примерами сознательного самопожертвования воинов, до конца выполнивших требования присяги, воинского долга и своей совести. Они сражались в исключительно тяжелых условиях, сознавая, что об их подвигах, может быть, Родина и не узнает. Впрочем, они часто и не претендовали на славу. Характерна надпись на одной из стен Брестской крепости: «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина! 20/VII-41 год». Своего имени герой не указал.

Мужество и героизм советских воинов восхищали даже противника. Один из немецких офицеров вспоминал такой эпизод. В течение десяти дней германские части пытались продвинуться вперед, но не могли этого сделать. «Никакие запасы не могли быть доставлены нам, — писал офицер, — так как подвозящие их солдаты встречали шквал артиллерийского огня. Мы изменили время доставки, но и это не улучшило ситуации. Снаряды часто падали и на наши позиции. Мы спрашивали себя, какой дьявол сделал все это возможным. Тайна открылась случайно... Как-то армейский повар в поисках танковых приборов подобрался к русскому танку, подбитому в предыдущих боях. Обгорелый, он давно стоял на гребне холма. Открыв люк, повар едва не потерял сознание от зловония. Внутри он увидел два стоящих на коленях скелета. Мы вытащили их. Один из них — капитан, потерявший глаз, — находился рядом с разлагающимся трупом. Раненый, он посылал по радио сообщения своим войскам о наших перемещениях»[9].

Нередко неожиданный отпор враг получал в результате мужественного и самоотверженного выполнения бойцами и командирами своего воинского долга. На каждом участке фронта находились дивизии и батальоны, роты и батареи, личный состав которых совершал массовый подвиг.

Напомним лишь некоторые эпизоды, связанные с боевыми действиями крупных соединений (дивизия, армия) и потому достаточно подробно описанные в военно-исторической литературе[10].

Танковая дивизия И. Д. Черняховского с началом войны углубилась на 20 км на территорию Восточной Пруссии и, получив приказ вернуться, прорвалась назад.

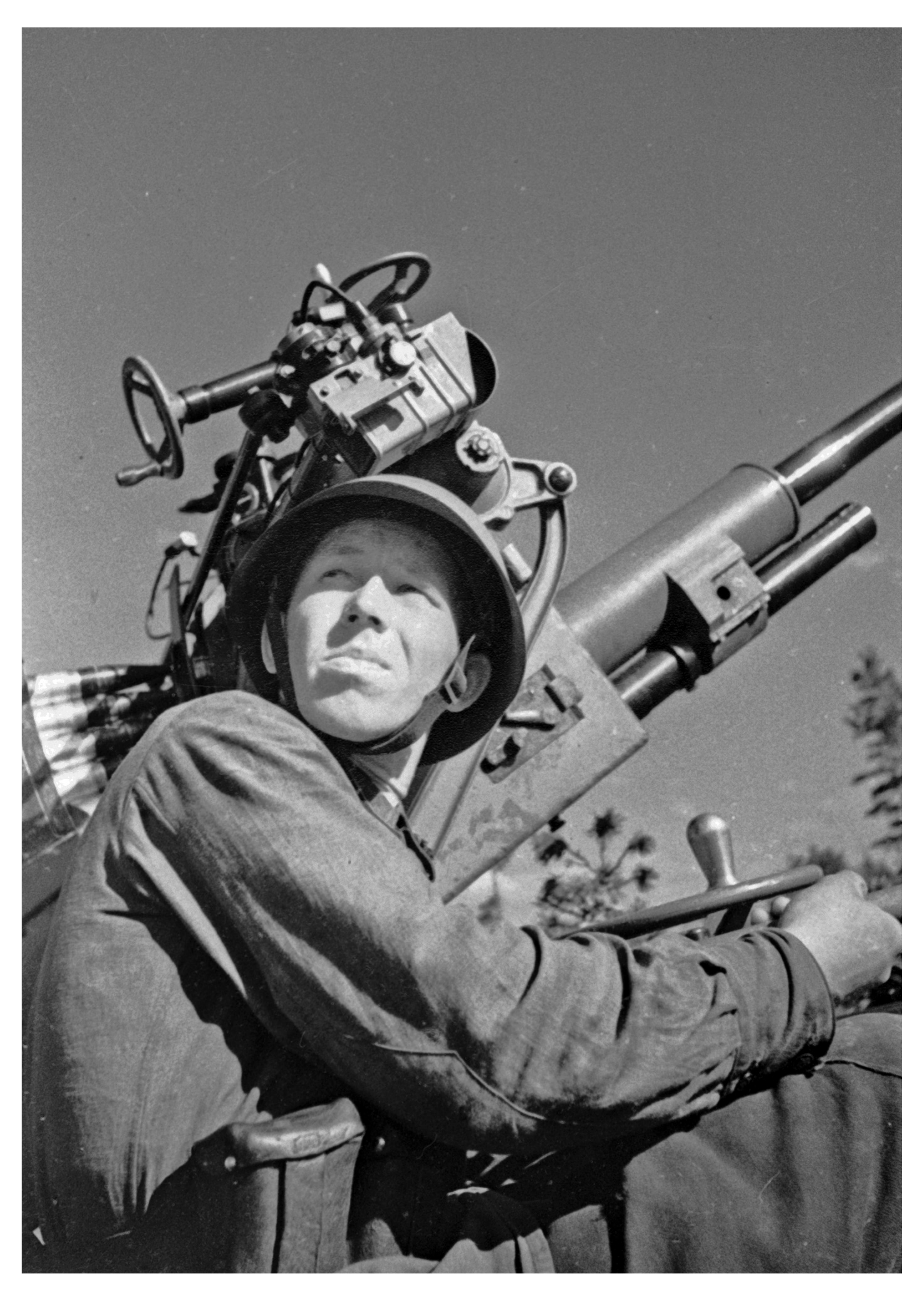
23 июня 1941 г. 99-я стрелковая дивизия (командир полковник Дементьев Н. И.) освободила от немцев город Перемышль и удерживала его до 27 июня, после чего по приказу командования отошла от берегов пограничной реки Сан. За воинскую доблесть, проявленную личным составом, эта дивизия первой в годы войны была награждена орденом Красного Знамени. К концу войны это соединение совершило немало подвигов и наград и стало именоваться 88-я гвардейская Запорожская Краснознаменная, орденов Ленина, Суворова и Богдана Хмельницкого стрелковая дивизия[11].

2 июля 1941 г. По переправлявшимся через Березину у города Борисова немецким танковым частям нанесла внезапный удар 1-я мотострелковая Московская Пролетарская Краснознаменная дивизия полковника Я. Г. Крейзера.

На самом острие немецкого танкового клина, рвавшегося к Луцку и Ровно, встала 1-я противотанковая бригада К. С. Москаленко. И ни разу не удалось врагу пробиться через ее боевые порядки.

20-е числа июля. Закончилась оборона Брестской крепости. Почти месяц ее защитники сковывали целую дивизию противника, поддержанную танками, артиллерией и авиацией; большинство их пало в боях, часть пробилась к партизанам, часть — обессиленных и тяжело раненных — попала в плен.

21 июля. Войска Западного фронта в результате контрудара освободили город Великие Луки и отбросили противника к юго-западу, а механизированные соединения Юго-Западного фронта нанесли контрудар по войскам противника и отбросили их на 40 км к северу.



Зенитчик М. Соколов на боевой позиции. Июль 1941 г.

30 июля. Войска 7-й армии Северного фронта остановили наступление финской Карельской армии на рубеже Поросозеро.

5 августа. Началась оборона Таллина, продолжавшаяся до 28 августа. Оборону держали 10-й стрелковый корпус 8-й армии, отряды морской пехоты, полк эстонских и латышских рабочих, поддерживаемые кораблями, береговой артиллерией и авиацией Балтийского флота.

6 сентября. Началась оборона Моонзундских островов войсками 8-й армии Ленинградского фронта (3-я отдельная стрелковая бригада) и частью сил Балтийского флота, продолжавшаяся до 22 октября. Руководил обороной комендант береговой обороны Балтийского района генерал-майор А. Б. Елисеев.

На волне массового героизма фронтовиков в ходе Смоленского сражения родилась советская гвардия. 18 сентября Наркомат обороны СССР за боевые подвиги, организованность, дисциплину и примерный порядок преобразовал 100-ю (командир генерал-майор И. Н. Руссиянов), 161-ю (командир полковник П. Ф. Москвитин), 127-ю (командир полковник А. З. Акименко) и 153-ю (командир полковник Н. А. Гаген) стрелковые дивизии в 1, 2, 3 и 4-ю гвардейские стрелковые дивизии. Гвардия стала олицетворением не только мужественного служения Родине, но и всемерно развивающегося военного искусства.

Яркими проявлениями коллективного подвига стала оборона Равы-Русской, Могилева, военно-морской базы Лиепая, полуострова Ханко. 73 дня длилась оборона Киева, столько же оставалась неприступной для врага Одесса. С беспримерным мужеством, героизмом советских людей ассоциируются в нашем сознании Волоколамск, Вязьма, Ельня, Ленинград, Ржев, Смоленск... В послевоенное время самоотверженность их защитников нашла официальное признание в присвоении 12 городам почетного звания «Город-Герой», Брестской крепости — Крепость-герой и большому числу городов звания «Город воинской славы».

Летом 1941 г. Красная армия не была деморализована натиском захватчиков. Сопротивление продолжали даже разбитые части. Вот свидетельство К. К. Рокоссовского: «Мы пополнили полки 38-й дивизии полковника М. Т. Кириллова собранными в дороге людьми. Такого пополнения с каждым днем становилось все больше. Узнав, что в районе Ярцево находятся части, оказывающие сопротивление немцам, люди сами потянулись к нам. Прибывали целыми подразделениями или группами. Мне представляется важным засвидетельствовать это, как очевидцу и участнику событий. Многие части переживали тяжелые дни. Расчлененные танками и авиацией, они были лишены единого руководства. И все-таки воины этих частей упорно искали возможность объединиться. Они хотели воевать»[12].

Между тем в последние годы появились авторы, муссирующие утверждения о том, что «подавляющее большинство советских граждан не желало в 1941 г. защищать Советскую власть». В подтверждение приводятся цифры — количество красноармейцев, как утверждается «сдавшихся в плен». Однако «попавшиеся в плен» и «сдавшиеся в плен» — понятия принципиально различные. В реальности в большинстве случаев пленению предшествовали окружение, ранение, физическое истощение, отсутствие боеприпасов. Вот, например, что говорил на Нюрнбергском судебном процессе начальник штаба оперативного управления генерал-полковник А. Йодль о захваченных в плен под Вязьмой и Брянском в октябре 1941 г.: «Окруженные русские армии оказывали фанатичное сопротивление, несмотря на то что последние 8–10 дней были лишены какого-либо снабжения. Они питались буквально корой и корнями деревьев, так как отошли в непроходимые лесные массивы и попали в плен уже в таком истощении, когда были едва ли в состоянии передвигаться»[13].

Что же касается перебежчиков — категории пленных, которые добровольно, не будучи в безвыходной ситуации, сдались в плен, то, как говорится в докладе Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий их число в первый год войны не превышало 1,4–1,5 % от общего числа военнопленных[14]. То же самое следует сказать и о дезертирах: их общее число — 588,7 тыс. человек — составляло 1,7 % от числа призванных[15].

Тем не менее в абсолютных цифрах это были значительные величины, и государство не могло не реагировать на них. Переломить ситуацию политическое и военное руковод-

ство страны решило репрессивными методами. 16 августа 1941 г. был издан Приказ СВГК СССР № 270. Он предписывал дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу считать злостными дезертирами и «уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными». При этом семьи командиров и политработников, «нарушивших присягу и предавших свою Родину» подлежали аресту, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишались государственного пособия и помощи. 12 сентября 1941 г. была принята директива Ставки ВГК № 001919, которая обязывала в каждой стрелковой дивизии иметь заградительный отряд численностью не более батальона (в расчете по роте на стрелковый полк). Заметим, что заградотряды — это не расстрельные команды. Их задачами, говорилось в директиве, являлась прямая помощь комсоставу в поддержании и установлении твердой дисциплины в дивизии, приостановка бегства, одержимых паникой военнослужащих, ликвидация инициаторов паники и бегства, поддержка честных и боевых элементов дивизии, не подверженных панике, но увлекаемых общим бегством. Эти подразделения комплектовались не из военнослужащих НКВД, а из обычных красноармейцев. Они имели право применять оружие, но не для расстрела отступавших частей и подразделений из пулеметов, а для ликвидации инициаторов паники и бегства.

С начала войны по 10 октября 1941 г., говорилось в официальной справке на имя Народного комиссара внутренних дел Л. П. Берия, особыми отделами НКВД и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла задержано 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта. Из числа задержанных особыми отделами арестовано 25 878 человек, остальные 631 486 человек сформированы в части и вновь направлены на фронт. В числе арестованных особыми отделами: шпионов — 1505, диверсантов — 308, изменников — 2621, трусов и паникеров — 2643, дезертиров — 8772, распространителей провокационных слухов — 3987, самострельщиков — 1671, других — 4371 По постановлениям особых отделов и по приговорам военных трибуналов расстреляно 10201 человек, из них расстреляно перед строем — 3321 человек[16].

Как видим, нет никаких оснований ни демонизировать заградительные отряды, ни принижать вооруженных защитников Отечества, которые в тяжелейших условиях начала войны «приближали, как могли, день Победы».

И. Г. Эренбург, работавший во время войны военным журналистом, годы спустя писал: «Писатели долго (разумеется, не по своей воле) обходили первые месяцы войны молчанием, начиная повествование с контрнаступления в декабре 1941 года. А между тем все было решено именно в первые месяцы, тогда народ показал свою душевную силу»[17].

Английский историк А. Кларк, касаясь этой темы, отмечает, что, прежде всего «следует сказать об обычном русском солдате. Неадекватно руководимый, недостаточно обученный, плохо экипированный, он изменил ход истории благодаря своему мужеству и твердости в этот первый год войны»[18].

Уже за первые три недели войны с СССР люфтваффе потерял безвозвратно 550 боевых самолетов, еще 336 машин нуждались в длительном ремонте, то есть был потерян каждый третий самолет. К 10 июля 1941 г. вермахт потерял безвозвратно 350 танков (каждый десятый). А к концу года безвозвратные потери выросли до 2765 машин (пять из шести танков, перешедших советскую границу 22 июня 1941 г.)[19].

«Чрезвычайно упорное сопротивление русских войск, — писал английский историк Лиддел Гарт, — тормозило продвижение наступавших. Обычно немцы достигали успеха за счет маневра, но не могли победить противника в самой схватке. Окруженные войска если иногда и вынуждены были сдаться в плен, то это, как правило, происходило лишь после длительного сопротивления. Обороняющиеся проявляли редкое упорство и пренебрежение к своему безнадежному в стратегическом отношении положению, и это серьезно тормозило выполнение планов наступающих»[20].

Гитлеровские войска не могли наступать в запланированных темпах. Если в первые три недели они продвигались вперед в среднем на 20–30 км в сутки, то с середины июля по 7 августа этот темп снизился до 3,5–8,5 км. С 8 августа до середины сентября продвижение

врага еще более замедлилось. С 30 сентября, когда началась Московская оборонительная операция, войска противника продвигались в среднем по 2,5–3,5 км в сутки[21].

Героизм армии поддерживался массовым участием всего советского народа. Возле военкоматов выстраивались длинные очереди добровольцев, добивавшихся отправки на фронт. Из лиц, не подлежавших первоочередному призыву по мобилизации, для помощи действующей армии и усиления охраны тыла создавалось народное ополчение — добровольческие военные и военизированные формирования.

Всего по стране подали заявления о вступлении в ополчение свыше 4 млн человек. Из добровольцев было сформировано около 60 дивизий народного ополчения, большое количество отдельных частей и подразделений. В действующую армию в виде целых формирований или маршевого пополнения влилось около 2 млн бойцов-ополченцев[22].

Еще одной формой участия населения в вооруженной борьбе с захватчиком стало партизанское движение. В первый месяц войны в Белоруссии было направлено в тыл противника и организовано на местах 118 партизанских отрядов и групп. А уже 6 августа за доблесть и мужество, проявленные в партизанской борьбе в тылу против немецких оккупантов, Президиум Верховного Совета СССР наградил орденами и медалями 43 партизана Белоруссии[23].

К 31 июля в Ленинградской области сформирован 191 партизанский отряд (около 9 тыс. человек)[24].

На оккупированной территории Московской области в 1941 г. действовали 41 партизанский отряд и 377 диверсионных групп общей численностью 15 тыс. человек. Для борьбы с партизанами в оккупированных районах Московской области и охраны своего тыла гитлеровское командование вынуждено было задействовать 60 тыс. солдат и офицеров, что равнялось пяти немецким дивизиям, которые могли бы сражаться на передовой[25].

С 17 сентября по 3 октября 1941 г. вели бои против карательной экспедиции оккупантов (две венгерские пехотные дивизии, восемь полицейских батальонов при поддержке танков и авиации) партизанские отряды, находящиеся в брянских лесах. Партизаны вывели из строя около 3,5 тыс. солдат и офицеров противника[26].

Всего к концу 1941 г. на оккупированной врагом территории действовало около 3500 партизанских отрядов и групп, насчитывавших 90 тыс. человек[27].

Быстрые темпы продвижения противника в начальный период войны по территории СССР потребовали от советского народа героических усилий и в тылу. Эвакуация из районов боевых действий промышленного и сельскохозяйственного оборудования, людей, материальных и культурных ценностей. С первых же дней войны приобрела значительные масштабы. Это был тяжелый, предельно напряженный труд, часто под вражескими бомбардировками и артиллерийским обстрелом. Многие крупные заводы подготовлены к переезду за несколько дней. Судить о масштабах эвакуации позволяет, например, тот факт, что для вывоза только «Запорожстали» потребовалось около 8 тыс. вагонов.

Полтора миллиона вагонов перевозили на восток, прежде всего в районы Среднего и Южного Урала, целую индустрию. Вместе с эвакуированными предприятиями туда прибыло 30–40 % рабочих, инженеров и техников. В эвакуации оказалось более 10 млн советских граждан. По сути дела, целая индустриальная держава в условиях войны переместилась на сотни, а то и тысячи километров. В итоге удалось сохранить большие производственные мощности и использовать их в интересах снабжения Красной армии, обороны страны, разгрома врага. Ничего подобного до этого мировая история не знала.

Часть эвакуированных заводов разместилась на базе родственных, усилив их производственные мощности. Например, ленинградский Кировский завод и Харьковский дизельный слились с Челябинским тракторным. Эти три завода большой мощности составили крупнейшее в Советском Союзе танкостроительное предприятие, получившее в военные годы название «Танкоград».

Много мужества от советских людей потребовало развернутое летом и осенью строительство оборонительных рубежей. К нему было привлечено около 10 млн человек, в том числе на Украине — свыше 2 млн, в районе Ленинграда — около 500 тыс., в Москве и ее

окрестностях — около 600 тыс., в Ярославской области — свыше 173 тыс., в Ивановской обл. — свыше 97 тыс. человек[28]. Оборонительные сооружения строились в основном руками гражданского населения, в большинстве своем женщин и подростков (мужчины уходили в армию и ополчение).

Подчеркнем: ничего героического в том изнурительном труде люди для себя не видели. Вот что писал, например, генерал Зайцев о строительстве Лужского оборонительного рубежа в июне — июле 1941 года в 100 км от Ленинграда, в котором в общей сложности приняло участие свыше 500 тыс. человек: «Половина прибывших копает траншеи и ставит антитанковые надолбы. Другая половина работает на сотнях огневых точек, создаваемых из бетонных блоков, бревен, дерева, камней в зоне укрепленных препятствий. Ничего не хватает — грузовиков, лопат, десятников. Но каждый стремится обеспечить армию оборонительной линией как можно скорее. Они работали дни и ночи напролет, они спали на брустверах и в траншеях, и они спорили о глубине и ширине укреплений, где разместить колючую проволоку»[29].

А вот свидетельство непосредственной участницы строительства Ярославского оборонительного рубежа Екатерины Михайловны Тиунчик-Абрамовской — работницы вагоноремонтного завода: «Более ста заводчан были призваны на трудовой фронт... Копали противотанковые рвы, вернее, убирали из глубоких рвов мерзлые глыбы земли и снега, которые предварительно взрывали солдаты. Ежедневно ходили пешком от деревни, где жили, в поле за десять километров, каждый нес за пазухой кусок замерзшего хлеба. Были плохо одеты и обуты. Но работали с утра до вечера с уверенностью, что делаем нужное для обороны родного края дело...»[30]

Постановлением ГКО от 22 августа 1941 г. строительство оборонительных сооружений было возложено на НКВД СССР, а секретари обкомов ВКП(б) Мурманской, Ленинградской, Вологодской, Ярославской, Орловской областей, ЦК КП(б)У) обязывались для нужд оборонительного строительства «производить мобилизацию местного населения и местного гужтранспорта в количестве и сроки по заявкам начальников строительных управлений оборонительных сооружений НКВД»[31]. 12 октября 1941 г. ГКО принял постановление, обязывающее руководство Моссовета и Мособлисполкома мобилизовать 450 тыс. жителей для форсирования строительства третьей линии обороны Москвы (первой линией была Вяземская, второй — Можайская). В строительстве оборонительных укреплений участвовало около 600 тыс. жителей столицы и Московской области, 70—75 % которых составляли женщины.

Постановление разрешало НКВД СССР установить оплату мобилизованного населения в размере 8—12 рублей в день в зависимости от продолжительности рабочего дня (10—14 часов). Позже была разработана система премирования работников за выполнение работы по строительству оборонительных рубежей в срок, а также за досрочное и качественное выполнение работ.

Будучи мобилизованными, граждане с пониманием и высокой ответственностью относились к выполнению порученных им работ. Более того, сдельная система оплаты труда порой вызывала среди них возражения принципиального характера. Так, тульские и калужские комсомольцы обижались, когда им определялась оплата в зависимости от выработки. Они заявляли: «Мы приехали защищать родину, а нам предлагают сдельную оплату»[32].

Сотни тысяч людей не жалея своих сил и здоровья, не считаясь со временем, работали, с тем чтобы оборудовать местность для обороны, создать для войск рубежи, с которых можно будет бить врага.

В кратчайший срок были проведены заградительные работы на магистралях, ведущих к Москве, заминированы шоссейные дороги и мосты. В окрестностях столицы, на улицах и площадях строились противотанковые рвы и препятствия, огневые точки и баррикады, металлические ежи. Силами населения было сооружено: 676 км противотанковых рвов, 16,5 км окопов для стрелковых отделений, свыше 27,6 тыс. огневых точек, установлено 32 260 км противотанковых ежей устроено около 38,54 га лесных завалов.

Признанием вклада людей, создававших оборонительные сооружения для защиты столицы стало награждение их медалью «За оборону Москвы» (учреждена указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1944 г.).

Война повлекла за собой коренную перестройку всей жизни общества. Ушедших на фронт мужчин на предприятиях, в колхозах заменили женщины (40 % численности рабочих в промышленности и более 70 % в сельском хозяйстве), пенсионеры и подростки. Перераспределение финансовых и материальных ресурсов страны в интересах экономического обеспечения нужд обороны означало существенное сокращение средств, направляемых на личное потребление.

Значительное увеличение военного производства обеспечивалось за счет изменения трудового режима и ужесточения трудовой дисциплины. Был увеличен рабочий день, отменялись очередные и дополнительные отпуска, вводились обязательные сверхурочные работы продолжительностью до 3 часов в сутки; была установлена трудовая повинность, которая затронула миллионы людей. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». Все работающие на военных заводах считались на годы войны мобилизованными и закреплялись за теми предприятиями, где работали; самовольный уход расценивался как дезертирство, и виновные карались тюремным заключением до 8 лет.

Характер и режим труда людей в тылу мало чем отличался от многих видов работ во фронтовой полосе. Нагрузка была чудовищная. Кроме основной работы, подавляющее большинство трудилось по мобилизации на сверхурочных работах. Люди заготавливали топливо и продовольствие для фронта и тыла, вручную разгружали многотонные составы с каменным углем, вагоны с ранеными, возводили оборонительные сооружения, дежурили в госпиталях, в качестве доноров сдавали кровь.

А если учесть нехватку продуктов, самых элементарных вещей, холод в нерегулярно отапливаемых домах, то станет ясно, в каких суровых условиях жили и трудились люди. Но они знали: действующая армия ждет самолеты, танки, орудия, боеприпасы и т. д. И все старались произвести продукции как можно больше и как можно лучшего качества. Подавляющее большинство советских людей понимало их необходимость, сознавало, что от их трудовых усилий зависит судьба страны.

С началом войны на заводах получило широкий размах движение двухсотников, развертывавшееся под лозунгом: «Работать за себя и товарища, ушедшего на фронт!». Его инициаторами стали молодые рабочие машиностроительного завода и автозавода в Горьком, завода «Фрезер» и Московского автозавода в Москве, «Уралмаша» на Урале, «Сибметаллстроя» в Новосибирске и др. Девиз движения — «Двумя нормами ты наносишь двойной удар по фашизму!». К осени 1941 г. оно развернулось на всех предприятиях страны и включало тысячи рабочих, выполнявших задания на 200 % и более[33].

Под девизом «В труде, как в бою!» среди молодежных бригад развернулось движение за звание «Фронтовая комсомольская бригада». Это звание присваивалось при выполнении плана на 150–200 %[34].

Большую роль в повышении производительности труда, успешном выполнении заданий партии и правительства сыграло широко развернувшееся на заводах и фабриках социалистическое соревнование. На авиационных заводах выдвинули лозунг «Не выполнив задания, домой не уходи». Он нашел миллионы последователей в промышленности[35].

Широкую поддержку получил и почин рабочих Магнитогорского комбината, начавших соревнование за выполнение оборонных заказов скоростными методами. Вскоре на страницах газет замелькали имена замечательных сталеваров Магнитки П. А. Савельева и А. Л. Шалагинова, Кузнецка — М. В. Буркацкого и И. Т. Попова, Уралмаша — Д. Д. Сидоровского, Златоустовского завода — И. А. Бисерова, передовиков других предприятий, добивавшихся высокой производительности труда.

Самоотверженно трудились колхозное крестьянство и работники совхозов. Продовольствие было необходимо армии и стране, так же как танки, самолеты, боеприпасы.

Минирование танкоопасного участка

Понимая это, жители села все свои усилия сосредоточивали на решении важнейшей задачи обеспечения армии и населения продовольствием, а промышленности — сырьем. Задача была исключительно сложной. С самого начала войны в сельском хозяйстве возникли огромные трудности. Его материально-техническая база резко сократилась. Большая часть новых автомашин, наиболее мощные тракторы, конский состав были направлены в армию. В общей сложности сельское хозяйство лишилось почти 54 % всех своих механических энергетических мощностей, из которых 21,8 % осталось на оккупированной территории и 32,6 % было передано Красной армии[36]. Уровень механизации сельскохозяйственных работ резко снизился, в большей степени стали использоваться живая тягловая сила (в том числе и коровы), ручной труд. В 1941 г. в колхозах так было собрано 2/3 зерновых культур. Ремонтные заводы переключились на выполнение военных заказов. Остро ощущалась нехватка кадров: значительная часть трудоспособного сельского населения была мобилизована в армию, на заводы, шахты, лесозаготовки, на строительство оборонительных сооружений.

К концу 1941 г. число трудоспособных колхозников сократилось на 44 %. В сельскохозяйственное производство привлекались подростки, жители близлежащих городов, эвакуированное население. Особенно возросла роль женщин. Многие из них по примеру бригадиров женских тракторных бригад П. Н. Ангелиной и Д. М. Гармаш работали механизаторами. Из подготовленных за войну более 2 млн механизаторов было около 1,5 млн женщин[37].

Люди понимали, что продукция сельского хозяйства нужна стране также как танки, самолеты, боеприпасы, и сбор первого военного урожая, несмотря на все трудности, завершился успешно.

Колхозами тыловых районов был убран урожай с 51 630 тыс. га, то есть почти с той же уборочной площади, что и в 1940 г. План заготовок зерновых тыловые районы выполнили на 80 % — в закрома страны поступило свыше 1 млрд пудов хлеба (174,7 тыс. ц). В 1941 г. колхозы и совхозы сдали государству 43,3 % валового сбора зерновых против 38,1 % в 1940 г.[38]

Своеобразным признанием патриотизма, самоотверженного труда подавляющего большинства крестьянства стало упразднение созданных в 1941 г. по постановлению ЦК ВКП(б) чрезвычайных политических органов — политотделов при МТС.

В активную работу на новых местах включились эвакуированные научные учреждения и лаборатории Москвы, Ленинграда, Киева, Минска и других крупных городов. Так, ученые и физики И. В. Курчатов и А. П. Александров были заняты защитой судов Военно-морского флота от магнитных мин. Будущий президент Академии наук СССР Александров отправился на Северный флот, а Курчатов остался в Севастополе. Г. Н. Флеров надел мундир ВВС и был приписан к Академии военно-воздушных сил в Йошкар-Оле. Он был уверен в ведущейся ядерной гонке и просчитывал шансы России. В ноябре 1941 г. ученый послал письмо в ГКО со своей оценкой российских возможностей в создании атомного оружия.

Таким образом, советский тыл стал прочной экономической базой и моральным оплотом фронта. Благодаря самоотверженному, героическому труду миллионов людей выполнялись и перевыполнялись самые напряженные плановые задания. Всесоюзное социалистическое соревнование, движение многостаночников, движения за совмещение нескольких профессий, трехсотников и тысячников, соревнование комсомольско-молодежных бригад, женских тракторных бригад — все эти формы повышения производительности труда возникли в ходе войны.

Благодаря массовому трудовому героизму советская экономика, несмотря на неудачи на фронте, не только не рухнула, но и сумела перестроиться для того, чтобы обеспечить нужды фронта и армии. «Контролирующая система Советского государства, — пишет американский историк Г. Вайнберг — функционировала... достаточно эффективно в сравнении с царским режимом и режимом Временного правительства в Первую мировую войну, достаточно эффективно по сравнению с тем, что уверенно ожидали от него немцы во Второй мировой войне»[39].

Не будем заблуждаться: «как один человек, весь советский народ за советскую родину встанет» — это художественный образ. В реальной жизни многомиллионное общество, к тому же совсем недавно пережившее Гражданскую войну, было весьма неоднородным, и это

не могло не отразиться на отношении людей к войне. Какая-то часть советских граждан во время Великой Отечественной войны в силу неприятия советского строя, национального сепаратизма, малодушия пошла на сотрудничество с врагом. Однако, как уже говорилось, не они выражали и определяли общий настрой народа. В подтверждение приведем два факта.

Многие граждане нашей страны свою преданность советской власти подтверждали вступлением в ряды Коммунистической партии. За первое военное полугодие в Вооруженных силах было принято в партию в четыре раза больше людей, чем за тот же период до войны[40]. При этом следует отметить, что фронтовики вступали в партию отнюдь не из карьеристских побуждений. Партийный билет давал им лишь одно право — быть впереди в бою.

Другой пример касается ситуации со спецпереселенцами — бывшими кулаками, проживавшими в спецпоселках Ставропольского края[41]. По данным на 1 октября 1941 г., здесь на учете состояло 43 360 человек. Во второй половине 1942 г. «кулацкая ссылка» Ставропольщины оказалась в зоне немецкой оккупации. В январе 1943 г. оттуда вместе с отступавшими немцами бежали 412 спецпереселенцев. Об остальных можно судить по письму секретаря Ставропольского крайкома ВКП(б) А. Орлова, датированному 11 июня 1946 г. и адресованному лично И. В. Сталину. В письме, в частности, говорилось: «В период Великой Отечественной войны из числа спецпереселенцев было призвано в РККА 7 636 человек, причем многие из них отличились в боях за советскую Родину. Из спецпереселенцев 3 человека удостоены звания Героя Советского Союза, 303 человека награждены орденами, 471 человек медалями и 564 человека возвратились в спецпоселки инвалидами Отечественной войны. В период временной оккупации края спецпереселенцы в своем абсолютном большинстве были настроены за Советскую власть, против гитлеровских захватчиков. Имели место факты, когда спецпереселенцы прятали у себя коммунистов и евреев». Из этой информации следует однозначный вывод: значительное большинство бывших кулаков, несмотря на серьезные претензии к Советской власти, проявило себя патриотами.

Еще раз подчеркнем — массовый героизм, который проявляли советские люди во время Великой Отечественной войны, особенно в ее начальный период, не имел прецедентов в истории. Английский писатель Г. Солсбери, писавший о защитниках Ленинграда, подчеркивал, что советские люди в войне проявляли героизм, просто недоступный его пониманию. Ему вторит Д. Даннинген: «Истоки мужественного поведения больших масс советских людей трудно поддаются нашему традиционному анализу»[42].

Этот массовый героизм делает правомерными, понятными и принятыми обороты типа «мужество армии», «город-герой», «подвиг народа», и т. п.

Война сплотила общество, утвердила духовное единение его поколений и социальных групп, которое нашло свое проявление в народной воле к победе. Убежденные коммунисты и их идейные противники, атеисты и верующие, питомцы советской власти и ее изгои, люди самых различных национальностей сражались против фашистов.

Попытки доказать, что народ одержал войну вопреки «нажиму», не имеют основания.

Героизм армии и народа в Великой Отечественной войне — это историческое наследие молодых защитников новой России.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Отечественной является всенародная война в защиту территориальной целостности, свободы и независимости государства. Она характеризуется максимальной мобилизацией всех сил и средств общества на отпор иноземному завоевателю. Общий патриотический подъем во имя победы сплачивает все социальные и национальные группы, служит основой массового героизма, самоотверженности людей на фронте и в тылу.

[2] См.: *Волкогонов Д. А.* Феномен героизма. О героях и героическом. М., 1985. С. 188.

[3] http://referat.resurs.kz/ref/nachalniy-period-velikoy-otechestvennoy-voyni/8/

[4] http://kozmyash.59311s023.edusite.ru/p82aa1.html

[5] См.: *Мединский В. Р.* Война. Мифы СССР. 1939–1945. М., 2011. С. 147.

[6] http://az-libr.ru/index.shtml?Persons&000/Src/0009/index

[7] http://nnm.ru/blogs/kruasan3/on_byl_pervym_sredi_matrosovcev/

[8] http://www.warheroes.ru/stats.asp

[9] *Уткин А. И.* Вторая мировая война. М., 2003.

[10] http://victory.mil.ru/war/index.html (официальный сайт Министерства обороны РФ)

[11] http://monetnii.ru/ORBan.html

[12] Цит. по: *Бушин В. С.* Дело: Злобный навет на Великую Победу. М., 2009.

[13] Цит. по: Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001. С. 456.

[14] http://www.apn.ru/special/article23951.htm

[15] Россия и СССР в войнах XX века... С. 246, 247.

[16] См.: *Пыхалов И.* Великая Оболганная война. М., 2005.

[17] Цит. по: *Кацва Л.* Советский Союз накануне Великой Отечественной войны // История 1999. № 43. С. 5.

[18] Цит. по: *Уткин А. И.* Вторая мировая война.

[19] Цит. по: *Солонин М. С.* У нас было две войны // http://www.gramotey.com/books/1269096245.htm.

[20] *Лиддел Гарт Б. Г.* Вторая мировая война.

[21] Великая Отечественная война 1941–1945. М., 2001. С. 5–6.

[22] Военная энциклопедия: в 8 т. Т. 5. С. 373.

[23] http://victory.mil.ru/war/index.html (официальный сайт Министерства обороны РФ)

[24] Там же.

[25] Великая Отечественная война 1941–1945. С. 5, 163, 166.

[26] http://victory.mil.ru/war/index.html (официальный сайт Министерства обороны РФ).

[27] Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: Краткая история. 3-е изд. М., 1984. С. 100.

[28] http://victory.mil.ru/war/index.html (официальный сайт Министерства обороны РФ)

[29] Цит. по: *Уткин А. И.* Вторая мировая война.

[30] http://rufort.info/index.php?topic=295.0

[31] http://www.srpo.ru/forum/index.php?PHPSESSID=jb2gcb08fsq8jbtuqoqpusfef3&topic=257.120

[32] http://world-war.ru/ob-oplate-truda-v-rajone-polevogo-stroitelstva-nkvd/

[33] Великая Отечественная война: Энциклопедия. М., 1985. С. 232.

[34] Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945: Краткая история. 3-е изд. С. 135.

[35] Там же. С. 93.

[36] История советского крестьянства. М., 1987. Т. 3. С. 174—175.

[37] Великая Отечественная война: Энциклопедия. М., 1985. С. 644.

[38] *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 44—45; Советская экономика в период Великой Отечественной войны. 1941—1945. М., 1970. С. 263.

[39] Цит. по: *Уткин А. И.* Вторая мировая война.

[40] Партия и армия / Под общ. ред. А. А. Епишева. М., 1977. С. 190.

[41] *Земсков В. Н.* Патриотический трудовой подвиг советского крестьянства в годы Великой Отечественной войны//http://politpros.com/journal/read/?ID=270&journal=77

[42] Цит. по: *Волкогонов Д. А.* Феномен героизма. О героях и героическом. С. 25, 91.

Причины поражений Красной армии

Трагическое начало войны для Советского Союза было обусловлено рядом политических, экономических и военных факторов как международного, так и внутреннего характера. Причины неудач Красной армии были заложены в довоенном развитии советского общества, являлись следствием неправильного определения намерений нацистского руководства Германии, ошибок и просчетов в строительстве Вооруженных сил, стратегическом планировании, а также в государственном и военном руководстве летом 1941 г.

Хорошо зная о неполной готовности Советского Союза к отпору фашистской агрессии, И. В. Сталин всеми силами и средствами пытался оттянуть начало войны, стремился выиграть время, необходимое для завершения подготовки страны и ее Вооруженных сил. Боясь дать Гитлеру хоть малейший повод к нападению, он запрещал осуществление многих, крайне необходимых мероприятий по переводу войск в состояние необходимой степени боевой готовности. Грубый просчет в определении момента нападения нацистской Германии обернулся тяжелейшими поражениями и огромными потерями Красной армии в начальный период войны.

Среди основных причин поражений Красной армии в начале войны с Германией можно выделить следующие: материально-техническая неготовность СССР к войне, отсутствие у советских Вооруженных сил достаточного боевого опыта, устаревшие взгляды на начальный период войны, просчет в определении даты начала войны, изъяны кадровой политики, низкий технический уровень оперативно-тактического управления войсками, стратегические просчеты советского руководства при прогнозировании вероятных действий агрессора, неисполнительность военных кадров, неправильное использование ВВС в приграничных районах, отсутствие современного механизма принятия решений по стратегическому управлению Вооруженными силами.

В результате посредством тщательно спланированной кампании по дезинформации германскому командованию удалось до середины июня поддерживать у советского руководства иллюзию, что начало конфликта удастся оттянуть посредством дипломатических переговоров. Сдерживающее влияние на советские военные приготовления оказывали и стратегические соображения: если бы Гитлеру удалось выставить Советский Союз виновником конфликта, это могло, как опасались в Москве, стимулировать примирение между Берлином и Лондоном. В результате СССР пришлось бы вести войну не только против Германии и ее союзников, но и против более широкой коалиции государств.

Разрабатывая план войны, советское руководство допустило ошибку, сделав вывод, что вступление в сражение главных сил сторон хронологически не совпадет с началом военных действий. План ведения войны с Германией строился на неверном предположении о том, что в случае нападения командование вермахта будет стремиться в первую очередь к захвату экономически развитых районов Украины и Кавказа.

Быстрое развитие в конце 1930-х годов средств вооружения, особенно танков и авиации, позволило Германии кардинально изменить характер начального периода войны. Нанося мощнейший удар в первые ее дни, агрессор получал возможность подавить противоборствующую сторону до того, как она успеет развернуть и ввести в действие основную часть своих сил. Именно на такой стратегии зиждилось нападение вермахта на европейские страны в 1939—1940 гг. В полной мере она была реализована в плане «Барбаросса».

Советское военно-политическое руководство учитывало эту опасность, полагая, однако, что в отношении СССР такая стратегия не может быть применена Германией из-за огромных размеров территории Советского Союза, его колоссальных возможностей и неблагоприятного для вермахта соотношения сил и средств. Кремль был убежден, что в начальный период войны у Красной армии не могут возникнуть трудноразрешимые проблемы, поскольку военные действия будут развиваться по типовой схеме, характерной для прошлых войн. Действительность показала ошибочность этих убеждений. Перевод страны и Вооруженных сил с мирного на военное положение, стратегическое развертывание и ведение первых операций приобрели небывалую остроту, предопределив на долгие месяцы неблагоприятный для СССР ход событий.

В отличие от войск вермахта, полностью отмобилизованных и развернутых, обладающих двухлетним современным опытом ведения боевых действий, советские войска в основном оставались в штатах и дислокации мирного времени, были рассредоточены на огромной территории и не имели четко выраженной оперативной группировки, отвечавшей сложившейся обстановке. Отсутствовали, в частности, четкие меры по реализации плана развертывания и предупреждения его срыва противником. Выдвижение советских войск к границам в связи со все более явной угрозой нападения запаздывало. Начатое 22 июня вторжение противника застало Красную армию в момент, когда сосредоточение и развертывание войск еще не было завершено: советские дивизии и корпуса были разделены на три стратегических эшелона, не имевших между собой оперативной связи. Поэтому войскам вермахта в первые недели войны удавалось громить соединения Красной армии по частям, имея на решающих участках фронта значительное преимущество в силах.

Из-за ошибочного определения основного направления агрессии противника группировка главных сил советских войск была сосредоточена на юго-западном, а не на западном направлении, в результате чего было создано неблагоприятное для Красной армии соотношение сил. Советское командование допустило просчет и в определении сроков стратегического развертывания Вооруженных сил в условиях непосредственно надвигающейся агрессии. Считалось, что Германия перед нападением на Советский Союз в течение 10—15 суток будет производить развертывание своих сил на государственной границе. Между тем войска вермахта уже заранее были отмобилизованы и скрытно вели подготовку к наступлению.

Командование Красной армии было ограничено в возможности высказывать мнение о мерах, необходимых для нейтрализации военных приготовлений Германии, давать оценку степени опасности развязывания войны. В результате диктуемые обстановкой меры не осуществлялись или осуществлялись с опозданием, не достигая необходимого эффекта.

Оперативное развертывание планировалось без учета реального состава и боеготовности войск, в ряде случаев в первый эшелон включались соединения, формирование которых едва началось, наконец, большинство укрепленных районов создавалось рядом с границей. Исходя из предполагавшегося быстрого перехода в наступление склады и базы с запасами материальных средств также располагались на критически близком расстоянии от границы и в результате почти все попали в руки врага. По уточненному мобилизационному плану войска отмобилизовывались не в три, как предусматривалось первоначально, а в одну очередь, причем формирование многих соединений, в частности механизированных корпусов, планировалось без учета поступления техники, вследствие чего им пришлось сражаться, находясь в небоеспособном состоянии.

Развертывание сил приграничных округов к началу войны не отвечало требованиям обстановки. Войска прикрытия были равномерно растянуты вдоль всей границы и распола-

гались в глубину до 100 км, остальные находились в 250–500 км от границы. Передислокация войск, их размещение в новых пунктах, строительство новых укрепленных районов, оборонительных рубежей и аэродромов, из-за крайне ограниченного времени не были завершены, инженерная подготовка театра военных действий не закончена. Значительное количество мобилизованных запасов было сосредоточено в приграничной полосе и с началом боевых действий стало в большинстве своем трофеями противника.

Многие соединения приграничных округов, содержавшихся по штатам мирного времени, не были полностью укомплектованы, а недостаточный уровень моторизации стрелковых частей и служб обеспечения обусловливал малую подвижность войск. Кроме того, сложный процесс перевооружения войск новой техникой и переподготовка личного состава требовали времени. Предусмотренное мобилизационным планом формирование новых частей, соединений и объединений оказалось в должной мере не подкреплено организационными мероприятиями по созданию материально-технической базы, обеспечению необходимым количеством военной техники, оружием и снаряжением. Запоздалым оказался переход в 1940 г. со смешанной территориально-милиционной на кадровую систему комплектования, что негативно сказалось на качестве мобилизационных ресурсов, пополнивших армию с началом войны.

Из-за частой смены командных кадров высшего звена, в том числе начальника Генштаба, завершить к началу войны оперативно-стратегическое планирование не удалось. Из всех документов плана войны в округах были отработаны лишь планы прикрытия. Прочие оставались в стадии доработки, а к разработке планов первых операций даже не приступали. Положение усугублялось еще и тем, что, стремясь оттянуть неизбежное столкновение с Германией, Сталин отклонял предложения Наркомата обороны о приведении приграничных военных округов в полную боевую готовность, поэтому вплоть до 22 июня они пребывали в режиме мирного времени. Любая инициатива командующих, направленная на повышение готовности соединений к отражению возможного нападения, решительно пресекалась Кремлем под предлогом того, что предпринимаемые шаги могут спровоцировать противника. Отдельные меры стратегического развертывания Вооруженных сил, правда с определенной осторожностью начали осуществляться лишь в конце весны 1941 г.

В сложнейших условиях проводилось оперативное развертывание войск. Директива наркома обороны № 1 о приведении войск в полную боевую готовность, отданная в половине первого часа ночи 22 июня, поступила в военные округа слишком поздно: до начала войны оставалось 1,5–2 часа. В некоторых армиях штабы заканчивали ее расшифровку уже после начала военных действий. До многих соединений приказ о приведении их в боевую готовность вообще не был доведен, и они оказались захваченными врасплох. На большинстве участков подъем войск по боевой тревоге и их выход на назначенные рубежи осуществлялся неорганизованно. Сразу же выявилось несоответствие планов прикрытия реальной обстановке. Попытки действовать строго по этому плану лишь усугубили и без того кризисное положение войск.

В Прибалтийском Особом военном округе до начала войны вышли на назначенные рубежи прикрытия у границы только отдельные батальоны и полки. Остальные войска развертывались и вступали в бой с превосходящими силами противника с марша. Особенно тяжелое положение создалось в Западном Особом военном округе, где начало войны застало большинство войск в военных городках. В Киевском Особом военном округе передовые части приступили к выходу на государственную границу к 4–6 часам утра, когда противник уже перешел ее, а на ряде участков глубоко вклинился на советскую территорию. Более благоприятной оказалась обстановка в Одесском военном округе, где начальник штаба генерал М. В. Захаров в отсутствие командующего по собственной инициативе, еще до получения директивы наркома обороны, отдал приказ о подъеме войск по боевой тревоге, занятии частями прикрытия своих районов и рассредоточении авиации по полевым аэродромам. Поэтому первые попытки противника перейти в наступление были здесь отражены.

Немецкие войска на территории Прибалтики

Агрессор же к моменту нападения обладал рядом преимуществ. Одним из важнейших было то, что войска вермахта находились в развернутом состоянии, в полной боевой готовности и вследствие просчетов советского политического и военного руководства получили возможность нанести мощные первоначальные удары на неразвернутые группировки и неотмобилизованные советские войска.

Несмотря на свои внушительные размеры, советские войска морально и институционально не были готовы к войне, которую намеревался вести Гитлер. РККА находилась в стадии гигантской реорганизации. Формировались новые механизированные и стрелковые корпуса, шел процесс переобучения личного состава, исходя из опыта польской и финской кампаний, строились аэродромы и укрепления, осваивался выпуск последних образцов танков и самолетов. И главное — не был правильно определен характер ведения будущей войны, не спрогнозированы последствия выступления Германии и ее союзников против СССР с полностью развернутыми главными силами. Отсутствовала ясность и в вопросе о том, как совместить оборонительную стратегию с концепцией ведения последовательных наступательных операций («глубокая операция» — по штабной терминологии 1930-х гг.). Врага намеревались остановить и обескровить у самой границы, а затем с подходом резервов развить контрнаступление в глубь его территории.

В ходе военных кампаний на Западе фашистская Германия захватила в странах Европы вооружение, громадные запасы металла, стратегического сырья, металлургические и военные заводы. Почти 6,5 тыс. предприятий в 12 оккупированных Германией стран в июне 1941 г. работали на гитлеровский вермахт, выполняя военные заказы на 4,6 млрд марок. 3,1 млн иностранных рабочих трудились в германской промышленности. Захват ряда европейских стран позволил Германии решить многие сырьевые, продовольственные и другие проблемы, нарастить мощности промышленности по производству оружия и военной техники, которые в основной массе в качественном отношении превосходили советские образцы. Экономика Третьего рейха уже к концу 1930-х годов была полностью переведена на военные рельсы, что позволило Германии задолго до нападения на СССР освоить и запустить в серийное производство новейшие образцы боевой техники и оружия[1].

Что касается Советского Союза, то он только приступил к выполнению третьего пятилетнего плана, составленного с учетом непрерывно нарастающей угрозы агрессии и необходимости технического перевооружения армии и флота.

Советское руководство принимало меры по развитию оборонной промышленности, увеличению производства военной техники и оружия. Однако сроки, установленные для поставки их в войска, нарушались. Внедрение разработанных конструкторами новых современных образцов оружия происходило медленно. Командование Красной армии проявляло нерешительность и медлительность при утверждении более современных образцов оружия. Многие ответственные военные руководители, в первую очередь бывший нарком обороны СССР председатель Комитета обороны при СНК СССР К. Е. Ворошилов, заместитель наркома обороны, начальник Главного артиллерийского управления маршал Г. И. Кулик, заместитель наркома обороны, начальник Управления по командному и начальствующему составу РККА Е. А. Щаденко и другие, оказались не в состоянии своевременно учесть возросшую роль авиации, танков, автоматического стрелкового оружия в современной войне и не приняли эффективных мер по оснащению Красной армии, прежде всего, приграничных военных округов, достаточным количеством противотанковых средств, зенитной артиллерии новых образцов, авиацией, средствами ПВО, современными радиолокационными станциями, пистолетами-пулеметами. Утверждению разработанного советскими конструкторами оружия, как правило, сопутствовала нерешительность, внедрение происходило медленно, руководство страны обращало недостаточно внимания на то, что сроки поставки в войска новой военной техники нарушаются. В военном строительстве, как и во многих других сферах народного хозяйства, преобладала погоня за «валом», количественными показателями в ущерб качественным.

Большинство советских танковых и механизированных дивизий, объединенных в 20 мехкорпусов, являлись боеспособными лишь на бумаге. В частях отсутствовали в необходимых

количествах средства связи, что отрицательно сказалось на управлении войсками и с началом боевых действий позволило противнику обходить, окружать и бить советские части и подразделения, создавая на решающих участках значительное численное превосходство. Средств для быстрого выдвижения на рубежи обороны было недостаточно, даже в механизированных дивизиях не хватало автомобилей и тягачей.

Одной из важнейших причин трагического начала войны является незавершенность программы перевооружения Красной армии (его планировалось закончить, как минимум, к 1942 г.), недостатки организационной структуры ВВС и механизированных соединений. Перед войной не удалось ликвидировать разрыв в уровне развития советской и германской науки и техники. Накануне войны значительная часть военной техники, находившейся на вооружении Красной армии, по своим тактико-техническим характеристикам уступала немецкой. Что касается количества личного состава и основных видов вооружения, то к началу Второй мировой войны советские Вооруженные силы по этому показателю не уступали армиям ведущих государств Европы и Азии. Однако война с Финляндией показала, что качественный уровень во многом не соответствовал требованиям времени. Принятые советским руководством в 1940 г. решения знаменовали коренной поворот в военном строительстве, однако времени для осуществления столь существенных преобразований оставалось слишком мало. 80 % танков и самолетов были устаревшего типа. В составе западных приграничных округов удельный вес новых образцов танковой и авиационной техники составлял 18–22 %. Предпринимая в 1940 г. масштабную реорганизацию, руководство страны и командование РККА, судя по всему, не учитывали вероятности вступления СССР в войну уже в следующем году.

Войска противника были насыщены автоматическим оружием, в то время как в стрелковые части Красной армии лишь начали поступать пистолеты-пулеметы и самозарядные винтовки. Почти вся артиллерия вермахта была переведена на механическую тягу, в РККА же — лишь пятая часть. Укомплектованность ее механизированных корпусов всеми типами боевых машин не превышала 53 %, артиллерией — 40 %, автотранспортом — 39 %, мотоциклами — 17 %. В войсках состояли на вооружении 25 % танков устаревших конструкций, которые уже были сняты с производства. По данным Главного автобронетанкового управления Красной армии, на 1 июня 1941 г. около 91,3 % танкового парка составляли легкие машины. Сильно изношенные, они требовали ремонта, замены деталей и агрегатов, запас которых был скудным. Разнотипность советских танков (более десятка образцов) создавала дополнительные трудности в поддержании боеспособности частей и соединений[2]. В отличие от вермахта, который имел оперативные объединения типа танковой группы, в Красной армии аналогичные формирования предполагалось создавать только по мере необходимости в ходе боевых действий. Аналогичная картина наблюдалась и в авиации.

Не имея возможности обеспечить армию вооружением и материальными средствами по установленным штатам, командование Красной армии не сумело внести необходимые изменения в порядок реорганизации и привести количество соединений и их штатную численность в соответствие с имевшимися в наличии техническими средствами. Мер, принятых в ходе реорганизации и технического переоснащения Вооруженных сил накануне войны, оказалось недостаточно, а допущенные просчеты снизили боеспособность армии. При общем значительном превосходстве в основных средствах вооруженной борьбы над вооруженными силами Германии и ее сателлитов советские Вооруженные силы оказались в парадоксальной ситуации: для полного укомплектования им не хватило танков, самолетов и орудий.

Одной из причин ошибок в реорганизации явился просчет в определении сроков начала войны. Судя по тому, что оснащение формируемых соединений самолетами, орудиями и танками планировалось завершить в основном к 1942 г., советское военное и политическое руководство надеялось, что в 1941 г. войны удастся избежать. В результате основная часть намеченных мероприятий оказалась к началу войны незавершенной, и это во многом снизило боеспособность Вооруженных сил. Они оказались не полностью укомплектованными людьми, особенно командным составом, военной техникой и оружием, а поэтому имели низкую подвижность, обученность и слаженность.

Другим преимуществом вермахта являлось качество военной техники. В отличие от советских соединений и частей, находившихся в состоянии формирования или реорганизации, соединения и части противника, полностью укомплектованные по штатам военного времени, слаженные и обученные, во всех звеньях имели хорошо теоретически и практически подготовленный командный состав. Существенную роль играло наличие у войск Германии богатого опыта почти двухлетних боевых действий в Европе. Одним из важнейших преимуществ вермахта перед советскими войсками являлось также превосходство в подвижности. Перед нападением на Советский Союз Германия получила в свое распоряжение автомобильный транспорт почти всей Западной Европы и оснастила им армию.

Советские Вооруженные силы были значительно ослаблены репрессиями 1937–1938 гг., в результате которых командно-начальствующий состав подвергся коренному обновлению. Из почти 40 тыс. уволенных командиров около 18 тыс. были арестованы. Особенно болезненный удар ощутил на себе высший комначсостав (от комбрига и выше). За два указанных года были арестованы и осуждены Военной коллегией Верховного суда СССР 408 человек руководящего и начальствующего состава РККА и РКВМФ, из них к высшей мере наказания — расстрелу был приговорен 401 человек[3]. Многие командиры и командующие, боясь ответственности стали менее инициативными и самостоятельными. Произошло падение уровня профессиональной подготовки и существенное ослабление политико-морального состояния и дисциплины личного состава.

Вместе с тем рост численности Вооруженных сил требовал все большего количества квалифицированных военных кадров. В связи с тем, что в период с 1938 по 1941 г. было сформировано большое количество соединений и объединений, особенно остро ощущалась нехватка подготовленных кадров оперативного звена. На вакантные должности зачастую назначались люди, не имевшие достаточного опыта и знаний. Вынужденная экономия горючего и боеприпасов, нехватка ремонтной техники и средств подвоза горючего, недостаток средств связи не давали возможности в должной мере подготовить танкистов и летчиков, отработать взаимодействие частей на поле боя и их обеспечение в полевых условиях. Эти факторы не могли не сказаться негативным образом с началом боевых действий.

Серьезный урон был нанесен и военно-теоретической мысли. Актуальные труды ряда видных военных теоретиков, подвергшихся репрессиям, оказались изъятыми из обращения. Решая многие важные вопросы, военная наука ориентировалась на нередко ошибочные сталинские установки. Непомерно большое место в военно-теоретических исследованиях занимал опыт Гражданской войны, заслоняя изучение практики ведения боевых действий в предшествовавших Второй мировой войне региональных войнах. Широко распропагандированные лозунги, что наша армия в любом случае ответит «двойным ударом на удар» и победит «малой кровью», уже были опровергнуты в ходе «зимней войны» с Финляндией. Однако должных выводов сделано не было.

Обучение пехоты после Советско-финляндской войны 1939–1940 гг., казалось, проходило успешнее. Но и здесь сказалась институциональная слабость РККА. Стойкость бойца нивелировалась нехваткой автоматического оружия, отсутствием четкого управления частями, поддержки стрелковых соединений артиллерией, танками, авиацией. Паника — рядовое явление первых дней войны — это во многом следствие милиционной системы службы, при которой до двух третей резервистов оставались за пределами мест прохождения военной службы, а находившиеся в РККА часто отвлекались на выполнение хозяйственных задач.

Командиры старшего и среднего звена не предполагали встретиться с таким искушенным противником, каким являлся вермахт. В 1930–1940-х гг. оказалась ослабленной не только организационная основа войск, но и ее моральная составляющая. Офицеры, число которых по мере нарастания военной угрозы все увеличивалось, боялись принимать решения, не согласованные с вышестоящей инстанцией. В результате в бою возникали коллизии, прямо противоположные тем, что происходили в вермахте. Там командир, имея представление об общей ситуации на фронте, понимал свою роль в бою, знал свой маневр, наш же военачальник нередко терялся в оценке обстановки, сомневался в своих возможностях и в конце концов

проигрывал. Исключения из этого правила (Брест, Лиепая, Дубно) лишь подтверждают горькую правду начала войны: к блицкригу, который обрушился на страну, РККА была не готова.

Одним из крупных преимуществ вермахта являлся опыт ведения наступательных действий, полученный в ходе войны в Западной Европе. Немецкий солдат обладал не только хорошей боевой выучкой, но и высоким боевым духом, сформированным легкими победами на Западе. Командный состав владел практическими навыками управления войсками, использования на полях сражений крупных сил, оснащенных в большом количестве всеми видами боевой техники и вооружения. Подобного рода опыта советские Вооруженные силы не имели.

Красная армия готовилась к столкновению крупных механизированных соединений, для чего и формировались механизированные корпуса, каждый из которых должен был иметь две танковые (по тысяче машин) и механизированную дивизии. Но аналога танковым группам вермахта так и не было создано, управлять крупными танковыми соединениями толком не умели. В результате — быстрое поражение механизированных корпусов и вынужденная организационная перестройка соединений: отказ от корпусной системы, замена танковых дивизий на более легкие танковые бригады. Практику глубокого боя, наступления крупными соединениями до поры пришлось отложить.

«Сталинские соколы» — гордость Советского Союза — в предвоенные годы заставили замолчать даже самых отъявленных скептиков. Полеты пилотов-героев по периметру страны, через Северный Ледовитый океан, опыт отважных асов в войне с японцами, в небе Испании и в финской кампании — такими были достижения советских ВВС перед войной. Но те же самые самолеты, которые громили японцев в небе над Халхин-Голом в 1939 г., к 1941 г. морально устарели, требовали ремонта, на новые же самолеты типа МиГ-3, Як-1, Ил-2 обученных пилотов просто не хватало. Моторы боевых машин новых образцов были не долговечны, необходимого количества аэродромов, пригодных для рассредоточения истребителей и бомбардировщиков, не имелось, неудивительно, что в первый же день войны авиация РККА понесла серьезные потери.

К моменту вторжения агрессора сосредоточение и развертывание соединений Красной армии еще не было завершено. Неправильное определение характера начавшейся в 1939 г. Второй мировой войны и способов боевых действий германских войск привело командование Красной армии к выводу, что решительному наступлению противника будут предшествовать действия ограниченными силами. В связи с этим недооценивалась вероятная сила первого удара врага.

Оборона советских войск была очаговой и характеризовалась линейным расположением соединений, наличием больших разрывов и открытых флангов в оперативном построении, слабым инженерным оборудованием местности при нехватке противотанковых средств.

Попытки советского командования нанести ответные удары с переносом военных действий на территорию агрессора, предпринятые им на второй день войны, уже не соответствовали возможностям войск и, по сути, явились одной из причин неудачного исхода приграничных сражений. Запоздалым оказалось и решение о переходе к стратегической обороне, принятое лишь на восьмой день войны. К тому же этот переход происходил слишком нерешительно и разновременно. Он потребовал переноса основных усилий с юго-западного направления на западное. В результате значительная часть советских войск не столько сражалась, сколько перемещалась с одного направления на другое. Это давало противнику возможность громить соединения и даже объединения по частям, по мере их подхода к району сосредоточения.

Не предусматривался вариант вынужденного перехода советских Вооруженных сил к длительной стратегической обороне. Просчет в определении направления главного удара противника привел к неправильному распределению сил между приграничными округами, что, в свою очередь, вынудило советское командование уже в первые дни проводить крупную перегруппировку сил и средств.

Были допущены упущения и в подготовке театра военных действий. Строительство укрепленных районов к началу войны не было завершено, а на старой государственной гра-

нице готовые укрепрайоны были законсервированы и не заполнены войсками. Командные пункты управления Вооруженными силами не строились. Генеральный штаб в спешном порядке вынужден был разместиться в метро. В плохом состоянии находилась дорожная сеть. Подготовкой дорог перед войной практически не занимались. Штаб 4-й германской танковой группы, оценивая дорожную сеть, в своем донесении сообщал: «...Состояние обозначенных под С-5 узлов дорог является катастрофическим. Автострада не обладает достаточной прочностью и при плохой погоде затрудняет движение автотранспорта. Глубокие выбоины и воронки делают автостраду непригодной. Асфальтовое покрытие можно встретить лишь на небольших участках. Шоссе 1-го и 2-го класса, как правило, немощеные. При плохой погоде щебенка вдавливается глубоко в грязь и делает дорогу непроезжей даже для тягачей. Тракты в сухую погоду пригодны, как и дороги, прежде всего вследствие возможности их расширения. В плохую погоду они непригодны»[4].

Многие соединения приграничных округов, содержавшиеся по штатам мирного времени, оказались недоукомплектованы, а низкий уровень моторизации стрелковых частей и служб обеспечения предопределил малую подвижность войск. Предусмотренное мобилизационным планом формирование новых частей не было подкреплено материально-технической базой, необходимым количеством военной техники, оружия и снаряжения. Ввиду отсутствия сплошного фронта обороны через образовавшиеся в нем бреши противник получил возможность наступать высокими темпами, упреждать наши войска в занятии выгодных для обороны рубежей, с ходу захватывая или обходя их, нанося удары с флангов и даже с тыла.

Непрерывное отступление деморализовывало личный состав, рождая боязнь окружения. Не чувствуя локтя соседа по обороне, некоторые части оставляли позиции и отходили даже тогда, когда противник наступал равными или меньшими силами. Морально-боевые качества Красной армии не соответствовали довоенным представлениям. Не прошли бесследно ни массовые репрессии, ни изъяны в идейно-воспитательной работе. Танко- и самолетобоязнь, страх у многих воинов попасть в окружение резко снижали устойчивость обороны. Особенно разлагающе действовало на личный состав неуверенное управление войсками. Оценивая причины бегства с поля боя командиров, политическое управление Западного фронта в своем донесении от 12 июля 1941 г. сделало вывод о том, что в период мирной учебы начальствующий состав изучался плохо. В результате «на руководящие должности назначались шкурники и карьеристы, которые во имя сохранения своей шкуры предали интересы Родины»[5].

Начавшаяся война выявила существенные недостатки в управлении войсками. Среди причин, их обусловивших, была чрезмерная привязанность к проводным средствам связи. После первых же ударов авиации противника и действий его диверсионных групп постоянные линии проводной связи оказались выведенными из строя, а крайне ограниченное количество радиостанций, а также отсутствие необходимых навыков в их использовании не позволили наладить устойчивую связь. Командиры боялись радиопеленгации противником, а потому избегали пользоваться радио, предпочитая проводные и другие средства связи. Да и у органов стратегического руководства отсутствовали заранее подготовленные пункты управления. Ставке, Генеральному штабу, командующим родами войск и видами Вооруженных сил пришлось руководить войсками из абсолютно не приспособленных для этого кабинетов мирного времени. Из-за отсутствия связи не только штабы частей и соединений, но даже Генеральный штаб не имел возможности правильно оценить обстановку.

Причины катастрофического развития ситуации на Западном фронте в первые дни войны подробно стали анализироваться военно-исторической наукой с середины 1950-х гг. По мнению бывшего начальника оперативного отдела штаба Западного Особого военного округа генерал-майора Б. А. Фомина, изложенному в записке заместителю начальника Генерального штаба, Западный фронт постигла неудача по следующим причинам: численное превосходство противника (указывалось соотношение 1:5, или 12 советских дивизий против 64 германских, что могло иметь место лишь на направлениях главного удара войск вермахта, но не в целом по фронту); внезапность нападения; недостаточная обеспеченность средствами ПВО; отсутствие у фронта резервов, оборонительного рубежа по реке Шара и снятие с

него войск в ночь на второй день войны, «вследствие чего противник смог окружить 3-ю и 10-ю армии»; запоздалое занятие рубежей укрепрайонов вдоль старой госграницы войсками 13-й армии, «безграмотное вмешательство маршала Кулика в распоряжения [заместителя командующего фронтом] Болдина и [командующего 10-й армией] Голубева, что привело к бесславному концу подвижной группы фронта»[6].

Штаб 4-й германской танковой группы в своем донесении от 7 ноября 1941 г. так оценивал действия советских войск: «До сих пор русские при развертывании операций пытались лишь изредка в оборонительных боях взять инициативу в свои руки, чтобы собственными операциями влиять на ход войны. В качестве примера в сфере боевых действий 4-й танковой группы следует назвать только удар у Старой Руссы в брешь между 18-й армией и танковой группой. Русские знали здесь обстановку и пытались использовать ее путем подтягивания сил. Выполнение, однако, было негибким и не удалось. Это действие только временно влияло на намерения немецкого командования. В дальнейшем ходе войны эти действия русского верховного командования в районе танковой группы проходили незаметно.

После последних поражений целью командования противника был выигрыш времени в надежде в постоянных боях истощить наступательную силу немецкой армии и измотать ее в глубине района при необычных для немецкого солдата климатических условиях. Преследуя эту основную мысль, русские не сдают добровольно ни одной местности, проводят контратаки, в большинстве случаев, правда, местного характера, невзирая на потери в людском составе и материальной части. Из этого можно сделать вывод, что русское верховное командование правильно оценивает обстановку и дает соответственно этому указания. Однако выполнение со стороны среднего командования является негибким. Оно не располагает при проведении боевых операций необходимой способностью влиять на развитие боя. Полное отсутствие самостоятельного решения. Командование слепо упорствует даже в безнадежном положении и действует только по данным приказам. Лучшим доказательством этого служат бои на уничтожение противника.

Низшее командование (до командиров рот), особенно действующих соединений, ведет борьбу хорошо. Ухудшение качества офицерского состава стало очень заметно после последних тяжелых потерь...

Русские почти никогда не знают, куда наносить главный удар. Пренебрежение флангами, которые находятся в опасности, способствовало успеху наших боев с целью окружить противника. Держатся до последней возможности, придерживаясь первоначального решения.

Следует отметить создание и занятие русскими новых линий сопротивления, несмотря на тяжелые потери в оборонительных боях, а также быстрое формирование новых пехотных и танковых соединений...

Подтягивание сил противником затруднялось во многих случаях, благодаря прекрасному действию нашей наземной и воздушной разведки. Наступление подготовлялось в основном с применением артиллерийского огня в запланированном направлении наступления. Огонь обычно выдавал замыслы, хотя часто даже не находился во временном взаимодействии с наступлением пехоты. Начало наступления проводилось часто на рассвете, за исключением более мелких ночных налетов.

Силы пехоты, использующейся для этого, колеблются от роты до полка. Введение в дело целиком одной или нескольких дивизий производится очень редко. Пехота развивала наступление плотными стайками при попытках вырваться из окружения, даже сомкнутыми колоннами. Продвижение происходило от рубежа к рубежу, время от времени — окапывание. Медленное планомерное продвижение в тех местах, где удалось местное вклинение в позицию, а также там, где вновь отражалось наступление. Взаимодействие с тяжелым пехотным оружием, артиллерией и авиацией было неудовлетворительным, а иногда, даже совершенно отсутствовало. Взаимодействия огня и движения не осуществлялось, не всегда имело место определение ясно выраженных участков главного удара пехоты и эффективности огня. Как правило, наступление проходило фронтально. Наступление с охватом противника и наступление с флангов проводилось самое большое в составе батальона. Почти каждое

наступление пехоты поддерживалось переменным количеством танков. Здесь было также плохое взаимодействие. Прежде всего осторожное продвижение вперед отдельных танков, затем удары в слабых местах, но всегда только на незначительную глубину. После удачного наступления отсутствовало планомерное использование успеха путем быстрого подтягивания резервов и преследования противника этими резервами или подвижными частями. Как только наступление задерживалось, русские немедленно окапывались. Неудачные наступления повторялись часто на том же самом месте, невзирая на жертвы...

Отрыв от противника русские начинали при поддержке мощного артиллерийского огня. Сам отход прикрывался боеспособными, подвижными, благодаря передвижениям на грузовиках, арьергардами, которым придавались отдельные орудия, несколько пулеметов и бронеавтомобилей; эти арьергарды боролись часто до самопожертвования...

Борьба в особой обстановке (засада, партизаны)... русские являются особыми мастерами.

В качестве примеров могут быть названы: засады, указание белыми полотнищами, а также отбрасывание оружия, чтобы взять его снова при сближении и открыть огонь на ближайшую дистанцию, применение «кукушек», которые затем открывали огонь по выгодным отдельным целям (офицеры, посыльные), пропустив большие соединения противника.

О деятельности партизан известно по трофейным документам. Деятельность их вышеуказанным, однако, не ограничивается...

Движение больших соединений происходит в основном ночью, и русские обычно используют леса в стороне от дорог. Моторизованные соединения двигаются, как правило, без света. Днем можно обнаружить только движение важнейшего транспорта со снабжением, отдельными автомашинами или более мелкими колоннами...

Русское командование смогло за короткий срок создать из остатков действовавших соединений, из отбившихся от своей части и из рядового состава пополнения новые, правда плохо вооруженные (прежде всего отсутствовало тяжелое оружие) подразделения и ввести их с успехом в бой. Это говорит о том, что организация была хорошая и соответствовала поставленной цели...

Свойственная русскому тупая покорность судьбе, недостаток подвижности, слепое послушание из страха быть расстрелянным делают из русского, присоединяя сюда его физическую закалку, хорошего одиночного бойца, особенно в обороне.

Поскольку русские соединения применялись против нас с начала войны, то настроение сильно упало благодаря постоянным неудачам. Вновь подтянутые свежие дивизии полностью боеспособны. Спешно сформированные в последнее время части из запасных подразделений, из отбившихся от своих частей и вновь мобилизованных, обладают небольшой способностью. У этих подразделений не хватает оружия...»[7]

В целом итоги начального периода войны оказались для СССР весьма трагичными. Советские войска потерпели тяжелое поражение. Тем не менее главная стратегическая задача вермахта, предусматривавшая уничтожение советских войск в Прибалтике, Белоруссии и Правобережной Украине, не была выполнена. «Гитлер был уверен, — писал генерал пехоты в отставке Курт фон Типпельскирх, — что с началом первых операций, как и в предыдущих кампаниях, ему удастся разбить основные силы русской армии и получить в результате этого полную свободу действий. Когда же после первых операций этого все же не произошло, в войне наступил первый большой кризис. Правда, операции всех трех групп армий, и особенно на направлении главного удара — в центре общего фронта, — прошли успешно, но они не привели ни к быстрому уничтожению всех вооруженных сил противника, ни к подавлению морального духа и мужества войск Красной армии, на что Гитлер так надеялся. Части и соединения русских войск продолжали стойко сражаться даже в самом отчаянном положении»[8].

Оценка давалась и действиям родов войск Красной армии. Так о действиях стрелковых войск сообщалось:

«Боеспособность различна в зависимости от вышеуказанных причин. Под хорошим руководством и под влиянием хороших комиссаров пехотинец наступает, презирая смерть, и защищается до последнего патрона. Мастерство использования местности и маскировки,

большая подвижность на непроходимой с немецкой точки зрения местности, а также почти всегда хорошие результаты стрельбы характеризуют красную пехоту. К пулеметному огню красноармеец довольно нечувствителен; в противоположность этому он не в состоянии выдержать сосредоточенного артиллерийского и гранатометного огня. Особенно он питает страх перед атаками пикирующих бомбардировщиков. Сила красной пехоты в отношении вооружения состоит в многочисленном автоматическом оружии и минометах»[9].

В донесении штаба 4-й германской танковой армии подробно рассматривались и действия советской артиллерии. В частности, говорилось:

«Русская артиллерия была подвижна в смене огневых позиций, но действовала по шаблону при ведении огня. Планомерное подавление нашей артиллерии было едва заметно, так как, по-видимому, имелись в ничтожном объеме разведывательные средства артиллерии. Очевидно, русские пользовались в большой мере поорудийным применением и расстановкой орудий на большом расстоянии друг от друга. Наоборот, в оборонительном бою применялся массированный артиллерийский огонь. Позиции находились обычно по обе стороны хороших транспортных дорог. Так как, вероятно, отсутствовало единое руководство и руководство огнем, то, несмотря на сильное сосредоточение огня, не достигалось решающего успеха. Недавно русские пытались сосредоточить огонь в дивизионах.

Красная артиллерия применяла огневые налеты обычно без пристрелки. Поразительна была всегда стрельба на высоких точках разрыва, которую можно оценивать, как выстрелы для ориентировки. Тяжелые русские батареи вели, казалось, стрельбу с помощью воздушной разведки. Однако можно было предполагать, что способ связи был затруднителен, принимая во внимание промежуток времени между появлением самолета и началом огневых налетов. Для маскировки от звукометрической разведки стрельба велась при наличии тяжелых орудий одновременно из 3—4 батарей.

При появлении немецких летчиков красная артиллерия прекращала огонь, по крайней мере, огонь сильно уменьшался даже при наступлениях немцев и переправах их через реки.

Орудий всех калибров, особенно средних, было с избытком, материальная часть современная и хорошая. Орудия в большинстве случаев тянутся тракторами. Темп походного движения поэтому незначителен, приспособлен для пехотинца.

С конца июля применяется РС (здесь имеется в виду установка реактивной артиллерии «катюша». — *Прим. ред.*) поодиночке, в последнее время — сведенные в полки. Это орудие применялось в строевом подразделении. После первого залпа следовала моментальная перемена позиций. Боеприпасов было в достаточном количестве. Так как изготовлять такое оружие легко и требуется немного материала для ствола, то следует рассчитывать в дальнейшем ходе войны на усиленное применение данного орудия»[10].

Оценивая действия советских танкистов, германские штабисты отмечали:

«Начало войны застало русские танковые силы в момент реорганизации. Не могло идти речи о самостоятельных оперативных действиях, не говоря уже о первом танковом сражении... На протяжении кампании танки были предназначены исключительно для непосредственной поддержки пехоты. Они использовались группами до 10 машин. В оборонительных боях зарытые в землю танки использовались неоднократно, как доты. В боях осуществлялось недостаточное взаимодействие с другими родами войск и огневая поддержка танков...

Через некоторое время русские создали отдельные танковые бригады, которые по своей организации (танковый полк из трех батальонов, мотострелковый батальон, зенитный и противотанковые батареи) представляли собой подвижное войсковое соединение. Однако до настоящего времени они находились в соединении с пехотой (как прикрывающие).

При этом наблюдалось как быстрое сосредоточение, так и обеспечение материальной частью танковых соединений. Экипажи танков состояли из отборных людей с отличным боевым духом. В последнее время чувствовался недостаток в хорошо обученном, знакомом с танками персонале. Сами по себе танки были хороши. Не отвечающая требованиям войны материальная часть, частично поступившая в начале кампании, в дальнейшем не имела места. Со временем стали встречаться только тяжелые танки (например, Т-34, Т-35 и 52 и

64-тонные), которые частично превосходят немецкие и должны быть охарактеризованы как хорошее современное оружие. Немецкие противотанковые средства не были вполне эффективными против русских танков. Бронированные транспортные средства пехоты повышенной проходимости до сих пор не наблюдались.

Несмотря на отличную и численно превосходящую материальную часть, русские не могли использовать ее, по-видимому, из-за недостатка кадров, обученных к действиям в составе соединений»[11].

В донесении 4-й немецкой танковой армии высоко оценивались действия саперов Красной армии в ходе приграничных сражений. В нем сообщалось:

«Хорошая подготовка в подрывном деле, в строительстве оборонительных рубежей, в установке заграждений и минирований. В обороне русские широко применяли мины. Мины находились преимущественно в деревянных ящиках, против которых немецкие миноискатели не действовали. Недавно были выявлены мины, которые защищались от обезвреживания тем, что две мины связывались вместе. Подрывные заряды в искусственных сооружениях и на дорогах очень часто так укрыты и замаскированы, что выявить их невозможно. Такие мины взрывались посредством взрывателя замедленного действия или радиоприборами.

Недавно были обнаружены собаки с пристегнутыми зарядами, предназначенные для подрыва автомашин и особенно танков. Собаки забирались под танк и автомашины и этим вызывали взрыв»[12].

Негативную оценку получила организация связи в советских войсках. В германском донесении сообщалось, что «линии связи не отвечали требованиям современной войны. Как явствует из показания пленных русских, высших офицеров штаба, командование было недостаточно осведомлено о положении частей, о ходе боевых действий, Вполне возможно, что негибкость руководства в большой мере связана с недостатком связи. Часто были случаи, когда переговоры велись без кодирования. Неизвестно, являлось ли это следствием недостаточной подготовки личного состава или следствием отсутствия кода»[13].

Большое внимание в донесении штаба 4-й немецкой танковой армии уделялось оценке действий ВВС Красной армии в начале войны:

«Материальная часть и подготовка личного состава красной авиации явно слабее немецкой. Русские применяют свою авиацию прежде всего против передовых отрядов, и она ведет бой, несмотря на низкую облачность, на бреющем полете, в первую очередь своим бортовым вооружением. Они умело используют при благоприятной погоде подходящий момент, когда отсутствуют немецкие истребители. Каждая машина противника бронирована и поэтому нечувствительна к обстрелу с земли. Специальные разведывательные машины не наблюдались. Очевидно, наряду с основной задачей истребители выполняли задачи по разведке как побочное задание. Боевые соединения в сомкнутом строю использовались только в начале войны. Беспокоящие налеты на тылы предпринимались позднее отдельными машинами на большой высоте и под прикрытием облачности...»[14]

РККА выстояла и, несмотря на большие потери, сохранила силы для последующих сражений. За первые три недели кампании вермахт понес потери, каких не знал за предыдущие годы Второй мировой войны. По данным начальника Генерального штаба сухопутных войск вермахта генерала Гальдера, только в сухопутных войсках на 13 июля было убито, ранено и пропало без вести 92 тыс. человек, потери в танках составили 50 %[15]. Однако потери личного состава вермахта не превышали численности полевых запасных батальонов, за счет которых они и были восстановлены, поэтому боеспособность дивизий в основном сохранилась.

Оценивая оборону советских войск, штаб 4-й немецкой танковой группы в своем донесении сообщал: «Этот вид боя наиболее соответствует духу русских солдат. Инстинктивное использование местности, образцовое устройство позиции и прекрасная маскировка ярко характеризуют каждого красноармейца. Позиции строились целесообразно и в очень короткий срок. Для этого часто привлекалось принудительным путем население. Начертание главной линии сопротивления происходило обычно за участками реки и ручья, но переносилось в сторону от течения. Русские употребляли многочисленные подрывы и минирование.

При наличии более продолжительного времени они стремились к устройству расчлененной в глубину системе позиции, в этой системе создавались особые оборонительные опорные пункты — закрытые танки. Отдельные танковые орудия находились на дорогах и в населенных пунктах на особых установках.

Большое значение придавалось всегда противотанковой обороне. Если участок сам не представлял надежной защиты от танков, то сооружались противотанковые рвы. Кроме того, для борьбы против танков применялись: огнеметы с электрическим запалом, бетонными конусами и железными ежами. Если имелось достаточное количество времени, то в этом случае устанавливались многочисленные ложные сооружения. Открытие огня происходило обычно только с небольшой дистанции. На позициях русские боролись с исключительным упорством до последних сил. На вторжение русские отвечали внезапным контрударом, применяя также танки. Особенно следует отметить полную нечувствительность флангов. После прорыва вправо и влево русские стойко держались на своих позициях и пытались закрыть брешь контрударами. Даже в безнадежном положении русские не прекратили борьбу. Они пытались обычно пробиваться.

Русские приспосабливались к наступившей осенней погоде и возникшей, благодаря ей, непроходимости местности, которая не давала возможности моторизированным войскам оставить шоссе и вынуждала к перенесению главного района обороны на дороги...»[16]

Трагический исход начального периода войны и огромные потери советских войск не позволили довести численность Вооруженных сил до предусмотренного мобилизационным планом уровня и заставили пересмотреть его принципиальные положения. Для восполнения потерь, комплектования большого количества новых войсковых соединений и создания резервов в августе 1941 г. была проведена дополнительная мобилизация еще 14 возрастов военнообязанных 1890–1904 гг. и призывников до 1923 г. рождения, а также началось формирование ополченских соединений на добровольной основе. В итоге к концу 1941 г. численность Вооруженных сил стала составлять около 9,5 млн человек, на 600 тыс. больше предусмотренной мобилизационным планом.

Последствия начального периода войны оказались исключительно тяжелыми для СССР и его Вооруженных сил. Но и противнику победа досталась немалой ценой. Впервые с начала Второй мировой войны он встретил упорное сопротивление. В целом, несмотря на крупные поражения, Красная армия и Военно-морской флот смогли серьезно нарушить первоначальный стратегический замысел врага. Агрессор не достиг целей, поставленных в директиве от 31 января 1941 г. главного командования сухопутных войск вермахта, которая развивала и конкретизировала принципы войны против СССР, изложенные ранее в директиве № 21 (План «Барбаросса»), а ближайшей стратегической целью было определено уничтожение войск Красной армии к западу от Днепра и Западной Двины[17].

Конечно, в сравнении с потерями, понесенными советскими войсками, противнику был нанесен не столь серьезный ущерб. Но и он не шел ни в какое сравнение с потерями германской армии в Западной Европе. Теперь, после окончания приграничных сражений ударные группировки вермахта уже не могли безостановочно наступать, как это предполагалось по плану «Барбаросса». Германское командование вынуждено было делать оперативные паузы в действиях своих войск, осуществлять перегруппировку сил, ставить новые задачи и вновь организовывать наступательные операции с прежними целями.

В целом из-за допущенных ошибок и просчетов начальный период Великой Отечественной войны завершился поражением советских Вооруженных сил. Германское командование поспешило заявить о том, что СССР войну проиграл[18]. Начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал Ф. Гальдер в своем дневнике записал: «...не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней»[19].

Однако, несмотря на серьезные потери, считать Красную армию разгромленной было явно преждевременно. Основная борьба еще только предстояла.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подробнее см.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. М., 2011. Т. 1. Основные события войны. С. 44–60.

[2] Подробнее см. там же. С. 44–49, 61–98.

[3] Реабилитация: политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С. 300–302.

[4] АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 451, Л. 116.

[5] Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. М., 1998. Кн.1. С. 166.

[6] ЦАМО. Ф. 15. Оп. 725588. Д. 36. Л. 294–302.

[7] АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 451, Л. 111–114.

[8] Цит. по: Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных. СПб, М., 1998. С. 74.

[9] АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 451. Л. 112–116.

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] *Гальдер Ф.* Военный дневник: в 3 т. / Пер. с нем. М., 1971. Т. 3. Кн. 1. С. 66.

[16] АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 451, Л. 111–112.

[17] Подробнее см.: Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 99–100. *Гальдер Ф.* Военный дневник / Пер. с нем. М., 1969. Т. 2. С. 368, 374.

[18] См.: Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 165–166.

[19] *Гальдер Ф.* Военный дневник / Пер. с нем. Т. 3. Кн. 1. С. 79.

Создание антигитлеровской коалиции

Антигитлеровская коалиция (по англо-американской терминологии Grand Alliance) — уникальное явление в мировой истории. В борьбе за свободу и независимость против агрессии нацистской Германии и ее союзников, развязавших Вторую мировую войну, объединились и одержали победу 50 государств с различной социальной системой и положением в мире, сотни миллионов людей многих стран. Ядром коалиции, главной ее силой явились СССР, Великобритания и США. Важная роль в коалиции принадлежала Китаю, Франции, а также Индии, Канаде, ЮАР, в то время британским колониальным владениям, Бразилии и ряду других стран.

Возникновение в XX веке оборонительных коалиций, противостоящих агрессивной политике Германии, относится к 1904—1907 гг., когда был создан военно-политический союз (Антанта) между Англией, Францией и Россией. В ходе Первой мировой войны этот союз объединил против германской коалиции около 30 государств (среди них США, Италия, Япония) и силой принудил агрессоров к капитуляции.

В 1939 г. была создана потерпевшая скоротечное поражение коалиция Англии, Франции и Польши. Вооруженные силы Польши, несмотря на сопротивление, подверглись разгрому в течение двух недель. 17 сентября 1939 г. правительство Польши покинуло пределы страны, а затем эмигрировало в Англию. В тот же день, 17 сентября, на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины, ранее входивших в состав России, вступили части Красной армии, что было предусмотрено советско-германским договором о ненападении от 23 августа 1939 г. и воспрепятствовало дальнейшему продвижению вермахта на восток. Германские войска, оккупировав Данию и Норвегию, 10 мая 1940 г. перешли в наступление на Западном фронте и нанесли сокрушительное поражение силам англо-французской коалиции на европейском континенте. 22 июня 1940 г. Франция капитулировала. Так завершила свою историю англо-франко-польская коалиция 1939—1940 гг.[1]

Перед нападением нацистской Германии на Польшу правительства СССР, Великобритании и Франции вели переговоры о создании коалиции для отпора германской агрессии, но они закончились безрезультатно[2].

Весьма распространенное представление о том, что антигитлеровская коалиция возникла как бы в одночасье с нападением нацистской Германии на СССР, требует корректировки. Этому предшествовали длительные и сложные, временами драматические переговоры СССР, Великобритании и США. С Великобританией они начались в октябре 1939 г., с Соединенными Штатами Америки — в апреле 1940 г. Стороны достигли значительного взаимопонимания, однако конечный и ожидаемый результат переговоров был неясен до последнего часа[3].

Важнейшими событиями на пути создания и становления Антигитлеровской коалиции явились решения правительства Великобритании и США о поддержке СССР в войне с Германией, заключение англо-советского соглашения 12 июля 1941 г., Декларация 26 государств, англо-советский договор и американо-советское соглашение 1942 г.

Как только известие о нападении Германии на СССР было сообщено Черчиллю, он вызвал к себе в Чекерс (загородную резиденцию) министра иностранных дел А. Идена, министра снабжения лорда Бивербрука, начальника генерального штаба фельдмаршала Д. Дилла, а также посла Великобритании в СССР С. Криппса и совместно с ними обсудил создавшуюся ситуацию. На совещании было принято решение выступить с заявлением о поддержке СССР в войне против Германии. В ходе подготовки этого документа обнаружились расхождения в оценке способности СССР к сопротивлению, и только за 20 минут до начала выступления премьер-министра по радио текст заявления был окончательно утвержден[4]. В заявлении Черчилля вечером 22 июня подчеркивалось, что, оставаясь непримиримым противником коммунизма, британское правительство рассматривает нападение гитлеровской Германии на Советский Союз как прелюдию попытки вторжения на Британские острова. «Поэтому опасность, угрожающая России, — заявил он в своем выступлении, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же, как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, — это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара»[5].

Советский посол в Лондоне И. М. Майский сообщил в Москву: «Эффект акции Черчилля был огромен как в самой Англии, так и в США... Вы знаете из моих предыдущих сообщений, я считал британскую волю к войне достаточно устойчивой и не предвидел возможностей англо-германской сделки в непосредственном будущем. Я допускал поэтому, что в случае германской атаки на СССР Англия займет благоприятную для нас позицию. Однако быстрота и решительность, с которой такая позиция действительно была занята, явилась для меня приятным сюрпризом...»[6]

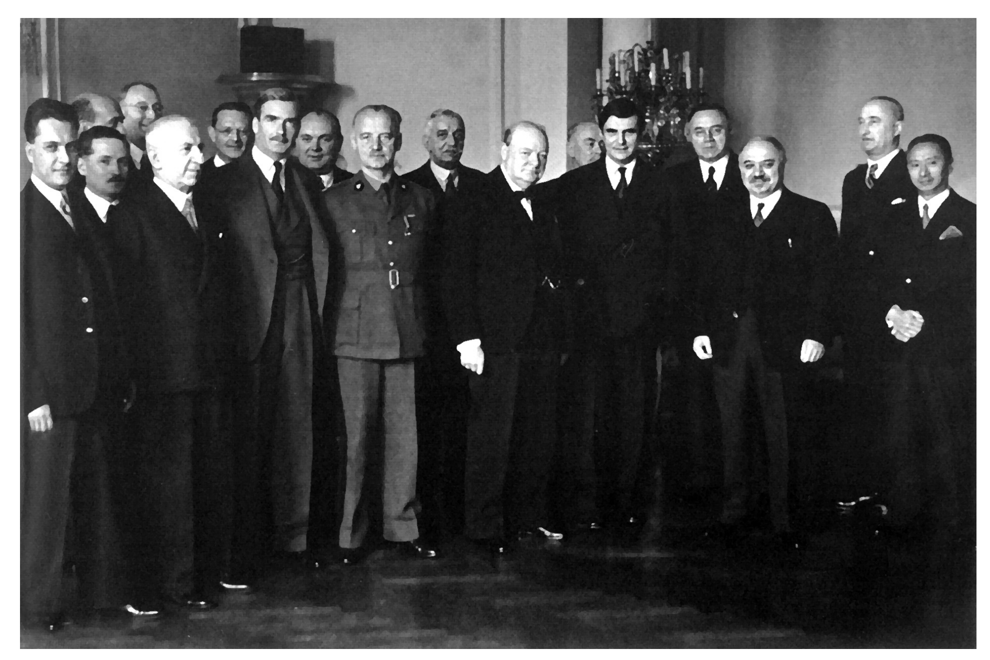
Первое официальное заявление правительства США последовало 23 июня 1941 г. В заявлении госдепартамента констатировалось, что СССР находится в состоянии войны с Германией, что, по мнению правительства США, «всякая оборона против гитлеризма, всякое объединение с силами, противостоящими гитлеризму, какой бы характер эти силы ни носили, будут способствовать возможному свержению нынешних германских лидеров и будут служить на пользу нашей собственной обороне и безопасности. Гитлеровские армии являются в настоящее время главной угрозой для американского материка»[7].

24 июня 1941 г., выступая на пресс-конференции, президент США Ф. Рузвельт заявил: «Разумеется, мы собираемся предоставить России всю ту помощь, которую сможем»[8]. 27 июня 1941 г. посол СССР в США К. Уманский посетил исполняющего обязанности госсекретаря США С. Уэллеса и официально уведомил правительство США о гитлеровской агрессии против Советского Союза. В ответ на это Уэллес заявил, что все факты, вытекающие из этого, «будут рассматриваться правительством США немедленно и в дружественном духе»[9].

3 июля И. В. Сталин в обращении к советскому народу выразил уверенность в том, что справедливая борьба советского народа за свободу страны «сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы». В обращении было отмечено «историческое выступление» британского премьер-министра и декларация правительства США, «которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза»[10].

Несколькими днями раньше в палате общин английского парламента на повестку дня был поставлен вопрос «Германское вторжение в Россию». С заявлением от имени правительства выступил А. Иден.

Он информировал парламентариев о первых шагах, предпринятых для установления непосредственных контактов между Лондоном и Москвой. Выступавшие в прениях члены парламента поддержали позицию правительства и высказались за союз с СССР. На этот раз правительство Великобритании действовало энергично и последовательно. Уже 27 июня в Москву прибыли члены английской военной и экономической миссий. В военную миссию входили генерал-лейтенант М. Макфарлан, контр-адмирал Д. Майлс, вице-маршал авиации А. Кольер. Экономическую миссию возглавлял Л. Кадбэри. Вместе с ними возвратился в Москву английский посол С. Криппс. Немногим более чем через неделю в Англию и США направилась советская военная миссия во главе с заместителем начальника Генерального штаба



После подписания Соглашения между Правительством СССР и Правительством Польской Республики о восстановлении дипломатических отношений и о создании польской армии на территории СССР. Лондон. 30 июля 1941 г.

Советская военная миссия во главе с генералом Ф. И. Голиковым и адмиралом Н. М. Харламовым. Лондон. 8 июля 1941 г.

РККА начальником Главного разведывательного управления генерал-лейтенантом Ф. И. Голиковым. Переговоры происходили в обстановке взаимного понимания и сотрудничества.

Происходящие события Второй мировой войны ускорили процесс англо-американского сближения. При этом большое значение имела встреча Рузвельта и Черчилля у берегов Ньюфаундленда и подписание 14 августа 1941 г. двумя лидерами Атлантической хартии, в которой провозглашались некоторые общие принципы политики и особые отношения этих стран. Правительства Великобритании и США заявили об отказе от захвата чужих территорий, признавали право народов избрать себе форму правления, при которой они хотят жить, готовность содействовать восстановлению суверенных прав тех народов, которые были его лишены насильственным путем, призывали к послевоенному сотрудничеству государств, отказу от применения силы в международных отношениях и гонки вооружений. В послании главе советского правительства Рузвельт и Черчилль сообщали о своей готовности оказывать помощь Советскому Союзу «максимальным количеством тех материалов, в которых Вы больше всего нуждаетесь»[11].

На состоявшейся в Лондоне межсоюзнической конференции советское правительство 24 сентября 1941 г. в специальной декларации выразило свое согласие с основными принципами Атлантической хартии и уверенность, что в результате победы над гитлеризмом будут заложены основы отношений сотрудничества и дружбы между народами. Вновь была выдвинута идея коллективной безопасности как условия длительного и прочного мира, которую Советский Союз отстаивал в годы, предшествовавшие началу Второй мировой войны. В декларации также отмечалось, что практическое применение принципов Атлантической хартии «должно будет сообразовываться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны»[12].

12 июля 1941 г. было заключено англо-советское Соглашение о совместных действиях в войне против Германии, которое явилось первым важным шагом в создании Антигитлеровской коалиции. Стороны, подписавшие соглашение, обязывались оказывать друг другу помощь в войне против гитлеровской Германии и заявили, что «в продолжение этой войны они не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия»[13].

Соглашение, которое широко приветствовалось в Великобритании и Советском Союзе, имело большое международное значение. Выступая на пресс-конференции иностранных корреспондентов, заместитель начальника Совинформбюро С. А. Лозовский назвал его документом большого исторического значения, «в корне меняющим международную обстановку». Лозовский отметил, что в противовес хвастливым декларациям гитлеровцев о том, что они создадут коалицию европейских стран в своем походе против СССР, соглашение создавало действительную коалицию великих держав в борьбе против общего врага. «Соглашение от 12 июля... — заявил Лозовский, — это не только документ братства по оружию в борьбе за свободу и независимость народов СССР, Великобритании и всей Европы, но это также документ, свидетельствующий о неизбежности полного и окончательного разгрома германского фашизма, мечтающего о господстве над Европой и над всем миром»[14].

16 августа 1941 г. состоялось подписание англо-советского соглашения о товарообороте, кредите и клиринге. Это соглашение предусматривало поставки английских товаров в СССР и некоторых советских товаров в Англию. По соглашению Англия предоставляла Советскому Союзу для оплаты товаров кредит в 10 млн фунтов стерлингов из расчета 3 % годовых сроком в среднем на пять лет. Платежи между сторонами регулировались на основе клиринга. В дальнейшем предусматривались переговоры об увеличении суммы английского кредита[15].

Весомым фактором в создании англо-советского союза явилась позиция английской общественности.

«Еще накануне германского наступления, — отмечают известные британские историки Д. Эриксон и Д. Дилкс, — в министерстве иностранных дел, с запозданием признав масштабы военной угрозы Советскому Союзу, были вынуждены рассматривать вероятность совместной борьбы и «неприятную реальность» нарастающей огромной симпатии к русским»[16].

С первых же дней вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР по всей Англии прокатились митинги в поддержку освободительной борьбы советского народа. Большинство населения, часть которого не скрывала своего неприятия советского режима, настроилось на создание широкой коалиции государств для противостояния агрессорам, приветствовало объединение с Советами во имя победы над нацистской Германией.

В поддержку Советского Союза выступил профсоюз шотландских горняков, а затем Конгресс британских тред-юнионов и Лейбористская партия, опубликовавшие 1 августа 1941 г. специальное заявление относительно англо-советского сотрудничества. В нем, в частности, говорилось: «Конгресс тред-юнионов и Лейбористская партия настоящим выражают свою высокую оценку усилий Советского Союза в общей борьбе против гитлеризма. Они приветствуют широкий характер сотрудничества, которое развивается между Великобританией и СССР»[17].

В Англии не осталось почти ни одного крупного населенного пункта, в котором не было бы создано местного общества англо-советской дружбы. Инициированная лордом Бивербруком «неделя танков для России» (22—28 сентября 1941 г.) ознаменовалась высокой активностью рабочего класса, который «стал оказывать на политическую систему влияние, гораздо более соответствовавшее его численности»[18].

Большой популярностью пользовались так называемые недели дружбы с СССР, основной задачей которых являлось ознакомление английской общественности с жизнью советского народа.

Вместе с тем и антисоветские силы в Великобритании оказывали влияние на политику страны. Именно в их среде находилось большинство скептиков, убежденных в том, что Советский Союз в войне с Германией долго не продержится. Такая точка зрения высказывалась многими английскими военными и политическими деятелями. Знаток этих настроений Г. Городецкий отмечает, что начальники английских штабов высчитывали, насколько советское сопротивление задержит высадку вермахта на Британские острова, и пришли к выводу, что «не более чем на восемь недель»[19]. Но были и те, кто не разделял сомнений по поводу способности Советского Союза к сопротивлению. К ним в первую очередь относились лорд Бивербрук, Х. Дальтон, Э. Бивен и некоторые другие влиятельные политики.

Выражая настроение недругов СССР в Англии, отдельные деятели (среди них министр авиационной промышленности Д. Мур-Брабазон) и прочемберленские органы печати выступали с открыто враждебными статьями по отношению к Советской стране, призывали англичан отказаться от какого бы то ни было сотрудничества с Советским Союзом. Показателен и такой факт. С начала Второй мировой войны в Англии установилась традиция еженедельно передавать по радио гимны всех союзников Англии. Однако, несмотря на то что Советский Союз являлся союзником Англии, Британская радиовещательная корпорация Би-би-си в нарушение существующей традиции отказалась передавать гимн СССР (в то время это был «Интернационал»), что вызвало острую дискуссию в парламенте. 9 июля 1941 г. член парламента С. Сильвермен запросил министра информации о причинах такой дискриминации. Возгласами неодобрения встретила палата общин заявление представителя правительства о том, что причиной позиции министерства информации являлось то обстоятельство, что «Интернационал» якобы не был советским национальным гимном в собственном смысле этого слова и поэтому его неудобно было передавать. Через несколько дней после этих дебатов Би-би-си включила в свои передачи вместо советского гимна песню «Широка страна моя родная», но в итоге исключила весь цикл такого рода передач. Подобные эпизоды встречали отпор большинства английской общественности и вынуждали противников сотрудничества с Советским Союзом уходить за кулисы политической жизни Англии[20].

В конце августа 1941 г. по согласованию между правительствами Великобритании и СССР советские и британские войска были введены в Иран и в начале сентября вступили в Тегеран, предотвратив вовлечение страны в войну на стороне Германии.

Остановимся на этом важном для того времени событии подробнее. Ввод советских и британских войск в Иран, осуществлявшийся с 25 августа 1941 г., стал первой совместной

военно-политической акцией новых союзников — СССР и Великобритании. Наряду с начавшимися в это же время военными поставками в Советский Союз (первый английский конвой прибыл в Архангельск 31 августа) это было зримым свидетельством формирования Антигитлеровской коалиции, перехода союзников к реальным, конкретным делам.

Еще каких-то 2—3 месяца назад едва ли можно было представить солдат этих двух стран в совместном походе, тем более в Иран (до 1935 г. — Персия), который в течение XIX в. и начале XX в. являлся объектом острого соперничества между Россией и Британией. Исключением стало десятилетие после подписания в 1907 г. соглашения, которое предусматривало раздел Персии на русскую (север) и английскую (юг) зоны влияния. В годы Первой мировой войны русские и английские войска действовали с иранской территории против турок на Кавказском и Месопотамском фронтах. Так что прецедент совместной англо-русской военной акции в отношении Персии уже имел место.

Затем последовали революция в России, британская интервенция с персидской территории в Закавказье и Закаспий, новый виток соперничества двух держав в межвоенный период. С началом Второй мировой войны дело дошло до того, что через Иран планировалось нанесение англо-французского удара по основному советскому нефтяному району в Баку.

Однако пока Москва конфликтовала с Лондоном, в дело вмешалась третья сторона — нацистская Германия. Гитлеровцы интересовались Ираном как стратегическим плацдармом для действий против СССР и Британской империи, а также как источником сырья, прежде всего нефти, хлопка и шерсти. Германский фактор становился всё более весомым во внутри- и внешнеполитической жизни Ирана. Нацистская пропаганда энергично проталкивала идею об общем «арийском происхождении» и «арийском братстве» немцев и персов. В 1940 г. почти половина внешней торговли Ирана приходилась на Германию. Немцы участвовали в модернизации и расширении железных дорог, организовали авиалинию Берлин — Кабул, проходившую через Иран.

Особую важность приобрели военные связи между Берлином и Тегераном: поставки немецкого оружия и военного снаряжения, направление немецких военных инструкторов и советников, обучение иранских курсантов в германских военно-учебных заведениях. В Иран с разведывательно-диверсионными целями активно внедрялась германская агентура.

Стремительный рост могущества Третьего рейха, его агрессивная, экспансионистская политика вызывали интерес, а порой и восхищение иранской элиты. Наиболее сильны были прогерманские настроения в высшем командном составе армии. В итоге к концу 1930-х гг. нацисты изрядно потеснили в Иране и русских, и англичан.

Вместе с тем, как утверждается в новейших исследованиях отечественных ученых[21], назвать внешнеполитический курс Ирана полностью прогерманским нельзя. Правитель страны Реза-шах Пехлеви пытался маневрировать между Москвой, Лондоном и Берлином, волей-неволей все более широко сотрудничая с последним, самым активным и успешным игроком из этой тройки. При этом Реза-шах не терял осторожности и сохранял прагматизм, чтобы не оказаться жертвой очередного «раздела» или «передела» мира, как, например, после советско-германских переговоров в Берлине в ноябре 1940 г., когда поползли слухи о «согласии» Германии предоставить СССР зону влияния к югу от его границ, в сторону Индийского океана.

В условиях начавшейся Второй мировой войны Тегеран 4 сентября 1939 г. заявил о своем нейтралитете. 26 июня 1941 г, после нападения Германии на Советский Союз, эта позиция была вновь подтверждена.

Между тем Гитлер, не сомневаясь в успехе операции «Барбаросса», строил планы последующей экспансии, намереваясь после разгрома СССР прорваться на Ближний и Средний Восток и дальше двигаться через Иран на Британскую Индию. Более того, в документе, датированном 23 августа 1941 г., фюрер мотивировал свое решение бросить силы не на Москву, а на юг тем, что, в частности, политически было крайне необходимо «дать Ирану надежду на возможность получения в ближайшее время практической помощи от немцев в случае сопротивления угрозам со стороны русских и англичан»[22].

Немцев, по всей вероятности, уже не устраивал недостаточно прогибавшийся перед ними старый шах. Как утверждают некоторые авторы, в июле — августе 1940 г., а затем в августе 1941 г. профашистские силы собирались осуществить государственный переворот. Не случайно летом 1941 г. руководитель абвера адмирал В. Канарис посетил Иран.

Однако противники рейха не дремали. Москва и Лондон очень быстро нашли общий язык в отношении Ирана.

Конечно, у каждого из них были свои мотивы. Англичан заботило сохранение контроля над иранской нефтью, главную роль в добыче и переработке которой играла Англо-иранская нефтяная кампания. Ее заводы обеспечивали топливом британские войска к востоку от Суэца, флот на Средиземном море и в Индийском океане и являлись единственными производителями авиационного топлива в регионе. В стратегическом плане важно было соединить зоны действия британских войск на Ближнем Востоке и в Индии.

Советскому Союзу надо было обеспечить безопасность южных рубежей и бакинской нефти. Москва также хотела создать задел для укрепления собственного влияния в соседней стране, не оставляя ее под единоличным контролем союзника. Поэтому И. В. Сталин не откликнулся на сделанное позже, в октябре 1941 г., предложение британского премьера У. Черчилля заменить в Иране советские войска английскими при соблюдении интересов СССР.

Но очевидными были и общие мотивы действий СССР и Великобритании: во-первых, уничтожение германской «пятой колонны» в Иране, недопущение превращения этой страны в сателлита Германии и тем более в военный плацдарм для действий против союзников; во-вторых, гарантирование поставок англосаксами военных материалов в Советский Союз через «персидский коридор».

В Москве и Лондоне ясно понимали первостепенную важность именно этих двух обстоятельств. Так, У. Черчилль подчеркивал необходимость «главным образом» добиваться открытия коммуникации от Персидского залива до Каспийского моря и изгнания всех немцев из Ирана. «Глубокие и щекотливые вопросы о нефти, коммунизме и послевоенном будущем Персии», по его мнению, стояли «на втором плане»[23].

Потенциальную военную угрозу с территории Ирана нельзя было игнорировать. В случае профашистского государственного переворота угроза с юга для СССР стала бы вполне реальной. Даже от Реза-шаха Гитлер требовал вступить в войну на стороне Германии и ставил вопрос о передаче люфтваффе иранских авиабаз, к строительству которых немецкие специалисты имели прямое отношение[24]. Если немецкая авиация весной — летом 1941 г. действовала в Сирии и Ираке, она вполне могла появиться и в Иране при прогерманском режиме. Впрочем, не только люфтваффе, но и сухопутные силы вермахта в недалеком будущем окажутся не так уж далеко от Ирана, когда через год, в августе 1942 г., прорвутся к Главному Кавказскому хребту.

Для англичан иранская операция логично вытекала из их действий на Ближнем Востоке. В апреле 1941 г. в Ираке к власти пришло правительство Рашида Али аль-Гайлани, которое открыто выступило против Британии и развернуло сотрудничество с гитлеровской Германией. Начались открытые боевые действия англичан против иракцев. По договоренности с вишистским режимом немцы стали переправлять военные материалы по воздуху через Сирию в Ирак. Но английские войска 30 мая взяли Багдад и свергли антибританский режим, а вслед за этим развернули наступление на Сирию и Ливан, взяв их под свой контроль к середине июля 1941 г.

Как вспоминал У. Черчилль, когда мятеж в Ираке был подавлен, а Сирия оккупирована, «мы были рады возможности объединиться с русскими и предложили им провести совместную кампанию»[25].

11 июля британский кабинет поручил начальникам штабов рассмотреть вопрос о желательности действий в Иране совместно с русскими, если Тегеран откажется выслать германскую колонию.

К этому времени иранский вопрос уже активно обсуждался между Москвой и Лондоном по дипломатическим каналам. 22 июня посольство Великобритании заявило советской

стороне о готовности своего правительства оказать помощь в снабжении СССР через Персидский залив. При этом делалась ссылка на беседу министра иностранных дел А. Идена с советским послом И. М. Майским[26].

28 июня народный комиссар внешней торговли СССР А. И. Микоян с конкретными цифрами обсуждал с британским послом С. Криппсом и его сотрудниками пропускную способность Трансиранской железной дороги, а также иранских шоссейных дорог и возможности наращивания поставок.

И. В. Сталин неоднократно говорил о ситуации в Иране с С. Криппсом. Так, указав 8 июля на необходимость демарша в Тегеране, они уже 10 июля сошлись во мнении, что дипломатические меры, может быть, придется поддержать военными. О том же говорил У. Черчилль с советским послом И. М. Майским[27].

Москва заявляла Тегерану о готовности принять немедленные меры для доставки по своей территории транзитных грузов в Иран, в том числе вооружения. В ответ утверждалось, что Иран в принципе не возражает против транзита советских грузов, но в силу своего нейтралитета категорически против перевозок оружия[28]. Такая позиция, безусловно, обесценивала значение «персидского коридора» для СССР.

В нотах от 26 июня, 19 июля и 16 августа советское правительство обращало внимание Тегерана на подрывную и шпионско-диверсионную деятельность германских агентов в Иране, требовало пресечь их активность и выслать немцев из страны. Аналогичные требования выдвигала Великобритания. Однако иранская сторона уклонялась от выполнения этих требований. «Стремление не обидеть немцев проходит красной нитью в политике Ирана», — докладывал 10 августа в Москву советский посол в Тегеране А. А. Смирнов[29]. Реза-шах и его окружение, видимо, исходили из того, что Германия вот-вот разгромит Советский Союз, и тогда им надо будет как-то объясняться с Гитлером.

Такая позиция иранских властей заставила союзников приступить к подготовке военной операции. Словесные заверения иранцев уже не удовлетворяли союзников. В условиях смертельной схватки с державами «оси» вопросы о суверенитете Ирана и его нейтралитете в войне отходили на второй план. Объясняя действия своей страны, У. Черчилль лишь отметил, что Англия и Россия боролись за свою жизнь. «Inter arma silent leges» («Когда говорит оружие, законы молчат»), — написал он в своих мемуарах[30].

В отличие от англичан у СССР было твердое правовое обоснование для ввода своих войск. По условиям советско-персидского договора от февраля 1921 г. в случае, если третьи страны попытаются превратить территорию Персии в базу для военных выступлений против России, то советское правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, «чтобы, в интересах самообороны, принять необходимые (военные) меры»[31].

Утром 25 августа 1941 г. от имени правительств СССР и Великобритании в Тегеране были вручены ноты с объяснением причин, побудивших их ввести свои войска на территорию Ирана.

С советской стороны для иранской экспедиции были выделены 44-я армия (командующий генерал-майор А. А. Хадеев, штаб в Ленкорани) и 47-я армия (командующий генерал-майор В. В. Новиков, штаб в Нахичевани) общей численностью 135 тыс. человек. Еще две армии (45-я и 46-я), имевшие 110 тыс. человек, прикрывали границу с Турцией. Все они входили в состав Закавказского фронта, образованного 23 августа на базе Закавказского военного округа (командующий генерал-лейтенант Д. Т. Козлов). В походе участвовала также 53-я отдельная армия из Среднеазиатского военного округа (командующий генерал-майор С. Г. Трофименко, штаб в Ашхабаде). План операции советских войск был разработан начальником штаба Закавказского фронта генерал-майором И. Ф. Толбухиным. Общий замысел состоял в том, чтобы внезапным ударом лишить иранские войска способности сражаться, а в случае сопротивления уничтожить их, не допуская отхода на юг.

25 августа советские войска из Закавказья вступили на территорию Ирана. Главный удар наносила 47-я армия, наступавшая на Тебриз. Ее силы включали две горнострелковые, стрелковую и две танковые дивизии. 44-я армия, состоявшая из двух горнострелковых

и кавалерийской дивизий и танкового полка, двигалась по прикаспийским территориям. 27 августа со стороны Туркмении в наступление перешла 53-я армия (стрелковый и кавалерийский корпуса и горнострелковая дивизия).

Первыми на рассвете границу перешли небольшие маневренные группы, имевшие задачу атаковать пограничные заставы иранцев, перерезать линии связи, блокировать дороги. Для захвата мостов, тоннелей и других объектов были выброшены воздушные десанты. В иранские порты на Каспии вошли корабли советской Каспийской военной флотилии, были высажены морские десанты.

Активно действовала советская авиация (522 самолета), которая сначала наносила бомбовые удары, а потом сосредоточилась на ведении разведки. Так, гарнизон Решта, центра прикаспийской провинции Гилян, был частично уничтожен авиацией, а частично просто разбежался. Всего военно-воздушные силы сделали около 17 тыс. самолето-вылетов, сбросив 7 тыс. бомб на военные объекты.

25 августа со стороны Ирака, от Басры и Багдада, двинулись в наступление англо-индийские войска. Они заняли юго-западные территории и порты в Персидском заливе. Был уничтожен иранский военный флот. 29 августа в районе Сенендеджа союзники вошли в непосредственный контакт друг с другом. По взаимной договоренности зона в радиусе 100 км от Тегерана осталась незанятой.

27 августа правительство Али Мансура подало в отставку. Новое правительство во главе с известным ученым и литератором М. Форуги отдало приказ своей армии не оказывать сопротивление. Его, впрочем, практически и не было, не считая мелких локальных стычек. 29–30 августа иранские войска сложили оружие.

Иранские вооруженные силы (200 тыс. человек, 300 самолетов, 150 танков, 400 орудий) оказались совершенно неспособны к сопротивлению в силу крайне слабой боевой подготовки, технической оснащенности и морального состояния. Иранцы обычно или сразу сдавались в плен, или расходились по домам по команде своих офицеров, или просто разбегались, бросая оружие и снаряжение. Так, гарнизон города Пехлеви численностью 520 солдат и офицеров после короткой перестрелки был пленен советским разведотрядом из 45 человек. Быстрое и решительное совместное наступление советских и британских войск стало полной неожиданностью для иранцев. К тому же союзники продвигались во многих случаях по территориям, населенным национальными меньшинствами (азербайджанцами, курдами, армянами), которые были не слишком лояльны к шахскому режиму.

Пожалуй, главные сложности для союзников создавало не сопротивление иранских войск, а горно-пустынная местность и тяжелый климат. Показательно, что для обеспечения продвижения советских войск были привлечены 11 инженерно-саперных батальонов и 31 отдельная инженерно-саперная и понтонно-мостовая роты.

Конечно, иранский поход выявил немало слабостей Красной армии. Явно не хватало боевого опыта, умения эксплуатировать и применять боевую технику. Были проблемы с разведкой, связью, снабжением. Не всегда удачно взаимодействовали различные рода войск.

Потери союзников были минимальными: с советской стороны — около 50 убитых и свыше 100 раненых, с британской — 22 убитых и 45 раненых. У иранцев потери были на порядок больше[32].

Местное население встречало советские войска по-разному. Простые люди нередко проявляли радость и энтузиазм, вплоть до призывов устанавливать советскую власть, делить имущество богатых и вступать в Красную армию. Однако другая часть населения, особенно зажиточные слои, проявляла настороженность, а то и враждебность. Во многих местах торговцы закрывали свои лавки, что приводило к росту цен и ставило под угрозу снабжение населения. Распространялись различные антисоветские слухи и домыслы.

Советская сторона предпринимала усилия по налаживанию отношений с местным населением. Количество сброшенных листовок исчислялось миллионами. Правда, не обошлось без досадных просчетов. В иранском Азербайджане, где население плохо владело персидским языком, распространялись листовки на азербайджанском языке, но написанные латиницей

(которая до 1939 г. использовалась в АзССР), а не буквами арабского алфавита, как это было принято в Иране.

В приказах советского командования взаимоотношения Красной армии с местным населением и органами власти предписывалось строить, исходя из следующих положений:

— все руководители местной власти остаются на местах;

— чины полиции и жандармерии, не оказывающие сопротивления, остаются на своих должностях и продолжают нести обязанности по поддержанию внутреннего порядка;

— вся экономическая и торговая жизнь идет на прежних основаниях;

— никакого общения советских солдат с местным населением кроме спецзаданий командования;

— запрет военнослужащим посещать мечети и мешать проведению религиозных обрядов местным населением[33].

В послании, полученном в Москве 30 августа, У. Черчилль писал И. В. Сталину: «Известие о том, что персы решили прекратить сопротивление, весьма приятно». И далее: «При всей важности защиты нефтяных источников целью нашего вступления в Персию было в еще большей степени стремление установить еще один сквозной путь к Вам, который не может быть перерезан. Имея это в виду, мы должны реконструировать железную дорогу от Персидского залива до Каспийского моря и обеспечить ее бесперебойную работу...»

В ответном письме И. В. Сталин был краток: «Дело с Ираном действительно вышло неплохо». И добавил: «Но Иран только эпизод. Судьба войны будет решаться, конечно, не в Иране»[34].

8 сентября СССР, Великобритания и Иран заключили соглашение, предусматривавшее размещение советских и британских войск в Иране. Поскольку иранские власти тянули с выполнением требований союзников, последние вынуждены были двинуть свои войска к Тегерану. Реза-шах 16 сентября отрекся от престола и покинул страну, передав власть своему сыну Мохаммеду Реза Пехлеви.

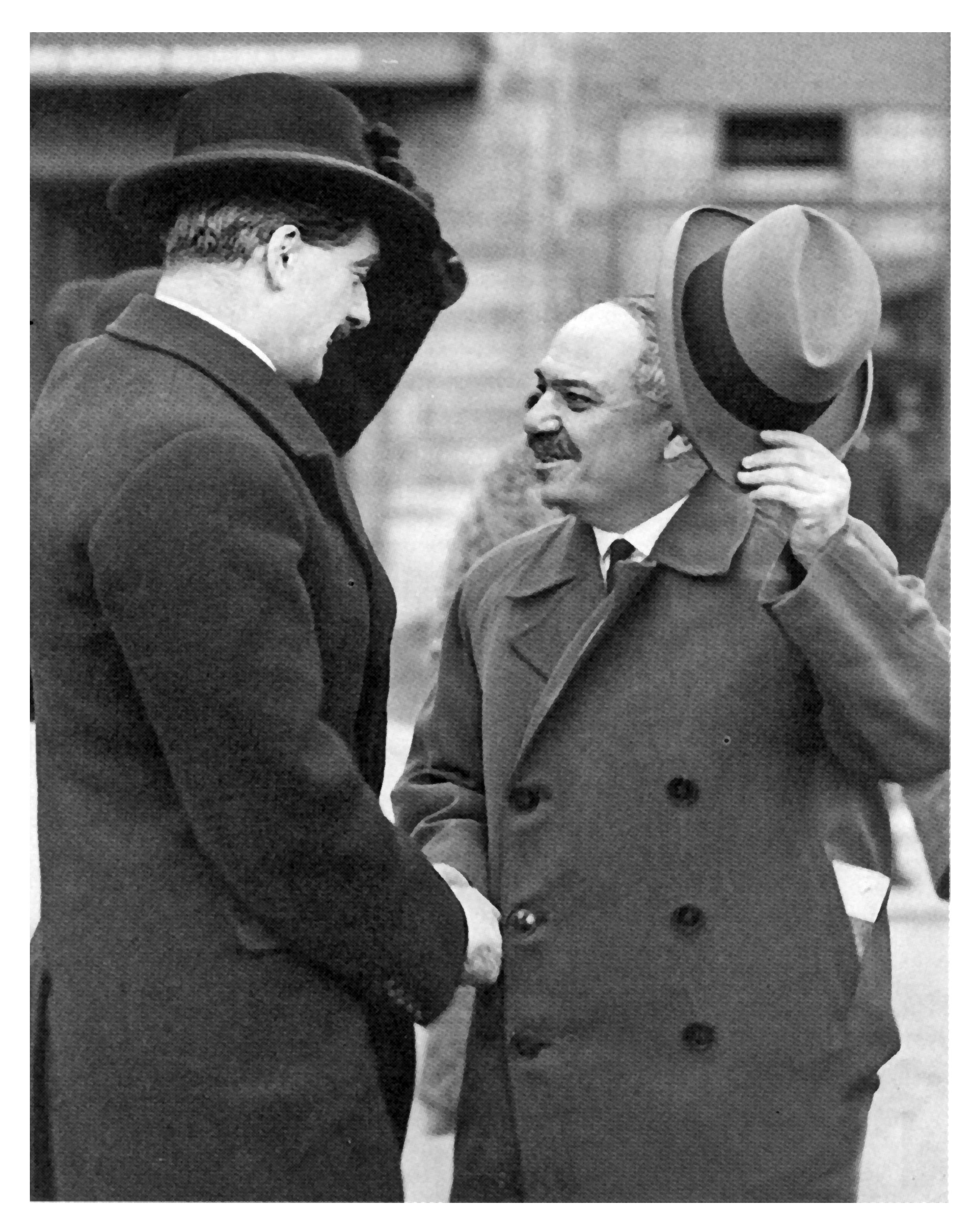
17 сентября советские и британские войска вошли в Тегеран. Официальные представители Германии, Италии, Румынии и Венгрии были высланы из страны.

Когда главные задачи иранского похода были решены, советское командование смогло перебросить свои войска на советско-германский фронт, тем более что осенью 1941 г. обстановка там продолжала ухудшаться. 44-я армия уже в октябре убыла на Северный Кавказ, за ней последовали 47-я армия и несколько дивизий 53-й армии.

29 января 1942 г. был подписан договор о союзе между СССР, Великобританией и Ираном. Союзники обязались уважать территориальную целостность, суверенитет и политическую независимость Ирана и защищать его от всякой агрессии со стороны Германии, а также оказывать ему экономическую помощь. СССР и Великобритания получили право содержать на иранской территории военные силы в необходимом количестве, а также неограниченное право использовать любые средства коммуникаций по всему Ирану. Подчеркивалось, что ввод советских и британских войск «не представляет собой военной оккупации» и будет возможно меньше затруднять нормальную работу администрации и обычную жизнь страны. В свою очередь, Иран брал на себя обязательство сотрудничать с союзными государствами, чтобы они могли выполнить вышеуказанные обязательства. Не позднее шести месяцев по окончании военных действий союзных государств с Германией их войска должны были покинуть территорию Ирана[35].

Решение иранской проблемы стало для участников формирующейся Антигитлеровской коалиции первым опытом достижения договоренности по важному международному вопросу, за которой последовала совместная военно-политическая акция.

Были достигнуты важнейшие цели союзников. Исчезла угроза превращения Ирана во враждебное союзникам государство — плацдарм для германской агрессии на Среднем Востоке. Германская агентура в основном была ликвидирована или загнана в глубокое подполье. Это позволило впоследствии провести в Тегеране первую встречу «большой тройки».



А. Иден и И. М. Майский

«Персидский коридор» стал одним из важнейших маршрутов военных поставок по ленд-лизу из США и Великобритании в Советский Союз. За годы войны этим путем было перевезено 23,8 % грузов. Особенно велика была его доля в 1942 г. (28,8 %) и в 1943 г. (33,5 %). Масштабнее были только поставки через Тихий океан (47,1 %).

Союзники укрепили свои стратегические позиции. Англичане получили возможность действовать на всем пространстве от Ближнего Востока до Индии. Советский Союз был спокоен за свои южные рубежи. Обеспечена безопасность крупнейших нефтяных месторождений на Кавказе и в Иране.

Несмотря на неоднозначную первоначальную реакцию, для самого Ирана акция союзников дала позитивные результаты. Не став ареной боевых действий, он вошел в Антигитлеровскую коалицию (9 сентября 1943 г. объявил войну Германии), обеспечив в итоге свою безопасность, территориальную целостность и суверенитет. К тому же союзники оказали Ирану значительную материальную поддержку и коренным образом реконструировали его транспортную инфраструктуру для того, чтобы он мог обеспечивать поставки по ленд-лизу[36].

Пример Ирана оказал сдерживающее воздействие на Турцию и Афганистан. В октябре 1941 г. из Кабула были высланы представители Германии и ее союзников.

Наконец, в тяжелейших условиях лета — осени 1941 г., когда Красная армия с огромными потерями отходила в глубь страны, успех иранского похода был воспринят в стране и армии как фактор позитивного значения.

В октябре СССР и Великобритания совместно потребовали от правительства Афганистана прекратить прогерманскую деятельность различных группировок на своей территории. В ответ созванный 5 ноября королем Захир Шахом высший законодательный орган страны Большая джирга одобрил политику строгого нейтралитета. Аналогичный демарш, предпринятый ранее Великобританией и СССР по отношению к Турции, также дал возможность нейтрализовать или, по меньшей мере, ослабить германское влияние в этой стране дипломатическими средствами.

Всё это были важные и эффективные решения, соответствующие стратегическим интересам двух стран[37].

Реакция в США на нападение Германии на СССР была неоднозначной, более противоречивой, чем в Великобритании. Она продемонстрировала сложный спектр расстановки политических сил в стране, их различное отношение к поддержке социалистической России в борьбе против нацистской агрессии. Г. Трумен, в то время сенатор от штата Миссури, за день до выступления Ф. Рузвельта призвал правительство следовать иному политическому курсу: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах»[38].

Подавляющее большинство политических и военных руководителей США сходились на том, что советские Вооруженные силы не сумеют оказать длительного сопротивления гитлеровским полчищам. Так, при определении американской политики в отношении СССР военный министр США Г. Стимсон в своем меморандуме от 23 июня 1941 г. советовал президенту Рузвельту исходить из следующих предпосылок:

«1. Действия Германии сильно напоминают ниспосланные свыше события.

2. Минимум за месяц, а максимум за три немцы полностью уничтожат Советский Союз.

3. Это время следует активно использовать для форсирования действий в Атлантике»[39].

Однако большинство государственных деятелей США отклонили позицию этой части истеблишмента. Их аргументы были реалистичны и убедительны — поражение СССР означает прямую угрозу не только мировым позициям США, но и самой независимости страны.

Высокую оценку силам СССР давали бывший посол США в СССР Дж. Дэвис и «красный генерал», американский атташе в Москве Ф. Фэймонвил, но главное — Г. Гопкинс и Ф. Рузвельт.

В конце июня 1941 г. советское правительство через своего посла в Вашингтоне представило правительству США список поставок, в которых нуждался Советский Союз. Одновре-

менно был сделан запрос о предоставлении Советскому Союзу кредита сроком на пять лет. Со своей стороны правительство США предложило осуществлять советские поставки сырья в обмен на американские поставки.

Первоначально американские поставки в СССР были невелики и проводились за наличный расчет в соответствии с предложенным американо-советским торговым соглашением 1937 г.

После поездки личного представителя президента США и главы администрации по ленд-лизу Г. Гопкинса в Москву в конце июля 1941 г., трехсторонней конференции в Москве (28 сентября — 1 октября 1941 г.) США предоставили Советскому Союзу из средств, ассигнованных по ленд-лизу, беспроцентный заем на сумму 1 млрд долларов, что явилось исключительно важным решением в политике поддержки СССР и становлении Антигитлеровской коалиции. И хотя ко времени битвы под Москвой, во многом определившей дальнейший ход войны, поставки союзников еще не могли оказать заметного влияния на ход вооруженной борьбы, их политическое и моральное значение было очевидным.

Вступление США во Вторую мировую войну, объявление Германией и Италией войны Соединенным Штатам превратили сотрудничество СССР и США в фактор первостепенного военно-политического значения.

В феврале 1942 г. Рузвельт принял решение о предоставлении СССР второго кредита в размере 1 млрд долларов на прежних условиях (начало выплаты беспроцентного займа предусматривалось через пять лет после окончания войны в течение 10 лет). Была создана советская правительственная закупочная комиссия в США, достигнута договоренность по предложению США об установлении прямой радиотелефонной связи между Москвой и Вашингтоном. Сотрудничество развивалось по многим направлениям, но договора или соглашения, подобно советско-английскому, заключенному год назад, не было. Между тем возникли разногласия. Они были вызваны дипломатичным отказом СССР денонсировать пакт о нейтралитете с Японией и предоставить американским ВВС базы на советском Дальнем Востоке. Такое развитие событий могло, по мнению советского руководства, усугубить и без того существовавшую угрозу японской агрессии против СССР в то время, когда главные силы Красной армии вели тяжелейшую борьбу против вермахта на Западном фронте, исход которой был далеко не ясен. Осложнения в отношениях вызывало и нарушение согласованных сроков поставок в СССР по ленд-лизу. В 1941–1942 гг. помощь западных союзников при всей ее значимости отставала от согласованных норм. Заметное увеличение поставок по ленд-лизу началось только с лета 1943 г.[40] Но эти и другие разногласия во многом преодолевались взаимными поисками решений, направленных на объединение усилий в борьбе против общего врага.

Советская дипломатия вела успешную борьбу за привлечение к антигитлеровской коалиции всех сил, заинтересованных в борьбе против фашистской тирании. В начале июля 1941 г. советское правительство заявило о своей готовности нормализовать отношения с Польшей, Чехословакией, Югославией и оказывать народам этих стран всестороннюю помощь в борьбе против фашизма. Надо сказать, что на пути нормализации отношений возникали большие трудности. 23 июня 1941 г., выступая с заявлением в связи с нападением Германии на СССР, глава польского эмигрантского правительства в Лондоне генерал В. Сикорский подчеркнул нежелание правительства Польши считаться с решением вопроса о Западной Украине и Западной Белоруссии и потребовал восстановления довоенных границ Польши. Такая позиция Сикорского, разумеется, не способствовала переговорам, которые начались 5 июля 1941 г. в Лондоне и велись при посредничестве британского правительства.

После длительных переговоров 30 июля 1941 г. было подписано соглашение, которое содержало обязательства взаимной помощи, а также согласие советского правительства на создание на территории СССР польской армии для ведения боевых действий совместно с Красной армией. Предусматривалось, что командующий польской армией, создаваемой в СССР, будет назначен польским правительством, в то время как на фронте эта армия будет действовать в оперативном подчинении советского командования. К соглашению был приложен протокол, в котором говорилось о том, что советское правительство предоставляет

амнистию всем польским гражданам, которые содержались «в заключении на советской территории в качестве ли военнопленных или на других достаточных основаниях»[41].

Таким образом, несмотря на очевидные расхождения между советским правительством и польской эмиграцией в Лондоне по вопросу о границах Польши, компромисс, как показали последующие события, весьма кратковременный, тем не менее был найден.

Некоторые деятели польской эмиграции демонстративно выступили против советско-польского соглашения. К ним относились командующий польскими военными формированиями в Англии генерал К. Соснковский, министр иностранных дел А. Залесский и их единомышленники, которые в знак протеста против советско-польского соглашения вышли из состава правительства. Сикорский же и поддерживавшие его министры стремились советско-польским соглашением укрепить международный авторитет эмигрантского правительства. Вопрос о границах, по мнению советского и английского правительств, с которым вынужденно согласились лондонские поляки, следует разрешить после войны.

И советское, и английское правительство были заинтересованы в укреплении и расширении антигитлеровской коалиции. Излагая позицию англичан во время советско-польских переговоров, Черчилль писал в своих мемуарах: «...в разгар битвы, в этот важный момент войны, всё должно быть посвящено задаче увеличения общих военных усилий»[42].

Несколько иным путем шло развитие отношений с Чехословакией. Вскоре после начала Великой Отечественной войны советское правительство довело до сведения Э. Бенеша, в то время президента Чехословакии, следующее:

«а) Политической программой советского правительства является самостоятельная Чехословакия с чехословацким национальным правительством;

б) само собой разумеется, что советское правительство не хочет вмешиваться во внутренние дела Чехословакии и что вопрос о внутреннем режиме и структуре чехословацкий народ решит сам;

в) если чехословацкое правительство желает направить в Москву своего посланника, советское правительство с радостью его примет;

г) советское правительство готово оказать помощь в организации чехословацкой воинской части в России. В таком случае оно считает, что, по-видимому, можно было бы организовать специальный национальный чехословацкий комитет, который помогал бы в организации армии. Единственным условием является то, что в оперативных и военно-технических вопросах эта часть находилась бы под русским верховным командованием. В остальном командование и офицеры были бы чехословацкие»[43].

16 июля 1941 г. посол СССР в Лондоне Майский передал Бенешу советский проект соглашения, и 18 июля соглашение между СССР и Чехословакией о взаимной помощи в войне против гитлеровской Германии было подписано. Соглашение предусматривало восстановление дипломатических отношений и взаимную помощь в войне против фашистской Германии, а также согласие советского правительства на формирование национальных чехословацких частей на территории СССР.

Советско-чехословацкое соглашение имело большое значение для укрепления международных позиций чехословацкого государства. Об этом говорил и Бенеш. «Мы вернулись в своих взаимоотношениях между обоими нашими государствами, — писал он в своих воспоминаниях, — к домюнхенскому положению. Советский Союз, который с самого начала так решительно выступал против Мюнхена и с такой же решительностью выступал и против событий 15 марта 1939 г., *в эту решительную минуту нанес смертельный удар Мюнхену и всем его последствиям*, так как вполне и решительно, без всяких ограничений и условий, *снова признал республику в ее домюнхенском статусе*»[44]. Таким образом, между двумя государствами были установлены союзнические отношения.

Как только в Лондоне стало известно о советской инициативе, английское правительство срочно решило также установить с чехословацким правительством дипломатические отношения. Признание Великобританией чехословацкого правительства произошло 18 июля, спустя несколько часов после подписания советско-чехословацкого соглашения[45]. Сам факт

Британский генерал Дж. Дилл и И. М. Майский на приеме в турецком посольстве.
29 октября 1941 г.

признания правительства Чехословакии укреплял международные позиции Чехословакии, способствовал расширению фронта антигитлеровских государств и в этом смысле имел несомненно положительное значение.

Правительства Советского Союза и Англии консультировались друг с другом и по вопросу об отношении к патриотическому движению «Свободная Франция»[46]. 24 июня 1941 г. руководитель движения «Свободная Франция» генерал де Голль поручил своим представителям в Лондоне посетить Майского и заявить ему от своего имени, что «французский народ поддерживает русский народ в борьбе против Германии и что в связи с этим мы желали бы установить военное сотрудничество с Москвой»[47].

Английская сторона сообщила 7 июля свою точку зрения, высказав при этом мнение, что поскольку правительство Великобритании еще не признало организацию де Голля как правительство, то британское правительство «оказалось бы в стеснительном положении, если бы советское правительство пошло в отношении де Голля на большую степень признания, чем та, на которую пошло правительство Его Величества»[48].

В начале августа 1941 г. между советским посольством в Лондоне и Французским национальным комитетом начались переговоры, в ходе которых Майский сообщил французским представителям «об отсутствии со стороны советского правительства возражений против установления с де Голлем официальных отношений в такой же форме, как это имеет место у де Голля с британским правительством».

Англичане выразили удовлетворение и благодарность советскому правительству за занятую им позицию.

26 сентября того же года произошел обмен нотами между советским правительством и Национальным комитетом «Свободной Франции», что явилось официальным признанием комитета со стороны СССР[49].

Политическое сотрудничество СССР и Англии по различным вопросам европейской политики в первые месяцы Великой Отечественной войны свидетельствовало о том, что, несмотря на отдельные, порой серьезные расхождения между советским и английским правительствами по ряду вопросов (например, по польскому), это сотрудничество привело к расширению фронта антигитлеровских государств и способствовало консолидации антифашистских сил в Европе.

Встал вопрос и о юридическом оформлении военного союза государств, борющихся против фашистских агрессоров. Таким документом явилась подписанная 1 января 1942 г. в Вашингтоне Декларация 26 государств, получившая впоследствии наименование Декларации объединенных наций. Декларацию подписали представители СССР, США, Китая, Великобритании, Австралии, Бельгии, Индии, Канады, Коста-Рики, Кубы, Люксембурга, Чехословакии, Доминиканской Республики, Сальвадора, Греции, Гватемалы, Гаити, Гондураса, Голландии, Новой Зеландии, Никарагуа, Норвегии, Панамы, Польши, Южно-Африканского Союза, Югославии. В декларации заявлялось, что окончательная победа над противником «необходима для защиты жизни, свободы, независимости и религиозной свободы и для сохранения человеческих прав и справедливости» и что страны «теперь заняты общей борьбой против диких и зверских сил, стремящихся покорить мир». Подписавшие декларацию государства обязались употребить все свои экономические и военные ресурсы против тех членов тройственного пакта (Германии, Италии и Японии) и присоединившихся к нему государств, с которыми они находились в состоянии войны, сотрудничать друг с другом и не заключать сепаратного мира или перемирия с общими врагами. Таким образом, Декларация объединенных наций юридически оформила военно-политический союз антифашистских государств, сплотила в рамках многостороннего соглашения все государства, находившиеся в состоянии войны с германо-японо-итальянской коалицией. Закрепляя союз 26 государств, участники декларации вместе с тем открывали возможности для присоединения к антифашистской коалиции и других государств[50].

Между тем в союзнических отношениях назревали новые противоречия. Главным из них был вопрос об открытии западными союзниками второго фронта в Европе. Возникли серьезные трудности в подготовке полноценного союзного договора между СССР и Англией. Но если с Англией имелось соглашение, подписанное 12 июля 1941 г., то какой-либо официальный документ о союзе между США и СССР отсутствовал. Однако главным был вопрос об открытии второго фронта в Европе, который будет подробно рассмотрен в следующем томе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Британские силы (около 400 тыс. человек), действовавшие на европейском континенте совместно с французской и бельгийской армиями, были с большими потерями эвакуированы в основном из района Дюнкерка (на сев. побережье Франции) в мае 1940 г. Численность польских войск составляла 20 тыс. человек (*Dearl., Foot M.* (ed.) The Oxford Companion to World War II. Oxford, New York, 1995. P. 164–166). Кратковременное сопротивление вермахту оказали войска Норвегии, Бельгии и Голландии. Соотношение сил на Западном фронте по состоянию на 10 мая 1940 г. было примерно равным: 141 дивизия вермахта противостояла 144 дивизиям западных союзников *(Reynolds D.* From World War to Cold War. Oxford, 2007. P. 25). США в рамках объявленного нейтралитета поддерживали потерпевшую поражение коалицию. Первые секретные консультации военно-морских штабов США и Великобритании состоялись по инициативе президента Ф. Рузвельта в 1937 г. (*Stoler M.* FDR and Origins of the National Security Establishment // FDR'S World War, Peace and Legacies New York, 2008. P. 66).

[2] *Сиполс В.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны 1939–1941. М., 1997. С. 62–73.

[3] Вестник Совета безопасности Российской Федерации. 2010. № 2. С. 32–55.

[4] *Исраэлян В.* Антигитлеровская коалиция. М., 1964. С. 17.

[5] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 3. Великий союз / Пер. с англ. М., 1955. С. 366.

[6] АВП. Ф. 059. Оп. 7. П. 13. Д. 5. Л. 27–31. Такие шифрограммы в 1941 г. рассылались персонально следующим адресатам: Сталину (2 экз.), Молотову, Ворошилову, Кагановичу, Микояну, Берии, Жданову, Вышинскому, Деканозову, Лозовскому и Корнейчуку.

[7] *Langer W. and Gleason S.* The Undeclared War. 1940–1941. New York, 1953. P. 541.

[8] Мировые войны XX века. Кн. 3. М., 2005. С. 231.

[9] Внешняя политика СССР. Сборник документов (июнь 1941 — сентябрь 1945). Т. 5. М., 1947. С. 6 (далее: Внешняя политика СССР).

[10] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне. М., 1947. С. 16.

[11] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 3.

[12] См.: Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 1. М., 1946. С. 163–167. Имелось в виду включенное по предложению Черчилля положение о «восстановлении суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого *насильственным путем* (курсив ред.), что исключало из их числа лишенные суверенных прав народы колоний, но ставило под сомнение признание советских границ по состоянию на 22 июня 1941 г. с вошедшими в состав СССР в 1939–1940 гг. в условиях нахождения на этой территории частей Красной армии, а также по мирному договору с Финляндией (Война и общество в XX веке. Кн. 3. М., 2008. С. 9–11).

[13] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. Документы и материалы в двух томах. Т. 1. 1941–1943. М., 1983. С. 82 (далее: Советско-английские отношения).

[14] Внешняя политика СССР. С. 20.

[15] Там же. С. 63–64.

[16] *Erickson J., Dilks D.* Barbarossa. The Axis and the Allies. Edinburgh 1994. P. 97 (далее цит: Barbarossa...).

[17] *Исраэлян В.* Указ. соч. С. 24.

[18] *Bullock A.* The Life and Times of Ernest Bevin. Vol. 2; Minister of Labor 1940–1945. P. 137.

[19] Barbarossa... P. 103.

[20] *Исраэлян В.* Указ. соч. С. 24, 25.

[21] См., например: *Оришев А. Б.* Иранский узел. Схватка разведок. 1936—1945 гг. М., 2009; *Он же.* В августе 1941-го. М., 2011.

[22] *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 2. М., 1973. С. 236, 239.

[23] *Черчилль У.* Вторая мировая война. В 3 кн. Кн. 2. М., 2010. С. 246—247.

[24] *Оришев А. Б.* В августе 1941-го. С. 76.

[25] *Черчилль У.* Указ. соч. С. 244.

[26] Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Т. XXIV. М., 2000. С. 14.

[27] Там же. С. 61, 122—123, 132 и др.

[28] Там же С. 86—87, 116, 227.

[29] Там же. С. 128, 227.

[30] *Черчилль У.* Указ. соч. С. 246.

[31] Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 538—539.

[32] О военном аспекте рассматриваемых событий см.: *Голуб Ю. Г.* 1941: Иранский поход Красной армии. Взгляд сквозь годы / Отечественная история. 2004. № 4; *Он же.* Малоизвестная страница великой войны: советская оккупация Северного Ирана в августе — сентябре 1941 г. http://www.sgu.ru/files/nodes/10082/27.pdf; *Любин Д. М.* Ввод Красной армии в Иран летом — осенью 1941 года: Причины, осуществление, последствия. Саратов, 2005; *Оришев А. Б.* В августе 1941-го; *Ходеев Ф. П.* Советско-английское принуждение Ирана к лояльности в 1941 году // Военно-исторический журнал. 2011. № 9.

[33] «Введение частей Красной армии в пределы Ирана не означает установления советской власти». Документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации о первых днях советских войск на территории Ирана. Август — сентябрь 1941 г. // Отечественные архивы. 2010. № 3.

[34] Советско-английские отношения... С. 110, 112.

[35] Там же. С. 202—205.

[36] В декабре 2009 г. президент Исламской Республики Иран М. Ахмадинежад дал своей администрации распоряжение оценить ущерб, который был нанесен Ирану пребыванием на его территории воинских контингентов стран антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании — во время Второй мировой войны. Планировалось потребовать от международных институтов компенсации этого урона «для восстановления прав иранского народа». Газета. 22 декабря 2009 г.

[37] Советско-английские отношения... С. 107.

[38] New York Times 1941, June 24. P. 7.

[39] *Фейс Г.* Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились / Пер. с англ. М., 2003. С. 14.

[40] Подробнее см.: Ленд-лиз и Россия. Архангельск, 2006.

[41] Подробнее см.: *Парсаданова В.* Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. М., 1982.

[42] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 3. С. 383.

[43] Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. М., 1960. С. 11.

[44] *Исраэлян В.* Указ. соч. С. 30, 31.

[45] Английский разведчик и дипломат Б. Локкарт, приставленный к чехословацкому правительству, по этому поводу отметил: «Русские выиграли. Они подписали в полдень 18 июля. Меня попросили привезти Яна Масарика к Идену в 4 часа дня. Ян заехал за мной в 3 ч. 45 м., и под проливным дождем мы отправились в министерство иностранных дел. Здесь мы были сразу приняты. Иден был один. Мы придвинули свои кресла поближе к его столу. Он улыбался и был в наилучшем расположении духа. «Сегодня для вас, Ян, день договоров, — сказал Иден. — Мне известно, что утром вы уже подписали один. Вот здесь другой» *(Исраэлян В.* Указ. соч. С. 31, 32).

[46] 17 июня 1940 г. заместитель министра обороны потерпевшей поражение Франции обратился по лондонскому радио к французам с призывом к сопротивлению немецким захватчикам и возглавил движение «Свободная Франция».

[47] Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. 1941–1943. С. 44.

[48] Там же. С. 380.

[49] Там же. С. 50–52.

[50] Подробнее см.: Организация Объединенных Наций. Сборник документов. М., 1981. С. 5–16.

Человек в условиях перехода от мира к войне

XX век был отмечен самыми кровопролитными войнами в истории человечества. Их особенностью явилось возрастание роли технических факторов, ставших в конце концов доминирующими. Однако значение психологического фактора отнюдь не уменьшилось. Роль человека в войне, особенно непосредственно в боевых условиях, осталась во многом определяющей. Известный английский военный теоретик Лиддел Гарт в своем труде «Стратегия непрямых действий», вышедшем в 1945 г., писал: «Основное, что не поддается учету в войне, — это человеческая воля, которая проявляется в сопротивлении»[1]. Не учел ее и А. Гитлер, еще 5 декабря 1940 г. самоуверенно заявивший: «Следует ожидать, что русская армия при первом же ударе немецких войск потерпит еще большее поражение, чем армия Франции в 1940 г.»[2]

Именно человеческая воля, а иными словами, духовный фактор сыграл решающую роль в войне Советского Союза против фашистской Германии, в том числе в начальный — самый тяжелый ее период. Для СССР это была война на выживание, причем не только государства, но и населяющих ее народов. Участие в ней приобрело такое значение, что в историю она вошла под именем Великой Отечественной. Уже одно это свидетельствует о колоссальной роли в войне народа и массовых духовно-психологических явлений.

Массовое сознание — явление чрезвычайно сложное и противоречивое, в нем переплетаются элементы социальной психологии, нравственные и мировоззренческие установки. При этом оно представляет собой синтез явлений, уходящих корнями в национальные традиции, в обыденную жизнь людей, с идеологическими установками, целенаправленно формируемыми структурами власти.

Войны, являясь экстремальным, конфликтным состоянием страны в ее взаимоотношении с внешним миром, занимают в массовом сознании народов особое место. Крупномасштабная война — это всегда напряжение всех сил общества, испытание, чреватое большими людскими и материальными потерями. Особенно это характерно для войн с равным или, тем более, превосходящим по силам противником, что вносит дополнительный фактор психологического напряжения — непредсказуемость в развитии событий, возможность поражения.

В русском национальном сознании отношение к войне как явлению во многом перешло на уровень психологических архетипов. С одной стороны, оно было травмировано многочисленными войнами, в том числе и неудачными, в которых Россия понесла колоссальные жертвы. К концу 1930-х гг. в исторической памяти народа (в первую очередь еще живущих поколений) были остры воспоминания о драматизме кровавых войн начала XX века — Русско-японской, Первой мировой, Гражданской. С другой стороны, русское национальное сознание выработало мобилизационные механизмы, активизировавшиеся в периоды тяжелых испытаний для страны, в ситуациях смертельной опасности, особенно в условиях иноземных нашествий.

Вместе с тем именно XX век породил возможности и одновременно инструменты эффективного воздействия на массовое сознание, вплоть до манипуляции им, что проявилось во многих странах и в широких социальных и революционных движениях, и в становлении диктаторских и тоталитарных режимов, опиравшихся на массовые партии и различные идеологии. Это явление нашло отражение и в подготовке Второй мировой войны, включая милитаризацию сознания народов средствами пропаганды и широкой индоктринацией населения.

Особое значение идеологическая составляющая в формировании массового сознания приобрела в условиях советской государственной системы 1930-х гг., по революционной инерции сохранявшей доминанту классового подхода, в том числе и накануне Великой Отечественной войны. В значительной мере это относится к сознанию советских людей и в период самой войны, когда тем не менее произошло существенное смещение идеологических акцентов.

Следует также отметить специфику механизма восприятия значимых общественных явлений, в том числе войн, в массовом сознании. В нем присутствуют как интеллектуальные, так и эмоциональные компоненты с явным преобладанием последних. Даже профессионалы (политики и военные), «по долгу службы» обязанные рационально и адекватно оценивать будущую войну, как правило, ошибаются в своих прогнозах, экстраполируя опыт прошлых войн на еще не состоявшиеся, несмотря на принципиальные изменения множества условий. Есть и еще одна особенность человеческой психологии, подводящая «прогнозистов», — избыточность оптимизма, вера в то, что будущая война будет благоприятной именно для своей страны. Этот оптимизм транслируется политическим и военным руководством в общество, стимулируя милитаризацию сознания. Последнее явление имеет двойственные последствия: с одной стороны, без веры в успех победа невозможна; с другой, излишняя самоуверенность может обернуться беспечностью и неподготовленностью к войне. Реальный ход событий корректирует массовое сознание, делая восприятие войны более рациональным, конкретным и адекватным.

В этом общем контексте следует рассматривать и отражение Великой Отечественной войны в массовом сознании в СССР накануне и сразу после ее начала.

Еще свежи были в памяти народа Первая мировая и Гражданская войны. Но и последовавший за ними мирный период (названный впоследствии межвоенным) оказался насыщен большими и малыми вооруженными конфликтами. Терминология тех лет («вся страна — военный лагерь», «вражеское окружение» и т. п.), отражавшая господствовавшую оценку международной обстановки и место в ней Советской страны, отражала вместе с тем и психологию общества, которое все еще находилось в плену недавно пережитых войн и продолжало оставаться в состоянии «взведенного курка». Экономика, политика, даже культура были пропитаны «духом войны». Широко распространенные военно-спортивные мероприятия, популярные песни революционного и военного содержания — внешние, наиболее заметные его атрибуты. Внутренняя готовность к войне, ожидание новой войны как скорой и неизбежной воспитывались и в подрастающем поколении, родившемся в межвоенный период. А участие армии в ряде локальных конфликтов еще сильнее подпитывало этот общий настрой.

На восприятие будущей войны, на ожидание ее, на отношение к ней безусловно влиял комплекс факторов: и «архитипические» механизмы массовой психологии россиян, воспринимающих войну как «бедствие народное», но мобилизующих все свои силы в условиях национальной угрозы; и очень сложное и противоречивое по своим последствиям влияние идеологических механизмов, пропагандистской машины, с одной стороны, готовящей страну к будущей войне, а с другой — дезориентирующей население относительно сроков ее начала, характера, масштабов и тяжести, и даже относительно конкретного противника, с которым придется вступить в смертельную схватку и вести многолетнюю борьбу на выживание.

В первой половине 1941 г. в воздухе пахло грозой. Это чувствовали все — и народ, и власть. На границах было неспокойно. Хасан, Халхин-Гол, начало Второй мировой войны

и связанное с ней присоединение к СССР западных областей Украины и Белоруссии, затем Бессарабии и прибалтийских государств, «зимняя война» с Финляндией — все эти события 1938–1940 гг. были лишь прелюдией к большой войне, близкой и неизбежной, у порога которой стоял Советский Союз.

Страна готовилась к войне, в том числе и психологически. Советская пропаганда уже многие годы осуществляла милитаризацию массового сознания, формировала установку на готовность к будущей войне как неизбежной в условиях «враждебного капиталистического окружения». Однако в общественном создании характер этой большой войны представлялся в конце 1930-х гг. совершенно неадекватно.

Так, советская стратегическая доктрина исходила из односторонней, поверхностной формулы: «Если враг навяжет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападающих армий. Войну мы будем вести наступательно, перенеся ее на территорию противника. Боевые действия Красной армии будут вестись на уничтожение, с целью полного разгрома противника и достижения решительной победы малой кровью»[3]. Такая доктрина фактически исключала саму возможность масштабного и длительного вторжения вражеских войск на советскую территорию, предусматривая в случае агрессии мгновенный и массированный ответный удар. Отсюда и оборонительные мероприятия в приграничных районах проводились недостаточно энергично, особенно в глубине от границы.

Исходя из этой доктрины («малой кровью», «на чужой территории»), действовала и вся пропагандистская система страны.

Весьма значительным пропагандистским воздействием на сознание людей, особенно молодежи, обладало искусство того времени. Бравурные песни и бодрые киноленты о непобедимости Красной армии притупляли готовность к длительной и тяжелой борьбе, вызывали самоуспокоенность и восприятие возможной войны как парадного шествия. Конечно, неудачи в Советско-финляндской войне несколько поколебали этот радужный образ, однако и она в конце концов закончилась результатом, которого добивался СССР. Весьма сильным фактором, работавшим на этот оптимистичный стереотип, было продвижение советских границ на запад — по всей линии от Балтийского до Черного морей (присоединение прибалтийских республик, западных Украины и Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины).

Прозрение наступило потом. Об этом, оглядываясь назад, в июле 1942 г. написал в своем фронтовом дневнике впоследствии известный историк М. Т. Белявский: «Вот посмотрел сейчас фильм «Моряки», и еще больше окрепло убеждение в том, что наше кино с его «Моряками», «Истребителями», «Четвертым перископом», «Если завтра война», фильмами о маневрах и литература с романами «На Востоке» и «Первым ударом»... во многом виновато перед страной, так как вместо мобилизации демобилизовывало своим «шапкозакидательством»... Большой долг и большая ошибка»[4].

Другой ошибкой была дезориентация относительно будущего конкретного врага. В значительной степени это объясняется «большой игрой», которую вели лидеры всех крупных держав, включая «западные демократии», накануне Второй мировой войны. Дипломатическое сближение СССР с Германией, направленное в первую очередь на то, чтобы оттянуть начало войны на как можно более длительный срок, неизбежно влияло на публичную политику и пропаганду, в том числе и внутри страны. Если до середины 1939 г. средства пропаганды, несмотря на все недостатки, вели последовательную воспитательную работу в духе ненависти к фашизму и его идеологии, то уже в конце сентября ситуация резко изменилась. После заключения 23 августа 1939 г. пакта о ненападении и 28 сентября того же года договора о дружбе и границе с Германией последовал отказ от публичной антифашистской пропаганды в средствах массовой информации, а произведения искусства, в которых имелись антифашистские мотивы, были «отсеяны», и исполнять их более не разрешалось[5]. Такой внезапный поворот в политике руководства страны оказал дезориентирующее воздействие на сознание советских людей, хотя и не ослабил полностью антифашистских чувств, воспитанных в предшествующие годы.

«Уже с зимы 40-го года пошли разговоры, что Гитлер на нас непременно нападет, — вспоминал москвич Ю. Лабас. — Но в «Окнах ТАСС» — плакаты с совсем иным противником. На одном из них изображен воздушный бой: наши самолетики красные, а вражеские — из них половина уже сбита и горит — черные, с белыми кругами на крыльях (белый круг — английский опознавательный знак)»[6].

Между тем в июне 1940 г. генеральный штаб германских сухопутных войск приступил к непосредственной подготовке вооруженных сил и театра военных действий для нападения на СССР. Началась скрытая переброска войск с запада на восток. Волей-неволей вводило в заблуждение и дезинформировало миллионы советских людей, привыкших верить тому, что «пишут в газетах», и опубликованное 14 июня 1941 г. сообщение ТАСС с опровержением «слухов» о близости войны между СССР и Германией.

Несмотря на успокаивающие заявления высших официальных инстанций, атмосфера последних мирных дней была буквально пронизана предчувствием войны, которое у всех проявлялось по-разному. Разговоры о близости войны шли в самых разных социальных кругах уже за несколько месяцев до нее. Это было связано и с реалиями военных действий в Европе, с пониманием многими агрессивной сущности германского фашизма, со всей напряженной международной обстановкой, а также с обрывками сведений из высших эшелонов власти, просачивавшихся в форме слухов в народ. «У нас в ИФЛИ на философском факультете работал Георгий Федорович Александров — будущий академик философии, — вспоминал участник войны Ю. П. Шарапов. — И где-то в середине мая он откровенно рассказывал нам, естественно неофициально, о выступлении Сталина 5 мая 1941 г. перед выпускниками военных академий, на котором Сталин прямо сказал, обращаясь к залу, что вот вам, выпускникам академий Вооруженных сил СССР, предстоит сломать гитлеровскую военную машину... Выступление Сталина было довольно большим, до часа. В печати была только строчка — и все... Мы и так понимали, что война на носу, а из этого сделали вывод, что она начнется совсем скоро, как говорится, вот-вот... Поэтому, когда 22 июня в воскресенье выступил Молотов и объявил о войне, неожиданным, в полном смысле слова, это не было»[7].

Но, пожалуй, самым необычным, пророческим образом «предчувствие войны» воплотилось в дневниках московского школьника Левы Федотова. 5 июня 1941 г. он записал: «Хотя сейчас Германия находится с нами в дружественных отношениях, но я твердо убежден (и это известно также всем), что это только видимость. Я думаю, что этим самым она думает усыпить нашу бдительность, чтобы в подходящий момент всадить нам отравленный нож в спину... Рассуждая о том, что, рассовав свои войска вблизи нашей границы, Германия не станет долго ждать, я приобрел уверенность в том, что лето этого года будет у нас в стране неспокойным... Я думаю, что война начнется или во второй половине этого месяца (т. е. июня. — *Прим. ред.*), или в начале июля, но не позже, ибо ясно, что германцы будут стремиться окончить войну до морозов»[8].

Особенно напряженной была атмосфера в армейских частях, дислоцировавшихся в западных приграничных областях. Близость войны здесь буквально ощущалась: из многочисленных разнородных фактов складывалась картина, оставлявшая мало сомнений в скором начале боевых действий. «Война застала меня в Ровно, — вспоминал академик В. А. Виноградов. — Она не была неожиданной ни для меня, ни для всех расположенных там подразделений. Примерно дней за десять до начала войны во всех полках нашей дивизии по утрам начались тревоги... Некоторые части 5-й армии были расположены около самой границы. Оттуда поступали сведения о ситуации на другом берегу реки Западный Буг. Это было в районе Владимир-Волынского. Поступали тревожные сведения, что на другом берегу ведутся приготовления, сосредотачиваются войска, все время наблюдаются передвижения, видны оптические приборы, с помощью которых следят за нашей территорией. Были нарушение границы немецкими самолетами. Всё это создавало обстановку напряжения... За три дня до 22 июня пришел приказ осуществить в казармах затемнение и спать только в обмундировании. Разрешалось снимать сапоги и ремень. Командный состав был переведен на казарменное положение. Вечером 21 июня командир полка созвал всех командиров и

политработников и еще раз подчеркнул, чтобы никто не отлучался из части, потому что с границы самые тревожные сообщения и все может случиться»[9].

Предчувствием войны пронизаны буквально все письма, отправленные с западной границы весной и в начале лета 1941 г. Вот что 17 апреля 1941 г. писал из Бреста пулеметчик 44-го стрелкового полка В. П. Вавилов: «...конечно, если будет мирная обстановка с Германией, то безусловно встретимся, но только это я не ожидаю. Мы встанем первыми на защиту наших границ...»[10]. А в другом письме, накануне 1 мая, он добавил: «Мне хочется видеть вас всех и жить с вами одной дружною, спаянной семьей, но только на свое возвращение я не надеюсь. Время в данный момент — самый разгар 2-й империалистической войны. На краю этой войны находимся и мы. Но ничего — живы будем — не помрем...»[11]

Никто не строил иллюзий по поводу договоров с Германией. Так, 11 июня заместитель политрука В. Н. Абызов писал матери: «Что в отношении международной обстановки, то это да. Она в настоящий момент напряжена до крайностей... А сосед наш ненадежный, несмотря на то что мы с ним и имеем договора... Вопрос бдительности стоит у нас на 1-м месте в нашей службе, ибо мы находимся на границе...»[12]

Сопоставляя многие свидетельства, приходишь к выводу: вроде бы все знали об опасности войны, готовились к ней. И все-таки она нагрянула неожиданно. Таков закон психологии — человек до последнего не хочет верить в плохое, надеется на лучшее. Знали, что воевать с Германией придется, но надеялись, что в запасе есть еще какое-то время — год, два... А оказалось, что нет впереди этих мирных лет.

22 июня 1941 г. вошло в память наших соотечественников как день всенародного горя, обрушившегося на страну, искалечившего миллионы людских судеб. Кровавой разделительной чертой он зафиксировал «раскол времени», всей жизни страны и населявших ее людей на «до» и «после» — до войны и после ее начала...

Константин Симонов писал:

Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года.
Она такой вдавила след
И стольких наземь положила,
Что двадцать лет и тридцать лет
Живым не верится, что живы...[13]

Этот день стал началом иного отсчета времени. Ломался не только привычный уклад жизни — мысли и чувства становились другими, и то, что еще вчера казалось важным, отступало перед лицом общего горя, которое сплотило весь народ. Семнадцатилетняя школьница из города Кашина Калининской области Инна Константинова 22 июня 1941 г. записала в своем дневнике: «Еще вчера все было так спокойно, так тихо, а сегодня... Боже мой! В 12 часов слушала радио. Германия бомбит нашу страну! Налеты совершены уже на Киев, Житомир и другие города Украины. Страна в опасности. Сердце готово было выпрыгнуть от волнения. Страна мобилизует силы. Неужели я-то останусь спокойно на своем месте? Нет! Нужно быть полезной Родине. Помогать ей в трудный момент всем, чем можем. Победа должна быть нашей!»[14]

«Война! Меня как оглушило. И я вдруг почувствовала, что в мою жизнь ворвалась такая большая беда, что сравнить ее нельзя ни с чем. Я не подумала о том, что будет со мной. Я думала о том, какое горе и испытание постигли всех наших людей и какое место я займу в общенародной борьбе»[15], — вспоминала 22 июня Елена Тараканова, через месяц ушедшая на фронт санитаркой в 16 лет.

Описание первого дня войны встречается во многих дневниках военных лет. Вот каким увидела этот день московская студентка Ирина Филимонова: «На улицах, в трамваях —

встревоженные, но не растерянные лица людей. На истфаке [МГУ] полно народу, несмотря на воскресенье... Многие парни уже отправились на призывные пункты. Мы с подругой решили пойти на курсы медсестер, а затем на фронт.

Потом состоялся митинг. В Коммунистической аудитории негде было яблоку упасть. Выступали кратко, страстно. Студенты клялись сделать все, чтобы вместе со всем народом преградить путь проклятому фашизму. В конце митинга все встали и запели «Интернационал». Это было потрясающе. Плотно прижавшись друг к другу, стояли студенты, преподаватели, служащие университета не только в аудитории, но и на обоих балконах, на лестнице, в вестибюле и пели: "Это есть наш последний и решительный бой!.." Разве можно разрушить такую силу, веру и единодушие?! Расходимся по домам. Мысли не дают покоя: действовать, действовать, действовать!..»[16]

Отношение к начавшейся войне выплеснулось и в личной переписке. «Сегодня, т. е. 22.06.41 г., выходной день, — писал родителям в Николаевскую область лейтенант Яков Бойко. — Во время того, как писал я вам письмо, вдруг слышу по радио о том, что озверелый гитлеровский фашизм бомбил наши города... Но это им дорого обойдется, и Гитлер больше жить в Берлине перестанет... У меня сейчас в душе только одна ненависть и стремление уничтожить врага там, откуда он пришел...»[17]

Одно, казалось бы, рядовое событие первых дней войны приобрело характер символа, значение которого было осознано гораздо позднее. Песня А. В. Александрова на слова В. И. Лебедева-Кумача «Священная война», едва успев родиться, начала выполнять свой солдатский долг. 26 июня «на Белорусском вокзале, — вспоминал сын композитора Борис Александров, — в людской тесноте и продымленной духоте, среди суеты и нескладности последних прощаний, ее голос зазвучал подобно набату, клятве, присяге. Все, кто в эту минуту находился там, заслышав первые звуки, поднялись, как один, и, словно в строю, торжественно и сурово прослушали песню до конца, а когда она окончилась, на какое-то мгновение замерли, завороженные звуками, а затем раздались оглушительные аплодисменты, горячая просьба повторить. В замечательный миг своего общественного рождения эта песня сразу стала необходима людям: они требовали и требовали повторения, и только после того, как добрая половина присутствующих уже подпевала ансамблю, запомнив мотив и слова, «Священная война» уступила место другим произведениям. С этого памятного дня и началась ее большая жизнь...»[18] Эта песня стала гимном Великой Отечественной войны.

Патриотические настроения буквально захлестнули советских людей, особенно молодежь. В первые дни войны студент Борис Кровицин писал матери: «Всё личное сразу отодвинулось... В первый же день мобилизации, утром, вместе с товарищами подал заявление с просьбой зачислить меня в армию добровольцем. Надеюсь, теперь, в военное время, комиссия меня не отстранит. Да и как я могу оставаться здесь, когда мои товарищи уходят на фронт? Все должно решиться в ближайшие дни. Если в райвоенкомате мне откажут, буду обращаться в областной комиссариат и выше. Я ведь иду добровольцем!»[19]

24 июня артиллерист Михаил Рыков написал матери письмо, полное оптимизма: «Мы скоро уедем на фронт защищать Родину. Я в чине лейтенанта буду драться по-нашему, по-русски, как уралец. Ведь я работал в Уралмаше и буду в первых рядах. Буду воевать по-уралмашевски. Мы прошли за три года хорошую воинскую подготовку. И Вы, мама, за меня не беспокойтесь. Не погибну, а вернусь с победой»[20].

25 июня работницы Московского тормозного завода через газету «Правда» обратились к бойцам и командирам Красной армии: «Вы идете на фронт, мы остаемся в тылу. Но нет у нас фронта и тыла. Все свои силы, всю свою энергию мы приложим к тому, чтобы заменить вас на производстве, обеспечить вас всем необходимым. Понадобится — будем работать день и ночь, нужно будет — поможем вам с оружием в руках»[21].

И все же тогда мало кто понимал, насколько долгой и кровопролитной окажется начавшаяся война. «На рассвете 23-го Москву разбудили частые гудки и тревожный вой сирен, — писал друзьям 29 июня 1941 г. Василий Пластинин. — Впечатление ошеломляющее. Все высыпали на улицы, как будто предстояло какое-то развлекательное зрелище: слово

«война» вошло пока только в уши, но не вошло в сознание. Даже на трассирующие пули или снаряды, которые выпускали по, вероятно, летящим самолетам германским, мы смотрели как на эпизоды какого-то громадного фейерверка»[22].

Действительно, в самые первые дни войны реакция населения на агрессию Германии в целом соответствовала тем пропагандистским штампам, которые были выработаны в предвоенный период, и противоречила драматизму ситуации. Весьма распространены, особенно в тылу, были шапкозакидательские настроения. Руководителей противника многие советские граждане считали безумцами. «На кого полезли, — говорили они, — совсем, что ли, с ума сошли?! Конечно, немецкие рабочие нас поддержат, да и другие народы поднимутся. Иначе быть не может!»

Не было недостатка в радужных прогнозах. «Я так думаю, — говорил один из рабочих металлического завода в Ленинграде, — что сейчас наши им так всыплют, что через неделю все будет кончено...» — «Ну, за неделю, пожалуй, не кончишь, — отвечал другой, — надо до Берлина дойти... Недели три-четыре понадобится»[23].

Естественно, настроения легкой победы над врагом имели место не среди тех, кто уже вступил в неравную схватку, а там, где еще не успели столкнуться с реальной силой агрессора. «В тот день (22 июня 1941 г. — *Прим. ред.*) многим казалось, что начавшаяся война будет стремительной, победоносной. Такой, какой она изображалась в популярных в те годы кинофильмах «Город под ударом», «Эскадрилья номер пять», в романе Павленко «На Востоке», в песнях, которые... пели чуть не каждый день, — вспоминал бывший офицер-артиллерист А. Дмитриев. — Никто... и представить себе не мог, какой долгой, жестокой, опустошительной, испепеляющей будет эта война, какого огромного напряжения она потребует, каких колоссальных жертв»[24].

Наряду с мощным подъемом патриотизма в разных слоях населения нередко звучали критические высказывания в адрес советского руководства, «допустившего войну», проявлялись растерянность и подавленность, недовольство положением дел в стране и армии, распространялись панические слухи и пораженческие настроения: «Война объявлена, и нас скоро разбомбят. Об этом говорят нескончаемые очереди за продуктами. Это есть реагирование тыла... К войне мы не готовы, у нас нет достаточного количества газоубежищ и бомбоубежищ. Среди народа ужасная паника»; «У нас нет крепкого, сплоченного тыла, люди озлоблены, и внутри страны будут столкновения, которые усложнят весь ход событий. Война будет тяжелой и кровавой»; «Сейчас половина народа СССР озлоблена против советской власти. Много людей сидят в тюрьмах, а у крестьян плохое настроение, так что воевать будет трудно. Народ будет против нашего правительства»[25]. При этом следует отметить, что такие настроения не были массовыми и затрагивали сравнительно узкую категорию граждан, как правило из среды интеллигенции и служащих.

Высшее руководство было гораздо больше, чем рядовые граждане, осведомлено о реальном положении дел. Однако и оно не представляло себе в полной мере всей тяжести и перспектив разворачивавшихся событий. Вместе с тем власть, прежде всего в лице самого И. В. Сталина, быстро осознала всю значимость и опасность начавшейся схватки с фашистской Германией. Просчет, допущенный в определении времени и условий начала войны, сделал эту схватку еще более драматичной.

Многие вспоминали, какую важную мобилизующую и отрезвляющую роль сыграло выступление И. В. Сталина по радио 3 июля, на 12-й день войны. Свои впечатления об этой речи оставил в дневниках писатель К. М. Симонов: «Отчетливо помню свои ощущения в те минуты. Первое — этой речью, в которой говорилось о развертывании партизанского движения на занятой территории и об организации ополчения, клался предел тому колоссальному разрыву, который существовал между официальными сообщениями газет и действительной величиной территории, уже захваченной немцами... Второе чувство — мы поняли, что бродившие у нас в головах соображения о том, что разбиты только наши части прикрытия, что где-то готовится могучий удар, что немцев откуда-то ударят и погонят на запад не сегодня, так завтра, что все эти слухи о том, что Южный фронт тем временем наступает, что уже взят

Краков и так далее, — мы поняли, что все это не более, чем плоды фантазии, рожденной несоответствием того начала войны, к которому мы годами готовились, с тем, как оно вышло в действительности... И над обоими этими чувствами было еще одно — самое главное... Когда я прочел речь Сталина 3 июля, я почувствовал, что это речь, не скрывающая ничего, не прячущая ничего, говорящая народу правду, говорящая ее так, как только и можно было говорить в таких обстоятельствах. Это радовало. Казалось, что в таких тягостных обстоятельствах сказать такую жестокую правду — значит засвидетельствовать свою силу»[26].

Впрочем, были и те, кто расценил выступление советского вождя совсем иначе. Вот какие негативные настроения были зафиксированы в этой связи в сводках НКВД: «Всему крах. Положение на фронте безнадежное. Из Кремля дано указание готовить подпольные организации. Москва будет оставлена... Вот до чего докатились, куда же девалась доблесть Красной армии»; «Все эти речи, мобилизация народа, организация тылового ополчения свидетельствуют об исключительной ненадежности фронта и не спасут положения. Видимо, в скором времени немец займет Москву, и советской власти не удержаться»; «Поздно говорить о добровольцах, поздно обращаться к народу, когда немцы уже подходят к Москве»[27].

И все же это шкурное, обывательское мнение было мнением меньшинства. Основной реакцией большинства советских людей стал новый прилив патриотизма, энергии и воли к победе над фашизмом. Бывший ленинградский ополченец В. Сергеев вспоминал: «Начавшаяся война показалась мне, как и многим, делом недолгим. Мы верили, что «город может спать спокойно», что воевать мы будем не на своей территории, а на вражеской, и что никакой враг нам не страшен. 3 июля 1941 года обращение Сталина к советскому народу не оставило камня на камне от моего благодушного отношения к войне. Я осознал смертельную опасность, нависшую над нашей Родиной, и понял, что долг каждого советского человека — быть в рядах ее защитников. Немедленно подал заявление о направлении в действующую армию»[28].

Другой ленинградец Т. Иванов рассказывал: «3 июля 1941 года на нас, мальчишек Петроградской стороны с комсомольскими билетами, надели гимнастерки. В Ленинграде с первых дней войны развернулось мощное добровольческое движение. Заявления писали все, кто мог носить оружие: мужчины и женщины, инженеры и рабочие, ученые, студенты, учащиеся ремесленных училищ и старшие школьники»[29].

Конечно, можно критически относиться к использованию слабо обученных добровольческих формирований в современной войне, однако фактом является мощный патриотический подъем, который, несомненно, повлиял на перелом в трагическом для страны ходе событий и проигнорировать который руководство страны не имело морального права.

Постепенно серьезность обстановки осознавалась даже в отдаленных районах страны. Люди с горечью рассуждали о неготовности к войне, о просчетах правительства и неудачах военного командования: «Болтали, что не будем воевать на своей земле, а фактически сдаем город за городом. Вместо военной мощи армия испытывает недостаток в вооружении»; «Мы много лет переносили лишения под лозунгом подготовки к предстоящей войне, а на деле оказалось, что совсем не подготовились и ничего у нас нет»; «Вся наша армия технически слаба, у нее, оказывается, нет самого необходимого»[30]. Такие настроения проявлялись в глубоком тылу — по мере того как из разных источников поступала неполная и противоречивая информация о положении на фронтах, об отступлении наших войск и оставлении ими все новых территорий. Но те, кому уже пришлось повоевать, трезво оценили обстановку гораздо раньше, основываясь на собственном суровом опыте.

Так, 10 августа 1941 г. сержант Борис Кровицин писал матери: «Сейчас я в госпитале, в Ижевске. Со мной ничего особого не случилось. Ранение не тяжелое... Врачи говорят, что через месяц-полтора войду в строй... По сравнению с фронтом госпиталь — действительно роскошный санаторий: кормят хорошо, спи сколько хочешь. А на фронте последние пять суток я не спал и пяти часов в общей сложности. Были дни, когда не имели крошки хлеба. Отступление — это, мама, страшно. И наверное, самое страшное, что не успевали выносить с поля боя раненых товарищей. Но придет время — будем наступать. Однако и обманывать себя нельзя. Боюсь, что этой войны хватит и на долю Юрки. Ведь ему — шестнадцатый.

Война идет тяжелая и жестокая. Или выстоять, победить. Или погибнуть. Другого в этой войне не дано»[31].

Неделю спустя в следующем письме он признался: «Теперь вот мне самому пришлось смотреть смерти в глаза. Мама, что сказать тебе? Подниматься в атаку под огнем страшно. Особенно невыносимо, когда ждешь сигнал, ракету. Но о смерти я думаю все меньше. Уверен, что буду жить. Это, конечно, не от суеверия какого-то, а от жажды молодости — жить. Но если придется погибнуть... Война — это война. Только умереть надо честно, успев хоть что-то сделать для победы, пусть даже и смертью своей»[32].

Чем тяжелее была обстановка, тем обостреннее проявлялось чувство личной ответственности за судьбу страны. «Когда наш народ будет праздновать Победу, может быть, нас не будет в живых. Но наша смерть будет ярко сиять на алтаре Отечества перед трудящимися страны, нашими родственниками, родными и близкими, будет нашим вкладом в Победу... Раз выпала такая суровая судьба нашему поколению — выстоим, победим»[33], — писал в августе 1941 года сестре в Башкирию Гаффар Ахметов, вскоре погибший в бою.

Война формирует особый тип личности, особый тип психологии — психологию комбатанта, то есть непосредственного участника боевых действий. Это психология человека в экстремальных обстоятельствах войны, которую можно рассматривать как непрерывную череду пограничных ситуаций, бытие на грани жизни и смерти. В минуту опасности человек чувствует и ведет себя иначе, чем в обыденной ситуации, при этом многие свойства его личности раскрываются с неожиданной стороны.

«Только в бою испытываются все качества человека, — говорил в одном из своих выступлений Герой Советского Союза Бауджан Момыш-Улы. — Если в мирное время отдельные черты человека не проявляются, то в бою они раскрываются. Психология боя многогранна: нет ничего незадеваемого войной в человеческих качествах, в личной и общественной жизни. В бою не скрыть уходящую в пятки душу. Бой срывает маску, напускную храбрость. Фальшь не держится под огнем. Мужество или совсем покидает человека, или проявляется во всей полноте только в бою... В бою находят свое предельное выражение все присущие человеку качества»[34]. Высшие проявления человеческого духа, довольно редкие в обычных обстоятельствах, становятся массовым явлением в обстоятельствах чрезвычайных.

Приведем лишь один героический эпизод из сотен тысяч: «После жестокого боя в западноукраинский городок Сокаль ворвались фашисты... С грохотом танк приближался к разрушенному зданию пограничной комендатуры, в подвале которого были укрыты женщины и дети. И вот навстречу бронированному чудовищу выбежал объятый пламенем человек. Сорвав с себя смоченный бензином халат, кинул его на решетку моторного люка, а сам пылающим факелом бросился под танк. Раздался взрыв. Гитлеровцы повернули назад. Это произошло в первый день войны, около девяти часов утра 22 июня»[35].

Хрестоматийные примеры — легендарная оборона Брестской крепости. Шестнадцать воздушных таранов, совершенных советскими летчиками в первый день войны. Первые «матросовцы», бросившиеся на вражескую амбразуру на два года раньше Александра Матросова. Бомбежки Берлина в августе 1941 г. балтийскими летчиками с острова Эзель (Сарема)... И многие тысячи других известных, а еще более неизвестных героев и подвигов лета — осени 1941-го...

«Проезжали мимо горевших сел, мимо какого-то аэродрома, на котором догорали наши самолеты, — делился опытом своих первых боев ленинградец В. Сергеев. — А навстречу по дороге шли женщины, дети, гнали скот люди, изгнанные войной. Ехали мы молча, без песен и шуток, чувствуя, что ждут нас впереди тяжелые дни... В ту же ночь мы вступили в бой у деревни Пижма и к утру оставили ее. Враг наседал на нас техникой, которую мы видели впервые, брал военным опытом, которого мы вовсе не имели, засыпал нас бомбами, снарядами и минами. Самолеты фашистов каруселью вились над нами, как ястребы над цыплятами. Втиснешься в окоп и чувствуешь, как вздрагивает земля и качает тебя, как ребенка в люльке. Первое время мы кланялись каждому снаряду, хотя не каждый летел именно к нам. К этому надо было тоже привыкнуть. Личный пример командиров и политруков, коммунистов и бойцов с

боевым опытом делал из нас настоящих солдат, которыми мы все-таки стали через несколько недель... Самой главной победой для нас была победа над собой, над своим страхом. И если в дальнейшем нам приходилось отступать, то теперь мы это делали уже организованно, без паники, строго по приказу командиров. И никак не иначе. Отступив, накапливали новые силы, чтобы атаковать снова»[36].

В то же время в чрезвычайных условиях обнажаются не только лучшие, но и худшие человеческие качества. В периоды «бедствий народных» как положительные, так и отрицательные качества людей проявляются в гипертрофированном виде ввиду того, что поступки оцениваются по иному, завышенному нравственному критерию, который диктуется особыми условиями жизни. Например, слабость характера, робость, вызывающая незначительную уступку в обычной жизненной ситуации, может обернуться трусостью и предательством во время войны.

Типичный пример фронтового максимализма — строки из письма добровольца Моисея Гинзбурга от 10 июля 1941 г.: «Война многих поставила на свое место, показала нутро каждого из нас. Вот 5 лет считал П[...] В[...] хорошим человеком, а оказалось, что за душой у него ничего, кроме заботы о себе. Тяжело, когда даже не очень близкий человек оказывается трусом, тяжело и противно. И если член партии делает все возможное, чтобы отбояриться даже от такого, совсем не опасного дела, как ополчение, иногда очень хочется попросту набить такой сволочи морду»[37].

Не все были героями. Растерянность, неразбериха, потеря управления частями, отчаяние, малодушие — тоже характерные приметы трагического начала войны.

Из донесения начальника управления политпропаганды Юго-Западного фронта бригадного комиссара А. И. Михайлова начальнику ГУПП Красной армии армейскому комиссару 1 ранга Л. З. Мехлису от 17 июля 1941 г.: «...в частях фронта было много случаев панического бегства с поля боя отдельных военнослужащих, групп, подразделений. Паника нередко переносилась шкурниками и трусами в другие части, дезориентируя вышестоящие штабы о действительном положении вещей на фронте, о боевом и численном составе и о своих потерях.

Исключительно велико число дезертиров. Только в одном 6 с[трелковом] к[орпусе] за первые 10 дней войны задержано дезертиров и возвращено на фронт 5000 человек.

...По неполным данным, заградотрядами задержано за период войны около 54 000 человек, потерявших свои части и отставших от них, в т. ч. 1300 человек начсостава. Задержанные переданы в пересыльные пункты, откуда направлены во вновь формируемые части.

Из числа задержанных привлечено к ответственности за дезертирство 1147 человек, осуждено судом Военного трибунала фронта — 546 человек, 72 % осужденных приговорены к расстрелу...»[38]

Суровое время — суровые законы. А война между тем преподавала все новые жестокие уроки.

Воспитанный в классовой пролетарской идеологии, боец Красной армии вначале пытался вычленять рабочих и крестьянин из общей массы захватчиков, отделяя их от «господ-эксплуататоров». Но уже в первые дни войны рассеялись иллюзии, наивные надежды на сознательность «братьев по классу», воспитанные в довоенное время и быстро вытравлявшиеся беспощадной реальностью. Вот что записал в своем фронтовом дневнике М. И. Березин: «20 июля 1941 года поджигаем два танка, взяв в плен трех танкистов. Какими же мы были наивными человеколюбцами, пытаясь при их допросе добиться от них классовой солидарности. Нам казалось, что от наших бесед они прозреют и закричат: «Рот фронт!». Мы хорошо знали произведения из времен Гражданской войны и совершенно не знали современного немца-фашиста. А они, нажравшись нашей каши из наших же котелков, накурившись из наших же добровольно подставленных кисетов, с наглой, ничего не выражающей рожей отрыгивают нам в лицо: «Хайль Гитлер!». Кого мы хотели убедить в классовой солидарности — этих громил, поджигающих хаты, насильников и садистов, с губной гармошкой во рту убивающих женщин и детей? Мы стали понимать и с каждым днем боев все больше убеждаться, что только тогда фашист становится сознательным, когда его бьешь»[39].

В. Г. Правдин, З. О. Правдина
Молодежь, в бой за Родину! 1941 г.
Плакат

В. Б. Корецкий
Наши силы неисчислимы. 1941 г.
Плакат

Кукрыниксы (М. В. Куприянов, П. Ф. Крылов, Н. А. Соколов)
Беспощадно разгромим и уничтожим врага! 1941 г.
Плакат

А. А. Кокорекин
Смерть фашистской гадине! 1941 г.
Плакат

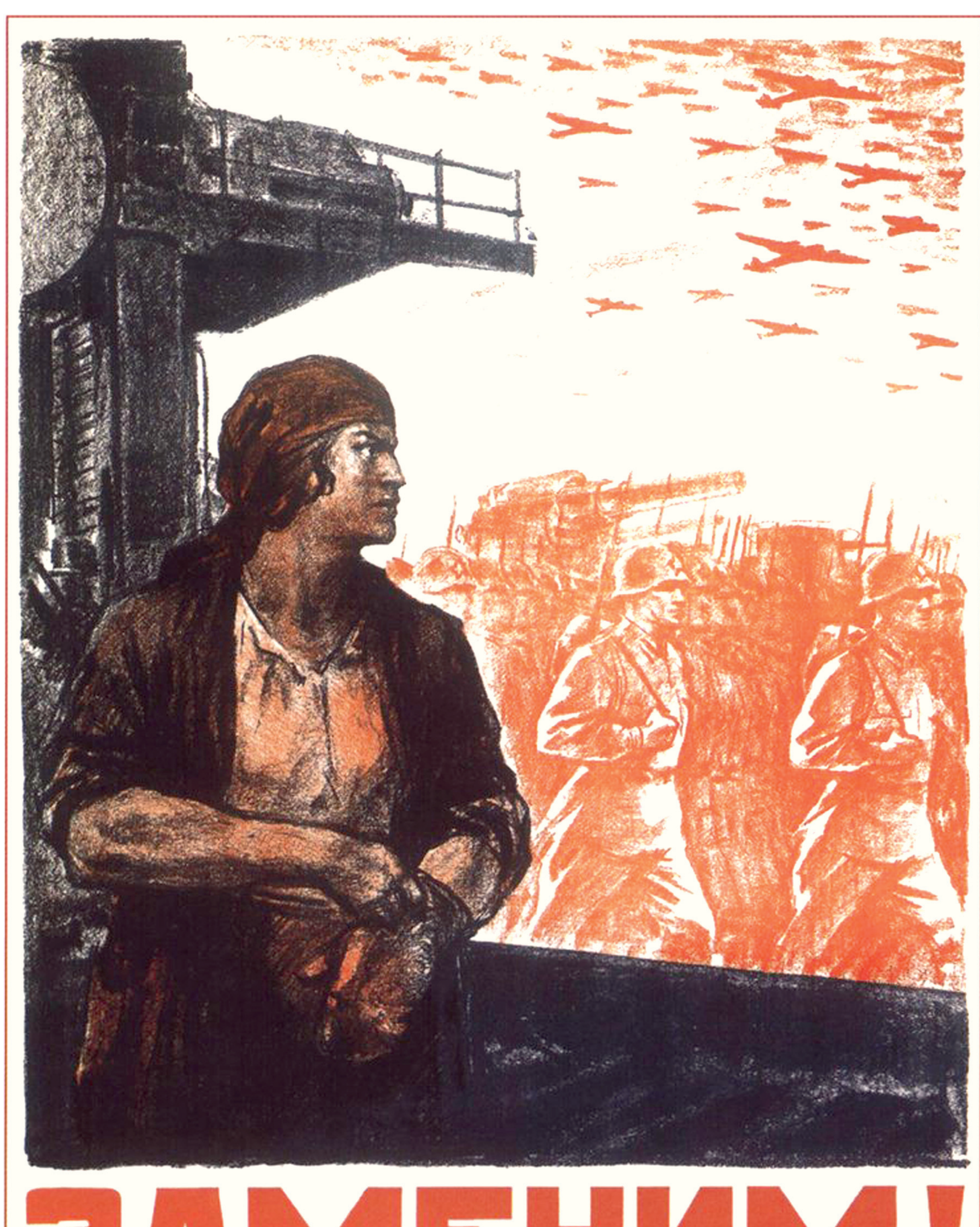
БОЕЦ, ОКАЗАВШИЙСЯ В ОКРУЖЕНИИ

БОРИСЬ ДО ПОСЛЕДНЕЙ
КАПЛИ КРОВИ

А. Д. Кокош
Боец, оказавшийся в окружении, борись до последней капли крови. 1941 г.
Плакат

Д. С. Моор
Ты чем помог фронту? 1941 г.
Плакат

Эль Лисицкий. Все для фронта! Все для победы! (Давайте побольше танков.) 1941 г.
Плакат



В. А. Серов
Заменим! 1941 г.
Плакат

Н. Н. Ветелина, Н. В. Денисов
Больше хлеба для фронта и тыла. 1941 г.
Плакат

В. Б. Корецкий
Воин Красной армии, спаси! 1941 г.
Плакат

Кукрыниксы (М. В. Куприянов, П. Ф. Крылов, Н. А. Соколов)
Бьемся мы здорово, колем отчаянно — внуки Суворова, дети Чапаева. 1941
Плакат

В. Б. Корецкий, В. А. Гицевич
Вставай в ряды фронтовых подруг, дружинница бойцу помощник и друг! 1941 г.
Плакат

БОЕВЫЕ ЭПИЗОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Двенадцать дней в бою с врагом

КОМАНДИР дивизии Яков Григорьевич Крейзер двенадцать лет назад пришел в дивизию командиром взвода. В дни великой отечественной войны дивизия Крейзера выступила на фронт и в героических боях отстаивает родную землю, уничтожая вражескую технику и живую силу противника.

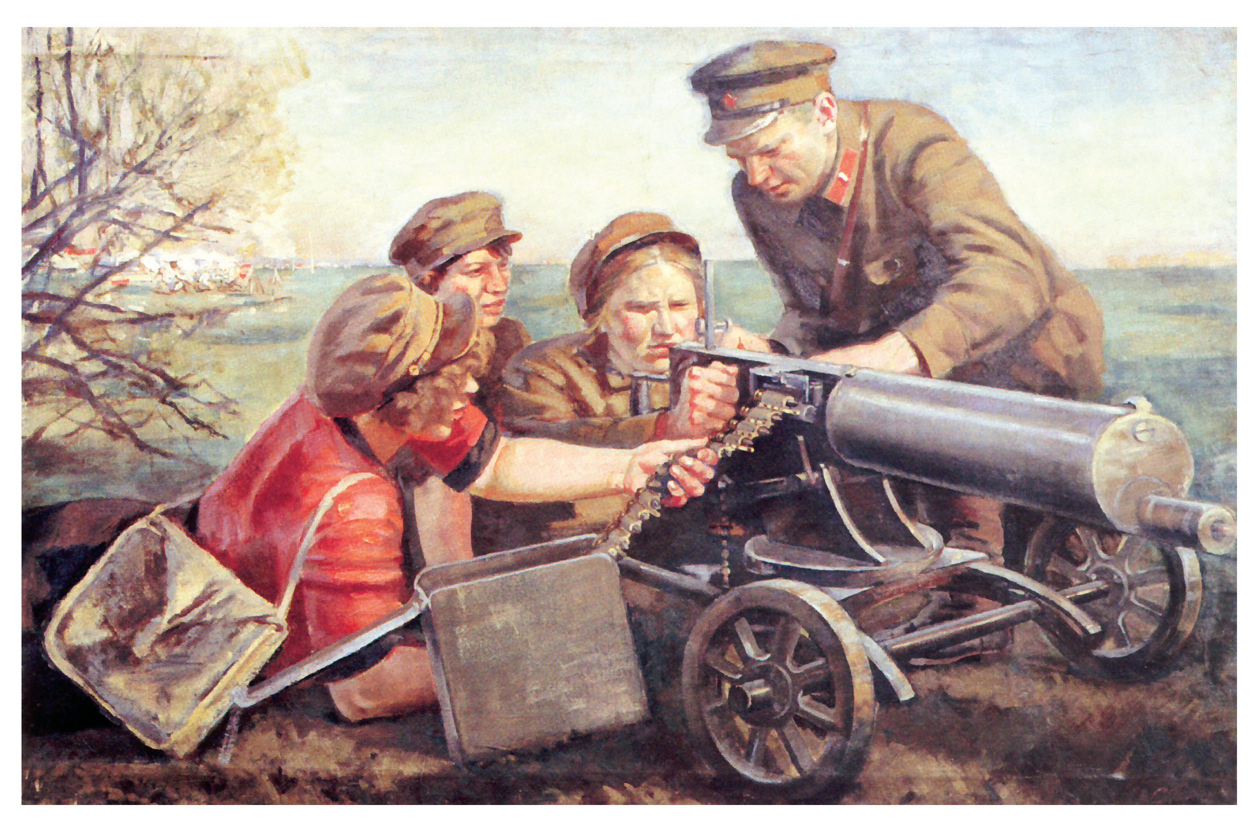
Во время боев на реке Н. фашисты, пытаясь атаковать дивизию Крейзера двинули в атаку свои танки и мотопехоту, открыли ураганный артиллерийский и минометный огонь; самолеты врага целый день бомбили один из полков дивизии. Бойцы окопались и крепко отстаивали каждую пядь родной земли. Тогда фашисты попробовали обойти дивизию с флангов. Я. Г. Крейзер во-время разгадал маневр врага и приказал открыть огонь из пяти батарей. Мотоколонна фашистов мгновенно превратилась в пылающий костер.

12 дней длился бой на реке Н. Дивизия Крейзера, не дрогнув, выдержала натиск двух немецких дивизий. Командир личным боевым примером воспитал в своих бойцах стойкость и мужество, поощряя инициативу и смелость. Зенитчики, связисты, разведчики, артиллеристы, саперы—бойцы всех родов оружия—под командованием Якова Григорьевича Крейзера оправдали доверие родины. Презрение к смерти, жгучая ненависть к врагу, любовь к своей родине обеспечили им победу над врагом.

За проявленные в боях мужество и героизм правительство присвоило Я. Г. Крейзеру звание Героя Советского Союза. Многие командиры и бойцы дивизии награждены орденами и медалями.

Герои и подвиги
Боевой листок о подвиге командира дивизии Я. Г. Крейзера

Г. М. Коржев
Проводы. 1967 г.



С. М. Луппов
Женщины в обороне. 2-я пол. 1930-х гг.

М. И. Авилов
Одиннадцать пограничников на сопке Заозерной. Август 1938 года. 1939–1940 гг.

М. И. Авилов
Дот замолчал навсегда. 1941 г.

И. А. Владимиров
Сдача финнов. 1940 г.

А. А. Блинков
Взятие Выборга советскими войсками 12 марта 1940 года. 1941 г.

А. А. Дейнека
Оборона Севастополя. 1942 г.

Исходя из новых реалий, хотя и не сразу, менялась советская пропаганда, как внутренняя, так и внешняя (на войска противника). Вот что говорил об этом в 1943 г., находясь в советском плену, немецкий фельдмаршал Ф. Паулюс: «Ваша пропаганда в первые месяцы войны обращалась в своих листовках к немецким рабочим и крестьянам, одетым в солдатские шинели, призывала их складывать оружие и перебегать в Красную армию. Я читал ваши листовки. Многие ли перешли к вам? Лишь кучка дезертиров. Предатели бывают в каждой армии, в том числе и в вашей. Это ни о чем не говорит и ничего не доказывает. И если хотите знать, кто сильнее всего поддерживает Гитлера, так это именно наши рабочие и крестьяне. Это они привели его к власти и провозгласили вождем нации. Это при нем люди из окраинных переулков, парвеню, стали новыми господами. Видно, в вашей теории о классовой борьбе не всегда сходятся концы с концами»[40]. Отрезвление произошло очень быстро. Старые идеологические клише разбивались с каждым шагом врага в глубь советской территории. Война действительно становилась Отечественной и национально-освободительной. И образ врага-фашиста также все сильнее принимал национальную окраску, превращаясь в массовом сознании в образ врага-немца.

Отступающая с боями Красная армия несла в себе тяжкий груз вины перед теми, кого вынуждена была оставить на милость безжалостных оккупантов. «Знаете, что самым тяжелым было за всю войну? — вспоминал Герой Советского Союза полковник Д. П. Тыквач из Одессы. — Тяжелее всего приходилось глядеть в глаза людям, когда мы отступали в 1941 году. Идем по деревне, а все жители высыпали на улицу, молча смотрят на нас. Стоят около домов женщины с детьми на руках, седобородые старики. В их глазах и горький упрек нам, уходящим на восток, и страх перед будущим — что с ними будет? Ведь вблизи уже слышна канонада — фашисты идут по пятам, не сегодня-завтра захватят эти места. Стыдно, больно смотреть на тех, кого мы оставляли. “Куда же вы, сыночки?” — спросит кто-нибудь, подавая нам крынку молока или краюху хлеба. А каждый из нас еще ниже опускает голову — что тут ответишь... Ведь мы сами находились в окружении. Нам надо прорываться с боями. Одно повторяли тогда: “Мы вернемся! Вернемся! Верьте нам!”...»[41]

Враг оказался не только коварен, но и очень силен и беспощаден. Сведения, поступавшие с фронтов, свидетельствовали о страшной опасности, нависшей не только над Советским государством, но и над всем народом. Потери советских войск были огромны. Всем стало ясно, что предстоит схватка не на жизнь, а на смерть, которая коснется каждой семьи и каждого гражданина. И здесь вступили в действие глубинные психологические механизмы, которые не раз в российской истории спасали страну, находившуюся на краю пропасти. Произошел подъем всех моральных сил народа, оказались задействованы его вековые традиции, готовность к самоотверженности, самоотречению и самопожертвованию во имя спасения своей страны. Феноменальным явлением в истории стал массовый героизм, который проявляли не сотни и тысячи, а можно сказать без преувеличения, миллионы людей и на фронтах, и в тылу.

Именно в самом начале войны, в наиболее драматический ее момент, обернувшийся психологическим шоком для всей страны, для ее руководства и народа, была найдена и заложена та патриотическая тональность, которая сохранялась на всем протяжении Великой Отечественной. Она стала одним из решающих факторов поддержания морально-психологического состояния в стране, которое в основном оставалось высоким даже при неблагоприятном для СССР развертывании событий на фронтах. Существенную роль в этом сыграла корректировка официальных идеологических формул, сместивших акценты с идеи классовой борьбы на национально-государственное единство в противостоянии агрессору, на единство власти, армии и народа.

Кстати, эту обозначившуюся тенденцию заметили еще летом 1941 г. некоторые представители старой интеллигенции. Так, в сводке НКВД было зафиксировано высказывание одного из сотрудников Астрономического института о том, что «советская власть, под давлением событий, сбрасывает свою идеологическую шелуху и проникается здоровыми идеями национальности и родства славянских народов, и сама жизнь заставит коммунистов признать

эту идею. Если они этого не сделают, тем хуже для них. Наше дело следить за эволюцией советской власти и помогать прояснению национального и религиозного сознания русского народа. Советская власть расплачивается за борьбу с этими принципами, за насаждение и защиту классовой и безбожной идеологии»[42].

Интересна оценка радикальной смены идеологических ориентиров, произошедшей в Москве в годы войны, которую дает в своих мемуарах генерал Ш. де Голль: «В эти дни национальной угрозы Сталин, который сам возвел себя в ранг маршала и никогда больше не расставался с военной формой, старался выступить уже не столько как полномочный представитель режима, сколько как вождь извечной Руси»[43].

Существенное изменение официальных идеологических постулатов, заложенное в начале Великой Отечественной войны, стало одним из важнейших ее итогов, закрепленных и на послевоенный период. «Знаменитый сталинский тост на победном банкете — «за великий русский народ» — как бы подвел окончательную черту под изменившимся самосознанием власти, сделав патриотизм наряду с коммунизмом официально признанной опорой государственной идеологии»[44], — анализируя изменения внутренней политики советского государства в период войны, отмечал митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн.

Во Второй мировой войне идеологический фактор не только смыкался и переплетался с психологическим, но нередко оказывался ведущим: от сильной, «грамотной» идеологической мотивации войны, от интенсивности и точности «политико-воспитательной работы» напрямую зависело морально-психологическое состояние народа и особенно действующей армии. Его недоучет (наряду со стратегическими просчетами) способствовал поражению и вел к нему даже при наличии достаточного военно-стратегического потенциала, как это случилось с Францией в мае — июне 1940 г. С другой стороны, наличие достаточного «запаса прочности» в идейно-психологической сфере оказывалось одним из решающих факторов в способности государства и народа переломить даже крайне неблагоприятный ход событий.

Так, для СССР война развивалась от тяжелых, но временных поражений к конечной победе, а для Германии — от триумфальных успехов в ее начале к безоговорочной капитуляции в конце. Огромное моральное и физическое напряжение советский народ смог выдержать в течение почти четырех лет только благодаря наличию духовного стержня, позволившего ему не сломаться при всех масштабах людских, территориальных, экономических потерь и собственными силами освободить не только свою страну, но и пол-Европы. Французский историк М. Ларан констатирует, что «самоотверженность, которую в войне проявили советские люди, достойна самого искреннего восхищения. Духовно они оказались неизмеримо выше своего врага»[45].

Более того, в этой войне как особый социально-психологический феномен сформировалось фронтовое поколение, поколение победителей. Каждый исторический период накладывает свой отпечаток на людей, особенно на тех, чья личность в это время только еще формируется. «*Современники* определенной эпохи, принадлежащие к одному символическому поколению, не обязательно являются *сверстниками*. “Поколение Великой Отечественной войны” включает и тех, кому в 1941 г. было 17 лет, и тех, кому исполнилось 25. Однако жизненный путь тех, кто пошел на фронт прямо со школьной скамьи, не успев приобрести ни профессии, ни семьи, существенно отличается от судьбы тех, кого война застала уже взрослыми»[46]. Прошлый жизненный опыт оказывает огромное влияние на поступки людей, стиль их поведения, так же, как и отсутствие подобного опыта.

Следует учитывать, что в войну вступила армия, весьма разнородная по своему социальному и возрастному составу, уровню образования и военной подготовки. На 22 июня 1941 г., в Красной армии и Военно-морском флоте состояло по списку 4 млн 827 тыс. военнослужащих. Кроме того, на довольствии в Наркомате обороны находилось около 75 тыс. человек, проходивших службу в формированиях других ведомств. Еще 805,3 тыс. военнообязанных находились на больших учебных сборах и были включены в списочную численность войск с объявлением мобилизации. При этом на западных границах в июне 1941 г. было сосредоточено 2,9 млн человек — столько на начало войны составила действующая армия[47].

Основную массу рядовых кадровой армии составляли призывники 1919—1922 гг. рождения. С началом войны после двух массовых мобилизаций личный состав советских Вооруженных сил стал более разнородным. За две первые военные мобилизации (в июне и августе 1941 г.) были призваны военнообязанные старших возрастов — с 1890 по 1918 г. рождения и молодежь 1923 г. Однако в частях народного ополчения, многие из которых влились в действующую армию, оказывалось немало лиц и старше 50 лет.

Особенно различен был жизненный путь, во многом определявший мировоззренческие установки людей разных поколений. Так, если поколение 1890—1904 гг. рождения (вторая мобилизация, август 1941 г.) было участником либо свидетелем Первой мировой войны, революции и Гражданской войны, то поколение 1905—1918 гг. рождения (первая мобилизация, июнь 1941 г.) в сознательном возрасте пережило события нэпа и первых пятилеток, в той или иной степени было затронуто индустриализацией и коллективизацией. Все они, естественно, были современниками репрессий второй половины 1930-х гг. На различные поколения по-разному повлияли и внешнеполитические акции СССР — присоединение Прибалтики, западных областей Украины и Белоруссии, Бессарабии; война с Финляндией. Часть предвоенной кадровой армии (поколение 1919—1922 гг. рождения) непосредственно участвовала в ряде последних предвоенных событий. Для младшего поколения, начиная с 1923 г. рождения, именно война стала временем личностного становления, главным фактором, формировавшим его гражданскую зрелость. За плечами мальчишек 1923—1926 гг. рождения не было большого личного социального опыта, а потому меньшее значение имело социальное происхождение, меньше был и разрыв в уровне образования, большее влияние на мировоззрение оказали идеологические установки советского строя, при котором они родились и выросли. Именно они составили основу «фронтового поколения».

На войну шли разные люди — по воспитанию, по характеру, по судьбе. Но именно война всех сблизила, объединила общей бедой, перед лицом общего врага. Без такого духовного, нравственного единения победить было бы невозможно. В этом единении и есть та целостность фронтового поколения, которая позволяет отнести к нему представителей различных возрастных когорт, принимавших участие в Великой Отечественной.

Историческая ситуация конца 1930 — начала 1940-х гг., т. е. кануна и начала Второй мировой войны, выявила целый комплекс феноменов массового советского сознания. Она показала, что длительная идеологическая подготовка населения к войне оказывает достаточно эффективное и стойкое воздействие, формируя психологическую установку на готовность к отражению внешней агрессии, накладываясь на архетипические механизмы русской национальной психологии, выработанные веками, и прежде всего способность к быстрой психологической мобилизации в условиях опасности для страны. Эта установка позволила относительно быстро нейтрализовать ряд негативных для мобилизующей функции факторов: неожиданную смену и дезориентирующее влияние ситуационной пропаганды непосредственно в канун войны, когда фашистская Германия официально рассматривалась как «дружественный сосед», не собиравшийся нападать на СССР; тяжелое кадровое и моральное состояние армии в результате предвоенных репрессий; переоценку собственных сил и возможностей и недооценку потенциального противника, в том числе являвшуюся следствием пропагандистских воздействий; классовые иллюзии о поддержке СССР пролетариатом Европы и особенно Германии в случае внешней агрессии и другие.

В отличие от Первой мировой справедливый, оборонительный характер Великой Отечественной войны был совершенно очевиден. Основная масса населения понимала, за что идет вооруженная борьба, и готова была к самопожертвованию, длительным тяготам и лишениям во имя Победы. В обществе существовало гораздо меньше социальных противоречий и можно говорить в значительной степени о его морально-психологическом единстве относительно базовых ценностей (национальная независимость, рост экономики и благосостояния, социальная справедливость, и др.). Не всеми разделялись партийные установки на социалистическое строительство, но сама социалистическая идея в результате успехов первых пятилеток обрела широкую популярность. Кроме того, характер фашистской агрессии,

нацеленной на порабощение и истребление целых народов, не оставлял советским людям выбора и обусловил особую ожесточенность сопротивления, массовую стойкость и героизм.

«Ярость благородная» — так можно назвать основную психологическую доминанту того периода, очень точно отраженную и выраженную в известной песне. Но эта ярость смешивалась с горечью и болью особенно страшных потерь и поражений первых месяцев войны. В известной мере эти чувства даже доминировали в первые военные дни. Военная катастрофа начала войны вызвала состояние психологического шока. Не случайно наряду с проявлениями массового героизма этого периода, ярчайшим примером которого может служить подвиг защитников Брестской крепости, были и многочисленные факты сдачи в плен целых подразделений. Именно в этот период сотни тысяч солдат и командиров кадровой армии оказались в плену. Но по мере того как проходил шок, вызванный разительным контрастом между довоенными представлениями о будущей войне и войной реальной, внезапно обрушившейся на советских людей посреди мирной жизни, и росли горе и боль, а с ними ненависть к врагу и жажда мести, — по мере этого было достигнуто определенное равновесие сознания, произошла его стабилизация. Народ мобилизовал свои материальные и духовные силы и остановил напор фашистской военной машины. Врагу не удалось сломить моральный дух советских людей. В значительной мере благодаря морально-психологической стойкости народа была достигнута главная цель этого периода войны — выстоять!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цит. по: Венок славы. Антология художественных произведений о Великой Отечественной войне: в 12 т. Т. 2. Битва за Москву. М., 1984. С. 406.

[2] Цит. по: Война. Народ. Победа. 1941–1945. Статьи, очерки, воспоминания. Кн. 1. М., 1976. С. 33.

[3] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945: в 6 т. Т. 1. М., 1960. С. 441.

[4] Музей боевой славы исторического факультета МГУ. Личный фонд М. Т. Белявского.

[5] Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ). Ф. 362. Оп. 3. Ч. 708. Кл. 122, 138.

[6] *Лабас Ю.* Черный снег на Кузнецком // Родина, 1991. № 6–7. С. 36.

[7] Из интервью с Ю. П. Шараповым от 17.05.1995 г. // Личный архив Е. С. Сенявской.

[8] *Росциус Ю.* Дневник пророка. М., 1990. № 4. С. 6–7. Лева Федотов погиб на фронте 25 июня 1943 г.

[9] Из интервью с В. А. Виноградовым от 26.03.2001 г. // Личный архив Е. С. Сенявской.

[10] Последние письма с фронта. 1941. Сборник. Т. 1. М., 1991. С. 18.

[11] Там же.

[12] Там же. С. 19.

[13] *Симонов К.* Из трех тетрадей. Стихи, поэмы. Изд. 2-е, доп. М., 1990. С. 287.

[14] ...Сражалась за Родину. Письма и документы героинь Великой Отечественной войны. М., 1964. С. 5–12; Девушка из Кашина. Дневник и письма И. Константиновой. Воспоминания и очерки о ней. М., 1974.

[15] *Тараканова Е.* Если ранили друга... // *Магидов Л.* Цена милосердия. М., 1984. С. 7.

[16] *Филимонова И., Дажин Д.* А мы такие молодые... М., 1985. С. 28.

[17] Последние письма с фронта. 1941. Сборник. Т. 1. С. 396–397.

[18] Музы вели в бой. Деятели литературы и искусства в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 20–21.

[19] Цит. по: *Вольф А.* Звезда над передовой. М., 1987. С. 34.

[20] Последние письма с фронта. 1941. Сборник. Т. 1. С. 397.

[21] Великая Отечественная в письмах. М., 1982. С. 13–14.

[22] Цит. по: *Борисов А.* Встреча с погибшим другом. М., 1987. С. 6–7.

[23] Цит. по: История Отечества: Люди, идеи, решения. Очерк истории Советского государства. М., 1991. С. 258.

[24] *Кассис В., Комаров В., Чичков В.* Покой нам и не снился. М., 1982. С. 25–26.

[25] Информация УНКГБ и УНКВД г. Москвы и Московской области первому секретарю МК и МГК ВКП(б) А. С. Щербакову. 23 июня 1941 г. // Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 50.

[26] *Симонов К.* 100 суток войны. Неизвестные факты. Смоленск, 1999. С. 48–50.

[27] Спецсводка УНКГБ г. Москвы и Московской области первому секретарю МК и МГК ВКП(б) А. С. Щербакову о реагировании населения на выступление И. В. Сталина. 3 июля 1941 г. // Москва военная. 1941–1945. С. 68–69.

[28] *Сергеев В.* Одна судьба // Память. Письма о войне и блокаде. Л., 1985. С. 23.

[29] *Иванов Т.* А мы — с Петроградской // Память. Письма о войне и блокаде. Л., 1985. С. 27.

[30] Цит. по: *Христофоров В. С.* Общественные настроения в СССР: июнь — декабрь 1941 г. // Великая Отечественная война. 1941 год. М., 2001. С. 458, 464.

[31] Цит. по: *Вольф А.* Звезда над передовой. С. 34–36.

[32] Там же. С. 37.

[33] Последние письма с фронта. 1941. Сборник. Т. 1. С. 10.

[34] *Момыш-Улы Б.* Психология войны. Алма-Ата, 1990. С. 39–40.

[35] Великая Отечественная в письмах. Изд. 2-е, доп. М., 1982. С. 10–11. Только два десятилетия спустя удалось установить имя героя. Им оказался старший военфельдшер 4-й комендатуры 90-го Владимир-Волынского пограничного отряда Владимир Прохорович Карпенчук.

[36] *Сергеев В.* Одна судьба // Память. Письма о войне и блокаде. С. 24–25.

[37] Голоса из мира, которого уже нет. Выпускники исторического факультета МГУ 1941 г. в письмах и воспоминаниях. М., 1995. С. 59.

[38] Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. М., 1992. С. 304–305.

[39] *Овчинникова Л.* Пишу перед боем // Комсомольская правда. 9 мая 1989.

[40] *Бланк А., Хавкин Б.* Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М., 1990. С. 173.

[41] *Овчинникова Л.* Колокол на Долгом лугу. М., 1989. С. 4.

[42] Цит. по: *Христофоров В. С.* Указ. соч. С. 462–463.

[43] Цит. по: Полководцы. Сборник. М., 1995. С. 62.

[44] Там же. С. 81.

[45] *Laran M.* Russie-URSS. 1870–1970. Paris, 1974. P. 200.

[46] *Кон И. С.* Психология юношеского возраста (Проблемы формирования личности). М., 1979. С. 12.

[47] Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 139; Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М., 2001. С. 218–219.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

XX век — наиболее сложный и противоречивый в мировой истории. Две мировые войны, в которые была втянута и наша страна, в огромной степени определили его лицо. Ранее человечество не знало таких потерь и таких разрушений, не сознавало столь ясно всей хрупкости своего существования.

Изучение и рассмотрение истории Великой Отечественной войны как важнейшей части Второй мировой войны невозможны вне контекста сложных и многоплановых процессов, происходивших под влиянием Первой мировой войны и после ее окончания, в так называемый межвоенный период.

В это время геополитическая обстановка в мире кардинально изменилась. Произошел распад трех огромных империй: Австро-Венгерской, Оттоманской и Российской; возникли новые государства. Соотношение сил на международной арене стало принципиально иным, однако ни сама война, ни последовавшие за ней мирные соглашения не разрешили тех проблем, которые и привели к возникновению мирового конфликта. Более того, были заложены основы новых, еще более глубоких противоречий. В этом смысле оценку, которую дал ситуации французский маршал Ф. Фош, нельзя назвать иначе как пророческой: «Это не мир. Это перемирие на 20 лет».

В результате послевоенного территориального передела десятки миллионов людей стали подданными других государств, в которых даже среди родственных народов не было единства, как например в Польше, Чехословакии, Югославии. Причинами этого выступали разница в вероисповедании, культурные особенности, различия в уровне жизни и социальном статусе, «центробежные» тенденции и т. п. А вот в отношении немцев ситуация была иной: пангерманская идея мирового господства стремительно набирала силу.

Всё это способствовало возникновению межгосударственных конфликтов, с которыми Лиге Наций, созданной победителями, было трудно справиться. Эта организация была учреждена на Парижской мирной конференции в 1919 г., а ее Устав вошел в качестве составной части в Версальский договор. Главная задача Лиги заключалась в сохранении послевоенного статус-кво и защите прав стран-победителей. Однако установить прочный и справедливый мир не удалось. К тому же у «малых» стран не было доверия к Лиге Наций, и обеспечить собственную безопасность они старались старыми, привычными средствами. Так, Югославия и Греция заключили военный союз, направленный против Болгарии; Польша и Румыния — против Советской России; Чехословакия, Румыния и Югославия подписали серию соглашений против Венгрии и Болгарии и др.

Положение СССР, провозглашенного в 1922 году, было особым. По своей прежней, дореволюционной ипостаси он должен был бы принадлежать к стану победителей. Но в таком качестве Запад его признавать отказывался, да и советское руководство сознавало, что равноправные партнерские отношения с идеологическими противниками невозможны. Фактически Советский Союз имел куда больше общего с побежденными государствами.

После того как в России в октябре 1917 г. произошла революция, к «привычным», традиционным противоречиям между ведущими индустриальными державами добавились новые: между капиталистической системой и СССР как социалистическом государством. Они стали причиной международной изоляции Советского Союза, который был вынужден развиваться в условиях постоянной военной угрозы. Самим фактом своего существования СССР, как пример для народов других стран, представлял опасность для старого мира, переживавшего к тому же системный внутренний кризис. В этой связи большевистские ожидания «мировой революции» основывались на реальных объективных и субъективных предпосылках. Что касается той ограниченной поддержки, которую советские коммунисты через Коминтерн оказывали своим единомышленникам в странах Запада, то она была не только следствием идейных убеждений, но и попыткой вырваться из враждебного, смертельно опасного окружения. Как известно, эти надежды не оправдались, мировой революции не случилось.

В 1922 г. в Италии к власти пришли фашисты во главе с Б. Муссолини. В 1933 г. лидер германских национал-социалистов А. Гитлер, создавший наиболее жестокую версию фашизма, был назначен канцлером. Годом позже он сосредоточил в своих руках всю полноту власти и начал активную подготовку к большой войне. Смысловым ядром его идеологии выступало ложное и порочное представление о делении человечества на имеющие все права полноценные расы, и расы неполноценные, чей удел — гибель или порабощение.

Воинствующий национализм нашел немало сторонников как в Европе, так и за ее пределами.Профашистские перевороты произошли в ряде стран. Даже в США, Великобритании и Франции появились влиятельные националистические партии и организации, во главе которых встали симпатизирующие Гитлеру политики. Громкие убийства: короля Югославии Александра, министра иностранных дел Франции Л. Барту, канцлера Австрии Э. Дольфуса, премьер-министра Румынии И. Дуки стали зримым подтверждением быстрой дестабилизации политической ситуации в Европе.

В начале 1930-х гг. Советский Союз по-прежнему оставался практически в полной изоляции. Перед ним стояли масштабные и многоплановые задачи, которые было необходимо срочно решать, причем, рассчитывая исключительно на собственные силы. Руководство СССР понимало, что мир идет к новой большой войне. И. В. Сталин, заявив, что «мы отстали от передовых стран на 50—100 лет и должны пробежать это расстояние за 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»[1], — определил цели и риски для Советского Союза.

Для проведения форсированной индустриализации требовались колоссальные средства, которые можно было взять главным образом в деревне. Это и стало главной причиной ускоренной коллективизации, проводившейся в жестких, зачастую даже жестоких формах. Осуществлявшаяся одновременно культурная революция позволила быстро и значительно поднять образовательный уровень населения, подготовить многие тысячи специалистов самых разных профессий.

1930-е гг. остались в народной памяти не только как эпоха великих свершений, но и как время массовых репрессий, жертвами которых нередко становились невиновные люди. Эта порочная практика не может быть оправдана, но должна быть объяснена.

Новое общество строилось в условиях ожесточенной политической борьбы, участники которой по-разному видели будущее своей страны, добивались своих целей всеми доступными средствами. После революции прошло всего 20 лет, и не все раны успели зажить. У многих представителей так называемых «эксплуататорских классов» не было особых причин любить советскую власть. Острая классовая борьба в деревне — тоже отнюдь не пропагандистская выдумка, а реальный и сложный процесс. Саму правящую партию раздирали идеологические противоречия и амбиции лидеров, среди которых было немало весьма решительных людей с богатым личным опытом революционной деятельности. Репрессии стали, таким образом, своеобразным продолжением Гражданской войны. Сейчас все еще трудно определить, где и когда имели место реальные и полуоформленные, а где выдуманные заговоры против существующих власти и строя. Но нельзя отрицать ни самого факта острого политического противоборства, ни реальных попыток внешних сил повлиять на него в собственных интересах.

Несмотря на всю неоднозначность и противоречивость процессов, происходивших в стране, Вторую мировую войну Советский Союз встретил, будучи совсем другим государством, по сравнению с тем, чем он являлся на пороге 1920—1930-х гг.: развитая по тому времени экономика, созданная практически с нуля оборонная промышленность, многомиллионная и технически оснащенная Красная армия.

В предвоенные годы Англия и Франция продемонстрировали готовность отдать чужое, но не свое, чтобы сохранить иллюзию мира в Европе. США предпочитали до поры до времени оставаться в стороне. Запад хотел, как минимум, выиграть время для организации собственной обороны и по возможности решить с помощью Германии проблему нейтрализации СССР. В свою очередь, Гитлер пытался добиться поставленных целей, разделив своих противников и разбив их по частям. При этом он использовал недоверие и даже ненависть к Советскому Союзу, в то время столь распространенные на Западе. Францию и Великобританию пугали революционная риторика Коминтерна, а также помощь, которую СССР оказывал испанским республиканцам, гоминдановскому Китаю, в целом левым силам. Гитлер казался «западным демократиям» ближе и понятнее, его столкновение с Советским Союзом выглядело в их глазах идеальным вариантом, реализации которого они старались всячески способствовать. За эту ошибку миру пришлось заплатить огромную цену.

Гражданская война в Испании стала для фашистов своего рода пробой сил. Победа мятежников под руководством генерала Ф. Франко ускорила вызревание новой всеобщей войны. Именно страх перед ней заставил Запад уклониться от помощи республиканскому правительству, уступить Гитлеру и Муссолини, что развязало им руки для дальнейших действий.

В марте 1936 г. немецкие войска вошли в демилитаризованную Рейнскую зону, спустя два года произошло присоединение Австрии (аншлюс), что значительно улучшило стратегическое положение Германии. 29—30 сентября 1938 г. в Мюнхене состоялась встреча английского и французского премьеров Н. Чемберлена и Э. Даладье с А. Гитлером и Б. Муссолини. Подписанное ими соглашение предусматривало передачу Германии принадлежащей Чехословакии Судетской области (где проживало значительное число немцев), отдельные области отходили Венгрии и Польше. Запад фактически пожертвовал Чехословакией, пытаясь умиротворить Гитлера, причем советские предложения о помощи этой стране были проигнорированы. В результате общая ситуация значительно ухудшилась: Чемберлен и Даладье подписали с Гитлером декларации о ненападении, влияние Англии и Франции в Европе резко ослабело, Германия усилилась, а советскому курсу на создание системы коллективной безопасности был нанесен смертельный удар. Посол СССР в Лондоне И. М. Майский докладывал в эти дни в Москву: «Лига Наций и коллективная безопасность мертвы. В международных отношениях наступает эпоха жесточайшего разгула грубой силы и политики бронированного кулака»[2].

В марте 1939 г. Германия ликвидировала Чехословакию как суверенное государство, а двумя неделями позже захватила Мемель (до 1923 г. — город Клайпеда).

Настойчивые усилия Москвы договориться с Лондоном и Парижем о совместных действиях на случай продолжения гитлеровской агрессии успеха не имели. К тому же по сравнению с другими европейскими странами положение СССР усугублялось напряженными отношениями с Японией: в июле-августе 1938 г. произошел советско-японский вооруженный конфликт у озера Хасан, а в мае 1939 г. Япония начала боевые действия против Монголии, и Советский Союз, являясь союзником последней, оказался втянут в конфликт.

В создавшихся условиях СССР был вынужден согласиться на заключение договора о ненападении с Германией. Эта внешнеполитическая акция позволила Советскому Союзу выиграть без малого два года для укрепления своей обороноспособности. Риск образования единого антисоветского фронта с возможным участием «западных демократий» был сведен к минимуму, а доверие Японии по отношению к германскому союзнику было поколеблено, что снизило опасность японской агрессии на Дальнем Востоке.

Секретный протокол к договору являлся, по сути, соглашением о разделе сфер влияния, причем Советский Союз получил возможность вернуться на территории, некогда утраченные Россией. Присоединение Латвии, Литвы, Эстонии, Бессарабии, западных областей Укра-

ины и Белоруссии к СССР стало единственной альтернативой их поглощению нацистской Германией.

1 сентября 1939 г. Гитлер напал на Польшу, начав Вторую мировую войну. В мае 1940 г. пришел черед «западных демократий».

Всего, начиная с 1938 г., Германия присоединила или оккупировала 11 европейских государств, где был установлен нацистский «новый порядок». Тотальная милитаризация экономики, подчинение всех сфер жизни немецкого общества интересам войны, максимальное использование военно-экономического потенциала захваченных стран позволили Германии в разы увеличить военное производство и создать многомиллионные вооруженные силы, обладающие самым современным оружием и техникой.

Сложившийся агрессивный блок Германии, Италии и Японии к 1941 г. расширился и укрепился: к нему присоединились Болгария, Венгрия, Румыния и де-факто Финляндия.

22 июня 1941 г. — трагическая дата в отечественной истории. Трагическая в той же мере, в какой 9 мая 1945-го — дата великая и славная. Агрессия Германии против СССР открыла принципиально новый этап Второй мировой войны, положив начало ожесточенной борьбе, в ходе которой фашизм был повержен, а Красная армия освободила многие порабощенные страны Европы и частично Азии.

Нападение Германии на нашу страну было вероломным и внезапным. Сегодня некоторые исследователи называют это определение советским идеологическим штампом, отмечая, что неизбежность войны с Гитлером ясно осознавалась руководством СССР, а верность соглашениям и нацизм — вещи принципиально несовместимые. Это действительно так. И все-таки говорить о вероломстве врага вполне уместно, ибо факт остается фактом: немцы напали на нас, не расторгнув заключенный в августе 1939 г. договор о ненападении, не выдвинув никаких претензий и без объявления войны. Даже в случае с Польшей Гитлер поступил иначе: соответствующее польско-германское соглашение было им денонсировано за четыре месяца до нападения в апреле 1939 г.

Что же касается внезапности, то агрессор всегда обладает этим преимуществом. Военно-политическое руководство Германии имело все возможности как для определения момента начала боевых действий, так и для выбора направлений главных ударов, что позволяло создавать там многократный перевес в силах и средствах, а также давало целый ряд других важных преимуществ.

Советский Союз вступил в Великую Отечественную войну. Великую по масштабам, целям, задачам, последствиям. Отечественную, потому что она стала делом каждого, а Победа могла быть достигнута только всенародными усилиями. Не случайно И. В. Сталин, выступая по радио 3 июля 1941 г., подчеркнуто обратился ко всем гражданам СССР, независимо от их идеологических пристрастий, религиозных убеждений и отношения к власти.

Первые месяцы войны — ее самый сложный и трагический период. Летом и в начале осени 1941 г. немцы сумели разгромить основные силы советских западных военных округов (фронтов). Последствия этого еще долго негативно сказывались на характере и ходе вооруженной борьбы. Успехи вермахта были велики. К середине сентября враг продвинулся вглубь нашей территории в направлении Ленинграда до 750 км, Москвы — на 700–800 км и на юге — на 600–850 км. Советский Союз лишился значительной части Карело-Финской ССР, всей Прибалтики, большей части Ленинградской области, Белоруссии, большей части Смоленской области и ряда других западных областей РСФСР, Молдавии, Правобережной и части Левобережной Украины.

Большую долю ответственности за эти тяжелые поражения несет руководство страны и Красной армии, принимавшее порой ошибочные решения и первоначально уступавшее немцам в мастерстве организации и ведения боевых действий. Есть вина на тех командирах и бойцах, кто проявил малодушие и слабость. Но победный итог 1945 года возведен на прочном фундаменте 1941-го. Самого глубокого уважения заслуживают те, кто, научившись воевать, превзошел врага в военном искусстве и храбрости. Святы те, кто всегда верил в Победу и отдал ради нее жизнь.

Правомерен вопрос: могло ли начало войны сложиться для нас иначе, можно ли было лучше подготовиться к отражению агрессии? Как известно, история не имеет сослагательного наклонения, что, однако, не должно мешать нам анализировать сделанное и рассматривать возможные альтернативы.

Объективно острый дефицит времени и недостаточность материальных ресурсов не позволили СССР выполнить все намеченное. В результате перестройка экономики для нужд будущей войны была далека от завершения; многочисленные мероприятия по укреплению и перевооружению вооруженных сил не успели закончить, а укрепрайоны на старых и новых границах были недостроены и плохо вооружены. Выросшая в разы армия испытывала огромную нужду в квалифицированных командных кадрах.

Говоря о субъективной стороне проблемы, нельзя не признать персональной ответственности советского политического и военного руководства, лично Сталина за допущенные ошибки в подготовке страны и армии к войне, за массовые репрессии. А также за то, что приказ о приведении войск приграничных округов в полную боевую готовность был отдан слишком поздно.

Корни многих неверных решений следует искать в том, что лидеры СССР ошибочно оценивали политические возможности предотвращения войны с Германией в 1941 г. Отсюда и боязнь провокаций, и промедление с необходимыми приказами. Ставки в предвоенной сложнейшей игре с Гитлером были исключительно высоки, а значение возможного ее исхода столь велико, что риски недооценили. И это обошлось очень дорого.

Сегодня весьма распространены утверждения о неготовности Советского Союза к войне. Казалось бы, наши потери не дают оснований для другого вывода. Они, особенно людские, действительно были очень велики. Безвозвратные потери советских войск в июне — сентябре 1941 г. превысили 2,1 млн человек, в том числе убитыми, умершими от ран и болезней — 430 578 человек, пропавшими без вести и пленными — 1 699 099 человек[3]. Потери немецких вооруженных сил в июне — сентябре 1941 г. на советско-германском фронте только убитыми составили 185 тыс. человек[4]. Танковые дивизии вермахта уже к середине августа потеряли до 50 % личного состава и около половины танков[5].

И все-таки трагические итоги начального периода войны не должны помешать нам увидеть главное: Советский Союз выстоял. А это значит, что он в широком смысле слова был готов к войне и показал себя достойным Победы. Что же касается Польши, Франции и других европейских стран, то здесь неготовность имела фатальный характер, и это подтверждается самим фактом их быстрого и сокрушительного поражения.

СССР выдержал удар и не распался, хотя это предрекали многие. Страна и армия не потеряли управляемость. С целью объединения усилий фронта и тыла вся полнота власти была сосредоточена в руках образованного 30 июня 1941 г. Государственного Комитета Обороны. Блестяще организованная эвакуация миллионов людей, тысяч предприятий, огромных материальных ценностей позволила уже в 1942 г. превзойти Германию по выпуску основных видов военной продукции.

Несмотря на все военные успехи и захват многих областей СССР с многомиллионным населением, агрессор не смог достичь поставленной цели: уничтожить главные силы Красной армии и обеспечить себе беспрепятственное продвижение вглубь страны.

Показательно в этом отношении снижение темпов наступления немецко-фашистских войск. Среднесуточный темп продвижения вермахта по сравнению с первыми днями войны к сентябрю 1941 г. сократился на северо-западном направлении с 26 км до 2—3 км в сутки, на западном — с 30 км до 2—2,5 км в сутки, на юго-западном направлении — с 20 км до 6 км в сутки. Выигранное время было использовано советским командованием для организации обороны, формирования резервов и проведения эвакуации.

До нападения на Советский Союз Германия в молниеносных военных кампаниях разгромила и захватила многие европейские государства. Гитлер и его окружение, уверовав в доктрину блицкрига, рассчитывали, что и в войне против СССР она явится безотказным средством. Не получилось. Временные успехи агрессора стоили ему больших, невосполнимых потерь, подорвали его материальные и морально-психологические силы.

Преодолевая крупные недостатки в организации и ведении боевых действий, командный состав Красной армии учился мастерству вождения войск, овладел передовыми достижениями военного искусства.

В огне войны становилось иным и сознание советских людей: на смену первоначальной растерянности пришла твердая уверенность в правоте борьбы против фашизма, в неизбежность торжества справедливости, вера в Победу. Чувство исторической ответственности за судьбы Родины, за жизнь родных и близких придавало силы, сопротивление врагу нарастало, фактом стал массовый героизм.

Так начиналась Великая Отечественная война.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. М., 1952. С. 362.
[2] Год кризиса 1938–1939: документы и материалы. М., 1990. Т. 1. С. 42.
[3] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009. С. 60.
[4] *Overmans R.* Deutche militärische Verluste in Zweiten Weltkrieg. München, 2000. S. 278–279.
[5] 1941 год: уроки и выводы. М., 1992. С. 144.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОКУМЕНТЫ 1939–1941 гг.

Перечень приведенных документов

№ 1. Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом и секретный дополнительный протокол, 23 августа 1939 г.

№ 2. Донесение Р. Зорге о впечатлении, которое произвели в Японии переговоры СССР и Германии о заключении договора о ненападении.

№ 3. Германо-советский договор о дружбе и границе, 28 сентября 1939 г.

№ 4. Пакт трех держав, 27 сентября 1940 г. (извлечение).

№ 5. Пакт о нейтралитете между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией, 13 апреля 1941 г.

№ 6. Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных сил СССР на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы, 18 сентября 1940 г. (извлечения).

№ 7. План «Барбаросса» (директива верховного командования вермахта № 21), 18 декабря 1940 г.

№ 8. Докладная записка наркома обороны СССР о строительстве взлетно-посадочных полос на территории приграничных округов.

№ 9. Доклад начальника Разведуправления Генштаба Красной армии генерал-лейтенанта Голикова в НКО СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Высказывания, [оргмероприятия] и варианты боевых действий германской армии против СССР».

№ 10. Проект директивы народного комиссара обороны командующему войсками Западного Особого военного округа, не ранее 6 апреля.

№ 11. Донесение начальника Главного управления политпропаганды Красной армии А. Запорожца в ЦК ВКП(б) о состоянии укрепрайонов на западной границе СССР, 15 апреля 1941 г.

№ 12. Записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной армии председателю СНК И. В. Сталину с соображениями по плану стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками, не ранее 15 мая 1941 г. (извлечение).

№ 13. Донесение Р. Зорге о предложении США Японии урегулировать вопрос о войне в Китае, американо-японских разногласиях и планах Японии в случае советско-германской войны.

№ 14. Приказ командующего Киевским Особым военным округом командиру 37-й танковой дивизии («Красный пакет»).

№ 15. Приказ народного комиссара обороны СССР Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба Красной армии генерала армии Г. К. Жукова Военному совету Западного Особого военного округа о проведении оргмероприятий по укрепленным районам.

№ 16. Из директивы верховного командования вермахта № 32 о подготовке к периоду после осуществления плана «Барбаросса», 11 июня 1941 г.

№ 17. Донесение штаба Западного ОВО начальнику Генерального штаба Красной армии.

№ 18. Телеграмма начальника Генерального штаба Г. К. Жукова командующему войсками Западного Особого военного округа Д. Г. Павлову, 19 июня 1941 г.

№ 19. Директива № 1 Военным советам западных приграничных округов о возможном нападении немцев, 22 июня 1941 г.

№ 20. Боевое распоряжение командующего войсками Западного Особого военного округа генерала армии Д. Г. Павлова командующим 3, 4 и 10-й армиями на отражение нападения немецких войск.

№ 21. Оперативная сводка Генерального штаба Красной армии № 01.

№ 22. Выступление по радио заместителя председателя Совета народных комиссаров СССР, наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова в связи с нападением Германии на Советский Союз, 22 июня 1941 г.

№ 23. Директива № 3 Военным советам Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов.

№ 24. Выступление И. Сталина по радио 3 июля 1941 г. (извлечение).

№ 25. Директива Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей.

№ 26. Постановление Президиума Верховного Совета СССР, Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) об образовании Государственного Комитета Обороны, 30 июня 1941 г.

№ 27. Директива № 2 ЦК КП(б) Белоруссии партийным, советским и комсомольским организациям по развертыванию партизанской войны в тылу врага.

№ 28. Переговоры по прямому проводу И. В. Сталина с командующим войсками Западного фронта С. К. Тимошенко.

№ 29. Постановление Государственного Комитета Обороны «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения».

№ 30. Боевое донесение № 8 командующего войсками 20-й армии генерал-лейтенанта П. А. Курочкина о результатах боевых действий 5-го и 7-го механизированных корпусов.

№ 31. Донесение Р. Зорге о решении Японии одновременно с продвижением на юг готовиться к вступлению в войну с СССР после поражения Красной армии на западе, 10 июля 1941 г.

№ 32. Постановление ГКО о Можайской линии обороны.

№ 33. Информационная записка первого секретаря ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко И. В. Сталину об оккупационном режиме и развитии партизанского движения в Беларуси.

№ 34. Переговоры И. В. Сталина по прямому проводу с начальником штаба Главного командования войск Западного направления Б. М. Шапошниковым, 26 июля 1941 г.

№ 35. Приказ с объявлением приговора Верховного суда СССР по делу генерала армии Д. Г. Павлова, генерал-майоров В. Е. Климовских, А. Т. Григорьева и А. А. Коробкова, 28 июля 1941 г.

№ 36. Донесение Р. Зорге о сроках возможного вступления Японии в войну с СССР и условиях, которые могли бы это предотвратить.

№ 37. Переговоры И. В. Сталина по прямому проводу с командующим войсками Юго-Западного фронта М. П. Кирпоносом, 8 августа 1941 г.

№ 38. Из дневника начальника генштаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера, 22 июня — 11 августа 1941 г. (извлечения).

№ 39. Приказ Ставки Верховного главнокомандования № 270 об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия, 16 августа 1941 г.

№ 40. Приказ ставки вермахта, 15 августа 1941 г.

№ 41. Из переговоров по прямому проводу с командующим войсками Брянского фронта А. И. Еременко, 24 августа 1941 г.

№ 42. Переговоры И. В. Сталина по прямому проводу с командующим войсками Резервного фронта Г. К. Жуковым, 4 сентября 1941 г.

№ 43. Директива верховного командования вермахта № 35, 6 сентября 1941 г.

№ 44. Распоряжение верховного командования вермахта об обращении с советскими военнопленными, 8 сентября 1941 г.

№ 45. Переговоры И. В. Сталина по прямому проводу с командующим войсками Юго-Западного фронта М. П. Кирпоносом, 11 сентября 1941 г.

№ 46. Приказ начальника штаба верховного командования вермахта Кейтеля о подавлении «коммунистического повстанческого движения», 16 сентября 1941 г.

№ 47. Переговоры по прямому проводу с командующим 54-й армией Г. И. Куликом, 16 сентября 1941 г.

№ 48. Директива Ставки ВГК № 002373 командующему войсками Западного фронта И. С. Коневу, 27 сентября 1941 г.

№ 49. Директива Ставки ВГК № 002454 командующим Черноморским флотом Ф. С. Октябрьскому, Одесским оборонительным районом Г. В. Жукову, 51-й Отдельной армией Ф. И. Кузнецову, народному комиссару Военно-морского флота Н. Г. Кузнецову, 30 сентября 1941 г.

№ 50. Собственноручные показания военнопленного японского генерала, главнокомандующего квантунской группировкой войск О. Ямады.

№ 1

Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом и секретный дополнительный протокол, 23 августа 1939 г.*

Правительство СССР и Правительство Германии, руководимые желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 г., пришли к следующему соглашению:

Статья 1.

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья 2.

В случае если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья 3.

Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультаций, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья 4.

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья 5.

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья 6.

Настоящий договор заключается сроком на десять лет с тем, что, поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья 7.

Настоящий договор подлежит ратифицированию в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках, в Москве, 23 августа 1939 года.

По уполномочию Правительства СССР *В. Молотов*
За Правительство Германии *И. Риббентроп*

* Договор ратифицирован Верховным Советом СССР и рейхстагом Германии 31 августа 1939 г. Обмен ратификационными грамотами произведен в Берлине 24 сентября 1939 г.

Секретный дополнительный протокол, 23 августа 1939 г.

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению к Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно Юго-Востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

Москва, 23 августа 1939 года

По уполномочию Правительства СССР *В. Молотов*
За Правительство Германии *И. Риббентроп*

Документы внешней политики. М., 1992. Т. 22. Кн. 2. С. 462.

№ 2

Донесение Р. Зорге о впечатлении, которое произвели в Японии переговоры СССР и Германии о заключении договора о ненападении

Острова 24 августа 1939 г.

Москва. Начальнику 5-го управления РККА

Переговоры о заключении договора о ненападении с Германией вызвали огромную сенсацию и оппозицию против Германии.

Возможна отставка правительства после того, как будут установлены подробности заключения договора. Немецкий посол Отт также удивлен происшедшим.

Большинство членов правительства думают о расторжении антикоминтерновского договора с Германией.

Торговая и финансовая группы почти что договорились с Англией и Америкой.

Другие группы, примыкающие к полковнику Хасимото и к генералу Угаки, стоят за заключение договора о ненападении с СССР и изгнание Англии из Китая.

Нарастает внутриполитический кризис.

Рамзай

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 22407. Д. 2. Л. 417.

№ 3

Германо-советский договор о дружбе и границе, 28 сентября 1939 г.

Правительство СССР и Германское Правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям. С этой целью они пришли к соглашению в следующем:

Статья I

Правительство СССР и Германское Правительство устанавливают в качестве границы между обоюдными государственными интересами на территории Польского государства линию, которая нанесена на прилагаемую при сем карту* и более подробно будет описана в дополнительном протоколе.

Статья II

Обе стороны признают установленную в статье I границу обоюдных интересов окончательной и устраняют всякое вмешательство третьих держав в это решение.

Статья III

Необходимое государственное переустройство на территории западнее указанной в статье линии производит Германское Правительство, на территории восточнее этой линии — Правительство СССР.

Статья IV

Правительство СССР и Германское Правительство рассматривают вышеприведенное переустройство как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами.

Статья V

Этот договор подлежит ратификации. Обмен ратификационными грамотами должен произойти возможно скорее в Берлине.

Договор вступает в силу с момента его подписания. Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках.

Москва, 28 сентября 1939 г.

По уполномочию Правительства СССР *В. Молотов*
За Правительство Германии *И. Риббентроп*

---

* Карты не публикуются.

ПРИЛОЖЕНИЯ К ГЕРМАНО-СОВЕТСКОМУ ДОГОВОРУ О ДРУЖБЕ И ГРАНИЦЕ

КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

Правительство СССР не будет создавать никаких препятствий на пути имперских граждан и других лиц германского происхождения, проживающих на территориях, находящихся в сфере его интересов, если они пожелают переселиться в Германию или на территории, находящиеся в германской сфере интересов. Оно согласно с тем, что подобные перемещения будут производиться уполномоченными Правительства империи в сотрудничестве с компетентными местными властями и что права собственности эмигрантов будут защищены.

Аналогичные обязательства принимаются Правительством Германии в отношении лиц украинского или белорусского происхождения, проживающих на территориях, находящихся под его юрисдикцией.

Москва, 28 сентября 1939 г.

За Правительство Германии *И. Риббентроп*
По уполномочию Правительства СССР *В. Молотов*

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

Нижеподписавшиеся полномочные представители заявляют о соглашении Правительства Германии и Правительства СССР в следующем:

Секретный дополнительный протокол, подписанный 23 августа 1939 г., должен быть исправлен в пункте 1, отражая тот факт, что территория Литовского государства отошла в сферу интересов СССР, в то время, когда, с другой стороны, Люблинское воеводство и часть Варшавского воеводства отошли в сферу интересов Германии (см. карту, приложенную к договору о дружбе и границе, подписанному сегодня). Как только Правительство СССР примет специальные меры на литовской территории для защиты своих интересов, настоящая германо-литовская граница в целях установления естественного и простого пограничного описания должна быть исправлена таким образом, чтобы литовская территория, расположенная к юго-западу от линии, обозначенной на приложенной карте, отошла к Германии.

Далее заявляется, что ныне действующее экономическое соглашение между Германией и Литвой не будет затронуто указанными выше мероприятиями Советского Союза.

Москва, 28 сентября 1939 г.

По уполномочию Правительства СССР *В. Молотов*
За Правительство Германии *И. Риббентроп*

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

Нижеподписавшиеся полномочные представители по заключении германо-русского договора о дружбе и границе заявляют о своем согласии в следующем:

Обе стороны не будут допускать на своих территориях никакой польской агитации, затрагивающей территорию другой стороны. Они будут подавлять на своих территориях все источники подобной агитации и информировать друг друга о мерах, предпринимаемых с этой целью.

Москва, 28 сентября 1939 г.

По уполномочию Правительства СССР *В. Молотов*
За Правительство Германии *И. Риббентроп*

СЕКРЕТНЫЙ ПРОТОКОЛ

По уполномочию Правительства Союза ССР Председатель СНК СССР В. М. Молотов, с одной стороны, и по уполномочию Правительства Германии Германский Посол граф фон Шуленбург, с другой стороны, согласились о нижеследующем:

1. Правительство Германии отказывается от своих притязаний на часть территории Литвы, указанную в Секретном Дополнительном Протоколе от 28 сентября 1939 г. и обозначенную на приложенной к этому Протоколу карте.

2. Правительство Союза ССР соглашается компенсировать Правительству Германии за территорию, указанную в пункте 1 настоящего Протокола, уплатой Германии суммы 7 500 000 золотых долларов, равной 31 миллиону 500 тыс. германских марок.

Выплата суммы в 31,5 миллиона германских марок будет произведена нижеследующим образом: одна восьмая, а именно 3 937 500 германских марок, поставками цветных металлов в течение трех месяцев со дня подписания настоящего Протокола, а остальные семь восьмых, а именно 27 562 500 германских марок, золотом, путем вычета из германских платежей золота, которые германская сторона имеет произвести до 11 февраля 1941 г. на основании обмена писем, состоявшегося между Народным Комиссаром Внешней Торговли Союза ССР А. И. Микояном и Председателем Германской экономической делегации Г. Шнурре в связи с подписанием «Соглашения от 10 января 1941 г. о взаимных товарных поставках на второй договорной период по Хозяйственному Соглашению от 11 февраля 1940 г. между Союзом ССР и Германией».

3. Настоящий Протокол составлен в двух оригиналах на русском и в двух оригиналах на немецком языках и вступает в силу немедленно по его подписании.

Москва, 10 января 1941 г.

По уполномочию Правительства СССР *В. Молотов*
За Правительство Германии *Ф. Шуленбург*

Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки. М., 1998. Кн. 1. С. 489–491.

№ 4

Пакт трех держав, 27 сентября 1940 г. (извлечение)*

<...> Статья 1. Япония признает и уважает руководство Германии и Италии в деле создания нового порядка в Европе.

Статья 2. Германия и Италия признают и уважают руководство Японии в деле создания нового порядка в великом восточно-азиатском пространстве.

Статья 3. Германия, Италия и Япония согласны сотрудничать на указанной выше основе. Они далее берут на себя обязательство поддерживать друг друга всеми политическими, хозяйственными и военными средствами, в случае если одна из трех Договаривающихся Сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и в китайско-японском конфликте.

---

* Подписанный в Берлине представителями Германии, Италии и Японии пакт окончательно оформил блок фашистских агрессоров. Впоследствии к пакту присоединились Венгрия, Румыния, Болгария, Финляндия, Испания, Таи (Сиам), марионеточные правительства Хорватии, Маньчжоу-Го и китайское правительство Ван Цзин-вэя.

С т а т ь я 4. Для осуществления данного пакта немедленно будут созваны общие технические комиссии, члены которых будут назначены правительствами Германии, Италии и Японии.

С т а т ь я 5. Германия, Италия и Япония заявляют, что данное соглашение никоим образом не затрагивает политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников соглашения и Советским Союзом.

С т а т ь я 6. Настоящий пакт вступает в силу немедленно после его подписания и будет действовать в течение 10 лет считая со дня его вступления в силу.

Мировые войны XX века. 2-е изд.: в 4 кн. М., 2005. Кн. 4. С. 103.

№ 5

Пакт о нейтралитете между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией, 13 апреля 1941 г.

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик и Его Величество Император Японии, руководимые желанием укрепить мирные и дружественные отношения между обеими странами, решили заключить Пакт о нейтралитете, и для этой цели назначили своими уполномоченными:

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик: Вячеслава Михайловича Молотова, Председателя Совета народных комиссаров и Народного Комиссара Иностранных Дел Союза Советских Социалистических Республик;

Его Величество Император Японии: Иосуке Мацуока, министра иностранных дел, Жюсанми, Кавалера ордена Священного сокровища первой степени, и Иосицугу Татекава, Чрезвычайного и Полномочного Посла в Союзе Советских Социалистических Республик, генерал-лейтенанта, Жюсанми, Кавалера ордена Восходящего Солнца первой степени и ордена Золотого Коршуна четвертой степени, которые, по предъявлении друг другу своих соответственных полномочий, призванных составленными в надлежащей и законной форме, договорились о нижеследующем:

Статья первая

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой Договаривающейся Стороны.

Статья вторая

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая Договаривающаяся Сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжении всего конфликта.

Статья третья

Настоящий Пакт вступает в силу со дня его ратификации обеими Договаривающимися Сторонами и сохраняет силу в течение пяти лет. Если ни одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует Пакт за год до истечения срока, он будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья четвертая

Настоящий Пакт подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Токио также в возможно короткий срок.

В удостоверение чего поименованные выше уполномоченные подписали настоящий Пакт в двух экземплярах, составленных на русском и японском языках, и приложили к нему свои печати.

Составлен в Москве 13 апреля 1941 года, что соответствует 13-му дню четвертого месяца 16-го года Сиова.

В. Молотов
Иосуке Мацуока
Иосицугу Татекава

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ДЕКЛАРАЦИЯ

[13 апреля 1941 г.]

В соответствии с духом Пакта о нейтралитете, заключенного 13 апреля 1941 года между СССР и Японией, Правительство СССР и Правительство Японии в интересах обеспечения мирных и дружественных отношений между обеими странами торжественно заявляют, что СССР обязуется уважать территориальную целостность и неприкосновенность Маньчжоу-Го, а Япония обязуется уважать территориальную целостность и неприкосновенность Монгольской Народной Республики.

Москва, 13 апреля 1941 года

В. Молотов
Иосуке Мацуока
Иосицугу Татекава

ДВП. Т. 23. Кн. 2(1). М., 1998. С. 555–556.

№ 6

Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных сил СССР на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы, 18 сентября 1940 г. (извлечения)

№ 103202/ов
18 сентября 1940 г.

Особо важно
Совершенно секретно
Только лично
Написано в одном экземпляре

Докладываю на Ваше рассмотрение соображения об основах стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы.

I. НАШИ ВЕРОЯТНЫЕ ПРОТИВНИКИ

Сложившаяся политическая обстановка в Европе создает вероятность вооруженного столкновения на наших западных границах.

Это вооруженное столкновение может ограничиться только нашими западными границами, но не исключена вероятность и атаки со стороны Японии наших дальневосточных границ.

На наших западных границах наиболее вероятным противником будет Германия, что же касается Италии, то возможно ее участие в войне, а вернее, ее выступление на Балканах, создавая нам косвенную угрозу.

Вооруженное столкновение СССР с Германией может вовлечь в военный конфликт с нами Венгрию, а также в целях реванша — Финляндию и Румынию.

При вероятном вооруженном нейтралитете со стороны Ирана и Афганистана возможно открытое выступление против СССР Турции, инспирированное немцами.

Таким образом, Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на западе — против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией и Финляндией, и на востоке — против Японии, как открытого противника или противника, занимающего позицию вооруженного нейтралитета, всегда могущего перейти в открытое столкновение.

II. ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ВЕРОЯТНЫХ ПРОТИВНИКОВ

Основным, наиболее сильным противником является Германия. <...>

Всего с учетом указанных выше вероятных противников против Советского Союза на Западе может быть развернуто: Германией — 173 пех[отные] див[изии], 10 000 танков, 13 000 самолетов; Финляндией — 15 пех[отных] див[изий], 400 самолетов; Румынией — 30 [пехотных дивизий], 250 [танков], 1100 [самолетов]; Венгрией — 15 [пехотных дивизий], 300 [танков], 600 [самолетов]. Всего — 253 пех[отные] див[изии], 10 550 танков, 15 100 самолетов.

Примечание. Как указано выше, Италия и Турция не считаются прямыми противниками и в таблицу не включены. <...>

Для действий против СССР японское командование может выставить до 50 пех[отных] дивизий, из коих до 30 пех[отных] дивизий, 1200 танков и танкеток, 850 тяжелых орудий и 3000 самолетов (1500 сухопутных и 1500 морских) может быть сосредоточено к границам СССР в течение 25–30 дней.

Армия Маньчжоу-Го в расчет не принимается, как имеющая второстепенное значение. <...>

V. ОСНОВЫ НАШЕГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ НА ЗАПАДЕ

Главные силы Красной армии на Западе, в зависимости от обстановки, могут быть развернуты или к югу от Брест-Литовска, с тем чтобы мощным ударом в направлениях Люблин и Краков и далее на Бреслау (Братислав) в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне; или к северу от Брест-Литовска с задачей нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней.

Окончательное решение на развертывание будет зависеть от той политической обстановки, которая сложится к началу войны; в условиях же мирного времени считаю необходимым иметь разработанными оба варианта...

Народный комиссар обороны СССР
Маршал Советского Союза *С. Тимошенко*

Начальник Генерального штаба К. А.
генерал армии *К. Мерецков*

18 сентября 1940 г. Написано в одном экземпляре.
Исполнитель зам[еститель] начальника оперативного управления генерал-майор Василевский

1941 год: в 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 236–238, 241, 253.

№ 7

План «Барбаросса» (директива верховного командования вермахта № 21), 18 декабря 1940 г.

Директива № 21

Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии. (Вариант «Барбаросса».)

Сухопутные силы должны использовать для этой цели все находящиеся в их распоряжении соединения, за исключением тех, которые необходимы для защиты оккупированных территорий от всяких неожиданностей.

Задача *военно-воздушных сил* — высвободить такие силы для поддержки сухопутных войск при проведении Восточной кампании, чтобы можно было рассчитывать на быстрое завершение наземных операций и вместе с тем ограничить до минимума разрушения восточных областей Германии вражеской авиацией. Однако эта концентрация усилий ВВС на Востоке должна быть ограничена требованием, чтобы все театры военных действий и районы размещения нашей военной промышленности были надежно прикрыты от налетов авиации противника и наступательные действия против Англии, особенно против ее морских коммуникаций, отнюдь не ослабевали.

Основные усилия *военно-морского флота* должны и во время Восточной кампании, безусловно, сосредоточиваться против *Англии*.

Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операций.

Приготовления, требующие более продолжительного времени, если они еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15.5.1941 г.

Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны.

Подготовительные мероприятия высших командных инстанций должны проводиться, исходя из следующих основных положений.

I. ОБЩИЙ ЗАМЫСЕЛ

Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено.

Путем быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русские военно-воздушные силы будут не в состоянии совершать налеты на имперскую территорию Германии.

Конечной целью операции является создание заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга — Архангельск. Таким образом, в случае необходимости последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации.

В ходе этих операций русский Балтийский флот быстро потеряет свои базы и окажется таким образом не способным продолжать борьбу.

Эффективные действия русских военно-воздушных сил должны быть предотвращены нашими мощными ударами уже в самом начале операции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ СОЮЗНИКИ И ИХ ЗАДАЧИ

1. В войне против Советской России на флангах нашего фронта мы можем рассчитывать на активное участие Румынии и Финляндии.

Верховное главнокомандование вооруженных сил в соответствующее время согласует и установит, в какой форме вооруженные силы обеих стран при их вступлении в войну будут подчинены германскому командованию.

2. Задача Румынии будет заключаться в том, чтобы отборными войсками поддержать наступление южного фланга германских войск хотя бы в начале операции, сковать противника там, где не будут действовать германские силы, и в остальном нести вспомогательную службу в тыловых районах.

3. Финляндия должна прикрывать сосредоточение и развертывание отдельной немецкой северной группы войск (части 21-й армии), следующей из Норвегии. Финская армия будет вести боевые действия совместно с этими войсками.

Кроме того, Финляндия будет ответственна за захват полуострова Ханко.

4. Следует считать возможным, что к началу операции шведские железные и шоссейные дороги будут предоставлены для использования немецкой группе войск, предназначаемой для действий на Севере.

III. ПРОВЕДЕНИЕ ОПЕРАЦИЙ

А) *Сухопутные силы.* (В соответствии с оперативными замыслами, доложенными мне.)

Театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий.

Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее нее и раздробить силы противника в Белоруссии. Таким образом будут созданы предпосылки для поворота мощных частей подвижных войск на север, с тем чтобы во взаимодействии с северной группой армий, наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника, действующие в Прибалтике. Лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операциям по взятию Москвы — важного центра коммуникаций и военной промышленности.

Только неожиданно быстрый развал русского сопротивления мог бы оправдать постановку и выполнение этих обеих задач одновременно.

Важнейшей задачей 21-й армии и в течение Восточной кампании остается оборона Норвегии.

Имеющиеся сверх этого силы (горный корпус) следует использовать на Севере прежде всего для обороны области Петсамо и ее рудных шахт, а также трассы Северного Ледовитого океана. Затем эти силы должны совместно с финскими войсками продвинуться к Мурманской железной дороге, чтобы нарушить снабжение Мурманской области по сухопутным коммуникациям.

Будет ли такая операция осуществлена силами немецких войск (две-три дивизии) из района Рованиеми и южнее его, зависит от готовности Швеции предоставить свои железные дороги в наше распоряжение для переброски войск.

Основным силам финской армии будет поставлена задача в соответствии с продвижением немецкого северного фланга наступлением западнее или по обеим сторонам Ладожского озера сковать как можно больше русских войск, а также овладеть полуостровом Ханко.

Группе армий, действующей южнее Припятских болот, надлежит посредством концентрических ударов, имея основные силы на флангах, уничтожить русские войска, находящиеся на Украине, еще до выхода последних к Днепру.

С этой целью главный удар наносится из района Люблина в общем направлении на Киев. Одновременно находящиеся в Румынии войска форсируют р. Прут в нижнем течении и осуществляют глубокий охват противника. На долю румынской армии выпадет задача сковать русские силы, находящиеся внутри образуемых клещей.

По окончании сражений южнее и севернее Припятских болот в ходе преследования следует обеспечить выполнение следующих задач:

на юге — своевременно занять важный в военном и экономическом отношении Донецкий бассейн;

на севере — быстро выйти к Москве. Захват этого города означает как в политическом, так и в экономическом отношениях решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишатся важнейшего железнодорожного узла.

Б) *Военно-воздушные силы.* Их задача будет заключаться в том, чтобы, насколько это будет возможно, затруднить и снизить эффективность противодействия русских военно-воздушных сил и поддержать сухопутные войска в их операциях на решающих направлениях.

Это будет прежде всего необходимо на фронте центральной группы армий и на главном направлении южной группы армий.

Русские железные дороги и пути сообщения в зависимости от их значения для операции должны перерезаться или выводиться из строя посредством захвата наиболее близко расположенных к району боевых действий важных объектов (речные переправы) смелыми действиями воздушно-десантных войск.

В целях сосредоточения всех сил для борьбы против вражеской авиации и для непосредственной поддержки сухопутных войск не следует во время операции совершать налеты на объекты военной промышленности. Подобные налеты, и прежде всего против Урала, встанут на порядок дня только по окончании маневренных операций.

В) *Военно-морской флот.* В войне против Советской России ему предстоит задача, обеспечивая оборону своего побережья, воспрепятствовать прорыву военно-морского флота противника из Балтийского моря. Учитывая, что после выхода к Ленинграду русский Балтийский флот потеряет свой последний опорный пункт и окажется в безнадежном положении, следует избегать до этого момента крупных операций на море.

После нейтрализации русского флота задача будет состоять в том, чтобы обеспечить полную свободу морских сообщений в Балтийском море, в частности, снабжение по морю северного фланга сухопутных войск (траление мин).

IV. Все распоряжения, которые будут отданы главнокомандующими на основании этой директивы, должны совершенно определенно исходить из того, что речь идет о мерах предосторожности на тот случай, если Россия изменит свою нынешнюю позицию по отношению к нам.

Число офицеров, привлекаемых для первоначальных приготовлений, должно быть максимально ограниченным. Остальных сотрудников, участие которых необходимо, следует привлекать к работе как можно позже и знакомить только с частными сторонами подготовки, необходимыми для исполнения служебных обязанностей каждого из них в отдельности.

Иначе имеется опасность возникновения серьезнейших политических и военных осложнений в результате раскрытия наших приготовлений, сроки которых еще не назначены.

V. Я ожидаю от господ главнокомандующих устных докладов об их дальнейших намерениях, основанных на настоящей директиве.

О намеченных подготовительных мероприятиях всех видов вооруженных сил и о ходе их выполнения докладывать мне через верховное главнокомандование вооруженных сил.

Адольф Гитлер

Дашичев В. Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973. Т. 2. С. 86–89.

№ 8

Докладная записка наркома обороны СССР о строительстве взлетно-посадочных полос на территории приграничных округов

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
«__» февраля 1941 г.
№ __________

Совершенно секретно
Экз. № 1

ЦК ВКП (б) — ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ В. И.*
СНК СОЮЗА ССР — ТОВАРИЩУ МОЛОТОВУ В. М.
КОМИТЕТ ОБОРОНЫ ПРИ СНК СОЮЗА ССР —
ТОВАРИЩУ ВОРОШИЛОВУ К. Е.

По Вашему указанию, подработав вопрос о строительстве взлетно-посадочных полос, докладываю:

1. На территории всех приграничных округов в 300 км зоне имеется всего 767 аэродромов, из них:

— выходят из строя в период осенней и весенней распутицы до 2 месяцев — 607;

— выходят из строя в период осенней и весенней распутицы на 10–15 дней — 149;

— имеют взлетно-посадочные полосы — 11.

Из 160 аэродромов (годных почти круглый год) на Западе расположен только 61 аэродром, остальные — на Востоке и в Средней Азии.

Следовательно, на Западе в период весенней и осенней распутицы можно производить полеты не более чем на 61 аэродроме; в Киевском и Западном Особых военных округах — только на 16 аэродромах, что совершенно недостаточно.

2. Чтобы обеспечить круглогодовую работу авиации, хотя бы из расчета одного полка на авиадивизию, требуется построить на 70 аэродромах бетонные и грунто-асфальтовые взлетно-посадочные полосы.

По оперативным соображениям эти полосы необходимо построить:

— на Северном и Западном театрах (АРХВО, ЛВО, ПРИБОВО, ЗАПОВО, КОВО, ОДВО) — на 64 аэродромах;

— на Дальневосточном театре (ДВФ) — на 5 аэродромах;

— для ПВО города МОСКВЫ — на 1 аэродроме.

3. Для обеспечения полетов при разных стартах нужно иметь на каждом аэродроме две взлетно-посадочные полосы размером каждая 100×1200 мт, с рулежными дорожками и стоянками для самолетов.

Стоимость строительства взлетно-посадочных полос на всех 70 аэродромах составляет 967.880 тысяч рублей.

Осуществить это строительство в один год не представляется возможным, поэтому считаю целесообразным взлетно-посадочные полосы построить в два года:

— в 1941 году на 18 аэродромах;

— в 1942 году на 52 аэродромах.

4. Кроме постройки бетонных и грунто-асфальтовых взлетно-посадочных полос, необходимо провести дополнительно следующие мероприятия:

а) построить в опытном порядке в 1941 году на 13 аэродромах грунто-щебеночные полосы для обеспечения работы истребительной авиации в передовой зоне; стоимость их составляет 77.865 тысяч рублей;

---

* Так в документе.

б) произвести реконструкцию существующих 11 взлетно-посадочных полос в 300 км зоне (на одном аэродроме в 1941 году и на 10 аэродромах в 1942 году); стоимость реконструкции составляет 169.840 тысяч рублей.

5. Для обеспечения в военное время действий истребительной авиации с передовых аэродромов необходимо заготовить 30 комплектов сборных взлетно-посадочных полос из металлической сетки размером каждая 100×1000 мт; стоимость их составляет 19.350 тыс. рублей.

6. Обеспечение всех указанных мероприятий потребует денежных и материальных средств:

Средства и механизмы	1941 г.	1942 г.	ВСЕГО
Денежных ассигнований в тыс. рублей	356.495	878.440	1.234.935
Тракторов ЧТЗ-60	463	890	1.353
Автомашин ЗИС-5	1.340	2.980	4.320
Катков моторных	91	195	286
Смесителей КМ-1 с двигателями	28	105	133
Котлов Шухова	28	105	133
Бетономешалок с двигателями	59	178	237
Камнедробилок	228	531	759
Гравиесортировок с двигателями	176	531	707
Скреперов «Беккер»	1.016	1.904	2.920
Грейдеров ГТ	64	124	188
Катков прицепных	192	372	564
Цемента в тн.	214.250	648.500	862.750
Битума в тн.	27.100	102.000	129.100
Нефти в тн.	6.000	22.500	28.500
Труб керамиковых в тн.	21.260	39.700	60.960

7. НКО СССР своими силами и средствами предлагаемые мероприятия осуществить не может, поэтому прошу возложить строительство на ГЛАВВОЕНСТРОЙ при СНК СССР и НКВД.

8. С проведением указанных мероприятий и с учетом наличия 160 имеющихся аэродромов, годных к летной работе почти круглый год, ВВС Красной армии будет иметь опорную сеть аэродромов, обеспечивающую боевую работу авиации в период весенней и осенней распутицы, из расчета один аэродром на авиаполк:

— на Северном театре — 45 %;
— на Западном театре — 49 %;
— на Дальневосточном театре — 45 %.

Прошу утвердить —

Маршал Советского Союза *С. Тимошенко*

ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11285. Д. 60. Л. 45–47.

№ 9

Доклад начальника Разведуправления Генштаба Красной армии генерал-лейтенанта Голикова в НКО СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Высказывания, [оргмероприятия] и варианты боевых действий германской армии против СССР»

б/н
20 марта 1941 г.

Большинство агентурных данных, касающихся возможностей войны с СССР весной 1941 года, исходит от англо-американских источников, задачей которых на сегодняшний день, несомненно, является стремление ухудшить отношения между СССР и Германией. Вместе с тем, исходя из природы возникновения и развития фашизма, а также его задач — осуществление заветных планов Гитлера, так полно и «красочно» изложенных в его книге «Моя борьба», краткое изложение всех имеющихся агентурных данных за период июль 1940 — март 1941 года заслуживает в некоторой своей части серьезного внимания.

За последнее время английские, американские и другие источники говорят о готовящемся якобы нападении Германии на Советский Союз. Из всех высказываний, полученных нами в разное время, заслуживают внимания следующие:

1. Геринг якобы согласен заключить мир с Англией и выступить против СССР.

2. Японский ВАТ* передает, что якобы Гитлер заявил, что после быстрой победы на западе он начинает наступление против СССР.

3. В Берлине говорят о каком-то крупном разногласии между Германией и СССР. В связи с этим в германском посольстве говорят, что после Англии и Франции наступит очередь за СССР.

4. Турецкая газета «Сон Поста» сообщает, что германский командующий войсками в Австрии, обращаясь к войсковым частям, заявил, что главным врагом Германии являются русские, и что на германских солдат может быть возложена задача еще большего расширения границ Германии.

5. Американский посол в Румынии в своей телеграмме в Вашингтон сообщает, что Джигуржу имел беседу с Герингом, в которой последний сказал, что если Германия не будет иметь успеха в войне с Англией, то она вынуждена будет перейти к осуществлению своих старых планов по захвату Украины и Кавказа.

6. Германский ВАТ высказал, что после окончания войны с Англией немцы помогут Финляндии получить обратно потерянную территорию.

7. Гитлер намерен весною 1941 года разрешить вопрос на Востоке.

8. В беседе с югославским ВАТ в Москве последний говорил, что Финляндия — это зона интересов СССР. Недавно советник германского посольства в Москве Пильгер прямо сказал, что финны храбро дрались зимой и они их русским не отдадут. За последнее время немцы подстрекают финнов против русских, финны уже поговаривают о том, что «граница с СССР еще не окончательная, посмотрим, что будет после заключения мира в Европе».

9. Югославский ВАТ считает, что среди немцев имеются два течения: первое — СССР в настоящее время слаб в военном и внутреннем отношениях и настаивают на том, чтобы использовать удобный момент и вместе с Японией покончить с СССР и освободиться от пропаганды и от «дамоклова меча», висящего все время над Германией; второе — СССР не слаб, русские солдаты сильны в обороне, что доказано историей. Рисковать нельзя. Лучше поддерживать с СССР хорошие отношения.

---

* ВАТ — военный атташе. (*Ред.*)

10. Английские и французские журналисты утверждают, что в Германии происходит какая-то расстановка сил. В Стокгольме велись переговоры между Германией и Англией, представителем от Англии был Ллойд Джордж, но что эти переговоры ни к чему не привели. Греческий журналист сообщил, что в Мадриде в июле 1940 года имели место переговоры между Германией и Англией и что Германия недовольна СССР, так как последний предъявляет какие-то новые требования.

11. Данные Германией и Италией гарантии о границе Румынии направлены исключительно против СССР. Эти гарантии дополнены военным соглашением между Германией и Румынией. Этими гарантиями проникновению СССР на Балканы будет положен конец.

12. Министр иностранных дел Румынии Струдза старался убедить Гантера внести предложение Рузвельту о мире между Германией и СССР. Гитлер хочет мира, так как его терпение к СССР почти истощилось и что СССР полностью будет подготовлен к войне только в 1942 году. Он же сказал, что неофициально мирные переговоры ведутся в Стокгольме, Мадриде и Ирландии.

13. Среди немецких офицеров ходят слухи о том, что в феврале 1941 г. в своем выступлении в «Спортпаласе» на выпуске офицеров Гитлер сказал, что у Германии имеются три возможности использования своей армии в 228 дивизий: для штурма на Англию; наступление в Африку через Италию и против СССР.

14. Столкновение между Германией и СССР следует ожидать в мае 1941 года. Источником подчеркивается, что это мнение высказывается как в военных кругах, так и в кругах министерства иностранных дел. Никто не реагирует одобрительно на эти планы. Считают, что распространение войны на СССР только приблизит конец национал-социалистического режима. Это мнение высказывает и племянник Браухича, который занимает видный пост в министерстве иностранных дел.

15. Шведский ВАТ в подтверждение сведений о подготовке наступления против СССР весной 1941 года подчеркнул, что сведения получены от военного лица и основаны на сугубо секретном приказе Гитлера, который известен ограниченному кругу ответственных лиц.

Руководитель восточного отдела министерства иностранных дел Шлиппе сказал, что посещение Молотовым Берлина можно сравнить с посещением Бека. Единомыслия достигнуто не было ни в вопросе о Финляндии, ни о Болгарии.

Подготовка наступления против СССР началась значительно ранее визита Молотова, но одно время оно было приостановлено, так как немцы просчитались в своих сроках победы над Англией. Весной немцы рассчитывают поставить Англию на колени, развязав тем самым себе руки на Востоке.

16. Для борьбы с Англией достаточно тех сил, которые сосредоточены на канале, а остальные силы свободны для борьбы против СССР. Выступление необходимо для того, чтобы создать ясность на Востоке и ликвидировать постоянную опасность того, что СССР может выступить на стороне Англии, а также захватом Украины обеспечить Европу продуктами питания.

Из наиболее вероятных вариантов действий, намечаемых против СССР, заслуживают внимания следующие:

1. Вариант № 1, по данным анонимного письма, полученного нашим полпредом в Берлине от 15 декабря 1940 года (приложение № 1):

«...основное направление удара: а) от Люблина по Припяти до Киева; б) из Румынии между Яссы и Буковиной в направлении Тетерев, и в) из Восточной Пруссии на Мемель, Виллинг, р[ека] Березина и далее вдоль Днепра на Киев»;

2. Вариант № 2, по данным КОВО от декабря 1940 года (приложение № 2):

«...Три главных направления удара: а) из Восточной Пруссии в направлении Литвы, Латвии и Эстонии. Этот удар имеет те преимущества, что Литва, Латвия и Эстония сразу же становятся союзниками Германии. Кроме того, Финляндия сразу же присоединяется к Германии, чтобы отнять забранную территорию; б) через Галицию и Волынь. Эта группа войск будет иметь поддержку украинцев и в[ойск] из Румынии, которая будет стремиться захватить отобранную у нее территорию.

Группа войск 2-го и 3-го направлений окружает войска противника в Мало-Польше. На остальном участке наносятся вспомогательные удары на фронтальном направлении с целью очищения всей остальной территории.

На Востоке СССР будет связан с Японией, что является для Германии плюсом, так как противник должен создать сразу два фронта, а поэтому концентрация его сил против Германии невозможна».

3. Вариант № 3, по данным нашего агентурного донесения на февраль 1941 года (приложение № 3):

«...Для наступления на СССР создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бок наносит удар в направлении Петрограда, 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рунштудт — в направлении Москвы, и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееб — в направлении Киева.

Начало наступления на СССР ориентировочно 20 мая».

Кроме этих документов, по данным других источников, известно, что план наступления против СССР будет заключаться в следующем:

а) после победы над Англией Германия, наступая против СССР, предполагает наносить удар с двух флангов: охватом со стороны севера (имеется в виду Финляндия) и со стороны Балканского полуострова;

б) коммерческий директор германской фирмы «Тренча майне лимитед» [заявил, что] нападение на СССР произойдет через Румынию. Для этого Германия строит шоссе из Протектората через Словакию в Венгрию с целью переброски войск к советской границе. Венгрия и Румыния разрешили Германии пользоваться всеми путями сообщения для переброски войск, а также разрешили ей строить новые аэродромы, базы для мотомехчастей и склады для амуниции. Венгрия разрешила Германии пользоваться частью своих аэродромов. Все румынские войска и военно-технические сооружения находятся в распоряжении германского командования;

в) югославский в[оенный] ат[таше] Смидович (?) заявляет, что разрешая балканский вопрос, трудно представить, куда немцы направят свое острие, но он лично убежден, что все это предшествует нападению на СССР. Сам факт выхода немцев в Дарданеллы является прямым актом против СССР. Вообще Гитлер никогда не изменял своей программе, изложенной в книге «Моя борьба», и эта программа является основной целью войны. Дружбой Гитлер пользуется как средством, дающим ему возможность решить задачу переустройства Европы;

г) по сообщению нашего ВАТ от 14 марта, в Румынии упорно распространяются слухи о том, что Германия изменила свой стратегический план войны. В разговоре с нашим источником немецкий майор завил: «Мы полностью изменяем наш план. Мы направляемся на Восток, на СССР. Мы заберем у СССР хлеб, уголь, нефть. Тогда мы будем непобедимыми и можем продолжать войну с Англией и Америкой». Полковник Риошану, бывший товарищ министра в Румынии, в личной беседе с нашим источником сказал, что главный штаб румынской армии вместе с немцами занят сейчас разработкой плана войны с СССР, начала которого следует ожидать через три месяца.

Немцы опасаются выступления СССР в тот момент, когда они пойдут в Турцию. Желая предупредить опасность со стороны СССР, немцы хотят проявить инициативу и первыми нанести удар, захватить наиболее важные экономические районы СССР, и прежде всего Украину.

д) по сообщению нашего ВАТ из Берлина, по данным вполне авторитетного источника, начало военных действий против СССР следует ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 года.

Вывод:

1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весною этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весною этого года войны против СССР необходимо расценивать, как дезинформацию, исходящую от английской и даже, быть может, германской разведки.

Начальник Разведывательного управления
Генерального штаба Красной армии
генерал-лейтенант *Голиков*

1941 год: в 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 776–780.

№ 10

Проект директивы народного комиссара обороны командующему войсками Западного Особого военного округа, не ранее 6 апреля*

[б/д]

В одном экземпляре
Карта 1:1000000

Приказываю приступить к разработке плана оперативного развертывания армий Западного Особого военного округа, руководствуясь следующими указаниями.

1. Пакты о ненападении между СССР и Германией, между СССР и Италией в настоящее время, можно полагать, обеспечивают мирное положение на наших западных границах. СССР не думает нападать на Германию и Италию. Эти государства, видимо, тоже не думают напасть на СССР в ближайшее время.

Однако, учитывая:

а) происходящие события в Европе — оккупацию немцами Болгарии, объявление ими войны Югославии и Греции;

б) подозрительное поведение немцев в Финляндии и Румынии;

в) сосредоточение Германией к границам СССР значительных сил;

г) заключение Германо-Итало-Японского военного союза, острие которого, при наличии перечисленных выше обстоятельств, может быть направлено против СССР, — необходимо при выработке плана обороны СССР иметь в виду не только таких противников, как Финляндия, Румыния, Англия, но и таких возможных противников, как Германия, Италия и Япония.

Вооруженное нападение Германии на СССР может вовлечь в военный конфликт с нами Финляндию, Румынию, Венгрию и других союзников Германии.

Поэтому — оборона западных границ СССР приобретает исключительное значение.

2. В случае войны с нами Германия из имеющихся у нее 225 пехотных, 20 танковых и 15 моторизованных дивизий сможет направить против наших границ до 200 дивизий, из них до 165 пехотных, 20 танковых и 15 моторизованных.

Развертывание главных сил немецкой армии наиболее вероятно на юго-востоке с тем, чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину.

Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться вспомогательным ударом из Восточной Пруссии на Двинск и Ригу или концентрическими ударами со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск, Барановичи.

В этом случае против войск Северо-Западного и Западного наших фронтов надо ожидать развертывание немцами до 40 пехотных дивизий, 3–5 танковых и 2–4 моторизованных дивизий.

Не исключена возможность, что немцы сосредоточат свои главные силы в Восточной Пруссии и на Варшавском направлении, с тем чтобы через Литовскую СССР нанести и

---

* Рукопись на бланке НКО СССР, без подписи.

развить удар на Ригу, или на Ковно, Двинск. Одновременно необходимо ожидать вспомогательных сильных ударов со стороны Ломжи и Брест с последующим стремлением развить их в направлении Барановичи, Минск.

[...]

ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 237. Л. 48–50.

№ 11

Донесение начальника Главного управления политпропаганды Красной армии А. Запорожца в ЦК ВКП(б) о состоянии укрепрайонов на западной границе СССР, 15 апреля 1941 г.

Сов. секретно,
Экз. единственный

ЦК ВКП/б/ — тов. СТАЛИНУ И. В.,
МОЛОТОВУ В. М., АНДРЕЕВУ А. А.,
ЖДАНОВУ А. А., МАЛЕНКОВУ Г. М.

О состоянии укрепленных районов на наших западных границах

Укрепленные районы, строящиеся на наших западных границах, в большинстве своем не боеспособны.

Законченные строительством боевые сооружения (ДОТ) не имеют должного вооружения и, главным образом, броневых амбразур, необходимых для установки артиллерийских орудий и пулеметов. Начальник Управления оборонительного строительства генерал-майор тов. Котляр доложил, что, к сожалению, наша промышленность задерживает изготовление амбразур. В новых боевых сооружениях воздухопроводы еще не установлены, следовательно, они лишены вентиляции воздуха, особенно необходимой во время боевой работы гарнизона.

Укрепленные районы не обеспечены в необходимом количестве постоянными и специально подготовленными гарнизонами. Только по одной 6-й армии Киевского Особого военного округа для гарнизонов укрепленных районов недостает трех пулеметных батальонов.

В случае крайней необходимости гарнизоны укрепленных районов могут быть усилены выделением частей и подразделений из находящихся на направлении укрепленных районов стрелковых дивизий. Но такое мероприятие нежелательно ввиду того, что оно приведет к ослаблению стрелковых дивизий, выделяющих из своего состава пулеметные батальоны для укрепленных районов. В подтверждение этого можно привести ту же 6-ю армию КОВО, в которой для того, чтобы выделить недостающие для укрепленных районов три пулеметных батальона, придется в случае нужды забрать всех пулеметчиков почти из двух стрелковых дивизий, в силу чего эти дивизии станут неполноценными.

Помимо этого выделенные для пополнения гарнизонов укрепленных районов бойцы и командиры подразделений полевых войск не будут иметь необходимой специальной подготовки.

Незаконченность строительства в укрепленных районах не только долговременных сооружений, а и полевых сооружений, усугубляет это положение.

Докладывая о вышеизложенном, ставлю Вас в известность, что о состоянии укрепленных районов мною доложено Народному комиссару обороны тов. Тимошенко.

Начальник Главного управления
политической пропаганды Красной армии *А. Запорожец*

Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2005. Кн. 4. С. 188.

№ 12

Записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной армии председателю СНК СССР И. В. Сталину с соображениями по плану стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками, не ранее 15 мая 1941 г. (извлечение)*

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
_____ мая 1941 г.
№_________

Только лично
Экземпляр единств.

Председателю Совета
народных комиссаров СССР
тов. Сталину

Докладываю на Ваше рассмотрение соображения по плану стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками.

I. В настоящее время Германия */по данным Разведывательного управления Красной армии/* имеет развернутыми около 230 пехотных, 22 танковых, 20 моторизованных, ~~10~~*/8/* воздушных и 4 кавалерийских дивизий, а всего около 28~~6~~*/4/* дивизий.

Из них на границах Советского Союза, по состоянию на 15.05.41 г., сосредоточено до ~~94~~ */86/* пехотных, 13 танковых, 12 моторизованных и 1 кавалерийской дивизий, а всего до ~~120~~ */~~112~~/* */120/* дивизий.

Предполагается, что в условиях политической обстановки сегодняшнего дня Германия, в случае нападения на СССР, сможет выставить против нас — до ~~144~~ */137/* пехотных, ~~20~~ */19/* танковых, ~~18~~ */15/* моторизованных, ~~2~~ */4/* кавалерийских и 5 воздушно-десантных дивизий, а всего до ~~189~~ */180/* дивизий. */170 див./*

Остальные ~~95~~ */104/* дивизии */вероятно/* будут находиться ~~в центре страны */в резерве/,* на западных границах, в Норвегии, в Африке, в Греции и Италии~~ */в центре страны в резерве — 22 пд, 1 кд, 1 тд, 1 воздушно-десантная дивизия, всего 25 дивизий; в Дании, Бельгии, Голландии и Франции — 40 пд, 2 кд, 1 тд, 2 возд. дес. див., всего 45 дивизий; Югославия — 7 пд, всего 7 дивизий; Греция — 7 пд, 1 кд, всего 8 дивизий; Болгария — 3 пд, всего 3 дивизии; Африка — 5 пд, 1 кд, 1 тд, всего 7 дивизий; Норвегия — 9 пд, всего 9 дивизий; всего 93 пд, 5 кд, 3 тд, 3 возд. дес. дивизий; итого 104 дивизии/.*

Вероятнее всего главные силы немецкой армии в составе 76 пехотных, ~~10~~ */11/* танковых, ~~10~~ */8/* моторизованных, */2 кавалерийских/* и 5 воздушных, а всего до 100 дивизий будут развернуты к югу от */линии Брест —/* Демблин для нанесения */главного/* удара в направлении — Ковель, Ровно, Киев.

~~Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться ударом~~ */Одновременно надо ожидать удара/* на севере из Восточной Пруссии на Вильно */Витебск/* и Ригу, а также коротки~~ми~~*/х/*, концентрически~~ми~~*/х/* удар~~ами~~*/ов/* со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск, Барановичи.

На юге — ~~возможно~~ */надо/* ожидать */ударов/* ~~одновременного с германской армией — перехода в наступление в общем направлении на Жмеринку — Румынской армии, поддержанной германскими дивизиями.~~

---

* Рукопись на бланке народного комиссара обороны Союза ССР, без подписи. Исправления в тексте — вставки, сделанные на полях, над (под) строкой взамен вычеркнутых фрагментов даны курсивом в скобках.

~~Не исключена также возможность вспомогательного удара немцев из-за р. Сан в направлении на Львов~~ */а) в направлении Жмеринки — румынской армии, поддержанной германскими дивизиями; б) в направлении Мункач, Львов и в) Санок, Львов/.*

Вероятные союзники Германии могут выставить против СССР: Финляндия до 20 пехотных дивизий, Венгрия — 15 пд, Румыния — до 25 пд.

Всего Германия с союзниками может развернуть против СССР до ~~249~~ */240/* дивизий.

Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар.

Чтобы предотвратить это ~~и разгромить немецкую армию~~, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому Командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск.

II. */Первой/* ~~Ближайшей~~ стратегической целью действий войск Красной армии поставить — разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее */линии Брест,/* Демблин, и выход к 30 дню операции на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Оппельн, Оломоуц. */Последующей стратегической целью иметь наступлением из района Катовице,* ~~*Краков*~~ *в северном или северо-западном направлении разгромить крупные силы Центра и Северного крыла германского фронта и овладеть* ~~*районом*~~ *территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии. Ближайшая задача — разгромить германскую армию восточнее р. Висла и на Краковском направлении, выйти на р.р. Нарев, Висла и овладеть районом Катовице/*

для чего:

а) главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезая Германию от ее южных союзников;

б) вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении Седлец, Демблин, с целью сковывания Варшавской группировки */и овладения Варшава, а также/* ~~и~~ содействия Юго-Западному фронту в разгроме Люблинской группировки противника;

в) вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии и Румынии и быть готовыми к нанесению удара против Румынии ~~при первой же возможности~~ */благоприятной обстановке/.*

/Таким образом, Красная армия начнет наступательные действия с фронта Чижов, Лютовиско силами 152 дивизий против 100 дивизий германских. На остальных участках госграницы предусматривается активная оборона/.

III. Исходя из указанного замысла стратегического развертывания, предусматривается следующая группировка Вооруженных Сил СССР:

1. Сухопутные силы Красной армии */в составе/* — 198 сд, 61 тд, 31 мд, 13 кд (всего 303 дивизии и 74 артполка РГК) распредел~~яются~~*/ить/* следующим образом:

а) Главные силы в составе ~~164~~ 163 сд, 40 */58/* тд, 20 */30/* мд и 7 кд (всего ~~249~~ */258/* дивизий) и 53 артполка РГК иметь на Западе, из них: в составе Северного, Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов — ~~137~~ */136/* сд, ~~40~~ */44/* тд, ~~20~~ */23/* мд, 7 кд (всего ~~204~~ */210/* дивизий) и 53 артполка РГК; в составе резерва Главного Командования за Юго-Западным и Западным фронтами — 27 сд, ~~12~~ */14/* тд, ~~6~~ */7/* мд (всего ~~45~~ */48/* дивизий); ~~В стадии формирования 6 тд и 2м~~

б) Остальные силы, в составе ~~34~~ */35/* сд, 3 тд, 1 мд, 6 кд (всего ~~44~~ */45/* дивизий) и 21 ап РГК, назначаются для обороны */дальневосточных/*, южной и северной границ СССР, из них:

— на Дальнем Востоке и в ЗабВО — 22 сд, 3 тд, 1 мд, 1 кд (всего 27 дивизий) и 14 ап РГК;

— в средней Азии — 2 горнострелковых и 3 кав. дивизии (всего 5 дивизий);

— в Закавказье — 8 стрелковых и 2 кавалерийских дивизий (всего 10 дивизий) и 2 ап РГК;

— на обороне Черноморского побережья Северного Кавказа */и Крыма/* — 2 стр. дивизии;

— на побережье Белого моря — 1 стр. дивизия.

Детальная группировка сил показана на прилагаемой карте.

2. Военно-воздушные силы Красной армии в составе имеющихся и боеспособных на сегодняшний день 97 иап, 75 ббп, 11 шап, 29 дбп и 6 тбп (всего 218 авиаполков) распределяются/ить/ следующим образом:

а) Главные силы, в составе 66 иап, 64 ббп, 5 шап, 25 дбп и 5 тбп (всего 165 авиаполков) развернуть на Западе, из них:

— в составе Северного, Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов — 63 иап, 64 ббп, 5 шап, 11 дбп и 1 тбп — всего 144 авиаполка;

— в составе резерва Главного Командования за Юго-Западным и Западным фронтами — 14 дбп и 4 тбп, всего 21 авиаполк;

б) Остальные силы в составе 31 иап, 11 ббп, 6 шап, 4 дбп и 1 тбп — всего 53 авиаполка оставить на обороне дальневосточных, южной и северной границ и пункта ПВО гор. Москвы, из них:

— на Дальнем Востоке и в ЗабВО — 14 иап, 9 ббп, 5 шап, 4 дбп и 1 тбп, всего 33 авиаполка;

— в СаВО — 1 иап и 1 шап, всего 2 авиаполка;

— в ЗакВО — 9 иап , 2 ббп, всего 11 авиаполков;

— в АрхВО — 1 истр. авиаполк.

На обороне города Москвы — 6 истребительных авиаполков.

Детальная группировка сил показана на прилагаемой карте.

Кроме указанных ВВС, на сегодняшний день имеется в стадии формирования и совершенно еще не боеспособных 52 иап, 30 ббп, 4 шап, 7 дбп и 22 дис, всего 115 авиаполков, на полную готовность которых можно рассчитывать к 1.1.42 г.

Эти авиаполки по мере их готовности намечено распределить следующим образом:

— на Запад назначить 41 иап, 30 ббп, 4 шап, 5 дбп, 14 дис, а всего 94 авиаполка, из них:

— в состав фронтов 41 иап, 33 ббп, 6 шап, 7 дис, всего 87 авиаполков;

— в составе резерва Главного Командования — 4 иап, 4 дбп, всего 7 авиаполков;

— оставить для ДВ фронта и ЗабОВО 10 и в ЗакВО — 6 авиаполков;

— на обороне г. Москвы — 5 истр. авиаполков.

Ориентировочные сроки вступления этих авиаполков в строй — согласно таблицы на картах.

IV. Состав и задачи развертываемых на Западе фронтов (карта 1:1.000.000):

Северный фронт (ЛВО) — 3 армии, в составе — 15 стрелковых, 4 танковых и 2 моторизованных дивизий, а всего 21 дивизии, 18 полков авиации и Северного военно-морского флота, а основными задачами — обороны г. Ленинграда, порта Мурманск, Кировской жел. дороги и совместно с Балтийским военно-морским флотом обеспечить за нами полное господство в водах Финского залива. С этой же целью предусматривается передача Северному фронту из Прибово — обороны северного и северо-западного побережья Эстонской ССР.

Граница фронта слева — Осташков, Остров, Выру, Вильянди, зал. Матсалу, острова Эзель и Даго исключительно.

Штаб фронта — Парголово.

Северо-Западный фронт (Прибово) — три армии, в составе 17 стрелковых дивизий (из них 6 национальных), 4 танковых, 2 моторизованных дивизий, а всего 23 дивизии и 13 полков авиации, с задачами: — упорной обороной прочно прикрыть Рижское и Виленское направления, не допустив вторжения противника из Восточной Пруссии; обороной западного побережья и островов Эзель и Даго не допустить высадки морских десантов противника.

Граница фронта слева — Полоцк, Ошмяны, Друскеники, Маргграбова, Летцен. Штаб фронта — Поневеж.

Западный фронт (Запово) — четыре армии, в составе — 31 стрелковой, 8 танковых, 4 моторизованных и 2 кавалерийских дивизий, а всего 45 дивизий и 21 полка авиации.

Задачи: — упорной обороной на фронте Друскеники, Остроленка, прочно прикрыть Лидское и Белостокское направления;

— с переходом армий Юго-Западного фронта в наступление, ударом левого крыла фронта в общем направлени~~и~~*/ях/* на */Варшаву и /*, Седлец, Радом, ~~способствовать~~ */разбить Варшавскую группировку и овладеть Варшава, во взаимодействии с/* Юго-Западн~~ому~~*/ым/* фронт~~у~~*/ом/* разбить Люблинско-Радомскую группировкку противника, ~~и обеспечить эту операцию со стороны Варшавы и Восточной Пруссии~~ */выйти на р. Висла и подвижными частями овладеть Радом/.*

Граница фронта слева — р. Припять, Пинск, Влодава, Демблин, Радом.

Штаб фронта — Барановичи.

Юго-Западный фронт — восемь армий, в составе 74 стрелковых, ~~18~~ */28/* танковых, ~~9~~ */15/* моторизованных и 5 кавалерийских дивизий, а всего ~~106~~ */122/* дивизии и 91 полка авиации, с ближайшими задачами:

а) концентрическим ударом армий правого крыла фронта окружить и уничтожить основную группировку противника восточнее р. Вислы в районе Люблин;

б) одновременно ударом с фронта Сенява, Перемышль, Лютовиска разбить силы противника на Краковском */и Сандомирско-Келецком/* направлени~~и~~*/ях/* и овладеть районом Краков, Катовице, */Кельце/*, имея в виду в дальнейшем наступать из этого района в северном, или северо-западном направлении для разгрома крупных сил северного крыла фронта противника и овладения территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии;

в) прочно оборонять госграницу с Венгрией и Румынией и быть готовым к нанесению */концентрических/* ударов против Румынии */из районов Черновицы и Кишинёв, с ближайшей целью разгромить сев. крыло румынской армии и выйти на рубеж р. Молдова, Яссы/.*

Для того, чтобы обеспечить выполнение изложенного выше замысла, необходимо заблаговременно провести следующие мероприятия, без которых невозможно нанесение внезапного удара по противнику как с воздуха, так и на земле:

1. произвести скрытое отмобилизование войск под видом учебных сборов запаса;

2. под видом выхода в лагеря произвести скрытое сосредоточение войск ближе к западной границе, в первую очередь сосредоточить все армии резерва Главного Командования;

3. скрыто сосредоточить авиацию на полевые аэродромы из отдаленных округов и теперь же начать развертывать авиационный тыл;

4. постепенно под видом учебных сборов и тыловых учений развертывать тыл и госпитальную базу.

V. Группировка резервов Главного Командования.

В резерве Главного Командования иметь 5 армий и сосредоточить их:

— две армии в составе 9 стрелковых, 4 танковых и 2 моторизованных дивизии, всего 15 дивизий, в районе Вязьма, Сычевка, Ельня, Брянск, Сухиничи;

— одну армию в составе 4 стрелковых, 2 танковых и 2 моторизованных дивизий, а всего 8 дивизий, в районе Вилейка, Новогрудок, Минск;

— одну армию в составе 6 стрелковых, 4 танковых и 2 моторизованных дивизий, а всего 12 дивизий, в районе Шепетовка, Проскуров, Бердичев и

— одну армию в составе 8 стрелковых, 2 танковых и 2 моторизованных дивизий, а всего 12 дивизий, в районах Белая Церковь, Звенигородка, Черкассы.

VI. Прикрытие сосредоточения и развертывания.

Для того, чтобы обеспечить себя от возможного, внезапного удара противника, прикрыть сосредоточение и развертывание наших войск и подготовку их к переходу в наступление, необходимо:

1. организовать прочную оборону и прикрытие госграницы, используя для этого все войска приграничных округов и почти всю авиацию, назначенную для развертывания на западе;

2. разработать детальный план противовоздушной обороны страны и привести в полную готовность средства ПВО.

По этим вопросам мною отданы распоряжения, и разработка планов обороны госграницы и ПВО полностью заканчивается к 01.6.41 г.

Состав и группировка войск прикрытия — согласно прилагаемой карты.

/Одновременно необходимо всемерно форсировать строительство и вооружение укрепленных районов, начать строительство укрепрайонов на тыловом рубеже Осташков, Почеп и предусмотреть строительство новых укрепрайонов в 1942 г. на ~~венгерской~~ границе с Венгрией, а также продолжать строительство укрепрайонов по линии старой госграницы/.

<...>

IX. Прошу:

1. Утвердить представляемый план стратегического развертывания вооруженных сил СССР и план намечаемых боевых действий на случай войны с Германией;

2. своевременно разрешить последовательное проведение скрытого отмобилизования и скрытого сосредоточения в первую очередь всех армий резерва Главного Командования и авиации;

3. потребовать от НКПС полного и своевременного выполнения строительства железных дорог по плану 41 года и особенно на Львовском направлении;

4. обязать промышленность выполнять план выпуска материальной части танков и самолетов, а также производства и подачи боеприпасов и горючего строго в назначенные сроки.

/Утвердить предложение о строительстве новых укрепрайонов/.

Приложения:

<...>

Народный комиссар обороны СССР
Маршал Советского Союза *С. Тимошенко*

Начальник Генерального штаба К. А.
генерал армии *Г. Жуков*

ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 237. Л. 1–15.

№ 13

Донесение Р. Зорге о предложении США Японии урегулировать вопрос о войне в Китае, американо-японских разногласиях и планах Японии в случае советско-германской войны

По радио

Токио
19 мая 1941 г.
Начальнику Разведуправления Генштаба Красной армии

По сведениям источников Отто и германского посла Отт, Америка обратилась через Грю к Японии с предложением установить новые дружественные отношения.

Америка предложила свое посредничество между Японией и Чунцином на базе эвакуации японских войск с признанием особой позиции Японии в Китае и предоставлением ей многих торговых преимуществ. Америка предложила также признать особые экономические нужды Японии в южной части Тихого океана. Но потребовала, чтобы Япония отказалсь от военного вторжения в южную часть Тихого океана и отказалась де-факто от пакта трех держав.

Это предложение вызвало всеобщую агитацию за японо-американские переговоры, которая началась в тот момент, когда Мацуока возвратился. Таким образом, Мацуока не имел времени удовлетворить германские требования о выступлении против Сингапура и занять решительную позицию против Америки.

В правительстве происходит серьезная борьба между активной группой и группой, занимающей выжидательную позицию. Последней руководят Хиранума и морской флот. Флот начнет выступление только после падения Суэцкого канала, и даже в этом случае тоже будет медлить.

Мацуока сообщил германскому послу Отт об этой внутренней борьбе, но был при этом оптимистичен.

Отто узнал, что в случае германо-советской войны Япония будет сохранять нейтралитет, по меньшей мере в течение первых недель. Но в случае поражения СССР Япония начнет военные действия против Владивостока.

Япония и германский ВАТ следят за перебросками советских войск с востока на запад.

РАМЗАЙ

[Резолюция НУ]: «НО-9. Дать в 5 адресов. Голиков. 23.5».
[Резолюция НО-9): «т. Воронину. К учету. Есть др[угие] данные, что переговоры идут. Подпись. 23.5.41»

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24127. Д. 2. Л. 377–378. Подлинник.

№ 14

Приказ командующего Киевским Особым военным округом командиру 37-й танковой дивизии*

Штаб КОВО 31 мая 1941 г.

Совершенно секретно
Особой важности

КОМАНДИРУ 37-й танковой дивизии

Карта 500000 и 100000

ЧАСТНЫЙ БОЕВОЙ ПРИКАЗ 0015

1. Для прикрытия мобилизации, сосредоточения и развертывания войск КОВО пограничные части получили задачу — упорной обороной укреплений по линии Государственной границы не попустить вторжения пр-ка на территорию округа.

2. 15 Мехкорпус с 1-й противотанковой бригадой (птабр) — резерв КОВО, сосредотачивается к 24.00 М-1 в р-п м. СОКОЛУВКА, ЗЛОЧУВ, БРОДЫ.

3. 37 ТД, изготовившись по боевой тревоге, выступить через 3 часа после об'явления тревоги из пунктов дислокации и сосредоточиться к 15.00 М-1 в р-н ГАЙЕ СМОЛИНСЬКЕ, КАДЛУБИСКА, ЯСИОНУВ, ПОНИКВА, штаб 37 ТД — СУХОДОЛЫ.

Для выхода в р-н сосредоточения использовать следующие маршруты:

а) управление и все части дивизии (без 37 МСП) 1 — КРЕМЕНЕЦ, м. ПОЧАЮВ — НОВЫ, БУЧИНА, ГАЙЕ ДЫТКОВЕЦКЕ, ПОНИКВА;

б) 37 МСП-3 — БЖЕЖАНЫ, ЗЛОЧУВ, м. ПОДГОРЦЕ, ЯСИОНУВ.

4. С выходом в р-н сосредоточения организовать прочную зенитную оборону и тщательно замаскировать расположение частей дивизии.

5. Штаб 15 МК с 7.00 М-1 — м. ПОДГОРЦЕ.

Донесение присылать в штаб немедленно:

а) О выступлении частей из пунктов дислокации;

б) О выходе частей дивизии в р-н сосредоточения;

в) О каждом налете авиации пр-ка на части дивизии.

6. Все расположения частям дивизии на выход в р-н сосредоточения отдаете Вы.

Командующий войсками КОВО
генерал-полковник *Кирпонос*
Член Военного совета КОВО
корпусной комиссар *Вашугин*
Начальник штаба КОВО
генерал-лейтенант *Пуркаев*

ВЕРНО: ПНО-1 капитан Камоян
Печатал полковник Баграмян

ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 157. Д. 7. Т. 1. Л. 255.

---

* Приказ представляет собой содержимое так называемого «Красного пакета», вскрытие которого предполагалось по получении соответствующего приказа в случае войны. Согласно отчету командира 37 тд, «22 июня на основании шифротелеграммы, полученной из штаба 15-го механизированного корпуса, дивизия была поднята по боевой тревоге. Выполняя частный боевой приказ Военного совета Киевского Особого военного округа № 0015 от 31.5.41 г., дивизия через 3 часа после объявления боевой тревоги выступила из Кременец и к исходу дня 22.6.41 г. сосредоточилась в исходном районе для боевых действий».

№ 15

Приказ народного комиссара обороны СССР Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба Красной армии генерала армии Г. К. Жукова Военному совету Западного Особого военного округа о проведении оргмероприятий по укрепленным районам

4 июня 1941 г.
г. Москва

Приказываю провести следующие организационные мероприятия по укрепленным районам *к 1 июля 1941 года:*

1. ГРОДНЕНСКИЙ УКРЕПЛЕННЫЙ РАЙОН

1. Сформировать:

а) 43, 45 и 70 отдельные артиллерийско-пулеметные батальоны по штату № 9/113-А 3-х ротного состава, численностью 870 человек каждый;

б) 513 и 516 отдельные артиллерийские дивизионы по штату № 9/911-А, численностью 289 человек каждый;

в) 15 отдельную саперную роту по штату № 9/936, численностью 158 человек.

2. Перевести:

а) 9 и 10 отдельные пулеметные батальоны со штата № 9/4-Б 3-х ротного состава, численностью 336 человек, на штат № 9/113-А отдельного артиллерийско-пулеметного батальона — один 3-х ротного состава, численностью 370 человек, и другой 4-х ротного состава численностью 1088 человек;

б) управление 68 укрепленного района со штата № 9/1 на штат № 9/111, численностью 85 человек.

2. ОСОВЕЦКИЙ УКРЕПЛЕННЫЙ РАЙОН

Сформировать:

а) 92 отдельный артиллерийско-пулеметный батальон по штату № 9 / 113-Б 4-х ротного состава, численностью 937 человек;

б) 95 и 104 отдельные артиллерийско-пулеметные батальоны по штату № 9 / 113-Б — 3-х ротного состава, численностью 755 человек каждый;

в) 65, 67, 70 и 72 отдельные артиллерийские батареи по штату № 9/912, численностью 115 человек каждая;

г) 17 отдельную саперную роту по штату № 9/936, численностью 158 человек.

2. Перевести:

а) 13 отдельный пулеметный батальон со штата № 9/4-Б 4-х ротного состава, численностью 427 человек, на штат № 9/113-А артиллерийско-пулеметного батальона 3-х ротного состава, численностью 870 человек;

б) управление 66 укрепленного района со штата № 9/1 на штат № 9/111, численностью 85 человек.

3. ЗАМБРОВСКИЙ УКРЕПЛЕННЫЙ РАЙОН

1. Сформировать:

а) 62 и 93 отдельные артиллерийско-пулеметные батальоны по штату № 9/113-Б 3-х ротного состава, численностью 755 человек каждый;

б) 66 и 68 отдельные артиллерийские батареи по штату № 9/912, численностью 115 человек каждая;

в) 16 отдельную саперную роту по штату № 9/936, численностью 158 человек.

2. Перевести:

а) 12 и 14 отдельные пулеметные батальоны со штата № 9/4-Б — 4-х ротного состава, численностью 427 человек, на штат № 9/113-А — артиллерийско-пулеметного батальона 3-х ротного состава, численностью 870 человек каждый;

б) управление 64 укрепленного района со штата № 9/1 на штат № 9/111, численностью 85 человек.

4. БРЕСТ-ЛИТОВСИЙ УКРЕПЛЕННЫЙ РАЙОН

1. Сформировать:

а) 132 отдельный артиллерийско-пулеметный батальон по штату № 9/113-А — 4-х ротного состава, численностью 1088 человек;

б) 18 отдельную саперную роту по штату № 9/936, численностью 158 человек.

2. Перевести:

а) 16 и 17 отдельные пулеметные батальоны со штата № 9/4-Б — 3-х ротного состава, численностью 336 человек, на штат № 9/113-А артиллерийско-пулеметного батальона — 3-х ротного состава, численностью 870 человек каждый;

б) управление 62 укрепленного района со штата № 9/1 на штат № 9/111, численностью 85 человек;

в) 18 отдельный пулеметный батальон со штата № 9/4-Б 3-х ротного состава, численностью 336 человек, на штат № 9/113-А артиллерийско-пулеметного батальона 4-х ротного состава, численностью 1088 человек.

К 1 октября 1941 года

1. ГРОДНЕНСКИЙ УКРЕПЛЕННЫЙ РАЙОН

Сформировать:

а) 84 отд. артиллерийско-пулеметный батальон по штату № 9/113-А 4-х ротного состава, численностью 1088 человек;

б) 89 и 91 отдельные артиллерийско-пулеметные батальоны по штату № 9/113-Б 2-х ротного состава, численностью 573 человека каждый;

в) 94 отд. артиллерийско-пулеметный батальон по штату № 9/113-А 5-ти ротного состава, численностью 1306 человек.

2. ОСОВЕЦКИЙ УКРЕПЛЕННЫЙ РАЙОН

1. Сформировать:

а) 109 отд. артиллерийско-пулеметный батальон по штату № 9/113-А 4-х ротного состава, численностью 1088 человек.

б) 112 отд. артиллерийско-пулеметный батальон по штату № 9/113-Б 4-х ротного состава, численностью 937 человек;

в) 119 и 121 отд. артиллерийско-пулеметные батальоны по штату № 9/113-Б, 2-х ротного состава, численностью 573 человека каждый.

3. ЗАМБРОВСКИЙ УКРЕПЛЕННЫЙ РАЙОН

Сформировать:

а) 122 и 125 отдельные артиллерийско-пулеметные батальоны по штату № 9/113-А 4-х ротного состава, численностью 1088 человек каждый;

б) 123 отдельный артиллерийско-пулеметный батальон по штату № 9/113-Б 4-х ротного состава, численностью 937 человек;

в) 124 отдельный артиллерийско-пулеметный батальон по штату № 9/113-Б 3-х ротного состава, численностью 755 человек;

г) 129 отдельный артиллерийско-пулеметный батальон по штату № 9/113-Б 2-х ротного состава, численностью 573 человека;

д) 74 отдельную артиллерийско-пулеметную роту по штату № 9/114-Б, численностью 192 человека.

4. БРЕСТ-ЛИТОВСКИЙ УКРЕПЛЕННЫЙ РАЙОН

1. Сформировать:

а) 130 отдельный артиллерийско-пулеметный батальон по штату № 9/113-А 4-х ротного состава, численностью 1088 человек;

б) 137 отдельный артиллерийско-пулеметный батальон по штату № 9/113-Б 2-х ротного состава, численностью 573 человека;

в) 75, 77 и 83 отдельные артиллерийско-пулеметные роты по штату № 9/114-А, численностью 222 человека каждая.

5. ПОЛОЦКИЙ УКРЕПЛЕННЫЙ РАЙОН

Сформировать 133 отдельный пулеметный батальон по штату № 9/4-Б, 2-х ротного состава, численностью 245 человек.

Перевести:

а) управление 61 укрепленного района со штата № 9/10 на штат № 9/2, численностью 49 человек;

б) 25 отдельный пулеметный батальон со штата № 9/808 3-х ротного состава на штат № 9/412 3-х ротного состава, численностью 388 человек.

6. МИНСКИЙ УКРЕПЛЕННЫЙ РАЙОН

1. Сформировать 136 и 134 отдельные пулеметные батальоны по штату № 9/412 4-х ротного состава, численностью 462 человека каждый.

2. Перевести:

а) управление 63 укрепленного района со штата № 9/10 на штат № 9/2, численностью 49 человек;

б) 101 и 102 отдельные пулеметные батальоны со штата № 9/808 3-х ротного состава на штат № 9/412 3-х ротного состава, численностью 338 человек каждый.

7. МОЗЫРЬСКИЙ УКРЕПЛЕННЫЙ РАЙОН

1. Сформировать:

а) 138 отдельный пулеметный батальон по штату № 9/412 4-х ротного состава, численностью 462 человека;

б) отдельный минный взвод по штату № 9/119 в составе двух отделений, общей численностью 14 человек.

2. Перевести:

а) 65 управление укрепленного района со штата № 9/10 на штат № 9/2, численностью 49 человек;

б) 33 отдельный пулеметный батальон со штата № 9/808 2-х ротного состава на штат № 9/412 2-х ротного состава, численностью 314 человек.

8. СЛУЦКИЙ УКРЕПЛЕННЫЙ РАЙОН

1. Сформировать 163 отдельный пулеметный батальон по штату № 9/4-Б 3-х ротного состава, численностью 336 человек.

2. Развернуть кадр управления Слуцкого укрепленного района в 67 управление укрепленного района по штату № 9/2, численностью 49 человек.

К формированию новых частей приступить немедленно и окончить в указанные выше сроки.

Укомплектование формируемых частей начальствующим составом произвести за счет начальствующего состава округа. Приказы о назначении начсостава выслать в Управление кадров Красной армии.

Рядовым составом вновь формируемые части укомплектовать на 40 % красноармейцами осеннего призыва 1940 года за счет частей округа и на 60 % новобранцами. Последние зана-

ряжаются Вам с учетом общего увеличения штатной численности округа на 1.7-1941 года, в количестве 12.500 человек.

Расчет на поступающее пополнение получите дополнительно.

Пополнение новобранцами для формирований со сроком готовности к 1.10-1941 года получите по очередному призыву.

Потребность в новобранцах для этих формирований, а также и для частей, из которых будут взяты на новые формирования старослужащие красноармейцы, включить в общие заявки на пополнение по очередному призыву.

Младшим начсоставом формируемые части укомплектовать за счет частей округа.

Курсантским составом войсковые школы новых формирований укомплектовать из прибывающих новобранцев.

Всем формируемым частям присвоить условные номера согласно прилагаемого перечня.

Уточненную дислокацию частей представить на утверждение в Генеральный штаб Красной армии к 25 июня с. г.

Индивидуальным вооружением и пулеметами ДП обеспечить полностью, используя вооружение переформировываемых частей и ресурсы округа. Пистолеты-пулеметы заменить обыкновенными пистолетами.

120 мм минометами обеспечить из расчета 25 % потребности за счет ресурсов округа.

Прожектора ПП-45 обеспечить за счет наличия округа. Прожектора АР-90 временно заменить прожекторами ПП-45.

152 мм гаубицами 09/30 года обеспечить за счет частей округа, используя июньское поступление 152 мм гаубиц 38 года.

107 мм пушки 10/30 года будут высланы полностью распоряжением ГАУ КА за счет других округов.

Пополнение взятого из частей округа вооружения будет произведено в 3-м квартале одновременно с высылкой недостающего округу вооружения для обеспечения формирования частей 2-й очереди. Размеры этого отпуска будут сообщены дополнительно, причем некомплект по 120 мм минометам остается до конца 1941 года.

Обеспечение автотранспортом, имуществом связи, инженерным и химическим вооружением произведите за счет ресурсов округа и поступления из центра по плану 1941 года, за исключением дорожных машин, парков МДПА-3, электростанций АЭС-1 и АЭС-3 и радиостанций РСБ, которые остаются в некомплекте.

Вновь формируемые и переводимые на новые штаты части УР положенными предметами вещевого, обозно-хозяйственного, медико-санитарного и ветеринарного имущества текущего довольствия и неприкосновенного запаса обеспечить за счет наличных ресурсов округа и перераспределения имущества, поступающего по плану снабжения 1941 года.

О ходе выполнения мероприятий доносить ежемесячно к 30 числам. Последнее донесение 15 октября 1941 года.

Приложение: согласно описи на 257 листах*.

Народный комиссар обороны СССР
Маршал Советского Союза *С. Тимошенко*

Начальник Генерального штаба Красной армии
генерал армии *Г. Жуков*

ЦАМО РФ. Ф. 117. Оп. 12915. Д. 34. Л. 62–70.

---

* Не публикуется.

№ 16

Из директивы верховного командования вермахта № 32 о подготовке к периоду после осуществления плана «Барбаросса», 11 июня 1941 г.

Директива № 32

Подготовка к периоду после осуществления плана «Барбаросса»

А) *После разгрома вооруженных сил Советской России* Германия и Италия будут господствовать в военном отношении на всем европейском континенте, исключая временно Пиренейский полуостров. Какой-либо серьезной угрозы с суши для европейской территории уже не будет существовать. Для ее защиты и проведения будущих наступательных операций понадобится значительно меньше сухопутных войск, чем нам требовалось до настоящего времени.

Основные усилия в военном производстве могут быть сосредоточены на обеспечении военно-морских и военно-воздушных сил.

Б) Исходя из обстановки, которая должна сложиться в результате победоносного завершения похода на Восток, перед вооруженными силами могут быть поставлены на конец осени 1941 г. и зиму 1941/42 г. следующие стратегические задачи.

1. Освоение, охрана и экономическое использование при полном содействии вооруженных сил *завоеванного пространства на Востоке.*

Какие силы потребуются для несения охраны на русской территории, точно определить можно лишь позднее. По всей вероятности, для выполнения дальнейших задач на Востоке будет достаточно 60 дивизий и одной воздушной армии наряду с войсками союзных и дружественных стран.

2. Продолжение борьбы против *английских позиций на Средиземном море и на Ближнем Востоке путем* концентрического наступления, которое планируется провести из Ливии через Египет, из Болгарии через Турцию, а также в зависимости от обстановки из Закавказья через Иран.

а) В *Северной Африке* задача состоит в том, чтобы захватить Тобрук и тем самым обеспечить возможность продолжения наступления германо-итальянских войск на Суэцкий канал. Это наступление надлежит подготовить примерно к ноябрю...

б) Ввиду ожидаемых попыток англичан усилить свои позиции на Ближнем и Среднем Востоке для защиты Суэцкого канала необходимо наметить проведение германскими вооруженными силами операции *из Болгарии через Турцию*, чтобы нанести удар по позициям англичан в районе Суэцкого канала также с Востока.

Для этой цели следует предусмотреть, чтобы в Болгарии как можно раньше (!) были сосредоточены войска, достаточные для того, чтобы сделать Турцию послушной в политическом отношении или сломить ее сопротивление силой оружия.

в) После того как крах Советского Союза создаст соответствующие условия, необходимо будет далее бросить моторизованный экспедиционный корпус *из Закавказья в Ирак* в дополнение к операциям, предусмотренным в пункте «б».

г) Использование арабского национально-освободительного движения. Положение англичан на Среднем Востоке при проведении крупных немецких операций станет тем затруднительнее, чем больше они будут *в нужное время* скованы очагами волнений и восстаниями. Все служащие этой цели военные, политические и пропагандистские мероприятия потребуют теснейшего согласования...

3. *Блокирование западного входа в Средиземное море путем захвата Гибралтара.*

Подготовка операции «Феликс», которая была уже в свое время запланирована, должна быть возобновлена в полном масштабе, когда боевые действия на Востоке будут близки к завершению. При этом можно рассчитывать, что неоккупированная французская террито-

рия будет находиться в нашем распоряжении если не для переброски немецких войск, то, во всяком случае, для тыловых перевозок. Возможно также содействие со стороны французских военно-морских и военно-воздушных сил...

Оборона атлантического побережья Северной и Западной Африки, захват английских владений в Западной Африке и территории, контролируемой де Голлем, предоставляется французам, которые в ходе развития боевых действий будут получать необходимые подкрепления...

4. Наряду с этими возможными операциями против британских позиций на Средиземном море, после завершения похода на Восток, в полном масштабе должна быть возобновлена военно-морскими и военно-воздушными силами «осада Англии».

Всем планам в области военного производства, служащим этой цели, должен быть предоставлен приоритет в рамках общей программы вооружения. В то же время необходимо максимально усилить противовоздушную оборону Германии. Подготовка высадки в Англию должна служить двоякой цели: сковать силы англичан в метрополии, а также вызвать и завершить наметившийся развал Великобритании.

В) Время начала запланированных операций в районе Средиземного моря и на Ближнем Востоке определить пока нельзя. Наибольший оперативный эффект обеспечило бы по возможности одновременное начало наступления на Гибралтар, Египет и Палестину...

Г) Прошу господ главнокомандующих в соответствии с этими предварительными замыслами составить планы, провести соответствующую организационную подготовку и своевременно доложить мне о результатах, чтобы я мог разработать окончательные директивы уже во время похода на Восток.

Дашичев В. Банкротство стратегии... Т. 2. С. 47–49.

№ 17

Донесение штаба Западного ОВО начальнику Генерального штаба Красной армии

Копия

№ 009827 — *Совершенно секретно*

14.6.41 — *Особой важности*

Начальнику Генерального штаба Красной армии

Доношу о ходе выполнения оргмероприятий по Западному Особому Военному Округу по состоянию на 13 июня 1941 года.

1. ФОРМИРОВАНИЕ МЕХКОРПУСОВ

Укомплектованность мехкорпусов личным составом и обеспеченность материальной частью и автотранспортом показана в прилагаемой ведомости.

Уменьшение материальной части по мотодивизиям по сравнению с предыдущим донесением произошло в связи с передачей орудий и пулеметов во вновь формируемые части округов.

Указания 20, 17 и 13 мехкорпусам о вооружении танковых полков пушками и пулеметами в соответствии с Вашей директивой № 140481сс даны 28 мая, но полки еще не вооружены ввиду неполучения материальной части.

<...>

Боевая и политическая подготовка в частях мехкорпусов проходит в плановом порядке.

Недостаток начальствующего, младшего начальствующего состава, материальной части, машин и специмущества отражается на качестве боевой подготовки и задерживает окончательное формирование мехкорпусов.

В танковых дивизиях развернута переподготовка командного состава, прибывшего из стрелковых и кавалерийских частей.

В 22 танковой дивизии 14 мехкорпуса произведен выпуск младших командиров в числе 256 человек.

II. ФОРМИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ 13-й АРМИИ И 570-го ОТД. БАТАЛЬОНА

На укомплектование и обеспечение Управления 13-й армии прибыло:

начсостава 67 человек — 38 % потребности;
мл. начсостава 1 человек — 6 %;
автомашин легков. 5 — 20 %;
автомашин грузов. 4 — 100 %;
автомашин специальн. 2 — 100 %.

На укомплектование и обеспечение 570 отд. батальона связи прибыло:

начсостава 35 человек — 39 % потребности;
мл. начсостава 41 человек — 35 %;
рядового сост. 316 человек — 112 %.
ИТОГО: 392 человека — 80 %.

автомашин легковых 1 — 50 %;
грузовых 2 шт. — 11,7 %;
специальных 7 шт. — 41 %;
раций 2 шт. — 28,5 %;
винтовок 437 шт. — 118 %.

III. ФОРМИРОВАНИЕ ПРОТИВОТАНКОВЫХ АРТБРИГАД

Укомплектованность бригад личным составом и материальная обеспеченность показана в ведомости.

Укомплектованность личным составом следующая:

Наименование бригады	Начсостава	Мл. начсостава	Рядов. состава	Всего
6 противотанковая бригада	54,4 %	45,6 %	46,8 %	47,1 %
7 противотанковая бригада	57 %	37,3 %	55,6 %	52,1 %
8 противотанковая бригада	48,3 %	44 %	52,5 %	50,3 %

Низкий процент укомплектованности рядовым составом объясняется медленным поступлением призывного контингента.

Полковые школы укомплектованы курсантским составом на 30–35 %.

С 1 июня в бригадах развернута боевая и политическая подготовка.

IV. ФОРМИРОВАНИЕ ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНОГО КОРПУСА

Управление воздушно-десантного корпуса с корпусными частями и воздушно-десантные бригады в основном сформированы.

7 ВДБ материальной частью (пушками) обеспечена за счет имевшегося излишка в 8-й бригаде.

Дополнительного поступления матчасти не было.

V. ПРОЧИЕ ОРГМЕРОПРИЯТИЯ

1. По реорганизации укрепленных районов даны директивные указания штабам армий по частям первой очереди.

Производится подбор начальствующего состава.

Приступлено к реорганизации батальонов, переводимых на новые штаты.

5-й артполк РГК личным составом укомплектован:

начсостава 119 человек — 64,9 %,
мл. начсостава 74 человека — 25,8 %,
рядового состава 605 человек — 74 %.
Всего 798 человек — 61,8 %.

Материальная часть полком до сих пор не получена. 14 июня получено извещение об отгрузке полку 24 орудий.

Корпусной артполигон с дислокацией в Червонный Бор сформирован. На укомплектование его обращен личный состав Друтьского корпусного артполигона.

О ходе выполнения оргмероприятий по частям ВВС округа представляется особый доклад штабом ВВС ЗАПОВО.

П р и л о ж е н и е: Ведомость боевого и численного состава частей округа на 2 листах*.

Начальник штаба ЗапОВО
генерал-майор *Климовских*
Начальник оргмоботдела штаба ЗапОВО
подполковник *Михлин*

В е р н о : Начальник 1-го отделения оргмоботдела майор Беспалов

ЦАМО РФ. Ф. 127. Оп. 12915. Д. 75. Л. 74–78.

№18

Телеграмма начальника Генерального штаба Г. К. Жукова командующему войсками Западного Особого военного округа Д. Г. Павлову, 19 июня 1941 г.

ШИФРОВКА № 7690, 7691
Подана 19.06 4.00
Принята 19.06 4.10
Комвойсками ЗапОВО лично

Нарком обороны приказал:

1. Выделить управление фронта и к 23 июня с/г перевести его на КП ОБУЗ-ЛЕСНА, тщательно организовав управление войсками. Минске оставить подчиненное Вам управление округа во главе с Курдюмовым.

Выделение и переброску управления фронта сохранить полной тайне, о чем предупредить личный состав штаба округа.

2. Управление 13 армии к 25 июня с/г перевести НОВОГРУДОК. Исполнение телеграфьте.

Жуков

ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 9. Л. 170.

---

* Не публикуется.

№ 19

Директива №1 Военным советам западных приграничных округов о возможном нападении немцев, 22 июня 1941 г.

Военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО
Копия: Народному комиссару Военно-Морского Флота

1. В течение 22 — 23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО, нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) В течение ночи на 22.6.1941 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе.

б) Перед рассветом 22.6.1941 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать.

в) Все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточено и замаскировано.

г) Противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов.

д) Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко
Жуков

21.6.41

Горьков Ю. А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. М., 2002. С. 490–491.

№ 20

Боевое распоряжение командующего войсками Западного Особого военного округа генерала армии Д. Г. Павлова командующим 3, 4 и 10-й армиями на отражение нападения немецких войск

22 июня 1941 г.
г. Минск 5-25

Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых военных действий* приказываю поднять войска и действовать по-боевому.

Помета: Отправлен 22 июня 1941 г. 5 часов 25 минут.

ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2454. Д. 26. Л. 76.
На земле Беларуси: канун и начало войны... С. 393.

---

* Слова «военных действий» дописаны карандашом вместо зачеркнутых — «нарушений госграницы».

№ 21

Оперативная сводка Генерального штаба Красной армии № 01

На 10 ч. 00 мин. 22 июня 1941 г.

В 04.00 22 июня 1941 г. немцы без всякого повода совершили налет на наши аэродромы и города и перешли границу наземными войсками.

1. Северный фронт. Противник звеном самолетов-бомбардировщиков нарушил границу и вышел в район Ленинграда и Кронштадта. В воздушном бою нашими истребителями сбито 2 самолета.

До 17 самолетов противника пытались пройти в район Выборга, но, не дойдя, повернули обратно. В районе Куолаярви взят в плен немецкий солдат моторизованного полка 9 пд. На остальных участках фронта спокойно.

2. Северо-Западный фронт. Противник в 04.00 открыл артогонь и одновременно начал бомбить аэродромы и города Виндава, Либава, Ковно, Вильно и Шауляй. В результате налета возникли пожары в Виндаве, Ковно и Вильно.

Потери: уничтожено на аэродроме Виндава 3 наших самолета, ранено 3 красноармейца и зажжен склад горючего; в 04.30 над районами Каунаса и Либавы шел воздушный бой, результаты выясняются.

С 05.00 противник ведет систематические налеты группами по 8–20 самолетов на Поневеж, Шавли, Ковно, Рига, Виндава, результаты выясняются.

Наземные войска противника перешли в наступление и наносят удары в двух направлениях: основной — из района Пиллкаллен, Сувалки, Гольдап силами трех-четырех пд и 200 танков в направлении Олита и обеспечивающий главную группировку удар — из района Тильзит на Таураге, Юрбаркас силами до трех-четырех пд с невыясненной группой танков.

В результате пограничных боев атака противника на Таураге отбита, но противнику удалось захватить Юрбаркас. Положение на направлении главной группировки противника уточняется. Противник, видимо, стремится действиями на Олита, Вильно выйти на тылы Западного фронта, обеспечивая свои действия ударом на Таураге, Шауляй.

3. Западный фронт. В 04.20 до 60 самолетов противника бомбардировали Гродно и Брест. Одновременно во всей полосе Западного фронта противник открыл артиллерийский огонь.

В 05.00 противник бомбардировал Лида, нарушив проводную связь армии.

С 05.00 противник продолжал непрерывные налеты, нанося удары группами бомбардировщиков До-17 в сопровождении истребителей Ме-109 по городам Кобрин, Гродно, Белосток, Брест, Пружаны. Основными объектами атаки являются военные городки.

В воздушных боях в районе Пружаны сбиты 1 бомбардировщик и 2 истребителя противника. Наши потери — 9 самолетов.

Сопоцкин и Новоселки горят. Наземными силами противник развивает удар из района Сувалки в направлении Голынка, Домброва и из района Соколув вдоль железной дороги на Волковыск. Наступающие силы противника уточняются. В результате боев противнику удалось овладеть Голынка и выйти в район Домброва, отбросив части 56 сд в южном направлении.

В направлении Соколув, Волковыск идут напряженные бои в районе Черемха. Своими действиями на этих двух направлениях противник, очевидно, стремится охватить северо-западную группировку фронта.

Командующий 3-й армией вводом танковой дивизии стремится ликвидировать прорыв противника на Голынка.

4. Юго-Западный фронт. В 04.20 противник начал обстрел пулеметным огнем нашей границы. С 04.30 самолеты противника ведут бомбардировку городов Любомль, Ковель, Луцк, Владимир-Волынский, Новоград-Волынский, Черновицы, Хотин и аэродромов у Черновицы, Галич, Бучач, Зубов, Адам, Куровице, Чунев, Скнилов. В результате бомбежки в Скнилов был зажжен технический склад, но пожар ликвидирован; выведено из строя на

аэродроме Куровице 14 самолетов и на аэродроме Адам 16 самолетов. Нашими истребителями сбито 2 самолета противника.

В 04.35 после артогня по районам Владимир-Волынский и Любомль наземные войска противника перешли границу, развивая удар в направлении Владимир-Волынский, Любомль и Крыстынополь.

В 05.20 в районе Черновицы у Карпешти противник также начал наступление.

В 06.00 в районе Радзехув выброшен парашютный десант противника неустановленной численности.

В результате действия наземных войск противник занял, по непроверенным данным, Пархач и Высоцко в районе Радымно. До полка конницы противника с танками, действующими в направлении Рава-Русская, проникло к УР. В районе Черновицы противник потеснил наши пограничные заставы.

На румынском участке в воздушных боях над Кишинёв и Бельцы сбито 2 самолета противника. Отдельным самолетам противника удалось прорваться на Гросулово и бомбить аэродромы Бельцы, Болград и Болгарийка. В результате бомбежки уничтожено 5 самолетов на аэродроме Гросулово.

Наземные войска противника на фронте Липканы, Рени пытались форсировать р. Прут, но были отбиты. По непроверенным данным, противник в районе Картала высадил десант через р. Дунай.

Командующие фронтами ввели в действие план прикрытия и активными действиями подвижных войск стремятся уничтожить перешедшие границу части противника.

Противник, упредив наши войска в развертывании, вынудил части Красной армии принять бой в процессе занятия исходного положения по плану прикрытия. Используя это преимущество, противнику удалось на отдельных направлениях достичь частного успеха.

Начальник Генерального штаба Красной армии
генерал армии *Жуков*

Великая Отечественная война — день за днем:
по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба.
Т. 1. «Вторжение». М.: Военное издательство, 2008. С. 17–18.

№ 22

Выступление по радио заместителя председателя Совета народных комиссаров СССР, наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова в связи с нападением Германии на Советский Союз, 22 июня 1941 г.

Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территорий.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и советское правительство со

всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Уже после свершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне, как Народному Комиссару Иностранных Дел, заявление от имени своего правительства о том, что германское правительство решило выступить с войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной армии у восточной германской границы.

В ответ на это мною от имени советского правительства было заявлено, что до последней минуты германское правительство не предъявляло никаких претензий к советскому правительству, что Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и что тем самым фашистская Германия является нападающей стороной.

По поручению Правительства Советского Союза я должен также заявить, что ни в одном пункте наши войска и наша авиация не допустили нарушения границы, и поэтому сделанное сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией. Такой же ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта.

Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, советским правительством дан нашим войскам приказ — отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей Родины.

Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы.

Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность, что наши доблестные Армия и Флот и смелые соколы советской авиации с честью выполнят долг перед Родиной, перед советским народом и нанесут сокрушительный удар агрессору.

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная армия и весь народ вновь поведут победоносную Отечественную войну за Родину, за честь, за свободу.

Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны — все рабочие, крестьяне и интеллигенция — мужчины и женщины, отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойных настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной армии, Флота и Авиации, чтобы обеспечить победу над врагом.

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего советского правительства, вокруг нашего великого вождя тов. Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны.
Документы и материалы (22 июня 1941 г. — 31 декабря 1943 г.). М., 1946. Т. 1. С. 127–129.

№ 23

Директива № 3 Военным советам Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов

Сов. секретно
Экз. № 1
№ 3, Москва, 22.6.41 г. *Карта 1 000 000*

1. Противник, нанося главные удары из Сувалковского выступа на Олита и из района Замостье на фронт Владимир-Волынский, Радзехов, вспомогательные удары в направлениях Тильзит, Шяуляй и Седлец, Волковыск в течение 22.6, понеся большие потери, достиг небольших успехов на указанных направлениях.

На остальных участках госграницы с Германией и на всей госгранице с Румынией атаки противника отбиты с большими для него потерями.

2. Ближайшей задачей войск на 23–24.6 ставлю:

а) Концентрическими сосредоточенными ударами войск Сев.-Зап. и Западного фронтов окружить и уничтожить Сувалкскую группировку противника и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки;

б) Мощными концентрическими ударами механизированных корпусов, всей авиации Юго-Западного фронта и других войск 5 и 6 А окружить и уничтожить группировку противника, наступающего в направлении Владимир-Волынск, Броды. К исходу 24.6 овладеть районом Люблин.

3. П Р И К А З Ы В А Ю:

а) Армиям Северного фронта продолжать прочное прикрытие госграницы.

Граница прежняя.

На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать.

Тимошенко
Маленков
Жуков

Сборник документов Верховного главнокомандования за период Великой Отечественной войны / Под ред. Н. Грылева. Вып. 1 (июнь — декабрь 1943 года). М.: Воениздат, 1968. С. 7–8.

№ 24

Выступление И. Сталина по радио 3 июля 1941 г. (извлечение)

Товарищи! Граждане!
Братья и сестры!
Бойцы нашей армии и флота!

К вам обращаюсь я, друзья мои!

Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня, — продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной армии, несмотря на то что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы.

Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь. Над нашей Родиной нависла серьезная опасность.

Как могло случиться, что наша славная Красная армия сдала фашистским войскам ряд городов и районов? Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми войсками, как об этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты?

Конечно, нет! История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и, наконец, была разбита англо-французскими войсками. То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала еще серьезного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьезное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия также может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма.

Что касается того, что часть нашей территории оказалась все же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для советских войск. Дело в том, что войска Германии, как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам. Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно вероломно нарушила пакт о ненападении, заключенный в 1939 году между ней и СССР, не считаясь с тем, что она будет признана всем миром стороной нападающей. Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства.

Могут спросить: как могло случиться, что советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны советского правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли советское правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном непременном условии — если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом.

Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

Что выиграла и что проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной армии в войне с фашистской Германией. <...>

Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной, и какие меры нужно принять для того, чтобы разгромить врага?

Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди, поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение... Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады к врагу.

Необходимо далее, чтобы в наших рядах не было место нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу Отечественную освободительную войну против фашистских поработителей. Великий Ленин, создавший наше государство, говорил, что основными качествами советских людей должны быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины. Необходимо, чтобы эти великолепные качества большевика стали достоянием миллионов и миллионов Красной армии, нашего Красного флота и всех народов Советского Союза. <...>

Красная армия, Красный флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу...

При вынужденном отходе частей Красной армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться.

В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, порабощенного гитлеровскими заправилами. Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу, против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера. В этой связи историческое выступление премьера Великобритании г. Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, являются вполне понятными и показательными.

Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа.

Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной армии. В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою Родину в нашей Отечественной войне с германским фашизмом.

В целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР, для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину, создан Государственный Комитет Обороны, в руках которого теперь сосредоточена вся полнота власти в государстве. Государственный Комитет Обороны приступил к своей работе и призывает весь народ сплотиться вокруг партии Ленина — Сталина, вокруг советского правительства для самоотверженной поддержки Красной армии и Красного флота, для разгрома врага, для победы.

Все наши силы — на поддержку нашей героической Красной армии, нашего славного Красного флота!

Все силы народа — на разгром врага!

Вперед, за нашу победу!

Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 9–17.

№ 25

Директива Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей

29 июня 1941 года
№ П509

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз продолжается. Целью этого нападения является уничтожение советского строя, захват советских земель, порабощение народов Советского Союза, ограбление нашей страны, захват нашего хлеба, нефти, восстановление власти помещиков и капиталистов. Враг уже вторгся на Советскую землю, захватил большую часть Литвы с городами Каунас и Вильнюс, захватил часть Латвии, Брестскую, Белостокскую, Виленскую области Советской Белоруссии и несколько районов Западной Украины. Опасность нависла над некоторыми другими областями. Германская авиация расширяет территорию бомбежки, подвергая бомбардировкам города Ригу, Минск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь, Мурманск.

В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим опасным и коварным врагом — немецким фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками, авиацией. Красная армия, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьется за каждую пядь Советской земли.

Несмотря на создавшуюся серьезную угрозу для нашей страны, некоторые партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации и их руководители все еще не понимают смысла этой угрозы, еще не осознали значения этой угрозы, живут благодушно-мирными настроениями и не понимают, что война резко изменила положение, что наша Родина оказалась в величайшей опасности и что мы должны быстро и решительно перестроить всю свою работу на военный лад.

Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) обязывают все партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации покончить с благодушием и беспечностью и мобилизовать все наши организации и все силы народа для разгрома врага, для беспощадной расправы с ордами напавшего германского фашизма.

Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП(б) требуют от вас:

1) В беспощадной борьбе с врагом отстаивать каждую пядь Советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

2) Организовать всестороннюю помощь Действующей армии, обеспечить организованное проведение мобилизации запасных, обеспечить снабжение армии всем необходимым, быстрое, продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым предоставлением под госпитали больниц, школ, клубов, учреждений.

3) Укрепить тыл Красной армии, подчинив интересам фронта всю свою деятельность, обеспечить усиленную работу всех предприятий, разъяснить трудящимся их обязанности и создавшееся положение, организовать охрану заводов, электростанций, мостов, телефонной и телеграфной связи, организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие истребительным батальонам. Все коммунисты должны знать, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов, учитывать все это в своей работе и не поддаваться на провокации.

4) При вынужденном отходе частей Красной армии угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться.

5) В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т. д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Для руководства всей этой деятельностью заблаговременно, под ответственность первых секретарей обкомов и райкомов создавать из лучших людей надежные подпольные ячейки и явочные квартиры в каждом городе, районном центре, рабочем поселке, железнодорожной станции, в совхозах и колхозах.

6) Немедленно предавать суду Военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, — невзирая на лица.

* * *

Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) заявляют, что в навязанной нам войне с фашистской Германией решается вопрос о жизни и смерти Советского государства, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение.

Теперь все зависит от нашего умения быстро организоваться и действовать, не теряя ни минуты времени, не упуская ни одной возможности в борьбе с врагом.

Задача большевиков — сплотить весь народ вокруг партии Ленина — Сталина, вокруг советского правительства для самоотверженной поддержки Красной армии, для победы.

Председатель Совнаркома СССР
и секретарь ЦК ВКП(б) *И. Сталин*
Заместитель председателя
Совнаркома СССР *В. Молотов*

Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 218–220.

№ 26

Постановление Президиума Верховного Совета СССР, Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) об образовании Государственного Комитета Обороны, 30 июня 1941 г.

Москва. Кремль. 30 июня 1941 года

Ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину, Президиум Верховного Совета СССР, Центральный Комитет ВКП(б) и Совет народных комиссаров СССР признали необходимым:

1. Создать Государственный Комитет Обороны в составе:

т. Сталин И. В. (председатель)

т. Молотов В. М. (заместитель председателя)

т. Ворошилов К. Е.

т. Маленков Г. М.

т. Берия Л. П.

2. Сосредоточить всю полноту власти в государстве в руках Государственного Комитета Обороны.

3. Обязать всех граждан и все партийные, советские, комсомольские и военные органы беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Обороны.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР *М. И. Калинин*

Председатель Совнаркома Союза ССР
и секретарь ЦК ВКП(б) *И. В. Сталин*

Правда. 1941. 1 июля

№ 27

Директива № 2 ЦК КП(б) Белоруссии партийным, советским и комсомольским организациям по развертыванию партизанской войны в тылу врага

1 июля 1941 г.

1. Фашистская Германия напала на Советский Союз для того, чтобы уничтожить советский строй, захватить советские земли, поработить народы Советского Союза, ограбить нашу страну, захватить хлеб, нефть, восстановить власть помещиков и капиталистов.

Наши войска героически сражаются с врагом. Страна сейчас вступила в смертельную схватку со своим коварным врагом — немецким фашизмом.

Враг, вероломно напав, захватил часть нашей родной Советской Белоруссии. Правительство Советского Союза и товарищ Сталин объявили Отечественную войну. Необходимо действовать, не теряя ни минуты, и враг должен быть уничтожен.

2. Все местности Белоруссии, занятые врагом, должны немедленно покрыться густой сетью партизанских отрядов, ведущих непрерывную ожесточенную борьбу на уничтожение врага.

3. В районах и селах создаются подпольные партийные и комсомольские ячейки, главная задача которых — мобилизация народа на беспощадную расправу с врагом. Для этой цели все коммунисты и комсомольцы, способные носить оружие, остаются на территории, занятой врагом.

4. Подпольные организации и партизанские отряды должны иметь явочные квартиры, адрес которых сообщить военному отделу ЦК. Эти явки помогут держать связь, объединять и направлять директивы и помощь.

5. Твердо помнить, что партизанская борьба не имеет ничего общего с выжидательной, пассивной тактикой. Она имеет боевой наступательный характер. Не надо ждать врага — надо его искать и уничтожать.

Задачи партизан.

Уничтожать всякую связь в тылу врага, взрывать и портить мосты, дороги, поджигать склады горючего и продовольствия, автомашины, самолеты, устраивать крушения поездов.

Уничтожать врагов, не давать им покоя ни днем ни ночью.

Убивать их всюду, где застигнешь, убивать, чем попало, — топором, косой, ломом, вилами, ножом.

Объединить несколько партизанских отрядов, нападать неожиданно на отряды противника и уничтожать. Особенно важно нападать ночью на аэродромы, жечь самолеты, перебить летчиков. Широко привлекать детей и женщин в качестве разведчиков и связных.

7. Нельзя ждать ни минуты, начинать действовать сейчас же быстро и решительно*.

8. Для уничтожения врага не стесняйтесь прибегать к любым средствам: душите, рубите, жгите, травите фашистскую гадину.

Пусть почувствует враг, как горит под ним наша земля.

Действуйте смело, решительно, победа за нами. Нет такой силы, которая могла бы покорить советский народ.

Секретарь ЦК КП(б) Белоруссии *Пономаренко*

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне.
Т. 2. Кн. 1. «Начало». М.: Русь, 2000. С. 138–139.

№ 28

Переговоры по прямому проводу И. В. Сталина с командующим войсками Западного фронта С. К. Тимошенко

2 июля 1941 года

У аппарата НАРКОМ обороны в присутствии Ставки.

Нас интересует, заминировали ли Вы автостраду Орша — Минск? Разыскали ли 53-ю дивизию и где она теперь находится? Подходят ли на рубеж Ваши части? Какие дивизии остаются? Как идут работы на рубеже? И последнее, знаете ли Вы, что из частей Павлова отошло на рубеж, занимаемый Вашими частями, в каком они состоянии? Об этом нужно постоянно доносить.

ТИМОШЕНКО. Материалы по устройству заграждений подвозятся. Часть взрывчатых веществ перебросили вчера на соответствующие участки для минирования. Автострада не минируется, по ней идет движение войск и тылов Западного фронта.

---

* Пункт 6 в тексте документа не обозначен.

Второе. 53-я дивизия занимает участок на Днепре: Шклов (включительно) — Могилев (исключительно). В районе Могилева начала сосредоточиваться 172 сд; вчера к вечеру выгрузилось шесть эшелонов. На участок: (исключительно) Орша — Шклов вышли вчера передовые части 18-й дивизии. Первая мотодивизия передовые части имеет на рубеже Толочин. Только что выгрузился в Смоленске головной эшелон 78-й дивизии и управление 69-го корпуса. Решил выгрузку дивизии продвинуть на участок Орша, Красное, Гусино. Сегодня ночью прошли в Смоленск в распоряжение Ремезова три бронепоезда. Особый ленинградский батальон прибыл в район сосредоточения Виноградова.

Ощущается острая нужда в дизельном топливе. Кроме того, необходимо занарядить бронебойных снарядов для артиллерии группы: 45-миллиметровых — 12 тысяч, 76-миллиметровых — 7 тысяч.

Вчера лично был у Ремезова*. Установил, что Ремезов не имел еще общего решения по организации переднего края. Приказал выехать немедленно на рекогносцировку всего рубежа с артиллеристами и инженерами. Сейчас собираюсь лично еще раз выехать к нему непосредственно на рубеж.

Ощущается крайняя нужда в разведывательной и истребительной авиации. Лишен возможности вести воздушную разведку и прикрывать сосредоточение войск и крупных объектов. Прошу ускорить командирование начальника авиации группы.

До вчерашнего вечера никаких частей Павлова на наш рубеж не отходило.

Дополнительно хочу доложить о состоянии связи: в ночь на 29 противник несколько часов бомбил Смоленск, нанес повреждения узлу связи, штаб группы изолирован от армий и Москвы. Город продолжает гореть, руководство борьбой с пожарами почти отсутствует. Тот сборный батальон связи, который я имею, с большим напряжением пытается построить обходные линии вокруг Смоленска.

Необходима в отношении связи Ваша помощь. Первое: организовать формирование хотя бы одного батальона связи армейского типа, и прошу распорядиться немедленно отправить из Брянска полк связи в распоряжение Ремезова. Он с войсками имеет только делегатскую связь на автомашинах.

И, наконец, вопрос о картах. Здесь полное безобразие: у Ремезова всего несколько комплектов, сейчас прибыла 73-я дивизия, тоже не имеет карт. Все ли понятно?

СТАЛИН. По поднятым Вами вопросам примем меры. Вам передаем указание: автостраду обязательно заминировать, начать немедленно минировать со стороны Минска на Оршу. Понятно ли?

ТИМОШЕНКО. А как относительно шоссе Минск — Могилев, можно ли минировать и эту дорогу?

СТАЛИН. Надо минировать и эту. Минировать в нескольких местах с тем, чтобы потом, когда надо, можно было по команде взрывать. Понятно ли?

ТИМОШЕНКО. Понятно. Сейчас отдаю распоряжение и выезжаю лично на рубеж к Ремезову. Прошу еще об одном маленьком вопросе. Прикажите Трубецкому выслать нам план перевозок войск нашей группы, а то приходится ловить эшелоны по станциям.

СТАЛИН. Хорошо. У нас все, до свидания.

ТИМОШЕНКО. Хорошо. Будет сделано. До свидания.

Русский архив. Великая Отечественная:
Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М., 1996. С. 43–44.

* Ф. Н. Ремезов — генерал-лейтенант. Командующий 20-й (06–07.1941), 13-й (07.1941) армиями, Северо-Кавказским военным округом (08–10.1941), 56-й (отдельной) армией (10–12.1941), войсками Южно-Уральского военного округа, 45 армией (с 04.1942).

№ 29

Постановление Государственного Комитета Обороны «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения»

4 июля 1941 года

Не опубликовывать

В соответствии с волей, выраженной трудящимися, и предложениями советских, партийных, профсоюзных и комсомольских организаций города Москвы и Московской области, Государственный Комитет Обороны постановляет:

I. Мобилизовать в дивизии народного ополчения по городу Москве 200 тысяч человек и по Московской области — 70 тысяч человек.

Руководство мобилизацией и формированием возложить на командующего войсками МВО генерал-лейтенанта Артемьева*.

В помощь командованию МВО для проведения мобилизации создать чрезвычайную комиссию в составе тт. Соколова — секретаря МГК ВКП(б), Яковлева — секретаря МК ВКП(б), Пегова — секретаря МК и МГК ВЛКСМ, Филиппова — начальника управления продовольственных товаров горторготдела, Онуприенко — комбрига и Простова — подполковника.

II. Мобилизацию рабочих, служащих и учащихся Москвы в народное ополчение и формирование 25 дивизий произвести по районному принципу.

В первую очередь провести к 7 июля формирование 12 дивизий.

Отмобилизованная дивизия получает номер и название района, например: 1-я Сокольнического района дивизия.

Районы Московской области формируют отдельные подразделения и части и вливают их по указанию Штаба МВО в дивизию города Москвы.

III. Для пополнения убыли, кроме отмобилизованных дивизий, каждый район создает запасный полк, из состава которого идет пополнение на убыль.

IV. Для руководства работой по мобилизации трудящихся в дивизии народного ополчения и их материального обеспечения в каждом районе создается чрезвычайная тройка во главе с первым секретарем РК ВКП(б) в составе членов: райвоенкома и начальника райотдела НКВД.

Чрезвычайная тройка проводит мобилизацию под руководством Штаба МВО с последующим оформлением мобилизации через райвоенкоматы.

V. Формирование дивизий производится за счет мобилизации трудящихся от 17 до 55 лет. От мобилизации освобождаются военнообязанные 1-й категории призываемых возрастов, имеющие на руках мобилизационные предписания, а также рабочие, служащие заводов наркомавиапрома, наркомата вооружения, наркомата боеприпасов, станкостроительных заводов и рабочие некоторых, по усмотрению районной тройки, предприятий, выполняющих особо важные оборонные заказы.

Рядовой состав, младший состав, 50 % командиров взводов, до 40 % командиров рот, медсостав и весь политический состав формируемой районом дивизии комплектуется из рабочих, служащих и учащихся района; остальной начсостав комплектуется за счет кадров РККА.

VI. Боевая подготовка частей производится по специальному плану Штаба МВО.

VII. Отмобилизование и казарменное размещение частей народного ополчения проходит на базе жилого фонда райсоветов (школы, клубы, другие помещения), кроме помещений, предназначенных для госпиталей.

---

* П. А. Артемьев (1897–1979) — генерал-лейтенант, командующий войсками МВО, одновременно — Московской зоной обороны (1941–1943).

VIII. Снабжение частей дивизий средствами автотранспорта, мото- и велоснаряжением, шанцевым инструментом (лопаты, топоры), котелками, котлами для варки пищи производится за счет ресурсов Москвы, Московской области и района, путем мобилизации и изготовления этих средств предприятиями района.

Штаб МВО обеспечивает дивизии вооружением, боеприпасами и вещевым довольствием.

Боеприпасы и вооружение поступают по линии военного снабжения.

IX. Во все время нахождения мобилизованного в частях народного ополчения за ним сохраняется содержание: для рабочих — в размере его среднего заработка, для служащих — в размере получаемого им оклада, для студентов — в размере получаемой стипендии, для семей колхозников назначается пособие согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» от 26.VI.1941 года.

В случае инвалидности и смерти мобилизованного, мобилизованный и его семья пользуются правом получения пенсии наравне с призванными в состав Красной армии.

Председатель Государственного Комитета Обороны
И. СТАЛИН

Источник. 1995. № 2. С. 100–102.

№ 30

Боевое донесение № 8
командующего войсками 20-й армии генерал-лейтенанта П. А. Курочкина
о результатах боевых действий 5-го и 7-го механизированных корпусов

8 июля 1941 г.
24 ч. 00 мин.

1. Противник, подготовив главную группировку и начав наступление на полоцко-невельском направлении, под угрозой контрудара наших механизированных корпусов приостановил наступление ее правого крыла. Против подвижных соединений армии обороняется не менее одной танковой и двух моторизованных дивизий противника, с боями отходящих на запад.

2. В течение 8 июля 1941 г. 20-я армия своими подвижными соединениями продолжала выполнять задачу по уничтожению лепельской группировки противника, нанося главный удар в направлении Сенно, Лепель.

3. 7-й механизированный корпус под прикрытием 153-й стрелковой дивизии и мотострелковых частей 18-й танковой дивизии, занимавшей район Сенно, в 13 часов начал перегруппировку к левому флангу. Около 13 часов танки противника при поддержке авиации атаковали правый фланг 18-й танковой дивизии из лесов севернее Сенно и повели наступление, заняв Нов. Село (6 км восточнее Сенно). Бой продолжается.

4. 5-й механизированный корпус к 9 часам занял исходное положение в районе Федеративный, Лозы, ст. Климовичи (южнее 10–15 км Сенно), имея против себя 27-ю мотодивизию противника с артиллерией, обороняющуюся на рубеже Вятеро, Дидава. Отбив в 13 часов на рубеже Красный Маяк, Озерище атаку около 100 танков, поддержанных авиацией, корпус перешел в наступление, причем 17-я танковая дивизия на участке Бол. и Мал. Липовичи (20 км юго-западнее Сенно) разгромила 36-й мотополк 27-й мотодивизии, уничтожила тяжелую батарею, три легкие батареи и пять противотанковых орудий. На поле боя противник оставил много трупов. Остатки противника, погрузившись на машины, отходят на мес. Черея, преследуемые частями 17-й танковой дивизии.

В то же время 13-я танковая дивизия в боях южнее Сенно разгромила до двух батальонов 34-го мотополка 27-й мотодивизии.

5. 1-я мотострелковая дивизия к исходу 7 июля 1941 г. с боями отошла на рубеж р. Кривая и заняла оборону 57-м и 6-м мотострелковыми полками на участке Мартюхово, высота 224,3, Красный, усилив их отдельными танками в качестве противотанковых орудий. Танковые полки используются как ударные средства для контратак.

В течение 8 июля 1941 г. дивизия успешно отражала атаки пехоты и танков противника.

6. 2-й стрелковый корпус, охватываемый с флангов танками и мотопехотой противника, оставил рубеж р. Делик и с боями отходит на рубеж р. Друть. Атаки противника на флангах корпуса продолжаются. Корпус не имеет боеприпасов и горючего. Разведкой корпуса утром 8 июля 1941 г. в районе мес. Головчин установлено до 300 танков. Сведения требуют проверки. В 12.00 8 июля 1941 г. севернее мес. Славное обнаружено скопление танков, пехоты и артиллерии.

7. Успешные бои механизированных корпусов сильно осложняются отсутствием на поле боя нашей авиации.

23-я смешанная авиационная дивизия, имея 7 «мигов» и 6 «чаек» и выполняя ряд задач фронта, совершенно не в состоянии обеспечить боевые действия механизированных корпусов. Противник безнаказанно и нагло бомбит наши части на поле боя и задерживает наступление.

На 9 июля 1941 г. я решил:

Обеспечивая развертывание армии на направлении Орша и операцию механизированных корпусов мотострелковыми дивизиями с запада и юго-запада на рубеже Городец (20 км северо-западнее мес. Толочин), Коханово и с севера на рубеже Озера, Гнездиловичи, Стриги, частями 153-й стрелковой дивизии, четырьмя танковыми дивизиями продолжать наступление в общем направлении на Лепель с тем, чтобы разгромить лепельскую танковую группировку противника.

Прошу усилить армию истребительной авиацией.

Командующий 20-й армией
генерал-лейтенант *Курочкин*

Член Военного совета
корпусной комиссар *Семеновский*

Начальник штаба
генерал-майор *Корнеев*

ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 3038. Д. 33. Л. 44–45.
На земле Беларуси: канун и начало войны... С. 487–488.

№ 31

Донесение Р. Зорге о решении Японии одновременно с продвижением на юг готовиться к вступлению в войну с СССР после поражения Красной армии на Западе, 10 июля 1941 г.

По радио

Токио
10 июля 1941 г.
Начальнику Разведуправления Генштаба Красной армии

Источник Инвест сказал, что на совещании у императора решено не изменять плана действий против Сайгона (Индокитай), но одновременно решено и подготавливаться к действиям против СССР на случай поражения Красной армии.

Германский посол Отт сказал то же самое — что Япония начнет воевать, если немцы достигнут Свердловска.

Германский военный атташе телеграфировал в Берлин, что он убежден в том, что Япония вступит в войну, но не ранее конца июля или начала августа, и она вступит в войну сразу же, как только закончит подготовку.

Мацуока в разговоре с Отт сказал, что японский народ будет ощущать авиационные налеты на жизненные центры Японии.

На это Отт ответил, что это невозможно, потому что СССР имеет только 1500 первоклассных самолетов на Дальнем Востоке, из коих только 300 тяжелый бомбардировщиков будут в состоянии прилететь в Японию и вернуться обратно. Советский Союз имеет только два типа самолетов, которые смогут выполнят такие задачи — это ТБ-7 и ДБ-3, которых еще нет на Дальнем Востоке. Этими разговорами Отт старался влиять на Мацуока, [ратуя] за вступление в войну Японии.

Германский военный атташе уверен, что конец советского режима наступит вместе с оккупацией Ленинграда, Москвы и Харькова, в противном случае немцы начнут крупные воздушные операции вдоль жел.-дор. линий из Москвы через Сибирь.

Японские власти начали преследование лиц, не одобряющих германо-советскую войну, и, наоборот, держатся в стороне от народа, который с энтузиазмом за вступление в войну на стороне Германии.

Три влиятельных (искажено), которые выражали желание воевать против СССР, были арестованы.

Чтобы избежать влияний на решения правительства, генерал Ямасита получил приказ остаться в Маньчжоу-Го. Имеются слухи, что Ямасита будет назначен на новую должность командования войсками на южных базах и в Индокитае.

ИНСОН

Примечание РУ Генштаба КА:
Учитывая большие возможности источника и достоверность значительной части его предыдущих сообщений, данные сведения заслуживают доверия.

И. О. н[ачальни]ка РУ Генштаба КА
генерал-майор танковых войск *Панфилов*

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24127. Д. 2. Л. 580–582. Подлинник.

№ 32

Постановление ГКО о Можайской линии обороны

№ ГКО-172сс
16 июля 1941 г.
Москва, Кремль

1. Дивизии народного ополчения в количестве 10 внести в список вооружаемых в первую очередь и обмундировать полностью.

2. Эти дивизии разбить на две армии по 5 дивизий в каждой и поручить т. Артемьеву представить кандидатуры на посты командующих армиями и начальников штабов.

3. Цель этих дивизий защита Москвы на линии Можайск, а их дислокация — Можайская линия.

4. Организацию фронта по Можайской линии возложить на генерал-лейтенанта т. Артемьева, командующего Московским военным округом.

5. В составе Можайской линии обороны кроме 10 дивизий народного ополчения иметь еще 5 дивизий НКВД (третья пятерка).

6. Разрешить т. Артемьеву изъять из Московского ПВО 200 пушек 85 мм и организовать из них 10 облегченных артиллерийских противотанковых полков (по пять батарей в каждом полку).

7. При армиях Можайской линии (всего три армии) организовать по одному полку на армию армейской артиллерии, примерно из 122-мм гаубиц, 152-мм пушек или гаубиц и 203-мм гаубиц, а также использовать для этой цели морские пушки.

Возложить на т. Кулика организацию упомянутых армейских артиллерийских полков.

8. Организацию и артиллерийское оснащение Можайской линии закончить в пятидневный срок, т. е. к 21 июля с. г.

9. Разрешить командующему МВО сформировать 10 батальонов народного ополчения по 500 человек для пополнения 10 дивизий народного ополчения.

Председатель Государственного Комитета Обороны *И. Сталин*

Горьков Ю. А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. М., 2002. С. 503–504.

№ 33

Информационная записка первого секретаря ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко И. В. Сталину об оккупационном режиме и развитии партизанского движения в Белоруссии

19 июля 1941 г.

На занятой территории Белоруссии немцы начинают организованно грабить хлеб, скот и т. д. Керосин забирают чуть ли не из ламп. Все шире становятся зверские расправы с населением.

Насилия над женщинами приобретают неслыханный масштаб и проводятся организованно.

В селе Ляды после разгрома лавок напившиеся офицеры потребовали, чтобы население представило в ближайший лес 18 девушек. Когда это не было выполнено, они забрали их

сами, в том числе некоторых девочек в возрасте 13-14 лет, увели в лес, зверски изнасиловали и затем расстреляли.

В Слуцке и некоторых других местах уже организованы концентрационные лагеря. За проволоку загоняют всех трудоспособных, кормят похлебкой из конины 1 раз в 2 дня, готовят для уборки урожая, дорожных и других работ. За малейшее проявление недовольства или отказ от выдачи коммунистов или партизан, не говоря уже о выступлениях крестьян против немцев, деревни сжигаются дотла.

По линии Бреста уже работают филиалы гестапо, готовят списки для широких арестов. Оставшиеся семьи активистов и работников расстреливают прямо на улицах.

При этом ведомство Геббельса изощряется в способах пропаганды с целью умиротворения. Например, захватывают в плен раненого командира или красноармейца и подстраивают так, чтобы на глазах у населения была оказана тщательная медицинская помощь. При этом выказывают массу признаков участия. Затем провожают, чтобы как бы показать дорогу к санитарному поезду или легкораненым на свою территорию, а за селом зверски срывают ими же наложенные повязки и расстреливают. Печатают большое количество листовок и даже плакатов с изображением действия всех видов немецкого оружия и с прославляющим его текстом.

Подавляющее большинство крестьян тяжело переживают утрату Советской власти, оказывают огромную помощь партизанам, выходящим из окружения нашим частям, группам и одиночкам, все дают для их питания и провожают к своим.

Начинается действительно широкое партизанское движение. Существуют многочисленные отряды, вредят немцам и в одиночку.

Вот некоторые новые достоверные факты.

Партизанский отряд под руководством Миклашевича (директор спиртозавода) и секретаря Речицкого райкома КП(б)Б Кутейникова напал на немецкую колонну, захватил один танк, 10 бронеавтомобилей и противотанковую пушку. Посадив на эти машины своих людей (сумели найти), оперируют дальше. Отряд настолько разросся и себя проявил, что командование 21-й армии, выслав своего представителя, дало ему специальное поручение.

Посланная нами из Могилева группа тов. Жуковского (секретарь Краснослободского райкома КП(б)Б) по пути к району действий обросла крестьянами и, напав, выбила немцев из Слуцка. Обеспокоенные перерывом коммуникации, немцы выслали сильный отряд, партизаны ушли и выбили немцев из другого районного центра — Красной Слободы.

В Лунинецком районе партизаны вывели из строя танк, убили 30 немецких кавалеристов, сожгли 3000 тонн свезенного хлеба, склад горючего и взорвали мосты.

Глускский партизанский отряд в районе Бояновичи сжег 4 понтонных моста на реке Птичь. Вместе с подошедшей частью уничтожил более тысячи человек переправившихся немецких солдат.

Жлобинский партизанский отряд обнаружил немецкий командный пункт, сильно охранявшийся, и сообщил ближайшей части. Вместе с частью напал и разгромил пункт. В числе многих убитых 1 немецкий генерал.

Паричский и Домановичский партизанские отряды уничтожили 30 танков и бронемашин. 3 брошенные целыми бронемашины служат партизанам.

В Туровском районе, в Озерках, партизаны уничтожили 2 моста и перебили 300 переправившихся немецких солдат.

В Дубровском сельсовете Паричского района крестьяне, затеяв разговор с немцами, напали на них и захватили 3 бронемашины.

Речицкий партизанский отряд по поручению командования доставил «языков» — двух ефрейторов-фашистов.

Партизанские отряды захватили Глуск и Паричи.

В деревне Заполье Рогачевского района немецкие танкисты были забросаны гранатами и бежали, бросив танки и каски. Деревня затем была сожжена немцами.

В деревне Студянка Быховского района немцы собрали крестьян. Офицер спросил: «Какую власть вы хотите? Подумайте и отвечайте!» Из толпы раздался выстрел, и офицер был убит наповал. Солдаты разбежались. Деревня также была сожжена дотла.

Партизаны пленных не берут, а пособников, выдающих немцам кого-либо, истребляют беспощадно.

Немцы боятся останавливаться на ночлег в лесу, ночуют в поле, и если поля нет, то лес предварительно тщательно простреливают, а потом останавливаются.

В противовес немцы пытаются создать отряды из белогвардейцев и остатков кулачества, чтобы действиями этих мерзавцев дискредитировать партизан.

Принимаем все меры для того, чтобы партизанское движение стало настолько мощным, чтобы это резко почувствовал фронт. Обстановка, создаваемая немцами, помогает этому. Направляем дополнительно партийных и советских работников, по тем или иным причинам оказавшихся на этой стороне фронта. Здесь остается только основной узкий состав ЦК и СНК. Дополнительно к организованной пятидневной школе обучения технике обращения со специальным оружием диверсанта приступаем к организации парашютной школы на 5–8 тысяч белорусских комсомольцев. Это очень нужно, т. к. проход на территорию может стать затруднительным. Школу надо организовать поглубже, где-либо за Москвой. На это прошу санкции.

Приведу еще несколько отдельных фактов, представляющих интерес.

а) В Бресте до 1 июля форты крепости продолжали бой с немцами. 29 июня один форт выбросил белый флаг. Большая группа немцев подошла к форту и была расстреляна выкинувшими белый флаг. Что дальше стало после 1 июля с этими верными сынами Родины, сведений нет.

б) Продолжают с боями выходить из окружения группы бойцов и командиров 10-й и 3-й армий.

Два дня тому назад на могилевском направлении вышли 800 человек под командой генерала.

Сейчас снабжаем с воздуха боеприпасами дивизию 3-й армии в составе 3–3,5 тысяч человек, подходящую к Лепелю.

Пономаренко

Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С. 209–211;
На земле Беларуси: канун и начало войны... С. 493–494.

№ 34

Переговоры И. В. Сталина по прямому проводу с начальником штаба Главного командования войск Западного направления Б. М. Шапошниковым 26 июля 1941 г.

Конец 03 ч. 18 мин.

У аппарата ШАПОШНИКОВ.

У аппарата СТАЛИН. Что можете сообщить нового от армий фронта?

ШАПОШНИКОВ. Здравствуйте, тов. Сталин. Докладываю: еще не получены от всех армий сводки, но могу доложить по главнейшим:

1. Духовщино-Ярцевская группировка. Группа тов. Хоменко. 25.07 бой вела главным образом 107-я танковая дивизия в районе Летемница, Корытня, Лелимово. Дивизия поддерживалась с обоих флангов частями 166-й стрелковой дивизии. 107-я танковая дивизия была

атакована мотодивизией противника с юго-запада. По-видимому, 20-я мотодивизия частью сил (до танкового полка) наступала с запада на деревню Эрохов. 107-я дивизия медленно отходила назад, остановившись на линии Есенная, Лелимово, Корытня. Части собственно тов. Хоменко сегодня, 25, в бой не вступали, за исключением 250-й стрелковой дивизии, которая действует южнее селения Демехи.

СТАЛИН. Передайте коротко о главных событиях по армиям.

ШАПОШНИКОВ. Есть!

Для объединения действий в группе Хоменко, активизации ее действий направлен т. Еременко. Группа Калинина — 91 сд, 89 сд — наступала по западному берегу реки Вопь, продвинувшись на 15 км на запад, но в результате контратаки танков и мотопехоты противника вынуждена была отойти на восточный берег реки Вопь, где и закрепилась, подбив до 25 танков при попытках противника просочиться через реку Вопь.

Группа Рокоссовского без изменения.

От 16-й армии сводки еще нет, то же и от 20-й.

По утреннему донесению 5-й мехкорпус, прикрывавший Смоленск с севера, должен был выступить на деревню Вобни для охвата левого фланга 5-й германской дивизии.

Группа Качалова. Группа сегодня целый день вела бой с противником на фронте Фадеева Буда, Никулино, ст. Воськово, Дмитриевка. Противник задерживает продвижение частей сильным минометным огнем и огнем зарытых в землю танков. До батальона танков противника было обнаружено севернее деревни Никулино. Послано приказание Качалову — не бить в лоб, а обходить с фланга противника. Прорыв немцами переднего края обороны Богданова у Ельни еще не ликвидирован, так как в ярцевско-духовщинской группировке противника предположительно насчитывается до двух танковых и двух, а может быть и трех, мотодивизий. Ввиду подтягивания все время сил противника к Духовщине возможно ожидать удара противника на Ярцево и далее на юго-восток. Ввиду этого главком принял решение восстановленный 44-й корпус в составе 108, 64-й дивизий перевести в течение 26—27 июля: 64-ю стрелковую дивизию — ст. Свищево и южнее, 108-ю — на переправу через Днепр в район Подроще, Фяльковичи, Заборье.

От 13-й армии и 21-й армии сводок еще не поступало. Однако вызывает беспокойство отказ наштарма 13 в забрасывании снарядов могилевскому корпусу сегодня ночью.

Что касается 22-й армии, то 55-й корпус еще не выходит из окружения. На левом фланге армии, на новой ее позиции за рекой Ловать, противник прорвал оборону 186-й стрелковой дивизии и углубился на 5—6 километров, введя в прорыв до 100 броневиков. Вот все, что пока могут доложить. Сведения по остальным армиям, я думаю, скоро получим.

СТАЛИН. Очень плохо, что у фронта и главкома нет связи с рядом армий, а с остальными армиями связь слабая и случайная. Даже китайская и персидская армии понимают значение связи в деле управления армией, неужели мы хуже персов и китайцев? Как управлять частями без связи? Армии обязаны давать сводки к 20 часам. Сейчас три часа, а сводки еще нет. Невозможно терпеть дальше эту дикость, этот позор. Я обязываю Вас лично и главкома заставить армии и дивизии уважать службу связи и держать постоянную связь с фронтом, вовремя передавать сводки. Либо будет ликвидировано разгильдяйство в деле связи, либо Ставка будет вынуждена принять крутые меры. Все.

ШАПОШНИКОВ. Слушаю. Будет сделано все, чтобы выполнить Ваше указание. Докладываю, что сведения запаздывают главным образом потому, что долго собираются от полка до дивизии и от дивизии до армии. Конечно, это не оправдание, и главнокомандующий примет жесткие меры. Все.

СТАЛИН. Просьба ответить на вопрос — в чьих руках Ярцево и Смоленск?

ШАПОШНИКОВ. По утренним данным, Смоленск в его северной и северо-западной частях занимается нами до Днепра. Что же касается восточной части, то на нее с севера ведется наступление. Южная часть, к югу от Днепра, и юго-западная заняты противником, Ярцево — частично.

СТАЛИН. Кем ведется наступление?

ШАПОШНИКОВ. Докладываю. 129-й стрелковой дивизией, и, кроме того, привлечены с севера части 46-й стрелковой дивизии. Что касается Ярцево, то оно в южной части нейтрально, а в северной части занято небольшими группами диверсантов, которые выбиваются из домов огнем частей т. Рокоссовского.

СТАЛИН. Вы говорите о городе Ярцево или станции? А станция Ярцево? Все.

ШАПОШНИКОВ. Я докладываю о городе Ярцево. Ст. Ярцево не в наших руках. Наши части находятся на восточном берегу Вопи.

Позвольте еще доложить. Сегодня противник пытался от Велижа через Ильино по дороге на Торопец переправиться через реку Зап. Двина. Тов. Масленников решил направить сюда усиленный батальон. Однако ввиду важности этого направления главнокомандующий приказал направить сюда одну стрелковую дивизию и полагал, подтянув сюда еще одну дивизию Масленникова и оставив одну дивизию для прикрытия Торопца, с запада перейти в наступление двумя дивизиями на юг на Демидов. В Ставку представлен этот план на утверждение. Кроме того, главнокомандующий приказал мне доложить, что на торопецкое направление желательно подбросить две кавалерийские дивизии из числа сформированных, дабы эти дивизии использовать на открытом левом фланге 22-й армии. Все.

СТАЛИН. Немедля получите ответ на Ваши предложения. Все.

ШАПОШНИКОВ. Слушаю.

Русский архив. Великая Отечественная: Ставка ВГК.
Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 92–93.

№ 35

Приказ с объявлением приговора Верховного суда СССР по делу генерала армии Д. Г. Павлова, генерал-майоров В. Е. Климовских, А. Т. Григорьева и А. А. Коробкова, 28 июля 1941 г.

№ 0250
28 июля 1941 г.

По постановлению Государственного Комитета Обороны были арестованы и преданы суду военного трибунала за трусость, самовольное оставление стратегических пунктов без разрешения высшего командования, развал управления войсками, бездействие власти бывший командующий Западным фронтом генерал армии Павлов Д. Г., бывший начальник штаба того же фронта генерал-майор Климовских В. Е., бывший начальник связи того же фронта генерал-майор Григорьев А. Т., бывший командующий 4-й армией генерал-майор Коробков А. А.

Верховный суд Союза ССР 22 июля 1941 г. рассмотрел дело по обвинению Павлова Д. Г., Климовских В. Е., Григорьева А. Т. и Коробкова А. А. Судебным следствием установлено, что:

а) бывший командующий Западным фронтом Павлов Д. Г. и бывший начальник штаба того же фронта Климовских В. Е. с начала военых действий немецко-фашистских войск против СССР проявили трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, допустили развал управления войсками, сдачу оружия и складов противнику, самовольное оставление боевых позиций частями Западного фронта и этим дали врагу возможность прорвать фронт;

б) бывший начальник связи Западного фронта Григорьев А. Т., имея возможность к установлению бесперебойной связи штаба фронта с действующими частями и соединениями, проявил паникерство и преступное бездействие, не использовал радиосвязь в результате чего с первых дней военных действий было нарушено управление войсками;

в) бывший командующий 4-й армией Западного фронта Коробков А. А. проявил трусость, малодушие и преступное бездействие, позорно бросил вверенные ему части, в результате чего армия была дезорганизована и понесла тяжелые потери.

Таким образом, Павлов Д. Г., Климовских В. Е., Григорьев А. Т. и Коробков А. А. нарушили военную присягу, обесчестили высокое звание воина Красной армии, забыли свой долг перед Родиной, своей трусостью и паникерством, преступным бездействием, развалом управления войсками, сдачей оружия и складов противнику, допущением самовольного оставления боевых позиций частями нанесли серьезный ущерб войскам Западного фронта.

Верховным судом Союза ССР Павлов Д. Г., Климовских В. Е., Григорьев А. Т. и Коробков А. А. лишены военных званий и приговорены к расстрелу.

Приговор приведен в исполнение.

Предупреждаю, что и впредь все нарушающие военную присягу, забывающие долг перед Родиной, порочащие высокое звание воина Красной армии, все трусы и паникеры, самовольно оставляющие боевые позиции и сдающие оружие противнику без боя, будут беспощадно караться по всем строгостям законов военного времени, невзирая на лица.

Приказ объявить всему начсоставу от командира полка и выше.

Народный комиссар обороны СССР *И. Сталин*

ЦАМО РФ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 65. Л. 192–193.

№ 36

Донесение Р. Зорге о сроках возможного вступления Японии в войну с СССР и условиях, которые могли бы это предотвратить

Токио
30 июля 1941 г.
Начальнику Разведуправления Генштаба Красной армии

Источники Инвест и Интери сказали, что в порядке новой мобилизации в Японии будет призвано более чем 200 000 человек. Таким образом, к середине августа месяца в Японии будет под ружьем около 2 млн

Начиная со второй половины августа Япония может начать войну, но только в том случае, если Красная армия фактически потерпит поражение от немцев, в результате чего оборонительная способность на Дальнем Востоке будет ослаблена. Такова точка зрения группировки Коноэ, но как долго намерен выжидать японский генштаб, это трудно сейчас сказать.

Источник Инвест убежден, что, если Красная армия остановит немцев перед Москвой, в этом случае японцы не выступят.

Инсон

[Резолюция НУ]: «НО-4. Доложите о всех этих источниках. Кто они.
Панфилов. Ильичев. 31.7.41».

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24127. Д. 3. Л. 720. Подлинник.

№ 37

Переговоры И. В. Сталина по прямому проводу с командующим войсками Юго-Западного фронта М. П. Кирпоносом, 8 августа 1941 г.

БРОВАРЫ. У аппарата генерал-полковник КИРПОНОС.
МОСКВА. У аппарата СТАЛИН.

СТАЛИН. До нас дошли сведения, что фронт решил с легким сердцем сдать Киев врагу якобы ввиду недостатка частей, способных отстоять Киев. Верно ли это?

КИРПОНОС. Здравствуйте, тов. Сталин. Вам доложили неверно. Мною и Военным советом фронта принимаются все меры к тому, чтобы Киев ни в коем случае не сдать. Противник, перейдя в наступление силою до трех пехотных дивизий на южном фасе УРа, при поддержке авиации прорвал УР и вклинился в глубину до 4 километров. За вчерашний день противник понес, по докладу генерала Власова*, до четырех тысяч человек убитыми и ранеными. Наши потери за вчерашний день до 1200 человек убитыми и ранеными. Бой велся ожесточенный, отдельные населенные пункты по нескольку раз переходили из рук в руки. Для усиления частей УРа даны вчера и сегодня две авиадесантные бригады. Кроме того, даны сегодня 30 танков с задачей уничтожить прорвавшиеся части противника в УР и восстановить прежнее положение. Для содействия наземным войскам поставлена задача авиации.

СТАЛИН. Можете ли уверенно сказать, что Вы приняли все меры для безусловного восстановления положения южной полосы УРа?

КИРПОНОС. Полагаю, что имеющиеся в моем распоряжении силы и средства должны обеспечить выполнение поставленной УРу задачи. Одновременно должен доложить Вам, что у меня больше резервов на данном направлении уже нет.

СТАЛИН. Возьмите часть с других направлений для усиления киевской обороны. Я думаю, что после того, как Музыченко** вышел из круга, ваше наступление в известном Вам направлении теряет первоначальное значение. Правда, Понеделину*** теперь будет труднее, но тут придется придумать другую комбинацию. Стало быть, у Вас в этом направлении также какие-то части освободятся. Может быть, можно за счет освободившихся частей усилить районы севернее Киева или западнее Киева, а из этих районов взять кое-какие части для усиления южного участка Киевского УРа. Вообще я должен сказать, что у Вас имеется большой фронт, и Вы при серьезных усилиях могли бы выкроить несколько полков для усиления южного участка УРа. Комитет Обороны и Ставка очень просят Вас принять все возможные и невозможные меры для защиты Киева. Недели через две будет легче, так как у нас будет возможность помочь Вам свежими силами, а в течение двух недель Вам нужно во что бы то ни стало отстоять Киев. Прошу ознакомить с этой лентой Буденного. Моя просьба и мое требование не сдавать Киев направлены в равной мере не только к Вам, но и к Буденному. Все.

КИРПОНОС. Товарищ Сталин, все наши мысли и стремления, как мои, так и Военного совета, направлены к тому, чтобы Киев противнику не сдать. Все, что имеется в нашем распоряжении, будет использовано для обороны Киева с тем, чтобы выполнить поставленную перед нами Вами задачу — Киев врагу ни в коем случае не сдать. Ваше указание ознакомить с этой лентой товарища Буденного немедленно мной будет выполнено.

---

* А. А. Власов — генерал-майор, командир 4-го мехкорпуса, командующий 37-й (08–09.1941), 20-й армией (с 11.1941). Генерал-лейтенант (24.01.1942), заместитель командующего Волховским фронтом (с 03.1942). Командующий 2-й ударной армией до 11.07.1942.

** И. Н. Музыченко — генерал-лейтенант, командующий 6-й армией Юго-Западного фронта. В августе 1941 г. под Уманью попал в плен.

*** П. Г. Понеделин — генерал-майор, командующий 12-й армией. В августе 1941 под Уманью попал в плен.

СТАЛИН. Очень хорошо. Крепко жму Вашу руку. Желаю успеха. Все.
КИРПОНОС. Все, до свидания, спасибо за пожелание успеха.

Русский архив. Великая Отечественная:
Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 108–109.

№ 38

Из дневника начальника генштаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера, 22 июня — 11 августа 1941 г. (извлечение)

22 июня 1941 г.

<...> Общая картина первого дня наступления такова: противник был захвачен немецким нападением врасплох. Тактически он не был развернут для обороны. Его войска в приграничной зоне находились в своих обычных местах расположения. Охрана границы в целом была плохой. Тактическая внезапность привела к тому, что вражеское сопротивление непосредственно на границе оказалось слабым и неупорядоченным, а потому нам удалось повсюду захватить мосты через приграничные реки, прорвать находившиеся вблизи границы позиции пограничной охраны (полевые укрепления).

После первого шока противник вступил в бой.

Наступлением наших дивизий на всех участках противник был отброшен с боями в среднем на 10–12 км. Тем самым был открыт путь моторизованным соединениям...

30 июня 1941 г.

Во второй половине дня, в 16.30, посещение фюрером походного лагеря...

Фюрер подчеркивает:

А) Срочно овладеть Финским заливом, ибо только после того, как русский фронт будет ликвидирован, станет возможным свободное судоходство по Балтийскому морю (подвоз железной руды). На овладение русскими портами с суши следует расчитывать в течение 3–4 недель, пока не будут окончательно потоплены вражеские подводные лодки...

Б) Значение Украины для продовольственного снабжения и промышленности. Ему представляется важным как можно быстрее наступать соединениями группы армий «Север» на Ленинград, не дожидаясь подхода моторизованных частей... Он рассчитывает, что если удасться достигнуть Смоленска в середине июля, Москва может быть взята пехотными соединениями только в августе. Одних танковых сил для этого недостаточно...

3 июля 1941 г. (12-й день Восточной кампании)

<...> В общем и целом можно уже сейчас сказать: задача разгромить главные силы противника перед Двиной и Днепром выполнена. Считаю правильным показание одного пленного русского командира корпуса, что восточнее Двины и Днепра мы можем столкнуться лишь с частью сил, которые по своей численности и вооружению сами по себе решающим образом помешать немецким операциям не в состоянии.

Таким образом, с моей стороны не будет слишком смелым утверждать: кампания против России выиграна в пределах 14 дней. Разумеется, тем самым она еще не закончена. Обширность территории и упорство всеми средствами оказываемого сопротивления потребуют от нас еще нескольких недель. <...>

Дальнейшие планы:

А) Как только ведение войны на Востоке из сферы разгрома вражеских сил перейдет в сферу экономической парализации противника, должны вновь выйти на первый план и решаться задачи дальнейшего ведения войны против Англии. <...>

8 июля 1941 г.

<...> В 12.30 — доклад фюреру (на его командном пункте).

<...>

2. Твердое решение фюрера сравнять Москву и Ленинград с землей, дабы не допустить, чтобы там остались люди, которых нам потом придется кормить зимой. Танки для этого использоваться не должны. «Это — национальная катастрофа, которая лишит центров не только большевизм, но и московитов вообще...»

23 июля 1941 г.

<...> 18.00 — доклад фюреру.

Докладываю о положении противника и задаю вопрос о конечных целях операции. Он [Гитлер] поставил свои цели так, как это приказано вчера в директиве ОКВ, и остается при своем решении... Следовательно, фон Бок* [группа армий «Центр»] должен отдать свои танковые группы и действовать против Москвы с одной только пехотой. Впрочем, в данный момент его (фюрера) Москва не интересует, только Ленинград. <...> Цели операции он видит, в основном, в разгроме врага до широты Москвы, что он считает уже достигнутым. В заключение он... предполагает, что достигнуть Волги и вступить на Кавказ можно одними только моторизованными соединениями...

26 июля 1941 г. <...>

18.00–20.15...

Он (Гитлер) требует:

<...>

3. Фронтально действующая против Москвы группа фон Бока должна, если она готова, медленно нажимать вперед. Никакой спешки...

Русского оперативными успехами не разбить, потому что он их просто-напросто не признает. Поэтому он (русский) шаг за шагом должен быть разбит в процессе небольшого охвата тактического характера...

30 июля 1941 г.

<...> 16.00 — звонок генерала Йодля: фюрер выработал свой новый взгляд на ведение дальнейших операций.

ГА «Север» должна разбить противника под Ленинградом независимо от того, где она будет наносить главный удар. Отказ от удара с целью перерезать железную дорогу Москва — Ленинград. ГА «Центр»: переход к обороне. На линии оз. Ильмень — Холм — Торопец — только боевое охранение. Вывод из боя и ремонт танков. ГА «Юг»: первоначально отказ от взятия Гомеля. Вопрос о наступлении на Рославль остается открытым...

7 августа 1941 г. (47-й день)

<...> 17.00 — разговор с генералом Йодлем:

А) Крупные цели: хотим ли мы разбить противника или же преследуем экономические цели (Украина, Кавказ)? Йодль: фюрер, по-видимому, считает возможным и то, и другое одновременно.

Б) Относительно отдельных целей я заявляю, что цель Ленинград с выделенными для этого силами достижима. Но нам не нужно и мы не должны отдавать для достижения этой цели ничего, что требуется нам для захвата Москвы. Флангу Лееба [командующий ГА «Север»] со стороны Валдайской возвышенности никакая опасность не грозит. Ответ на вопрос: Москва или Украина или Украина и Москва — должен быть дан с точки зрения именно этого «или». Мы должны сделать это, ибо иначе не исчерпаем до осени источники силы противника.

---

* Федор фон Бок (1880–1945) генерал-фельдмаршал немецкой армии (1940). В 1941 г. командующий группой армий «Центр» на Восточном фронте. В декабре 1941 г. снят с командования. В январе — июле 1942 г. — командующий группой армий «Юг» и «Б». Убит во время налета союзной авиации.

Мы должны сделать это после убедительной победы Рундштедта [командующий ГА «Юг»] и снижения боевой ценности противника...

11 августа 1941 г. (51-й день)

<...> Во всей обстановке в целом становится все очевиднее, что колосс Россия, который сознательно готовился к войне, при всей безудержности, присущей тоталитарным государствам, был нами недооценен. Эта констатация относится как к организационным, так и экономическим силам, а в особенности к чисто военному потенциалу. Начиная войну, мы рассчитывали иметь против себя примерно 200 вражеских дивизий. Но теперь мы насчитываем их уже 360. Эти дивизии, конечно, не вооружены и не оснащены в нашем понимании этого слова, и командование ими в тактическом отношении во многом неудовлетворительно. Но они есть. И если дюжина их разбита, русский выставляет новую дюжину. Он выигрывает время благодаря тому, что находится поблизости от своих источников силы, а мы все больше от них удаляемся...

Мировые войны XX века. В 4 кн. 2-е изд. М., 2005. С. 261–263.

№ 39

Приказ Ставки Верховного главнокомандования № 270 об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия, 16 августа 1941 г.

Без публикации

Не только друзья признают, но и враги наши вынуждены признать, что в нашей освободительной войне с немецко-фашистскими захватчиками части Красной армии, громадное их большинство, их командиры и комиссары ведут себя безупречно, мужественно, а порой — прямо героически. Даже те части нашей армии, которые случайно оторвались от армии и попали в окружение, сохраняют дух стойкости и мужества, не сдаются в плен, стараются нанести врагу побольше вреда и выходят из окружения. Известно, что отдельные части нашей армии, попав в окружение врага, используют все возможности для того, чтобы нанести врагу поражение и вырваться из окружения.

Зам. командующего войсками Западного фронта генерал-лейтенант Болдин, находясь в районе 10-й армии около Белостока, окруженной немецко-фашистскими войсками, организовал из оставшихся в тылу противника частей Красной армии отряды, которые в течение 45 дней дрались в тылу врага и пробились к основным силам Западного фронта. Они уничтожили штабы двух немецких полков, 26 танков, 1049 легковых, транспортных и штабных машин, 147 мотоциклов, 5 батарей артиллерии, 4 миномета, 15 станковых пулеметов, 8 ручных пулеметов, 1 самолет на аэродроме и склад авиабомб. Свыше тысячи немецких солдат и офицеров были убиты. 11 августа генерал-лейтенант Болдин ударил немцев с тыла, прорвал немецкий фронт и, соединившись с нашими войсками, вывел из окружения вооруженных 1654 красноармейца и командира, из них 103 раненых.

Комиссар 8-го мехкорпуса бригадный комиссар Попель и командир 406 сп полковник Новиков с боем вывели из окружения вооруженных 1778 человек. В упорных боях с немцами группа Новикова — Попеля прошла 650 километров, нанося огромные потери тылам врага.

Командующий 3-й армией генерал-лейтенант Кузнецов* и член Военного совета армейский комиссар 2 ранга Бирюков с боями вывели из окружения 498 вооруженных красноармейцев и командиров частей 3-й армии и организовали выход из окружения 108-й и 64-й стрелковых дивизий.

---

* В. И. Кузнецов (1894–1964) — генерал-лейтенант, командующий 3-й (с 06.1941), 21-й (с 08.1941), 58-й (12.1941), 1-й ударной (11.1941–05.1942), 63-й (07–11.1942) и 1-й гвардейской (с 12.1942) армиями.

Все эти и другие многочисленные подобные факты свидетельствуют о стойкости наших войск, высоком моральном духе наших бойцов, командиров и комиссаров.

Но мы не можем скрыть и того, что за последнее время имели место несколько позорных фактов сдачи в плен. Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам.

Командующий 28-й армией генерал-лейтенант Качалов*, находясь вместе со штабом группы войск в окружении, проявил трусость и сдался в плен немецким фашистам. Штаб группы Качалова из окружения вышел, пробились из окружения части группы Качалова, а генерал-лейтенант Качалов предпочел сдаться в плен, предпочел дезертировать к врагу.

Генерал-лейтенант Понеделин**, командовавший 12-й армией, попав в окружение противника, имел полную возможность пробиться к своим, как это сделало подавляющее большинство частей его армии. Но Понеделин не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддался панике, струсил и сдался в плен врагу, дезертировал к врагу, совершив, таким образом, преступление перед Родиной, как нарушитель военной присяги.

Командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Кириллов***, оказавшийся в окружении немецко-фашистских войск, вместо того, чтобы выполнить свой долг перед Родиной, организовать вверенные ему части для стойкого отпора противнику и выход из окружения, дезертировал с поля боя и сдался в плен врагу. Следует отметить, что при всех указанных выше фактах сдачи в плен врагу члены военных советов армий, командиры, политработники, особотдельщики, находившиеся в окружении, проявили недопустимую растерянность, позорную трусость и не попытались даже помешать перетрусившим Качаловым, Понеделиным, Кирилловым и другим сдаться в плен врагу.

Эти позорные факты сдачи в плен нашему заклятому врагу свидетельствуют о том, что в рядах Красной армии, стойко и самоотверженно защищающей от подлых захватчиков свою Советскую Родину, имеются неустойчивые, малодушные, трусливые элементы. И эти трусливые элементы имеются не только среди красноармейцев, но и среди начальствующего состава. Как известно, некоторые командиры и политработники своим поведением на фронте не только не показывают красноармейцам образец смелости, стойкости и любви к Родине, а наоборот — прячутся в щелях, возятся в канцеляриях, не видят и не наблюдают поля боя, а при первых серьезных трудностях в бою пасуют перед врагом, срывают с себя знаки различия, дезертируют с поля боя.

Можно ли терпеть в рядах Красной армии трусов, дезертирующих к врагу и сдающихся ему в плен, или таких малодушных начальников, которые при первой заминке на фронте срывают с себя знаки различия и дезертируют в тыл? Нет, нельзя! Если дать волю этим трусам и дезертирам, они в короткий срок разложат нашу армию и загубят нашу Родину. Трусов и дезертиров надо уничтожать.

Можно ли считать командирами батальонов или полков таких командиров, которые прячутся в щелях во время боя, не видят поля боя, не наблюдают хода боя на поле и все же воображают себя командирами полков и батальонов? Нет, нельзя! Это не командиры полков и батальонов, а самозванцы. Если дать волю таким самозванцам, они в короткий срок превратят нашу армию в сплошную канцелярию. Таких самозванцев нужно немедленно смещать с постов, снижать по должности, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из рядов младшего начсостава или из красноармейцев. Приказываю:

Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров.

---

* В. Я. Качалов, генерал-лейтенант. Погиб в бою 4 авг. в районе Рославля.

** П. Г. Понеделин, генерал-майор, командующий 12-й армией. В августе 1941 под Уманью попал в плен.

*** Н. К. Кириллов, генерал-майор. В авг. 1941 г. под Уманью попал в плен.

Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.

Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам.

Обязать каждого военнослужащего, независимо от его служебного положения, потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдаться ему в плен, — уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишить государственного пособия и помощи.

Обязать командиров и комиссаров дивизий немедля смещать с постов командиров батальонов и полков, прячущихся в щелях во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения, снижать их по должности, как самозванцев, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать их на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах.

Ставка Верховного Главного Командования Красной армии

Председатель Государственного Комитета Обороны	*И. Сталин,*
Зам. председателя Государственного Комитета Обороны	*В. Молотов,*
Маршал Советского Союза	*С. Буденный,*
Маршал Советского Союза	*К. Ворошилов,*
Маршал Советского Союза	*С. Тимошенко,*
Маршал Советского Союза	*Б. Шапошников,*
Генерал армии	*Г. Жуков*

1941 год. В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 476–479.

№ 40

Приказ ставки вермахта, 15 августа 1941 г.

После доклада главнокомандующего сухопутными войсками фюрер приказал:

1. Группе армий «Центр» дальнейшее наступление на Москву приостановить. Оборону организовать так, чтобы характер обороняемых участков исключал возможность проведения противником охватывающих действий, а для отражения его наступления не потребовалось бы поддержки авиации и расхода сил пехоты.

2. Наступление группы армий «Север» должно в ближайшее время привести к успеху. Только после этого можно будет думать о возобновлении наступления на Москву. В связи с появлением кавалерии противника в тылу 16-й армии и отсутствием в резерве 1-го армейского корпуса подвижных частей возникла опасность, что, несмотря на сильную поддержку авиации, многообещающее наступление севернее озера Ильмень приостановится.

Из танковой группы генерала Гота немедленно выделить и передать в подчинение группе армий «Север» возможно большее число подвижных соединений (примерно одну танковую и две моторизованные дивизии).

Начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил	*Кейтель*
По поручению	*Йодль*

Дашичев В. Банкротство стратегии... Т. 2. С. 216.

№ 41

Из переговоров по прямому проводу с командующим войсками Брянского фронта А. И. Еременко, 24 августа 1941 г.

Конец 23 ч. 40 мин.

<...>

ЕРЕМЕНКО. Я хотел бы поставить еще один вопрос относительно пикирующих бомбардировщиков. В связи с тем что перед фронтом действуют подвижные войска противника и что затруднить их маневр могут пикирующие бомбардировщики (они хороши главным образом для действия по мостам и по узким дефиле, это я знаю из опыта — как нам затруднял противник маневр под Смоленском своими пикирующими бомбардировщиками), прошу дать один полк Пе-2, желательно 24-й Краснознаменный полк. Кроме того, для систематического ночного воздействия на противника дать одну эскадрилью ТБ-3, а также прошу дать 10 штук У-2 для связи. У меня все.

У аппарата СТАЛИН. Здравствуйте. У-2 Вам уже отправлены, ТБ-3 получите, Пе-2 два или даже три (речь идет о количестве авиационных полков. — *Ред.*) можем немедленно отправить Вам. У меня есть к Вам несколько вопросов.

1. Не следует ли расформировать Центральный фронт, 3-ю армию соединить с 21-й и передать в Ваше распоряжение соединенную 21-ю армию? Я спрашиваю об этом потому, что Москву не удовлетворяет работа Ефремова*.

2. Вы требуете много пополнений людьми и вооружением. Из Ваших заявок я вижу, что Вы исходите из старых штатов 17 000 человек на дивизию. Но у нас имеется решение не иметь больше 17-тысячных дивизий ввиду громоздкости тылов, а иметь 11 000 в дивизии. Если же в старых дивизиях сохранились оба полка артиллерии, то можно иметь в дивизии до 13 000, в самом крайнем случае до 15 000, но не больше. Я прошу Вас руководствоваться при составлении заявок на пополнение этими соображениями.

3. Мы можем послать Вам на днях, завтра, в крайнем случае послезавтра, две танковые бригады с некоторым количеством КВ в них и 2—3 танковых батальона; очень ли они нужны Вам?

4. Если Вы обещаете разбить подлеца Гудериана, то мы можем послать еще несколько полков авиации и несколько батарей РС.

Ваш ответ?

ЕРЕМЕНКО. Здравствуйте. Отвечаю.

1. Мое мнение о расформировании Центрального фронта таково: в связи с тем, что я хочу разбить Гудериана и, безусловно, разобью, то направление с юга нужно крепко обеспечивать. А это значит — прочно взаимодействовать с ударной группой, которая будет действовать из района Брянска. Поэтому прошу 21-ю армию, соединенную с 3-й, подчинить мне.

2. Относительно пополнения. Тут, по-видимому, вкралась где-либо ошибка: я, наоборот, те дивизии, которые восстанавливаются в 13-й армии, приказал укомплектовать их на первое время хотя бы до 6 тысяч и не требовал 17 тысяч; тут, по-видимому, неопытные наши работники просто напутали.

Я очень благодарен Вам, товарищ Сталин, за то, что Вы укрепляете меня танками и самолетами. Прошу только ускорить их отправку, они нам очень и очень нужны. А насчет этого подлеца Гудериана, безусловно, постараемся разбить, задачу, поставленную Вами, выполнить — т. е. разбить его. У меня к Вам больше вопросов нет. Будут ли вопросы ко мне?

---

* М. Г. Ефремов (1897—1942) — генерал-лейтенант, командующий 21-й армией, с 08.1941 г. — Центральным фронтом, с 10.1941 г. — 10-й армией, затем заместитель командующего Брянским фронтом. С 10.1941 г. — командующий 33-й армией. Погиб в бою 19.04.1942 г.

СТАЛИН. Мы думаем, что можно было бы Ефремова снять с фронта и сделать его Вашим заместителем, если Вы этого хотите, а командующим 21-й армией, туда войдет и 3-я армия, поставить Кузнецова — нынешнего командующего 3-й армией. В Генштабе говорят, что Кузнецов более энергичен и способнее, чем Ефремов. Учтите, что 21-я армия уже получила или скоро получит 27 000 пополнения. Мы думаем, что работников 3-й армии Вы могли бы использовать для усиления вашего фронтового штаба. Что касается фронтового штаба Центрального фронта, то его работников мы хотели бы получить в Москву. Один вопрос — как действуют у вас штурмовики Ил-2? Все.

ЕРЕМЕНКО. Отвечаю на первый вопрос. Я не возражаю против назначения Ефремова заместителем командующего Брянским фронтом. Относительно штаба 3-й армии — я просил бы его использовать как штаб армии, посадив его на фронте между 50-й и 13-й армиями, с подчинением ему трех стрелковых и одной кавдивизии, ибо сейчас в армиях по 10–11 единиц (имеется в виду количество соединений. — *Ред.*) и трудно управлять армиями. Прошу назначить командующим этой армией генерал-майора Крайзера, проверенного мною в боях, показавшего исключительные командирские качества. Он сейчас командует 1-й мотодивизией на Запфронте.

Второй вопрос. Я Вам сегодня послал доклад шифром, в котором прошу командармом 13 назначить генерал-майора Городнянского* — командира 129-й дивизии. Этот тоже проверен в боях и показал большие тактические способности и непреклонную волю к победе.

Относительно штурмовиков Ил-2. Летчики и все командиры в восторге от их действий; они-то, по сути дела, за два дня значительно нанесли поражение противнику и заставили, по сути дела, остановиться и топтаться на месте группу Гудериана.

До свидания, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Хорошо, сделаем, как Вы предлагаете.

С Вами хочет продолжить разговор начальник Генерального штаба. До свидания. Желаю успеха. Сталин.

ШАПОШНИКОВ. Товарищ Еременко! Завтра, 25.08, Вы получите приказ о дальнейших ваших действиях. Приказ будет Вам доставлен особым нарочным из Генерального штаба на автомобиле. По получении приказа прошу телеграфировать о его доставке Вам. Все.

До свидания. Б. Шапошников.

ЕРЕМЕНКО. Хорошо, буду ждать.

Русский архив. Великая Отечественная: Ставка ВГК.
Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 131–135.

№ 42

Переговоры И. В. Сталина по прямому проводу с командующим войсками Резервного фронта Г. К. Жуковым, 4 сентября 1941 г.

Начало 03 ч. 50 мин.
Конец 04 ч. 30 мин.

У аппарата ЖУКОВ.

У аппарата СТАЛИН, ШАПОШНИКОВ. Здравствуйте. Вы, оказывается, проектируете по ликвидации Ельни направить силы в сторону Смоленска, оставив Рославль в нынешнем неприятном положении. Я думаю, что эту операцию, которую Вы думаете проделать в районе

---

* А. М. Городнянский (1896–1942) — генерал-майор, командир 129-й дивизии, командующий 13-й (с 08.1941) и 6-й (с 01.1942) армиями. Генерал-лейтенант (с 03.1942). Погиб в бою (27.05.1942).

Смоленска, следует осуществить лишь после ликвидации Рославля. А еще лучше было бы подождать пока со Смоленском, ликвидировать вместе с Еременко Рославль и потом сесть на хвост Гудериану, двигая некоторое количество дивизий на юг. Главное — разбить Гудериана, а Смоленск от нас не уйдет. Все.

ЖУКОВ. Здравия желаю, товарищ Сталин. Товарищ Сталин, об операции в направлении на Смоленск я не замышляю и считаю, этим делом должен заниматься Тимошенко. Удар 109, 149 и 104 (дивизий 43-й армии. — *Ред.*) я хотел бы нанести сейчас в интересах быстрейшего разгрома ельнинской группы противника, с ликвидацией которой я получу дополнительно 7–8 дивизий для выхода в район Починок, и, заслонившись в районе Починок со стороны Смоленска, я мощной группой мог бы нанести удар в направлении Рославля и западнее, т. е. в тыл Гудериану. Как показывает опыт, наносить глубокий удар в 3–4 дивизии приводит к неприятностям, ибо противник такие небольшие группы быстро охватывает своими подвижными частями. Вот почему я просил Вашего согласия на такой маневр. Если прикажете бить на рославльском направлении, это дело я могу организовать. Но больше было бы пользы, если бы я вначале ликвидировал Ельню. Сегодня к исходу дня правым флангом нашей ельнинской группировки занята Софиевка. У противника горловина осталась всего 6 км. Я думаю, в завтрашний день будет закончено полностью тактическое окружение. Все.

СТАЛИН. Я опасаюсь, что местность в направлении на Починок лесисто-болотистая и танки у вас могут там застрять.

ЖУКОВ. Докладываю. Удар намечается через Погуляевку, южнее р. Хмара по хорошей местности с выходом в район Сторино, Васьково, 30 км с.-з. Рославля, км 10 южнее Починок. Кроме того, наносить удар по старому направлению не следует. На нашу сторону сегодня перешел немецкий солдат, который показал, что сегодня в ночь разбитая 23-я пехотная дивизия сменена 267-й пехотной дивизией; и тут же он наблюдал части СС. Удар севернее выгоден еще и потому, что он придется по стыку двух дивизий. Все.

СТАЛИН. Вы в военнопленных не очень верьте, опросите его с пристрастием, а потом расстреляйте. Мы не возражаем против предлагаемого Вами маневра на 10 километров южнее Починок. Можете действовать. Особенно сосредоточьте авиационный удар, используйте также РС. Когда Вы думаете начать?

ЖУКОВ. Перегруппировку произведу к седьмому. Седьмого подготовка, восьмого на рассвете удар. Очень прошу подкрепить меня снарядами РС, 76 мм, да и 152 мм 09/30 года, минами 120 мм. Кроме того, если можно, — один полк «илов» и один полк Пе-2 и танков — штук 10 КВ и штук 15 Т-34. Вот все мои просьбы. Все.

СТАЛИН. К сожалению, у нас нет пока резервов РС. Когда будут — дадим. РСы получите. Жалко только, что Еременко придется действовать одному против Рославля. Не можете ли организовать нажим на Рославль с северо-востока?

ЖУКОВ. Нечем, нечем, товарищ Сталин. Могу только отдельными отрядами, подкрепив их артиллерией, но это будет только сковывающий удар, а главный удар нанесу на рассвете восьмого; постараюсь, может быть, выйдет, на рассвете седьмого. Еременко еще далеко от Рославля, и я думаю, товарищ Сталин, что удар седьмого или восьмого — это будет не поздний удар. Все.

СТАЛИН. А прославленная 211-я дивизия долго будет спать?

ЖУКОВ. Слушаю. Организую седьмого. 211-я сейчас формируется, будет готова не раньше 10-го. Я ее потяну в качестве резерва, спать ей не дам. Прошу Вас разрешить немедленно арестовать и судить всех паникеров, о которых докладывал. Все.

СТАЛИН. Седьмого будет лучше, чем восьмого. Мы приветствуем и разрешаем судить их по всей строгости. Все. До свидания.

ЖУКОВ. Будьте здоровы.

Русский архив. Великая Отечественная: Ставка ВГК.
Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 162–163.

№ 43

Директива верховного командования вермахта № 35, 6 сентября 1941 г.

Начальные успехи в действиях против сил противника, находящихся между смежными флангами групп армий «Юг» и «Центр», в сочетании с дальнейшими успехами по окружению вражеских войск в районе Ленинграда создают предпосылки для проведения решающей операции против группы армий Тимошенко*, которая безуспешно ведет наступательные действия перед фронтом группы армий «Центр». Она должна быть решительно разгромлена до наступления зимы в течение ограниченного времени, имеющегося еще в распоряжении.

С этой целью необходимо сосредоточить все силы сухопутных войск и авиации, предназначенные для операции, в том числе те, которые могут быть высвобождены на флангах и своевременно переброшены.

На основании доклада главнокомандующего сухопутными войсками я отдаю следующие директивные указания на подготовку и проведение этих операций.

1. На южной половине Восточного фронта силами войск группы армий «Юг», переправляющихся через Днепр на север, во взаимодействии с наступающими войсками южного фланга группы армий «Центр» уничтожить противника, находящегося в треугольнике Кременчуг, Киев, Конотоп. Как только позволит ход выполнения этой задачи, следует перегруппировать высвобождающиеся соединения 2-й и 6-й армий, а также 2-й танковой группы для осуществления новых операций.

На фронте группы армий «Юг» подвижные соединения, усиленные пехотными соединениями, при поддержке на основных направлениях 4-м воздушным флотом, должны не позднее 10 сентября внезапно начать наступление с плацдарма, созданного 17-й армией**, через Лубны в северо-западном направлении, в то время как 17-я армия продвигается в направлении Полтава, Харьков.

В нижнем течении Днепра продолжать наступление на Крым при поддержке 4-го воздушного флота (одновременно, в зависимости от того, какие силы будут иметься в распоряжении, предпринять наступление с плацдарма в районе Днепропетровска).

Значительную помощь в выполнении задачи 11-й армии создало бы выдвижение подвижных сил к югу от нижнего течения Днепра на Мелитополь.

2. В полосе группы армий «Центр» подготовить операцию против группы армий Тимошенко таким образом, чтобы по возможности быстрее (конец сентября) перейти в наступление и уничтожить противника, находящегося в районе восточнее Смоленска, посредством двойного окружения в общем направлении на Вязьму при наличии мощных танковых сил, сосредоточенных на флангах.

С этой целью главные усилия подвижных войск сосредоточить:

на южном фланге — предположительно в районе юго-восточнее Рославля, с направлением удара на северо-восток. Состав группировки — имеющиеся в распоряжении силы группы армий «Центр», 5-я и 2-я танковые дивизии, которые высвобождены для выполнения этой задачи.

в полосе 9-й армии — с направлением удара предположительно через Белый. В состав группировки будут включены по возможности крупные силы из группы армий «Север».

После того как основная масса войск группы Тимошенко будет разгромлена в этой решающей операции на окружение и уничтожение, группа армий «Центр» должна начать

---

* Имеются в виду войска, подчиненные главнокомандующему войсками Западного направления С. К. Тимошенко. Главное командования войск Западного направления образовано постановлением ГКО от 10 июля 1941 г. с целью координации действий Западного фронта и Пинской военной флотилии, затем Западного, Резервного и Центрального фронтов. Упразднено 10 сентября 1941 г.

** Имеется в виду плацдарм на восточном берегу Днепра в районе Кременчуга.

преследование противника, отходящего на московском направлении, примыкая правым флангом к р. Оке, а левым — к верхнему течению Волги. Военно-воздушным силам поддерживать наступление 2-м воздушным флотом, усиленным своевременно переброшенными соединениями, особенно с северо-восточного участка фронта. При этом главные усилия авиации сосредоточить на флангах, используя основные соединения бомбардировщиков (8-й авиационный корпус) для поддержки подвижных соединений боевых наступающих фланговых группировок.

3. *На северо-восточном фронте* совместно с наступающими на Карельском перешейке финскими корпусами окружить действующие в районе Ленинграда силы противника (захватить также Шлиссельбург) с тем, чтобы не позднее 15 сентября значительную часть подвижных войск и соединений 1-го воздушного флота, особенно 8-го авиационного корпуса, высвободить для группы армий «Центр». Однако прежде всего необходимо стремиться к полному окружению Ленинграда, по меньшей мере с востока, и, в случае если позволят условия погоды, провести на него крупное воздушное наступление. Особенно важно уничтожить станции водоснабжения.

С целью облегчения преодоления финнами укреплений на старой русско-финской границе, а также для сокращения линии фронта и лишения противника возможности использовать воздушные базы, необходимо по возможности быстрее предпринять силами группы армий «Север» наступление на участке р. Нева в северном направлении. Во взаимодействии с финнами, используя минные заграждения и артиллерийский огонь, блокировать Кронштадт, чтобы воспрепятствовать выходу сил противника в Балтийское море (Ханко, острова Балтийского моря). Необходимо также изолировать район боевых действий у Ленинграда с востока на участке нижнего течения Волхова, как только будут высвобождены потребные для решения этой задачи силы. Соединение с «Карельской армией» на р. Свирь осуществить тогда, когда будет обеспечено уничтожение противника в районе Ленинграда.

4. При дальнейшем проведении операций предусмотреть, чтобы наступление группы армий «Центр» на московском направлении было прикрыто с юга посредством выдвижения из полосы группы армий «Юг» в общем направлении на северо-восток группировки прикрытия фланга, созданной из высвобождающихся подвижных соединений, и чтобы силы группы армий «Север» были нацелены на прикрытие северного фланга группы армий «Центр», а также на продвижение по обе стороны озера Ильмень и соединение с «Карельской армией» финнов.

5. Всякое сокращение сроков подготовки и ускорение начала операций будет содействовать подготовке и проведению общей операции.

Адольф Гитлер

Дашичев В. Банкротство стратегии... Т. 2. С. 241–243.

№ 44

Распоряжение верховного командования вермахта об обращении с советскими военнопленными, 8 сентября 1941 г.

I. Общие вопросы обращения с советскими военнопленными.

Большевизм является смертельным врагом национал-социалистской Германии. Впервые перед германским солдатом стоит противник, обученный не только в военном, но и в политическом смысле, в духе разрушающего большевизма. Борьба с национал-социализмом привита ему в кровь и плоть. Он ведет ее всеми имеющимися в его распоряжении средствами: диверсиями, разлагающей пропагандой, поджогами, убийствами. Поэтому большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение как с честным солдатом, в соответствии с Женевским Соглашением.

Поэтому вполне соответствует точке зрения и достоинству германских вооруженных сил, чтобы каждый немецкий солдат проводил бы резкую грань между собой и советскими военнопленными... Самым строгим образом следует избегать всякого сочувствия, а тем более поддержки. Чувство гордости и превосходства немецкого солдата, назначенного для охраны советских военнопленных, должно во всякое время быть заметным для окружающих.

Поэтому предлагается безоговорочное и энергичное вмешательство при малейших признаках неповиновения, а особенно в отношении большевистских подстрекателей. Неповиновение, активное или пассивное сопротивление должны быть немедленно и полностью устранены с помощью оружия (штык, приклад и огнестрельное оружие). Правила о применении вооруженными силами оружия применимы лишь с ограничениями, так как эти правила исходят из предпосылок общей мирной обстановки. В отношении советских военнопленных даже из дисциплинарных соображений следует весьма решительно прибегать к оружию. Подлежит наказанию всякий, кто для понуждения к выполнению данного приказа не применяет или недостаточно энергично применяет оружие.

По совершающим побег военнопленным следует стрелять немедленно, без предупредительного оклика. Не следует производить предупредительных выстрелов. Существовавшие до сих пор правила, и в особенности положения устава сухопутных войск 38/2, стр. 13 и т. д., в связи с этим отменяются.

Нюрнбергский процесс: Сборник материалов: в 8 т. Т. 4. М., 1990. С. 208.

№ 45

Переговоры И. В. Сталина по прямому проводу с командующим войсками Юго-Западного фронта М. П. Кирпоносом, 11 сентября 1941 г.

ПРИЛУКИ. Здравствуйте, у аппарата КИРПОНОС, БУРМИСТЕНКО, ТУПИКОВ*.

МОСКВА. Здравствуйте, здесь СТАЛИН, ШАПОШНИКОВ, ТИМОШЕНКО. Ваше предложение об отводе войск на рубеж известной вам реки (Псел. — *Ред.*) мне кажется опасным. Если обратиться к недавнему прошлому, то вы вспомните, что при отводе войск из района Бердичева и Новоград-Волынского у вас был более серьезный рубеж — река Днепр и, несмотря на это, при отводе войск потеряли две армии и отвод превратился в бегство, а противник на плечах бегущих войск переправился на другой день на восточный берег Днепра. Какая гарантия, что то же самое не повторится теперь. Это первое.

А потом — второе: в данной обстановке на восточном берегу Днепра предлагаемый вами отвод войск будет означать окружение наших войск, так как противник будет наступать на вас не только со стороны Конотопа, то есть с севера, но и со стороны юга, то есть Кременчуга, а также с запада, так как при отводе наших войск с Днепра противник моментально займет восточный берег Днепра и начнет атаки. Если конотопская группа противника соединится с кременчугской группой, вы будете окружены. Как видите, ваши предложения о немедленном отводе войск без того, что вы заранее подготовите рубеж на реке Псел, во-первых, и, во-вторых, повести отчаянные атаки на конотопскую группу противника во взаимодействии с Брянским фронтом, — повторяю, без этих условий ваши предложения об отводе войск являются опасными и могут создать катастрофу. Какой же выход? Выход может быть следующий:

* В. И. Тупиков (1901–1941) — генерал-майор, военный атташе при посольстве СССР в Германии. Затем начальник штаба Юго-Западного фронта (с 28.07.1941). Погиб 20.09.1941 при попытке выйти из окружения.

1. Немедля перегруппировать силы, хотя бы за счет Киевского укрепленного района и других войск, и повести отчаянные атаки на конотопскую группу противника во взаимодействии с Еременко, сосредоточить в этом районе девять десятых авиации. Товарищу Еременко уже даны соответствующие указания. Авиационную же группу Петрова мы сегодня специальным приказом передислоцировали на Харьков и подчинили Юго-Западу.

2. Немедленно организовать оборонительный рубеж на реке Псел или где-либо по этой линии, выставив большую артиллерийскую группу фронтом на север и на запад и отведя 5–6 дивизий за этот рубеж.

3. Только после исполнения этих двух пунктов, то есть после создания кулака против конотопской группы противника и после создания оборонительного рубежа на реке Псел, словом — после всего этого, начать эвакуацию Киева. Подготовить тщательно взрыв мостов, никаких плавсредств на Днепре не оставлять, а разрушить их и, по эвакуации Киева, закрепиться на восточном берегу Днепра, не давая противнику прорваться на восточный берег.

4. Перестать, наконец, заниматься исканием рубежей для отступления, а искать пути сопротивления и только сопротивления. Все.

КИРПОНОС. Первое — у нас мысли об отводе войск не было до получения предложения дать соображения от отводе войск на восток с указанием рубежей, а была лишь просьба — в связи с расширившимся фронтом до 800 с лишним км усилить наш фронт резервом. Второе — по указанию Ставки Верховного главнокомандования, полученному в ночь на 11.09, снимаются из армии Костенко две сд с артиллерией и перебрасываются по железной дороге на конотопское направление с задачей совместно с армиями Подласа и Кузнецова уничтожить прорвавшуюся в направлении Ромны мото-мехгруппу противника. Из Киевского укрепленного района, по нашему мнению, пока больше брать войск нельзя, так как оттуда уже взято две с половиной сд для черниговского направления. Можно будет из Киевского УР лишь взять часть артиллерийских средств. Третье — указания Ставки Верховного главнокомандования, только что полученные по аппарату, будут немедленно проводиться в жизнь. Все.

СТАЛИН. П е р в о е: предложение об отводе войск с Юго-Западного фронта исходит от Вас и от Буденного — главкома Юго-Западного направления. Передаю выдержки из телеграммы Буденного от 11 числа:

«Шапошников указал, что Ставка Верховного главнокомандования считает отвод частей ЮЗФ на восток пока преждевременным. Если Ставка Главного Командования не имеет возможности сосредоточить в данный момент такой сильной группы, то отход для Юго-Западного фронта является вполне назревшим».

Как видите, Шапошников против отвода частей, а главком — за отвод, так же как и Юго-Западный фронт стоял за немедленный отвод частей.

В т о р о е: о мерах организации кулака против конотопской группы противника и подготовке оборонительной линии на известном рубеже — информируйте нас систематически.

Т р е т ь е: Киева не оставлять и мостов не взрывать без разрешения Ставки. Все. До свидания.

КИРПОНОС. Указания Ваши ясны. Все. До свидания.

Русский архив. Великая Отечественная: Ставка ВГК.
Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 176–177.

№ 46

Приказ начальника штаба верховного командования вермахта Кейтеля о подавлении «коммунистического повстанческого движения», 16 сентября 1941 г.

Содержание: Коммунистическое повстанческое движение на оккупированных территориях.

1. С начала войны против Советской России на оккупированных Германией территориях повсеместно вспыхнуло коммунистическое повстанческое движение. Формы действий варьируются от пропагандистских мероприятий и нападений на отдельных военнослужащих вермахта до открытых восстаний и широкой войны силами банд.

Следует указать, что здесь речь идет о *массовом движении, централизованно руководимом из Москвы.* Отсюда проистекают и отдельные кажущиеся незначительными инциденты в областях, которые до сего времени были спокойными.

В связи с многочисленными политическими и экономическими трудностями на оккупированных территориях следует, кроме того, принять во внимание, что *националистические* и *другие* силы воспользуются этим обстоятельством, чтобы, присоединившись к коммунистическому восстанию, вызвать затруднения для немецких оккупационных властей.

Таким образом во все возрастающей степени возникает «угроза для немецкого руководства войной». Она пока проявляется во всеобщей неуверенности оккупационных войск и уже привела к отвлечению сил на главные очаги восстания.

2. Принимавшиеся *до сего времени мероприятия, направленные против* этого всеобщего коммунистического повстанческого движения, оказались *недостаточными.* Фюрер распорядился, чтобы повсюду пустить в ход самые крутые меры для подавления в кратчайший срок этого движения. Только таким способом, который, как свидетельствует история, с успехом применялся великими народами при завоеваниях, может быть восстановлено спокойствие.

3. При этом в своих действиях следует руководствоваться следующими положениями:

а) каждый случай сопротивления немецким оккупационным властям, независимо от обстоятельств, следует расценивать как проявление коммунистических происков;

б) чтобы в зародыше подавить эти происки, следует по первому поводу немедленно принять самые суровые меры для утверждения авторитета оккупационных властей и предотвращения дальнейшего расширения движения. При этом следует учитывать, что на указанных территориях человеческая жизнь ничего не стоит, и устрашающее воздействие может быть достигнуто только необычайной жестокостью. В качестве искупления за жизнь одного немецкого солдата в этих случаях, как правило, должна считаться смертная казнь для 50–100 коммунистов. Способ приведения приговора в исполнение должен еще больше усилить устрашающее воздействие.

Обратный образ действий — сначала ограничиваться сравнительно мягкими приговорами и угрозой более строгих мер — не соответствует этим положениям и его следует избегать;

в) политические установки Германии относительно указанных территорий не должны влиять на действия военных оккупационных властей. Следует принять во внимание и использовать для пропаганды идею, что крутые меры освободят и местное население от коммунистических преступников и тем самым пойдут ему на пользу. Искусная пропаганда такого рода воспрепятствует тому, чтобы в результате этих крутых мер против коммунистов в лояльно настроенных слоях населения возникла нежелательная обратная реакция;

г) силы из местного населения не годятся для проведения таких насильственных мероприятий. Увеличение этих сил создаст повышенную угрозу для собственных войск, и к нему поэтому не следует стремиться. Зато можно широко использовать премии и вознаграждения для населения, чтобы обеспечить его сотрудничество в подходящей форме;

д) если в порядке исключения потребуется проводить военно-полевые суды над участниками коммунистических восстаний и прочих действий против немецких оккупационных

властей, то следует применять самые строгие меры наказания. Действенным средством запугивания при этом может быть только смертная казнь. Особенно следует карать смертью шпионские действия, акты саботажа и попытки поступить на службу в наши вооруженные силы. В случае неразрешенного хранения оружия следует, как правило, выносить смертный приговор.

4. Командующие войсками на оккупированных территориях должны позаботиться о том, чтобы эти основные положения были немедленно доведены до сведения всех военных инстанций, которые заняты подавлением коммунистического движения.

Кейтель

Дашичев В. Банкротство стратегии... С. 431–432.

№ 47

Переговоры по прямому проводу с командующим 54-й армией Г. И. Куликом, 16 сентября 1941 г.*

Окончены в 23 ч. 30 мин.

Волховстрой. У аппарата маршал КУЛИК.

Москва. У аппарата СТАЛИН и ШАПОШНИКОВ. Здравствуйте. Мы ознакомились с Вашим последним приказом, где Вы предполагаете нанести сначала главный удар по шлиссельбургской группировке и затем выйти на р. Мга.

Мы считаем, что Вам необходимо оставить заслон со стороны Шлиссельбурга, главными своими силами ударить в направлении станции Мга, прикрывшись одновременно на своем левом фланге со стороны Шапки, Сологубовка, и затем не задерживать подготовку к наступлению, а вести его решительно, дабы открыть сообщение с Жуковым.

В своем разговоре с Вами 15.09 Жуков обрисовал Вам его положение, и поэтому вашу операцию затягивать нельзя. Все.

КУЛИК. Здравствуйте. Главный удар наношу тремя дивизиями и горнострелковой бригадой в направлении Мги, прикрываясь справа в направлении Шлиссельбурга, обеспечиваю себя слева в направлении Турышкино.

Детальный приказ с указанием разгранлиний между дивизиями будет Вам сейчас передан. Повторяю, противник имеет вдоль жел. дороги и в районе Славянка, Вороново компактно 21 пд и 12 тд. Эти две дивизии противник держит сосредоточенно, седлая железную дорогу Славянка — Вороново. Главной задачей ставлю: разбить эти две дивизии, только тогда можно захватить станцию Мга. Завтра в 10.00 перехожу в наступление. Сегодня только закончили всю организацию по наступлению.

Части заняли исходное положение, отработано в деталях взаимодействие. Все.

ШАПОШНИКОВ. Хорошо. На днях, после укомплектования, из Калинина Вам будут поданы еще две боевые дивизии. Все.

КУЛИК. У меня есть еще один вопрос к Вам.

Сегодня утром я узнал от товарища Цветаева, что противник форсировал реку Свирь в районе Подпорожье и захватил железнодорожный мост через р. Свирь. Я немедленно бросил туда свою авиацию, учитывая серьезность этой операции.

* Г. И. Кулик (1890–1950) — Маршал Советского Союза, командующий 54-й армией (08.1941–09.1941), руководитель обороны Керчи (11.1941). Генерал-майор (16.02.1942), в распоряжении народного комиссара обороны (с 03.1942).

Разведкой установлено крупное скопление войск в районе ст. Свирь и южнее в лесах, а также противник навел мост через р. Важенка у устья.

Во второй половине дня бомбардировочная авиация и штурмовики работали по скоплению войск и уничтожили переправу через реку Важенка у устья. Живой силе противника и его автотранспорту нанесены большие поражения.

Одновременно мне товарищ Цветаев доложил, что железнодорожный мост разминирован нами якобы по приказу приехавшего бригадного комиссара Румянцева из Петрозаводска. Наши саперы его разминировали, противник его захватил.

Я приказал своей авиации разрушить мост, но специальное звено, посланное между 16 и 17 часами для разрушения моста, не дошло, так как туман не позволил.

Завтра я на этот участок не могу выделить ничего, так как моя авиация будет занята своей операцией. Докладывая, считаю нужным принять серьезные меры и ни в коем случае не допустить противника перейти р. Свирь. У Цветаева средства и силы очень ограничены. Все.

ШАПОШНИКОВ. Хорошо, с этим разберемся, а Вы сейчас, не откладывая, завтра 17.09 должны обязательно атаковать и разбить противника в направлении на станцию Мга, захватить эту станцию и преследовать противника.

У Вас целых три корпусных артиллерийских полка, и Вы можете с успехом решить эту задачу. Все.

КУЛИК. Все подготовлено и будем действовать. Результаты доложим. Всего хорошего.

СТАЛИН. Еще раз здравствуйте.

Мы очень рады, что у Вас имеются успехи. Но имейте в виду, что если Вы завтра ударите как следует на Мгу с тем, чтобы прорваться или обойти оборону Мги, то получите от нас две хорошие кадровые дивизии и, может быть, новую танковую бригаду. Но если отложите завтрашний удар, даю Вам слово, что Вы не получите ни двух дивизий, ни танковой бригады.

КУЛИК. Вас слушаю, товарищ Сталин. Все нацелено, все ждут утра, и об отмене и речи быть не может. Постараемся выполнить Ваши указания и обязательно получить Вами обещанное. Сейчас буду говорить с товарищем Жуковым о координации действий.

СТАЛИН. Не забудьте привести в действие эресы.

КУЛИК. Да, они участвуют, но, к сожалению, осталось три залпа. Прошу добавить минимум десять залпов, так как противник их не любит.

СТАЛИН. Десять залпов послано Вам. Получите завтра или, в крайнем случае, послезавтра.

КУЛИК. Хорошо.

СТАЛИН. Ну, жму руку, всего хорошего.

КУЛИК. Все. До свидания.

Русский архив. Великая Отечественная: Ставка ВГК.
Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 186–187.

№ 48

Директива ставки ВГК № 002373 командующему войсками Западного фронта И. С. Коневу, 27 сентября 1941 г.*

07 ч. 25 мин.

В связи с тем, что, как выявилось в ходе боев с противником, наши войска еще не готовы к серьезным наступательным операциям, Ставка Верховного главнокомандования приказывает:

1. На всех участках фронта перейти к жесткой, упорной обороне, при этом ведя активную разведку сил противника и лишь в случае необходимости предпринимая частные наступательные операции для улучшения своих оборонительных позиций.

2. Мобилизовать все саперные силы фронта, армий и дивизий с целью закопаться в землю и устроить на всем фронте окопы полного профиля в несколько линий с ходами сообщения, проволочными заграждениями и противотанковыми препятствиями.

Особенно хорошо должны быть прикрыты в инженерном и огневом отношении направления на Ржев, Вязьму и стыки с соседними фронтами.

3. Организовать систематическую как воздушную, так и наземную разведку противника, установив постоянное наблюдение за всеми передвижениями и изменениями в боевых порядках противника.

4. За счет развития окопных и оборонительных сооружений постепенно умножать фронтовой и армейские резервы, выводя в ближайший тыл несколько дивизий для пополнения и усиления.

5. Командующим фронтом и армиями через каждые пять дней сообщать в Генеральный штаб о ходе исполнения настоящей директивы, особенно в части, касающейся строительства окопов.

6. Получение подтвердить.

Ставка Верховного главнокомандования
И. Сталин
Б. Шапошников

Русский архив. Великая Отечественная: Ставка ВГК.
Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 208–209.

---

* В тот же день директивы аналогичного содержания были отданы Юго-Западному (С. К. Тимошенко, № 002374) и Брянскому (А. И. Еременко, № 002375) фронтам. Командующему войсками Брянского фронта вменялось в обязанность особенно хорошо прикрыть в инженерном и огневом отношении направления на Брянск, Севск и Курск; а Юго-Западного — на Белгород, Харьков и Славянск.

№ 49

Директива Ставки ВГК № 002454 командующим Черноморским флотом Ф. С. Октябрьскому, Одесским оборонительным районом Г. В. Жукову*, 51-й отдельной армией Ф. И. Кузнецову, народному комиссару Военно-Морского флота Н. Г. Кузнецову, 30 сентября 1941 г.

01 ч. 10 мин.

В связи с угрозой потери Крымского полуострова, представляющего главную базу Черноморского флота, и ввиду того, что в настоящее время армия не в состоянии одновременно оборонять Крымский полуостров и Одесский оборонительный район, Ставка Верховного главнокомандования решила эвакуировать Одесский район и за счет его войск усилить оборону Крымского полуострова.

Ставка приказывает:

1. Храбро и честно выполнившим свою задачу бойцам и командирам Одесского оборонительного района в кратчайший срок эвакуировать войска Одесского района на Крымский полуостров.
2. Командующему 51-й Отдельной армией бросить все силы армии для удержания Арабатской Стрелки, Чонгарского перешейка, южного берега Сиваша и Ишуньских позиций в своих руках до прибытия войск Одесского оборонительного района.
3. Командующему Черноморским флотом приступить к переброске из Одессы войск, материальной части и имущества в порты Крыма — Севастополь, Ялта и Феодосия, используя по своему усмотрению и другие удобные пункты высадки.
4. Командующему Черноморским флотом и командующему Одесским оборонительным районом составить план вывода войск из боя, их прикрытия и переброски; при этом особенное внимание обратить на упорное удержание обоих флангов обороны до окончания эвакуации.
5. Командующему Одесским оборонительным районом все, не могущее быть эвакуированным, вооружение, имущество и заводы, связь и рации обязательно уничтожить, выделив ответственных за это лиц.
6. По высадке в Крыму войсковые части Одесского оборонительного района подчинить командующему 51-й Отд. армией.
7. Получение и исполнение подтвердить.

Ставка Верховного главнокомандования
И. Сталин
Б. Шапошников

Русский архив. Великая Отечественная: Ставка ВГК.
Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 212–213.

---

* Г. В. Жуков (1899–1957) — контр-адмирал, командующий Одесским оборонительным районом (с 08.1941), заместитель командующего Черноморским флотом по обороне Севастополя (с 10.1941), командующий Туапсинской военно-морской базой (с 04.1942).

№ 50

Собственноручные показания военнопленного японского полного генерала, главнокомандующего квантунской группировкой войск в конце Второй мировой войны О. Ямады

8–9 апреля 1946 г.

В начале эры Мэйдзи, около 1867 г., в Японии... было немало людей, которые старались упрочить национальные права путем экспансии в сторону Курильского архипелага и Сахалина с тем, чтобы усилить оборону севера и колонизировать эти земли. В последующее время между Россией и Японией была достигнута договоренность относительно разграничения территории*. Несмотря на это, Япония хотела обладать Сахалином, как в интересах национальной обороны, так и экономики. <...> В результате русско-японской войны Япония получила от России Южный Сахалин...

<...> Япония в 1918 году, воспользовавшись тем, что силы Советского Союза тогда еще не были на должной высоте, отправила в Сибирь экспедиционные войска. Данная интервенция преследовала две цели. Первая цель заключалась в оказании помощи чехословацким силам и вторая цель — в создании белогвардейского государства, находящегося под японским влиянием и покровительством. <...> Япония держала свои войска на Дальнем Востоке 4 года и эвакуировала их только вследствие экономической неурядицы в собственно Японии и под воздействием Красной армии.

Факты говорят, что Япония вооруженной силой захватила значительную часть советского Дальнего Востока...

<...> Япония держала в своих руках все фактические права Маньчжоу-Го. Как правило, губернаторы пограничных крупнейших провинций также были японцами. Такое мероприятие было необходимо из соображений подготовки военных операций против СССР...

<...> Начиная с 1937–1938 гг. Квантунская армия имела конкретные планы ведения наступательных военных операций против Советского Союза. Так продолжалось до 1940 года. <...> Главным фронтом ведения наступления должен был стать Восток, т. е. советское Приморье. Квантунская армия должна была двинуться в сторону Уссурийской железной дороги, достигнув этой линии, и затем разделить армию на части: половина армии должна была двигаться на юг, в сторону Владивостока, для овладения военной морской базой; другая половина армии должна была идти на север для овладения Хабаровском — объектом операций после Владивостока. Одновременно в районе Сахалина предпринимается наступление для прекращения движения по Сибирской железной дороге с целью отрезать силы Советской армии в Приморье. <...> Это были операции первого периода войны...

Военные планы 1941–1943 гг. предусматривали оборону на всех фронтах, кроме Восточного, где должно было начаться наступление против СССР...

Генерал Ямада Отодзо
<...>
Перевел с японского Неверов
Верно: /Лютый/

Российский государственный военный архив. Ф. 451/п. Оп. 5. Д. 72. Л. 3–4, 6, 8–9, 17–18.

---

* В соответствии с русско-японским трактатом 1875 г. в обмен на передачу Россией всех ранее принадлежавших ей Курильских островов Японии последняя отказалась от своих претензий на до того времени не разделенный о. Сахалин в пользу России. (*Прим. ред.*)

Именной указатель

А

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

Й

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Щ

Э

Ю

Я

Географический указатель

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

Й

К

Л

М

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Щ

Э

Ю

Я

Содержание

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
1941–1945 ГОДОВ

ТОМ ВТОРОЙ

Издание дополненное и исправленное

Редакторы *Я. В. Логинова, Т. Н. Манцевич*
Художественное оформление *А. П. Зарубина*
Компьютерная верстка *И. В. Белюсенко*
Корректоры *Е. Р. Ароян, Г. Н. Кузьминова, Е. Л. Тарасова*

Издательство «Кучково поле»
123022, г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.
Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 14.04.15. Формат 84×108/16.
Усл. печ. л. 81,27.
Тираж 2000 экз. Заказ № .

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А, www.pareto-print.ru

ISBN978-5-9950-0236-9

9 785995 002369